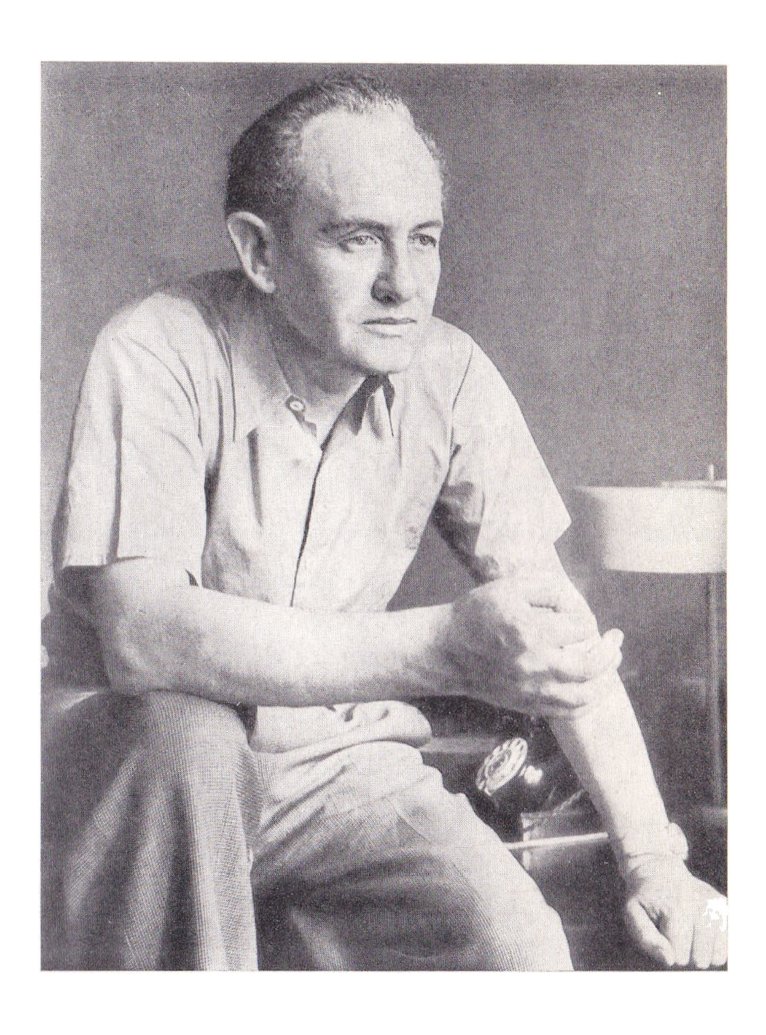
ВАЦЛАВ
РЖЕЗАЧ

ВАЦЛАВ РЖЕЗАЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1987

ВАЦЛАВ РЖЕЗАЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАСТУПЛЕНИЕ
БИТВА

РОМАНЫ

Перевод с чешского

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

ББК 84.4Че
Р48

VÁCLAV ŘEZÁČ

Составление
И. ИВАНОВОЙ, В. МАРТЕМЬЯНОВОЙ

Рецензенты
доктор филологических наук
И. А. БЕРНШТЕЙН,
доктор филологических наук Р. Р. КУЗНЕЦОВА

Предисловие
И. БЕРНШТЕЙН

Примечания
Р. ФИЛИПЧИКОВОЙ

Оформление художника
В. ХАРЛАМОВА

Р $\frac{4703000000\text{-}205}{028(01)\text{-}87}$ подписное

ВАЦЛАВ РЖЕЗАЧ

В одной из последних статей Вацлава Ржезача мы найдем такие слова: «...искусство не станет искусством, если оно не выразит в полной мере свою эпоху» [1]. Здесь ключ к пониманию творчества писателя.

Вацлав Ржезач (1901—1956) — один из тех художников, чье творчество питалось живыми токами истории своего народа и наложило заметный отпечаток на развитие его литературы. Это относится в первую очередь к романам Ржезача, в которых нашли свое выражение важнейшие тенденции развития чешской литературы от 30-х до 50-х годов нашего века.

Первый роман Ржезача «Посев ветра» (1935), написанный скромным чиновником управления статистики, публиковавшим до той поры рассказы, статьи и театральные рецензии, привлек к себе внимание своей художественной зрелостью. Это повествование о духовном становлении поколения, к которому принадлежит писатель. Большинство из этих юношей, как и герой романа, гимназист Петр, не успело попасть на фронт, но столкнулось в тылу со страшной действительностью военных лет, с миром, развороченным войной до основания. «Наша молодость была полной противоположностью той мирной идиллии, мелодия которой звучала в воспоминаниях родителей» [2],— писал Ржезач.

В «Посеве ветра» много автобиографических мотивов. Будущий писатель рано потерял отца; во время войны, когда его отчим, слесарь-механик, был на фронте, мать содержала себя и сына, работая дворничихой в большом пражском доходном доме, и мальчик, а затем подросток насмотрелся на то горе и упадок нравов, которые сопровождали войну в тылу. Нашли свое отражение в романе и тяжелые отношения, сложившиеся у будущего писателя с отчимом, и его гимназические воспоминания (Ржезач окончил в 1919 году реальную гимназию и прослушал затем одногодичный курс в торговой академии).

Чешская литература откликнулась на войну злой издевкой «Похождений бравого солдата Швейка» (1923) Я. Гашека, мощной эпично-

---

[1] Ржезач В. Избранное. М., 1973, с. 543.
[2] Panorama, 1935, XIII, s. 4.

стью «Истоков» (1934) Я. Кратохвила, пламенным призывом к революции в романе К. Конрада «Отбой!» (1934). «Посев ветра» Ржезача ближе к европейскому роману «потерянного поколения». Так же, как герои Хемингуэя или Ремарка, Петр теряет веру в моральные ценности, казавшиеся незыблемыми, и переживает мучительный кризис в тот период жизни, когда происходит созревание человеческой личности. Уже в этом первом романе намечаются основные для творчества Ржезача социальные и психологические конфликты. Это столкновение юноши из бедной семьи Петра и сынка богатых родителей Вита, который перед отправкой на фронт сходится с любимой Петром Камой. И другой мотив, важный для Ржезача,— мучительные взаимоотношения отца и сына. Вообще в литературе того времени, прежде всего в немецком экспрессионизме, эта тема порождена теми обвинениями, которые молодые люди предъявляли своим отцам, столкнувшим мир в пучину войны, и ненавистью к буржуазной морали.

Руководствуясь лозунгом, который приняли многие в то время, что, мол, война «все спишет» и что «все дозволено», Петр опускается все ниже и ниже. И бесконечно трудны путь героя к очищению и его поиски моральных ценностей, на которые можно опереться, чтобы не погибнуть нравственно. Роман «Посев ветра» не просто затронул острейшую проблематику недавней войны и того страшного урона, который она нанесла душам юношей, не успевших погибнуть на ее фронтах. В этой книге отразились и те художественные поиски, которые одушевляют и чешский, да и вообще западноевропейский роман того времени.

В «Посеве ветра» интерес автора сосредоточен на внутренней жизни героя, и все происходящее дается сквозь призму его смятенного сознания и горького, трагического видения действительности. Такое внимание к сложному, переменчивому, непредсказуемому внутреннему миру героя потребовало отыскания новых художественных средств. Это прежде всего — прием внутреннего монолога, который разрабатывается в то время европейским романом, но делает только первые шаги в романе чешском. Можно сказать, что Ржезач был одним из пионеров того психологического обогащения романного мастерства, к вершинам которого принадлежит трилогия Карела Чапека «Гордубал» (1933), «Метеор» и «Обыкновенная жизнь» (1934).

Через три года — в 1938 году — появился следующий роман Ржезача «Тупик», однако эта книга связана уже с иным направлением в развитии чешского и европейского романа. В «Тупике» проявились те тенденции широкой эпичности, охвата многообразных социальных пластов, которые находят свое выражение в романах Ромена Роллана, Роже Мартена дю Гара, Лиона Фейхтвангера и во многом определяют пути развития чешского романа в конце 20-х — в 30-е годы.

В истории Чехословакии это был чрезвычайно драматичный период. Экономический кризис, разразившийся в 1929 году, ударил по стране с такой силой, которая потрясла всю ее экономическую и общественную

базу. Обещания политиков буржуазной Чехословакии создать особо комфортабельный маленький рай для «маленького человека» показали свою несостоятельность. Кризис затянулся. А не успела еще республика немного оправиться от его последствий, как около самых ее границ раздался топот кованых сапог и фашистские главари недвусмысленно заявили свои претензии на территорию Чехословакии.

Но это бурное десятилетие оказалось не только временем крушения иллюзий, оно было чрезвычайно плодотворно для развития прогрессивной культуры. В этот период наступает пора поисков широких эпопейных форм романа, способного воспроизвести общественные явления современности достаточно масштабно и исторично. Можно назвать произведения К. Нового, Б. Клички, К. Полачека, продолжающих традицию социально-бытового романа. И развитие социалистического реализма в чешской прозе в 30-е годы ознаменовалось подобными же новаторскими исканиями, чему свидетельство прежде всего романы-эпопеи М. Пуймановой и М. Майеровой.

И в «Тупике» Ржезача мы прослеживаем ряд черт, характерных для большой эпики того времени. В нем не только частная жизнь героев связана с историей народа, но и сопоставлены и противопоставлены разные классы общества. В беседе с Ржезачем, опубликованной в 1950 году, в ответ на вопрос о том, каков был его взгляд на события кризиса 30-х годов в романе «Тупик», писатель ответил, что подошел к этой эпохе с позиций пролетариев [1].

Так же, как, скажем, в «Людях на перепутье» Пуймановой, и в «Тупике» Ржезача переплетаются судьбы представителей семьи богатых фабрикантов Громусов и рабочей семьи Балады. При этом семья приобретает характер социальной ячейки, определяемой движением истории, а психологические конфликты насыщены идеологическими столкновениями эпохи. В этом смысле важен мотив смены поколений, отражающий бурные общественные процессы. Старый Фердинанд Громус сохранил что-то от патриархального предпринимателя, не желающего отказаться от роли благодетеля своих подданных. А его сын Михал ради собственной выгоды не останавливается перед прямым ограблением рабочих. Образ капиталиста нового типа, подобного преуспевающим «капитанам промышленности» вроде «обувного короля» Бати, которых выдвигала действительность буржуазной Чехословакии, нашел свое яркое воплощение в чешской литературе 30-х годов у М. Пуймановой, Т. Сватоплука, Я. Гавличка.

Впрочем, как у Ржезача, так и у других писателей-реалистов преуспевание этих энергичных и бессовестных хищников сопряжено с их моральным упадком и порой с полным крушением. Существует некий параллелизм в судьбе старшего и младшего Громусов. Фердинанда Громуса буквально порабощает его властная, бессердечная, бесконечно корыстная

---

[1] Panorama, 1950, XXV, s. 56—57.

жена Анна, которая платит ему за его рабскую покорность все растущей ненавистью и презрением, достигающим апогея, когда старик решает изменить завещание в пользу сына от первого брака Михала. И отношения Михала с Вильмой, дочерью мебельного фабриканта Ролина, развиваются сходным образом, хотя Вильма представляет собой более современный, «эмансипированный» тип женщины.

И в этом романе, как и в «Посеве ветра», Ржезач проявляет тонкое мастерство психолога. Он никогда не конструирует «типы», которые потом заставляет соответственно действовать, его герои неожиданно раскрываются во все новых и новых ситуациях, как живые характеры, таят в себе и рациональное, и сильное эмоциональное начало, когда порой инстинкт заглушает разум.

Это относится не только к представителям семейства Громусов, но и к образам рабочих. Исключительно живой, по-своему обаятельной, предстает дочь заводского кладовщика Ружена Баладова. Эта очаровательная, полная сил и жажды жизни девушка не желает смириться с жалкой участью работницы и спешит использовать возможность вырваться из привычного круга, которую ей сулит связь с Михалом Громусом. Но и искренне привязавшись к нему, она легко попадает в ловушку, расставленную ей Михалом: чтобы отделаться от нее, он передает Ружену своему сводному брату, бездельнику и кутиле Роберту. Ей приходится пережить немало горьких разочарований, в конце концов она становится женой рабочего-революционера Индры Поура, и жизнь ее обретает иной смысл, мы видим Ружену соратницей мужа, готовой переносить любые трудности, отстаивая дело рабочих. В эволюции характера Ружены нет ничего заданного, в нем переплетаются живые, порой противоречивые свойства, придающие обаяние этому образу.

Сложности развития рабочего движения в эти годы воплощены наиболее выразительно в судьбах отца Ружены, старого Балады, и слесаря-коммуниста Индры Поура. У Балады острая классовая ненависть сочетается с «приступами» лакейского заискивания перед хозяевами, взять хотя бы его запутанную речь на похоронах старого Громуса. С большой глубиной и убедительностью раскрыто состояние Балады, отказывающегося заступиться за уволенных товарищей в острый момент забастовки; в порыве отчаяния, презираемый всеми, он решается на поджог склада.

Образ Индры Поура, образованного марксиста, убежденного сторонника революционной борьбы, вызвал много споров и нареканий у чешских критиков. Ржезача упрекали за то, что ему не удалось воплотить в образе Поура черты передового рабочего — коммуниста. Таким критикам не нравилась и болезнь Индры — чахотка, которая сводит его в могилу, и его безрассудная любовь к Ружене, выдерживающая все испытания, и те муки ревности, которые заставляют его совершить покушение, впрочем неудавшееся, на Михала Громуса. Такие споры критиков вокруг образа Индры Поура вызваны, несомненно, именно тем упрощенным пониманием типического, которое как раз чуждо реализму Ржезача. Пи-

сатель и не стремился вывести схематически «безупречных» пролетариев, и этот слабый физически, снедаемый чахоткой рабочий полон такой веры в будущее торжество революции и такой готовности жертвовать всем во имя борьбы, которая привлекает к нему симпатии читателей, несмотря даже на некоторую догматичность взглядов Поура. Бескомпромиссное благородство проявляет Индра в те дни, когда Михал Громус предоставляет каждому рабочему выбор между предательством общего дела и нищим существованием безработного. Такую же «неуемность» он вкладывает в свое чувство к Ружене. Не вызывает никакого недоверия та гармония, которая воцаряется в конце концов между супругами. Символический смысл имеет концовка романа: Индра умирает от чахотки в тот момент, когда на свет появляется его сын, с которым связывается светлая надежда на будущее.

Прав чешский критик Франтишек Гётц, писавший: «Ржезач передает все, что он знает о мире и о жизни, через человеческие характеры и судьбы, с помощью которых он воспроизводит широкий поток общественной действительности, подчиняя все детали композиционной целостности и психологическому анализу» [1]. При этом писатель умело выделяет композиционно существенные эпизоды (сцены ссоры из-за наследства Громуса, эпизод, когда Михал провоцирует свидание Ружены с Робертом и «разоблачает» их, сцена пожара), раскрывая таящийся в них противоречивый драматизм: разрыв с Руженой становится началом жизненной катастрофы Михала, а пожар склада, учиненный в отместку ему, спасает его от разорения. Композиционное построение романа помогает сохранить целостность человеческих личностей, несмотря на всю их внутреннюю свободу и непредсказуемость поведения и эмоций.

Вскоре после выхода в свет этого романа Ржезач оставляет службу чиновника и становится сотрудником газеты «Лидове новины».

В следующих романах Ржезача — «Свет тьмы» (1940) и «Свидетель» (1942) — отразились те значительные перемены, которыми ознаменовался путь чешской литературы в годы немецко-фашистской оккупации, когда традиция социального романа, к большим достижениям которого относится «Тупик», была прервана, но зато психологическая проза вышла на первый план. Гипертрофия психологизма отчасти была вызвана невозможностью в условиях фашистской цензуры рассматривать непосредственно острые темы современности. Но и в психологических романах посвоему преломились ключевые проблемы духовного развития народа в этот тяжелый период его истории. Самым значительным представителем этого направления, к которому относится также Я. Гавличек и другие писатели, становится В. Ржезач.

Антифашистская тема более или менее открыто прозвучала в фантастической повести Ржезача «Заколдованное наследство» (1939). Сама ситуация сказочной Домской республики, неожиданно захваченной воево-

---

[1] Götz F. Václav Řezáč. Praha, 1957, s. 66.

дой Густавом, история борьбы против захватчиков храброго мальчика Витека, одерживающего победу с помощью волшебной шапки, — все в этой повести было довольно прозрачным иносказанием с актуальным политическим подтекстом. Однако и в романах Ржезача периода оккупации слышны отзвуки тех настроений, которые громко выражались в антифашистской подпольной печати.

Действие романа «Свет тьмы» разворачивается в начале нашего века в среде пражского купечества. Но эта мирная, несколько патриархальная среда озарена каким-то сумрачным светом — в нем как бы отражается неблагополучие эпохи, в которую создается роман. Это неблагополучие сказалось на внутреннем мире персонажей. Не будет преувеличением заметить, что образ Карела, героя, от имени которого ведется повествование, принадлежит к лучшим достижениям психологического анализа в чешском реалистическом романе, Ржезач развил тут достижения в проникновенном раскрытии внутренней жизни героев, обретенные им в «Тупике» и в «Посеве ветра». Чешская критика назвала исповедь Карела «историей человека с червоточиной». Это чрезвычайно выразительное определение. В циничных, но весьма точных наблюдениях героя над собственной внутренней жизнью запечатлен страшный процесс морального разложения человека, одержимого стремлением властвовать и навязывать свою волю окружающим, и безжалостно проанализирован тот самый «человеческий материал», который являлся почвой для фашизма.

Для раскрытия внутреннего облика своего героя Ржезач прослеживает формирование его характера с детства, когда у мальчика возникло преклонение перед силой и страх перед ней. Такие чувства могли привести к становлению натуры слабой, мягкой, робкой. Ржезач показывает более сложный психологический казус: ужас перед насилием побуждает Карела выискивать самые подлые средства не только для самозащиты, но и для использования грубой силы в своих интересах. Осуществляя свои темные планы, Карел находит союзников в мещанской тупости, ханжестве, своекорыстии. И он просто не может видеть что-либо красивое, талантливое, чистое, не испытывая желания загрязнить, затоптать это или наложить на него клеймо собственника.

Критика справедливо увидела в этой истории предателя и мерзавца, мечтавшего пройти по растоптанным человеческим жизням к вершине успеха, значительность притчи. Это притчевое начало подчеркивается с помощью целой системы символов, в которой находит свое объяснение и заглавие романа «Свет тьмы». Речь идет о своеобразной лучевой энергии зла, сконцентрированной злой силой, мрачного, темного света, ослепляющего человека, вместо того чтобы освещать ему путь, — не согревающего, а леденящего душу.

И по теме, и по многим элементам образности «Свету тьмы» родствен следующий роман В. Ржезача «Свидетель». И здесь читатель попадает в атмосферу, в которой разбужены темные силы зла. И здесь, в еще большей степени, чем в «Свете тьмы», ощутим второй, переносный смысл

происходящего. Символично и само название городка, где разыгрывается действие романа,— Бытень (от «быть», «бытие»). Но атмосфера неблагополучия предстает в этом романе еще более сгущенной. И в «Свидетеле» есть свой центр почти иррациональной злой энергии — черного света. Это излучение тьмы связано с образом Эмануэля Квиса, приехавшего неведомо откуда в Бытень, чтобы получить наследство. Квис вскоре переворачивает жизнь мирного городка, так как он обладает даром проникать в самые интимные глубины внутренней жизни окружающих, пробуждая в них злое начало, дотоле скрытое. Внутренний мир самого Квиса пуст и выхолощен, ему не свойственно даже то стремление к внешней власти и богатству, которое движет Карелом в «Свете тьмы». Вернее, его честолюбие направлено в другую сторону: он как бы паразитирует на духовной жизни своих жертв. Бросается в глаза аналогия между роковым влиянием Квиса и губительным воздействием фашизма на моральный облик людей. Можно сказать, что и здесь трагическая историческая ситуация спроецирована во внутренний мир персонажей.

При этом писатель дает точные социальные характеристики героев и конфликтов. С большим реалистическим мастерством выведена в романе целая галерея типов маленького провинциального городка, таких, как избалованный своим богатством и привилегированным положением бургомистр Нольч, погрязшие в спеси и собственническом эгоизме лавочники Гараэимы, кутила и игрок помещик Дастых. В «Свидетеле», пожалуй, еще более тонко, чем в предыдущих романах, разработаны приемы психологической характеристики с помощью несобственно-прямой речи и внутреннего монолога. Автор выдвигает на авансцену то одного, то другого героя, воспроизводя сложные переливы его переживаний, сам характер и тон его мировосприятия.

Если жертвы Карела в «Свете тьмы» оказались бессильны перед его дьявольским искусством изничтожения и только случайность погубила его самого, то в «Свидетеле» своего рода объединенная энергия сопротивления злу в конце концов уничтожает Квиса и возвращает городу чистый воздух и здоровую моральную атмосферу. Мотив постоянной борьбы света и тьмы воплощается и в экспрессионистски сгущенных описаниях. Динамичные, проникнутые чувством тревоги пейзажи перекликаются с душевным состоянием персонажей. Так, например, в «военизированных» описаниях осенней бури ясно ощутима перекличка с впечатлениями военной эпохи.

Механика зла во внутренней жизни человека как проекция грозной общественно-исторической ситуации занимает многих европейских писателей 30-х — начала 40-х годов. Апофеоз цинического обесчеловечения человека можно найти у Л. Селина и у ряда других западных писателей. В то же время такие художники, как Ф. Мориак, Ж. Дюамель, подходят к этой проблеме с гуманистических позиций, пытаясь раскрыть ее социально-историческую, а не только метафизическую подоплеку. Такова же позиция Ржезача. Вникая в темную и инстинктивную работу подсозна-

тельного, писатель не теряет из виду социальных координат образа и его исторической обусловленности. Это относится прежде всего к изображению психологии мещанина во всей ее подспудной неприглядности, в глубинных связях с идеологическим смыслом фашизма. Ржезач никогда не абсолютизировал власть слепых темных сил, он старался проникнуть в социальную подоплеку зла и противопоставить ей активное положительное начало.

«Свидетель» был создан в самые тяжелые годы немецко-фашистской оккупации Чехословакии; следующий роман Ржезача «Рубеж» (1944) написан в ту пору, когда перспективы победы над фашизмом вырисовывались все ясней. В этом романе находит свое развитие тема призвания художника и назначения искусства, намеченная и в «Свете тьмы» (в образах Маркеты и Кленки) и в «Свидетеле» (мечты Лиды Дастыховой о профессии актрисы). Вообще в романе о художнике ряд чешских писателей воплотили в тяжелые послемюнхенские годы свои размышления о человеческой активности и моральном долге («Жизнь и творчество композитора Фолтына» К. Чапека, «Камень и боль» К. Шульца и др.).

«Рубеж» — роман о создании романа. Для Ржезача творчество — это закономерный эмоциональный и в то же время логический процесс осмысления действительности и суда над ней. «Разве есть различие между правдой искусства и человеческой правдой?» — таково творческое кредо героя «Рубежа» писателя Ауста и самого Ржезача.

Внимание Ржезача сосредоточено на сложных «взаимоотношениях» Ауста со своим героем — актером Вилемом Габой, завладевшим всеми его помыслами. История восхождения Габы к вершинам успеха — цепь непрерывных предательств: он предает друзей, учителей, возлюбленных. В конце концов Вилем Габа изменяет самому себе, утрачивает свой собственный облик, растворяется в своих многочисленных ролях, в которых зрители уже не находят ничего, кроме виртуозной техники. Как и Квис, он начинает паразитировать на жизни других. Самое страшное предательство — предательство закона человеческой солидарности и активного сопротивления злу — оказывается предательством искусства. Автор предисловия к советскому изданию романа поэт Б. Слуцкий пишет: «В тяжелую для чешской культуры и чешского народа пору враг, оккупировавший Чехию, толкал на предательство, требовал предательства... В борьбе за спасение душ чешской интеллигенции было необходимо воспитывать на отрицательных примерах. И вот Ржезач создает талантливого предателя». Перечисляя всех, кого предал Вилем, Слуцкий добавляет: «В этом перечне нет ни Родины, ни народа, но у Ржезача были вдумчивые читатели, и они понимали его с полуслова» [1]. Это очень верно, однако проблематика романа имеет и более общий философский смысл. Вилем Габа упорно защищает свою индивидуальность от всяких посягательств, но в результате утрачивает ее, и это ведет к упадку его искусства. Индржих Ауст,

[1] Ржезач В. Рубеж. М., 1962, с. 9—10.

напротив, идет к осознанию солидарности с людьми, что оказывается целительным для него как художника.

Эта удачная попытка осмыслить жизненный путь героя с точки зрения больших проблем человеческого существования имела во время выхода романа «Рубеж» глубоко актуальный характер для чешской литературы, вдохновленной духом антифашизма. Своей оптимистической верой в человека «Рубеж» как бы предвосхищает послевоенное творчество Ржезача.

Разгром фашизма, исторические сдвиги в судьбе страны, пошедшей по пути построения социализма, явились подлинным рубежом в развитии литературы Чехословакии. Роман Ржезача «Наступление» (1951) — одно из первых крупных достижений послевоенной чешской прозы — поразил и критиков и читателей, настолько он отличался от написанных ранее произведений писателя. Впрочем, в последнее время чешская критика глубже подошла к вопросу о преемственности в его творчестве. Так, критик Ф. Бурианек утверждает, что послевоенные романы Ржезача продолжают линию, начатую в «Тупике», в котором Ржезач стремится воплотить классовые конфликты и проблемы революционного движения. В этих романах снова проявилась сопряженность творческого пути Ржезача с общим движением чешской литературы и его способность откликаться на новые веяния эпохи.

Писатель так рассказывает о создании «Наступления»: «Совершенно случайно я оказался уже 12 мая 1945 года в Пограничье и увидел, что там происходят события исторического значения. Когда я взялся за работу, я понял, что пишу роман исторический, в котором, как в зеркале, должно отразиться сложное политическое положение во всей нашей стране» [1]. Исторический роман о современности — этот жанр начинает играть особую роль в послевоенной литературе всех социалистических стран, стремившейся воплотить огромные исторические сдвиги. Место действия «Наступления» — один из заселенных в основном немцами пограничных районов в Судетах, где разворачивалась в прошлом деятельность нацистской партии генлейновцев, провоцировавших конфликты и подготовлявших отторжение Судет. В 1938 году в результате мюнхенского сговора эти пограничные районы были насильственно присоединены к гитлеровскому рейху. После победы над фашизмом народу Чехословакии были возвращены его исконные владения, судетские немцы были переселены в Германию, а Пограничье заселено чехами и словаками. Профашистские и реакционные элементы внутри страны и за ее пределами пытались использовать эту меру, продиктованную потребностями безопасности молодой республики, для разжигания национальной розни, а также для создания широкой шпионской сети. Острая и напряженная обстановка в Пограничье находит свое выражение в динамичном сюжете романа, разворачивающемся в пограничном городке Поточная, куда прибывают в мае

---

[1] Lidové noviny, 6.V.1951.

1945 года прямо с пражских баррикад четыре человека — рабочий-коммунист Багар, автомеханик Антош, коммивояжер Трнец и сын трактирщика Рейзек — в качестве членов административной комиссии. В острых поворотах, интригующих загадках и неожиданных открытиях вырисовывается та драматическая обстановка, в которой представителям новой власти приходится принимать решения поистине государственной важности. Это касается прежде всего отношения к немецкому населению. В романе нет ненависти к немцам как к нации. И сцена выселения немцев драматична, потому что показаны и те человеческие трагедии, которые влечет за собой эта акция. Но тем не менее ясна и политическая необходимость выселения немецких жителей из Пограничья.

Мария Пуйманова писала Ржезачу вскоре после выхода романа: «Ты создал замечательную книгу, в которой человеческие судьбы рассматриваются с политической точки зрения и в которой — политика живая. Ты заселил свой роман о заселении Пограничья живыми людьми, переживающими яркие события и высказывающими политические истины просто и весомо. Твой роман внушает читателю самые дорогие для нас идеи — идеи социализма» [1].

Связь человеческой судьбы с политикой, с историей Ржезач пытался раскрыть еще в «Тупике», однако в «Наступлении» эта связь становится основой развития действия. Психологическое же мастерство, свойственное писателю, проявляется в раскрытии тех разных возможностей, которые были заложены в его героях. Судьба четырех членов административной комиссии складывается по-разному, и различное место занимают они в разыгравшихся в Поточной драматических событиях. Некоторые чешские критики упрекали Ржезача за то, что главный его герой, коммунист Багар, не претерпевает никаких изменений в романе. Действительно, у Багара еще до начала действия определились черты, помогающие ему возглавить перестройку жизни в Поточной, но обстоятельства ставят перед ним поистине головоломные задачи. Багар не знает готовых ответов, но мучительно ищет их, испытывает колебания и неуверенность. Нелегко ему решать вопросы, связанные с налаживанием нормальной жизни в Поточной, с помощью переселенцам, отношением к немецкому населению. Местные политиканы из буржуазных партий презрительно третируют этого «слесаря, вздумавшего заняться политикой», но с удивлением и бешенством обнаруживают, что им не удается провести неподкупного председателя административной комиссии. Багар не проходит стороной, внося определяющие коррективы в действие, как это порой было с образами партийных руководителей в первых послевоенных романах писателей социалистических стран. В ходе повседневных событий мы видим, как Багар завоевывает доверие, ясно, почему идут за ним люди. Видим, что доверием этим Багар обязан не только своей идейности и политическому опыту, но и доброжелательности, скромности и мудрой иронии, кото-

[1] Lidové noviny, 5. V. 1951.

рая делает его столь непохожим на схематичного «героя в кожаной тужурке».

В связи с выходом в свет романа «Наступление» Ржезач писал: «Современная тематика, безусловно, требует, кроме знания обстановки и человеческих характеров, самого сердечного влечения к человеку. Мы должны стремиться к тому, чтобы никогда больше человек не был человеку волком. В этом девизе я вижу ведущий мотив «Наступления». Я думаю, что он проявился в моей книге новым отношением к людям. Я люблю их. А потому в «Наступлении» преобладают положительные образы»[1]. В этом отличие «Наступления» от предшествующих романов, где в центре внимания оказывались темные, болезненные стороны человеческой психики и именно в их изображении писатель достиг виртуозного мастерства. С большой любовью, а порой с теплым юмором изображены и Багар, и Антош, и почтовый чиновник Брендл, и крестьянин Постава. Ржезач ясно понимал, что новый герой не мог быть изображен теми же приемами, что и «человек с разорванным сознанием» в его ранних романах, и стремился найти иной художественный подход. И действительность, которая предстала теперь перед романистом, настолько нова, ярка и значительна, что она не могла быть воспроизведена только через психологическую интроспекцию, как в предыдущих романах.

Многообразию и полноте жизненных связей героев способствует реалистическая конкретность обстановки. Скажем, образ трусливого немецкого мещанина Титце так же неотделим от душных низеньких комнат с традиционными вышитыми салфетками и портретом Шопенгауэра, как образ воинственного собственника Трнца связан с помпезной люстрой, которую ему удается приобрести у бандитов, укравших ее.

Не все в этом романе удалось писателю — некоторая поверхностность заметна в обрисовке прежде всего второстепенных персонажей, мы не найдем обычно свойственного Ржезачу глубокого анализа человеческих чувств в изображении любви Багара и Здены.

Продолжение «Наступления», роман «Битва» (1954), посвященный периоду между 1946—1948 годами, отразил тягу чешского романа того времени к широкому эпическому отображению исторического процесса в сложном переплетении человеческих судеб. Здесь мы встретимся со многими героями «Наступления», также действующими в непростой пограничной обстановке. В этом романе запечатлены эпизоды активного наступления реакции в 1947 году, пытавшейся всеми силами вернуть себе утраченные позиции в стране, отвоевать национализированное имущество. В атмосфере непримиримой борьбы с коварным и опасным неприятелем разворачивается напряженная и острая интрига, мастером которой писатель показал себя уже в «Наступлении», и действует немало оригинальных и ярких характеров.

По мере того как назревает заговор против народной власти, раскры-

---

[1] Lidové noviny, 6. V. 1951.

вается и лицо супругов Росмусовых, сосредоточивших в своих руках все его нити. Мнящий себя носителем высшей культуры инженер Росмус не брезгует спекуляцией, шантажом и даже поджогом, но ему все же далеко до холодного цинизма и безудержной жестокости его супруги, которой он сам побаивается.

Чрезвычайно выразителен, как было отмечено критикой, образ наследника бывшего владельца текстильной фабрики Виктора Пюхлера. Этот молодой сноб, прибывший из Лондона, автор декадентских стихов, пожалуй, и сам не знает, притворяется ли он, что не заинтересован в фабрике, и искренне ли его разочарование в жизни. Несомненно только его глубокое презрение к родине и ее народу. Но когда получение фабрики оказывается под угрозой, Пюхлер неожиданно демонстрирует вместо томной улыбки денди звериный оскал «нормального» собственника. То, что у более поверхностного Пюхлера порой является только игрой, составляет существо натуры Алены Зимовой, отравленной глубоким цинизмом и скепсисом, опустошенной и тоскующей. И в то же время в душе Алены просыпается непреодолимая тяга к тому чистому и светлому, что она предугадывала в новой жизни.

В изображении этих персонажей и их сложных взаимоотношений в полной мере сказалось мастерство Ржезача-психолога. Менее удались автору в этом романе герои, несущие положительное начало. Нельзя сказать, что персонажи, знакомые читателю по «Наступлению», не наделены многими яркими и запоминающимися чертами. Однако меняется их роль в системе образов. Положительные герои первого романа вели активное наступление на остатки фашизма и тем самым являлись носителями действия. В «Битве» они не столько борются, сколько плывут по течению, с несомненностью влекущему их в конечном итоге к победе. Это приводит к тому, что они порой теряют живые человеческие свойства и превращаются в глашатаев истины. Характерно, что при изображении этих героев Ржезачу гораздо меньше удается житейский фон, обстановка, бытовые привычки, которые придают такую достоверность и конкретность всему окружению Росмусов.

Несомненно, что сам автор чувствует эту слабость своих положительных героев и иногда идет по линии выдуманных конфликтов, призванных, видимо, «очеловечить» их. Так, неубедительно превращение рабочего паренька Антоша в заядлого мещанина. Удивляет и трансформация образа почтового чиновника Брендла, утратившего свое обаяние, но зато обретшего в короткий срок совершенно непогрешимую мудрость и идейность, которой он доктринерски подавляет и окружающих и читателя.

Можно сказать, что и в «Битве» Ржезач — снова в рядах тех, кто прокладывает роману новые пути, и как его достижения, так и промахи оказались глубоко типичными для развития жанра в этот период. Послевоенные романы Ржезача, несомненно, являются заметной вехой в становлении новой литературы Чехословакии.

Вацлав Ржезач вошел в историю чешской литературы прежде всего

как романист. Однако яркий и своеобразный талант писателя проявился и в его рассказах, которые он создавал в течение всей своей литературной жизни. Если романы Ржезача отразили основные этапы развития этого жанра в чешской литературе, то новеллистика стала как бы зеркалом собственного развития писателя. Многие новеллы по сюжету, проблематике и даже по именам персонажей связаны с его романами, являются заготовками к ним.

Первый опубликованный Ржезачем рассказ «Лестница весны» (1929) является своеобразной парафразой на тему романа «Посев ветра» — это тоже эпизод на пути превращения мальчика в юношу, подхваченного бурным вихрем мечтаний о любви. Этот рассказ свидетельство юношеских творческих исканий самого писателя: поток образов, метафор, контрастов, сближающий его с экспрессионизмом, а частично с чешским поэтизмом, в дальнейшем исчезает из строгой и энергически лапидарной прозы Ржезача. В первых рассказах писателя почти нет внешнего действия и психологические переживания героев раскрыты в своеобразных музыкальных лейтмотивах («Лестница весны») или в подтексте («Пятилетие»). Кстати, последний рассказ напоминает новеллу Хемингуэя «Белые слоны» своим с виду обыденным диалогом, за которым упрятана драма умирающей любви.

Рассказы 30—40-х годов часто строятся на остром психологическом конфликте, ломающем жизнь героя («Без развязки», «Лицом к лицу»). В ряде рассказов Ржезач раскрывает социальные источники этих конфликтов. В новеллах с деревенской тематикой это чаще всего тупая жадность мелких собственников. Так, ненависть Гаразима к жене («Без развязки»), чуть не толкнувшая его на убийство, вызвана тем, что «во сне ей грезятся лишь сберегательные книжки».

У Ржезача немало сатирических и юмористических рассказов. Их комизм часто порожден использованием приема парадокса, выворачиванием наизнанку традиционной ситуации. Это порой сближает комические рассказы Ржезача с новеллистикой Чапека. Но в отличие от доброго, чуть грустного юмора Чапека у Ржезача преобладает злая сатира. Он остроумно высмеивает мещанскую ограниченность и жадность, эгоизм и лицемерие («Любитель собак», «Пациент», «Взяточник», «Жертва»), искусство, приспосабливающееся ко вкусам мещанина («Поваренная новелла»).

Рассказы, посвященные событиям войны и оккупации и написанные в первые послевоенные годы, отличаются от всех предыдущих не только по тематике, но и по мировосприятию. И теперь, как во многих довоенных новеллах, Ржезача интересуют чувства и переживания героев в напряженный, решающий момент их жизни, но человек в изображении Ржезача уже перестает быть игрушкой бессмысленного и трагического стечения обстоятельств, как в рассказе «Без развязки» или «Лицом к лицу». Участвуя в антифашистском Сопротивлении, люди обретают подлинное человеческое достоинство, и в них раскрываются такие возможности,

о которых никто и не подозревал («Немой», «Хозяин и слуга», «Счастливый новый год»). Рассказ «Первый день» является своего рода наброском к роману «Наступление».

В трехтомник включены также заметки Ржезача о литературе, написанные в послевоенные годы. Ржезач выступал с критическими статьями и рецензиями начиная с 20-х годов, но особенно интересны искренние размышления писателя, пришедшего уже в зрелом возрасте к выводу о необходимости искать новый способ творчества, отвечающий задачам художника в социалистическом обществе. В своих заметках В. Ржезач затрагивает такие коренные вопросы эстетики, как реализм и идейность, народность и отношение к культурному наследию. Он исходит из представления о писателе как активном участнике общественной жизни и борце за социальные идеалы, видя в такой позиции не только долг художника, но и величайшее благо для него — выход из тупика индивидуализма, возможность покинуть пресловутую «башню из слоновой кости», в которой художник отгораживается от мира. Вацлав Ржезач, народный художник Чехословакии, лауреат Государственной премии, принадлежал к числу тех чешских писателей, которые активно включились в дело построения новой, социалистической культуры. С 1945 года он — редактор газеты «Праце», работает в кино, много выступает в прессе. С 1949 года до последних дней жизни он — директор издательства «Чехословацкий писатель».

Говоря в одном из выступлений 1945 года о том, что «на литературном горизонте вырисовывается некий новый реализм», Ржезач характеризует его как метод, требующий «ясных выразительных средств, и, вместе с тем, реализм поэтический, новаторский по форме, постоянно ищущий и преобразующий поток жизненных фактов» [1]. Именно такого рода реализм характерен для творчества Вацлава Ржезача, одного из самых ярких и талантливых мастеров чешской прозы XX века.

И. Бернштейн

---

[1] Ржезач В. Избранное, с. 544.

НАСТУПЛЕНИЕ

РОМАН

NÁSTUP, PRAHA, 1962

Перевод
Ю. МОЛОЧКОВСКОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Позади осталась красноватая почва полей хмеля, шесты, переплетенные проволокой. Усыпанная щебнем, тряская дорога бежала то вверх, то вниз по холмам. Синие завесы на горизонте рвались и рассеивались, горы с каждой минутой становились все ближе. Новый, неведомый край открывался глазам. Розовеющий и темный, он словно выступал из необъятных недр. И путники с удовольствием смотрели кругом, им казалось, что каждый уголок этого неведомого края зовет их к себе.

Взгляни в ту сторону и вон туда! Луга тянутся по крутым косогорам, среди них разбросаны домики, гребни горных склонов кудрявятся темной гривой лесов. Вот бы пожить там! В том домике или в этом. Край лежит в солнечном свете, широкий и благоуханный, как образ всех невысказанных чаяний и неизведанной жизни. Его долины и горные склоны ясны и приветливы, заботы же и борьба еще таятся впереди.

— Останови-ка, Тоник! — сказал Антош и, наклонившись, тронул водителя за плечо. Антош был плечистый круглоголовый человек с короткой шеей; его темные глаза под низким наморщенным лбом вдруг оживились.

Трнец сбавил газ и притормозил. Сидевший рядом с ним Багар рассердился:

— У каждой тумбы будем останавливаться, что ли? Этак мы никогда не доберемся до места. Езжай!

— Не дури, Иржи,— возбужденно сказал Антош.— На этом «мерседесе» целы свечи.

— Свечи — нужная вещь,— поддержал его Трнец и дал задний ход к тому месту, где в канаве валялся пятнистый «мерседес». Машина лежала на боку в густой траве, пестревшей весенними цветами; лишенные колес оси отливали черной и зеленоватой смазкой. Трнец правил одной рукой, глядя назад. Песочного цвета форма Африканского корпуса резко выделялась на его загорелой шее.

Антош выскочил из машины и легко, как резиновый мяч, перепрыгнул канаву. Трнец и Багар тоже вышли и закурили. Только Рейзек остался недвижим на заднем сиденье и, задумавшись, сосредоточенно смотрел на далекие горы.

— Свечечки — прямо хоть на рождественскую елку! — радовался Антош, стоя над «мерседесом».— А что за мотор! Не бросать же его, а, Тоник?

— Ладно, погрузим мотор, а тебя оставим здесь,— сказал Трнец.

— Погоди, вспомнишь еще об этом моторе, волосы будешь на себе рвать!

— Пора бы уж проучить тебя как следует! — сказал Багар.— Всю дорогу только тем и занимаешься, что обдираешь брошенные машины.

Голос у Багара был приглушенный, словно он постоянно задыхался от гнева. Допросы в гестапо, переклички на лагерных плацах, месяцы, проведенные в тюремных камерах, навсегда повредили ему голосовые связки. Он погасил сигарету и, скатав из окурка шарик, долго вертел его кончиками пальцев. У Багара была седая голова и красноватое лицо с крупными морщинами.

Жилистый, поджарый Трнец стоял, широко расставив ноги и засунув руки за широкий пояс своей военной куртки. В его тонких губах была зажата сигарета. На правом боку, почти на животе, у него болтался громадный пистолет в массивной черной кобуре, очень заметной на фоне светлой куртки. Трнец думал о чем-то своем, и на лице его играла холодная, злая усмешка.

— А куда ты, собственно, торопишься? — возразил он Багару и медленно выпустил длинную струю дыма.— Не беспокойся, приедем вовремя. Я уже больше не спешу, хватит! Теперь буду жить в свое удовольствие.— Он опустил голову и полюбовался на свои блестящие, слегка запыленные коричневые сапоги.— В свое удовольствие! — повторил он.— Не спеша.

Подняв голову, он посмотрел вдаль и сделал широкий жест.

— Смотри, все это уготовано для нас. Можешь быть уверен, я здесь найду для себя достаточно добра. Теперь-то я получу с них свое. Освобождения для меня мало.

Багар отсутствующим взглядом поглядел на него и сказал, вертя шарик в пальцах:

— Раньше надо их выселить, а там видно будет.

— Выселить! — усмехнулся Трнец.— Все вы бубните

одно: выселить да выселить. Пусть они сперва поработают на нас, как мы на них работали. Выселить всегда успеем.

Ниже по дороге лежала деревня. Легкие порывы ветра доносили оттуда удушливый смрад от еще тлеющего пожарища. Вместо крайнего строения лежали обугленные развалины, а рядом, на лужайке, где, наверное, раньше паслись гуси, стоял обгорелый немецкий танк. Его разбитое орудие так и осталось обращенным в сторону деревни, откуда он ждал противника.

Из деревни с оглушительным грохотом, пронзительно сигналя, вдруг вылетел грузовик и, не снижая скорости, промчался мимо Багара и его спутников. На радиаторе грузовика развевался красный флажок, на кабине виднелся большой портрет Сталина, украшенный ветками сирени, на бортах машины большими белыми буквами было написано по-русски: «Мы победили!»

Грузовик вез железные бочки для бензина. На трех бочках сидели красноармейцы; один играл на гармонике, другие пели. Пилотки были у них сдвинуты на затылок, румяные лица сияли. Грохот бочек заглушал пение, и ветер уносил вдаль чуть слышные обрывки песни. Но солдаты пели во всю силу своих молодых глоток, стараясь перекрыть гулкий звон металла, быть может напоминавший им о громе великих битв, через которые они пришли к победе и остались невредимы.

Багар покраснел и, взмахнув руками, закричал по-русски своим глуховатым голосом:

— Здравствуйте, товарищи!

Но его приветствие затерялось в шуме мотора и грохоте бочек.

Грузовик исчез в облаках пыли, бойцы, видимо, не заметили Багара. Порыв Багара увлек было и Трнца, который тоже поднял руку и раскрыл рот, но вдруг, словно спохватившись, поджал губы и вместо приветствия принялся разгонять рукой пыль перед лицом.

Рейзек, все еще неподвижно сидевший в машине, громко чихнул, вскочил и сердито закричал высоким голосом:

— Какого черта мы стоим? Где этот олух? Я хочу ехать дальше!

— Какая это тебя муха укусила? — удивился Трнец.

Антош, запыхавшись, вернулся к машине, сияющий и счастливый. В шапке он нес свечи, а под мышкой — карбюратор, который ему удалось снять с брошенного «мерседеса». Не обращая внимания на язвительные заме-

чания Багара, он уложил свою добычу в машину. Рейзек стих и снова сидел, неподвижно глядя вдаль.

Машина наконец тронулась. Она проехала через неприглядную деревню с облупившимися стенами и несколькими домами, от которых остались только трубы да обгоревшие развалины,— замолкнув, притаилось враждебное человечье пристанище. Машина снова въехала на пологий холм. Спутники притихли, каждый был занят своими мыслями.

Конец войны застал всех четверых на баррикаде в одной из пражских улиц. Они познакомились, когда вместе с другими старались задержать немцев, рвавшихся к Праге со стороны Модржан. Это была хорошая баррикада, и ее защитники почти сплошь состояли из бывших военных. Оружия у них было достаточно: легкий пулемет, у каждого винтовка с патронами, ящик ручных гранат, фаустпатроны. Защитники баррикады отбили множество атак, в том числе танковую. Но на третий день по ним открыли сосредоточенный артиллерийский огонь. Укрыться было некуда, и они отступили, унося мертвых и раненых.

Общая ненависть к оккупантам объединяла Антоша, Багара, Трнца и Рейзека, и она привела их на баррикаду. Но у каждого для этой ненависти были свои причины. Багар был прежде слесарем. Из Годонина, где его отец держал маленькую слесарную мастерскую, он переехал в Прагу. Но Багар-младший не собирался стать самостоятельным мастером-ремесленником. У него были другие стремления. «Чтение заморочило ему голову»,— говорили о нем старшие, но Иржи Багар знал, что книги научили его видеть жизнь иначе, чем видели ее старики. Он был хорошим слесарем, но хозяева его недолюбливали: дело делал — просто загляденье, а речи вел такие, что они никогда не приводили к добру. В общем — смутьян! Сперва он вступил в профсоюз, потом в коммунистическую партию. Его то и дело выгоняли с работы, и он далеко не сразу находил новую, а потом и не пытался искать ее, ибо попал в «черный список». Тогда Багар перешел на партийно-организационную работу. Борьба с предпринимателями за сносную оплату труда, стачки, собрания, работа в краевой партийной печати и время от времени несколько месяцев тюрьмы — такова была его жизнь до 1937 года, когда он уехал в Испанию. Там он был дважды ранен и с простреленным легким вернулся на родину в начале 1938 года; призывался по двум мобилизациям, отступал со своей частью от границы, а после Мюнхена ушел в подполье.

Гитлеровцы громили одну коммунистическую организацию за другой. Багару удавалось скрываться в течение пяти лет, пока он не попался в сорок четвертом году. В Берлине его приговорили к смерти и отвезли в Хемниц. Там ему предстояло просидеть сто дней до того, как ему отрубят голову. Багар подсчитал, что его казнят третьего мая. В апреле воздушный налет, стоивший жизни многим заключенным, спас Багара: ему удалось бежать из разрушенной тюрьмы и добраться до самой Праги.

На вопрос, каково его мнение о коммунизме, Трнец ответил бы, что коммунизм у нас неприемлем, потому что он подрывает частную инициативу. Не следует забывать, что все ценное в мире создано усилиями одаренных и сильных индивидуумов. Без них человечество и доныне представляло бы собой ревущее стадо животных. Об этом Трнец в свое время немало спорил с братом. Коммунизм в России — совсем другое дело: ведь при царе русские жили нищенски. Им надо было избавиться от этой нищеты, потому они и решили взяться за дело коллективом. Собственно говоря, они еще только догоняют Европу и хотят стать индустриальной страной, как все другие великие державы. Они ничего нам не навязывают, ни к чему нас не принуждают, и нам следует устроить у себя все по-своему. Мы и устроим. Ведь мы — просвещенный народ, мы издавна ориентировались на Западную Европу, а она была и останется индивидуалистической уже по одному тому, что там достаточно образованных и предприимчивых людей.

Трнец считал себя интеллигентом: до войны он был коммивояжером большой текстильной фирмы и сбывал ее товар розничным торговцам. Автомобиль, в котором ехала вся четверка, принадлежал ему; от немецкой реквизиции Трнец спас его простой хитростью: написал в регистрационном листе, что после аварии у машины неисправно управление. Такие машины оккупанты не брали.

Покойный брат Трнца, наборщик Карел, был коммунистом. Оба брата, горячо любившие друг друга, резко расходились в политических взглядах. Карел и во время войны не остался пассивным, вместе с Багаром он работал в подполье: набирал и печатал листовки, не спал по ночам, рисковал головой ради того, чтобы напечатанные им строки донесли до товарищей голос правды, вселили в них боевую отвагу и веру в победу. От переутомления, постоянного напряжения и недоедания у Карела вспыхнула застарелая профессиональная болезнь — туберкулез. Когда его арестовали, он не мог долго выдержать фашистские нагай-

ки и удары кованых сапог. Он умер, но не выдал никого. В память о Кареле Антонин Трнец укрыл Багара, бежавшего из Германии, и вместе с ним пошел на баррикаду.

Авторемонтная мастерская для меня там найдется, это факт, думал Антош. Да еще мастерская высшего класса! Насчет автомобильного сервиса немцы были не дураки, да и вообще в моторах они разбирались, но только применяли их не так, как нужно. Как это можно — строить превосходные автомашины и одновременно убивать людей? Или ты механик, или убийца! Вот, например, «мерседес» или «БМВ» — отличные машины, даже лучше американских. А наряду с этим — подумать только! — сожженные деревни, повешенные люди! Как-то не вяжется все это!

Антош работал автомехаником на Чешско-Моравских машиностроительных заводах. Когда гитлеровцы начали свой поход на восток, Антоша вместе со многими другими ремонтниками угнали в прифронтовую полосу — чинить автомашины и танки, разбитые в боях с Красной Армией. Ремонтники работали под надзором солдат с автоматами, а на ночь их запирали в бараки и тоже держали под стражей. Через три месяца Антош заболел сыпным тифом. Он не умер только благодаря своей исключительной выносливости, но исхудал так, что на него было страшно глядеть. Его вернули на завод «для поправки». За все это Антош рассчитался с гитлеровцами на баррикаде, уничтожив фаустпатроном немецкий танк. Ну вот, я отвел душу, сказал себе Антош, а теперь начну жить по-человечески. Шести лет гитлеровской напасти больше чем достаточно, чтобы не хотеть и думать обо всем этом. Антош мечтал открыть собственную мастерскую, главным образом для того, чтобы с утра до ночи возиться с моторами и видеть автомобили все новых и новых марок. Всякая разбитая машина по дороге из Праги волновала Антоша, он порывался каждый раз остановиться и выяснить, какой из нее можно извлечь еще прок.

Из всей четверки один Рейзек знал край, в глубь которого они ехали. Рейзек родился здесь двадцать пять лет назад, вон там, в горах, до которых сейчас уже рукой подать. Сидя в машине, Рейзек думал, найдет ли он свою мать в небольшой чистенькой гостинице, которую его отец построил в 1925 году, когда казалось, что наступают времена вечного мира и благоденствия. Отец, бывший легионер, был странный человек. В его натуре приспособляемость и жажда наживы смешивались с отвращением и ненавистью к людям, среди которых он поселился. Он воображал себя

одним из пионеров, которые вновь осваивают для своего народа когда-то утраченные и ныне возвращенные ему земли, но женился на немке и много лет провел в заботах об удобствах своих клиентов-немцев.

После Мюнхена старый Рейзек покинул свой любимый отель, как солдат покидает позицию, не в силах ее удержать. Он был убежден, что это на время и что он опять вернется. Сын ушел вместе с отцом, хотя не без смятения в душе. К матери он не был привязан: она никогда особенно не заботилась о нем. Но его родным языком был и чешский и немецкий, и ему приходилось покидать любимый край и друзей своего детства — длинноголового Гюнтера Магера и его сестру, белокурую Эльзу. Мать осталась в гостинице и проводила их презрительным смехом. Пришельцы (таким немка считала и сына) уходят туда, откуда пришли, думала она, а все имущество остается ей.

Гитлеровская оккупация разбудила в старом Рейзеке борца. Он не удовлетворился положением аполитичного торговца, арендатора небольшого загородного ресторана в Бранике. С простодушием человека, уверенного, что немцы — неисправимые простофили, он нарушал все запреты, распространял среди гостей сообщения заграничного радио, помогал людям, скрывавшимся от гестапо, и в конце концов сам попал туда и был обезглавлен в Панкраце. Жажда мести за отца привела Рейзека-младшего на баррикаду.

...Вздымая пыль и подскакивая на рытвинах, машина мчалась по проселочной дороге, разбитой гусеницами танков. Деревни, казалось, вымерли, в придорожных канавах и далеко в полях валялись брошенные автомобили. Вид их заставлял Антоша вздыхать. Но Трнец был глух к его просьбам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

После притихших деревень городок Кадань показался им шумным и людным, почти как Прага. Из слуховых окон облупленных, не ремонтированных всю войну домишек свисали белые флаги. По ухабистой мостовой с грохотом ехал обоз советской войсковой части; малорослые выносливые лошадки тащили повозки. На широкой площади расположилась военная автоколонна. Грузовики были украшены ветками и надписями: «Мы победили!» Красноармейцы, пользуясь привалом, курили толстые самокрутки и слуша-

ли гармонистов. Веселые плясовые мелодии неслись к угрюмым фасадам обветшалых домов. Немцы с белыми повязками на руке ходили опустив головы. Первый острый приступ страха прошел, но они старались ничего не видеть и не замечать.

На чехов, приехавших в машине, повеяло холодом и отчужденностью. Все, кроме Рейзека, вероятно, вдруг подумали: «А не лучше ли повернуть и уехать восвояси?»

Чтобы немного осмотреться, Трнец затормозил у тротуара перед домом, над широким подъездом которого висела вывеска, гласившая, что здесь помещается гараж и авторемонтная мастерская.

К автомашине подошел коренастый человек в засаленном синем комбинезоне, совершенно лысый.

— Требуется ремонт? Пожалуйте во двор. Мастерская только что открылась под новым, свежеиспеченным чешским управлением!

Антош спросил прерывающимся голосом:

— Вы хотите сказать, что это ваша мастерская?

— А разве это не ясно из моих слов? — отозвался человек. Когда он говорил, шевелились его большие прозрачные уши.— Смотрите не трогайте меня, а то измажетесь! Я, так сказать, свежевыкрашенный управляющий этим предприятием, на моем мандате еще и чернила-то не высохли.

— Этот времени не терял! — сказал Антош.— А мы что же, совсем опоздали?

— Здесь, в Кадани, уже почти ничего не осталось. Только из Воковиц вчера нас приехало пятнадцать человек, и каждый уже обзавелся чем-нибудь. Что тут творилось утром, глядеть страшно!

— Мы не собираемся оставаться в Кадани,— сердито сказал Трнец, охваченный нетерпением.— Паршивый городок!

— Полегче, господа, полегче,— сказал новоиспеченный управляющий.— А то получите, пожалуй, по шее. С десяти часов сегодняшнего утра я — местный патриот!

— В Кадани должна быть районная административная комиссия,— примирительно сказал Багар.— Не знаете ли, где она?

— Вот! — Человек показал ему дом на углу улицы, ведущей к городским воротам.— Вон там, где толпится народ.

В машине остался Рейзек — его дело могли оформить другие, ведь он не гонится за чужим добром, а возвраща-

ется к своему. Он чех, он законный владелец гостиницы и едет получить отцовское наследство.

Багар, Трнец и Антош протолкались через толпу и поднялись по лестнице среди возбужденно споривших людей. На первый взгляд казалось, что сюда съехалась половина Чехии. Багару пришлось утешать своих спутников, которые вдруг ощутили разочарование, хотя ему была противна их жадность. В конце концов, в Кадани несколько тысяч жителей, а чехов здесь собралось всего несколько десятков, говорил он, а сам твердил себе: «Отнесись же к этому иначе, погоди немного. Ведь они приехали сюда в поисках лучшей жизни и сейчас боятся, что им ничего не достанется. Надо раскрыть людям глаза на настоящий смысл этой лучшей жизни — вот какова твоя задача».

— Где здесь председатель районной административной комиссии? — спросили они посетителей, ожидавших в коридоре второго этажа.

В ответ послышались насмешливые замечания. Люди были озлоблены, подозрительны и нетерпеливы, каждый боялся, как бы кто-нибудь не обскакал его, не получил того, на что рассчитывает он сам.

— Мы все его ждем.

— Ишь какие, только пришли — и уже вперед лезут!

— Станьте-ка в очередь, отдохните!

— Мы по служебному делу,— важно произнес Трнец.

Люди кругом захохотали.

— Смотри-ка, «по служебному»!

— Видали мы таких!

— Нацепили повязки и берут на пушку!

— А может быть, они рассыльные с телеграфа?

Багар, покраснев от гнева, крутил пуговицу на пиджаке.

— А может быть, здесь бродячий цирк и вы даете балаганное представление под названием «Бурный смех»? — саркастически заметил Антош.

— Сами вы из цирка, клоуны с повязками! — раздалось в ответ.

Дело явно шло к скандалу; слово за слово, недалеко было и до драки. Но тут двустворчатая дверь распахнулась и в коридор вышел человек чуть пониже высокого, плечистого Багара. На крепкой шее сидела большая бритая голова с широким лбом и выдающимися скулами. Нос у него был резко очерчен, рот крупный, решительно сжатые губы. Он слегка наклонился вперед, словно прокладывая себе дорогу, и твердым взглядом из-под прямых черных

бровей обвел людей, столпившихся у перил. Но где-то в глубине глаз и в уголках губ пряталась улыбка. Лицо у человека было худое, желтоватое. Силач после тяжелой болезни — такое он производил впечатление. С ним, наверное, шутки плохи, работать он умеет за десятерых, и положиться на него можно как на каменную гору.

Посетители устремились к нему, окружили, зашумели все разом. Человек поглядел через их головы в ту сторону, куда направлялся, и спросил:

— Все уже были у меня?

Никто не ответил, и все снова загалдели как по команде.

— Были! — сказал человек.— Значит, ждите. Выложили свое дело и ждите. Вы видели, что у меня всего два переписчика и они не отходят от машинок. А теперь, приятели, дайте мне пройти, я спешу, и это в ваших же интересах.

Он поднял руку, чтобы проложить себе дорогу, вдруг широко улыбнулся и прибавил:

— И успокойтесь. Ваше от вас не уйдет.

Люди неохотно расступились, он шагнул в ту сторону, где стояли Багар и его товарищи, и остановился в изумлении.

— Гальчик! — сказал Багар.

— Ирка, ты, дружище, черт седой! — воскликнул Гальчик, схватил Багара за руку, притянул к себе и крепко обнял, потом отступил на шаг и уставился на него, словно не веря глазам.— А я слышал, что тебя казнили в Хемнице! Весь Маутхаузен говорил об этом.

Багар усмехнулся и смущенно повертел пуговицу на пиджаке. Чувствуя на себе любопытные взгляды толпившихся вокруг людей, он оглянулся и сказал, покачав головой:

— Хотели казнить, да не вышло. Был такой слух, верно. Вот и я тоже слышал в Панкраце и в Берлине, что тебя пристукнули не то где-то в подвале, не то во время бегства... До чего ты исхудал: кожа да кости!

Гальчик махнул рукой.

— Сейчас я уже оправился, видел бы ты меня там! Это пустяки, уверяю тебя, все пройдет. Я каждый день прибавляю не меньше двухсот граммов. Сам не знаю с чего: на еду у меня даже нет времени. Наверное, вся эта заваруха идет мне на пользу. Два дня я побыл в Праге — и сразу сюда.

— Почему же мне не сказали, что ты здесь? — удивился Багар.— Посылают и говорят: «Обратитесь к предсе-

дателю административной комиссии в Кадани». А о том, что это ты,— ни слова.

— Наверное, думали, что ты знаешь,— сказал Гальчик.— Ты не удивляйся, у них сейчас голова идет кругом... Да что же мы стоим в коридоре, зайдем ко мне. Эти двое с тобой? Так пусть зайдут тоже.

Он взял Багара под руку и повел его к дверям, из которых только что вышел. Люди расступились перед ними. На всех лицах было написано любопытство и опасение, что из-за этих пришельцев все дела будут отложены и придется дольше ждать.

Гальчик работал в просторном конференц-зале бывшей каданьской управы. Длинный стол с двумя дюжинами стульев был весь завален бумагами, связанными в аккуратные пачки, папками и просто стопками документов. Сквозь закрытую дверь соседней комнаты доносился стук пишущих машинок.

Гальчик сел на стул и сделал широкий жест.

— Садитесь, товарищи, где кому нравится. А ты рассказывай,— обратился он к Багару.— Быстро рассказывай. Сам видишь, сколько народу меня ждет. Все ошалели от боязни упустить что-нибудь... Вот хорошо, что тебя послали сюда, ко мне, ничего лучшего они там, в Праге, не могли бы выдумать. Говори, какие у тебя задания, и я тотчас запрягу тебя в работу.

— Запряжешь? Как бы не так! — весело возразил Багар и подал Гальчику свой мандат.

Тот улыбнулся, недовольно взглянул на мандат, быстро взял его и, так же быстро развернув, стал читать — все одним непрерывным движением. При этом он насупил густые брови, потому что яркое солнце освещало бумагу, но не отодвинулся в тень.

— Так, так,— сказал он, прочитав.— Значит, ты председатель административной комиссии в Грюнбахе, а эти люди, насколько я понимаю, члены комиссии. Хорошо, значит, будем сотрудничать. Ты везешь своих — стало быть, тебе сразу будет на кого опереться. Ты знаешь Грюнбах? Нет? А я знаю. Знаю каждый уголок, я ведь работал тут, в горах, до войны. Главное в Грюнбахе — это текстильная фабрика и шарикоподшипниковый завод. За них надо взяться в первую очередь. Справишься? Советские войска прошли через Грюнбах, но гарнизона там не оставили. Вам придется со всем управляться самим. Насколько мне известно, там нет еще ни единого чеха.

— Коллега Трнец как раз интересуется текстильной фабрикой,— сказал Багар.

Гальчик испытующе поглядел на Трнца.

— Трнец? — сказал он.— Я знал Карела Трнца. Его убили в Панкраце. Не ваш родственник?

— Мой брат,— ответил Трнец.

Гальчик еще серьезнее и пристальнее взглянул в лицо Трнцу.

— Ваш брат был коммунист,— сказал он.— Но с вами я никогда не встречался.

— Я не коммунист,— быстро ответил тот.— Это препятствие?

— Товарищ Багар сказал, что вас интересует текстильная фабрика,— продолжал Гальчик.— А вы разбираетесь в текстиле?

— Занимаюсь им, ни больше ни меньше, пятнадцать лет,— ответил Трнец.

— Ах, вот как! — сказал Гальчик.— Превосходно. Ну, что ж, мы все устроим, я дам вам положение о народных управляющих, принимайтесь за дело, результаты будут говорить сами за себя. Прежде всего возьмите на учет все сырье, если оно там вообще имеется. А то его уничтожат или раскрадут. В Грюнбахе были заядлые нацисты, учти это, Ирка.

Через полчаса они выходили от Гальчика, снабженные всеми необходимыми документами. Трнец усмехался тонкими губами, и его рука то и дело машинально касалась одного из накладных карманов френча, в котором был тщательно спрятан мандат народного управляющего текстильной фабрикой в Грюнбахе.

Антош крепко пожал руку Гальчика своей сильной рукой.

— Вам, конечно, ясно, что вы положили начало лучшей авторемонтной мастерской в районе? — сказал он.— Если вам потребуется что-либо, все будет обеспечено по себестоимости.

Гальчик дружелюбно посмотрел на него.

— Да, мне ясно, чему я положил начало,— ответил он.— И вам это тоже станет ясно со временем.

Гальчик проводил их до дверей и, когда Антош и Трнец вышли, на минуту задержал Багара, прикрыл дверь и чуть склонил набок свою круглую большую голову, похожую на пушечное ядро, на лету севшее на его крепкую шею. Взяв Багара за локоть, Гальчик поглядел ему в лицо.

— Еще два слова, Ирка. Кто знает, когда у нас будет время поговорить. Как твоя мать?

— Ее арестовали через неделю после меня,— ответил Багар.— И она уже не вышла из гестапо в Остраве.

— Та-ак,— произнес Гальчик и покачал своей тяжелой головой.— Смелая была и бодрая женщина! Как она пела «Вишни мои, вишенки»! И какой вкусный хлеб пекла! Погубили человека... Многих погубили, и как раз лучших из нас. Гитлеровцы умели выбирать.

Из коридора доносился гомон очереди, из соседней комнаты — стук машинок.

— Я не заезжал домой... ведь ее там нет,— сказал Багар.— И не знаю, поеду ли когда-нибудь.

— Так,— сказал Гальчик.— Да и зачем ездить? Там без нее у тебя никогда не будет дома.

— А как твоя жена? — спросил Багар.

— Марта жива и скоро вернется из Берген-Бельзена. За ними послали туда машины. Я не мог ждать — времени не было — и оставил ей записку дома, у привратницы, и в партийном комитете. Когда она вернется, я съезжу за ней и за детьми. Дети у родителей в Стражнице.

— Ты надолго поселишься здесь? — спросил Багар.

— Что за вопрос, откуда я знаю? Буду там, куда меня пошлет партия. Скажет: оставайся тут — останусь, скажет: иди в другое место — пойду. Думаешь ты иногда о том, что нам предстоит? Я думаю. Мы будем строить новую жизнь, воспитывать новых людей. Двадцать лет мы защищались, теперь идем в наступление. Революция ширится и перейдет в социалистическую. Мы не остановимся, мы не поддадимся ни на какую приманку, не позволим провести себя. Надо правильно осмыслить причины переселения немцев. Это не месть. Это последовательное развитие революционного принципа. Мы добиваем немецкий фашизм, вырываем у него из-под ног почву для новой агрессии и одновременно наносим смертельный удар собственной буржуазии. Когда мы нанесем ей удар, она бросится за помощью к кому угодно. Она пошла на союз с фашистской Германией в тридцать восьмом году, она пойдет на такой союз снова, лишь бы спасти свою шкуру. Не случайно все другие правительства, кроме СССР, занимают уклончивую позицию в вопросе о выселении немцев.

«Он прав,— повторял Багар, проталкиваясь в коридоре и спускаясь с лестницы,— это именно так, и не иначе. Я не понимал этого. Не грешим ли мы шовинизмом, спрашивал я себя. Нет! «Надо обратить внимание на тех, кто поднимет

шум при выселении немцев»,— говорил еще Гальчик. Я уже представляю себе эти крики, эти жалобы на то, что мы губим страну, лишаем ее рабочих рук в самое трудное время что немцы должны трудом возместить весь ущерб, которы они нанесли нам, только потом можно их выселить. Да и не лучше ли вообще «чехизировать» их, как они пытались онемечить нас? Ручаюсь, что будут и такие голоса...»

Багар нашел своих спутников уже в машине; они нетерпеливо ждали его.

По улице тянулась длинная колонна военнопленных, бесконечная вереница людей в измятых серо-зеленых мундирах. Утомленные лица, почерневшие от пыли, походка людей, потерявших надежду, смертельно усталых, ожидавших той участи, которой пугала их фашистская пропаганда. Они шагали, не глядя по сторонам, устремив взор вперед или уставившись в землю, и лихорадочно блестевшие глаза выражали тупое отчаяние. Тяжелый запах пота и грязного белья шел от этой колонны и надолго повисал в воздухе. Следом за колонной на повозках везли тех, кто уже был не в силах идти. Местные жители с белыми повязками на рукаве останавливались и смотрели на пленных тяжелым, неподвижным и безразличным взглядом, как смотрят погорельцы на пепелище.

— Помните пятнадцатое марта? — сказал Антош.— Тогда у немцев был не такой вид. Может, кто-то из них в тот день вступал в Прагу.

— Куда бы они ни вступали, в Прагу или в другое место,— сказал Багар,— всюду людям хотелось убить их.

Последняя повозка проехала мимо. На площади послышался звук гармоники и четкий протяжный мотив частушки. Запел молодой, высокий, сильный голос, и на самых высоких нотах его подхватил хор.

Трнец нажал на стартер, и машина медленно тронулась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дорога в последний раз взбежала на холм, и перед ними открылся город в долине среди гор. Вывороченный столбик с названием «Грюнбах» был прислонен к ветке цветущей яблони. «Грюнбах»... Черные буквы на желтой дощечке. Кто-то прострочил ее очередью из автомата. Отверстия от пуль пересекали доску наискосок, почти по диагонали,

зачеркивая название, словно для того, чтобы навсегда изгладить его из людской памяти.

— Вот мы и на месте,— затормозив, сказал Трнец.

С любопытством и тревогой они смотрели на город, где им предстояло найти новую родину. Солнце, уже клонившееся на западе к горам, еще довольно ярко освещало белые стены домов. Это была мирная картина: солнечные лучи на крышах, тени домов и труб на обеих дорогах, пролегающих через город. Та, по которой приехали Багар и его спутники, поднималась в гору и терялась в лесу, другая, идущая справа, спускалась в долину. Дома тянулись вдоль дорог, и только там, где обе дороги на протяжении нескольких десятков метров сливались в одну, дома образовывали целый массив.

Город казался тихим, каким-то ненастоящим, словно на картинке. Над домами дрожал воздух, но трубы не дымили. Несколько едва видимых издали человеческих фигур были недвижны.

Антош смущенно вздохнул и первым нарушил молчание:

— Грюнбах... Надо бы его переименовать. Наверняка у него было когда-нибудь чешское название.

Рейзек встал, как только Трнец затормозил, и через головы своих спутников смотрел на город. Ничто не изменилось здесь за эти семь лет, ничто! Только Гальске покрыл свой дом новой крышей, шиферной вместо старой, толевой, да под холмом, около текстильной фабрики, появилось длинное низкое строение. Наверное, новый склад. Рейзек переводил взгляд с одного дома на другой, словно пересчитывая их. Все они на своем месте, среди них и тот, на который он долго не решался взглянуть. Дом стоит, как и стоял, на левом углу, у развилки дорог, и выглядит таким же чистеньким и уютным, как в тот день, когда они с отцом, уходя, бросали на него последние взгляды.

— Кажется, отличный городок! — удовлетворенно сказал Трнец и сдвинул фуражку на затылок.— А Грюнбахом он назывался всегда. Я знаю его, бывал здесь до войны. Да и как ты переведешь название? Зеленый поток. Нескладно!

— По-чешски он назывался Поточная,— сказал Рейзек.— Еще в первой половине прошлого века. Отец нашел это название в каких-то книгах.

— Вы только подумайте! — возмутился Антош.— Поточную перекроили в Грюнбах, и дело с концом. На такие штучки немцы были мастера.

— Они всегда были мастера все уродовать,— сказал

Трнец.— Но их время прошло. Увидишь, как они будут нам кланяться. Они не сумеют достойно перенести поражение.

— У немцев была подлая буржуазия, они были не в силах противостоять ей,— заметил Багар.— Сперва подлые феодалы, потом такая же подлая буржуазия. Они-то и испортили немцев.

— Я бы не делал между немцами особенной разницы,— заявил Трнец.— Все они теперь заслуживают хорошей взбучки.

— Там будет видно,— сказал Антош.— А что это за дом на перекрестке?

— Наша гостиница,— ответил Рейзек немного сдавленным голосом.— Дожить бы отцу до этого дня!

— Да, жаль, что он не дожил,— согласился Трнец.— И мой братишка тоже. Все убитые должны были бы встать и прийти поглядеть, как все кончилось...

— Болтовня! — возразил Антош.— Словами ничего не исправишь. Но нас еще достаточно, чтобы показать немцам, чего мы стоим. А что это за строение напротив твоего отеля?

— Авторемонтная мастерская Гальске.

— С сегодняшнего дня ею командую я! — просиял Антош.— Глядите-ка, на самом перекрестке, да еще с колонкой!

— Здание направо, под горой,— это текстильная фабрика Релига? — осведомился Трнец с напускным равнодушием.

— Она самая,— был ответ.— А вот тот корпус с трубой — это ленточный цех. Его достроили в тридцать седьмом году. А вон там шарикоподшипниковый завод.

— Черт с ним! — отозвался Трнец.— Он никогда не будет нашим, отойдет по репарациям. Прежде всего нам надо взять в руки текстильную фабрику.

— Прежде всего надо поговорить с бургомистром,— возразил Багар,— получить у него все нужные сведения.

— Остановимся у нас,— предложил Рейзек.— Там мы узнаем, что делается в городе.

— Можно и так,— сказал Багар.— Давайте начнем с этого.

Мотор взревел. Трнец включил вторую скорость, и машина медленно тронулась под гору, громко ворча и словно обнюхивая ненадежную почву.

Рейзек вцепился пальцами в брюки. «Надо держаться спокойно,— твердил он про себя.— Никто не должен заметить, что я взволнован. Хотелось бы мне знать, там еще мать или сбежала? Никто из них не понимает, что́ все это

для меня значит. Я возвращаюсь домой, в свое хозяйство. Все они скоты, все! Каждый только и думает, как бы украсть. Каждый уже представляет себе, как выгоняет людей из дому. Но что мне за дело до них? Что мне за дело до тех и до других! Пусть выгоняют немцев, которые убили моего отца, пусть даже перебьют всех до единого. Но, может быть, и мне придется выгонять людей, и это уже хуже. Мне предстоит выгнать собственную мать. Но у меня есть на это право, я ведь беру не чужое, а свое. Это не кража, а законный возврат имущества, мне не нужно оправдываться в собственных глазах, как это приходится делать другим. Антош возьмет в свои руки мастерскую у Гальске, Трнец — фабрику, а я не буду ничего брать, у меня здесь собственное добро. Вот только Багара я не понимаю. Этот большевик ни на что не целится. Как же так, почему? Здесь что-то неладно. А впрочем, какое мне дело! С меня хватит своих забот».

Флажки на радиаторе, слегка колеблемые ветерком во время медленной езды, обвисли на тонких прутках, машина остановилась перед гостиницей с тусклой позолоченной вывеской на фасаде: «Отель «Грюнбах». Четыре невысокие серебристые ели теснились в палисаднике, над входной дверью нависал балкон на четырехгранных столбах. Кучка людей, стоявших на соседнем углу, разошлась, остался только какой-то очень тощий молодой человек. Он некоторое время вглядывался в машину, потом размашистым шагом пересек дорогу и исчез за углом.

Из окон и слуховых окошек свисали белые полотнища. Над гостиницей «Грюнбах» тоже развевался белый флаг капитуляции.

— Ишь, скисли! — сказал Антош.

— С музыкой нас здесь встречать не будут, сам понимаешь,— заметил Трнец.— С меня довольно и этих белых тряпок.

— Музыки мне не нужно и приветственных салютов тоже,— отозвался Антош.

В гостинице не заметно было никаких признаков жизни. Никто не выглянул из окна, никто не поинтересовался, что за машина остановилась перед домом.

— Поехали дальше,— сказал Багар.— Нам нужно поговорить с бургомистром.

Рейзек глядел на тусклые, грязные от пыли и дождя окна гостиницы. Плечи у него опустились, и было видно, что он боится остаться здесь один.

— Никуда не нужно ездить,— сказал он.— Здесь мы все узнаем.

Он быстро взбежал по ступенькам, подергал запертую дверь и прислушался. Ни звука. Рейзек забарабанил в дверь, снова прислушался и наконец вернулся со смущенным видом. Где-то за домом взлетела стайка голубей и, покружив, поднялась в золотистую синеву неба. Шум крыльев казался оглушительным в этой мертвой тишине.

— Черт побери! — сказал Трнец и, подойдя к машине, взял оттуда свой автомат.

Перед ними тянулась пустая безмолвная улица, стекла наглухо закрытых окон блестели в лучах заходящего солнца.

— Поехали дальше,— сказал Антош.— Здесь что-то неинтересно. К тому же скоро стемнеет.

— В голове у тебя стемнело,— возразил Рейзек.— Погляди, где еще солнце.

— А зачем тебе мы? — сказал Трнец.— Ты ведь тут у себя дома, не так ли?

— Что ж, поезжайте,— ответил Рейзек.

— У тебя мать хоть и немка, а все-таки она тебе родная мать,— продолжал Трнец.

— Поезжайте, а то опоздаете. Я вас не держу.

— Обойдем дом,— предложил Багар.— Возьмите-ка свое оружие.

Они миновали серебристые ели и зашли за угол дома. Невольно все пригнулись, но потом, видя, что Багар идет не сгибаясь, снова выпрямились. Между домом и забором был узкий проход, дорожку с обеих сторон окаймляли кусты сирени, на них уже ясно виднелись будущие кисти цветов, окаймленные светло-зелеными листками. Немного дальше внутренняя ограда отделяла задний двор от садика для гостей. Бетонированная площадка двора была чиста, как после субботней уборки. Антош шел на цыпочках, ступая так упруго, словно в ногах у него были пружины.

— Ого, здесь и гараж! — воскликнул он и остановился в удивлении.— А есть ли машина?

— Оставь машину в покое,— сказал Багар.— Сейчас у нас другие дела.

Около гаража был дровяной сарай, сложенный из серых кирпичей, скрепленных бетоном. Высокая ель росла во дворе, на ее тонкой верхушке виднелись прошлогодние шишки. Нигде ни пылинки. Неподвижность и покой воскресного дня нарушали только птицы.

Трнец щелкнул затвором автомата. Багар сердито оглянулся на него.

Трнец ухмыльнулся. Поди ты к черту, подумал он. По-

дите вы все к черту! Хотел бы я знать, зачем мы сунулись сюда. Это дом Рейзека, а мы тут при чем? Рейзек — законный владелец, и этого никто не может оспаривать. Так пусть берет гостиницу в свои руки и оставит нас в покое. Эта тишина мне не нравится. Нехорошая тишина. Еще кто-нибудь, чего доброго, пустит в нас пулю. Зря мы тратим здесь время.

Багар забарабанил кулаками в дверь. Гулкие удары громко отдавались в тишине. Здесь был ход в кухню, в квартиру содержателя гостиницы и в буфет, где когда-то сиживали шоферы господских машин и местные бедняки. Пыльные окна были наглухо закрыты, неприветливы.

— Долбани-ка покрепче прикладом,— сказал Антош.— Сразу окажемся внутри. Нечего тут торчать.

— Должен же там быть кто-нибудь,— сказал Рейзек.— Хотя бы старая Грета, если она еще жива.

— Плевать нам на твою Грету,— огрызнулся Трнец.— Мы хотим ехать дальше.

— Пожалуйста,— сказал Рейзек.— Я вас не держу.

— Бросьте спорить,— прервал их Багар и снова забарабанил в дверь. Из голубятни над сараем вышел голубь и, стоя на узкой дощечке, беспокойно заворковал.

Над головами пришельцев вдруг стукнуло и заскрипело окно. Багар отошел от двери, и все взглянули вверх. Из окна высунулась старуха. У нее была длинная, утолщенная внизу шея, острые скулы и резко выступающий подбородок, желтая морщинистая кожа; крючковатый нос на изуродованном старостью лице нависал над запавшим ртом. Редкие волосы старухи, жирные и скрученные на затылке в жидкий узел, были еще удивительно темными. Гортанный, низкий, почти мужской голос прозвучал хрипло.

— Что вам угодно? — крикнула она по-немецки.— Гостиница закрыта, постояльцев не принимаем.

— Грета! — окликнул ее Рейзек.— Не дурите, спуститесь и откройте нам.

Старуха с минуту молчала, разинув рот.

— Гансик! — хрипло сказала она.— Да ведь это наш Гансик!

— Откройте поскорей! — повторил Рейзек.

— Это наш Гансик,— неуверенно повторила старуха по-чешски.

— Черт побери! — закричал Трнец.— Пошевеливайтесь, бабка, идите отоприте.

Грета испуганно отскочила от окна.

— Придурковатая она, что ли? — осведомился Антош.

— Нет,— ответил Рейзек.— Ручаюсь, что во время войны она одна вела весь отель.

Они услышали, как Грета кричит кому-то внутри:

— Это наш Гансик, сударыня. Наш Гансик вернулся!

Нервный, резкий женский голос ответил ей:

— Меня ни для кого нет дома! Ни для кого, понимаете вы, глупая женщина? Ведь я же говорила вам!

Снова послышался густой, ворчливый, слегка прерывающийся голос Греты, как будто ее била лихорадка:

— Ганс вернулся. Не можете же вы прятаться от него. Или вы думаете, что сумеете? Приведите себя в порядок и спуститесь вниз.

— Возвращение блудного сына,— язвительно заметил Трнец.— Мать вне себя от радости...

Антош и Багар отвели глаза, Рейзек покраснел и промолчал.

На матовом дверном стекле появилась тень, замок тихо щелкнул, в дверях стояла Грета, когда-то высокая, а теперь настолько сгорбившаяся от старости костлявая старуха, что голова ее выдавалась вперед, а острый нос торчал, словно пика. Перед одинокой женщиной мужчины с автоматами почувствовали себя неловко.

— Добро пожаловать, Гансик,— по-чешски, с акцентом сказала Грета.— Заходите в дом.

Рейзек подошел к ней, и она протянула руки, чтобы обнять его. Трнец отвернулся.

— Я пойду в машину,— сказал он.

— Мы все пойдем,— согласился Багар.— Нам здесь нечего делать.

Рейзек быстро обернулся и сказал просительно:

— Подождите меня. Мы выпьем чего-нибудь и пойдем к бургомистру. Я провожу вас. Грета, пиво есть?

— Ну, ладно,— решил Трнец.— Пиво меня прельщает. Но кто-то должен остаться в машине.

— Я побуду там,— отозвался Антош.— А вы принесите мне чего-нибудь промочить горло.

Один за другим они прошли мимо старухи, избегая пронизывающего взгляда ее темных глаз. В коридоре было прохладно и пахло сыростью. Рейзек отворил дверь в буфет. На них пахнуло табачным дымом, за многие годы пропитавшим стены. Прилавок блестел начищенным металлом, сзади на стеклянных полках стояли ряды ликерных бутылок. Трнец подошел к ним.

— Пустые! — сказал он.— Выпито все до капли.

Он заглянул в ресторанный зал, где стулья были сложены на столах. Унылая пустота. Буфет красного дерева. Два больших филодендрона протягивали лапчатые листья, похожие на щупальца хищного существа. Зеркало на противоположной стене отражало всю эту безрадостную картину.

Вернулась Грета и поставила перед ними кружки с пивом. Пришедшие подняли их, и Трнец сказал:

— Нужен бы тост.

— Пиво неподходящий напиток для тостов,— ответил Рейзек.

— Когда нет ничего другого, оно годится не хуже шампанского,— возразил Трнец.— Выпьем за твое возвращение.

— Ладно,— сказал Багар.— Почему не выпить? Итак, за возвращение Рейзека домой. Собственно говоря, все Пограничье возвращается домой. Выпьем же и за это возвращение.

— Вот это мне нравится,— заметил Трнец.— Я всегда считал, что дети должны возвращаться домой. А немчура получит шиш.

Они громко чокнулись толстыми стеклянными кружками и торопливо выпили пиво. Грета следила за ними пристальным взглядом, вспоминая другие тосты, которые еще недавно звучали под этой крышей. Но лицо ее оставалось замкнутым и неподвижным.

Трнец залпом выпил до дна свою кружку и шумно перевел дух.

— Пробирает,— сказал он.— Ну, пошли.

— Я беру гостиницу в свои руки, Грета,— объявил Рейзек.— Скажите об этом матери. У вас тут все в порядке, кроме окон.

— В последнее время мне приходилось со всем управляться самой. Она мне ни в чем не помогала.— Грета кивнула головой в сторону верхнего этажа.

— А куда делись занавески и ковры? — спросил Рейзек.

— Я их убрала месяц назад. Для занавесок и ковров было неподходящее время.

— Они снова могут появиться на свет, Грета. Теперь мы будем хорошо жить, вот увидите.

— Вы-то конечно, Гансик. А что будет с нами?

— Говорят, что мы погоним вас отсюда в три шеи, мамаша,— насмешливо заметил Трнец.

— Этого не может быть! — раздался за ними резкий

женский голос.— Скажи, Гансик, что этот человек говорит неправду.

Они оглянулись. В дверях стояла толстая женщина в светлом шелковом халате с грязным, измятым кружевным воротничком. Волосы ее были в мелких кудряшках и цветом напоминали немытую овечью шерсть. Неприятная внешность, хоть и не очень уродливая. Эта толстая и неряшливая женщина была явно зла и опасна для всех, кто угрожал ее благополучию. Ей хотелось выглядеть молодой дамой, но лень мешала этому. Кое-как наложенные румяна, плохо наведенные брови и подкрашенные ресницы, густой слой пудры лишь подчеркивали увядание ее когда-то приятно округлого лица.

Отца убили, а эта оставалась тут, думал Рейзек. Убили ее соплеменники, но ей это безразлично. Даже словом о нем не вспомнит, беспокоится только о том, что будет с ней. Что мне делать, хотел бы я знать? Запру ее в комнате. Среди гостей ей не место.

Лицо хозяйки вдруг сморщилось, и она захныкала. Переваливаясь с боку на бок, она подбежала к сыну и попыталась обнять его, но растерянно остановилась — мешал автомат на его груди. Фрау Рейзек опустила руки.

— Ну скажи же мне, Гансик, что будет с нами?

Но сын не сделал шага ей навстречу. Придерживая автомат, он неприязненно глядел на мать.

— Отстань,— сказал он,— и не разыгрывай сцен. О том, что будет, узнаешь в свое время. И говори по-чешски, эти господа — чехи.

Углы рта у женщины опустились в презрительной усмешке. Она выпрямилась, выпятив толстый живот и пышную грудь, и ответила по-немецки:

— Я еще хозяйка здесь и буду говорить на родном языке.

— Ты здесь все равно что пустое место,— возразил Рейзек.— Иди к себе в комнату и не смей спускаться вниз, не то я с тобой разделаюсь.

— Нам нужно идти,— сказал Багар.

— Я с вами,— заявил Рейзек.

— Господа ночуют здесь? — спросила Грета.

— Еще не знаю,— ответил Рейзек.— На всякий случай приготовьте четыре комнаты.

Они вышли на залитый солнечным светом двор, где раздавалось громкое хлопанье крыльев — голуби только что возвратились со своей предвечерней прогулки. Здесь дышалось легко, в воздухе пахло смолой.

— Уф! — произнес Трнец, а Багар и Рейзек только глубоко вздохнули.

Грета вышла за ними на крыльцо, и Рейзек обернулся к ней.

— Где найти бургомистра, Грета? Нам надо поговорить с ним.

Грету охватили воспоминания. С момента появления Рейзека для нее словно вернулось прошлое; время потекло снова начиная с того дня, когда осенью 1938 года Ганс и его отец уходили отсюда. Старик был хороший человек, Грета всегда ладила с ним. За что его убили? Одинокая бедная старуха, у которой с детства не было семьи, никогда не поймет этого. Сколько было криков «Sieg heil!» [1],— а потом «Хайль Гитлер!». Зачем? Здесь, в горах, и без того всегда хватало забот о хлебе насущном. Но люди почему-то горланили и уходили умирать. Они горланили еще три недели назад, а вот уже два дня, как фюрера нет в живых. Все это было и прошло, а жизнь должна идти дальше. Какова она будет, эта новая жизнь?

— Крейцман больше не бургомистр,— сказала она наконец.— Его посадили еще в тридцать восьмом году, и он не вернулся.

— За что?

— Говорили, что он связан с коммунистами. Не захотел вступить в генлейновскую партию.

Подумать только об этой партии! Еще сейчас в уголках тихих грюнбахских домов прячется умолкшее эхо от стука кованых сапог по асфальтированной дороге. «Heim ins Reich!» [2] Белые чулки или черные голенища, белые рубашки и зеленые шляпы с белым шнурком. Позднее белые рубашки заменили коричневыми, а высокие черные сапоги остались, собираясь затоптать весь свет. Шагай, маршируй, все склоняется перед этими сапожищами — идут властелины мира.

— А его сын, что с ним, Грета? — спросил Рейзек.— Его звали Курт.

— Не вернулся из-под Сталинграда. Из Грюнбаха шестеро остались там.

— Поторопись,— сказал Рейзеку Багар.— На воспоминания у тебя еще будет время.

— Сейчас,— откликнулся Рейзек.— Надо же кое-что узнать. А кто сейчас бургомистр, Грета?

---

[1] Да здравствует победа! *(нем.)*
[2] Домой в Германию! *(нем.)*

— Религ. Но с тех пор, как появились русские, никто не знает, где он.

— Фабрикант Религ?

— Да.

Да, тот самый. Фирма «Пюхлер и Религ». Пюхлер был еврей, и Религ служил у него бухгалтером. Еще в тридцать втором году Пюхлер, у которого был изумительный нюх, взял Релига в компаньоны. У Релига были связи, он занимался политикой, ораторствовал на собраниях и был обязан Пюхлеру карьерой. Он верно охранял своего шефа до того самого дня, когда в Кадани начало функционировать гестапо. Тогда Религ отправил своего старшего компаньона в концлагерь.

— А что с ним? — спросил Рейзек.— Его забрали русские?

— Нет,— ответила Грета.— Этого наверняка не было, они никого не забирали. Он просто исчез, и никто не знает куда.

— Смотрите-ка! — заметил Рейзек.— Значит, в Грюнбахе нет бургомистра. К кому же нам идти?

— Наверное, к Титце,— ответила Грета.

— К Титце? Он все еще секретарь управы?

— Да. Он сейчас наверняка в ратуше.

Так вот оно что: старый Титце, герр секретарь Титце. Философ Титце. Держит ли он еще в окне клетку с канарейками, замысловатую клетку в виде средневекового замка с башенками, балкончиком и крепостными зубцами? Бургомистр сбежал, городские советники прячутся и ждут, что будет, а старый Титце сидит в ратуше. По-видимому, он воображает, что без него сердце города, если оно вообще существует, остановится, а стены обрушатся без всякой бомбежки и рассыплются в прах.

— Пойдем к Титце,— сказал Рейзек.— Никого более подходящего нам здесь не найти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Грюнбах, словно улитка, осторожно высовывал рожки — какова там, на дворе, погода? Перед гостиницей стоял автомобиль и, видимо, не собирался ехать дальше. Ветер с горного перевала потянул в долину, принося хвойный аромат и запахи земли, утомленной жарким днем. На радиаторе автомашины заколебались флажки — красно-белый с синим клином и красный с серпом и молотом. Ни тот, ни другой не сулят ничего хорошего, думали грюнбаховцы.

Казалось, что мы уже совсем было втоптали эти флажки в грязь, потопили их в крови. И вот они развеваются от легкого вечернего ветерка. Всего-навсего два небольших лоскутка. Закроешь глаза, чтобы не видеть их, а когда откроешь, они все еще там. Они начинают казаться грюнбаховцу реальнее и прочнее, чем стены его собственного дома. Die Tschechen [1] вернулись. Может быть, все это пока не так страшно? Приехал только Ганс Рейзек и привез свою компанию. А ведь Ганс наполовину все-таки наш... Нет, к чему обольщаться! Сегодня чехов четверо, завтра их будет сорок, послезавтра — четыреста. Легкий ветерок играет флажками, но для нас это последний порыв бури, которую мы вызвали семь лет назад, и сейчас она сорвет крыши над нашими головами... Жизнь не остановишь, она подгоняет и подстегивает тебя, как бы тебе ни хотелось закрыть глаза и притвориться, что ты ничего не видишь и не знаешь...

Старуха в черном платье перешла улицу, оглянулась на автомашину, склонила голову и, еще больше сутулясь, вошла в соседний дом. Из калитки выбежал мальчуган и закричал:

— Мама, гляди, машина! А что за флажки на ней?

Женщина высунулась из калитки, быстро втащила его, прошипев:

— Иди домой! Сейчас же!

На углу опять появились четыре парня, они постояли, глядя на машину, потом двое отправились куда-то вверх по улице, а двое других остались на месте. Со склона холма за городом послышалось протяжное мычание — шли коровы на пастбище. Над домами поплыли из труб тонкие струйки голубоватого дыма, расплываясь туманными флажками. Из мастерской Гальске вышел парень в измазанной белой рубахе, расстегнутой до пояса, и в зеленой солдатской фуражке без кокарды. Сквозь сильные очки он долго глядел на машину Трнца, видно, что-то обдумывал, потом зашагал по дороге.

Когда парень подошел к машине, сидевший за рулем Антош положил ствол автомата на борт машины.

— Хальт! Ближе трех шагов не подходить, не то буду стрелять.

Парень остановился и попытался дружески улыбнуться.

— Вы чех? — спросил он по-чешски.

— Нет, эскимос,— пошутил Антош.

---

[1] Чехи *(нем.)*.

Парень смущенно улыбнулся, почесал голую грудь и сказал:

— Я Österreicher, австрияк, Австрия. Verstehen Sie? Totaleneinsatz [1] сюда, здесь.— Он ткнул пальцем перед собой, потом в сторону мастерской Гальске.— Bin a Weaner, ka'Nazi [2]. Знать Tschechen aus Wien [3], очень хороший.

— Понимаю,— отозвался Антош.— Теперь для вас всякий чех «очень хороший».

— Одна моя бабушка была чешка. Со стороны отца. Я понимаю по-чешски, но плохо говорю.

— Смотрите-ка! — сказал Антош.— Да, может быть, ты сам праотец Чех?

— С кем это ты тут? — спросил, подходя, Трнец и протянул Антошу откупоренную бутылку пива.

— Да вот, говорит, что он из Вены и попал сюда по тотальной мобилизации. А бабушка, мол, у него была чешка. Кто сомневается, пусть сбегает проверить.

— Ты его знаешь? — спросил Багар Рейзека.

— Нет. Никогда его здесь не видел.

Багар обогнул машину, подошел к парню и в упор посмотрел своими голубыми глазами в толстые стекла его очков. Парень пытался выдержать этот пронизывающий взгляд, но замигал, и уши у него покраснели. Он смущенно поднял ладонь, чтобы почесать грудь, но тут Багар протянул ему руку и назвал свое имя. Парень испуганно оглянулся, но тотчас же с пылкой готовностью схватил протянутую руку и крепко пожал ее.

— Клаузе,— представился он.— Фриц Клаузе. Можете рассчитывать на меня. Грюнбах действует мне на нервы. Хочу домой, в Вену.

— Всему свое время,— сказал Багар.— Что вам известно о бургомистре?

— А что вам о нем говорили? Что он сбежал, да? Так я и думал! Но ручаюсь, что он прячется где-нибудь тут и выжидает, как вы себя проявите.

— Если он тут, так найдется,— сказал Багар.— Всего хорошего.

— Когда вам что-нибудь понадобится, машину починить или еще что, я к вашим услугам,— сказал Клаузе и снял фуражку.

— Э-э, так ты из мастерской? — усмехнулся Антош.— С завтрашнего дня я твой шеф. Понял?

---

[1] Понимаете? Тотальная мобилизация *(нем.)*.
[2] Я венец, не нацист *(нем., венский диалект)*.
[3] чехов из Вены *(нем.)*.

Парень улыбнулся и кивнул, глядя вслед машине, пока из дома Гальске не послышался резкий голос:

— Фриц!

Обитатели городка следили за машиной, проехавшей к почте. Занавески на окнах слегка приподнимались, а из-под яблонь на улицу были устремлены взгляды любопытных. Несколько человек, оказавшихся на дороге, когда там появилась машина, тотчас заспешили куда-то. Все они были в темной одежде и на фоне лазурного вечера казались черными кляксами туши.

— Сюда, направо,— сказал Рейзек, когда они подъехали к почте.

У ратуши, прислонясь спиной к стене, стоял человек в военной куртке, черных брюках и кепке. Увидев машину, он откинул голову и затылком нажал кнопку. Металлическая дробь звонка просыпалась в пустых коридорах дома. Во втором этаже, за дверью с табличкой «Хельмут Титце, секретарь управы», из-за стола поднялся высокий человек. Ревматические суставы его колен хрустнули. Он выпрямился и сделал несколько шагов, словно пробуя прочность своих ног. Тридцать лет работал он в этой комнате, тридцать лет, бóльшую часть своей жизни. А теперь... неужели конец этому? Титце покачал головой, согнул колени и опять выпрямился, с каким-то смутным удовлетворением прислушиваясь к потрескиванию суставов. Тому, кто пожелает управлять этим городом, трудно придется без помощи секретаря Титце, хотя бы первое время. А там видно будет.

Выпрямившись, Титце стоял посреди комнаты и прислушивался к шагам людей, поднимающихся по лестнице. Золотисто-розовые лучи заходящего солнца заливали комнату теплым светом. Как прекрасно все уходящее! Отрадно смотреть на ветхие, уже потемневшие по углам стены этой комнаты. На одной из них виднеется светлый прямоугольник — след портрета, перед которым еще недавно приветственно поднимались руки входивших. А еще раньше там висел другой портрет, который теперь, наверное, вернется, повисит и тоже исчезнет.

Секретарь Титце потер узкий, острый подбородок и улыбнулся своим мыслям, прислушиваясь к легкому потрескиванию небритой щетины и к гулкому отзвуку приближающихся шагов.

Мысль о бренности вещей, людей и человеческих отношений доставляла ему удовольствие. Когда человек стареет, ему приятно сознавать, что и весь остальной мир обречен на увядание. Мир есть лишь воля и представле-

ние — да, да, это единственно правильная философия. Мир именно таков, каким ты хочешь и умеешь его видеть: ласковый или жестокий, он существует лишь до тех пор, пока существуешь ты, его реальность — в твоем бытии, и он кончается, когда ты переходишь в небытие. Поступай же в этом мире, как тебе заблагорассудится, ибо, в конце концов, он не что иное, как олицетворение твоих представлений!

Спокойному размышлению приходит конец, шаги приближаются, они неотвратимы; вот сейчас откроется дверь — и мир изменится, разумеется, лишь в той мере, в какой ты сам примешь эту перемену. Какая все это жалкая и ничтожная комедия — от этих вот шагов до страшных картин войны. К чему люди воюют, чего этим можно достичь?.. Еще плавают рыбки в прозрачной воде аквариума, я еще потираю себе подбородок, отдаюсь своим мыслям и могу пребывать в бездействии. Еще остаются какие-то секунды и доли секунд...

Резкий стук в дверь раздался в комнате так громко, что рыбки в аквариуме испуганно заметались. Улыбка исчезла с худого лица Титце, колени хрустнули, он выпрямился.

— Herein! [1] — привычно произнес он и, сам испугавшись своего голоса, проглотил слюну и воскликнул почешски, чувствуя удушье от этих плавных звуков: — Войдите!

Он стоял, отступив на шаг от письменного стола, не смея опереться на него, хотя ему очень хотелось. Вошли трое, четвертый, видимо, остался в машине. В числе их Рейзек-младший. Это, наверное, облегчит первые минуты разговора. Рейзек изменился, но не очень. Титце улыбнулся ему и неловко поклонился, пробормотав приветствие.

— Вы секретарь управы? — спросил Багар, остановившись посреди комнаты.

Титце поклонился еще раз, губы его беззвучно дрогнули, в голове путались немецкие и чешские слова. Он покосился на портрет Шопенгауэра, висевший на стене против окна. Мыслитель, создавший для себя собственный мир, глядел отчужденно и замкнуто. Ну разумеется, мир есть лишь воля и представление. Нет причин для колебаний и нечего тревожиться!

— Отвечайте, не то мы развяжем вам язык,— пригрозил Трнец и похлопал по прикладу автомата.

---

[1] Войдите! *(нем.)*

— Перестань! — сказал ему Багар.— Вы говорите по-чешски? — обратился он к Титце.

— До войны господин Титце очень неплохо говорил по-чешски,— заметил Рейзек.

— Попробую,— сказал Титце, старательно выговаривая слова.— В последние годы не было практики.

— Теперь у вас ее будет столько, что не обрадуетесь,— вставил Трнец.

— Прочтите,— сказал Багар и подал Титце свой мандат.

Секретарь взял документ и пошарил по столу, отыскивая очки. Он старался держаться с достоинством, но, когда читал, бумага дрожала в его руке так сильно, что все трое отвели от него взгляд.

— Так,— дочитав, взволнованно сказал он и кивнул несколько раз. Вернув мандат Багару, Титце снял очки и замигал подслеповатыми глазами.

— Безусловно, это необходимо,— сказал он.— Я ожидал чего-нибудь в этом роде, иначе и быть не могло. Я в вашем распоряжении, пан комиссар.

— Я полагаю, что вы будете делать все, что нам потребуется. Как давно вы состоите секретарем управы?

— Тридцать лет.

— Это большой срок,— сказал Багар.— Сейчас, разумеется, будут большие перемены. Приедут переселенцы из внутренних районов. Понадобятся непривычные меры.

— Говорят, что немецкое население будет выселено за границу,— сказал Титце.— Несомненно, эти слухи преувеличены, чтобы создать панику.

— Где там, дорогуша! — ухмыльнулся Трнец.— Все вы выкатитесь отсюда, и очень скоро.

— Точно еще ничего не известно,— сказал Багар.

— Так, понимаю,— произнес Титце.— Но это ужасно. Мы родились здесь, и у нас нет другой родины.

— Придется вам пустить слезу,— продолжал Трнец.— А какую родину вы готовили нам?

— Перестань! — прервал его Багар.— Мы пришли сюда не для споров. Скажите, где бургомистр?

— Я ни в чем не провинился,— заговорил Титце.— Всю жизнь я был служащим, рядовым чиновником. Политика мне чужда. Я хотел бы умереть там, где родился.

— Это удастся вам, если вы поторопитесь,— опять вмешался Трнец.— А нацистом вы не были?

— Я ненавидел их,— ответил Титце.— Они лишили мир спокойствия, раздумья и красоты.

— Интересно знать, найдется ли во всем городе хоть один человек, который сознался бы, что он был нацистом,— заметил Трнец.

— Ближе к делу,— перебил Трнца Багар.— Где найти бургомистра?

— Я не видел Релига уже целую неделю,— ответил Титце.— Дома его тоже нет, вилла пуста.

— Какая вилла? — заинтересовался Трнец.— Та, что рядом с текстильной фабрикой?

— Да, та.

— А куда девался бургомистр, как вы думаете, господин секретарь?

— Говорят, он бежал,— сказал Титце.— Могу проводить вас в его кабинет.

Он пошел к дверям, и Трнец с автоматом на изготовку торопливо последовал за ним. Багар шел вторым и недовольно думал, что этот секретарь наверняка знает больше, чем говорит. Надо вытянуть из него все, что он знает. Он хотел бы избежать выселения, но я ничего не могу ему обещать.

— Вот, пожалуйста,— сказал Титце и, открыв дверь, с учтивым поклоном предложил Трнцу пройти первым.

— После вас,— сказал тот и пошевелил автоматом, словно желая ткнуть Титце в бок.

Они вошли в просторную, большую комнату с тремя окнами. Темные деревянные панели тянулись до лепного потолка; перед громадным письменным столом с замысловатой резьбой стояли два глубоких кресла. Гарнитур из четырех кожаных кресел и широкого дивана занимал весь левый угол кабинета. Пол был покрыт толстым со светлым узором персидским ковром. Трнец наклонился и пощупал густой шелковистый ворс.

Багар дал Титце знак сесть, сам сел напротив и предложил секретарю сигарету. Тот поколебался, потом наклонился к портсигару и протянул нетвердую руку.

— Нам уже неделю не выдавали табаку,— сказал он.— В последнее время никто нами не занимается.

Багар дал ему прикурить и спросил:

— Вы уверены, что бургомистр скрылся из города?

— Так думает весь город.

— Некоторые думают, что он прячется где-то здесь, в Грюнбахе,— заметил Багар.

Титце бросил на него быстрый взгляд, опустил глаза, глубоко затянулся и медленно выпустил струю дыма.

— Какой ему смысл прятаться! — сказал он наконец.— Для него было бы лучше бежать.

— У него есть причины для этого?

— Он был видной фигурой. Очень видной.

— Популярен?

— У сторонников прежнего режима.

— У него здесь большое имущество. Люди неохотно бросают богатства.

— Да, он был самым богатым человеком во всей округе,— сказал Титце.

Трнец за его спиной шагнул и поднял автомат, жестом показывая Багару, что хочет ударить Титце. Багар остановил его взглядом.

— Много ли в городе охотников прятать Релига у себя в доме? — спросил он.

— Не знаю,— был ответ.— Вернее, не представляю себе, кто мог бы это сделать.

— Когда тебе надоест, дай мне знать,— сказал Трнец, с недовольным видом отошел к окну и резким движением отодвинул портьеру. Зубчатая линия леса была окаймлена золотой полоской, синие сумерки поднимались из долины, как вода в быстро заполняемом водоеме. Еще заметны были силуэты пестрых коров на отлогом южном склоне, еще видна была зелень лужаек. Дым поднимался над крышами, на западе плавилось золото заката, превращаясь в густеющую ночную синеву.

Трнец насвистывал «С львиной силой» и барабанил пальцами по стеклу. Рейзек подсел к Багару и смотрел, как тот молча вертит пуговицу на пиджаке, словно выжимая из нее новый вопрос, достаточно проницательный для того, чтобы распутать дело и покончить с этим трудным и бесцельным разговором. Рейзек ощущал острую неудовлетворенность всем до сих пор виденным в Грюнбахе. Он знал, что ему придется здесь нелегко, но сейчас чувствовал себя как на угольях. Насвистывание Трнца пробуждало в нем беспокойство и воспоминания о страшных днях восстания. И еще больше Рейзека мучила раздвоенность: он все время сочувствовал то Багару, то Титце. «Зачем Багар так донимает секретаря,— твердил он себе.— Я знаю Титце, он давно бы все сказал, если бы ему было известно что-либо. И почему он вообще не скажет первое, что придет в голову, лишь бы отделаться?»

— Вы ведете себя неправильно, господин секретарь,— сказал Багар.

— Не понимаю, чего вы от меня хотите,— ответил Титце.

— Бургомистр в городе,— настаивал Багар.—Откуда бы иначе взялись такие разговоры? Скажите же, у кого он мог бы укрыться, если бы вздумал прятаться?

Титце наклонился над столиком и медленно погасил окурок в граненой пепельнице. Трнец резко повернулся от окна, сдернул с плеча автомат и закричал злым, прерывающимся голосом:

— Хватит! Скажешь или нет?!

— Отстань и не дури,— сердито сказал Багар, вставая.— Если мы найдем бургомистра сами, вам придется худо, господин секретарь.

Титце сжался в кресле, казалось, что он уменьшился вдвое. Губы его беззвучно шевелились.

— У сапожника Йокля...— наконец произнес он.

— Вы пойдете с нами? — спросил Багар.

— Я не хочу, это уж слишком!..

— Нечего с ним нянчиться,— вмешался Трнец.— Шевелись, дохлятина, пошли!

— Не надо,— быстро сказал Рейзек.— Я знаю дом Йокля и доведу вас до него.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сапожник Йокль жил на той же улице, где стояла ратуша.

— Йокль был когда-то социал-демократом. Этакий вечный задира,— рассказывал Рейзек.— Потом он перешел к генлейновцам. Еще когда мы были здесь.

Они сидели в машине и решали, как быть. Задержать бургомистра необходимо. Не оставлять же у себя за спиной этого отъявленного нациста — он бог весть что может натворить. Ну, а что с ним делать, скажите, пожалуйста? И как поведут себя жители Грюнбаха, узнав, что арестован их бургомистр? А кстати, где его запереть и кому сторожить?

— Не будем ломать себе голову, товарищи,— сказал Багар, и Трнец усмехнулся, услышав это обращение.— Все равно мы ничего не придумаем. Давайте лучше выясним, верно ли, что он у Йокля. А там видно будет...

Солнце уже зашло, но на небе еще виднелись отблески вечерней зари. Жители города выходили из домиков и делали вид, что занимаются обычными делами. Группа под-

ростков в лыжных шапочках прошла мимо машины, окинув сидящих в ней чехов дерзкими, презрительными взглядами. В конце улицы был железный мостик — один пролет, переброшенный через быструю горную речку. За мостом дорога круто поворачивала влево и поднималась к горному перевалу. В последнем домике, перед самым мостом, жил сапожник Йокль.

— Поезжай к мосту и остановись там,— сказал Багар Трнцу.— Антош пойдет со мной, а ты с Рейзеком останешься в машине.

Трнец послушно нажал стартер. Машина медленно покатилась. Когда мотор немного затих, стало слышно, как под мостом бурлит невидимая вода.

— А, глядите, вот она! — воскликнул Трнец, но он имел в виду совсем не речку, скрытую в глубоком русле, а трехэтажное здание текстильной фабрики, которое теперь стало видно. Оно высилось справа за мостом, на другом берегу.

— Ребята, вот это фабрика! Красота! — восторженно повторил Трнец. Действительность превзошла все его ожидания.— Если фабрика и внутри не хуже, так это все равно что выиграть в лотерее. Поехали прямо туда, а?

— Успеешь,— сказал Багар.— Сейчас у нас есть другое дело.— И, открыв дверцу, он вышел из машины.

— Тогда поторопитесь,— сказал Трнец.— А то я удеру один.

Багар обернулся и посмотрел на Трнца долгим испытующим взглядом, словно впервые видел его.

— Послушай-ка, приятель,— медленно начал он.— Мы тут одни. Нас всего-навсего четверо в чужом городе. Что ты скажешь на этот счет?

— Что вы затеваете глупость,— был ответ.— Именно потому, что нас всего четверо. Мы натравим их на себя и пропадем ни за грош. Словно нельзя повременить с арестом.

— Ты сам знаешь, что нельзя. Мы не можем позволить ему удрать или оставить его у себя в тылу. У нас есть определенные обязанности.

— У тебя,— сказал Трнец.

— И у тебя тоже. Мы все члены административной комиссии.

— Ну, черт с ним, ступайте,— заключил Трнец.— Приведите его с собой. Пусть это выглядит так, будто он хочет показать нам фабрику. Ведь он ее владелец.

— Это идея,— согласился Багар.

Трнец повесил автомат на грудь, вылез из машины и закурил. Он стоял, широко расставив ноги — к высоким сапогам сама напрашивалась такая поза,— и смотрел, как Багар и Антош переходят улицу, открывают калитку и входят во дворик перед домом Йокля. Это был прелестный домик, прямо с фотографии в иллюстрированном журнале; от него веяло уютом домашнего очага. Крылечко — три каменные ступеньки — украшали резной навес и столбики, по которым вилась светло-зеленая жимолость. Из будки, гремя цепью, выскочил рыжий пес с косматым хвостом, дернулся на цепи, упал на спину, завыл и разразился пронзительным лаем.

Дверь открылась, и на пороге появилась девочка лет десяти в синем полотняном платьице с зеленым передником. Ее русые волосы цвета перезрелого овса были разделены пробором и заплетены в две толстые короткие косы, одна из которых болталась на груди. Лицо у девочки было сосредоточенное — она несла большую коричневую эмалированную миску с грязной водой, ей, видимо, было нелегко. Девочка взглянула в сторону калитки и вдруг увидела... Два человека с автоматами посреди двора! Она вскрикнула и уронила миску, которая со стуком покатилась по ступенькам, заливая их грязной водой с картофельными очистками. Оставив двери настежь и не переставая кричать, девочка кинулась в дом.

— Быстро, Антош! — крикнул Багар.— Не поскользнись! — Двумя прыжками он очутился в темном коридоре. Девочка вбежала в последнюю дверь направо. Но не успела она еще ничего объяснить, как в дверях уже стоял Багар с наведенным автоматом. Сделав последний быстрый шаг, он нечаянно толкнул девочку; та отлетела к кухонному столу, уцепилась за клеенку и с громким плачем соскользнула на пол. Слева поднялась высокая угловатая женщина, растапливавшая плиту, и пронзительно вскрикнула. Но Багар не обратил на нее внимания.

— Руки вверх! — крикнул он по-немецки.

В комнате было двое мужчин. Один — высокого роста, без пиджака, в расстегнутой рубашке, холщовых брюках и домашних туфлях на босу ногу. Черные волосы торчали ежиком над его нахмуренным лбом. Он стоял у стола, опираясь на него узловатыми пальцами. Несомненно, это был хозяин дома, сапожник Йокль. Несколько необычная наружность для сапожника, подумал Багар. Мы привыкли представлять себе сапожника сухоньким малорослым человеком.

Другой мужчина — в широком коричневом пальто — был уже на полпути к раскрытому окну. Узкие поля коричневой с зеленой лентой шляпы не скрывали смуглого лица. Над оттопыренной нижней губой торчали густые рыжие усики, на пухлой левой щеке виднелся глубокий шрам.

Спесивая свинья, сказал себе Багар. На мгновение прошлое и настоящее смешались в его сознании. Все они одинаковы, подумал Багар, все фашисты мира на один лад, словно скроены по одной мерке. В памяти Багара встала глухая испанская деревушка, где-то в Эстремадуре. В жаркий полдень он проник туда со своим взводом. У дороги стоял каменный домик, часовые дремали в тени. Прохладные сенцы, дверь, распахнутая ударом ноги, человек в высоких сапогах вскакивает с кровати и тянется за пистолетом к поясу. Но пистолет вместе с ремнем висит на спинке стула. У человека смуглое одутловатое лицо, красное от волнения и испуга, и взгляд убийцы. Это полковник Хуан Медина, за которым числятся двенадцать сожженных деревень и семьсот пятьдесят два казненных. Есть чем гордиться! Но этот полковник наложил в штаны,. когда мы поставили его к стенке...

Оба мужчины медленно и неохотно подняли руки. От этого движения пистолет, наполовину вытащенный из кармана коричневого пальто, вывалился и с глухим стуком упал на пол. Багар усмехнулся. Антош сказал за его спиной:

— Подвинься немножко в сторону.

— Подбери пистолет,— сказал Багар.— Да смотри не лезь мне под прицел.

Антош проскользнул рядом с Багаром, сделал несколько шагов по кухне, нагнулся за пистолетом и сунул его в карман.

— Девятизарядный «штейер»,— заметил он.— Хорошая штучка, делает дырки с кулак величиной.

— Осмотри у них карманы и стань к окну,— распорядился Багар.

Антош подошел к мужчинам и обыскал их. На печке встала кошка, медленно потянулась, спрыгнула на лавку, потом на пол и вышла в коридор. Багар плечом прикрыл дверь, не сводя глаз с мужчин. Девочка подползла к постели и уткнулась в подушки, тихо плача. Антош сел на подоконник, держа автомат между колен. Багар подтянул ногой стул и уселся на некотором расстоянии от двери

и достаточно далеко от стола, чтобы в случае надобности воспользоваться оружием.

— Опустите руки и сядьте,— сказал он.— Потолкуем кое о чем. Сядьте. Быстро!

Йокль и Религ опустили затекшие руки и неохотно сели.

— Сними с него шляпу, Антош,— сказал Багар.— Я хочу взглянуть на его лицо.

Антош наклонился вперед и, даже не вставая, быстрым и ловким движением сбил шляпу с головы Релига. Тот взмахнул руками, словно защищаясь, и снова опустил их. В последнем отблеске дневного света стала видна его угловатая голова с ежиком рыже-пепельных волос, гладко подстриженных на висках.

Спокойствие, мысленно твердил себе Багар. Я бы охотно ударил его, но какой от этого будет толк? Чтобы успокоиться и привести мысли в порядок, Багар водил пальцем по затвору автомата.

Вечернее благоухание лугов лилось из окна. Где-то поблизости, наверное на крыше, пел дрозд. Плита разгорелась, был слышен треск горящих поленьев и гул воздуха в трубе. У плиты стояла женщина, опершись о стену, и, насупясь, смотрела на людей с автоматами.

— Мне нужно сходить за водой,— сказала она.— Я варю ужин.

— Не трогайтесь с места,— ответил Багар.— Еще успеете поужинать.

Он сам вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что в последний раз ел часов семь назад. Скорее бы закончить это противное дело. Не сводя глаз с человека в пальто, он вынул из кармана сигарету и зажигалку.

— Если не ошибаюсь, бургомистр Религ? — спросил он по-немецки после глубокой затяжки.

Молчание. Только девочка у постели прерывисто всхлипывала да за окном пел дрозд.

Багар угрожающе наклонился вперед и сказал резко:

— Отвечайте, или мы вас заставим.

Антош легко спрыгнул с подоконника, неслышно подошел к бургомистру и замахнулся на него прикладом. Багар покачал головой. В глазах Йокля мелькнул страх. Бургомистр испуганно оглянулся.

— Я протестую,— торопливо сказал он хриплым голосом.— Протестую против того, что со мной обращаются как с преступником. Я даже не знаю, кто вы такие, и могу только догадываться...

— Я ему дам раза́,— сказал Антош.— Меня от него мутит.

— Не задерживайте меня зря,— устало сказал Багар.— Вас зовут Религ, не так ли?

— Да.

— Вы бургомистр?

— Да.

— Так почему же вы прячетесь и не показываетесь в ратуше?

— Я не прячусь. Я пришел в гости к знакомому. Понятия не имел, что вы меня искали.

— Пришли в гости к знакомому неделю назад и с тех пор сидите у него, хотя ваш дом напротив. Весь мир сотрясается, а бургомистр ходит в гости.

— Это все сволочь Титце,— сказал Йокль.— Мы с ним разделаемся.

За голову Титце я сейчас не дал бы ни гроша, подумал Багар. Если подтвердить, что их выдал Титце, они прикончат секретаря сегодня же ночью. А ведь Титце может быть нам полезен. Это разочарованный интеллигент, в голове у него хаос, а характер слабый. Титце еще пригодится нам, пока мы тут освоимся и сами увидим, что к чему. Он хотел властвовать, хотел быть господином, но вместо этого всю жизнь прислуживал, а сейчас думает, что наконец пришло его время. Да, Титце еще нам понадобится.

— Титце сказал нам, что не видел бургомистра уже неделю, и думает, что вы скрылись за границу. Ищите других друзей, которые выдали вас.

— Из ратуши вы пришли прямо сюда,— угрюмо сказал бургомистр.

— А я все-таки дам ему раза́ по шее,— повторил Антош.— Вздумал допрашивать нас!

— У Титце мы только проверяли то, что нам уже было известно,— продолжал Багар.— Но оказалось, что он больше боится вас и ваших соплеменников, чем нас.

— Брось ты с ним канителиться,— сказал Антош.— Слушать противно.

— Ну, пошли,— заключил Багар.

Он встал так быстро, что стул покачнулся и чуть не упал. Девочка у постели испуганно вскрикнула и снова зарыдала. Смуглое лицо Релига побледнело. Он не двигался с места, словно не понимая, что эти слова относятся к нему. Стиснутыми кулаками он упирался в край стола.

Антош стукнул его прикладом в бок.

— Слышал ты или нет, что сказал шеф? Пошли!

Бургомистр вскочил и обеими руками ухватился за ушибленное место.

— Я протестую против насилия! — закричал он.— Я арестован? Хочу знать, за что! Хочу знать, кто меня арестовал и по какому праву!

Багар, сдерживая раздражение, поглаживал пальцем металл автомата.

— Не кричите, это вам не поможет,— сказал он.— Для ареста у нас есть достаточно оснований. Сегодня мы задержим вас здесь, а завтра отправим в Кадань. Там вам скажут, что будет с вами.

Йокль тоже встал, сжав кулаки так, что даже побелели суставы.

— Я протестую,— сказал он резким гортанным голосом.— Господин бургомистр ни в чем не виноват.

— Это просто пленум протестантов! — заметил Антош.— Заберем его тоже, а?

Багар пристально поглядел на Йокля. Надо бы забрать и этого, подумал он, Антош прав. Но что я буду с ними делать? Хватит того, что придется сторожить Релига.

— Слушайте-ка, вы,— сказал он сапожнику,— ведите себя потише. Вы оба были нацистами, а? Вы и бургомистр. Герр бургомистр имел чин штурмбанфюрера СА или еще повыше, а вы были тем холуем, который делал для него грязную работу. Скольких человек вы отправили в тюрьму и на смерть? Молчи, говорю, и сиди тихо! Мы еще займемся тобой. Марш!

Антош нахлобучил бургомистру шляпу и легонько ткнул его стволом автомата под ребро. Дородный бургомистр протиснулся между столом и кроватью, перешагнув через ноги сжавшейся девочки. Багар остановил его, прежде чем они вышли в дверь.

— Вы пойдете с нами как ни в чем не бывало, понятно? Вы отправились показать нам фабрику. Не подавайте вида, что происходит что-то другое, и не вздумайте выкинуть какую-нибудь штуку. Я пойду за вами и за самую пустяковую выходку прострочу вас из автомата.

Они вышли в холодный коридор. Антош шел впереди, за ним бургомистр, Багар замыкал шествие. Откуда-то запахло кислой капустой, и Багар снова почувствовал, что он голоден.

— Ты пойдешь рядом с ним с самым дружеским видом,— сказал он по пути Антошу.— Но берегись, чтобы он не напал на тебя или не выкинул чего-нибудь в этом роде. Я пойду сзади, как будто отстал.

На крыльце все еще блестела пролитая вода и валялись картофельные очистки. Пустая миска лежала на земле. Пес опять ожесточенно залаял и заметался на цепи. Небо над головами было сине-золотое, воздух благоухал, на землю спускались мягкие сумерки. Ах, какой вечер! Сидеть бы на скамеечке, покуривать и слушать далекую гармонику.

Они вышли из калитки, и Трнец шагнул им навстречу.

— Мое почтение! Уж не бургомистр ли это собственной персоной?

— Бургомистр Религ идет показать нам фабрику,— ответил Багар.— Он был очень рад познакомиться с нами.

Трнец усмехнулся, было видно, что возвращение Багара и Антоша подействовало на него успокоительно. Слегка кивнув головой в сторону города, он сказал:

— Посмотри, только незаметно, как на нас уставились.

Перед каждым домом стояли группами люди и, уже не скрывая любопытства, смотрели на машину. Багар бросил на них быстрый взгляд, и этого было ему достаточно. Он приблизился на полшага к бургомистру и пробурчал ему в затылок:

— Сними шляпу и поздоровайся.

Религ испуганно передернул плечами и, сняв шляпу, раскланялся с Трнцом и Рейзеком, восседавшим на заднем сиденье. Антош подошел к машине, открыл дверцу и сказал:

— Полезай, хватит ломать комедию!

Бургомистр оглянулся по сторонам, но Багар не дал ему времени на размышление: он ухватил Релига за левую руку повыше локтя и сильно сжал ее, с удивлением ощутив дряблое тело, а не крепкие мышцы.

— Живо в машину! — приказал он Религу.

Бургомистр ссутулился и, ухватившись за дверцу, опустился на сиденье. Антош немедля влез за ним и поместился рядом в углу. Взревел стартер, но мотор не заработал. Трнец выругался. Багар оглянулся и увидел Йокля. Сапожник недвижно, как изваяние, стоял у калитки и напряженно смотрел на машину, которая никак не могла тронуться с места.

— Заведи ручкой, жалко аккумуляторы,— сказал Антош.

— Чертов мотор, что это с ним такое?! — бормотал Трнец.— Никогда еще ничего подобного не случалось.

Он вылез из машины, вставил ручку и резко повернул ее. Мотор засопел и застучал, но безрезультатно. Зажигание не работало.

— Устроили мы тут для них представление,— проворчал Антош.— Пусти-ка меня к мотору.

— Сядь и не устраивай беспорядка,— сказал Багар.

Через мост шел человек в истрепанной военной форме без знаков различия. Он шел с палкой, сильно прихрамывая на левую ногу. Остановившись, он пристально взглянул на машину, потом подошел и, здороваясь, приложил руку к козырьку. Измятая одежда была велика для него, воротник болтался вокруг тощей шеи, лопатки резко проступали на сутулой спине. Щеки у него были такие худые, что, казалось, в провалы под скулами вошло бы по целой картофелине. Нос торчал на истощенном лице, под косматыми бровями сверкали черные глаза.

— Меня зовут Ганс Пальме,— неуверенно сказал он по-чешски.— Простите за беспокойство.

Трнец выпрямился и взглянул на него.

— Что вам надо? — неприветливо спросил Багар.

— Меня вы можете не опасаться,— быстро и чуть хрипло продолжал Пальме.— Мне вы можете верить. Уже хотя бы потому, что у вас красный флажок на радиаторе. Он нас сближает.

— Ну, ладно,— ответил Багар.— Все может быть. Но вы видите, что мы сейчас спешим. Приходите завтра ко мне в ратушу.

— Я хотел только взглянуть на Релига до того, как вы его увезете,— сказал Пальме, указав на бывшего бургомистра.— Пусть увидит меня, прежде чем будет повешен.

Он перешел с чешского на немецкий и говорил все быстрее, словно боясь, что они уедут или оборвут его и он не успеет сказать все, что хочет.

— Пусть он посмотрит, что сделал со мной. Я работал на его фабрике, рабочие шли за мной, я был коммунистом. Его злило, что я не предатель и что ему не удается склонить меня на свою сторону. Он хотел, чтобы я вступил в их подлую партию и продал интересы рабочих. И он донес на меня сразу, как только пришли гитлеровцы. «Пальме — красная свинья,— сказал он,— возьмите его и вправьте ему мозги». И вот, взгляните, что из меня сделали. Два года в концлагере, а потом в штрафном батальоне. Если бы я сейчас разделся до пояса, он бы увидел, как мне «вправляли мозги», он увидел бы, что может выдержать человек и большевик.

Пальме захлебнулся своей торопливой речью и раскашлялся. Религ смотрел на него неподвижным взглядом, потом наклонил свою тяжелую голову.

— Не верьте ему,— сказал он.— Это низкая месть. Я уволил его за кражи.

Пальме мгновение стоял неподвижно, задохнувшись от ярости, глаза у него вылезли из орбит. Потом, подняв палку, он устремился к машине. Багар схватил его за руку.

— Успокойтесь, приятель,— сказал он.— Мы знаем, что он сволочь. Не понимаю только, почему вы решили рассчитаться с ним именно сейчас. Почему не раньше?

— Я вернулся только вчера,— задыхаясь, ответил Пальме.— Меня подвезли кое-где русские, часть дороги я шел пешком. В городе я сразу стал искать Релига. Но эта тощая бестия Титце сказал мне, что Религ скрылся уже неделю назад, и я поверил ему.

— Не огорчайтесь,— отозвался Багар.— Этому поверили многие. Приходите завтра ко мне.

Трнец снова нагнулся и стал крутить рукоятку. Мотор дрогнул, заворчал, но заглох. Багар дал газ, и мотор оглушительно заработал.

— Избейте его хоть раз так, как меня били сотни раз,— сказал в этом шуме Пальме.— Но побои — это еще пустяки. Он погубил мою дочь, превратил ее в девку из «гитлерюгенда». Хотел бы я ударить его хоть разок!..

— Успокойтесь! — повторил Багар.— Он получит по заслугам. До свиданья!

Пальме посмотрел, как машина переехала через мост, потом пошел следом за ней, хромая и тяжело опираясь на палку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Багар и его спутники долго ждали перед железными, выкрашенными в серый цвет воротами фабрики, то и дело нажимая кнопку звонка и подавая сигнал клаксоном. Но изнутри слышался только хриплый собачий лай. Багар несколько раз стучал в ворота прикладом. Грохот металла далеко разносился в вечерней тишине, отзывался эхом в долине и смешивался с протяжным мычанием коров, возвращавшихся с пастбища. На дороге стоял Пальме — согнутый, чуть заметный в сгущающихся сумерках обломок человека — и смотрел в их сторону.

— Слушайте, вы,— обратился к Религу Трнец.— Должен же там быть кто-нибудь?

— Привратник,— был ответ.

— Так скажите, что нужно сделать, чтобы он открыл. А то мы обстреляем вашу крепость.

— Привратник сидит в сторожке,- заметил Антош.— Из трубы идет дым.

За каменной оградой фабрики виднелась розоватая этернитовая крыша сторожки. Из трубы поднималась серая струйка дыма.

— Что он там делает, черт возьми? — сказал Трнец.— Оглох он, что ли?

— Что делает? — сказал Антош.— Сидит под воротами и делает в штаны, вот что! Думает, что пришли русские, и читает «Отче наш» с начала до конца и обратно.

Послышался шорох щебня на дороге. Чехи оглянулись. У машины стоял Пальме. Подняв палку, он указал на Релига.

— Почему вы не поищете у него в карманах? — сказал он.— Наверняка у него есть ключи.

— Верно, черт возьми! — воскликнул Трнец.— Встань! — закричал он на Релига.— Антош, обыщи его. Руки вверх!

Религ встал и поднял руки. Антош взял автомат под мышку и быстро ощупал платье фабриканта. Из кармана брюк он вытащил большую связку ключей в кожаном футляре на цепочке. Антош сильно дернул за цепочку и вырвал ее с клочком материи.

— Вот они! — торжествующе воскликнул Антош и перебросил ключи Багару.— Отпирай, Ирка!..

— Почему ты сразу не сказал, что ключи у тебя? — накинулся Трнец на Релига.

— Меня не спросили.

— Ах ты, сволочь! — сказал Трнец и ударил его прикладом под ложечку. Религ охнул и тяжело опустился на сиденье. Пальме подошел и молча поглядел ему в лицо.

Ворота скрипнули и распахнулись. Обе створки легко подались и с металлическим стуком остановились в железных упорах на мостовой. Путь был открыт, и Трнец нетерпеливо отпустил тормоз. Машина сама покатилась по наклонному бетонированному въезду и очутилась во дворе.

Багар уперся в створку ворот и стал толкать ее обратно, чтобы снова запереть. Пальме, хромая, поспешил к нему на помощь.

— Вы берите верхний, а я нижний,— сказал он.

Багар улыбнулся и кивнул.

— Фабрика будет работать снова? — спросил Пальме.

— Конечно,— отвечал Багар.— Мы пришли сюда не выводить предприятия из строя, а пускать их в ход. Вот только хватит ли сырья и рабочей силы?

— Сырье на фабрике есть, это я уже выяснил,— сказал Пальме.— А люди прибегут сами, только позовите. Что бы они там ни делали раньше, нравится им нынешний порядок или нет, а жить ведь надо. Все они бедняки. Но, может быть, вы и не захотите их, может быть, вы их выселите? Есть такой слух. Может, вы выселите всех нас...

Багар поглядел на него. Вот оно, сказал он себе. Об этом ты будешь слышать каждый день, Багар. Нелегок будет здесь твой труд.

— Антифашисты останутся, если захотят,— ответил он.— Проверенные антифашисты.

— Я антифашист,— сказал Пальме.— Спросите кого угодно в Грюнбахе. Вам скажут, кем был Ганс Пальме в течение шести лет.

— Увидим,— ответил Багар.— Этого у вас никто не отнимет. Короче говоря, вам не хочется переселяться за границу?

Пальме покачал головой.

— Никому не хочется. Каждый будет говорить, что он тут родился, что его предки жили здесь с незапамятных времен и прочее. Но я, когда придет время, скажу вам другое: я не хочу за границу потому, что мне там нечего делать. Здесь будут отнимать фабрики у господ, здесь будет строиться социализм. Я хочу участвовать в этом, я всю жизнь ждал этого.

— И я тоже,— улыбнулся Багар.— А теперь идите, а то Трнец меня съест.

Они обменялись рукопожатием, и Багар взялся за вторую створку. За ней он обнаружил спрятавшегося старика, которого, видимо, не заметили и те, кто уже был во дворе. На старике мешком сидела изношенная коричневая форменная куртка со светлыми пуговицами, на высокой фуражке с твердым козырьком виднелись какие-то буквы, видимо инициалы Релига. Небритый седой старческий подбородок слегка дрожал. Старик засопел, прежде чем выдавить из себя приветствие.

— Здравствуйте! — произнес он по-немецки.

— Добрый вечер,— ответил Багар, продолжая запирать ворота.— А почему вы не открыли нам?

Старик наконец справился со своими трясущимися конечностями и подошел к Багару, пытаясь помочь ему выдвинуть засов.

— Разрешите мне,— бормотал он.— Это мое дело, я им занимаюсь уже много лет.

Прибежали Антош и Трнец.

— Погляди-ка! — воскликнул Антош.— Что я говорил! Вот он, старый гриб!

Войдя на фабричный двор, Трнец ощутил спокойствие и незнакомую прежде уверенность в себе. Атмосфера крупной собственности, в которой он очутился, придала ему сил. В кармане у него лежал документ, в котором говорилось, что текстильная фабрика со всем ее оборудованием и службами передается ему как народному управляющему. Народное управление... Не очень-то приятное слово. У немцев были «тройхендеры» [1], у нас — народные управляющие. Кто бы подумал, что немцы получат по башке той самой дубинкой, которую они применяли против нас и евреев. Ладно, помиримся с этим. Сегодня — народный управляющий, завтра — владелец и фабрикант. Иначе и быть не может. Сильные, состоятельные чешские патриоты будут здесь, в Пограничье, лучшей защитой от новой немецкой экспансии.

И будущий фабрикант, а пока что народный управляющий сказал голосом, в котором после вдохновляющего осмотра фабрики появились нотки металла:

— Что это за тип? Почему он не открыл нам?!

Рейзек оставался с бургомистром в машине. Он потягивался, разминая члены, затекшие от долгого сидения, и искоса поглядывал на своего пленника. Несколько лет назад Религ хаживал к ним в ресторан. Это было во времена, когда фабрикант еще не примкнул к генлейновцам и поддерживал знакомство с чехами. В гостинице Рейзека он угощал своих деловых гостей из Праги; старый Рейзек низко кланялся ему, лично обслуживал компанию в отдельном кабинете и говорил, что Религ — самая светлая голова в Грюнбахе. Как же держаться с пленником, от которого ты когда-то получал чаевые, думал Рейзек-младший. Сегодня пленник... А что будет завтра или, например, через год, когда все утрясется?

— Если не ошибаюсь, вы сын пана Рейзека? — вполголоса сказал по-чешски Религ.— Вы Рейзек-младший.

— Да.

— Я очень уважал вашего отца. Мы всегда ладили с ним. Можно сказать, что, несмотря на различие национальностей и взглядов, мы были добрыми друзьями.

Рейзек не ответил и беспокойно оглянулся на ворота.

— Они не слышат нас,— продолжал Религ.— Они взя-

---

[1] «Доверенные лица» из нацистов, которым гитлеровские власти передавали захваченные фирмы (от *нем.* Treuhänder).

лись за этого старого дурака Гримма. Как вы думаете, что они со мной сделают?

— Отдадут под суд.

— За что меня судить? — презрительно воскликнул Религ.

— Государственная измена, переход на сторону врага, участие в нацистском движении,— сказал Рейзек, обращаясь не к Религу, а к радиатору машины. Глаза у него беспокойно бегали, пальцы нервно шевелились на прикладе автомата.

— Я немец, германский подданный. Чешскому суду я неподсуден. Все это крайности, бурное настроение первых дней. Оно быстро пройдет. Уж не верите ли вы вздору о нашем выселении? Великие державы никогда не согласятся на это.

— Не знаю. Это не мое дело.

— Что означают буквы «РГ» у вас на рукаве?

— Революционная гвардия.

— Вы считаетесь военным формированием?

— Да.

— Это значит, что, если я сейчас вздумаю бежать, вам придется стрелять?

— Да.

— Но вы могли бы не попасть в меня. Выстрелить в воздух. Уже почти темно. Вы могли бы сказать им, что промахнулись.

Пальцы Рейзека постукивали по стволу автомата, и в этом стуке была нерешительность, колебание, душевный разлад.

— Это очень помогло бы вам в будущем, когда положение снова изменится,— сказал Религ и, вынув руки из карманов, оперся о спинку переднего сиденья и приподнял свое тяжелое тело.

Рейзек оглянулся на ворота и увидел, что Багар, отделившись от остальных, размашистым шагом идет к машине.

— Сядьте, или я выстрелю! — взвизгнул Рейзек.

— Что случилось? — спросил Багар.

— Он хотел встать.

— Что же, пусть встанет и выйдет из машины. Надо поместить его куда-нибудь на ночь.

Нахмурясь, Багар наблюдал за неуклюжими движениями Релига. А не лучше ли отвернуться и дать ему возможность попытать счастья? Пусть побежит. Тогда стоит только нажать спусковой крючок, и все будет кончено. Так

делали нацисты: возьмут шапку арестованного, забросят ее в поле и велят бежать за ней. Ну-ка, марш за шапочкой! Schnell, schneller, du, Schweinhund!..[1]

Сколько наших людей погибло такой смертью — и не сочтешь! Мы все еще полны воспоминаний об этих зверствах, потому и нам приходят в голову жестокие выдумки.

Увидев своего бывшего хозяина, старый Гримм выпрямился, стал навытяжку и приложил к козырьку костлявые кривые пальцы. Религ не ответил ему и, засунув руки в карманы, стоял, глядя через головы арестовавших его людей на здание фабрики.

— Каков старый дурень, а? — не удержался Антош.— Ну, ну, поклонись барину в пояс, поцелуй ему ручку, согнись перед ним в три погибели, чтобы он мог дать тебе пинка под зад. Вот они, нацисты!

— Не ворчи, Антош,— сказал Багар, обняв его за плечи.— Надо привыкать.

Антош быстро взглянул на него искоса, польщенный и смущенный этим неожиданным проявлением симпатии.

— Я три года привыкал — и не привык,— ответил он.— Разве это люди? Автоматы для «бефе́лей»[2]. Старший по чину дает пинка младшему, а тот терпит лишь потому, что ждет дня, когда сам будет пинать кого-нибудь. Хорошо бы пожрать, лечь спать и уже не видеть сегодня эти рожи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В громадной столовой виллы Релига всем четверым было не по себе; никто из них не привык к таким апартаментам. Когда они вошли, все стояло на своих местах; вещи словно ждали, когда жизнь снова потечет обычным порядком: стекло, фарфор и вазы, белая скатерть на большом обеденном столе, пушистый ковер, покрывавший почти весь пол из паркетных плиток разных оттенков. Только на полированной черно-коричневой мебели лежал такой толстый слой пыли, что можно было рисовать пальцем.

Здесь было все, что служит комфорту и делает жизнь приятной. В подвале рядом с кочегаркой, где они заперли Релига, нашлись рейнские и мозельские вина, французские и греческие коньяки. Они пили их, наливая в тяжелые граненые бокалы на высоких ножках, и быстро захмелели

---

[1] Живо, живей, сволочь! *(нем.)*
[2] приказов (от *нем.* Befehl).

после утомительного и тревожного дня. В кухне, выложенной белыми изразцами, сверкающей медью и хромом, они открыли привезенные с собой мясные консервы и сервировали ужин на тарелках с сине-золотым узором и замысловато переплетенными инициалами Релига. Приборы пришлось долго искать и наконец удовлетвориться кухонными; впрочем, они были из отличной нержавеющей стали.

— У него, конечно, было столовое серебро,— вслух рассуждал Трнец.— Куда-то он его припрятал. Надо бы сходить вниз и вытрясти из него душу — пусть скажет, где серебро. Ведь это часть имущества, принадлежащего дому.

Но никто не проявил охоты опять заниматься Религом. Чехи раскрыли настежь створчатую дверь, составлявшую большую часть стены между столовой и салоном, где стояли глубокие, удобные кресла, и распахнули окна, чтобы впустить свежий воздух. Потом они зажгли удобно размещенные лампы. Свет залил комнату, и это радовало глаз. Всем хотелось насладиться отдыхом в этой красивой комнате.

Майская ночь посылала сюда свое благоухание, а за окном монотонно, как старуха над люлькой, бормотала речка. На косогоре деревья вздыхали под порывами ветра. Лишь отдаленный собачий лай напоминал, что невдалеке находятся жилища. Кроме этого лая, не слышно было ни голосов, ни протяжных звуков гармоники, ни музыки по радио. Город безмолвствовал.

Захватив из столовой бокалы с коньяком, члены комиссии перешли в салон и уселись в кресла. Антош, нашедший в кухне кофе, обходил товарищей, наполняя тонкие, почти прозрачные чашечки.

— Недурно у меня в доме, а? — самодовольно сказал Трнец.

— Пока что ты тут не хозяин,— ответил Антош.— Погоди, еще намаешься, пока станешь хозяином.

Рейзек сидел на краешке кресла, готовый каждую минуту встать и уйти. Надо бы пойти домой, думал он. Но мысль, что придется идти по притихшему городу, приковывала его к месту. Он колебался, как игрок в кости, не знающий, на какую цифру ставить.

— Ну, я пошел,— сказал он наконец, в надежде, что товарищи станут его удерживать. Словно в ответ на его слова, вдали прокатилось несколько выстрелов. Все замерли на месте, только Рейзек встал, видя, что его опасения были не напрасны.

— Автомат! — сказал Антош.

— Где-то в городе,— добавил Трнец.

Они прислушивались, ожидая новых выстрелов. Но ночная тишь стала как-то еще глубже, и в ней еще отчетливее раздавался шум речки. Лишь много времени спустя они узнали, в кого были направлены первые выстрелы в эту ночь: в это самое время секретарь Титце без сознания лежал на полу своей комнаты, а его жена, прижавшись в угол, в ужасе кричала, видя, как под головой мужа медленно образуется лужа крови.

Будь Багар и его товарищи сейчас на улице, они увидели бы, как сразу же после автоматной очереди во всех окнах, словно по команде, погас свет и в городе исчезли все признаки жизни, кроме собачьего лая.

Они напряженно прислушивались, но ничто больше не нарушало тишины.

— Что такое? — сказал Антош.— Сводят они, что ли, какие-то свои счеты? Русских тут нет, это не может быть их патруль.

— Немецкий автомат,— заявил Трнец.— Я хорошо знаю его звук.

— Может, хотят припугнуть нас? — сказал Рейзек.

— Как это так припугнуть? — озлобленно воскликнул Трнец.— Уж не должны ли мы навострить отсюда лыжи только потому, что немчура по ночам играет с автоматами?

— Если они хотят застичь нас врасплох, то не станут предостерегать,— возразил Антош.— Может быть, это сигнал для сбора. Вспомни о вервольфах. Я бы очень удивился, если бы здесь их не оказалось.

Трнец залпом выпил бокал коньяка, который держал в руке, и крякнул.

— Сигнал! — сказал он, с трудом переводя дыхание после обжигающего напитка.— Тошно вас слушать! Кто же станет созывать тайное сборище сигналом, который слышен до самой Кадани!

— Я не верю в вервольфов,— сказал Рейзек.— Здесь и при Генлейне люди были тяжелы на подъем.

Багар крутил пуговицу. Он старался найти причину своего глухого беспокойства. Эти выстрелы, конечно, неспроста, но какое отношение они имеют к нему и его товарищам? Война все еще жила в сознании Багара, и стрельба пробудила в нем старую ненависть. Сейчас мир. Фашизм повержен. Но какой это будет мир, каким мы сумеем сделать его? Погоди, не спеши, рассуждай не торопясь. Ведь ты же знаешь, что мы должны делать. Бывает

время для выстрелов, и бывает время для работы, и то и другое одинаково важно. Нет, нет, не о том я думаю, о чем надо. Хоть бы они не галдели тут так...

— Свет! — вдруг сказал он.

Трнец испуганно обернулся к окну.

— Какой свет, что ты болтаешь?

— Мы здесь освещены, как на сцене,— объяснил Багар.— Лучшей мишени не придумаешь.

— Ты забыл, что напротив косогор.

— Опять ты преувеличиваешь. Мы же на втором этаже.

— Чего зря спорить,— вмешался Антош.— Нам хватит стоячей лампы.

Он встал, подошел к выключателю и погасил люстру. Его молодое сильное тело двигалось легко и быстро. Два шага — и он у выключателя. Одно движение рукой на ходу и шаг назад. Вдруг несколько пуль с резким свистом пролетело над головой Антоша, штукатурка посыпалась в том месте, где он только что стоял, а за окном раздался грохот пулеметной очереди. Антош быстро присел и крикнул:

— Ложись!

— Ложись! — повторил Багар.— И все переползайте к окнам.

Запыхавшись, они уселись под подоконником. Пули свистя очередями пролетали над ними, с глухим шорохом вонзались в мягкую обивку кресел, противно стучали в стену и крушили на столе бокалы, из которых все четверо только что мирно попивали вино.

Антош сплюнул и сказал:

— А здорово мы сорвались с места, а? У них легкий пулемет. Глядите, как разнесло бутылку с коньяком. Этого я им не прощу!

— Где ваши автоматы? — спросил Багар Антоша и Трнца.

— Остались в столовой,— сказал Антош.— Я их сейчас принесу.

— Погоди,— остановил его Багар.— Раньше надо погасить свет.

В салоне горела только стоячая лампа, а в столовой — большая хрустальная люстра. Багар вытащил пистолет, выстрелил в стоячую лампу, потом тщательно прицелился и дважды выстрелил в выключатель в столовой. Свет потух.

— Еще ты тут будешь громить,— сказал Трнец.— Мало, что ли, эти сволочи разбили вещей.

— Прямо как в ковбойском романе,— засмеялся Ан-

тош.— «Джек выхватил кольт и выпалил в фонарь над баром...»

Стрельба прекратилась, как только погас свет. Багар взял Антоша за плечо и слегка подтолкнул его.

— Теперь можешь, Антош. Но ползком, по полу. Они начнут гвоздить по столовой. Выжди у дверей и погляди, на какой высоте пролетают пули.

— Не беспокойся,— сказал Антош.— Куда им против меня! Руки коротки!

Было слышно, как он пополз, дыша шумно и учащенно. Едва он достиг дверей, как стрельба возобновилась. Антош был сейчас между двух огней. На косогоре кто-то продуманно руководил обстрелом. К пулемету, судя по звуку, присоединилось минимум два автомата, кроме того, резко и коротко били винтовки. Пули прочесывали и салон и столовую. Антош слышал, как они ударялись о доску стола над ним и, попадая в нее под острым углом, с визгом отлетали и рикошетом шлепались в стену напротив. Антош сжался у дверей, упершись ладонями в пол, и прислушивался к полету пуль. Некоторые ударялись в подоконник, снова взлетали со злобным щелканьем и крошили хрустальные подвески на люстре, которые издавали хрупкий стеклянный звон.

Стрелки сидят слишком низко, у них получается мертвый угол, подумал Антош. Он уже различал предметы перед собой во тьме, которая несколько минут назад казалась ему непроглядной и густой, как смазочное масло. Антош командовал себе, что надо делать. Сейчас ты полезешь под стол, мысленно говорил он, потом ляжешь ничком и слегка подтянешься...

Автоматы стояли возле серванта. Антош нащупал их ремни и потянул к себе. Оружие со стуком упало на пол.

— Антош! — крикнул Багар.

— Ничего, ничего, я сейчас! — весело ответил тот.

Сидя под столом, он ждал подходящего момента. Над его головой щелкали пули и звякало стекло. Антош нащупал было в кармане сигареты, но раздумал закуривать. Интересно знать, где мы будем курить сегодня ночью, размышлял он. Кто бы мог предполагать, что будет такая жаркая баня. И почему всегда получается так, что эти сволочи больше палят в нас, чем мы в них?

Стрельба на минуту прекратилась, на косогоре, видимо, выжидали, желая выяснить результаты. Стуча автоматами, Антош подполз к товарищам.

— А где обоймы? — спросил Трнец.

— Ах, черт! — сказал Антош.— Остались под лестницей в холле.

Это ты виноват, сказал себе Багар. Руководишь людьми, а чуть-чуть не погубил их сегодня. Есть что-то в корне ошибочное во всех сегодняшних действиях. Слишком мало и думал и слишком много действовал наугад. Надо было отвезти Релига в Кадань и вернуться сюда завтра. Тогда, конечно, все обошлось бы спокойнее.

— Кто запирал дом? — спросил он.

— Если не ты, то никто,— ответил Трнец.

Так оно и есть. Они во всем полагаются на него, а он даже не помнит, запер ли входную дверь. А ведь на руках у них арестованный, за которого отвечает в первую очередь он, Багар. Так что же, запер он или не запер дверь? Багар пошарил по карманам и в левом кармане нащупал толстую связку ключей. Значит, запер! Память отказывает. Это все из-за бессонных ночей в подполье и в дни освободительных боев. Но сейчас никто не имеет права ссылаться на усталость. Отдыхать нет времени.

Багар встал и, прижавшись к стене, выглянул из окна. Перед ним высился сплошной черный массив косогора, а выше, в небе, сверкали звезды. Багар напрягал слух, но не слышал ничего, кроме однообразного шума речки.

— Я спущусь вниз и принесу обоймы,— сказал он.

— Наверное, они больше не будут стрелять,— с надеждой сказал Трнец.— Черт знает сколько тут перебили вещей.

— Несомненно, они пришли выручать Релига,— сказал Багар.

— Дадим-ка ему под зад коленкой, и пусть бежит к своим,— предложил Трнец.— В конце концов, мы не полиция, чтобы сражаться с гражданским населением.

— Ты так думаешь? — сказал Багар.— А зачем у тебя эта повязка на рукаве и для чего командование дало тебе автомат?

— Ладно уж, иди и неси сюда эти чертовы обоймы. Продырявлю-ка я башку этим гадам и буду разбивать морды каждому, кто попадется мне под руку.

— Я пойду с тобой,— сказал Антош,— и погляжу, что делается на той стороне дома.

Просторный холл был украшен охотничьим оружием и трофеями: чучелами тетеревов, рогами серн и оленей. Высоко на стене две кабаньи головы скалили белые клыки. В тишине и тьме Багар стоял на нижней ступеньке лестницы и, положив руку на выключатель, соображал, смогут ли

нападающие обстрелять холл в окна. Холл был высокий, в верхней его части шла галерейка, откуда двери вели в отдельные комнаты второго этажа,— особняк Релига был выстроен с претензией на аристократизм: буржуа стремился перенять роскошь быта и привычки знати. Над входной дверью Багар различил четыре высоких прямоугольника, заметно выделявшихся на совершенно темном фоне. Это были окна. Багар повернул выключатель. Лампочки, скрытые за деревянными панелями, залили холл рассеянным желтым светом.

Багар сразу же заметил, что массивная бронзовая ручка входной двери двигается вверх и вниз. Он прицелился и дал по двери короткую очередь, направляя выстрелы на высоте колен стоящего человека. Грохот автоматной очереди заполнил дом. Багар соскочил с лестницы и распластался на полу. За дверью кто-то ответил грубой руганью, потоком торопливых слов и через мгновенье — длинной очередью. Дверь задрожала, но ни одна пуля не проникла внутрь. Багар тихо засмеялся. Этак они могут стрелять хоть до утра. Если только у них нет ручных гранат, в дом им не попасть.

Наверху стукнула дверь.

— В чем дело, папаша, что там случилось?

В голосе Антоша испуг, подумал Багар, он назвал меня папашей, как еще никогда не называл... Наверное, он мысленно обращается ко мне так. Папаша, ну конечно, для этого юнца я папаша. Но это очень тепло сказано.

— Кто-то хотел ворваться в дом,— ответил он.— Но замок выдержал.

— По-моему, кто-то торчит около сторожки,— сказал Антош.— Послать ему туда гостинец?

— Пошли, но только если уверен, что видишь его. И тотчас же отскочи от окна.

Багар пересчитал обоймы в мешке. Двадцать, откуда столько? Нам столько не полагалось. Наверно, Антош или Трнец стащили потихоньку, когда никто не глядел. Очень пригодятся. Трнец, конечно, сочтет это лишним доказательством того, что хапать всегда полезно. Багар нащупал в мешке консервные банки и подумал: «Забыли мы об этом старикашке. Когда мы подъехали, из трубы сторожки шел дымок: видно, он готовил себе ужин. А теперь, наверное, брюхо у него подвело от голода».

Привратник Гримм сидел под лестницей у самого подвала в крохотном закутке без окна, над головой у него горела тусклая лампочка. Увидев Багара, старик испуганно

встал и приложил к козырьку трясущуюся руку. Багар протянул ему ломоть хлеба с консервированным мясом и присел напротив на ступеньку.

— Сядьте, съешьте это и выслушайте, что я вам скажу. Вы слыхали стрельбу? Приятели бывшего бургомистра пришли за ним. Им, конечно, не удастся проникнуть в дом. Но не вздумайте выкинуть какую-нибудь глупость, понятно? Релига ждет виселица, и каждого, кто вздумает помочь ему бежать,— тоже. Это вы зарубите себе на носу. Приятного аппетита!

Это, в общем, свинство с моей стороны — перепугать старика до смерти, а потом пожелать ему приятного аппетита, думал Багар, возвращаясь в холл. Но пусть лучше подрожит с перепугу, чем выкинет какую-нибудь глупую штуку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сидя в темноте перед своим домиком, Пальме доедал ужин — ломоть хлеба и кружку молока,— когда раздались первые выстрелы этой тревожной ночи. Одинокий ужин, одинокий человек, чужак в собственном доме. Молчание и ненавидящие взгляды жены и четырнадцатилетней Марихен. Зачем ты вернулся, ты, наш позор, почему не остался там? Только Христиан, погибший за свои убеждения еще в испанской Интербригаде, понял бы его, но Христиан, наверное, не вышел бы оттуда, откуда он, его отец, все-таки вернулся.

Пальме поставил кружку на скамью и встал, опираясь на свою неизменную палку. Он чувствовал каждую косточку в своем теле — сколько раз гестаповцы пересчитывали их нагайками и пинками?.. Он прислушался. Кто это там бесится и почему? Потом он услышал из долины отчаянный женский вопль, оставшийся без ответа. Пальме надвинул шапку и зашагал.

...Титце был жив, хотя все еще не пришел в себя. Старому Пальме были знакомы все виды ран, и он знал, какие из них смертельны. Наложив раненому примитивную повязку, он успокоил его жену, которая до прихода Пальме тщетно стучалась ко всем соседям, и отправился за врачом.

На улице не было ни души, только собаки неистовствовали за заборами. Но у моста из-за дерева выступил человек и остановил Пальме. Тот сразу узнал его. Это был Ульман,

владелец трактира «У старой почты», кряжистый, одутловатый, противный тип с бульдожьим подбородком, маленькими злыми глазками и хриплым голосом.

— А-а, это Пальме,— пренебрежительно произнес он.— Куда это вы тащитесь, когда все порядочные люди спят?

— Да, действительно,— сказал Пальме,— все порядочные люди сейчас в постелях.

— Не болтайте! — рявкнул Ульман.— Я хочу знать, куда вы идете.

И он показал большой пистолет, который до того прятал за спиной.

— За доктором,— медленно ответил Пальме.— Секретарь управы ранен выстрелом в окно, и жена тщетно просила соседей о помощи.

— Соседи — разумные люди,— сказал Ульман.— А вы, я вижу, ничему не научились там, где были.

— Я узнал там о фашистах все, чего не знал раньше,— ответил Пальме.

— Слушай-ка, свинья,— сказал Ульман.— Вот я сейчас спущу курок, а потом сброшу твой труп под мост — и ни одна живая душа о тебе не вспомнит. Ну-ка, направо кругом и домой марш! Залезь под одеяло и не суй носа в дела, которых не понимает твоя дурацкая башка. Довольно ты уже позорил свое имя и свою семью!

— Пожалуй, будет действительно лучше пойти домой,— неожиданно присмирев, сказал Пальме. Он не спеша повернулся было, но вдруг, подняв тяжелую палку, с силой ударил Ульмана по голове, над левым ухом. Трактирщик зашатался. Пальме ударил еще раз. Тяжелое тело с глухим стуком повалилось на землю. Пальме стоял неподвижно, ожидая, пока немного успокоится его бешено колотившееся сердце. Не столько волнение, сколько физическое напряжение было причиной этого сердцебиения: годы тяжелой борьбы за жизнь так изнурили Пальме, что самое незначительное усилие едва не валило его с ног. Вокруг было тихо, только речка шумела. На минуту Пальме показалось, что он слышит шум на косогоре, за фабрикой, словно там бродила заблудившаяся корова. Но и этот шорох прекратился. Пальме нагнулся и сунул руку за расстегнутый ворот Ульмана. Сердце билось равномерно, хотя медленно и слабо. Пальме столкнул бесчувственного Ульмана с дороги. Трактирщик покатился по заросшему травой склону до самой бетонной стенки запруды. Пальме поднял пистолет, сунул его в карман и зашагал дальше.

Вопреки ожиданиям, доктор Вецлер открыл дверь, едва Пальме нажал кнопку звонка, хотя дом Вецлера, как и все остальные, был погружен во мрак. Не служанка, как обычно, а сам доктор стоял в освещенной двери — он зажег свет, как только раздался звонок. Это был дородный субъект, пахнущий сигарами и коньяком. У него были редкие седые волосы ежиком и два шрама на правой щеке — память о молодецких потехах в Burschenschaft[1], где Вецлер дотянул до ранга фукс-майора. Доктор был охотник, кутила и страстный коллекционер военных маршей — он накопил несколько тысяч граммофонных пластинок. У Пальме были свои воспоминания о врачебных приемах Вецлера, помнил он и рассказы товарищей с ткацкой фабрики Релига: с рабочими доктор всегда был подозрителен и груб.

Вецлер стоял в грубошерстном пальто, словно ждал кого-то, только шляпы на нем не было. Его врачебный саквояж лежал на стуле возле вешалки. Приход Пальме был неожиданностью для Вецлера, и в презрительном тоне доктора явно прозвучала нотка беспокойства.

— А, герр Пальме, какую новость вы мне несете?

— Только что ранен секретарь управы Титце. Нужно оказать ему помощь.

— Не могу, герр Пальме. Сожалею, но не могу. Я как раз вызван к роженице.

— Если бы вас только что вызвали, человек, который вызвал, ждал бы у дверей,— возразил Пальме.— Но не в этом дело. Вы окажете помощь Титце и еще успеете к роженице. Титце нужна только перевязка и что-нибудь подкрепляющее.

— К черту! — вспылил доктор.— Вы и другие такие же крысы полезли с тонущего корабля, вы думаете, что пришло ваше время. Но мы еще возьмемся за вас.

— Я вижу,— сказал Пальме,— что мы возьмемся друг за друга.— И он направил на доктора пистолет.— Берите шляпу, саквояж и пойдем.

Дойдя до моста, они услышали треск пулеметной очереди.

— Так вот почему вы были одеты,— сказал Пальме.— Подготовились на случай, если кто-нибудь из ваших приятелей пострадает.

— Надо проучить этих чехов, показать, что им здесь не место,— сказал доктор.— Тут испокон веков был немецкий край.

---

[1] студенческой корпорации *(нем.)*.

— Лучше бы мне не видеть, как они проучат ваших друзей. Тошно вас слушать. Какими же должны были быть школы, которые вбили в ваши головы такие мысли!

Маленькая старушка с гладко зачесанными седыми волосами, до смерти перепуганная, ждала их в открытых дверях дома Титце. Она плакала и пыталась рассказать доктору, как она боится за жизнь мужа. Но Вецлер прошел мимо нее, даже не поздоровавшись.

Он топал, громко сопел и старался вести себя как можно более шумно. В комнате Титце он остановился около книжного шкафа. Взгляд его задержался на корешках аккуратно расставленных томиков полного собрания сочинений Гете и Гейне. Доктор презрительно фыркнул и подошел к постели. Раненый лежал навзничь. Голова у него была обернута ватой и обвязана белым платком. На бледном как мел лице резко выделялась седая щетина. Титце дышал неглубоко и с большими паузами. Вецлер резким движением сорвал с него пропитанную кровью повязку. Раненый от боли пришел в себя и, словно защищаясь, оттолкнул руки доктора.

— Лежите спокойно! — сказал Вецлер.— Мне нужно осмотреть рану.

— Доктор,— прерывисто заговорил Титце.— В меня стреляли. За что?

— Это вам лучше знать,— сказал доктор.

Он грубыми движениями ощупал края раны, которая снова стала кровоточить. Раненый вцепился в подушку, стонал и пытался уклониться от этих беспощадных рук.

— Всего только царапина,— сказал доктор.— Ослы! — добавил он неизвестно по чьему адресу.

— Мужа тошнило, герр доктор,— сказала старушка Титце.

Вецлер не ответил и, подойдя к своему саквояжу, вытер руки о какой-то лоскут и стал готовиться к перевязке.

— Его тошнило, потому что у него сотрясение мозга, фрау Титце,— сказал Пальме.— Это пройдет! Принесите горячей воды, доктору нужно вымыть руки.

— Не нужно,— сказал Вецлер.

— Принесите воды, фрау Титце,— повторил Пальме и подошел к доктору.— Вы будете работать как следует: вымоете руки и прокипятите инструменты. Я хорошо знаю, что надо делать в таких случаях. Ваши единомышленники в концлагере, в том числе те, что имели врачебные дипломы, научили меня этому. Мне известно, как надо обращать-

ся с ранами, чтобы они зажили, и как можно самой пустяковой царапиной уморить человека. Вы будете работать как следует, говорю вам. И, если эта рана не заживет, я приду и продырявлю вашу башку.

Через полчаса доктор Вецлер молча вышел из дома, такой же злой, как пришел.

— Около моста лежит трактирщик Ульман,— сказал ему на прощание Пальме.— Взгляните, пришел ли он уже в себя.

Вецлер выругался и поспешил вперед.

Выстрелы разносились по долине, высоко в небе сияли звезды. Когда стрельба прекращалась, наступала глубокая тишина, слышалось только быстрое и мелодичное журчание речки.

— Кто это стреляет и почему, герр Пальме? — спросила фрау Титце.— Ведь война уже кончилась.

— Кто знает, фрау Титце, кто знает,— ответил Пальме.— Ступайте в дом, затемните окна и заприте двери. А мне надо идти.

Он перешел дорогу, поднялся на косогор и зашагал по лесной тропинке, которая поднималась в гору выше того места, где расположились ночные стрелки. Пальме шел в Кадань.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Какое-то смутное беспокойство упорно не оставляло Багара. Он никак не мог избавиться от этого чувства и, что хуже, не мог точно определить причину. Минутами ему казалось, что его гнетет только сознание ответственности за эту злополучную ночь. Он допустил промах, и они попали в ловушку.

Он подумал о втором входе в дом — о двери, обитой толстой жестью. Он сам проверял ее, дверь была заперта изнутри. Значит, не здесь причина его смутной тревоги. В чем же дело?

Сделал ли он все, что нужно? Все ли? Товарищей он расставил так, чтобы оборона была обеспечена со всех четырех сторон. Обстрел шел только с косогора, что напротив окон столовой, и это могло значить лишь одно: нападающие хотят отвлечь их внимание в ту сторону, чтобы ворваться в дом с другой стороны.

— Рейзек, ты здесь? — услышал Багар голос Трнца у дверей столовой.

— Здесь,— ответил Рейзек из глубины холла.

— Поди подмени меня.

Какая там подмена, что еще за глупости, сказал себе Багар. Почему Трнец не сидит на своем месте? Деревянные ступени скрипнули под ногами Трнца и Рейзека, неясно донесся их разговор. И чего они там болтают? Не понимают, что ли, всей серьезности обстановки? А все это время окно над задним входом остается без присмотра. Багара опять стала одолевать беспокойная мысль, что он допустил какой-то промах, что-то упущено им из виду. Хватит им чесать языки, вот я на них сейчас цыкну. Но тут разговор умолк, и ступени снова скрипнули. Одновременно за окном, с той стороны, где замолк пулемет, Багар уловил новый звук: шуршали кусты. Подножье лесистого косогора находится не меньше чем в шестидесяти шагах от дома, так что проглядн хоть все глаза, в темноте ничего не увидишь.

Звук повторился. Багар прикинул направление и дал в ту сторону длинную очередь из автомата. В ответ с косогора, захлебываясь, торопливо простучал пулемет. Пули били в стену, свистели в комнате, ударяясь в люстру, и вонзались в деревянные панели. Прижавшись к стене, Багар пристально вглядывался в открытое пространство между косогором и домом. Сейчас, под прикрытием огня, кто-нибудь должен был выбежать и кинуться к дому. Но пулемет замолк, а никто не показывался. Багар дал еще более длинную и широко рассеянную очередь по кустарнику у подножья косогора, потом соскочил с буфета и, согнувшись, прополз под окнами и обстрелял другую сторону. Пулемет на косогоре неистовствовал, к нему присоединилось два автомата, защелкали две или три винтовки. В комнате был страшный разгром. В пространстве между кустами и домом так никто и не появился. Что за нелепая и непонятная игра, спрашивал себя Багар, и тревога его росла с каждой минутой.

Рейзек занял место Трнца в детской, всматриваясь в темноту. Ему показалось, что за окном уже не такая непроглядная тьма. Темное небо становилось серым, как изношенная черная ткань. Ожесточенная перестрелка гремела в ночи, в долине разносилось эхо выстрелов. Рейзек поежился: не так он представлял себе возвращение в родной город.

Эхом раскатился последний выстрел, и наступило безмолвие, нарушаемое только бархатным шелестом речки. Воздух был прохладный, влажный, благоухающий, он разгонял сон и пробуждал в Рейзеке воспоминания юности.

В этом сочном воздухе было больше родного, чем во всем, что он видел за сегодняшний день. Вдыхая этот воздух, Рейзек грезил о прошлом и одновременно пытался угадать, что принесет ему завтра. Он заметил, что думает попеременно то по-чешски, то по-немецки. По-немецки при мысли об отцовской гостинице и ее посетителях. Опершись плечом о стену, Рейзек положил автомат на подоконник, чтобы не держать в руках такую тяжесть. Ему вспомнилась мать. Что, если и ее выселят вместе со всеми? Пусть! Он пальцем не шевельнет, чтобы помешать этому. Но будут ли вообще выселять немцев? Не пустые ли это разговоры, не революционные ли это выдумки, которые пройдут, когда установится нормальная, мирная жизнь? Ведь немцев три миллиона, подумать только, три миллиона! Как можно выселить их всех? Великие державы могут позволить себе такую меру, а мы, что мы — на нас прикрикнут, мы присмиреем и будем жить, как и жили.

Он крепко зажмурился, борясь с сонливостью. Через мгновение он снова открыл глаза, ему показалось, будто во тьме что-то сверкнуло. Он быстро взглянул в окно, но там был все тот же мрак. На косогоре, за углом, снова затрещал пулемет. Отстучит очередь — пауза, еще одна очередь — и снова пауза. В тишине еще дрожит эхо выстрелов, а откуда-то снизу, из-под окна, слышен скрип металла. Пулемет, захлебываясь, продолжает свою свистопляску.

Рейзек напрягает внимание, сонливость с него как рукой сняло, он всматривается в ночную тьму, которая снова сгустилась, как бывает перед рассветом. Пулемет лает с равномерными промежутками, однако тут, под окном, происходит что-то более важное: кто-то выбежал из дома, от бетона из-под кованых сапог сыплются искры; но топота не слышно из-за шума выстрелов. Человек в широком и длинном пальто, от которого его фигура кажется невероятно могучей... Рейзек высовывает из окна свое узкое бледное лицо, но не может ни на что решиться. Это Религ! Рейзек узнал его пальто и охотничью шляпу. Религ сбежал, стреляй же в него, стреляй скорее... Исчез! В треске пулемета не слышно шороха кустов, бегство совершилось беззвучно, словно в воздухе промелькнул призрак.

Но тут на дворе кто-то крикнул по-немецки грубым, гортанным голосом:

— Пойдем, старик, пошевеливайся! Himmel Herrgott![1]

---

[1] Черт побери! *(нем.)*

Чего доброго, Антош и Багар слышали этот резкий голос. Рейзек высунулся из окна и дал очередь высоко, по кустам. Он стрелял не в небо, но намного выше вершин ближайших кустов. Послышался хриплый крик. Рейзек испугался: ведь он ни в кого не хотел попасть.

В темном массиве кустов перед окном одновременно в двух разных местах блеснули огоньки выстрелов. Злобно прожужжали пули. Рейзек вздрогнул. Он понял, что, судя по высоте огневых точек, косогор здесь круто поднимается сразу за первой полосой кустов.

Прижавшись к стене, Рейзек торопливо соображал, что делать. Нападающие как-то проникли в дом и освободили Релига. Гримм, наверное, еще в доме, он слишком стар для поспешного бегства. Это значит, что задняя дверь отперта и нужно стрелять в каждого, кто появится во дворе.

Рейзек наклонил автомат и послал длинную очередь вниз, во двор. Ему не нужно было целиться, потому что люди, прикрывавшие побег, чередовались: один начинал стрелять, как только переставал другой. Пули ударялись в стену. Только одна, рикошетом отскочив от бетонного упора, жужжа и ворча, как майский жук, обожгла Рейзеку лицо, оставив на чуть поцарапанной коже тонкий красный след, как от легкого пореза бритвой. Рейзек машинально провел рукой по лицу, но в возбуждении даже не посмотрел на руку. Обозленный, он ответил прицельной стрельбой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Трнец уселся в глубокое кожаное кресло, погрузившись в него чуть не с головой, вытянул ноги, закурил и уставился на благородную голову матерого горного оленя, висевшую на стене. Он мечтал. Но этого спокойствия судьба ему отпустила ровно на три затяжки. Трнец вдруг быстро выпрямился и прислушался. Нет покоя, сказал он себе. Что еще там такое стряслось у Рейзека? Дом грохотал от перестрелки, стреляли все трое: Рейзек, Багар и Антош. Антош примостился у окна ванной, напротив сторожки. Снаружи тоже палили. Похоже было на то, что началось генеральное наступление. Только парадный ход не сделался еще полем битвы.

Трнец, прислушиваясь, не мог ни на что решиться.

Через открытые двери комнат пули влетали в холл и вонзались в жалобно трещавшие деревянные панели. Трнец поднял руку и погрозил. Хулиганы! Он несколько раз прошелся по толстому ковру, мягко пружинившему под ногами, потрогал ручку входных дверей и остановился в коридорчике, который соединял холл с задним входом в дом. Коридорчик кончался дверью. Трнец толкнул ее и остолбенел: в лицо ему пахнул свежий ночной воздух. Наружная дверь была открыта настежь! Трнец еще не забыл опыта пражских боев. Он отскочил в сторону и пригнулся к земле, ожидая, что вот-вот грянут выстрелы. Но только холодный ветерок врывался в эту дверь, овевая пылающие виски. Трнец видел пустой, как рама без картины, прямоугольник наружных дверей, выделявшийся в темном коротком коридорчике. Стрельба сейчас казалась оглушительной. Трнец лежал, опираясь на локти, с автоматом на изготовку и пытался ответить на вопросы, которые сам себе задавал.

Может быть, дверь выломали? Но тогда не обошлось бы без шума, этакую железную дверь не откроешь, как коробку с сардинами... Старый Гримм! Ну конечно, о нем-то мы и забыли. Мы отняли ключи у Релига, но никто из нас не подумал об этом старикашке.

Трнец привстал на одном колене. Надо запереть дверь, из которой грозит смерть. Он шагнул вперед, напряженный до предела, каждую секунду ожидая, что кто-нибудь кинется на него из темноты или вдруг появится в дверях — и тогда будет поздно. В двух шагах от входа Трнец не выдержал, вскочил, пригнувшись, метнулся вперед, захлопнул дверь, навалился плечом и стал лихорадочно шарить рукой по косяку. Рука его наткнулась на большую связку ключей. Он повернул тот, что торчал в замке, и с облегчением усмехнулся.

Железная дверь вдруг оглушительно загремела, как листовое железо под электрическим молотком клепальщика. Трнец отскочил, оглушенный этими ударами, и прижался к стене. Дверь продолжала греметь, как барабан на плацу. Трнец почувствовал, что наткнулся спиной на выключатель, протянул руку и зажег свет.

На белой поверхности двери перекрещивались следы пуль — круглые выпуклости, с которых осыпалась краска. На них было страшно смотреть. Новые выпуклости появлялись с потрясающей быстротой, словно дверь была поражена какой-то молниеносной болезнью. В замке качалась большая связка ключей, тихо позвякивая, и, как ни стран-

но, этот звук был слышен, хотя стоял страшный шум. Трнец вздрогнул, опустился на колени и быстро пополз к дверям в холл. Висевший на шее автомат мешал ему. Очутившись в холле, он захлопнул дверь в коридорчик и повернул ключ. Колени у него дрожали, хотелось присесть, но сознание опасности заставляло действовать. Упершись плечом в тяжелый резной шкаф в стиле ренессанс, в котором — Трнец не знал этого — хранились охотничьи ружья Релига, он напряжением всех сил, умноженных страхом, придвинул шкаф к двери. Ноги Трнца скользили по гладкому паркету, он падал, но все же выполнил задуманное.

Пот лил с его лица, все мышцы сводило, руки и ноги тряслись, но он еще не чувствовал себя в безопасности. Только когда ему удалось втиснуть большое кожаное кресло между шкафом и одной из колонн, поддерживавших верхнюю галерею холла, он упал в это кресло, дыша громко и быстро, как загнанный зверь. Теперь им не прорваться сюда, даже если они подорвут дверь гранатой... Во всяком случае, они не сумеют сделать это так быстро, чтобы обороняющиеся не смогли предпринять ответные действия. Трнец встал. Кровь стучала у него в висках, в глазах рябило. Пошатываясь, он поспешил наверх сообщить Багару о происшедшем.

Они стояли рядом у одного из окон салона. Стрельба сотрясала ночной мрак, гулко прокатывалась по темным окрестностям. Рассвет все еще не начинался. На косогоре коротко с долгими паузами лаял пулемет, как пес, которому страх не дает покоя.

— Я забыл о Гримме,— сказал Багар.— Все это могло кончиться и похуже.

— Они в доме,— сказал Трнец.— Я слышал шум в подвале.

— Если бы они проникли в дом, чего бы они еще ждали? — возразил Багар.— Нет, там остался только старик. Он выпустил Релига, но не смог удрать сместе с ним.

— Я слышал, как они стучали в подвале,— твердил Трнец.

Багар подавил вспышку гнева и сказал:

— Побудь тут и изредка давай очереди вон по тем кустам.

Он излил свой гнев на мебели, расшвыривая баррикаду, которую соорудил Трнец. Очутившись в узком освещенном проходе, Багар еще дышал учащенно, но был сосредоточен

и спокоен. Он подошел к лестнице и прислушался. Иду расхлебывать кашу, которую ты заварил, мысленно сказал он Трнцу.

Багару казалось, что он переживает какой-то эпизод из своего прошлого, словно сейчас продолжается то, что началось когда-то давно и никак не может завершиться... Может быть, это воспоминание о днях пражского восстания? Он, Багар, осторожно спускается в подвал большого дома, где засели четыре эсэсовца... Или это отзвуки уличной схватки в каталонском городке, когда под конец ни у кого уже не осталось ни одной гранаты, а еще нужно было осмотреть подвалы в нескольких домах... Все время почти одно и то же, когда же этому будет конец?

За домом трещали выстрелы, пули щелкали в стену. Багар осторожно спускался со ступеньки на ступеньку. Вот так же спускался он в подвалы пражских домов и домиков в далекой Испании, собранный и напряженный, как всегда перед лицом врага. Насколько все становится проще, когда зло фашизма, грозная опасность, которую он несет человечеству, олицетворяется в одном фашисте или в десятках, стоящих против тебя, и ты можешь целиться в них. Но есть гораздо более трудные формы борьбы!

Багар постоял с минуту в полумраке на тесной подвальной площадке, на рубеже двух источников света — слабого отблеска из коридора, почти не проникавшего за два поворота, и тусклой лампочки на потолке подвала. Легкий озноб пробежал по его телу то ли от холода, которым веяло из глубины подвала, то ли от ярости, которая всегда овладевала Багаром в минуты боевых схваток.

Он заглянул за угол, одновременно высунув ствол автомата, и увидел пустое помещение, освещенное скудным светом мутной лампочки. Дверь в кочегарку была приоткрыта, та самая дверь, ключи от которой, по мнению Багара, были только у него. За этой дверью должен был сидеть арестованный Религ. Сейчас его, конечно, уже там нет. Тишина, мертвая, неестественная тишина, если не считать выстрелов снаружи.

Багар спустился к полуоткрытой двери, толчком ноги распахнул ее и отскочил в сторону, готовый дать длинную очередь, если хоть что-нибудь шевельнется во тьме котельной. Но скрипнули петли, и снова стало тихо.

Однако следует подумать об опасности. Багар знал немало товарищей в Испании, которые тяжело поплатились за то, что берегли патроны в подобных случаях. Наклонив автомат, он дал длинную очередь в темноту

котельной. Воздух наполнился дымом, запах сгоревшего пороха защекотал ноздри и горло. Багар тщетно ждал каких-нибудь признаков жизни: вздоха, возгласа, стона или выстрелов. Прижавшись к стене, он водил рукой по косяку двери и, найдя выключатель, повернул его. Выключатель громко щелкнул, котельная ярко осветилась. В углу виднелся большой черный котел парового отопления, над ним переплетались трубы. На земле валялся старый венский стул, словно кто-то перевернул его впопыхах или шаря в темноте. А над стулом на трубе парового отопления Багар увидел привратника Гримма, висевшего на ремне.

— Подлость, какая подлость! — вслух произнес Багар.

Вывороченные назад руки старика были уже холодны и закоченели. Багар перерезал ремень большим карманным ножом и положил худое вытянувшееся тело на бетонный пол. Ему было нестерпимо тягостно и противно. Жаль, что я не отнял у тебя ключи, дурной ты старик, подумал он.

Он медленно поднялся по лестнице и вернулся в холл, думая о том, что не зря его мучило глухое беспокойство о каком-то упущении. В глазах у него стояло искаженное смертью лицо Гримма с обвисшими седыми усами. К миллионам смертей, которые сеяли враги ради того, чтобы удержаться у власти, прибавилась еще эта ничтожная, бессмысленная и мерзкая смерть, но она объясняла многое и тоже, как и другие, требовала отмщения. Человек позволил поработить себя настолько, что буквально сунул голову в петлю ради своего поработителя. Ведь именно этому был сейчас Багар свидетелем. Религ уговорил Гримма отпереть дверь и удрал, оставив ревматического задыхающегося от астмы старика на произвол судьбы. Вот тебе, Багар, вкратце история немецкого народа, который, сея смерть, умирает и сам, ибо в свое время не сумел постоять за себя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В далеких просторах на востоке вставало солнце, и небо над горами побледнело. Звезды меркли одна за другой. Начало светать. Стрельба продолжалась, дятел смерти все еще стучался в виллу, подбираясь к лакомому куску. Осажденным вдруг показалось, что где-то на шоссе шумит

автомобильный мотор, включенный на первую скорость, как на крутом подъеме. Но сердитое ворчание мотора постепенно удалялось и затихло вдали.

Багар послал Рейзека обратно в холл, а сам стал у окна над задней дверью. Он считал, что тут самое слабое место их обороны, но, как назло, стрельба раздавалась справа и слева, а здесь было тихо. Багар глядел в окно на уходящую ночь, на горы, за которые отступала тьма. Они постепенно принимали более ясные очертания. Багар напряженно всматривался и прислушивался, но мысль об опасности была для него уже не главной.

Он размышлял о множестве грядущих дней, полных нерешенных и сегодня еще неизвестных задач. Мы их выселим отсюда, думал он, это несомненно и это правильно. Это не месть. Месть бессмысленна, она не может быть движущей силой истории. Нет, здесь, в Пограничье, просто завершится национально-освободительная и начнется социалистическая революция. Народ реализует свое право на независимое существование, а трудящиеся — на справедливый социальный строй. Здесь, в Пограничье, все это будет тесно переплетено, и у тебя еще не раз голова пойдет кругом, можешь не сомневаться. Буржуазия захочет повернуть все вспять и приумножить свою собственность за счет имущества изгнанных немцев. Ненужные ей жалкие крохи она отдаст жадной мелкоте, чтобы превратить ее в собственников и тем самым — в своих союзников. Посмотреть хотя бы на Трнца, вот типичный пример, а такие появятся тут как грибы после дождя.

Розовые отблески рассвета пали на вершины гор. Стали видны белые домики на горных склонах и притихший городок вдоль дороги. Багара удивило, что ему отсюда виден и мостик через речку. Стрельба затихала, паузы были все продолжительнее. Скоро они совсем перестанут стрелять и смотают удочки, подумал Багар.

Предрассветные сумерки рассеивались, предметы выступали все отчетливее. Стали видны и кусты вокруг дома. Ночью казалось, что они гораздо дальше, а сейчас ясно было, что до них рукой подать. Багар крепче стиснул в руках автомат, сонливость с него разом соскочила. Он увидел на земле, в зарослях отцветающих акаций, мужские ноги, неестественно вытянутые, упершиеся в землю носками тяжелых сапог, в подошвах которых поблескивали гвозди. Серо-зеленые брюки выделялись на фоне опавших золотисто-желтых лепестков. Выше колен тело было скрыто кустами. Этот человек, конечно, уже мертв. Рейзек молчал,

Трнец не хвастался; чья же пуля в теле этого мертвеца? Может быть, тот, кто убил его, даже не знает об этом.

Багар долго бы смотрел на эту пару недвижных ног — так притягателен вид мертвого, о котором мы ничего не знаем,— но его внимание вдруг привлек отдаленный гул. Сперва непонятно было, что это за гул и откуда он доносится. Багар взглянул на холмы — ему показалось, что гул идет из долины,— потом обвел взглядом все извилины шоссе, местами исчезавшего в лесу или за холмами. Наконец его взгляд остановился на мостике и на речке, которая была уже хорошо видна в свете нарождающегося дня.

Он видел издали, как бежит речка, как она скачет по камням, как бесконечно набегают друг на друга белые гребешки стремительных серо-стальных волн, как они утихают, приближаясь к мосту, переливаются через запруду красивой тонкой дугой и кружатся в неугомонном белом водовороте...

Тем временем гул усилился и стал ближе. Нет, это гудит не речка, а мощные тяжелые моторы, грохочет передвигающийся металл, напоминая Багару давние мадридские бои.

В этот момент под мостом что-то зашевелилось, две фигуры приподнялись и, согнувшись, оглядели шоссе. У одного на голове была белая повязка, резко выделяющаяся в потемках под мостом. Человек с повязкой поднял руку. От руки поднялся клуб дыма, что-то светящееся, оставляя след, взлетело к небу, громкий треск донесся до ушей Багара. Высоко на бледнеющем небосводе, уже тронутом первыми солнечными лучами, рассыпалась огненно-красная ракета.

Багар упер автомат в подоконник, тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Приклад сильно отдавал в плечо, но Багар стрелял долго, словно стремясь выпустить всю обойму. Человек с перевязанной головой взмахнул руками, сделал два больших шага и упал. Его пальцы вцепились в густую весеннюю траву, но сотрясаемое агонией тело не удержалось на крутом берегу, дважды перевернулось и с плеском шлепнулось в реку. Вода сомкнулась над ним и долго еще ходила кругами в этом месте.

Другой человек исчез в темноте под мостом в тот момент, когда к автомату Багара присоединился бас тяжелого пулемета. На берегу, над запрудой, взлетали пучки травы, железные перила моста гудели, как струны гигантского контрабаса под стальными пальцами, пули пели, как флейты. Багар стрелял без отдыха, целясь под мост. Человек выскочил с другой стороны и стал спускаться на

четвереньках по крутому склону, согнув широкую перепоясанную спину. Вдруг он вздрогнул, выпрямился и, словно пораженный невидимым копьем, раскинул руки и уткнулся лицом в землю.

Тяжелый пулемет перестал обстреливать плотину и перенес огонь на поросший лесом горный склон. Ответной стрельбы не было. На шоссе появились советские автоматчики — пять, шесть, семь человек. Один за другим они переходили мост и, рассыпавшись цепью по косогору, перебегали от дерева к дереву. На ворота фабрики обрушились неистовые удары. Багар быстро вышел из комнаты. На галерее он столкнулся с Антошем. Круглолицый автомеханик подпрыгивал как мяч.

— Ур-ра-а-а! — кричал он.

Багар ухватил его за плечи и обнял.

— Не ори, оглушишь,— мягко сказал он, едва сдерживая собственное волнение.— Пойдем отворим им.

На пороге столовой стоял Трнец, серый от усталости и бессонницы.

— Что там такое творится? — осведомился он.— Мне не видно из-за угла. С косогора перестали стрелять.

Антош подскочил к нему и принялся трясти его.

— Советские солдаты, Тоник! Проснись и гляди во все глаза. Второй раз они нас спасают: в Праге и вот здесь! Ребята, с сегодняшнего дня я красный и до смерти меня никто не перекрасит! Ирка, примете меня в партию?

— А ну тебя, хозяйчик! — улыбнулся Багар.— Из тебя никогда не выйдет коммунист. У тебя повадки суслика.

— Не очень-то напрашивайся к ним в партию,— сказал Трнец.— Этот красный цвет с тебя еще слиняет, вот увидишь.

Багар распахнул входную дверь. Это было как бы началом освобождения. Все четверо вдохнули весенний воздух — кончилась мучительная ночь!

Вслед за Багаром все кинулись к воротам, в которые кто-то неутомимо колотил.

— Открываем, открываем, товарищи! — кричал Антош.— Сейчас!

Они обнимались и целовались с избавителями, как несколько дней назад в Праге. Отрядом командовал старший лейтенант Матвей Громов, приземистый широкоплечий парень, веселый и жизнерадостный. Когда он и Антош стояли рядом, казалось, что они родные братья, хотя один родился в Можайске под Москвой, а другой в Нуслях, в Праге. Оба сразу прониклись симпатией друг к другу

и долго беседовали, когда отряд Громова закончил свое дело и настала минута отдыха. Антошу, который во время оккупации был в наказание послан гитлеровцами ремонтировать машины на самых горячих прифронтовых участках и побывал в местах, где фашистские орды уже из последних сил рвались к Москве, сейчас хотелось узнать, как выглядит Советская страна после изгнания фашистов.

Через час группа автоматчиков вернулась с обхода из леса. Они принесли легкий пулемет и два ящика патронов. Никакого сопротивления они не встретили и обнаружили только следы ночных гостей, терявшиеся в пограничном лесу. В подвале лежал труп Гримма, в воде у запруды — мертвый трактирщик Ульман, на берегу — доктор Вецлер, а под кустами — сапожник Йокль. Рейзек, содрогнувшись, отвернулся и ни слова не возразил, когда Трнец сказал:

— По-моему, это я всадил в него пулю.

Горы сияли в утренних лучах солнца, сады благоухали. Но жители Грюнбаха не показывались из домов. Пришлось постучаться в несколько дверей и приказать, чтобы эти притаившиеся улитки сообщили всем соседям, что в девять утра по местному радио будет передано важное сообщение...

В назначенный час грюнбаховцы стояли у открытых окон, в дверях и в садиках, но на улице людей было мало. Из громкоговорителей раздалось на чистом немецком языке:

«Незаконно отторгнутые пограничные чехословацкие территории отныне возвращаются Чехословацкой республике. Органом исполнительной власти в городе является административная комиссия, помещающаяся в здании ратуши. Населению города предлагается продолжать свои мирные трудовые занятия. Все, у кого имеется какое-либо оружие, обязаны сдать его административной комиссии сегодня до часу дня. По истечении этого срока будут проведены домашние обыски, и лица, виновные в утайке оружия, будут привлечены к строгой ответственности. Равным образом под страхом наказания должны быть сданы радиоприемники и радиопередатчики, автомобили и мотоциклы».

Советский грузовик и танк стояли у входа в ратушу. Жители выслушали объявление Багара и снова попрятались в свои норы. Только в одиннадцать часов появились обитатели соседних домов с приемниками, револьверами

и фаустпатронами. После этого люди пошли сплошным потоком, и Матвей Громов посмеивался, глядя на эту картину, уже виденную им во многих местах, начиная от самых границ Германии. «Подарки» складывали в конференц-зале, и Трнец потел за машинкой, записывая фамилии сдающих и номера домов.

— Совершенно зряшное дело,— ворчал он.— Будем мы им когда-нибудь возвращать все это, что ли? Или, может быть, выплатим компенсацию? Это была бы величайшая глупость!

— Вы только поглядите на этих сычей! — восклицал Антош.— Нанесли целый арсенал. Напади они со всем этим оружием на нас, советские товарищи уже не застали бы никого в живых. Нет, я всегда говорил, что немчура труслива, когда их не понукает фельдфебель.

— Они такие же, как и все,— сказал Багар.— Это фашисты превратили их в бешеных собак.

— А они не особенно противились этому,— вставил Трнец, усмехаясь тонкими губами.

Казалось, что уже никто больше не придет, но вот в конференц-зале, прихрамывая, появился Пальме. В дверях он снял шапку, взглянул на груды оружия и радиоприемников и направился к столу, за которым сидели Багар и Громов. Вид у него был еще более изнуренный и усталый, чем накануне. Громов встал и протянул ему руку.

— Вот,— сказал Громов Багару.— Сегодня ночью этот человек пришел к нам в Кадань и рассказал, что происходит здесь, у вас.

Трнец сжал губы и слегка присвистнул. Антош перестал сортировать оружие и, по-детски разинув рот, уставился на Пальме, теребя себя за левое ухо. Рейзек с довольно растерянным видом отвернулся к окну и стал глядеть на улицу.

— Даже не захотел, чтобы мы его подвезли,— продолжал Громов.— Вернулся пешком по горной дороге. Молодчина!

Багар покраснел и тоже встал, на голову возвышаясь над приземистым Громовым. Он не мог найти слов и только протянул через стол руку Пальме.

— От имени всех нас,— хрипло сказал он.— А мы-то думали, каким это образом вы оказались здесь так вовремя, товарищ Громов. Все было некогда толком расспросить. Ребята, идите поблагодарите его!

— Обязательно! — сказал Антош и так потряс руку Пальме, словно это был рычаг бензиновой колонки.— Вы

прямо как таинственный доброжелатель из какого-нибудь романа. Здорово вы нас выручили!

— Спасибо,— без улыбки сказал Трнец и поспешно отдернул свою сухую руку.

— Я очень рад, пан Пальме,— сказал Рейзек и посмотрел при этом на кадык Пальме, двигающийся в расстегнутом воротнике блузы.

Пальме стоял смущенный и мучительно старался изобразить улыбку на своем исхудалом лице. Прислонив палку к столу, он опустил руку в карман, не без труда вытащил большой парабеллум армейского образца и положил его перед Громовым. Громов передвинул оружие Багару. Тот взял парабеллум в руку и задумался.

— Я принес оружие,— сказал Пальме.— Вчера ночью, около моста, я отнял его у трактирщика Ульмана.

Багар откашлялся, в горле у него все еще першило.

— Смелый поступок. Как ваше имя? Я прослушал его.

— Пальме. Иоганн Пальме.

Багар вертел парабеллум в руках. Пальме? Ну конечно, ведь этот человек знакомился с ними еще вчера. Как это я не обратил внимания! В Испании я знавал Христиана Пальме. Этакий смуглый парень с волнистыми черными волосами. Все принимали его за испанца, даже испанцы обращались к нему на родном языке и не могли поверить, что он немец. Он очень прилично говорил по-чешски, да, кстати, и приехал он с двумя чешскими добровольцами. Откуда же? Ага, из Клаштерца-на-Огрже. Это должно быть где-то в двух шагах отсюда. Они как раз отбыли воинскую повинность в республике и прямиком оттуда — в Испанию. Он был хороший парень, этот Христиан Пальме, хороший солдат в учении и в бою. В Испанию он приехал не ради романтики, он знал, за что сражается, очень хорошо знал...

Багар смотрел на свои пальцы, держащие черный пистолет. Видимо, усталость мешала ему оторваться от воспоминаний. На протяжении моей жизни — а такая ли уж это долгая жизнь? — творится история, думал он. Некоторые эпизоды тянулись нестерпимо долго, вроде прошедшей ночи. Но все же мир быстро движется вперед.

Багар сжал губы, быстро поднял голову и взглянул на Пальме.

— В Испании, в Интербригаде, был некий Пальме,— сказал он.— Христиан Пальме. Смуглый черноволосый парень.

У Пальме дрогнул кадык. Худой рукой с опухшими суставами он оперся о стол.

— Это был мой сын,— ответил он пересохшими губами.— Он погиб там. Не знаете ли вы...— Пальме запнулся, снял руку со стола, поглядел в окно и закончил тихо: — Не знаете ли вы, как он умер?

Багар снова опустил глаза и поглядел на свою руку — пальцы машинально передвигали предохранитель пистолета. Которую по счету атаку фашистов мы отбивали в тот день на скалистом холме, поросшем серыми искривленными оливами? Пятую, шестую, седьмую! Никто этого не помнил и никогда не вспомнит. Перевязочный пункт был за уступом скалы. Багар пополз туда,— простреленное плечо сильно кровоточило,— чтобы снова вернуться к своему пулемету. На перевязочном пункте он увидел Христиана. Юноша полулежал, опираясь о скалу, вцепившись ногтями в землю и глядя остановившимися глазами на запад. Кто-то подложил под него свернутое одеяло. Христиан был обнажен до пояса, брюки расстегнуты. Его живот обвивала широкая полоса марли, в трех местах алая от крови. Видимо, его только что перевязали. Всегда смуглое лицо юноши было сейчас необычайно бледно, несмотря на оранжевый свет заходящего солнца. Христиан сжимал губы, но они снова раскрывались в конвульсивном дыхании. Багар подошел к нему со словами ободрения. Юноша отрицательно качнул головой и продолжал глядеть на заходящее солнце. Багар с минуту постоял около и слышал, как умирающий застонал и произнес: «Папа, папа!..» Багар запомнил это, потому что остальные всегда в мучительную минуту звали мать, а этот — отца.

Он снова поднял взгляд на Пальме:

— Когда-нибудь я расскажу вам.

И протянул пистолет Пальме, вопросительно оглянувшись на Громова. Тот кивнул.

— Возьмите,— сказал Багар.— Я выдам вам временное разрешение. Он еще может вам понадобиться.

Но Пальме покачал головой и поднял свою палку с резиновым наконечником.

— Спасибо, не надо,— сказал он.— Мне хватит этого.

Они смотрели, как он уходит, припадая на ногу, когда-то перебитую сапогом гестаповца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Отряд под командованием старшего лейтенанта Матвея Громова к вечеру вернулся в Кадань. Он увез на грузовике собранное оружие и радиоприемники, а также несколько

арестованных, потому что на столе у Багара неведомым образом появился анонимный донос, в котором говорилось, что такие-то не сдали оружия и прячут его там-то. Матвей Громов прочитал угловатые готические буквы, и на его полных губах мелькнула усмешка. Он вызвал старшину и послал патруль. Оружие действительно нашлось у тех самых людей, в указанных местах, и немало. Были и ручные гранаты, и фаустпатроны.

В свое время нацисты вооружили Грюнбах так, что каждый дом мог сражаться против Красной Армии... если бы только грюнбаховцы захотели сражаться. Но в их сердцах было больше страха, отвращения к войне и растерянности, вызванной крушением надежд на мировое владычество Германии, чем боевой отваги. Тех, кто, быть может, захотел бы еще воевать, уже не встретишь в Грюнбахе: светловолосые молодчики с волчьим взглядом, генлейновские крикуны, сменившие белые чулки на пехотные сапоги гитлеровских гренадеров и авиадесантников,— все они уже давно лежали в дюнах Голландии, в песках Ливии, в водах нескольких морей, в апельсинных рощах Сицилии, среди развалин итальянских деревень и монастырей, а больше всего — в бескрайних просторах Советской страны. В Грюнбахе от них остались лишь фотографии в черных рамках с эпитафиями, представлявшими собой противную смесь подлинной скорби с крикливым шовинизмом.

Багар и его товарищи пожали руки выручившим их советским бойцам. Багар обнялся и расцеловался с Матвеем Громовым и с грустью глядел, как танк и грузовик исчезают за поворотом главной улицы, которой Багар мысленно уже давал новое название. Грюнбах был обезврежен. В домиках за занавесками молчали люди, сидевшие неподвижно или двигавшиеся, как безмолвные тени, со злобой и страхом ожидая, что будет дальше. Багар и его товарищи мечтали отоспаться в удобных постелях.

Вилла Релига потеряла для них всю свою привлекательность. Даже не советуясь, они отправились в гостиницу Рейзека и поужинали там мясными консервами, полученными от Матвея Громова. Горячая консервированная свинина плавала в жиру, рядом дымилась миска картофеля. Костлявая Грета в черном платье двигалась как тень. Из каких-то подземных тайников она извлекла бутыль вишневой настойки, измазанную глиной. Все выпили перед ужином, поданным им Гретой, по рюмке, и это несколько подняло общий дух. Рейзек схватил бутылку и налил по второй. Они сидели в «отдельном кабинете» — небольшом

помещении рядом с главным залом. Желтоватые шелковые абажуры давали мягкий, рассеянный свет, темная окраска стен выделяла белоснежный стол — островок света, тишины и блаженного отдыха. Здесь богатые обыватели Грюнбаха устраивали, бывало, «мальчишники» в память своих студенческих лет. Накрытый стол умилял Рейзека, возвращая его к тем временам, когда он, прислуживая, бегал вокруг стола и ловил взгляды отца. Тот обычно стоял у маленького буфета между дверью в кухню и дверью в коридор. Подав блюда в кабинет, оба тихо исчезали... Религ тоже бывал здесь, сейчас на его место уселся Трнец. Символично, что этот тщеславный пришелец оказался именно на этом месте!

— Ваша мать сегодня утром уехала, Гансик,— сказала Грета, ставя на стол бутылки черного пива, припрятанные для торжества, которому уже никогда не суждено было состояться.

Рейзек перестал наливать рюмки.

— С чего это ей вздумалось? — спросил он.— И куда она уехала?

— К сестре. К той, что замужем за владельцем лесопилки Шредером. К тете Анне-Марии. Вы всегда ее не любили, Гансик. Помните, как однажды она отшлепала вас за то, что вы залили малиновым соком ее новое платье.

Трнец выпустил воздух сквозь стиснутые губы — раздался тонкий неприятный свист. Антош засмеялся и сказал:

— Вот так тетушка!

Грета недовольно отвернулась. Она говорила только с Рейзеком, лишь с него не сводила своих темных неподвижных глаз. Другие для нее не существовали.

— Она велела передать, что не хочет жить с вами под одной крышей и подождет, пока вы не уедете отсюда снова и навсегда. Она сказала еще многое, чего могла бы не говорить. Меня она тоже гнала отсюда.

— А вы не боитесь оставаться здесь? — спросил Багар.

Старуха медленно, неохотно повернула к нему голову.

— Знаете вы, что такое нужда? — спросила она.

Багар усмехнулся и понимающе прищурился.

— Кое-что знаю.

— Так зачем же вы спрашиваете?

— Здорово она тебя срезала,— сказал Трнец, когда Грета вышла.

— Она дала мне точный ответ, только и всего,— возразил Багар.— Не знаю, понятен ли он тебе.

— Мне все будет очень понятно, когда немцы уберутся отсюда,— сказал Трнец.

Багар вертел в руке рюмку; два пальца, большой и указательный, постоянно должны были крутить что-нибудь. Он чувствовал усталость, все они утомились, не выспались, и не было смысла затевать долгий спор. Ближайшие дни покажут, зачем они пришли сюда и кому какая роль предназначена в исторической драме, которая разыгрывается здесь, в Пограничье.

Утром Багар первый спустился к завтраку. Он проспал полных восемь часов. Когда еще доведется ему так хорошо выспаться? День был ясный и солнечный, голуби ворковали на крыше гаража. Грета в черном платье уже стояла у плиты, когда Багар вошел в кухню, и подала ему кружку душистого кофе, кувшин с молоком и каравай свежего хлеба.

— Откуда у вас кофе, Грета? — спросил Багар, с удовольствием вдыхая кофейный запах.

— Последние остатки,— ответила она.— У нас было много. Эсэсовцы заботились о том, чтобы кофе хватало. У них губа была не дура, у этих молодчиков с черепами на петлицах.

Багар кивнул и отрезал себе большой ломоть хлеба. А каковы будут здесь продуктовые пайки, сразу же подумал он.

— Пекарь испек хлеб,— сказала Грета.— Пока у пекарей есть мука, они пекут, хоть бы кругом было светопреставление. Выпек, а продавать не хочет.

Багар хватил горячего кофе, обжег язык и сделал несколько глубоких вдохов полуоткрытым ртом.

— Почему? — спросил он.

— Говорит, что не знает, как будет обстоять дело с продуктовыми карточками. Женщины толпятся перед лавкой и не хотят уходить.

— А как же он продал вам?

— Я сказала ему, что вы остановились у нас.

Взять на учет продовольственные запасы — такова первая задача. Кто знает, когда еще Прага вспомнит о Грюнбахе и каким соломоновым решением о снабжении порадует нас. Да, надо выявить продовольственные запасы. Кто же это должен сделать? Разумеется, ты, Багар.

— Сколько пекарей в Грюнбахе?

Грюнбах... Надо бы назвать его иначе. Ручаюсь чем угодно, что у города было чешское название. Рейзек даже говорил нам о нем, когда мы подъезжали сюда. А заметил

ты статую князя Вацлава? Не сама же она прилетела сюда... Так сколько здесь пекарен, говорит Грета? Три? Ладно, с тремя я еще управлюсь. Кроме того, конечно, есть еще продуктовые лавки. Вообще торговцев всяких, крупных и мелких, ремесленников и кустарей тут до черта. Но прежде всего надо заняться продовольствием.

Багар налил себе еще немного черного кофе.

— Рейзек и Антош, здорово, ребята! — воскликнул он, быстро вставая, так что едва не уронил стул, и шагнул навстречу товарищам. Они глядели на его оживленное, веселое лицо и гладкие румяные щеки, на седую шевелюру. Помолодел он, что ли, за ночь, что такое с ним произошло?

— Оба вы пойдете со мной, у нас пропасть работы.

Он подвинул им стулья и налил кофе.

— Ишь ты! — сказал Антош.— Сразу запрягаешь? На голодный желудок я этого не люблю.

Рейзек потирал руки над горячим кофе, словно они у него замерзли. Он плохо спал ночь, ему мерещились ноги мертвого Йокля, торчащие из кустов.

Опустив глаза, Рейзек пил кофе, ему не хотелось глядеть в лицо товарищам. С пекарями и лавочниками они и сами управятся, а вот гостинице давно нужен хозяин. Пока все в ней осмотришь да выяснишь, где что не в порядке, уйдет немало времени. Так думал и так сказал Рейзек и волей-неволей вынужден был поднять глаза.

Багар скатал шарик из хлеба и вертел его меж пальцев, в упор глядя на Рейзека.

— Да,— сказал он, когда новоиспеченный владелец гостиницы замолчал.— Можно и так смотреть на вещи. Прежде всего мои интересы, а все остальное потом.

— А как же иначе? — вмешался Антош.— Я знаю только одного человека на свете, который готов позаботиться о том, чтобы мне жилось лучше. Этого человека зовут Антош. И ему уже пора браться за дело, вот что.

— Вчера, когда появились русские, ты меня попросил о чем-то,— напомнил Багар.

Антош покраснел, проглотил недожеванный кусок и развел руками.

— А почему бы и нет? — сказал он.— Я остаюсь при своем мнении: твоя партия самая правильная, я всегда это говорил.

— Гм...— хмыкнул Багар и отбросил хлебный шарик. Встав, он протянул руку за кепкой.

— Ну, так я пошел.

— Погоди, Ирка, не горячись,— быстро сказал Антош.— Мы доедим и тоже пойдем с тобой.

Появился Трнец и спросил, о чем разговор. Он был тщательно умыт и сменил форму Африканского корпуса на спортивный костюм. Вид у него был такой, словно он собрался играть в гольф; красная повязка с буквами «РГ» и автомат на груди выглядели на нем как-то странно.

Он пил черный кофе, после каждого глотка поджимая тонкие губы, и слушал Багара, как человек, которому предстоит быть судьей в важном споре.

— Разумеется, продовольствие важнее всего,— сказал Трнец.— Немцы это отлично понимали и позаботились о нем еще до войны, потому-то они и были хорошо подготовлены. Мы возьмем на учет все запасы, чтобы местные немцы не могли спекулировать, и уменьшим им пайки. Они не так много сожрут, пока отправятся в свой райх.

Багар удивленно поднял брови.

— Откуда ты взял, что мы будем вводить уменьшенные пайки?

Трнец вытер рот и ответил:

— Я мог бы и сам догадаться, это вполне по моему разумению. Но мне об этом сказали в Кадани. Там ко мне подошел какой-то тип и говорит: «Вы куда едете, коллеги? В Грюнбах? В качестве членов административной комиссии? Так имейте в виду, что in puncto [1] продовольственного снабжения — так он и сказал: «in puncto», честное слово! — имейте в виду, что немцам полагаются уменьшенные пайки. Есть, мол, такое постановление. Я бы, говорит, дал вам его прочитать, да не помню, куда дел».— «Вот и отлично»,— сказал я ему. И в самом деле это правильно.

— Факт! — согласился Антош.— Обирали всю Европу — и все себе. Я помню, как ихние бабы таскали из лавок полные сумки апельсинов, а у наших детей не было даже сморщенного яблочка. Если написать счет на все, что они у нас сожрали, то понадобится лист длиной отсюда до Праги, да и то еще всего не упишешь. Я согласен с Трнцом: уменьшенные пайки будут им по заслугам. По-моему, это еще даже слишком густо!

— Может быть, ты и прав,— сказал Багар.— Но мы здесь не затем, чтобы судить их.

— Как так?..— вспыхнул Антош.— Кому же их судить, если не нам? Господам во фраках? Или фертам в шикарных мундирах? Эти шли в Германию, словно на прогулку, уже после победы русских, и то чуть не вывихнули себе ло-

[1] по вопросу (*лат.*).

дыжки. Нет, говорю я, судить должны именно мы русские, поляки и вообще все, кто по-настоящему пострадал от них. Видал кто-нибудь из вас, как они разбойничали в русских деревнях? Я видал. Я всегда думал, что после войны надо бы запереть Германию на пять лет для всех стран и допустить туда только русских. Посмотрели бы мы тогда, что осталось от славного немецкого народа!

— Ты думаешь, русские истребили бы всех немцев? — улыбнулся Багар.

— А как же!

— А делают они это сейчас?

— То есть?

— Ну, ведь они заняли часть Германии, куда не имеет права вступить никакая другая держава. Вот я и спрашиваю тебя: истребляют ли они там немцев?

Антош сдвинул шапку на затылок, и на лице его отразилось смущение.

— Нет, не истребляют,— сказал он.— Вот этого-то я и не понимаю.

— Подумай хорошенько,— сказал Багар.— Подумай и, может быть, наконец придешь к самым отрадным выводам.

— Гуманность! — язвительно сказал Трнец.— Когда-то к ней призывали попы, но они, к счастью, никогда не принимали ее всерьез. Потом ее, подняв палец, провозглашал университетский профессор... жаль, что он не дожил, не увидел, какие плоды дала его ученость здесь, в Пограничье. Но когда гуманность начинают проповедовать красные, то уж... держите меня, значит, дело пахнет дракой!

Багар покраснел, перевел дух, кадык у него дрогнул.

Надо бы дать ему по шее, раз уж он сам говорит о драке, мелькнуло у него. Но это будет плохое начало. И это брат коммуниста! Кто бы подумал, что из одного гнезда могут вылететь столь различные птички...

— Помолчал бы ты хоть из уважения к памяти брата!

Трнец провел тонким пальцем по верхней губе, словно трогая невидимые усы, и замигал, точно от вспышки яркого света. Потом он резко повернулся и вышел. Остальные сидели молча, глядя в разные стороны. Они слышали, как Трнец хлопнул дверью, завел машину и выехал со двора. Шум мотора удалялся и вдруг разом затих.

— Так пошли, ребята,— сказал Багар.

Антош вскочил и хлопнул кепкой по лавке. Потом, словно этот жест принес ему облегчение, он снова взял кепку, неторопливо надел ее на голову и так же неторопливо и решительно сказал:

— Говорю вам, что он трепло. Просто трепло. А ты, Ирка, прав!

Рейзек стоял у дверей и глядел на них, в душе желая, чтобы эти люди поскорее и навсегда убрались из его гостиницы. Он мыслил примитивно, и ему решительно не хотелось заниматься чем-то не имевшим к нему прямого отношения. Уж скорей бы кончилась эта неразбериха первых дней, скорей бы в ресторан снова начали сходиться спокойные, мирные горожане, чтобы посидеть за кружкой пива. Рейзек покачивал на ремне свой автомат, с неудовольствием поглядывая на это оружие, о котором у него навсегда останется самое тягостное воспоминание.

— Надо взять его? — спросил он Багара.

— Придется,— ответил тот.— Пока что мы сами себе полиция.

Они вышли. Небосвод голубел над озаренными солнцем горами, воздух был прохладен и свеж, пахло молодой листвой и смолистыми деревьями.

Трнец ждал их в машине у обочины шоссе. Он облокотился о дверцу, покуривая, и выглядел как благоденствующий турист.

— Поедем-ка в машине,— сказал он.— Так будет скорее.

Багар подавил улыбку, Антош виртуозно сплюнул сквозь зубы.

Перед пекарней, на той стороне дороги, стояли женщины в длинной очереди. Членов административной комиссии они встретили молча, застывшими взглядами. Лица у женщин были худые, увядшие. Многие были одеты в черные платья и платки.

Антош остался в машине. Трнец выскочил первый и застучал автоматом в стеклянную дверь булочной. Вышел пекарь — хмурый старик в грязном фартуке, рубахе нараспашку и плоской белой шапочке. Его рыжеватые усы, ресницы и брови были в муке.

— Регистрация запасов! — услышал он от прибывших и неохотно дал им дорогу. Члены комиссии вошли в лавку, где сильно пахло свежеиспеченным хлебом. Толпа женщин за их спиной задвигалась и возбужденно зашумела. Трнец захлопнул дверь и повернул ключ.

Они прошли через лавку в просторную кухню, где все — стол, буфет, плита, утварь, включая блестящие медные кастрюли, висевшие на стенах,— было необычайно крупных размеров, словно для великанов.

У плиты перед лоханью с водой сидела на низкой скамеечке девушка-служанка с толстыми пепельными косами; тупые голубые глаза придавали какое-то овечье выражение ее лицу. Она чистила картошку, очень неэкономно срезая кожуру. Толстая старуха сидела в кресле с прямой спинкой и наблюдала за работой. Она равнодушно взглянула на вошедших. Откормленный черный пес с облезлой спиной, лежавший на мешке в углу, вскочил, заворчал и спрятался под большим кухонным столом.

В открытых дверях, из соседней комнаты, появилась молодая женщина. Она уже собиралась переступить порог, но остановилась на полдороге, как человек, который не успел убежать и теперь не знает, как ему поступить. Это была городская женщина, одетая в коричневую юбку и желтый вязаный жакет, ее привлекательное округлое лицо и темные, свободно падающие, волнистые волосы выглядели как-то странно в комнате с грубой деревенской мебелью. Испуг придал приятную мягкость ее безразличному и пренебрежительному взгляду. Члены комиссии слегка смутились, увидев ее, и каждый посмотрел на нее с различным чувством.

— Хороша штучка! — шепотом сказал Антош за спиной Багара, и тот сердито передернул плечами.

Они видели, как щеки ее залились краской. Она сделала движение, словно хотела закрыть за собой дверь, и вдруг сказала по-чешски:

— Добрый день!

— Добрый день! — отозвался Багар.— Вы чешка? Как вы сюда попали?

Женщина взглянула на пекаря и его жену, словно ожидая, что кто-то из них ответит за нее. Но толстуха даже не подняла головы и, видимо, целиком погрузилась в созерцание того, как служанка чистила картошку. Пекарь стоял в выжидательной позе и хмурился так, что его запорошенные мукой брови почти сошлись на переносице.

— Я чешка,— сказала женщина, так и не дождавшись поддержки от хозяев.— Моя фамилия Краусова. Я приехала из Брно, спасаясь от бомбежек.

— А почему именно сюда, к ним? — удивился Багар.— Это ваши родственники, что ли?

— Больше я никого не знала,— смущенно сказала она.— Я... уроженка Брно.

— Гм...— произнес Багар.

— Она была замужем за моим племянником,— вдруг

сказал пекарь.— Он убит на Восточном фронте.— Старик поднял руку и потряс ею, словно грозя кому-то.— Двое моих сыновей тоже остались там, Пауль и Гейнц. Почему? Мы не хотели этой войны!

Трнец засмеялся.

— Вы слышите? Они не хотели войны! Они только хотели, чтобы весь мир ползал перед ними на брюхе.

— Никто ее сюда не звал,— прохрипела толстуха.— Мы не хотим из-за нее неприятностей. Пусть идет куда хочет.

— Можете вы вернуться в Брно? — спросил Багар.

— Нет,— испуганно сказала Краусова.— Мне не к кому возвращаться.

— А впрочем, вы и не можете,— сказал Багар.— Помоему, немцам не разрешается самовольно менять местожительство.

— Я не немка,— воскликнула она.— Мои родители чехи!

— По закону вы считаетесь немкой,— возразил Багар.— Но нам сейчас не до вас, у нас есть другие дела. Можете жить здесь, они не посмеют выгнать вас.— И он повернулся к пекарю.— Покажите нам кладовую и пекарню.

Они вышли в коридор. Пекарь в шлепанцах на босу ногу шел перед ними, Рейзек задержался в кухне. Он шагнул было, но снова остановился, поглядел на Краусову и смущенно опустил глаза, словно не в силах выдержать ее напряженный, выжидательный взгляд. Поперхнувшись, он сказал сипло:

— Можете хоть сейчас перебраться ко мне. Это напротив, гостиница «Грюнбах».

— Мне не по средствам жить в гостинице,— возразила она и жалко улыбнулась.

— Идите, идите. Соберите свои вещи и идите. Я вас не спрашиваю о деньгах.

— Пусть проваливает,— сказала старуха.— Никто ее не держит.

— Вот видите, вам нельзя оставаться здесь,— повторил Рейзек.— Идите и скажите Грете, что я вас прислал.

Она пристально поглядела на него, словно желая еще раз убедиться, что это всерьез, потом улыбнулась, прищурила глаза, кивнула и скрылась за стеклянной дверью. Рейзек стоял еще с полминуты, глядя на шевелившиеся занавески на этой двери. Облезший пес вылез из-под стола и ворчал около его ноги.

— Ганс Рейзек! — сиплым голосом сказала хозяйка, словно только что узнав его.— Это Ганс Рейзек!

В пекарню вело несколько кирпичных ступеней, в которых за много лет пекари протоптали гладкие углубления. На столах под низкими окнами блестели хлебы, готовые для посадки в печь. Двое подручных, такие же старые, как сам хозяин, подняли глаза, воспаленные от мучной пыли, и что-то пробурчали в ответ на приветствие Багара.

В глубине пекарни помещалась кладовая. В ней было тридцать мешков ржаной и двенадцать мешков грубой пшеничной муки. Багар неуверенно пошарил в карманах.

— Не ищи, все равно у тебя нет,— сказал Трнец и извлек из наружного кармана своего спортивного костюма толстую записную книжку в зеленом сафьяновом переплете — последнее поручение было занесено туда еще в тридцать девятом году.— Ваша фамилия? — спросил он пекаря и записал количество муки.

— Это весь ваш запас? — спросил Багар.

Пекарь кивнул.

— Больше у вас нигде ничего нет?

— Нет.

— Подумайте хорошенько,— сказал Багар.— Мы обыщем весь дом от подвала до чердака.

Пекарь пожал плечами, насупился, потом вдруг поднял руки над головой и закричал:

— Это насилие! У меня ничего нет!

— Если ничего нет, значит, мы ничего не найдем. Пойдемте с нами, чтобы потом не было разговоров, что у вас что-то пропало.

Они вышли из пекарни, прошли через кухню и по крутой лестнице поднялись во второй этаж.

Три комнаты под крышей были забиты вещами. Старая деревенская мебель стояла вперемежку с мещанскими столиками, буфетами и шкафиками второй половины прошлого века. Было видно, что тут смешалось имущество двух соединившихся родов. На стенах висели литографии с изображениями святых и выцветшие фотографии многочисленной родни.

Пришлось открывать шкафы и заглядывать под кровати. Похоже было, что пекарь говорил правду. Трнец держался так, словно не имеет никакого отношения к обыску. Он остановился перед стеклянным шкафчиком с зеркальной задней стенкой, в которой отражались стоявшие внутри флаконы и фарфоровые чашки. Рейзек подошел к окну и выглянул на улицу. Кровь прилила к его

лицу, он смущенно обернулся, но никто не смотрел на него. Краусова переходила улицу. Слегка покачивая бедрами, она шла в синем костюме без шляпки, с двумя небольшими чемоданчиками. Вот она уже на той стороне, где стоит гостиница «Грюнбах».

Рейзек вздрогнул, услышав из соседней комнаты возглас Багара:

— Помогите мне кто-нибудь отодвинуть этот комод.

Пекарь нерешительно переминался на месте. Он понял, что в соседней комнате что-то явно неладно, но здесь стоял Трнец, вертя в руках самую большую ценность из шкафа — бокал из двухслойного стекла.

— Живее! — снова крикнул Багар.

Рейзек отошел от окна, обогнул изголовья супружеских кроватей, оттолкнул старика и вошел в соседнюю комнату. Пекарь больше не колебался и последовал за ним. Трнец ухмыльнулся, закрыл дверцу стеклянного шкафа и сунул бокал в карман брюк. Потом он прошел дальше и стал в дверях, опершись о косяк и наблюдая, как Багар и Рейзек с трудом отодвигают от стены большой двустворчатый комод.

За комодом в нише оказался стенной шкаф. Пекарь открыл рот, хватая руками воздух перед собой. Потом, весь дрожа, он тяжело опустился на клеенчатую кушетку. Подбородок у него трясся, губы побелели, искусственная челюсть щелкала. В нише, за деревянной перегородкой, завешанной разным тряпьем, нашлось еще двенадцать мешков, из них девять пшеничной муки и, кроме того, два мешка гороху и мешок кукурузы. Трнец все записал в свой блокнот и дважды подчеркнул.

Пекарь тем временем пришел в себя и, стоя у кушетки, теребил в руках шапку, испуганно глядя из-под насупленных седых бровей.

— Так как? — спросил его Багар.— Вы говорили, что больше ничего нет? Будь у меня замена, я бы сегодня же выгнал вас из пекарни.

Пекарь передернулся, словно у него вдруг зачесалось все тело.

— Не надо...— заплетающимся языком сказал он.— Право, не надо. Я просто забыл... Но можно было бы... Господ, наверное, это устроит... ведь еще будут трудные времена... Если, например, два... или три мешка муки отнести туда, к пану Рейзеку...

Багар поднял глаза и встретился с напряженным взглядом Трнца. Рейзек шагнул от двери и запустил паль-

цы за воротник, словно тот стал ему тесен. Поглядите-ка на них, думал Багар. Господ, наверное, это устроит... Мало ли что устроит господ. Это мы еще увидим.

Он поднял свою тяжелую руку, схватил старика за отвороты полотняной куртки и, встряхнув его, сказал:

— Когда вы найдете здесь господ, тогда и предлагайте им муку. Попробуйте только продать хоть одно кило без карточек, увидите, как я с вами разделаюсь!

В течение дня они побывали во всех пекарнях и продуктовых лавках города, осмотрели прилавки и кладовые, квартиры и чердаки, находили муку, сахар и жиры, записывали предъявленные и скрытые запасы и даже обнаружили несколько бочек бензина, которые отвезли в ратушу.

А пока они были заняты работой, в город, как-то без их ведома, пришли новые люди. Багар и его товарищи встретились с ними, когда уже завершили свой обход и вышли из самой дальней лавчонки на улицу, которая кончалась у леса и переходила в тропинку среди елок. Машину они оставили на углу, перед трактиром «У старой почты», владелец которого Ульман, вытащенный из реки, лежал пока в мертвецкой на кладбище.

Шумная группа парней самого странного вида разговаривала с Антошем, сидевшим в машине. Их было семеро, на рукаве у каждого виднелась красная повязка с буквами «РГ». У всех было трофейное немецкое оружие. Одеты они были в штатские пальто и макинтоши, подпоясанные широкими солдатскими ремнями, на которых болтались подсумки с патронами и тяжелые пистолеты. На лицах юнцов играла пренебрежительная усмешка, жесты их были размашисты, своим крикливым петушиным голосам они старались придать солидность.

Предводительствовал ими жилистый невысокий человек с тонким носом и глубокими складками у презрительно сжатого рта. Его темные колючие глаза глядели в упор, твердо — он не опускал взгляда.

Ему было лет тридцать, едва ли больше, но, судя по этому взгляду, он был так опытен, что хватило бы на тридцать долгих жизней. Вожак стоял, широко расставив ноги, засунув руки в карманы макинтоша, и молча наблюдал за окружающими. Пусть, мол, наговорятся досыта. Он знает, что без его слова они все равно ничего не предпримут, а он если не захочет, то и не скажет этого слова.

Из разговоров этих юнцов — едва ли кому-нибудь из них было больше двадцати — можно было заключить, что все гитлеровцы, убитые во время пражского восстания,

пали именно от их рук, что они разгромили все вражеские позиции и отстояли все баррикады. Каждый уверял, что он еще не навоевался всласть и надеется, что тут, в Пограничье, можно будет «пощелкать». Они объединились в отряд под предводительством Филипа Тимеша и вступили в революционную гвардию, созданную для охраны порядка. Так они попали в Кадань, а оттуда сюда, в Грюнбах, потому что тут, говорят, была какая-то заваруха и сейчас здесь нужна твердая рука.

— Это вы — та четверка, которой тут досталось от немцев? — спросил парень в зеленом берете, ростом на голову выше всех.

— Это мы и есть,— ответил Антош.— Можешь полюбоваться на нас, только смотри не трогай руками, потому что мы уже вроде памятников и нас со временем будут показывать экскурсантам.

Багар задумчиво смотрел на молодых крикунов и их молчаливого вожака.

— Значит, вы команда охраны порядка? — сказал он наконец, словно приняв какое-то решение.— А есть у вас какие-нибудь документы?

«Гвардейцы» удивленно взглянули на него. Тимеш прищурился, а парень в зеленом берете расхохотался.

— Документы! Ишь ты какой! А кто у кого, собственно, должен проверять документы?!

— Вот наши полномочия,— сказал Багар и вынул мандат из нагрудного кармана.— Мы местная административная комиссия.

Тимеш взял мандат, пробежал его прищуренными глазами и сказал:

— Здорово! А вот наши бумаженции.

Это были удостоверения из Праги и Кадани, выданные группе охраны порядка — следовали имена и фамилии — под командованием Филипа Тимеша. Группа находилась в распоряжении районной административной комиссии в Кадани. Тимешевцы решили поместиться в трактире «У старой почты» и нести службу в Грюнбахе до тех пор, пока их не сменит регулярная полицейская команда.

Тимеш протянул Багару холодную, узкую, костлявую руку, таившую необыкновенную силу.

— Надеюсь, мы поладим,— сказал он.

— Почему бы и нет? — ответил Багар.— У нас общие интересы: поддерживать здесь порядок и обеспечить спокойное размещение чешских переселенцев. Кстати, ребята, как вам не надоест целые дни шататься с ружьем за плеча-

ми? Кто из вас хочет помочь мне в административной комиссии? Можете помогать поочередно.

— А кто сказал, что мы будем только шляться с ружьем? — возразил Тимеш.— Мы пришли сюда поискать чего-нибудь посущественнее.

— Приехать в Пограничье и заниматься писаниной в ратуше? Нет, на это я не клюну! — засмеялся парень в зеленом берете.— Для этого не стоило уезжать из Праги.

— А кто, по-твоему, должен заниматься писаниной, приятель? — спросил Багар.— Или вы хотите, чтобы в аппарате местного управления сидели немцы?

— В Праге полно канцелярских крыс,— сказал Тимеш.— Пусть тебе пришлют их сюда срочным заказным пакетом. Еще при первой республике этих писак было хоть пруд пруди. А как пойдет дело теперь, я уже заранее знаю. Сюда нахлынут новые легионеры, и каждый из этой бражки потребует солидный пост.

Багар вспыхнул, возмущенный словами этого человека. Он сразу раскусил Тимеша: Трнец, еще один Трнец!

— Как хотите,— сказал он, не повышая голоса.— Но только предупреждаю вас: грабежей не будет. Можете сразу выбрать себе и зарегистрировать в комиссии, что вам понравится.

Тимеш поглядел куда-то на крыши соседних домов и сказал:

— Кое-кто здесь корчит из себя начальство только потому, что приехал на день-другой раньше.

— А еще кое-кто может получить по шее и хлопнуться мордой оземь,— сказал Антош и высунулся из машины.

Юнцы загалдели и схватились за ремни своих винтовок. Багар поднял руку.

— Успокойтесь! — сказал он.— Хотите устроить представление для немцев? Я здесь для того, чтобы восстановить порядок, и порядок будет, а кто его нарушит, тому придется иметь дело со мной. Поглядите вокруг: все это теперь наше. Читали вы Кошицкую программу? Имущество немцев, изменников и коллаборационистов подлежит конфискации. Все, что здесь есть, перейдет к чехам. Но надо честно получить имущество, а не растаскивать его.

Он повернулся к машине и открыл дверцу. В тишине послышался голос Тимеша:

— Плевал я на программы, чьи бы они ни были. А вот дать немцам под зад коленкой и выгнать их отсюда без штанов — под такой программой я подпишусь хоть сейчас!

Трнец нажал стартер, мотор заработал. Группа добровольных стражей порядка молча глядела вслед машине.

— Олух! — сказал Тимеш и сплюнул сквозь зубы. Потом повернулся к своей команде, кивнул в сторону трактира и сказал: — За дело, ребята, пошли выпить и закусить!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Багар не мог преодолеть в себе отвращение к внушительному старомодному кабинету бургомистра и выбрал для себя обычную канцелярскую комнатку с двумя простыми столами и пишущей машинкой, которая каким-то чудом пережила безвластие и не была украдена. Здесь, очевидно, раньше хранились дела и велось делопроизводство самого бургомистра, потому что на стене, когда в комнату вошли Багар и Антош, еще висел цветной литографический портрет остроносого виновника мировых бедствий.

— Куда его деть? — спросил Антош, снимая портрет со стены.— Выкину его в окно, красавца.

— Не дури, Антош,— сказал Багар. Но портрет уже летел вниз, и через секунду послышался звон стекла.

— Можешь не беспокоиться,— сказал Антош.— Они его мигом подберут.

Он не ошибся. Выйдя позднее из ратуши, они увидели на мостовой лишь осколки стекла, а портрет исчез.

Багар и Антош засели за скучные подсчеты: надо было установить новые пайки для жителей Грюнбаха, определить, на сколько времени хватит городу собственных запасов, провести ряд новых мероприятий — в том числе уменьшение нормы жилой площади, для того чтобы подготовить жилье для чешских переселенцев.

— Я не думаю, что сюда, в Грюнбах, уж так нахлынут чехи,— заявил Антош.— Наши люди не легки на подъем и не очень-то охочи менять кукушку на ястреба. Это только я такой романтик, что прельстился россказнями Трнца. А что я получил, скажите, пожалуйста? Вместо того чтобы заботиться о себе, как Трнец и Рейзек, торчу здесь с тобой и учусь канцелярщине.

— Ты учишься управлять,— сказал ему Багар.— Мы здесь заменяем национальный комитет, а национальные комитеты — это органы народной власти. Так сказано в правительственной программе.

— Новое дело! — воскликнул Антош.— Меня этим не заманишь. Я буду тут вместе с тобой, как идиот, держать бразды правления, а другие тем временем набьют себе карманы. Еще, чего доброго, кто-нибудь выхватит у меня из-под носа автомастерскую Гальске, и не успею я оглянуться, как на дорогах не останется ни одной машины, с которой еще можно что-нибудь снять.

— На мастерскую у тебя мандат, а брошенным машинам ты не хозяин. Это военные трофеи и, следовательно, собственность Красной Армии.

— Ты мне не рассказывай! — сказал Антош.— Не станут же Советы тащить к себе всякий хлам со всей Европы. У них, во-первых, есть другие дела, а во-вторых, они, по-моему, вправе взять что-нибудь получше.

Таков этот Антош: всегда норовит поступать по-своему и вечно ворчит, когда надо что-нибудь сделать. Однако не прошло и половины дня, как он знал наперечет все бумаги в канцелярии бывшей городской управы. Секретарь Титце, который уже поправлялся после ранения и успокаивал свои потрясенные нервы пением канареек, преклонился бы перед административными талантами Антоша. Впрочем, некоторые мелочи в приемах работы Антоша, явно не соответствовавшие строгим муниципальным процедурам, наверняка не понравились бы Титце: Антош соорудил из куска проволоки отмычку и играючи отпирал все замки этим простым инструментом. Так он добрался до картотеки со сведениями о населении — она аккуратно велась до последних дней. Эта находка очень облегчила ему и Багару всю дальнейшую работу.

— Тут они все как на ладони,— сказал он, показывая Багару картотеку.— Пусть-ка теперь кто-нибудь попытается доказать нам, что, мол, в Грюнбахе негде селиться приезжим. Взгляни сюда и скажи мне, почему так получается, что, чем больше дом, тем меньше в нем обитателей. Вот тут, например, трое расселись в семи комнатах, а вон в том домике — шестеро в двух каморках.

Багар нахмурился.

— Э, что здесь, в Пограничье! Здесь-то мы быстро наведем порядок. Во всей Чехии это будет потруднее.

Антош пренебрежительно выпятил упрямую нижнюю губу.

— «Будет» да «будет»! Пока солнце взойдет, роса очи выест. Плюнь ты на то, что будет где-то, и бери здесь, пока дают.

— Мне квартира не нужна,— проворчал Багар.

— Как это не нужна? — удивился Антош.— Разве ты собираешься смотаться отсюда?

— Ничего подобного! Просто я одинокий, поэтому мне ничего не нужно. Отец умер до войны, мать арестовали вскоре после того, как меня приговорили к смерти, и она не выжила.

— Гм...— смущенно сказал Антош.— Этого я не сообразил. Но, может быть, ты женишься?

— Пока не на ком,— улыбнулся Багар.

— А я обязательно женюсь,— вдруг просиял Антош.— Как только тут все малость успокоится, привезу сюда одну девушку от нас, из Темелина. Загляденье, кровь с молоком, вот увидишь!

— Поторопись, пока я еще административный комиссар. Я вас сам обвенчаю,— засмеялся Багар.

— А кто может быть тут, кроме тебя? — возразил Антош.— Хотел бы я поглядеть, кому охота лезть сюда, в эту кашу.

— Там будет видно, может быть, еще многим захочется,— ответил Багар.

Они работали, разговаривали, вспоминали прошлое и толковали о близком будущем. Оба стояли когда-то у слесарных тисков, и, хотя после того их жизненные пути и планы оказались различными, прошлое их сближало.

Старший видел в младшем подмастерья, каким был и он сам когда-то, вспоминал многих таких же парней. Это была подвижная, беспокойная, полная сил и тяги к труду молодежь. А через несколько лет эти парни, засунув руки в карманы, бродили по городу. Лица их исхудали, во взгляде было озлобление. У них отняли работу, и они против своей воли, вопреки своим чаяниям стали полунищими бездельниками. Багар чувствовал какую-то личную, почти отеческую ответственность за Антоша. Пусть его никогда не постигнет судьба безработного. Но есть и другая забота — надо, чтобы Антош, побуждаемый бьющей через край жизненной силой, не скатился в лагерь врагов, не стал одним из тех, которые когда-нибудь, как это бывало и в прошлом, пожмут плечами и скажут рабочему: «Мне очень жаль, приятель, но у меня больше нет для вас работы».

Антошу, наоборот, хотя он сам отчетливо не сознавал этого, не хватало общения с пролетариями старшего поколения, не хватало их слегка ворчливого и мимоходом высказанного одобрения. Поэтому Антоша тянуло к Багару и для него много значило каждое слово доверия, каждая, пусть и небрежная, похвала. Оккупация прервала в Анто-

ше процесс роста, в результате которого рабочий срастается со своим трудом и становится частью коллектива, вне которого для него нет настоящей жизни. В хлопотливые и все же удивительно спокойные часы совместной работы с Багаром в старой грюнбаховской ратуше Антош словно обретал почву под ногами и по-настоящему возвращался к своему классу.

А пока эти двое усердно работали, наводя порядок в делах управы и подготовляя город к предстоящим великим переменам, которые должны пройти без особых потрясений, Трнец прохаживался по цехам текстильной фабрики; станки здесь даже не успели покрыться пылью. Дело было на ходу и ожидало рабочих рук. Фабрика, очевидно, работала до самого последнего времени, нашлась даже партия незаконченных тканей. Все свидетельствовало о том, что Религ был мудрый человек с надежными связями в верхах. А это, запомни, и есть самое главное, говорил себе Трнец. Связи, связи и еще раз связи, от них все зависит. Наладь их как можно скорее, иначе, хоть ты работай как вол, в конце концов все равно прогоришь.

Фабрика Релига выпускала узорные дамасские ткани, постельное и столовое белье — от самых высших сортов до грубых полотенец. Запас сырья был по меньшей мере полугодовой. Трнец почувствовал нечто вроде уважения к сбежавшему фабриканту. Религ умел о себе позаботиться, это надо признать. А мы вели себя по-дурацки. В конце концов, этот тип хотел только отсидеться в уголке и мог бы еще, пожалуй, быть полезен фабрике. У него, конечно, есть деловые связи в Германии, а мы через год-два будем днем с огнем искать таких людей. Сейчас мы ведем себя так, словно после войны вообще не будет никакой торговли между странами. Это же чушь! Надо поскорее развернуть такую торговлю. Вся Европа сидит без товаров. Торговать, торговать, торговать! Завтра же начать производство! Приведу в порядок виллу и вызову из Праги жену. Теперь в Грюнбахе будет спокойно. В Кадани стоят русские — лучше бы там были американцы! — так что немцы едва ли отважатся на какие-нибудь фашистские вылазки.

Много взглядов — правда, не замеченных Трнцом — провожало его, когда он шел к фабрике. У окон низких домиков, за плотными занавесками, за традесканцией, за цветами герани молча, не шевелясь стояли худые пожилые отцы семейств, и никто из домашних не смел подойти к ним, чтобы не прервать сосредоточенных размышлений. А они глядели в окна, думая о своих утраченных надеждах,

о завтрашнем и обо всех будущих днях, и не в силах были представить себе, что им принесут эти дни. Каждый долго рассуждал сам с собой. Пауль, Зепп, Вальтер, Ганс — все задавались вопросом, почему же все вдруг пошло прахом, ведь сначала все шло как по маслу, победа была почти в руках, ну прямо-таки как ветка яблони у них в садике за домом, ветка, уже склонившаяся, отягощенная плодами...

И, видя, как мимо проезжает машина Трнца, унылый Вальтер хрустит суставами пальцев, нахлобучивает черную лыжную шапочку с козырьком и как бы бесцельно выходит из дома, сердито огрызнувшись на вопрос жены и прогнав домой восьмилетнюю Гертруду, которая хотела увязаться за ним. Вальтер вылезает из калитки на улицу — и вот, пожалуйста, здесь же Ганс, там Пауль, а вон и Зепп: все делают вид, что вышли размяться и подышать свежим воздухом, здороваются равнодушными кивками, но они смущены и видят друг друга насквозь. Один начинает подвязывать, другой, согнувшись, ковыряется в земле, третий проверяет, хорошо ли закрывается калитка — что-то неладно с ней, черт ее подери! Злы они еще и потому, что поругались с женами и прогнали детей, злы от мыслей о тех, кого нет среди них и кто уже никогда не вернется,— Гансы, Зеппы, Вальтеры и Паули-младшие, Курты, Георги, Генрихи и Маттиасы. Бесконечен список этих имен. И отцы семейств повторяют про себя названия, которые не выходят из головы: Эль-Аламейн, Тобрук, Монте-Кассино, Руан, Арденны... И — Минск, Смоленск, Можайск, Сталинград, Великие Луки, Керчь, Ростов, Белая Церковь... Странные, непонятные названия, далекие, недостижимые места. Там были наши мальчики, и там они остались. И как все это, собственно, произошло? Хотели мы этой войны или нет?

Скрипит калитка, и все поднимают головы. Это Ганс вышел на улицу, и все остальные, поправив шапочки, следуют его примеру.

— Эй, Ганс!

— Эй, Вальтер, Зепп, Пауль!

Они сошлись в кружок и медленно пошли по улице к мосту.

В нескольких шагах возникла другая группа, а за ней еще одна. Около моста, у бетонированного спуска к фабрике, собралось уже человек пятнадцать. Все они растерянно переминались с ноги на ногу и думали о том, что вот, мол, их жены вышли на улицу и глядят им вслед, значит, когда они вернутся домой, быть скандалу — особенно у тех, у кого в семье есть взрослые дочери. Собравшиеся курили

сигареты — одну на двоих или троих — или вонючие трубки, набитые загадочной смесью. Изредка кто-нибудь ронял несколько слов. Все эти ткачи из горного городка были неразговорчивы, и обрывки мыслей, которые они высказывали, не представляли собой ничего связного.

— В тот раз тоже стреляли,— сказал худой старик с обвисшими усами, отец четырех сыновей, не вернувшихся из гитлеровских походов.— И очень долго. Сюда посылали солдат.

Он имел в виду первую мировую войну и занятие Пограничья войсками новорожденной Чехословацкой республики.

— И вот они снова здесь,— сказал один из курильщиков общей сигареты.— Только на этот раз будет похуже.

— Нас выселят,— сказал старик с обвисшими усами.

— Им хотелось бы нас выселить, да руки коротки,— сказал хмурый человечек, дергая правым плечом.— Даже русским это не под силу. С Германией надо считаться, даже когда она проиграла войну. А мы — немцы. Американцы этого не допустят.

— Почему же они допустили, чтобы мы проиграли войну? — запищал старик.— Значит, кто-то совершил какую-то ошибку? А я из-за этого потерял четырех сыновей. И вот что я скажу: такому кретину следовало заниматься своим ремеслом, если он вообще знал какое-нибудь ремесло, а не гнать людей на войну.

Старик размахивал кулаком, словно угрожая кому-то. Его окружали застывшие лица, злобно глядели холодные глаза. Мрачный человечек схватил старика за руку и дернул.

— Заткнись! — рявкнул он.— Если бы твои сыновья слышали тебя сейчас, они разбили бы тебе морду. Это были настоящие немцы, они знали, за что сражаются.

— Дурень,— сказал один из курильщиков общей сигареты.— Можно подумать, что только у него погибли сыновья!

Старик резким движением вырвался, шагнул назад и сжался, готовый защищаться. Вцепившись пальцами в отвороты куртки, он заговорил тихо, отчетливо и язвительно:

— По-твоему, мои сыновья знали, за что воюют? За что же, а? Что они завоевали для себя? Что завоевали для нас? А я говорю, что они прельстились парадами, высокими сапогами да пустыми речами. Ты думаешь, они дали бы мне по морде? И поделом! Только не за то, что ты говоришь, а за

то, что я молчал, за то, что в свое время я не раскрыл им глаза!

Скуластый сутулый верзила, вышедший из калитки первым и открывший шествие к мосту, сказал глухим голосом:

— А в чем же, по-твоему, правда?

— В том, в чем была всегда,— сказал старик, и голос его вдруг стал утомленным и вялым.— Рабочим нельзя объединяться с господами, это всегда выходило боком трудящемуся человеку. Господа и через границу подадут друг другу руки, лишь бы задушить нас. Здесь мы были у себя, в родном краю; у нас и у чешских рабочих был один общий враг. Разве они не помогли нам через «Красную помощь», когда Религ и его компаньон объявили локаут? Разве они не приезжали к нам в Кадань, в Прунержов, в Меденец, в Вейпрты — всюду, где нам нужна была помощь? А теперь нам придется убраться отсюда, они выгонят нас, чтобы мы не предали их еще раз. Но мне уже все равно. Густав лежит под Смоленском, Фриц — в Сталинграде, Клаус — в Катании, Генрих — в Греции. Я могу помереть где угодно, родину я потерял вместе с ними.

Остальные глухо зашумели, было похоже, что внезапный порыв ветра с горного склона качнул ели в долине. Сомкнувшись теснее, они двинулись на старика.

— Сволочь!

— Перекрасился!

— Большевик!

— Вспомни-ка, как тебе жилось до войны и как во время войны.

— Добавочные пайки жрал, а теперь предаешь!

— Спихните его в реку!

— Осторожно! — сказал сутулый верзила.— Сюда идет Пальме.

Кое-кто остался на месте, беспомощно опустив руки, другие оперлись о перила моста. Старик с обвисшими усами торопливо схватился за карман, вытащил прокуренную трубку и начал разжигать ее. Опять стал слышен шум речки, мычание коров, которых гнали на пастбище, и отдаленный собачий лай.

Пальме первый поздоровался старым приветствием жителей гор:

— Доброго здоровья!

Никто не ответил ему внятно: одни что-то пробурчали или прохрипели, другие только кивнули и снова уставились в пространство. Пальме сжал губы и улыбнулся одними

глазами. Он стал в двух шагах от ткачей и разглядывал их. Всех он знал с детства. Одни были его сверстники, у других он учился на фабрике, третьи, в свою очередь, учились у него. Он знал, что́ на душе у каждого и что́ эти люди думают и говорят, когда они вместе. До тридцать пятого года они прислушивались к его словам, ходили к нему за советом, потом все отвернулись от него, кроме старого Вилли Кроне, который втихомолку бранил новый порядок и побаивался своих четырех сыновей. Он один понимал, в чем дело, его не обдурили ни Генлейн, ни те, что пришли потом; вот только смелости старому Кроне не хватало.

Ткачи стояли по обеим сторонам моста, прислонясь к перилам и оставив свободный проход посередине. Пальме кивнул и хотел идти дальше. Но Вилли Кроне отделился от остальных, преградил ему дорогу и, зажав в левой руке старенькую трубку, протянул правую Пальме.

— Здравствуй, Ганс,— сказал он.— Пусть они думают что хотят, а я поздороваюсь с тобой. Может быть, мы опять услышим разумное слово. Это будет хорошо, хоть уже и поздновато.

Пальме взял палку под мышку и пожал протянутую руку.

— Здравствуй, Вилли,— сказал он.— Как дела, старина? Я слышал о твоих сыновьях. Очень тебе сочувствую.

Кроне сунул в зубы погасшую трубку и стал усиленно сосать ее.

— Я старый гриб и уже никому не нужен. Сгнию без потомства.

— О чем вы тут толковали? — спросил Пальме.

— О том, что с нами будет, Ганс, вот о чем,— ответил Кроне.— Фабрика стоит, а ведь там полно сырья. Не будет же она стоять вечно. Они вот накинулись на меня, как собаки, а зачем, как ты думаешь, все они собрались тут?

— Поджечь бы ее, тогда и толковать было бы не о чем,— сказал кто-то за спиной Пальме.

Пальме быстро обернулся, поднял палку и, указав ею на мрачного человека, сказал:

— За чем же дело стало? Если ты не поджег фабрику, когда она работала на Релига и на Гитлера, почему ты не поджег ее позавчера? Где ты был во время перестрелки? Ведь у тебя дома была винтовка, ее нашли. И у тебя тоже, и у тебя! — продолжал он, тыча палкой в сторону других ткачей.— Куда же вы попрятались, когда нужно было рисковать шкурой? Вас готовили для самообороны, вам велели стать вервольфами в тылу у врага, почему же вы не

выполнили приказа? Вас так оболванили, что вы сами не знаете, чьи вы. Только страх может заставить вас двигаться и делать что-нибудь.

— Больше всего мы боимся тебя,— насмешливо сказал один из курильщиков.— Стоит мне услышать, как ты тут орешь, и я сразу накладываю полные штаны.

Пальме опешил и удивленно оглянулся.

— Разве я ору? Я не хотел орать.

— А почему бы тебе и не поорать? — возразил Вилли Кроне.— Еще будешь извиняться перед ними! Когда на них орали другие, они стояли навытяжку и поднимали лапы, а на работе лезли из кожи вон.

Пальме только махнул рукой.

— Криком ничего не исправишь. Я пойду. Я хотел только узнать, помнят ли они еще былые времена.

И он снова собрался идти, но Зепп Кнаузе стал у него на пути и сказал, дергая правым плечом:

— Поораторствовал, а теперь скажи: перебежал ты на их сторону? — И он ткнул плоским большим пальцем в сторону фабрики.

Пальме сжал палку так, что у него побелели суставы, слегка приподнял ее, снова опустил и оперся на нее. На шее у него быстро пульсировала синеватая жилка.

— Зепп Кнаузе спрашивает, не перебежчик ли Ганс Пальме,— глухим голосом сказал он.— Ты ведь был социал-демократом, Зепп, главой местной организации. И всю ее ты привел прямехонько к Генлейну. Когда меня арестовали, Религ поставил тебя на мое место, а потом исхлопотал тебе освобождение от военной службы. Верный Зепп Кнаузе, незаменимый социал-демократ и работник, кто же из нас перебежчик, скажи?

Скрипнули фабричные ворота, и все обернулись, сразу забыв о вспыхнувшем споре. На бетонированной дорожке появился Трнец с автоматом через плечо. Заперев ворота, он направился к мосту. Кнаузе толкнул острым локтем Пальме и прошептал:

— Сейчас получишь награду за измену: будешь принят на старое место.

Трнец нерешительно приближался к замолчавшей группе людей. Автомат он взял на изготовку. Собравшиеся замерли в выжидательных позах, некоторые неловко переминались с ноги на ногу, словно пойманные на чем-то запретном. Укоренившаяся привычка к повиновению и страху заставляла их робеть. Кое-кто поднес руку к козырьку.

— Доброго здоровья! — хрипло сказал один, к нему нечленораздельно присоединились еще трое.

— Здравствуйте! — ответил Трнец с тайным облегчением. И он небрежно поднес руку к козырьку спортивного кепи. Солидно выпрямившись, он уже свысока глядел на людей и, так как не знал никого, кроме Пальме, обратился к нему.

— Господин Пальме, я полагаю, что большинство собравшихся здесь работало на фабрике?

— Все,— сказал Пальме, преодолевая отвращение к ломанью Трнца.

— Я полагаю,— продолжал Трнец, снова свысока оглядев людей,— что присутствующих интересует, будет ли снова работать фабрика?

Пальме не ответил. Несколько человек переступило с ноги на ногу, под их подошвами захрустел песок. Зепп Кнаузе поднял свою баранью голову на покатых плечах и сказал:

— Нас это очень интересует. Склады полны сырья, его хватит не меньше чем на полгода, а машинам вредно простаивать. Мы хотели бы знать, рассчитывают здесь на наши руки или нет?

Трнец вертел в пальцах сигарету, потом зажег ее, прикрыв зажигалку согнутыми ладонями. Выпустив дым над головами людей, он сказал:

— Можете приступить к работе завтра же. Сообщите об этом всем остальным. Но прежде всего мне нужен привратник на место умершего Гримма.

Все смущенно молчали. У каждого был свой домик с небольшим хозяйством, и никого не привлекал переезд на территорию фабрики, где нельзя держать даже курицы.

— Что ты на это скажешь, Вилли? — спросил Пальме.— Тебе бы это подошло. Вот Вилли Кроне ютится в клетушке с замужней дочерью и кучей детей.

— Что же,— сказал Трнец.— Мне годится каждый, кто будет честно делать свое дело.

Кроне переступил с ноги на ногу, схватился за шапку, но оставил ее на голове, поглядел на остальных и сказал:

— Я бы попробовал. Старуха обрадуется. А то она все бранится с дочерью.

— Ну, а как насчет мастера? — продолжал Трнец.— Кто был мастером?

— Ганс был,— быстро сказал Кроне.— Ганс Пальме был мастером много лет. Никто из нас не знает дело так, как он.

Трнец сдул пепел с сигареты и поглядел на ее тлеющий конец.

— Гм...— произнес он.— М-да, конечно... Пусть не обидится на меня Пальме, но я думаю, что он слишком уж долго был без практики. Ему придется заново привыкать, а на это уйдет время.

— Зепп Кнаузе — мастер,— сказал верзила.

— Это вы? — спросил Трнец, вглядываясь в лицо с жесткими черными усами.

Напряженно глядевший Кнаузе молча кивнул.

— Попробую взять вас,— после непродолжительного раздумья сказал Трнец тоном человека, привыкшего нанимать сотни людей.— Похоже, что вы умеете справляться с делом, но учтите, какую ответственность вы на себя берете.

Кнаузе сдернул с головы потертую лыжную шапочку с поломанным козырьком и, прижав ее к животу, поклонился и сказал без всякого недовольства и ворчливости:

— За порядок ручаюсь, у меня иначе не бывает.

Трнец колебался — подать этому человеку руку в знак уговора или нет? Но, встретив спокойный, испытующий взгляд Пальме, он надулся, коснулся пальцем козырька и сказал:

— Ну ладно, посмотрим. Завтра в семь начинаем работу.

Он шагнул, снова встретился глазами с Пальме, хотя не хотел этого, остановился и сказал:

— Вы тоже приступите к работе, господин Пальме?

— Разумеется,— ответил тот.— Если вы не против.

— Наоборот! — возразил Трнец, неожиданно повеселев, словно он выпутывался из какой-то серьезной неприятности.— Я охотно приму каждого, кто хочет работать.

Но эта внезапная веселость прошла, едва он сделал несколько шагов. Трнец шел, держась правой рукой за автомат, как охотник, возвращающийся с вечернего лова. Он чувствовал себя совсем не так уверенно, как старался показать своей осанкой. Этого мрачного человечка зовут Кнаузе? Ручаюсь, что он был нацистом. Трнец мысленно махнул рукой. В конце концов, не все ли равно — ведь с нацизмом теперь покончено. Но назначить мастером немца-коммуниста, нет, этого от меня никто не может потребовать!

Из репродуктора грянула музыка.

— Смотри-ка, что я тут нашел,— говорил в ратуше Антош Багару, запуская пластинку. Окна грюнбаховских

домиков дрогнули от марша двадцать восьмого пехотного полка. Бог весть каким образом уцелела эта пластинка в местной коллекции.

Трнец зашагал было в такт музыке, но спохватился, видя, что обыватели выходят из домиков, чтобы выслушать радиосообщение. В Грюнбахе циркулировало слишком много тревожных слухов, и, когда местное радио передавало информацию, никто уже не пытался притвориться глухим.

Музыка развеяла последние колебания Трнца и заставила тронуться с места людей, стоявших у моста. Они неохотно двинулись нетвердым шагом и сгрудились у ближайшего громкоговорителя. Выслушав сообщение, жители города впервые по-настоящему осознали, что война и впрямь проиграна и что наступают порядки, какие им и не снились: все немцы отныне обязаны носить белые нарукавные повязки, проверенным антифашистам полагаются повязки красные, пайки будут снижены до норм продуктовых карточек, которые получали раньше евреи, проводится перерегистрация квартир и отелей для подготовки города к приему чешских переселенцев.

В унылом молчании грюнбаховцы разошлись по домам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Теперь уже жилось не так, как в первые дни, когда не было уверенности, что в тебя не выстрелят из-за угла. Из любой двери, окна, с чердака или из кустов в садике — отовсюду могла вылететь пуля, опасность грозила и за письменным столом, и ночью в постели. Правда, еще и теперь по ночам звучали выстрелы, они раздавались где-то в горах и отдавались в долине, но обычно так и оставалось неизвестным, что там, собственно говоря, произошло.

Грюнбах пережил еще одну бурную ночь, когда «революционные гвардейцы» Тимеша, выпив до капли все спиртное в трактире Ульмана, устремились на улицу притихшего городка. Ударами прикладов они сотрясали двери домиков, перепуганные немцы стучали зубами, собаки истошно лаяли и жалобно выли, получив удар тяжелым сапогом, а подчас и пулю. Хлопали выстрелы и слышались пьяные возгласы, пули свистели, то там, то здесь со звоном сыпались оконные стекла.

Два в упор наведенных автомата и удар кулаком в зубы, которым Антош свалил верзилу в зеленом берете, положи-

ли конец разнузданным выходкам хулиганов. Антош и Багар под прицелом довели их до перекрестка у гостиницы Рейзека и предложили идти на все четыре стороны, а в Грюнбахе больше не появляться. Тимешевцы предпочли не возвращаться в Кадань и направились по дороге, ведущей в другие «грюны»: Регрюн, Каутманнсгрюн и Грюнталь.

Светало. Розовый отблеск зари пал на зеленые склоны гор. Птицы в кустарнике и петухи на дворах приветствовали наступление дня. Хмельная компания «гвардейцев» с винтовками за плечами тащилась по песчаной, недавно укатанной дороге. Верзила в зеленом берете, пройдя несколько шагов, обернулся, погрозил кулаком и крикнул:

— Мы еще встретимся!

Багар махнул рукой.

— Иди, иди и не вздумай возвращаться: худо будет!

Прислонясь к придорожному столбу, Антош и Багар, с автоматами под мышкой, курили и наблюдали, как тимешевцы исчезают за поворотом.

— Надо было отобрать у них оружие,— сказал Антош.— Хулиганы они, а не стражи порядка.

— Этого мы не вправе сделать,— возразил Багар.

Антош бросил окурок и втоптал его в размякшую землю на обочине дороги.

— Не вправе! — сердито воскликнул он.— Что ты болтаешь о праве? По-твоему выходит, что я не имею права увезти разбитую и брошенную на дороге машину, а они могут шляться с винтовками по окрестностям и вести себя как шайка грабителей.

Багар вздохнул.

— Надоест им это или нет? — сказал он.— Надоест! Поозорничают, а потом осядут где-нибудь и начнут работать. А если нет, то мы их изловим и посадим за решетку. Чего нам нужно прежде всего добиться в пограничном крае? Чтобы здесь никогда больше не расплодились фашисты, чтобы опять не зародилась измена, чтобы мы могли спокойно трудиться. Мы выселим отсюда немцев не потому, что они немцы, а потому, что они заражены нацизмом. Пусть они уходят. У нас своих фашистов хватает. Они показали нам себя в тридцать восьмом году и в годы оккупации, и нам придется еще повоевать с ними.

Стояло майское утро, пели птицы. Антош и Багар шагали в город. Ветерок доносил к ним запахи разбуженных солнцем, уже отцветающих кустов сирени, с косогора веяло холодком, но спины согревало восходящее солнце.

Антош глубоко вздохнул своей богатырской грудью.

— Когда-нибудь мы будем чувствовать себя здесь дома,— сказал он.— Здесь родятся наши дети, а они уже совсем сживутся с этим краем. Через несколько лет никто не поверит, что чеху здесь когда-то нельзя было выпросить и стакана воды.

Багар остановился и показал на город, лежащий перед ними.

— Погляди на эти стены, они ждут наших рук. Надо их выбелить, и эти домики будут совсем как и во всех чешских деревнях и городах.

— Почему у них все дома серые? Ведь к этим зеленым склонам прямо просятся красные крыши и белые стены.

— Со временем весь этот пейзаж повеселеет, Антош. Веселее станут и дома, и люди в них.

— А я думаю, что наши люди здесь прежде всего перегрызутся как собаки.

— Сперва перегрызутся, а потом устроятся и начнут трудиться сообща. Наша задача — добиваться, чтобы это произошло поскорей.

По эту сторону Грюнбаха было несколько крестьянских усадеб, их владельцы обрабатывали поля у подножья гор. Этот пригород Грюнбаха назывался Долинка. Багару и Антошу попадались навстречу крестьяне, тяжело шагавшие за подводами; жены, надвинув платок на лоб, сидели в тряских телегах. Взгляд у женщин был недобрый, проезжали они не здороваясь и не оглядываясь на Багара и Антоша.

На равнине, лежащей у склона горы, местами вскопанной и обнесенной колючей проволокой, стояло несколько длинных одноэтажных деревянных бараков. Сорванные с петель ворота едва держались, их раскачивал юго-восточный ветер. Брошенные бумаги разлетались вокруг опустевших строений.

— Смотри-ка, прямо настоящий концлагерь,— сказал Антош.

— Да это и было нечто вроде него,— объяснил Багар.— Немцы согнали сюда со всего протектората арийцев, как они тогда говорили, которые были женаты на еврейках или полуеврейках, и посылали их отсюда на лесоразработки.

— Эх, каждый раз, когда хочешь забыть обо всем этом, наткнешься на такое, что опять хочется бить им морду. Загнать бы их самих сюда, чтобы они тоже узнали, почем фунт лиха,— с раздражением сказал Антош.

— Хотим мы того или нет, а это придется сделать. Нам понадобятся их дома для тех, кто приедет сюда из Центральной Чехии. Прежде всего надо будет организовать

бригады из немцев, чтобы они здесь все привели в порядок,— сказал Багар.

Протяжный гудок паровоза заглушил на минуту пение птиц. Багар и Антош оглянулись. По холмистой равнине тянулись блестящие рельсы, а по ним, развевая гриву дыма, к Грюнбаху спешил паровичок с несколькими вагонами.

— Смотрите-ка, поезд! — сказал Антош таким тоном, словно впервые в жизни видел этот вид транспорта.

Они умиленно смотрели, как паровичок, непрерывно гудя, подъезжает к маленькой станции.

— Вот мы уже и не одни здесь,— заметил Антош.— Начнут прибывать поезда с людьми, и край воскреснет, как мертвое тело от живой воды.

Перрон оживился. Несколько человек осталось стоять. Поезд тронулся дальше, оставшиеся махали ему вслед.

— Сошли тут,— сказал Антош.— Наверное, железнодорожники.

Они проводили глазами поезд, который вскоре скрылся за поворотом, и пошли в Грюнбах. На перекрестке близ гостиницы Рейзека им встретился человек с двумя большими чемоданами. Он с трудом тащил их, согнувшись в три погибели, потом остановился передохнуть, сел на один чемодан, отер лоб и принялся протирать очки. Редкие с проседью волосы прилипли к большому выпуклому лбу, зимнее пальто болталось на узких плечах, волочась в дорожной пыли.

— Вот тебе на! — понизив голос, насмешливо произнес Антош.— Что тут надо этому чудаку?

Они подошли к приезжему. Он сощурил близорукие светло-голубые глаза и озабоченно нахмурил брови. Потом нацепил очки, встал, поклонился и учтиво сказал тихим шелестящим голосом:

— Вы чехи, господа?

— От роду и навеки,— отозвался Антош.

— Мы члены местной административной комиссии,— объяснил Багар, чтобы успокоить смущенного и оробевшего приезжего.

Тогда незнакомец выпятил узкую грудь, наклонил большую голову и представился:

— Почтмейстер Вацлав Брендл, господа. Уроженец Малой Страны в Праге. Там родился, учился и служил до нынешнего дня, никогда не покидая этого района — жемчужины нашей столицы. Даже в отпуск не уезжал. К чему? Влтава, остров Кампа, дворцы и парки, Страгов, Неруда,

поэзия, повсюду памятники старины — все это у нас, на Малой Стране! Поистине, она — перл Чехии, ее историческая сокровищница. Не было смысла никуда ездить, господа: лучше нигде ничего не найдете!

Багар и Антош смотрели на человека в зимнем пальто и нескладно сидящей серой поношенной шляпе, который произнес эту тираду возле двух тяжеленных старых чемоданов. Антош сдерживал смех, Багар, наоборот, был тронут.

— Почему же вы уехали оттуда именно теперь? — спросил Антош.

Приезжий нахмурился, словно этот вопрос был непонятен и неуместен, но тотчас же, подняв длинный чуть кривоватый палец канцеляриста, сказал проникновенно:

— Патриотический долг, господа! Родина кликнула клич своим сынам, и я отозвался на него. Обдумал все как следует и решился. Я старый человек и одинокий, но еще не дряхл. Молодым не хочется уезжать из Праги — расставаться с удовольствиями и прочее. А здесь, в Пограничье, нужны сознательные патриоты. Немцы уйдут отсюда, край вернется в руки чешского народа, который издавна владел им. И вот я решил стать переселенцем, господа! Я назначен временно исполняющим обязанности управляющего почтой в этом городе и приехал занять свое место.

Он говорил торжественно и выглядел немного смешно, но при взгляде на его сияющие глаза за толстыми стеклами очков становилось ясно, что он верит в свою правду и готов отстаивать ее.

Антош оглушительно хлопнул в ладоши.

— Ирка, вот это здорово! Поезд пришел, почта начнет работать — Грюнбах оживает.

Почтмейстер покачал головой, словно ему не понравились эти слова.

— Грюнбах — неподходящее название для этого города, господа. Неподходящее и недостойное. Предлагаю отменить его и ходатайствовать о присвоении городу исконного чешского названия Поточная. Старая чешская крепость, игравшая видную роль еще во времена Пршемысловичей. Вернем же ей славное имя, устраним плоды неразумия чешских королей и унизительной германизации, проводившейся немецкими промышленниками. Я изучил все доступные источники и могу подкрепить наше ходатайство вескими историческими доводами. Надеюсь, вы согласитесь с моим предложением.

Антош отвернулся, словно для того, чтобы ветер не

мешал ему закурить, хотя ветер уже переменился и дул с другой стороны, и долго закрывал лицо руками, в которых прятал спичку. Багар усилием воли подавил улыбку и сказал серьезно:

— Вполне согласен. Составьте ходатайство, и мы его немедля отправим.

Почтмейстер Вацлав Брендл просиял, потер ладони, которые при этом издали какой-то пергаментный шорох, и протянул Багару сухую, но удивительно сильную руку.

— Отлично! Вот только немного познакомлюсь с делами. Ходатайство о переименовании будет готово через две недели, ладно?

Антош увидел автомеханика-австрийца Фрица Клаузе, который уже довольно долго торчал у калитки дома Гальске, и замахал ему рукой.

— Поди сюда, помоги мне!

Тот подошел, почесывая рукой грудь, и вежливо снял заношенную солдатскую фуражку.

— Мы забросим ваши чемоданы на почту. Для одного человека они тяжеловаты, пан...— Антош запнулся, забыв, как зовут приезжего.

— Вацлав Брендл, почтмейстер Вацлав Брендл,— подсказал тот.— Впрочем, титул не играет роли, здесь мы все будем братьями.

— Или товарищами,— испытующе взглянув на Брендла, сказал Багар.

Почтмейстер замигал, словно от яркого солнечного света, и сказал солидно:

— Может быть. Хотя должен признаться, что смысл, который вкладывают в это обращение, мне не совсем ясен.

Антош ухмыльнулся за его спиной и сказал австрийцу:

— Ну-ка, Фриц, чемодан на плечо и пошли.

Он помог Клаузе поднять чемодан, сам взял другой, и они зашагали, несмотря на смущенные протесты почтмейстера.

На углу перед почтой стояла группа мужчин — крестьяне из окрестных деревень и горных хуторов, рабочие фабричек и мастерских, которые все еще не начали работать. Владельцы этих предприятий исчезли, словно сквозь землю провалились, и никто не знал, где они. Сообщения об их исчезновении накапливались на столе Багара вместе с кучей анонимных писем, в которых обычно говорилось, что такой-то и такой-то грюнбаховец был членом гитлеровской партии и донес в гестапо на такого-то и такого-то. Так, например, по милости нынешней управляющей почтой

Эльзы Магер, двадцати восьми лет, бывшей руководительницы отряда девушек из «гитлеровской молодежи», попало в концлагерь восемь местных жителей: Эльза Магер донесла в гестапо о содержании их переписки с мужьями и сыновьями на фронте.

Приезд Брендла очень устраивал Багара. Накануне вечером ему сообщили из Кадани, что благодаря дружеской помощи связистов Красной Армии восстановлена телефонная связь. Но радость Багара по этому поводу омрачало то обстоятельство, что ратуша была связана с Каданью через почту, где сидела Эльза Магер, имевшая массу свободного времени, чтобы подслушивать разговоры. На почте за отсутствием транспорта не было никаких операций: на столе лежали груды писем для отправки, а корреспонденция извне вообще не поступала.

Толпа перед почтой неохотно расступилась, давая пройти Багару и его спутникам. В помещении на них пахнуло кисловатым запахом клея. Комната была перегорожена застекленным барьером с двумя окошечками: поменьше — для приема писем и денежных переводов и побольше — для посылок. Высокая молодая женщина стояла за барьером, перед ней теснились женщины в платочках. При виде вошедших она умолкла на полуслове. Здоровенная, будто битюг, лицо длинное, лошадиное, на голове — венец из толстых светло-рыжих кос.

Антош и Клаузе поставили чемоданы к стене. Багар встретился глазами с Эльзой. Твердый взгляд голубых глаз под рыжеватыми волосами, ни следа привлекательности в грубом лице, ни проблеска женственности в жестких, невыразительных чертах; на крепких ногах — огромные мужские ботинки. Волна неприязни поднялась в душе Багара и отразилась в тоне, которым он заговорил.

— Эльза Магер?

— Да.

Багар оглядел женщин, стоявших у барьера, встречая всюду хмурые или смущенные взгляды.

— Идите по домам,— сказал он им.

Женщины нехотя двинулись к двери.

— Они пришли узнать, когда начнет работать почта,— сварливо заговорила Эльза Магер.— Они понапрасну ждут писем от близких и сами хотят писать им.

— Уже две недели мы не получаем ни строчки,— пояснила низким, гортанным голосом одна из женщин.

— Теперь скоро получите,— сказал Багар.— Обо всем

узнаете из сообщений местного радиоузла. А сейчас расходитесь.

Женщины выходили молча, они привыкли повиноваться властно произнесенному слову. Слышался топот тяжелых сапог и шелест длинных черных юбок, от которых пахло хлевом, нафталином и еще чем-то затхлым.

— Ты тоже иди, Фрицек,— сказал Антош австрийцу и пожал ему руку.— У нас тут служебные дела. Спасибо за помощь, и жди меня в мастерской, сегодня мы начнем.

— Я ему дам кое-что...— заговорил Брендл, до сих пор стоявший молча, как незваный гость. И он стал растерянно шарить по карманам своего пальто.— Я... ему сейчас...

— Не надо! — быстро сказал Антош.— Сами говорили о братских отношениях, а вот теперь начинаете...

— Поди к дверям и никого не впускай,— сказал Багар Антошу, когда Клаузе вышел.

— Надо бы взяться за дело,— заметил Вацлав Брендл.— Здесь, я вижу, масса работы.

— Понадобится вам для начала Эльза Магер? — спросил Багар.

Брендл сунул голову в окошечко и заглянул за перегородку, поворачивая направо и налево свою большую голову на тонкой шее. Он был похож на любопытную галку. Подняв глаза на Багара, он ответил:

— Мне нужны два письмоносца, ключи от сейфа и место для ночевки.

Эльза Магер наблюдала за ним холодным, злым взглядом, но вдруг, словно вспомнив предписанную ей роль, она осклабилась и показала длинные желтые зубы, что, видимо, должно было означать приветливую улыбку, но напоминало оскал хищника.

— Я охотно помогу вам,— сказала она.— Здесь много работы, слишком много для одного человека.

Багар вопросительно взглянул на Брендла, но тот только покачал головой.

— Гестаповская доносчица не может быть сотрудником почты в нашем государстве,— сказал Багар, в упор глядя на Эльзу.— У меня есть сведения, что вы выдали гестапо восемь местных жителей — пять женщин и трех мужчин.

С толстых губ Эльзы мгновенно исчезла улыбка.

— Это бесстыдная ложь! — крикнула она.

— Может быть,— сказал Багар.— Может быть, ложь, а может быть, и правда. Мы попытаемся выяснить, кто прав. Вы пойдете со мной в ратушу, и я пошлю вас оттуда

в Кадань. Но не вздумайте что-нибудь выкинуть по дороге, иначе мы прибегнем к оружию.

Полицейский я, что ли, подумал он. Когда-то полиция преследовала меня и я едва успевал скрываться. Полицейские охотились за мной при первой и при второй республике, потом за это дело взялось гестапо. Теперь я преследую врагов народа. Так оно и должно быть. Нельзя строить новое и церемониться со старым. Хоть ты и верил, что наше время придет, ты никогда вслух не выражал надежды, что доживешь до этого времени. Ах, товарищ Багар, Ирка Багар, мы перешли главный рубеж и теперь уже наверняка дойдем до цели. Мы не провалим дела, как наши отцы в восемнадцатом и двадцатом годах. Нет, мы не повторим их ошибок...

Радость охватила Багара, его румяное лицо просияло. Он и Антош вышли на улицу, ведя перед собой плечистую Эльзу Магер. Солнечный свет разливался по крышам домов, приятный воздух позднего утра бодрил Багара. Начинается жизнь, только теперь начинается для людей настоящая жизнь, думал он. Скорей бы они съехались сюда, и пусть их будет много-много! Создадим партийную организацию, расшевелим весь город, поведем людей вперед, перевернем весь край!

Мог ли знать Багар, встреченный враждебными взглядами на крыльце почты, где он теперь стоял плечом к плечу с единственным сколько-нибудь близким ему товарищем, что в глубине страны уже поднялась первая волна переселенцев и катится к гористым границам государства!

Это могучее движение человеческой стихии как бы отозвалось и здесь, в Грюнбахе: день продолжался так же беспокойно, как и начался.

Из толпы, к которой присоединились и женщины, вышедшие с почты, выступили двое мужчин в черной форме германских почтальонов — сутулый детина с глазами старой собаки и приземистый человечек с румяными пухлыми щеками и седыми закрученными кверху усами.

— Мы пришли на службу, господин комиссар,— медовым голосом сказал румяный.— Мы здешние почтальоны. Люди уже ждут писем.

По-чешски он говорил почти безупречно, у него был певучий пражский выговор.

— Откуда вы знаете чешский язык? — спросил Багар.

— Я чех, родился на Влтаве,— журчащим смехом засмеялся румяный толстячок.— Меня зовут Йозеф Смола. Уроженец Праги.

— Вы женились на немке, семья у вас немецкая, в тридцать девятом году вы приняли германское подданство, не так ли? — сказал Багар сухо.

— Иначе никак не выходило,— объяснил Смола и снова попытался засмеяться.— Не разрушать же мне было семью, жена не хотела уезжать отсюда, она здешняя уроженка.

— По закону и по нашему убеждению, вы — немец,— сказал Багар.

Смола приложил руку к груди.

— По принуждению, разрешите доложить, пан комиссар, по принуждению. Моя душа всегда оставалась чешской.

— Ты скотина! — вдруг сказала Эльза Магер.— Подлый пес!

— Не суйтесь не в свое дело,— необычно грубо оборвал ее Багар.— А вы оба идите к новому почтмейстеру. Он сам решит, как с вами быть.

Багар и Антош зашагали к ратуше. Эльзу Магер они вели между собой. На улице их провожали любопытными и неприязненными взглядами.

— Хотел бы я знать, что ты будешь с ней делать? — сказал Антош.

— Позвоню в Кадань, чтобы оттуда прислали за ней.

В ратуше Багара уже ждали два посетителя. Они сидели в коридоре на старых стульях, знавших по крайней мере два поколения грюнбаховцев. Это был секретарь Титце с белой повязкой на голове; шляпа его была поэтому надета чуть набекрень, что придавало серьезному и худому лицу секретаря какой-то необычно ухарский вид. Второй посетитель был русый паренек с повязкой революционной гвардии на рукаве макинтоша. Паренек сидел с винтовкой между колен. Антош и Багар узнали его — он входил в команду Тимеша, однако его не было среди тех, кого они сегодня утром изгнали из города.

— Вы уже поправились, господин Титце? — спросил Багар.

— Испытаюсь... поправиться,— неуверенно ответил Титце по-чешски и боязливо покосился на Эльзу Магер.— Или это неправильно? Кажется, надо сказать: «Пытаюсь поправиться»?

— Вы пришли на работу? — спросил Багар.

— Одиночество не веселит,— сказал Титце, стараясь говорить правильно.— В бездействии время тянется слишком медленно.

— Раб! — сказала Эльза Магер.— Готов служить любому господину.

— Не обращайте на нее внимания,— заметил Багар.— Фрейлейн Магер любит вмешиваться в чужие разговоры. Только что она сама предлагала нам свои услуги, но мы отказались от них.

Титце с трудом проглотил слюну и сказал неуверенным голосом:

— Фрейлейн Магер — отличная работница, всю войну она одна вела почту.

Эльза скривила губы, словно собираясь плюнуть.

— Он еще будет меня рекомендовать, негодяй! Релига ты тоже рекомендовал?

— Вот сука,— не без удивления сказал Антош.— Кто бы сказал, что она такая нахальная! Надо дать ей по шее.

— Этого удовольствия мы ей не доставим, у них учиться не будем,— сказал Багар и продолжал, обращаясь к Титце: — Спасибо за отзыв, господин Титце. Мы знаем о фрейлейн Магер все, что нам нужно. Она руководила не только почтой, но и организацией местной «гитлеровской молодежи», а также вела переписку с гестапо. Можете идти в свой бывший кабинет, господин Титце, указания я вам дам позднее. А вы что тут делаете, молодой человек?

Оказалось, что молодой человек по имени Богоуш Клинек, двадцати двух лет, окончивший двухгодичные коммерческие курсы и служивший в машинописном бюро фирмы «Лебл» в Праге, а позднее отправленный по тотальной мобилизации в Бремен и Гамбург, ищет сейчас отряд Тимеша. После вчерашней попойки он уснул, а остальные ушли, не заботясь о нем. Он был возмущен этим и считал такое отношение свинством. Ему осточертела эта компания, не сулившая ничего хорошего, осточертело хамство и диктаторские замашки Тимеша, все эти пьянчужки и вообще весь мир. Отец бросил его с матерью, во время войны сотрудничал с немцами, сейчас сидит в Панкраце. Его, Богоуша, мобилизовали, а мать умерла еще до его возвращения — кто-то наврал ей, что ее сын погиб при бомбежке Бремена. Не слишком ли много для одного человека? Обосноваться где-нибудь и забыться в работе — такова была программа молодого Клинека. Нельзя ли ему, например, остаться тут и работать в административной комиссии?

Багар внимательно смотрел на густую русую шевелюру Клинека, на его худощавое, серое после ночного кутежа лицо с неопределившимися, мягкими чертами, несмотря на все жизненные испытания, через которые тот прошел.

Говорил он умышленно грубо, чтобы казаться мужественнее.

— Почему бы и нет? — сказал Багар.— Работа здесь есть, а работников нет. Если ты умеешь писать на машинке и хочешь работать, значит, ты наш. Садись-ка в соседней комнате, приведи в порядок машинку, а обо всем остальном для тебя мы позаботимся. Можешь начинать хоть сейчас.

Богоуш даже опешил от такого радушия. Он уже достаточно знал жизнь, чтобы отличить, кто настоящий человек, а кто ничтожество и только корчит из себя важную птицу. Решительность Багара, его манера говорить лаконично подействовали на юношу успокоительно, как давно забытая материнская ласка. Он встал и, опираясь одной рукой о ствол винтовки, протянул другую Багару.

— Хорошие слова и слушать приятно,— сказал он.— Вы увидите, что не ошиблись во мне. Вот вам моя рука!

Багар улыбнулся, пожал протянутую руку и сказал:

— Видишь, как нетрудно договориться. А теперь берись-ка за дело. Я сейчас позвоню в Кадань насчет этой красотки, а потом приду к тебе.

Новый почтмейстер удивительно быстро соединил Багара с Каданью. Раскатистый голос председателя районной административной комиссии Гальчика так гремел в мембране, что Багару пришлось держать трубку на некотором расстоянии от уха.

— Багар, честь труду! Ты еще жив, все воюешь с немцами? Ну, говори скорее, что у тебя. Тут у меня масса людей, видел бы ты, какие у них бывают кислые лица, когда звонит телефон. А звонит он все время...

— Арестована управляющая местной почтой, руководительница «гитлеровской молодежи» и гестаповская наушница — все в одном лице. Что с ней делать?

— Он меня спрашивает, что с ней делать! Жаль, что ты не рядом, я бы намылил тебе шею! Отправь ее в Клаштерец, там у нас со вчерашнего дня начало работать отделение КНБ. Они ею займутся. Что еще?

— Я думал, ты пошлешь за ней сюда.

— Ты меня уморить хочешь! У тебя там целая команда революционных гвардейцев, а я должен посылать за арестованной.

— Я их выгнал из города сегодня утром: они оказались проходимцами. Остался только один, из него я пять минут назад сделал канцеляриста.

— Так пусть временно отложит писанину и отведет арестованную. Когда увидимся, задам тебе жару! Что еще?

— Проверка антифашистов.

— Ее проведут представители Красной Армии. Приезжай, поговорим об этом. Все? Честь труду и держись там!

Богоуш Клинек, измазав машинописной лентой руки, чистил шрифт пишущей машинки. Он поднял голову и бодро улыбнулся вошедшему Багару.

— Что за неряха работала на этой машинке? У меня она сейчас заблестит. Вот только на ней нет крючков и черточек.

— Мне очень жаль,— немного смущенно сказал Багар,— но тебе придется еще раз превратиться в сотрудника органов безопасности. Распоряжение из Кадани. Отведешь эту немку в Клаштерец. Иди позади нее и в случае чего не бойся стрелять. За полдня ты обернешься.

Багар и Клинек не знали, что как раз в этот момент старший лейтенант Матвей Громов получил распоряжение арестовать Эльзу Магер, прошлое которой стало известно советским органам, и уже собрался ехать в Грюнбах.

— Будь осторожен,— внушал Багар Клинеку.— Это опасная фашистка. Она была чемпионом по лыжам в Рудных горах и возглавляла «гитлеровскую молодежь» — значит, ее научили всяким трюкам.

— Стреляй лучше раньше, чем позже,— добавил Антош.— Не смущайся, что она баба. Женского в ней только некоторые детали.

— Ладно, меня не проведешь,— ответил Клинек.— Я знаю этих немок, может быть, даже получше, чем вы оба.

Багар и Антош проводили их взглядом из окна ратуши. Эльза Магер шла размашистым мужским шагом, не глядя ни вправо, ни влево. Богоуш Клинек шагал за ней вразвалку, ружье у него было перекинуто через плечо, макинтош туго перепоясан ремнем, руки в карманах. Люди останавливались и пристально глядели на них.

— Хоть бы руки вынул из карманов! — озабоченно сказал Багар.

— Пусть держит их так, у него в правой руке пистолет. И чего ты все беспокоишься, не понимаю! Не двоим же нам вести одну бабу и срамиться перед немчурой.

— Из города кто-нибудь может пойти им вслед,— не успокаивался Багар.

— Тогда вот что,— сказал Антош.— Я пойду и посижу на холме, посмотрю, не сунется ли кто-нибудь за ними.

Около сваленного столбика с простреленной табличкой «Грюнбах» дорога сворачивала влево и долго шла в гору меж полями и лугами, пока наконец не переваливала вдали

за вершину большого холма. Антош уселся на поросшую травой обочину дороги и стал смотреть вслед Богоушу и его пленнице. Клинек уже не шагал небрежно, он держал винтовку под мышкой; Эльза шла впереди него. «Молодчина! — удовлетворенно подумал Антош.— Знает, как взяться за дело. Багар зря беспокоился».

Два немца с граблями и косами на плечах прошли мимо Антоша в поле. Антош остановил их и, несмотря на протесты, заставил сесть напротив него. Вскоре к ним присоединилась какая-то сельская чета на подводе, запряженной коровами. У меня тут вроде как пропускной пункт таможни, сказал себе Антош, остается только собирать пошлину!..

Кругом было тихо, слышался лишь треск кузнечиков. Эльза Магер и Клинек поднялись на отдаленный холм и исчезли за его вершиной. Антош поглядел на ручные часы. Подожду еще четверть часа, решил он, тогда уж никто не сможет догнать их, разве что на мотоцикле или велосипеде. Но велосипеды и мотоциклы мы у жителей отобрали. А впрочем, разве можно верить, что они все сдали... Нет, подожду для верности еще полчаса, а этих типов отпущу минут через пятнадцать, а то их тут соберется целая толпа.

Слепни вились около коров, досаждали и людям. Антош сердито отмахивался. «На черта мне здесь эта публика, сейчас отправлю их прочь. На коровах они далеко не уедут».

Вдали вдруг хлопнул выстрел. Антош вскочил и прислушался. Немцы выпрямились и подняли головы. Снова все обволокла тишина. Что же это было, спрашивал себя Антош. Наверное, она пыталась удрать, он выпалил в нее и ухлопал с первого раза. Наверняка так. Ручаюсь, он там сейчас растерялся. Надо пойти к нему.

— Можете идти,— крикнул Антош немцам и кинулся к отдаленному холму. Жаль, что нет мотоцикла, думал он тоскливо, продолжая бежать. Остановился он только на вершине холма. Сердце у Антоша колотилось, он запыхался, пот попадал в глаза. Антош утер лицо рукавом. Прямая как стрела дорога была видна далеко вперед. Только в одном месте она огибала небольшую сосновую рощицу. И на этой дороге не было никого ни вблизи, ни вдали!

Безлюдный, залитый полуденным солнцем пейзаж, тихий и радующий глаз зелеными и золотистыми полосами лугов и полей, заставил сжаться сердце Антоша. По голубо-

му небосклону потянулась стая ворон и опустилась на вершины сосен. Антош замер на месте, стиснув до боли в пальцах приклад автомата. Слышалось встревоженное карканье, птицы взлетали и снова исчезали в ветвях деревьев. Антошу стало не по себе. Он взял автомат на изготовку и побежал к рощице.

Когда он наконец остановился, ему показалось, что он больше не в силах бежать. На самом же деле ему внушала опасение эта маленькая светлая рощица, заросшая по опушке кустами малины и ежевики. Ярко-рыжие стволы сосен пламенели в лучах полуденного солнца, стволы трех или четырех берез резали глаз своей белизной, сквозь синевато-зеленую хвою просвечивало бледно-голубое небо. Уютное местечко, где приятно отдохнуть в жаркий день. Но Антош стоял в пятидесяти шагах и размышлял, зорко вглядываясь в кусты. В нем росло недоверие к этой уютной на вид рощице. Куда же делись Клинек и Эльза Магер? Антошу вдруг показалось, что он догадался, как было дело: Эльза бросилась в лес, пыталась удрать, прячась за деревьями, и Клинек свалил ее первой же пулей, но не убил, а только ранил и теперь стоит где-нибудь над ней и не знает, что делать. Эта мысль успокоила Антоша и вернула ему решимость. Он быстро подошел к опушке рощи и закричал:

— Эй, Богоуш! Эй!

Окрик прозвучал и потерялся в безлюдных полях. Антош тщетно ждал отклика. Только вороны, тревожно закаркав, поднялись и перелетели в другой конец леска.

— Эй, Богоуш, эй!

Снова безмолвие. Тревога и опасения вернулись к Антошу. Мелькнула догадка, которой разум не хотел принимать. Антош вглядывался и прислушивался, но нигде ничто не шевелилось и не слышно было никаких звуков, кроме вороньего карканья и треска кузнечиков. Только издалека донесся шум автомобильного мотора.

Обогнув первые купы кустов, Антош перепрыгнул через канаву и очутился на опушке рощицы, оказавшейся очень небольшой и редкой: сквозь деревья виднелось поле на другой стороне. Едва ли кто-нибудь мог здесь укрыться, разве что стоя прижавшись к дереву.

Обойдя еще одни заросли ежевики, Антош увидел Клинека. Юноша лежал на правом боку, поджав ноги. Левая его рука была согнута, правой он вцепился в отворот собственного пиджака. Кто-то снял с него и унес макинтош и втоптал каблуком в землю красную повязку революци-

онного гвардейца. Пальцы сжатой руки Клинека были в крови.

Антош нагнулся к нему, приподнял его голову.

— Богоуш, Богоуш!

Ни губы, ни опущенные веки не шевелились на бледном лице. Антош беспомощно оглянулся и вдруг услышал шум проезжающей автомашины. Осторожно опустив голову Клинека, он перепрыгнул канаву и вернулся на дорогу. Советский грузовик, ехавший со стороны Клаштерца, затормозил в нескольких шагах от него. Рядом с водителем сидел Матвей Громов. Он высунулся из кабины.

— Здорово, Антош. Что вы тут делаете?

— Богоуша убили! — сказал Антош.

Оказалось, однако, что Клинек жив. Он был ранен выстрелом в спину. Пуля вошла под правую лопатку и вышла в середине груди.

Советские автоматчики быстро осмотрели рощицу, но нигде не нашли никаких следов, кроме того места на шоссе, где упал раненый Клинек. Его положили в машину, туда же сел Антош, и шофер повернул обратно в Клаштерец.

— Как это могло произойти? — твердил Антош Громову.— Как она могла очутиться у него за спиной и выстрелить сзади? Ведь у нее и оружия с собой не было.

— А кто вам сказал, что в него стреляла Магер? — вопросом на вопрос ответил Громов.

А кто говорил, что смешно двум мужчинам конвоировать одну паршивую немку, подумал Антош. Если парень не выживет, я себе этого никогда не прощу!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Знаю я все, что происходит в городе? — задал Багар риторический вопрос Антошу и сам же ответил: — Нет, не знаю. А должен знать! Хватит с меня случая с Клинеком. Чья это вина? Моя! И Гальчик прав, когда упрекает меня. Правда, он сам сбил меня с толку своим криком, я не должен был поддаваться на его слова. Мне здесь, на месте, виднее — значит, надо было решать по-своему.

— И я виноват,— сказал Антош.— Поленился сделать два шага до Клаштерца. Эх, черт, кабы я знал, что этот парень так влипнет!.. И как только все это случилось?

Багар размашисто шагал по бывшему кабинету бургомистра. Его широкие плечи опустились, словно он нес непосильное бремя. Время от времени он поводил плечами

и выпрямлялся, потом снова сутулился. Вот он остановился, глядя в окно.

Над склонами гор висели плотные, похожие на глетчеры облака и отражали солнце так, что слепило глаза. Прозрачный дым поднимался и таял над крышами, порыв ветра доносил запахи смолы и дыма. Городок был пропитан запахом домашних очагов, и было что-то родное и милое сердцу в этом дыме. Из слуховых окон, беспокойно колыхаясь, свешивались белые флаги капитуляции. Долой их! Долой все, что напоминает о прошлом, что висит у нас камнем на шее.

На опушке леса появился мальчик, он гнал перед собой двух пестрых коров. Опушка, мальчик, коровки... Такой же лесок, как тот, где нашли Богоуша. А я уверял себя, что сейчас уже мирное время.

— Как это случилось? — после долгой паузы повторил Багар вопрос Антоша.— Значит, у нее были сообщники. Кому-то удалось выскользнуть из города ей вдогонку.

— Очень мне хочется плюнуть на этот Грюнбах и вернуться в Прагу,— сказал Антош.— Пусть кто-нибудь другой расхлебывает тут кашу.

Лицо Багара покраснело. Он взмахнул рукой и выпрямился во весь рост.

— Почему же кто-нибудь другой? А ты что, лучше других? Или ты из другого теста? Или ты привык заваривать кашу, а потом удирать? Кому же здесь все оставить? Разным проходимцам? А если даже явятся не проходимцы, а обычные честные люди, обстановка может сделать их жуликами. От чего ты хочешь удрать? От обязанности сделать этот край как можно скорей краем честных тружеников, навести порядок?

Антош схватился за голову и заткнул уши.

— Хватит, хватит! — воскликнул он.— Уж и слова не скажи! Ты будешь работать тут изо всех сил, а другой такой же плюнет на все, да еще хапнет что-нибудь.

— Погоди, не уклоняйся от темы. Я не могу отвечать за то, как поступит другой, но за то, что сделаю я сам, я отвечаю. Мы тут как на фронте. Ты взял на себя авторемонтную мастерскую Гальске. Веди же ее, как взвод в атаку. Ты отвечаешь за нее перед народом. Когда-нибудь мы тебя спросим, да ты и сам должен будешь спросить себя: «Как я работал?» Вот об этом я и говорю. Трнец взял целую фабрику. Это уже все равно что боевой батальон. А знаю я, что там делается? В заводском комитете нет ни одного порядочного человека, с которым можно было бы погово-

рить. Пальме в него не входит, Пальме стоит у станка — Трнец даже не взял его мастером, хотя тот всегда занимал эту должность. Трнец только и знает, что бегает ко мне и скулит: такой-то и такой-то были активные антифашисты, проверь их. Я проверяю — и оказывается, ничего подобного. Трнец обошел Пальме и назначил мастером Кнаузе, служившего фашистам. Почему Трнец так поступил, вот что меня интересует. А вообще, хотел бы я знать, что на уме у Трнца сейчас, что он станет думать завтра и все следующие дни.

— Так что же ты собираешься сделать?

— Вызвать сюда текстильщиков-чехов. Я знаю ребят в окрестностях Гумпольца. Мы вместе боролись в тридцатых годах, во время локаутов. Может быть, они еще помнят меня.

— Вот и я то же самое думаю,— сказал Антош, словно Багар высказал его заветную мысль.— Надо, чтобы здесь были чешские рабочие, иначе дело с места не сдвинется.

«Товарищ Деймек! — писал Багар старому активисту-текстильщику в Ямницах близ Гумпольца.— Помнишь ты еще седоватого горластого товарища, который помогал тебе организовать стачку в тридцать первом году? Помнишь, как ты удивлялся, откуда седина у такого сопляка, и как тебе нравилось, что я могу перекричать любой шум? Теперь у меня уже нет того голоса — фашисты испортили мне голосовые связки. Но и стачки мы больше не будем организовывать: сейчас на очереди совсем другие дела. О них-то я тебе и пишу. Сижу я на севере Чехии, в городке Грюнбах. Текстильная фабрика здесь как игрушка, вырабатывает те же сорта, что и у вас, и ждет, что за нее возьмутся чешские руки. Скажи об этом товарищам. Я знаю, как вы там бедно живете, а здесь можете выбрать себе такие домики, какие вам и не снились. Приезжайте посмотреть, здесь можно начать новую жизнь. Как поживает твоя дочурка? Когда я видел ее в последний раз, ей было восемь лет. Сейчас, наверное, у нее у самой дети. Передай ей привет, мы с ней дружили. Может быть, она вспомнит седого дядю, который помогал ей разносить листовки. Привет твоей жене и товарищам, и обязательно приезжай сюда посмотреть. Честь труду!

Багар».

И они приехали. Через какую-нибудь неделю они уже были здесь — Деймек с дочерью и шестеро его товарищей.

Трое из них, ровесники Деймека, уже вырастили детей и решили, что они еще не очень стары и могут начать новую жизнь в лучших условиях. «Пожить как люди, после того как мы всю жизнь провели в двух конурках,— это стоящее дело, Марженка. Поедем поглядим, за это денег не возьмут, потратимся только на дорогу».

Трое других были холостяки лет по тридцати, которые хотели жениться, но не имели надежды на приличное жилье. «Поедем поглядеть, ребята, и, если Багар не врет, ввяжемся в это дело».

Приехав, все они нерешительно и с сомнением поглядывали вокруг. Утро выдалось туманное, леса на горах были в дымке, рваные тучи неслись над вершинами гор, яркое солнце, выглядывая из-за туч, пробуждало благоухание цветов, блестело на серых крышах. Притулившийся под горным склоном городок сиял чистотой, рассеянные по косогору домики представлялись воплощенной мечтой об уюте и домашнем очаге.

Багар испытующе смотрел в лица своих гостей и чувствовал, что вид городка убеждает их лучше всяких слов. Остановившись на мостике, гости долго глядели на фабрику.

— Хороша! — выразил общее мнение Деймек, и все кивнули.— Если она внутри такая же, как снаружи, то конкретно говорю: хороша. Надеюсь, мы ее национализируем. Ясно?

— Наш отец готов с утра до вечера все национализировать,— сказала Здена.

— А тебе что, жалко? — буркнул старик.

— Нет, не жалко,— засмеялась дочь.— Я ведь вся в тебя. По крайней мере, мама твердит это беспрестанно. Но почему национализировать только имущество немцев, предателей и коллаборационистов? Словно вся буржуазия не была предательницей? Я бы предпочла покончить со всеми одним ударом, чтобы, чего доброго, дело не пошло опять вкривь и вкось.

— Только не горячись, пожалуйста, и без загибов! Ясно? — ворчливо сказал Деймек, но было заметно, что он втайне обожает дочь и гордится ею.— Нынче уж не будет как в восемнадцатом году,— продолжал он.— Коммунисты в правительстве, и никому их оттуда не выжить. На Клему можно положиться, а? Ясно? Если он сегодня говорит «а», завтра он скажет «б» и так пройдет всю азбуку до самого «зета». А как быстро это будет — зависит от нас. Конкретно говорю! Партия, сильная партия решает вопрос. Мы

должны убедить людей в нашей правде, и тогда они пойдут с нами. Ясно?

— У вас тут есть уже партийная организация? — обратилась Здена к Багару.

Тот хрипло засмеялся.

— А откуда ее взять? — сказал он.

— Как так — откуда? — запальчиво возразила Здена.— Первый день вы тут, что ли? Прежде всего надо было создать партийную организацию. Как это вы собираетесь обходиться без нее?

— Поглядите-ка! — удивленно сказал Деймек.— Нет, вы только поглядите! А не слишком ли ты дерзишь, девчонка?

— Оставь! — улыбнулся Багар.— Она права. Парторганизация здесь нужна. Только пусть она мне посоветует, где взять для нее людей. Может быть, навербовать среди немецких фашистов?

Здена густо покраснела, сразу превратившись из боевой партийки в смущенную девушку, которая растерялась под насмешливыми взглядами мужчин.

— Я не знала, что здесь такое положение,— сказала она виновато.— А вы, наверное, обиделись?

Багар пробормотал что-то и отрицательно качнул головой. Почему она обращается ко мне на «вы», думал он. Ведь она коммунистка и со всеми остальными на «ты». Ага, вот что: я кажусь ей слишком старым. И он вспомнил курчавую девочку в ситцевом платьице и дырявых тапочках на босу ногу; девчушка разносила в плетеной рыночной сумке листовки бастующим рабочим и смотрела на Багара большими серьезными глазами. Тогда они были серо-синие, сейчас стали серо-зелеными. Она не сводила с него глаз, когда он рассказывал о стачечной борьбе горняков Северной Чехии. Он учил ее революционным песням и однажды слышал, как она, собрав вокруг себя детей, пела им эти песни...

Ей было восемь лет в тридцать первом году, значит, сейчас ей двадцать два. А мне тридцать семь. Когда я организовал стачку в Ямницах, мне было двадцать три, и уже тогда у меня была седая голова. Я должен казаться ей совершенным стариком...

У Здены были быстрые, стремительные движения, сидеть сложа руки она не умела. Невысокая фигура с полной, хорошо развитой грудью, заметной даже под широким пальто. Густые каштановые волосы собраны сзади в тугой гладкий узел. Круглое, румяное лицо. Казалось, эта

девушка каждую минуту готова запеть или засмеяться, но глаза ее смотрели сосредоточенно и серьезно. Было видно, что Здена — активная натура, которая не находит себе места, если вынуждена бездельничать, и всегда думает о том, что еще не сделано.

— Долго мы еще будем тут стоять? — сказала она.— Меня интересует, какова эта фабрика внутри.

В воротах их встретил старый Вилли Кроне и сообщил, что Трнец куда-то уехал и не сказал, когда будет. В вилле было оживленно: женщины мыли окна и выносили корзины мусора и осколков. Багар вопросительно взглянул на Кроне.

— Говорят, что скоро приедет Трнцова. К субботе велено привести дом в полный порядок.

— А откуда эти женщины? Где он взял их?

— Это жены наших рабочих,— пояснил Кроне и слегка поджал губы.— Моя жена тоже там.

Приезжие вошли в нижний коридор фабричного корпуса. Их встретил торопливый равномерный стук ткацких станков. Текстильщики переглянулись и внимательно прислушались. Деймек удовлетворенно кивнул, остальные улыбнулись. Кнаузе вышел им навстречу из своей будочки. На лице его была угодливая улыбка, шапку он держал в руках. Багар поглядел на него с откровенной неприязнью.

— Где Пальме?

— За станком.

— Пошлите сюда Пальме, а сами пока станьте к его станку. Не таращите на меня глаза, а делайте, как я сказал, понятно? Поживее, подите пока на его место.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В тот день с утра Трнец уехал в Врш, чтобы найти достойную замену люстре, пострадавшей во время ночного обстрела виллы Релига. Кнаузе сказал Трнцу, что в часе ходьбы от Грюнбаха есть имение и вилла, называемая Врш, хозяином которых был старый холостяк барон Нагель. Наверное, в страхе перед большевиками он удрал и, как большинство видных грюнбаховцев, нашел пристанище у милосердных американцев.

По дороге в Врш Трнец ругал себя за то, что не съездил туда на неделю раньше. Не слышал он, что ли, о наплыве людей из внутренних районов страны, о целых стаях ловкачей, которые с чемоданами и мешками отправляются

в Пограничье, выискивают опустевшие дома и обирают их? А иногда даже приедут на грузовике, покажут какую-то сомнительную бумажку и вывезут весь дом, оставив после себя лишь выбитые окна, взломанные двери, вырванные замки и поднятую машиной пыль на дороге.

Четвертый поворот направо... по шоссе... оно вьется меж холмов, через несколько километров поднимается в гору и лесом идет к Яхимову. Два ряда старых ясеней тянутся по сторонам крутой дороги, которая затем пересекает высокий еловый лес. Все выше и выше идет эта дорога в гору, потом поворот, лес вдруг кончается, и глазу открывается широкая горная терраса, которая тянется до следующей горной гряды. На террасе — просторная усадьба и двухэтажный особнячок в стиле барокко.

На полукруглой лестнице у главного входа сидят два молодых человека и пытаются собрать разобранный немецкий автомат.

— Мы с вами вроде как бы знакомы,— вместо приветствия говорит Трнцу один из них — тот, что в зеленом берете.— То-то удивится Тимеш, что вы нас вспомнили! Идемте во двор, там будет потеха.

Парня в зеленом берете звали Арношт Ковайса; товарищи прозвали его Бледным Арноштом или Скелетом. Раньше он был официантом в ночном увеселительном заведении, потом некоторое время работал на Чешско-Моравских машиностроительных заводах, пока их не разбомбили американцы. Движения у Арношта были медленные, речь протяжная. Его глаза выражали сейчас холодное любопытство.

Трнец вылез из машины и прошел за молодыми людьми во двор усадьбы, отделенный от сада высокой каменной стеной, вдоль которой рос подстриженный буковый кустарник. Просторный двор, окаймленный каменным тротуаром, был в образцовом порядке. Несколько немцев в заплатанной одежде с белыми повязками на рукавах подметали березовыми вениками бетонированную навозную яму, другие около сарая усердно возились с поставленными в ряд сельскохозяйственными машинами — плугами, боронами и сеялками. Трое тимешевцев прохаживались вокруг и насмешливыми замечаниями подгоняли работавших.

— Поднажми, барон,— покрикивали они.— Чтоб машина блестела, как твоя плешь.

— Что здесь такое будет? — спросил Трнец.

— Парад,— ответил Арношт Ковайса.— Торжественный парад в честь нашего прихода. Немцы должны до

блеска вычистить весь инвентарь и продемонстрировать его нам. Это придумал Тимеш, ребятам страшно понравилось. А я бы просто надавал немцам по морде, и все тут.

Тимеш въехал во двор на артачившемся, сером в яблоках коне. Вид у всадника был эффектный — без головного убора, в расстегнутой белой рубашке, черных бриджах и высоких сапогах. Посадка Тимеша в седле, то, как он остановил коня и соскочил на землю,— все говорило, что он отличный наездник. Жестом человека, привыкшего, чтобы ему прислуживали, он бросил поводья одному из своих «гвардейцев» и похлопал лошадь по шее.

— Скажи им, чтобы немного поводили ее и насухо вытерли,— сказал он.— Она вспотела. Долго не была под седлом, но будет хорошая верховая лошадь.

Сделав вид, что только сейчас заметил Трнца, он стал, широко расставив ноги, упер руки в бока и усмехнулся:

— Я вижу, нас навестила почтенная административная комиссия. Во избежание недоразумений заранее предупреждаю, что здесь я подчинен непосредственно Кадани.

— Я приехал по частному делу,— спокойно сказал Трнец.— А кстати говоря, я не имел никакого отношения к тому, что предпринял против вас Багар.

Тимеш несколько раз махнул в воздухе стеком.

— Багар,— повторил он.— Багар... Лучше скажите мне, как вам тут нравится.

— Отличное хозяйство,— медленно и веско сказал Трнец.— Но какой от него толк? Оно слишком велико, и наверняка его разделят на участки.

Тимеш усмехнулся.

— Вы не разбираетесь в таких делах,— сказал он.— Кто тут будет делить и среди кого? Ближайшая деревня — Грюнберг — в четырех километрах отсюда. Полсотни немецких домиков вдоль дороги, которая поднимается вверх на протяжении почти километра. Я только что съездил туда, посмотрел. Хотел бы я знать, кто захочет там селиться. Но вместе с имением это уже кое-что. Кстати говоря, мандат у меня в кармане: я административный комиссар в Врше и Грюнберге.

— Поздравляю,— сказал Трнец.— Но, по-моему, это страшная глушь.

— Может быть, это как раз меня и устраивает,— вызывающе сказал Тимеш, и Трнец пожал плечами.

— Жаль,— ответил он.— Я думал, что вы здесь задержались лишь на время и что у вас другие планы. Значит, мне придется вернуться с пустыми руками.

— Посмотрим,— сказал Тимеш, щуря глаза.— А какие у вас были намерения?

Трнец рассказал ему о своем огорчении по поводу разбитой люстры. Тимеш слушал, глядя в землю и постукивая стеком по голенищам.

— А почему бы и нет? — наконец сказал он.— Обмен возможен.

— Обмен?

— У вас текстиль, у меня люстра. Договоримся.

Домой Трнец возвращался очень довольный поездкой. На заднем сиденье машины лежала люстра-рококо из гнутого стекла, этакий базарный шик с розовыми и синими стеклянными розами. Когда-то в эту люстру вставлялось тридцать свечей, сейчас на их местах были вделаны патроны электрических лампочек. Для тридцати лампочек потребуется немало электроэнергии, но выглядеть это будет эффектно, думал Трнец. Люстру ему завернули в попону и помогли поднять брезентовый верх машины. К чему совать людям в глаза такой неизящный узел, содержимое которого трудно угадать. Да и незачем привлекать внимание немцев.

В конце концов, этот Тимеш оказался гостеприимным хозяином. Черт его знает, кем он был до войны. Вероятно, офицером в первой республике — похоже, судя по манерам. Но он явно знает толк в сельском хозяйстве. Минутами кажется, что это просто проходимец с темным прошлым, а иногда, наоборот, он производит впечатление человека, привыкшего вращаться в порядочном обществе. Кстати, надо будет здесь, в Пограничье, взять себе за правило не спрашивать людей, что они делали раньше: это крайне неучтиво и даже может привести к осложнениям. А обо всем, что узнаешь, лучше помалкивать и не делиться с первым встречным.

Трнец еще чувствовал на языке терпкий вкус красного вина из баронских подвалов. Тимеш велел принести бутыль весьма почтенного возраста, судя по виду, и накрыть столик на широкой площадке над полукруглой лестницей. Они закусывали тонко нарезанными ломтиками шпика — чего только не найдется в этом укромном уголке! — и пили из красивых граненых бокалов. Солнце играло в мелких гранях и в рубиновом напитке.

У подножья лестницы тем временем происходил «парад» под командованием Бледного Арношта. Работники именья входили в широкие ворота, соединяющие двор с садом, и тащили за собой до блеска начищенные плуги,

бороны, картофелекопалку, жатку и сеялку. Тимеш стоял у стола и то скрещивал руки на груди, то постукивал себя стеком по голенищам. Поравнявшись с Тимешем, люди, тащившие машины, должны были выпятить грудь, взять равнение направо и перейти на немецкий церемониальный шаг.

Ну и спектакль же это был, все просто умирали со смеху. Посмотрели бы вы, как старательно эти немцы выпячивали грудь, как пялили глаза, даже моргнуть боялись, хотя по лицу у них текли капли соленого пота, и так высоко задирали ноги, что машины, которые они за собой тащили, наезжали им прямо на пятки.

— Внимание! — орал Бледный Арношт.— Равнение направо! Paradeschritt![1] Топай своими сосисками парадным шагом, а то я тебе помогу.

Тимеш сохранял полную серьезность, но его команда чуть не валилась от смеха. Трнцу вначале было как-то неловко, но потом он не удержался и тоже захохотал.

Само собой разумеется, что гвоздем программы было появление длинного барона Нагеля и его толстого управляющего. Они мешали друг другу и не могли выравнять шаг, главным образом потому, что барон старался держать себя с достоинством даже в таком неприятном положении, выбрасывал, словно аист, длинные ноги и тянул в свою сторону тяжелую машину. Команда Тимеша орала:

— Барон, браво! Барон, ура!

После «парада» все собрались внизу у лестницы и Тимеш произнес краткую речь.

Говорил он, мерзавец, замечательно, сам Багар бы ему позавидовал.

— Смотрю я на вас и просто не знаю, как мне обратиться к вам? В концлагерях ваши люди иначе, чем «эй, вы, свиньи!», к чехам не обращались.

— Браво, Тимеш,— закричал Бледный Арношт.— Ясно, что мы лучше, чем они, мы все-таки народ Масарика, не так ли?

— Молчи и не перебивай меня,— сказал Тимеш и продолжал: — Вы тут маршировали перед нами для того, чтобы вам стало ясно, что мы теперь опять хозяева земли, которую вы временно захватили. Маршировали перед нами еще и потому, чтобы в дальнейшем быть более осмотрительными. Кроме того, мы хотели вам показать, какие штучки придумывали для нас ваши соплеменники в концлагерях.

---

[1] Парадным шагом! *(нем.)*

Это было, конечно, слабое подражание. Ведь никто вас не бил во время работы и не ругал. Надеюсь, вы меня поняли?

Двое тимешевцев прикладами вытолкали из рядов барона Нагеля и подвели его к лестнице. На лысой непокрытой голове барона выступили крупные капли пота, они текли по лбу и по глубоким морщинам худого лица. В обе лопатки ему упирались дула винтовок.

— Ты что, разучился благодарить? — сказал ему один из тимешевцев, приподнял ружье и собирался прикладом стукнуть Нагеля по ногам.

Лицо Нагеля сморщилось.

— Не могу, не хочу! — хрипло закричал немец.

— Оставьте, ребята,— сказал Тимеш.— Мы не эсэсовцы. Герр Нагель, подойдите ко мне, выпьем за будущее сотрудничество. Пусть оно длится до тех пор, пока разрешают высшие власти.

Нагель вытащил из кармана большой синий платок, вытер вспотевший лоб и лицо, оглянулся, словно в поисках совета или помощи, и поднялся по лестнице к Тимешу. Стоя одной ступенькой ниже, он держал в руке полный бокал вина, который ему пришлось прижать к себе, потому что рука его сильно дрожала. Барон взглянул снизу вверх на Тимеша, и лицо его внезапно изменилось, на нем изгладились глубокие борозды морщин, оно стало напряженным и гладким, точно по нему прошлись утюгом.

— Итак, за сотрудничество, герр Нагель! — сказал Тимеш, слегка приподнимая свой бокал и протягивая его к Нагелю.— Ваше здоровье!

— Ах ты, чешская свинья! — громко сказал Нагель и швырнул бокал в лицо Тимешу.

Он взмахнул руками и в тот же момент локтями толкнул стоявших за ним тимешевцев. Они не удержались и покатились по лестнице, пересчитывая боками ступеньки и гремя своими винтовками. Нагель перескочил через них. Видно было, что этот пятидесятилетний человек до сих пор в хорошей спортивной форме. Строй немцев расступился. Пробежав между машинами, Нагель, петляя, как заяц, помчался по лужайке к недалекой рощице. Тимеш выхватил пистолет, прицелился, но опустил оружие. Бледный Арношт заорал и открыл беспорядочную стрельбу. Другие тимешевцы хотели последовать его примеру, но Тимеш закричал яростно:

— За ним бегите, дураки!

Суматоха была неописуемая. Толстый управляющий, заломив руки, кудахтал бабьим голосом:

— Герр барон, герр барон!

Тимеш пошел умыться и переменить залитую вином рубашку. Команда вернулась через полчаса, усталая и злая, но без Нагеля. Догнать не удалось, скорее всего они его пристрелили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Все это было забавно вспоминать, и Трнец не раз усмехнулся на обратном пути. У Тимеша есть чему поучиться, кое-что у него можно перенять, вот хотя бы это сочетание властности и радушия.

Но улыбка сбежала с губ Трнца, когда он въехал во двор фабрики. Там оказались неожиданные гости: на скамейках у стены грелись на солнышке чехи-текстильщики и бутербродами, вынутыми из потертых портфеликов, замаривали червячка после долгого пути, осмотра фабрики и хождения по Грюнбаху. Багар сидел перед ними на стуле, повернутом спинкой вперед, словно председательствуя на этой товарищеской трапезе. Сам он тоже жевал бутерброд с куском копченого мяса, который вручил ему Деймек, сказав:

— Конкретно говорю: ты все время ходил с нами, а чтобы ты ел — я не видел. Значит, ты проголодался не меньше нашего. Ясно? Так ешь и не ломайся. Мы еще при немцах тайком зарезали поросенка. Конкретно говорю. Так что не стесняйся и уплетай.

Они ели и, жестикулируя, обменивались впечатлениями. Все уже решили, что переедут сюда. Во-первых, хороши машины на фабрике — сердца чешских текстильщиков не могли остаться равнодушными к более совершенному оборудованию, чем то, на котором они работали до сих пор. Они не ошиблись в догадках: бо́льшая часть станков была перевезена сюда из какого-то западногерманского городка — его название знал только Религ,— с фабрики, открытой в сорок втором году и наполовину разбомбленной англо-американской авиацией.

— У нас станки работают уже не меньше четверти века,— сказал Деймек, и остальные дружно кивнули.— Ясно? Кому же не захочется работать на этих?

— Они словно уже давно ждут нас,— сказала Здена.— Приходи да работай. Думал ли ты когда-нибудь, отец, что будешь так жить? Грезилось это кому-нибудь из вас? Лойзик, ты теперь можешь жениться, как только вернешься домой.

— Через две недели я буду женат,— покраснев, отозвался рыжеватый, веснушчатый Лойзик Мареш.

Во-вторых, жилье — это тоже очень заманчиво для всех. Квартиры, собственные домики, да какие! Три, а то и четыре комнаты, кухня, ванная, погреб, прачечная, а кое-где даже гараж! У первых переселенцев самый лучший выбор. Другим тоже достанутся неплохие квартиры, но все же похуже, чем могут получить они! В свое время, еще до войны, каданьские коммерсанты построили тут себе дачи. Когда начались налеты на немецкие города, в эти дачи вселились так называемые «народные гости» — немцы из Германии, спасавшиеся от бомбежек. Теперь советские военные власти без промедлений возвращали их на родину.

— Братцы, я ведь тут и жить не сумею,— объявил Лойзик Мареш.— Всю жизнь я жил у родителей на кухне, и нас там было пятеро. В комнату я заходил только за своим выходным костюмом.

После многих тревожных дней и ночей на душе Багара снова было спокойно. Он откусывал от бутерброда большие куски и улыбался. Попались, думал он, теперь уж не раздумают. Приедут и приведут за собой других. Вы-то мне и были нужны, друзья! Пока что вас немного, но это прочная основа. Вы знаете, что вам нужно, и не станете каждую минуту поглядывать, нельзя ли урвать что-нибудь другое.

— А воздух-то какой, папаша, что скажешь, а? — обратился Лойзик Мареш к Деймеку и глубоко вздохнул широкой грудью.

— Как сироп! — отозвался Деймек.— Эх, почему мне не двадцать лет, я бы начал все сначала, как вы. Ясно? Берись-ка за дело, Лойзик, детишки здесь вырастут крепкие, как орешки. Но что будет с фабрикой — вот конкретный вопрос! Подпадет она под национализацию или нет?

— Как ты думаешь, зачем я вас пригласил? — сказал Багар, и Деймек замигал, как от яркого света.

— Хочешь сделать из нас домовладельцев. Ясно? — ухмыльнулся он.

— И это тоже, но дело не в том.

— Не раздражай меня, отец,— сказала Здена Деймекова, стряхивая крошки с юбки.— Вот уж не знала, что вы, мужчины, любите болтать попусту. Не все такие ярые сторонники национализации, как ты. Это вы хотели сказать, товарищ? — обратилась она к Багару.

— Это ты в точку,— сказал Деймек.— Бывает, что человек займет пост народного управляющего, а потом как-

то забудет о слове «народный» и наконец решает, что эта фабричка словно рождена, чтобы быть его собственной. Ясно?

— Ясно, папаша,— сказал Лойзик Мареш, встряхнув рыжеватой шевелюрой.— Таких капиталистов нам не нужно.

— Не ты ли будешь народным управляющим? — насмешливо сказал один из молодых ткачей.

— А почему бы и нет? — отрезал Лойзик.— Дают же мне в народное управление домик — значит, буду. Только с помощью этого домика я никого не стану эксплуатировать, скорее наоборот, он, дьявол, будет тянуть из меня деньги.

— Так оно и будет,— с широкой усмешкой сказал Багар.— За то, что ты сейчас получишь, придется со временем расплачиваться. Но не бойся, твои руки заработают больше, чем все это стоит.

Во двор въехала машина и затормозила перед гаражом, около сторожки. Трнец вышел, торопливо прихлопнув за собой дверцу. Он увидел Багара и людей на скамейках у стены, и улыбка сразу сбежала с его губ.

Как только машина въехала в ворота, Багар быстро прошел через двор к гаражу. Он ожидал осложнений.

— Для тебя радость,— сказал он.— А может, нет? Новые переселенцы, текстильщики из Гумпольца. Я уже закрепил за ними домики.

— Да-а,— протяжно отозвался Трнец и прищурился, как от солнца.— Но все станки пока что заняты. А выселение немцев еще не скоро.

Багар вцепился в пуговицу на своем пиджаке и чуть ее не вырвал. Кровь бросилась ему в лицо.

— М-да, я правильно поступил,— сказал он сипло.

— Что вызвал их сюда без моего ведома?

— И это тоже. Но главное, я вышел тебе навстречу. Представь себе, что они услышали бы то, что ты сейчас сказал. А они уже, видишь ли, осмотрели фабрику. И приметили, что четыре станка там свободны после отъезда гитлеровских «народных гостей».

— Ты, стало быть, хозяйничал здесь без меня?

— Тебя не было на фабрике.

— Я не люблю, когда суют нос в мои дела. Уясни это раз и навсегда: я таких штук не люблю.

Багар твердо смотрел на поджатые тонкие губы Трнца. Тот курил сигарету и глядел поверх головы Багара, словно разговаривал с кем-то, кто был намного выше ростом.

— Это не только твои дела, и никогда они не будут только твоими,— сказал Багар.— Народное управление не твое частное дело. Привыкай к этому. Хозяйство стало таким делом, в которое все мы будем совать нос.

— Это значит молчать и слушаться? — глухо спросил Трнец.

— Не та формулировка,— возразил Багар.— У тебя это похоже на «maul halten und weiter dienen» [1]. Ну, ты уже высказался достаточно.

— Нет, я скажу еще больше,— тихо сказал Трнец.— Я не хочу их и не приму. Я буду вести фабрику так, как считаю нужным, и нанимать людей, каких захочу.

Оторванная пуговица осталась в руке Багара. Он рассеянно поглядел на нее, сжал в кулаке, передернул плечами, повернулся и зашагал прочь. Он не сделал и трех шагов, как Трнец окликнул его. Багар остановился. Взгляд у него был спокойный и выжидательный.

— Что ты собираешься делать? — спросил Трнец.

— Не знаю,— ответил Багар и поглядел на пуговицу в своей руке.— Не знаю,— повторил он.— Я как раз думаю об этом. Ты противодействуешь заселению Пограничья. Так это? Так! Ясно, что я не могу равнодушно смотреть на это. Надо подумать.

— Ерунда! — сказал Трнец и в бешенстве отшвырнул окурок.— Так вот что ты мне хочешь пришить! Я вижу тебя насквозь. Ты закрепляешься, обеспечиваешь себе позиции, окружаешь себя своими людьми, чтобы сам мог тут все решать и никто не смел бы тебе перечить. А я хочу отстоять свободу. Чтобы каждый в этом краю мог работать на свою ответственность, без постороннего окрика.

— Ну, хватит,— сказал Багар сухим, хриплым голосом.— О чем нам еще разговаривать? Я сказал тебе, что ты будешь отвечать не только перед самим собой. Проспал ты, что ли, сегодняшний день или все еще живешь вчерашним? Как ты ни рассчитывай, а эта фабрика никогда не будет твоей собственной. Но ты можешь честно работать на ней и взять на себя любую ответственность, с какой ты в силах справиться. А эти люди могут стать твоими друзьями так же, как и моими. Они приехали сюда работать — вот и вся их политика, как и моя. Решай как хочешь, я тебе все сказал.

— Погоди, куда ты летишь,— сказал Трнец, когда Багар снова повернулся, чтобы уйти.— На нас смотрят.

---

[1] держи язык за зубами и делай как велено *(нем.)*.

Еще догадаются, что мы ссоримся из-за них. Каков после этого я буду в их глазах? Можно же договориться спокойно.

— Что ж,— сказал Багар.— Договориться нетрудно. Эти люди поселятся в Грюнбахе, все равно — примешь ты их или нет. А там посмотрим.

— Чего ж смотреть,— сказал Трнец и зашагал вместе с Багаром.— Все можно сделать сразу.

Приезжие поднялись со своих мест, увидев, что Багар и Трнец идут к ним. Трнец безошибочно определил, к кому надо подойти, и направился прямо к Деймеку, протягивая ему обе руки и весь сияя радушием. Деймек встретил его испытующим взглядом светло-голубых глаз, но Трнец ничуть не смутился и пожал ему руку с таким видом, словно встретился со старым другом после многолетней разлуки.

— Добро пожаловать в Грюнбах! — отчетливо произнес он мягким баритоном.— Глазам своим не верю! Первые чешские рабочие! Надо было вывесить флаги, ведь это поистине историческая минута! Вы проложили путь, за вами последуют и другие. Были бы первые ласточки! Мы должны доказать, что обойдемся без немцев. Итак, еще раз: добро пожаловать!

За его спиной Здена подошла к Багару, взяла его за рукав и, когда он наклонился к ней, шепнула на ухо:

— Жулик он или просто трепач?

Багар вздрогнул от прикосновения и запаха ее волос, от ее дыхания, защекотавшего ему шею, от того, что она коснулась его плечом. Он смутился и одновременно испугался, ему показалось, что она говорит чересчур громко и Трнец, наверное, слышал ее слова. Он отошел от Здены и взглядом дал ей понять, что Трнец слишком близко. Девушка презрительно пожала плечами и вернулась к своим. Лицо Багара залилось краской, смущенный и расстроенный, он уставился на старого Деймека. Седые усы старика заметно подрагивали: трудно было определить, оттого ли, что Трнец все еще жал ему руку, или от какой другой причины.

Когда Трнец договорил, Деймек освободил свою правую руку и тотчас потянулся к усам. Он подкрутил их большим и указательным пальцем и сказал смущенно:

— От имени всех нас спасибо за приветствие. Конкретно говоря, мы приехали работать, а остальное уж видно будет. Ясно?

Через две недели вся группа Деймека окончательно перебралась в Грюнбах и приступила к работе на фабрике. Деймек стал мастером, а Здена бухгалтером и делопроизводителем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Приближалось время уборки урожая на полях вокруг Грюнбаха. Нивы, засеянные еще немецкими поселенцами, волновались под порывами ветра, набегавшего то с гор, то с равнины. Качались тяжелые колосья.

У маленького грюнбахского вокзала остановился поезд из трех вагонов. Из поезда вышел невысокий человек в черном воскресном костюме из плотного сукна и в черной шляпе с широкими полями, загнутыми вверх, как дождевой желоб. Под острым носом, говорившим о решительном характере, виднелись висячие, скрывавшие рот седые усы, очень заметные на морщинистом загорелом лице. Шея в твердом белом воротничке тоже была загорелой и морщинистой; казалось, ручейки пота прорыли на ней эти глубокие складки. На жилете с таким высоким вырезом, что почти не оставалось места для черного, сползающего на сторону галстука, поблескивала желтоватая, когда-то, видимо, посеребренная цепочка. Во рту незнакомец держал потемневшую трубку без крышечки — от последней осталось только колечко. Голубые глаза, словно освещенные изнутри, глядели упрямо.

Он остановился в двух шагах от дежурного по станции, дававшего сигнал к отправлению, оглядел вокзал, вынул трубку изо рта, как будто хотел что-то сказать, потом сунул ее обратно и вышел со станции. По пути в город он часто останавливался, с видом человека, который вернулся в знакомые места и смотрит, что здесь изменилось за время его отсутствия.

За гостиницей Рейзека он свернул на дорогу, вьющуюся под холмом, прошел по ней несколько шагов и долго смотрел на домики Долинки. При этом он несколько раз вынимал трубку изо рта, словно собираясь что-то сказать самому себе, и качал головой. Да, ничего здесь не изменилось. На выгонах среди яблонь, груш и слив пасется скот, как и много лет назад. Пастбища огорожены только тонкими жердями. Коровы и телята — бурые и рыжие, от них веет сладковатым теплом. Листва яблонь шумит под ветром, обнажая зеленые плоды на изогнутых нависших ветвях. Старик в воскресном костюме усиленно задымил трубкой, повернулся и пошел к главной улице.

— Так это вы — председатель административной комиссии? — недоверчиво спросил он, оглядывая маленький, заставленный мебелью кабинет Багара. Старик напряженно сидел на стуле, не касаясь спинки. Шляпу с высокой

тульей он бережно положил рядом, на круглый столик, потом вытащил старенькую трубку, которую, входя сюда, спрятал в нагрудный карман, и стал ковырять в ней заскорузлым пальцем с потрескавшимся, почерневшим ногтем.

— Я,— сказал Багар, с интересом наблюдая пришельца.

Ему понравился прямой и смелый взгляд посетителя, его морщинистое лицо, напоминающее камень, видавший всякую непогоду, но камень оживший — в глазах старика отражалась живая душа.

— Это, значит, вроде бургомистра? — пытливо спросил пришелец, вынимая из кармана потемневший кожаный кисет.

— Да, вроде,— сказал Багар.— Но я не избран, а назначен. Административные комиссии существуют там, где нельзя было создать национальные комитеты. А национальные комитеты — это совсем не то, что прежние общинные советы.

— Может быть,— с сомнением сказал посетитель.— Бургомистров выбирали из богатеев. На нашего брата они умели только покрикивать.

— А теперь, может быть, выберут вас,— весело сказал Багар.— И вы покажете, какая разница между бургомистром и председателем национального комитета.

— Не знаю, в нашей деревне меня пока что не выбрали. У нас там глядят во все глаза, чтобы в комитет не попал батрак.

— Теперь не будет ни батраков, ни помещиков. Вы, наверное, читали, что земля принадлежит тем, кто трудится на ней.

— Может быть. Но я вам говорю, что любой сопляк еще долго будет помнить, кто был батраком, и глядеть на нашего брата свысока.

Он набил трубку, умял табак толстым указательным пальцем, сунул кисет обратно в карман и поглядел по сторонам. Увидев на столе Багара пепельницу, переполненную окурками, он поглядел на открытое окно и сказал просительно:

— Ничего, если я закурю?

— Курите, курите,— сказал Багар.— И расскажите мне, с чем вы пришли.

В течение этого утра Багар уже передал новым переселенцам две пекарни, мастерскую по изготовлению форм для вафель (получивший ее явно не имел никакого представления об этом производстве) и, наконец, лесопилку,

которая, как он надеялся, со временем перейдет в собственность государства. У него остался неприятный осадок от разговоров с этими людьми, которых толкала лишь жажда наживы, стремление «отхватить» что-нибудь и надежда на то, что здесь, в Пограничье, легко обогатиться. Еще не в силах забыть этих стяжателей, Багар испытующе глядел на пришельца и, видя его рабочие, мозолистые руки, уже начинал чувствовать к нему симпатию. Да и не только руки, лицо, глаза и прямая, откровенная манера разговаривать располагали к нему. Глядя, как курится старенькая трубка, Багар мысленно улыбался и ждал, что скажет посетитель. Тот сделал несколько глубоких затяжек, и на его морщинистом лице выразилось удовлетворение, словно эти затяжки окончательно избавили его от беспокойства и колебаний.

— Я даже не назвался вам,— сказал он, вынимая трубку изо рта. И, взяв трубку в левую руку, протянул правую Багару.— Винценц Постава.

Багар пожал протянутую руку, твердую, теплую и шершавую, как сосновая кора.

— Иржи Багар.

Это по-старомодному торжественное представление отозвалось чем-то родным в душе Багара, напомнило ему о рабочей среде, о бесхитростных людях, чья жизнь заполнена упорным, тяжелым трудом.

Винценц Постава перевел дыхание, будто бы он только что отвалил большой камень, осторожно сел на стул и снова взялся за свою трубку. Багар решил не задавать вопросов и подождать, пока Постава сам раскачается и выложит, зачем пришел.

— Вы коммунист? — спросил Постава так, словно, прежде чем высказаться, выяснял какое-то решающее обстоятельство.

— Да,— ответил Багар и невольно покосился на маленькую красную звезду на отвороте своего пиджака.

— Тогда вы, наверное, знаете, что такое батраки и как им живется.

— Я руководил забастовкой сельскохозяйственных рабочих Пардубицкого района в тридцатом, кажется, году,— сказал Багар.— А моя мать до замужества служила у кулака.

Постава кивнул с довольным видом.

— Я это только к тому, чтобы нам лучше понять друг друга,— сказал он, помахивая рукой с зажатой в ней трубкой.— Дело-то в том, что я хотел бы получить здесь какое-

нибудь хозяйство. Вы, верно, спросите, почему я не прошу землю там, где раньше работал. Законный вопрос. Работал я в имении близ Кралуп. Сперва им владел какой-то Дубский. Немцы отправили его в газовую камеру вместе со всей семьей. Я поступил в имение еще при Дубском. Он был банкир, и говорили, что он хороший человек. Не знаю. Я видел только, как он приезжает да уезжает в машине. Хозяйством у него распоряжался управляющий, а у этого хороша была только глотка. Уж как он орал на людей! Потом имение досталось эсэсовцу Готшалку, какому-то там ихнему заправиле... Маленький фюрер или бог его знает кто — я в этих титулах не разбираюсь. Мы этого Готшалка тоже ни разу не видели, он вечно был на фронте, по крайней мере его жена так говорила. У нас Готшалков иначе и не называли, как Погоняло и Погонялка. Ох и бестия она была, скажу я вам. Управляющего выгнала и за все взялась сама. Нам при ней жилось как при крепостном праве, ей-богу! Особенно с тех пор, как самого прихлопнули под Сталинградом. Нас шестеро — я, жена и четверо детей: две девчонки, двадцати и восемнадцати лет, да двое мальчишек, десяти и восьми. Ну и туго же нам приходилось: даже мальчишек заставляли работать в поле, и притом мы чуть не помирали с голоду. Уйти от Готшалков нечего было и думать. Хозяйка каждый день грозилась, что пошлет моих девчонок в Германию, а вместо них возьмет русских. Теперь все это в прошлом, лучше и не вспоминать...

Постава махнул трубкой и рассыпал пепел по полу.

— А что потом случилось с вашей хозяйкой? — спросил Багар.

Постава весело заморгал, и морщинки около его усов сложились в улыбку.

— То-то и дело, что случилось,— сказал он.— Видит она, что у Гитлера все пошло прахом, ну и погрузилась с детьми и со всем, что влезло, на грузовик и хотела дать тягу. Мальчишек у нее было двое, пяти и семи лет, настоящие росли разбойники: она и их учила стрелять, и оба сопляка всегда ходили с кинжалами на поясе. Сколько раз мне хотелось ударить их лопатой или хоть кнутом.— Постава покачал головой, словно еще и сейчас не мог примириться с этим.— Разве можно было стерпеть? — продолжал он.— Эта стерва хотела, чтобы я, старик, первым кланялся ее мальчишкам. Ну, черт с ними, дело прошлое, не стоит вспоминать.

Он затянулся, трубка запыхтела, но дыму не было.

Постава пошарил по карманам, Багар протянул ему через стол свои спички.

— Вы сказали, что она погрузилась с детьми и вещами в машину. Значит, она уехала?

— То-то и дело, что нет,— продолжал Постава, глядя на Багара сквозь облако едкого дыма.— Выехала, да не уехала. Плохая вышла для нее погода. Только она выехала на шоссе, начался налет на Клецаны, у немцев там был тайный аэродром. Она думала, что выберется как-нибудь, но один самолет спикировал и положил бомбу прямо на ее грузовик. Осталось одно мокрое место. Хорошо еще, что она сама сидела за шофера.

— А что сейчас делается в этом имении?

— Вы все допытываетесь, почему я там не остался, да где я был, да почему сюда лезу,— замигав белесыми ресницами, сказал Постава.— А дело-то вот в чем: землю там разделят, известное дело. Я бы получил надел один из первых, но что мне с ним делать, ежели у меня нет крыши над головой? И никто мне ее не даст, потому что не из чего. А сюда я нацелился, потому что работал тут до осени тридцать восьмого года. Имение Врш знаете?

— Слышал о нем, но все нет времени туда заехать. Там сейчас обосновался некий Тимеш, вы его, наверное, не знаете.

— Не знаю,— сказал Постава.— Но долго он там не продержится, ручаюсь. Имение это до войны принадлежало какому-то Росмусу, он удрал не то в Англию, не то в Америку, а как вернется, то ясно, что потребует свое имущество назад. Он был важный барин, директор на заводах «Шкода» или еще где-то. Я у него работал до самой оккупации. Они хотели, чтобы я переехал в другое их имение, где-то у Часлава, но они мне уже навязли в зубах, и я решил, что лучше пойду к Дубскому.

— А теперь вы хотите туда вернуться?

— Кто вам сказал, что туда? Будем мы выселять немцев или нет? Будем! Вот я и хочу кое-что для себя обеспечить еще до того, как они уедут. Долинку знаете? Я ее имел в виду. Какой-нибудь домишко там.

— Ну, что же, можно и в Долинке,— сказал Багар.

— Не сейчас,— продолжал Постава.— Я подожду, пока вы их выселите. Я только хотел предварительно договориться.

— А что, если сейчас? — спросил Багар.

Винценц Постава усиленно запыхтел трубкой.

— Это было бы все равно что выигрыш в лотерее,—

помолчав, сказал он.— Сразу так сразу. Если мне это подойдет, я перееду на той неделе.

— Пойдем посмотрим,— сказал Багар, встав так стремительно, что стул отскочил к стене. Постава ему очень понравился, и у Багара возникла мысль как можно скорее сделать из него здесь сельского хозяина. Дело в том, что переселенцы-крестьяне не проявляли интереса к Поточной, расположенной слишком далеко в горах и сулившей лишь тяжелый труд и малые доходы. По дороге в Поточную лежали многие километры плодородного краснозема, где хорошо рос хмель — самая доходная культура после сахарной свеклы. Переселенцы, которые в ближайшем будущем хлынут сюда, чтобы обзавестись собственным хозяйством, конечно, осядут в этой урожайной полосе; никто не потянется сюда, в предгорья, где, правда, есть сочные луга, но растет только колючий овес, низкая, по колено, рожь да картофель.

Багар предвидел, что после выселения немцев ему или его преемнику нелегко будет разрешить сельскохозяйственную проблему в районе Поточной. Переселенцев, приехавших с равнин и плоскогорий центральной части страны, будут отпугивать тяготы жизни в горах, они не захотят селиться в домиках на косогорах, куда надо подниматься по крутым тропинкам, через луга и лес, а зимой можно добраться только на лыжах. В таких домиках всего две комнаты и под той же крышей хлев — люди жили здесь бедно, едва сводили концы с концами, да и то при условии, что отец работал на рубке леса, сын — на фабрике, а мать с бабкой плели кружева. Такой образ жизни не стоит сохранять, а тем более распространять.

Надо придумать что-то другое, твердил себе Багар. Надо создать условия для лучшей, для более радостной жизни, чем была здешняя. Надо и тут добиваться того же, к чему мы стремимся по всей стране.

Но Долинка как раз исключение. Там после небольших перемен, а то и без них можно хозяйствовать не хуже, чем в любом селении республики. Долинка — это подобие пригорода близ Поточной, ее поля раскинулись не на горах, а в небольших ложбинках и на отлогих холмах. И если Винценц Постава проявил интерес именно к Долинке, надо сразу же поселить его там. Стоит обосноваться одному — появятся и другие.

Они остановились на шоссе у подножья горного склона, где сегодня уже стоял Винценц Постава.

— Бывало, проезжал я здесь с хозяйскими дровами на

станцию,— сказал Постава, помахивая погасшей трубкой и роняя пепел,— и думал: хорошо бы поселиться и хозяйствовать тут. Глядите, какая зелень, а ведь уже конец лета. Трава-то, трава какая, хоть самому жевать! Там, около Праги, я никак не мог привыкнуть, не хватало мне этой зелени.

— А теперь скажите мне,— сказал Багар, и его красноватое лицо осветилось улыбкой,— не чудесное ли нынче время? Прежде вы только мечтали, а теперь и в самом деле будете хозяйствовать здесь.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь,— солидно ответил Постава, словно желая предотвратить неудачу, которая может произойти в решающий момент.— Я еще не хозяин здесь. Куда вы меня сунете? Выселение немцев еще не скоро, да и неизвестно, будет ли.

— Видите вон тот двор налево? — спросил Багар, показывая на группу строений под серой черепицей, образующих замкнутый четырехугольник. Усадьба привольно раскинулась на пригорке, чуть повыше других домов, рассеянных у дороги.

— Не разыгрывайте меня,— сказал Постава.— Там живет Фриц Прюлл, рыжий Фриц. В Долинке два Прюлла, братья. Это дом Фрица. Он всегда был старостой в Долинке. Это самый горластый мужик.

— Больше он тут не живет и жить не будет. Он сидит в Кадани за утайку оружия. Можете получить этот двор хоть завтра, если хотите. Его жену мы переселим к брату.

Винценц Постава вынул трубку изо рта и почесал затылок.

— Это мне не больно нравится,— сказал он.— Выгонять оттуда бабу — нехорошее дело.

— Зря вы об этом беспокоитесь,— сказал Багар, довольный таким возражением,— мы бы ее выселили и раньше, будь у нас кому принять хозяйство. Конфискация имущества — часть кары за преступление.

— Рано ли, поздно ли — ей все равно придется выехать,— сказал Постава, словно уговаривая самого себя.

— Конечно. Сегодня или завтра — не в этом дело. Вспомните, что имущество немцев, предателей и коллаборационистов подлежит конфискации, это вытекает из необходимости восстановить нашу республику.

Багар говорил настойчиво. Ему очень хотелось, чтобы Постава переехал в Поточную. Пожатие жесткой ладони, огрубевшей от тяжелой работы, завоевало сердце председателя. «Вот с такими-то людьми, честные сердца и рабочие

руки которых безбоязненно возьмутся за любую работу, мы и возродим этот край, а не с теми, кто пришел сюда ради обогащения и легкой наживы. Рвачам и стяжателям мы еще зададим жару, и сделаем это, опираясь именно на таких, как Постава».

— Вы говорите, это можно быстро устроить? — спросил Винценц Постава, убежденный больше, чем уговорами Багара, видом Долинки и усадьбы Прюлла, которая превосходила все его ожидания.

Может быть, еще по дороге в Поточную Постава думал: «Получить бы дом Прюлла, вот это было бы здорово! Но только куда там, нечего разевать рот на этакий каравай. Это кусочек не для батрака, родившегося в людской, как ты. Даже сейчас!» И вот, смотрите-ка, этот дом будет его! Хорошо, что он не дал жене отговорить и запугать себя, хорошо, что дочери были на его стороне и он поехал сюда!

— Да хоть сейчас,— ответил Багар на его вопрос.

Постава просиял, потом снова помрачнел. Он вынул трубку изо рта, почесал ею один ус и сказал не то себе, не то Багару:

— А не слишком ли это хозяйство велико для меня?

— Работы там будет много,— сказал Багар.— Но если здесь управлялась семья Прюлла, почему не справитесь вы?

— Э, что работа! Работы мы не боимся,— гордо сказал Постава.— Умели работать на чужих, на себя и подавно сумеем. А вот деньги! Будет ли нам это по карману? Охота есть, да в кармане шиш.

— Не бойтесь,— сердечно сказал Багар, положив ему руку на плечо.— Смотрю я на вас, приятель, и думаю, что для ваших рук это будет почти даром. А деньги вам понадобятся не раньше, чем после будущей жатвы.

— Ну, тогда,— сказал Постава,— с божьей помощью, хотя я больше полагаюсь на вашу.

Он протянул свою мозолистую, в почерневших трещинах ладонь, и они ударили по рукам.

— Дадите мне какую-нибудь бумагу, чтобы дело было верное?

— Дам,— широко улыбаясь, сказал Багар,— и объясню вам, что с ней делать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ровно через неделю старая полуторатонка с газогенератором дотащилась до ратуши в Поточной. Нагруженный на ней скромный скарб состоял преимущественно из узлов с перинами и одеждой, так что оставалось достаточно места для всей семьи Поставы. Старик дымил своей трубкой в кабине водителя, мать молча сидела с детьми на перевернутом корыте, которое ни за что не хотела оставить, словно не веря, что в Пограничье вообще могут быть корыта. Подперев голову руками, она задумчиво смотрела перед собой, не отвечая на вопросы дочерей. Девушки трещали, как сороки, ссорились с младшими братьями и пытались шлепнуть их в отместку за дерзости.

— Поглядите-ка на этот Грюнбах, мама, вы только поглядите, ведь тут ничего не изменилось, ничегошеньки! Ни одного нового дома нет, ни одного не убавилось, только все они стали какие-то облезлые. А вы, мальчишки, не лезьте в разговор. Что вы можете помнить, сопляки? Ведь вам было одному три, другому четыре года, когда мы уезжали отсюда, вы еще и штаны-то не умели застегнуть, верно, мама?

День клонился к вечеру. Машина остановилась перед ратушей. Мальчики удивленно таращили глаза на немцев с повязками на руке, начали даже окликать их и чуть не затеяли какую-то шалость.

Мать сидела неподвижно, будто все, что происходит с ней и вокруг нее, ее не касалось. Мария Поставова была худощавая, с легкой проседью в черных волосах, смуглая женщина, ее глубоко посаженные кроткие глаза выражали упорство. Она вечно боялась какой-нибудь беды для семьи, боролась со своими страхами и с нуждой, до самозабвения любила мужа и детей и всегда беззлобно ворчала на них — чтобы отогнать от них беду, чтобы беда не знала, как она их любит. Всю жизнь ей хотелось обосноваться на одном месте, к которому она привязалась бы, и уже никуда не уезжать. Но они вечно странствовали с места на место, как кочевники, которым до конца дней не суждено стать оседлыми. Кроме родного края, где она выросла, сколько повидала жена Поставы мест, где ей хотелось бы остаться на всю жизнь! Родом из Тршебоньского края, в поисках заработка она с семьей побывала и в Чаславе, и в Рудногорье, потом и близ Кралуп, а теперь снова вернулась в Рудные горы. Покидая каждое из этих мест, Мария плакала, хотя, приехав, никак не могла примириться с ним

и уверяла, что никогда к нему не привыкнет, что жить здесь для нее хуже смерти.

Багар встретил хмурый, недовольный взгляд Марии и прочел историю ее жизни по глубоким морщинам вокруг рта, историю женщины, которая могла бы выглядеть куда моложе, не будь она так худа. Он улыбнулся просто и приветливо — его улыбка располагала к нему людей.

— Это наша мать,— сказал Винценц Постава с ласковой гордостью и с некоторым страхом, который он никогда не умел скрыть.

Мария вдруг ощутила такую же симпатию к Багару, как и он к ней, на лице у нее появилась застенчивая улыбка, как когда-то в девические годы. Она встала с корыта, разгладила рукой помятую юбку и нерешительно подошла к борту машины: как отсюда подать руку, когда человек стоит на земле? Это как-то неудобно. Мария была озадачена. Но, прежде чем она успела окончательно оробеть и расстроиться, Багар ухватился за борт машины, впрыгнул в нее и, став рядом с Марией, протянул ей руку со словами:

— Вот теперь я с вами поздороваюсь как полагается.

Она протянула ему ладонь, такую же жесткую, как у мужа, и сказала, поборов робость и смущение:

— Это наши дочери, Иржина и Квета, а это мальчики.

Девушки беспричинно засмеялись и, отерев влажные ладони о юбки, обменялись с Багаром рукопожатием. Мальчуганы сосредоточенно уставились в дно кузова. Иржина была темноволосая, в мать, Квета немного светлее, обе с румянцем во всю щеку. Мальчики были копиями Винценца Поставы, только что без трубки и без усов.

— Это замечательно! — сказал Багар.— Вас, пожалуй, хватит, чтобы заселить всю Долинку. Хорошо, что вы приехали.

— Я не хотела,— нахмурясь, сказала Мария.— Но этот шальной не давал мне покоя, а девчонки стали на его сторону. Всегда с ним заодно, против матери.

Девушки хихикнули, а их отец смущенно взмахнул трубкой, рассыпая вокруг себя пепел.

— Такой уж у нашей матери характер,— сказал он.— Когда мы в тридцать восьмом году уезжали отсюда, она ревмя ревела, а сейчас ворчит, зачем вернулись.

— Нынче не то время,— хмуро сказала жена,— будет тут наша семья одна как перст. Еще, пожалуй, убьют нас.

— Не убьют! — сказал Багар и запнулся. «Могу ли я гарантировать им безопасность? — подумал он.— Какую

ответственность я на себя беру, зазывая их сюда сейчас! Жена Поставы права, они будут одни-одинешеньки среди двадцати враждебных немецких семей, для которых эти чехи станут постоянным напоминанием об ожидающей их судьбе... О приближении дня, когда все они должны будут покинуть свои дома и уйти в страну, где их никто не ждет, страну, по зову которой они нарушили столетний союз и где сегодня, в горечи поражения, пришельцев будут ненавидеть за тогдашнюю их услужливость».

— Ничего страшного! — сказал Багар, но никак не мог отделаться от чувства, что говорит не то, что думает, и в то же время говорит правду, которая сильнее всяких преходящих чувств.— Главное — не бояться их. У них сейчас больше причин бояться, чем у вас. Здесь стоит Красная Армия, и они не посмеют вас тронуть.

Он сел рядом с Марией на перевернутое корыто, и машина, грохоча по неровной мостовой, тронулась к Долинке. На повороте к усадьбе Прюлла они остановились.

«Надо было бы взять с собой хоть Антоша,— подумал Багар.— Но теперь уж все равно. Тем, что я пойду один, я, по крайней мере, докажу Поставе, что бояться действительно нечего».

Все слезли с машины и окружили его.

— А теперь что? — спросил Постава и почесал ус мундштуком.— Не можем же мы ворваться прямо так, ни с того ни с сего.

— Подождите здесь,— сказал Багар.— Я сам все сделаю.

— Я думала, что там уже никто не живет,— сказала Мария.

— Нет, живут, иначе никак нельзя было сделать,— объяснил Багар.— Не мог же я сказать им, что вы переезжаете, пока вас тут не было. Ведь надо было кому-то ухаживать за скотом. А предупреди я их о выселении, они бы наверняка угнали скот за границу.

— Никуда не пойду,— быстро сказала Мария.— Я хочу назад, в Кралупы. Как это так можно выгонять людей из дома в одну минуту! Все будет еще теплое после них. Не хочу и не хочу! Мне никто не говорил, что мы будем выгонять людей.

Постава вынул трубку изо рта и развел руками.

— Вот вам, пожалуйста. Такой у нее характер. Да ты вспомни, как нас выгоняли в тридцать восьмом году! Ты и обед доварить не успела, даже одежду нам не дали собрать, а об остальном уж и говорить нечего.

— Это они так делали,— сказала жена.

— Вы правы, так делали они,— возразил Багар.— А мы вселяем вас в дом, который давно должен быть пуст. Какое же может быть сравнение!

— Не нравится мне это,— сказала Мария.— Хотела бы я быть сейчас подальше отсюда.

— Но что же вы хотите делать, мама? — вмешалась Иржина.— Не ехать же назад, раз мы здесь.

— Может быть, и ехать,— сказала мать.

— Нет уж, хозяйка,— сказал шофер, высунувшись из кабины.— Обратно я вас не повезу. Мне предстоит еще поездка в Крушовице. Так что показывайте, куда завозить вещи, а не то я высажу вас тут, на дороге. Да поживей, я хочу засветло вернуться в Кралупы.

— Ох уж этот бабий норов,— сказал Винценц Постава.— Я пойду с вами,— продолжал он, обращаясь к Багару.— Чтобы потом не говорили, что, мол, самое трудное дело я свалил на вас, а сам стоял сложа руки.

Его жена села на траву, у дороги, и свесила ноги в канаву. Она сидела молча, подперев щеку рукой. Мальчики побежали вслед за отцом и Багаром. Они надеялись, что выселение немцев может быть неплохим развлечением. У мальчиков сохранились самые горькие воспоминания о том, как с ними обращалась помещица Готшалк, и сейчас они страстно, даже с каким-то чувством мести, желали посмотреть на это зрелище. Но отец прогнал их обратно.

Багар и Постава подошли к дому. Они шли молча, погруженные в свои мысли, и внутренне готовились к тягостному моменту. «Вот как это будет,— повторял про себя Багар.— Всякий раз придется преодолевать в себе такое же отвращение, какое испытывает Мария Поставова, всякий раз придется внушать себе, что поступаешь справедливо, что иначе нельзя».

— Ну и свинство же у них тут, черт побери! — сказал Винценц Постава, когда они вошли на просторный квадратный двор, образованный стенами жилого дома, амбара, хлева и сараев.

Они стояли, осматриваясь. Рыжий пес выскочил из будки около хлева, пронзительно залаял и заметался на цепи. Два подростка, лет четырнадцати и шестнадцати, коренастые, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами, возились около жатки у сарая. Выпрямившись, они молча уставились на вошедших.

Солнце поднималось к зениту, заливая двор ярким светом. Из трубы вился прозрачный, чуть заметный дымок,

куры с клохтаньем рылись у разметанного стога. Из дома вышел высокий костлявый мужчина, которому на вид было лет за пятьдесят, прямой, с несколько даже деревянной выправкой. Увидев чужих людей, он вздрогнул и повернул было обратно, но раздумал и, спустившись по трем широким каменным ступеням, медленно пошел навстречу Багару. Фигура его выражала настороженность и неприязнь.

— Что вам угодно? — спросил он по-немецки хриплым, простуженным голосом.

Багар, прищурясь, смотрел на него. Вот так всегда, думал он. В последний момент оказывается, что жалеть нет причины. От этого Багару стало легче на душе.

— Хозяин этого дома арестован,— сказал он.— А вы кто такой?

Человек смутился, замигал, оглянулся вокруг себя, словно ожидая, что кто-то ответит за него, откашлялся и ответил:

— Я его брат. Пришел помочь невестке по хозяйству.

Он сразу присмирел, но выжидательное выражение не исчезло с его лица. Было видно, что он отлично понимает, с кем имеет дело, и, глядя на второго, незнакомого ему человека, старается угадать, зачем они пришли.

— Брат Прюлла? Стало быть, Вальтер,— сказал Багар.— А где ваша нарукавная повязка?

Вальтер Прюлл потрогал руку у плеча, словно только сейчас заметил, что белой повязки нет на месте.

— Я забыл надеть ее,— пробормотал он.

— А вот я не забыл и велю арестовать вас.

В душе Багар был доволен, что этот тип как-то облегчает ему задачу, которая казалась столь трудной,— не нужно колебаться, церемониться, упрекать себя и мучиться.

— Право, я случайно забыл надеть ее,— повторил Вальтер Прюлл.— Второпях выбежал из дому...

— Ваш брат сидит в тюрьме за утайку оружия, а вы тут бегаете без повязки. Нечего снимать ее, если вы такой забывчивый. Попадетесь мне еще раз без повязки — дело для вас плохо кончится.

— Вы не можете арестовать меня только за то, что я забыл надеть повязку.

— Не могу арестовать? Вы думаете? А вы были нацистом?

Прюлл насупился и опустил глаза под мохнатыми бровями. Взгляд его бегал из стороны в сторону.

— Все были в партии,— проронил он.— Почти все, хоть они сейчас и отпираются.

— Вам-то что там было нужно, хотел бы я знать,— сказал Багар.

— Помощь,— был ответ.— В нашем крае всегда была нужда. И никто тут людям не помогал.

Винценц Постава внимательно прислушивался к разговору, мобилизуя в памяти весь свой скромный запас немецких слов. Он нетерпеливо переступал с ноги на ногу и сердито поднимал и опускал брови.

— Он нуждался больше всех, как же! — вдруг сказал Постава по-чешски.— Вы его только послушайте! Он и его брат верховодили в деревне и гнали людей к Генлейну. Ручаюсь, что он меня давно узнал, да делает вид, что не знает, кто я такой.

— Что говорить, нужды тут хватало,— сказал Багар.— Вся беда в том, что такие подлецы, как Религи и Прюллы, подсовывали людям фальшивый рецепт против нее.

— Черт подери, меня зло берет, глядя на него,— сказал Постава.— Совсем как в тридцать восьмом году и во время войны.

— Меня тоже,— улыбнулся Багар.— И я рад, что не меня одного. Кроме того, я знаю, что мы поступаем правильно. А поэтому все пойдет легче, чем кажется.

Прюлл стоял неподвижно, только глаза его бегали. Он старался понять, о чем идет разговор. Из дверей дома за его спиной вышла толстая женщина в синем переднике. Ее темные жирные волосы были связаны сзади в узел черной тесемкой, дряблую, желтоватую, обвисшую кожу на щеках покрывали пятна, как у людей с больной печенью, слышалось ее хриплое дыхание: женщина, очевидно, страдала астмой или эмфиземой.

Прюлл почувствовал ее за спиной и передернул плечами, но не обернулся.

Она стояла на пороге, сложив руки на судорожно поднимающейся груди, и смотрела на мужчин застывшим взглядом водянистых глаз.

— Что надо этим господам, Вальтер? — спросила она глухим голосом, прозвучавшим так, словно он выходил из лопнувшего меха.

— Еще не знаю,— ответил он через плечо.

— Подойдите сюда,— подозвал ее Багар.

Она подошла, шаркая, тяжело дыша. Багар одновременно почувствовал и отвращение и жалость. Оба подростка, оставив работу, стояли сейчас посередине двора и, вытянув шеи, следили за взрослыми.

— Мне неприятно говорить вам это,— медленно и слов-

но колеблясь заговорил Багар.— Но ничего не поделаешь. Ваше имущество, как и у всех, конфисковано, ибо ваш муж совершил тяжкое преступление. Вам придется немедленно выехать отсюда.

— Как немедленно? — спросила женщина.

— Не позднее чем через два часа. С собой вы можете взять только личные вещи, свои, мужа и детей, не больше пятидесяти килограммов на человека. Все остальное останется здесь.

— Это слишком скоро,— сказала женщина, и щеки ее задрожали.

— Иначе нельзя,— ответил Багар.

— Я знала, что это будет,— сказала она отрывисто.— Знала с того самого дня, когда взяли Фрица...

Она задыхалась и говорила с трудом. Видно было, что ею владеет неодолимое желание высказать сейчас какие-то затаенные, давно терзавшие ее мысли, что, как ни трудно ей говорить, молчать еще труднее. Она поднимала и опускала в такт дыханию свои полные, отечные руки.

— Я знала, что это будет, как знает человек о неизбежности смерти. Знает, но не хочет умирать. Кто виновник всех наших мучений? Почему мой старший сын гниет где-то в чужой земле, а вот эти двое,— она кивнула в сторону подростков, стоявших, как готовые бодаться козлята,— только и мечтали поскорей вырасти и тоже идти убивать?

— Анна-Мария! — рявкнул Прюлл.— Молчи!

Она повернулась к нему. Лицо ее, желтое, как лимон, исказилось от ярости.

— Довольно я молчала! — прохрипела она.— Я молчала, а вы говорили и все решали без меня! Вот они плоды, погляди! Взгляни на меня, во что меня превратило молчание и горе. Погляди, до чего ты довел нас всех. Ты удивляешься, что они,— она кивнула в сторону Багара и Поставы,— не хотят терпеть нас здесь? Я не удивляюсь! Я бы тоже не потерпела у себя в доме тех, кто привел ко мне убийц моих детей. А вы их привели, ты, Фриц и все другие горлопаны! Вы делали убийц из наших сыновей, посылали их на смерть и учили их убивать неведомо зачем. А теперь надо расплачиваться за все это, хочешь не хочешь, а надо. Этого вам нужно было? Не-ет, вы хотели заграбастать весь мир, а вместо этого мы сами станем нищими без крова над головой.

Она замолкла, тяжело и хрипло дыша, руки ее упали как плети, кулаки сжимались и разжимались. Вальтер

Прюлл, скривив рот, слушал ее неподвижно. Когда она замолчала, он сказал:

— Ну что, выговорилась? Чтоб ты подавилась собственным языком! Был бы тут Фриц, он показал бы тебе, как должна себя вести немецкая женщина!

Анна-Мария только устало махнула рукой, ее напряженное лицо снова обмякло и выражало лишь смертельную усталость. Лишь в ее выпуклых глазах еще виднелся отблеск внутреннего огня.

— Да, я выговорилась,— сказала она.— Но слова теперь уже ни к чему. Пойдем-ка, помоги нам уложиться.

— У вас два часа на все,— сказал ей Багар.— Мне жаль вас. Если бы все немцы думали так, как вы, можно было бы избежать многих бед.

Она покачала головой, словно отвергая одобрение Багара, и нетвердой, шаркающей походкой пошла к дому. Старший из подростков сорвался с места и преградил ей дорогу. Он стал, расставив ноги и уперев руки в бока.

— Мы никуда не пойдем, слышишь! — закричал он.— Никуда! Пусть-ка попробуют выгнать нас!

Вальтер Прюлл повернулся и, подняв голову и сдвинув брови, с интересом взглянул на подростка. Багар сунул руку в карман и сжал пистолет, Винценц Постава вынул трубку изо рта и подался вперед. Анна-Мария в раздумье переступила с ноги на ногу, потом чуть наклонила голову, словно отыскивая что-то. Рядом валялась на земле толстая метровая щепа, какими топят хлебную печь. Кто-то обронил ее, когда нес охапку. Анна-Мария медленно нагнулась, тяжело и шумно дыша, подняла щепу и так же тяжело выпрямилась. Подросток тупым взглядом следил за ее движениями. Она замахнулась на него и сказала глухо:

— Марш! Иди собирай свои вещи!

Мальчик сжался и молча направился к дому. Его брат нерешительно последовал за ним, видно было, что и он сдается. Вальтер Прюлл, с трудом передвигая ноги, тоже пошел в дом. Анна-Мария повернулась к Багару.

— Пойдете посмотреть, что мы будем брать?

Багар только махнул рукой.

— Я сказал: пятьдесят килограммов на человека. Берите что хотите.

Винценц Постава вздохнул, как человек, снова получивший возможность дышать.

— Ох и трудно же это было! — сказал он.— До смерти не забуду.

— Я думал, что будет еще труднее.

— Чтобы осилить такое дело, надо все время помнить, что они делали с нами. Хорошо, что жены тут не было, ее бы потом сюда не затащить и на аркане.

— Да, это не для нее. Да и не для нас. Но... нужно!

— Мы еще хватим с ними горя, помяните мое слово.

— Нельзя к этому так относиться,— сказал Багар.— Мы позаботимся о том, чтобы вы не оставались здесь одни.

Меньше чем через два часа грузовик, привезший семью Поставы и ее скромное имущество, высадил Багара около гостиницы Рейзека и свернул направо, в сторону Праги. Семья Прюлла покинула дом спокойно. Понурив головы, они шли за телегой Вальтера, на которой лежало три узла. Ни один из уходивших ни разу не оглянулся. Подросткам, видимо, хотелось погрозить кулаком или крикнуть что-нибудь, но мать гнала их перед собой. Ее отекшие руки были сложены на большом животе, выцветшие брови строго нахмурены. Она шла молча, ни слова не сказав с той минуты, как передала дом Багару.

Винценц Постава вел себя, как капитан, принявший командование судном. Двигаясь быстрыми мелкими шажками, почти бегом, он осмотрел все доставшееся ему хозяйство. Он был ошеломлен осуществлением своей мечты, но старался держать себя в руках. Двенадцать гектаров и какая усадьба! У Поставы занимался дух и одновременно распирало грудь от счастья. Но сейчас не было времени ни ликовать, ни сомневаться, справится ли со всем этим он и его семья — люди, не боящиеся никакой работы, но вместе с тем привыкшие все делать по указке, не задумываясь над хозяйством в целом. Инстинкт крестьянского труда жил в крови Поставы и сейчас руководил его действиями. Работа просто кричала о себе, она звала его изо всех углов, и в своей радости он видел прежде всего ее.

— Экие они были свиньи! — сказал он в хлеву и сразу же начал распоряжаться:— Вы, ребята, подметите двор, женщины приберут в доме, а я вычищу это свинство, подстелю скотине и малость наведу тут порядок. Потом будем готовить корма. Пошевеливайтесь, теперь вы работаете на себя. Мать, все-таки мы дождались! Двадцать три года ждали! Теперь уж никто не будет помыкать нами, никакие господа!

Он взял жену за локти, потряс ее и засмеялся так, что трубка, о которой он забыл в приливе радости, вероятно, впервые в жизни выпала у него изо рта. Постава смущенно нагнулся за ней и заботливо ее осмотрел.

— Ишь, дурной,— не без удовлетворения сказала же-

на, которая терпеть не могла табачного дыма, но вместе с тем говорила, что не представляет себе мужа без трубки.— Еще разобьет трубку, тогда с ним сладу не будет. Не очень-то радуйся, еще не известно, останемся ли мы тут.

Мария никак не могла окончательно решиться. О собственном доме и поле она мечтала всю жизнь с еще большей страстью и безнадежностью, чем муж. Ведь до замужества она жила в домике родителей, а замуж вышла за бездомного батрака. Но никогда ей не грезилось, что ее чаяния сбудутся именно так. Вместе с дочерьми она стояла в просторной кухне Прюлла, смотрела на беспорядок, оставленный уходившими второпях хозяевами, обостренным обонянием ощущала теплый запах обжитого жилья и чувствовала себя так, как будто стоит голая и на ее сжавшееся и вздрагивающее от отвращения тело натягивают пропитанное чужим потом платье.

Вздрогнув, она сказала:

— Девочки, я тут не останусь, я не могу.

Но девушки уже осматривали дом и со смехом и восхищением сообщали о своих открытиях:

— Поглядите, мама, у них на кроватях пружинные матрацы!

Мать не слушала их. Ее блуждавшие по сторонам глаза остановились на громадной печи, выложенной из старинных зеленых кафельных плиток. Мария долго смотрела на печь, потом как завороженная подошла к ней. Печь, здесь есть печь! Открыв большую черную дверцу, она заглянула внутрь, сунула туда руку и погладила под, покрытый мягкой золой.

— Девочки! — закричала она.— Мы сами будем печь себе хлеб.

Но девчата уже залезли куда-то на чердак и не откликались. А мать сидела на корточках у печи, разминала в шершавых ладонях черный уголек и думала: «А может, я все-таки привыкну?..»

Вздохнув, она встала и оглянулась — за что же раньше взяться?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Приближалась жатва, Грюнбах наполнялся людьми, как кадка с тестом на дрожжах. Весть о процветающем городке разнеслась по стране и расшевелила многих чехов, чьи жизненные планы сорвала длительная оккупация. Переселенцы, осевшие в Грюнбахе, расписывали его самы-

ми радужными красками. Сами они уже получили свою долю, пусть же получат ее и другие. Скука и желание видеть здесь знакомые лица побуждали их писать призывные письма. Ремесленники, потерявшие свои мастерские во время войны, мелкие торговцы, в лавках которых остались лишь пустые полки, приказчики, жаждавшие сами открыть торговлю, лица неопределенных занятий, стремящиеся извлечь выгоду из всякой перемены власти, люди, которым нужно замести следы темных дел, совершенных в годы оккупации, и убраться подальше из тех мест, где о них слишком много знают,— все они устремились в Пограничье, все они рыщут и вынюхивают и наконец, получив добро, устраиваются. Подозрительно много приезжает переселенцев — земляков Трнца. Похоже, что вся южная окраина Подоли хлынула в Пограничье.

Принимая этих людей, Багар морщил лоб, щурился и вертел пуговицу, которую ему приходилось пришивать чуть ли не каждый вечер. «Хотел бы я заглянуть каждому из них в нутро,— думал он.— Как-то ты себя здесь будешь вести, братец? Но разве можно читать в чужой душе! Что у человека в кармане — и то не увидишь!»

Иногда к нему наезжал председатель районной административной комиссии Гальчик, и тогда Багар жаловался:

— Что мне делать с этими типами? Выйдут из них когда-нибудь честные труженики? Нет, не выйдут. Каждый только и глядит, как бы набить карманы. А когда набивать станет нечем, он смоется отсюда. Есть у меня тут пролетарии? Всего каких-нибудь восемь или девять человек. Есть земледельцы? Один-единственный. Из кого же создавать парторганизацию? Даже для комитета людей не хватит.

Багар и Гальчик были земляки — оба моравские словаки. Гальчик, гигант с плечами грузчика, с наголо обритой головой, круглой, как пушечное ядро, и такой же стремительный, как пушечное ядро в полете, когда-то работал на мельнице. Лицо его навсегда сохранило бледный, мучнистый оттенок. Слушая Багара, он смеялся и ударял кулаком по столу так, что трещала доска.

— А почему тебе и не создать парторганизацию? Партия призывает людей в свои ряды, а ты все мудришь, из кого и как создавать ячейку. Организуй из тех людей, какие есть. Коммунисты не родятся готовыми. Сделать человека настоящим коммунистом нелегко, но это и есть твоя работа.

— Что ж, значит, создать ячейку из коллаборационистов? — хмуро спросил Багар.

Гальчик рассердился.

— Где ты нашел коллаборационистов? Разве все, кто приехал сюда, сотрудничали с немцами? То-то и оно! Есть у тебя старые коммунисты?

— Несколько текстильщиков.

— Ну вот. На них-то и можешь опереться для начала. Они помогут тебе разобраться, кто чем здесь дышит. В нашу партию коллаборационисты не полезут, для них больше подходят другие партии. А ежели и попадется какой-нибудь... так ты сам знаешь, как с ним поступить. Если даже такой тип все-таки сумеет замаскироваться и вотрется к нам в доверие, все равно он рано или поздно сломает себе шею.

Багар засмеялся. У него вдруг исчезло тягостное чувство одиночества, перестала угнетать мысль о том, что задачи перед ним множатся быстрее, чем он успевает решать их, и никто, никто не придет ему на помощь.

— Вот как раз твоего-то нагоняя мне и не хватало,— сказал он.— Ты все это мне выложил напрямик, и на душе у меня сразу полегчало. Чем я занимался до сих пор? Только и делал, что администрировал. А о главной задаче позабыл. Был начальством, заведующим жилищным бюро. Возился с квартирами и описью имущества. Да что говорить! У меня ведь даже машинистки нет, иногда вечером приходит помочь Антош или Деймек с дочерью...

При этих словах Багар почувствовал, как кровь прилила к его лицу, и сердито продолжал говорить; Гальчик же отвернулся и сделал вид, что созерцает струю табачного дыма.

— Когда нужен помощник по крайней мере через день, хоть разорвись — никого не найдешь. Получать назначения — все охотники, а вот выполнять взятые на себя обязанности — на это ни у кого нет времени. Все хотят только хапать, а работать никому не хочется. Сейчас-то у них дела идут на лад, но где они возьмут покупателей после выселения немцев? Что они тогда станут делать? Соберут, что нахапали, и смоются.

— Все разве так сделают? — спросил Гальчик.— Думаешь, что все? Наберут добра и удерут восвояси, откуда пришли?

— Ну конечно, не все,— хмуро ответил Багар.

— Вот видишь,— торжествующе сказал Гальчик.— Конечно, не все. Разве все люди такие? Как это тебе, марксисту, могло такое прийти в голову! Плевелы унесет ветром, зерно же останется, а ты покрепче держи это зерно в руках и перестань хныкать!

— При ком же мне похныкать, как не при тебе? Делаю свое дело и молчу. Но надо же иногда излить душу.

— Ну излей, если это тебе помогает,— добродушно сказал Гальчик.— Лучше передо мной, чем перед другими. А теперь подожди, я тебе привез кой-кого, сейчас позову.

— Опять какой-нибудь сомнительный подарочек? — скептически заметил Багар.

— Почему такое отношение? — вспыхнул Гальчик.— А ты сам не подарочек для этого края? Все мы для Пограничья подарочки, каждый на свой лад. Я тебе привез доктора, врача. Одного вы здесь прихлопнули, а другой дал тягу. Можно ли городу оставаться без врача? Бери и не привередничай.

Багар взял — что ему еще оставалось делать! Сперва бери, а потом прощупаешь его, сказал он себе. Доктор Вецлер нашел свой конец в речке Поточной, а за доктором Зеебеком еще в начале июня приехал Матвей Громов. На беду, сей учтивый врач, тип интеллигента, воспитанного в нацистских университетах и альпинистских кружках, как раз в это время отправился навещать пациентов в горных селениях. Весть о визите Громова дошла до Зеебека раньше, чем машина старшего лейтенанта — которому, кстати говоря, местные жители умышленно показали кружный путь — по крутой и каменистой горной дороге добралась до селения, где находился доктор. Учтивый врач бесследно исчез в пограничных лесах, и найти его не удалось. Незадолго до того так же бесследно исчезли Эльза Магер, фабрикант Гифтшютц, книготорговец Фридеман, коммерсант Ган, владелец автотранспортной конторы Зегнер, владелец лесопилки Шредер и мать Рейзека. Все они уходили ночью, как будто кто-то давал им знать, что пора исчезнуть.

После беглецов остались богато обставленные дома, из которых было унесено только то, что можно было положить в карман или в рюкзак. Багар бегал, делал описи, опечатывал дома. Веселый и приветливый Матвей Громов, заезжая в Грюнбах — если не спешил,— охотно заходил к Багару посидеть, поговорить. Он вспоминал о своей далекой родине, вслух мечтал о мирном труде, иногда запевал песню, но о цели своего приезда в Грюнбах всякий раз упорно молчал. Ничего не сказал он и о докторе Зеебеке, а Багар не расспрашивал. Из анонимных писем, которые время от времени появлялись на столе председателя административной комиссии, тоже не много узнаешь. Их авторы ограничивались загадочными намеками и угрозами. «Мы еще здесь! —

возвещали они.— И мы рассчитаемся. Хайль доктор Зеебек!»

Вервольфы тявкали, вспоминали последние речи Геббельса, писали многозначительные и угрожающие письма, но, видимо, у них не было ни связи между собой, ни руководства, и они ни на что не отваживались.

Секретарь управы Титце, уже носивший вместо бинта пластырь, а вместо черной фетровой шляпы легкую серую шапочку, вздрогнул, когда Багар напрямик спросил его обо всем этом. Длинными сухими пальцами Титце потрогал свою недавно зажившую рану и, словно обжегшись, отдернул руку.

— Ничего не знаю, никак ничего не знаю,— запинаясь сказал он на ломаном чешском языке, часто представлявшем собой дословный перевод немецких фраз.

Багар, задумавшись, смотрел на него и вертел пуговицу на своем пиджаке. Дрожащие пальцы Титце снова потянулись к пластырю и опять испуганно опустились.

— Однажды я уже заговорил, и вот результат,— сказал он.

— Вам нечего бояться,— сказал Багар, вставая.— А впрочем, не скажете вы — скажет кто-нибудь другой. Но как в таком случае я могу верить вашим словам о желании сотрудничать с нами?

— Я полагаю,— сказал Титце,— что доктора Зеебека ищут... в связи с научными опытами. Он, видите ли, был ученый... так он называл себя. И делал какие-то опыты в концентрационных лагерях.

— Опыты с заключенными, смертельные опыты на живых людях,— подсказал Багар, и Титце кивнул.

— Германия дала миру Гете и Коха,— сказал секретарь.

— Как раз об этом я сейчас и думаю. Она дала не только Коха, но и доктора Зеебека,— молвил Багар.— Думаю о них и хочу разобраться, как это могло произойти.

Впервые увидев доктора Маркова, Багар был склонен вспомнить скорее доктора Зеебека, чем великого Коха. Гальчик представил ему высокого, сильного мужчину с крепко посаженной головой, удивительно маленькой в сравнении с его крупным телом. Светлые волосы Маркова были гладко причесаны на косой пробор, серый костюм из довоенной английской ткани, казалось, был сшит только

вчера, по-чешски доктор говорил, как иностранец, тщательно произнося каждое слово.

— Вот тебе доктор,— сказал Гальчик,— а я бегу. Стоит мне на час отлучиться из Кадани, как там обязательно что-нибудь стрясется.

Усаживаясь на предложенный ему стул, доктор Марков пригладил волосы на висках, подтянул брюки, показав коричневые носки в тон галстуку, закинул ногу на ногу и, вытащив привычным жестом массивный серебряный портсигар, предложил сигарету Багару. Они закурили, и синий табачный дым заклубился между ними, как желанная дымовая завеса. Багар курил, стараясь подавить в себе антипатию, которую с первого взгляда вызвал в нем доктор Марков.

— Сколько тут у нас врачебных кабинетов? — сказал наконец Багар, словно отвечая на вопрос.— Два: убитого доктора Вецлера и сбежавшего доктора Зеебека. Два кабинета, и оба отлично оборудованы.

— Я предпочел бы кабинет доктора Зеебека,— отозвался Марков.— Там есть рентген и зубоврачебное кресло. Да и вообще он оборудован более современно.

— Вы уже осматривали его?

Доктор Марков покачал головой и торжествующе улыбнулся, словно показывая, что удивление Багара дает ему, Маркову, некоторое преимущество.

— Еще не успел. Ведь я приехал всего час назад. Но у меня была кое-какая информация. Сегодня я осмотрю оба кабинета, чтобы лично во всем убедиться.

— Да,— сказал Багар.— Информация отсюда уходит быстрее, чем доходит сюда. Вы раньше работали в какой-нибудь больнице?

— Я уже не в том возрасте, чтобы работать в больницах,— сказал доктор Марков и слегка скривил выпяченную нижнюю губу.— Нет, у меня была собственная приличная практика в Тополине. Но она надоела мне, я хочу начать сначала.

— Понятно,— сказал Багар,— почему бы и не начать? Все мы начинали сначала, словно только что родились. Я пошлю с вами секретаря Титце. Когда вернетесь, скажете мне, что вы выбрали.

Вертя в пальцах шарик, скатанный из обрывка бумаги, Багар размышлял о докторе Маркове. Тополин... Знаешь ты, Багар, что-нибудь о Тополине, бывал ты там когда-нибудь? А где я не бывал? Тополин — это захолустный городок в предгорьях. Жители там делают стеклянные бусы

и занимаются ткачеством. Постой-ка, там где-то есть динамитный завод. В двадцать девятом году на нем была забастовка. Ладно, уж я вспомню кого-нибудь из тамошних людей, кто сможет сообщить мне, почему этот доктор покидает уже налаженную практику.

Дали тебе доктора — этакая забота снята с твоей шеи, а ты, вместо того чтобы радоваться, сидишь тут и подозреваешь. Э, нет, это не так. Я не подозреваю всех огульно, это не в моем характере. Бедняков я, конечно, не подозреваю, бедняка судьба бросает во все стороны и даже когда протянет ему руку, то не подаст жирного куска, а щелкнет по носу. С бедняком, даже если он поступает неразумно, всегда можно найти общий язык, а вот эти, другие — от них так и разит изменой... Ну, хватит, пошевеливайся, займись делом, у тебя нет времени мудрствовать. Исходи из того, что городу нужен врач, но вместе с тем будь начеку. С течением времени выяснится, что за птица этот доктор Марков.

Днем перед окнами ратуши загрохотал мотоцикл, и через минуту в кабинет Багара вошел Тимеш в черных бриджах с леями из светлой замши, в высоких сапогах и белоснежной рубашке с расстегнутым воротом. Его светло-каштановые волосы были гладко зачесаны, на лбу торчали автомобильные очки, через плечо висела планшетка. Романтическая фигура мужчины, которому перевалило за тридцать, в расцвете сил.

— Я привез тебе служебные бумаги из Кадани,— быстро сказал он, поздоровавшись, и расстегнул планшетку.

— Садитесь,— сказал Багар.

Тимеш взял один из стульев, поставленных для посетителей, повернул его спинкой вперед и уселся верхом.

— Почему «вы»? — спросил он, продолжая рыться в планшетке.

— А почему «ты»? — возразил Багар.

— Ведь ты был в концлагере?

— Да.

— А я сидел в Заксенхаузене с сорок первого года по сорок третий. Можешь убедиться.

Он подал Багару сложенный документ. Тот развернул его, медленно прочел, сложил и вернул, кивнув головой.

— А почему тебя выпустили?

На какую-то долю секунды Тимеш отвел взгляд, потом опять в упор посмотрел в глаза Багару.

— Тогда выпустили больше трехсот человек. Сплошь такие, у которых душа чуть держалась в теле. У гитле-

ровцев произошла какая-то перемена курса: то ли кто-то по-своему истолковал какое-то новое распоряжение, то ли они начали переговоры с англичанами и ожидали обследования — никто не знает. Но нам увеличили порции и перестали нас бить, а потом приехал какой-то толстый саксонец с целой свитой и отправил по домам больше трехсот заключенных.

— Возможно,— сказал Багар.— У них бывали всякие неожиданности. А что ты делал до войны?

— Я офицер, капитан. Служил в хебском гарнизоне. Отступал с границы и испытал все эти прелести. Хотел было теперь вернуться в Хеб, но испугался сам себя: мне показалось, что я убивал бы там немцев на каждом шагу.

— А потом что?

— Как это — потом?

— Ну, когда немцы выпустили тебя?

— Служил управляющим в имении одного банковского туза. Я ведь родился в деревне... Вот бумаги для тебя.

— Спасибо,— сказал Багар, бегло взглянул на конверты и положил их на стол.— Что делает твоя команда?

— Разбежалась кто куда. Нет смысла больше играть в солдатики. В Клаштерце есть теперь наша полиция, в Кадани появилась первая воинская часть. Я понял, что пора перевести стрелку и перейти на другие рельсы. Наши военные съезжаются из всех стран, у нас снова будет своя армия. Зачем же мне лезть не в свои дела?

— А ты?

— Что — я?

— Не вернешься в армию?

— Нет, я отвоевался, с меня хватит Мюнхена. У меня другие планы.

— Имение, особнячок? Не так ли?

Впервые за весь разговор Тимеш засмеялся. Из заднего кармана брюк он вынул портсигар и закурил.

— Это дело, приятель, у меня сорвалось. Сидел я в имении, попивал бароново вино и угощался его ветчиной, но в Праге кто-то оказался сильнее меня и дал мне коленкой под зад. Я и полетел.

Багар перестал качаться на стуле, уселся как следует и наклонился над столом.

— Кто же был этот силач?

— Какой-то инженер Росмус. Фамилия мне ничего не говорит и тебе, наверное, тоже. Он вернулся с Запада. Имение Врш якобы принадлежало ему. Переселенческое управление в Праге выдало ему мандат на это имение.

Родственные связи у Росмуса тянутся до самой президентской канцелярии. Остальные сведения о нем я оставлю при себе — когда-нибудь они мне пригодятся.

— Ты говоришь, Росмус? — сказал Багар и записал фамилию на листке бумаги.

— Гальчик также спросил меня и тоже записал. Только он еще выругался.

— Что же ты собираешься делать? Ты что-то упомянул о своих планах.

— У нас плохо слушают, когда кто-нибудь говорит о своих планах, а? Но у моих планов прочная основа. А там посмотрим. Вот мой мандат. Ты административный комиссар, и я административный комиссар.

— Грюн, ишь ты, Грюн по-чешски — Зеленая,— сказал Багар.— А где же он находится? У меня голова идет кругом от всех этих «грюнов», никогда я не разберусь в них.

— Знаешь ты, где вилла и имение Врш? А Грюн в четырех километрах выше над ним, дорога все время идет в гору. Пятьдесят четыре двора, растянувшихся вдоль дороги, все вверх и вверх. Из трех домов хозяева сбежали, а в пятидесяти одном ждут, что с ними будет. Наверху плоскогорье, и на нем дозревает пшеница и растут вишни. Представляешь себе: девятьсот метров над уровнем моря — и пшеница и вишня! Захолустье, даже электричества там нет, в домах керосиновые лампы, зато какие возможности!

— Что же ты там хочешь делать? Забрать дом и заняться хозяйством?

Тимеш ухмыльнулся и быстрым движением потушил окурок в пепельнице.

— Забрать дом? — пренебрежительно переспросил он.— Я уже забрал целое имение с виллой, а результат? Нет, хватит, не хочу больше ничего брать! — Перегнувшись через спинку стула, он настойчиво продолжал: — Вот ты приобрел что-нибудь? Ничего! Ты плюешь на приобретения. А почему? Я скажу почему! Может быть, потому, что ты никогда ничем таким не интересовался, но главное-то вот в чем: ты знаешь, что все это теперь ни к чему. Я прочитал Кошицкую программу, и мне все стало ясно. Я не простачок. Что происходит сейчас? Начало это или завершение нового строя? Только начало, не больше! На политику я всегда чихал, этому меня учили в армии. Но чем был Мюнхен, как не политикой? И как вела себя наша аполитичная армия? Мне не нужно повторять урок дваж-

ды. Я заберу не дом для себя, а всю Зеленую — для государства. Приезжие не захотят селиться на такой верхотуре. Кто ни придет, всякий поглядит — и навострит лыжи. А ведь это идеальное место для опытного хозяйства. Сегодня оно будет в Зеленой, а через год еще и в Врше. Таков мой план, и его должны поддержать Гальчик, ты и вся наша партийная организация.

— Один Тимеш выпил все вино в трактире Ульмана и привел сюда команду диких гвардейцев, а другой Тимеш мне рассказывает сейчас о планах создания государственного опытного хозяйства.

— Ты мне не веришь?

— Сделай дело, а потом спрашивай.

— Я хочу вступить в партию. Дашь мне анкету?

— Дам. А кто тебе подпишет рекомендацию?

— Гальчик и ты. Я сидел в концлагере, в прошлом я солдат, никогда не состоял ни в какой партии. Но теперь политика будет занимать большое место в нашей жизни. Зачем же мне стоять в стороне? Не хочу! Должна ли ваша партия отталкивать от себя таких, как я, или привлекать их?

— Попасть в партию — одно дело,— сказал Багар,— а удержаться в ней — другое. Заполни анкету. Мы еще подумаем, там будет видно.

Тимеш, насвистывая потихоньку, спускался по широкой лестнице старой грюнбаховской ратуши. Потом он вдруг резко оборвал этот короткий торжествующий свист и сам испугался: «Подумать только, что человеку взбредет в голову — ведь я засвистал «Хорста Весселя». Так въелся в память за годы этот мотив, что никак не отвяжется». Тимеш оглянулся по сторонам. Никого. Только у открытых ворот сидел старый привратник и грелся на солнышке с таким безмятежным и тупым видом, как будто в ратуше все еще вершил делами всесильный Религ. Он даже не оглянулся — наверное, и для него этот отрывок мелодии слился с воспоминаниями и не показался сейчас диким. Вертя на пальце автомобильные очки, успокоенный Тимеш спустился вниз. В воротах он столкнулся с Бледным Арноштом. С минуту они стояли молча и испытующе смотрели друг на друга. Тимеш засмеялся.

— Ну что? — сказал он.— Онемели мы оба, что ли? Или мы не знакомы?

— Как сказать,— ответил Арношт.

— Ты, я вижу, снял гвардейскую повязку.

— Не я один.

— Ну, будь здоров,— сказал Тимеш, подавая ему руку.— Может быть, еще увидимся.

Арношт Ковайса продолжал стоять, засунув руки в карманы туго подпоясанного макинтоша.

— Едва ли,— ответил он.— Есть такие типы, которые строят из себя фюрера, заманивают людей бог весть куда, а потом бросают их на произвол судьбы.

— Злой дядюшка завел детишек в лес, а там их загрыз волк,— засмеялся Тимеш.

— Как сказать. Я-то не пропаду, но с твоей стороны это была подлость.

Он еще глубже засунул руки в карманы и прошел мимо Тимеша, пытаясь выпрямить сутулую спину.

— Так ты хочешь получить трактир Ульмана? — спросил Арношта Багар.— Выпить там все до капли — это вы сумели.

— Как сказать,— ответил Арношт.— Кто это вам натрепал? Там еще кое-что осталось.

— Потому-то ты о нем и вспомнил? Бражничать — это одно дело, а хозяйничать — другое. Что ты знаешь о трактирах, кроме попоек?

— Кое-что знаю, я ведь кельнер по профессии.

— Кое-что знаешь? Но ты не женат, как же ты один управишься с трактиром?

— Ну, уж это отговорка! Ведь есть же немки. Я к ним присмотрюсь, а там видно будет. Этому вашему Рейзеку я, во всяком случае, утру нос. Так даете или нет?

— Да уж дам, так и быть, коли ты настаиваешь,— засмеялся Багар.

— Вот это другое дело,— снисходительно заметил Арношт.— А то ведь есть еще и высшие инстанции.

— В самом деле? — улыбнулся Багар.— А я-то думал, что выше меня только господь бог.

Дверь за Арноштом закрылась. Тишина, покой, передохнуть хоть минуту. Все равно скоро не покончишь с кучей дел, которые накопились на столе. На это есть ночь. А пока вскрой и прочти хотя бы те два письма, что привез Тимеш. Ты уже совсем измял их, вертя в руках... «Выписка из решения краевого национального комитета». Почет ему и уважение. Чего хочет сия высокая инстанция от административного комиссара захолустного Грюнбаха? «Ваше ходатайство от такого-то числа удовлетворено». Ага, итак, мы больше не Грюнбах, а Поточная. Надо будет забежать

с этой бумагой к Брендлу. Это его заслуга и его победа. Вот и говорите после этого, что органы народного самоуправления не расторопнее былых земских управ. Дальше. «Районная административная комиссия в Кадани. Мандат народного управляющего заводом шарикоподшипников «Эккерт и Пфефферман» в Грюнбахе (ну да, эти еще пишут «Грюнбах») на имя... пана Иржи Багара». Подписано: председатель районной административной комиссии Гальчик. Круглый твердый почерк, буквы — словно посаженные в ряд семь хорошо отчеканенных монет. С ума он сошел, черт этакий, сидит там, назначает... Я ему этого до смерти не прощу. Ага, вот и письмо от него. «Ты ведь металлист, так возьмись-ка за это дело. Текстильная фабрика работает, а шарикоподшипниковый завод стоит. Я тебя спрашиваю, Багар, какое предприятие важнее? Да и вообще, почему я должен тебя спрашивать? Как это так получается, что ты сам еще не пустил этот завод в ход? Утираться можно хоть подолом, а вот без шарикоподшипников не тронешься с места. Понимаешь ты, как важно, что немцы построили здесь такой завод? И понимаешь ты, как важно, что Советский Союз великодушно отказывается от него в нашу пользу, хотя по праву он принадлежит ему? Полотенца вы там производите, а шарикоподшипники, выходит, к чертям, а? Возьмись-ка за это дело там, на месте, да не медли. Распредели как следует свое время между ратушей и заводом да, главное, поселись в доме при заводе. Хватит уж ночевать в ратуше. Переезжай в приличную квартиру, а там можешь жить хоть в кладовке, если уж ты такой аскет. Чего доброго, люди подумают, что ты неспроста днем и ночью торчишь в ратуше. Итак, за дело, и честь труду!»

— Что это вы тут буйствуете? — спросила Здена Деймекова, входя и закрывая за собой дверь.

— Как это буйствую? — обиделся Багар.

— Я рядом чищу машинку и вдруг слышу топот и стук стульев.

— Прочти вот это и скажи, не стала бы и ты буйствовать на моем месте? — ответил Багар, подавая ей письмо и мандат.

Здена села у окна на стул, который туда в ярости отпихнул Багар, а он вернулся на свое место за столом. Вертя пуговицу на пиджаке, он смотрел, как она читает. Предвечернее солнце просвечивало сквозь ее волнистые каштановые кудри и ярко освещало одну половину лица, оставляя другую в тени. Багар оторвал пуговицу, нахму-

рился и бросил ее на стол. Ему вдруг стало душно, хотя окно было открыто настежь и в него врывался прохладный ветерок.

Здена заложила ногу на ногу, под натянувшейся юбкой проступал твердый контур ее колена. Багар сжал кулаки, лежавшие на столе, и с неимоверным усилием, словно разрывая стальные цепи, отвел взгляд к окну и уставился на озаренные солнцем вершины елей. Туда гляди, там красота, которая успокаивает и умиротворяет!.. Теперь, наверное, твоя жизнь наладится, тебя не будут больше перебрасывать с места на место... Постой, не придумывай отговорок. У других тоже была трудная, неспокойная жизнь. Гальчику, например, жилось ничуть не легче, да! Он хоть и не был в Испании, но пережил Маутхаузен, а это кое-что значит. А ведь у Гальчика жена и двое детей. Так что нас нельзя сравнивать. Причина в чем-то другом. То ли в тебе самом, то ли в стечении обстоятельств. Почему, например, ты не женился на Вере, на близорукой, восторженной, вечно спешившей куда-то Вере? Наверное, именно потому, что мы оба всегда куда-то торопились, наши пути совпадали лишь ненадолго и снова расходились. Были только минуты счастья, и они всякий раз убеждали тебя, что стоит жить именно так, как ты живешь. Но ведь даже в личных делах нельзя жить от случая к случаю, жить лишь минутными радостями. Жизнь — это нечто постоянное, хотя для отдельного человека она не всегда бывает такой. Когда ты уезжал в Испанию, Вера чуть не опоздала проводить тебя. Она вбежала на перрон, когда поезд уже тронулся, и успела только помахать тебе на прощание. А в сороковом году ее уже не было в живых. Она попала в концентрационный лагерь одной из первых и одна из первых погибла там... Была еще Пилар в Мадриде. Но встречи с ней были лишь краткими проблесками счастья под темными тучами гражданской войны. Война поглотила и ее. Ее уже не было в Мадриде, когда ты снова вернулся туда, не было нигде, следы ее безнадежно затерялись в хаосе тех дней.

Здена встала и поправила рукой завиток волос, который при чтении упал на лоб. Багар тоже встал, и так быстро, что стул за ним качнулся и стукнулся о стену. Он всегда забывал, что стул стоит почти у самой стены.

— Вот это правильно! — сказала Здена, отдавая ему письмо и мандат.— Гальчик мне нравится. Он умеет пробрать человека.

Багар видел ее как-то неясно — он только что долго

и сосредоточенно глядел на светлый горизонт за холмом. Но голос Здены слышался отлично. Мысли Багара все еще блуждали между настоящим и воспоминаниями о прошлом.

— Или вы обиделись, а? — спросила она, не дождавшись ответа.

— Обиделся? — повторил он, с трудом выговаривая слова.— Рассердился, вот что! Гальчик сообщает новость, а делает вид, что я о ней давно знаю, но никак не могу раскачаться. Ведь то, что Красная Армия уступает нам шарикоподшипниковый завод и мы можем пустить его в ход,— это же совсем свежая новость. А он прикидывается, что я уже давно знаю об этом и не делаю нужных выводов.

— Нет,— сказала Здена,— ничего он не прикидывается. Это у него такой подход. Обязательно он должен поддеть человека. Ты работаешь? Это хорошо, но работай еще больше. Мне всегда кажется, что ему хотелось бы у каждого взять работу из рук и сделать ее самому. «Вот, гляди, это делается так»,— скажет он и поспешит к другому, чтобы и ему показать, как надо браться за дело.

— Ты давно знаешь Гальчика?

— Совсем не знаю,— ответила Здена и засмеялась.— Может быть, я слишком самоуверенна. Я видела его не больше трех раз, но всегда он держался вот так, как я вам о нем сейчас рассказываю.

— Нет, ты его раскусила. Такой он и есть. Я знаю его уже много лет. И не пойму, как с таким характером он мог выжить в Маутхаузене. Ну какое ему дело до того, что я ночую в ратуше?! Как будто это не все равно!

— А вот видите, не все равно,— сказала Здена.— И я с ним согласна. Со временем люди в самом деле начнут спрашивать, что это у вас за странности, почему вы ночуете в ратуше? Вы же общественный деятель, облик которого должен быть вполне ясен. У людей не должно быть причин задаваться вопросами — зачем да почему.

— Смотрите-ка, и она на меня напустилась,— сказал Багар, а Здена вдруг по непонятной ему причине зарделась.

— Пора работать,— сказала она.— Я уже потеряла массу времени.

Дверь за ней закрылась, а Багар стоял неподвижно и смотрел ей вслед.

«Обиделась она? — думал он.— Почему же? Что я такого сказал, что она ни с того ни с сего ощетинилась и убежала...»

Нет, он не сказал ничего грубого...

На столе лежала оторванная пуговица. Багар взял ее и подержал на ладони, словно готовясь выкинуть в окно. Потом сел за стол, вынул из ящика большую катушку черных ниток с воткнутой в нее толстой иглой, вдел нитку и стал пришивать пуговицу уверенными и точными движениями, свидетельствовавшими о большой практике в этом деле. При этом он облизывал языком нижнюю губу, ощущая глубокое недовольство собой и своим образом жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Гальчик слишком упрощенно подходил к вопросу о пуске шарикоподшипникового завода. Вот, мол, тебе мандат управляющего, вызови немецких специалистов, которые еще остались, мы тебе добудем несколько чехов-металлистов — и начинай работу. Багар даже поспорил с ним, и Гальчик в конце концов согласился с предложением Багара. Красная Армия отказывается от своего законного права на этот завод, передает его чехам — разве это не политическое событие первостепенной важности? Так на него и следует смотреть; и потому надо позаботиться о том, чтобы люди, которые будут работать на этом заводе, глубоко осознали, что мы благодарны Советскому Союзу не только за освобождение страны и за спасение нашего народа, но и за то, что советские люди бескорыстно помогают нам при каждом удобном случае с первых шагов нашей самостоятельной жизни.

Оборудование на заводе шарикоподшипников было превосходно. Немцы разместили завод в построенном незадолго до войны новом корпусе второй текстильной фабрики, которая должна была вырабатывать ленты и декоративные ткани. Эккерт и Пфефферман были всего лишь подставные лица; завод принадлежал концерну «Герман Геринг» и здесь, в укромном уголке, работал до последних дней войны, почти до падения Берлина. Вместе с машинами сюда были в свое время вывезены откуда-то из Рейнской области и немецкие специалисты, но после прихода Красной Армии они исчезли вместе с другими «народными гостями». В Грюнбахе остались только их выученики из местных жителей.

Завод стоял в долине, за городом, в том месте, где она, расширяясь, образовала тупой угол между двумя горными кряжами. Река Поточная была в этом месте шире, чем

всюду, и по обе ее стороны лежал молодой фруктовый сад и парк, разбитый на лесистом мысе. Здесь были посажены разные деревья и кусты. В парке стояла красивая вилла и домик садовника; оба здания, как и завод с его складами, были опечатаны представителями Красной Армии.

Первоначальные владельцы завода вовремя скрылись от гитлеровских расистских законов в Англию. Глава семьи умер незадолго до генлейновского мятежа, оставалась только мать с взрослым сыном. Директор завода, тоже рейнский немец, с частицей «фон» перед громоздкой фамилией, исчез, как только пришла весть о «героической смерти» фюрера.

Получив документ о переходе завода в руки чешских властей, Багар за день до торжественной передачи вместе с Матвеем Громовым осмотрел завод. В цехах стояли притихшие, неподвижные станки, пахло ржавчиной и застывшей смазкой. На Багара и Громова эта обстановка подействовала волнующе. Оба они были связаны с машинами, и обоих от этого труда оторвали превратности судьбы и ход исторических событий, обоим подчас казалось, что они не могут больше жить вне производства.

— Вот видишь,— сказал Громов.— Уже появилась ржавчина. Машина как человек: не заботишься о ней — она портится. Завод не работает всего несколько недель, а ржавчина уже гложет станки, как мышь... А ну-ка, скажи мне, что это за станок, как он работает, что на нем изготовляют? Смотри, какой мощный и как хитро сделан! Он словно сам о себе рассказывает, да я, дурак, не понимаю.

Но Багар знал о большинстве станков, которые тут стояли, не больше Громова. «Поставь меня к горизонтальному или вертикальному фрезерному, к любому токарному или строгальному станку или к автомату и приходи через часок посмотреть, сколько я наработаю. Но таких станков, как здесь, я в жизни не видел»,— думал Багар, чувствуя себя как посетитель промышленной выставки. Он остро ощущал бремя ответственности, которое Гальчик от имени партии взвалил на него.

— Откуда мне знать,— недовольно ответил он Громову.— Я же не работал на таком станке и вижу его впервые, как и ты. И я должен руководить таким заводом! Как мне тут справиться, хотел бы я знать. Меня же можно обманывать на каждом шагу, саботировать и смеяться мне в глаза, портить сырье и губить народное достояние на миллионы крон. Сумею я заметить все это? Да. Но далеко не сразу.

— Что это ты заскулил? — удивленно спросил Громов.— Разве есть более подходящая кандидатура, чем ты?

— Видимо, нет,— замялся Багар,— иначе не назначили бы меня. Желающих, правда, много, но Гальчик пишет, что он всем отказывает, потому что по глазам видно, что все они пройдохи.

— То-то и дело, что никого другого нет, вот и назначили тебя,— сказал Громов и развел руками.— А ты приглядывайся и учись. Сейчас машины молчат, а когда их пустишь, они сами расскажут о себе. Немцы оставили тебе богатую технику, ты возьмись за нее и работай лучше, чем они. Как было у нас после Октябрьской революции? Думаешь, на каждом углу стоял специалист и ждал, пока мы его позовем? Многие из тех, кто остался, только и думали, как бы навредить. Народом такие брезговали. Всюду на свете народом пренебрегают те, кто считает себя господами... А как было, когда на нас напали немцы? Они бросили против нас всю технику — и свою, и краденую со всей Европы. Вашу тоже, а она была неплоха. Душа болела, когда мы, бывало, видели на оружии марки ваших заводов. Но мы били немцев и учились. И в конце концов мы побили их технику нашей техникой. Она стала лучше, не могла не стать, потому что фашисты мыслят по старинке, а мы делаем все для того, чтобы поднять человека, научить его хорошей жизни, помочь ему с каждым днем жить лучше.

— Крой меня, Матвей,— засмеялся Багар.— Громи меня! Ты прав, мне не следовало ворчать при тебе. Знаю одни станки — буду знать и другие, это ясно. Даже если я не стоял у станка лет пятнадцать. А ворчу я только для того, чтобы напомнить самому себе, что меня ждут нелегкие дела.

— Ну так поворчи, если иначе не умеешь. Но ворчи на себя, а не на других. А то не будет толку. Что ж тогда сказать мне? Вот уже четыре года, как я воюю, четыре года не был дома. Сибирь далеко от Украины, а от Берлина и от вас еще дальше. Специальность я переменил — из тракториста стал солдатом. Пришлось бить врага, громить фашистов. А у врага армия была не какая-нибудь, а лучшая в Европе. Мы еще только учились, а от нас требовалось мастерство. Трудное было дело! Но теперь мы победили, и пора возвращаться к мирному труду. У меня дома сейчас жнут, молотят, готовятся пахать. Эх, побывал бы ты у нас! В нашей МТС тридцать тракторов, и я знал каждый как свои пять пальцев. Запустишь мотор и слушаешь: ну-ка, рассказывай, что с тобой. Каждый поет на свой лад, совсем как

человек. И прозвали мы тракторы по-разному, смотря какой у него нрав: Дикарь, Лентяй, Драчун, Медведь, Норовистый... Был даже Соловей — он пускал трели. На всех тракторах я работал, все знал досконально. Машины от меня ничего не скрывали. Машину понять надо. Поймешь машину — поймешь и человека и многое другое.

— Я знаю,— задумчиво сказал Багар.— Машина — отличная вещь, только работа на ней не приносила нам радости. Теперь будет иначе.

— Я вот получил письмо из дому,— продолжал Громов.— Женщины работают на тракторе. Девушка, которая меня ждет, пишет, что все машины в порядке. Когда я вернусь, мы будем жить еще лучше, потому что мы с ней будем понимать друг друга с полуслова. Ведь она теперь знает все, что знал я. Людям приходится трудно в жизни, но главное — как они справляются с трудностями. Если не падать духом, то и худое кончится хорошим.

«Вот такими должны быть и все мы,— думал Багар.— Надо жить правильно, тогда самое худое кончится хорошим. Дурное у нас позади, но нельзя сказать, что сейчас уже настали лучшие времена. В городе больше трех тысяч немцев. Что будет, когда мы их выселим? Поселится здесь столько же чехов? И не придумаешь, откуда их столько взять! В одни места, может быть, нахлынет столько переселенцев, что их и разместить будет негде, а в другие, наоборот, их калачом не заманишь. Мы еще и не брались как следует за немцев, а уже можно угадать, как пойдет дело с выселением. Многие чехи начнут кричать, что немцев надо оставить, что лучше их не трогать, потому что некем заменить их на работе. А кто же главные крикуны? Именно те, кто думает, что все национальное освобождение только в том и состоит, чтобы чешским фабрикантам достались конфискованные немецкие предприятия. Мол, дайте нам фабрики и оставьте нам немцев, мы сами знаем, что с ними делать. Подлецы! Начнут разговоры о «чехизации», втянут народ в старые, уже угасшие распри, лишь бы сбить его с правильного пути.

Ладно, не бойся, народ уже раскусил их и не даст провести себя. А что думает народ о немцах? Он хочет, чтобы они ушли от нас. Спроси кого хочешь, ото всех услышишь одно: они изменили однажды, изменят и в другой раз. Мало мы, что ли, с ними церемонились? Разве мы не хотели жить с ними как равные с равными? У них были свои школы, свои депутаты и министры — все, как у нас, в соответствующей пропорции. Нужду и безработицу они

знали тоже, но вместо того, чтобы бороться за лучшую жизнь, объединиться с нами, труженик с тружеником, они пошли на поводу у своих господ. Пусть же уходят и учатся жить по-человечески».

Громов уехал, а Багар впустил в цех немецких рабочих во главе с мастером Фрастом, маленьким желчным седоватым человеком лет пятидесяти, у которого был тяжелый взгляд и пальцы прирожденного механика. Раздав ветошь и масло, Багар ходил от группы к группе, ревниво следя за каждым движением рабочих. К завтрашнему дню все машины должны сверкать чистотой!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стоял ясный августовский воскресный день, над озаренными солнцем вершинами гор дрожал прозрачный воздух. В долине около шарикоподшипникового завода оркестр играл старые, всем хорошо знакомые марши, польки и вальсы. Слышались звуки корнет-а-пистона, кларнета и гулкий бас геликона. Голос флейты взлетал высоко, как жаворонок. Иногда музыканты играли немножко не в лад, но именно поэтому музыка казалась переселенцам особенно близкой и родной. Неужто мы в самом деле начинаем чувствовать себя дома? На косогорах иногда протяжно и удивленно мычали коровы, обеспокоенные непривычными звуками.

Оркестр приехал издалека, из самых Крушовиц, а за ним собрались и гости. Они с утра съезжались с разных концов и, собираясь в саду и на дворе завода, радостно поглядывали друг на друга: «Смотрите-ка, сколько уже здесь нас, чехов».

У Багара даже рука заболела от беспрестанных рукопожатий. Он осматривался и ревниво проверял, все ли переселенцы тут. Их оказалось больше пятидесяти человек, а давно ли были только он, Рейзек, Антош и Трнец? А теперь? К Трнцу приехала жена, шикарная блондинка, похожая на бывшую провинциальную актрису или певицу из кабаре. Сейчас она расточает благосклонные улыбки и разыгрывает из себя приветливую, демократически настроенную барыню. «Я охотно побеседую с каждым из вас,— говорит ее улыбка,— но не забывайте, кто вы и кто я. Всяк сверчок знай свой шесток».

Трнец время от времени притрагивается к воображаемым усикам над тонкими губами и старается держаться

подальше от советских солдат. Его окружают новоиспеченные народные управляющие, они почтительно прислушиваются к его замечаниям. Все это свои люди, почти сплошь земляки и соседи Трнца, приехавшие по его приглашению и обосновавшиеся в лавчонках и ремесленных мастерских Поточной. Вместе с ними сюда как бы переселилась часть ремесленной Подоли и составила некое содружество, от которого еще не известно, чего можно ожидать.

Антош исчез из Поточной на три дня и вернулся счастливым молодоженом — с ним приехала цветущая, румяная девушка, больше похожая на его сестру, чем на жену. Они подходили друг другу — оба ладные, крепкие, гибкие и подвижные, как мячи. Антош подвел к Багару немного смущенную и упирающуюся молодую.

— Вот она, моя славная Анча. Подходящая мы пара, а?

Багар чуть покраснел и пожал крепкую, слегка влажную от смущения руку молодой женщины.

— Как тебе сказать? Вы похожи как две капли воды. Только твоя супруга, конечно, красивее тебя.

— Супруга, супруга,— сказал Антош, выпятив нижнюю губу.— Какая она супруга! Она — товарищ. С ней можно здороваться: «Честь труду!» Представь себе, как она меня обскакала: вступила в партию еще в мае, а мне об этом ни словечка. А теперь говорит, что еще посмотрит, гожусь ли я в члены партии. Представляешь себе? Мы уже поссорились...

— Не из-за того же, что она раньше тебя вступила в партию?

— И из-за этого тоже.— И Антош продолжал взволнованно: — Представь себе, что она затеяла: не хочет заниматься только домашним хозяйством, будет ходить на работу. «На какую работу? — спрашиваю.— Ведь ты умеешь только у плиты стоять, куда же ты пойдешь работать?» Так нет, пойду, мол, на текстильную фабрику, другие выучились, и я выучусь, республике это нужно. Ну конечно, нужна она республике! Именно она! Ты ей вправишь мозги, а?

Анча вскинула голову, так что ее непокрытые волосы разлетелись, и оттолкнула Антоша локтем.

— Товарищ Багар, скажи ему, что я права. Когда мы выселим немцев, нам будут очень нужны рабочие руки, верно?

— Верно, товарищ,— кивнул Багар.— Хорошо, если бы все понимали это так же ясно, как ты.

— Еще и ты будешь подбивать ее на это дело! —

сердито сказал Антош.— Нечего сказать, нашел я к кому обратиться. Зачем же я тогда женился, скажи, пожалуйста?

— Только о себе и думает,— засмеялась Анча.— Но я выбью у него эту дурь из головы. Беспокоится, что голодным насидится. Не бойся, будешь у меня сыт, обжора. На фабрике начинают работу в семь утра, а кончают в четыре, я уже узнавала. Успею наварить тебе столько, что и не съешь всего.

— А если у нас будет ребенок? — сказал Антош.

Анча зарделась, но не уступила.

— Ну и что ж? У других тоже бывают дети.

Антош за ее спиной улыбнулся и заговорщически подмигнул Багару.

— Женился я и пропал,— сказал он трагическим басом.— Погиб парень! Фрицек, пошевеливайся, есть дело! — обратился Антош к стоявшему неподалеку автомеханику Клаузе.

— Какое дело? — спросил Багар.

— Надо как следует угостить советских гостей. Рейзек с этим не управится, и Бледный Арношт тоже. Я обещал, что мы с Анчей и Фрицем придем помогать.

Автомеханик-австриец Фриц Клаузе ухмыляясь глядел сквозь сильные очки. Иногда он поднимал руку, чтобы почесать грудь, но рука наталкивалась на чистую, застегнутую на все пуговицы праздничную рубашку и беспомощно опускалась.

— Да, кстати, о Фрице,— сказал Антош, уже поворачиваясь, чтобы уйти.— Как с ним быть? Пришло письмо, что его мать погибла во время боев за Вену, и он не хочет туда возвращаться. Просит оставить его здесь, у меня. Глуповатый парень, но добрая душа и работяга замечательный.

— Что я тебе могу об этом сейчас сказать? — ответил Багар.— Посмотрим, подумаем.

В саду, сменив чешский оркестр, заиграли советские гармонисты. Гости один за другим потянулись со двора в сад. Тимеш держался в стороне. Вид у него, как всегда, был весьма романтический: бриджи, высокие сапоги, кожаная куртка. Он стоял под деревом, прислонясь плечом к стволу, в позе стороннего наблюдателя, который, наглядевшись, исчезнет, оставив после себя лишь беспокойное чувство у окружающих. Тимеш упорно смотрел в одно место, туда, где у стола с угощением легко двигалась разрумянившаяся Краусова в белом венском свитере.

Появился и доктор Марков в светлом костюме из добротного материала — англизированный, спортивной

внешности человек. Он счел своим долгом извиниться перед Багаром за то, что пришел один, без жены. У нее, мол, мигрень от непривычного климата.

— Она очень не хотела, чтобы мы сюда переезжали,— говорил он тоном хорошо воспитанного человека, снисходящего к женским слабостям и капризам.— Привыкла жить вблизи столицы... Кстати, я немножко прошелся здесь по городу, так, из любопытства. Ведь любопытство — мать познания и, стало быть, необходимо в моей профессии... Превосходный дом, просто великолепный, вам можно позавидовать.

— Дом? Какой дом? — рассеянно спросил Багар.

— Я имею в виду виллу при заводе. Просто княжеская резиденция в миниатюре! У того, кто ее обставлял, был изысканный вкус.

Доктор Марков был, в общем, прав. Вилла в стиле модерн из двадцати пяти комнат была похожа на небольшой дворец: мраморная лестница, мраморные ниши умывальников в спальнях, ореховые панели на стенах.

— Изысканный вкус? — сказал Багар.— Почему бы и не иметь такого вкуса при четырех миллионах годового дохода? Возможно, что вилла обставлена со вкусом. Но я не буду там жить.

— Почему? — вмешался подошедший Гальчик.— А что я тебе писал? Хочешь по-прежнему ночевать в кабинете?

— А кому это мешает? — упрямо сказал Багар.— Только тебе. У меня никогда в жизни не было больше одной комнаты — в ней я и работал, в ней и спал. Да еще обычно я жил в ней не один. Ну, ладно, чтобы успокоить тебя, я перееду в домик садовника. Там две комнаты и кухня.

— А что ты будешь делать с виллой? — спросил Гальчик.

— Не знаю. Как-нибудь мы ее используем, но никакого частного жильца я туда не пущу.

— Если вы разрешите,— сказал Марков,— у меня есть идея: вилла отделена от завода садом, ветер здесь обычно дует вниз, в долину, стало быть, фабричный дым не попадает в ту сторону. В вилле отлично можно устроить небольшой санаторий. Я всегда мечтал о чем-нибудь в этом духе.

— Мысль,— сказал Гальчик.— Что ты на это скажешь?

— Скажу, что это мысль,— ответил Багар и повернулся, чтобы поздороваться с Деймеком, подошедшим во главе своих текстильщиков.

Доктор Марков свысока кивнул, словно его тоже при-

ветствовали, и направился в сад. Благоприятный момент для разговора о санатории был упущен. А проницательный человек тем и отличается, что умеет отличить благоприятный момент от неблагоприятного.

— Это тот самый доктор? — спросил Деймек, глядя вслед Маркову, который непринужденно подошел к советскому майору.— Конкретно говоря, он похож на манекен с витрины.— И старый Деймек задумчиво почесал пальцем свой сивый ус.— Ясно?

— А что тебе в нем не нравится? — рассердился Гальчик.— Пошлешь им сюда доктора, а они, вместо того чтобы радоваться, что не остались со своими семьями без врачебной помощи, чуть не бранят меня за это.

— Мне не нравится все напускное в людях. Ясно? — сказал Деймек.— Может быть, как врач он будет и неплох.

— Ну и довольствуйся этим,— сказал Гальчик.

— Довольствоваться мы должны всем, что здесь сейчас имеется,— возразил Деймек.— Но только до тех пор, пока не заведем лучшего.

— На тебя не угодишь,— засмеялся Гальчик.— Выступать на собраниях, на которых ты присутствовал, всегда было страшновато. Пойдем, Иржи, пора начинать. Народу уже не терпится, а женщины не прочь потанцевать. Не правда ли, Здена?

Багар словно пробудился от сна. Когда рядом с ним очутилась Здена, он стал смотреть во все стороны, только не на нее, но, как ни старался, всюду видел одну Здену, и ему казалось, что все окружающие замечают его смущение.

Жена Деймека, худая от лишений, от работы на фабрике и дома женщина, была выше мужа на добрых полголовы. Щеки у нее были втянуты, скулы выдавались, черные глаза смотрели твердо и неуступчиво. Покосившись на Здену, она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько лет этому Багару. Голова у него белее, чем у твоего отца.

Здена залилась краской.

— Какое нам до этого дело? Уж наверное, он поседел не от безделья. Жилось ему трудно.

— Другим тоже жилось трудно, однако они не такие седые,— сказала мамаша Деймекова и машинально пригладила свои еще темные, с легкой проседью волосы.— Хотела бы я все-таки знать, сколько же ему лет.

— Он ровно на пятнадцать лет старше меня, если уж тебе так интересно.

— Ишь как ты точно знаешь! — заметила мамаша.

— Это всего лишь на два года больше, чем разница между тобой и отцом.

— Посмей я подпустить своей матери такую шпильку, она бы дала мне хорошую оплеуху,— рассердилась Мария Деймекова.

— А ты так не сделаешь! — засмеялась Здена.— Это показывает, насколько ты прогрессивнее.

Багар медленно продвигался к невысокой трибуне, на которую вели три ступени. Люди останавливали его, у каждого было какое-нибудь дело, с которым он не успел зайти в ратушу. Разве можно, например, упустить случай сообщить председателю административной комиссии, что в том домишке, который достался просителю, он собирается жить не дольше чем до ближайшего выселения немцев. А потому необходимо, чтобы немец, дом которого облюбовал переселенец, был выселен в первую очередь.

— Об этом ты здесь со мной не говори,— отвечал Багар.— Не могу же я упомнить все, чего хочешь ты и все другие? А административная комиссия у нас на что? Разве я решаю один?

Его путь через толпу был похож на путь штопальной иглы — его все время дергали то вправо, то влево. Багара считали своим, и каждому хотелось напомнить ему о своем деле, расположить к себе. «А ты не забыл, Багар, насчет того шкафа из сто двадцать девятого номера? Смотри не отдай его кому-нибудь другому». Переселенцы уже начинали жадничать: получив одно, они заглядывались на другое, многим не давала спать зависть: как бы сосед не получил чего-нибудь получше. Люди заходили в дома, где жили немцы, чтобы заранее взять на заметку, что понравится.

— Заходи, поговорим,— отвечал всем Багар.

Наконец он добрался до низкой, обтянутой красной материей трибуны. На высоких шестах развевались чехословацкий и советский флаги. Багар стал рядом с Гальчиком и майором Семеновым, коренастым офицером с круглой наголо обритой головой и двумя рядами орденов на выпуклой груди. Музыка в саду замолкла, люди полукругом сомкнулись вокруг трибуны; лишь несколько человек остались сзади, за столами с угощением, вынесенными из заводского буфета. Там, конечно, сидел Трнец с супругой, его подольские сателлиты и доктор Марков, за каменным выражением лица скрывавший отвращение к толпе и безотчетную тревогу. Толпа! Небольшая, но толпа! Лучше держаться от нее подальше. Толпа жаждет власти. Но не

забудем, что в конечном счете всегда властвуют сильные личности.

Музыканты с подъемом сыграли чехословацкий и советский государственные гимны, и Багар открыл торжественный митинг. Все лица обратились к трибуне.

— Слово имеет наш дорогой гость майор Красной Армии товарищ Семенов.

Слушатели ожидали, что услышат раскатистый бас, но майор заговорил мягким и звучным голосом. Мало кто из собравшихся знал русский язык, и все же каждому казалось, что в речи майора ему понятно каждое слово. Майор говорил о разгроме фашизма, о великой победе Красной Армии, которая вернула мир человечеству и свободу порабощенным народам. И всякий слушавший оратора снова переживал тревожные дни и слышал величественные слова военных приказов, возвещавших об очередном стальном ударе советских войск по гитлеровским полчищам.

— Пусть же народы опять живут в мире, каждый посвоему,— сказал майор Семенов.— Советский Союз протягивает им дружескую руку помощи и в мирные дни, после того как он избавил их от ужасов войны!

Шум аплодисментов, как шелест птичьей стаи, вознесся к вершинам деревьев.

— Да здравствует Красная Армия!

— Да здравствует советский народ!

Люди хлопали в ладоши, выкрикивали приветствия. Их сердца переполнялись благодарностью и любовью к воинам, которые в самые тяжелые дни пришли на выручку, благодарностью и любовью к человеку, который послал этих воинов, к человеку, чей образ живет у всех в сердце,— самый родной и близкий образ.

— История иногда совершает ошибки,— сказал доктор Марков, наклоняясь к Трнцу.

— Вы хотите сказать, что победили не те, кому следовало? — спросил Трнец.

— Я имею в виду ошибку, допущенную западными державами,— ответил Марков.

— Вот так создается новая легенда,— сказал Трнец.— Но, по-моему, она просуществует недолго. В нашей стране западные ветры преобладают над восточными. Это известно из географии. А какова страна, таковы и ее обитатели.

На трибуну вышел Гальчик. Выразив в своих словах общие чувства присутствующих, оратор напомнил о тех днях, когда чехи были вынуждены покинуть пограничные территории и были преданы не только западными друзь-

ями, но прежде всего собственным правительством. Оставался только единственный друг — Советский Союз. Но его помощь отвергли люди, выдававшие себя за представителей народа.

Гальчик говорил звучным, ясным голосом, немного упиваясь собственной речью. Этот большой, сильный человек всегда увлекался не только порученным делом, но и самим собою, своей силой и способностями. Но что из того: ведь в его словах была правда, за которую он дрался всю жизнь, он говорил только то, во что глубоко верил. И на людей действовала его увлекательная речь. Слова оратора, которые слушатели уже через минуту, быть может, даже не сумеют точно повторить, прочно оседали в их сознании, превращались в их собственные убеждения. Гальчик умел быть глашатаем масс, умел выразить словом то, что безотчетно чувствовали они сами.

До войны Гальчик жил в этом краю, в городах Кадань и Клаштерец. Партия послала его сюда помогать здешним рабочим в борьбе с эксплуататорами. И Гальчик участвовал в этой борьбе. В тяжелые годы локаутов он ходил по Пограничью, основывал организации «Красной помощи», руководил ими. Чешский пролетариат протягивал руку помощи трудящимся этого края, звал их к борьбе против общего врага. Но они не поняли этого и поверили своим хозяевам. Поэтому они должны сейчас уйти от нас, говорил Гальчик. «А вы, товарищи, зорко глядите, кто будет с нами, когда мы начнем выселять немцев, и кто выступит против. И ясно поймите, кого мы уже сейчас должны благодарить за то, что сможем осуществить этот великий исторический акт!»

Почтмейстер Вацлав Брендл подошел к столу с прохладительными напитками и попросил у Рейзека стакан газированной воды. Сняв легкую летнюю кепку, Брендл отер платком крутой лоб и редкие волосы на темени. Трнец и доктор Марков, поглядев на него, обменялись веселыми взглядами. Брендл наклонил голову над стаканом воды, с минуту неподвижно глядел на пузырьки газа, потом напился и облегченно вздохнул.

— Оратор прав,— сказал он, кивнув в сторону трибуны.— Мы переживаем великое историческое событие. Потомки будут завидовать нам.

— Вы имеете в виду выселение немцев? — осведомился доктор Марков.— Бесспорно, это историческое событие. Но трудно сказать, как оценят его наши потомки.

Вацлав Брендл поднял брови, нахмурил крутой лоб и стал похож на мудрого филина.

— Я полагаю,— медленно произнес он, словно подыскивая слова,— что в этом вопросе мысли и чувства всех чехов едины.

— А почему бы им быть едиными? — с наигранным удивлением спросил доктор Марков.— Разве было такое распоряжение? Надеюсь, мы еще не пали и никогда не падем так низко, чтобы мыслить и чувствовать по указке. Наоборот, в нас воспитывалось уважение к взглядам каждого индивидуума. Разве основатель нашего государства не сказал, что в политике нельзя стричь всех под одну гребенку?

Брендл склонил свою массивную голову к правому плечу, как бы прислушиваясь к какому-то отдаленному голосу.

— Да, он сказал так,— ответил Брендл.— Но мне это всегда казалось каким-то чуждым для чехов принципом, словно предназначенным для другого народа. Я никогда не занимался политикой, но я люблю историю своего отечества, и мне интересно все, что ее создает. История мудра и учит нас мудрости. К чему привел на практике принцип, о котором вы упомянули? Накануне войны у нас было, помнится, двадцать три политических партии. Хотел бы я знать, было ли какое-нибудь другое обстоятельство более губительно для нашего государства, чем это? Мы превзошли своей рознью легенду о прутьях Святоплука.

— Вы шутник, пан почтмейстер,— слегка усмехнувшись, сказал доктор Марков.— Не руководствоваться же нам в политике сказками и легендами.

— Руководствоваться надо правдой,— ответил почтмейстер.— Я люблю послушать чужие мнения и, если это уместно, охотно высказываю свое. Но разве наши мнения должны только разделять нас? Разве надо все более чуждаться друг друга лишь затем, чтобы показать, что у каждого есть свое мнение? По-моему, это ложное понимание прав и обязанностей образованных людей. Мышление должно сближать нас, ведь с его помощью мы ищем правды. При слове «правда» многие качают головой и спрашивают, что же такое правда? Я бы сказал, что правда — это то, что в равной степени помогает всем людям достичь счастья и благосостояния. Я люблю историю, господа, и с увлечением читаю исторические книги. И я обнаружил, что немногие народы так рьяно боролись за правду, как наш. Я обнаружил также, что, упрощенно говоря, в этой борьбе правда господ всегда противостояла правде простого народа. И ва-

ши историки тоже стояли на той или на другой стороне... Впрочем, простите, я заболтался и наскучил вам.

Доктор Марков сделал снисходительный жест.

— Вы высказали очень интересные взгляды, пан почтмейстер. Я стараюсь сейчас определить ваше политическое кредо. Вы коммунист?

Вацлав Брендл удивленно приподнял брови и покачал головой.

— Интересный вопрос,— сказал он.— Я так мало знаю о коммунистах, что вынужден спросить: разве я говорил, как коммунист?

Доктор Марков самодовольно усмехнулся.

— Я сам не знаток этой доктрины, но, судя по тому, что я о ней знаю, я сказал бы, что в некоторых ваших выводах вы весьма близки к ней.

— Любопытно, любопытно,— повторил почтмейстер.— Вы дали мне повод к серьезным размышлениям.

Он отошел, а они глядели ему вслед. В сером люстриновом пиджачке и плоской летней кепке Брендл напоминал большую несуразную птицу.

— Смешной старик! — сказала Трнцова.

— Хотел бы я знать,— заметил Трнец,— действительно ли он такой простачок или ловкач?

— Он, безусловно, может быть опасней, чем кажется на первый взгляд,— резюмировал доктор Марков.

Гальчик закончил свою речь под бурные рукоплескания. Снова раздались приветственные возгласы. Нетерпеливые оркестранты грянули марш. Толпа распалась, задвигалась, каждый искал местечко поудобнее. Советских воинов звали со всех сторон, к ним тянулись десятки рук. Каждому хотелось угостить их, поговорить с ними, разузнать что-нибудь об их далекой замечательной родине.

На овальной лужайке, еще благоухающей только накануне скошенной травой, белел помост для танцев, сколоченный из гладко выструганных еловых досок. Разогретые солнцем доски сильно пахли смолой. Прочный помост гудел под ногами танцующих. Советские гости открыли танцы. Они немного напряженно держали своих партнерш, и на лицах у них появилось меланхолическое выражение. Казалось, что плавная мелодия вальса, исполняемого любительским оркестром, уносила их далеко отсюда, под кроны других деревьев в других садах.

По шоссе прохаживались празднично одетые немецкие девушки. Звуки музыки манили их. Они стояли группами и ждали, что их пригласят. Но никто не подходил к ним

и не звал их в круг, хотя на площадке было мало дам и им приходилось танцевать без отдыха. Танцевала и Краусова. Тимеш подошел к Рейзеку и очень учтиво и очень официально попросил у владельца гостиницы разрешения пригласить ее. Тот нахмурился и пожал плечами.

— Она сама себе хозяйка,— сказал он.

— Тем лучше,— ответил Тимеш.

Краусова зарделась и сказала, вопросительно взглянув на Рейзека:

— Один танец, чтобы не обидеть пана Тимеша.

Рейзек складывал на блюдо остатки бутербродов и даже не поднял головы, а только снова пожал плечами и бросил:

— Пожалуйста.

И она пошла. В самом деле пошла танцевать! Рейзек перестал возиться с бутербродами и смотрел, как она вальсирует в объятиях Тимеша. Он приютил эту женщину, когда жена пекаря выгоняла ее, и вот какова благодарность! И разве она не дает ему понять, что она не привыкла замечать людей, ему подобных? Кельнер, обер-кельнер или даже владелец ресторана — для нее это все равно: он человек не ее круга. Когда Краусова бывала в ресторанах, еще в Брно, то обычно курила и поглядывала по сторонам, пока ее спутник оплачивал счет.

— Что это вы выдумали, Гансик? — сказала ему старая Грета, когда он привел Краусову в дом.

Он ответил грубо:

— Не суйтесь в мои дела.

— Что за выбор вы сделали? Берете пример с отца? Смотрите, раскаетесь!

Рейзек хотел было уволить Грету, но у него не хватило духу. Краусова поселилась в комнате его матери и выходила оттуда так же редко, как и прежняя обитательница. Мать уже никогда не вернется. Не ожидая выселения, она уехала со своим родственником, владельцем лесопилки, в Германию. А женщина, которую Рейзек поселил в комнате матери, все время давала ему понять, что считает его гостеприимство чем-то временным и чувствует себя здесь, как пассажир на транзитной станции. Предложения Рейзека стать его женой она выслушивала с улыбкой, словно у нее были десятки возможностей, и в лучшем случае говорила:

— Почему бы и нет? Но зачем спешить?

И в самом деле, зачем спешить, думала она. Может произойти еще многое, что освободит ее из нынешнего малоприятного положения.

Рейзек смотрел, как она вальсирует с Тимешем и улыбается ему, и думал о своих усталых ногах с набухшими венами и плоскими ступнями, о ногах официанта, измученных четырнадцатилетней беготней и стоянием у стойки. На что рассчитывает эта женщина? Ведь по закону она считается немкой и будет выселена, если он, Рейзек, не спасет ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Здена остановилась на краю площадки, у самого куста, притянула к себе две ветки и соединила их под подбородком. Багар смотрел на ее освещенные солнцем волосы, на листья кустарника и белые чашечки плодов. «Рыжая она или нет? — думал Багар.— Нет, это от солнца. Нет, рыжая! Есть рыжеватые волоски, но не все...»

Он смущенно стоял перед девушкой, не зная, что сказать.

Русская гармонь сменила любительский оркестр. Советские солдаты плясали гопак. Все участники торжества сбежались посмотреть редкостное зрелище. «Предложу ей тоже пойти поглядеть, это будет лучше всего»,— решил Багар.

— А где вы, собственно, будете жить? — спросила Здена.

— Там.— Багар указал на домик садовника у входа и поспешно заговорил о том, что для одного человека это более чем достаточно: две комнаты и кухня со всем необходимым. Снилось ли ему прежде что-либо подобное? Разве что только снилось!

— Теперь все мы живем в отдельных домиках,— молвила Здена.— Я часто думаю об этом, и мне все не верится.

— Мы пока не настоящие хозяева этих домиков,— сказал Багар.— Право на них надо еще заработать.

— Вы, однако, сделали плохой выбор,— продолжала Здена.

— Почему ты так думаешь?

— Виллу кому-нибудь отдадут, а ведь домик садовника находится при ней. И вас выселят.

— Это будет нетрудно. Я спорить не стану, возьму свой ранец и пойду в другой дом.

Он улыбался, но ему было не по себе. «И о чем я только с ней все время говорю? — подумал он.— Что нам за инте-

рес толковать о домах? Другой бы давно придумал, как развлечь девушку, а мне ничего путного не идет на ум. И вот так всегда. Откуда только у некоторых парней берутся все эти словечки и прибаутки, которые нравятся девушкам и смешат их? Люди уже посматривают на нас и переглядываются, а я все жую жвачку о домике и не могу придумать ничего другого!»

— Хорошо, что вы так к этому относитесь,— сказала Здена.— Я боялась, что вы прельститесь виллой.

Смотрите-ка: «Боялась!» Багару хотелось взять Здену за руку, но девушка все еще держала ветки под подбородком, и он не знал, как к ней подступиться.

— Ее хочет получить доктор Марков,— сказал он,— и устроить там частный санаторий.

Здена отпустила ветки и быстрым движением отодвинулась от куста. Она поправила волосы, и лицо ее сразу утратило мягкое выражение.

— Это недопустимо,— заявила она.— Мы не должны разрешать это!

Нежное настроение рассеялось, как от порыва холодного ветра. Багар почувствовал легкую горечь, но, как ни странно, она быстро исчезла. «Это называется верное классовое чутье!» — удовлетворенно подумал он, вспомнив, что Гальчику предложение Маркова в первый момент показалось приемлемым. Когда Гальчик поразмыслит, он, несомненно, займет правильную позицию, но вот эта девушка ни на секунду не дала сбить себя с толку.

— Многие найдут, что в таком деле нет ничего страшного,— сказал он.

— Нет, это немыслимо! — возмутилась она.— Разве можно разрешить подобный санаторий здесь, в Пограничье? Мы зовем сюда рабочих из внутренних районов страны, и что же — продемонстрируем им здесь барский санаторий, где от нечего делать лечатся богатые бездельники. Наша парторганизация должна быть против этого!

— Наша, безусловно, будет против. Ну, а другие партии?

— Они вместе с нами состоят в Национальном фронте и подписали Кошицкую программу, значит, должны выполнять ее, как и мы.

— Вопрос в том, приняли ли они ее всерьез.

— Но ведь они обещали выполнять.

— О чем мы, собственно, спорим? — сказал Багар.— Ведь у нас одно мнение.

Разрумянившаяся Здена покраснела еще больше. При-

глаживая левой рукой волосы на виске, она правой взяла Багара под руку.

— Я уже не спорю. А вы умеете танцевать?

Танцевать? Отчего же не потанцевать? Держать ее за талию, чувствовать запах ее волос...

— Танцевал когда-то, но довольно давно. В последний раз — в Мадриде. Но лучше не вспоминать об этом.

— Почему?

— Во время танцев начался воздушный налет на город. Девушка, с которой я танцевал, выбежала на улицу. Понимаешь, такие были испанцы: они не верили в опасность, ненавидели вражеских летчиков и выбегали на улицу, чтобы погрозить им кулаком. Моя партнерша не вернулась. Печально, а?

— А почему вы именно сейчас думаете об этом?

— Почему думаю?.. Да так, вспомнилось. Ты заговорила о танцах и разбередила старую рану. У всех у нас остался с той поры какой-то неизгладимый след. Лишь бесхарактерные люди могли с легкостью пережить все это. Мы живы, но мы не забыли прошлого.

К ним подошел старый Деймек. Его щеки порозовели, глаза сверкали весельем.

— Что вы вдвоем тут, конкретно говоря, делаете? Ругаетесь или что? Не дерзит тебе эта девчонка?

— Да вот собираемся танцевать,— кисло сказал Багар,— и все никак не доберемся до помоста.

— Э, вы отстали! — объявил Деймек.— Я уж так покрутил жену, что у нее дух захватило. Ясно? А ты что? Все смотришь? Видишь, как наш праздник действует на людей? Они уже начинают чувствовать себя дома. Русские-то их берут за сердце. Конкретно говорю: надо это использовать и ковать железо, пока горячо. Соберем-ка собрание, поговорим с людьми и создадим парторганизацию. Ясно?

«Он прав,— думал Багар, уже танцуя.— Нынешний день нужно политически использовать. Деймек правильно оценил обстановку. А вот я хожу тут, как слепой, думаю только о том, не кажусь ли я девушке слишком старым, и ничего и никого не замечаю, кроме нее. Какой же я после этого партийный работник! Гнать меня в три шеи отсюда».

Он был хорошим танцором и танцевал, машинально подчиняясь ритму музыки. Досада в его душе преобладала над удовольствием обнимать талию Здены и вдыхать теплый запах ее волос. «Зря я тут трачу время,— твердил он себе,— надо бы походить среди людей, поговорить с ними,

узнать, кто чем дышит, на кого можно рассчитывать. А не торчать пришитым к девичьей юбке».

— Танцуете вы хорошо,— сказала Здена, подняв к нему лицо,— но думаете о чем-то другом. Похоже, что вы вдруг обиделись.

— Ну нет,— сказал он.— Почему ты так решила? Просто вспомнилось кое-что. Но я уже больше не думаю об этом.

Как-то невольно он крепче прижал к себе девушку, словно чувствуя себя виноватым и желая вознаградить Здену за то, что мысленно отдалился от нее. Здена не отстранилась и приноровилась к его крепкому объятию. Пора наконец решать все это, думал Багар, так тянуть больше нельзя!

— Здена,— сказал он.

— Да?

— Хотел бы я знать, почему ты говоришь мне «вы»? Или я кажусь тебе таким старым?

Она подняла взгляд, и он увидел морщинки смеха вокруг ее глаз.

— Ужасно старым! Я уже подсчитала: отец старше мамы на тринадцать лет, а вы старше меня на пятнадцать. Это очень большая разница в возрасте, а?

— Смотря по тому, как ты на это смотришь.

С минуту он тщетно ждал ответа. В густой толпе танцующих они шли мелкими шагами, кружиться было невозможно.

— А зачем ты это подсчитывала? — спросил он.

— Такая у меня привычка. Как только познакомлюсь с кем-нибудь, сразу считаю, на сколько лет он старше меня. Хочу знать, все ли я еще молода...

— Ну, и если сравнить со мной, то выходит, что ты еще просто школьница?

— Ваша жена будет мучиться с вами.

— Почему?

— Вы захотите, чтобы она вам вечно льстила. А вдруг нападете не на такую?

— Буду льстить себе сам, чтобы не остаться ни с чем.

«И что я только болтаю? — мысленно удивился он.— Словно в те времена, когда мы ходили с гитарами бродяжничать. Куда это сейчас годится? Наверное, я кажусь ей смешным».

— А вы были когда-нибудь женаты? — неожиданно спросила она и заглянула ему в лицо.

Багар даже остановился, удивленный вопросом, но

сзади напирали танцующие, и пришлось продолжать танец.

— Нет. С чего это тебе вздумалось?

Здена не ответила и, слегка закинув голову, смотрела на листву деревьев над площадкой.

— Пойдем отсюда,— сказала она.— Все равно танцевать невозможно. Посидим где-нибудь.

Они протолкались к краю помоста, и Багар помог Здене соскочить. Стоявшие стеной зрители неохотно расступились.

Через два шага они натолкнулись на Матвея Громова.

— Ого, здесь девушка, и никто не приглашает ее танцевать! — сказал старший лейтенант и повел Здену на площадку.

Солнце уже коснулось вершины лесистого горного хребта, горизонт пылал. Коровы на косогорах и дрозды в листве деревьев пытались заглушить музыку. Шум голосов усилился, женский смех зазвучал громче. Иногда принимался орать какой-нибудь пьяный, но его тотчас же останавливали.

— Стыдись, ты, бессовестный,— говорили ему.— Не видишь, что ли, какие у нас гости? Разве кто-нибудь ведет себя так? Ну-ка, замолчи, а то мы выставим тебя отсюда.

Дети бегали с места на место и звали советских солдат поиграть с ними; малыши засыпали на руках у матерей, которым не хотелось домой.

Багар переходил от группы к группе, присаживался на корточки около знакомых; поговорив о том о сем, съедал кусок домашнего пирога и двигался дальше.

Невысокий сухощавый человек с висячими седыми усами встал с земли и, вынимая изо рта прокуренную трубку, подал Багару руку, твердую, как лопата.

— Мы тоже пришли,— сказал он сипловатым, простуженным голосом.— Девчонки мои танцуют, мальчишки на седьмом небе, мать наша ходит как во сне. Начинаем жить как люди.

— Здравствуйте, Постава,— сказал Багар.— Ну, как ваши дела в Долинке?

Постава кивнул с довольным видом.

— Спасибо вам,— прочувствованно сказал он.— Мы получили хороший дом и хорошее поле.— Он снова кивнул головой, мундштуком трубки почесал седой ус и добавил: — Я теперь сам себе хозяин, жена и дети тоже. Теперь никто не смеет кричать мне: «Эй, Винцек!» — только пото-

му, что я на него работаю, и никто не попрекает меня каждым куском. Спасибо вам за все.

— Благодарите майское восстание, народное правительство, а больше всего русских солдат,— сказал Багар.— Все это вы получили от них, отблагодарите их своим трудом. И еще скажите спасибо самому себе. А я не в счет.

— Говорят,— медленно, словно обдумывая свои слова, начал Постава,— что больше всего для нас сделали коммунисты.

— А разве кто-нибудь еще защищал ваши интересы? Вспомните, как вам жилось до войны.

— Однажды я бастовал,— вспомнил Винценц Постава.— Нам скинули по пятьдесят геллеров в час. Из Праги к нам прислали этакого тощего парня. Говорил он хорошо, видно, знал нашу жизнь. Его потом посадили, а меня хотели прогнать. Но им некем было заменить меня, жену и двух девчат, поэтому нас оставили.

— Мы созываем организационное собрание коммунистов,— сказал Багар.— Приходите послушать, о чем там будут говорить.

— Приду. Жена и девчата тоже придут. Такие, как я, любят серьезный разговор. Раньше мы слышали одну только брань, никто не считал, что мы стоим серьезного слова.

Вацлав Брендл сидел на траве с двумя красноармейцами — усатым седеющим старшиной и краснощеким, круглолицым, наголо обритым парнем. Багар остановился в удивлении: Брендл говорил по-русски. Русские слова он произносил медленно и с расстановкой, словно продумывая точный смысл каждого из них, и педантически соблюдал правила произношения.

Багар подсел к ним. Брендл смущенно замигал и умолк.

— Продолжайте, продолжайте,— сказал Багар.— Я и понятия не имел, что вы говорите по-русски.

Почтмейстер снял свои сильные очки и тщательно протер их.

— Я всегда считал, что чеху необходимо знать русский язык,— продолжал он спокойным тоном, из вежливости перед гостями отвечая по-русски и Багару.— Мой отец был русофил, и я остался верен семейной традиции. Пушкин, Толстой, Чернышевский — есть ли более великие писатели и лучшая литература, чем в России? Есть ли более великий и близкий нам народ? Великий народ, господа! Великий в страданиях и героический в борьбе. Наши будители призывали нас, чехов, брать пример с русских, связывали наше

будущее с Россией.— Он снова надел очки, покачал большой головой и, подняв длинный, чуть искривленный палец, продолжал: — А мы забыли их завет, похоронили их идеи. Двадцать лет мы делали вид, что не замечаем России. Почему? Непостижимо! Разве мы любили царей? Почитайте Гавличка, его «Крещение святого Владимира». Нет, мы любили русский народ. Я знаю литературу — я много читал. Величайшие русские мыслители, величайшие творцы искусства верили в русский народ. А мы? Может быть, мы боялись русского народа? Сумеете вы мне ответить, пан Багар?

— Вы задаете ясные вопросы,— сказал Багар,— и сами найдете на них верный ответ.

Вацлав Брендл задумчиво посмотрел на него, стараясь угадать правильный смысл слов Багара, потом откашлялся и сказал:

— Боюсь, что вы имеете в виду политику. Я ее отвергаю. Отвергаю всю нашу политику на протяжении двадцати лет, вплоть до оккупации, и признаю только политику Гуса, Жижки, таборитов, политику наших будителей, которая объединяла и вела весь народ. До того как вы изволили подойти, пан Багар, я как раз говорил об этом старшине Гриненко и его товарищу. Мне было стыдно за довоенную политику нашей республики, и я искал объяснения ее в истории нашего народа. У меня не нашлось ответа на вопрос, почему мы не сражались в тридцать восьмом году и почему мы отвергли помощь русских друзей. Я не отказывался от русской помощи, сказал я, наоборот, я жаждал ее всем сердцем, но был уверен, что она отпала одновременно с французским договором. Я никогда не соглашался ни с Мюнхеном, ни с отторжением наших пограничных районов.

Брендл замолк и поглядел на своих слушателей. Гармонь играла частушки, деревянный помост гудел их ритмом, люди вокруг подхватывали мелодию. Старшина Гриненко ладонью расправил усы, далеко отставляя большой палец, и сказал:

— Да, ваш народ не соглашался, но дело сделали без него. Мы, советские люди, все решаем сами.

Вацлав Брендл снова покачал головой и поднял указательный палец.

— Мы попытались протестовать, господа. Это была за всю мою жизнь единственная политическая демонстрация, в которой я участвовал. Великий, вдохновенный, волнующий момент! Мы кричали: «Дайте нам оружие, мы запла-

тили за него!» И это была правда. Я подписался на заем обороны, чтобы получить оружие. Я хотел сражаться, хотя никогда не был на военной службе. Мы дошли до самого Града. Там на балкон вышел генерал с черной повязкой на глазу. Мы его восторженно приветствовали и выкрикивали ему свой лозунг. Не смешно ли, что в глазах некоторых эта черная повязка сделала его Жижкой, который восстал из мертвых, чтобы вести нас в бой. Но он сказал нам: «Люди, идите по домам, спать пора!» И мы разошлись. Непостижимо! Через полгода мы увидели на снимках в газетах, как он пожимает руку Гитлеру во дворце чешских королей.

— Кто был ему страшнее — Гитлер или народ? — спросил Багар, положив руку на плечо Гриненко.

— Мы и об этом говорили,— продолжал Вацлав Брендл.— Сынов нашего народа посылали в бой против русских. Мы отказались от русской помощи. Мы отдали Гитлеру оружие, и он применил его против России. И все же русские пришли и освободили нас. Мы должны все время твердить себе об этом, господа, все время помнить! История — самый надежный наставник народов.

Гальчик уже несколько минут, прислушиваясь, стоял позади собеседников. Багар встал и подошел к нему. Вдвоем они прошли по аллее под фонариками, подвешенными на проволоке, натянутой между деревьев. В этот момент фонарики зажглись. Послышались радостные возгласы гуляющих. Вечерний ветерок покачивал пестрые бумажные шары, разливающие мягкий свет. Музыка грянула стремительный гопак.

— Смешной старикан,— сказал Гальчик.

— Очень,— ответил Багар.— Мне писал о нем почтальон-коммунист, его сослуживец. Брендл знал наперечет всех клиентов своей почты. Во время оккупации он уничтожал посылаемые по почте доносы и листовки, призывающие вступать в Лигу борьбы с большевизмом. Пять суток он сражался на баррикадах и застрелил трех немцев.

Заливались советские гармонии. Веселье на первом чешском празднике в Поточной, бывшем Грюнбахе, было в полном разгаре.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Открытое окно поскрипывало на ветру. В большой выбеленной больничной палате, потолок которой поддерживало два массивных четырехугольных столба, стояло двадцать с лишним кроватей. Некоторые были пусты. На

потолке виднелись пятна сырости, похожие на карты неведомых частей света. Больные подолгу смотрели на потолок, и в горячечных снах им часто грезились пейзажи каких-то несуществующих континентов. За окном слышался городской шум, веял теплый ветерок, принося запахи близкой реки, лесов и лугов.

Богоуш Клинек сидел на кровати у окна и, сняв туфлю, время от времени смущенно почесывал пяткой похудевшую ногу. Щеки у него так ввалились, что казалось, в каждую можно поместить по яблоку. «Как, однако, исхудал парень,— думал Багар.— Хотел бы я сцапать того, кто так его отделал».

— В Поточную, я думаю, ты больше не захочешь,— сказал он Клинеку.— Сыт ею по горло?

Клинек обеими руками оперся о постель, словно боясь потерять равновесие.

— Я вам там не нужен, а? — спросил он, немного задыхаясь.— Ну да, на меня нельзя полагаться: одну паршивую Гертруду не сумел довести до места.

— Не глупи,— сказал Багар.— Чья это была вина? Разумеется, моя. Не следовало пускать тебя одного. Надо было мне пойти самому.

Клинек поднял глаза и слегка улыбнулся.

— Думаете, с вами дело кончилось бы лучше? Кто-то выпалил в меня сзади.

— А не знаешь ли ты...— начал Багар и махнул рукой.— Впрочем, ясно, что не знаешь. Но я головой ручаюсь, что тот, кто стрелял в тебя, до сих пор сидит в Поточной.

Старая худая сиделка с печальным лицом и добрыми грустными глазами неслышно подошла к ним и положила около Клинека охапку одежды.

— Вот вам,— сказала она.— А когда выйдете из больницы, берегите себя, вы еще не совсем оправились.

Клинек положил руку на пиджак, провел ладонью по рукаву, ощупал воротник и отвороты. Потом он поднял озадаченный взгляд и, встретившись глазами с Багаром, сказал:

— Странное дело!

Багар откашлялся и проглотил слюну. Он вспомнил простреленное в Испании легкое и глубокий шрам на бедре — след раны от осколка итальянской гранаты. Эта рана так долго гноилась, что доктора начали уже поговаривать об ампутации. Дважды ему вот так же приносили одежду и клали на постель.

— Мне это знакомо,— сказал он.— Вот и я так же ощупывал карманы. Всегда кажется, что забыл в них что-то очень важное, и никак не вспомнишь, что именно.

Богоуш задумчиво кивнул, взял пиджак и внимательно осмотрел и ощупал ткань худыми пальцами.

— Что ты ищешь? — спросил Багар.

— Дырку. Должна же где-нибудь быть дырка. Или это не мой пиджак? Не может быть, чтобы ее так зашили.

— А почему нет? Починили человека, почему же не починить и пиджак? Не возвращать же его тебе с дыркой?

Багар сам позаботился о починке пиджака, когда узнал, что Клинек уже вне опасности.

— Интересно, кто починил его? — сказал Клинек.

Багар пожал плечами.

— Не ломай над этим голову.

— А макинтош?

— Макинтош? Макинтош твой украли. Но не беспокойся, найдем для тебя что-нибудь.

Багар рассчитывал на богатый гардероб доктора Вецлера, своевременно перевезенный на склад ратуши. После Вецлера остались ковры, медицинские инструменты, рентгеновский аппарат, медикаменты, столовое серебро и коллекции охотничьих ружей. Остались и спиртные напитки: сотни две бутылок разных вин отличных марок; их приобрел для своего ресторана Ганс Рейзек. Пока что он дал задаток. «Хотел бы я знать, когда и из каких доходов он будет рассчитываться,— думал Багар.— Все это докторское наследство я не видел и не помню, что там есть. Теперь, по крайней мере, пойду погляжу. Надо немного приодеть этого парня, у него ведь ничего нет, кроме одного поношенного костюма. Перешить на него одежду Вецлера нетрудно, наоборот было бы труднее».

Багар помог Клинеку одеться, приговаривая с материнской заботливостью:

— Ну, ну, не спеши, а то задохнешься. И скажи наконец, что же ты решил? Вернешься в Поточную? Не вернешься, конечно. Что она тебе дала хорошего? Пойдешь искать место получше.

У Клинека с непривычки кружилась голова. Он сел на постель, вздохнул и сказал:

— Да что вы все «не вернешься» да «не вернешься»! Хотите сплавить меня подальше? А я как раз говорю себе: за Поточную я пролил кровь, значит, не разлучусь с ней до смерти.

Багар повеселел.

— Вот это разговор! А я-то думал, что Поточная тебе навсегда осточертела. Ну, пойдем, я помогу тебе. Увидишь, как мы тебя нарядим. Будешь опять работать у меня в ратуше? Конечно, будешь. Пока что это для тебя самая легкая работа.

У входа в больницу они увидели Антоша с двумя автомашинами, связанными стальным тросом. У машины, взятой на буксир, было помято шасси и сорваны крылья; это был один из тех обломков, жалких остатков немецкой военной техники, которые все еще во множестве валялись вдоль шоссе.

Антош стоял, облокотясь на первую машину, курил и балагурил с молодой сиделкой. Завидев Багара и Клинека, он, заговорщически подмигнув, отошел в сторону, и его веселое лицо сразу стало серьезным. Он все еще чувствовал себя виновником несчастья, постигшего товарища. Пожав Клинеку руку, Антош уставился на него, словно желая рассмотреть, насколько тот изменился.

— Здорово они тебя отделали, старина,— сказал он.— Только сейчас это стало заметно. Ну, ничего, я тебя за месяц откормлю, вот увидишь. У меня будешь питаться как на убой.

— Как это так — у тебя? — спросил Багар.

— А где же еще? Должен же кто-нибудь заботиться о нем в первое время, а лучше моей Анчи этого никто не сделает.

— Анче не мешало бы приглядывать за тобой,— сказал Багар.

— Это ты насчет той красотки в белой косынке? — улыбнулся Антош.— Не угадал! Анча есть Анча, и, кроме нее, никто для меня не существует.

— А это что такое? — сказал Багар, показывая на разбитую машину.

— Автомобиль,— ответил Антош,— четыре колеса, руль и мотор. Даже весьма почтенный автомобиль. Марки «хорх» как-никак. Приходи через месяц поглядеть на него, не узнаешь.

— Где ты его взял?

— У-у, это целая история. В сарае у одного немца. Он его привез домой на волах и хотел попользоваться. Я на него нагнал такого страху, что у него до сих пор поджилки трясутся. Он мне довез машину сюда, а пока я покупал сигареты, исчез как призрак.

— Впутаешься ты когда-нибудь в историю,— сказал Багар,— и не будешь знать, как выпутаться.

— Во что я впутаюсь? На эту машину у меня есть бумага, вот гляди, сам Гальчик подписал. Русские на нее махнули рукой.

— Ты становишься заправским хозяйчиком,— сказал Багар.— Со временем придется национализировать твое имущество. Сколько уже у тебя немецких рабочих? Четверо? Скоро ты захочешь иметь десять человек и, как Трнец, начнешь кричать, что не нужно выселять немцев.

Лицо Антоша стало необычно серьезным.

— Неверно! Сам знаешь, что это не так. Это только здесь меня забрало: не могу видеть, когда машины валяются на дороге и пропадают ни за что ни про что. Я всю жизнь работал на других, теперь хочу поработать на себя.

— С этого всегда и начинается,— заметил Багар.

— Не начинается, черт подери, говорю, не начинается! По крайней мере, не у меня. Пускай немцы проваливают отсюда, я их удерживать не стану. А если вы мне скажете, что держать мастерскую нельзя, что это во вред другим, так, пожалуйста, возьмите ее у меня, я согласен работать для города или для государства, лишь бы не на толстопузых акционеров.

— Я вижу, Анча тебя сагитировала.

— А как же! — засмеялся Антош.— Анча за социализм, ну и я тоже.

— А если бы Анча была за фашизм?

— Тогда это не была бы Анча и я бы на ней не женился. А теперь лезь в машину и садись за шофера, а я буду крутить баранку в этом драндулете.

Багар возвращался в Поточную с поправившимся Клинеком и вез новость, сам не зная, радоваться ли ей или огорчаться из-за нее. Сколько Багар ни ломал голову, он так и не пришел ни к какому выводу. Эту новость Гальчик не сообщил письменно, а вызвал Багара лично, считая, что разговора все равно не избежать и надо как можно скорее покончить с этим очень срочным делом.

— Вы уже начали какие-нибудь работы на заводе? — спросил он, глядя на Багара своим прямым, чуть насмешливым взглядом.

— Уборку,— ответил Багар.— Немцам не хочется работать. На текстильной фабрике они из кожи лезут, а у меня только похаживают и всюду видят какие-то неисправности. Похоже, что кто-то морочит им голову и запугивает их, чтобы они не работали.

— Ну, так можешь радоваться,— сказал Гальчик и показал Багару приказ министерства о передаче шарикоподшипникового завода в ведение Объединения национализированной тяжелой промышленности. Одновременно с этим приказом пришло извещение о том, что по общегосударственному хозяйственному плану завод будет переведен в Словакию.

Лично для Багара это было отрадное известие. С него снималось задание, которое с самого начала казалось ему непосильным и которое он — кто знает? — быть может, и провалил бы. Но перевод завода в Словакию — это куда более серьезное дело. Как это подействует на чешских переселенцев в Поточной? Люди, наверное, переполошатся. «Мы приезжаем сюда,— скажут они,— а предприятия отсюда увозят».

И Багар, который хорошо понимал правильность решения и мог сам привести доводы в его пользу, призадумался над тем, как объяснить людям переброску завода. Минимум пятьдесят немцев сразу окажется не у дел, и для них не найдется никакой другой работы, разве что послать их на рубку леса или сразу же выселить. Ладно, выселяй, но кого ты привлечешь сюда вместо них, если завод уедет?

Они уже подъезжали к Поточной. На полях было оживленно, немецкие крестьяне в синих блузах и черных спортивных шапочках жали и убирали хлеб. Они переставали работать и, опираясь на вилы или на сноп, неподвижно стояли, провожая взглядом две медленно катившиеся машины.

На последнем перегоне Багар предостерегающе засигналил и притормозил. Перед ним, покачиваясь, двигался доверху нагруженный снопами ржи воз, запряженный парой гнедых. Около круглого блестящего лошадиного бока шагал с вожжами в руках Винценц Постава. Дочери шли по обеим сторонам воза и вилами, воткнутыми в снопы, поддерживали его. Постава окриком остановил коней, Багар медленно стал съезжать под гору. Увидев бывшего батрака, а ныне счастливого хозяина двенадцати гектаров, Багар окликнул его:

— Сеять ты не сеял, а урожай собрал богатый. На будущий год будет труднее.

— Не бойся,— ответил Постава,— я еще покажу этим немцам, как надо хозяйничать.

Старшая дочь Поставы Иржина, рослая девушка, на голову выше отца, с любопытством взглянула на машину и встретилась глазами с Богоушем Клинеком. «Этого парня

я здесь еще ни разу не видела,— подумала она, и сердце у нее сжалось от жалости при виде исхудавшей физиономии Клинека.— В гроб краше кладут. Уж не тот ли, в которого стреляли, когда он вел арестованную немку? А глаза у него хорошие, совсем как незабудки».

Клинек, немного захмелевший от горного воздуха, который он после долгого перерыва вновь вдыхал полной грудью, глядел на свежее загорелое лицо девушки, раскрасневшееся от работы, на ее высокую грудь и густые темные волосы, выбившиеся из-под красного, повязанного по-старушечьи платка, и вдруг почувствовал, что к нему действительно возвращается жизнь, со всей ее красотой, с ее силами и надеждами. И Богоуш просиял.

— Девушка! — крикнул он Иржине, когда их машина миновала заартачившихся лошадей Поставы.— Поддержите ту машину, что позади, как бы она не рассыпалась на части.

Иржина никогда за словом в карман не лезла: жизнь батрачки в имении — хорошая школа словесных схваток. Но сейчас девушка опешила: этот парень, кожа да кости, глядя на которого она чуть не расплакалась, так смело окликнул ее! И она ничего не ответила. Миновав воз, Багар прибавил газу, и вскоре обе машины были уже далеко. «Ишь ты какой! — думала Иржина.— Я на него гляжу и чуть не плачу, а он такие дерзости! Но глаза у него красивые. Наверное, хороший парень. Это он только задается. Ну и пускай! Если это тот самый, в которого стреляли, ему простительно, ведь он натерпелся».

— Хороша, а? — крикнул Антош с задней машины.

— Я видывал и лучше,— ответил Клинек, но ему хотелось закрыть глаза и представить себе ее лицо.

— Так все говорят,— кричал Антош.— Говорят, говорят, пока не втрескаются сами.

Входя в ворота ратуши, Багар вдруг растерялся от неожиданной мысли. Ну, хорошо, Клинек счастливо вернулся, буквально вырвался из лап смерти. Он начинает обычную жизнь и, значит, будет работать на прежнем месте, тем более что на другую работу он сейчас не способен. Что из этого следует? Из этого следует — да, да, не бойся признаться себе в этом! — что Здена перестанет ходить сюда и помогать тебе.

Багар прыжками одолел несколько последних ступенек и, слегка запыхавшись, вбежал в комнату Здены. Его вдруг охватило страстное желание увидеть ее, наглядеться на нее; когда они теперь еще встретятся, все будет зависеть от

случая. Но Здены в комнате не было. На столике возле пишущей машинки лежала ее открытая сумочка. Багар подошел к столику, беспомощно оглянулся, робко тронул сумочку, от которой шел легкий аромат каких-то женских безделушек. Он даже не заглянул внутрь сумочки и все же смутился и почувствовал себя виноватым, словно совершил что-то непозволительное и даже постыдное. Глубоко вздохнув и покраснев, Багар вышел в коридор.

Здена была в кабинете Титце и просматривала с бывшим секретарем продовольственные списки. В аквариуме, освещенном вечерним солнцем, все еще плавали рыбки, как и в первый день, когда Багар появился в Поточной. Своим равнодушием они словно хотели преодолеть время и все его превратности. Со стены по-прежнему немного сурово и презрительно усмехался любимый философ секретаря Титце.

Секретарь, хрустя коленями, попытался встать, когда вошел Багар.

— Садитесь, пожалуйста! — недовольно сказал Багар.— Почему я вечно должен повторять вам это? Здена, есть новости.

— Какие?

— Да как сказать, по-моему, должны считаться хорошими, но я не уверен в этом. Во-первых, Клинек вернулся.

Здена поглядела на него.

— Ну, это-то хорошая новость.

— Это, безусловно, хорошая.

Секретарь Титце все-таки встал, опираясь о стол, его лицо было очень бледно, несмотря на золотисто-алые лучи заходящего солнца.

— Das war der junge Mann... [1] — начал он и запнулся.— Извините. Я хотел спросить. Это тот молодой человек, который был ранен, не правда ли? Мы смотрели вот из этого окна, когда он уходил.

— Да, это он. Тот, что конвоировал Эльзу Магер, но не доставил ее на место. Помнится, она была тогда не очень-то учтива с вами.

— Ей незнакома вежливость,— отозвался Титце.— Иное воспитание, иные нравы.

— Какие же именно нравы? — сказал Багар.— Разбойничьи? Что бы сказал на это ваш любимый философ, герр Титце? «Мир как воля и представление»? Мораль оторвалась от жизни, а кончилось дело тем, что последователи этой морали вырывали живые сердца из живых тел и разби-

---

[1] Это был молодой человек... *(нем.)*

вали детские головы о камни. Оставим это. Хотел бы я знать, как фрейлейн Магер попала за границу и как ей там живется.

— Не могу сказать,— ответил Титце, и голос у него внезапно стал сухим и скрипучим.— У меня нет сведений.

Багар махнул рукой в знак того, что разговор окончен, и повернулся к Здене.

— Зайди ко мне, товарищ, когда закончишь здесь.

Здена появилась, как только он сел за стол в своем маленьком кабинете.

— Что такое творится с Титце? — спросила она.— Вы заметили? У него был такой вид, словно он чего-то испугался или боится кого-нибудь.

— Не понимаю, в чем дело,— сказал Багар.— Не будь он тогда рядом с нами, я сказал бы, что он стрелял в Клинека. Может быть, он при уходе подсунул ей револьвер? Но Клинек уверяет, что Эльза до последней минуты шла впереди, а в него стреляли сзади. Не понимаю я, в чем дело, и не нравится мне все это. Особенно то, что Титце подчеркнул, что он вместе с нами смотрел из окна на уходившего Клинека.

— Надо бы вам допросить его построже, выяснить всю подноготную,— сказала Здена.

Багар пожал плечами.

— Теперь от этого не будет толку. Он уже овладел собой и будет осторожен. Кто знает, может быть, разговор о Клинеке просто напомнил ему, как стреляли в него самого? Титце боится, это бесспорно, но чего? Он был страшно напуган после того, как в него стреляли. Но почему же он вернулся на службу? Что-то здесь неладно.

— Это верно,— согласилась Здена.— Что же вы намерены делать?

— Много не сделаешь. Надо приглядывать за ним, не спускать с него глаз.

— Предупредите Клинека, он теперь будет с вами.

— А ты, значит, больше не намерена здесь работать? Зря так спешишь. Клинек еще не совсем поправился, а работы много.

— Я не за горами. Будет нужно, позовете — и я приду.— Она встала и расправила юбку, собираясь уходить.

Послышался легкий треск. Разговаривая, Багар вертел в руках карандаш, заложив его между указательным, средним и безымянным пальцами. Карандаш вдруг хрустнул и сломался.

— Почему вы ломаете карандаши?

Багар покраснел как рак.

— Это со мной иногда бывает. Я забываю, что карандаш — хрупкая штука. Постой, не уходи. Надо будет созвать партийный комитет, а потом административную комиссию. Я привез еще одну новость, плохую.

Партийный комитет, выбранный на организационном партийном собрании всего две недели назад, собрался на короткое заседание в бывшем трактире Ульмана. Они выбрали это место, потому что репутация ресторана Рейзека становилась все хуже: народные управляющие из Поточной и окрестностей собирались там для пьянок и пирушек, на которых подавалась купленная из-под полы свинина.

Заседание открыл Деймек. За столом в помещении с закопченным потолком уселись текстильщик Лойзик Мареш, который предпочел вилле деревенский домик на косогоре, новоиспеченный сельский хозяин из Долинки Винценц Постава, жена Антоша Анча, Багар и Здена в роли секретаря.

— Не знаю, относится ли это к делу,— сказал Постава,— но вы знаете, что кто-то отравил у меня обоих телят? Прихожу с поля, а они валяются под забором. Животы раздуло, языки вылезли. Убил бы я того, кто это сделал.

— И я тоже,— сказал Лойзик Мареш.— У меня три коровы не вернулись с выгона. Как мне теперь отвечать за них? Они же были не мои, а немецкие. Хозяин удрал две недели назад, и мне их дали временно, под надзор.

Багар задумчиво смотрел на товарищей. Деймек вскочил.

— А что на этот счет конкретно говорит КНБ?

— Допрашивали меня, допытывались, не продал ли я их из-под полы...

— Хороши гуси,— сердито сказал Постава.— Может, и телят отравил я сам?

— И сказали, чтобы я проваливал и отыскал этих коров,— продолжал Мареш.— Они за мной записаны, и со временем придется их сдать. Я говорю: «Что же, украсть мне чьих-нибудь коров, что ли, чтобы у меня сошелся счет?»

— А почему нет? — спросил Постава.— Их у тебя украли немцы и угнали через границу в Германию. Пойди и возьми у немцев. А мне нужны телята. Как я могу вести хозяйство, если у меня губят молодняк?

— Погодите, товарищи, так не годится,— вмешался Багар.— Чего должны добиваться мы, коммунисты? По-

рядка и условий для мирного труда. Нельзя же устраивать хаос! Погодите немного, начнется выселение немцев — скота будет столько, что некому будет брать.

— Если его до того времени весь не раскрадут и не перетравят,— сказал Мареш.— Но надо же все-таки расследовать кражу трех моих коров. Для чего же у нас существует пост КНБ? Бездельничают, бражничают, а потом меня же посадят как жулика и вора. Вот они каковы, субчики! Кому они вообще-то служат? Нам, господам или самим себе?

— Ты что это так разошелся? — удивленно спросил Багар.— Я еще не слыхивал от тебя таких долгих речей.

— А ты зайди ко мне домой, погляди, что там делается,— сказал Мареш.— Жена ревет, мать ревет. Хоть эти коровы были и не наши, а мы к ним привыкли.

— Не заступайтесь за этих, из КНБ,— сказал Постава.— Свиньи они, вот кто.

— А для чего, вы думаете, у нас тут парторганизация, для чего тут все вы? — сказал Багар.— Вот я вызову их и поговорим! Среди них есть старые полицейские служаки, которые в прошлые времена били нас дубинками и стреляли в нас; есть мальчишки, что взялись за оружие чуть ли не после пражского восстания. Но есть в КНБ и наши товарищи, коммунисты, и они знают, что нужно делать. Подождите полгода, тогда увидите. Ведь мы народная власть. Мы наведем порядок.

— Конкретно говоря, товарищи,— сказал Деймек,— разговор идет не по повестке дня. Открываю заседание и приветствую всех вас. Слово имеет товарищ Багар.

— А как мне вести хозяйство? — упрямо повторил Постава.— Молодняка-то у меня теперь нет. Так и не решили этого дела.

— Немцы их отравили, немцы и возместят. Ясно? — сказал Деймек.— И не мешай больше.

— Молчу, молчу,— удовлетворенно сказал Постава.— А только самое лучшее — это выселить их всех разом. Сегодня они отравили телят, а завтра вздумают вырезать всю нашу семью... Молчу, молчу, пусть говорит товарищ Багар! — Он прихлопнул крышечку трубки, запыхтел ею и погрузился в едкое табачное облако.

Багар встал, кашлянул и отмахнулся от клубов дыма.

— Очень коротко, товарищи,— сказал он и виновато улыбнулся.— Но дело серьезное, и я хочу знать, что вы скажете на этот счет. Каковы в Поточной условия для переселенцев? До сегодняшнего дня были благоприятные. Здесь

завод и фабрика, несколько ремесленных мастерских, сельские усадьбы, торговые предприятия. И хорошие дома, отличные, такие найдутся не всюду.— Багар оглядел собравшихся и прочел на всех лицах согласие и сосредоточенное внимание. Люди ждали неприятной новости. Багар взялся было за пуговицу на пиджаке, но, встретив взгляд Здены, отпустил пуговицу и стал теребить уголок блокнота.

— Сегодня, товарищи, я получил сообщение о том, что меня освободили от должности народного управляющего заводом,— продолжал он.— Но не об этом речь. Я и раньше не был уверен, что подхожу для этой работы. Дело не во мне, а в том, что будет с шарикоподшипниковым заводом. Вот тут-то вся загвоздка. Он передан в Объединение национализированной тяжелой промышленности. Я с этим согласен, и вы, конечно, тоже. Социалистической экономике — а мы все надеемся, что построим ее,— нужны крупные предприятия, а не кустарщина. Согласны мы с этим? Безусловно, товарищи. Но что же будет с заводом? Есть сведения, что его демонтируют и увезут отсюда.

— Постой, что за чепуха?

— Куда увезут?

— Русские нам его отдали, а наши увезут?!

— Откуда ты это знаешь?

— Опять какие-нибудь происки реакции?

Деймек постучал металлическим портсигаром о поллитровую кружку.

— Тихо, товарищи, что за шум? На заседании мы, конкретно говоря, или нет? Дайте договорить товарищу Багару. Ясно?

— Пусть говорит! — взволнованно сказал Постава.— Пусть выскажется. Значит, сперва увезут завод, а потом, может, выселят и нас. Пусть скажет, куда его хотят перевести.

— Вы, товарищи, еще не умеете организованно проводить собрания,— сказал Багар.— Говорите все разом, не просите слова, это никуда не годится! Так вот, о заводе. Куда его хотят перевести, точно выяснить не удалось. Сведения самые противоречивые. Одни говорят, что куда-то в Остраву, другие — что в Брно, и есть, наконец, слух, что в Словакию.

— Слышали? — воскликнул Постава, порывисто вскочив с места и взмахнув трубкой.— Отдадим завод словакам, и готово дело! Совсем как при первой республике: мы им — денежки, а они на нас плюнут в самые трудные дни.

— Что это ты, товарищ Постава, разводишь тут националистический уклон? — сильно покраснев, сказал Багар.— Как можно сравнивать спекуляции капиталистов, которые в конечном счете вели к экономическому ограблению Словакии, с нуждами народно-демократического государства?!

Постава сел, недовольно качая головой.

— Меня Словакией не проймешь,— сказал он и снова махнул трубкой, рассыпая по столу пепел.— Я уже хватил из-за них горя. Эти словаки приезжали сюда и работали тут за гроши. Послушал бы ты каждый день хозяйские упреки, что, мол, словаки работают больше, а получают меньше и что тебя надо гнать вместе с семьей и взять вместо тебя словака.

— Не понимаешь ты, что ли, товарищ, почему так было? — сказала Здена.— Голод гнал их из дому, а наши помещики пользовались этим. За счет словаков они увеличивали вашу нужду, а сами наживались. Вспомни-ка, кто с кем был заодно. Господа держались сообща, а бедняков натравливали друг на друга. Изображали дело так, что бедняк вырывает у бедняка кусок хлеба, а сами отнимали этот хлеб у обоих.

Она встретилась глазами с напряженным взглядом Багара и вдруг замолкла, будто слова застряли у нее в горле. «Ну, ладно,— подумала она,— молчу, молчу. Знаю, что ты умеешь говорить лучше меня, но это не значит, что я всегда буду молчать. Не буду, и не думай! Ни сегодня, ни потом».

Винценц Постава недовольно покачал головой.

— Может, так оно и есть, как говорит товарищ Багар и вот она, но это еще не значит, что мы должны отдавать им целые заводы. Пусть-ка построят их сами.

Взволнованный Деймек поднял портсигар и хотел было постучать по кружке, но вместо того затараторил сам:

— Ты что, Винценц, конкретно говоря, не понимаешь, в чем дело? Нужна словакам промышленность? Ясно, что нужна! Нужна для того, чтобы нищета не гнала их из дома, чтобы господа не могли гнуть их в бараний рог. Мы словакам на первых порах поможем, и это будет помощь народа народу. Ясно?

Постава сосал свою трубку, несколько раз раскрывал и закрывал рот, потом начал ковырять пальцем остывший пепел.

— Помочь надо, это ясно,— сказал Лойзик Мареш.— Хотя бы для того, чтобы попы перестали на них ездить.

Деймек наконец стукнул портсигаром о кружку так сильно, что она чуть не разбилась, и сказал:

— К делу, товарищи, к делу. Слово имеет товарищ Багар.

— Я, собственно, уже кончил,— с усилием, словно преодолевая усталость, сказал Багар.— Я хотел бы послушать, что скажут другие. Надо решить, какую позицию мы займем в административной комиссии: согласимся с демонтажем завода или опротестуем его. Вот как стоит вопрос.

— Я, товарищи, хотел бы знать,— сказал Лойзик Мареш, облизывая пересохшие губы,— чье это, собственно, распоряжение?

Взоры всех присутствующих вопросительно обратились к Багару. Густой табачный дым поднимался к потолку, воздух в комнате посинел и стал тяжелым. Бледный Арношт заглянул в дверь, но Багар отрицательно махнул ему рукой. Арношт ухмыльнулся и исчез.

В тот момент, когда Деймек постучал портсигаром по кружке, призывая к порядку, Багар вдруг поддался усталости и погрузился в воспоминания. Голоса присутствующих словно удалились, и на миг послышались другие звуки: стук в стену тюремной камеры, вести, приносящие проблеск надежды, голоса товарищей, звучащие из канализационных труб, шаги конвоя и арестантов, которых ведут на допрос или на казнь, возгласы: «Прощайте, товарищи!», «Да здравствует СССР!», «Да здравствует партия!», «Живите, товарищи, и отомстите за нас!». И еще голоса и шаги, ночной шелест деревьев на Эбро, глухие звуки во тьме, шум реки Мансанарес, крики атакующих марокканцев, предсмертные вопли, треск пулеметов, гулкие удары орудий и снова стук в стену, приносящий надежду...

— Ну вот,— послышался рядом скрипучий голос Поставы,— опять распоряжение! Всегда нами распоряжались и опять будут распоряжаться. А наше дело молчать да слушаться. Вот и говори после этого — народная власть!

Багар опомнился. Кружка снова звякнула под портсигаром Деймека.

— Слово имеет товарищ Багар.

— Товарищ Постава ошибается,— с силой сказал Багар, отгоняя остатки усталости и картины минувшего.— Мы имеем право высказываться и мы выскажемся! — Он помолчал, проглотил слюну и, встретившись с взглядом Здены, слегка улыбнулся. Уголком глаза он заметил, что Анча тотчас же оглянулась на Здену. «Гляди, гляди! —

подумал он.— Надо жить! Жить правильно и красиво, как хотели жить и как жили бы наши павшие товарищи».— Такой завод, как наш,— продолжал он,— естественно, должен войти в состав более крупного объединения. Против этого, товарищи, конечно, никто не может возражать. Идею перебазирования завода предложило министерство промышленности. Мы можем со своей стороны выдвинуть другое предложение и отстаивать его. Я слышал, кстати, что краевой национальный комитет не согласен с министерством и заявляет, что завод должен остаться здесь.

— Правильно! — взволнованно заговорила Анча, покраснев от своей смелости.— Дай мне слово, председатель, я хочу высказаться. Что это еще за идея такая? Ведь это вопрос жизни для переселенцев, от этого зависит самое их существование, товарищи! Сегодня вывезут шарикоподшипниковый завод, завтра текстильную фабрику, а как мы потом будем заселять Поточную, кто поедет сюда? Что тут будут делать люди? Умирать с голоду? Или сидеть в пустых домах?

— Правильно,— разом сказали Мареш, Деймек и Постава.

И партийный комитет единогласно решил присоединиться к мнению краевого национального комитета. «Демонтаж и перебазирование завода недопустимы с точки зрения общегосударственных интересов: это помешает заселению Пограничья». Так и запиши, товарищ Здена!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Секретарь Титце возвращался из ратуши домой. Он уже давно не был секретарем, но не мог представить себя без этого звания. Было время, когда Титце иронизировал над ним, разумеется, не перед посторонними, а лишь наедине с самим собой. Это была игра, и философ его склада, который отлично знает, что мир лишь наше представление о нем, безусловно, имел право на такую игру. Звание — смешная вещь со многих точек зрения, особенно если оно отражает общественное положение, явно не соответствующее дарованиям и выдающимся чертам характера носителя этого звания. Должность секретаря, хотя и в ней есть известная респектабельность, казалась Титце недостаточной. Несмотря на почтенный возраст и вопреки нерасположению изменчивой фортуны, Титце не перестал мечтать о таких общественных высотах, утвердившись на которых

можно только улыбаться, глядя, как копошатся где-то внизу простые люди, и небрежно управлять ими твердой рукой. Разумеется, его взгляд на звание секретаря значительно изменился с возвращением в Пограничье чехов. Никто не вправе лишать его звания, не только честно заслуженного, но и соответствующего добросовестно выполняемой им работе. В этом смысле нам, видимо, не остается ничего больше, как относиться к чехам так, как они относились к нам: это оккупанты, под властью которых каждый вправе оставаться на прежней должности или, по крайней мере, считать себя оставшимся на ней.

Секретарь Титце шел домой. Тепло уходящего солнечного дня уже смешивалось с острым холодком горных сумерек. Скрипели колеса и рычаги колодцев. Шумели струи воды из леек, в садиках за зелеными изгородями слышались приглушенные голоса. Сильно пахло скошенной травой на косогорах. На душе становилось грустно, воспоминания молодости вставали в памяти, мелькали и исчезали, как девичье платье в дремучем лесу. Каждый дом казался страшно близким и знакомым, словно все это существует с незапамятных времен. Мычание коров прозвучало протяжно и тоскливо, как труба, сыгравшая вечернюю зорю: усни и не просыпайся!

Стоящие у домиков люди отворачивались и уходили, увидев его. Иногда над забором поднималось лицо — все они были и чужие, и вместе с тем знакомые,— и Титце нехотя брался за шляпу, приподнимал ее и осторожно опускал, стараясь не касаться шрама, который оставила на его голове пуля. Никто не отвечал ему, но секретарь неизменно здоровался, и с его лица не сходила застывшая улыбка. Он напоминал пилигрима, с набожным приветствием на устах идущего сквозь ряды равнодушных каменных истуканов. А ведь было время, когда перед ним снимали шапки чуть не за десять шагов... а потом — другие времена, когда люди сгибали спину в поклоне и поднимали правую руку.

«Два мира,— думал секретарь Титце и мысленно увидел перед собой суровое насмешливое лицо философа, своего духовного учителя.— Два мира, и ни один из них не хочет знать меня. Есть еще третий мир, в прошлом,— мир моего учителя и мой, но он исчезает в небытии, и я не в силах вернуть его. А есть и четвертый мир, о котором никто не знает. В самом деле никто?..» Титце почувствовал, как мурашки пробежали у него по спине.

Бывший мастер Кнаузе ответил на приветствие Титце

и даже подошел к нему. Кнаузе — человек, который, конечно, может позволить себе многое, то, что другим и в голову не придет.

— Добрый вечер,— сказал Кнаузе.— Надеюсь, у вас дома все здоровы?

Титце был так ошеломлен, что ему пришлось пошевелить нижней челюстью, чтобы оживить застывшую улыбку. Он перевел дух.

— Добрый вечер, благодарю вас, герр Кнаузе. Моя супруга вполне здорова. Она уже оправилась от потрясения и чувствует себя почти как прежде. Она только на вид хрупкая, на самом же деле очень вынослива.

— Вы идиот,— понизив голос, сказал Кнаузе,— плевать я хотел на вашу дурацкую супругу. Надеюсь, урок пошел ей на пользу, как и вам. Я спрашиваю, все ли у вас в порядке?

— Да, герр Кнаузе,— сказал Титце, встретившись глазами с жестким взглядом бывшего мастера.— Да, все в порядке. Я твердо надеюсь, что это так. Во всяком случае, когда я уходил из дому, все было в порядке.

— Какие новости?

— Клинек сегодня вернулся из больницы в Кадани.

— Слышал об этом,— сказал Кнаузе.— Его уже видели. Видно, немцы разучились обращаться с оружием. За короткий срок две неудачи.

У Титце задергались губы. Он вспомнил о второй, вернее, о первой неудаче.

— Герр Кнаузе...— сказал он, но бывший мастер лишь усмехнулся и прервал его пренебрежительным кивком головы.

— Я жду письма,— сказал Кнаузе.— Полагаю, что ваша голова не настолько пострадала, чтобы вы не смогли запомнить это. Жду письма, так и нужно передать. Понятно?

— Да, герр Кнаузе, вы ждете письма,— повторил секретарь Титце. Кнаузе поднял палец к козырьку и, повернувшись, пошел к дверям своего домика.

На мосту Титце остановился. Он подошел вплотную к перилам и, склонив голову набок, прислушался к шуму воды, падающей через запруду. Надо успокоиться. У реки нет забот, она течет и течет. Вода приходит и уходит, ее бег похож на бесконечное движение смычка, и все же она неизменна. Титце покачал головой. Вода приходит и уходит, покидает себя и возвращается к себе. Человек не способен на это. Вот, например, он, Титце, мог бы вернуть-

ся в ратушу и рассказать этому седовласому молодому человеку Багару такое, от чего тот вытаращил бы глаза. Но тогда в один из ближайших вечеров или ночей кто-нибудь сделает свое дело так, что Кнаузе уже не будет сетовать на неудачу.

— Мечтаете, герр Титце?

Титце испуганно вздрогнул и обернулся.

— Вы испугали меня, герр Пальме,— сказал он.— Я задумался. Старею и предаюсь воспоминаниям. Мне кажется, что все прекрасное миновало. Утекло, как эта вода.

— Например, прошедшие семь лет. Разве были они прекрасны, герр Титце?

Титце испуганно оглянулся, хотя вблизи не было ни души.

— Я совсем не это имел в виду,— сказал он наконец.— Но и то, что мы сейчас переживаем и еще переживем, нельзя назвать прекрасным.

Они вместе зашагали по дороге. «Этот человек уже однажды помог мне,— думал Титце.— В сущности, он спас мне жизнь. Не поможет ли он мне снова? Все, однако, видят, что я иду с ним. Титце идет с большевиком Пальме, скажут люди. В окнах темно, никого не видно, но в каждом окне кто-нибудь стоит и наблюдает за нами. Пальме — большевик. Нас предостерегали против большевиков: они несут гибель старой немецкой культуре и всей западной цивилизации, которая всегда была и будет на девяносто процентов немецкой. Говорят, что большевизм возник из марксизма, а Маркс был еврей и получил образование в Германии. Значит ли это, что немецкая культура сама в себе породила собственного разрушителя? Пальме — большевик. Почему же меня спас именно Пальме, а все другие закрыли передо мною двери? Поможет ли он мне и сейчас и как попросить его о помощи?»

— Вы думаете, что мы не виноваты в своей судьбе? — услышал Титце голос Пальме, донесшийся до него откуда-то издалека. «О чем он говорит? Хотел бы я знать, в чем может быть виноват такой человек, как я, всегда живший только выполнением своих обязанностей».

— Не берусь судить, герр Пальме,— ответил он.— Право, я не умею рассуждать так.

— Вы хотите сказать, что вас научили рассуждать на определенный лад и вы никогда не пытались мыслить иначе? Вот в этом-то и заключается вина девяти десятых немецкого народа.

«Как можно просить такого человека о помощи,— подумал Титце.— Он и представления не имеет о немецкой культуре, и это характерно для большевиков. То ли они необразованны, то ли однобоки, но они не способны видеть всю бездонную глубину и безмерную ширь европейской культуры. И почему это вышло так, что меня спас именно он? Нет, к такому человеку нельзя обращаться за помощью. Я не могу этого сделать как немец, как немецкий интеллигент!»

Он остановился у калитки перед домом и вынул из кармана ключ.

— Вы запираете калитку даже днем? — спросил Пальме.

— Да, да,— быстро ответил Титце.— Жена с тех пор очень напугана, она даже за овощами в садик выходит, читая молитву со страху. Да и вам не следовало бы ходить так беспечно, герр Пальме.

— Самые отчаянные головорезы в городе получили хороший урок, а остальные, мне думается, надолго поумнели,— сказал Пальме.

— Я бы очень этого хотел, герр Пальме,— сказал Титце.— Очень бы хотел, чтобы вы оказались правы. Доброй ночи, герр Пальме.

«Почему он так понизил голос, когда мы подошли к его дому?» — размышлял Пальме, свернув с дороги и по тропинке поднимаясь в гору. Он тяжело опирался на палку с резиновым наконечником. Кузнечики замолкали, когда он проходил мимо, потом снова начинали свой волшебный стрекот. Пальме остановился, глубоко вздохнул, огляделся вокруг с видом человека, который хочет отдохнуть, и сел у тропинки, возле горбатого ствола старой вишни. Он думал о Титце и смотрел на его домик. Там не зажигали света и не опускали занавесок. «Титце поужинает в сумерках, а с наступлением темноты ляжет спать. Чего же боится этот Титце? Ему не очень-то понравилось, что я проводил его до дому».

Когда Титце вошел в комнату, канарейки проснулись и защебетали. Он подсел к столику, на котором стояла клетка, и, одной рукой снимая ботинки и надевая домашние туфли, другой поздоровался со своими любимицами, просунув указательный палец между прутьями клетки. Птицы щебетали и взмахивали крыльями.

Жена стояла рядом и держала наготове мягкий шерстяной халат. Хрустнув коленями, Титце тяжело встал и сунул руки в рукава. Он вдруг услышал позади себя тихое всхли-

пывание и, оглянувшись, показал наверх. Старушка кивнула и сказала, подавляя слезы:

— Она швырнула в меня туфлей.

Титце вздохнул и покачал головой:

— Я пойду наверх.

Он поднялся по старой деревянной лестнице, скрип которой заглушал хруст его суставов. Передохнув на маленькой площадке, он собрался с духом и постучал в одну из двух дверей.

Эльза Магер стояла у открытой балконной двери и целилась в него из пистолета. Титце поднял руки, словно сдаваясь, и успокоительно замахал ими.

— Не дурите и садитесь,— сказала она, показав на стул около столика, и села на неприбранную постель, положив пистолет рядом. В комнате, заставленной дряхлой, изъеденной жучком мебелью, пахло мышами и одеколоном. С балкона, выходившего на крышу веранды, был виден сад и близкий лес за рекой, шум которой доносился и сюда.

Титце боялся этой молодой угловатой женщины с толстым венцом соломенных волос, грубым голосом и решительными командирскими движениями. Он осторожно сел, сложил руки между колен и хрустнул суставами пальцев.

— Перестаньте! — сказала тотчас же Эльза.— Хватит с меня хруста ваших колен. Рассказывайте, что нового.

— Я хотел поговорить с вами о своей жене,— сказал Титце, стараясь быть посмелее и вспоминая приготовленные фразы.— Она жаловалась, что вы ударили ее туфлей.

Эльза Магер повалилась лицом на подушку и стала смеяться, издавая пронзительные звуки и дергая плечами. Потом, словно по команде, она успокоилась и произнесла, запыхавшись после этого внезапного взрыва смеха:

— Когда в нее попала туфля, она закудахтала, как курица. И глупа она тоже, как курица. Она мне действует на нервы, но придется еще немного потерпеть. Скажите ей, чтобы она не раздражала меня и не говорила со мной без крайней необходимости. Пусть постарается вести себя как немецкая женщина, а не вздыхает и не хнычет около меня. Мне еще менее приятно жить у вас, чем вам терпеть меня здесь. Но выбора нет ни у меня, ни у вас.

— В Германии вы были бы в безопасности. Почему вы не ушли?

Эльза Магер вздохнула.

— Вы в самом деле так глупы? В Германии за мной следили бы так же, как в Грюнбахе. Где самое безопасное место? Здесь у вас. Кому придет в голову, что Эльза Магер

скрывается у изменника, которому ее друзья дали хороший урок? Вот видите: национал-социалисты умны, они были и останутся цветом немецкой нации. Поражение мы потерпели только из-за измены таких паршивых интеллигентов, как вы. Но вы уже больше не измените, а? В следующий раз вы будете осторожнее! А теперь говорите, что нового в административной комиссии?

— Раненый этот, Клинек, вернулся в Грюнбах.

С минуту было тихо, и снова ясно слышался шум реки и щебет еще не уснувших птиц. Сумерки заметно сгустились. Лица Эльзы Магер почти не было видно.

— Дурак,— сказала она наконец.

— Кто, скажите, пожалуйста?

— Тот, кто стрелял. Побоялся выстрелить еще раз, чтобы не привлечь внимания. Настоящих мужчин уже нет, они пали в боях или ушли отсюда. Остались одни дураки. Что еще?

— Шарикоподшипниковый завод передан какому-то крупному национализированному концерну. Какому — не знаю. Машины будут демонтированы и увезены.

— Куда?

— Точно не знаю. Говорят, в Словакию.

— Впрочем, это не важно,— сказала Эльза Магер.— Мы слишком долго медлили. Пора исправлять.

— Что исправлять?

— Ошибки. Какие еще новости?

— Я встретил герра Кнаузе. Он сказал: «Передайте: я жду письма».

— Письмо будет,— сказала Эльза Магер.

— Передать ему это?

— Не нужно. Чем меньше вы будете болтать, тем лучше. Еще что?

В долине стало совсем темно и тихо. Слышался только неумолчный шум реки, тявканье собак и отдаленный звук гармоники — кто-то из чешских ткачей, сидя у открытого окна, наигрывал тоскливую, протяжную мелодию. Титце уже не видел лица своей собеседницы. Только темный контур ее фигуры вырисовывался на чуть более светлом прямоугольнике дверей. Секретарь осмелел.

— Больше ничего,— сказал он.— Как долго еще вы намерены оставаться у нас?

Послышался смех, похожий на шипение.

— Сколько понадобится. А теперь уходите и оставьте дверь на веранду открытой. Лучше всего сразу ложитесь спать.

Титце с женой сидели рядышком в кухне, на старой деревенской скамейке, которую жена когда-то принесла в дом как приданое; она была родом из бедной крестьянской семьи, жившей в горах близ Меденца. Титце пил теплое молоко из большой фарфоровой кружки и медленно жевал хлеб. Маленькая жена прижалась к его локтю и тихо плакала. Они сидели, не зажигая света, и напряженно прислушивались. Послышался скрип ступеней и дощатого пола на веранде, ссохшегося от летнего солнца. Титце встал, отогнул занавеску и выглянул в темный садик. Но он тщетно напрягал зрение.

Пальме, сидевший под старой вишней на косогоре, с трудом поднялся. «Это бессмысленно,— подумал он.— Что я, собственно, надеюсь увидеть? Этот старый олух смертельно напуган и боится зажигать свет, чтобы в него не выпалили снова».

Эльза Магер, в черном макинтоше и в темном платке на голове, переходила от дерева к дереву, прячась в тени старых яблонь. Она чутко прислушивалась, но слышала лишь обычные ночные звуки: отдаленные голоса в домах, где поселились чешские текстильщики, жуткий смех филина и равномерный, успокаивающий шум реки, текущей по каменистому руслу.

Эльза вышла в заднюю калитку, через которую фрау Титце ходила к реке за водой, и, сделав несколько шагов, достигла кустов ольхи, растущих на берегу. Эльза Магер дышала глубоко'и тихо, не переставая прислушиваться. Каждый вечер она совершала прогулку по этой плотно утоптанной тропинке, где не оставалось никаких следов. Тропинка шла меж раскидистых кустов и кончалась у небольших мостков, сбитых из двух досок; здесь было удобно черпать воду и полоскать белье.

Эльза села под кустом, положила пистолет на колени, подперла подбородок руками и засунула пальцы в рот. В такой же позе она целыми днями сидела в мансарде домика Титце, с трудом борясь с давней привычкой кусать ногти.

Можно покинуть Грюнбах, пробраться в американскую зону, там живется легче, не нужно прятаться, она будет свободна. Но Эльза не хотела уходить. Нет, она уйдет не раньше, чем выполнит свою миссию, не раньше, чем станет ясно, что все немцы должны покинуть Грюнбах. И она будет последней... Но это немыслимо, американцы никогда не допустят ничего подобного! Если же это все-таки случится, только прах и пепел должны остаться после нас.

Раздались тихие шаги по траве, чуть слышно треснула веточка, послышалось чье-то учащенное хриплое дыхание. Эльза не шевельнулась, но правой рукой взялась за пистолет на коленях. Рядом появилась черная тень. Эльза протянула левую руку, нащупала штанину из грубой ткани и сильно дернула. Человек сел рядом с ней и перевел дыхание.

— Задержался в отеле «Грюнбах»,— сказал он свистящим шепотом.

Она сказала, помолчав:

— Не вздумайте вести двойную игру, Смола. Или с нами, или с ними. Ваша жена немка, ваши сыновья были немцы. Сколько лет вы живете среди нас!

— Тридцать пять. Я уже давно забыл, что родился среди них. Густав убит на Восточном фронте, Фриц в плену у американцев. Чехи обидели меня сразу, как пришли.

— Что вы делали у Рейзека?

— Хотел узнать, о чем говорили на заседании административной комиссии. Я часто сижу в кухне со старой Гретой. Иногда туда приходит и эта Краус.

— Шлюха! — сказала Эльза.

— Она вцепилась в Рейзека, думает, что ему удастся оставить ее здесь, выхлопотать ей чехословацкое гражданство. Не хочет уезжать отсюда. Интересно почему. Она ведь всюду побывала, жила и в Румынии.

— Отвяжитесь вы с разговорами о ней. Что вы узнали у Рейзека?

— Он считает, что вся комиссия против него. И все из-за фрау Краус. Стоит ему начать разговор о гражданстве для нее, как члены комиссии только пожимают плечами, даже Трнец. Впрочем, Трнец только потому против, что фрау Краус не нравится его жене. Рейзек приходит с заседаний злой и все рассказывает, даже при мне. Наверное, он думает, что мы с ним в одинаковом положении.

— Расскажете вы наконец что-нибудь толком? — прошипела Эльза.

— Я говорю об этом потому, что такие сведения могут вам пригодиться.

— О чем говорили в комиссии?

— Слышали вы уже о демонтаже шарикоподшипникового завода?

— Слышала.

— Демонтажа не будет. Все высказались против. И коммунисты и другие партии.

— Высказываться против они могут, но еще вопрос, что

из этого выйдет. Впрочем, где бы ни был этот завод, если он будет работать на них, убыток одинаковый. Это наше предприятие, мы привезли его сюда из Германии. И мы не допустим, чтобы чехи выгнали нас и захватили наше имущество.

Они говорили шепотом, и шум реки заглушал их голоса. Все же они время от времени замолкали и чутко прислушивались. Но ночная тишь становилась все глубже.

Смола передал Эльзе объемистый пакет в черной обертке:

— Здесь все, что вы просили. Но герр Религ не хочет, чтобы разрушали его фабрику. У него есть хорошие вести, он верит, что вернется. Он считает, что достаточно уничтожить запасы сырья и готовых изделий.

Эльза Магер молчала.

— У чешского переселенца в Долинке сдохло двое телят,— сказал Смола.

— Он потеряет все, что получил. Урожай тоже. У него не должно остаться ничего!

— У наших людей отняли двух стельных коров и дали ему взамен. Они и дальше будут так делать. Они решили выселить всех жителей Долинки сразу, как только кончится жатва.

— Мерзавцы! — сказала Эльза Магер, и, несмотря на шум реки, было слышно, как она скрипнула своими крупными, лошадиными зубами. У Смолы мороз прошел по коже.

— Когда-нибудь они вернут нам все сторицей! — сказала Эльза.— Мы были слишком гуманны!

На дороге послышался женский смех и громкий разговор по-чешски.

— Это Багар и Деймек с дочерью,— сказал Смола.— Коммунисты. Они сидели в трактире еще долго после того, как все разошлись.

Эльза Магер встала с пистолетом в руке.

— Не делайте этого! — испуганно сказал Смола.— Вы выдадите себя. Они перевернут весь город вверх дном, чтобы найти виновника.

— Вы правы,— сказала Эльза.— Надо учиться терпению. Но это так трудно...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Вы инженер? Нет. Почему же руководство заводом не было поручено какому-нибудь инженеру? — спросил Багар.

Росмус скрестил ноги в высоких сапогах для верховой езды, вынул изо рта трубку и, снисходительно улыбнувшись, наклонился вперед. Он был очень похож на англичанина — худощавый, в шелковой рубашке цвета хаки и толстых замшевых перчатках. Ровный пробор разделял темные, с сильной проседью на висках, гладко зачесанные волосы — «цвета соли с перцем», как любили выражаться чешские снобы, заимствовавшие это сравнение у западных романистов. «Интересный мужчина!» — наверное, говорили о Росмусе дамы его круга.

— Я и есть инженер, уважаемый пан председатель,— сказал Росмус с еще более учтивой и снисходительной улыбкой.— Вы, видимо, не обратили внимания на мой полный титул: доктор технических наук и инженер.

Багар кивнул, но не улыбнулся. Он крутил пуговицу и покачивался на стуле, упершись коленом в ящик письменного стола и сосредоточенно глядя на посетителя. Он решил не показывать Росмусу сразу, что знает о нем больше, чем тот предполагает.

— Я думал, что у вас агрономическое образование.

— Потому что я занимаюсь и сельским хозяйством? — улыбнулся Росмус, словно удивляясь тому, как плохо Багар знает мир.— Я всегда любил природу. Впрочем, у моей жены диплом агронома. Но я не упомянул об этом — такова уж судьба замужних женщин. Имение Врш и вилла — наша законная собственность. Вы не знали об этом?

— Ваша собственность?

— Мы купили Врш у барона Нагеля после первой земельной реформы и покинули имение после Мюнхена, потому что оно оказалось в первой зоне. Барон Нагель вернулся туда как прежний владелец. Разумеется, лишь после пятнадцатого марта, до того времени шли переговоры.

— Какие переговоры?

Росмус пожал плечами и усиленно запыхтел трубкой.

— Немцы разыгрывали из себя джентльменов,— наконец произнес он.— Вся эта комедия, разумеется, кончилась пятнадцатого марта. Известно ли вам, что я был в числе сотрудников нашей фирмы, в последний момент улетевших в Англию и спасших от немцев важные чертежи?

— Слышал об этом,— сказал Багар.— Не в благодарность ли за это союзники разбомбили ваши заводы в последние дни войны?

Снисходительная улыбка Росмуса сделалась кислой.

— Несомненно, в этом была военная необходимость.

— Несомненно,— повторил Багар.— Смотря какую войну иметь в виду.

Наступило молчание, Багар не нарушал его. Росмус вел себя как опытный парламентер и тоже молчал. Чуть поскрипывал стул Багара, да было слышно, как посасывает трубку Росмус. Сквозь тонкую стену доносился быстрый стук пишущей машинки. Взвизгнул валик — видимо, написанное вынули. Послышались шаги, в коридоре громко стукнула дверь, и вошел Клинек.

— Готов, товарищ Багар,— сказал он, наклоняясь к нему.— Просмотри-ка.

Багар протянул руку к поданному листу, заметил озорное подмигивание Клинека, но не подал виду и стал читать документ. Клинек вышел, Росмус снова зажег свою трубку.

— По-моему, правильно,— сказал Багар и, перегнувшись через стол, подал бумагу Росмусу. Доктор технических наук извлек из кармана очки в чрезвычайно толстой черепаховой оправе и не без торжественности надел их. Прочитав, он покачал головой.

— Что касается завода, ваш акт целиком соответствует тому, что мы обнаружили на месте. Но я не вижу здесь ни слова о вилле. Само собой разумеется, она принадлежит заводу.

— Почему само собой разумеется? Она стоит на отдельном участке. Согласно вашему полномочию, вы получаете завод, и здесь ясно сказано о заводе, вспомогательных строениях и соответствующих земельных участках. Что касается особняка бывших владельцев, то это собственность не производственного характера, и местная административная комиссия оставляет за собой право отдельно рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании виллы.

Багар подавлял улыбку, чувствуя, что вот-вот вывихнет себе язык от этих канцелярских оборотов. Но Росмусу явно нравилась такая манера выражаться, хоть, по существу, он и не соглашался с Багаром. Он крепче стиснул трубку в зубах, продолжая еще улыбаться; взгляд его, однако, стал суше. Видимо, Росмус только сейчас оценил своего противника и старался определить его силы и возможности. Углы его губ слегка опустились. Если вспомнить, сколько крупных и сложных торговых переговоров провел в своей жизни Росмус, то с какой стати он испугается какого-то большевистского агитатора. Этот Багар сейчас чувствует себя на коне, но надолго ли это? Когда умеешь правильно

оценить международную обстановку и соотношение сил, можно оставаться хладнокровным и уверенным в успехе.

— Мне кажется, что не все члены административной комиссии такого мнения,— сказал доктор технических наук.

— Может быть, и не все, но явное большинство. А большинство, как мне известно, было решающим и при формальной демократии.

— Мы же, как известно, живем при народной демократии,— сказал Росмус и чуть скривил губы,— которая представляет собой власть народа. Но в нашем деле это не главное. Я вынужден, однако, считать особняк неотъемлемой частью завода. Где же будет жить директор?

— Насколько мне известно, у вас отличная вилла в Врше.

— Ах, дело не во мне,— сказал Росмус, возвращаясь к снисходительному тону.— Руководство здешним заводом — незначительное и второстепенное поручение. Я принял его лишь затем, чтобы проявить свою добрую волю. Ведь я все еще не считаюсь служащим фирмы.

Багар перестал качаться на стуле и уперся локтями в стол.

— Как же это так? — спросил он.— Ведь вы один из ее директоров? Или нет? Перед войной, по крайней мере, вы были виднейшей фигурой в дирекции.

Доктор технических наук самодовольно усмехнулся и одновременно отчетливо почувствовал силу своего противника. «Он, однако, знает обо мне больше, чем показывал вначале,— подумал Росмус.— Чуть-чуть было не влип».

— Никто не пророк в своем отечестве,— сказал он, опустив углы рта.— Вы это тоже, конечно, знаете по собственному опыту или еще узнаете. Вернувшись из-за границы, я ожидал хоть какого-то минимального признания моей вполне определенной позиции в марте тридцать девятого года. Вместо этого против меня было выдвинуто обвинение. В чем же, скажите, пожалуйста? Обвинять меня в сотрудничестве с немцами было бы смешно — я все время находился в союзном государстве и активно работал для освобождения республики. Тогда меня объявили «асоциалом», антиобщественным элементом. Недурно, а? Замечательный термин, широкий, как сюртук толстого дяденьки. Вы асоциал, извольте получить отставку, и все тут.

Багар сжал губы, подавляя улыбку.

— Очевидно, вспомнили вашу довоенную деятельность,— сказал он.

Впервые за весь разговор с лица доктора Росмуса исчезла снисходительная улыбка. Он стиснул зубами трубку, и на переносице у него образовалась глубокая морщина.

— Я не понимаю вас,— коротко сказал он.

— Я имею в виду стачечное движение,— ответил Багар. Его взгляд стал суровым при этом воспоминании.— Вы больше других отличались, срывая забастовки. Вы создавали желтые профсоюзы, умели найти друзей и в социал-демократическом профсоюзном руководстве.

Росмусу удалось изменить выражение лица и вернуть ему прежнюю улыбку.

— Вы удивительно осведомлены,— сказал он.— Вижу, что наводили справки, и догадываюсь, из каких источников вы их получили. Но я только выполнял свои обязанности. Так сказать, выполнял приказы, как офицер в бою. Впрочем, все это, надо полагать, не имеет отношения к обсуждаемой нами сейчас теме.

— Как вам угодно,— сказал Багар.

«Надо скорее кончать этот разговор,— подумал он.— Тошно смотреть на этого типа. Где-то сидят еще ловкие пройдохи и прокладывают дорожку для таких росмусов. Хотел бы я знать, какой трюк он выкинул, чтобы добиться полномочия на этот завод. Сюда он приехал, чтобы укрыться и выждать время, но ему не терпится снова начать крупную игру».

— Вы сами понимаете,— сказал Росмус, постукивая трубкой по акту о передаче завода,— что я не могу подписать это. Я обязан обеспечить приличную квартиру для моего возможного преемника.

— Приличная квартира и особняк из двадцати пяти комнат — разные вещи. Неужели вы думаете, что народ допустит, чтобы отдельные лица снова занимали такие дворцы?

При слове «народ» Росмус сморщил нос, словно почуяв неприятный запах, но сказал спокойно и невыразительно:

— Предприятие могло бы использовать особняк иначе, так, чтобы это отвечало нынешним взглядам.

— Это вполне возможно,— ответил Багар.— Мы тоже ищем ему такое применение. Я думаю, можно пока подписать акт с такой оговоркой.

Росмус с минуту смотрел перед собой, потом кивнул. Отложив трубку, он эффектным движением снял замшевые перчатки и извлек золотое вечное перо из нагрудного кармана своей шелковой рубашки. Нагнувшись над круглым

столиком, он четким округлым почерком человека, окончившего коммерческий институт, начал писать оговорку.

Багар следил за его пером.

— Формулировку «преимущественное право» не употребляйте ни в каком, даже завуалированном, виде,— сказал он.— Иначе не смогу подписать я.

Доктор технических наук поднял взгляд, с минуту смотрел в упор на Багара, потом кивнул.

— Обойдусь без этой формулировки.

В коридоре послышалась торопливая тяжелая походка, кто-то сильно постучал в стеклянную дверь, и в комнату вбежал Винценц Постава. Шапка у него была сдвинута на затылок. Он размахивал трубкой, рассыпая кругом пепел.

— Хорошо, что хоть ты-то на месте! — не здороваясь, воскликнул он срывающимся от волнения голосом.— Этот наш КНБ будто сквозь землю провалился как раз в то время, когда в нем самая нужда! Ну, я еще доберусь до них!

— Что случилось? — вставая, спросил Багар.

Ромус оглядел Поставу, чуть сморщил нос и сказал свысока:

— А, пан Постава. Вернулись на старые места?

Постава только сейчас заметил, что Багар не один. Замигав, он ответил грубовато:

— Вернулся, да не к вам.

Росмус пожал плечами и снова наклонился над круглым столиком.

— Скажешь ты наконец, что случилось? — повторил Багар.

— Коровы... Собирайся, пойдем со мной,— хрипло отвечал Постава.— Об этом не скажешь, надо самому видеть. Брось все и пойдем! Поубивать их всех мало, говорю тебе, содрать со всех шкуру живьем. Кончай и пойдем, а то моя старуха там совсем спятит.

— Сейчас подпишу одну бумагу, и пойдем.

— Давай поживей. Да приглядывай за мной. Будет чудо, если я сегодня не пристукну кого-нибудь...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

У поворота к Долинке они встретили патруль КНБ. Из ресторана Рейзека вышли двое — пожилой вахмистр, тип полицейского служаки из бывших легионеров, и парень примерно в возрасте Клинека. Они еще поправляли фуражки на головах, застегивали воротники френчей, подтя-

гивали на плечах автоматы и, щурясь, глядели на заходящее солнце, особенно яркое перед тем, как исчезнуть за вершинами гор. У обоих был вид людей, плотно поевших, недурно выпивших и довольных собой и погожим днем.

Винценц Постава возмущенно замахал трубкой.

— Погляди на эту парочку! Закладывали в трактире! Вот и ищи их!

— Погоди, не вмешивайся,— поспешно сказал Багар.— Я сам с ними поговорю.

— Младшего я знаю,— сказал Богоуш Клинек.— Это Пепик Палка. Он был с нами в команде Тимеша. В общем, хороший парень, только ему нужна твердая рука.

— Он как раз в таких руках,— сказал Постава.— У вахмистра Яноуха твердая рука, когда он берется за вилку или рюмку. И чем больше он пьет, тем она становится тверже. Я слышал, как он хвалился этим в трактире Бледного Арноашта.

— Да что ты зря расстраиваешься,— сказал Багар.

Вахмистр Яноух заметил их и направился навстречу четким, размеренным шагом. Он держал руку на стволе автомата и походил на охотника, возвращающегося под вечер с охоты. Справа, отставая на полшага, маршировал Палка, подражая походке, выправке и манерам своего начальника.

— Здравия желаю, пан председатель,— гаркнул вахмистр гулким басом.— Изволите идти по делам?

— Похоже на то,— ответил Багар.— И вы как раз нужны нам. Пойдемте вместе.

Вахмистр изобразил на лице сожаление и почесал ухо.

— Мне очень жаль,— начал он на пол-октавы ниже.— Очень, очень жаль, пан председатель, но я как раз кончаю обход, и у меня еще масса писанины. Сами знаете, что мы утопаем в бумагах.

— Какого черта...— сорвалось у Поставы, но Багар оглянулся на него, и бывший батрак сразу умолк.

— Тем не менее я советовал бы вам пойти с нами, вахмистр,— сказал Багар.— Это серьезное дело.

— Я в самом деле никак не могу,— возразил Яноух, все еще теребя себе ухо.— Я... как бы вам сказать, с одной стороны, уже отдежурил, а с другой — у меня еще работа дома. В общем, мне некогда. Я думаю, будет достаточно, если пойдет Палка.

Постава развел руками, нахлобучил шапку на лоб, опять сдвинул ее на затылок и возмущенно сказал:

— И это называется охрана безопасности! Нас тут поубивать могут, а ему не-ко-гда!

— Не волнуйся,— сказал Багар.— Повторяю, вахмистр, случай серьезный, а вы даже не спросите, в чем дело. Подумайте о том, как вы поступаете, чтобы, чего доброго, не оказалось, что вы «отдежурили» раз и навсегда.

У вахмистра даже дыхание сперло. Он схватился за воротник, издал какой-то сиплый звук и только потом обрел дар речи.

— Вы будете мне угрожать?

— Разве я угрожал вахмистру? — удивленно сказал Багар.— Ничуть не бывало. Что я сказал? Я только обратил его внимание на серьезность случая, вот и все. Разумеется, как глава административной комиссии я могу подать рапорт о действиях вахмистра, это мое право.

— Грош цена вашему праву,— рассвирепел Яноух.— Еще посмотрим, какие у вас права. Меня не запугаете.— И, повернувшись к своему молодому спутнику, он рявкнул командирским тоном: — Палка, пойдете с ними и посмотрите, что там случилось. Если окажется, что нас беспокоят по пустякам, мы еще с ними поговорим.

Он подтянул автомат, зашагал по улице, даже не попрощавшись, и исчез за углом, а они все еще стояли, глядя ему вслед и не веря своим глазам. Наконец Постава, словно очнувшись, глубоко вздохнул и сказал:

— Каков сукин сын, просто не верится. Вот такие стреляли в народ по первому приказу. И снова будут стрелять, если их оставить на этой службе.

— Не оставим! — сказал Багар.— Время нынче другое, предстоят новые и новые перемены. Если они не поймут этого, отправим их отсюда!

— Отсюда! — недовольно отозвался Постава.— Подумаешь, испугал. Станут безобразничать в другом месте. Морду им набить, вот это было бы дело!

— А ты с ними связался! — сказал Богоуш Клинек и презрительно поглядел на Пепика Палку.— Похоже на тебя.

Смущенный Пепик, дергая ремень автомата, ответил:

— Нам говорили, что мы будем оберегать завоевания народной демократии. Вы, мол, передовое охранение народа и правительства. Но ежели и дальше будет так, я на это дело плюну и найду другую работу.

— Зачем же? — сказал Багар.— Ты не давай сбивать себя с толку. Если у тебя честные намерения, оставайся на службе. Тебе говорили правду: вы передовое охранение

народа. И народ позаботится о том, чтобы вы занимались именно этим делом, и никаким другим.

— Как пить дать! — заметил Постава.— А яноухов погоним в три шеи!

Вся семья Поставы, кроме матери, была на дворе. Мальчики убирали его: восьмилетний Станислав поливал землю из лейки, а десятилетний Людвик орудовал метлой. Оба они были до смешного похожи на отца: те же размашистые, быстрые движения, те же темные любознательные, живые глаза. Сестры Квета и Иржина чистили свинарник. Громадная свинья бегала по двору, чистому и утрамбованному, как гумно, тщетно ища подходящее местечко, чтобы порыться. Она сердито грызла попадающиеся ей стебли соломы, хрюкала и трясла головой, хлопая ушами.

Квета очищала хлев от навоза, Иржина вывозила его в тачке за хлев. Она как раз возвращалась налегке, когда во дворе, на который выходили жилой дом, хлев и другие хозяйственные строения, появились ее отец и еще какие-то люди. С ними был тот парень, что окликнул ее из машины, когда они везли с поля последние снопы. Тот самый бедняжка, сочувствие к которому заставило сжаться сердце Иржины. Только теперь он выглядел совсем не таким исхудавшим, как в тот раз.

Иржина уже знала, что он служит в административной комиссии, пишет там на машинке — видно, лодырь, который чурается настоящей работы, а с девчатами любит только потрепаться.

Она увидела, как он улыбнулся ей, и эта улыбка говорила: «Мы ведь старые знакомые». Кровь бросилась в лицо Иржине. Она остановилась и опустила тачку. «Гляди на меня, гляди! — мысленно говорила она Клинеку.— Возить навоз, пожалуй, получше, чем стукать где-то там на машинке. Гляди, гляди; все равно я тобой вот на столечко не интересуюсь». И она постаралась изобразить презрение на своем широком, открытом лице, которому гораздо больше шла веселая улыбка.

Но паренек совсем не испугался. Он оглянулся на остальных и, убедившись, что на него не смотрят, подмигнул Иржине и поманил ее пальцем. Ах, шут! Девушка сердито отвернулась, ухватила тачку и поспешила к сестре.

Винценц Постава остановился посреди двора, вынул трубку изо рта и закричал таким голосом, словно был где-то на той стороне косогора, а не в двух шагах от своего дома:

— Мария! Мария!.. Девчата! Иржина, Квета! Где мать? Мари-и-ия!

Иржина остановилась, опустила тачку и сказала недовольно:

— И чего вы так кричите, папаша? Мама в кухне. Она плачет и собирается уезжать.

Постава развел руками и обернулся к Багару.

— Слышишь? Вот и скажи, что мне теперь делать?

Не ожидая ответа, он побежал к дому и исчез в сенях. В открытое окно послышался его голос, он громко подбадривал жену, потом ворчливо уговаривал и успокаивал ее. Вскоре он снова вышел на двор, лицо у него было огорченное, и он больше обычного походил на растрепанного воробья. Просительно поглядев на Багара, Винценц сказал:

— Никакого с ней сладу. Вбила себе в голову, что не станет тут жить. Готова собраться хоть сейчас. Уговори ты ее, председатель. Я так зол, что поубивал бы всех немцев. Но уезжать отсюда мне не хочется.

— Что вы там толкуете об отъезде, папаша? — заговорила Иржина.— Всю жизнь покрикиваете на нас да распоряжаетесь, а теперь струхнули. Я вот что скажу: если вы с мамашей уедете, мы с Кветой все равно здесь останемся. Мы не дадим выжить себя отсюда!

— Слышишь, как чешет? — сказал Винценц Постава, и лицо у него стало виноватое.— Родному отцу этакие слова.

— Семью хочешь ломать, Иржинка? — раздался сзади резкий женский голос.— Пойдешь туда, куда пойдем мы.

На крыльцо вышла Мария, ширококостная, рослая женщина. В ее чуть сутулой фигуре, в каждой морщинке рано увядшего лица виднелись следы многолетней нужды и тяжелого труда. Глаза у нее покраснели от слез.

— При чем тут ломать семью, маменька? — сказала Иржина, вскинув голову.— До смерти мне, что ли, держаться за вашу юбку? А вы-то сами куда пойдете? Назад, в кабалу? Я не собираюсь. Здесь жить хорошо, едва ли где будет лучше.

— Слышишь, отец? — закричала Мария.— И ты ей это спустишь? Не проучишь ее кнутом?

— Ну вот что, хватит! — быстро сказал немного смущенный Багар.— Ты бы нам лучше показал, что у тебя стряслось, товарищ Постава.

Постава тяжело вздохнул и ткнул трубкой в сторону коровника. Все пошли за Поставой. Ворота коровника были распахнуты, вход преграждала только низкая дверца из тонких дощечек. В коровнике стоял не обычный теплый запах хлева, а отвратительно смердело падалью. Черные

мухи тучей поднялись с земли. В стойлах лежали четыре коровы. Их окоченевшие ноги торчали в стороны, животы были вздуты, почерневшие языки высунулись. На вылезших из орбит глазах пировали мухи. В темном углу, в маленьком стойле, жалась к стене белая коза. Она дико сверкала глазами и жалобно блеяла.

Багар молча подошел к козе, отвязал ее и вывел из коровника. Все расступились перед ним.

— Выгоните ее куда-нибудь на пастбище,— сказал он мальчикам, которые оставили свою работу и присоединились к взрослым.

— Видали? — сказал Винценц Постава.— Сперва телята, а нынче коровы. Две были стельные, я получил их вместо телят. Одна должна была отелиться к рождеству, другая — на масленице.

Багар оглядел бледные лица стоявших вокруг людей и сжал кулаки, так что ногти впились в ладони. Он потер руки, но устыдился этого жеста, которым обычно выражают свое удовлетворение. Потом в раздумье взялся за пуговицу на пиджаке.

Мария снова расплакалась, закрыв лицо передником.

— Поубивать бы их всех! — сказал Пепик Палка.

— Из-за коров? — сказал Багар.— Коров он получит других. Но не только в этом дело.

— Ничего мне не надо! — заголосила Мария.— Не хочу я тут жить! Сперва телята, потом коровы, а сегодня ночью, может быть, поубивают и нас всех или подожгут дом.

— Не поубивают. Мы позаботимся о вас.

— Позаботитесь! Вам-то хорошо говорить. Вы сидите в ратуше, в городе. Попробовали бы сами пожить здесь. Нет, я и слушать ничего не хочу. Не останусь тут!

— Да опомнись ты,— сказал Винценц Постава.— Совсем спятила. Куда ты пойдешь?

— Все равно куда,— всхлипнула она.— И зачем только я послушалась тебя, дурного! Оставались бы, где жили!

— И бедствовали бы, как прежде, работали бы на хозяев за гроши.

— Не вечно. Дали бы и нам поле.

— Поле, поле! А хата? Жить-то где? На меже? Или посреди деревни?

— Отстань! Все равно я здесь жить не буду.

Постава вынул трубку изо рта, другой рукой сорвал с головы засаленную кепку, казалось неотделимую от него, поднял ее над головой и швырнул оземь с такой силой, что

даже взметнулась пыль. На непокрытой голове Поставы растрепались редкие волосы мышиного цвета.

— Хватит, и баста! — воскликнул он.— Никто никуда не уйдет, и переезжать мы не будем! Я еще здесь хозяин, и никто не смеет сказать, что я испугался здешней паршивой немчуры.

Мария снова заплакала, прижимая к глазам край ситцевого передника. Оба мальчика подскочили, вместе подняли и подали отцу кепку. Тот нахлобучил ее, даже не отряхнув от пыли.

— Не плачьте,— сказал Багар.— К чему плакать? Ничего страшного не случится, мы позаботимся о вас.

— Оставь ее, пусть похнычет, если ничего больше не умеет,— сказал Постава тоном упрямого мальчишки.

— Ну как, следовало вахмистру Яноуху быть здесь? — спросил Багар Пепика Палку.

— Уж я ему выскажусь на этот счет,— ответил тот.— Такое услышит, что не обрадуется.

— Клинек, хочешь пойти с ним? — сказал Багар.— Обойдите Долинку и объявите, что через час все мужчины должны собраться здесь во дворе. Да пусть захватят с собой лопаты и четыре подводы.

Багар не пошел в дом, а, выйдя из ворот вместе с Клинеком и Палкой, сел на груду досок, сложенных у стены каменного сарая.

На земле валялась облупившаяся штукатурка, обнажившиеся кирпичи сильно прогрелись на солнце и излучали тепло и характерный запах. Холм над Долинкой потемнел и украсился золотым ореолом над зубчатой каймой хвойного леса. Где-то дальше, за горами и в седловинах, еще, вероятно, светит солнце, а здесь, в Долинке, уже легли вечерние тени.

Долинку трудно было бы назвать деревней. Около двадцати домиков вытянулись в ряд вдоль дороги, у подножия холма, а кругом, с холма на холм, раскинулись поля и угодья, как будто волны прибоя застыли у скалистых берегов гор. Серые этернитовые крыши, серые оштукатуренные стены казались какими-то чужими на фоне этого пейзажа.

Багар положил руки между колен и курил сигарету, пуская едкий дым через нос. Со двора доносился голос Поставы и резкие возгласы его жены. Слышно было, как девушки утешают и уговаривают мать. Семья все еще спорила — уехать или остаться. Ясно, что им не следует уезжать. Это хорошие люди, нужно, чтобы именно они

стали первыми чешскими поселенцами в Долинке. Стоит только вспомнить, как они быстро убрали урожай, как, едва сложив снопы в копны, начали пахоту, какой порядок у них на дворе. Нет, отпускать их нельзя, лучше я выселю сразу всех немцев из Долинки.

Я, подумаешь, я! Что ты за властелин такой? Не привыкай говорить «я выселю», «я сделаю», думай всегда только о выполнении долга, не вздумай любоваться собой, а главное — не воображай о себе слишком много, помни, что власть тебе дана лишь для того, чтобы ты выполнял свой долг, решай, потому что ты обязан решать, а заодно приготовься к тому, что и тебя могут угостить пулей.

Багару было видно, как Палка и Клинек ходят по тропинкам от дома к дому. Слышался яростный лай собак, иногда доносился скрип калитки. Казалось, все окрестности злобно лают, все кругом враждебно и преисполнено ненависти. Багар представил себе, как встречают там, во дворах, Клинека и Палку. Люди, как собаки, готовы оскалиться, того и гляди, вцепятся в горло, их сдерживает только страх. Да они так и делают: умертвили ведь телят и коров у Поставы. Его жена совершенно права. Подумать только, как тут живется этой чешской семье: выйдешь из дому — кругом ненавидящие взгляды, ни одного дружелюбного слова. Язык соседей непонятен Марии. Они могут идти рядом и разговаривать о том, как они подожгут ее дом. Наверное, она думает, что они только об этом и говорят. И все же семья Поставы не должна покинуть Долинку. Они пришли первыми, они нужны здесь!

Палка и Клинек вернулись. С дороги под холмом слышался скрип телег.

— Тащатся,— доложил Клинек.— Видел бы ты, какие они строили рожи.

Постава вышел из ворот. Оба мальчугана и девушки высунули головы.

— Во двор я их не пущу,— объявил Винценц.

— И не надо,— согласился Багар.— Я поговорю с ними тут. Но тебе придется пустить их во двор, чтобы они убрали падаль.

— Лучше бы они сами лежали там вместо падали! — с сердцем сказал Постава.

— Не бойся, мы будем впускать по одной телеге и глядеть за ними в оба. Не предполагаешь же ты, что они открыто отважатся на что-нибудь? Они действуют только по ночам, как крысы.

Немцы толпой шли по дороге, которая вела к усадьбе от

шоссе. Подводы они оставили позади и молча собрались в полукруг, ни с кем не здороваясь. Большинство было в синих рабочих куртках и черных лыжных шапочках. От них пахло хлевом и кислой капустой.

Тишина легла меж двумя группами людей. Над головами беззвучно пролетела первая летучая мышь, в соседних кустарниках закричала какая-то ночная птица, на шоссе заржала лошадь, ей откликнулась другая. Постава чиркнул спичкой и принялся усиленно раскуривать трубку, дым закрывал его лицо и рассеивался порывистым вечерним ветерком. Палка стоял, сжимая автомат, направив его на группу немцев, и хмурился, словно готовясь открыть огонь. Клинек сел рядом с Багаром, вынул карманный нож и, видимо смущенный долгим молчанием, начал строгать доску: тонкие завитки падали на землю. Багар, который все еще держал руки между колен, поднял голову и спросил:

— Кто будет говорить от вашего имени?

Этот вопрос озадачил немцев, они беспокойно задвигались, пошептались, наконец сразу несколько голосов произнесло:

— Зепп Мюллер! Пусть говорит Зепп Мюллер.

И они вытолкнули вперед длинного худого крестьянина с ввалившимися щеками. Из-под густых, нависших седых бровей неподвижно смотрели злые, упрямые глаза. Он не вышел вперед, а остался стоять в первом ряду.

— Чего вы хотите от нас? — спросил он гортанным голосом, очень невнятно произнося слова.

— Прежде всего,— сказал Багар,— все ли вы собрались? Я имею в виду всех хозяев немецкой национальности, проживающих в Долинке.

— Все,— сказал Мюллер.

— Пусть не врет! — быстро сказал Йозеф Палка и хлопнул ладонью по стволу автомата.— Один из них валялся в постели и хныкал, что не может встать. Это было в доме номер девять, большой дом, вроде этого. Верно, Богоуш?

— Факт,— сказал Богоуш Клинек, не переставая строгать доску.— Там у них пахло какой-то мазью и пригорелым молоком. Ну и вонь была!

— Почему вы говорите неправду? — сказал Багар Мюллеру.

— Я не заметил, что кого-то не хватает,— ответил тот.— Стражник я, что ли?

— Вы не заметили, вы не стражник. Кажется, вы кое-кто похуже. Кто же этот больной, кого здесь не хватает?

— Это Вальтер,— произнес кто-то за спиной Мюллера.

— Какой Вальтер? — спросил Багар.

— Вальтер Прюлл,— ответил Мюллер.— У него ревматизм. Все знают об этом. Его всегда ломает, стоит ему вспотеть и простыть немного.

— Он схватил ревматизм в окопах,— сказали в толпе.— Еще в первую мировую войну.

— Только их Вальтер и заработал там ревматизм,— проворчал Винценц Постава.— Сами лезли в окопы, да и нас туда гнали. Уж я-то знаю, каковы были немцы в первую мировую войну, я служил с ними в Польше.

— Чьи были коровы, которых Постава получил вместо издохших телят? — спросил Багар.

— Одна была Вальтера Прюлла, другая Мюллера,— сказал Постава.

Клинек тихонько свистнул. Выбрав одну из стружек, он внимательно осмотрел ее и стал задумчиво жевать.

— Сначала у Поставы сдохло двое телят,— сказал Багар.— Их отравили. Кто же? Сегодня у него подохли все коровы, в том числе и полученные вместо телят. Их отравили. Кто же? Я спрашиваю: можете вы мне сказать, кто отравил весь скот Поставы? Подозрение, разумеется, падает на бывших владельцев.

Темная толпа крестьян стояла молча и, казалось, только сомкнулась теснее. Одни уставились в землю, другие вызывающе глядели на Багара, словно говоря: «Ну что ж, поищи среди нас, попробуй!»

— Это ерунда,— хрипло сказал наконец Мюллер.— Никто не может доказать, что это сделал я.

— Никто не говорит о доказательствах. Я вас спросил и жду, что вы мне ответите. Надеюсь, вы понимаете, насколько это серьезное дело. Кто-то из вас, а быть может, и вы все вместе играете, как ребенок с найденной гранатой. Но ведь вы все равно не в силах изменить ход событий. Сейчас ничего уже не выйдет. Вас тут всего двадцать с небольшим человек, а кое-кто из ваших соплеменников пытался действовать куда в большем масштабе, и то ничего не вышло. Пора наконец взяться за ум, пора поразмыслить. Кто-то из вас или вы все сообща отравили телят. Что из этого вышло? Вы отдали за них стельных коров. Теперь кто-то из вас или вы все сообща отравили четырех коров. Чем это кончится? Тем, что вы снова возместите убыток.

Толпа молчала, обдумывая слова Багара. Слышно было, как люди дышат, как посасывает погасшую трубку Постава, как скрипит песок, когда кто-нибудь переступает с ноги

на ногу, как фыркают лошади на дороге, звякают уздечки. Сумерки сгущались, лица превратились в светлые пятна, налетали порывы ветра, донося то теплый запах хлеба со сжатых полей, то смолистый лесной холодок с гор.

— Эх, все равно! — сказал наконец Мюллер.— Разве здесь что-нибудь принадлежит нам? Наше имущество все равно конфискуют. Не понимаю, что вам нужно от нас.

Студеный ветерок проник за расстегнутую рубашку Багара, ему вдруг стало холодно. Он вытянул ноги перед собой и уперся руками в доски, обдумывая ответ. А впрочем, о чем тут спорить! Он сказал им все, что хотел, остальное можно просто приказать.

— Нас не выселят,— вдруг сказал в толпе сухой, скрипучий голос.— Нельзя выселить три миллиона человек. Мир не допустит этого.

— Молчи! — рявкнул Мюллер.

— Что он сказал? — спросил Винценц Постава.

— Что мы не выселим их,— ответил Клинек.— Мир, мол, этого не позволит.

— Смотри, каковы сукины дети! — сказал Постава.— Будем мы у кого-нибудь спрашивать разрешения! Мы еще не забыли, что они хотели сделать с нами.

— Не надейтесь попусту,— сказал Багар.— Ваша судьба решена в Потсдаме.

— Мы ни в чем не виноваты,— заговорили в толпе.

— А кто отравил телят и коров? — сказал Багар.— Здесь не политический диспут. Я пришел сюда не затем, чтобы убеждать вас, что вы виновники мировой войны и изменники нашего государства. Я хочу, чтобы вы уяснили себе, что такие подлости, как отравление скота, не принесут вам ничего хорошего.

— Мы ничего не знаем об этом,— сказал Мюллер.

— Как хотите,— заключил Багар.— Подъезжайте с телегами. По очереди. Увезете падаль и зароете ее. Потом возвращайтесь по домам и не выходите никуда. Пока что вам запрещается показываться на улицах после захода солнца. А там будет видно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

С дороги под холмом еще слышался скрип телеги, увозившей последнюю павшую корову. Сумерки над Долинкой сгущались, стало совсем темно, студеный вечерний ветер с гор утих. Пахло зеленью и сырой землей, слышно

было, как неумолчно журчит река. Иногда волной набегало тепло со скошенных, нагретых солнцем полей. Кузнечики стрекотали где-то вверху, словно на ночь эти неутомимые музыканты перебрались из травы на деревья. Временами кузнечики замолкали и над окрестностями повисала такая необъятная тишина, что становилось жутко. Иногда протяжно и жалобно кричала сова, перелетая из леса в сад. В домиках уже засветились окна.

Багар и Винценц Постава сидели на досках у стены сарая. Они выбрали это место, чтобы спокойно обсудить положение.

Сегодня ночью нужно будет нести охрану в Долинке. Клинек с Антошем составят одну вахту, Багар и Постава — вторую, а Йозеф Палка сходит на пост КНБ, приведет когонибудь с собой и составит третью. Винценц Постава считал, что все это ни к чему, слишком много шума из-за пустяков. Угробили у него коров, ну, ладно, он ведь получит других. Пусть Багар лучше оставит ему какую-нибудь «пушку»; Винценц и сам сумеет посторожить свой дом. Если его старуха сдурела, это еще не значит, что его самого так легко сбить с толку.

— Не в тебе одном дело,— сказал Багар.

Разговаривая, он не переставал жевать домашний ржаной хлеб и смаковать его вкус. «Сколько лет я уже не ел такого хлеба,— думал он.— С тех пор, как его пекла мать...»

— В чем же дело, ежели не во мне? — вскипел Постава.

— В тебе, но и еще во многом другом. Можем мы оставить тут тебя одного в опасности? Не можем! Надо привыкать к товарищеской взаимопомощи. И это наша общая задача. Иначе мы тут не выдержим.

— Я всегда сам управлялся со своими делами,— возразил Постава.

— Это тебе только кажется. Тебе всегда были нужны другие люди, чтобы ты мог жить. А миру был нужен ты.

— Мир — это что-то очень большое. Но я знавал людей, которым я впрямь был очень нужен, чтобы сами они могли лодырничать.

— Этого больше не будет. С этим мы покончили навсегда.

— Не выдумывай! — рассердился Постава.— Не так-то легко они отступятся. Кто привык лодырничать, тот не уступит добровольно. Погляди на Росмуса. Сейчас на него еще работают немцы. Когда их не станет, он поднимет крик, подай, мол, ему таких, как мы.

— И ты вернешься к нему?

— Ни за что на свете. Мне и здесь хорошо, я останусь, даже если все руки собью себе работой.

— Вот видишь: батрачить на них просто не найдется охотников. Что же будет с такими паразитами? Они вымрут, приятель, поверь. Мы увидим их конец. Они или выучатся работать, или перемрут.

— Пусть лучше перемрут. Никто не заплачет.

Багар проглотил большой кусок хлеба, отхлебнул пива из бутылки, которая тихо позвякивала у их ног в холодной воде канавы.

— Эх, какой у вас хлеб! — сказал он и глубоко вздохнул.

— Какой? — встревожился Постава.— Не по вкусу тебе, что ли?

— Тает во рту! — ответил Багар.— Вспомнилась мне мать. Надо будет поблагодарить твою жену.

— Поблагодари, поблагодари,— сказал Постава.— Она порадуется. С тех пор как у нее есть печь, она готова ставить тесто каждый день.

— Где она научилась этому?

— Уж конечно, не в бараках. Ее родители жили своим домом. Какого они ей дали жару за то, что она вышла за меня! Домой с тех пор не могла показаться. А ведь ее отец не какой-нибудь там барин. Тоже нищий, малоземельный бедняк. И вот, поди-ка, были бедняки еще беднее их: мы, батраки, голь перекатная. Хуже нас были только циркачи и бродяги.— Постава вынул трубку изо рта и сплюнул.

Оба замолчали. В канаве у их ног плескалась вода, звонко заливались кузнечики, шелестело дыхание ночи.

По дороге к дому раздались шаги, зашуршал гравий, послышались приглушенные голоса, кто-то коротко засмеялся.

— Кто там? — вставая, сказал Постава.

— Клинек и Антош пришли на дежурство.

— Я тебе говорю, что это ни к чему! — рассердился Постава.— Оставьте мне какую-нибудь «пушку» и идите спать.

— Я уже сказал, что дело не в тебе одном. Хочешь ты завтра получить коров взамен отравленных? Да. А что, если сегодня ночью лучшие коровы исчезнут? Вот то-то!

— Вот они! — раздался в темноте голос Клинека.

— Здоро́во! — закричал Антош.— Я слышал, что здесь готовится костюмированный бал с перестрелкой, и явился, надеюсь, в подходящем наряде.

И он похлопал по прикладу автомата.

Первую вечернюю вахту взялись нести Антош и Клинек. Раньше, однако, нужно было точно определить задачи сторожевых. Не так просто охранять сильно вытянутый вдоль дороги поселок, часть домов которого, кроме того, выдвинута в поле.

— В каких направлениях надо глядеть? — сказал Багар.— В двух направлениях: на усадьбу Поставы и на дорогу, что ведет в горы. Если они погонят скотину, то только туда.

На кратком военном совете тут же, на досках у сарая, было решено, что Антош возьмет на себя дорогу, а Клинек — усадьбу.

— Говорят вам, на кой черт все это нужно! Лучше идите спать! — сказал Постава, когда все расходились, но ему никто не ответил.

В это время Эльза Магер в черном макинтоше спустилась по косогору в Долинку и вскоре сидела в доме Вальтера Прюлла, в кругу хмурых мужчин, которые глядели в пол, избегая ее взгляда. В комнате было нестерпимо душно: все окна были тщательно затемнены, и снаружи дом казался погруженным в глубокий сон. Табачный дым смешивался с запахами только что сваренного ужина и какой-то вонючей мази. «Ревматик» Вальтер Прюлл сидел на неприбранной постели, спустив ноги в узких серых брюках. Его движения были свободны и явно не причиняли ему боли. Лампочка, обернутая черной бумагой вместо абажура, отбрасывала свет только на часть затоптанного пола, на котором валялись окурки и обгоревшие спички. Собравшиеся сидели в тени вокруг этого освещенного места, упершись локтями в колени. Были видны не лица, а только макушки голов.

— Нет,— сказал кто-то у дверей,— это зря. Все это зря. Не надо было ничего затевать. Надо было подождать.

— Трусы! — сказала Эльза Магер.

— Нечего нас ругать,— сказал тот же голос.— Мы не какие-нибудь азартные игроки, мы сельские хозяева.

— Предатели вы, а не хозяева! — прошипела Эльза.

Она сидела на постели возле Вальтера Прюлла и, несмотря на духоту, не снимала прорезиненного макинтоша.

— Забыли уже, что вам дала Германия,— продолжала она.— Пока она давала, вы кричали: «Sieg heil!», а теперь предаете ее.

— А что она нам, собственно, дала? — возбужденно

сказал седой старик, сидевший на лавке у окна.— Таких горлопанов, как вы? Вы-то и довели нас до беды. Я потерял трех сыновей в этой проклятой войне, а теперь потеряю и кров, стану бездомным бродягой. Куда меня погонят, что со мной будет? Здесь жили и умерли мой дед и мой отец. Весь род Герлов покоится тут. А где я сложу свои кости? Где их сложили мои сыновья? В землю надо было вас закопать, когда вы тут начали горланить, камнями надо было вас побить! Жаль, что матери не удавили всех вас в люльках вместе с вашим паршивым фюрером!

Сиплый голос старика оборвался. Никто из мужчин не пошевелился. Все продолжали сидеть, опершись на локти, опустив головы и уставившись на освещенный круг пола. Эльза Магер быстро встала и сунула руку в карман макинтоша.

— Что-о? Что-о-о?! — произнесла она хриплым голосом, задыхаясь.— Кто из вас свернет ему шею? Никто? Скоты! Тогда я сделаю это сама!

Она выхватила из кармана тяжелый пистолет. Вальтер Прюлл схватил ее и дернул к себе. Он был рослый, крепкий мужик — тип силача лесоруба. Пистолет с металлическим стуком упал на пол. Сидевший ближе всех Мюллер нагнулся и поднял его.

— Не дурите, Эльза,— сказал он.— Хватит того, что дурит старик Герл.

Крепко сжав пистолет, он положил его себе на колени и оглядел соседей, которые подняли было головы, но снова понурились, как только пистолет Эльзы упал на пол.

— Взгляните на них,— сказал он и махнул свободной рукой.— Не видите, что ли, что с нами дело конченое? Мы сыты по горло обещаниями и уже мертвы. Здесь нет ни одного человека, у которого в семье не погиб бы кто-нибудь ради ваших посулов. Где земли Украины и где наши парни? Вы говорили: чехов мы выселим за Урал, а те, кто останется, будут работать на нас. А теперь мы ждем, когда чехи погонят отсюда нас.

— Заткнись, Зепп! — сказал Вальтер Прюлл.

— Дайте ему сказать,— произнес кто-то.— Довольно вы затыкали рты людям!

— Это бунт! — вскричала Эльза Магер. Сзади хрипло засмеялись.

— А против кого? — спросил голос.— Против Эльзы Магер?

— Куда ты теперь побежишь с доносом? — снова отозвался во мраке сиплый голос у окна.

Собравшиеся вздохнули, но не пошевелились, только сзади несколько человек зашептались в темноте. Эльза Магер побледнела. Она снова хотела встать, но Вальтер Прюлл удержал ее за руку.

— Скоты вы! — сказал он голосом, странно глухим для его мощного тела.— Скоты и даже хуже. Ничего вы не поняли и не поймете. Жрать и брать — это вы умеете. Вы готовы и дальше жрать и брать, все равно у кого.

— Верно, Вальтер,— сказал Мюллер.— Вот мы сидим тут и думаем, что с нами будет. Все об одном, все только об этом. Целые дни ломаем голову. Я, как и ты, готов поубивать их всех. Но если они меня только пальцем поманят и скажут, что можно остаться, я на все пойду. Поклонюсь им, буду служить им и ждать своего дня.

У печи, где сидели жена и взрослая дочь Прюлла, раздалось подавленное рыдание.

Эльза Магер вскочила.

— Он придет, он и вправду придет, этот день! Придет, неужто вы не понимаете? Не может не прийти! Мы боролись с красными ради всего культурного человечества. Американцы поймут это и станут на нашу сторону. Война не кончилась. Надо сражаться так, словно вы на фронте! Надо сделать все, что мы от вас требуем.

— Не шуми, Эльза,— сказал Прюлл своим глухим голосом.— Они сделают. Им только нужно было выговориться.

Он встал и положил ей на плечо свою громадную руку. Но Эльза продолжала кричать срывающимся, пронзительным голосом:

— Вы должны! Должны!..

Мужчины подняли головы и глядели на нее тяжелыми, удивленными взглядами.

Голос Эльзы стал нестерпимо визгливым, слов уже не было, уши резал то нарастающий, то затихающий вой. Бледное лицо Эльзы искривилось, она вскинула руки, замахала ими, словно хватаясь за что-то, и сделала шаг вперед. Колени у нее подломились. Вальтер Прюлл подхватил и положил Эльзу на кровать. Кулаки ее были сжаты, все тело судорожно вздрагивало.

— Мария, Гертруда,— позвал Прюлл жену и дочь,— живо! Сбрызните ее холодной водой и дайте глотнуть шнапсу.

— Что с ней? — спросил Мюллер.

Он встал и беспомощно посмотрел на Эльзу и на ее пистолет в своей руке, потом положил пистолет на стол

и потер ладони, словно в руках у него побывало что-то мокрое или грязное.

— Истерика,— сказал Прюлл.— Разволновалась.

Стулья застучали по неровному полу, мужчины вставали один за другим, распрямляя затекшие ноги и спины, надевали шапки и поворачивали к двери.

— Ну, мы пошли,— сказал Мюллер за всех.— Покойной ночи.

Но Прюлл оттолкнул его, шагнул к двери, сбросил руку Герла с засова и оперся спиной о дверь.

— Никуда вы не пойдете,— сказал он.— Сперва нам нужно договориться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Багар, оба работника КНБ и Винценц Постава поужинали в доме Поставы щами и картофельным пюре. Ужин готовили девушки, потому что мать все еще «бастовала» и ушла спать. Щи разлили по тарелкам, а картошка стояла на столе, наложенная горкой. От нее поднимался пар и шел сладковатый аппетитный запах поджаренного лука. Все ели сосредоточенно, молча, словно делая важную работу. Было слышно только, как Квета и Иржина возятся у плиты,— раздавался стук ополаскиваемой посуды и звяканье ложек.

Йозеф Палка оказался едоком на славу. Словно шахтер или тоннельный проходчик, он усердно трудился, врубаясь в свой угол картофельной горки. Щей он съел три тарелки. Потом с тяжелым вздохом положил ложку, поглядел на миску и на горшок, точно не в силах был расстаться с ними, и расстегнул пояс.

— Вот это называется заложил! — сказал он.— Пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что в деревне плохо едят.

— Картошка была с маслом, а щи со сметаной,— наставительно сказал Постава.— Последнее, что осталось от наших коров. В следующий раз вместо ужина утретесь рукавом, попьете водички да и пойдете спать.

— А ну тебя! — отозвался Багар.— Зачем же ужинать водичкой? Сможешь получить коров столько, сколько захочешь.

Иржина вошла со двора с ведром воды.

— Как там, на улице? — спросил Багар.

— Небо все в звездах,— сказала девушка.— Но темно, хоть глаза выколи. И холодно.

Багар встал и хлопнул себя по лбу.

— Клинек-то! — воскликнул он.

— Что Клинек? — спросил Постава.

— Плохо я забочусь о людях! — ответил Багар.— Ведь он в одном пиджаке. Две недели обещаю ему пальто из сундуков Вецлера и до сих пор ничего не дал. Отнесу-ка я ему сейчас свое.

— Зачем же тебе ходить! — сказал Постава.— Иржина сбегает.

— Ну, вот еще...— сказала Иржина.

— Я сам к нему сбегаю,— объявил Палка и начал, пыхтя, застегивать ремень.

— Я уже сказал,— властно произнес Постава.— Иржина сбегает.

— Иди, иди,— толкнула сестру Квета.— Почему бы тебе не пойти?

Иржина схватила пальто, которое ей подал Багар, и выбежала из комнаты. Остановившись на крыльце, она тихо проворчала:

— Папаша ничего не смыслит, а с Кветой я еще сведу счеты. Ишь, змея: «Почему бы тебе не пойти?» Погоди, я тебе растолкую!

Черная сука, вырастившая уже многие поколения щенят — семья Поставы привезла собаку с собой,— подбежала к Иржине и лизнула ей голые икры. Девушка вздрогнула, наклонилась к собаке и прошептала, погладив ее:

— Иди ложись, Борка.

Поежившись от холода, Иржина прижала к груди пальто и пошла к калитке.

Богоуш Клинек обходил обширную усадьбу Поставы, держась поближе к деревьям — к отягощенным плодами яблоням и к морщинистым стволам раскидистых груш, к гладким и липким вишням, поросшим лишайником, к истрепанным ветрами рябинам и беспокойным, трепетным осинам, вблизи которых, казалось, вечно слышался чей-то шепот, к могучим кленам, плавно колышущим свои ветви. Быстрыми шагами Клинек переходил от дерева к дереву и на миг замирал в их тени, вглядываясь и прислушиваясь.

К зарослям верб у ручейка, протекавшего близ усадьбы и орошавшего расположенные ниже лужки, Богоуш приблизился, невольно пригнувшись, готовый при первом подозрительном шелесте броситься на землю и открыть огонь.

Получив однажды пулю в спину, он стал благоразумнее

и чувствовал, что уже не способен на то молодечество, каким отличался в Бремене во время жестоких бомбежек.

Клинек направлялся к трем старым елям, черневшим на фоне неба за сараем. Они росли на холмике, поросшем мягкой, еще не скошенной травой, откуда были видны все строения усадьбы. Не будь ночь такой темной, за крышами сараев был бы виден и двор. Здесь Клинек постоял некоторое время, прислонясь к стволу ели и вдыхая смолистый запах, посмотрел во все стороны и прислушался к ночным звукам, стараясь заметить что-нибудь необычное. Под елями было не так холодно, как в других местах: немного дневного тепла задержалось под густыми, нависшими ветвями; Клинеку, одетому только в легкий пиджак, захотелось сесть в мягкую траву, прижаться спиной к дереву и, поджав ноги, охватить колени руками.

Но он подавлял в себе это желание, чувствуя, что если сядет, то немедленно уснет. Усадьба, казалось, находилась так близко, что можно было дотянуться рукой до проступающих в темноте светлыми пятнами белых стен и этернитовых крыш, похожих на громадные каменные плиты. Закурить бы... Но нет, нельзя, ничего не поделаешь, огонек спички не скроешь в такой тьме. Кто бы думал, что на лоне природы могут быть такие неудобства. В Бремене всегда можно было закурить, спрятавшись где-нибудь в подвале.

Клинек все еще стоял под елями, когда ему вдруг показалось, что у ограды дома что-то движется. Он крепче сжал автомат. Что же делать? Послышался легкий шум. Кажется, кто-то шепотом окликает его? Женская фигура отделилась от стены и направилась к елям. Богоуш разглядел юбку и голые икры. Неужто немцы подослали бабу? Но она не побежала бы сюда и не позвала бы его.

Клинек вдруг узнал Иржину, не увидел — было слишком темно, чтобы полагаться на глаза,— а просто угадал ее присутствие, думая о ней при обходе двора Поставы больше, чем о немцах, чем о своем дежурстве.

Богоуш пошел навстречу девушке и тоже шепотом позвал:

— Ир-жи-на!

Знал бы он, как вздрогнула девушка, услыхав из его уст свое имя! Запыхавшись, она подбежала к нему.

— Вот вы где! — еле вымолвила она.

Он смешался и не знал, что ответить.

— Да, здесь... а мог быть и подальше. Я хожу кругом и останавливаюсь то тут, то там. А вы меня ищете? Случилось что-нибудь?

— Нет,— сказала опа.— Они поужинали и вспомнили о вас. Багар посылает вам пальто.

— Похоже на него,— засмеялся Клинек.— Вечно заботится о других. Пальто у меня, знаете ли, пропало тогда еще, когда меня подстрелили около леса. А на новое я еще не накопил.

— Так почему Багар не даст вам пальто? Говорят, у него в ратуше целый склад одежды. Что он с ней будет делать? Для кого он ее бережет?

— Да хотя бы для вас и для вашего отца. Для каждого, кому нужны вещи и кто придет и попросит.

— Почему же у вас нет пальто?

— На улице все время было тепло, и мы не думали насчет этого. Завтра я выберу себе какое-нибудь, чтобы вы не сердились.

— А мне-то что? — Иржина вскинула голову.— Я не мерзну.

— А вот сейчас вам холодно,— сказал Клинек и, набросив ей на плечи пальто Багара, которое все еще держал в руках, притянул девушку к себе.— Вы вся дрожите,— шепнул он и, крепко обняв изумленную Иржину, нагнулся и поцеловал ее в губы.

Она попыталась сопротивляться и уперлась локтями ему в грудь, но руки ее как-то сами собой обвились вокруг его шеи. Так же внезапно, как она прильнула к нему, Иржина оттолкнула юношу. Пальто упало с ее плеч.

— Не надо было этого делать! — сказала она и побежала прочь.

Клинек слышал, как резиновые подошвы туфель шлепают по мокрой траве и испуганные кузнечики замолкают при ее приближении. Клинек поднял пальто и пустился вдогонку. Иржина бежала со всех ног, и ему пришлось поднажать, чтобы догнать ее. Простреленное легкое давало себя знать, Богоуш задыхался. Но нельзя же дать ей уйти! «Если я сейчас упущу ее, все пропало,— думал он.— Она обидится, или я покажусь ей смешным». Горькие воспоминания о скитаниях, о бесприютной жизни военных лет придали ему силы. «Ничего у тебя нет, все ты потерял, неужто ничего так и не добьешься?» Рывок, еще один — и вот он ухватил девушку за руку и преградил ей дорогу. Сильная одышка не давала ему говорить.

— Пустите меня,— сказала Иржина.— С чего это вы вздумали?

Тут она заметила, как тяжело он дышит и как вспотела его рука, и испугалась.

— Что с вами? Что это с вами?

— Ничего,— с трудом произнес он.— Дырка в легких еще дает себя знать. Сейчас все пройдет.

— Сядьте, отдохните,— заботливо сказала она.

— Я же говорю, что это пустяки,— рассердился он.— Подумаете еще, что я совсем дохлый, а ведь я день ото дня становлюсь здоровее.

— Ничего я не подумаю,— отрезала она.— И нечего было так мчаться!

— Я не хотел отпускать вас,— смиренно сказал он.— Нам надо поговорить.

— Пустите меня.— Она попыталась вырваться.— Дома будут спрашивать, что я тут делала так долго.

— Я провожу вас,— настаивал Клинек.— Мне все равно, где ходить. Я хочу, чтобы вы знали, что я... поцеловал вас не просто так, не в шутку.

Они пошли рядом по росистой траве. Лишь неумолчный треск кузнечиков нарушал тишину невидимых в ночи окрестностей, да слышалось легкое журчание воды в канавах.

Какая-то ночная птица пролетела над головами молодых людей так низко, что на них даже пахнуло ветерком. Но шума крыльев не было слышно.

— Я знаю, что не в шутку,— тихо сказала Иржина.— Но только сегодня вы здесь, а завтра — там: возьмете да уедете бог весть куда.

— А вы не хотите уезжать отсюда?

— Сегодня мне уже пришлось один раз говорить об этом. Нет, не хочу и останусь здесь, даже если наши вздумают уехать.

— Вот это чудесно!

— Что чудесно?

— Что вы не хотите уезжать. И я тоже не хочу. У меня тут ничего нет, и мне ничего не надо, но это не важно. Все равно скоро все мы будем полными хозяевами страны. Здесь в меня стреляли. Будь они более метки, я бы уже лежал в этой земле, а теперь я буду ходить по ней и никто меня не выставит отсюда.

— Скажите лучше, что будете не ходить, а сидеть в канцелярии.

— А вам это не нравится?

— Нет.

— Договорились. Брошу канцелярию и займусь сельским хозяйством.

Иржина тихо рассмеялась.

— Не очень-то бросайтесь. Вы никогда не крестьянствовали.

— А работал я до войны на фрезерном станке? Нет. Работал на токарном? Нет. Раскапывал развалины и вытаскивал из-под них трупы? Нет. Ничем этим я не занимался, а вот пришлось. Учился-то я на канцелярскую крысу. Но это было так давно, что пора уже забыть.

Они дошли до ворот и остановились. Подбежала старая собака и тявкнула.

— Тише, Борка, это я,— сказала Иржина.

Клинек взял девушку за плечи и повернул к себе.

— Ну, как, Иржинка, договорились?

— О чем это?

— Что мы поженимся и будем вместе хозяйствовать.

Он слышал, как она затаила дыхание, потом глубоко вздохнула и, не двигаясь с места, подняла к нему лицо.

— Да как же это... Да что же это вы так сразу, вдруг?

Он отпустил ее плечи и сказал с горечью:

— Понимаю, вы за меня не хотите. Думаете, что я калека и недотепа и что из меня не выйдет толку.

Иржина дернула его за руку.

— Зачем вы так говорите? — сказала она торопливо.— Ничего я не думаю. Ведь я только...

Она вдруг умолкла и замерла. В глубокой ночной тишине послышалось протяжное мычание.

— В чем дело? Что с вами? — спросил Клинек.

— Слышите?

— Что такое? Где-то мычит корова.

— Немцы угоняют скот. Надо позвать наших.

Мужчины собрались у ворот и прислушивались к ночным звукам. Все они разомлели от кухонного тепла и сытного ужина и клевали носом, собираясь уже вздремнуть. Холодный ночной воздух проникал за воротник. В небе трепетали лучи звезд, на черном небосводе осела светлая звездная пыль, на которой, казалось, можно было писать пальцем. Безмолвие и неподвижность кругом были такие, что захватывало дух. Только треск кузнечиков то нарастал, то слабел — казалось, быстрые шпульки бегают вверх и вниз по невидимым машинам, наматывая звенящую пряжу. Хотелось крикнуть: «Тише вы, кузнечики, дайте послушать!» Багар вздрогнул, но не от холода, а от воспоминания: вот так же трещали цикады на склонах горячих испанских гор, а бархатные ночи усыпляли бдительность. И когда уже хотелось поддаться их очарованию, ночная тишина взрывалась свистом стали и вспышками огня.

— Ничего не слышно,— прошептал Винценц Постава.— Бог весть что вы оба тут слышали.

— Может, это был призрак коровы,— сказал Клинек.— Но он мычал, это факт.

Багар шикнул на них. В тишине до них донесся глухой и неясный звук, словно где-то там, за черными контурами домов и деревьев, топталось, сопело и жевало жвачку громадное животное. Послышалось короткое глухое мычание и тотчас смолкло. За ним последовало другое, протяжное, похожее на горн низкого тона.

— Ах, сукины дети! — возмутился Постава.— Значит, все-таки... Пойдем поскорей!

— Не теряйте головы,— предупредил Багар.— Стреляйте только в том случае, если нельзя без этого обойтись.

— Ладно, я буду ждать, пока мне в потемках кто-нибудь не всадит нож в горло или не стукнет по голове,— сказал Йозеф Палка.

— Укрывайтесь и сначала стреляйте в воздух. Когда они увидят, что застигнуты врасплох, то бросят коров и разбегутся по домам.

Разделились на две группы: Постава и оба сотрудника КНБ направились к нижнему концу Долинки, а Багар и Клинек — на дорогу под холмом, навстречу Антошу. Не успели они дойти, как из темноты перед ними послышался голос Антоша, что-то невнятно кричавшего.

— Что он кричит? — спросил Клинек.

— Не важно,— сказал Багар.— Надо поспешить. Сейчас начнется.

Под ногами у них шуршал песок. Светлая полоса укатанной дороги смутно виднелась в густеющей тьме.

— Перебеги на другую сторону и иди по канаве, чтобы тебя не было видно,— сказал Багар Клинеку.

Наконец грянули выстрелы, которых оба так напряженно ждали. Выстрел, несколько секунд паузы — и снова выстрел. Ночное эхо прокатилось, как крик встревоженной совы. Еще выстрелы, резкие и злые, и тотчас очередь из автомата. Мрак вскипел дикими звуками: слышался топот множества ног, гортанные возгласы — то ли команда, то ли брань, а вернее, то и другое вместе, испуганный рев скота, треск кустарника. Из зарослей выскочили какие-то фигуры и побежали по дороге навстречу Багару и Клинеку.

— Стой, стой! — крикнули оба, и Багар дал длинную очередь над головами бегущих. Те сразу исчезли с дороги, словно их ветром сдуло, видно, бросились в кусты под откос. Кто-то упал, крякнул и выругался. Клинек не удер-

жался и выстрелил несколько раз в ту сторону. Багар слышал, как пули просвистели высоко над головой и прошелестели в листве, щелкая о ветки. Молодец парень, подумал Багар. Выполняет распоряжение, бьет поверху, хотя, в конце концов, никто не упрекнул бы его, если бы он подумал свести с ними счеты.

Далеко впереди кто-то не переставая бил из пистолета крупного калибра, словно размеренно щелкал бичом. Щелк! Мгновенная пауза и яростный ответный лай автомата. Щелк! И снова автоматная очередь. Несомненно, это перестрелка двух противников. Кто-то высмотрел Антоша и палит по нему. «А мы-то воображали, что отняли у них все оружие»,— сказал себе Багар, вспоминая груды оружия, сданные административной комиссии на второй день после обстрела виллы Релига. Куда там, такие меры никогда не удаются полностью. Оружие сдают те, кто перетрусил в первый момент, а тот, кто не растерялся, сумеет его хорошенько припрятать.

Топот, более громкий, чем в первый раз, раздался на дороге. Навстречу Багару и Клинеку в панике бежало стадо, слышалось шумное дыхание испуганных животных.

— Стреляй! — крикнул Багар Клинеку.— Стреляй в воздух!

Грохот двух автоматов остановил бегущее стадо, как внезапно выросшая стена. Три коровы остановились, упершись в землю передними ногами, потом стали пятиться и поворачиваться боком. Сзади напирали другие. Морды у животных были в пене, их хриплый рев уже почти не походил на мычание. Они мотали головами, словно грохот стрельбы досаждал им, как огромный слепень, становились на дыбы и били копытами. Повернуть назад коровы не захотели и, потоптавшись на месте, устремились с дороги под откос, к домам и садам, тонувшим во тьме. Стадо неслось вниз, коровы наталкивались одна на другую, слышался треск кустарника, топот и тяжелые звуки падения.

— Они переломают себе ноги! — воскликнул Клинек.

— Ничего не поделаешь,— сказал Багар.

«Ничего не поделаешь» — эти слова занозой сидели у него в мозгу. Нужно всегда уметь найти способ что-нибудь сделать! В крайнем случае, хотя бы возместить потери, да поскорей. Если бы мы сегодня не сторожили, все эти коровы как сквозь землю провалились бы.

Багар стоял неподвижно и прислушивался, как стадо удаляется, подобно катящейся лавине, как стихает топот, стук сталкивающихся рогов, хриплое дыхание и треск

ломающихся веток. Ни возни, ни хрипа не было слышно — видимо, ни одна корова не пострадала.

Перестрелка утихла. Высоко над дорогой кто-то пробирался по лесистому косогору. То ли это чья-нибудь корова с перепугу пустилась наверх, то ли кто-нибудь из тех, кто гнал стадо, отрезанный от деревни, хочет задами пробраться вниз, в Долинку, и укрыться в безопасности в своем доме.

Мысли Багара были сейчас заняты происходящим, но ему хотелось думать и о ближайшем будущем, когда они разрешат самые насущные вопросы и перейдут к организованному мирному труду. У него часто бывал такой ход мыслей: перед тобой опасная задача, решай ее, как умеешь, напряженно думай о ней, но не забывай, что затем наступит главное, из-за которого возникла и эта задача, что-то пока еще отдаленное, прекрасное и бесконечно близкое тебе в минуты напряжения и опасности.

— Кто-то ходит там, наверху,— прошептал Клинек.

— Не обращай внимания,— ответил Багар.— Нам нужно пробраться к Антошу. Нагнись, не смей идти выпрямившись.

Он шагнул, но снова замер и внимательно прислушался. Шорох на косогоре утих, стада не было слышно, опять застрекотали кузнечики, но на дороге заскрипел песок под чьей-то ногой.

— Стой! — крикнул Багар.

— Тише, это я! — сказал в темноте голос Антоша.— Смотри не пальни в меня.

Клинек и Багар устремились ему навстречу и едва не столкнулись с ним.

— Куда ты? — спросил Багар.

— Гоню эту стерву,— сказал Антош.— Значит, здесь она не могла пройти, это ясно. Тут бы она налетела на вас. Интересно, куда же она делась?

— Какую стерву?

— Эльзу Магер,— сказал Антош.

— Не чуди,— сказал Клинек.— Она удрала за границу.

— По странной случайности она оказалась тут. Я узнал ее по нежному голоску и по волосам.

— Так, значит, это была она, там, наверху, на косогоре,— сказал Клинек.— Я иду за ней.

Багар схватил его за руку и удержал:

— Куда ты пойдешь? Думаешь, тебе удастся поймать ее в потемках, в лесу, который она знает как свои пять пальцев?

— Что ж ты ее не пристрелил? — с упреком сказал Клинек Антошу.

— Мы оба старались изо всех сил. Она палила в меня, а я в нее. Но не вышло. Тогда она в ярости стала стрелять по стаду. Две буренки валяются на дороге, задрав ноги.

— Пошли в деревню,— решил Багар.— Здесь нам больше нечего делать.

Они стали спускаться по откосу, через кусты, примятые бежавшим стадом. Иногда они останавливались и прислушивались.

— Хотел бы я знать, что делают Постава и парни из КНБ,— вслух размышлял Багар.— Почему они не дают о себе знать?

Далеко на востоке небосклон чуть побледнел, звезды исчезали, ночь стала серой, как увядающая красавица, ее дыхание увлажнилось, в нем появилась предутренняя сырость. Назойливый липкий холод лез за расстегнутый воротник рубашки. Багар и его товарищи были еще взволнованы и разгорячены ходьбой, еще напрягали зрение и слух, но холод уже начал пробирать их, и они стискивали зубы.

Багар шел впереди, остальные врассыпную следовали за ним. Они переходили от дерева к дереву, от куста к кусту, останавливались около домов. Всюду было тихо и царил ничем не потревоженный ночной покой. В домиках никто не отзывался даже на неистовый лай собак, нигде не загорелся огонек, никто не вышел на крыльцо.

— Вот это сон! — сказал Антош.— Заткнули уши и ничего не хотят знать.

— Торчат у окон и таращат глаза в темноту,— добавил Клинек.

— Пустить бы им красного петуха,— высказался Антош.

— Не слишком размахивайся,— возразил ему Багар.

— Я видел, как гитлеровцы это делали,— ответил Антош.— Столько раз видел, что до сих пор по ночам вскрикиваю во сне. Поджигали дома, загнав туда и взрослых... и детей.

— Э, ч-черт! — вскричал вдруг Багар, отскочил от куста и направил туда дуло автомата. Антош и Клинек вместе с ним пригнулись к земле.

— Корова! — прошептал Багар и с облегчением засмеялся.— Стадо уже расходится по дворам. Надо поторопиться. Но где же Постава и те двое?

Он подошел к корове, которая стояла наклонив голову

и шумно дышала. Капельки слизи вылетали у нее из ноздрей. Багар вытер себе рукавом лицо, слегка толкнул корову в бок прикладом.

— Шевелись, старуха! — сказал он.— Пойдешь с нами.

Корова оглянулась на него, засопела и пошла, тяжело переваливаясь с боку на бок. Собаки ожесточенно заливались хриплым лаем, переходившим в вой. Их возбуждение передавалось коровам, бродившим между строениями в поисках своего хлева. Протяжное мычание слышалось со всех сторон; было ясно, что стадо разбрелось.

— Нелегко будет собрать их!

Теперь Багар и его товарищи думали только о том, как снова собрать все стадо вместе и помешать коровам вернуться в свои хлевы. Со всем остальным было уже покончено. Эльза Магер лесом пробиралась к своему тайному убежищу или к недалекой границе, ее сообщники разбежались по домам, и, постучись сейчас к любому из них, наверняка найдешь его под периной, и он, приняв вид смиренного обывателя, скажет, что он крепко спал, ни о чем знать не знает и удивлен, что кто-то грубо нарушает его покой.

— Я покличу коров,— предложил Клинек.

— Погоди...— начал Багар и не договорил.

Где-то совсем близко неожиданно хлопнул выстрел из пистолета крупного калибра и в ответ другой, немного иного тона. Снова первый, и снова второй. Потом, словно наверстывая отставание, пролаяли два автомата. Корова испуганно засопела и исчезла во тьме.

— Ложись и не стрелять! — крикнул Багар и бросился в мокрую траву.

Над ними на разные голоса просвистел рой пуль. Выстрелы, казалось, были направлены прямо в них. Правее кто-то двигался, они чувствовали присутствие человека, но не видели его, хотя было заметно направление, которым он отступал: трава шелестела, словно кто-то перебегал по ней. Серая тьма и предутренний туман скрывали беглеца. Он остановился, два раза выстрелил и бросился в сторону. Багар и Клинек слышали топот, который заглушила ответная стрельба. Раздался крик. Огонь прекратился.

— Получил пулю! — воскликнул Клинек.— Ручаюсь, что получил!

Он вскочил на ноги и хотел бежать, но Багар схватил его за ногу и повалил на землю.

— Погоди, надо же дать знать своим. А то они начнут гвоздить в нас.

Собаки лаяли так оглушительно, что почти невозможно было разговаривать. Но и среди этого шума слышались громкие стоны.

— Эй! — позвал Багар.

— Эй! — ответил голос Палки.

— Он ранен,— крикнул Багар.— Продвигайтесь осторожно и не стреляйте больше. Мы тоже идем к нему.

— Он мог быть не один,— сказал Антош.— Я бы не поручился, что тут нет и других.

— Могут быть,— сказал Багар.— Пригнитесь и идите врассыпную.

Он осторожно приподнялся, придерживаясь за липкий ствол дикой груши. В двух шагах от него в траве лежал человек, опираясь на руки, и стонал.

— Бросьте оружие,— по-немецки сказал Багар.— Я целюсь в вас.

— У меня нет оружия,— ответил раненый.— Я уронил его.

— Ложитесь и поднимите руки над головой,— приказал Багар.

Человек лег ничком и вытянул руки перед собой, не переставая хвататься за траву. Багар быстро шагнул, нагнулся над ним, прижал дуло автомата к спине раненого и ощупал его сжатые кулаки. В них ничего не было.

— Куда вы ранены?

— В ноги.

Около них уже собрались все остальные: Антош, Клинек, Постава и оба работника КНБ. Они наклонились, чтобы рассмотреть человека в траве.

— Это он, сукин сын,— сказал Постава.— Надо бы его пристукнуть. Чуть-чуть не прихлопнул меня. Глядите!

Он снял с головы высокую соломенную шляпу светло-зеленого цвета и просунул палец сперва в одну дыру, потом в другую.

— Это у тебя решето или шляпа? — засмеялся Антош.

— Впопыхах надел ее вместо кепки,— смущенно ответил Постава.

Получив двор в Долинке, он раздобыл эту шляпу, чтобы выглядеть заправским крестьянином, но стеснялся надевать ее и по-прежнему ходил в засаленной кепке, а шляпа висела в сенях на гвоздике.

— Куда он ранен? — спросил Йозеф Палка.

— В ноги,— ответил Багар.— И, видимо, несколькими пулями сразу.

Что-то зажужжало, и круг слабого света упал на

лежащего человека, это Палка нажал рычаг своего карманного фонарика с маленьким динамо. Человек дернулся и спрятал лицо в траву. Он тяжело дышал, и было видно, что он с трудом сдерживает стоны.

— А-а, ревматик,— сказал Йозеф Палка.

— Какой ревматик? — спросил Багар.

— Герр Вальтер Прюлл,— ответил Палка.— Вечером он не стоял на ногах из-за острого ревматизма.

— Теперь он уже едва ли станет на них,— сказал Винценц Постава.— Надо что-то с ним сделать. Не могу видеть, как он тут извивается. Еще изойдет кровью да подохнет.

— Антош сбегает за своим грузовиком и попробует вытащить доктора Маркова из постели,— сказал Багар.

— Охотно,— отозвался Антош.— Разбудить Маркова — всегда приятно. Но что будет с коровами?

— Мы их соберем без тебя, не тревожься.

— Кому-нибудь надо побыть около него,— сказал Антош, указав на Прюлла.

— Ну, что еще? — улыбнулся Багар.— Говори все сразу, чтобы не возвращаться потом.

— Надо найти его оружие,— сказал Антош.— Может быть, он лежит на нем и потом выкинет какую-нибудь штуку.

— Ты молодчина! — одобрительно сказал Багар.— Сейчас найдем. Где ваш пистолет? — по немецки обратился он к Прюллу.

— Не знаю,— ответил тот сквозь хриплые вздохи и стоны.— Я уронил его, когда падал.

Палка снова зажег фонарик, и круг бледного света поплыл по мокрой траве, отражаясь и дробясь в каплях росы. Все наклонились и стали глядеть на землю. Пистолет Прюлла лежал шагах в двух от его головы. Клинек первый увидел оружие и нагнулся за ним.

— Вот так,— удовлетворенно сказал Антош.— А теперь я пошел.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Партийный комитет собрался в необычный час — в половине седьмого утра, на кухне у Деймеков. На улице еще был туман, превращавшийся в редкие прозрачные клочья, которые поднимались, таяли и рассеивались на лесных опушках. Поточная словно курилась: легкий пар подни-

мался с поверхности воды, перекатывавшейся с камня на камень. На обрывках пены уже искрилось солнце. Члены парткома, продрогшие от холодной бессонной ночи и сырого, промозглого утра, с наслаждением взялись за кружки, наполненные горячим кофе с привкусом рома.

Деймек и Здена вместе со всеми сидели за столом, ели хлеб и пили кофе. Жена Деймека у плиты мыла посуду после вчерашнего ужина. Глаза у нее были красные, видимо, от бессонницы или от слез, а вернее, от того и другого вместе. Она то и дело вздыхала, а муж бросал на нее сердитые взгляды, которых она не замечала или не хотела замечать.

Собрались все. Жена Антоша тоже была здесь; она сидела, чуть наклонясь вперед и положив руки на колени, словно прикрывала ими уже округлившийся живот. С ее широкого, открытого лица не сходила улыбка, вызванная какими-то мыслями. Эти мысли возникали вдруг под влиянием какого-нибудь одного слова или впечатления, и тогда она становилась немного рассеянной, но не теряла своей живости и решительности.

Багар, с тех пор как заметил перемену в фигуре Анчи, чувствовал смущение и стал относиться к ней с несколько даже церемонной серьезностью. Здена сидела рядом, спиной к окну. Багар скользнул по ней взглядом, хотя упорно старался не смотреть в ту сторону. На шее у Здены золотилось несколько упрямых волосков. Багар вдруг почувствовал, как горит у него лицо, быстро поставил кружку на стол и нахмурился. Расстегнув пиджак, он стал крутить пуговицу. «Ну так что же,— сердито подумал он,— завтракать мы сюда собрались или заседать? Долго еще они будут распивать кофе?»

— Начнем, товарищи,— сказал он.— Пора.

Здена подняла на Багара спокойные и, как ему казалось, когда она смотрела на него, всегда насмешливые глаза, а Деймек провел пальцем по усам.

— О чем мы, конкретно говоря, будем толковать?

— О немедленном выселении немцев из Долинки,— ответил Багар.

— Вот это здорово! Ясно? — сказал Деймек и оглянулся на остальных.

— А чего толковать-то? — нервно вмешалась жена, стоявшая у плиты.— Выселите их из всей Поточной, да поскорей. А не то отсюда уедут все чехи. Кому охота так жить?

— Слышите? — сказал Винценц Постава.— Точь-в-точь

как моя старуха. Этак все они перебесятся, и придется немедля укладываться и уезжать.

— Ну, уж нет! — возразила жена Антоша, широко улыбаясь.— Зачем же уезжать? Мне здесь нравится. А зря трусить нечего.

— Тебе надо бы бояться больше всех,— воскликнула Деймекова.— В твоем-то положении. Мало ли какая с тобой может стрястись беда.

— Ну, хватит,— перебил жену Деймек.— Здесь заседает комитет, и тебе, конкретно говоря, не дано слова.— Иди-ка в ту комнату или в садик. Ясно?

— Ишь ты, каков гусь! — сказала Мария, уперев руки в бока.— Сделали его по ошибке председателем, так он уже задается перед собственной женой!

Деймек растерянно замигал, утер усы и взглянул на Багара, словно прося помощи. Здена, наклонясь над блокнотом, вертела карандаш и улыбалась.

— Товарищ Деймекова — член партии, значит, она может не уходить,— сказал Багар.— Но если она хочет высказаться, нужно попросить слова.

— Очень вам благодарна,— сказала Мария.— Да мне тут и делать-то нечего. Я бы больше всего хотела быть сейчас где-нибудь за горами, подальше отсюда. Сулили нам молочные реки и кисельные берега, а тут и голову-то из окна страшно высунуть.

— Ну, хватит, мама,— вмешалась Здена.— Товарищ Багар не скрывал, что тут будут трудности.

— Молчу, молчу,— упрямо сказала мать.— Да только какие уж это трудности, когда у людей травят скот и палят в них из пистолетов? Это называется иначе. Такая жизнь, словно в ковбойском романе, не для меня.

Деймек вращал глазами, тянул себя за усы, казалось, что он вот-вот взорвется и начнет кричать. Но он постучал ложечкой по кружке и сказал срывающимся, хрипловатым голосом:

— Открываю заседание комитета. Слово имеет товарищ Багар. Веди протокол, Здена.

Багар поглядел на склоненную голову Здены, в волосах которой играло восходящее солнце, замялся, заморгал, оглядел собравшихся и откашлялся.

— Товарищи,— медленно сказал он, как бы подыскивая слова.— Для чего мы так срочно собрались? Вам известно, что жители Долинки отравили у товарища Поставы сперва двух телят, потом четырех коров. Из них две были стельные. Товарищ Постава — наш первый переселе-

нец, решивший заниматься сельским хозяйством. Он пришел сюда не ради легкой наживы, а чтобы честно трудиться. Верно это? Верно! Административная комиссия закрепила за ним хозяйство немца Фрица Прюлла, ярого генлейновца и нациста; два его сына служили в пражском гестапо и сбежали в плен к американцам. Как товарищ Постава ведет переданное ему хозяйство? Отлично. Он и вся его семья с радостью взялись за работу. Урожай они убрали раньше немцев. На дворе у них, в хлеву — вообще всюду такой порядок, что глаз радуется. В этом может убедиться всякий, кто к ним зайдет. Короче говоря, они правильно поняли свою задачу.

Винценц Постава вынул изо рта трубку, сердито взмахнул ею, рассыпая пепел, и сказал:

— Да что ты все об одном, вот еще глупости! Всякий и так знает, что работать нужно как следует.

Деймек постучал ложкой о кружку.

— Слово получил товарищ Багар, и ты его не перебивай. Комитет вправе знать, как ты хозяйствуешь. Ясно? Если хорошо, то, конкретно говоря, мы все этому рады, понимаешь? Это делает честь не только тебе, но и всей партии. А это наша общая забота. Ясно?

— Для чего я говорю о работе товарища Поставы и его семьи? — продолжал Багар.— Для того чтобы все поняли, что мы должны защищать его. Жена товарища Поставы напугана и хочет уехать. Можем ли мы допустить это? Ни в коем случае. На примере товарища Деймековой видно, что и на других сегодняшняя ночь повлияла плохо. Скот отравлен, а виновники не найдены, хотя ясно, как дважды два четыре, что это был Прюлл. Он не явился по вызову, сославшись на болезнь, но участвовал в угоне скота и стрелял в товарища Поставу. Он — инициатор всех этих преступлений вместе с Эльзой Магер, опознанной товарищем Антошем. Поэтому я предлагаю комитету принять такое решение: поручить коммунистам, членам административной комиссии, требовать немедленного выселения немцев из Долинки. Предложить также административной комиссии ходатайствовать об отозвании вахмистра Яноуха, отказавшегося участвовать в расследовании преступления в Долинке. Всем членам партии содействовать поимке Эльзы Магер, которая скрывается в Поточной или в окрестных деревнях.

— Все? — спросил Деймек.

— Все.

Деймек погладил усы, оглядел членов комитета и сказал:

— Всем ясно? Всем. Конкретно говоря, возражает кто-нибудь против предложений товарища Багара? Никто. Запиши, Здена: предложения товарища Багара приняты единогласно. Ясно! Закрываем заседание и идем на работу.

— А я бы выгнала всех немцев сразу,— объявила Деймекова.— Почему только из Долинки? Почему не из всей Поточной?

— Потому, мать, что одним махом этого сделать нельзя,— ответил Деймек.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Гальчик действовал быстро, как всегда. Недаром его голова была похожа на пушечное ядро. Административная комиссия приняла предложение Деймека и его товарищей о немедленном выселении немцев. Но заседание было бурное, и Багар с товарищами не сразу завоевал большинство. Впервые на этом заседании выявилась вся опасность поведения Трнца и его сторонников.

Гальчик на этот раз терпеливо выслушал по телефону долгий рассказ Багара, прерывая его лишь вопросами по существу.

— Не придавай этому случаю значения,— сказал он в заключение.— Рано или поздно Трнец и компания должны были показать свое подлинное лицо, и чем раньше, тем лучше. По крайней мере, ты теперь знаешь, с кем имеешь дело, и учтешь это на будущее. Не думаешь ли ты, что такие дела творятся только в твоей новоиспеченной Поточной! Этот процесс происходит по всей стране, приятель!

«Зачем он говорит мне это,— немного раздраженно думал Багар.— Словно я сам не знаю... А впрочем, может быть, он и прав. Выходит, что я вечно на что-то жалуюсь. Но должен же я кому-нибудь рассказать о том, что у нас делается. По всей стране снова снюхиваются враги и пробуют свои и наши силы. Зачем мы вообще дали им такую возможность? Ведь они были у нас в руках, можно было уже давно разделаться с ними. А правильно ли это было бы? Я нетерпелив, мне все хочется сделать поскорей, но ведь надо, чтобы народ сам раскусил их до конца. Наша задача — одним дать возможность показать себя, а другим — открыть глаза».

— Устрою,— сказал в заключение Гальчик.— Все устрою и уверен, что советские друзья поймут нас и пойдут нам навстречу.

— Надо бы поскорей,— повторил Багар.— А в Долинке теперь никак нельзя без охраны.

— Ладно, не ломай себе голову, а то треснет. Мы там временно увеличим пост КНБ на два человека и отзовем Яноуха. Доволен? Ну, вот видишь! А товарищи с фабрики разве не помогут?

Конечно, помогут. Деймек и Здена организуют это. Товарищи с фабрики всегда поддержат. Деймек поворчит на них. Здена погорячится, и если даже иной заколеблется и вздумает уклониться, то в конце концов все поймут свой долг и выполнят его. Багар встал, прошелся по кабинету — три шага туда, три шага обратно — и, покрутив пуговицу, закурил сигарету.

Нетерпение и беспокойство одолевали его. Багару казалось, что все застряло и стоит на месте. В Поточной должно быть больше чешских текстильщиков и вообще рабочих, а сюда пока что лезут главным образом пройдохи, которые только и норовят урвать что-нибудь. Может быть, мы и из них сделаем честных людей. Но когда? Багару казалось, что перед ним громоздятся непосильные задачи. Вот сейчас мы очистим Долинку от немцев, а кто же позаботится об оставшемся скоте и живности? Кто докончит осеннюю пахоту? А если не выселить немцев, уедет Винценц Постава. Вот и поступай как знаешь! Но и это еще не все. Надо организовать трудовую помощь Долинке и поискать новых переселенцев. Найдись сейчас хоть три-четыре семьи, можно было бы справиться. Эх, почему я не попросил Гальчика присылать мне сюда всех крестьян, которые обратятся к нему с просьбой об отводе земли. Ведь в Долинке освободится сразу двадцать наделов, а они ничуть не хуже, чем другие в этом краю.

Багар перестал ходить по кабинету и сел за заваленный бумагами стол, чтобы напряженной работой отогнать тревогу. «Надо будет переехать отсюда,— подумал он.— Гальчик и Здена правы. Куда было лучше, когда я две недели жил при заводе». Ему вспомнился домик и связанные с ним планы на будущее. Здене квартирка тоже нравилась; ей только казалось, что домик стоит слишком на отлете: живя там, можно сделаться нелюдимом, который больше всего заботится о своих делах и ворчит, когда его беспокоят.

За стеной слышалась быстрая дробь пишущей машинки — Богоуш Клинек не терял рабочего времени. Багар виновато погасил сигарету и склонился над грудой свежей почты. Вскрыв письмо из Брно в служебном конверте национального комитета, он погрузился в чтение

ответа на свой запрос. «Сильвия Краус, проживавшая во время войны на Коближной улице...» Э-э, вот и конец надеждам Рейзека: немка, и все тут, хочешь не хочешь — ничего другого здесь не вычитаешь. Ее семья объявила себя принадлежащей к немецкой национальности еще при первой всеобщей переписи в старой республике. Сильвия училась в немецкой школе и вышла замуж за адвоката немца Крауса, члена гитлеровской партии, не вернувшегося с Восточного фронта. Она урожденная Гасекова, этим и ограничивается ее «чешское происхождение». Ее отец даже подписывался на немецкий лад: Haseck. Да, неприятная будет минута для Рейзека, когда он узнает, что национальный комитет в Брно не может поддержать ходатайство Сильвии Краус о том, чтобы ей дали чехословацкое гражданство.

Раздался продолжительный, настойчивый телефонный звонок. Багар снял трубку.

— Улажено! — сказал в трубке голос Гальчика.— Видал, как быстро! Советское командование признает срочность данного случая. В два часа дня приедут три грузовика. Отрядом командует старший лейтенант Громов. Я тоже буду там. В пять часов отправка к границе. Тридцать килограммов багажа на человека. Проведи подготовку и не забудь о переписи имущества в опустевших домах.

— Погоди, дай перевести дух,— сказал Багар.— Вот это помощь, скажу тебе! Это дело тяготило меня, как кошмар. А не пришлешь ли ты мне четыре крестьянские семьи из переселенцев?

— Вот я тебе надаю по шее, как приеду! Четыре семьи! Из рукава я их тебе вытряхну, что ли?

Гальчик с треском стремительно повесил трубку. Багар улыбнулся и, откинувшись на стуле, крикнул:

— Богоуш! Клинек!

Треск пишущей машинки прекратился, стукнул отодвинутый стул, и Клинек быстро вошел в кабинет.

— Что случилось?

Багар тем временем пришел в себя от взрыва первой радости. Его красноватое лицо еще сияло, но глаза приняли виноватое выражение.

— Не обижайся,— смущенно сказал он.— Я хотел сам зайти к тебе, но, не знаю почему, поднял крик, как в лесу. Словом, речь идет о Долинке: в два часа туда приедут советские грузовики и начнется выселение.

Бледные щеки Клинека залились краской: у него

мелькнула своя, сокровенная мысль. От радости он даже взъерошил себе волосы.

— Это замечательно, товарищ Багар! И как быстро, вот уж не думал! Ты возьмешь меня с собой?

— И тебя и других,— вставая, сказал Багар.— Понадобится много народу: нужно будет все переписать, проверить и как-нибудь обеспечить уход за скотом. Ведь опустеет сразу двадцать дворов. На шее у нас останутся шестьдесят голов рогатого скота, да еще свиньи и птица. Похоже, что мы заварили изрядную кашу. Но что было делать?

— Ничего, конечно, ничего. Иначе нельзя. Как-нибудь справимся!

Багар глубоко вздохнул, как будто в таком положении не рассчитывал на хороший совет или помощь. Он предложил Клинеку сигарету и закурил сам, словно хотел почерпнуть в этом новые силы.

— Позвони Деймеку и его дочери. Трнцу тоже следовало бы прийти.

— Нашел кого звать! — с презрением сказал Клинек.— Он же голосовал против. Еще выкинет что-нибудь.

— Вот потому-то пусть и присутствует при выселении. А то будет потом говорить, что творилось черт знает что. Пускай и он примет участие. Они бы предпочли стоять в стороне: мол, наша хата с краю. Но мы не должны допускать этого. Подписали они Кошицкую программу? Подписали! Так пусть выполняют ее вместе с нами. А если нет, пусть каждый честный человек видит, что они идут не в ногу. Так или нет?

— Может быть,— неохотно отозвался Клинек.— Но только я знаю, что от них не будет проку.

— Не забыть бы про Антоша,— продолжал Багар.— А что, если вытащить с почты Брендла? Ведь это будет исторический день для Поточной. Почтмейстер нам не простит, если мы не позовем его.

— Он голосовал с нами против Трнца и компании. И работает как вол.

В отличном настроении они вышли из ратуши. Оба чувствовали себя молодо, у обоих было легко на сердце, словно кто-то снял с них давнее тяжкое бремя.

Октябрь уже набросил на горы пестрое покрывало осенней листвы, на склонах гор рыжела трава, в лесах, среди темной хвои елей, ярко горели золотом и багрянцем лиственные деревья. В воздухе висела легчайшая дымка — то ли остаток утреннего тумана, то ли предтеча вечернего? Ее пронизывали лучи уже бледневшего, но еще теплого

солнца. Дышалось легко и свободно, только иногда кожу холодил порыв студеного ветерка.

Багар и Клинек на минуту остановились, глядя на горные склоны, высящиеся над крышами домов.

— До чего все это великолепно, а? — сказал Клинек.

— Да,— отозвался Багар с легким вздохом, то ли восхищаясь всей этой красотой, то ли от досады, что у него нет времени любоваться ею.— Да,— повторил он.— Поточная тут перед нами, как красотка на выставке мод. Чем больше мы узнаем ее, тем больше она нам нравится. Я уже совсем влюблен в нее. А ты?

— Меня отсюда палкой не выгонишь! Разве что выстрелят мною из пушки,— ответил Клинек.

Они с улыбкой поглядели друг на друга, и вдруг в обоих одновременно возникла одна и та же мысль. Они перестали смеяться и обменялись серьезными взглядами.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— объявил Багар.

— Мне досталось от них,— сказал Клинек.— Но человек не может жить одной ненавистью. Я, по крайней мере, не могу. Я знаю, что не надо забывать, но предпочитаю не вспоминать. А иногда вдруг задаюсь вопросом: «А относится ли кто-нибудь из них к нам так, как мы к ним?»

— Да, такие все-таки есть. Что ты скажешь насчет Пальме? Или старого Кроне? С ними мы найдем общий язык.

— Таких среди них надо искать днем с огнем.

— Сегодня, может быть, и так. Но их будет больше, поверь.

Около почты они встретили письмоносца Смолу. Его всегда румяные щеки блестели, как яблочки, а во взгляде было назойливое простодушие, наводившее на мысль, что он изо всех сил старается произвести впечатление бесхитростного добряка. Смола расплылся в счастливой улыбке, взял под козырек и поклонился Багару и Клинеку.

— Слышали новость, господа? — заговорщически осведомился он.— Из Праги к нам прибыли еще земляки.

И он хихикнул, словно удачно сострил. Багар не улыбаясь смотрел на него.

— Я хотел задать вам один вопрос, пан Смола,— сказал он.— Во время ваших хождений вы не встречали Эльзу Магер?

Добродушие исчезло из блекло-голубых глаз Смолы, в них мелькнул страх. Его красноватые веки испуганно замигали. Он ответил, почмокав полными губами:

— Вы думаете, она здесь? Говорят, она перешла границу.

Он опять овладел собой и сделал вид, что страшно удивлен предположением Багара. «Эх, продержать бы его на допросе часика два-три — может быть, и удалось бы вытянуть из него правду»,— пришло в голову Багару. Он задумчиво глядел на круглое лицо письмоносца, выражавшее назойливую услужливость, на румяные щеки с синими узелками жилок и, кроме обычного отвращения, почувствовал уверенность, что этот человек кое-что знает. «А если пригрозить ему выселением, может быть, он поддастся?» Но Багар сразу же отверг эту мысль. Столько раз в жизни грозили ему самому... и не только грозили. Он молча отвернулся от Смолы и взял Клинека под руку.

— Ну, пошли.

В небольшом помещении почты, как всегда, пахло клеем, оберточной бумагой, пылью и непроветренной одеждой. У окошечка по приему заказных писем, телеграмм и денежных переводов сидела темноволосая женщина в сером шерстяном платье. У нее было продолговатое бледное лицо, крутой подбородок, прямые черные брови и строгие морщинки вокруг крепко сжатого рта. Густая седая прядь, начинавшаяся с левой стороны ее широкого лба, делила волосы на две неравные части. Женщина выжидательно взглянула на вошедших. Она смотрела прямо, в глубине глаз угадывались сердечность и внимание к людям.

— Что вам угодно, господа? — спросила она.

Вацлав Брендл, что-то оживленно объяснявший, наклонившись над ней, выпрямился, и его пергаментные щеки вдруг залились краской, что сразу придало ему вид застигнутого врасплох шалуна. Он снял очки, как всегда делал в минуту смущения, и, беспомощно поглядывая по сторонам близорукими глазами, сказал:

— Это, уважаемая барышня, члены местной административной комиссии. Председатель комиссии пан Багар и его... м-м... заместитель пан Клинек. С вашего разрешения, господа... Барышня Юлия Росова назначена моим... м-м... заместителем и час назад приступила к выполнению своих обязанностей. Я рекомендовал ей прежде всего зайти к вам, пан Багар, дабы получить ордер на приличную квартиру. Но она предпочла раньше ознакомиться с работой. Поэтому очень хорошо, просто поразительно удачно, что вы сейчас зашли к нам.

Росова встала, выпрямившись, из-за стола. По-видимому, она исхудала от каких-то долгих лишений, но одновременно в ее позе отражался боевой и непреклонный характер. Она протянула крепкую сухую руку — ее рукопо-

жатие напоминало прикосновение пергаментной ладони Брендла.

— Честь труду! — сказала она.— Мне говорили, что ты здесь, товарищ Багар. Я слышала твое выступление на пражском партийном активе в тридцать пятом году. Но ты меня, наверное, не помнишь. Непосредственно мы с тобой не встречались.

Багар, не отпуская ее руки, припоминал:

— Погоди, погоди. На людей у меня всегда была хорошая память — такая уж у меня работа. Росова, Юлинька? Ты была арестована в сорок втором году вместе с пардубицкими товарищами, не так ли?

Она кивнула, а Багар немного самодовольно засмеялся, гордясь своей цепкой памятью. Брендл протирал платком очки и, видимо, был смущен таким оборотом разговора.

— Говорили,— продолжал Багар,— что тебя без суда отправили в Освенцим.

Росова засмеялась. Ее смех был неожиданно звучным, а голос слишком низким и мягким для такой маленькой и худощавой фигуры.

— Да,— сказала она.— Отправили, да еще с пометкой «RU» — возвращение нежелательно, и все-таки, как видишь, я здесь. Дело в том, что я своевременно умерла. Ты знаешь этот способ? Покойную, имя которой я приняла, звали Адела Пошепная. Смешное имя, а? Но девушка, носившая его, была совсем не смешной. Она умела делиться с товарищами хлебом и выполнять свою долю общего дела. Бедняжка умерла от тифа. Под ее именем я дождалась прихода Красной Армии.

— Вам прислали хорошую помощницу,— сказал Багар Брендлу, когда они вместе шагали по дороге, направляясь к гостинице Рейзека.— На нее, я думаю, вы вполне можете положиться.

— Я не просил помощницы,— солидно сказал Вацлав Брендл,— но могу сказать, что она появилась очень кстати. Работы становится все больше; до войны на этой почте было три сотрудника. Да, прибытие барышни Росовой — это, конечно, отрадный сюрприз. Она, видимо, не только способная сотрудница, но и умный и преданный делу человек: прежде всего она занялась работой, а не личным устройством. Надо будет подыскать для нее квартиру.

— Пустяковое дело,— сказал Багар.— Пусть выберет себе, что ей нравится, и мы сразу же оформим.

— Я говорил с ней на этот счет,— сообщил Брендл.— Она не претендует на домик. Ей достаточно и приличной

комнаты в спокойной семье. Мне вспомнился этот ваш чиновник-немец по имени Титце. Он с женой — пожилая бездетная пара, и, как я выяснил, у них есть в мансарде две комнатки, которыми они едва ли пользуются.

— Это мысль,— согласился Багар.— Я поговорю с Титце, как только мы покончим с делами в Долинке.

В караулке КНБ они нашли Йозефа Палку. Он чистил автомат и насвистывал «Катюшу». Когда они вошли, Палка вскочил и, даже не ответив на приветствие, воскликнул:

— Новость, товарищ Багар! Знаете? Яноуха отозвали! Только что уехал на мотоцикле. У нас тут уже новый командир. Наверное, они даже встретились на дороге: Яноух ехал туда, а тот сюда.

Он продолжал, понизив голос, оглянувшись на дверь в соседнюю комнату:

— Уже взялся за дела. Крепкий парень, что говорить! Служил ефрейтором в Чехословацком корпусе. Теперь у нас все пойдет по-другому, сразу видно.

— Позови-ка его,— сказал Багар.— Вы должны помочь нам сегодня.

Ондржей Календа внешне походил на Антоша: такой же коренастый, легкий в движениях. Военная форма сидела на нем как влитая, с широкого веснушчатого лица глядели зоркие, словно у охотника, голубые глаза. Руки у него были как у кузнеца — их короткое пожатие заставляло вздрагивать. Он широко улыбнулся, здороваясь с Багаром и Клинеком, и тотчас лицо его снова приняло серьезное, сосредоточенное выражение.

— Палка сейчас пойдет с вами,— сказал он, выслушав Багара.— А я прибуду за четверть часа до приезда советских товарищей. Надо малость навести порядок в этом хлеву. Да, сегодня мы будем свидетелями и участниками большого события. Сколько мы думали об этом, пока ехали домой, а путь был неблизкий. И нам все не верилось, что их удастся выселить. Да разве мы сумели бы, не будь Советского Союза!

— Конечно, нет,— улыбнулся Багар.— Но нас можешь не агитировать. Мы оба не сомневаемся в том, что немцев здесь не будет. Есть, однако, люди, которые не понимают этого, из-за них еще будет много неприятностей.

Вместе с Йозефом Палкой они вышли из помещения КНБ. Прохожие провожали их любопытными взглядами и останавливались, глядя им вслед. Весть о предстоящем выселении, несомненно, уже дошла до жителей Поточной.

— Вы только поглядите на них! — сказал Богоуш Клинек.— Пари держу, что они уже все знают.

— Факт! — отозвался Йозеф Палка, поправив на плече вычищенный до блеска автомат.— А ты как думал?

— Заседание административной комиссии было закрытое,— напомнил Клинек.— И на нем не было ни одного постороннего человека, кроме Здены и меня — мы вели протокол.

— Этот парень свалился с луны, ей-богу! — сказал Палка, сделав страдальческую мину.— Заседание было закрытое, никто о нем слова не проронил. Вот только Кнаузе через полчаса после заседания побежал с фабрики Трнца в Долинку якобы за молоком для больной дочери. Разумеется, в рабочее время.

Они остановились у забора бывшего дома Гальске. На дворе, у открытых дверей мастерской, откуда шел острый запах разогретого металла, бензина и смазочных масел, Антош, австриец Фриц и старый Гальске возились у разбитой машины «БМВ». Багар окликнул Антоша, и тот подбежал, подпрыгивая, словно на пружинах. Гальске и Фриц выпрямились и глядели ему вслед, держа в руках французские ключи и измазанные машинным маслом тряпки.

Антош поглядел на Багара голубыми глазами, дыша так, как будто торопился куда-то.

— Уже? — спросил он не без волнения.— Как скоро! Я был уверен, что это произойдет не раньше чем через неделю.

Разговаривая, он начал стаскивать с себя замасленный комбинезон. Видя это, Фриц Клаузе отбросил тряпку и ключ, схватил кожаную куртку Антоша, висевшую в коридоре около мастерской, и подбежал к своему хозяину.

— Молодчина, Фрицек! — похвалил его Антош.— Вы тут продолжайте работу. Приглядывай за Гальске, чтобы не лодырничал. Вот она, революция,— продолжал он, выходя из ворот и присоединяясь к остальным.— Раньше Фрицек дрожал перед этим Гальске, от страха чуть не стучал зубами, а теперь погоняет его.

— Очень у тебя просто выглядит революция,— возразил Багар.— Вчера Клаузе дрожал перед Гальске, а теперь прислуживает тебе, прямо в лепешку готов расшибиться.

— Ну что ты! — добродушно сказал Антош.— Этот парень никогда доброго слова не слышал, а я с ним обращаюсь как с родным. Чему же тут удивляться?

— Я не ему удивляюсь, а тебе,— сказал Багар.—

Прививай ему чувство человеческого достоинства. Пусть поймет, что он такой же хозяин сам себе, как и ты. Иначе это плохо кончится. Привыкнешь, что люди тебе угождают, и будешь конченым человеком.

— Ты говоришь совсем как моя Анча,— недовольно заметил Антош.— Не знай я ее много лет, я сказал бы, что она твоя ученица. Она тоже злится, когда ей кажется, что я разрешаю Фрицеку прислуживать мне.

— Багар прав,— сказал Клинек.— С виду пустяк, но человек скоро к этому привыкает и превращается в барина. А от барина до врага революции — один шаг.

— Отстаньте, черт вас дери! — рассердился Антош.— И чего вы на меня навалились?

— Потому что ты наш,— серьезно сказал Багар,— и мы не хотим тебя потерять.

Из-за поворота дороги, ведущей в Долинку, вылетел на полном ходу мотоцикл и, резко скрипнув тормозами, остановился у гостиницы Рейзека. Простоволосый мотоциклист в коричневой кожаной куртке и высоких сапогах поставил машину на подпорки, снял автомобильные очки и приветственно помахал ими Багару и его товарищам.

— «Харлей-750»,— сказал Антош таким тоном, словно чувствовал себя обкраденным.— Где этот черт Тимеш раздобыл такую машину, хотел бы я знать. Еще неделю назад он ездил на полулитровой «индиане».

Тимеш, вертя очки на пальце, ждал, пока Багар подойдет, и усмехался прищуренными глазами, как будто приближавшиеся были чем-то смешны.

Багар, как всегда, встречая Тимеша, почувствовал себя как-то неладно. Коршуны слетаются, подумал он, и ему стало немного стыдно этой мысли и этого слова. Мысль возникла потому, что еще при первой встрече с Тимешем и его командой в Багаре появилась неприязнь к нему и не пропадала, пробуждаясь при всякой новой встрече. «Слишком ты иногда суров к людям,— говорил себе Багар.— Это зря. Ты поддаешься подозрениям и не хочешь допустить, что Тимеш, как и всякий другой, мог измениться к лучшему».

Багар вздохнул. Они были уже в трех шагах от Тимеша, и тот поздоровался с ними. «Эх, знать бы, как вел себя этот человек во время войны и в концлагере, а главное, почему его досрочно выпустили оттуда».

Багар стиснул протянутую руку. От смущения его пожатие было преувеличенно сердечным, и, почувствовав это, он тотчас выпустил руку Тимеша. Тот усмехнулся

чуточку криво, словно уловив эту противоречивость чувств в Багаре. «Хитер,— подумал Багар,— ох и хитер! Мне такие не по душе».

— Задержись на несколько слов,— сказал Тимеш, не переставая улыбаться.— Это не займет и пяти минут.

Багар оглянулся на спутников, которые выжидательно остановились, ухватился за пуговицу на пиджаке — эту постоянную помощницу во всех трудных случаях жизни — и кивнул.

— Идите, товарищи. Я вас сейчас догоню. Насчет чего ты?

Тимеш глядел вслед остальным, пока они не отошли на такое расстояние, что не могли слышать разговор. Потом он сунул руку во внутренний карман куртки, вынул сложенный лист бумаги и подал его Багару.

— Вот моя анкета для вступления в партию,— сказал он.— Просмотри.

Багар развернул лист и стал внимательно читать, чувствуя на себе пристальный взгляд Тимеша. Смотрите, как убедительно сумел этот человек объяснить, почему его досрочно выпустили из концлагеря и что он делал с тех пор и до разгрома гитлеризма! «Я поступил на должность управляющего имением Льготка близ города Бенешов, ибо был обязан регулярно являться в гестапо, что лишило меня возможности в дальнейшем участвовать в какой-либо нелегальной работе». Ну, тому, что он принимал участие в восстании против оккупантов в дни освобождения Чехословакии, я верю. Знал же я человека, который до марта сотрудничал с гитлеровцами, а шестого мая пал с оружием в руках в бою против них. «Подтвердить правильность моих данных за такой-то период может такое-то лицо, а за такой-то период — такое-то. Имена и адреса их прилагаю». Гм... А что это за люди и чего стоит их слово? Лучше бы он сослался хоть на одного товарища по концлагерю.

— Среди людей, на которых ты ссылаешься, есть коммунисты? — спросил Багар, взглянув на Тимеша, и от него не укрылась напряженность в лице собеседника и усилие, с каким тому удалось принять невозмутимый вид.

— Нет,— неуверенно ответил Тимеш и тотчас усмехнулся с видом превосходства, видимо рожденного только что пришедшей ему в голову мыслью.— Тому, кто не знал коммунистов прежде, не так-то просто было сблизиться с ними во время войны. Ты это и сам знаешь. В Льготке я был человек новый, никому не известный, а в Бенешов

ездил только для явки в гестапо... Ну как, подпишешь рекомендацию?

Багар вертел пуговицу и задумчиво смотрел на Тимеша. «Чего бы я не дал, чтобы прочитать сейчас мысли этого человека,— подумал он.— Мне хочется подписать ему рекомендацию, чтобы избавиться от чувства, что я все время обижаю его необоснованными подозрениями. Но что значат мои чувства в сравнении с интересами партии, с чистотой и прочностью ее рядов!»

— Не знаешь ли ты адреса какого-нибудь товарища по концлагерю?

Тимеш поджал губы и передернул плечами.

— Не знаю. Откуда мне знать, куда они разъехались. Мы не раз беседовали о своих родных местах, но меня выставили из лагеря так скоропалительно, что об обмене адресами и думать было нечего. Не веришь?

Багар покраснел и махнул рукой, как бы отвергая этот вопрос.

— Не в том дело, верю я или не верю,— быстро сказал он.— Во всяком случае, не только в этом. Что я знаю о тебе? Только то, что ты мне рассказывал и написал вот здесь. Ты интеллигент, бывший офицер. Для чего ты, собственно, вступаешь в партию, чего хочешь от нее? Знаешь ли ты вообще, за что борется партия? Чем ты намерен помочь ей в этой борьбе?

Уголки губ Тимеша дрогнули.

— Я видел при первой республике и при оккупации много такого, из чего мог сделать для себя выводы,— заговорил он наконец, глядя на Багара прищуренными глазами.— Чего хочет партия? Обезвредить тех мерзавцев, которые довели нас до Мюнхена. С меня этого достаточно. А работать я умею, это вы еще увидите. Ну как, подпишешь?

Багар спрятал анкету Тимеша в нагрудный карман.

— Посмотрим,— сказал он.— Выясним и посмотрим. Только ты меня не торопи.

Тимеш засмеялся, как будто с облегчением.

— Выясняй, выясняй,— сказал он.— А торопить я тебя все-таки буду. Хватит мне жить наобум, я хочу определить себе цели и задачи в жизни и строить ее наново.

Он поглядел по направлению взгляда Багара, и его обычно бледное лицо вдруг порозовело. Во втором этаже гостиницы Рейзека у окна стояла фрау Краус и смотрела на них, чуть отдернув занавеску. Заметив взгляд Тимеша, она опустила занавеску и скрылась.

— Вот и это тоже проблема,— сказал Багар.

— Почему «тоже»? — рявкнул Тимеш, и губы его искривились от злости.

— Что это ты вдруг? — удивился Багар, но не дождался ответа, потому что у калитки появился Рейзек. Тимеш помахал ему автомобильными очками.

— Привет, Рейзек! Найдется у тебя глоток спиртного? Я замерз, пока ехал на этой чертовщине.

Но Рейзек не принял напускного дружелюбия Тимеша. Насупившись, он ответил тоном, каким отвечают незваному гостю:

— Спиртного ничего нет. Выпито все до капли.

Тимеш многозначительно взглянул на Багара, потом кинул взгляд на окно, уже закрытое непроницаемой занавеской, и подошел к калитке, у которой стоял Рейзек.

— А я попрошу у Греты,— сказал он со смехом, который должен был изображать дружескую игривость.— У нее всегда найдется.

Рейзек, однако, не тронулся с места, и его бескровное лицо, побледневшее от ночной работы в прокуренном помещении, пополневшее и обрюзгшее, передернулось от волнения. Хотя он и уставился на Тимеша, а глядел, словно сонная рыба, как-то мимо него. В безжизненно свисавшей руке Рейзека болталась связка ключей.

— Грета ушла за покупками,— проговорил он, еле ворочая языком.— Дом заперт.

— Что скажешь, председатель? — повернулся Тимеш к Багару.— Содержатель ресторана, который не интересуется гостями! Особое явление в Пограничье.

В этот момент окно над задним входом в дом — то самое, что заскрипело над головами Багара и его спутников в первый день их приезда,— распахнулось и из него, как и тогда, высунулась голова Греты. Она замахала каким-то куском пестрой клетчатой ткани и проскрипела птичьим голосом:

— Гансик, подите сюда, вы забыли шарф, я вам брошу его.

Лицо Рейзека сморщилось от досады. Он быстро обернулся и крикнул:

— К чертям! Закройте окно!

— Вы посадили его в калошу, Грета,— воскликнул Тимеш.— Испортили ему всю музыку!

Можно было ожидать, что он разразится хохотом или, по крайней мере, усмехнется, как усмехался Багар, но Тимеш стоял чуть скривив рот и смотрел, как Рейзек запирает калитку. Когда тот повернулся, Тимеш сказал:

— Не вышел твой фокус, приятель.— И, подойдя к своему мотоциклу, добавил: — Не дали напиться томимому жаждой путнику. Ладно, не умру и так. Еду в Долинку и буду там ждать вас.

И он исчез в облаках пыли. Багар повернулся к Рейзеку.

— Что это за комедия? — испытующе спросил он.— Вы не в ладах?

— Да.

«Что с ним такое? — размышлял Багар.— Я не вправе лезть в его личные дела. Мы не друзья, он не коммунист. Мы приехали сюда вместе, а до того вместе сражались. Это должно было сблизить нас, но мы отдалились друг от друга. Женщина сбила его с толку. Он катится куда-то вниз, и все это не сулит ничего хорошего. Вместе с компанией Трнца он голосовал против выселения немцев из Долинки. Да и что ему оставалось делать, если он так запутался? Ведь он голосовал против только ради своей красотки. Он наполовину немец, наполовину чех. Но не в этом дело. Беда в том, что у него насквозь мелкобуржуазная душонка, он хочет выгод себе за счет других. Не понимает, что вот так-то и рождается фашизм. Фашисты казнили его отца, но и это не раскрыло ему глаза. Будь он коммунистом, я бы знал, как с ним разговаривать. Ну, а сейчас?..»

Они молча шагали рядом. Много людей шло в Долинку. Весть о немедленном выселении немцев разнеслась по городу, и все чехи из Поточной, кроме рабочих текстильной фабрики, спешили к поселку. Багар косился на них. «Вот погляди,— думал он.— Тут, видимо, немало желающих урвать что-нибудь. Трудно иметь дело с такими людьми, надо сразу же обуздать их, чтобы они не шарили по домам, не хватали, что попадется под руку».

— Получил ты уже ответ из Брно? — хрипло спросил Рейзек.

«Ни о чем больше не думает, только одна у него забота,— подумал Багар, с сожалением глядя на Рейзека.— Ну, что ж, церемониться с ним нечего, выложу ему всю правду».

— Дело плохо,— сказал он.— Хуже, чем я думал.

— Как так плохо? — Рейзек остановился, его бледные, дряблые щеки задергались.— Ведь она чешка, это факт.

— Ее семья объявила себя немецкой еще до войны, а она вышла замуж за немца, эсэсовца.

— Ее заставили родители.

— Соседи и люди, которые знают ее, показали, что она всегда зазнавалась, подчеркивала, что она немка. Поэтому она и уехала из Брно перед концом войны.

— Это все клевета! — взволнованно сказал Рейзек.— Бабьи сплетни! Она не может зазнаваться, как ты выражаешься. А уехала она из-за бомбежек.

— Я сообщаю тебе официальный ответ.

— Я этого так не оставлю! — воскликнул Рейзек. Прохожие обернулись на него, но он не обратил внимания на них.— Я этого так не оставлю, слышишь? Я найду другие пути, кроме твоих официальных!

Багар пожал плечами. Рейзек взял его за отворот плаща и сказал настойчиво хриплым голосом:

— А если я женюсь на ней? Тогда она получит чехословацкое гражданство и никто не сможет выселить ее отсюда.

Багар покачал головой. Рейзек был ему и противен и жалок.

— Этим ты ей не поможешь. Немало нашлось бы желающих спастись таким способом. В лучшем случае тебя выселят вместе с ней.

Рейзек с минуту, выпучив глаза, глядел на Багара, и взгляд его становился все злее.

— Посмотрим, будет ли еще выселение немцев! — сказал он наконец и, повернувшись, поспешно зашагал, чтобы обогнать Багара и не идти рядом с ним. Он почти бежал, семеня своими плоскими ступнями и поднимая пыль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Здена и ее отец пришли в Долинку почти последними. Дорогой их обогнал Трнец в машине, но не остановился и не предложил подвезти их. На переднем сиденье, рядом с ним, виднелась пышная прическа «химической блондинки», его жены, задние места были свободны. Деймек весело переглянулся с дочерью и махнул рукой вслед машине. Пусть себе едет, они без труда доберутся пешком, путь не долог.

Отец и дочь шли молча. Оба не любили лишних разговоров и часто, на удивление друг другу, одинаково думали об одних и тех же вещах: им было достаточно обменяться взглядом там, где другим понадобился бы целый поток слов.

Сейчас Деймеки подумали о том, что надо быть начеку с Трнцом. Пока на фабрике чешские рабочие в меньшинстве, едва ли можно быть уверенным, что Трнец не орудует там вразрез с принципами народного управления. До сих

пор, правда, все поставки были правильно оформлены, оплачивались своевременно и наличность кассы не расходилась с записями в бухгалтерских книгах. И все же Здена была убеждена, что происходит многое, за чем она не в состоянии уследить, и что Трнец нашел пути незаконного обогащения.

— Я ему не верю,— сказала она вслух.— Ни в чем не могу его уличить, но не верю.

Отец совсем не удивился ее словам.

— А ты думаешь, я верю? — сказал он.— За каландрами у него немцы, на складе — немцы, браковщики — немцы, на складе сырья — дочь Кнаузе. Чехов он словно не замечает. Если бы мог, он завтра же выгнал бы всех нас до единого. Ясно? Хотел бы я знать, зачем он повез свою барыньку в Долинку.

— Рассчитывают, видно, поживиться.

— Ну, не знаю, чем они там могут поживиться,— с сомнением сказал Деймек.— А впрочем, не известно, что им конкретно нужно.

Утренний туман крупными каплями садился на поникшую листву кустов и деревьев, на пожухлую траву, уже тронутую первыми ночными заморозками. Легкая грусть нарастала в душе Здены, грусть, подобная той дымке, что висела в чистом воздухе, и это чувство было сладким и волнующим, пробуждало в душе смутные надежды. Склоны гор горели золотом и багрянцем на фоне черных хвойных перелесков и порыжевших лугов. Душа ждала чего-то, переполнялась сладостной печалью, смутными чаяниями.

Здена подумала о Багаре, и ей вдруг показалось, что она чужая всем в мире, лишняя, ненужная. Она работает, старается, но, может быть, это никому не интересно.

Девушка чуть не остановилась в раздумье, потом ускорила шаг, словно спасаясь от этих мыслей, которые — она чувствовала это — вредны и ослабляют ее. У нее нет времени киснуть и копаться в своей душе. Если бы она плохо работала, товарищи напрямик сказали бы ей об этом, не шушукались бы за ее спиной. Ведь она выросла среди них. Отец первый не смолчал бы.

— Ну-ну,— сказал удивленный Деймек.— Что это ты так заспешила? Ведь он от тебя не убежит. Дальше Долинки не уедет, а мы как раз туда идем. Конкретно говорю, а?

Здена покраснела и тут же обозлилась на себя за свое смущение. Она всегда злилась, когда что-нибудь отделяло ее от других только потому, что она женщина.

— Зачем ты говоришь об этом, папа? — сказала она, опустив голову и не отрывая глаз от каменистой дороги.

— Потому что на вас глядеть тошно! — Деймек сердито провел рукой по усам.— Разве я боялся того, что твоя мать на тринадцать лет моложе меня? Увидел девушку, она мне понравилась, и я переломал бы ноги каждому, кто вздумал бы к ней сунуться. Ясно?

При этих словах Деймек выпятил грудь, как петух, готовый схватиться с другим петухом. Здена улыбнулась про себя.

— И что же конкретно получилось? — продолжал отец еще более самодовольным и гордым тоном.— Удалось наше супружество или нет? Говорит кто-нибудь, что я — старикашка рядом с твоей матерью?

— Нет, папа, я никогда ничего такого не слышала,— ответила Здена, с удовольствием вспоминая, как мать обычно напускает на себя немного недовольный вид, а отец влюбленно ухаживает за ней; мать же, когда думает, что ее никто не видит, с обожанием глядит на своего энергичного, доброго, но своенравного мужа.

— Мне всегда казалось, что вы вместе росли с детства,— продолжала Здена.— Все это я знаю, папа, но ведь то были вы. Мне от этого не легче.

— Потому что Багар растяпа, а ты фасонистая девчонка,— ответил Деймек сердито.— Ходит вокруг тебя, красный как рак, вертит пуговицу и все думает о своих сединах. А ты его даже не подбодришь. Когда он рядом с тобой, ты выглядишь то ли сосулькой, то ли ежом. Ясно?.. Ну, ладно, по крайней мере, видно, что он не бабник, ежели так пасует в этих делах.

— Не могу же я...— начала Здена и почувствовала, что к глазам у нее подступают слезы. Она нахмурила брови, упрямо вскинула голову, так что разлетелись ее непокрытые волосы, и выпрямилась.— Не будем говорить об этом,— отрывисто сказала она.— Все равно ни к чему.

— Делай как знаешь,— недовольно сказал Деймек и сплюнул.

На краю дороги, у Долинки, стояли люди и ждали, что будет. Они держались по двое, по трое, иногда даже соединялись в небольшие группки и оживленно переговаривались, а когда оборачивались на Деймека и Здену, в их глазах была неприязнь.

— Надо бы погнать их всех по домам,— проворчал Деймек.— Зачем они сюда собрались, хотел бы я знать? Все

наши работают, мы же здесь потому, что нам полагается быть, но мы не видим в этом никакой радости. Ну, а этим чего надо? Сенсация, ясно! Да заодно они хотят разнюхать, нельзя ли, пользуясь суматохой, поживиться здесь чем-нибудь. Ты только погляди на них: сплошь господа народные управляющие! Хотя и из бакалейной лавочки, а все-таки народный управляющий! Ни одного рабочего человека не видно.

В сердцах Деймек чуть не прошел мимо поворота к дому Винценца Поставы. В колеях и глубоких следах от конских копыт блестела дождевая вода и плавали узорчатые листья кленов, гладкие, словно вырезанные из золота, меди и бронзы. Вид их навевал уныние. Лето прощалось, уходя, зима возвещала о скором приходе. Наступает первая зима для переселенцев в этом краю. Каждый невольно спрашивал себя, что принесет ему она, сбудутся ли его надежды, как придется воевать с зимой и удастся ли одержать над ней победу.

У ворот дома Поставы Деймек и Здена встретили членов административной комиссии. Седая голова Багара без шапки резко выделялась среди других. Здене показалось, что она видит только эту голову и больше ничего.

Нежность, смущение и досада овладели девушкой. Запустить бы пальцы в волосы Багара, прижаться бы к ним лицом... «Расскажи мне, расскажи, чем ты занят, о чем ты думаешь, не таись от меня. Скажи мне, что я глупая, зазнавшаяся девчонка, которая всюду лезет и иногда воображает, что она лучше других. Или нет, повернись ко мне спиной и сделай вид, что не знаешь меня, потому что я совсем ошалела и потеряла всякий стыд...»

Здена выпрямилась, подставляя молодую грудь порывам ветра и как бы борясь в себе самой со всем, что одурманивало и ослабляло ее, лишало твердости и уверенности. «Нет,— думала она, подходя с отцом к группе людей у ворот и все еще видя среди них только седую голову Багара,— я не хочу помнить только о себе и о своих муках или счастье. Между нами должно быть все ясно. Если ты меня любишь, как и я тебя, если мы вообще когда-нибудь будем жить вместе, мы пойдем по жизненному пути как равный с равным. В глазах друг друга мы будем видеть не только самих себя, а и всех тех, с кем мы идем вместе, все будущее, за которое мы боремся, всю его радость и красоту. Вот как это будет!»

И, быть может, именно потому, что Здена была полна таких хороших мыслей, мечтаний и надежд, она поздо-

ровалась с Багаром чуть холоднее, чем с другими товарищами.

Задания были распределены еще до прихода Деймеков. Сами собой составились двойки. Трнец, разумеется, прикрепил к себе свою жену. Присутствующие исподтишка обменялись веселыми взглядами, но никто не стал возражать. Только Антош прошептал Багару:

— Вот собирается поживиться! Гляди, какую сумку она приволокла!

— Подумаешь! — в тон ему, улыбаясь, ответил Багар.— Комод и тот не влезет!

Двойкам было поручено обойти дома и составить списки всех жителей и опись рогатого скота, лошадей, свиней и птицы, то есть «живого инвентаря», как говорится в объявлениях. Опись остального имущества будет проведена уже после отъезда немцев.

Деймек с дочерью могли бы составить еще одну двойку, но оказалось, что Деймека уже выбрал себе почтмейстер Брендл. Клинек был в паре с Антошем, так что Здене остался Багар. Прочие двойки сдадут свои списки ей и Багару, а они сверят новые списки со старыми, уже подготовленными административной комиссией на основе картотеки грюнбаховского муниципалитета.

Узнав, что ей придется быть в паре с Багаром, Здена покраснела и рассердилась, словно ее в чем-то обошли или разыграли.

— Не лучше ли, чтобы товарищу Багару помогал в этом деле товарищ Клинек? — возразила она.— Он, безусловно, разбирается в списках лучше меня. Я только изредка помогала в комиссии, а он работает там изо дня в день.

— Справедливое замечание,— сказал Багар, хватаясь за пуговицу макинтоша.— Я говорил то же самое. Но товарищ Клинек очень хочет идти переписывать и настаивает на этом. Остальные согласились.

Здена тряхнула головой так, что волосы у нее разлетелись.

— Ну так пусть идет,— сказала она, чувствуя, что напрасно отвечает так, что держится она глупо и все кругом замечают это и в душе посмеиваются.

Глядя, как двойки расходятся по тропинкам, Здена и Багар стояли рядом, недовольные друг другом, и старались не встречаться взглядами. Каждый искал слов, которые помогли бы преодолеть эту неловкость.

За их спиной скрипнула калитка. Оба оглянулись с облегчением: кто-то идет, значит, кончится это тягостное

молчание. И все же им было досадно, что они не будут больше наедине. Подошел Тимеш. Проходя в калитку, он нагнул голову, чтобы не стукнуться о верхнюю перекладину, и был похож в этот момент на портрет, выступивший из рамы. Щеки у него порозовели, видимо, он хорошо поел. По-военному расправив плечи и выпятив грудь, он подошел к Багару и Здене.

— Сейчас я убедился в правильности старой истины: «Рука бедняка щедрее руки богача»,— сказал он.— В доме Поставы меня угостили чаем, которого я так и не получил у Рейзека. Не знаю, каков был сам чай, но ром его сильно скрасил. Хозяйка сидит у печи как каменная, смотрит в одну точку и не хочет выходить из дому, пока они еще здесь.— Он махнул рукой в сторону домиков Долинки.

— Она переживает то же, что и мы все,— медленно ответил Багар, испытующе взглянув на Тимеша.— Она боится их, ненавидит и вместе с тем жалеет. Все это сложно, но все это — следствие их вины и нашего освобождения, таков закон истории. Однако мне все-таки не ясно, зачем ты пришел сюда.

Тимеш скривил рот в пренебрежительной усмешке.

— Думаешь, что и я такой же мелкий рвач, как те, что торчат у дороги? Думаешь или нет? А впрочем, это не важно. Можешь думать обо мне что хочешь, пока не убедишься в обратном. Эти типы на дороге напомнили мне сцену при спуске воды из пруда. Они ждут, пока сторож крикнет: «Можно!» — чтобы кинуться за мелкой рыбешкой. А я, наоборот, воплощенное бескорыстие. Я пришел, чтобы помочь вам при неизбежных трудностях.

— Каких таких трудностях?

— Трудностях со скотом, уважаемый товарищ председатель. В поселке останется только один хозяин, а скот с двадцати дворов окажется у вас на шее. Зима на носу. Значит, коров уже не погонишь на пастбище, их надо кормить, убирать за ними, доить. А свиньи и птица? Не хотел бы я быть в твоей шкуре, когда все это начнет дохнуть. Что ты будешь с ними делать? Загонишь в вагоны да отправишь в глубь страны? Ну а с чем ты встретишь весной новых поселенцев? У тебя не будет для них ни коров, ни свиней. Из-за чего ты, собственно, не поладил с немцами и срочно выставляешь их? Из-за этих самых коров. Выходит, что, как ни кинь, все равно ты останешься без скота. Операция прошла успешно, но пациент скончался!..

Багар слушал эту тираду, и глаза у него блестели.

Он видел насмешливую улыбку на бескровных губах

Тимеша и чувствовал на себе пристальный взгляд Здены. Да, этот Тимеш выбрал подходящий момент. Он словно нарочно решил поддеть его при Здене, хотя, конечно, делает это лишь из врожденной злобности. Что со скотом будут трудности, Багар знал и без Тимеша.

Багар не спал почти всю ночь. Разве он выселяет немцев из Долинки только за то, что они пытались угнать скот? Нет. Причины глубже. В широком масштабе выселение начнется еще через несколько месяцев, и, если сейчас проявить слабость, кто знает, как возрастут трудности впоследствии.

Здена спокойно стояла рядом, но Багар чувствовал, как она мысленно кричит ему в нетерпении: «Ну что же, отвечай!» Ему вдруг вспомнились тяжелые минуты в Испании, когда товарищи, сгрудившись вокруг него, наперебой перечисляли трудности, из-за которых невозможно удержать позицию до сумерек. И все-таки они всегда удерживали ее столько времени, сколько было необходимо.

Он улыбнулся и сказал Тимешу:

— Все эти вопросы будут решать здешние партийные органы и административная комиссия. Заваривая эту кашу, мы подумали о том, как ее расхлебать. Во-первых, в семье Поставы шесть человек, это уже кое-чего стоит. Во-вторых, в помощь им мы организуем добровольную бригаду. Не думал ли ты, что мы сложим руки и станем ждать, что будет?

— Добровольная бригада! — сказал Тимеш и сделал кислое лицо.— Раз или два она вам поможет. Но как только добровольцы познают удовольствие чистить хлев, подстилать скоту солому и доить, можно поручиться, что их туда калачом не заманишь. Разве это дело ткача — доить коров?

— А почему бы и нет? — зардевшись, быстро сказала Здена.— Все ткачи с нашей фабрики — из крестьян, для них это совсем не ново. Многие и здесь держат коров.

Тимеш помахивал автомобильными очками и смотрел на Багара и Здену с видом умудренного опытом мужа, внимающего бредням зеленой молодежи.

— Все это легко на словах, но будет трудно на деле,— сказал он.— Сперва вы, может быть, и уговорите их, но потом они скажут: «А для кого мы, собственно, делаем такую тяжелую работу?» Им ведь не владеть этими коровами? Зимой людям придется тяжелей всего, а к весне, когда начнется общее выселение немцев, сюда нахлынут переселенцы и скажут: «Подавай мне дом, подавай корову». Вы

думаете, ваши люди не понимают этого? Нет, повторяю вам: недолго будут действовать ваши уговоры.

— А мы и не собираемся никого уговаривать,— вмешалась Здена, не скрывая неприязни, которую в ней вызвала речь Тимеша.— Мы знаем своих товарищей, они сами поймут, почему надо помочь Долинке.

Багара обрадовала прямота Здены. Вот такова она всегда: не идет окольными путями, не думает о себе, бьет в открытую. Может быть, она и мне скажет в один прекрасный день: «Не поглядывай на меня, товарищ, это мне неприятно и мешает нам обоим работать». Но Багар тотчас рассердился на себя за эту мысль. Нет, в Здене для него важнее другое, о чем не следует забывать: они стоят плечом к плечу в общей борьбе, у них одинаковое мировоззрение.

— Ну а теперь скажи наконец, на что же ты сам рассчитываешь,— сказал Багар Тимешу, слегка наклонив голову и глядя на собеседника как бы поверх очков.— Ведь ты приехал сюда не потому, что тебе не давали спать наши заботы.

Тимеш удовлетворенно усмехнулся — вот, мол, наконец-то начался вполне понятный разговор — и сразу же вкратце изложил, зачем он приехал и почему его интересует критическая обстановка в Долинке. Коров из Долинки можно было бы отлично поместить на зиму у него, в Грюне. Он подсчитал: в коровниках грюнских хозяев разместится тридцать пять голов. С уходом за остальными справятся и в Поточной. У него, в Грюне, никому не придет в голову перегонять скот через границу. В Грюне живут все больше лесные рабочие, политикой они не занимались, но чувствовали ее на своей шкуре, когда у них забирали сыновей на войну; сейчас все они жаждут образцовым поведением заслужить право остаться в Грюне.

Багар слушал его, все еще наклонив голову и иногда поглядывая на Здену, которая все больше хмурилась.

— А на что лично ты рассчитываешь? — спросил он в упор, когда Тимеш окончил свою тираду о честности и добропорядочности жителей Грюна.— Допустим, коровы спокойно перезимуют у тебя. Но весной я приду и скажу: «Отдай их для новых переселенцев».

— Я рассчитываю на то, что ты не придешь. У тебя не найдется столько переселенцев. Коровы останутся в Грюне, и я устрою там большую опытную государственную ферму. Вот на что я рассчитываю. А если приедут переселенцы, я верну тебе коров и найду других. В этом мой риск. Но коров будет столько, что хоть пруд пруди, поверь мне.

Багар взглянул на Здену.

— Что ты скажешь на это?

— Мы не можем решать одни,— отвечала она.— Пусть все товарищи скажут, что они предпочитают.

— Товарищи-то скажут! — пренебрежительно усмехнулся Тимеш.— А потом все равно будет так, как решит Багар.

Багар и Здена переглянулись, и оба покраснели от гнева. Багар оставил в покое пуговицу и сделал легкое движение рукой.

— Так ты думаешь, что мы командуем людьми,— медленно сказал Багар, подняв голову.— Что мы пойдем по проторенной дорожке: двое договариваются где-нибудь за хорошим обедом, а остальные только поддакивают? Так вот, запомни, что такие разговоры ты со мной ведешь в последний раз! Людьми нельзя пренебрегать, им надо верить и относиться к ним всерьез. Они куда умнее, чем ты думаешь, они сумеют разобраться во всем не хуже, чем господа. И если ты еще раз скажешь что-нибудь такое, то, говорю тебе, я поставлю тебя перед людьми и заставлю признаться, как ты к ним относишься.

Тимеш побледнел, закусив тонкие бескровные губы, и помахивал автомобильными очками. Багар ждал вспышки гнева, но лицо Тимеша на мгновение стало неподвижным, потом на нем появилась кривая, деланно дружеская усмешка.

— М-да, я хватил через край,— сказал он.— Надо отвыкать от старого и учиться новому. Но насчет коров — это я всерьез. Зачем создавать заботы себе и другим? Если коровы тебе понадобятся, я их верну. Не понадобятся — войдут в фонд государственной фермы. Если бы это зависело от меня, я бы тут всюду устроил государственные фермы, и дело с концом.

Багар устало перевел дух и махнул рукой.

— Уходи-ка ты подобру-поздорову,— сказал он, как бы отказываясь от невыполнимой задачи,— пока ты совсем не вывел меня из терпения. До самой смерти ты ничего не поймешь. А еще лезешь в партию! Насчет коров я поговорю с остальными.

Вертя на пальце автомобильные очки и вытянувшись так неестественно, словно проглотил аршин, Тимеш направился к расположенным ниже домикам Долинки, где собаки яростно лаяли на членов административной комиссии, ходивших по домам.

— Странно! — сказал Багар, обращаясь как бы сам

к себе.— Вот всегда так: едва мне захочется поверить ему, как снова меня что-то останавливает. Никак не могу толком навести о нем справки. Люди, на которых он ссылается, словно сквозь землю провалились. Иные отвечают ни то ни се. И все-таки там, в Грюне, Тимеш проделал немалую работу. Хорошо организовал уборку урожая, обмолот, вовремя сдал зерно. По поставкам молока и мяса Грюн на первом месте в районе. Что же мне делать с Тимешем?

— Дайте ему возможность проявить себя,— подумав, сказала Здена.— Я его недолюбливаю и потому боюсь быть несправедливой. Может быть, и в самом деле он просто в плену старых привычек, зато умеет работать, а это важно. Чем ближе мы его привлечем, тем скорее раскусим.

— Ты говоришь совсем как Гальчик,— недовольно сказал Багар.— Что же, может быть, вы оба правы, а я ошибаюсь. Никак не могу забыть всего, что он выкидывал, когда впервые появился тут... Надо бы мне знать о нем больше, чем я знаю сейчас.

Они сели на доски, сложенные у стены, еще влажные от недавних дождей и густых ночных туманов. От досок пахло сыростью и древесиной. Но озябшим Багару и Здене не хотелось идти в дом, где было так тихо, что казалось, там никого нет. Винценц Постава ушел со своей двойкой, мальчики были в Клаштерце, в школе, жена Поставы все еще «бастовала», и дочери ходили тихо, как духи, чтобы не рассердить мамашу.

Багар думал о Поставовой. Как-то на нее подействуют сегодняшние события? Отныне она будет чувствовать себя в безопасности, но не выгонит ли ее отсюда чувство одиночества? Пустая, безлюдная деревня, занесенная снегом, скованная морозом... Да, жить здесь будет несладко, в таком одиночестве страх не уменьшится. Вот разве труд сделает свое дело? Тень приближающегося одиночества пала на Багара.

— Здена,— тихо сказал он.— Выселение необходимо, но эта зима будет тяжелой для Поставы. Что, если они не выдержат и уедут?

Здена натянула юбку на колени, закрывая их от холодного ветра, и стала медленно поглаживать ее рукой, покрасневшей от холода. Багар следил, как разглаживает натянутую материю Здена, и ему очень хотелось взять ее руки в свои, согреть, подышать на них. Здена подняла глаза, заметила его взгляд, смущенно зарделась и спрятала руки. О чем он говорил? А, о семье Поставы, вспомнила она

с таким напряжением, словно этот разговор происходил бог весть когда.

— Постава не испугается зимы,— сказала она.— И девчата тоже. Но нужно позаботиться о том, чтобы они не чувствовали себя забытыми.

«Заботиться о других,— подумала она.— Да, конечно, мы должны делать это. Но что, если мы с ним позаботимся еще и друг о друге?»

Наступило молчание, оба сидели в растерянности, как люди, которым надо многое сказать друг другу о важных, решительно меняющих всю их жизнь вещах, но они не знают, как начать. Воздух, неподвижный, тяжелый, был полон испарений. Высокий клен около конюшни тихо, без шелеста ронял увядающие листья, и они зигзагами слетали на землю.

Здена встала. Вместе с ней встревоженно поднялся и Багар.

— Тебе холодно,— сказал он, улыбаясь виновато и беспомощно.— Пойдем погреемся у Поставы.

Она ответила не сразу и, посмотрев на него, почувствовала, что ее взгляд стал насмешливым и злым. Это стыдно, но она ничего не может с собой поделать. Неужто он вечно так и будет молчать и не намекнет даже словечком?

— Нет,— сказала она наконец, и в голосе ее прозвучало разочарование.— Я не хочу к Поставе. Пойду поглядеть, что делают остальные.

Багар переступал с ноги на ногу и, как всегда в трудную минуту, ухватился за пуговицу.

— Я пойду с тобой.

— Не стоит,— насмешливо ответила Здена.— Подождите-ка лучше здесь.

Если взять ее за руку и притянуть к себе, все сразу решится без слов. Багар поглядел на дорогу. Там все еще стояли группами любопытные, их даже, кажется, стало больше. Все они смотрят сюда, в сторону Долинки, и ждут, что будет дальше. Но Багар почувствовал, что нельзя отпускать Здену, что, если он сделает это, в их отношениях наступит какой-то нехороший перелом.

— Здена,— сказал он совсем осипшим голосом.— Мы так редко бываем наедине...

Она молча обернулась, снова подошла к груде досок и села на них, опять тщательно натянув юбку на колени. Ее розовые от холода руки опять задвигались, разглаживая материю. Багар сел рядом и медленно, словно преодолевая

огромнейшую тяжесть, поднял свою руку и положил на руку Здены. Рука Здены перестала двигаться и повернулась ладонью к его ладони. Они сидели неподвижно, до боли сжимая друг другу руки.

— Здена,— начал наконец медленно Багар, с трудом выговаривая каждое слово.— Я... я тебе скажу, хотя все время думаю, что не имею на это права. Но я не могу больше так жить... Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Он говорил, не смея взглянуть на нее, и глядел под ноги, на землю, покрытую листьями клена. Собственный голос казался ему чужим, как будто он глухо раздавался где-то за стеной. Послышался смех Здены, веселый, ясный, счастливый, но тоже звучавший издалека, словно из-за леса. Багар похолодел, ему казалось, что на него обрушивается лавина. Отказ! Да, это так, иначе не могло быть. Она смеется над ним.

— А я-то уже боялась, что никогда не выйду замуж! — услышал он ее смеющийся голос.

— Почему? — спросил он, не поднимая глаз и все еще глядя на опавшие листья под ногами. Зачем, эх, зачем он спрашивает это? Видно, только для того, чтобы она могла продолжать свои насмешки...

Здена вскочила на ноги, и, так как она все еще сжимала руку Багара, он тоже встал.

— Пойдем, я тебе скажу.

Она сказала «пойдем»! Никогда еще она не говорила ему «ты», хотя обращалась на «ты» к другим старшим товарищам. Багару показалось, что перед глазами у него туман, он с трудом различал дорогу. Они зашли за угол строения, скрывшего их от людей, собравшихся на дороге, и остановились у стены с маленькими высоко пробитыми окнами. Здесь, за гумнами, открывался вид на поле и на разукрашенные осенью невысокие холмы. И тут, у облупленной каменной стены, в кладке которой обнажились кирпичи и известковые камни разной величины и формы, Багар и Здена обнялись.

Штукатурка, валявшаяся в высокой траве и в порыжевших лопухах, хрустела у них под ногами. Сами того не зная, они стояли почти на том же месте, где Богоуш Клинек поцеловал Иржину. Из окошечек хлева, забранных решетками в форме листьев, доносилось сопенье коров и звяканье цепочек, которыми скотина была привязана к стойлам. В потолочных балках постукивали жуки-точильщики. Откуда-то издалека доносились голоса Винценца Поставы,

старого Деймека и Богоуша Клинека. Багар и Здена испуганно оглянулись, но никого не заметили. Здена подняла руки, поправила волосы, засмеялась счастливым смехом и сказала:

— Теперь ты понял, почему я боялась, что никогда не выйду замуж?

Багар стоял, смущенно улыбаясь, руки его снова потянулись к пуговице, но на полдороге изменили направление, и он взял Здену за локти.

— Понял, но мне все еще не верится,— хрипло сказал он и быстро качнул головой, чтобы Здена не перебивала его.— Дай мне договорить! Теперь мы будем жить вместе, верно? Всю жизнь проживем вместе. И, если даже я умру совсем старым, мне все не будет вериться, что это правда, и каждый раз, глядя на тебя, я буду твердить себе: «Да, да, да!»

Растроганная Здена глубоко вздохнула, потом в уголках ее прищуренных глаз мелькнул смех.

— Ишь ты! — сказала она мягко, но все же чуточку насмешливо.— Вот уж не думала, что ты умеешь объясняться в любви.

— Разве я объясняюсь в любви? — рассмеялся удивленный Багар.— Ну так что ж! Ведь я влюблен в тебя с первого дня и наконец-то могу говорить об этом. Когда я думал о нас с тобой, я всегда больше всего радовался тому, что мы одинаково смотрим на мир и стремимся к одной цели, что это стремление не помешает нашему счастью, а, наоборот, еще прочнее свяжет нас.

Приближающиеся голоса, которые заставили их насторожиться, смолкли, и Багар и Здена снова забыли обо всем окружающем. Они стояли друг против друга, оба безмерно счастливые. Багар держал Здену за локти, а ее руки лежали у него на плечах. Из-за угла хлева высунулась голова старого Деймека. Он вытаращил глаза, замигал и потянул себя за ус, потом направился к парочке. Штукатурка хрустнула у него под ногами, Багар и Здена смущенно расступились и покраснели, как всегда краснеют влюбленные, застигнутые врасплох.

Деймек подошел к ним, все еще подергивая ус.

— Вы что это тут? — сказал он, и видно было, что старик смущен не меньше, чем молодые.— За углом, как заговорщики...

Рука Багара потянулась к пуговице, и он взглянул на Здену, словно ожидая от нее помощи, но увидел слегка насмешливую улыбку, которая говорила: «Ну что ж ты,

краснобай, говори, признавайся!» Седоволосый Багар покраснел как рак.

— М-м... ну что ж,— начал он,— ты, товарищ Деймек, все равно должен узнать об этом первый. Мы со Зденой решили пожениться.

Деймек замигал, как от яркого света, и откашлялся.

— Вон оно что! Тут хлопот полон рот, а у них свидание, они уговариваются о свадьбе! Ну ладно, хорошо хоть, что наконец конкретно договорились. Ясно? А то с девчонкой прямо сладу нет. Слышал бы ты, что она болтала сегодня по дороге сюда.

— Папа! — быстро прервала Здена, шагнув к отцу.— Замолчи, прошу тебя, или я с тобой навсегда перестану разговаривать!

Деймек довольно захохотал и повернулся к Багару.

— Вот она какова! — сказал он.— Не воображай, что ты получил бог весть какое сокровище! Сейчас этакие слова мне, а потом и тебе. Ясно? А теперь пойдемте. Тут такой случай, что мы не знаем, как быть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Двойки, производившие перепись жителей по дворам, обнаружили, что все немцы в Долинке уже знают о выселении. Переписчиков встречал женский плач и угрюмое молчание мужчин, но никаких осложнений не возникло. Только Мюллер заявил, что дождется приезда Гальчика и представителя советских военных властей и будет протестовать. Не хотел уезжать и старый Герл.

Сейчас Мюллер стоял насупясь и молча слушал, как Деймек излагал Багару суть дела. Сам Мюллер, видимо, не считал нужным добавить хотя бы одно слово. Он пришел лишь затем, чтобы не упустить возможности увидеть Гальчика и советского представителя, как только они приедут. Багара за власть он не признавал.

Мюллер стоял с одной стороны, Герл — с другой. Мюллер не обращал внимания на Герла, не желая иметь с ним ничего общего.

Багар выслушал Деймека, чуть наклонив голову и теребя пуговицу макинтоша. К группе людей, стоявших вокруг, присоединились Трнец с супругой, Антош и Вацлав Брендл.

— Ну что ж, пусть ждут,— сказал Багар, когда Деймек кончил.— Никто не запретит им сказать о своем деле.

— Нам надо их выслушать,— произнесла жена Трнца тоном опереточной дивы. Говоря, она задирала голову так, словно выступала с эстрады.— И надо снова все хорошенько взвесить. Эти немцы такие простые, милые люди.

— На редкость! — отозвался Антош.— Просто сплошные кормилицы и сестры милосердия.

— Не важно, какие они,— сказал Трнец сердитым тоном человека, жена которого то и дело изрекает какую-нибудь глупость.— Факт, что мы зарвались. Решение о выселении принято слишком поспешно, никто не подумал о последствиях. Как, например, быть со скотом, не говоря уже об остальном?

— С вашего разрешения, господа,— смущенно начал Вацлав Брендл и, сняв очки, стал протирать их.— По-моему, вопрос ясен. Административная комиссия из соображений безопасности решила немедленно выселить жителей Долинки, советские органы дали свое согласие. К чему же снова обсуждать этот вопрос? Господин Мюллер может протестовать. Наше дело принять меры для предотвращения убытков после выселения. Я лично готов сделать все, что будет необходимо.

— Например, доить коров! — прыснула мадам Трнец.

Брендл нацепил очки и с невозмутимым достоинством оглядел всех. Он походил на птицу, которая с высоты насеста созерцает посетителей зоопарка.

— Разумеется, я никогда в жизни не доил коров,— сказал он.— Я горожанин и, кроме ежедневной утренней гимнастики, не занимался никакими физическими упражнениями, а лишь штемпелевал письма. Но я полагаю, что... м-м... кроме доения коров, в сельском хозяйстве есть ряд других работ, которые я мог бы успешно выполнять. Разрешите мне изложить мою точку зрения. Я думал о предстоящем выселении немцев. Оно ставит перед нами серьезные задачи. Мы потеряем много рабочих рук, значит, каждому из нас придется работать больше, чем прежде. Таков наш патриотический долг, господа. Мы должны содействовать торжеству справедливости. Должны, я бы сказал, добиться его своим трудом. Когда я собрался ехать в Пограничье, я полагал, что выполняю свой долг патриота тем, что сяду к почтовому окошечку. Теперь я вижу, что ошибался. Заявляю, что я готов каждый вечер являться в Долинку и выполнять там любую работу, которую мне поручат.

— Убирать навоз,— шепнула своему мужу мадам Трнец.— Тошно глядеть на этого шута. Льет воду на мельницу красных и лижет им пятки.

— Молчи! — прошипел Трнец.

— И я тоже! — бодро воскликнул Антош, обращаясь к Багару.— Ясно, Иржи? Я и Анча присоединяемся к пану Брендлу. Анча умеет доить. И она не видит в этом ничего смешного, как некоторые.

Багар открутил пуговицу макинтоша, смущенно поглядел на нее, сунул в карман и подошел к Брендлу.

— Спасибо вам,— сказал он, пожимая ему руку.— Мы рассчитывали только на помощь товарищей с фабрики, но вы подали пример всем остальным. Со временем и они поймут.

— Как это так — товарищей с фабрики? — обиженно и сердито сказал Трнец.— Никто не говорил со мною об этом.

— Ты это слышишь сейчас,— ответил Багар.— Можешь тоже присоединиться. Впрочем, тут и говорить было не о чем. Это их дело, а не твое, пока ты не захочешь принять в нем участие.

Трнец хотел возразить что-то, чувствуя на себе злой и насмешливый взгляд жены, говоривший: «Что ты за шляпа, тобою вертят, как хотят, а ты и не пикнешь!» Он открыл было рот, губы у него злобно скривились, но он не успел заговорить. Антош пренебрежительно махнул в его сторону рукой и опередил его.

— Не зли меня, Тонда,— горячо сказал он.— Хватит, я тебя наслушался. Видно, ты уже забыл и своего братишку, и баррикаду, и первые дни в Грюнбахе. А почему? Все потому, что в башке у тебя только фабрика. И вот ты чураешься старых товарищей, хочешь быть выше их. Что ж, якшайся с немцами, когда-нибудь это выйдет тебе боком. Но не мешай людям, которые хотят заняться делом.

— Это просто невыносимо! — нервно воскликнула Трнцова.— Почему ты позволяешь так говорить с собой?!

Антош повернулся к ней, нерешительно переступил с ноги на ногу и сказал насмешливо:

— Разве вы здесь начальство, сударыня? Нет. Вы просто приехали прогуляться. Так ежели вам захочется еще что-нибудь сболтнуть, наберите в рот воды и держите ее там, пока у вас не пройдет охота чесать языком.

— Антош! — укоризненно сказал Багар, но Антош, махнув рукой, уже отвернулся от четы Трнцов.

— Вот что я еще хотел сказать,— произнес он уже спокойным и веселым тоном.— Все мы собираемся работать в деревне, а вот один из нас почему-то молчит. Это ты,

Богоуш. Ты что, сахарный? Или ты думаешь, что убирать навоз — это тебе не по чину?

Все поглядели на Клинека. Тот смущенно переминался, его бледные, все еще худые щеки порозовели.

— Ну зачем же так говорить? — серьезно сказал Деймек.— Может быть, он еще не оправился как следует. Рана-то ведь была нешуточная.

— Нет, дело не в этом,— хрипло сказал Клинек.— Я объясню товарищу Багару, в чем дело.

— А мы чем хуже? — сердито сказал Деймек.— Другим товарищам это, думаешь, безразлично?

— Я... в общем...— начал Клинек и, встретившись взглядом с Багаром, снова замялся.

— Если ты не хочешь говорить при всех,— предложил Багар,— скажи мне, я потом выложу это товарищам. Это ведь не тайна исповеди, а?

Бледное лицо Клинека залилось румянцем. Он смущенно улыбнулся.

— Нет,— сказал он,— уж я объясню всем сразу. Тебе одному мне будет, пожалуй, еще труднее сказать. Я хочу теперь же остаться в Долинке и заняться сельским хозяйством. Я уже выбрал себе усадьбу Мюллера. Теперь все дело в тебе, отпустишь ты меня или нет.

— Ну что ж,— не без колебания сказал Багар.— Придется мне как-нибудь обойтись без тебя. Долинка сейчас наше узкое место. Если только ты все как следует обдумал и не берешься за непосильное дело.

— Он будет крестьянствовать! — раздался за спиной Багара голос Поставы.— Вы только поглядите на него! Говорит так, словно сызмальства жил в деревне. Еще, чего доброго, приведет к себе в дом городскую барышню, такую же, как он сам. Хотел бы я посмотреть, как они там попляшут.

— Нет,— слабо запротестовал Клинек,— городскую барышню я не приведу, не бойтесь. Потом сами увидите. А здесь, в Долинке, я хочу остаться сегодня же.

— Делай как знаешь,— решил Багар.— Против закрепления за тобой усадьбы Мюллера, разумеется, возражений нет, тем более что других претендентов не имеется. Но вот вести такое хозяйство — это, парень, другое дело.

Так закончился разговор о неожиданном для всех решении Клинека. Только Постава не переставал качать головой. И пока товарищи расходились, а мальчики выносили из ворот дома стол и стулья для комиссии, Постава

поймал Клинека, чтобы расспросить этого юнца, с чего ему вздумалось заняться сельским хозяйством.

— Право, я совсем не такой хлипкий, каким кажусь,— уверял его Клинек, и видно было, что эту фразу он повторяет сегодня уже бог весть который раз.— Мне доводилось в жизни выполнять работу и потруднее. Я работал целые дни киркой и лопатой, а питался горсткой муки, замешенной на горячей воде.

— Что ж, может быть,— задумчиво сказал Постава и попытался представить себе Клинека сельским хозяином.— Может быть, это самое подходящее для тебя дело, хотя ты и не родился в деревне. Но работа наша, парень, тяжелая, ты себе и не представляешь.

— Может, будет не так трудно, если, кроме рук, приложить еще и голову,— с улыбкой отозвался Клинек.

Постава вынул изо рта свою прокуренную трубку и отрицательно помахал ею.

— Головой работать можно, почему нет,— сказал он.— Но руками придется работать непременно, ты это запомни. И еще вот что: в хозяйстве не обойтись без работящей жены. Как это ты собираешься хозяйничать один?

Клинек несколько раз переступил с ноги на ногу, как бы собираясь отойти, взялся рукой за горло, словно ему хотелось остановить прыгающий от волнения кадык, потом набрал полную грудь воздуха и сказал:

— А мы будем вдвоем: я и ваша Иржина.

Постава на минуту остолбенел, рот у него раскрылся, рука с трубкой задрожала.

— Вот что ты задумал! — сказал он хрипло.— А я, значит, по-твоему, должен так, запросто, проглотить это? Девчонка молчит обо всем как убитая. Уж не сотворили ли вы... чего-нибудь такого, чего уже не поправишь?

— Нет,— быстро сказал Клинек.— Плохо вы знаете Иржину. Ну, скажите, почему бы ей не выйти за меня замуж?

— Потому что я тебя, парень, совсем не знаю,— с достоинством произнес Постава.

Клинек нагнулся к нему и заговорил, словно опасаясь, что не скажет всего достаточно быстро и обстоятельно:

— Отлично знаете! Знаете, что я живу честным трудом и не боюсь никакой работы. Знаете, что я один как перст. В общем, знаете все, что знают обо мне другие. Ни о ком из переселенцев, которые приедут сюда, вы не будете знать больше!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

День неожиданно выдался погожий, солнце грело так, как будто в нем вновь пробудилась буйная летняя сила. Влажная земля благоухала, нагретая солнцем стена дома Поставы, у которой стоял стол для комиссии, дышала теплом. Куры ходили по траве, поднимали головы и недоверчиво поглядывали на ясный небосвод. Столько дождливых дней они прятались под крышей сарая, и вот снова такая чудесная погода! Мир и спокойствие царили в природе, хотелось лениво нежиться на солнышке в этот ласковый осенний день. Бумаги на столе были придавлены камнем, чтобы не разлетались, но это оказалось совершенно излишней предосторожностью — не слышно было даже дыхания ветерка. С кленов, берез и яблонь медленно опадали увядающие листья. Каждый лист на минуту повисал в воздухе и несколько раз переворачивался на лету.

Деймек и Багар сели за стол на простые деревенские стулья, остальные устроились на груде досок, откинулись, опершись на руки и прикрыв глаза, подставили лицо под солнышко, одновременно прислушиваясь к разговору за столом. Один только Мюллер стоял поодаль на дороге, спиной ко всем, и смотрел в ту сторону, откуда должны были приехать советские грузовики. Он не хотел ни слышать, ни видеть старого Герла, который добивался разрешения остаться в Долинке.

Багар и Деймек выслушали печальную повесть Герла. Сыновья старика пали на разных фронтах, на руках у него остались вдовы и дети. Вдовы заботились больше о себе, одна из них уже вышла замуж, а детей оставила старому Герлу, другой хотелось уехать в Германию, и она считала, что дети помешают ей начать новую жизнь. Да, снохи у Герла были неудачные, они быстро забыли своих мужей, забыли, как только за теми закрылась дверь. С какой же стати стали бы помнить их сейчас, когда мужья давно мертвы и лежат в чужих, неведомых землях? Обе вдовы чувствовали себя еще достаточно молодыми, им хотелось жить и забыть о прошлом.

— Четыре внука на шее — это более чем достаточно для двух стариков,— сказал Деймек.— Я за то, чтобы оставить его. Давайте попробуем. Это ведь не последнее выселение. Будет вести себя не так, как надо, успеем еще отправить его.

Багар подумал о трудностях, которые предстоят Долинке, и ему показалось, что они уменьшаются. Похоже,

что зима и первое, самое трудное время все-таки пройдут без потерь.

«Подсчитаем,— говорил он себе.— Постава с семьей, Клинек и вот теперь еще Герл. Пожалуй, можно будет отказаться от услуг Тимеша...»

— Поговорим еще с Гальчиком,— сказал он.— Помоему, старика можно оставить. Пусть покажет, на что он способен.— Он повернулся к Герлу.— Сколько лет ребятишкам?

— Пять, семь, десять и двенадцать,— сказал старик.

Багар перелистал список и нашел фамилию Герла. Вот они, один, два... в общей сложности с детьми семь Герлов... Вильгельмина Герл, пятидесяти восьми лет,— это, очевидно, жена. Анна-Мария Герл, тридцати одного года,— это сноха.

— А что же будет с вашей снохой? — спросил Багар, подняв взгляд на Герла, который стоял перед столом, мял в руках шапку и никак не хотел надеть ее на голову.

— Она решила уехать. Ждет не дождется выселения. Ходит около детей, ревет, но брать их с собой не хочет... И пусть бросает! — неожиданно вспыхнул он.— Все равно детям с ней не жизнь. Шлюха!

— Сядьте тут и подождите. Я думаю, что вас оставят.

Знакомое нетерпение овладело сейчас Багаром. Он знал, что оно будет тревожить его все время, пока длятся мучительные формальности с отъездом немцев. Скорей бы уж покончить со всем этим! Трудно и медленно, страшно медленно рождается мир, о котором ты мечтаешь. Старое переплетается с новым. Закладываем мы уже фундамент или пока лишь разбираем обломки разрушенного в боях? И то и другое. Главное — спокойствие и выдержка. Делай то, что нужно делать сегодня, для того чтобы завтра можно было взяться за новое дело. Главное — гляди вперед, это прибавляет сил. Но делай исправно и сегодняшнюю работу.

Со стороны Поточной послышался шум моторов, он быстро нарастал. Все поднялись, глядя на дорогу, по которой приближались легковая машина — «мерседес» защитного цвета — и три тяжелых грузовика. Их колеса разбрызгивали грязь; люди, стоявшие на дороге, поспешно расступались.

Из «мерседеса» выскочили старший лейтенант Матвей Громов и старшина Гриненко. Гальчик, в расстегнутом макинтоше и кепке, вышел из старенького замыкавшего колонну «ДКВ» с помятыми крыльями. Все трое быстро

пошли друг за другом, перепрыгивая через лужи на ухабистой дороге.

Багар взглянул на часы. Было без четверти два. Он быстро встал, по обыкновению забыв о стуле за собой. Стул качнулся и упал. Багар поднял его. Кровь ударила Багару в виски, голова вдруг закружилась. Он стиснул зубы и оперся кулаками о стол, преодолевая внезапную слабость. Бессонная ночь, проведенная над списками жителей Долинки и кипами разных заявлений и ходатайств, давала себя знать. Дни председателя административной комиссии были заполнены бурными собраниями, приемом посетителей и хождением по делам, которые можно было разрешить только на месте. На разбор служебных бумаг оставались лишь ночи да иногда вечера. Багар заметил, что Здена смотрит на него. В ее взгляде не было ни удивления, ни испуга. Он был рад, что она ничего не заметила. Этот взгляд напомнил ему, что они вместе и это хорошо.

И он ответил ей улыбкой. В глазах у него не рябило больше, все снова приняло четкие очертания. Головокружение прошло и, как ни странно, даже придало Багару какую-то бодрость и удовлетворение мимолетной мыслью, что он не лентяй, что он работает, напрягая все силы, и, наверное, придет день, когда он увидит плоды своего труда. И Багар зашагал навстречу советским товарищам и Гальчику.

Они поздоровались сердечно, но словно наспех, как люди, которых ждет трудное, тяжелое дело. Гальчик снял кепку и вытер платком свой шарообразный череп. Он прошел всего несколько шагов, но уже запыхался. Человек думает, что он здоровяк, но годы в концлагере неожиданно дают о себе знать, когда этого меньше всего ждешь.

Гальчик перевел дыхание, поздоровался со всеми присутствующими и сразу зашумел:

— Ну, что у вас тут сделано? Списки готовы? Тогда давайте начнем проверку по дворам.

— Какую там проверку! — усмехнулся Багар.— Все уже подготовлено. Можно прямо сажать их в машины. Будем отправлять поочередно.

— Смотри-ка, Матвей,— повернулся Гальчик к Громову,— у них все в порядке, можно начинать.

— Молодцы,— сказал Громов, открывая в усмешке ровные белые зубы.— Такие вещи надо делать поскорей!

Мюллер подошел к ним, снял черную лыжную шапочку и сказал низким глухим голосом:

— Разрешите?

Гальчик вопросительно взглянул на Багара. Тот пожал плечами.

— Выслушай его. Я уже наслушался всласть.

— Я хочу говорить с советским офицером,— сказал Мюллер, всем тоном выражая пренебрежение к правомочиям чешских властей.

— А кто вам мешает? — гаркнул на него Гальчик.— Вон там стоит старший лейтенант Громов. Обратитесь к нему.

С лица Матвея Громова исчезла улыбка, на переносице появилась суровая поперечная складка, полные губы сомкнулись в твердую прямую линию. Лицо его словно преобразилось, с него исчезло все молодое, в резких чертах проступил непреклонный характер человека, прошедшего невероятные испытания. Громов сунул руки в карманы расстегнутой шинели и выпятил грудь, на которой виднелись ордена и медали. Встретившись с взглядом, лишенным сейчас обычного добродушия, Мюллер потупился и смущенно затоптался на месте. Он ждал вопроса, но Громов выжидательно молчал. Тогда Мюллер снова поднял голову и сказал хрипло:

— Я считаю выселение незаконным. Все жители Долинки думают то же. Я пришел протестовать от имени всего населения.

Матвей Громов медленно наклонился вперед, приблизив свое лицо к лицу Мюллера.

— Вы были на сборище в доме Прюлла, участвовали в сговоре об угоне скота?

— Я...— начал Мюллер и запнулся.

— Да или нет?

— Прюлл врет!

Матвей Громов презрительно пожал плечами.

— Все вы слишком много врали, и это привело вас на плохую дорожку. Сперва вы много врали, а потом натворили много подлых дел. И вам, и всему миру будет лучше, если вы научитесь поменьше говорить и побольше думать. Собрали вы по тридцать килограммов на себя и на членов семьи?

Все присутствующие невольно дрогнули, напряженно ожидая ответа Мюллера. На его морщинистом лбу надулась толстая синяя жила. Он бросал по сторонам дикие, злые взгляды, как попавший в ловушку хищник. «Придет час,— говорили эти взгляды,— еще придет наш час, и мы рассчитаемся с вами!» Но одновременно Мюллер кивнул головой и сказал хрипло:

— Да.

Матвей Громов откинулся назад, лицо его приняло обычное выражение, напряженность исчезла, оно вновь стало молодым и добродушным. Он вынул руки из карманов и махнул правой рукой, словно желая сказать: «ну, поговорили, зря потратили время, теперь пора и за дело». Повернувшись к Багару, он кивнул на Мюллера.

— С него можно и начать.

Мюллер молча повернулся и отошел. Плечи у него опустились, спина сгорбилась. Только теперь он ощутил всю тяжесть безнадежного и окончательного поражения. Чехи смотрели, как он исчез среди старых яблонь, низко склонивших ветви. В Мюллере некоторые из них видели уходящий мир, чужой, враждебный и разбитый, все горькое прошлое Чехии, полное мук и тяжелых утрат, другие же чувствовали и смущение, представляя себя на месте этих немцев, которые сейчас сядут в машины, навсегда покинут отчий дом, где они родились, и против своей воли должны будут ехать в Германию, не зная, что их там ждет.

Сознание мучительной необходимости в этот момент было у чехов сильнее, чем радость победы — наконец-то после столетий неуверенности, которая переходила из поколения в поколение, решена судьба чешского народа и упрочено его право на независимое существование.

Так хотелось дождаться этого момента и так трудно оказалось пережить все это, потому что люди не могут подавить в себе элементарную человечность.

Вацлав Брендл снял очки, протер их, опять надел и сказал:

— И все же так должно быть, потому что это справедливо!

— Никто из нас не сомневается в этом,— сказал Багар.— Думается, многие из нас еще увидят, что время подтвердит правильность наших действий.

Никто не ответил на слова Багара, всех охватила тревога, и они начали куда-то торопиться, как это бывает в тех случаях, когда у людей возникают сомнения.

Всем хотелось поскорей покончить с выселением, ибо все мысленно переносились в счастливое будущее и торопились приблизить это время. Двойки, которым были поручены отдельные дворы, направились туда, чтобы по указанию Багара руководить отправкой людей. Бывшие жители Долинки должны были поочередно, в порядке, покинуть свои дома. После их ухода каждый дом будет заперт и опечатан административной комиссией Поточной. У стола, где до-

лжны были быть сверены списки уезжающих, остались Багар, Здена, Гальчик, Матвей Громов и Гриненко. Тут только они заметили, что старый Герл все еще стоит за грудой досок и мнет в руке заношенную кепку.

— Иржи,— удивленно сказала Здена Багару, и Гальчик вопросительно поднял брови, услышав это обращение.— О нем-то мы и забыли.

— Что у него? — спросил Гальчик.

— Просит разрешения остаться,— ответил Багар.— Утверждает, что он лесоруб и с односельчанами никогда не имел ничего общего, если не считать, что он и жена иногда нанимались к ним на полевые работы.

— Что вы там стоите? — сказал Гальчик.— Подойдите сюда и расскажите все. Вы тоже угоняли коров к границе?

Герл робко подошел к комиссии. После того, что он слышал, в нем явно угасла всякая надежда на снисхождение.

— У меня всего две коровы,— сказал он волнуясь.— Куда же мне было их гнать? Молоко да картошка — вот и все наши харчи.

— Что ты о нем думаешь? — спросил Гальчик.

Багар вертел пуговицу и смотрел себе под ноги. Ему очень хотелось помочь старику, хотя бы потому, что на него можно было рассчитывать в самые трудные для Долинки дни.

— Вы знаете Пальме? — спросил он Герла.

Морщинистое лицо Герла осветилось улыбкой. Он живо кивнул головой, чувствуя, что разговор принимает благоприятный для него оборот.

— Кто не знает Пальме,— сказал он быстро, и у него дрогнули губы.— Все здесь знали Пальме, но не все любили его. Таких, как он, тут было несколько, но с ними расправились, и мы больше никогда не увидим их. А ведь надо было верить им, и сейчас, быть может, нам пришлось бы легче. Были бы живы мои сыновья и многие другие парни. В каком местечке или поселке нашего края ни побываешь, куда ни заглянешь, нигде не увидишь молодых парней. Девчата есть, и одни из них хуже бешеных собак, а другие ревут целыми днями. А из молодых мужчин в живых остались только самые подлюги, которые прятались в тылу да служили в гестапо. Но и те как сквозь землю провалились. Разве они вылезут на свет божий! А может быть, их всех переловили. Вот какие дела. Ни одной семьи вы здесь не найдете, которая не потеряла бы кого-нибудь. А Пальме предсказывал все это, предостерегал нас. Но

только немногие ему верили. Его считали красным, а это было хуже, чем убийца, хотя все знали, что Пальме — честнейший человек.

— Ну а вы? — спросил Гальчик, наклоняясь над столом.— Вы верили Пальме или только сегодня признаете его правоту?

Герл печально усмехнулся.

— Знаю, о чем вы говорите. Сейчас все прикидываются, что никогда не слышали о Генлейне, а нацистов видели только во сне. Спросите-ка Пальме, что за человек старый Герл. Он иногда приходил к нам, старым лесорубам. Он ходил ко всем и убеждал каждого, словно от этого зависело его спасение. Тогда над ним смеялись, а теперь все поняли, что в этом было наше собственное спасение. Он сиживал с нами у костра, грел окоченевшие пальцы, говорил... Сначала к нему прислушивались и верили ему, но пришло время, когда его готовы были избить. Спросите Пальме, кто в это время заступался за него.

Ишь как разговорился старик, подумал Багар. Долго пришлось ему молчать, а теперь хочется высказать все сразу.

— Пальме мы, разумеется, хорошо знаем,— сказал Гальчик и повернулся к Здене и Багару.— Что вы думаете, товарищи? Оставить?

— Ясно,— сказала Здена.— Он не рискнул бы ссылаться на Пальме, если бы говорил неправду!

Багар подошел к Герлу, положил ему руку на плечо и серьезно поглядел на него.

— Мы верим вам, Герл,— сказал он.— Вы останетесь в Долинке. Но услуга за услугу: мы рассчитываем, что вы поможете нам ходить за скотом, кормить, доить коров. Часть работы будете делать вы, часть — Постава и Клинек. Что вы на это скажете?

Герл быстро замигал красноватыми веками, почти без ресниц. Казалось, он борется со слезами, но глаза его оставались сухи.

— Мы с женой сделаем все, на что у нас только хватит сил,— хрипло сказал он, словно опасаясь, что обещал слишком мало, и добавил:— А мы еще умеем работать как следует, вот увидите.

Багара вдруг испугала мысль: не подумает ли этот старик, что из него хотят сделать дарового раба.

— Административная комиссия заплатит вам за все отработанные часы,— быстро сказал он.— А теперь идите и лучше всего держитесь в стороне от остальных.

— Я пойду с ним,— тяжело вздохнув, сказал Гальчик.— Погляжу, как там дела.

Матвей Громов сел на доски, прикрыл длинной шинелью колени и закурил папиросу. Покуривая, он улыбался какой-то своей мысли или воспоминанию.

— Трудное дело,— усталым голосом сказал Багар.— Минутами мне кажется, что я никак не осилю его.

Громов поднял к нему широкое улыбающееся лицо.

— Вспоминаю тридцатые годы у нас в деревне,— сказал он.— Ликвидация кулачества и первые колхозы. Трудно тогда жилось и все-таки как хорошо! Одни проклинали нас, огрызались как собаки, шли даже на убийства. А других вела надежда, перед ними широко раскрывались двери в новую, невиданную жизнь. А потом? Эх, как мы жили, пока не пришли фашисты! И как опять заживем! Еще лучше и прекраснее. Вот и ты так относись к происходящему сейчас. Куда денутся завтра все сегодняшние трудности? Гляди вперед на то, что будет, на то, что должно прийти.

— Я стараюсь, Матвей. Работая сегодня, я стараюсь видеть то, что будет завтра. Но иногда меня одолевает нетерпение, злят помехи, злит все, что становится нам поперек дороги, мешает нам.

— Ну и злись,— улыбнулся Матвей Громов,— если ты иначе не умеешь. Хотя без злости дело идет лучше. Радость — хорошая помощница в работе. А кроме того, большевику нужна выдержка. Вспомни-ка! Нас охватывала ярость, но мы не теряли выдержки. Что бы мы без нее делали! Ведь в нашей стране столько разрушений! Но мы все построим заново, сделаем еще лучше и пойдем еще дальше.

Солнце уже низко склонилось над холмами, стена сарая, у которой сидели Багар и Громов, быстро остывала, от влажной земли шел резкий запах сырости. Этот мягкий печальный осенний вечер, озаренная солнцем яркая листва, красочные пятна опавших листьев на траве, легкий запах тления и дыма — все это как-то усиливало настроение дружбы и доверия. Матвею, Здене и Багару хотелось потеснее усесться на влажных после дождя досках и поговорить о своих заботах и надеждах, о вере в грядущие, все более счастливые и прекрасные, дни, о мечтах, ярких, как эти осенние листья на деревьях и в побуревшей траве. Неповторимая и несравненная красота этих недолгих минут передышки сейчас, в замечательные и великие дни небывалых возможностей, в эпоху, которой принадлежит

жизнь, судьбы и стремления этих трех человек, побуждала их говорить, чтобы выразить охватившие их чувства. Они улыбались друг другу, как близкие люди, и каждому казалось, что он давно знает мысли и чувства другого.

— Да,— сказала Здена со счастливым вздохом.— Вы были нашей надеждой, в вашем примере мы черпаем бодрость и силу. И мы выполним свой долг, все сделаем для того, чтобы стать такими, как вы. Мы всегда будем равняться на вас.

По косогору среди яблонь, скрывавших от них домики Долинки, взбирался Гальчик. Его большая бритая голова сейчас покраснела от натуги. За ним среди золотистых крон деревьев гуськом тянулись люди в черной одежде с рюкзаками, сумками и тяжелыми узлами в руках. Первым шел Мюллер в черном зимнем пальто и черной шляпе. Чехи смотрели на эту черную вереницу людей, которая приближалась к ним, и чувствовали биение своего сердца. Откуда-то из Долинки послышалась короткая автоматная очередь, и эхо выстрелов прокатилось у склона гор за дорогой. Багар, Громов и Гриненко быстро встали. Здена продолжала неподвижно сидеть, только руки, лежащие на столе, сжались в кулаки и по спине у нее пробежали мурашки.

Гальчик, преодолев последний метр подъема, остановился перед столом, завертел головой и успокаивающе махнул рукой.

— Товарищи, там ничего не случилось,— сказал он задыхаясь.— В домах остались брошенные собаки. Никто их с собой не берет, они не нужны. Настоящее собачье бедствие! Вахмистр Календа приказал их перестрелять, а бедняга Пепик Палка выполняет роль живодера, убирает дохлятину. Противное дело! Я ушел скорее оттуда.

— А может быть, не следовало этого делать? — заикаясь, спросила Здена.

— Ты знаешь какой-нибудь другой выход? Тогда скажи какой,— резко ответил Гальчик.

— Может быть, ты заберешь этих собак к себе или организуешь для них пристанище? А что делать с остальными? Подожди, не сердись. Мне это так же, как и тебе, действует на нервы. Ничего другого, к сожалению, сделать нельзя. Собаки могут взбеситься и удрать в лес, а потом перекусать и людей.

Здена вздохнула, остальные молчали. Гальчик искал в кармане сигарету и, нахмурив брови, смотрел по сторонам. Ему вдруг показалось, что его обвиняют в излишней жестокости, но потом он понял: все, как и он сам, только

злятся на крайнюю необходимость, которая заставляет поступать именно так.

Закурив сигарету, Гальчик решил направить мысли товарищей на что-нибудь другое.

— А Календа молодчина! — воскликнул он.— Не теряется и умеет обращаться с людьми. С такими, как он, мы создадим настоящий КНБ. Для народа, а не против него.

Он отошел в сторону, чтобы освободить дорогу Мюллеру и его семье. Начинался заключительный акт первого выселения из Поточной. Удушливый нафталиновый запах распространялся от пришедших. Они едва двигались, согнувшись под тяжестью багажа, чемоданов, пакетов и заплечных мешков. Немцы опустошили свои шкафы, стараясь унести с собой все, что удалось на себя надеть. И багаж каждого переселенца весил гораздо больше, чем предписанные тридцать килограммов. Багар поглядел вопросительно на Громова, но тот только улыбнулся и кивнул головой.

К столу подошел Мюллер и молча положил на него свое удостоверение личности. Здена и Багар листали списки, отыскивая его имя. Слышался только шелест переворачиваемых листов да тяжелое дыхание взволнованных людей.

— Мюллер Йозеф, дом номер шесть,— хрипло сказал Багар.— Есть?

Здена молча кивнула. Она с излишним усердием погрузилась в бумаги, ей не хотелось поднимать голову и смотреть в лица людям, стоящим у стола. Нет, она не испытывает никакого удовлетворения, это только беспощадная необходимость. Как тяжело на сердце! Надо пробудить в памяти недавнее прошлое, призвать на помощь воспоминания о всех ужасах, творившихся менее полугода назад, нужно видеть перед собой не только эти лица, но и лица тех, кто уже никогда не вернется, кто измучен до предела, кто превратился в седую тень, от кого остались кожа да кости и кто с трудом принимает сейчас человеческий облик. Нужно представить бесконечное шествие миллионов мертвецов и необозримые просторы выжженных селений, нужно слышать вопли всех убитых и замученных, слившиеся в один ужасающий рев, и различить в нем стон порабощенных, опозоренных стран. Надо вспомнить пятнадцатое марта и семнадцатое ноября тридцать девятого года, июнь сорок второго... А впрочем, к чему даты — все дни оккупации были на один лад, все они были полны душного мрака, отмечены необыкновенной решимостью и борьбой

не на жизнь, а на смерть. Все это оставляет неизгладимый след в памяти человека и не покидает его даже во сне.

Мюллер Зепп, Мюллер Анна-Мария, Мюллер Катарина, Мюллер Клаус, уходите отсюда, уходите все! Может быть, где-нибудь еще найдется земля, которая будет носить вас, может быть, вы когда-нибудь вернетесь в человеческое общество.

Лицо Багара покраснело, седые волосы, видневшиеся из-под шляпы, резко выделялись. Листья ясеня тихо слетали на землю, переворачиваясь в воздухе, и бесшумно ложились в побуревшую траву. Один лист упал на стол и завалился между бумагами. Он торчал хвостиком кверху, и жилки на нем проступали, как ребра. Никто не убирал его. Куры ходили рядом и рылись в земле; иногда какая-нибудь курица останавливалась около Гальчика, Громова или Гриненко и, тихо квохча, поглядывала на них одним глазом.

Откуда-то вынырнувший Тимеш неслышно стал за спиной Здены и Багара и, прищурившись, смотрел на немцев у стола. В его взгляде была ненависть и нескрываемое удовлетворение.

Гальчик глядел в сторону, на холмы в ярком уборе, на золотистую полоску горизонта между солнцем и вершинами гор. Хватит с него этих лиц, довольно он насмотрелся на них во дворце Печека, в Панкраце и в Маутхаузене. Гальчик недвижим, он стоит спокойно, но ему кажется, что у него разрываются артерии на висках и каждый мускул тела ноет от напряжения. Как нестерпимо долго тянется эта минута, пока Здена и Багар нервно перелистывают на столе списки, а черная группа людей перед ними шумно дышит и распространяет запах нафталина, пота и отсыревшей одежды, долго лежавшей в сундуках.

— Готово,— сказал наконец Багар и, сложив в одну пачку удостоверения личности, подал их Мюллеру.— Можно отправлять!

Старшина Гриненко двинулся, с трудом отрывая ноги от земли, махнул рукой Мюллерам: «Пошли!» Потная коричневая рука Мюллера взяла со стола удостоверения и на секунду, словно колеблясь, повисла в воздухе. Казалось, что все делается страшно долго, как в замедленном фильме,— нервы готовы были лопнуть. Мюллер убрал документы в карман тяжелого зимнего пальто, из-под которого виднелась еще зимняя куртка. Передернув плечами, он поправил набитый ранец за спиной и нагнулся за чемоданом и узлом, лежавшими у его ног. Когда он снова

выпрямился, лицо его побагровело и было искажено яростью. Он обвел присутствующих взглядом, словно для того, чтобы запомнить каждое лицо, и сказал охрипшим гортанным голосом:

— «Можно отправлять», ладно! Мы уходим, потому что сейчас нам не остается ничего другого. Но мы еще вернемся и проучим всех, кто сейчас крадет наши дома и нашу землю.

Его жена, на которой было надето множество одежд, как и на нем, стояла рядом. Лицо у нее было худое, костлявое, высохшее, как корка черствого хлеба, глаза покраснели от слез. Едва он раскрыл рот, как она зашептала, потянув его за пальто:

— Зепп, молчи ради бога, молчи! Прошу тебя, Зепп!

— Отстань! Говорю, что мы вернемся, значит, вернемся!

В Гальчике что-то прорвалось. Он побледнел, голова на высоких плечах побелела и стала как гипсовая. Он раскрыл рот, в горле у него захрипело.

— Вы вернетесь?! — вскричал он, шагнул вперед и порывистыми движениями стал расстегиваться. Не справляясь с пуговицами, он рывками выдергивал их из петель. Сбросив плащ и пиджак, Гальчик скрюченными, точно в припадке, пальцами дернул рубашку и задрал ее кверху. Обнажилась часть груди и живота.

— Вы для этого хотите вернуться?! — кричал он.— Или что-нибудь еще похуже устроить? — Кожу Гальчика покрывали выпуклые пересекающиеся сине-багровые шрамы — следы от ударов плетью, от которых полопалась кожа и обнажилось мясо.— Попробуйте только вернуться, увидите, что вас тут будет ждать!

Здена сидела бледная, ошеломленная. Багар приподнялся и сжатыми кулаками с побелевшими суставами оперся о стол. Он знал, что жена Гальчика вернулась из концлагеря с туберкулезом и лежит сейчас в горном санатории в Татрах.

Глаза Тимеша сузились, тонкие губы раскрылись. Вертя на пальце автомобильные очки, он подошел к группе людей за столом. На косогоре, в нескольких метрах ниже стола, сгрудились бывшие жители Долинки, нагруженные одеждой, ранцами и узлами.

Матвей Громов взял сзади Гальчика за плечи, обнял и сказал мягко:

— Не надо, товарищ, не стоит перед ними...

Сильный, плечистый Гальчик вздрогнул, как-то обмяк,

отвернулся и стал торопливо застегиваться. Его белое как мел лицо снова порозовело, глаза, избегая встречных взглядов, смотрели куда-то вдаль. Поймав наконец сочувственный взгляд Громова, он овладел собой, к нему вернулась обычная твердость и бодрость.

— Извини, Матвей,— сказал он еще немного глухим голосом.— Мне стыдно, я прошу у вас прощения, товарищи. Видно, душа уязвимее, чем тело. Неужто они ничему не научились и, разбитые в одной войне, мечтают о другой, о новых разрушениях?

Матвей Громов собирался ответить, когда Тимеш, медленно продвигаясь за спиной Гальчика, очутился у стола и замахнулся рукой с очками на стоявшего со склоненной головой Мюллера. Жена Мюллера вскрикнула. Багар кинулся было к Тимешу, но не смог удержать его. Только Гальчик, обернувшись с невероятным проворством, схватил Тимеша за рукав.

— Ты что это вздумал? — резко спросил он.

Тимеш изворачивался, пытаясь освободиться, но в мощных руках Гальчика он был как в тисках.

— Мерзавец! — почти кричал Тимеш.— Он нам еще угрожает! Даже сегодня осмеливается. Хватит с нас ваших угроз!

Багар, перегнувшись через стол, сказал Мюллеру тихо, но внушительно:

— Уходите! Быстро!

Старшина Гриненко махнул рукой, и Мюллер, понурив голову, двинулся за ним. Вся его семья в полном молчании шла по ухабистой дороге, которая вела к шоссе. Гальчик сел на доски, потянул за собой Тимеша и трясущимися пальцами вытащил из кармана пачку сигарет. На кол, к которому прежде привязывали козу, села трясогузка, потом она перелетела на крышу. У ворот собрались куры, спугнутые шумом и криком; они встряхивались и чистили перышки.

Еще одна семья подошла к столу. Личные документы, списки, фамилии, номера домов. Голос Багара на этот раз хрипел более обычного. «Следующие!» Никто уже не говорил ни слова — ни выселяемые, ни сидящие за столом. И те и другие торопились. Вереница людей двигалась непрерывным потоком.

Этот поток прервался только на минутку, когда к столу притащилась больная Прюлл. Багар не без опасения поднял на нее взгляд. Над его головой раздавалось тяжелое свистящее дыхание. Казалось, в ее легких со страшной

перегрузкой работает какой-то старый, изношенный мотор. Прюлл была массивна, как некое надгробие. Ее отекшие руки ничего не удержали бы. Кроме ранца за спиной, у нее не было никакого багажа. Вещи несли оба ее сына. Злобно озираясь, они стояли рядом с матерью. Им, видимо, тоже хотелось рискнуть на какую-нибудь выходку, вроде той, свидетелями которой они только что были, но в присутствии матери они ни на что не отваживались.

Багар торопливо оформил документы. Прюлл смотрела через головы, смотрела на свой дом, куда уже никогда не посмеет войти. Багар молча вернул ей бумаги, она не глядя взяла их посиневшей опухшей рукой и продолжала стоять не двигаясь. По испещренным синими жилками отечным щекам катились слезы. Здена почувствовала, что глаза ее тоже стали влажными. Она склонилась над бумагами и перелистывала их, хотя ничего не видела. «Скорей бы эта женщина ушла, еще немного — и я разревусь...» — думала Здена.

Подростки Прюлл закусили губы и сжали кулаки. Напряжение росло.

— Не разыгрывай тут перед ними комедию, мать! — грубо сказал старший сын.

Она вздрогнула и выпрямилась.

— Я не знала, что расставаться будет так трудно,— сказала она, и каждое ее слово сопровождалось свистящим дыханием.— Это все равно что смерть.

— Но мы не можем поступить по-другому, фрау Прюлл,— мягко сказал Багар.— Желаю вам хорошо устроиться там, куда вы попадете.

Она покачала головой.

— Не обо мне теперь речь. Что я? Я бы хотела только, чтобы вот они,— она кивнула на сыновей,— стали когда-нибудь настоящими людьми. А всем людям на свете я желаю, чтобы времена, которые пережили мы, никогда больше не повторились. Всего вам доброго!

Сопровождаемая своими белобрысыми сыновьями, она пошла к шоссе... И долго еще было слышно ее хриплое, свистящее дыхание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Солнце уже стояло низко над зубчатыми вершинами гор, когда последние выселяемые немцы прошли мимо стола и направились к машинам, моторы которых нетерпе-

ливо гудели. Вахмистр Календа отрапортовал Багару и Гальчику, что немцы спокойно покинули свои дома. Антош пришел вместе с Календой. Они дружно шагали рядом, и было видно, что эти двое сразу прониклись взаимной симпатией. Это пойдет на пользу Антошу, подумал Багар. Его тянет к хорошим людям, значит, можно не бояться за него.

— Ондра говорит точно,— сказал Антош, когда Календа кончил.— Все так и было. Вот только он не сказал, как здорово он нам помог. Ни на кого не орал, со всеми был вежлив, но его слушались, и все шло как по маслу. Право, он какой-то ненормальный: где же строгость и что это за полицейский, ежели он не кричит на людей!

— В том-то и дело, что он не полицейский, а работник КНБ,— улыбнулся Багар.— А это не одно и то же. Теперь стражи порядка не станут притеснять бедняков, как при старой республике.

Озорная улыбка появилась на лице Антоша.

— Ты меня просвещай понемножку, не спеша. Сразу мне всего не уразуметь. У меня до сих пор зудит спина, когда я вспоминаю, как в тридцать седьмом году полицейский огрел меня дубинкой на Вацлавской площади.

Багар сложил все бумаги в одну пачку и листал ее, подсчитывая страницы. Все в порядке, подумал он и глубоко вздохнул. Завершилась одна глава, открывается другая. И все это происходит с такой быстротой, что едва успеваешь переворачивать страницы...

Он встал, подал списки Матвею Громову и крепко пожал ему руку. Багар был глубоко взволнован, ему хотелось обнять Матвея.

— Надо бы поблагодарить вас,— сказал он сипло.— Но мы уже столько раз благодарили, что я не нахожу слов. Вы всегда выручаете нас, когда нам трудно. Нам не нужно забывать об этом, но со своими делами мы должны уметь справляться и сами.

— Справитесь, почему же не справиться? — широко улыбнулся советский лейтенант.— Стоит только избавить людей от гнета — и они своротят горы. Сам увидишь.

Гальчик ушел вместе с Громовым, и Багар, глядя им вслед, тщетно вспоминал, что же такое он хотел и позабыл в этой суматохе сказать Гальчику.

— Надо отнести в дом стол и стулья,— раздался рядом с ним голос Здены, и Багар невольно покраснел. Так вот о чем он забыл: о себе и Здене! Надо поскорее сделать все необходимое для женитьбы. Он чуть не бросился вдогонку

за Гальчиком. Этот порыв был так силен, словно к Багару вернулись его двадцать лет.

— Постой, что-то я тебя не понял,— рассеянно ответил он обратившемуся к нему в этот момент Тимешу,— повтори-ка снова.

— Я спрашиваю тебя, что будет с коровами.

Антош, уже взваливший на плечо стол, чтобы отнести его в дом, услышав этот вопрос, остановился и ответил, опередив Багара:

— Мы уже посоветовались об этом с коровами и со свиньями. Они говорят, что никуда не тронутся из Долинки. Мы прикинули и согласились с ними. Их уже разводят по хлевам, так что дело на мази. Доброму совету и помощи будем рады.

Тимеш тихо свистнул сквозь зубы.

— Детишки получили новую игрушку. Недели через две, э-э, где там, через неделю вам это надоест. Я не обидчив, можете и тогда обратиться ко мне — я не откажусь.

Он взмахнул очками и зашагал к своему мотоциклу.

— Жох! — сказал Антош, когда взревел мотор.— Одни люди всю жизнь только ловчат, а другим потеть приходится. Хотел бы я знать, всегда ли так будет!

— Надо объединить ловкость и трудолюбие,— отозвался Багар.— А ловкачей в чистом виде уничтожить. Ну, не знаю, походишь ли ты сейчас на ловкача, таская на себе столы.

— Это так, силушка играет,— засмеялся Антош и легко подбросил стол на плечах.— Нынешнее время для меня как по заказу: каждый день что-нибудь новое, а это мне по душе.

Он локтем толкнул калитку и проскользнул в нее, не снимая стола со спины.

— А нам с тобой следовало бы отнести стулья,— сказала Здена, взяв Багара за руку.— Но мне хочется хоть минутку побыть с тобой вдвоем.

Они молча стояли рядом в этой вдруг наступившей тишине. Солнце уже зашло, и тень от гор пала на Долинку. Природа словно шептала: «Мир, ах, мир! Я не решаю ваших судеб, но я живу с вами, я жду ваших рук. Я расцветаю и приношу плоды для вас, но я мертва без человека».

Вдалеке, на другом краю Поточной, протяжно завыл фабричный гудок, и, словно в ответ, раздалось многоголосое мычание коров, которых внизу, в Долинке, переводили из одних хлевов в другие.

На косогоре появились Винценц Постава и Вацлав

Брендл. Они гнали шесть коров и двух телят. Постава, помахивая кнутом, понукал скотину. Брендл шел в расстегнутом пальто и в сдвинутой на затылок шляпе, открывавшей его выпуклый лоб. Казалось, он возвращался с веселого пикника. Почтмейстер улыбался и, подражая Поставе, покрикивал на коров.

— Вот она! — сказал в этот момент за спиной Багара Антош.— Я вытащил ее на свет божий. Идите, идите, хозяйка. Немцев уже нет ни одного.

Антош вел под руку Марию Поставову, как стыдливую невесту на смотрины. Она вырвалась наконец и сказала:

— Пустите! Одурели вы, что ли?

Тон у нее был одновременно сердитый и примирительный. Ей уже хотелось уступить, ее радовало каждое проявление сердечности и внимания, на которое она была так щедра для других людей и которого так мало сама получала в жизни. Она огляделась, поправила платок, сбившийся на лоб, и заговорила своим обычным сварливым тоном:

— Немцев-то нет, да наша семья тут будет одна как перст.

— Ишь какая! — вставил Антош.— То она хочет удрать потому, что тут немцы, то потому, что их нет.

Первая корова выбежала на лужайку перед домом, за ней шли другие. Радостный Винценц Постава шлепнул ладонью упиравшегося теленка и закричал:

— Эй, мать, веду к тебе гостей! Эти красотки будут жить в нашем отеле.

Мария тотчас приняла озабоченный вид и рассердилась.

— А зачем ты их так гонишь, дуралей?! Скотина еле дух переводит! Еще случится что, а мы потом отвечай за них. Отворите ворота, девочки,— обратилась она к дочерям, которые вместе с братьями появились перед домом,— а вы, ребята, слазьте на чердак за отрубями. Первым делом надо напоить скотину.

— Я иду в деревню помогать,— сказала Иржина и, не ожидая ответа, проскочила мимо родителей и помчалась вниз по откосу.

Мария загоняла коров во двор. Винценц за ее спиной вынул изо рта погасшую старенькую трубку и, ткнув ею в сторону жены, заговорщически подмигнул Багару. «Готово, попалась!» — говорил этот жест, и все поняли его смысл: теперь Марию не вытащишь отсюда ни за что на свете. Телята попытались было разбежаться в разные стороны, но мальчики погнались за ними и вернули назад.

Коровы не решались войти в незнакомый двор, наконец передние под напором тех, что оказались сзади, все разом ринулись в ворота. Мальчики с криками побежали за ними вслед.

— Полегче, полегче,— наставляла их мать. Потом она повернулась к Багару и к остальным.

— Пожалуйте к нам, выпейте чего-нибудь горячего. Вы, верно, продрогли до костей.

Всех тянуло посидеть в горнице, которую семья Поставы сделала такой уютной, посидеть с теплыми кружками ячменного кофе в застывших руках или над миской горячей похлебки и скромной трапезой отметить счастливое завершение этого хлопотливого и во многом горького дня. Хорошо бы отвести душу в дружеской беседе! Но у всех было еще много дела внизу, в Долинке, у Календы со своими людьми, у Антоша и других осталось тоже немало работы. Вацлав Брендл решил вернуться к ним: как человек, знающий толк в учете, он сейчас очень пригодится в Долинке.

— Мы тоже пойдем, ведь здесь нам больше делать нечего,— сказал Багар Здене.— Чем больше там будет рабочих рук, тем скорее мы справимся. Надо только точно распределить работу.

Брендл поправил сдвинутую на затылок шляпу и виновато улыбнулся, словно говоря: шутки в сторону, больше я не веселый пастух, я снова почтенный начальник почтового отделения и член административной комиссии. Он снял очки, протер их и сказал, щурясь на золотой закат:

— Правильно, пан председатель, очень правильно. Там действительно больше работы, чем мы себе представляли. Надо составить хотя бы приблизительную опись мебели, инвентаря, живности. Да еще мы совсем забыли о хлебе! Взять все это на учет — сложная и ответственная задача, безусловно требующая вашего личного присутствия.

Он дольше обычного протирал очки и мигал, все больше смущаясь.

— Я познакомился там с обстановкой,— продолжал он,— и позволю себе предложить определенный порядок работ. Э-гхм... Остальное уже вопрос доверия: я, видите ли, хотел просить вас поручить мне руководство составлением описи, разумеется, с полной ответственностью, обусловленной столь серьезным заданием.

Багар почему-то тоже смутился. Что же все-таки за человек этот Брендл? Как всегда при разговоре с почтмейстером, Багара не покидала мысль, что он уделяет мало

внимания этому человеку и, не привлекая его к партии, тем самым как партработник допускает какую-то ошибку.

— На вас всегда можно положиться,— приветливо сказал он.— И вас никогда не приходится просить дважды. Но почему вы хотите так перегрузить себя?

Брендл наконец нацепил очки и снова замигал.

— Я не так уж бескорыстен, как вы думаете,— кашлянув, сказал он.— Я даже попрошу вас об одолжении: моей новой сотруднице, барышне Юлии Росовой, пан председатель, нужна квартира. Ведь ей просто негде ночевать, разве что поместить ее в гостинице.

— Правильно! — отвечал Багар, слегка краснея.— Среди всех сегодняшних хлопот я забыл о новой сотруднице на почте... Итак, я устрою товарища Росову у Титце, а вы беретесь закончить опись имущества в Долинке. Уговорились? Теперь скажите мне: довольны вы нынешним днем?

Вацлав Брендл пожал Багару руку и снял шляпу.

— Спасибо! — сказал он.— Я в долгу у вас. Нынешним днем я глубоко удовлетворен. Это знаменательный, в некотором роде исторический день. По крайней мере, для Поточной. Он показал нам, что выселение мыслимо, и мы теперь на него всерьез рассчитываем. А наши русские друзья еще раз доказали, что мы всегда можем положиться на их слово и помощь. Из всего этого я делаю для себя выводы, пан председатель. Да, да. Моя старая вера... нет, не только моя, но и вера наших будителей в великое предназначение русского народа нашла новое убедительное подтверждение. История, правда, показала, что эта великая миссия выполнена новой Россией, о которой мечтали лучшие сыны великой страны. Это тоже поучительно, весьма поучительно и не должно быть оставлено без внимания: именно такая Россия оказалась способна поразить исконного врага и спасти нас, именно такая Россия протягивает нам руку дружбы. Я вижу это и с уважением склоняюсь перед ней.

— Вы себе не представляете, как нас радуют ваши слова, пан Брендл,— с чувством сказала Здена.— Но разрешите задать вам вопрос. Вы сказали, что делаете для себя выводы из всего этого. Можете вы нам сказать, какие же это выводы?

Брендл замигал, схватился было за очки, но оставил их на носу.

— Я знаю, что вы имеете в виду,— кашлянув, сказал он.— Я старался, барышня, узнать, на каких принципах построена эта новая Россия, и ваш папаша был так любезен,

что дал мне книжку. Небольшую старенькую брошюрку. Видно было, что ее читали многие. Я тоже прочитал внимательно. И я сказал себе: «Да, это правда». По-моему, каждый порядочный человек должен ответить себе так. Эта книжечка называется... гм... «Коммунистический манифест». Замечательное произведение! За свою жизнь я прочитал много книг. Сами понимаете: бобыль, книжный червь, почитатель былой славы нашего народа и памятников старины. Прочту, бывало, книгу, хожу и размышляю, можно сказать, живу ею. С одной книгой соглашаюсь, и тогда на душе у меня хорошо, словно я встретил хорошего человека, с другой спорю и ссорюсь, хочется драться. Одна книга как бы берет за руку и ведет вперед, другая подставляет ножку. И вот я спрашиваю себя: почему же мне ни разу в жизни не попадалась на глаза эта книжечка, «Коммунистический манифест»? Я понимаю, в чем дело. О ней знали только посвященные, в витринах ее не выставляли, книготорговец и библиотекарь ее не предлагал. Все старались замолчать идеи, которые привели русский народ к героической революции, провели его через годы испытаний и борьбы. Я чувствую себя глубоко оскорбленным тем, что от меня скрывали правду. Вместо нее мне преподносили разные небылицы, вроде того, что большевики, мол, едят маленьких детей, уничтожают культурные ценности и поместья и вообще являются врагами человеческого прогресса.

Вацлав Брендл стоял, чуть склонив голову вправо, и говорил, подняв кривоватый палец. На его пергаментных скулах выступили розовые пятна. Он вдруг замолк на середине фразы и смущенно поправил очки.

— Мне кажется,— закончил он извиняющимся тоном,— что я утомил вас своими разговорами.

Багару, внимательно слушавшему почтмейстера, стало даже как-то неприятно, когда Брендл внезапно оборвал свою речь. Он хотел возразить Брендлу, но Здена опередила его.

— Как вы могли предположить это! — быстро сказала она.— Пожалуйста, договаривайте, мы очень просим вас.

И Брендл, восприимчивый, как сейсмограф, снова поправил очки, замигал и продолжал:

— Замечаете вы, что я провожу намеченную мысль и веду речь к определенной цели? Да, барышня, несомненно. Я хочу сказать, что книжечка, которую я получил от вашего отца, раскрыла мне глаза. Она объяснила мне многое из того, что всю жизнь волновало меня и чему я не

находил ответа. Прочтя ее, я понял, почему немало людей здесь, в Поточной, считают, что я... м-м... высказываюсь как коммунист. Эта книжка объяснила мне, почему наши русские друзья сумели победить в тягчайшей борьбе. И одновременно у меня возник ряд вопросов. Я долго размышлял, прежде чем сумел ответить на них. Например, я представил себе, что здешняя текстильная фабрика станет собственностью пана Трнца, и спросил себя: правильно ли это будет, или лучше, чтобы ею в общих интересах управляли такие люди, как ваш отец, как пан Мареш и другие. И я решил, что я не на стороне пана Трнца и его собственнических устремлений. Но если я пришел к такому выводу в данном конкретном случае, то он действителен и для всех подобных примеров.

Багар вздохнул, как человек, взволнованно наблюдавший напряженное состязание и дождавшийся желанного счастливого конца.

— Однажды,— сказал он необычно мягким голосом,— во время вашей беседы со старшиной Гриненко, я сказал, что вы задаете правильные вопросы и сами найдете правильные ответы. А немного раньше, в день вашего приезда сюда, вы сказали, что все мы здесь будем братьями, и я добавил: «Или товарищами». Вы тогда возразили, что вам не ясно это понятие. А сегодня?

Брендл беспокойно затоптался на месте, как ученик на экзамене, схватился за очки, но оставил их на носу и решительно взглянул на Багара.

— Высокое и благородное понятие! — серьезно сказал он и даже не поднял пальца, как обычно.— Мне кажется, что я начинаю осознавать его. Но, чтобы понять его во всей глубине, нужно, мне кажется... м-м... стать одним из товарищей.— Он удивленно покачал головой.— Как хорошо, однако, вы запомнили мое случайное замечание.

— Случайных замечаний не бывает,— ответил Багар.— Каждое слово, которое мы произносим, порождено своими причинами. Итак, как же вы поступите теперь, когда вам многое стало ясно? Вы стоите у дверей. Поднимете ли вы руку и постучите ли?

— Это серьезный шаг, очень серьезный.

— А вы серьезный человек. И, наверное, вы уже думали об этом.

— Думал. И задавался вопросом: хватит ли у меня сил выполнить все, что я на себя приму, сделав этот шаг?

— У одного человека немного сил. Но не забывайте о коллективе.

— Вы правы,— с оттенком удивления сказал Брендл.— Я долго был одинок, слишком долго. Сам не понимаю, как это случилось, я никогда не стремился к одиночеству.

— Я принесу вам анкету,— мягко сказала Здена.— И дам вам рекомендацию. Багар даст вторую. Отец тоже захочет рекомендовать вас. Придется нам тянуть жребий.

— Это слишком большая честь для меня,— глухо сказал Брендл.— Слишком большое доверие... Я пришел сюда чужим для вас человеком, и вы с первого же дня протянули мне руку помощи. Я никогда не забуду этого, никогда! Я ношу это в себе. Я ваш.

Все трое замолчали. Волнение, безмерная товарищеская нежность переполняли их сердца. Молча глядели они на горные просторы вокруг. Здена чувствовала, что на глаза у нее навертываются слезы, у Багара щекотало в носу. Брендл снял очки и усердно протирал их большим синим платком.

— Странное дело,— наконец сказал он, как бы размышляя вслух, задаваясь вопросом и ища объяснения.— С самого утра мне казалось, что этот день будет особо знаменателен в моей жизни. И действительно, сколько происшествий с утра, начиная с приезда барышни Росовой и до настоящей минуты. Теперь я уже не сомневаюсь, что этот день действительно в корне изменил мою жизнь. Еще раз благодарю вас. Пора идти, дело не ждет. Спасибо, и до свидания.

Протянув свою сухую, сильную руку, он обменялся с ними крепким рукопожатием.

— Честь труду! — сказали Багар и Здена.

Брендл стал почти навытяжку, его сутулая спина выпрямилась, он в упор посмотрел на товарищей и отчетливо произнес:

— Честь труду!

И он пошел по дороге, покрытой золотыми листьями ясеней. Багар и Здена стояли рядом, рука об руку, и глядели ему вслед. На небосклоне играл отблеск заката.

— А что представляет собой Росова? — спросила Здена.— Старая она или молодая, хороша собой или дурна?

— И о чем ты только думаешь! — удивился Багар.— Я, девочка, плохо замечаю такие вещи. Кажется, она в моем возрасте. У нее славное лицо с правильными чертами. Видимо, она очень энергична. А почему ты спрашиваешь?

— Что, если Брендл влюбился в нее с первого взгляда?

Багар захохотал.

— И как это могло прийти тебе в голову! — сказал он наконец, переводя дыхание.

— А почему бы и нет? — ответила Здена почти обиженно.— Сам видишь, какой он хороший человек. Я желаю ему и личного счастья. Сегодня мне хочется, чтобы весь мир был полон влюбленных, которые готовятся к свадьбе, как мы с тобой. Ведь мы влюбленные, верно?

— Что касается меня, то это несомненно,— отозвался Багар.

— Ну, то-то,— торжествующе сказала Здена и прижалась к нему.

Взявшись за руки, они пошли в гору, к шоссе. За поворотом рявкнул автомобильный гудок. Багар и Здена остановились за канавой, чтобы их не забрызгало грязью. Машина Трнца промчалась, не замедляя хода. В ней сидели только Трнец с женой.

— Не очень-то они вежливы,— сказала Здена. Багар пожал плечами.

— Не будем слишком строги к ним,— сказал он.— Пассажиров они не везут, это верно, но места в машине, видимо, все равно нет. А нам приятнее вместе пройтись пешком, чем ехать с ними, не так ли?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ганс Пальме гнал своих коров на пастбище как раз в то время, когда мощные советские пятитонки, нагруженные бывшими обитателями Долинки и их багажом, с ревом переключили скорость и, миновав последние домики Поточной, стали подниматься по извилистым горным дорогам наверх, к Меденцу и Коваржской, расположенным на плоскогорье, и дальше, к темной полосе пограничных лесов. Машины тряслись и гудели, люди в черной одежде сидели неподвижно, лишь изредка кто-нибудь из них махал рукой. Перед домиками, вплоть до самого моста, тоже неподвижно стояли и смотрели на них другие немцы, словно видя перед собой свою собственную судьбу.

Смотрел и Пальме. Ему казалось, что кровь его вытекает из сердца капля за каплей. Перед его глазами вставали годы борьбы, полные горечи и воодушевления. Сколько раз казалось, что победа совсем близка, сколько было поражений, в которых вновь рождалась вера в победу, закалявшаяся в этих поражениях. С каким упорством они, коммуни-

сты, боролись за родной край, как отчаянно стремились показать людям правду, вывести их на верный путь, отвлечь от ловушек, которые непрестанно ставили народу властители страны. Это были дни агитации, стачек и безработицы, дни трудного рождения партии и бурных собраний, на которых решался вопрос: быть или не быть единению с братской Компартией Чехословакии. А потом Пограничье неудержимо захлестнул поток остервенелого национализма. Нахлынули полчища людей в кованых сапогах, нависли темные тучи подлости, страха, наушничества и всеобщей отчужденности. Но ни арест, ни смерть сына Христиана, ни все, что пришло потом,— тюремные стены, колючая проволока концлагеря, бесконечные часы в штрафном батальоне, побои, голод,— не погасило непоколебимой веры Ганса Пальме. «Уходите, уходите,— думает он.— Жизнь была нелегка здесь, на этих зеленых холмах, но вы потеряли право и на нее. Уходите и заново учитесь всему, чего вы не хотели понять».

Эхо разносило по горным склонам грохот автомобильных моторов, он слышался даже над Поточной. Ганс Пальме гнал коров вниз по косогору и через шоссе, на общественный выгон, расположенный между крайними домиками Поточной и оградой шарикоподшипникового завода. Этот участок предназначался для застройки, но после гитлеровского вторжения и во время войны у людей пропала охота строиться.

Да, нацисты орали, но чем больше они драли глотки, тем меньше в них оставалось веры — так говорил себе Пальме. Опираясь на палку с резиновым наконечником, он с трудом перебрался через канаву между шоссе и лугом. На выгоне коровы тотчас принялись щипать траву, а Пальме направился к большому серому валуну, лежавшему в траве на берегу реки, и сел на него, вытянув ноги. Из кармана помятого мундира Пальме вынул сигарету. Дома никто о нем не заботился, и этот мундир, его единственная одежда, выглядел сейчас не лучше, чем после возвращения Пальме из концлагеря.

Пальме курил. Табачный дым слегка щекотал ему горло, приятно успокаивая нервы. Голубоватая струйка дыма быстро рассеивалась в золотистом вечернем воздухе. Даже у человека, ведущего трудную жизнь отщепенца, у человека, живущего в семье, но без семьи и чуждого своим соплеменникам, случается минута мирного отдыха и размышления, горького, но спокойного.

Скорее бы уж наконец стих шум грузовиков за перева-

лом. Гул моторов то умолкал, то раздавался снова, в зависимости от того, за каким поворотом находились машины. Пальме поглядел туда, где проходили два последних витка горной дороги. Машин уже не видно, но по руслу реки еще долго будет доноситься песня моторов. Пальме перевел взгляд на Поточную, на людей, которые все еще стояли перед домиками и не трогались с места, пока не отзвучит последнее эхо.

Предпоследний домик по эту сторону шоссе — самый большой и красивый. Там живет Титце. Веранда, выходящая на реку, увита диким виноградом, сейчас уже без листьев. Над верандой балкон, где в зеленых ящиках с землей растут увядшие и потемневшие от утренних заморозков герани, петунии и настурции. Дверь на балкон наполовину прикрыта шторой, и за ней кто-то стоит.

Ганс Пальме внутренне встрепенулся, но школа гестаповских допросов научила его самообладанию. Он остался сидеть в прежней позе, вытянув ноги, локтями опираясь о плоский камень и сохраняя вид человека, который пасет коров, покуривает и предается заслуженному отдыху. Он лишь слегка наклонил голову, чтобы скрыть лицо под козырьком кепки.

Эльза Магер! Виновница досрочного выселения тех людей, которых сейчас увозят в машинах вон туда, за горный перевал! Эльза Магер в доме бывшего секретаря управы Титце! Теперь ясно, почему Титце так тщательно запирает свой дом, а стоя у калитки, разговаривает почти шепотом. Хитро придумано! Кому придет в голову, что нацистка скрывается у того самого человека, которого ее друзья так жестоко проучили! Но в каком страхе живет, наверное, Титце. Позавчера, когда мы шли вместе, он чуть-чуть не доверил мне свою тайну...

Штора опустилась и закрыла всю дверь. Как же должен поступить в столь сложном деле Ганс Пальме? Ведь до сих пор он всю свою жизнь боролся против всякой государственной власти, с которой ему приходилось иметь дело. Пальме думал и не находил ответа.

Коровы паслись без присмотра. Одна щипала траву около шоссе, другая подошла к Пальме, подняла голову и дружелюбно засопела. Пальме поднялся с камня и согнал обеих коров на лужайку, потом закурил новую сигарету и стал около коров, не решаясь обернуться и поглядеть на домик бывшего секретаря. Он все еще не мог ни на что решиться.

Коровы, склонив головы, пощипывали траву и медленно

подвигались к берегу реки, а Пальме заковылял к шоссе. Там он тщательно выбрал место, с которого хорошо был виден балкон, сел у канавы лицом к лужайке, оперся подбородком на руки, скрещенные на рукояти палки, и погрузился в долгие и мучительные размышления.

Он с ненавистью думал об Эльзе Магер как о последнем воплощении зла, против которого он боролся много лет, долгие годы, всю свою сознательную жизнь. Не вернись он из концлагеря, Эльза, быть может, скрывалась бы сейчас в его собственном доме. Ведь его дочь, маленькая Марихен, которую он так любил качать на коленях, которую баловал больше, чем быстро возмужавшего Христиана, состояла в союзе «гитлеровской молодежи». Эльза Магер духовно отравила его дочурку, украла у нее детство, наполнила ее детское сердце такой ненавистью, что Марихен разорвала единственную фотографию своего брата, которого она когда-то обожала, который носил сестренку на плечах и вырезал для нее картинки.

«Мои голубые родники,— говаривал Пальме, глядя в глаза своей девочки.— Мое голубое небо, мои зеркальца. В одном я вижу себя и в другом тоже. Знаешь ты, что папа отражается у тебя в глазах?»

Сейчас длинноногая Марихен превращалась из девочки в девушку. В ее взгляде должна была появиться мягкость и робкая мечтательность, но он был суров. Встречаясь с ней глазами, Пальме видел в ее взгляде неприязнь. Марихен избегала отца, старалась держаться подальше, чтобы он не мог коснуться ее. А ему так хотелось погладить ее по светлым волосам!

Ганс Пальме тяжело вздохнул. Мысленно он вновь видел перед собой долгий-долгий путь. И он крепко сжал руками палку, понимая, что ничто уже не остановит его на этом пути, что он должен вернуть девическую мягкость глазам своей девочки, вернуть честность и разум туда, откуда они были изгнаны.

Гул моторов над долиной замолк. Жители Поточной попрятались в своих домиках. На золотистый небосвод легла первая синева сумерек. На шоссе появился Лойзик Мареш, рыжеватый веселый чех-текстильщик. Он гнал на пастбище крутобокую, хорошо откормленную корову. Корова, словно по протоптанной тропе, перескочила канаву как раз около Пальме, и Лойзик присел возле немца-текстильщика. Они поздоровались и замолчали.

«Он, конечно, коммунист,— думал Лойзик,— но о чем

нам разговаривать сегодня, когда только что выселили немцев из Долинки?»

Когда двое мужчин не знают, о чем разговаривать, один из них обычно лезет в карман за сигаретами, чтобы предложить собеседнику закурить и тем самым прервать тягостную паузу. Так поступил и Лойзик. Пальме углом глаза заметил его жест.

— Ты хочешь дать мне сигарету, но у тебя их нет,— быстро сказал он.

— Как так? — обиделся Лойзик.— Есть, иначе я бы тебя не угощал.

— Знаю, что есть,— слабо улыбнувшись, сказал Пальме.— Но мы с тобой изобразим, что их нет. Так нужно потому, что кое-кто наблюдает за нами. Ты раскроешь портсигар, и там будет пусто. Я пошарю в карманах и тоже ничего не найду. Потом ты кивнешь мне на свою корову: мол, присмотри, а сам сходишь за сигаретами.

— Интересное представление! — сказал Лойзик, тотчас догадавшийся, что это неспроста.— Здорово ты придумал. Где научился?

— Начинаем,— сказал Пальме, не меняя позы.— А я тебе тем временем расскажу, в чем дело. Вы ищете Эльзу Магер, чтобы рассчитаться с ней за Клинека, за Долинку и за наших людей, которых она выдала гестапо... Смотри только на меня и на портсигар! Вот видишь, все равно у тебя осталось только две штуки. Эльза Магер — говорю я, никуда не оборачивайся! — Эльза Магер находится сейчас в мансарде у Титце. Я только что видел ее там, и она наверняка наблюдает за нами. На шоссе она не выходила. Надо поспешить, пока не стемнело.

Они встали. Пальме начал шарить по карманам.

— Каково же у тебя сейчас на душе? — тихо спросил Лойзик, вглядываясь в бледное от волнения лицо Пальме.

— Плохо на душе,— ответил тот.— Но ничего не поделаешь. Продолжай игру и иди за сигаретами. И если кто-нибудь пойдет к дому Титце, пусть подходит сзади, лесом, обогнув трактир Ульмана. Через ручей можно перебраться по камням.

Они расстались. Лойзик по шоссе пошел в город, а Пальме на лужайку. Там он пригнал корову Мареша к своим и стал рядом с ними. Ему очень хотелось закурить.

На мосту через Поточную Лойзик Мареш встретил Багара и Здену Деймекову. С ними была Росова, прямая и строгая, в сером шерстяном платье и макинтоше. Мареша познакомили с ней, и он с удивлением поглядел на эту, как

ему показалось, какую-то особенную, серьезную женщину со строгими чертами лица, мало меняющегося во время разговора. Взгляд темных глаз с искоркой иронии смущал Лойзика, заставляя его чувствовать себя школьником.

— Мы ведем ее к Титце,— сказала Здена.— А может быть, ты посоветуешь какое-нибудь жилье получше? Нельзя ли к вам?

Лойзик немного ошалел, попав в такой водоворот событий. Он еще не успел как следует переварить то, что узнал от Пальме, а вот теперь, пожалуйста, еще новый переплет. Лойзик несколько раз поперхнулся, прежде чем заговорить.

— К нам сейчас нельзя... Мы бы охотно...— начал он и сбивчиво объяснил, что к нему с женой послезавтра приезжают родители. Затем он рассказал все, что узнал от Пальме.

— Та-ак...— мрачно сказал Багар.— Значит, я оказался в дураках! До сих пор у меня не хватает смекалки перехитрить нацистских гадов. А ведь я все время ломал себе голову над странным поведением Титце. Дело серьезное, товарищи, надо действовать быстро. Я не удивлюсь, если Магер разгадала вашу пантомиму с сигаретами.

Они условились, что Мареш поспешит к вахмистру Календе, а Багар, Здена и Росова дождутся его здесь, чтобы узнать, что будет предпринято. Войти сейчас в дом значило вынудить Эльзу к бегству, прежде чем будут приняты необходимые меры.

Из ворот текстильной фабрики вышел Кнаузе, бывший мастер Кнаузе, занимавший эту должность до приезда чешских текстильщиков; после этого мастером стал Деймек, который так недоверчиво поглядывает на Кнаузе.

Поглядывай, поглядывай! Кнаузе умеет лавировать между подводными камнями нынешних дней! Пусть его подозревает один чех, зато ему доверяет другой. Трнец, например, еще и теперь говорит: «Присаживайтесь, герр Кнаузе, какие новости?» — предлагает сигарету, гладит воображаемые усики над тонкими губами и внимательно слушает, чуть склонив голову к плечу. Кнаузе приносит добрые вести.

Сперва у Кнаузе была директива — вывести фабрику из строя. Не успел он решить, как выполнить этот приказ, пришло другое указание: фабрику беречь и уничтожать только готовую продукцию. Кнаузе не взялся еще и за это дело, как опять перемена курса: сотрудничайте, завоевывайте доверие, мы будем вам помогать.

— Там-то и там-то можно по дешевке приобрести первоклассное сырье, пан фабрикант,— говорит Кнаузе, и Трнец снова тянется к воображаемым усикам.— Там-то и там-то можно безопасно продать готовые изделия по дорогой цене.

Кнаузе нередко остается на фабрике после того, как все рабочие расходятся, и с глазу на глаз беседует с Трнцом в его кабинете. Здесь, в Пограничье, есть неистощимые возможности обогащения, надо только уметь найти их. И Трнец мысленно хвалит свою находчивость, благодаря которой ему удалось обскакать многих, кто, как и он, жаждет обогащения, но не умеет взяться за дело.

Увидев людей на мосту, Кнаузе хотел было повернуть назад, но понял, что его уже заметили, да и сам он заинтересовался, что там делают Багар, Здена и еще какая-то женщина. Кто она, и почему он, Кнаузе, ее не знает? А куда спешит молодой Мареш, и почему остальные стоят на месте?

У Кнаузе возникло смутное ощущение опасности, хотя было еще не ясно, кому и откуда она грозит. Вдруг его осенило: Эльза Магер! Он остановился, вынул сигарету и начал искать по карманам спички, обдумывая внезапную догадку и стараясь убедиться, подтверждается ли его догадка поведением трех человек на мосту.

Неужели Титце, вопреки ожиданиям, снова предал их? Кнаузе долго шарил по карманам и еще дольше закуривал, но так и не решил, что делать. Может быть, он теряет выдержку и ему мерещится несуществующая угроза? Нет, все-таки сегодня же ночью он пойдет к Эльзе Магер и еще раз попытается убедить ее, что лучше покинуть Поточную и найти другое убежище.

Проходя мимо Багара и его спутниц, Кнаузе поздоровался со всей учтивостью, какую был в силах изобразить, несмотря на охватившую его злобу и страх. Ему ответили, и Здена спросила:

— Вы работали сверхурочно, господин Кнаузе?

Бывший мастер остановился на мосту и поправил на голове кепку, которую снимал, здороваясь; он переводил взгляд с одного лица на другое, чтобы никому не глядеть в глаза.

— Вы хорошо знаете, барышня, что у нас нет сверхурочных,— сказал он низким ворчливым голосом.— Просто пан Трнец попросил меня помочь ему по хозяйству. Он дома. Вы, наверное, идете к нему?

— Спасибо, спасибо вам,— быстро сказал Багар, чтобы опередить Здену.— Мы знаем, что он дома.

Кнаузе отошел.

— Чего бы только он не дал, чтобы знать, зачем мы здесь,— продолжал Багар, понизив голос.— Ему это явно не понравилось.

— Ты думаешь, он знает о Магер? — спросила Здена.

Багар пожал плечами.

— Наверное, о ней знает половина города, если не больше. Только мы были слепы.

Дом Кнаузе был рядом с домом вдовы сапожника Йокля. Бывший мастер вошел в коридор, на другом конце которого была дверь, выходившая в садик. В Кнаузе росла уверенность, что все виденное им очень подозрительно и что Эльзе Магер грозит опасность. Он вышел в садик. Небо на востоке уже потемнело, но было еще достаточно светло. Кнаузе подошел к забору. Отсюда был виден общественный выгон и задняя стена домика Титце. После ясного дня воздух быстро охлаждался, от реки к лужайке, расстилаясь по земле, полз туман. Коровы погружали в него морды, словно в молочный пруд. Кнаузе увидел, что коров пасет прихрамывающий человек с палкой. Пальме! Мастер выругался. Ничего не поделаешь, придется пока наблюдать и ждать.

Тем временем на мосту Здена обратилась к Юлии Росовой:

— Сегодня ты могла бы переночевать у нас, мы тебя устроим. Вселяться сейчас в этот дом будет не очень-то приятно.

Маленькая Юлия воинственно подняла голову и улыбнулась одними глазами.

— А почему бы мне не вселиться сегодня? Фашисты разгромили мой дом, с какой же стати мне отступать, когда есть возможность хоть немного рассчитаться с ними?

— Вы обе, конечно, пойдете к Деймекам и подождете там, пока мы закончим это дело,— сказал Багар самым официальным тоном, на какой был способен.

— Смотрите-ка! — насмешливо возразила Юлия.— Как нам надо себя вести, решают без нас. Совсем как в Мюнхене. Видно, ты, товарищ, позабыл о партийной демократии. Этот вопрос мы решим большинством голосов, так что подожди результатов голосования.

— А ты, конечно, за предложение Юлии Росовой? — грозно спросил Багар Здену.

— Голосую за него обеими руками,— улыбнулась та.—

Уж если я пришла сюда, то не остановлюсь на полдороге.

Они увидели торопливо возвращавшегося Мареша. За ним, в отдалении, не спеша шел Йозеф Палка с автоматом за плечом.

— Веду подкрепление,— сказал, подойдя, запыхавшийся Мареш.— Идти мне с вами в дом? Календа пошел через лес и устроит засаду на лужайке.

— Правильно,— одобрил Багар.— А ты иди-ка к Пальме, да поскорей. Палка войдет в дом вскоре после нас.

— Календа молодчина! — с уважением сказал Мареш.— Он рассчитал расстояние и говорит: «Выходите через пять минут после меня, чтобы она не удрала раньше, чем я буду на месте». А мне на всякий случай дал пистолет.

И Лойзик, улыбнувшись, с довольным видом похлопал себя по карману.

Сумерки сгущались, туман поднимался все выше. Коровы ходили уже по колено в молочной мгле. Но Кнаузе, глаза которого привыкли к сумраку, еще различал, что делается на лугу. Он увидел, как из ольховых зарослей у реки, прямо против дома Титце, осторожно вышел человек и, держась так, чтобы одинокий старый дуб защищал его от наблюдателей в доме, быстро добрался до этого дуба и укрылся за толстым стволом. На таком расстоянии в темноте трудно было определить, как одет был этот человек — в военной форме он или в штатском, но в руках у него, несомненно, был автомат на изготовку. Кнаузе понял, что кольцо вокруг Эльзы сомкнулось. Через минуту рядом с Пальме появилась еще одна фигура. Кнаузе догадался, что это Мареш. Вспыхнул огонек спички, и засветились две сигареты. Пальме и Мареш шаг за шагом, медленно, но неуклонно, подгоняя своих коров, приближались к домику Титце.

— Итак, это Пальме...— сказал себе Кнаузе, скрипнув зубами.

Багар долго звонил у калитки, но никто не отпирал, и в доме Титце не зажигали огня. Слышался только тихий стрекот звонка. Здена вздрогнула от страшной догадки.

— Может быть, она убила их и себя? — тихо сказала девушка.

Багар покачал головой и сильно ударил ногой по калитке. Щеколда отскочила, калитка распахнулась. Багар оглянулся, решив, что уже пора подозвать Палку. Присутствие двух женщин беспокоило его.

— Уходите вы обе,— проворчал он.— И пошлите мне Палку.

В этот момент щелкнул ключ в замке и показалось испуганное, бледное как полотно лицо Титце.

— Полчаса звоню, почему вы не открываете? — в бешенстве крикнул ему Багар.— Что это значит?

— Герр председатель,— по-немецки пробормотал Титце и с еще большим усилием, чем обычно, перешел на чешский язык.— Я... я не знал. После той катастрофы мы никому не отпираем. Даже не зажигаем огня... Моя жена...

— Не видели вы, что ли, кто стоит у калитки? Разве вам не известно, что административная комиссия и органы безопасности имеют доступ в любой дом Поточной и в любое время? Известно вам это или нет? Зажгите свет, мы войдем в дом и там поговорим.

Он услышал, как Титце шарит по стене, отыскивая выключатель. Загорелась синяя лампочка. Багар оглянулся на своих спутниц и заметил, что Росова взяла чемоданчик в левую руку, а правую сунула в карман макинтоша.

Комната, где когда-то лежал раненый Титце, осветилась. Вошедшие увидели книжную полку с аккуратными томиками немецких философов и поэтов, нелюдимый взгляд Шопенгауэра на стене над маленьким старомодным письменным столом, просиженное кресло, прикрытое вышитыми салфеточками на прорванных местах, высокую башнеобразную медную клетку, в которой тревожно пискнули канарейки, и у дверей — маленькую фрау Титце с ровным пробором, разделяющим посередине ее жидкие седые волосы, бледную, перепуганную фрау Титце, не способную ни поздороваться, ни даже ответить на приветствие. В комнате царил педантичный порядок мещанской семьи, которая хочет укрыться от мировых бурь в герметически закрытой раковине своего дома.

Багару стало грустно и противно. У обоих стариков был такой вид, что казалось, они вот-вот упадут в обморок.

— Сядьте,— сказал Багар и повторил настойчиво: — Садитесь же, прошу вас!

Фрау Титце взяла мужа за руку, и они сели рядом на край кровати.

Багару хотелось все выложить напрямик и тем сократить мучительные минуты. Он подумал об Эльзе Магер, которая, наверное, прильнула сейчас наверху к двери и прислушивается, сжимая в руке пистолет. В коридоре скрипнули сапоги Пепика Палки. Титце испуганно выпря-

мился, но Багар жестом заставил его остаться на месте. Сострадание и жалость покинули Багара: он вспомнил Богоуша Клинека и поведение Титце после бегства Эльзы Магер. Теперь все стало ясно. «Твой долг предотвратить новые жертвы»,— сказал себе Багар.

— У вас в мансарде есть две комнаты, которыми вы не пользуетесь, господин Титце,— медленно начал Багар.— Нам нужна хотя бы одна из них для барышни Росовой. С сегодняшнего дня она работает на почте.

Губы Титце зашевелились, кадык запрыгал под морщинистой кожей, но секретарь не мог произнести ни слова. Его жена вцепилась сухонькими ручками в накрахмаленный ситцевый передник и наклонилась вперед. Лицо ее вдруг залилось лихорадочным румянцем.

— Да,— сказала она.— У нас есть две комнатки в мансарде. Их раньше занимали наши сыновья, когда они жили с нами.

Титце испуганно оглянулся на жену и ухватил ее за руку.

— Я не знал, что у вас есть сыновья,— сказал Багар.

Титце выпрямился, словно под действием какой-то внутренней пружины, и сказал тоном, в котором явственно прозвучала гордость:

— Да, пан председатель, два сына — и оба ученые. Один читал философию в Дрезденском университете, другой занимался исследовательской работой на оптических заводах в Йене. Оба вместе с семьями благополучно пережили войну.

— Читал философию при Гитлере? — переспросил Багар.— Впрочем, это ваше дело. Фрау Титце, будьте любезны, покажите нам обе верхние комнаты. Барышня Росова немедленно займет одну из них.

Мертвенная бледность снова покрыла лицо бывшего секретаря. Он сидел, вцепившись пальцами в одеяло. Но его жена, видимо, решила принять бой. Она встала и быстро заговорила:

— О, пожалуйста, пан председатель, нас очень обрадует, если барышне понравятся наши комнатки. Да и мы не будем в таком одиночестве. Но поселиться в них сегодня же никак невозможно. В мансарде полно всякого хлама, не прибрано, пыльно, кровати не постелены. Сперва надо все привести в порядок. Знай я об этом хотя бы днем... Может быть, барышня переночует сегодня в отеле, а завтра для нее будет все приготовлено.

Фрау Титце говорила торопливо и нервно мяла пере-

дник. Голос у нее прерывался, краска разлилась по щекам. Вот и кончилась их жизнь, подумал Багар, кончилась жизнь, с которой они свыклись в течение тридцати лет и которая никогда уже не вернется. Старуха понимает это, вот почему она так упорно борется.

Он повернулся к Титце.

— А что скажете вы, господин Титце?

Но Титце ничего не сказал. У него не было такой воли к сопротивлению, как у жены, внутренне он уже сдался, признал свое поражение и сидел неподвижно, только кадык прыгал на его худой шее.

— Я думаю, что ваша супруга права,— сказал Багар и, увидев облегчение на лицах обоих стариков, устыдился, что зря мучает их, но тотчас же снова ожесточился. Почему же они не скажут правды, зачем стараются спасти Эльзу Магер?

— Но все же мы заглянем наверх,— продолжал он.— Надо выяснить, подходят ли эти комнаты барышне Росовой.

И тогда фрау Титце преградила им выход и воскликнула высоким прерывающимся голосом:

— Вы не должны требовать от меня этого, право, не должны. Я не могу пустить вас туда, я сгорела бы со стыда.

— Смотрите, как она старается предупредить свою жилицу! — сказала Юлия.— Товарищ Багар, по-моему, пора кончать эту комедию.

Багар почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо, и кивнул, даже не оборачиваясь к Юлии Росовой.

— Фрау Титце,— сказал он мягко,— неужели вы не понимаете, что нам все известно?

Лицо старухи вдруг изменилось, оно обмякло, сморщилось, словно стиснутое чьей-то безжалостной рукой, из глаз брызнули слезы.

— Нет, нет,— всхлипнула она.— Вам нельзя туда идти. Ведь она будет стрелять. Она била меня... Мы так боялись ее. Боялись, что она убьет нас.

Титце встал, и его колени громко хрустнули. Он выпрямился, пытаясь сохранить достоинство человека, признавшего свое поражение и готового нести ответственность за свои поступки.

— Прошу арестовать нас и увезти из города,— сказал он напряженным, сухим голосом.— Иначе мы вновь станем объектом мести. Подозрение в выдаче Магер падет на нас.

Багар кивнул.

— Вас придется арестовать, господин Титце, хотите вы

этого или нет. Вы сами понимаете, кого вы укрыли, да еще будучи служащим административной комиссии! А кто мог бы мстить вам, скажите?

Глаза Титце забегали по сторонам, кадык запрыгал, в конце концов секретарь развел руками и сказал уклончиво:

— Все. Не знаю точно кто, но любой из них.

— Может быть, вы поумнеете во время следствия,— сказал Багар и, осторожно отстранив плачущую фрау Титце, вышел в коридор.

— Ну, вот что, Пепик,— сказал он Палке, который стоял в тусклом свете синей лампочки.— Пора взяться за дело. Входить надо в те двери, что прямо против лестницы, не так ли, фрау Титце? Ты, Пепик, иди в правую, а я — в левую. В случае чего стреляй без промедления.

— Я иду с вами,— сказала Юлия.— Это и мое дело.

Но Багар уже поднимался по ступенькам, а Палка сказал с нескрываемым превосходством:

— Мы здесь по служебному делу, товарищ. Не мешайте работать.

Рассохшиеся ступени заскрипели под ногами Багара и Палки. Эльза Магер, до сих пор стоявшая у дверей, сжимая пистолет, беззвучно повернула ключ и быстро пошла к балкону. Там путь свободен. Ни хромоногий Пальме, ни этот чешский рабочий, конечно, не сумеют помешать ей перейти реку и скрыться в лесу.

Сумерки уже наступили, и только на западе, над черными зубцами лесистых горных вершин, дрожащая синеватая полоска напоминала об угасшем дне. От реки и быстро охлаждающейся земли поднимался туман, он становился все гуще. Коровы подошли совсем близко к дому и по самые бока погрузились в молочную мглу, а Пальме и Мареш, следовавшие за ними, походили на призраков — по мягкой белой поверхности плыли только их туловища...

За спиной Эльзы послышались возгласы, кто-то ломился в дверь. Она подошла к перилам, взглянула вниз и мысленно усмехнулась. Для инструктора по лыжному спорту прыжок с такой высоты — пустяки. Эльза перекинула ногу через перила. В этот момент кто-то окликнул ее. Голос слышался совсем не оттуда, где стояли Пальме и Мареш, а из-под дуба, растущего прямо против дома.

— Не двигайтесь с места. Бросьте оружие и поднимите руки. Я целюсь в вас.

Как смешно он произносит немецкие слова. Итак, значит, это не случайность, а предательство, и выдал ее

Пальме. Эльза размышляла несколько секунд. Выбора нет. Он целится? Пусть! Она прыгнет вниз и побежит к коровам. Он не рискнет стрелять туда, а дальше ее скроет туман. Она же, если вообще будет стрелять, то выстрелит в Пальме. Выстрелит, мстя за себя, за Йокля, за Ульмана, за доктора Вецлера. Сейчас уже ясно, кто привел тогда русских.

Эльза перекинула через перила другую ногу и, крепко сжав пистолет, прыгнула, поджав ноги и вытянув руки. Левой ногой она ударилась о каменную плиту, положенную под водосточной трубой для того, чтобы вода не размывала и не уносила садовую землю. Острая боль в лодыжке пронизала Эльзу до мозга костей. На мгновение она потеряла сознание и тяжело повалилась на бок. Но от прикосновения к высокой, росистой, прохладной траве она быстро очнулась. Опыт лыжницы подсказал ей, что у нее вывихнута лодыжка. Пистолет она все-таки выронила. Встав на колени, Эльза, кряхтя от боли, принялась лихорадочно шарить в мокрой траве. Тщетно.

Боль в ноге лишала ее сил. Хотелось сесть, прислонившись спиной к стене дома, и сдаться. Эльза тихо скрипела зубами. В глазах у нее потемнело, все тело покрылось потом, пропитавшим платье. Но упрямая мысль о спасении бичом подстегивала беглянку. Эльза слышала много разных звуков. Все они, казалось, доносились очень издалека, но были отчетливы: где-то очень высоко, над головой, слышался стук, гулко разносившийся по всему дому, а слева, со стороны погруженной в сумерки реки Поточной, раздавался тяжелый топот бегущих.

Работая ладонями, локтями и спиной, Эльза перенесла тяжесть тела на здоровую ногу и, цепляясь за стену, поднялась наконец во весь рост. Туман доходил ей уже до подбородка. Совсем близко Эльза увидела спины пасущихся коров. Среди колеблющейся поверхности белой мглы они походили на спины громадных рыб. Спасительный туман! Эльза пригнулась и нырнула в него как раз в тот момент, когда на балконе раздались чьи-то торопливые шаги. Голоса звучали над ней, казалось даже, что вокруг нее. Не обращая на них внимания и пренебрегая острой болью в щиколотке, Эльза шагнула вперед.

Вот она уже рядом с коровами. Слышно их неторопливое глубокое дыхание. Эльза ощупью ухватилась за круглый коровий бок, покрытый скользкой, сыроватой от тумана шерстью. Цепляясь за этот бок, Эльза продвигалась вперед, сжавшись, как хищник, готовый к прыжку. Голоса кругом смолкли, тишина давила Эльзу. Она слышала толь-

ко, как шумно дышат и жуют коровы, да стук собственного сердца. От страха у нее ныло под ложечкой, словно там лежал камень, сердце переполняли ярость и желание убивать. Эльза не замечала, что рот у нее раскрылся и из него течет густая слюна.

Вот и конец коровьей спины. Теперь остается только двинуться вперед, где единственным прикрытием будет густой туман.

В нескольких шагах что-то темнеет, не поймешь, человек это или вторая корова. Эльза шагнула, кто-то схватил ее за руку и дернул. Вывихнутая лодыжка подвернулась, острая боль снова пронизала ногу. Эльза упала на колени, но проворно, как пойманная лиса, перевернулась на бок и попыталась укусить схватившую ее руку.

— Ишь ты, кусается! — удивленно и сердито сказал над ней молодой голос.— Нет, со мной это не выйдет.

— Будь осторожен,— сказал издалека другой.— У нее пистолет. Я иду к тебе.

Пистолет! Несмотря на боль и напряжение борьбы, усмешка искривила лицо Эльзы. О, если бы у нее был пистолет! Эльза дернулась, завертелась, поползла на коленях, хрипя от напряжения, страха и злобы. Сильные руки скрутили ее, холодный металл охватил оба запястья, наручники щелкнули, как курок незаряженного пистолета. Попалась! Эльза упала лицом в мокрую траву и протяжно завыла, как волчица, угодившая в капкан.

— Это же не баба, а зверь! — удивленно, с оттенком отвращения сказал чей-то голос.

Прижимаясь лицом к земле, Эльза слышала, как кто-то быстро подошел к ней. Ее хотели поставить на ноги, но она упорно бросалась на землю. Пришлось на руках отнести ее в машину, с которой приехал Антош. Пленницу втиснули на заднее сиденье между ошеломленными супругами Титце. Антош вел машину, вахмистр Календа и Йозеф Палка конвоировали ее. На этот раз у Эльзы не было никаких шансов.

Когда машина тронулась, Багар сказал с облегчением:

— Вот мы и сделали еще шаг к безопасности и порядку.

Он оглянулся, ища глазами Пальме, чтобы поблагодарить его и перемолвиться с ним несколькими словами. Но Пальме воспользовался суматохой и незаметно исчез. Погоняя коров, он шел вверх по косогору, к своему дому, где жена не разговаривала с ним, где дочь избегала его ласки и где теперь ему жить будет еще труднее. Пальме шел, опираясь на палку с резиновым наконечником, и думал

горькую, тяжкую думу. Но сквозь горечь и неустроенность своей нынешней жизни он уже видел очертания грядущих, лучших дней.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Председатель административной комиссии Иржи Багар готовился к наступающей зиме, как к решающей битве. В его жизни многое изменилось, он чувствовал, что как-то спокойнее и крепче стоит на земле. Былая нетерпеливость, вечно гнавшая его куда-то, сменилась суровой настойчивостью и упорством в достижении поставленной цели. Две причины вызвали такую перемену в характере Багара: первая — поездка в Прагу через два дня после выселения немцев из Долинки; там Багар побывал на митинге в день оглашения законов о национализации. И вторая — его брак со Зденой Деймековой, состоявшийся вскоре после возвращения из Праги. Молодожены поселились в бывшем домике Титце.

В Праге, на Вацлавской площади, Багар вместе с Гальчиком, Зденой и Деймеком стоял в море людей, объединенных одной мыслью, дышавших одним дыханием. Багар слушал речь Готвальда, и впоследствии ему казалось, что он не слышал больше никого. Когда Готвальд говорил, что сейчас осуществляется то, за что боролись и страдали многие поколения трудящихся, чему многие из нас посвятили всю жизнь, Багару казалось, что Готвальд рассказывает не только о самом себе, но и о нем, и о Гальчике, Деймеке, Здене — обо всех, кто стоит рядом в несметной толпе, и о тысячах и сотнях тысяч других людей, которые не попали сюда, но душой сейчас с ними так же, как были они с ними при всех испытаниях и борьбе в прошлом. И Багар чувствовал, что эти минуты, казалось бы такие же преходящие, как и всякие другие, сплачивают всех в великую силу. Так паровой молот кует несокрушимую сталь.

По счастливому стечению обстоятельств Багару и Гальчику удалось поговорить с Готвальдом. Они встретили его в коридоре здания совета министров, куда они зашли по делам, Готвальд узнал обоих и, стиснув трубку в зубах, внимательно выслушал, улыбаясь одними глазами.

— Значит, ты так и застрял здесь, не попал в Советский Союз? — сказал он Багару.— Жаль. В армии ты бы очень пригодился.

Лицо седоволосого Багара покраснело. Он потянулся было к пуговице, но опустил руку.

— Я пытался попасть в армию, но ничего не вышло,— хрипло ответил он.

Готвальд усмехнулся, словно понимая смущение Багара, и сказал:

— Не беда, ты и тут делал нужное дело. Теперь вы оба в Пограничье? Это важный участок, товарищи, и ваши задачи там особенно ответственны. Сегодня мы сделали огромный шаг вперед, но нам нельзя почить на лаврах. Трудности еще будут и дальше, реакция не сдастся без боя. Каковы, следовательно, ваши задачи в Пограничье? Помогать честным труженикам, разоблачать проходимцев, укреплять Национальный фронт. Каждый честный человек должен понять, что наша партия — его лучший защитник. Вот так должны работать и вы. Честно и бескорыстно. Вы уже были в ЦК? Зайдите к товарищам, которые занимаются вопросами переселения. Всегда держите тесную связь с партией.

На прощание он пожал им руки, торопясь на заседание правительства, и быстро пошел по коридору, на ходу с улыбкой отвечая на приветствия.

Следуя его совету, Багар и Гальчик зашли в Центральный Секретариат Коммунистической партии. У них накопилось много вопросов. Вот, например, какую линию вести по отношению к тем переселенцам, которые получили в народное управление разные фабрики и фабрички? Речь идет, конечно, не о ремесленниках и мелких торговцах, но есть опасность, что мы одной рукой возвращаем буржуазии то, что другой рукой у нее отняли.

— Так, так, товарищи,— сказал им улыбающийся человек, принимавший их в маленькой прокуренной комнате.— Мы уже от многих слышали этот вопрос, но я всегда с удовольствием отвечаю на него.— Он перегнулся через стол и потер левой рукой небритую щеку. Вокруг светло-голубых глаз у него веером собрались морщинки.— Кто вам сказал, что мы собираемся что-нибудь возвращать буржуазии? Ничего подобного! Какова наша первая задача? Как можно скорее заселить Пограничье чехами. Вторая задача? Поскорее пустить там в ход все предприятия, какие возможно. Третья? Объединять крупные конфискованные владения в нечто целое, в народные предприятия, превращать их в собственность государства и трудящихся. Есть у вас заводские комитеты на предприятиях? Пусть они помогают вам во всем, с чем вы не справляетесь сами. Совместная работа с профсоюзами и Национальным фронтом — такова должна быть ваша политика.

Багар и Гальчик слушали товарища из ЦК, и обстановка для них прояснилась. Ну конечно, разве может быть иначе, если рабочий класс — главный участник Национального фронта. Не станет же пролетарий вести такую политику, которая породит его будущих эксплуататоров.

— Будем ли мы работать по какому-нибудь общегосударственному плану? — продолжал улыбающийся человек.— Разумеется, будем. Маленьких фабричек в Пограничье до черта. Ясно, что мы даже не сумеем эксплуатировать их всех. У нас не хватит людей, а оставлять из-за этого немцев мы не станем. Вопросы о судьбе каждого отдельного предприятия, о целесообразности его эксплуатации будут решаться с общегосударственной точки зрения. Помните это, товарищи.

Багар и Гальчик увидели и услышали много интересного и полезного для себя, и это вдохновило их, придало им силы. Вернувшись в Поточную, Багар не раз вспоминал дни, проведенные в Праге. В своей работе он руководствовался тем, что узнал и понял там.

Студеный ноябрь наступил в Пограничье, в долине висел влажный туман. Иногда он оседал пушистым инеем, белые кристаллики блестели на голых ветвях и покрывали побуревшие лужайки. Иногда моросило с утра до вечера и погода была унылая, ненастная. Поточная казалась в эти пасмурные дни опустевшей. По безлюдным улицам, не останавливаясь, торопливо проходили пешеходы и спешили исчезнуть в домах. Изредка появлялся крытый брезентом грузовик. Под его колесами по утрам хрустел зеркальный ледок, подернувший лужи, а днем из-под колес летели брызги грязи. Но бóльшую часть дня город был погружен в тишину, словно его окутывала плотная, звуконепроницаемая войлочная оболочка. Не слышно было даже неумолчного шума торопливой реки, и лишь резкое карканье ворон время от времени нарушало тишину, подобно скрипучим ножницам, с трудом разрезающим жесткую материю. Черные птицы бродили в опустевших садиках, сидели на голых ветвях, на коньках крыш и искали пищу вокруг жилищ. Зима подступала к Поточной, засылая туда своих дозорных и разведчиков, с каждым днем теснее сжимая кольцо окружения.

В ветреный ноябрьский день облака неслись вереницей над горными хребтами. К вечеру небосвод был чисто

выметен ветром и искрился мириадами звезд. Мороз крепчал. С необычайной быстротой застыли все лужи, и ледяной покров звонко хрустел под колесами машин, на которых съезжались гости к вилле Трнца.

Время было трудное. Те, кто прежде стоял у кормила власти, потерпели поражение, их ряды были рассеяны, а многие из них в ожидании суда сидели за решеткой. Предусмотрительным людям, избежавшим этой участи, приходилось преодолевать в себе предрассудки и искать союзников повсюду, где только была надежда на успех. Вот почему доктор технических наук инженер Росмус принял приглашение Трнца и уговорил свою жену поехать к нему в гости. Точно так же поступил и доктор Марков. Их машины встретились у ворот фабрики, и обе четы обменялись понимающими взглядами у входа в ярко освещенную виллу Трнца.

Парадная дверь, когда-то изрешеченная пулями осаждающих, сейчас была в образцовом состоянии. Гостям отворила горничная-немка в черном платье, белоснежном фартучке и в наколке. Доктор Марков, как всегда, войдя в этот высокий холл, отделанный чуть не до потолка деревянными панелями, почувствовал приступ зависти, а его тощая, малокровная супруга, снедаемая жадностью к вещам даже больше, чем многочисленными недугами, заморгала голубоватыми веками и придала своему лицу самое возвышенное выражение, какое только могла изобразить. Покосившись на острый, хищный профиль жены, Марков понял, что дома она засыплет его упреками из-за того, что он не сумел добыть для себя такую виллу.

Марков вспомнил о вилле при шарикоподшипниковом заводе. Он не удовлетворился отрицательным отношением большинства членов административной комиссии к устройству частного санатория и послал в министерство здравоохранения докладную записку, убедительно доказывая настоятельную необходимость санатория в Поточной, которая-де всегда считалась прекрасным климатическим курортом.

Супруги Трнцовы принимали гостей с показной пышностью. Хозяин облачился в смокинг, его жена — в вечернее светло-зеленое бархатное платье, эффектно оттенявшее ее белокурые волосы. Пани Росмусова, дама с дипломом инженера, приехавшая в сером шерстяном платье, с ироническим одобрением оглядела хозяйку дома.

— Вы замечательно выглядите, моя дорогая,— сказала она, показав большие желтые зубы с таким видом, словно

собиралась кусаться.— Жаль, что мне не идут вечерние туалеты. Я отказалась от них раз и навсегда.

В холле они пили аперитивы. Белый французский вермут «Пти капораль» издавал дразнящий запах и возбуждал аппетит. Прежде чем гости перешли в столовую, Росмусова успела выкурить две сигареты, вставляя их в толстый мундштук из слоновой кости, весь уже пожелтевший и обгорелый, так как она докуривала сигареты до самого конца. Беглый разговор касался преимущественно нехватки товаров, о которых подобные люди мечтали все годы оккупации: где бы достать тренчкоуты [1], настоящую английскую шерсть... и — ах! — в Америке будто бы сейчас выпускают изумительные дамские чулки-нейлон.

— Вот они,— сказала Росмусова, вытянув свою худую, мускулистую ногу.

Дамы наклонились над чулком и погладили его с возгласами восхищения.

— Это поистине маленькое чудо,— заметила пани Росмусова.— Мелочь, можно сказать, а разве не доказывает она превосходство западной цивилизации? Именно такие мелочи и делают жизнь приятной, придают ей настоящий вкус.

Мужчины что-то пробурчали в знак согласия, дамы болтали наперебой. Заговорили о том, как Росмусы жили в стране, являющейся классическим образцом демократии, стремления к совершенству и разумного образа жизни.

— Жилось там не всегда так легко, как, может быть, некоторым кажется теперь,— веско сказал Росмус.— Не забудьте, что и Англия переживала тяжелые дни. Ныне они уже в прошлом, потому что американцы всюду, где они появляются, приносят с собой процветание. И Англия тоже получает от них свою долю благ, как и все страны, освобожденные армиями западных союзников. Боюсь, что даже в Западной Германии жизнь будет лучше, чем у нас, если мы не сумеем вернуть нашу республику на путь разумной политики.

Все присутствующие немедленно согласились с этими мудрыми словами, а Трнцова поинтересовалась, появятся ли в продаже и в Чехословакии эти изумительные американские чулки. Росмусова, подавив улыбку и вытряхивая из мундштука крохотный окурок сигареты «Уайт хорс», сказала:

— Можете достать их хоть сейчас. Стоит только съез-

---

[1] пальто свободного покроя (от *англ.* trench coat).

дить в Пльзень или в Марианске Лазне. Но я уверена, что они скоро появятся и в Праге.

Трнец глазами дал знак супруге, и она пригласила гостей пройти наверх, в столовую. У дверей им поклонились две немки-служанки в наколках, на белоснежной скатерти под ярким светом огромной люстры в стиле барокко блестело серебро и хрусталь. Супруги Росмусовы украдкой обменялись веселыми взглядами: они узнали люстру из своего имения Врш. Им было известно и то, как она попала к Трнцу, которому в конечном счете пришлось заплатить за нее дважды: и Тимешу и Росмусам. Пани Росмусова, знавшая толк в вещах, получила за люстру комплект отличного постельного белья.

За столом все были в прекрасном настроении. Гости неоднократно выражали свое одобрение и восхищались ужином. Казалось поистине изумительным, как Трнец умудрился добыть деликатесы и вина, которыми был заставлен стол. Ведь страна была разграблена оккупантами, изгнанными всего несколько месяцев назад. Но как справедливо заметил Росмус, текстильные товары — это золотой ключик, с помощью которого сейчас можно достать все, что вздумается. Присутствующие согласились с этим, а Трнец, усмехнувшись тонкими губами, промолчал. Он только одним глазом предостерегающе взглянул на жену, чтобы она не сболтнула чего-нибудь лишнего.

Черный кофе и коньяк подавали в салоне, стены которого, когда-то поврежденные пулями, были теперь в полном порядке.

— Угощайтесь, прошу вас,— потчевал Трнец, извиняясь за ограниченный выбор: он, мол, как знаток вин не совсем удовлетворен тем, что может сейчас предложить гостям.— Вот Бисквит-Дюбоше, Мартель и Реми-Мартин. Ничего другого, к сожалению, не удалось достать. Нет даже английского виски.

— Я не любитель виски,— отозвался Росмус, полагая, что извинения адресованы прежде всего ему.— Отличный французский коньяк — вот единственно правильная религия. Остальное — ересь! Мне, пожалуйста, Реми-Мартин.

Мужчины и дамы закурили сигареты — кроме Росмуса, который не расставался с трубкой,— и медленно тянули кофе и коньяки. Беседа стала вялой, все объелись в той или иной степени, даже жена Маркова. Сейчас она думала то о своем желчном пузыре (не начался бы приступ!), то о нейлоновых чулках Росмусовой и о роскошном житье и гостеприимстве Трнцов. Но постепенно — Трнец упорно

наводил разговор на эту тему — собравшиеся заговорили о делах, которые сейчас чрезвычайно волновали и тревожили их всех. Что вы скажете о национализации? Начало это или заключительная ступень? Есть ли вообще надежда, что это безумие кончится и снова наступит порядок? Ведь за границей не станут молчать.

Доктор Росмус попыхивал своей отличной трубкой и иногда любовно разглядывал ее.

— На этот счет уже были дипломатические демарши,— веско сказал он, как будто был единственным и непререкаемым авторитетом в этих вопросах.— Разумеется, Запад смотрит крайне неблагосклонно на такие сумасбродные затеи. Для начала западные державы добиваются обеспечения и возврата своих довоенных капиталовложений, а позднее, несомненно, нажмут на нас так, что нам придется худо.

— Как же они, по-вашему, нажмут? — беспокойно спросил Трнец, наклоняясь вперед.

Росмус приподнял брови.

— Возможностей много. Для восстановления нашего разрушенного хозяйства, безусловно, понадобятся кредиты за границей. Вот тут-то нам, несомненно, и поставят условия. Понадобится и сырье — ведь мы всегда его много импортировали. И тут нас тоже можно крепко прижать.

Доктор Марков долго стряхивал пепел со своей сигареты и задумчиво разглядывал ее тлеющий конец.

— В этом свете и бомбежку наших предприятий в конце войны можно рассматривать как тщательно рассчитанный ход,— сказал он самонадеянным тоном проницательного человека, которому удалось разгадать сложную игру высокой международной политики.

— А почему бы и нет? — Росмус пожал плечами.— Или вы считаете, что англосаксы не были достаточно информированы о том, что думают по этому поводу в Москве? Не смотреть же им было на все это сложа руки! Жаль, что они не настояли на вводе своих войск в нашу страну.

Все присутствующие вздохнули, а Трнец снова наклонился вперед и спросил с интересом:

— Итак, вы полагаете, что нынешний порядок долго не просуществует?

Росмус вытряхнул пепел из трубки и сказал наставительно:

— Я уже упоминал о тех силах на международной арене, которые решительно воспротивятся большевизации

нашего государства. Продолжим наши рассуждения. Спрашивал кто-нибудь у народа, каково его мнение о национализации? Уверяю вас, что она была осуществлена правительством, представляющим собой собрание политиков крайнего направления. Никто их не выбирал, но они стоят у власти и делают что хотят. Однако выборы в парламент неизбежны. Они намечены на май будущего года. На них-то мы и можем рассчитывать. Я утверждаю, что запугивание пролетариатом и мощью рабочего класса — это просто вздор. Мы не пролетарская нация. Не забудьте о наших земледельцах, кустарях, ремесленниках, служащих и вообще о нашей интеллигенции. Я утверждаю, что народ не одобряет крайних мер и что даже пролетариат в целом не будет голосовать за тех, кто ведет страну к неописуемым бедствиям. На выборах это все выявится!

Трнец зааплодировал, а доктор Марков приподнял рюмку с коньяком и сказал низким, бархатным голосом:

— Отлично, пан Росмус. Вы выразили наши общие чувства. Предлагаю выпить за эти выборы, за все, что способно остановить большевизацию нашей страны!

Они привстали и чокнулись, улыбаясь друг другу, потом Трнец сказал:

— Я вполне согласен с паном Росмусом. Но все же разрешите задать вопрос: следует ли нам полагаться только на исход выборов?

Росмус извлек из кармана другую трубку и принялся набивать ее с таким сосредоточенным видом, словно был весь погружен в эту работу. Наступила пауза, и он почувствовал, что все ждут его слова, что его суждение будет решающим.

— В каждой хорошо подготовленной войне,— с расстановкой начал он, закуривая трубку,— не рассчитывают на один только вид оружия. А нынешняя политическая борьба — это война, хотя выстрелов пока и не слышно. На что же мы еще можем рассчитывать? Каков наш арсенал после довольно серьезного урона, нанесенного нам национализацией? — Он оглядел слушателей, выпустил клуб дыма и, не получив ответа, удовлетворенно продолжал: — Мы назвали пока две возможности: нажим из-за границы и выборы. Но, разумеется, это далеко не все. Прежде всего — государственный аппарат. Большевики посадили в министерства своих людей, но там по-прежнему заправляют старые кадровые чиновники. На них-то все и держится. Несомненно, эти люди стремятся сохранить старые порядки, ибо знают, что перемены для них невыгодны, что, помогая

коммунистам, они ускорят собственное падение. Местные административные управления, правда, упразднены, но национальные комитеты не обойдутся без старых, опытных администраторов. Этим людям мы должны уделить особенное внимание. Это наше оружие номер три. Подчеркиваю, что все эти средства тесно связаны между собой, они взаимодействуют, усиливая друг друга. А сейчас перейду к самому важному способу. Но прежде позвольте спросить вас: вы слушали, надеюсь, речь Готвальда при оглашении декретов о национализации?

— Вот еще! — злобно сказал Трнец.— С меня хватит и того, что я услышал до его выступления. Когда он начал говорить, я выключил радио.

Росмус неодобрительно покачал головой.

— Надо знать взгляды своих противников и внимательно изучать их,— наставительно сказал он.— А Готвальд — опасный противник, это приходится, к сожалению, признать. По-моему, он сказал нечто весьма важное и, обратив наше внимание на средство номер четыре, указал нам, как овладеть положением. Стараясь опровергнуть утверждения о бесправии и произволе в нашей стране, он уверял, что, наоборот, теперь-то и будет установлена подлинная законность. Я, конечно, не верю в эти большевистские посулы. Но важно вот что: в качестве аргумента Готвальд привел важнейшее обстоятельство: в промышленности и во всех других отраслях народного хозяйства сохраняется частный сектор наряду с национализированным. Это значит, что, несмотря на серьезный удар, наша база уцелела. И наш долг не только сохранить ее, но и все время расширять. Наши враги будут стараться национализировать как можно больше предприятий; мы же должны уберечь их от национализации, насколько это в наших силах. Надо доказывать, что национализированное хозяйство неповоротливо, убыточно, что все надежды на развитие нашей экономики зависят от частного сектора. Ясна вам взаимосвязь всех факторов, которые я перечислил?

Росмус внимательно оглядел слушателей, выясняя, какое впечатление произвели его слова. Доктор Марков зааплодировал первый. К нему горячо присоединились остальные. Только Росмусова с невозмутимым видом склонилась над огромной граненой пепельницей и долго тушила необычно длинный окурок. Ее муж удовлетворенно улыбался и поднял руку, как бы протестуя против овации.

— Это изумительно! — воскликнула Трнцова, сопровождая свои слова жестами театральной примадонны.—

Пан Росмус, вы прирожденный государственный деятель. Почему вы не посвятите себя политике?

Трнец, как обычно, когда жена начинала одну из своих сомнительных тирад, быстрым лисьим взглядом обвел присутствующих: не нужно ли вмешаться и исправить впечатление от очередной глупости супруги? Росмусова сидела в кресле, закинув ногу на ногу, и с каменным лицом вставляла в мундштук новую сигарету. Доктор Марков улыбался учтиво и одобрительно, а его жена, отняв от бескровных губ прозрачный платочек, сказала:

— В самом деле. Я тоже так думаю.

Росмус потрогал узел своего галстука и ответил, снисходительно улыбаясь:

— Спасибо за комплимент, но политика как профессия никогда меня не привлекала. Ее можно гораздо эффективнее проводить другими путями. А сейчас все мы обязаны заниматься ею, каждый на своем месте.

— Да,— сказал Трнец после глубокого раздумья.— Я вполне с вами согласен и думаю, что все мы претворим наши взгляды в конкретные дела. Разрешите мне быть откровенным: я думаю, что мы сделаем выводы из ваших слов. В частности, я теперь знаю, как мне действовать в своей области.

Росмус в упор поглядел на Трнца, Росмусова, подняв голову, тоже уставилась на него. Народный управляющий мысленно спросил себя, не идет ли он на чрезмерный риск.

— Выскажитесь, пожалуйста,— произнес наконец Росмус.— Мы здесь в своем кругу, и разговор наш принял характер военного совета.

— В административной комиссии,— медленно начал Трнец, тщательно выбирая слова,— уже неоднократно ставился вопрос, почему все еще не работает шарикоподшипниковый завод. Вам, наверное, ясно, кто задавал этот вопрос и в каком духе шло обсуждение. Несколько раз выдвигалось предложение заставить вас пустить завод или снять вас с поста управляющего. Я не знал, какую позицию занять в этом деликатном вопросе, и мне удалось только направить прения по другому руслу.

Пока Трнец говорил, Росмус энергично дымил трубкой, а его жена не сводила с Трнца пристального взгляда.

— Благодарю вас,— медленно сказал Росмус, когда Трнец кончил.— Я не предполагал, что административная комиссия занимается моей особой. Сейчас я вам все объясню, и вы поймете, как вести свою политику на практике. Разумеется, в данном случае я не определяю ее сам, а лишь

руководствуюсь директивами. Итак, было бы крайне непредусмотрительно и политически неправильно налаживать у нас производство подшипников. Мы их никогда не производили, и нам никогда этого не позволят, если мы хотим торговать с Западом. Продукция нашего заводика, разумеется, не покроет потребности всей страны.

Таким образом, было бы лишь вредной и враждебной по отношению к западным поставщикам демонстрацией, если бы мы вздумали пустить этот завод. Такая демонстрация дорого обойдется нам при будущих торговых переговорах. Я полагаю, что вопрос ясен.

Трнец живо кивнул и придвинулся поближе к круглому столику. Он был восхищен, как юноша, которого умудренный муж посвящает в тайны высокой политики.

— Вполне ясен! — сказал он охрипшим от волнения голосом.— Это значит не вырабатывать подшипников. А что же будет с оборудованием завода?

— Мы держим его в целости и сохранности,— улыбнулся Росмус.— Со временем это будет зачтено нам в плюс и мы получим взамен другие ценности. То, что мы не пускали завода в ход и сохранили машины в порядке,— все это будет оценено по достоинству. Надо же нам, господа, сделать какой-то вклад, когда мы вернемся в достойную семью европейских народов.

— Браво! Вот это я называю политикой на практике! — сказал доктор Марков и добавил, обращаясь к Трнцу:— Я думаю, что вам теперь ясно, друг мой, какую линию вы должны вести в вашей почтенной административной комиссии. Я тоже со временем обращусь к вам с просьбой о содействии.

— Буду польщен этим,— отозвался Трнец, вертясь на стуле.— А вы, господа, не сможете ли дать мне совет в одном деле?

Его собеседники чуть приподняли брови и изобразили на лицах расположение и сдержанное внимание.

— Нет никаких сомнений в том,— начал Трнец,— что возникает тенденция подчинить все национализированные предприятия Пограничья нескольким крупным государственным предприятиям.

— Бесспорно,— сказал Росмус.— Насколько мне известно, этот процесс уже начинается.

Трнец нервно провел рукой по воображаемым усикам и торопливо продолжал:

— Сегодня утром я нашел на своем столе письмо.— Он пошарил в кармане, но тотчас же покачал головой.— Нет,

оно не со мной, помнится, я спрятал его в сейф у себя в кабинете. Но я могу слово в слово передать его содержание. Письмо, лично мне адресованное, написано по-немецки и пришло не по почте. Не знаю, кто доставил его. Письмо от бывшего владельца этой фабрики и бургомистра Грюнбаха Релига.

— Чрезвычайно интересно,— пробормотал Росмус.— А не догадываетесь вы, кто вам подбросил его?

— Догадываюсь, но думаю, что в данный момент это не важно. В своем письме герр Религ благодарит меня за образцовое руководство его бывшим предприятием, о чем у него есть надежные сведения, и предупреждает меня об одном любопытном обстоятельстве. Племянник его бывшего компаньона, Виктор Пюхлер, еще до войны бежавший в Англию, сейчас возвращается сюда. Он лейтенант наших войск, которые пришли с западными армиями. Религ встретился с ним где-то в Мангейме, рассказал ему о положении дел у нас и усиленно рекомендовал сразу же по приезде связаться со мной. «Я полагаю,— пишет Религ,— что, учитывая развитие событий, вам представляется исключительно благоприятная возможность. Горячо советую воспользоваться ею. Пюхлеры всегда имели обыкновение держать компаньонов, а Виктор Пюхлер мечтает о дипломатической карьере и мало интересуется коммерческими делами». Дипломат же, который опирается на такую солидную собственность, как работающая фабрика,— это и есть, по словам Релига, настоящий дипломат. По его мнению, Пюхлер охотно согласится на сотрудничество со мной и мое участие в деле на самых выгодных для меня условиях. Вот примерно и все. Что скажете, господа?

Росмус быстро наклонился вперед и слегка стукнул кулаком по столу.

— Скажу, что вам чертовски везет! — воскликнул он.— Этот еврейчик просто послан вам провидением.

— Я вижу,— хмуро сказал Трнец,— что вам все это яснее, чем мне.

— Не отдавать же ему фабрику! — воскликнула Трнцова, и муж метнул в ее сторону яростный взгляд.

Росмус крепче стиснул зубами трубку, подавив пренебрежительную усмешку.

— Мой уважаемый друг и вы, сударыня,— сказал он.— Давайте рассуждать вместе. Во-первых, учтите, что вам, конечно, едва ли удастся воспрепятствовать включению вашей фабрики в какое-нибудь крупное государственное объединение. Во-вторых, в лице Виктора Пюхлера появля-

ется законный наследник владельца этой фабрики, который, несомненно, попытается реализовать свои права. И вы должны усерднейшим образом помогать ему в этом, разумеется предварительно обеспечив собственные позиции. Ибо только таким образом можно сохранить это отличное предприятие от национализации и тем самым от окончательной потери его для нас. Выпьем же за счастливое возвращение Виктора Пюхлера, за успех нашей борьбы, за права частных собственников!

И, перегнувшись через стол, он поднял пузатый бокал с золотистым напитком.

— Вы просто гений, пан Росмус,— пропела Трнцова.— Вам надо быть министром. Предлагаю тост за политическую карьеру пана Росмуса.

Звякнули бокалы. Доктор Марков, старательно чокнувшись с каждым, выразил общие чувства:

— Наши дела не так уж плохи и будут еще лучше,— сказал он своим мягко рокочущим баритоном.— Выпьем же за возврат истинной демократии, за свободу мышления и частной инициативы, без которых нет прогресса, за возвышенный индивидуализм — гордость подлинно свободных людей!

И возвышенные индивидуалисты высоко подняли бокалы и залпом осушили их. Глаза у всех затуманились от хмеля и от надежд.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

После отъезда супругов Титце многое изменилось в их бывшем домике. Здена позаботилась о том, чтобы изгнать из полутемных комнат на первом этаже старомодный мещанский «уют», который десятилетиями культивировала фрау Титце. Клетку с канарейками взяла к себе мать Здены. Вышитые дорожки, салфетки и ленточки, плотные занавески и овальные березовые дощечки с пейзажами, всяческие безделушки и просиженные кресла с потертыми подушками — все это отправилось на склад при ратуше. Портрет Шопенгауэра Титце взял при аресте с собой, и никто этому не препятствовал. В квартире, очищенной от лишних вещей, стало как-то просторнее и светлее.

— Как будто не ставили вы тут ничего нового, а квартиры просто не узнать,— говаривал старый Деймек.

И правда, новых вещей было мало, так, кое-какие мелочи, вроде пергаментного абажура на лампе над обе-

денным столом. Это был подарок Антоша. Молодой автомеханик принес его и в ответ на благодарности махнул рукой и пустился наутек. Абажур отбрасывал круг мягкого света, располагая к дружеской беседе.

По вечерам Багар обычно садился за стол и раскладывал на нем служебные бумаги, Здена устраивалась сбоку, у маленького столика, с пишущей машинкой. Вечерняя работа, зачастую, правда, прерываемая приходом друзей, помогала им наверстать то, что они не успели сделать днем.

Поднимая время от времени глаза от машинки, Здена поглядывала на седины своего мужа, на его удивительно изменившееся лицо. Багар не потолстел, но лицо его округлилось, глубокие складки около рта почти сгладились, а главное, прекратились внезапные и сильные приливы крови к голове. Багар выглядел теперь спокойнее, сосредоточеннее, приветливее.

Украдкой глядя на мужа, Здена с тихим упорством ждала, когда и Багар посмотрит в ее сторону. Они улыбались друг другу, и, прежде чем снова склониться над работой, Здена чуть слышно, одними губами шептала: «Да?» — что без сокращений означало: «Ты счастлив, да?» Багар в ответ улыбался всеми морщинками вокруг глаз и, широко расставляя руки, показывал: «Во-от как счастлив!»

В тот морозный вечер, когда к Трнцу съехались гости и обсуждали свои виды на будущее, и даже в тот самый момент, когда они в холле приступили к аперитиву, Багар стукнул карандашом по столу и сказал:

— Так и есть, я угадал, Здена. Право, я мог бы недурно зарабатывать в качестве прорицателя. Вот оно, черным по белому.

Здена оторвалась от машинки, на которой она переписывала ведомость продовольственных запасов, выявленных проверкой, проводившейся Багаром за последние две недели, и пополненных новыми продуктами, и ответила мягко и чуть насмешливо:

— Ну, что там такое? Похвастайся!

Багар помахал листом бумаги, убористо исписанным с обеих сторон на машинке.

— Письмо заводского комитета с заводов «Шкода», из Пльзени. Во-первых, они и представления не имели, что Росмус от имени их предприятия управляет здесь шарикоподшипниковым заводом. А дальше тут говорится именно о том, что мы предполагали с самого начала: где-то там, в верхах, у него сильные покровители, и кто-то, видимо целая группа, ведет свою игру. Но самое интересное,— это

видно между строк,— что заводской комитет даже не знал о передаче здешнего завода в их ведение. Товарищи стесняются напрямик признаться: ведь они не должны были прозевать это, но их, судя по всему, подвела излишняя доверчивость. Представляешь себе, какая была торговля вокруг этого завода и виллы.

— Не удивляйся их промаху,— задумчиво сказала Здена.— Они ведь только учатся управлять, как и мы все. Этот случай научит их больше, чем любые наставления о бдительности.

— Они уже сделали выводы. Росмус лишен полномочий народного управляющего. Сюда приедет один из членов заводского комитета вместе с молодым инженером. Им дано задание немедленно начать выпуск шарикоподшипников. С ними будут пятеро рабочих, которые начнут осваивать производство. Нас просят позаботиться о жилье для них. Тоже нелегкая задача.

— А разве ты не рад этому? Подумай только: еще семь чехов, да к тому же трудящихся.

— Мы все глубже и прочнее пускаем корни,— улыбнувшись, ответил Багар.— Когда Долинку заселят чешские крестьяне, а на фабрике, на заводе и во всех мастерских будут работать наши рабочие, тогда уже никто не вытеснит нас, ничто не заставит нас уйти отсюда.

— Ты говоришь так, словно Поточная — это все Пограничье,— улыбнулась Здена.

— Так оно, собственно, и есть. Все Пограничье состоит из таких Поточных, и всюду перед нами одна задача. Вот мы ломаем себе голову, как обеспечить заселение Пограничья, и подчас нам кажется, что это невыполнимо. Но есть один участник этого дела, которому оно по плечу,— это народ. Он придет, расселится и начнет работать. А когда народ трудится, страна крепнет. Кто потрудился на благо родины, тот и сердцем прирастает к ней, и никогда ее не предаст.

— Верно, милый! — с чувством сказала Здена и, подойдя к Багару, взяла руками его голову и поцеловала в губы. И словно для того, чтобы помешать им в эту интимную минуту, в коридоре настойчиво затрещал звонок. Здена испуганно выпрямилась.

— Это отец. Поди отвори, я пока причешусь.

В дверях стоял Деймек и смущенно теребил ус.

— Это я,— пробурчал он.— Не выгоните? Мать уже ворчит на меня, говорит, что я старый дурень. Ясно? Я и сам не знаю, что со мной такое: как поужинаю, так мне не

сидится дома. Выйду пройтись — и прямехонько к вам. Ежели я вам мешаю, так вы скажите безо всяких. Но сегодня-то я не один, привел гостя. Конкретно говоря, вот он.

Гость, пришедший с Деймеком, был Ганс Пальме. В мятом мундире с расстегнутой верхней пуговицей, он смущенно стоял в дверях, опираясь на свою палку с резиновым наконечником. Видно было, что Деймек насильно притащил его.

— Заходите, товарищ Пальме,— сказала Здена.— Присаживайтесь. Я сейчас заварю чай.

— Извините,— медленно сказал Пальме, с трудом ворочая языком,— я не напрашивался в гости.

— Да чего ты церемонишься,— ворчал Деймек, толкая его перед собой.— У своих ты или нет? Садись-ка вот сюда, и сразу решим вопрос. Ясно?

— Какой вопрос? — осведомился Багар, садясь на стул и облокачиваясь на его спинку.

— Да вот, о нем самом,— ответил Деймек, тыча пальцем в Пальме, словно в какую-то редкость.— Он тоже попал в затруднительное положение, из которого нужно найти выход. Сегодня, пока он был на работе, его жена с дочерью удрали в Германию. Ясно? А у него две коровы и свинья. Кому же ходить за скотиной, ежели он целый день на фабрике?

— Значит, они все-таки ушли? — сказал Багар, обращаясь больше к себе, чем к остальным, и словно оценивая значение этого факта.

— Мне жаль дочери,— глухо сказал Пальме.— Я верил, что со временем сумею раскрыть ей глаза.

Здена вернулась в комнату и стояла в дверях, прислушиваясь к разговору.

— Куда же они там денутся? — спросила она.

Пальме пожал плечами.

— У жены есть родственники где-то в Ангальте. Замужняя племянница. Наверное, поедут к ней.

— Ясно, что их уговорили уехать,— сказал Багар, быстро вставая.— Тебе хотят отомстить за Эльзу Магер. Жену и дочь сплавили, а теперь возьмутся за тебя. Тебе нельзя оставаться одному в доме.

Пальме сжал в руках палку, так что у него побелели суставы, и сказал упрямо:

— Это меня мало беспокоит. Пусть попробуют сунуться!

Багар перестал ходить по комнате, остановился перед Пальме и, нахмурившись, сказал решительно:

— Дело не только в тебе, товарищ, пойми это. Я добиваюсь полного порядка в Поточной. Чтобы больше не было ни перестрелок, ни убийств. Люди должны жить в безопасности и чувствовать себя дома. Довольно мы повоевали, пора работать. Наш долг — позаботиться и о тебе. А ты, как дисциплинированный коммунист, должен понять это и не осложнять дела.

Пальме слушал решительные слова Багара, хмуро смотрел на пол и наконец нехотя поднял взгляд.

— Я считал, что ни к чему возиться со мной,— сказал он.— Товарищ Деймек уже предлагал мне переехать к нему. Я отказался. Вижу, что был не прав. В таком случае вот что: я поселюсь у старого Вилли Кроне. У него в домике есть свободная комната, и хлев у них есть, и он тоже пустой.

— Это, пожалуй, решение вопроса,— с расстановкой сказал Деймек.— Только что скажет на это Трнец?

— Правильное решение,— согласился Багар.— Одобренное, а если будет нужно, то и предписанное административной комиссией. Трнец может возражать, сколько ему вздумается. На твоем месте я бы уже сегодня не возвращался домой, товарищ Пальме.

— Переночуй у нас, а завтра мы все устроим. Ясно? — решительно заявил Деймек.

Пальме улыбнулся, поглядел на всех, и взор его смягчился.

— Спасибо вам,— с трудом произнес он.— Я уже почти забыл, что такое товарищеское отношение. Но пан Трнец, я думаю, не так-то легко уступит.

— Не беспокойся,— заверил его Багар.— У пана Трнца скоро будут другие заботы, посерьезней. Например, когда мы его спросим, какие выводы из декретов о национализации он намерен сделать для фабрики, которой управляет. Как-никак он участник Национального фронта, Кошицкая программа обязательна и для него.

— Э-э, к чему переливать из пустого в порожнее,— рассердился Деймек.— Чего хочет Трнец — яснее ясного. Фабрику забрать себе, а нас послать ко всем чертям. Ручаюсь, что он приложит все силы, чтобы добиться этого. Ясно?

— Вполне,— отвечал Багар.— А как поступит заводской комитет?

Деймек провел рукой по усам и сказал солидно:

— Заводской комитет будет защищаться.

— Изумительно! Ты слышишь, Здена? — обратился

Багар к жене, расставлявшей на столе чашки.— Заводской комитет будет защищаться!

Здена поставила на стол чайник, из носика которого вилась тонкая струйка пара, подошла к отцу и, опершись сзади о его плечо, сказала раздельно:

— Нет, папа, заводской комитет не будет защищаться. Заводской комитет сам возьмет Трнца за шиворот. Заводской комитет поинтересуется структурой национализированной текстильной промышленности, выяснит, к какому текстильному объединению подходит наша фабрика по своему профилю, и будет ходатайствовать о включении ее в это объединение. Вот что сделает наш заводской комитет!

Деймек нервно почесал усы и обиженно поглядел кругом.

— А разве я говорю иначе?

— Говорил. Кон-крет-но говорил! — ответил Багар.— Но теперь, я думаю, тебе уже ясно. А?

Деймек готовился сказать в ответ что-то грозное, но не успел: перед домом резко скрипнули тормоза и, точно наперегонки, загудели два клаксона. Оказалось, что из Долинки приехали Антош с женой, Вацлав Брендл и Винценц Постава, чтобы торжественно сообщить Багару об окончании обмолота. У ворот они встретили машину Матвея Громова.

Обе комнатки наполнились оживленно беседующими людьми. Багар рассаживал гостей, а Здена побежала позвать Юлию и заварить еще чаю. С Громовым приехали и майор Семенов, и старшина Гриненко. Все присутствующие крайне заинтересовались: если советские товарищи явились все сразу и в такой довольно поздний час, стало быть, для этого есть какие-то особые причины.

Майор Семенов, попав с мороза в натопленное помещение, вытирал платком вспотевший лоб и бритую голову и осматривался с довольным видом.

— Я вижу, вы хорошо живете,— сказал он.— И будете жить все лучше. К этому идет наша жизнь, иначе и быть не может. Вы, друзья, не отвлекайтесь из-за нас от своих дел. Продолжайте разговор, а когда кончите, я вам скажу, почему мы приехали.

А Матвей Громов, обняв Багара за плечи, сказал ему вполголоса:

— Ты меня перегнал. Но вот увидишь: я догоню тебя во всем.— И, повернувшись к остальным чехам, добавил: — Продолжайте обсуждать свои дела, товарищи. Потом придет и наш черед.

Винценц Постава приподнялся на стуле, взмахнул трубкой и сказал:

— Какие там дела! Мы приехали похвалиться. Только что кончили обмолот, завязали последний мешок, и дело с концом.

Но Вацлав Брендл, беседовавший в дверях со старшиной Гриненко, покачал большой головой, шагнул вперед и, подняв скрюченный палец, произнес не без пафоса:

— Разрешите высказаться, товарищи! Я с ним не согласен. Это было бы слишком легким отношением к значительному факту. Работы в Долинке показали, на что мы способны, если помогаем друг другу. Немцы были выселены, и все же мы справились с обмолотом и осенними полевыми работами. А почему? Потому что все поняли, что поставлено на карту, поняли, что нельзя быть слабыми перед лицом врага. Мне довелось выслушать немало насмешек, к сожалению, и из уст чехов. Над нами смеялись, думали, что мы провалимся. Но возможно, что мы своей работой переубедили многих и теперь они будут думать иначе. Я рекомендовал бы административной комиссии прежде всего выразить благодарность товарищам текстильщикам. Если бы они не помогали нам по субботам и воскресеньям, мы еще и сейчас не управились бы с обмолотом. Далее надо поблагодарить Винценца Поставу и всю его семью, включая товарища Клинека. Все они работали не за страх, а за совесть. Товарища Антоша, его жену — тоже. Они каждый вечер приходили в Долинку. Антош наладил нам бензиновый мотор, молотилку и трактор. На пахоте он чередовался со своим помощником Клаузе. Последнего тоже следует наградить чем-нибудь!

— Ну, хватит! — с необычайной резкостью воскликнул Антош.— Кому охота слушать все это! Расписывает нам тут других, а о себе ни слова. Может быть, ты переодетый писатель, товарищ Брендл? Предлагаю закрыть прения. Что скажешь, Винценц?

— Дело сделано, так о чем же говорить? — проворчал Постава, не вынимая трубки изо рта.— Вот только Фрицеку надо бы дать что-нибудь из одежды. Он совсем обносился.

Вацлав Брендл переступал с ноги на ногу, усердно протирал очки и виновато улыбался.

— Прошу меня извинить,— сказал он.— Я никого не хотел обидеть. Я только думал, что сделано немаловажное дело и надо дать ему правильную оценку.

Антош поднял руки над головой и простонал:

— Ну и человек! Он еще извиняется, вместо того чтобы огрызнуться на меня.

Майор Семенов беспрестанно вытирал свою наголо обритую голову и беспокойно ерзал на стуле. Наконец он встал и сказал своим мягким, убеждающим голосом:

— Разрешите мне, друзья, высказать свое мнение. Товарищ Брендл прав. Мало довести дело до конца, надо обсудить результаты и сделать из них выводы.

— Да кому охота это слушать? — зароптал Антош, но замолк, встретив недовольные взгляды окружающих, и едва не вскрикнул, потому что жена ущипнула его за руку.

— Приходилось вам когда-нибудь работать так, как в Долинке?

Чехи смущенно переглянулись, не зная, что сказать, а Постава ворчливо ответил за всех:

— Ясно, что нет. Раньше каждый стоял сам за себя. Люди грызлись как собаки, вырывали друг у друга кусок хлеба.

— Вот видите,— удовлетворенно сказал майор Семенов, словно получив ответ на заданную им загадку.— У вас родилось нечто новое, кусок новой жизни, а вы чуть было не прозевали его.

Он стоял, широко расставив ноги, его бритая голова блестела в падавшем сверху свете, широкое лицо радостно улыбалось, но в глазах было особое, непонятное сразу выражение, словно этот человек с грустью, томлением и радостью смотрел куда-то вдаль, за пределы этих стен.

— Мы очень рады, товарищи, вы себе не представляете, как мы рады,— сказал он, и голос его прозвучал как-то особенно ласково и задумчиво.— Будет легче расставаться, зная, что наши друзья обрели верный путь и не сойдут с него.

— Постойте, постойте! — вскочил Антош.— Какое такое расставание?

— Мы пришли проститься,— просто и грустно ответил майор Семенов.— Завтра утром мы уезжаем.

С минуту было тихо. Все сосредоточенно обдумывали эту новость, и никому не хотелось в нее верить. Они уезжают! Но это же немыслимо! Столько лет мы следили, как они шаг за шагом приближаются к нашей границе, столько страшных лет они были нашей единственной надеждой. И вот они пришли, улыбаясь, еще черные от порохового дыма боев, в которых было завоевано наше спасение, и мы навсегда раскрыли им свои сердца. Потом они жили здесь, среди нас, как родные и близкие люди, и день ото дня креп-

ли узы нашей дружбы, и все мы поняли, что нет в мире более близких нам людей...

Анча, сидевшая со счастливой, тихой улыбкой на губах и вязавшая что-то для будущего младенца, воскликнула среди общей тишины:

— Но это же невозможно, чтобы вы уехали!

И заплакала.

Антош подошел к ней, взял ее сзади за плечи и, наклонившись, прошептал:

— Ну, не надо, не надо! Ты же сама понимаешь, что нельзя плакать.

Он и сам чувствовал комок в горле, на глазах у него навертывались слезы, и ему страшно захотелось ругаться.

У Здены слезы ручьем потекли по щекам. Она стояла, опустив руки, и не вытирала глаз. «Когда они пришли,— вспоминала она,— цвела сирень. Мы тогда закидали их цветами. А сейчас даже не сможем поднести им букетик».

На бледном неподвижном лице Юлии горели темные глаза. Когда эти глаза впервые увидели в Освенциме советских воинов, пришедших освободить заключенных, Юлия лежала, не в силах пошевелиться. Ей даже трудно было говорить. Но она уже знала, что будет жить.

Винценц Постава яростно сосал погасшую трубку, а Деймек дергал себя за ус, словно хотел оторвать его. Вацлав Брендл, стоя рядом с Гриненко, протирал очки, и в его лобастой голове вертелись какие-то возвышенные фразы и торжественные слова, которые он хотел, но не мог произнести. Багар принес из кухни бутылку водки и потихоньку поставил ее на стол.

— Выпьем за советский народ!

— Выпьем за Красную Армию!

— Недаром говорится, что благодаря ей уцелела наша Прага, благодаря ей мы будем жить.

— За Готвальда! — сказал майор Семенов.

— За дружбу на вечные времена!

И вот уже посыпались вопросы, зазвучали взволнованные слова, которые мы будем долго-долго вспоминать. Объятия, поцелуи, обмен адресами.

На другой день, ранним морозным и туманным утром, Антош стоял на перекрестке и поглядывал в сторону Клаштерца. Заметив вдали быстро приближавшуюся автоколонну, он вбежал в дом и позвонил на почту.

— Едут! Передайте Здене!

— Едут! — объявила почта устами Юлии Росовой, и над Поточной разнесся протяжный голос фабричного гудка. Текстильная фабрика посылала советским товарищам прощальный привет.

Трнец как ужаленный выскочил из своего кабинета и побежал по коридору. Группа чехов-текстильщиков, среди которых был и Пальме, вышла из цеха и направилась к воротам. Их синие спецовки и халаты были выутюжены и выглядели как новые.

— Куда вы? — накинулся на них Трнец.— Что это значит?

— Они уезжают,— не оглядываясь, ответил Лойзик Мареш.— Мы идем проводить их и сказать, чтобы они не забывали дорогу к нам.

Трнец в бешенстве отвернулся и вбежал в застекленную будку, где сидел мастер Деймек и откуда приводился в действие фабричный гудок. Деймек уже собирался уходить, гудок не замолкал.

— Кто позволил включить гудок? — крикнул Трнец и закусил губы.

— Конкретно говоря, это решил заводской комитет.

— Не кажется ли вам, что надо было поставить меня в известность? Электроэнергия идет за мой счет.

— Заводской комитет возместит вам этот расход, если вы не постесняетесь взять деньги. А потраченное рабочее время товарищи отработают. Ясно? Лучше всего вы сделаете, если пойдете с нами.

— Спасибо за совет. Я сам знаю, что мне делать.

Трнец вернулся в кабинет, сел за стол и закрыл уши руками. Но гудок все равно был слышен, он гудел не переставая. Трнец отнял руки от ушей и криво усмехнулся тонкими губами. Что ж, пусть гудит. Ведь это значит, что они уезжают. Больше их тут не будет, а скоро не будет и этих, наших...

Гудок гудел, и все чешские жители Поточной выбегали из домиков, чтобы в последний раз взглянуть на грузовики, украшенные портретами Верховного Главнокомандующего, хвойными гирляндами и большими надписями на бортах: «Мы победили!» Выбегали, чтобы еще раз взглянуть в лица людей, которые спасли их жизнь и их отечество. Слезы текли по лицам мужчин и женщин. Люди останавливали советские машины, чтобы в последний раз обменяться рукопожатием с теми, кто так мужественно сражался против гитлеровских полчищ. Цветов не было — ноябрьские морозы убили последние астры на клумбах,— но

женщины подносили советским воинам противни с румяными, поджаристыми пирожками и пышками. Сегодня ночью они, плача, пекли всю эту сдобу — прощальный привет благодарных сердец, которые никогда не забудут своих спасителей.

Но вот снова взревели сильные моторы, перекликаясь с гудком. Зазвенели оконные стекла, задрожали даже стены, вся Поточная сотрясалась, словно тоже хотела сняться с места и тронуться в путь. Машины одна за другой выехали на горное шоссе и стали подниматься вверх к перевалу. Багар и Здена, стоя плечом к плечу, смотрели им вслед затуманившимися глазами.

— До свиданья, товарищи! С вами пришло новое время, его не остановить никому!

БИТВА

РОМАН

12 В. Ржезач, т. 1

BITVA, PRAHA, 1954

Перевод
Т. АКСЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Примерно в середине марта 1947 года, в такой день, когда ветер дует то с гор, то со стороны равнины, нагоняет облака, а потом снова рвет их в клочья, давая место солнцу, к Поточной почти в один и тот же час приближались два человека. Они направлялись туда с разных сторон. Один шел с плоскогорья над Меденцем, где на отшибе расположены на травянистых плато селенья Пршисечнице и Коваржская, овеянные ветрами, омытые ливнями. Это был человек в черном дождевике, потертой зеленой шляпе и высоких кожаных сапогах. Он путешествовал пешком. Иногда путнику случалось поскользнуться на размытой быстрыми весенними водами крутой дороге, но он ловко удерживал равновесие и продолжал шагать и насвистывать песенку. Окрестные склоны, словно узнавая мотив, эхом повторяли отдельные ноты. Это была песенка горного края, хоть и родилась она далеко отсюда, на много миль южнее.

Приближался вечер, и путник прибавил шагу, чтобы ночь не застала его на дороге, по которой он шел впервые в жизни.

Другой путешественник был в лучшем положении, и ему не были страшны ни дождь, ни темнота: он ехал в машине по шоссе, вдоль течения реки Огрже. В линиях автомобиля было заметно стремление сочетать удобство старомодных карет со стилем современного американского автостроения. Это был шестицилиндровый английский «остин», машина цвета спелой сливы, с сиденьями, обтянутыми мягкой коричневой кожей. Человек ехал один. На нем был синий френч старшего лейтенанта британской авиации, руки в желтых замшевых перчатках легко вели машину, видно было, что за рулем сидит опытный автомобилист. Впрочем, ехал он не спеша, со скоростью около пятидесяти километров в час, часто снижал скорость, а дважды даже совсем останавливал машину у края шоссе

и долго смотрел перед собой туда, где высилась темная гряда гор. Серые, напитанные влагой клочковатые облака быстро мчались над этой грядой, иногда задевая ее. Внизу, в лощине, стремительно неслась река, мутная, пенистая, словно одичалая от прилива вешних вод. На всем пейзаже лежал тревожный отпечаток, ландшафт походил на сцену, подготовленную для последнего акта трагедии. Человек в машине эмоционально воспринимал это зрелище, но его мысли и чувства были сбивчивы, и он тщетно старался привести их в порядок. «Вот,— думал он,— после долгих, бесконечно долгих безумных лет войны я возвращаюсь домой... Нет, никогда я не бывал здесь по-настоящему дома, всегда только наездами... Да и вообще-то у меня нигде нет дома, всюду я только гость...» Махнув рукой, он продолжал путь.

На углу, около гостиницы Рейзека — словно для этого не было другого места в Поточной,— путники на мгновение встретились — офицер, приехавший из Карловых Вар на собственной машине, и человек, пришедший пешком с плато над Меденцем. На несколько секунд они остановились, не замечая друг друга. Офицер размышлял, стоит ли ночевать в гостинице, найдет ли он в ней те же удобства, что и до войны. Человек в дождевике боролся с искушением войти и выпить у стойки чего-нибудь покрепче. Он изрядно продрог за долгий путь по горам и долам. Наконец он решил, что и без этой гостиницы для него найдется где-нибудь миска горячей похлебки или кружка ячменного кофе. Офицер же пришел к выводу, что не стоит рисковать: бессонная ночь его не устраивала, а уж если он не найдет ожидаемого гостеприимства там, куда едет, лучше сегодня же ночью вернуться в комфортабельный карловарский отель. И вот пешеход зашагал дальше, а офицер нажал на стартер.

От северной гряды гор оторвалось низко лежавшее облако и под затянутым тучами небом быстро проплыло над потемневшим краем, слегка окропив городок дождем. Но человек в черном дождевике и не подумал из-за этого прибавить шагу. Наоборот, миновав последние домики Поточной, он остановился, внимательно разглядывая две телеги, выезжающие на шоссе с проселочной дороги. Кони тащили перевернутые плуги, от мокрых, блестящих лошадиных спин поднимался пар. Путник, прищурясь, смотрел оценивающим взглядом на их круглые бока и сильные крупы, на то, как легко несут они головы и не прогибают спины, хотя и возвращаются с тяжелой работы. Хорошо

расчесанные гривы не намокли ни от пота, ни от дождя.

Наконец, очнувшись от раздумья, путник поздоровался с двумя мужчинами, которые вели коней.

Услышав его певучий словацкий говор, старший, человек с висячими усами и седой щетинкой на небритом подбородке, насупился и что-то пробурчал в ответ. Младший же, наоборот, остановил коней и живо обратился к человеку в дождевике:

— Добрый вечер! Вы кто такой? Мы вас тут еще не видели.

Пришелец засмеялся низким приятным смехом и слегка сдвинул шляпу на затылок, открыв молодое скуластое лицо с орлиным носом.

— Я пришел оттуда,— ответил он, показав на горные склоны позади себя.— Там я работал, но работе пришел конец. Теперь хочу поселиться и хозяйствовать, только не там, наверху. Я слышал, что в Долинке есть еще свободные дворы. Это, кажется, где-то рядом. Вы случайно не оттуда?

Он говорил быстро, словно боясь, что его прервут, прежде чем он успеет сказать самое главное.

— Долинка тут, в двух шагах,— ответил младший.— И мы как раз оттуда.

Старший вынул трубку изо рта и махнул ею, рассыпая пепел.

— Долинка, правильно, здесь,— сердито заговорил он.— Домов еще не украли, хоть и пытались. Ходят тут всякие, хотим, мол, поселиться. Первым делом у них исчезает скотина, а потом смываются и они сами... И мебель увозят, а иной раз оконные рамы и даже половицы. Хватит нам таких переселенцев, хватит, говорю, не будь я Винценц Постава.

— Это вы, значит, про меня? — протяжно спросил человек в дождевике, и все его тело напряглось.

— Ни про кого,— неприязненно ответил Винценц Постава.— Рассказываю только, что тут творится и чему больше не бывать.

— У нас тут за последнее время с переселенцами дела обстоят неважно,— сказал младший, примирительно улыбаясь.— Вот наш отец и сердится, понимаете?

— Всю жизнь у нас дела обстоят неважно,— угрюмо объявил Винценц Постава.— Хорошего я жду уже больше пятидесяти лет, и все зря.

В голубых хитроватых глазах пришельца мелькнуло веселое понимание. Он засмеялся и протянул руку.

— Да что вы все хмуритесь! Раз выругаться, другой — посмеяться — вот это дело. Меня зовут Варга, а по имени Пало. Летом я батрак, зимой — лесоруб. Работал и на прокладке дорог, рыл туннели. С малых лет все на других гнул спину, а теперь хотелось бы поработать и на себя.

Постава нехотя медленно протянул руку. Его ладонь встретилась с ладонью, не уступающей ей в твердости и количестве мозолей. «Не врет,— подумал Постава.— Поработал, видно, немало». И он крепко пожал протянутую руку.

— По фамилии Постава, а крещен Винценцем,— сказал он.— Хотя мог бы обойтись и без крещения. А это мой зять, Клинек. Когда-то был интеллигентом, да вот из-за бабы возится с лошадьми и навозом.

— Хотите переночевать в Долинке? — спросил Клинек.— Можете остановиться у нас.

— Спасибо,— сердечно сказал Варга.— Ночевка в трактире мне не по карману, но я могу выспаться в любом пустом доме, хотя бы и на чердаке.

— Прежде надо съесть горячего,— решил Винценц.— Для этого вы зайдете к нам. А там видно будет.

Пока они говорили, кони все время мешали разговору: они пофыркивали, ржали, старались укусить друг друга, рыли копытом землю и, едва заслышав из уст Поставы поощрительное «Н-но, голубчики», сразу взяли с места.

От шоссе к усадьбе Поставы дорога вела по косогору. Клинек свернул на полпути и направился со своей упряжкой к дому в глубине деревни, пообещав, что они с Иржиной, поужинав и убравшись в доме, придут к старику Поставе. Клинек и Постава уже знали, что Пало Варга — уроженец Нитры и что нет, пожалуй, такого района в Словакии, Чехии и Моравии, где бы он не побывал, зарабатывая свой хлеб. Его ждут дома, у стариков родителей, жена и двое детей.

Мария Поставова бросила на него недоверчивый взгляд. Квета, едва ответив на приветствие, исчезла в хлеву, а мальчики с любопытством искоса поглядывали на чужака. Но Варгу, видимо, совсем не смутила такая встреча. Незнакомцу, явившемуся к ночи в чужой дом, не приходится рассчитывать на большее радушие, даже если его привел сам хозяин. Варга расстегнул свой черный дождевик, под которым оказалась полосатая серо-зеленая куртка. Гость вытащил из кармана игрушку — еще пахнущую недавно срубленным деревом фигурку кузнеца, который с размаху бьет по наковальне. Показав, как действует игрушка, Варга

протянул ее младшему мальчику. Тот с восхищением смотрел на кузнеца, молот которого с легким стуком ударял по наковальне. Потом мальчик взглянул на мать. Неприветливое выражение постепенно исчезало с ее лица.

— Бери, бери,— сказал Варга.— Вот погоди, зимой и тебя научу, будешь сам вырезать.

— А у вас ловкие руки,— похвалила Мария.

— Знаете, с голодухи иной раз возьмешь нож да, чтобы никого не зарезать, начнешь ковырять дерево,— усмехнулся Варга.— Сколько народу у нас кормит лес! Правда, плохо кормит, так что иной раз и за решетку попадешь.

Не прошло и часа, а он уже был в доме как свой: принес соломы на подстилку, наносил воды из колодца. Мальчишки ходили за ним, как зачарованные. Пока вода натекала в каменный желоб, Пало учил их свистеть в два пальца — так свистеть, чтобы лопнули барабанные перепонки и деревья закачались в лесу!

— Я бы на вашем месте так не старался,— сказал Постава.— Малость еды, что вам тут достанется, того не стоит.

— А что вы скажете, если я сложа руки буду глядеть, как вы работаете?

«Он прав,— подумал Постава.— Разве можно стоять столбом, когда другие заняты делом? Во-первых, это неловко, а во-вторых, просто трудно... А впрочем, что мы о нем знаем? Может быть, он изрядный жулик. Прикидывается порядочным человеком, а что у него на уме — бог весть».

В Поставе воскресли давнее недоверие к чужим людям и антипатия к словакам. Сколько раз он, бывало, слышал от своих нанимателей: «Вам у меня не нравится? Собирайтесь и уходите. Словаки мне обойдутся вдвое дешевле». Постава растерянно поковырял заскорузлым пальцем в погасшей трубке и вышел из конюшни.

Варга шел по двору, неся из сарая плотно набитую корзину сена. Постава свернул в хлев, чтобы не встретиться с ним. Квета поила телят, мальчики убирали навоз, Мария доила корову, молоко со звоном брызгало в жестяной подойник.

— Ты — старый дурень, вот что,— недовольно сказала Мария и, перестав доить, обернулась к мужу.— С чего тебе вздумалось притащить к нам этого парня?

— Ничего мне не вздумалось,— сердито ответил Постава, потому что жена высказала как раз ту мысль, которая не

выходила у него из головы.— В жизни не было такого случая: привести на ночевку чужака, да еще словака. Это все Богоуш. Ну, не пускать же мне было этого неизвестного к ним, когда их в доме всего двое.

— А нас тут, значит, пусть всех поубивает, тебе об этом мало заботы.

— Ну, меня-то, матушка, он не проведет. Да, впрочем, может быть, он хороший человек.

Винценц Постава вышел во двор, недовольный самим собой и женой. На лавочке, у дверей хлева, где обычно ставят корзину с сечкой, сидел младший сынишка и забавлялся игрушкой, которую дал ему Варга. Деревянный молоточек мягко стучал по наковальне. Постава охотно вырвал бы у сына игрушку и забросил ее куда-нибудь подальше. Он продолжал думать о том, как глупо вел себя с этим словаком, и пришел к выводу, что, быть может, накликал беду на всю семью. Отбросив соломинку, которой он прочищал мундштук, старик свинтил трубку и продул ее. Трубка тянула хорошо, и это успокоило Поставу. Мальчуган на лавочке сидел тихо. Он хорошо знал отца и понимал, что сейчас надо быть тише воды, ниже травы.

«В конце концов, я еще могу послать его ночевать куда-нибудь в пустой дом,— решил Постава.— Ведь твердого уговора у нас не было». И, удовлетворившись пока что таким решением, он направился к конюшне. Еще не доходя до нее, он услышал голос Варги. «С кем это он там точит лясы? — снова вскипел Постава, совершенно забыв, что свою дочь он только что видел в хлеву.— Ежели это Квета, выгоню ее из конюшни в три шеи, чтоб знала свое место».

Он решительно шагнул в дверь и остановился на пороге. При свете мутной, затянутой паутиной лампочки двигался Варга. Пучком соломы он вытирал потные спины лошадей, разговаривая с ними.

Правая пристяжная Луцка, хитрейшая кобыла, лукавая и капризная, зловредная и балованная — словом, такая стерва, которую не возьмешь голыми руками, тянулась к Варге и шлепала мягкими губами. «Не скалит зубы! — подумал Постава.— Значит, накрепко с ним сдружилась». И, поскольку он всегда придавал большое значение тому, как скотина с первого раза относится к человеку, мнение его о Варге опять раздвоилось. А тот, наклонившись к брюху левого пристяжного, не заметил хозяина. Постава, не сказав ни слова, повернулся, вышел из конюшни, остановился на выложенной каменными плитами дорожке, задумчиво посасывая погасшую трубку.

Человек в форме лейтенанта авиации медленно ехал от гостиницы Рейзека вверх, к почте. Быстро надвигались сумерки, кое-где были уже освещены окна. Что изменилось в Поточной с тех пор, как он был здесь в последний раз, много лет назад? С виду почти ничего. Домов столько же, ни больше ни меньше, они лишь несколько обветшали.

Дождливые потемки были какие-то коричневые у поверхности земли и свинцовые над горизонтом. Грязь, нанесенная с проселков на асфальт шоссе, брызгала из-под колес автомобиля. «Дворники» на ветровом стекле работали вовсю, жужжа, как шмели, но силуэты одиноких прохожих расплывались за мокрым стеклом, как на небрежно написанной акварели. Вот тут, на углу, раньше была почта... видимо, она здесь и сейчас. В окнах свет; очевидно, там еще трудятся, хотя рабочий день окончен.

Улицу наполнял глухой рокочущий шум, слышный в машине, несмотря на стук мотора. Немного похоже на войну... вспоминаются высокие стены лондонских домов в дни первых воздушных налетов; с таким же шумом проносились тогда над крышами Лондона эскадрильи германских бомбардировщиков, волна за волной. Бывало, пригнешься невольно и ждешь, откуда донесется грохот первого взрыва, думаешь: почему же молчат зенитки? Человек за рулем выпрямился и пригладил рукой прядь темных волос. Удивительное дело, как долго еще будет сидеть у нас в нервах эта проклятая война!

Рокочущий гул усиливался по мере того, как машина приближалась к мосту. Это ревела река, одичав с приближением весны. Талые снега и дожди напоили ее, она вздулась и теперь бешено неслась по долине. Местами река разлилась и затопила чахлую траву под еще голыми деревьями прибрежных садов, а там, где русло сужалось, кипела, пенилась и гневно рычала. Кто бы узнал сейчас мирно журчащую летом речушку Поточную? Человек за рулем остановил машину и загляделся на воду, бурлящую под мостом. Чем ближе он был к цели своего путешествия, тем меньше спешил. Раздумье одолевало его, ему хотелось найти какую-то связь между тем, что происходит в природе, и жизнью людей. «Грозный у тебя вид, речушка,— думал он,— стараешься нагнать на людей страху, но куда тебе против нас! Ну, свалишь какое-нибудь дерево, от силы избу, поглотишь свинью, корову или даже человека, вот и все, что ты можешь. Видела бы ты, на что способна пяти-

десятикилограммовая бомба! А еще называешься стихией! Стихия, милочка, это мы. Когда дело доходит до уничтожения, тебе не угнаться за нами».

Направо за мостом бетонированная дорога вела вниз к железным воротам текстильной фабрики. Человек за рулем был у цели, и все же он не мог еще отдать себе ясный отчет, хочется ли ему браться за дело, ради которого он приехал сюда. Подъехав к фабричным воротам, он подумал, что делает все скорее из любопытства.

...Как он и ожидал, все получилось немного смешно. Блондинка, сильно похожая на опереточную диву, своевременно вышедшую замуж, чтобы спастись, когда наступит неизбежный крах артистической карьеры, суетилась вокруг него, как спугнутая наседка, и непрерывно чем-то угощала даже после того, как они, поужинав, уселись за столом в гостиной. Видимо, ей хотелось показать, что в ее доме всего вдоволь, несмотря на то что в нынешние времена многие живут только пайками. Держалась она бестактно и несколько раз в глаза назвала гостя «героем», не преминув, впрочем, добавить, что ее муж тоже герой: он сражался в Праге на баррикадах, да и за этот милый дом ему пришлось драться, едва вступив в него. Ах, это были жестокие дни, кто их не пережил, тому нелегко понять!

— Да и сейчас живется не легче, пан Пюхлер,— продолжала она страдальческим тоном, словно жизнь ее ежедневно находилась в опасности.— Муж вам расскажет, с какими трудностями ему приходится бороться. Никогда не знаешь, не придумали ли они какую-нибудь новую пакость против людей, которые хотят только одного — чтобы им дали спокойно работать.

Виктору Пюхлеру было ясно, кого она имеет в виду, говоря о тех, кто «придумывает пакости».

— Вы безусловно правы, сударыня,— отозвался он.— Кое в чем дело зашло слишком далеко. Но, конечно, это не продлится долго. Могу вас заверить: в стране, предоставившей мне гостеприимство, ожидают, что обстановка здесь, у нас, скоро изменится к лучшему. Там вспоминают наше благоразумие в тридцать восьмом году и верят в нашу врожденную рассудительность и в наше отвращение ко всяким политическим авантюрам.

Пюхлер сделал глоток из чашки и с удовольствием вдохнул запах кофе. «Видимо, свежемолотый»,— подумал он и сделал вывод, что эти люди умеют при всех обстоятельствах позаботиться прежде всего о себе. Тут же он задался вопросом: а выгодно это для него или нет? И как всегда,

когда нужно было принять решение, отложил его «на потом», не определяя точного времени.

— Запад должен бы уделять нам больше внимания,— заметил Трнец, наклоняясь вперед в глубоком кресле.— Нажим с другой стороны слишком силен.

— Не могут же они прямо прийти сюда и вмешаться,— отозвался Пюхлер с улыбкой, выражающей превосходство лучше осведомленного человека.— Мы должны доказать, что умеем сами позаботиться о себе.

— На бога надейся, а сам не плошай,— насмешливо улыбнулся Трнец.— Это нам известно. Но, в конце концов, мы докажем, что не так слабы, как кажется. Еще одни выборы — и им крышка. Весь этот коммунистический мыльный пузырь лопнет.

— Да, да,— почти машинально ответил Виктор Пюхлер, все время думая, как перейти по возможности непринужденно к цели своего визита.— Традиции масариковской демократии,— продолжал он,— живы в народе, несмотря на гитлеровскую оккупацию, и, надо полагать, они будут надежной защитой от попытки большевизации. Народ еще вернется к ним.

Он произнес эти слова, как заученный урок. Разговор начинал надоедать ему. Он пришел не для того, чтобы толковать о политике. У него были ясные и определенные намерения.

— Разрешите, однако, перейти к другой теме,— вдруг сказал он.— Вы знали Релига?

— Видите ли...— уклончиво начал Трнец и, опустив глаза, уставился на кончик сигареты, пытаясь угадать, куда метит гость этим вопросом и как лучше ответить.

В мае сорок пятого года Трнец участвовал в аресте владельца фабрики нациста Релига. Удар прикладом под ложечку, которым он при этом угостил Релига, едва ли можно было считать формой знакомства.

Покручивая в пальцах сигарету, он сказал, глядя на ее тлеющий конец:

— Не знаю, известно ли вам, как был арестован и как бежал Религ.

Пюхлер покачал головой.

— Возможно, эта история весьма интересна,— равнодушно сказал он,— но я имею в виду другое: были ли вы знакомы с Религом до войны?

— Нет, я никогда не встречался с ним в то время,— с облегчением ответил Трнец.— Все торговые дела фирмы «Пюхлер и Религ» вел ваш дядя. Я обычно имел дело с ним.

— Здесь поговаривали, что Религ донес на вашего дядю в гестапо,— брякнула Трнцова и тотчас замолкла: муж бросил на нее свирепый взгляд.

Гость, казалось, не слыхал ее замечания и с рассеянным видом вертел чашку, стоявшую на блюдце.

— Я полагаю, что мое право на фабрику несомненно,— сказал он наконец.

Трнец проглотил слюну, взглядом предостерег жену, чтобы она не вмешивалась, и заговорил, стараясь выдержать рассудительный, непредубежденный тон.

— Реализовать это право будет нелегко. Рабочие пронюхали — я и сам не знаю как — о вашем возможном возвращении и о притязаниях на фабрику и все же продолжают попытки присоединить ее к какому-нибудь национализированному предприятию.

Виктор Пюхлер вдруг оживился.

— Пусть продолжают, увидим, кто кого. Я более или менее знаком с законами и знаю, что нужно, чтобы предприятие подпало под национализацию. Во-первых, моя фабрика текстильная, она не принадлежит к ведущим отраслям промышленности, да и по своим размерам не могла бы считаться таковой. Во-вторых, ее владелец стал жертвой расового преследования, а законный наследник этого владельца является активным участником антифашистского Сопротивления. Мое дело будет для них твердым орешком, они не найдут правовой основы для отчуждения. Самое важное, по-моему, это наши с вами отношения. Их нужно выяснить.

Трнец долго стряхивал пепел с сигареты.

— Допустим, дело кончится так, как вы этого хотите,— произнес он наконец, не поднимая головы.— Намерены вы в дальнейшем вести дела фабрики лично?

Виктор Пюхлер скрыл довольную улыбку. Удивительно, как точна была информация старого Релига! Вообще, так много удивительного и странного в его, Виктора, возвращении на родину. Он думал об этом на обратном пути, в машине, возвращаясь ночью, в кромешной тьме, в Карловы Вары. Приглашение Трнца переночевать он отклонил в последний момент, сославшись на неотложные служебные дела в штабе своей части. С Трнцом была достигнута желанная договоренность, Пюхлер нашел в его лице человека, который во всем пойдет ему навстречу и подчинится его требованиям. Но провести вечер с Трнцом и его женой Пюхлеру решительно не улыбалось. Они договорились о совместном владении, которое целиком освобождало

Пюхлера от хлопот о фабрике: его пай — фабрика, пай этого типа — забота о ее процветании.

Виктор Плюхер просто не представлял себе, чтобы он мог проводить годы в фабричной конторе, спорить с рабочими, думать о закупке сырья, о производстве и сбыте товара, вести переговоры с коммивояжерами, одновременно наглыми и угодливыми. У него были свои представления о жизни, своя «концепция», как он выражался, но в нее не укладывалась необходимость зарабатывать на жизнь столь вульгарными способами. Виктор подумывал о дипломатической карьере, но и то лишь потому, что в обществе нужно иметь какое-то положение. Вновь и вновь он дополнял воображаемый образ самого себя новыми чертами и старался соответственно ему устроить свою жизнь. Еще до войны ему казалось, что в Чехии он задыхается: здесь так душно, так неприглядно, так тесны общественные формы, здесь его преследует чувство скованности и угнетения, которое, как он себя убеждал, неизбежно в каждом интеллигенте, принадлежащем к малой нации, зависимой от больших. Виктор чувствовал себя несчастным, если в течение года ему по каким-либо причинам не удавалось провести несколько недель за границей, в больших городах, где сталкиваются интересы, определяющие судьбы миллионов людей, в том числе и той маленькой страны, в которой ты имел несчастье родиться, в городах, где мечут молнии громовержцы, где, короче говоря, созидается история и в наэлектризованной атмосфере родятся подлинно великие идеи и великое искусство, а у себя на родине ты видишь лишь жалкое подражание им. По-настоящему можно чувствовать себя дома только между равными себе людьми, а подлинный смысл жизни находишь в пряном аромате столиц, в безмерной сложности их бытия, в контрастах блестящих верхов и мутного человеческого дна, где гибнут люди в беспрестанном напряжении между двумя магнитными полюсами — властителями и подвластными,— в утонченной цивилизации и культуре настолько изощренной, что ее носители вправе презирать все, что прежде считалось незыблемыми человеческими законами, и, пренебрегая понятиями плебса о добре и зле, жонглировать таким многообразием идей, чувств и представлений, которое свидетельствует о том, что человечество, видимо, уже достигло предела своих возможностей...

Пюхлер ехал сейчас быстрее, чем по пути в Поточную, но, хотя и был погружен в размышления, сосредоточенно следил за дорогой. За одним из многочисленных поворотов

он сбавил газ и притормозил. В ярком свете фар метрах в пятидесяти перед ним виднелись автомобиль и две человеческие фигуры. «Прибавить ходу и проехать, не обращая внимания, или спросить, что там у них случилось?» — подумал Пюхлер. Приближаясь, он разглядел, что одна из фигур — женская. Для верности он сунул руку в карман на дверце машины и, убедившись, что пистолет на месте, остановил машину и высунулся из окна.

— Вам нужна помощь?

Мужчина, склонившийся над домкратом, выпрямился, женщина вышла из полосы света и левой рукой заслонила глаза. Пюхлер заметил, что она в правой руке держит револьвер. Что-то в ее движениях показалось ему знакомым, но он не мог рассмотреть женщину. Приоткрыв дверцу, он повторил вопрос. Но едва женщина произнесла первое слово, он распахнул дверцу настежь и в один момент очутился на шоссе.

— Вики! — воскликнула она.— Это вы! Я узнала вас, как только вы заговорили, но не поверила своим ушам. Эд, погляди, это наш старый друг Вики. Откуда вы взялись?

— Мери! — сказал в ответ Пюхлер и засмеялся.— Вот это называется повезло! Кто бы думал, что я встречу вас тут, в столь поздний час, на глухом шоссе. В последний раз мы виделись в Лондоне у леди Марлоу, помните?

— Еще бы! — ответила Мария Росмусова, скривив губы.— У меня иногда сердце разрывается от тоски. Мне кажется, что здесь я в изгнании. Вы только что вернулись? Вот погодите, проживете тут полгода, как мы, почувствуете то же самое.

Ее муж тем временем снял запачканную перчатку и подошел к ним.

— Ну, Вики, как дела? Ручаюсь, что угадал, откуда вы едете. От Трнца! Почему же вы не остались у них переночевать?

— Не мог примириться с тем, что буду гостем в доме, который, собственно говоря, принадлежит мне.

Росмус издал звук, представлявший собой нечто среднее между смехом и снисходительным похрюкиванием.

— Вы всегда были слишком чувствительны, Вики. Еще бы — поэт! Но в данном случае не могу вас не понять. Было бы, однако, неправильно, если бы в этом деле чувства у вас взяли верх над рассудком. Трнец — способный человек.

— Но, Эд,— недовольно произнесла супруга Росмуса.— Что за манера — читать наставления на шоссе и в та-

кое позднее время? Вики сам отлично разберется, как ему поступить.

— Я вполне согласен с вашим супругом, Мери,— сказал Пюхлер,— и готов воспользоваться хвалеными способностями Трнца, но полагаю, что это не обязывает меня дружить с ним.

Все трое рассмеялись.

— Превосходно,— резюмировал Росмус.— Полное равновесие разума и чувств. Ну, а наше приглашение вы, я надеюсь, не отвергнете?

— Да как бы я мог! — воскликнул Пюхлер.— Одинокий путник в мире, у вас я снова почувствую себя дома.

— И мы подробно поговорим, как взяться за ваше дело... А сейчас, поскольку вы нам предложили помощь, пойдемте натянем запасную покрышку — и через пять минут будем у нас, в Врше.

Пюхлер включил фары, и при их свете мужчины наклонились над колесом росмусовской машины. Мери вставила сигарету в длинный мундштук из слоновой кости, закурила и сказала:

— Эд поедет первым, а я сяду в вашу машину, Вики. Чтобы вы не сбились с пути и еще потому, что я соскучилась по машине английской марки.

— Все мы отмечены Англией,— вздохнул Пюхлер.— Всегда мы будем чувствовать себя изгнанными из рая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зиме в этом году, казалось, не будет конца. Она, правда, удерживалась только на вершинах Рудных гор, но не хотела признать своего поражения и отступала с боями, на которые стоило поглядеть, если бы они не осточертели всем и каждому так, что при мысли о них у человека пробегали мурашки по телу, даже если он сидел дома, у докрасна раскаленной печки. Зима избрала тактику ночных вылазок: дикими метелями она старалась вернуть свои позиции, в течение дня подорванные дождями и непрерывными атаками южного ветра. Ночные метели носились в горах, как кавалькады древних всадников, решивших смести с лица земли все живое. Они трубили, как глашатаи Страшного суда, превращали печные трубы в свистульки, гудели на крыше, стучали и грохотали всем, что на ней плохо держалось. В общем, они вели психическую атаку, пытаясь звуковыми эффектами обратить противника в бегство. Так

хороша и бодра была зима — хоть и сурова, как ей положено от природы,— а теперь, поглядите-ка, забыла она о чистоте снегов, о морозной прозрачности, о голубом разломе льдов и морозном блеске звезд и вот этакими фашистскими уловками выдает свое разложение. И хотя, казалось, создаваемый ею шум должен был заглушить всякие другие звуки, все настойчивей и сильнее звучала песня еще незримых, но уже победоносных воинов весны, прелюдия весенней капели, исполняемая всеми крышами и водосточными трубами, струнное скерцо ручейков, питаемых талыми снегами, и над всем этим бурные фуги вспененных речных вод.

И вот однажды ночью, вскоре после того, о чем рассказано в предыдущей главе, во время необузданной метели и стремительной оттепели, когда на горных хребтах тяжелый, как свинец, снег налипал на подошвы путников, а со склонов неслись потоки взбесившихся вод, в глубокой предрассветной тьме кто-то постучал в окно домика Ганса Пальме. Пальме спал чутко. Годы, проведенные в концлагере, да и опыт, полученный им по возвращении в Поточную, сделали его сон чутким. Он сразу же сел на постели, настороженный, как охотник в засаде. Его кровать стояла так, что в окно ее не было видно и, стало быть, нельзя было в нее прицелиться. Ганс Пальме не случайно соблюдал такую предосторожность: прошлой осенью, накануне последнего выселения немцев из Каданьского района, Ганса тяжело ранили. Несомненно, его хотели убить, и это не удалось только потому, что Пальме, несмотря на предстоящий отъезд из Поточной, не стал меньше любить людей, с которыми сдружился, вернувшись из концлагеря. Накануне отъезда, вечером, он отвел к Лойзику Марешу обещанную ему корову и, распрощавшись с ним — впрочем, довольно торопливо и немногословно,— направился к своему домику над шоссе, чтобы в последний раз переночевать там.

Нападение произошло неожиданно в каких-нибудь пятидесяти шагах от дома Мареша, там, где тропинка вела вдоль густых зарослей дикой груши и вишен с одной стороны и крутого, заросшего травой откоса — с другой. Вечер уже переходил в ночь, на темном синем небе появились звезды. Пальме услышал позади себя шорох, словно кто-то раздвигал кусты, и успел только обернуться и поднять руку с палкой... В этот момент ему нанесли удар. Он пришелся по поднятой палке и, не задев головы, обрушился на плечо около шеи. Пальме не слышал треска перебитых костей.

Колени у него подкосились, он согнулся и, свалившись с тропинки под откос, метра два катился кубарем вниз, как озорной мальчишка, пока его не задержало одинокое деревцо.

Счастливое стечение обстоятельств спасло ему жизнь. Самым главным было то, что в момент, когда оглушенный Пальме катился по косогору, на тропинке появился Мареш. Громко окликая Пальме, он спешил догнать его, чтобы вернуть подарок, найденный в кухне на постели после ухода Ганса, или хотя бы от души поблагодарить за него. Это был старинный компас в кожаном футляре, которым Мареш всегда любовался, бывая у Пальме. Компас этот Вольфганг Пальме, отец Ганса, служивший в австро-венгерском военном флоте, привез с войны как память о рейсах в далекие моря и порты. Спугнутый Марешем убийца скрылся в зарослях вишен и груш, не завершив своего замысла. Пальме был спасен, но ранение оказалось серьезным. Несколько недель он был на волосок от смерти и пролежал в больнице пять месяцев. Когда он выписался оттуда, выселение немцев было давно закончено, и Пальме остался в Поточной. Несмотря на предостережения друзей, он снова поселился в своем домике.

Сейчас он сидел на постели и напряженно прислушивался. Ветер свистел в трубе и неистовствовал на крыше, дождь стучал по черепице. Но больше ничего не было слышно. Только после долгой паузы раздался странный звук, как будто кто-то провел рукой по мокрому оконному стеклу.

Пальме встал и боком подошел к стенке, стараясь рассмотреть, что происходит перед домом. Наружная рама запотела, за ней была непроглядная тьма. На дворе полное безмолвие.

«А собака? — подумал Пальме.— Почему больше не лает собака?» Он готов был поклясться, что, еще прежде чем в окно постучали, сквозь сон ему послышалось, будто на дворе коротко гавкнул пес. Ну, пса могли убить. Пальме напрягал слух. В кухне, словно маршируя, громко постукивали ходики с гирями, а за его спиной, в головах постели, тикали на стене карманные часы. Сверху доносился легкий шум, подобный ветру в кронах деревьев,— то капли дождя падали на черепичную крышу и, журча, стекали на плоский камень. Это были единственные различимые звуки, и Пальме хотелось мысленно заставить их умолкнуть.

Наконец ему показалось, что он слышит тихое повизгивание пса и топот собачьих лап под окном. Не сходя

с места, Пальме взял пиджак, висевший на спинке стула, надел его и осторожно вышел в сенцы. Пес царапался в дверь и скулил. Пальме ощупью взял из угла тяжелую палку и повернул выключатель. Лампочка снаружи вспыхнула ярким светом, который через узенькое окошко над дверью проник и в сени. На дворе все было неподвижно, только пес все настойчивее скребся в дверь. Пальме осторожно повернул ключ в замке, низко согнулся, чтобы в случае чего сразу распластаться на земле, и быстро распахнул дверь, укрываясь за ее другой створкой. Однако не произошло ничего такого, чего он ожидал. В сени проникли свет и струя холодного воздуха, а потом ворвался залившийся лаем пес, начал скакать около Пальме и полез ему в лицо. Пальме оттолкнул его локтем и приказал:

— Тише, дурной. Ну, что у тебя там такое?

Пес лаял и скулил, то выбегая вон, то вновь возвращаясь. Было по-прежнему тихо, только порывами налетал и выл ветер да шумел дождь. Пальме с трудом выпрямился, опираясь на палку. В ноге и плече он ощутил сильную боль. Погасив свет перед домом, он закрыл глаза и недвижно постоял несколько секунд, напрягая слух. Потом выглянул за дверь. Здесь, в долине, земля была черная — снег уже стаял. Непроглядная тьма! Пальме снова зажег свет и, припадая на левую ногу, вышел из дому. Пес бежал перед ним, опустив нос к земле, и остановился под окном, в которое только что кто-то стучал. Там, почти за пределами полосы света, падавшего от слабой лампочки, лежало что-то похожее на кучу тряпья. Пес тявкнул, заскулил и бросился к хозяину.

Нога, поврежденная еще в концлагере, и плечо, пострадавшее при нападении, обычно причиняли Пальме сильную боль, пока он еще не «разошелся». Сейчас Пальме, забыв о боли, устремился вперед с возможной для него быстротой.

Он наклонился, и у него перехватило дыхание. Кучка промокшего тряпья скрывала тело женщины или девушки. Легкое пальто из черной ткани, теплые шаровары, заправленные в резиновые сапоги, зеленый платок на голове, из-под которого выбились тяжелые пряди мокрых светло-русых волос... Девушка лежала ничком, рядом с канавой, полной дождевой воды. Одежда, каждый предмет которой был так хорошо знаком Пальме, промокла насквозь. Вот и тяжелый венец русых волос, в который превратились две прежние тоненькие косички... В те давние дни, до вторжения нацистов, Пальме, бывало, шутя дергал за эти косички,

а, позднее, вернувшись из концлагеря, не раз тщетно мечтал погладить пышные, длинные косы.

— Марихен! — воскликнул он, склоняясь в испуге над дочерью.

Девушка не отозвалась. Пальме перевернул ее навзничь, подсунул руку под голову. Лицо Марихен было бледно как мел. Отец стер грязь с ее левой щеки, взял девушку на руки и, превозмогая боль в плече, встал. Бесчувственное тело было невероятно тяжелым, как мертвое, и медленно, с натугой шагавшего Пальме объял смертельный страх: жива ли она? «Нет, нет, не может быть,— твердил он себе.— Просто промокшая одежда так сильно отяжелела... Будь Марихен мертвой, пес вел бы себя иначе...»

Он отогнал собаку, захлопнул за собой дверь и локтем задвинул засов. В темноте он безошибочно дошел до кровати, на которой Марихен спала до своего отъезда вместе с матерью, и положил там дочь. Включив свет, он стал торопливо раздевать девушку, потому что с ее одежды чуть не струями лилась вода. Пальме по-мужски неумело раздевал дочь, поглощенный единственной мыслью — как можно скорее помочь ей, привести ее в сознание, спасти от гибельной простуды. Марихен исполнилось шестнадцать лет, она была хрупкая, еще не сформировавшаяся девушка, и Пальме, ощущая острый, бессильный стыд, закрывал глаза и отворачивался, чтобы не видеть ее чуть наметившиеся груди — первые признаки девической зрелости.

Он надел на дочь свою фланелевую рубашку — ничего другого у него не было — и перенес девушку на кровать, где прежде спала жена. Марихен все еще не пришла в сознание, но сердце ее билось, медленно, едва ощутимо, словно за толстой стеной. Пальме двигался быстро и вслух указывал самому себе, что надо сделать; от волнения у него даже перестало болеть плечо. Под мокрые волосы дочери он подложил полотенце, потом взял столовую ложку и налил в нее рябиновой настойки. Не сразу удалось ему влить в рот Марихен несколько капель живительной жидкости. Наконец девушка сделала глотательное движение и тотчас закашлялась. Потом открыла глаза, синие, как ясное весеннее небо, и прошептала:

— Папа!

Глаза Марихен закрылись, лицо опять побледнело, Пальме потряс ее голову, налил еще ложку настойки и заставил дочь выпить. Щеки девушки слегка порозовели. Когда у нее прошел новый приступ кашля, она сказала:

— Я убежала от нее. Я не хочу жить как она.

Пальме кивнул.

— Расскажешь потом. Расскажешь все, что захочешь. А пока лежи спокойно. Сейчас нам надо позаботиться о другом.

Он крепко растер ей руки и ноги настойкой, затопил печь и сварил крепкий грог. Потом покрыл дочь еще своей периной, и Марихен скоро уснула, дыша во сне быстро, как загнанный зверек. Пальме сидел рядом с ней, стиснув кулаки. Когда на лбу у нее появились крупные капли пота и дыхание стало ровнее, он блаженно улыбнулся. Как-никак она девушка из горного края! Подумать только, какой путь она прошла и в какую погоду! Не всякий парень выдержит! Сердце у Пальме сжалось, а потом преисполнилось гордостью. Все-таки нацисты не сломили ее, в конце концов она прозрела сама. В ней жила его кровь, честная рабочая кровь!

Наутро Пальме, как ни в чем не бывало, стоял у своего станка. Он никому не рассказал о своем счастье, может быть, из опасения испортить его преждевременной болтовней. Когда-то он поставил рядом и пустил в ход четыре незанятых станка и сейчас обслуживал их один. Прихрамывая, он легко переходил от одного к другому. Кепка у него была, против обыкновения, надвинута на лоб, губы сжаты, брови нахмурены.

Едва прозвучал гудок, как он вышел с фабрики и поспешил домой. Уже спускались сумерки, было сыро. Река пенилась в своем глубоком русле и наполняла долину шумом нарастающего половодья. Наступала весна. Она спускалась с горных склонов, гарцевала на диких волнах, благоухала сырой землей и пробивающейся травкой. Пальме глубоко вдыхал запахи весны и шагал так, словно его голень никогда не была перебита сапогом гестаповца, словно у него никогда не болело раздробленное и с трудом зажившее плечо. Первое весеннее пробуждение после стольких лет горького одиночества! Весна принесла ему на своих крыльях Марихен, вернула ему дочь. Они могут прожить вместе еще несколько счастливых лет, прежде чем кто-нибудь по праву жизни уведет ее из дому, они могут жить вместе, хотя бы вдвоем, поскольку Христиан уже не вернется...

Пальме мечтал на ходу. Вместе с тем его не покидала смутная тревога, которая исчезла только тогда, когда он достиг вершины холма, откуда был виден его домик. Темный силуэт дома глядел освещенными окнами, как парой

нетерпеливых глаз. Марихен дома, она не исчезла, как ночное видение. Пальме остановился и долго глядел на эти бледно-желтые окна, чувствуя, что обновилось все его существо, что сегодня он уже не тот, что вчера вечером. Вдруг он вздрогнул при мысли, что Марихен могла бы сегодня умереть вон там, под самыми окнами, и ни он и никто другой не узнал бы об этом, если только осенью, после больницы, он поддался бы уговорам друзей и переехал к Вилли Кроне, в сторожку при фабрике. И Пальме прибавил шагу.

Пес с лаем выбежал ему навстречу. Марихен в дверях ждала отца. За день она сделала по хозяйству немало: высушила и выгладила свою одежду, убрала в доме, накормила и подоила корову, вынесла навоз из хлева, сварила обед. Пальме поддерживал в своем домике казарменный порядок, а сейчас там все просияло какой-то особой нежной чистотой. Все-таки совсем другое дело, когда в доме есть женская рука. И запах в комнате стоял какой-то прежний, полузабытый — это был не только запах щей, картошки с тмином и горящих в печке дров. Марихен разрумянилась, смертельная усталость от долгого изнурительного пути уже исчезла с ее лица, она глядела на отца, как ребенок, который ждет похвалы. Высушенные и тщательно причесанные волосы Марихен сияли в свете лампочки, подвешенной под низким потолком. Пальме подошел к дочери, обнял ее одной рукой и привлек к себе, а другой прикоснулся к пышным волосам и слегка подбросил толстую косу, словно прикидывая ее вес. Сколько долгих лет, проведенных в концлагере, он мечтал об этой минуте!

— Ну, как, лисичка? — сказал он ей, как говаривал в детстве, и в его чуть хриплом голосе слышались нежность и счастье.— Я вижу, ты тут не ленилась.

Она судорожно прижалась к отцу и разразилась отрывистым, долго сдерживаемым плачем. Пальме прижал ее к себе и погладил по голове, утешая, как ребенка.

— Ну, ну, так нельзя. Лисички не плачут, лисички не боятся ничего на свете.

Наконец Марихен успокоилась настолько, чтобы, все еще изредка всхлипывая, произнести несколько слов. Прижавшись к груди отца и судорожно вцепившись рукой в воротник его короткого зимнего пальто, Марихен заговорила, не поднимая головы. Упоминая о матери, которой когда-то беспрекословно повиновалась и к которой была так привязана, она даже не произнесла слова «мать».

— Ее двоюродный брат нас через несколько дней

выгнал,— отрывисто произнесла она.— Сказал, что у него нет для нас ни места, ни еды, жили бы, мол, там, откуда пришли. Нас поселили в бараке, за колючей проволокой, и оттуда мы ходили работать к окрестным крестьянам... И там были американские солдаты, и она... хотела, чтобы я... с этими солдатами...

Марихен снова зарыдала, а Пальме сжал кулаки так, что ногти у него впились в ладони. Ему вспомнилось, как он этой ночью мучительно стыдился, переодевая свою потерявшую сознание дочь, вспомнил ее хрупкое, белое холодное тело с первыми признаками девической зрелости, потом вспомнил свое супружество и жену, которую встретил, скитаясь в поисках работы, вспомнил, как любил ее и не перестал любить, даже узнав, что она совсем не такая, какой представлялась ему сквозь розовые очки любовного очарования. Дочь, родную дочь эта женщина хотела отдать на такой позор!

Он обнял дочь, прижался лицом к ее волосам и сказал:

— Не плачь, Марихен. Не думай больше об этом. Ты останешься с отцом и можешь не бояться: никогда ничего подобного с тобой не случится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Миновала ветреная ночь, и на другой день, с утра, небо было чисто, как выметенное. Лишь легкая дымка смягчала его ослепительную синеву, захватывая также и вершины гор. Солнце сияло сквозь эту дымку, солнечный свет резал глаза, день становился все жарче. Мери Росмусова в комбинезоне цвета хаки вышла из хлева, скинула с ног надетые поверх спортивных туфель большие деревянные башмаки с кожаным верхом и положила их в ящик, наполненный известковой дезинфекционной смесью. Вслед за ней на бетонированном пороге появились еще трое: первым вышел тощий человек с оттопыренными красными ушами, редкие волосы торчали у него над шишковатым лбом. Он то и дело нервно подергивал длинными руками, и его лопатки ходили под стареньким пиджаком. Человек прищурился на ярком солнце, его воспаленные веки замигали из-под косматых бровей. Что-то настороженное, змеиное было во всем его облике, словно он постоянно прислушивался к шагам у себя за спиной, не слышным никому другому, и готов был прыжком увернуться от неожиданного удара. Он тоже снял

с ног деревянные башмаки и стал рядом с Росмусовой, которая тем временем закурила сигарету и жадно затянулась. Высокий костлявый человек в выцветшей черной шапочке, синей блузе и латаных солдатских брюках и женщина с морщинистым лицом и запавшим беззубым ртом остались стоять позади них. Оба наклоняли головы, рты у них были чуть приоткрыты и взгляд неподвижен, как это бывает у глухих людей.

— В среднем восемь с половиной с головы. Для конца марта это неплохо, Бузек,— сказала Росмусова.— А сколько, вы говорите, мы сдаем?

Бузек испуганно передернул плечами, а Росмусова продолжала, не отводя взгляда от горных вершин, видневшихся из-за крыш соседних сараев:

— Когда вы наконец привыкнете к тому, что они глухи как пни? Если они не видят ваших губ, то не понимают ни слова.

Бузек виновато усмехнулся и ответил сдавленным голосом:

— Мне всегда кажется, что они притворяются. Все мои распоряжения они выполняют точнейшим образом. Просто даже не верится, что при такой глухоте можно все понимать по движению губ.

Инженер Росмусова презрительно сморщила нос, а Бузек поспешно продолжал:

— Удой у нас восемь с половиной с головы, а сдаем три с половиной литра.

— Сдавайте два. Более чем достаточно. В деревнях никто не сдает больше полутора литров.

— А что, если они проболтаются? — сказал Бузек.— Хоть и глухонемые.

— Всего-то вы боитесь! — ответила Росмусова и размашисто зашагала к дому. Бузек поспешил за ней, стараясь не отставать.

— Здесь вы боитесь, в кооперативе боитесь тоже. А кстати о нем: как там ваши дела с отчетом?

Они остановились у калитки в ограде, отделяющей скотный двор от сада. Бузек с трудом перевел дыхание.

— Какой там отчет! — сказал он.— Мы прогорели, совсем прогорели. От полутысячи голов осталось меньше трехсот, да и над ними ветеринар качает головой. Больше чем у шестидесяти коров туберкулез, а остальные, говорит он, тоже заболеют, если только немедля не разогнать все стадо.

— Чего еще можно было ожидать при такой катастро-

фической нехватке кормов? — проронила Росмусова, вынув из мундштука длинный окурок сигареты, старательно втоптала его ногой в сырую почву.— Поспешите с отчетом. Если не сможете справиться, приходите ко мне. Когда надо обеспечить крах, отчет должен выглядеть непорочно, как ребенок перед первым причастием.

Последние слова она произнесла почти скороговоркой, резко кивнула Бузеку головой, точно клюнула, и распахнула старинную калитку с резьбой в виде солнца с расходящимися лучами. Бузек поднял руку, словно желая задержать хозяйку, и торопливо сказал своим сдавленным голосом:

— А как насчет пастбищ под Грюном? Вашим коровам уже пора на травку, а то удой пойдет на убыль.

Росмусова поглядела на него своими холодными зеленоватыми глазами и сказала медленно:

— Пастбища под Грюном? Вы тоже считаете, что они нам необходимы?

— А как же! Ведь вы набрали скота полные хлева. На ваших угодьях его не прокормить даже и теперь, а где взять сена на зиму?

— Пастбища будут, мы нашли для этого возможность... А сеном нас, я надеюсь, обеспечат, как и в прошлом году, добровольные бригады. От этих большевистских затей иногда бывает прок.

Она коротко засмеялась, и калитка захлопнулась за ней с резким скрипом. Бузек поковырял в ухе толстым указательным пальцем, словно хотел выковырнуть оттуда звук ее смеха, и сплюнул. Щурясь от солнца, он пошарил в кармане, вынул окурок и зажег его большой круглой зажигалкой, из которой взметнулся дымный огонек от неочищенного бензина. Бузек уселся неподалеку от калитки на большой пень давно срубленной липы и стал размышлять о Росмусовой.

«Барыня, форменная барыня, а в жульничестве всех перекроет,— думал он.— Хотел бы я быть таким отчаянным, как она. Говорит, что я боязлив, а пусть-ка сама испытает то, что испытал я. Небось ее не искали, чтобы засадить в кутузку, как меня. Сука, вот сука-то! Ну, меня-то она не проведет, я знаю, что делать. Но знаю я или не знаю, а приходится мне быть тише воды, ниже травы, потому что тут у них я надежно укрылся. Попадешь один раз в злодейскую свору, и на всю жизнь увяз. Так вот и со мной».

Он сердито уставился на окурок, который уже начал

жечь ему пальцы, тяжело вздохнул и отбросил его с таким видом, словно это была вся его пропащая жизнь.

«Знай я, чем все кончится,— продолжал размышлять Бузек,— уж я бы тогда сумел себя вести. Все могло быть иначе. Но откуда мне было знать, что делать, когда началась такая кутерьма, как у нас? А ведь можно было по-прежнему жить в Колине и быть самому себе хозяином, а не прислуживаться тут да трястись от страха. А может, все это зря и никто меня не выдал... иначе до меня давно бы уже добрались. В Колине говорят, что меня не ищут. Однако ж поди верь им!»

Карел Бузек до 1945 года торговал скотом в Колине и был одним из самых вредных «влайкаров» в городе. Он поставлял мясо гитлеровским оккупантам и писал в газету «Влайка» подстрекательские заметки о жителях Колина, общавшихся с евреями. В 1943 году он был арестован гестаповцами и через месяц выпущен, после чего кое-кто из крестьян, у которых Бузек скупал мясо, исчез в немецких тюрьмах.

«Как будто я мог поступить иначе,— думал Бузек; эта мысль постоянно возвращалась к нему.— Что, если бы я тогда сказал «нет!»? Ха-ха! Меня давно не было бы в живых. Немцы тут нахватали добра, поубивали тысячи людей, а теперь их ищи-свищи. Никто не может утверждать, что я преступник, и все-таки, стоит мне засыпаться, меня посадят как миленького».

Глухонемой батрак Кебрле вышел из конюшни, уперся кулаками в бока и потянулся, издав звук, подобный конскому ржанью. Потом он направился к сараям в глубине двора, где хранились сельскохозяйственные машины и орудия. Бузек сплюнул. Где-то в другом конце хлева послышался громкий визг, который перешел в нарастающий и опять затихающий металлический гул,— это жена Кебрле пропускала через сепаратор молоко утреннего удоя.

Бузек снова стал думать о Росмусовой. «Скрутила нас всех в бараний рог — и меня и их. Скрутит всякого, кого ей вздумается. Ох и ловка! А я-то был уверен, что меня нелегко взять в руки... Избавила их от выселения, а теперь они работают на нее, как рабы. Доказала, что Кебрлиха чешка, словно это не все равно, ежели оба они вроде безгласных тварей. А со мной всегда разговаривает с таким видом, будто знает обо мне всю подноготную. Но я когда-нибудь до нее доберусь, не будь я Карел Бузек! «Чего еще можно было ожидать при такой нехватке кормов!» Говорит это мне прямо в глаза! Разве я не знаю, куда делось коопе-

ративное сено? Разве я не знаю, куда делись все хорошие коровы, что были в стаде кооператива, и как туда попала дохлятина? Она держит меня в руках, это еще куда ни шло, тут уж ничего не поделаешь. Но строить из меня дурня — э, нет! На это я не согласен! Пусть она там обучалась всяким жульничествам в университетах, а я кончил только сельскую школу,— все равно я не дам водить себя за нос».

Боковая калитка в воротах, через которые был въезд во двор, отворилась, в нее просунулся велосипед, а за ним почтальон Смола. Он прислонил велосипед к стене хлева, снял фуражку и, утирая лоб цветным платком, закричал:

— Пан управляющий Бузек! Пан управляющий Бузек!

«Управляющий! — подумал Бузек.— Такой же я управляющий, как ты министр почты».

— Нечего орать, пройдите сюда.

Смола, хихикая, поспешил к нему. Круглые щеки почтальона были румяны, как яблоки, тугая кожа блестела от пота.

— Письмецо, да не одно, пану управляющему,— сладко произнес он и нагнулся над своей черной сумкой.

Бузек сердито заморгал.

— Бросьте вы это свое «управляющий», сколько раз вам говорить!

— Кому честь, тому честь, такая уж у меня привычка,— Смола расплылся в улыбке.

Он подал Бузеку два письма, одно в белом, другое в синем конверте, и сел рядом на пень.

— Пан управляющий разрешит? Я с раннего утра на ногах. Маловато нас, почтальонов: всего трое на такой большой район.

Он вынул из кармана пачку дешевых сигарет. Бузек, надевавший старые очки в стальной оправе, с заушником, перевязанным ниточкой, сказал:

— Дайте-ка и мне одну, легче будет слушать вашу болтовню.

Он прикурил у почтальона и стал разглядывать конверты, помаргивая при этом сквозь очки из-под густых бровей, что делало его еще больше, чем когда-либо, похожим на сову, разбуженную ярким светом. Вскрывать письма в присутствии Смолы он не собирался и хотел только выяснить, от кого они, ибо на всякое новое письмо смотрел с содроганием — это могла быть весть, которой он боялся с тех пор, как переселился из Колина сюда, к отрогам Рудных гор.

Бузек долго глядел на синий конверт, потому что на нем был штемпель колинской почты. Пальцы у него дрожали, и пухлая нижняя губа отвисла, открыв почерневшие зубы. Ему очень хотелось вскрыть это письмо, но, внимательнее вглядевшись в корявый почерк, которым были написаны его имя и адрес, он успокоился. «Зря я сдрейфил,— сказал он себе.— Это от Караса из Льготы».

На белом конверте со штемпелем «Винтиржов» почерк был округлый, каллиграфический, старомодный — хвостики на концах слов торчали над строчками.

«Это от Яноуха,— решил Бузек.— Оба они с ума сошли. Нахапали, а теперь не дают мне покоя. Да что я, участник в деле, что ли? Нет, я человек подневольный, меня, миленькие, не проведете, руки коротки. Таких кусочков, какие отхватил я, ни у кого из вас нет».

В Подебрадском округе, в селении Пискова Льгота, бывшая жена Бузека владела усадьбой в тридцать гектаров, которая оставалась их общей собственностью, но в поземельных книгах значилась за женой и семидесятилетним отцом Бузека, чтобы землю не конфисковали в случае ареста сына.

«Имущество коллаборационистов и предателей подлежит конфискации...» Здорово это выдумано, однако же, если человек хитер, он сумеет найти лазейку. Еще, чего доброго, запишут в предатели его, Бузека, который всего-навсего спасал собственную жизнь. Да, всегда надо уметь вывернуться!

Бузек сунул нераспечатанные письма во внутренний карман поношенного пиджака, а очки вложил в ржавый металлический футляр.

— Родственнички вас вспомнили? — вкрадчиво осведомился Смола.

— Родственнички.

— А как насчет маслица? Будет?

— Сколько?

— Десять кило четвертушками. Я зайду на обратном пути.

— Будет. Но если вы когда-нибудь попадетесь...

Смола самодовольно хихикнул и похлопал по своей потертой почтовой сумке.

— За кого вы меня принимаете, пан управляющий? Я официальное лицо, а это казенное вместилище. Нас никто не обыскивает.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выйдя из калитки, Росмусова остановилась перед виллой на тщательно выметенной и посыпанной песком дорожке. Садовник, невысокий, но статный, широкоплечий старик, увидев хозяйку, прекратил работу и, придерживая одной рукой грабли, снял свою плоскую кепку с погнутым козырьком.

Мери слегка кивнула, словно отгоняя невидимую муху.

— Что скажете, Зуна, какова будет погода?

Садовник издал свистящий звук — от движения языка воздух вырвался сквозь пустоту на месте двух верхних зубов.

— С-с-с... Это сегодня-то? Сегодня будет ясно. Такая погода и останется. С-с-с... Капли не упадет с неба. Засуха, жара, вот что будет.

Росмусова почувствовала, что по ее крепкой прямой спине вдруг поползли мурашки, как это бывает иногда у человека в жаркий день или в горячей бане.

— Думаете, что лето будет сухое?

— И весна и лето. И осень. С-с-с... Небывалая сушь.

Росмусова хотела было спросить, почему он так думает, но под недвижным взглядом его блекло-голубых, немигающих, словно вставных, глаз утратила желание продолжать разговор.

— Пока что влаги достаточно, а там видно будет,— сказала она и направилась к ближайшей из двух раскидистых лип, росших на концах овального газона.

— Недостаточно. С-с-с... Земля-то внутри вся сухая,— сказал ей вслед садовник, но хозяйка не согласилась.

«Противный старик,— думала она.— Действует мне на нервы этим своим свистом и фарфоровыми глазами. Наверняка за нами следит. Когда снова будет бóльший выбор рабочей силы, я его первого выгоню».

На корявом стволе старого дерева с северной стороны на высоте человеческого роста висел термометр. Взглянув на него, Росмусова решила, что завтракать можно будет под открытым небом. «Невероятно,— подумала она,— как быстро теплеет после таких дождей. А ведь резкое повышение температуры здесь всегда связано с грозой. Старик глуп...»

Обернувшись, она крикнула:

— Зуна, скажите дочери, чтобы она подала завтрак на террасу.

Пюхлер сошел вниз, как только отзвучал третий удар

гонга, висящего на бамбуковой подставке в светлом вестибюле, откуда лестница вела на второй этаж и куда выходили двери комнат первого этажа. На террасе, озаренной утренним солнцем, приятным и неожиданно теплым после стольких дождливых и холодных дней, виднелся накрытый стол. На клетчатой зеленой скатерти сверкал в лучах солнца разрисованный цветочками фарфоровый сервиз. Супруги Росмусовы, сидя в плетеных креслах с цветными подушками, читали газеты. Два ирландских сеттера, опустив морды на передние лапы, в позах, олицетворяющих благополучие и примирение со всем светом, лежали у ног Росмуса. На заднем плане этой дышащей покоем картины зеленел овальный газон и виднелись синеватые вершины гор, высившихся над долиной Огрже. Пюхлер постоял немного в тени лестницы, наслаждаясь этим зрелищем.

«Они привезли с собой сюда кусочек Англии,— подумал он.— Как хорошо понимают они оба, Мери и Эд, совершенство форм. Словно они и родились не в Чехии. Как тонко разбираются в деталях! Утром у них сервиз в цветочках, обед будет сервирован на желтом саксонском фарфоре, а к вечеру, несомненно, будет подан сервиз кобальтовый с золотой каемкой. Если бы мне было суждено обосноваться где-нибудь, я бы устроил свой дом именно так. Но все же лучше блуждать по свету и ловить красоту там, где она тебя ждет».

Он вышел на террасу. Оба пса встали и, слегка виляя хвостами, двинулись ему навстречу с точно отмеренной дозой вежливости.

— Хелло, Вики,— ответила Росмусова на его приветствие.— Прежде чем сесть, нажмите, пожалуйста, вон ту кнопку у двери. Сейчас подадут завтрак.

Невысокая угловатая женщина лет тридцати, в черном платье, белом фартучке и наколке вкатила столик на колесах с широкими шинами. Серебряная посуда слегка позвякивала на ходу. Служанка невнятно поздоровалась. Ее лицо было неподвижно, как и голубые глаза, похожие на глаза садовника Зуны. Она поставила на стол кофейник, чайник и молочник с густыми желтоватыми сливками, тарелки с тонко нарезанным беконом, сыр, масло и яйца всмятку. Росмусова зорко следила за каждым ее движением.

— Ваш отец предсказывает засуху, Роза,— сказала она, когда женщина, кончив свое дело, направилась к выходу.

— Мой отец разбирается в погоде,— без улыбки ответила Роза.— Приятного аппетита.

Когда она исчезла в холле, Пюхлер улыбнулся.

— Непонятно,— сказал он,— пожелала она нам приятного аппетита за завтраком или во время засухи.

— Я охотно бы от них избавилась,— сказала Мери.— От нее и от ее папаши. Но не представляю, кем заменить их при нынешней нехватке рабочих рук.

— Зря ты нервничаешь, Мери,— вмешался Росмус, ловко срезая ножом верхушку вареного яйца.— Предсказание погоды на целый год — это, конечно, вздор, но если бы оно оправдалось, то могло бы стать весьма важным и благотворным политическим фактором.

— Засуха как политический фактор? — удивился Пюхлер.

— Разумеется,— ответил Росмус.— В сложившейся обстановке любое критическое положение в экономике может неожиданно приобрести важное значение.

— Стало быть, сложившаяся обстановка к черту годна? — осведомился Пюхлер.

— Вы сами познакомитесь с нею, мой друг. Еще не раз вам покажется, что наши западные друзья не доделали своего дела. Как бы то ни было, солнце сейчас для нас — желанный гость, а вам, побывавшему в Индии, его, может быть, даже мало.

Разговор зашел о причинах запоздалого возвращения Пюхлера на родину.

— Познакомиться с Британской империей и сферой ее влияния, да еще за счет правительства его величества, было слишком соблазнительно, и я не устоял. Такая возможность не представится дважды в жизни. Египет, Судан, Персия, Индия — об этих странах я грезил еще мальчишкой, а теперь мне преподнесли поездку туда со всеми удобствами, какими пользуется в этих странах только английский джентльмен.

— Не тянет вас написать обо всем этом книгу? — спросила Росмусова.

— Я уверен, что Вики втайне поэт и еще удивит нас каким-нибудь замечательным произведением. Но сначала ему нужно решить вопрос о средствах существования. Вот получит свое законное наследство, пусть тогда путешествует и пишет стихи.

Пюхлер покраснел, как школьник, когда заговорили о его литературных склонностях. В его портфеле, запертом на висячий стальной замочек, хранились наброски новелл,

очерков, этюдов и заметок. Были там и материалы к задуманным романам, и план драмы из военной жизни. Главное же — цикл стихов, который мог бы составить целую книжечку, хоть и не слишком объемистую, но, бесспорно, представившую бы собой новое слово в чешской поэзии.

— Ты смущаешь гостя,— сказала Мери.

Росмус, пожав плечами, ответил:

— Не знаю чем. Виктор — военный летчик и привык к вещам пострашнее. Ему ли смущаться, если откроются его литературные склонности, которые он держит в тайне... Хорошо, чтобы вас успокоить, Вики, скажу, что у меня есть замечательный партнер для вашей игры.

Пюхлер вопросительно поднял брови.

— Старший советник гражданского суда, доктор права Альберт Зима. Фирма «Шкода» пользовалась его услугами до войны, особенно в тяжбах о земельных участках и недвижимости. Это обходится не дешево, но вполне окупается. Свою добрую репутацию он не утратил и при оккупантах, оставаясь в хороших отношениях с правительством протектората и даже с канцелярией самого протектора. В общем, этот человек умеет ориентироваться в самой сложной обстановке.

— Не хотите ли вы сказать, что он сотрудничал с немцами? — недовольно спросил Пюхлер.

Доктор Росмус поставил чашку черного кофе на блюдечко и потянулся за кисетом. Усмехаясь, он тщательно набил трубку.

— Вот видите, Виктор, дальние путешествия, которые вы предприняли, могут, оказывается, принести не только пользу, но и вред. У вас сохранились представления об оккупации, существовавшие в начале сорок пятого года, а ведь сейчас уже лето сорок седьмого. Известно ли вам хотя бы, что наш шурин стал за это время министром юстиции?

— Припоминаю, что читал об этом,— несколько удивленно ответил Пюхлер.— Мне следует поздравить и вас по такому случаю?

— Несомненно, Вики, несомненно,— засмеялся Росмус.— Не только нас, но и себя, ибо это окажется полезным и вам. Но упомянул я об этом потому, что шурин очень ценит доктора Зиму и дал ему ответственное поручение: старший советник юстиции Зима ведет юридическую борьбу с неумеренными аппетитами коммунистов в области национализации, осуществляемой на основе действующих законов. Нужный это для нас человек или нет?

Пюхлер молчал. Росмус наклонился и положил ему руку на колено.

— Вам нужно хорошенько осмотреться, Виктор, чтобы лучше понять обстановку. И одновременно примите к сведению, что министр юстиции начал кампанию за пересмотр взглядов на сотрудничество с оккупантами и за широчайшую амнистию для людей, которых слишком сурово покарали за коллаборационизм. Уверяю вас, что это важнейший политический вопрос и что от его успеха зависит и ваше дело.

Хмуро слушавший Пюхлер вдруг рассмеялся.

— Урок номер один. Что ж, спасибо вам, Эд. Стало быть, я все еще вижу вещи в превратном свете. Но я готов в любой момент выслушать наставление о реалистическом подходе к окружающему. Значит, вчерашние враги могут быть сегодняшними союзниками, и наоборот. Понимаю и соглашаюсь. Таков мир. Пусть мне это кажется гнусным, я знаю, что надо срывать розы успеха там, где их находишь. Хотя бы на куче навоза.

Мери Росмусова задумчиво покусывала мундштук из слоновой кости.

— А разве нужны такие резкие слова? — сказала она.— Иногда не следует называть вещи своими именами.

— Почему? — отозвался Пюхлер.— Мы можем обращаться с действительностью, как нам вздумается: называть ее своим именем, скрывать или клеймить. Только изменить ее мы не можем. Рано или поздно она нас поглотит.

— Мы всегда считали, что знаем вас так хорошо, словно вы нам родня, Виктор,— быстро сказал Росмус, как бы стараясь предвосхитить реплику жены.— Когда-то мы видели в вас легкомысленного юношу, увлеченного только спортом и девушками. Во время войны мы узнали в вас героя. А теперь ваш облик обогатился чертами поэта и социолога. Меня радует одно: понимание реальных фактов у вас превалирует.

— Иногда лучше закрыть глаза на факты и не принимать их во внимание,— сказала Росмусова, глядя на струйку дыма, который медлено рассеивался во влажном воздухе.— Я надеюсь, Эд, ты не забудешь познакомить Вики и с Аленой Зимовой.

Росмус, закуривавший трубку, прикрыв огонек спички обеими ладонями, пробурчал что-то невнятное.

— Алена,— продолжала Росмусова, глядя в небо,— это дочь доктора прав Зимы, о котором вам рассказывал сейчас Эд. Весьма любопытная девица. Эд открыл ее в Пльзени,

где она скучала после отъезда американцев, и устроил на службу в Каданьский районный национальный комитет. Рекомендую ее вашему вниманию.

— Да,— поспешно сказал Росмус.— Конечно, я познакомлю Вики со всяким, кто может быть ему полезен. Кстати говоря, не встречали вы среди своих американских коллег человека по имени Фрэнсис Зак?

— Нет, не припомню такого американца,— неуверенно ответил Пюхлер.

«Росмусу явно неприятно упоминание об этой Алене Зимовой,— подумал он.— Недаром он поторопился переменить тему».

— Он тоже любопытная личность,— продолжал Росмус в своей обычной манере, медленно и раздельно произнося каждое слово, как бы для того, чтобы ни одно из них не пропало для собеседника.— Чешская транскрипция имени, очевидно, Франтишек Жак. Он военный атташе американского посольства в Праге. Возможно, что не позже чем через месяц он приедет к нам на охоту, и вы с ним познакомитесь. Читали вы об истории со штеховицким архивом гестапо?

— Английская общественность комментировала похищение этого архива как дерзкую выходку и образец политической бестактности американцев.

В просвет между двумя могучими липами, растущими на концах овального газона, почти не была видна аллея, ведущая к воротам усадьбы: ее закрывали деревья. Холмы на другом берегу реки синели на дымчатом небосклоне. Из аллеи послышался шум автомобильного мотора. Черная открытая машина, судя по кузову шестицилиндровый «БВМ», появилась в воротах, медленно проехала по дорожке, огибавшей газон, и остановилась в тени более отдаленной липы.

Росмус встал, сказав:

— Придется вам пересмотреть свой взгляд и на это дело. К Англии, я бы выразился, мы привязаны всем сердцем. Но единственным подлинным победителем в этой войне являются Соединенные Штаты. Что же касается штеховицкого архива, уверяю вас, что и для вас лучше то, что он очутился в руках американцев, а не нашего большевистского министерства внутренних дел. А сейчас извините меня, я отлучусь на десять минут. В Кадань, я надеюсь, мы поедем вместе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Росмус прошел по террасе навстречу гостю, который вышел из машины. Это был человек среднего роста, худощавый, но с широкими, крепкими плечами. Голову он держал прямо и почти закидывал ее, словно свысока глядя на все окружающее. На нем были высокие черные сапоги, серые бриджи и коричневая замшевая куртка на «молнии». Белая рубашка, расстегнутая у ворота, подчеркивала острые черты худого лица с выступающими скулами, тонким горбатым носом и решительными глазами. Это был Филип Тимеш, до возвращения Росмуса занимавший пост управляющего имением Врш, потом административный комиссар селения Грюн, а ныне управляющий государственным опытным хозяйством, в которое была временно преобразована эта деревня после выселения оттуда двух третей жителей. И хотя дворы Грюна тянулись вдоль дороги, идущей вверх от Врша, и основные грюнские угодья были расположены на плато, где на высоте девятисот метров вызревали в августе тяжелые синие виноградные гроздья и пшеница давала богатый урожай, крайние земельные участки Грюна, в частности те пастбища, о которых упоминал Бузек, соприкасались с владениями Росмусов.

Росмус ввел гостя в библиотеку, где в массивных застекленных книжных шкафах в стиле барокко виднелись толстые красные тома Британской энциклопедии, специальная техническая литература, беллетристика на английском языке и детективные романы. Хозяин и гость уселись в глубокие темно-коричневые кожаные кресла, и Росмус слегка потер руки, может быть, потому, что пожатие костлявой руки Тимеша было слишком крепким. Потом он молча открыл серебряную шкатулку, стоящую на круглом столике между ними, и Тимеш, также молча, взял из нее туго набитую английскую сигарету и закурил. Росмус наклонился над большой пепельницей из граненого стекла и начал прочищать свою трубку. Делая вид, что он целиком погружен в это занятие, Росмус заговорил:

— Я рад, очень рад, что вы приняли мое приглашение и заехали ко мне побеседовать по-соседски. Тем самым мы оба сэкономим много времени.

Тонкие губы Тимеша чуть-чуть сжались. «Начинай, начинай,— подумал он,— но не воображай, что я облегчу тебе этот разговор. Что еще тебе может быть нужно, как не

наши нижние выгоны, которыми ты пользовался в прошлом году? Только нынче это будет тебе потруднее и придется набавить цену. Что было, то прошло, и мы квиты». И он сидел, ожидая, что скажет Росмус. Скрестив ноги в высоких сапогах, упершись локтями в ручки кресла и сплетя пальцы, Тимеш глядел перед собой твердым насмешливо-презрительным взглядом.

В прошлом году Тимеш сдавал в аренду Росмусу, вернее его жене, официальной владелице именья Врш, луга, принадлежавшие прежде выселенным грюнским крестьянам, а ныне государственному хозяйству «Грюн». Но что это была за аренда! Тимеш согласился на нее только потому, что Росмус сумел разузнать о его махинациях: что́ тот вывез из виллы, что́ из украденного продал и кому и что́ оставил себе. Прижатый к стенке, Тимеш в дни, когда решался вопрос о его приеме в коммунистическую партию, испугался угрозы судебного иска, который мог привести к дальнейшим неприятным разоблачениям, и сдал в аренду луга в обмен на письменное подтверждение, что вывезенные из Врша и распроданные вещи он честно купил у законного владельца. Так Росмусам в прошлом году досталось сено с нижних грюнских лугов, и их скот пасся там, пока не выпал снег. «Нынче это будет вам нелегко, наш уважаемый пан доктор и инженер,— думал Тимеш.— Придется покланяться...»

Росмус дочистил трубку и взглянул на гостя.

— Полагаю, что я не задержу вас надолго,— сказал он.

— Я остановился у вас по дороге в Кадань,— ответил Тимеш.— У меня есть свободных четверть часа.

— Четверть часа... Возможно, нам понадобится даже меньше,— сказал Росмус и рассмеялся.

— Чему вы смеетесь?

— Я подумал о том, что сейчас все пути ведут в Кадань. Я собираюсь туда сразу же после разговора с вами, и мой гость тоже. Когда у вас будет больше свободного времени, я познакомлю вас с ним. Это Виктор Пюхлер, племянник бывшего владельца текстильной фабрики в Поточной.

Тимеш еще больше поджал свои злые губы.

— Он приехал вступить во владение наследством? Нелегкое и неблагодарное это дело.

Росмус откинулся в кресле, протянул руку к письменному столу и взял оттуда желтый конверт. Только после этого он ответил.

— Вы упустили из виду два обстоятельства. Во-первых, сейчас не сорок шестой, а сорок седьмой год, и, во-вторых,

правопорядок все еще существует, хотя он и сильно поколеблен.

Тимеш слегка пожал плечами и обратил взор на открытые двери, ведущие из библиотеки на террасу. Солнце поднималось, становилась гуще и туманная дымка. Насыщенный водяными парами воздух принял золотистый, потом сероватый оттенок.

Тимеш перевел взгляд на конверт в руке Росмуса и вдруг ощутил непонятное беспокойство. Открытая дверь неодолимо манила его. «Встать бы и уйти,— подумал он.— Вот сейчас так и сделаю. Адье, уважаемый хозяин, честь имею кланяться. Тимеша вы дважды не проведете... Еще секунда, и я ухожу. Да что же это такое, боюсь я, что ли?»

Росмус отложил погасшую трубку и провел ребром конверта по губам.

— Луга,— начал он тихо,— которые мы арендовали у вас в прошлом сезоне, понадобятся нам и в этом году.

Тимеш с минуту молчал, глядя на хозяина, потом опять перевел взгляд на открытые двери. Росмус продолжал:

— Наша потребность в них возрастает все больше, и я полагаю, будет лучше всего, если они совсем перейдут в нашу собственность. Насколько мне известно, прежние владельцы этих лугов были выселены. И мне...— он помолчал и еще раз провел ребром конверта по губам.— М-да, мне удалось найти способ зарегистрировать их как земельные угодья нашего именья, причем вы не будете иметь с этим делом ничего общего и вам нечего опасаться.

Тимеш отвел взгляд от дверей на террасу и насмешливо скривил рот.

— Это неплохо,— ответил он, преодолевая спазму в горле.— По-видимому, вы намерены также сказать, чтó предлагаете мне в обмен на эту уголовную сделку.

Росмус улыбнулся и постучал ребром конверта о стеклянную доску на столике.

— Разумеется,— сказал он.— Молчание.

Тимеш почувствовал, что у него деревенеют руки и ноги. Лишь с большим трудом он заставил себя взять сигарету из шкатулки и закурить. «Это трюк,— твердил он себе,— не что иное, как трюк. Он не знает ничего определенного и пытается поймать меня. Но Тимеша не так-то легко провести фокусами с конвертом».

Встав, он сунул сигарету в пепельницу и сказал:

— Плохой из вас выйдет почтальон, пан Росмус. Вы перепутали адрес. До свиданья.

Росмус даже не пошевелился, чтобы удержать его, и только сказал:

— На вашем месте я бы не уходил. Не такой я плохой почтальон, как вам кажется. Мне, например, известно несколько адресов, где содержимое этого конверта вызовет живейший интерес. Садитесь!

Он сказал это резко и отнюдь не гостеприимно. Тимеш повиновался.

— Насколько мне известно, вас только в прошлом году приняли в коммунистическую партию,— продолжал Росмус легким разговорным тоном, словно беседа ничем не нарушалась.— И против вашего приема упорно возражали некоторые коммунисты. Еще и сейчас далеко не все они примирились с тем, что вы состоите в партии. Если я передам этот конверт, например, пану Багару, уверяю вас, что исключение вас из партии будет только началом многих гораздо более крупных неприятностей.

Вспышка злобы пересилила в Тимеше страх. Он сидел, подавшись вперед, все тело его напряглось, он вцепился костлявыми руками в колени. На открытой шее Тимеша быстро билась синяя жилка. Внезапно он взмахнул правой рукой и вырвал конверт из рук Росмуса. Тот откинулся в кресле и рассмеялся с видом человека, которому удалась замечательная проделка. И пока Тимеш разрывал конверт, чтобы взглянуть на содержимое, Росмус, перестав смеяться, сказал:

— Превосходно, уважаемый Тимеш! Вы применили тактику внезапного нападения, совсем так, как это делал незабвенный имперский канцлер. К сожалению, столь же неудачно. Можете разорвать не только конверт. У меня есть еще такие же фотокопии, и я могу получить их сколько угодно.

Филип Тимеш появился в Поточной в конце мая 1945 года, во главе отряда «революционных гвардейцев», состоявшего из удалых молодчиков, которые решили, что присоединение Пограничья дает им счастливую возможность пожить как на Диком Западе и одновременно обогатиться — как и на чей счет, не важно. После того как административная комиссия изгнала их из Поточной, они отправились дальше, но через несколько дней перессорились, и отряд, брошенный своим предводителем, быстро распался. Некоторые «гвардейцы» вернулись с повинной в Поточную, след других затерялся в просторах Пограничья, а Тимеш стал народным управляющим именья Врш и оставался там до самого возвращения Росмусов.

Странный человек был этот Филип Тимеш: никому он не нравился, но казался не хуже многих других переселенцев в Рудных горах. Об одном говорили одно, о другом другое, кое у кого было сомнительное прошлое, но поди-ка уличи человека, когда и без того хлопот полон рот, каждый день возникают все новые заботы в этих новых и далеко не легких условиях. Переселенцы вообще-то мало симпатизировали друг другу, всем им еще предстояло сжиться и сблизиться, сообща преодолевая трудности. Даже земляки, соблазненные приятелями и приехавшие группами из Рокицан или Бероуна, из Нуслей или Коширж, Пльзени, Сланого и Лоун, через некоторое время начали ссориться из-за лучшего домика, а то и комода, дивана, трельяжа или буфета, и заводили нескончаемые, постоянно вновь вспыхивающие склоки, которые отравляли даже атмосферу партийных собраний. Только крепкая прослойка рабочих-коммунистов, приехавших со старым текстильщиком Деймеком, держалась дружно, составила прочное ядро партийной организации и стремилась сосредоточить внимание переселенцев на более важных вещах, чем препирательства об ордере на ковер, мотоцикл или радиоприемник. Но так как им приходилось воевать сразу на несколько фронтов — и против рваческих поползновений «народных управляющих», и за выполнение двухлетнего плана,— то они целиком были заняты сегодняшним днем и забывали спросить, кто и что делал вчера. И вышло так, что после долгих колебаний Тимеш был принят в коммунистическую партию.

Вопрос этот разрешил сам Деймек, тогдашний председатель первой и единственной партийной организации в Поточной, коммунист с 1921 года, старый борец за рабочее дело, чья жизнь прошла в тяжелом труде и упорной борьбе подгорских текстильщиков, знавший увольнения, безработицу, стачки. «Не нравится, не нравится!..— сказал Деймек на собрании партийного комитета.— Всякий только и говорит: «Мне этот Тимеш не нравится». Бывает и так: один что-то брякнет, другой повторит, и человек уже запятнан неизвестно почему. Не по-большевистски это, товарищи, согласитесь сами. Мне он, может, не нравится еще больше вашего, но мы не для того в партии, чтобы нравиться друг другу. Мы в ней потому, что нас объединяет одна идея, конкретно говоря, потому, что мы эту идею считаем правильной. Если так считает и Тимеш, пусть служит ей, как мы. Ничего другого делать в партии мы ему не позволим, а если он затеет что-нибудь непотребное, сразу его разоблачим. Никто не хотел подписаться на его анкете

поручителем, каждый выкручивался: я, мол, его не знаю. Да и я тоже. А вот теперь он привез из Праги две подписи членов Центрального Секретариата партии. Одного из них я знаю лично, он работал среди нас до войны несколько лет. Я уверен, что оба они, и он и она, не поручились бы за недостойного человека. А он даже приписал: «Рекомендую принять». Что вы на это скажете, товарищи? Вопрос ясен? Ставлю на голосование».

И Филип Тимеш был принят в партию. С тех пор никто не мог сказать, что он чем-то отличается от многих других партийцев. Собрания он посещал аккуратно, в прениях выступал толково, проявляя немалый житейский опыт, и лишь иногда ударялся в крайности, предлагая слишком крутые меры там, где нужны были продуманные действия и кропотливая работа. Но это можно было объяснить его недостаточной партийной закалкой, которой, впрочем, в то время не хватало очень многим. Порученным ему государственным хозяйством он управлял успешно, хотя ходили слухи, что он обогатился при выселении грюнских немцев. Не было, однако, никаких явных доказательств того, что все это не пустая болтовня.

Только один раз поведение Тимеша возмутило коммунистов: при выселении последней группы немцев из Поточной он увез с собой в Грюн брненскую немку фрау Краус, которая до тех пор жила с владельцем ресторана Рейзеком. Оказалось, он выхлопотал для нее так называемое «условное чехословацкое гражданство», чего не удалось Рейзеку. Тимеша вызвали тогда в партийный комитет, но он очень убедительно доказал, что, во-первых, отношения с Краус — целиком его личное дело и, во-вторых, в министерстве внутренних дел пришли к заключению, что германское гражданство было в свое время дано Краус не только необоснованно, но и против ее воли.

С тех пор все было тихо. Краус жила в горах, в Грюне, и было известно только, что она заботливо ведет домашнее хозяйство Тимеша. Никто особенно не верил слухам, будто Тимеш бьет ее, потому что чехи никогда не были свидетелями чего-нибудь подобного, оставшиеся же грюнские немцы не отличались разговорчивостью, а после выселения от них вообще нельзя было добиться связного слова. Так что все эти разговоры оставались недоказанными сплетнями. Ими развлекались только те жители Поточной, которым при виде Тимеша нравилось представить себе, как красивая фрау Краус извивается под его арапником.

И вот теперь Тимеш, умевший поговорить о чем угодно,

только не о себе, Тимеш, вызывавший столько подозрений и зависти, но ни в чем не уличенный, Тимеш, который умел так ловко устраиваться и был хитер, как лиса, и тверд, как кремень, этот самый Тимеш сидел здесь, держа в дрожащей руке материализованную тень своего прошлого, о котором доселе знал лишь он один.

Это были две черные фотокопии: документ о его досрочном освобождении из концлагеря и обязательство, подписанное им тогда в гестапо; Тимеш выполнял его до мая 1945 года.

Тимеш заметил, что Росмус внимательно наблюдает за ним, делая вид, что небрежно поигрывает трубкой. Не имеет смысла доставлять ему удовольствие и развлекать его больше, чем это неизбежно... Тимеш закусил тонкие губы, положил дрожащие руки на колени и погрузился в размышления, глядя на Росмуса застывшим от ярости взглядом. «А ведь говорили, что гестапо успело увезти свои архивы... Нашим эти архивы не достались, иначе давно уже был бы переполох. Надо будет сообщить Карелу,— вспомнил Тимеш о своем поручителе.— Пусть попытается хотя бы выяснить, откуда все это идет, если не сможет сделать ничего другого. И пусть обезопасит себя, пока еще не поздно... если, конечно, и его не взяли за глотку».

— Время идет,— сказал Росмус.— Что вы решили?

— Откуда у вас это?

— Вы что, всерьез рассчитываете на ответ?

— Я оставлю себе эти снимки.

— Пожалуйста. Я уже сказал, что могу получить сколько угодно копий.

— Вы негодяй!

— Почему вы забываете, что были когда-то офицером? Грубостью своего положения вы все равно не улучшите.

— Обстановка еще изменится.

— Не знаю, что вы от этого выиграете. Обстановка может измениться так или этак или совсем перевернуться вверх тормашками — результат будет для вас все тот же,— ответил Росмус, улыбнувшись собственной остроте.

— Я могу уехать отсюда, и ваша комбинация с лугами сорвется.

Росмус пожал плечами.

— Если вы скроетесь, я немедля пошлю копии этих документов всем соответствующим государственным органам и районному комитету вашей партии. В республике вас найдут и посадят. Если вы сбежите за границу, вернуться вы уже никогда не сможете.

— Скажите мне без промедления, чего вы от меня хотите, и я пойду. Мне противно с вами разговаривать.

Росмус развернул на столе карту земельных владений Врша и Грюна. На плотной пожелтевшей бумаге тянулись линии — границы отдельных полей, лугов и лесных угодий. Росмус водил по ним мундштуком трубки, и в памяти Тимеша возникали зеленые пастбища под южным склоном грюнского плато. Одни из них лежали на равнине, другие примыкали к рощам и перелескам или тянулись до леса, покрывающего склоны гор до высоты семисот метров. Основные владения Грюна начинались только над этим лесом, на плато высотой в девятьсот метров. Правда, с тех пор как добрых две трети грюнских хозяев переселились в Германию, для покосов на нижних лугах в Грюне не хватало рабочих рук, но было несомненно, что государственное хозяйство, управление которым поручено Тимешу, со временем будет остро нуждаться в душистом и питательном сене с этих лугов. Тимеш до боли сжимал кулаки, подавляя в себе желание нанести удар по самоуверенному и насмешливому лицу Росмуса. Ибо, хотя луга и принадлежали государству, Тимеш до сего дня чувствовал себя их полновластным хозяином, и ему казалось, что Росмус грабит лично его.

Следя за движениями трубки Росмуса, он переполнялся яростью; ему даже стало душно, словно сквозь открытые двери сюда проникла волна горячего воздуха.

— Немалый у вас аппетит,— сказал он хрипло.

— Врш тоже не мал,— ответил Росмус с самодовольной улыбкой.— Кстати говоря, большая часть этих лугов когда-то принадлежала нам. Рощицы до сих пор наши. Первая земельная реформа натворила глупостей, вот мы их теперь и исправим.

— Вы уверены, что никто этого не узнает?

— Я не авантюрист и не азартный игрок и берусь только за верные дела. Старые карты исчезнут, и их место займут новые. Записи в поземельных книгах подтвердят это. Я буду молчать о вас, а вы — об участках. И вы примете меры, чтобы молчали грюнские немцы. Если кто-нибудь из них заговорит с вами об этом, скажите, что эта перемена произошла по распоряжению свыше. Начальство всегда было для немцев чуть ли не главнее господа бога, так оно и останется. Да, впрочем, они вообще не понимают, что творится вокруг. Итак, я полагаю, мы договорились.

— Вы договорились,— сказал Тимеш.— Я считаю, что на этом наше сотрудничество кончается.

Росмус пожал плечами и усмехнулся.

— Не наверняка. Может быть, мне захочется побеседовать с вами. Я вызову вас, вы вспомните о картинках, которые у вас в кармане, и охотно навестите меня.

Тимеш молча повернулся и вышел на залитую солнцем террасу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Иржи Багар, председатель РНК в Кадани, завтракал. Он присел к углу стола, отставив одну ногу, словно готовясь по сигналу вскочить и бежать, заглядывал в бумаги, лежащие около чашки, машинально пил горячий чай и откусывал от ломтя хлеба, скудно намазанного гусиным салом.

Коричневый пузатый глиняный горшочек сала стоял на тарелке рядом с чайником, из которого еще струился пар. Этот горшочек и его содержимое принесла мамаша Деймекова, теща Багара, которая была уверена, что без нее «наша девочка и ее парень», как она привыкла называть зятя, были бы обречены на полуголодное существование или, по крайней мере, питались бы одним сухим хлебом. Если судить по этой заботливости, можно было подумать, что она только тем и занимается, что откармливает дома гусей. Между тем гуси у Деймековой водились лишь благодаря тому счастливому обстоятельству, что домик их стоял у самого берега речки Поточной, мамаша же, с тех пор как Багар и Здена стали жить отдельно, вернулась к станку на текстильную фабрику.

Утреннее солнце сквозь дымку испарений освещало комнату, из окон которой была видна невысокая, вся в кудрявых зарослях гора — любимое место прогулок жителей Кадани, особенно юных влюбленных парочек. Но Багар, если он и обратил внимание на красоту первого солнечного утра после многодневных дождей, лишь с удовлетворением отметил этот факт как весьма положительный и снова погрузился в чтение письма.

Письмо было от Ярды Гласека, бывшего литейщика завода «Колбен» в Праге. Гласек поселился в Клаштерце в 1946 году. Из-за болезни легких ему пришлось отказаться от своей прежней профессии, и он испробовал в Рудногорье много всяких занятий, но его все же манил запах металла, без которого он не мог жить, и он стал фрезеровщиком на клаштерецком заводе точного машинострое-

ния — «Точмаше», который с мая прошлого года образовал единое производственное и административное целое с шарикоподшипниковым заводом в Поточной, входившим в систему предприятий «Шкода»; ими после выборов 1946 года снова управлял инженер Росмус. Ярда Гласек был немолод, сорок ему стукнуло давно, а пятьдесят были уже на носу, однако юношеская воинственность, энтузиазм и неистребимая бодрость были в нем неисчерпаемы, как в двадцатилетнем парне. Таким же было и его письмо, боевое, горячее, словно бьющее тревогу. Гласек чувствовался в каждой строчке письма, и Багар, читая, мысленно видел товарища перед собой: смуглое лицо, в поры которого въелась графитовая пыль, пылкие темные глаза и черные волосы без единой сединки — в общем, вечного Ярду, в общении с которым и молодые рабочие, вчерашние ученики, переставали смущаться и называли его по имени, словно своего ровесника. Даже детям жена Гласека вынуждена была частенько напоминать, что для них он не Ярда, а отец.

Погруженный в чтение, Багар совсем не заметил, что его жена вышла из ванной в соседнюю комнату, где у них была спальня, с чем-то там возится и тихонько напевает. Он испуганно вскинул голову, когда Здена его окликнула.

— Что там у тебя такое интересное, Ирка?

Кровь бросилась в лицо Иржи, и даже лоб у него покраснел. Несмотря на седые волосы, лицо Багара было свежо и молодо, только между бровей лежала поперечная морщинка.

— Да вот письмо от Гласека из Клаштерца,— крикнул он в ответ, отставил чашку, словно был ею недоволен, и снова погрузился в чтение.

В комнату быстро и неслышно вошла Здена, стала за спиной Багара, положила руки ему на плечи, взяла мужа за подбородок и прижала его голову к своей груди. Она мало изменилась с тех пор, как приехала в Поточную, только бока ее и грудь заметно округлились.

— Ну, что же пишет Ярда Гласек?

Багар глубоко вдохнул свежий запах ее кожи, еще влажной после ванны, и хотел было ответить, но Здена откинула его голову еще больше, крепко поцеловала в губы, а потом обошла стол и села напротив. Багар взглянул на ее розовое лицо, на пышные каштановые волосы, пронизанные утренним солнцем, так что местами они даже отливали золотом, на ее круглую мягкую шею и грудь, мерно поднимающуюся и опускающуюся, и сказал:

— Здена!

— Ну, что? — улыбнулась она.

Но Багар покачал головой и вздохнул, словно все, чем он был сейчас переполнен, невозможно было выразить словами или, наоборот, он уже говорил об этом много раз и стеснялся повторить.

— Ну, читай же, дурачок,— мягко сказала она.— Или расскажи своими словами, что он пишет.

Гласек писал несколько несвязно, перескакивая с предмета на предмет, горячо и сердито, совершенно так же, как разговаривал. «Выполняем мы двухлетку или нет? — спрашивал он.— У нас на заводе этого что-то незаметно. Получку нам платят, на этот счет обижаться не приходится, но люди лодырничают у станков, потому что им нечего делать. Что же это такое? Нам, рабочим, отродясь никто ничего даром не давал, стало быть, тут наверняка очень ловкий подвох. Я не люблю соваться к другим по делу, с которым могу справиться сам. Но тут, сдается мне, надо брать выше, так высоко, что простым рабочим не достать... Ходили мы к Росмусу. Кто ходил, сам понимаешь: коммунисты, которые все-таки попали работать на завод, как Росмус ни остерегался этого. Его люди — он их привез из Пльзени и Рокицан — только ухмыляются. Но меня не так-то легко провести, я знаю, что за штучки эти социал-демократы, на что они способны. Я с ними имел дело».

— Да, он имел,— сказала Здена и слегка вздохнула. Оба они мысленно представили себе Гласека и его чуть опущенное левое плечо: в 1920 году во время борьбы за Народный дом в Праге полицейская дубинка перебила Ярде ключицу, которая потом неправильно срослась.

«Росмус улыбался и был приветлив донельзя. Страшно мне нравится, когда они приветливы! У меня сразу начинает ныть моя ключица и чешутся руки. Чего, говорит, вам не хватает? Деньги, мол, вы получаете, и никто вас не подгоняет. Я ему: работы у нас мало. Вот и все, но достаточно и этого. Позаботьтесь-ка, чтобы у нас была работа, для того вы тут и поставлены, а подгонять нас не нужно. Как же мы выполним двухлетку, если станки стоят и мы стоим? Только я заговорил о двухлетке, рожа у него окаменела, прямо как у святых на Карловом мосту. План, говорит,— это одно дело, а выполнение его — другое. Про нас-де, видно, забыли при распределении сырья. Пока что у меня, мол, есть только указание сохранять наличные кадры, держать оборудование в порядке и ждать, что будет дальше. Возможно,

что в настоящее время наш завод лишний и не может быть загружен. Так вот, докладываю тебе, товарищ Багар, что мы, коммунисты, и завком тоже решили выяснить, кто это там про нас позабыл и для кого мы сейчас лишние. Ручаться можешь, что здесь вредительство. Когда вернемся, я тебе дам знать, чего мы добились. Если дело не пойдет, будем просить твоей помощи. Нельзя же пролодырничать всю двухлетку! Верно, а? Что бы на это сказал Готвальд? Привет жене. Честь труду! *Ярда Гласек*».

Здена сидела молча, задумчиво глядя на цветущую абрикосовую ветку, которая покачивалась за открытым окном, хотя было полное безветрие. Ее покачивал зяблик, он уселся на ветку, пропел веселую утреннюю песенку и спорхнул на землю. А ветка, густо осыпанная розовыми цветами, все еще двигалась в такт его песенке, которая время от времени звучала где-то под окном в молодой, свежей траве.

Багар взглянул на жену, удивленный ее необычным молчанием. Ему показалось, что на ее лице заметно какое-то новое, небывалое или не замеченное им прежде выражение. Румянец на щеках как-то поблек, она заметно побледнела, белый лоб резко выделялся на фоне каштановых волос, а глаза, устремленные куда-то мимо Багара, расширились, углубились и потемнели, как колодцы, дна которых не увидишь и при дневном свете. И этот новый, еще незнакомый оттенок ее красоты заставил сжаться сердце Багара, почувствовавшего такое же волнение, какое он пережил в дни, когда понял, что любит Здену, но еще не набрался духу сказать ей об этом.

Он и раньше замечал, что Здена иногда вдруг затихает и глядит в одну точку, словно на какой-то никому другому не видимый предмет. Но тогда в ее глазах отражалась грусть, и Багар понимал почему. В этом взгляде был мучительный для него упрек: он знал, о чем она думала в такие минуты, знал, потому что не мог не знать. Здена мечтала стать матерью, и это оставалось только мечтой.

Но сегодня он увидел в ее взгляде какое-то новое, но совершенно не похожее на грусть выражение: казалось, глубоко в душе Здены сияло еще одно солнце, такое же лучезарное, как и то, что поднималось сейчас на небосклоне. И Багару казалось, что нельзя ее отвлекать, что лучше всего сидеть молча, радоваться новой красоте Здены и забыть хоть на минуту обо всем остальном, чем они живут, что любят, за что борются и что через мгновение снова неумолимо увлечет их.

— Здена,— тихо сказал он,— ты не слушаешь меня?

Она медленно перевела взгляд на мужа и спокойно ответила с улыбкой:

— Слушаю. Каждое слово. Вот уже в третий раз за полтора года «Точмашу» нечего делать. Может быть, они снова начнут выпускать, как и в прошлом году, детские лодочки из дерева и листового дюраля, оставшегося еще от фашистов. Знаешь ли ты, что эту продукцию никто не берет, она так и лежит у них вся целиком на складе?

Багар вздохнул, вытянул пальцы правой руки, лежащей на столе, снова сжал их в кулак и слегка стукнул суставами по столу. «Уже исчезло,— подумал он с оттенком сожаления.— И я никогда не догадаюсь и не узнаю, что выражал ее взгляд».

Здена говорила оживленно, как всегда, когда речь шла о вещах, интересующих их обоих. Она вновь порозовела, только зрачки ее остались расширенными и темными, словно от атропина.

«Уже исчезло,— повторял про себя Багар,— но я должен запомнить этот миг. Жизнь двух людей может быть замечательно богатой, если не забывать все то хорошее, что они пережили вместе».

Мысли его вернулись к письму, и он нахмурился.

— Им пришлось туго, только тогда они и написали. А не будь Гласека, они бы, наверное, молчали, пока их не стали бы увольнять. Виноват ли я в этом? Несомненно. Мы в районе уделяем «Точмашу» мало внимания. Он является частью национализированного предприятия и, стало быть, работает по плану. Мы забываем, что этот завод возглавляет Росмус, а тому в управлении, видимо, кто-то потакает. В чем? Надо, очевидно, приглядеться.

— Не в том дело,— сказала Здена.— Мы не так глупы, как им хочется. Все их намерения прозрачны, как вода в стакане.

— К счастью, да,— согласился Багар.— И все-таки у меня иногда бывает неприятное ощущение, что они переходят в наступление, а мы — к обороне.

Здена глубоко вздохнула, наклонилась вперед, опершись грудью о стол, и тайком от мужа прижала руку к левому боку. Багару показалось, что жена снова побледнела. Она кивнула в сторону буфета, где в простой дубовой рамке стояла фотография молодого советского офицера, сейчас ярко освещенная утренним солнцем.

— Вспоминаешь ты иногда Матвея? — спросила она,

и голос ее раздался как-то глухо, утратив свою обычную звонкость.

Багар улыбнулся.

— Всякий раз, когда выхожу из себя. Тогда я представляю себе, что он стоит передо мной, кладет мне руку на плечо и говорит: «А где будут завтра эти сегодняшние трудности?» Он гораздо моложе меня, но всегда казался мне старшим братом.

— Он был старше благодаря опыту, которым обладают советские люди,— сказала Здена.— Как ты думаешь, что он сказал бы тебе сейчас?

— Не знаю, что ты имеешь в виду,— рассеянно ответил Багар.

— Он сказал бы: они не нападают, они только уверяют себя в этом. Они хотели бы внушить это и нам. А мы не в обороне. Если мы хоть на минуту допустим такую мысль, мы этим сами ослабим себя. Мы не обороняемся, мы идем вперед. А они или поумнеют и пойдут с нами, или пострадают из-за собственной глупости и подлости.

С каждым словом голос Здены становился все звучней, на щеки вернулся обычный легкий румянец, но она попрежнему опиралась грудью о стол и незаметно прижимала руку к сердцу. Увидев ее такой, как всегда, Багар глубоко затянулся дымом первой в этот день сигареты и почувствовал, что у него исчезли последние остатки тревоги. Он засмеялся с облегчением, как-то по-мальчишески.

— Ты, по обыкновению, права, Здена,— сказал он.— Я должен был бы попросить тебя, как просил раньше Матвея: «Отчитай меня!» Но для меня разговор с тобой все равно что с самим собой. У меня потребность говорить тебе даже то, о чем достаточно просто подумать. Хорошо это? По-моему, да. У нас с тобой не может быть ни секретов, ни затаенных мыслей.

Багар наклонился над столом, и ему опять показалось, что щеки Здены побледнели и в глазах ее, хоть она и смотрит прямо на него, какое-то отсутствующее выражение, словно она не слушает. «Нет, я преувеличиваю,— мысленно сказал он себе.— Что-то я сегодня слишком чувствителен. Просто это свет так падает на ее лицо». И он продолжал:

— Как же ведем себя мы и как ведут себя они? Ты говоришь, что они не наступают? Ну, а как назвать то, что они делают в последнее время? Разве случай в Варнсдорфе — не попытка открытого наступления? А тактика Росмуса? Что это такое, как не попытка доказать, что национа-

лизированная промышленность неповоротлива по сравнению с частными предпринимателями: она, мол, даже не сумеет обеспечить выполнение двухлетки. А с другой стороны, многие из нас делают вид, что не видят всей опасности этих попыток. Смогут наши враги добиться своего? Я отлично знаю, что нет. Но мы должны ни на минуту не выпускать их из поля зрения, должны непрерывно показывать народу, что они творят и зачем. Так?

— Ну конечно, так! — воскликнула Здена и улыбнулась, как бы отказываясь от возражений.

Но ее улыбка мгновенно погасла. Она встала, отошла к открытому окну, оперлась правым плечом о раму и глубоко вдохнула теплый воздух, скорее душный, чем свежий. Багар испуганно вскочил, подошел к ней, обнял ее за талию и встревоженно спросил:

— Тебе нехорошо, а, Здена?

Она крепко пожала его руку, вздохнула и засмеялась. Зяблик, который уселся на свою любимую абрикосовую ветку, испуганно взлетел.

— Да, мне нехорошо, и это хорошо. Загадка, а? Разгадай, умник, попробуй!

Багару вдруг стал тесен воротник. Воздух, вливающийся в окно, показался ему нестерпимо душным. Голова Здены лежала у него на плече, и запах ее волос и кожи, чистый и вместе с тем волнующий — так пахнет листок бальзамина, когда разомнешь его пальцами,— смешивался с благоуханием сырой, согретой солнцем земли, с пробивающимся ароматом цветов, свежей зелени и травы. Багар крепче прижал к себе молодую жену и молча взволнованно думал. «Ты хотел бы поверить в то, о чем мечтаешь? — твердил он себе.— А почему бы это не могло произойти? Почему? И все же ты никак не можешь заговорить об этом, потому что ей ведь будет очень обидно, если окажется, что она ошиблась...»

С осени сорок пятого года Багар и Здена из месяца в месяц ожидали признаков ее беременности. Из месяца в месяц их разочарование становилось все глубже, и наконец они перестали говорить на эту тему, тщательно избегали даже упоминания о ней. И так же, как они ничего не таили один от другого, так и эту единственную невысказанную мысль они читали в глазах друг у друга, и оба робко отводили взгляд, когда им казалось, что она мелькнула в глазах одного из них.

— Нет,— хрипло сказал Багар.— Не буду гадать. Не могу.

Здена тихо засмеялась и потерлась лицом об отворот его пиджака.

— Председатель районного национального комитета боится. А еще считает себя коммунистом и знает, что должен быть образцом нового человека в своем районе.

— Здена!

— Ну скажи, что ты думаешь. Скажи и не бойся. А то ничего не узнаешь.

— Значит, да?

— Да!

Он быстро привлек ее к себе, но она вывернулась из его объятий. Щеки у нее горели. Стоя лицом к лицу с ним, она сказала:

— Теперь уже нельзя быть таким диким.

— Извини,— сказал он смущенно и просительно.— Это я от радости. Скажи только, это не ошибка?

Здена рассмеялась звонким смехом, словно счастье в ней звенело бубенцами, какими увешивают игрушечных паяцев, и ответила:

— Нет, не ошибка. Это ясно как божий день.

Взявшись за отвороты его пиджака, она отступила в глубину комнаты, потянув мужа за собой.

— Если ты хочешь поцеловать меня, то пожалуйста, но только не здесь — у окна.

Они стояли, глядя в глаза друг другу, словно ища в них ответа на вопрос, как эта радость отразится на их жизни, как наполнит и изменит ее.

— Я хотел бы, чтобы это была девочка, Здена, похожая на тебя.

— А я хочу мальчика Ирку. Будем спорить?

— Нет, не будем. Мальчик или девочка, все равно это будет твой ребенок.

— Ты представляешь себе, он наверняка увидит коммунизм!

В передней раздался звонок, такой пронзительный, что оба вздрогнули и отпрянули друг от друга, как будто кто-то неожиданно вбежал в комнату. Здена подошла к окну посмотреть, кто стоит у калитки.

— Это товарищ Постава и с ним какой-то парень. Будет мне что подметать,— улыбнулась она, вспомнив о трубке Поставы, из которой сыпался пепел, как только ее хозяин оживлялся во время разговора.

— Я пойду открою.

И она побежала к дверям, но Багар ухватил ее за руку и остановил. Он покраснел от волнения.

— Что это ты вздумала так бегать? А вдруг поскользнешься и упадешь? Привыкай ходить потихоньку.

Она поглядела на мужа, и огонек насмешливого упрямства в ее глазах погас от прилива глубокой нежности. Багар смутился и вдруг показался себе неловким и глупым, как в детстве, когда он вот так же стоял перед взрослыми, подозревая, что им известны все тайны жизни, которые он тщетно старается постичь.

— Я открою сам,— пробормотал он и шагнул к дверям, но Здена, в свою очередь, остановила его, схватив за руку.

— Нет, Ирка, я не хочу так,— решительно сказала она,— нечего меня баловать и оберегать на каждом шагу. Я сама хорошо знаю, что мне можно и чего нельзя. Да не гляди так уныло и не бойся. Ребенка я тебе рожу.

Она поднялась на цыпочки, поцеловала его в подбородок около рта и, так как звонок в передней зазвенел снова и еще настойчивее, сказала укоризненно:

— Вот видишь, они еще подумают, что мы не хотим впустить их.

И исчезла в соседней комнате.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Винценц Постава положил на колено плоскую кепку с козырьком, поерзал на стуле, отыскивая правильное место — не на краешке, но и не посередине, а какое подобает гостю. Багар и Здена молча ждали, пока он устроится и скажет, почему пришел в такое неурочное время. Его спутник, молодой человек, на смуглом смелом лице которого выдавались широкие скулы и энергичный с горбинкой нос, был одет в полосатую серо-зеленую куртку и обут в высокие сапоги. Он не проявлял признаков смущения, хотя и очутился в совсем новом для него месте. Усевшись, он закинул ногу на ногу, огляделся с нескрываемым интересом, слегка улыбнулся и стал ждать, пока заговорит Постава.

Пусть никто не сомневается, что Мария Поставова дала мужу на дорогу необходимые наставления и наверняка сказала ему: «Не вздумай там, Винценц, вонять своей трубкой». Но от Поставы трудно было добиться слова, если он не чувствовал в ладони своей трубочки, если ее тепло не грело его мозоли, не разливалось по потрескавшейся коже, если едкий дым не полз в его висячие усы и не щекотал ноздрей. И вот едва он уселся, мало-мальски удовлетворясь

своей позой, правая рука его потянулась к оттопыренному карману куртки, из которого торчал изгрызенный мундштук, но вдруг вздрогнула и, точно обжегшись, опустилась на колено. Здена, с улыбкой наблюдавшая это движение руки и героическую внутреннюю борьбу гостя, сказала со смехом:

— Давай, давай закуривай, товарищ Постава. Жена ведь не видит, и мы ей об этом не скажем.

Постава вздохнул с облегчением, подумал о том, что от хитрого бабьего племени ничего не утаишь, но его кривой твердый палец уже уминал черный табак в обугленном нутре трубки.

— Да я... да ведь у вас тут так чисто прибрано,— произнес он, и в его тоне была благодарность Здене за снисхождение к его слабости.

— Чисто прибрано у нас бывало и в Поточной,— отозвалась Здена.— Скажи лучше, товарищ, что тебя привело к нам.

— Вот он вам расскажет, почему мы так спешили,— ответил Постава и ткнул прокуренной трубкой в сторону своего спутника. От этого резкого жеста несколько тлеющих табачных волокон вылетело из трубки и упало на темно-красный с черным узором ковер. Здена проводила их взглядом. На счастье, они быстро погасли и бесследно исчезли в узоре арабесок и цветов.

Багар с улыбкой наблюдал эту небольшую прелюдию. Потом он предложил сигарету второму гостю, дал ему прикурить, закурил сам и вопросительно взглянул на него.

Пало Варга готовился к речи: он наклонился вперед и оперся локтями о колени. Его голова попала в полосу солнечного света, и резкие черты лица проступили еще резче. Но не успел он заговорить, как Винценц Постава усмехнулся и вставил:

— Он пришел за коровами, смехота, а? Всегда я насчет коров бегаю к тебе. Домик мы ему дали, а за коровами надо в район. Хорошо бы дать ему еще пару коней, ходить он за ними умеет так, что душа радуется. Ну, я и говорю, уж коли в район, так к самому главному начальнику. Вот мы и пришли.

— Отлично,— сказал Багар.— Я позабочусь о том, чтобы товарищ Варга получил хороших коров и пару коней.

— Хороших коров, говоришь? — сказал Постава.— А где их взять?

— Ну, найдутся еще в животноводческом кооперати-

ве,— улыбнулся Багар.— Хотя сейчас уже известно, что зимой там был большой падеж скота.

Винценц Постава вынул изо рта свою трубочку и торжествующе поднял ее над головой с видом человека, чьи слова сбылись.

— Вот потому-то мы, товарищ Багар, и пришли прямо к тебе, а не к заведующему сельскохозяйственным отделом,— сказал он.— Ну, а теперь пусть говорит этот парень. Он сбежал из кооператива, чтобы не сесть в кутузку за безобразия, которые там натворили другие.

Багар с серьезным видом повернулся к Варге:

— Действительно там так плохи дела, товарищ?

Варга наклонился еще ниже и подвинул свой стул к Багару.

— Плохи? Это слабо сказано,— нараспев произнес он.— Работать в кооперативе я начал прошлой осенью. Скот там был тогда отличный. А сейчас? Поди-ка погляди! Не коровы, а пугала. Иной раз увижу их во сне — и просыпаюсь от страха. Было стадо больше чем в пятьсот голов, когда я туда пришел, а сейчас нет и трех сотен.

Багар слушал и хмурился все больше.

— Дело, стало быть, хуже, чем мы предполагали, разговаривая вчера на эту тему. А как вообще до этого дошло? Кормов не хватало, что ли? Ведь в прошлом году добровольные бригады молодежи собрали громадные запасы сена.

Варга обнажил в улыбке крепкие белые зубы.

— Сено было, и скот был. Все пропало, а как и куда, никто не знает.

— Иначе говоря, расхищено,— возмущенно воскликнул Багар.— Хищения в таких масштабах, что дело дошло почти до катастрофы. Неужели никто всего этого не видел? Почему же никто из вас не пришел ко мне раньше?

У Варги вдруг вытянулось лицо, глаза сузились, взгляд стал настороженным.

— А может быть, и не крали,— произнес он протяжно.— Может быть, просто не хватило кормов.

Все поглядели на него, удивленные этой внезапной переменой.

— Черт подери, Пало,— медленно сказал Постава.— Этак не годится. Ты мне сказал, что крали, значит, крали. Товарища Багара ты не бойся.

Смуглые щеки Варги потемнели от прилива крови.

— А ты слышал, как товарищ Багар спрашивает, почему я не пришел к нему раньше, если знал, что воруют?

А там, глядишь, он скажет, что у меня были на это веские причины.

Багар наклонился к нему и пожал его руку, лежавшую на колене.

— Так мы далеко не уйдем, товарищ,— мягко сказал он.— Ведь и ты можешь спросить, почему я до сих пор ничего не замечал, хотя отвечаю за это. Ты тоже мог бы подумать, что и я замешан в это дело.

Винценц Постава вынул изо рта трубку и, роняя пепел, недовольно взмахнул ею в знак протеста.

— Никто ничего такого не говорит, а если скажет, будет иметь дело со мной. Мы отлично знаем, чья рука тут орудовала, но поймать ее не так-то просто. А ты, Пало, рассказывай, как рассказывал у нас, а не то иди и на глаза мне больше не показывайся.

— Спокойно, товарищ Постава,— улыбнулся Багар.— Товарищ Варга сам решит, как ему поступить. Он наверняка продумал все это дело и, конечно, не забывает, что он член партии.

Варга выпятил свою могучую грудь, как солдат, который становится навытяжку, завидя командира.

— Не бойся, товарищ, не забываю. Я не забыл об этом ни в тюрьме в Нитре, ни во время восстания в Банской Быстрице, ни на Хабенце, когда мы ушли в горы. Я расскажу все, что знаю, но когда кончу, ты, может быть, скажешь себе: «Хитер! Рассказал сказку о чудищах, а как с ними справиться, не говорит».

— Говори начистоту, по-партизански,— сказал Багар.— Посмотрим, что можно сделать.

Варга взял со стола сигарету, закурил и, выпустив густой клуб синего дыма, начал рассказывать. Багар и Постава напряженно слушали переливы его мелодичного голоса — Варга был прирожденный рассказчик, мастер характеристик и драматического наращивания повествуемых событий.

Зяблик вернулся на цветущую ветку, пропел что-то прямо в комнату, но его никто не заметил. История животноводческого кооператива, основанного национальным комитетом после окончательного выселения немцев — ибо не было другой возможности спасти беспризорный скот,— развертывалась перед Багаром и Поставой так, словно сами они были ее участниками, с тех самых дней, когда группы добровольцев, среди которых был и Варга, обходили опустевшие горные селенья, находя в покинутых хлевах недоеных коров, зачастую стоявших

по колено в неубранном навозе, мычавших от голода и боли, и до тех дней, когда эти коровы были впервые согнаны в стада.

И хотя с тех пор не прошло и года, слушателям казалось, что они внимают какой-то старой сказке, скорее вымыслу, чем правде,— легенде, рожденной фантазией народного рассказчика и обраставшей страшными подробностями по мере передачи из уст в уста. Однако Багар и Постава знали, что Варга ничего не выдумывает и не преувеличивает; они сами были свидетелями и участниками этих событий, и каждый мог бы в любой момент прервать Варгу и продолжать повествование. Тогда не было другого выхода, кроме как согнать скот в стада и попытаться спасти его во что бы то ни стало.

Багар внимательно следил за рассказом и мысленно дополнял и расцвечивал его собственными воспоминаниями. После выборов 1946 года он оставил свой пост в Поточной и стал председателем РНК в Кадани. Спасение беспризорного скота было одной из забот Багара, но отнюдь не самой главной среди множества других, сыпавшихся на него изо дня в день с тех пор, как он занял новый пост. Казалось, обширные горные луга обеспечивают возможность уберечь скот зимой от значительного падежа, если только заготовить корма. Багар отправился тогда в Прагу, побывал у руководителей Союза молодежи и привез с собой много добровольцев — студентов и молодых рабочих. Юношей было больше, но немало и девушек.

Не один Багар проявил такую инициативу. Все Пограничье, все его руководящие работники и переселенцы обратились за помощью ко внутренним районам страны, и юные энтузиасты, которых коммунистическая партия научила, как оградить родину от новых бедствий и от возврата былой безработицы и нищеты, отправлялись в разные районы Пограничья, не обращая внимания на крик, который подняли в своих газетах бывшие политические заправилы, еще раз обманувшиеся в своих надеждах повернуть колесо истории вспять.

В горах зазвучали молодые голоса и песни, послышалось ржанье лошадей, запряженных в косилки или в телеги, сено повезли в амбары и на сеновалы. Молодежь хорошо потрудилась, и с ее помощью скот был обеспечен зимними кормами. Некоторым добровольцам так понравился горный край, что они надели клетчатые рубашки и широкополые шляпы, уселись на коней и начали романтическую жизнь ковбоев, сторожа пасущиеся стада.

Варга рассказывал, а Багар мысленно дополнял его повествование фактами, которых не знал рассказчик.

Наблюдение за кооперативом РНК поручил заведующему сельскохозяйственным отделом Ваше Кроулику, народному управляющему каданьской консервной фабрикой, члену национальной социалистической партии. Судя по сообщениям Кроулика на заседаниях РНК, кооператив преуспевал, и можно было ожидать, что к концу года он даст немалый доход. Правда, в городе и районе циркулировали слухи, что в кооперативе творятся всяческие жульнические махинации и что запасы кормов да и само поголовье находятся под серьезной угрозой. Но Кроулик называл все такие слухи гнусной клеветой. Было действительно несколько случаев, когда работники кооператива тайком сбывали скот спекулянтам или сами забивали его и продавали на черном рынке, но во всех этих случаях против виновных сразу же были приняты суровые меры: всех их немедля уволили и передали дело следственным органам.

И все же стада таяли, как снег под жарким весенним солнцем, несмотря на то что хозяйственный руководитель кооператива и по совместительству его бухгалтер Карел Бузек, одновременно служивший у Росмуса чем-то вроде эконома или управляющего имением, был, по словам Ваши Кроулика, весьма надежным и сведущим в своем деле человеком.

«Сложная это история»,— думал Багар, слушая рассказ Варги. Доискаться правды будет нелегко, в частности, потому, что в начале весны некоторые работники кооператива вдруг исчезли, словно сквозь землю провалились. Объективный Ваша Кроулик довел до сведения национального комитета об уходе и одновременно объявил, что беспокоиться нечего, оставшиеся вполне справятся с делом, к лету же наверняка появятся новые люди.

— Я слышал, что несколько работников ушло из кооператива,— сказал Багар, когда рассказчик на минуту замолк, закуривая сигарету.— А много ли?

Варга пожал плечами.

— Пятеро или шестеро. Может быть, семь. И все исчезли в течение двух недель, словно по чьей-то указке.

— Почему это произошло?

Варга еще энергичнее пожал плечами.

— Когда господа ловят крупную рыбу,— объяснил он,— им приходится оставлять холопам хотя бы мелкую рыбешку. Не думаете же вы, что этакий барин сам погонит ночью несколько коров к мяснику или на то место, где их

ждет приехавший издалека грузовик? Или что он погонит их в свой хлев, а оттуда той же ночью отведет в кооператив отощавших, хилых коров? Для таких дел ему нужен помощник, чтобы самому не замарать ручки, сапоги и доброе имя. Ну и вот, рука руку моет. Им сказали: будет расследование, доберутся и до вас. Они собрали свой скарб и скрылись в ночную пору, ни с кем не попрощавшись для пущей безопасности. У них была нечиста совесть. Они угоняли для господ десятки голов, за это сами где-нибудь в лесу резали одну-две коровы и мясо продавали трактирам, а выручку пропивали.

Багар покраснел до корней волос, нервно сжимая кулаки, лежащие на столе.

— Ты говоришь, господа? Что же это за господа?

— Ищи ветра в поле,— ответил Варга, и в его глазах мелькнула насмешка.— Бывали разные: приезжали, платили в трактире за выпивку и опять исчезали бесследно. Кто они такие — никто не знал, а если и знали, так только те, кто с ними пил и теперь как сквозь землю провалился.

По словам Варги, никому не известно, кто были эти люди и откуда они появлялись. Возможно, это были мясоторговцы и кулаки из центральных районов, а еще вернее — их скупщики. Всякий раз через несколько дней после их отъезда среди работников кооператива распространялись слухи, что поголовье опять уменьшилось на десяток голов, а иногда и больше, или вместо упитанных коров появились совершенно отощавшие.

Как же была возможна такая подмена? Очень просто. Тот, кто придумал всю эту игру, ничего не упустил из виду. Поголовье кооператива было разделено на небольшие стада от тридцати до пятидесяти голов. Эти маленькие стада постоянно перегонялись с одного пастбища на другое якобы для того, чтобы кормиться свежей травой. Пастухи тоже менялись: после каждого выходного дня они пасли уже новых коров. Представьте себе двенадцать стад, то и дело перегоняемых с выпаса на выпас на пространстве во много квадратных километров, и представьте себе пастухов, которые работают нынче здесь, завтра там, так что у них никогда нет времени привыкнуть к скоту, и они не могут, как полагалось бы, узнать доверенных им животных среди десятков других. Иной пастух, может быть, и удивляется, что общий вид стада ухудшился, что уже нет тех упитанных коров, которых он видел прежде, но, в конце концов, слыша все время разговоры, что то там, то здесь пала коро-

ва, решает, что, стало быть, плоха трава и, видимо, здешние горные луга не годятся для скота, который жил на равнине.

— Скоро ты все это раскусил, товарищ? — с улыбкой спросил Багар.

Варга покачал головой и засмеялся.

— Довольно скоро. Я, как говорится, тертый калач, всякое повидал в жизни. Знаю, что дважды два четыре. О том, что здесь дело нечисто, мычала, можно сказать, каждая корова в стаде. Но хотел бы я поймать ту руку, которая все это направляла.

Исчез не только скот, исчезло и сено, заготовленное добровольными бригадами молодежи летом сорок шестого года. Исчезло из амбаров, где было сложено. И зимой действительно начался падеж скота от голода и пришлось срочно пустить на убой коров, которые еле держались на ногах.

— А бухгалтер кооператива, как его, Бузек, что ли? Он ничего не знает? — спросил Багар.

— Конечно, знает,— улыбнулся Варга.— Но к нему не придерешься: о каждой павшей корове он докладывал в район, сообщал и насчет нехватки кормов. А на подмене здоровых коров хилыми его никто не поймал.

— О нехватке сена в кооперативе мы однажды ставили вопрос,— задумчиво сказал Багар.— Ваша Кроулик объяснил убыль сена тем, что оно было расхищено из неохраняемых сараев в безлюдных местах. Почему никого при этом ни разу не поймали, он объяснить не сумел.

— Ставили вопрос, ставили вопрос! — сердито вмешался Винценц Постава.— Разговорами заниматься легко, это мы знаем. А что вы сделали?

Багар покраснел и глубоко вздохнул.

— Ты прав, товарищ Постава,— кивнул он.— Мало мы, видно, сделали, если я сейчас слушаю товарища Варгу, развесив уши, и не перестаю удивляться. Мы послали комиссию обследовать положение в кооперативе и положились на ее выводы. Было решено ликвидировать кооператив, как плохо организованный и убыточный, а остаток поголовья распродать. Но до подлинных причин такой большой убыли мы так и не добрались. В докладе комиссии все было свалено на трудную зиму и нехватку кормов.

— Хитра комиссия! — мрачно насупился Постава.— Сами воры не написали бы себе лучшего оправдания. Кто был в этой комиссии от нашей партии?

— Филип Тимеш,— неохотно и как-то виновато ответил Багар.

— Тимеш! — сказал Постава с величайшим презрением.— Лучшего не нашли?

— Товарищи рекомендовали его как хорошего специалиста,— нервно ответил Багар.— Ты ведь знаешь, что я сам когда-то был против приема его в партию. Но сейчас никто не может оспаривать, что он как партиец ведет себя хорошо и хозяйство в Грюне поставил отлично.

— Пусть он там разводит хоть золотых свиней по полтораста кило каждая, я ему все равно не верю и верить не буду!

Багар хмурился и молчал, а Здена, наклонившись через его плечо, спросила мягко:

— А кого бы предложил ты, товарищ Постава?

— Да хоть бы твоего отца, если хочешь знать,— ответил тот таким тоном, словно ответ у него был давно готов.— Или товарища Брендла. Против тех жуликов, что были в кооперативе, надо было посылать не каких-то там особенных специалистов, а честных людей с открытыми глазами.

— Товарищ Постава прав, хотя я считаю, что надо было дать Тимешу возможность проявить себя, чтобы потом оценить его как члена партии.

Багар встал и прошелся по комнате, заложив руки за спину. Постава зажигал погасшую трубку и косился на Багара. Слова просились у него на язык, они прямо-таки щипали его, больше, чем дым грубого черного табака, и Постава не выдержал.

— Стало быть, ты ему дал возможность проявить себя? Ну и что из того? А он видел, что творится, и молчал? Или не помогла его квалификация и он ни в чем не разобрался?

Это были колючие вопросы, и Багар сжимал кулаки за спиной. Потом он остановился перед Поставой и улыбнулся.

— Ты человек дотошный и правильный, товарищ Постава. Никому не даешь остановиться на полпути, заставляешь дойти до конца. Возможно, я и другие товарищи из президиума РНК поступили неправильно, назначив в комиссию Тимеша. Правды о положении в кооперативе мы не узнали и едва ли ее узнаем. Но кое-какой прок от этого все-таки есть: мы и впредь будем приглядывать за Тимешем, и даже еще бдительнее. А такой опыт чего-нибудь да стоит.

— Может быть,— с сомнением сказал Постава и выпустил огромное облако едкого дыма.— Вот только ни сена, ни коров вам не вернуть. Я бы на вашем месте пошел да заглянул в хлева к Росмусу и к Яноуху.

— А как ты узнаешь, что коровы, которые там стоят, раньше принадлежали кооперативу? — спросил Багар.— Нет, товарищ Постава, из этого ничего не выйдет. Лучше всего было бы, пожалуй, нажать на Бузека. Возможно, что он заговорит и в страхе за свою шкуру скажет, чьих рук дело хищения скота.

— Этот Бузек мне мил, как собаке палка,— рассудительно произнес Винценц Постава.— А господа, что прячутся за его спину, еще меньше. Ты его посадишь?

Багар отрицательно покачал головой.

— Это всегда успеется. Вызову его, а там видно будет.

— Видно будет не больше, чем в печной трубе темной ночью. Ну, а как насчет коров для Варги?

— Я вам дам бумажку в сельскохозяйственный отдел, а ты поможешь Варге выбрать лучших из тех, что остались в стаде кооператива.

Когда за гостями со стуком захлопнулась железная калитка, Багар, стоявший у окна позади Здены и глядевший им вслед, глубоко вздохнул. Здена с улыбкой подняла к нему порозовевшее лицо.

— Ты сердишься, Иржи?

Он покачал головой, обнял ее за плечи и слегка привлек к себе.

— Когда я был мальчишкой, мать говаривала, что легче удержать блох в мешке, чем меня. Сейчас, мне кажется, мы тоже сторожим мешок с блохами: в одном месте устерегли, в другом опять какой-нибудь подвох. Не понимают они, ничему их не научила война. Чем они кончат?

Он замолк, и Здена с минуту молчала и не шевелилась в его теплом объятии. Потом она вздохнула, как, просыпаясь, вздыхают дети, и сказала:

— А все-таки ты меняешься, Иржи.

— К лучшему или к худшему?

— Сам хорошо знаешь.

— А я хочу слышать от тебя.

— Ты уже не такой нетерпеливый, как прежде.

— Не такой вспыльчивый, ты хотела сказать.

— Это почти одно и то же.

— Не знаю. Мне кажется, что я мало изменился. Нетерпение во мне осталось, только я его сдерживаю. Я знаю, что нельзя спешить, что от нашей выдержки зависит слишком многое — все будущее рабочего класса. Может быть, со стороны я иной, чем кажусь себе сам. Когда я сталкиваюсь с подлостью наших врагов, мне снова и снова хочется сокрушить их одним ударом, и я спрашиваю себя,

почему мы этого не сделали. И это хорошо, что я научился спрашивать, потому что партия мне отвечает. Ведь я действую не от себя, а ее именем. Это главное. Есть у меня и еще один помощник: когда мне кажется, что я вот-вот взорвусь, я представляю себе твои глаза и сжимаю кулаки. И тогда это проходит.

Из травы под окном послышалось щебетание зяблика, а из кухни, через дверь, которую не прикрыли гости, донесся бой часов: семь.

— Нам пора идти,— сказала Здена и освободилась от объятий Багара.

— Пора,— отозвался он.— Но погоди еще секунду. Сегодняшнее утро никогда больше не повторится в нашей жизни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

По дороге на работу Багар проводил Здену до районного комитета коммунистической партии, где хотел поговорить с Гальчиком о животноводческом кооперативе, прежде чем принимать какое-нибудь решение по этому вопросу. В 1946 году Гальчик был выбран в парламент и назначен первым секретарем Каданьского районного комитета партии, а Багар, избранный председателем РНК, занял его прежний пост. Хорошо зная Гальчика, Багар был уверен, что если тот не выехал куда-нибудь в район или не заседал накануне до поздней ночи, то непременно будет сидеть у себя в кабинете задолго до начала служебных часов. Гальчик всегда был необычайно трудолюбив, увлекался партийной работой и относился к своим обязанностям с добросовестностью, доходящей до щепетильности, а кроме того, сейчас его вообще ничто не привязывало к дому: жена еще с прошлой осени лежала в санатории в Татрах, а дети жили у тещи в Моравской Словакии, откуда была родом Марта Гальчикова.

Багар постучал в дверь кабинета и услышал негромкое «войдите!», хотя обычно Гальчик отвечал раскатистым возгласом. Он сидел за письменным столом, не работал, и вид у него был какой-то вялый, странный, словно пришибленный. На приветствие он отозвался без обычной своей живости, которой всегда отличался.

— Честь труду! Садись и рассказывай, с чем пришел.

Багар пренебрег креслом для посетителей и, поставив перед Гальчиком один из простых стульев, окружавших

большой стол для заседаний, сел верхом, опершись руками о спинку. От непонятного поведения и необычайного вида Гальчика радость поникла в душе Багара, та радость, которой для него начался день и которая не переставала звучать в нем и во время разговора с Варгой и Поставой. Как вздрагивает и съеживается человек, вошедший с накаленной летним солнцем улицы в пронизывающе холодную подворотню, так и Багар почувствовал, что его радость сжалась и замкнулась в себе. «Неужели он настолько переутомился?» — подумал Багар и не вспомнил ничего такого, от чего Гальчик вчера мог бы устать больше обычного. Вспомнился грипп, неожиданную атаку которого недавно перенес Гальчик... А может быть, просто каждодневное напряжение и усталость наконец взяли свое? Все эти вопросы вертелись на языке у Багара, но пока он колебался, спросить или нет, Гальчик вдруг вздрогнул как человек, через силу преодолевающий утомление или навязчивую мысль. Он глубоко вздохнул, и его бритая голова, приподнявшись над широкими плечами, приняла характерный наклон, столь типичный для Гальчика и свидетельствующий о его боевой, стремительной и вместе с тем добросердечной натуре.

— Ну, говори, Ирка. Что-нибудь серьезное? А впрочем, зачем я спрашиваю? По пустякам ты не придешь.

У Багара отлегло от сердца, когда он снова увидел Гальчика таким, каким знал его на протяжении многих лет совместной работы. И все-таки впечатление от иного Гальчика, сидевшего в кресле так, словно он только что был нокаутирован сокрушительным ударом, было еще очень сильно, и Багар не без колебания начал свой рассказ, с трудом подбирая слова, чтобы сообщить недавно услышанное от Варги и Поставы. Постепенно он обрел уверенность и заговорил свободнее. И все же Багара не покидало ощущение, что Гальчику стоит немалых усилий слушать его.

Багар умолк. Настала долгая пауза. И снова ему показалось, что он беседует с человеком, поглощенным другой, более важной мыслью. Багар нетерпеливо постукивал пальцами по спинке стула. Наконец прорвалось его собственное напряжение. Он наклонился вперед.

— Да что такое с тобой сегодня? — воскликнул он.— Слушал ты меня или нет?

Гальчик, казалось, только теперь внезапно обнаружил Багара в поле зрения. Кривая усмешка, не свойственная его лицу, широкому и выразительному, дернула его губы и щеки и замерла где-то в углах рта, напоминая улыбку человека, сдерживающего приступ острой боли.

— Слушал, не бойся! — ответил он, и в его голосе было что-то насмешливое и отчужденное.— Такую историю стоит послушать. Заварили вы там в комитете кашу, а теперь ты хочешь знать, как ее расхлебать не обжегшись. А не думаешь ты, что надо посадить кое-кого?

Багар почувствовал, как кровь бросилась ему в голову и пульсирует в висках. Он сжал спинку стула и задержал дыхание, чтобы успокоиться.

— Нет,— произнес он глухо,— сажать я никого не собираюсь. Да и не знаю пока что, кого следует посадить.

Гальчик, словно не в силах больше держаться прямо, снова откинулся в кресле, приподнял плечи, свесил голову на грудь, не сводя глаз со своих рук, неподвижно лежащих на столе.

— Сажать ты никого не хочешь,— сказал он.— И как расхлебать кашу, тоже не знаешь... Что же ты можешь предложить?

— Вызвать Бузека и немного поднажать на него: может, заговорит.

— Значит, не хочешь сажать,— продолжал Гальчик, обращаясь к своим рукам на столе.— А пригрозить посадкой можно?

— Я не собираюсь этого делать,— возмущенно запротестовал Багар.— Расспросить еще не значит угрожать. Разве я применял когда-нибудь такие методы? Не применял и не буду.

С минуту было тихо, только где-то в дальнем углу просторного кабинета слышался слабый шуршащий звук, словно там возилась мышь. Гальчик заговорил опять, не меняя позы:

— Остается только один вопрос: предпринял ли ты в этом деле все, что было нужно.

— Очевидно, нет,— глухо ответил Багар.— Мне не следовало забывать, что заведующий сельскохозяйственным отделом — национальный социалист и надо проверять каждое его слово, каждую цифру. Мне следовало помнить, что заведующий отделом промышленности и торговли — социал-демократ, и относиться к нему соответственно. Но, разумеется, они тотчас побежали бы в Национальный фронт жаловаться, что я слежу за ними, что я срываю их честную работу, развожу демагогию и агитирую за коммунистов.

— А тебе не надо было следить. Следить приходилось им, пока они были у власти, потому что они жили в безвоздушном пространстве, оторванные от народа. А нам люди

сами скажут, что и где не в порядке, надо только всегда прислушиваться. Надо быть с народом, а не запираться в кабинете, как улитка в раковине!

Голос Гальчика, противореча смыслу слов, звучал глухо и невыразительно, словно теряясь в просторах кабинета, который одновременно служил конференц-залом.

Багар внимательно слушал. Он был раздражен репликой Гальчика. И все же, когда тот замолк, Багар с удивлением ощутил в себе скорее беспокойство, чем гнев. Он молчал, мысленно спрашивая себя, откуда в Гальчике столько злости и горькой отчужденности, в Гальчике, который обычно скрывал за шумливой моравской вспыльчивостью свою подчас даже чрезмерную доброту. В принципе все, что Гальчик сейчас сказал об обязанностях партийного работника, было, конечно, верно. Но Багар законно задавался вопросом, насколько такие упреки могут быть обращены к нему, Багару, и к его работе. «Да ведь это неправда,— возмущенно думал он.— Я не прячусь от людей, не живу как улитка!» И все же снова и снова, не без тревоги, он старался припомнить, как проходят его рабочие дни, чтобы убедиться, что не заслуживает таких упреков. Вереницей проплыли в его памяти — отчетливые или неясные — фигуры посетителей... Все его дни полны ими, национальный комитет живет бурной жизнью, поток идущих к председателю людей никогда не прекращается, они приходят со своими заботами, которым нет конца. Ведь они тронулись с насиженных мест, переменили место жительства и образ жизни и, видимо, уже не могут остановиться. Одним хочется жить уверенно и видеть перед собой прямой путь, без поворотов, без зигзагов, но это еще впереди; другие — воплощенное беспокойство, оно грызет их, и люди постоянно ищут чего-то нового, лучшего, им кажется, что они устроились не там, где следовало, чего-то недобрали, что-то упустили, кто-то их опередил, вырвал у них из-под носа лучший кусок. Иные исчезают, оставив после себя пустые, обобранные дома, другие приезжают, а поселить их, кажется, уже негде, потому что в одних селениях людей набилось много, а в других никто не хочет селиться, словно это заколдованные места.

Почти ежедневно Багару приходится сидеть в РНК дольше положенного, но и этих лишних часов ему не хватает. По многим вопросам приходится выезжать в район, чтобы своими глазами убедиться, в чем корень зла, разобраться, что и как надо сделать. Старенький автомобиль Багара, «Прага» выпуска 1938 года, когда-то в числе мно-

гих других принадлежавший владельцу консервной фабрики в Кадани,— машина выносливая и неутомимая, как мул горной артиллерии; она прыгала по разбитым и размытым паводками крутым дорогам, пыхтя, возила Багара по нагорным равнинам, в глухие селения на плато: он навещал там председателей МНК, бывал на сельских сходках, на заседаниях заводских комитетов и общих собраниях рабочих, постоянно боровшихся с нехваткой сырья. Заслуженный отдых машина и ее хозяин зачастую получали уже после полуночи.

Выпад Гальчика долго оставался без ответа. Пауза затянулась, и откуда-то из дальнего угла кабинета снова послышался тихий звук: что-то грызла мышь. Гальчик, словно забыв о собеседнике, глядел на свои руки, неподвижно лежащие на столе, и его ввалившиеся глаза казались пустыми и застывшими, веки не шевелились.

Багару трудно было преодолеть стеснение и смущенность, вызванные этой долгой паузой. Он не переставал ломать голову: что такое случилось с Гальчиком, в чем причина столь странного поведения? В то же время Багар опасался показаться слишком обидчивым человеком, не терпящим критики. Поэтому он не высказал сразу вывода из всех своих размышлений, а повторил их вслух.

— Замкнулся в кабинете, как улитка? Но ведь ты не хуже меня знаешь, что это не так. Безусловно, у меня есть ошибки, но, каковы бы они ни были, от масс я не оторвался. Почему же ты коришь меня этим? А как было дело с животноводческим кооперативом? Что решил год назад районный комитет партии? «Если нет другого выхода, создать животноводческий кооператив». Так или не так? Так! Говорили мы тогда и о том, что в сельскохозяйственном отделе засели национальные социалисты. И что решили? Пусть покажут себя на деле: предоставим им свободу действий и поглядим, что они собой представляют. И мы увидели, какой они выбрали путь. Разве нет? Сколько раз я докладывал на заседании районного комитета партии, какова их практика распределения наделов, как они стараются побольше своих людей сделать новыми сельскими богатеями. Говорил, как они запугивают переселенцев, уверяя их, что никто не получит ни земли, ни дома или что грянет новая война и они не успеют бежать из Пограничья. Говорил, как они в деревнях подрывают уверенность наших товарищей в своих силах, твердят им, что «где уж вам, малообразованным, управиться с административной работой»,— и суют на посты председателей МНК своих став-

ленников. Какую же политику по отношению к этим реакционерам избрала наша партия? Не давать им покоя, разоблачать их перед народом, показывать, как они себя ведут и на что целятся. И скажу тебе: они делают столько пакостей, что я мог бы только тем и заниматься, что обезвреживать их. И на это действительно уходит много времени...

Багар помолчал, чувствуя, что он говорит совсем не то, что хотел. Гальчик сидел недвижно, и Багар услышал только слабый звук, словно он сдунул перышко, прилипшее к губам.

— Наговорил ты немало,— глухо произнес Гальчик.— Только одного пустяка не сказал: как это ты прозевал хищения в кооперативе.

Багар впился пальцами в спинку стула, глубоко вздохнул и задержал дыхание, встал, отодвинул стул в сторону и сказал медленно:

— Я попытался объяснить тебе это еще вначале. Видно, я ошибался и допустил серьезный промах. Лучше всего будет, если это дело разберет секретариат районного комитета партии. Честь труду!

Он повернулся и пошел к дверям. Паркет скрипел под его ногами. Багару хотелось шагать побыстрей, но он невольно шел медленно, словно отмеривая каждый шаг. Он ждал, что Гальчик окликнет его, давал товарищу время одуматься. Но только когда Багар взялся за ручку двери, за его спиной раздалось ожидаемое:

— Ирка!

Загремело быстро отодвинутое кресло. Багар обернулся. Гальчик направлялся к нему большими шагами.

— Не сердись, друг,— сказал он, беря Багара за руку, и продолжал торопливо и сбивчиво: — Прости меня... Это не потому, что я испугался секретариата... Но ведь, какой вздор... Ты прав, а я вел себя глупо... спровоцировал тебя... Я ведь тоже знаю, что ничего другого нельзя было сделать... В общем, забудь об этом и извини меня...

Извинения Гальчика Багар слушал с еще большим изумлением и чувством неловкости, чем его прежние упреки. Впечатление, что перед ним другой, какой-то неизвестный ему прежде Гальчик, все усиливалось. Багар взял товарища за плечи, крепко сжал их,— глаза Гальчика забегали, и он отвел взгляд.

— Я не узнаю тебя. Что с тобой творится? — спросил Багар.

Гальчик опустил голову и сказал глухо:

— Пришла телеграмма... Марта умерла в Смоковце сегодня ночью...

Багар не помнил, как он спустился по лестнице и вышел на залитую солнцем площадь. Там царило утреннее оживление. Серые, желтые и розовые старинные домики с высокими фронтонами в стиле ренессанс и барокко сияли под ослепительным голубым небом, на тротуарах вперемежку двигались горожане и приезжие из окрестных деревень. знакомые громко приветствовали друг друга и толпились перед трактиром около готической ратуши. Женщины в платочках, со строгими лицами, большими шагами переходили от лавочки к лавочке и нерешительно останавливались у витрин. Желание купить боролось в них с нежеланием тратить с трудом добытые деньги и с опасением, что эти обиралы, народные управляющие, обведут их вокруг пальца. На площадь, громко сигналя, въезжали на малой скорости автомашины и останавливались перед бывшей ратушей, ныне местным национальным комитетом, или перед домами, где расположились районные секретариаты политических партий. Около водоема и высокого «морового столба» стояли деревенские возы: легкие таратайки и двуколки на высоких колесах, телеги с решетинами и грузовые полки, иные даже на колесах с резиновыми шинами, снятыми с разбитых немецких военных машин. Полураспряженные кони жевали корм в подвешенных на шею торбах. ржали и заигрывали друг с другом или стояли, устало свесив голову и вяло пощипывая травку, пробивающуюся меж круглых булыжников мостовой, таких старых, что они казались стертыми поступью столетий.

Быть может, впервые в жизни общительному Багару захотелось стать невидимым и пройти по людной площади никем не замеченным. И, быть может, впервые в жизни ясная красота весеннего дня показалась ему шумной. неуместной и даже насмешливой и злой. А ведь всего час назад Багар совсем иначе воспринимал этот погожий день: красота свежего утра, тогда еще более упоительная, казалось, пела, цвела и сияла в полной гармонии с самой счастливой минутой в жизни Багара, сливалась с этим счастьем, принадлежала ему, неизгладимо запечатлевалась в памяти.

«В тот же самый день, в тот же самый день!» — повторял Багар. И он вздрогнул, как от порыва леденящего ветра, хотя шел по тротуару, залитому солнцем. Он пытался примирить в сознании два таких безмерно противоположных события. Багар сосредоточенно глядел перед со-

бой, как человек, который никого не видит и не хочет замечать, но это не избавило его от приветствий и дружеских окликов на каждом шагу.

Он отвечал на них, как обычно, с той же мерой сердечности, с какой к нему обращались, но улыбка почти причиняла ему боль.

Марты больше нет в живых... Те, кто знал ход ее болезни, могли ожидать этой вести со дня на день. И все же никто не терял надежды на выздоровление, и поэтому смерть жены Гальчика была воспринята как неожиданная гибель здорового и сильного человека. Почти два года упорная воля к жизни поддерживала ее сопротивление неизбежному концу. Такова была Марта: никогда она не признавала поражения, и если другие после него вешали голову и хотя бы временно поддавались пессимизму и унынию, Марта готовилась к новой борьбе.

Была ли она красива? Кто знает! Товарищи оттаивали в ее присутствии, следили за своими словами и старались показать себя с самой лучшей стороны. И что самое удивительное: женщины тоже тянулись к ней, улыбались при виде Марты, ловили каждое ее слово и поверяли ей свои самые затаенные печали. Маленькая, курчавая, темноволосая, с необычно большими голубыми глазами, которые умели сиять и смеяться и могли стать неумолимо холодными, Марта выглядела восторженной студенткой даже тогда, когда ее дети — крепкий упрямый Гонзик и тоненькая, капризная Каченка — уже не первый год ходили в школу.

Багар, который по возрасту и по партийному стажу был моложе Марты, издалека восхищался ею, как большинство мужчин, которые соприкасались с ней по партийной работе. Был он и влюблен в нее, долго и верно — иначе и не могло быть при его натуре,— и любил ее такой любовью, которая не только никогда не находит взаимности, но даже не бывает высказана и все же, быть может, именно потому накладывает отпечаток на всю жизнь человека. Эта никогда не разделенная и не высказанная любовь внесла в отношение Багара к женщинам стеснительность, боязнь, строгость суждений, взыскательность, отгородила его прочной стеной, проникнуть за которую удалось лишь Здене, внешне так непохожей на Марту, но обладающей сходными с ней чертами характера.

Никогда он теперь не узнает, было ли известно Марте, как по-юношески горячо и чисто он ее любил!

Медленно, против обыкновения, шел Багар по залитой солнечным светом площади, привычно отвечая на много-

численные приветствия и вспоминая, как он тщательно следил, чтобы Марта не заметила его восхищенного и влюбленного взгляда, как, выступая на собраниях, он сам чувствовал ее внимательный и сосредоточенный взор, иногда чуть насмешливый. Но едва Багар, смутившись, сбивался с мысли, взгляд Марты сразу становился участливым и подбадривающим.

Впрочем, точно так же — Багар убедился в этом — она глядела на всех товарищей, кроме одного — Гальчика. С первого дня, когда Марта и Гальчик познакомились, Багар понял, что для него нет никакой надежды, хотя он никогда и не уверял себя, что может надеяться на что-то. И все же он пережил тогда несколько горьких вечеров и ночей, в онегинской тоске блуждая по осенним пражским улицам. Под резким светом дуговых фонарей и в мягком сиянии газовых, под осенний шорох опавших листьев Багар прощался со своей любовью, никогда не высказанной, никогда не разделенной, но такой дорогой его сердцу. После этих прекрасных ночей, когда он так мучился и упивался своими страданиями, Багар превратил свою любовь в дружбу к обоим влюбленным, вскоре ставшим супругами, и это чувство, не лишенное оттенка горечи, навсегда осталось прочным и непоколебимым.

Итак, Марта ушла навеки. Багар не видел ее после возвращения из концлагеря и никогда больше не взглянет в ее бесхитростные синие глаза. И оттого, что Багар сейчас страдал и был в смятении, в душе его рождались вопросы, которые раньше никогда не беспокоили его и на которые не находилось ответа. Багар никак не мог решить, надо ли за безвременную смерть Марты ненавидеть, кроме фашизма, еще и тупую природу, которая всегда мстит человеку за свои поражения. Но всего удивительнее и противоречивее было наполнявшее его острым стыдом чувство, что Марта как-то вернулась к нему и останется с ним навсегда. Словно бы она целиком и навечно, без тени жгучего воспоминания, поселилась в глазах Здены именно сегодня, в этот знаменательный день. Но тут Багару вспомнился Гальчик, неузнаваемо измененный страданием, вспомнилась Здена, озаренная светом жизни, порожденной их любовью, и Багар до боли стиснул кулаки.

Так он дошел до здания РНК и, перед тем как подняться по крутой лестнице, заметил у тротуара автомобиль цвета спелой сливы с английским номерным знаком.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первое, что бросилось в глаза Виктору Пюхлеру, когда он вслед за Росмусом вошел в секретариат Каданьского РНК, где работала Алена Зимова, были волосы этой молодой женщины, которая в тот момент делала вид, что целиком погружена в регистрацию входящих и исходящих бумаг. Пышные пряди свободными волнами ниспадали на шею Алены, склонившейся над регистрационным журналом, и наполовину закрывали ее лицо. Но не пышность этих волос с первого взгляда привлекла внимание Пюхлера. Косой луч солнца, поднимающегося к зениту и уже почти не освещающего комнату, упал на склоненную голову — и волосы вспыхнули, как пламя, искристым тициановским золотистым цветом.

Эти золотые волосы напомнили Пюхлеру о его последней любовной связи, прерванной в самом разгаре его отъездом из Англии. Дора Суиннертон была режиссером Би-би-си, где Виктор иногда выступал в передачах на Чехословакию — сперва с рассказами из жизни военного летчика, а затем, по возвращении из Индии, с впечатлениями от этой поездки. Дора происходила из так называемого английского среднего класса: ее предки по одной линии были со времен королевы Виктории импортерами чая, по другой, из поколения в поколение,— юристами или чиновниками. В лоне таких семей, обычно строжайших блюстителей незыблемого жизненного уклада своего класса, костенеющих, как за крепостной стеной, под защитой своего кодекса чести, рождаются иногда паршивые овцы. Дора была одной из них. Она окончила университет, стала бакалавром литературы, оторвалась от семьи — хотя и не пренебрегала доходами, которые ей давало наследство от обеих бабушек и одной или двух теток,— и стала жить как ей нравится. Ее страстью были поэзия и театр. Два года она болталась по Европе, посещая театры в Мадриде и Барселоне, Неаполе, Риме и Милане, Берне, Цюрихе и Женеве, Будапеште, Зальцбурге и Вене, Праге и Варшаве, Мюнхене, Дрездене и Лейпциге, Байрейте, Берлине, Париже и Брюсселе. Дора живо интересовалась спектаклями современных режиссеров, которые «свергали» традиционные формы режиссуры и исполнительского искусства. Ее волновало не только их творчество, она стремилась к личному знакомству и добивалась этого без труда, потому что была привлекательна и умна, волнующа и вместе с тем недоступна и бесстыдна, как полудева. Пыталась она попасть

и в Москву, но война заставила ее вернуться в Англию, где она стала сперва помощником режиссера, а потом самостоятельным режиссером Би-би-си, причем, не колеблясь, использовала для этого продвижения влиятельные связи своей семьи. Она была уверена, что до глубины души ненавидит все английское, кроме драматургов елизаветинской эпохи, дублинского декана Джонатана Свифта и кентерберийского настоятеля Хьюлетта Джонсона, некоторых афоризмов Бернарда Шоу, английских тканей, Т.-С. Элиота и автомобилей марки «ягуар». Но больше всего и совершенно непреодолимо ею владела антипатия к английским мужчинам. Она была глубоко убеждена, что в любовных делах, как и в области театра, Европа может дать ей куда больше, чем родина. Война и первый воздушный налет на Лондон побудили ее ничем больше не ограничивать себя в этой области.

Первым ее любовником стал поляк-пианист, исполнявший Шопена в польских радиопередачах Би-би-си, вторым — испанский художник, анархист и сюрреалист, который, как выяснилось позже, когда он был уже на пути в Америку, состоял платным агентом гитлеровцев. Третьим оказался Виктор Пюхлер. Дорой двигало ненасытное, но холодное любопытство, которое вызывало у ее любовников, кроме ощущения неутолимого желания, некую неуверенность в себе и сомнения в своей полноценности. Виктор Пюхлер, по крайней мере, вспоминая о ней, невольно краснел, стискивал кулаки и усиленно старался отогнать эти мысли или, наоборот, настойчиво углублялся в них, как люди, склонные терзать себя воспоминаниями о мучительных, постыдных, хотя и давно уже прошедших минутах своей жизни.

Высокая фигура и широкие плечи Росмуса на мгновение закрыли от него склоненную девичью голову.

— Хелло, Алена! — воскликнул Росмус.— Не хотите принимать гостей или демонстрируете нам, как вы обходитесь с посетителями?

Алена была застигнута врасплох, она действительно именно так вела себя с людьми, которым по необходимости приходилось обращаться в секретариат РНК с какими-нибудь заявлениями или ходатайствами. Но Алена была находчива и всегда быстро соображала, как в том или ином случае нужно поступить. И сейчас она убедительно разыграла удивление: вскинула голову, отбросив волосы назад и открыв обольстительное лицо — высокие дуги чуть подведенных бровей, большие темные глаза с удлиненными

ресницами, прямой тонкий нос, ровный овал лица, круглый, крепкий подбородок и сочные губы, густо намазанные темно-красной с фиолетовым оттенком помадой. Одновременно Алена встала, быстро отодвинула стул, оправила и подтянула на себе зеленый свитер — при этом движении вызывающе выступили ее груди — и пластичным движением широко развела руками.

— Хелло, Э...— начала она и тотчас же умолкла, уловив предостерегающий взгляд Росмуса и заметив фигуру в синей военной форме у него за спиной.— Пан Росмус! — продолжала она без запинки.— Нежданные, но желанные гости. Извините, пожалуйста, я и не заметила, кто входит. С утра у меня голова кругом идет — столько дел.

У нее был мягкий альт, чуть капризный, с оттенком манерности. Звук этого голоса застал Виктора Пюхлера как бы на пути от прошлого к настоящему, и он мысленно сравнил голос Алены с голосом Доры Суиннертон, таким же мелодичным, только немного более высоким и всегда чуточку ироническим. Виктор ощущал сейчас легкое смятение чувств: воспоминания боролись в нем с происходящим перед его глазами. От его внимания не ушло, что Алена чуть было не назвала Росмуса по имени; он вспомнил, как Мери, устремив взор куда-то за горизонт, туманно и обиняками говорила об этой девушке. Тогда, за обильным завтраком на террасе, Виктор, размышляя о смысле этих намеков, снисходительно подумал, что супруг, имея такую жену, как Мери Росмусова, в конце концов, вправе иной раз нарушить супружескую верность. Но сейчас он вдруг почувствовал, что возмущен неверностью Росмуса. «Ах, старый козел!» — с неудовольствием подумал он и тут же вспомнил, что Росмус старше его не больше чем на десять лет. И все же Пюхлер упрямо повторил про себя: «Старый козел!» — и немедленно решил, что всякий холостой мужчина не только вправе, но даже обязан отбить у Росмуса эту обольстительную девушку.

Словно бы издалека он услыхал, как Росмус представляет их друг другу, и пожал холодную узкую руку Алены, чувствуя при этом, как горяча его собственная. Девушка окинула его беглым, оценивающим взглядом, на секунду задержавшись на густой волнистой шевелюре и на двойной орденской колодке на груди. Виктор машинально поправил френч. Они улыбнулись друг другу, и Виктор отметил про себя, что в ее улыбке отразилось нечто большее, чем обычная учтивость первого знакомства: это был пробудившийся интерес.

«Неплохо бы заполучить такую союзницу в борьбе за возвращение наследства»,— подумал он. И, еще даже не успев как следует усесться, он уже определил план действий. Этому помогла профессиональная выучка летчика и боевой опыт: Пюхлер был приучен оценивать обстановку и принимать решение в доли секунды. «Несомненно, она и умна. Значит, стоит создать у нее, хотя бы временно, впечатление, что то, что она делает для меня, выгодно ей самой. По крайней мере до тех пор, пока не завершится благополучно мое дело».

Как бы в ответ на его мысли девушка сказала:

— Кое-что мы здесь для вас уже сделали. Теперь я, по крайней мере, своими глазами вижу, для кого...

Виктор преодолел первое удивление и разброд мыслей и обрел обычную самоуверенность. Мягко засмеявшись, он ответил:

— Если вы разочарованы, пожалуйста, не подтверждайте этого и даже не выдавайте своих чувств — я не переживу. Мне стыдно, что, пока я, как пташка, летал по свету, люди незнакомые позаботились о том, чтобы мне было на что жить.

Она тоже ответила ему смехом и одним из хорошо прорепетированных жестов, которые, как она знала, воспламеняюще действуют на мужчин,— поправила волосы на шее. Обратила она внимание и на то, что Росмус нахмурился, заметив, кому был адресован этот жест. Но что для нее Росмус? Сближение с ним было порождено лишь любопытством и злорадной мстительностью по отношению к его чванной жене, которая с первой же встречи держалась с Аленой недружелюбно, пренебрежительно и с плохо скрытым страхом перед ее молодостью и красотой. Росмус словно провалился сквозь землю, навеки исчез из ее жизни с того момента, как ее взгляд встретился с темными глазами Виктора и она увидела, что они затуманились, заволоклись пеленой грусти и перестали замечать вокруг себя что-либо, кроме Алены. Алена была молода, но уже настолько опытна, что знала: те мужчины, чей взгляд так непроизвольно меняется при виде красивой женщины, бывают самыми страстными любовниками, хотя любовный огонь в них, подобно вспышке бензинового пламени, высоко взметнувшись, быстро гаснет.

— Вы вернулись как раз вовремя. Возможно, что кое-кто уже постарался здесь, чтобы вы получили свою собственность, но ваши противники тоже не дремали. Дело

о наследстве еще далеко не улажено. Я бы сказала даже, что оно начинает изрядно запутываться.

Она увидела, как черные густые брови Пюхлера сошлись над переносицей, и поняла, что в его сознании она сейчас отошла на задний план, уступив место чему-то более важному.

«Ого,— подумала Алена,— он умеет отстаивать свое!» Но она была из тех людей, что почти восхищаются подобными качествами и стараются подражать им. Открытие такой черты в характере Пюхлера не раздосадовало и не разочаровало ее.

Виктор оглянулся на Росмуса, как бы ожидая, что тот разъяснит ему Аленины слова, но увидел хмурое лицо и холодный, замкнутый взгляд. Росмус пожал плечами.

— На меня вы не смотрите, мой друг,— сказал он тоном, каким учитель обращается к неподготовленному ученику, вызванному к доске.— Мадемуазель Алена Зимова, безусловно, знает больше меня.

И вдруг, как бы потеряв терпение и не желая больше скрывать своей досады, он насмешливо обратился к Алене:

— Итак, не лучше ли будет, если вы выложите нам все новости? Я человек занятой, и время у меня бежит быстрее, чем здесь у вас, в тиши всесильной районной управы.

Алена снова медлительным, ленивым движением поправила волосы и ответила с изящной вкрадчивостью:

— Простите. Я представляю себе ваши затруднения и тотчас же перейду к делу. Организовать бездействие нескольких сот человек — на это у вас действительно должна уходить масса времени.

Бледное, гладкое лицо Росмуса стало еще бледнее, скулы проступили резче. На минуту он, казалось, потерял дар речи, потом сказал приглушенным голосом:

— Вы просто с ума сошли. Ваш отец был бы огорчен таким поведением.

Алена слегка склонила голову набок и поглядела на Росмуса долгим насмешливым взглядом. Почтенный доктор технических наук отвел глаза.

— Мало ли чем мог быть огорчен мой отец...— протянула она.— На счастье, папочка, как мне кажется, еще до моего рождения вступил в возраст, когда ничему не удивляются.

Росмус провел пальцем за воротником рубашки. Разговор явно принимал неприятный оборот, пора было за-

кончить его или переменить тему. Но Росмус, искусный собеседник и дипломат, вдруг почувствовал себя беспомощным. Даже не глядя на Пюхлера, он понимал, что тот с интересом следит за этой пикировкой, потешается и строит догадки. Ненависть к Пюхлеру вдруг вспыхнула в Росмусе и сразу приняла антисемитскую окраску: в этот момент он готов был бы одобрить любое зверство над Пюхлером.

— Ну, вот что, Алена,— сказал он, делая усилие, чтобы говорить самым учтивым тоном.— Похоже на то, что мое присутствие вам сегодня почему-то не по душе. Я могу подождать, пока вы будете в ином настроении, и прийти в другой раз.

Алена чуть пожала обтянутыми свитером плечами, удивительно округлыми для ее тонкой фигуры.

— Как угодно,— произнесла она и, словно раздумав, добавила: — Но, прежде чем уйти, вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что заводской комитет «Точмаша» в Клаштерце обращается в РНК с ходатайством «о содействии продвижению в главном управлении предприятием и в министерстве промышленности заявок означенного завода на регулярное снабжение сырьем и пригодными для обработки полуфабрикатами...» Брр! Чуть язык не сломала! Ибо в противном случае на их участке «возникнет серьезная угроза выполнению двухлетнего плана».

Росмус быстро наклонился к Алене и спросил:

— Кто это подписал?

— Помнится,— с умышленной медлительностью ответила Алена,— там было две подписи. Одна из них, безусловно, председателя заводского комитета Зейды.

— Зейды? — воскликнул Росмус.

— Зейды,— подтвердила Алена таким тоном, словно все это ей смертельно надоело.— Он сам принес сюда эту бумагу меньше часа назад. С ним был еще один тип, черномазый, как угольщик. Зейда потом вернулся и объяснил мне, что вы, наверное, рассердитесь, но он ничего не мог поделать, коммунисты на него насели. Тот, что был с ним, как раз один из них.

— Вы говорите, черномазый? — вопросительно произнес Росмус и тотчас ответил себе: — Наверняка это был Гласек.— Его голос зазвучал мягко и вкрадчиво: — А что вы сделали с этим заявлением, Алена? Не у вас ли еще оно случайно?

Алена покачала головой.

— Почту разнесли уже полчаса назад. Кстати говоря,

заявление было адресовано в отдел промышленности и ремесел. Этот ваш Зейда не так глуп, чтобы дать совсем припереть себя к стенке.

Росмус вздохнул с облегчением.

— Значит, оно попало к Мацаку? Я сейчас к нему зайду.

— Он уже звонил мне и просил, чтобы я сегодня обязательно разыскала вас и передала, что он хочет повидаться с вами.

— Звонил вам? — нахмурился Росмус.— А почему? Разве он не мог позвонить мне сам?

Алена пожала плечами.

— Вы будете с ним говорить, вот и спросите.

Виктор Пюхлер вертел в руках большой серебряный портсигар. Ему не без труда удавалось сохранять равнодушное выражение лица и скрывать тягостную неловкость, которую вызвала у него эта перепалка. Он не сомневался, что подчеркнутая дружественность Росмуса к нему сильно ослабеет после этого визита. Воспользовавшись паузой, наступившей после слов Алены, он протянул ей раскрытый портсигар. Девушка подалась вперед, в ее улыбке были и радость и жадность.

— Английские?

— «Уайт хорс».

— О-о, вот это сигареты! Американские мне надоели, а здешние просто невозможно курить.

— В Пльзени вам нравились американские сигареты,— заметил Росмус, и Пюхлер почувствовал в его словах какой-то мстительный намек, который должен был смутить Алену. Но кто знает, удалось ли бы смутить ее намеком даже куда более откровенным, какого Росмус не мог себе позволить?

— Ну так что ж? — возразила Алена.— Есть разные степени благосостояния. И при оккупации нам жилось то хуже, то лучше.

— Я рад, что угодил вам,— поспешно сказал Виктор Пюхлер, стараясь перевести разговор на выгодную для себя тему.— Если сигареты вам действительно по вкусу, заявляю при свидетеле, что готов разделить с вами весь свой запас.

Алена засмеялась, как ребенок, когда ему дают лакомство.

— Должна предупредить вас, что хотя взятки я беру охотно, но не расплачиваюсь за них, даже без свидетелей.

— Странное у вас сегодня настроение, Алена,— строго

и наставительно произнес Росмус.— Может быть, вы наконец скажете пану Пюхлеру, что нового в его деле.

— Почему же нет? — откликнулась Алена, выпустила длинную струю дыма и, держа в пальцах сигарету, порылась в пачке корреспонденции, лежащей на столе.— Новости есть.

И она подала им два густо исписанных листа бумаги, к которым скрепкой был прикреплен желтый конверт. Росмус и Пюхлер одновременно протянули руки, но Росмус тотчас опустил свою, дав этим жестом и кивком головы понять, что, разумеется, признает первенство Пюхлера.

— Пан Трнец сегодня утром лично привез это.

— Трнец? — удивленно воскликнули в один голос Росмус и Пюхлер, а Росмус добавил: — Кто только не побывал у вас сегодня утром!

— В том числе и вы,— сказала Алена.— Пожалуйста, читайте быстро. Бумага адресована председателю национального комитета, и мне пора отнести ее ему в кабинет.

— Можете читать вместе со мной, Эд,— сказал Пюхлер и пододвинул свой стул к Росмусу; тот немедля извлек из кармана очки. Пюхлер с удовлетворением отметил, что Росмус явно из тех людей, которые умеют разграничить бизнес и любовные дела, если только сочетание обоих не сулит им дополнительного успеха. А впрочем, кто знает? Быть может, его расчеты как-то включают в себя и Пюхлера, а герой Виктор и представления не имеет об этом.

Они читали и изумлялись.

— Что скажете, Эд? — спросил Пюхлер, когда они дочитали последнюю из четырех страниц текста, убористо написанного на машинке.

Росмус взял бумагу из его рук, перелистал, еще раз просмотрел некоторые места, вернул заявление Алене, вложил очки в кожаный футляр и сказал:

— Видимо, он не рассчитывал на ваше возвращение и, когда вы все-таки появились на сцене, решил стать самостоятельной стороной в игре и вести ее и против вас, и против завкома. Придумано неплохо, и я ручаюсь, что найдется немало людей, которые в его проекте увидят разрешение и собственных затруднений. Вам нельзя медлить, милый Виктор, решительно нельзя медлить.

Виктор Пюхлер долго гасил толстый круглый окурок, тыча его в пепельницу на столе Алены.

— Может быть, вы посмеетесь надо мной, Эд,— заговорил он наконец,— и скажете, что я рассуждаю по старинке. Но я уверен, что подлинная опасность грозила бы в том

случае, если бы в Пограничье после сорок пятого года уже происходило нечто подобное. Это был бы соблазнительный пример, который может найти подражателей. Если нет, никому не захочется идти неизведанным путем.

Росмус не торопился с ответом, думая, впрочем, не столько о самом существе дела, сколько о многосторонних талантах щеголеватого Виктора. «Этот молодой человек, видимо, отлично умеет защищать свои интересы. А я-то поддался воспоминаниям об Англии,— думал Росмус.— Так вот оно что: другая обстановка — другое поведение. Надо бы послать его ко всем чертям, но жена об этом и слышать не захочет».

— Вы спрашиваете, были ли прецеденты,— заговорил он медленно, как бы продолжая размышления вслух.— Это не исключено, но сейчас я не могу припомнить.

— А Вейпрты? — с изрядной долей насмешки вставила Алена Зимова.

Росмус поднял руку, как бы желая хлопнуть себя по лбу, но не сделал этого.

— Отлично, Алена! Вейпрты! Как я мог забыть об этом! Вот каким образцом воспользовался наш друг Трнец. А я уже опасался, что он умнее, чем мы предполагали, и все это выдумал сам. Но и то ловко сделано.

— А что было в Вейпртах? — спросил Пюхлер.

— В Вейпртах? Народные управляющие местных текстильных предприятий сговорились основать объединенную фирму «Кооператив текстильных предприятий города Вейпрты». Взялись они за дело основательно, даже председателя МНК, хоть он и был коммунист, склонили на свою сторону. Он их отстаивал так рьяно, что слетел с поста.

— Значит, у них ничего не вышло? — с облегчением сказал Пюхлер.

— Нет,— признался Росмус.— Но не очень радуйтесь этому. Идея-то осталась и, как видите, жива. Один раз затея не удалась, другой раз может выйти. Это был не первый и не последний случай.

На столе у Алены зазвонил телефон. Она сняла трубку. Лицо ее тотчас изменилось, вытянулось, стало серьезным, в голосе появилась сухая деловитость. «Ишь ты! — подумал Виктор Пюхлер,— она умеет быть какой нужно! Но какова же она в действительности?» Его любопытство быстро усиливалось. Алена отвечала на вопросы и говорила «пан председатель».

Пюхлер наклонился к Росмусу и прошептал ему:

— А что, если мне сразу же заглянуть в логово зверя?

Росмус встал, дал Алене знак не класть трубки и показал на Пюхлера.

— Одну минуточку, пан председатель. Здесь пришел пан Виктор Пюхлер и хочет поговорить с вами, по возможности сейчас, о текстильной фабрике в Поточной.

Она положила трубку, взяла папку с почтой, улыбнулась Пюхлеру и сказала:

— Можете идти со мной. Председатель вас примет.

— А я пока повидаюсь с заведующим промышленным отделом,— решил Росмус.

Вернувшись в канцелярию, Алена Зимова заметила на круглом столике желтые замшевые перчатки Пюхлера. Она взяла их в руки, понюхала, опять положила на столик и, задумчиво улыбаясь, несколько секунд постояла над ними.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Посетитель бросал взгляды на кресла, окружающие большой стол для заседаний, но Багар, не обращая на это внимания, предложил ему старый конторский стул, стоящий у письменного стола. Стул был неудобный, шаткий, скрипучий. Его уже неоднократно пытались убрать и ставили председателю другой, более прочный, или даже деревянное кресло, но Багар всякий раз требовал стул обратно. Зачем была нужна ему эта развалина? Тут был маленький фокус: стул не давал посетителю засиживаться и вести долгие разговоры. Человек чувствовал себя на нем неуверенно и спешил скорее перейти к делу. Вот и Пюхлер, едва усевшись, наклонился вперед и уперся руками в колени, чтобы лучше сохранить равновесие.

— Вы, стало быть, племянник бывшего владельца текстильной фабрики в Поточной? — сказал Багар скорее утвердительным, чем вопросительным тоном.

Виктор кивнул.

— Да, последний из семьи Пюхлеров, если не считать тетки, сестры отца, которая вовремя успела уехать с мужем в Канаду. А семья была многочисленная, смею вас заверить, пан председатель. Закурим?

Пюхлер раскрыл и протянул Багару свой массивный портсигар, наполненный толстыми круглыми сигаретами с крепким ароматом дорогого табака, пропитанного медом.

Но Багар отказался.

— Спасибо, не буду.

И взял в руки помятую картонную коробочку, из

которой на покрытый бумагами стол выкатились тонкие сигареты, набитые темным, грубым табаком. Пюхлер, скрывая разочарование, закурил сам и дал прикурить Багару. Потом, вертя в пальцах сигарету и глядя на ее тлеющий конец, он подумал: «Как же начать разговор?» Он, правда, сообщил о цели своего прихода, но сейчас ему показалось неуместным без предисловий перейти к делу. Багар ему понравился. Виктор всегда старался угадать по лицам людей, как бы они вели себя в самолете, атакуемом вражескими истребителями или прорывающемся сквозь огневую завесу. Багара он определил как абсолютно надежного партнера. А поскольку он подумал о самолете, ему пришло в голову, что найдено начало разговора, которое сблизит их обоих.

— Не знаю, как вы провели годы войны,— начал он,— а я все еще не могу опомниться от них. Семь безвозвратно потерянных лет. Нас убивали, и мы убивали и разрушали, и видели, как превращаются в развалины и исчезают в пламени вещи, которые мы любили, и верили, что они будут существовать вечно. И вот мы пробились в мир, где все неузнаваемо.

Багар усмехнулся.

— Не могли же вы ожидать, что после такой войны мир останется неизменным.

Пюхлер покачал головой.

— Не думайте, что я сентиментален. Я тоже приложил руку ко всеобщему разрушению и оставил за собой следы, по которым не хотел бы вернуться. Утром пятнадцатого марта тридцать девятого года я улетел на своем истребителе из Кбел в Англию, участвовал в воздушных боях за Лондон, а после ранения перешел на бомбардировщик. Я видел, как рушатся улицы Лондона, и летал в составе эскадрилий, которые засыпали бомбами Гамбург, Эссен, Бохум, Берлин, Кельн, Нюрнберг и десятки других городов. Их названия я уже даже не вспомню, если не загляну в свои записные книжки. Да, это так: я не помню названия городов, а ведь в них от моих бомб жилища превращались в груды развалин, а человеческие тела — в кровавое месиво... Нет ничего страшнее и отвратительнее, чем бомбежка городов. Чего хотели этим достигнуть они и чего достигли мы? Я тогда считал, что мы правы, отвечая ударом на удар. Я знал, что вся моя семья погибла в газовой камере. А в результате сейчас я лично не представляю себе своего места в мире, который мы так обезобразили.

Пюхлер умолк и заметил, что председатель РНК слегка

улыбнулся. Но, прежде чем он, Виктор, успел проверить свое впечатление и ощутить смущение или обиду, Багар удивил его вопросом:

— А вы участвовали в большом налете на Хемниц в апреле сорок пятого года?

— Конечно, участвовал,— слегка удивленно ответил Пюхлер.— На Хемниц и на Дрезден. Это были мои последние бомбардировочные вылеты. А что?

— Представьте себе,— медленно сказал Багар, и в глазах его была улыбка,— что, быть может, именно бомба с вашего самолета спасла мне жизнь. Да, и такие случаи бывали в этой войне: бомбы, сброшенные, чтобы разрушать, спасали людям жизнь. Это значило бы, что мы с вами старые друзья.

— Я вас не понимаю,— смущенно ответил Пюхлер, и по его лицу было видно, что он подозревает насмешку. Каким легко уязвимым был этот герой войны со столькими отличиями! Багар заметил это и поспешил ответить.

— Во время бомбежки была разрушена тюрьма, где я сидел в ожидании казни. Из ста дней мне оставалось только девять. Не знаю, понимаете ли вы меня? Через девять дней мне должны были отрубить голову. Бомба разрушила тот корпус тюрьмы, где была моя камера. Многие узники были убиты, а кое-кому удалось бежать.

— Жаль, что мы никогда не узнаем, чья же была эта спасительная бомба,— сказал Пюхлер.— Я, разумеется, и представления не имею, куда падали мои бомбы. Когда моя эскадрилья вступила в операцию, город уже горел, и мы только продолжали бомбежку. Жаль... Мне было бы очень на руку оказаться вашим спасителем.

— Вы имеете в виду бывшую собственность дяди?

— Да, свое законное наследство, дядину фабрику. Не улыбайтесь, пожалуйста, я совсем не романтик. Но на один момент, когда вы сказали, что бомба, спасшая вам жизнь, могла быть моей, я подумал, что, быть может, романтик — это вы.

— Итак, с романтизмом мы покончили,— улыбнулся Багар.— Насколько мне известно, претензии на наследство вы предъявили еще за границей более года назад. Скажите, чего же вы хотите от национального комитета?

«Он явно иронизирует,— подумал Пюхлер.— Зря я вообразил, что смогу завоевать его симпатию».

И все же он сказал:

— Естественно, я хотел бы знать точку зрения нацио-

нального комитета. Я убежден, что закон, как его ни толковать, целиком на моей стороне.

— Да, да,— как бы в рассеянности повторил Багар.— Вот так обстоят дела с законами. Времена меняются. Подчас прямо-таки физически чувствуешь, как время бежит вперед, требуя перемен, а этакий закон торчит, как камень на дороге: не тронь его, да и все тут! Что делать с таким законом?

И Багар пожал плечами: ответ ясен каждому, так к чему же отвечать?

Смуглое лицо Пюхлера слегка побледнело. Он сказал, стараясь говорить неторопливо:

— Объяснитесь, пожалуйста. Кажется, я в самом деле отстал или издалека видел вещи в ложном свете. Относится ли закон о национализации имущества предателей, коллаборационистов и так далее к числу таких «законов», которые уже отжили свое время?

Багар вдруг потерял желание продолжать разговор с Пюхлером. Он не притворялся, но и не мог целиком поддаться охватившему его отвращению. «Эх ты,— подумал он,— ты дрался с фашистами, как и многие из нас, но за что? Сегодня это ясно. Весь наш разговор с тобой ни к чему, пустые слова. Как объяснить тебе, что борьба за фабрику, на которую ты точишь зубы, это часть нашей борьбы за будущее всего народа. По-вашему, так: вот закон, но не ко всякому капиталисту он относится. Значит, нас, кто под него не подпадает, пусть рабочие кормят, как кормили прежде. Закон! Для нас он — первый шаг к лучшей жизни, а для вас, жадное воронье,— первый шаг к могиле».

— Закон этот,— ответил он,— пока что себя оправдал и принес много пользы.

В его тоне уже слышалось нескрываемое нетерпение, а взгляд был устремлен на груду писем, лежащую на столе.

— Не хочу вас больше задерживать ни одной минуты,— поспешно сказал Пюхлер.— Закон, несомненно, говорит в мою пользу. Я хотел бы знать мнение РНК.

— Оно совпадает с мнением МНК в Поточной и с требованием, выдвинутым работающими на фабрике.

— Это мнение всех членов комитета?

— Мнение районного национального комитета в целом.

— Стало быть, вразрез с законом?

— Я уверен, что в полном согласии с намерениями законодателей.

Еще полчаса назад Виктор Пюхлер не поверил бы, что разговор с кем бы то ни было и о чем бы то ни было способен

до такой степени вывести его из равновесия. Правда, разговор этот был не пустяковый, а о деле, которое вдруг показалось Пюхлеру самым насущным. Только предельным напряжением воли ему удалось сохранить до конца беседы тот полудружеский, полуравнодушный тон, какой возникает между людьми, благоприятно оценившими друг друга и все же очень далекими. Но едва Пюхлер вышел в коридор, подавленная ярость вспыхнула в нем с такой силой, что он остановился и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы избавиться от клубка, подступившего к горлу.

Не без удивления следил Пюхлер за тем, что творится у него на душе. Ему хотелось стукнуть ногой по двери, которую он только что за собой закрыл, хотелось погрозить кулаком, швырнуть на пол фуражку, которую он держал под мышкой, и поддать ее ногой, как футбольный мяч, хотелось разразиться грубой бранью. Почему?

Он завернул за угол длинного коридора и там медленно, уверенно надел свою офицерскую фуражку, закурил и стал прохаживаться. Не могло быть и речи о том, чтобы появиться перед Аленой таким взвинченным. Гнев его постепенно становился не таким бурным, но не ослабевал, а подобно притаившемуся разбойнику ждал своего часа. И если Виктор Пюхлер с грехом пополам сохранил внешнее спокойствие перед Багаром — или ему казалось, что сохранил,— его глубоко удивило то, как он разоблачен перед самим собой. Еще входя в кабинет Багара, он был уверен, что к своим правам на фабрику относится как к занятному, но несерьезному делу. Достанется ему фабрика или нет, было для него всего несколько минут назад скорее вопросом спортивной чести. Вступил в драку, значит, изволь одолеть, вот что. По-видимому, так.

Но сейчас открылась подлинная суть вещей. Не-ет, это совсем не похоже на состязание, после которого соперники дружески жмут друг другу руки и расходятся без всякой горечи, вспоминая о приемах борьбы, которыми каждый из них угостил противника. Фабрика, вид которой еще неделю назад Пюхлер с трудом мог себе представить, на которую несколько дней назад он смотрел с приветливой снисходительностью, словно говоря: «Ну что ж, если нет ничего посолиднее, пусть будет хоть это»,— эта фабрика в ходе разговора с Багаром стала как бы частью его самого, частью такой нужной и важной, что ради сохранения ее он готов был... на что, собственно?

Виктор прохаживался по пустому коридору, куда из-за дверей доносился торопливый стук машинок, голоса гово-

рящих по телефону сотрудников, посетителей, и изумлялся глубине и силе этого, как ему казалось, совершенно нового в нем чувства. Он был уверен, что после гибели его родных, после разрушений, свидетелем и исполнителем которых он был, он вынес из войны какое-то тупое, покорное равнодушие к вещам и людям и убеждение, что он навсегда останется скорее циничным наблюдателем, чем активным участником дальнейших событий.

Виктор остановился у одного из высоких окон, выходящих в сад, расположенный на косогоре, и уставился на волны розового абрикосового цвета и первые белые облачка черешен. Он созерцал эту красоту, но мысли его были заняты не ею. «Они называют это классовой ненавистью,— подумал он, вдруг осмыслив суть своего чувства.— Я готов убивать их, если понадобится,— с изумлением твердил он себе.— И с особенной охотой именно самых симпатичных из них!»

Своими притязаниями на фабрику он до сих пор занимался с некоторой неохотой, как пустой формальностью в совершенно бесспорном деле. Это позволяло ему делать вид, что он слегка пренебрегает неожиданным наследством и ему претят все эти канительные хлопоты. Такая поза, в общем, отвечала склонности людей его класса всегда что-то разыгрывать перед миром и перед самим собой. Но теперь, после спора с Багаром, эта маска сразу слетела с Пюхлера, и он увидел себя без прикрас, к которым привык с детства... «Ишь ты! — сказал он себе, ощутив вдруг потребность обобщить свое наблюдение.— Так вот мы какие!» Он задумался над этим открытием и продолжал свое рассуждение: «Мы хищники, так? Нас называют классом хищников. Ну что ж, ведь именно благодаря этому свойству мы стали правящим классом и сделали мир таким, каков он есть. Нас не так-то легко стереть с лица земли...»

И он ощутил вдруг такую гордость и уверенность в выигрыше своего дела, что ему даже стало весело. Он отошел от окна и направился к двери с надписью: «Канцелярия». Отведя Пюхлера к Багару, Алена с великим прилежанием занялась своей наружностью. Она снова подправила брови, ресницы и губы и долго, тщательно причесывала волосы. Если какой-нибудь посетитель отрывал ее от этого важного занятия, Алена возвращалась к нему, едва за посетителем закрывалась дверь. Алена обдумывала также, в каком тоне она будет сейчас разговаривать с Пюхлером. Нужны ирония и наигранная хо-

лодность, пусть почувствует, что завоевать ее не так-то просто. Но вместе с тем не следует переборщить, чтобы не отпугнуть его. Алена была уверена, что он выйдет от Багара рассерженным и основательно обманувшимся в своих расчетах.

Поэтому ее удивило веселое выражение его лица. Когда, она откликнулась на стук: «Войдите!», он приоткрыл дверь, просунул в нее голову и спросил: «Можно?»

Алена удивленно кивнула, и Виктор скользнул в дверь, закрыв ее за собой. Совсем не по-военному — так входят страховые агенты или сборщики объявлений. Но не успела Алена опомниться, как он уже снова обрел военную выправку и с фуражкой в руке кланялся и говорил:

— Прошу извинения. Я совершенно непростительно забыл где-то свои перчатки и теперь хожу из комнаты в комнату и ищу их.

Алена кивнула и произнесла с деланной серьезностью:

— Это может случиться со всяким. А скажите, этой комнатой вы начинаете или кончаете свой обход?

Ошарашенный, Виктор замигал, потом рассмеялся:

— Нокаутирован в первом же раунде. Вы разгадали мою наивную уловку, но, надеюсь, не рассердились и не обиделись.

Он подошел к круглому столику и взял свои перчатки. Алена следила за его движениями, оценивала его слова, улавливала тон, каким он говорил. Внимание ее было напряжено, чувства обострены настолько, что у нее даже мурашки пробегали по коже. И вместе с тем Алена ощущала, как в ней нарастает разочарование, старое, давно знакомое чувство, подчас приводившее ее в отчаяние, а иногда вызывавшее покорную уверенность, что жизнь — это идиотский маскарад, где тупо, без выдумки повторяются обыгранные, давно знакомые ситуации; и тщетно было бы надеяться, что эта жизнь принесет Алене что-то новое, наполнит ее настоящей радостью и даст твердое сознание, что цель достигнута и мечтать уже больше не о чем.

Но вместе с тем в Алене взметнулась хмельная волна легкомыслия, пьянящего, упоительного и банального, как джазовая песенка. «Ну что ж,— сказал в ней кто-то, махнув рукой,— все будет как обычно: весело и волнующе вначале, потом все скучнее и скучнее, а завершится отвращением и похмельем, горьким и еще более безнадежным, чем после вина».

Виктор сидел в деревянном кресле у ее стола, сквозь синий табачный дым смотрел на Алену, и его глаза стали

влажными и словно заволоклись пеленой. Алена чувствовала, что по коже у нее попеременно пробегают то холодные, то горячие волны. Было приятно снова ощутить возбуждение, которое она умеет разжечь в мужчине. Она слушала, что говорит Виктор, отвечала ему и одновременно думала о чем-то своем. В наше время, должно быть, никак не выходит — да, видно, это и невозможно,— чтобы люди просто любили друг друга. Всегда они будут хотеть друг от друга еще чего-то и этим, в конце концов, убивают любовь.

Они договорились: в субботу к вечеру Виктор зайдет за ней, и они вместе поедут в Прагу навестить Алениного отца. Давно пора предпринять решительные шаги в деле о фабрике и положить конец дальнейшим поползновениям заводского комитета и вероломным замыслам Трнца.

Алена согласилась. Да, пора положить конец. Но это будет не так-то легко, и еще не известно, кто и чему положит конец.

— Вы их боитесь? — спросил Пюхлер, но она поглядела на него с таким пренебрежением, что он опустил глаза и не скоро отважился снова взглянуть на нее.

— Да, боюсь,— ответила Алена.— Боюсь, как бы в конце концов не согласиться с ними против своей воли, против своих убеждений и во вред себе.

— Вы меня удивляете.

— А что вы обо мне знаете, чтобы удивляться? — высокомерно сказала она.— Быть может, и вы наконец придете к выводу, что они действуют открыто, а мы придумываем всякие подлости, которые надо держать в тайне, с которыми нельзя показаться людям на глаза. А я страшно не люблю чувствовать себя подлой...

И внезапно, словно ей надоел разговор с Пюхлером и он сам, она встала и протянула ему руку.

— Итак, в субботу. У меня еще много работы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Президиум РНК после долгих прений принял предложение своего председателя Иржи Багара: вопрос о непомерных потерях поголовья в животноводческом кооперативе обсудить на открытом общем собрании работников. Бухгалтер Бузек должен будет сделать краткий отчет о положении дел, ответить на вопросы и дать все необходимые разъяснения. Багар рассчитывал, что, если поставить Бузека лицом к лицу с остальными работниками, это откро-

ет хотя бы кусочек правды, и так постепенно можно будет выяснить, кто же виноват в хозяйственном развале кооператива.

Багар ожидал, что против его предложения выступит прежде всего заведующий сельскохозяйственным отделом Ваша Кроулик, член партии национальных социалистов, а с ним и заведующий промышленным отделом, социал-демократ Любомир Мацак, в прошлом директор городской школы. Так и оказалось. Однако после долгих проволочек, вызванных прежде всего нескончаемой болтовней Кроулика и его многочисленными компромиссными контрпредложениями, президиум РНК подавляющим большинством голосов наконец согласился с Багаром. Кроулику удался только один маневр: собрание назначили через неделю. Нужно, мол, его должным образом подготовить, обеспечить и так далее. Багар усмехнулся и мысленно махнул рукой. Ему было ясно, что именно хочет «обеспечить и подготовить» Кроулик, но он надеялся, что заведующему сельскохозяйственным отделом не удастся уговорить всех работников высказываться так, как нужно ему, и что, наоборот, накаленная атмосфера собрания побудит многих к неожиданным выступлениям, в свете которых легче будет доискаться правды.

Но это, сказал себе Багар, будет только одна, хотя, несомненно, и важная часть дела. Вторая же, быть может, даже более важная, задача — это спасти как можно больше скота из тающего поголовья, оставшегося еще в кооперативе. И вот после разговора со Зденой, когда он по привычке задавал вопросы и сам же отвечал на них, Багар решил поехать в Прагу, в министерство сельского хозяйства. Предварительно он сговорился по телефону с руководящим товарищем, которого знал еще до войны, и таким образом обеспечил себе на определенный час встречу с нужным чиновником. Багар хотел добиться, чтобы опытное государственное хозяйство в Грюне приобрело большую часть сохранившегося поголовья и создало из него нечто вроде резервного фонда, из которого район мог бы потом, по мере надобности, покупать скот для новых переселенцев.

Просьба Багара была необычна и не имела прецедентов, нá которые чиновник министерства мог опереться, чтобы ее удовлетворить. Министерство готово было закупать скот не только для грюнского, но и для других госхозов. Но продавать потом скот и тем самым придать госхозу нечто вроде опекунской функции — это было необычно, такой опыт еще нигде не был зарегистрирован. Пришлось снова звонить

руководящему товарищу, знакомому Багара, и тогда оказалось, что можно нарушить существующие строгие инструкции. Чиновник министерства подготовил исчерпывающий цифровой материал о том, сколько голов скота может купить грюнский госхоз для создания такого «резервного стада». Его цифры о нынешней численности поголовья в Грюне точно совпадали с данными, полученными Багаром от районного сельскохозяйственного отдела. Кроме того, у чиновника министерства был подготовлен расчет: сколько еще скота может дополнительно прокормить госхоз в Грюне, исходя из площади его угодий. Багар покинул министерство, захватив с собой эти важные цифры и распоряжение Тимешу — закупить в кооперативе такое-то количество лучших дойных коров и телок, а также по возможности и в определенном количестве тягловый и убойный скот. Остальное должны были разделить между собой два госхоза в соседнем районе.

Через два дня после поездки в Прагу Багар отправился в Грюн к Тимешу. Не останавливаясь, он проехал Поточную, потом Долинку, свернул с шоссе направо и стал медленно подниматься по извилистой дороге, которая пересекала участки именья Врш и постепенно шла в гору, к селению Грюн, сперва отлого, а потом все круче. Машину вел шофер, и потому Багар мог внимательно разглядывать все окружающее. На широких волнистых нивах легкий ветер покачивал высокие темно-зеленые озимые всходы, кое-где сквозь зелень яровых проглядывала бурая земля. картофельные поля выделялись пустыми еще полосами борозд, зато сжатые уже участки кормовых трав на далеко протянувшихся полях говорили о том, насколько удались тут эти травы, высокие и густые, как медвежий тулуп.

За полями по склонам гор тянулись луга. На их ярко-зеленой глади там и сям темнели еловые рощицы. В одном месте, вдали от шоссе, паслось стадо коров, голов тридцать. Издалека они казались игрушечными и все-таки были хорошо видны, выделяясь в ярком солнечном свете белыми и коричневыми пятнами.

Первое строение Грюна появилось неожиданно для Багара, так же как два года назад, когда он проезжал тут впервые. Оно словно внезапно выпрыгнуло из-за волнообразного морщинистого холма. Крутая шиферная крыша спускалась почти до половины серых оштукатуренных стен, напоминая монашеский капюшон, низко надвинутый на голову. Строение казалось строгим, неприступным, даже угрожающим, как передовой форт. Издалека на первый

взгляд оно выглядело хорошо сохранившимся. Но когда машина Багара подошла ближе, обнаружились черные проемы выбитых окон и сорванная с петель дверь, валявшаяся у входа. Наветренная сторона дома обнажила свои раны, как средневековый нищий: под обветшалой кирпичной стеной валялись большие куски штукатурки, заметные даже в буйно разросшейся весенней траве. У дверей хлева высилась темным курганом осевшая куча почерневшего навоза. Забора не было. На заросшем травой дворе торчали два покосившихся шеста, когда-то служившие для сушки белья. Ветер играл обрывками веревки, привязанными на верхушках этих шестов, а на одном из них сидела серая ворона, как мрачный дух запустения. При виде подъезжающей машины она неохотно поднялась, громко каркнула и, тяжело махая крыльями, полетела над сараями и хлевом.

Этой заброшенной усадьбой начиналось селение Грюн, насчитывавшее пятьдесят один дом. Разбросанные вдоль дороги, они были похожи один на другой, словно их строили одновременно и из одного материала. Так оно примерно и было. Грубо оштукатуренные и покрашенные темно-серой краской стены стояли на каменных фундаментах, крыши покрывал шифер. И только благодаря тому, что все дома были достаточно удалены друг от друга и прихотливо разбросаны вдоль дороги на фоне зеленых склонов, Грюн не выглядел слишком мрачным и отталкивающим. Большая часть домов пустовала; минувшая зима и ночные грабежи оставили на них жестокий след.

С осени сорок шестого года Багар видел немало необитаемых, разграбленных и заброшенных домов, которых хватало и в Кадани; да и в районе Багар всюду наталкивался на них. Сейчас, весной, когда солнце сорвало спасительный снежный покров, стало особенно ясно видно, как неудержимо быстро ветшают пустующие здания. Багар мог бы уже привыкнуть к такому зрелищу, и все же это ему никак не удавалось.

Среди нежилых домов были старые лачуги, разрушение которых никого не огорчало, потому что они едва держались еще при своих прежних обитателях. Это были мрачные, пугающие норы, а не человеческое жилье. Уже зима сорок пятого года их начисто уничтожила: вихри сорвали доски и черепицу, стропила обвалились под тяжестью снега, дожди размыли крыши и подточили стены из необожженного кирпича. Развалины этих лачуг обезображивали уютные уголки уцелевших и даже вполне благоустроенных селений, уродовали цветущие палисадники и пре-

лестные косогоры. Надо было снести эти руины. Но кто это сделает? Людей мало, и у них другие заботы.

Но были и другие дома, как здесь, в Грюне, на первый взгляд хорошо сохранившиеся, годные для жилья, приятные с виду и все же по разным причинам не нашедшие новых обитателей. Вместо людей в них поселилось разрушение. Да что отдельные дома — местами целые поселки оставались заброшенными, условия жизни там были так тяжелы, что их могли вынести лишь люди, привычные к лишениям с детства, или те, у кого не было иного выбора. Переселенцы не осели там прочно, а лишь прошли через эти деревни, как опустошительный смерч.

Пока дорога шла в гору и машина миновала пустующие дома, Багар думал о том, сколько тщетных усилий он потратил, чтобы спасти в своем районе покинутые строения. При каждом удобном случае он напоминал председателям местных национальных комитетов, чтобы они заботились в своих общинах о сохранности всех зданий, пригодных для жилья. Багар вспомнил, как он говорил с этими людьми; лица их оставались неподвижными, а в глазах мелькала скрытая насмешка, когда он твердил им, что они, представители народной власти, должны неустанно призывать своих граждан беречь и охранять такие дома. Это надо делать в общественных интересах. В ответ люди молчали и думали о чем-то своем, а некоторые говорили напрямик: «А ты приходи и растолкуй им сам». И Багар приезжал убеждать людей. Его слушали внимательно и соглашались с ним уже потому, что этого человека уважали и не хотели его сердить. Но в конце концов среди собравшихся обычно вспыхивали ссоры и сыпались взаимные обвинения в том, кто стащил оконные рамы или снял дощатый настил в таком-то и таком-то доме. Были и такие места, где жители относились к делу сознательно и хотели уберечь пустующие здания. Они даже принимали меры, но дома все равно разрушались. Тайные расхитители снимали двери с петель, вынимали оконные рамы, срывали электропроводку со стен и доски с пола, и такой дом становился доступен для озорных детей, для ветра, дождя и снега. Спасать эти строения было все равно что детской лопаточкой пытаться восстановить плотину, прорванную половодьем. И все же, даже ясно понимая, что его усилия тщетны, Багар продолжал борьбу. Он просто не мог примириться с мыслью, что — пусть даже не по его прямой вине, а из-за его равнодушия — что-то разрушается и гибнет.

Подъем становился все круче, дорога все чаще извива-

лась спиралью. Даже в ушах чувствовалась перемена атмосферного давления, как это бывает при подъеме в самолете.

У последнего, более отлогого поворота дорога достигла высшей точки подъема и дальше шла по плато. Здесь стояло больше всего грюнских домиков — общим числом четырнадцать, считая и тот, что помещался в середине, на чуть покатой лужайке, которую с двух сторон огибала дорога. Этот дом отличался от других не только своим местоположением и размерами. Уже крыша его обращала на себя внимание: на ее светло-серой шиферной основе был выложен бордюр из ярко-красных плиток. Стены были чисто оштукатурены и побелены, а шесть прорубленных попарно окон глядели на горные просторы. Вход был с восточной стороны, через застекленную веранду, обсаженную еще не распустившимися кустами ломоноса, ветви которого покачивались на ветру. Уютный, приветливый дом!

Когда-то он принадлежал одному из грюнских богачей, Генриху Бергхауэру, бессменному старосте Грюна и закоренелому нацисту, который верил в фюрера до последней минуты, а когда она наступила, попытался задержать неумолимое возмездие. В Грюне был расквартирован взвод «шюцполицаев» — охранной полиции, состоявший из пожилых немцев, «пивохлебов». Получив известие, что советские танки, прокладывая себе дорогу через перевалы Рудных гор, идут освобождать восставшую Прагу и добивать нацистов в их последнем прибежище, «шюцполицаи» исчезли — как сквозь землю провалились, оставив тяжелый пулемет на невысокой колокольне грюнской часовни. Бергхауэр забрался туда со своими младшими сыновьями — шестнадцатилетним Куртом и четырнадцатилетним Паулем, и, когда на шоссе со стороны Абертама показались советские танки с автоматчиками, он открыл по ним пулеметный огонь. Огонь продолжался недолго и не нанес особого вреда. Головной танк двумя орудийными выстрелами сбил верхушку башни, и она похоронила под собой фашистского фанатика и обоих его сыновей.

В доме Бергхауэра поселился Филип Тимеш со своей сожительницей фрау Краус. К дому вела дорога, ответвляющаяся от шоссе на последнем повороте. Долговязый детина в серой куртке и черной лыжной шапочке водил по этой дороге оседланного верхового коня необычной у нас масти — белого с большими рыже-гнедыми подпалинами. Верзила был избегший выселения житель Грюна, немец, по фамилии Плешнер. В прошлом году перед рождеством он

приходил к Багару просить, чтобы его дочери разрешили поселиться у брата Плешнера, в Нейдеке, и поступить там на шерстепрядильную фабрику. Багар выдал разрешение, и накануне сочельника Плешнер снова появился с увесистым куском масла — даром благодарности. Багар взял Плешнера под руку и отвел в больницу, где масло в присутствии двух пациентов было передано в кухню с пожеланием скорого выздоровления всем, кто вынужден провести рождество на больничной койке. По дороге домой Плешнер мысленно сравнивал этот случай с поведением чиновников при первой республике и во время оккупации и так часто останавливался и покачивал головой, что даже натрудил себе шею.

Когда Багар приблизился к Плешнеру, пегая кобыла заартачилась и попятилась. Высокий костлявый немец взял ее под уздцы и заставил сойти с дороги на склон. Свободной рукой он снял потертую шапочку.

— Здравствуйте,— сказал Багар и смутил Плешнера тем, что подал ему руку.— Нанялись в конюхи к управляющему?

Плешнер торопливо надел шапочку и коснулся руки Багара, словно она была из раскаленного железа. Он явно затруднялся с ответом.

— Я хожу за всеми лошадьми в Грюне,— медленно произнес он.— Это кобылка тоже из нашей конюшни.

Багар почувствовал, что краснеет. «Что же это я делаю,— сказал он себе,— уж не собираюсь ли подбивать Плешнера против Тимеша?» Но старый агитатор, всегда просыпавшийся в нем, когда он нюхом чуял эксплуатацию, говорил почти помимо его желания.

— Значит, эта кобыла государственная?

Плешнер покачал головой.

— Собственная пана управляющего... Но стоит в общей конюшне. Так удобнее.

«Еще бы,— подумал Багар.— Удобнее, а кое для кого и дешевле. Но не надо смущать Плешнера, это с твоей стороны нехорошо. Он и так словно между двух огней». И Багар заговорил о другом.

— Как живется вашей дочери в Нейдеке?

Морщинки на худом лице Плешнера задвигались, как осколки стекла в калейдоскопе, и наконец образовали улыбку из волнистых и кривых линий.

— Что ей делается! Получила работу в мотальном цехе и уже зарабатывает хорошие деньги. В каждом письме благодарит и передает вам привет.

«Растяпа я и растяпой останусь!» — подумал Багар и замахал на Плешнера рукой. В этот момент со стороны дома послышалось звяканье металла о камень. Оба оглянулись. Тимеш только что захлопнул калитку и шагал по дороге. Багар и Плешнер молча ждали, пока он подойдет.

Тимеш пожал руку Багару и кивнул Плешнеру.

— Как тебе нравится мой мустанг?

— Это мустанг? — недоверчиво спросил Багар.— Впрочем, по масти похоже.

Тимеш усмехнулся.

— Во всяком случае — американка, это факт. Американцы выменяли эту кобылку на водку в Хебе, а потом она переходила из рук в руки, пока не попала ко мне.

Плешнер повел лошадь, которая все еще брыкалась. Багар и Тимеш смотрели им вслед.

— Вид у нее необычный. Как из цирка,— заметил Багар, сам не понимая, что его побуждает говорить Тимешу колкости и почему он так легко поддается этому желанию.

Тимеш закусил тонкие губы и сказал:

— Мне она нравится. А кстати, купил я ее потому, что лошадь мне крайне нужна. Здесь есть места, куда на мотоцикле не проберешься. А держать казенную мне не разрешило управление.

Багар оглянулся, словно отыскивая те места, куда не доберешься на мотоцикле, и заметил вскользь:

— Хорошо еще, что у тебя есть при доме конюшня.

— Лошадь помещена в общей конюшне,— холодно сказал Тимеш.— Кому это мешает? За сено и овес для нее я плачу отдельно. Это что, допрос?

Багар покачал головой.

— С какой стати мне тебя допрашивать? Но я думаю, что ты еще молодой член партии и каждое откровенное товарищеское слово пойдет тебе на пользу.

Рот Тимеша превратился в узкую ровную черту, губы словно провалились, их почти не было видно. Взгляд прищуренных глаз был неподвижен. Багар поглядел на это непроницаемое лицо, переступил с ноги на ногу и вдруг ощутил неприятную пустоту в ладонях. Он сунул руки в карманы, но тотчас вытащил и заложил их за спину. Поглядев на бескрайний пейзаж перед собой, Багар продолжал, словно обращаясь к волнистым горам, озаренным солнцем:

— Мы, коммунисты, отвечаем за свои поступки не только перед собой. Подумай о том, сколько лет буржуазная пропаганда всеми средствами обрабатывала наших

сограждан, стараясь убедить их, что от коммуниста нельзя ждать ничего хорошего. Мы должны с этим считаться. Всякое сомнение, которое мы вызываем своими действиями у беспартийных, отражается на их отношении не к тебе или ко мне, а к партии.

Багар хотел было продолжать, но неожиданно закончил словами:

— Вот так-то.

И замолк с незнакомым ему прежде чувством тщетности своих усилий. Ему казалось, что говорит он впустую, зря, будто обращается только к этим близким и отдаленным горам. Несколько секунд он стоял молча, стиснув руки за спиной так крепко, что у него даже заныли мышцы предплечья. «Что же это такое,— думал он,— почему у меня пропала охота говорить? От усталости или от давнего недоверия и антипатии к этому человеку?»

Он резко обернулся к собеседнику, ожидая встретить насмешливый взгляд, но увидел, что Тимеш, как и сам Багар минуту назад, смотрит вдаль в бескрайний простор и углы рта у него опущены в горькой гримасе.

— Я не делаю ничего такого, за что не мог бы ответить в любой момент,— сказал Тимеш, не глядя на Багара.

Багар промолчал. Ему показалось, что в голосе Тимеша нет обычной резкости и в нем прозвучали какие-то взволнованные нотки.

— Любой человек в Грюне подтвердит то, что я сказал о своей лошади.

В этом Багар не сомневался. Но разве он и Тимеш имели в виду только лошадь, а не что-то гораздо более важное, о чем они оба еще не упомянули? Багар уступил неодолимому желанию высказать эту мысль.

— Не только в лошади дело,— сказал он.

У Тимеша напряглись плечи и шея, как у человека, готового броситься вперед и нанести удар. Он медленно всем телом повернулся к собеседнику.

— Не только в лошади...— протянул он.— А в чем же тогда?

Да, в чем? Но именно это и было трудно сформулировать. Кто-то идет впереди тебя в тумане, исчезая из виду в тот самый момент, когда тебе кажется, что ты уже узнаёшь его. Прозвучат шаги — и вдруг снова тишина... Подозрение, и ничего больше! Багар терпеть не мог подозрительности и всегда боролся с ней. Почему же он сейчас поддался внезапному импульсу и сказал, что дело не только в лошади? Не хотелось ли ему предостеречь товари-

ща от коварной власти одиночества? Возможно, но он был не совсем уверен в этом. А вдруг он тем самым предупредил нечаянно об опасности человека, который слишком хорошо знает, что делает? Как ни старался Багар подавить в себе антипатию к Тимешу, вызванную еще их самым первым столкновением, это чувство прочно определяло его отношение к управляющему госхозом. Но ведь Тимешу позволили проявить себя, партия дала ему такую возможность, стало быть, обязанности Багара в данном случае ясны. Тяжело вздохнув, он сказал:

— Дело в тебе, товарищ. Ты слишком одинок здесь. Необходимо, чтобы ты нашел дорогу к нам, если когда-нибудь почувствуешь, что мы тебе нужны.

— Спасибо,— хрипло сказал Тимеш.— Ну, пойдем.— И, не оглядываясь, зашагал к дому.

В большой комнате, где всего заметнее была громадная печь, сложенная из зеленоватых старинных изразцов, сидела в глубоком кресле, спиной к окну, фрау Краус, сожительница Тимеша, и длинными костяными спицами вязала из ярко-синей шерсти что-то пока еще бесформенное. Когда Багар вошел, она робко встала, как школьница при виде учителя, тихо и невнятно ответила на приветствие, подняла с пола клубок шерсти, взяла его под мышку и продолжала смущенно стоять. Только после того, как Тимеш дал ей за спиной Багара знак уйти, она торопливо вышла в соседнюю комнату.

— Сварите кофе,— сказал Тимеш ей вслед.

— Не нужно,— поспешил отказаться Багар.— Мне недосуг, я буквально на минуту.

Но Тимеш решительным жестом отклонил всякие возражения.

— Уж если ты проделал такой путь, то выпьешь со мной чашку кофе. Кстати, это не обычный кофе. Я расскажу его историю, она прибавит тебе аппетита.

И пока Багар размышлял о скрытых причинах непривычной разговорчивости и гостеприимства Тимеша, тот, рассказывая, поставил на стол две ликерные рюмки, а из массивного дубового поставца с кованой отделкой извлек бутыль с темным напитком.

История кофе была проста: мать погибшего Бергхауэра еще в годы первой мировой войны спрятала пять кило зеленого кофе и забыла о нем. В сухой светелке старушки кофе благополучно пережил две войны и двадцать мирных лет между ними и был извлечен на свет лишь после выселения жены и дочери Бергхауэра. Тимеш поселился у них

сразу же, как приехал в Грюн, и потому кофе, естественно, попал в его руки.

Историю кофе он, видимо, рассказывал многим и всякий раз не переставал удивляться, что кофе за эти тридцать лет не утратил своего аромата. Стоит только прожарить его так, чтобы он не был ни слишком темным, ни слишком светлым, мелко смолоть — и получается напиток, какой нынче нелегко добыть.

Рассказывая все это, Тимеш наполнил обе рюмки густой рубиновой жидкостью и подвинул одну из них Багару.

— Спасибо, не буду,— покачал головой тот.

— Не благодари, а пей,— сказал Тимеш.— Одна рюмка тебе не повредит, а этакой вишневки ты ни у кого не получишь. Грюнская. Таких вишен, как тут, нигде нет.

Багар усмехнулся и подвинул рюмку к себе, подумав, что Тимеш и в самом деле располагает многим, чего не достанешь в других местах: мустангом, кофе, вишневкой, маслом — таким, что пальчики оближешь, сметаной, в которой ложка стоит. Да бог весть, что у него еще есть, лучше и не говорить...

— Ну, ладно, за процветание грюнского госхоза!

Едва они поставили пустые рюмки на стол, Тимеш протянул руку с бутылкой через стол, чтобы налить по второй. Но Багар прикрыл рюмку ладонью. Тимеш пожал плечами, выпил свою единым духом, налил себе третью и отнес бутылку в дубовый поставец.

— Чтобы не соблазняла. Это не значит, что ты не получишь еще, если захочешь. Выпивка для меня — дело компанейское. Один я никогда не пью, поэтому гость для меня вдвойне дорог.

— Ну, какой я гость! — засмеялся Багар.— Официальный. А такой гость чем скорее уберется восвояси, тем лучше. Я приехал узнать, что ты можешь сделать для нашего района.

— Для председателя национального комитета могу коечто сделать. Для товарища Багара все, что разрешает совесть и закон. А для района — не знаю. Не забудь, что Грюн — госхоз республиканского подчинения.

«Почему он сегодня так разговорчив? Вишневки для этого было недостаточно»,— подумал Багар и сказал:

— Ну, найдем какую-нибудь возможность. Помнишь ты наш животноводческий кооператив?

Тимеш усмехнулся и чуть пригубил вишневки.

— Плохи там дела, а? Об этом говорят все, только

район, как обманутый муж, ничего не знает.

— Мы послали тебя в ревизионную комиссию.

— А я после каждого заседания вам докладывал и удивлялся, что вы не принимаете никаких мер. Ну, думаю, видно, у них есть особые соображения.

— Докладывал? Не помню, чтобы ты бывал у меня.

— Не бывал. Попробовал несколько раз, но не вышло. Высиживать в приемной у меня нет времени, поэтому я предпочитал писать. А так как я стреляный воробей, то отправлял свои письма заказными. Квитанции сейчас покажу.

Он встал, одним глотком допил остаток вишневки и пошел к дверям.

— Одну минуту.

В комнату проник дразнящий запах горячего кофе, такой аппетитный, что у Багара, очень любившего этот напиток, но редко получавшего его, даже мурашки забегали по спине.

Он оглядел комнату. Светлая дубовая мебель, видимо, попала сюда с дачи каких-нибудь бывших каданьских буржуа; стиль этой мебели сочетал в себе сельские мотивы с модернистским конструктивизмом «баухауза» и в общем был непривлекателен, как всякая эклектика. На стене против окон, которые были у Багара справа, висел персидский ковер. На нем поблескивали два перекрещенных восточных меча с богато разукрашенными эфесами, под ними, тоже крест-накрест, ярко выделялись на красном фоне арапник и стек светлой кожи. Только сейчас Багар услышал своеобразный равномерный стук, словно кто-то непрерывно тихо ударял проволокой или косточкой по деревянному прутику. Звук раздавался со стороны окна. Багар посмотрел туда. На столике между окон, перед креслом, в котором он застал фрау Краус, стояла довольно большая клетка, и в ней с жердочки на жердочку прыгал щегол.

В дверях из соседней комнаты появилась фрау Краус. На маленьком подносе, покрытом салфеткой, она несла кофейник и чашки; увидев, что Багар один, она остановилась, слегка повела плечами, словно желая повернуться и уйти, но все же подошла к столу. Багара от смущения бросило в жар, у него даже вспотел лоб. Фрау Краус, наоборот, побледнела, и от этого у нее стали заметнее круги под глазами. Она выглядела еще молодо, свежо и привлекательно, как когда-то в Поточной, но углы ее полных губ опустились, а около них проступали пока еще чуть заметные складки горечи и усталости.

Не произнося ни слова, она поставила одну чашку кофе перед Багаром, другую — перед креслом Тимеша, а посередине стола — кофейник и сахарницу. Багар следил за движениями фрау Краус, колеблясь между желанием молча обождать, пока она кончит и уйдет, и опасением показаться бездушным и высокомерным. «В конце концов,— думал он,— эта женщина, видимо, дорого заплатила за свое упрямое стремление избежать выселения в Германию». Багар подвинул к себе чашку и поддался желанию сказать Краус приветливое слово.

— Кофе пахнет замечательно,— заметил он.— Я буду вспоминать его с удовольствием.

Тень улыбки мелькнула на лице Краус.

— Я надеюсь, что кофе вкусный,— ответила она тихо и смущенно.

Этого могло быть достаточно: минимальный долг вежливости исполнен. Краус повернулась к выходу, и Багар уже без особого желания продолжать разговор спросил:

— Прежде вы жили в больших городах. Не скучно вам тут?

В ее глазах появилось выражение, какое бывает у человека, осознавшего всю глубину своего поражения и безмерность утраты. На мгновение она словно увидела что-то, мелькнувшее далеко, за горами зря потраченного времени. Потом весь ее облик выразил испуг, и на лицо вернулась обычная бледность и неподвижность гипсовой маски. В дверях из коридора стоял Тимеш.

— Кушайте, пожалуйста,— произнесла фрау Краус.

— Пан председатель спросил вас, не скучно ли вам здесь,— сказал Тимеш.— Почему вы ему не ответили?

— Прошу извинения,— сказала она, и иностранный акцент в ее чешском языке стал особенно заметен в этот момент.— Я плохо поняла. У меня нет причин скучать.

Она слегка поклонилась и исчезла за дверью.

Тимеш как ни в чем не бывало подошел к столу и положил перед Багаром три почтовые квитанции, подтверждающие, что предъявитель их послал в адрес районного национального комитета три письма: в сентябре и в декабре прошлого года и в феврале текущего. Багар глядел на них так, словно надеялся увидеть нечто большее, чем адрес и почтовый штемпель. Он не сводил с них взгляда, чтобы выиграть время и хорошенько запомнить подробности только что разыгравшейся сцены и тон холодной жестокости, который он уловил в голосе Тимеша, когда тот обращался к фрау Краус.

Тимеш тем временем налил кофе, уселся, закурил и выжидательно взглянул на Багара. Лицо его было непроницаемо, на нем нельзя было заметить и тени подавляемой усмешки или самодовольства.

Багар положил квитанции на стол, разломил кусочек сахара, опустил его в чашку и стал медленно помешивать кофе ложечкой. Чашка и кофейник были украшены синей с золотом каемкой. «Что ж,— подумал Багар,— здесь, между Клаштерцем и Карловыми Варами, всегда хватало хорошего фарфора. Раздобыть красивый кофейный сервиз Тимешу ничего не стоило...» Багар молчал, помешивая кофе, и мысленно искал какую-нибудь связующую идею или деталь, которая создала бы цельную картину из всего того, что он сегодня увидел здесь.

Стук лапок скачущего щегла нервировал Багара и ассоциировался в его сознании со стуком вязальных спиц в руках фрау Краус. Иногда звякали прутья клетки,— птица прыгала на них или чистила свой клюв.

Багар отхлебнул кофе и еще раз взглянул на персидский ковер со скрещенным оружием и арапником. Под ковром стоял шкаф с охотничьими ружьями, их вороненые стволы синеватыми бликами отражали свет. Багар подавил желание покачать головой. Ему казалось, что он уже осмыслил общую картину и ему только не удается расставить в ней по местам некоторые детали.

Мысль его снова вернулась к почтовым квитанциям. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь получал от Тимеша письма по вопросам деятельности животноводческого кооператива.

— «Районному национальному комитету»,— прочитал он с подавленным вздохом.— Да, все в порядке. А на чье имя ты адресовал, не помнишь?

— Можешь не сомневаться, что на твое. Во-первых, я член партии, а во-вторых, я никогда не обращаюсь к подручному, если кузнец сам на месте.

— Кто-то позаботился, чтобы эти письма не попали ко мне на стол. Но какие-нибудь следы от них у нас должны остаться, и мы их поищем.

— Я выписал тебе даты отправки писем,— сказал Тимеш и подал Багару листок из блокнота. Затем он взял со стола свои квитанции и подчеркнуто тщательно спрятал их в бумажник.

«Еще один умывает руки и уклоняется от ответственности,— с брезгливым отвращением подумал Багар.— Письма писал, а прямо поговорить со мной не очень-то

стремился...» Багару вдруг опротивело все, даже ароматный кофе, который Тимеш снова наливал ему. Захотелось уйти отсюда.

— Приходится ликвидировать стадо кооператива,— начал он без предисловий.— Потому я и приехал к тебе.

Тонкие губы Тимеша издали звук — нечто среднее между свистом и почмокиванием.

— А я, стало быть, должен взять оставшуюся дохлятину и превратить в жирную говядину?

— Видимо, так.

— Года два назад,— медленно начал Тимеш,— я предлагал тебе то же самое и вместе со своими услугами.

— Тогда была другая обстановка.

— Понятно,— сказал Тимеш и ухмыльнулся.— Обстановка — всегда коварная штука и редко сулит выгоды для обеих сторон. Но я уже побывал во всех переплетах, чтобы понимать, когда я на обеих лопатках, а когда на коне и могу сказать свое «да» или «нет».

У Багара чуть не сорвалась с языка резкая реплика, и он непроизвольно глотнул горячего кофе. «Игрок, ох какой игрок! Вот только не знаю, какова его ставка в этой игре. Не сослаться ли на решение министерства?» — мелькнуло у Багара, но он тотчас же отверг эту мысль.

— Не стану тебя уговаривать,— сказал он Тимешу.— Может быть, ты видишь во мне руководителя района, и вопрос компетенции затемняет для тебя это дело. Попрошу поговорить с тобой товарищей из Поточной.

Тимеш встал и, заложив руки за спину, прошелся по комнате, переступая с каблуков на носки высоких кавалерийских сапог. Он остановился у окна, не обращая внимания на щегленка, который испуганно заметался, так что чуть не разбился о прутья клетки. Тимеш выглянул в окно, все еще покачиваясь с пятки на носок. Нет, отказаться нельзя, он не может себе этого позволить. Положение его после разговора с Росмусом таково, что нужно быть тише воды, ниже травы. Черт его знает, что делать с этим полудохлым скотом, но придется взять, отказаться нельзя...

Тремя размашистыми шагами он вернулся к столу, плюхнулся на стул, который даже затрещал под ним, и сказал:

— Ладно, так и быть, возьму это дерьмо. Но предупреждаю, что сделать это будет труднее, чем ты думаешь. А если товарищи из Поточной вздумают поговорить со мной, пусть прежде всего скажут, как они помогут мне обеспечить корма на зиму.

Багар шел к шоссе, где его ждала машина. Его поездка была успешна, но он не мог бы сказать, что уезжает удовлетворенным.

На дороге никого не было. Плешнер и пегая кобыла уже исчезли. Тимеш остался у калитки и не подумал утруждать себя проводами незваного гостя до машины. Его вежливость иссякла, как только он дал обещание принять в госхоз скот кооператива, и он больше не прикидывался благодушным.

Глядя вслед Багару, он думал об обещанных бригадах добровольцев для уборки сена. Надо будет тщательно проследить за тем, чтобы среди них не оказалось кого-нибудь из Поточной или из Долинки, из тех, кто помнит, как проходили межи между Грюном и Вршем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Еще не угас солнечный майский день, а здесь уже зажгли свет. Две тусклые лампочки под пыльными абажурами горели на грязном потолке. Слабо накаленные нити давали так мало света, что его хватало лишь для того, чтобы густой табачный дым, стоявший в помещении несмотря на то, что были открыты все три окна, приобрел серо-розоватый оттенок. Лишь изредка, когда кто-нибудь, входя или выходя, открывал дверь, стена дыма чуть шевелилась и часть его выползала на простор перед серым каменным зданием трактира.

Волнистое плато словно вздрагивало в холодном вечернем свете, солнце уже зашло, леса на далеком западном горизонте потемнели, и только их верхушки, зубчатые, как щучья челюсть, все еще сияли золотом. А здесь, в трактире, стены которого дышали сыростью, люди сидели, забыв о времени. В это затхлое помещение они забрались чуть не с утра, сразу же, как только из загнанной, покрытой пылью старенькой машины вышел и ступил на каменное крыльцо трактира председатель Каданьского РНК Иржи Багар.

Людей собралось много, но это были по большей части те, кто, собственно, не имел прямого отношения к кооперативу. Их привело сюда любопытство, а быть может, и злорадное удовлетворение: вот, мол, сбылись наши предсказания, все так и кончилось, как мы говорили. По крайней мере, сейчас они были уверены, что еще тогда, осенью сорок шестого года, каждый из них наперед знал, к чему приведет шальная затея с животноводческим кооперативом. И вот

чуть ли не из каждого селения горной и предгорной полосы один или двое любопытных проделали тяжелый путь, чтобы своими ушами услышать, как сбылось их пророчество.

Дело обстояло, разумеется, как раз наоборот. Когда создавался кооператив, никто не думал, что это — глупая затея. Считалось, что задумано замечательное дело, на котором можно хорошо заработать. Многие даже жалели, что они не попали в кооператив и лишились редкой возможности участвовать в предприятии, которому содействовали и которое обеспечивали власти, так что в нем, видимо, вовсе не было риска — один доход и никаких убытков.

Почему же вообще создали кооператив в то время, когда ни о каких кооперативах не было и речи?

Почти полтысячи голов крупного рогатого скота, после того как были выселены последние немцы, остались без хозяев в селениях Пршисечнице, Коваржская, Порубы, Долинка и Поточная. Без хозяев, без корма, без ухода. Переселенцы приезжали медленнее, чем прибывало количество беспризорного скота. Недоеные, голодные коровы метались в стойлах покинутых усадеб, утопая в кучах неубранного навоза, мычали хором, до крови раздирали себе кожу цепью, которая привязывала их к стойлу. Иной корове, обезумевшей от голода, жажды и боли в воспаленном вымени, удавалось оборвать цепь и выбежать из хлева. Но и на свободе муки ее почти не уменьшались. Не только в опустевших деревнях, но и на лугах и в окрестных лесах слышалось громкое мычание измученного скота.

Большинство собравшихся в порубском трактире помнили это горячее время. Но воспоминания были разные. Многие из сидевших здесь, воспользовавшись трудностями тех дней, без колебаний тащили всюду, где было можно. Они, как говорится, сделали изрядный улов в мутной воде: переводили коров через границу, тайком переправляли к мясникам в глубь страны или где-нибудь в лесной глуши сами убивали приблудного теленка или упитанную корову и отвозили мясо туда, где за него давали хорошую цену. На собрании этих людей можно было без труда узнать по тому, что они чаще других требовали слова и громко кричали, что вся затея с кооперативом — чистое жульничество и что коекого надо упрятать за решетку.

Но были тут и другие — те, кто тогда взялся за дело, не спрашивая, как его наградят за эту никем не оплачиваемую работу. Немало мужчин и женщин в зале трактира могли бы поднять руки и показать, что могут сжать их в кулак,

а вот разжать полностью не в состоянии — судороги и мышечное перенапряжение повредили им сухожилия и нервы, превратили кисти их рук в неловкие, всегда полусогнутые лапы: у них была профессиональная болезнь доильщиков и доярок. У скольких тружеников в те тяжелые дни отекали руки и брызгала кровь из-под ногтей, сколько бывало случаев, что человек терял сознание и сваливался со скамеечки; на него брызгали водой, и он снова возвращался к подойнику, чтобы избавить от боли измученных коров.

Среди таких были хотя бы Винценц Постава, его жена, дочери и зять Богоуш Клинек, несостоявшийся — из-за войны — студент, который вытаскивал трупы из-под развалин в Эссене и Бохуме, потом был «революционным гвардейцем» и делопроизводителем местной административной комиссии, пролил свою кровь в борьбе за заселение Пограничья родной страны и теперь стал хозяином двенадцати выделенных ему гектаров. Женщины из их семьи остались дома, а Постава и Клинек сели поближе к столу президиума, чтобы вдоволь наглядеться на председателя Каданьского РНК Иржи Багара, который до выборов был председателем административной комиссии у них, в Поточной, и обоим им — как, впрочем, и многим другим — помог обосноваться на новом месте, под пограничными горами. И когда Багар поглядывал туда, где сидели Постава с зятем и новый хозяин из Долинки, бывший работник кооператива Пало Варга, морщинки вокруг ввалившихся глаз председателя сбегались в легкой улыбке, а Постава, сидевший между Варгой и Клинеком, подталкивал соседей в бок: вот, мол, Багар нас узнал и подает нам знак.

Поставу радовало внимание Багара, но вместе с тем он хмурился и свирепо сосал трубку.

— Помяни мое слово, он когда-нибудь свалится и пикнуть не успеет,— шепнул он на ухо зятю.— Гляди, как у него глаза ввалились! И красные, как у кролика.

— Это из-за дыма,— возразил Клинек.— Вы поглядели бы на себя. У вас они от трубки тоже не очень-то похожи на лесные родники.

— Меня ты не касайся, я живу на свежем воздухе. А он сидит с утра до вечера в такой духоте.

— Должен же кто-то заниматься этим делом,— сказал Богоуш чуточку беззаботным тоном, но восхищаясь Багаром.— Лучше, когда в РНК работают такие люди, как Багар. Они, папаша, как солдаты, такая уж у них служба, ничего не попишешь.

Рядом с Багаром за председательским столом сидел

представитель министерства сельского хозяйства, человек лет под шестьдесят, с густой седеющей шевелюрой и низким наморщенным лбом. Его землистое лицо замкнуто, в складках вялой кожи и серых равнодушных глазах за стеклышками очков без оправы, казалось, прятался холод. По левую руку от Багара восседали оба его заместителя: национальный социалист — курчавый, светловолосый Ваша Кроулик и социал-демократ Любомир Мацак, старший учитель средней школы, человек с отвисшим, похожим на хобот носом и щеточкой седых усов. Оба заместителя делали вид, что не обращают внимания друг на друга, но время от времени незаметно обменивались записками под столом.

Собрание, начавшееся утром, затянулось до послеобеденного времени, но конца все еще не было видно. Багар вел собрание, следя лишь за тем, чтобы оно не сбивалось на другие темы. Он не спешил и давал людям выговориться, лишая выступавших слова только в случае, если они в ярости переходили на сплошную брань. В третьем часу дня министерский чиновник начал постукивать карандашом по столу, а оба заместителя стали злиться. Они раскусили тактику Багара и теперь начали писать записки ему. Не пора ли кончить эту изнурительную канитель, которая ни к чему не ведет? Багар развернул записки, пробежал их, утвердительно кивнул, но собрание продолжалось без всяких перемен. В блокноте Багара прибавлялись заметки, но того, чего он ждал, ради чего затягивал собрание и позволял идти ему стихийно, так в блокноте и не появилось.

Все еще выступал бухгалтер кооператива Карел Бузек, остальные ораторы то и дело начинали говорить, не спрашивая разрешения, и Багар лишал их слова, убедившись, что в этих раздраженных выпадах нет того зерна, которое он ищет. Бузек тщетно старался дочитать отчет о положении дел в кооперативе и его балансе, но до сих пор не дошел даже до половины. Его прерывали чуть ли не на каждой фразе, выкрикивая дикие обвинения, словно Бузек один был виноват во всем, что творилось там.

Чтобы видеть свой отчет, Бузек стоял под одной из тусклых лампочек, которая слабо освещала его красное от волнения лицо. В густом табачном дыму лицо Бузека приняло какой-то особо неприятный оттенок — такой цвет бывает у сырого телячьего шницеля, слегка покрывшегося плесенью. Бузек стоял, но голова его, покрытая жидкими, коротко остриженными волосами, едва возвышалась над сидящими. Уши у Бузека были красные, торчащие. Он уже потерял последние остатки уверенности в себе, все время

щурился и мигал сквозь очки в стальной оправе, словно опасаясь, что кто-нибудь вскочит и даст ему затрещину.

Он стоял так уже несколько часов, хотя Багар не раз предлагал ему читать сидя. Бузек оставался глух к этим приглашениям, словно чувствуя, что этим еще больше обозлит собрание. От волнения голос его потерял всякую выразительность и силу, звучал слабо, приглушенно и немного плаксиво, как у богомольного святоши. Это еще больше сердило людей.

— Не хнычь, церковная крыса! — кричали ему.— На похоронах ты, что ли?

— А где еще! Хороним кооператив. Кто только получит наследство?

— Стань-ка повыше, чтобы тебя хоть видно было, Бузек,— кричал другой.— А то я тебя приподниму!

— Самого и не видно и не слышно,— вставил еще кто-то,— а воровать мастер, никто за ним не угонится!

Бузек взялся за правый сломанный и перевязанный ниткой заушник своих очков, сдвинул их к переносице и испуганно оглянулся.

Багар постучал карманным ножом о толстую, больше чем наполовину опорожненную пивную кружку. От густого табачного дыма он уже охрип.

— Не прерывайте пана Бузека. Дайте ему дочитать отчет, потом просите слова. Мы сидим тут с утра, а что толку? Надо же наконец прийти к какому-нибудь заключению.

— Заключение очень простое,— загудел бас в глубине зала у входа,— тюремное!

— Ишь нашелся охотник сажать! — тотчас отозвался надтреснутый тенорок из другого темного конца зала, скрытого непроницаемыми клубами дыма.— Надо знать, кого посадить. Гляди, как бы тебе самому не заткнули хайло.

— Что-о? — взъярился бас.— Нам будут угрожать? Вы слышали, ребята? Получку нам не платили три недели, а теперь хотят рассчитаться тумаками. Что вы на это скажете, товарищи?

Сидящие за столом, откуда раздался бас, начали вставать, крича наперебой:

— Подайте нам этого хулигана. Мы покажем, сколько долгу за кооперативом.

Большинство выкриков раздавалось на чешском языке, но слышалась и болгарская и венгерская брань. Часть сидящих была в сомбреро, широкополых шляпах с лентами и медными пуговками, какие раньше можно было видеть

только в ковбойских фильмах или в период увлечения «трэмпингом» в буржуазной Чехословакии. «Ковбои» не снимали своих сомбреро, хотя сидели здесь с утра, видимо считая эти головные уборы неотъемлемым знаком своей профессии. А быть может, они желали вдоволь насладиться этими шляпами, пока не настал безжалостный конец их романтике. С какой гордостью скакали эти «ковбои» на низкорослых косматых лошадках, оставленных освободительными советскими войсками, с каким увлечением пасли они стада кооператива на обширных горных лугах и палили в воздух из трофейных немецких пистолетов! Им казалось, что стрельба эта увеличивает их молодецкую славу, усиливает романтику их бродячей жизни.

Крики становились громче, присоединялись все новые голоса. Толстая пивная кружка чуть не треснула под ударами ножа, которым стучал по ней Багар. Представитель министерства сельского хозяйства с кислой гримасой глядел на разыгрывающуюся перед ним сцену, словно это было невиданное стихийное явление. Ваша Кроулик прятал презрительную усмешку. «Созвали собрание — и вот пожалуйста»,— думал он. Ему было ясно, что собрание ни к чему не приведет, и, по его мнению, это получалось не только не плохо, но даже замечательно.

Старший учитель Любомир Мацак украдкой поглядывал на открытое окно, прикидывая расстояние до него и рассчитывая, удастся ли ему своевременно выскочить, если начнется свалка. Ему не нравилось происходящее на собрании, но зато сейчас он, по крайней мере, наглядно убедился, что получается, когда коммунисты проникают к руководству общественным делом. Развалить его или сорвать они умеют, а вот организовать мирный труд им не по плечу.

— К порядку! — хрипел Багар.— Успокойтесь и дайте договорить пану Бузеку. А ты, товарищ Коринта, если у тебя что-нибудь срочное, попроси слова.

Притихший на минуту зал протестующе загудел.

— Эй, председатель! — закричал из середины зала какой-то верзила, который казался стоящим, хотя и сидел, настолько он был высок.— Хватит, мы по горло сыты причитаниями этого святоши. Гони его в шею и дай слово Коринте.

— Дай, дай! — нарочито просил кто-то в другом месте.— Коринта нам споет арию!

Зал грохнул таким хохотом, что недвижные клубы табачного дыма заколебались и потянулись к открытым окнам. Все работники кооператива хорошо знали страсть

Коринты к пению и игре на гитаре. Коринта был готов петь где угодно и когда угодно: сидя верхом на лошади, у костра или на долгих посиделках в трактирах, затерянных на плато между Пршисечнице и Меденцем. Когда он пел, его длинная шея вытягивалась еще больше, взгляд голубых простодушных юношеских глаз мечтательно устремлялся вдаль, кадык шевелился под тонкой кожей, и голос, редкий по силе, звучности и тембру, опускался до невероятно низких нот, вызывающих у слушателей даже большее удивление и восторг, чем высокие рулады теноров.

В сорок четвертом году Яна Коринту исключили из шестого класса гимназии за неуспеваемость по немецкому языку. До конца войны он работал как «тотально мобилизованный» на Чешско-Моравских машиностроительных заводах, в сорок шестом году сдал экзамены на аттестат зрелости, поступил на философский факультет Карлова университета и как член Союза молодежи поехал с бригадой добровольцев, приглашенной Багаром, в Кадань, а оттуда в горы, пасти брошенные стада и на сенокос. Не один он остался здесь больше чем на год, все время собирался домой и никак не мог уехать. В университет Коринту не тянуло, на отделение истории искусств он записался просто на авось. Он мечтал учиться пению, но этому решительно противился отец, водопроводчик одной крупной пражской фирмы. Этот по натуре неплохой человек, исповедовавший взгляды своего хозяина, то возмущался тем, что сын у него «выучился на пастуха», то объявлял, что «искровянит ему всю морду», чтобы отвадить от дурацкой затеи с пением, потому что, мол, Яна если и возьмут в Национальный театр, то разве только разносить пиво господам актерам; во всякие же там «шантаны» ни один Коринта не войдет иначе, как зрителем с билетом в кармане.

И вот Ян Коринта пас стада на плато над Каданью, а его отец гневался на него в Праге, и, видимо, им не суждено было помириться.

— Слово для замечания по существу имеет товарищ Коринта,— объявил Багар, когда замолк смех, вызванный последней репликой. Тотчас со всех сторон раздались выкрики:

— Неправильно!

— Безобразие!

— Слово имеет Бузек. Почему вы не даете ему говорить?

И визгливый дискант:

— Ребята, красные нас водят за нос!

И еще выкрик, как на футбольном состязании:

— Председатель — сапожник!

В темных углах у стены, куда не проникал свет тусклых лампочек, началась возня. Кто-то, приложив руки ко рту, оглушительно гудел, подражая пожарной сирене, несколько человек, засунув пальцы в рот, свистели разбойничьим свистом. Пронзительно рассыпалась трель металлического свистка.

— Что это за хулиганье сюда забралось? — спросил Постава у своих спутников.— Не пора ли разделаться с ними по-свойски?

— Какие-то пришлые,— отозвался Пало Варга.— Я их тут никогда не видел.

— Их нарочно позвали, чтобы сорвать собрание,— сказал Богоуш Клинек.— Кто-то опасается, что правда выплывет на свет.

Винценц Постава вынул трубку изо рта, сунул ее в карман и демонстративно засучил рукава.

— Я за то, чтобы дать им по рукам,— сказал он.— Нечего им тут делать. Вопрос о кооперативе — дело здешних людей.

— Спокойно, папаша,— вмешался Клинек.— Поглядите-ка на Багара.

Багар сидел неподвижно, положив руки на стол, и пытливо смотрел в ту сторону, откуда раздавался самый громкий шум. На своем веку он побывал на многих собраниях и во всем, что сейчас происходило в зале, не мог сразу же не заметить методов и техники срыва собраний фашистами, которая была ему знакома еще с довоенного времени. «Это первый натиск,— сказал он себе.— Но они поторопились. Кто-то слишком увлекся или просто недостаточно опытен. Только бы работники кооператива не поддались на провокацию!»

Сквозь клубившийся табачный дым Багар усиленно вглядывался в ту сторону, где сидели Ян Коринта и его товарищи. Коринта стоял за столом и жестикулировал. Кто-то из сидевших поднялся, но несколько рук схватили его и посадили обратно. Багар слегка вздохнул и покосился на Вашу Кроулика. Национальный социалист и заместитель председателя РНК улыбался углами сжатого, немного одутловатого рта. Почувствовав на себе взгляд Багара, он озабоченно сдвинул брови с видом человека, недовольного всем происходящим, и сказал, наклонившись к Багару:

— Прошу дать мне слово для краткого замечания.

Багар кивнул и, не двигаясь, продолжал смотреть в зал,

где галдеж, достигнув предела, стал затихать. В момент, когда он прекратился так же неожиданно, как возник, Багар постучал ножом о кружку и сказал, как ни в чем не бывало:

— Прошу потише! Слово предоставляется представителю партии национальных социалистов пану Кроулику, за ним — товарищу Коринте, а потом пан Бузек докончит свой отчет.

Ваша Кроулик мгновенно встал, словно подброшенный механизмом, скрытым в стуле, но, прежде чем заговорить, проделал довольно сложную процедуру: одернул на себе пиджак, с крайне недовольным видом покачал головой, ладонями пригладил волосы, отчего они встали ежиком, подтянул узел ярко-желтого в синюю полоску галстука и откашлялся, как певец перед выходом на сцену. Потом он начал жидким, срывающимся баритоном:

— Э-гх-м... Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что представляю здесь не только партию национальных социалистов, но так же, как пан Багар,— и районный национальный комитет. От имени обеих организаций призываю уважаемое собрание не дать спровоцировать себя на неуместные выступления и сохранять самообладание и достоинство, коих требует важность обсуждаемого вопроса. Рекомендую также всем уважаемым участникам этого ответственного собрания с почтением относиться друг к другу и последовательно придерживаться принципов демократии, ибо демократичность всегда была одной из отличительных черт нашего национального характера. Прошу вести прения, как говорится, с парламентским достоинством.

И он сел, тщательно подтянув серые фланелевые брюки.

— Да здравствует демократия! — закричал визгливый дискант.

Пока Кроулик говорил, Винценц Постава яростно дымил трубкой, перебрасывая ее из одного угла рта в другой. Наконец он не выдержал, взмахнул рукой и, рассыпая вокруг себя горячий пепел, закричал:

— Оставьте вы демократию в покое, ей будет лучше без вас, говорите-ка лучше о воровстве.

И как бы ему в ответ какой-то голос из кучки людей, стоящих между последними столами и дверью, закричал, неподражаемо имитируя гнусавый баритон Ваши Кроулика:

— Братья и сестры! Персидские ковры, дамские и мужские шубы, столовое серебро и антикварные вещи воруйте только с парламентским достоинством!

Хохот в зале разразился с такой силой, что дым заходил волнами и окна задребезжали. Ваша Кроулик схватился за галстук с видом человека, который вдруг осознал, что он, бог весть почему, смешон. Кроулик покраснел и начал задыхаться. Ему хотелось заговорить, закричать, но горло издавало только гусиное шипение, которого не было слышно в общем хохоте и невразумительных выкриках.

— К-ха-ак? Ч-х-то эт-хо знха-ачхит?!

Багар не обращал на него внимания. Плотно стиснув губы, он непрерывно стучал ножом о пустую пивную кружку. А Мацак наклонился к Кроулику и, крепко схватив его за руку, сказал настойчиво:

— Успокойтесь, пожалуйста. Вас хотят спровоцировать, высмеять и выбить у вас почву из-под ног. Это обдуманная тактика.

На возбужденного Кроулика именно последние слова подействовали как порция брома. Представитель национальных социалистов знал толк в такой тактике. Он глубоко вздохнул, выпятив грудь, задержал дыхание и шумно выпустил воздух через рот. При этом он неслышно барабанил пальцами по столу. Смех, отбушевав, затихал, физиономия Кроулика приобрела обычную окраску.

— Слово имеет товарищ Коринта,— сказал Багар, и люди, уставшие шуметь и уже смолкшие, выжидательно повернулись к долговязому парню, который возвышался направо от двери. Пока он собирался с духом и смущенно смахивал крошки со стола, молодой голос крикнул ободряюще:

— Возьми-ка тон, Гонзик, да спой им, чтоб в ушах зазвенело.

Коринта басовито откашлялся и заговорил голосом, который звучал удивительно звонко, хотя казалось, что он исходит откуда-то из-под земли.

— Такое дело...— начал он довольно неуверенно и сбивчиво.— Мы считаем, что всему этому собранию грош цена. Мы — это, стало быть, те, кто работает в кооперативе, понятно? Тут читают какой-то отчет, а его никто толком не понимает. По-моему, это значит просто заговаривать людям зубы. Бузек бубнит там какую-то цифирь: «Дебет...», «Кредит...». Все это делается для того, чтобы сбить людей с толку, запугать их. Такой отчет члены правления должны взять домой и обстоятельно разобраться в нем на покое. А мы сейчас тут сидим и говорим: ежели кто-нибудь думает, что нам прочитают какую-то ерунду, мы ее одобрим, все разойдутся по домам и все будет в порядке,— тот

очень даже ошибается. Вот я и спрашиваю товарища Багара, почему он допускает все это?

В зале послышались возгласы, кто-то удивленно и протяжно свистнул. Любомир Мацак наклонился к Ваше Кроулику и прошептал:

— Вот так сюрприз, а? Похоже, что красные перегрызутся между собой и собранию крышка?

Багар постучал ножом о пивную кружку и сказал:

— Я целиком согласен с товарищем Коринтой. Отчет слишком длинный, по-бухгалтерски сложный и не годится для нашего собрания. Как же вышло, что его все-таки читают, вопреки уговору? Пан Бузек должен был сделать коротенькое сообщение, страницу или две, несколькими основными цифрами охарактеризовать хозяйственное положение кооператива и положить начало прениям. Как все вы знаете, пан Бузек запоздал на собрание, так что не было возможности предварительно ознакомиться с его отчетом. Что из этого получилось, вы видите сами...

— Кто-то все это ловко подстроил,— не удержался Клинек.

Багар снова постучал ножом о кружку.

— Просите слово даже для самого короткого замечания. Надеюсь, товарища Коринту удовлетворило мое объяснение.

— Да ведь я только...— опять так же неловко начал Коринта, как бы подыскивая слова.— Я только хотел сказать, что мы, работники кооператива, со всеми этими безобразиями не имеем ничего общего. Скот мы не крали, сено тоже, и нам не нужно всякими фортелями заметать следы.

Визгливый дискант из-за завесы дыма в полутемном углу, у стены против окон, закричал:

— Еще видно будет, что рыло-то у тебя в пушку!

Несколько пастухов в широких шляпах выскочили из-за стола, за которым стоял Коринта. В руках они крепко держали массивные пивные кружки. Но Коринта, расставив руки, сказал настойчиво:

— Спокойно, спокойно, ребята. Это им как раз и нужно. Но только по-ихнему не бывать.

И, повернувшись к залу, продолжал еще более гулким басом:

— Были и среди нас такие, у кого рыло оказалось в пушку, да только сейчас их нет здесь. Вон тот пискун, что все время подает голос, наверное, захочет знать, почему. Я пожалею его горло и объясню сразу. Потому их тут нет,

чтобы они не попали впросак и не рассказали чего не следует. А чего не следует рассказывать, товарищи?

— Какие такие мы тебе «товарищи»! — взвизгнул дискант.— Тут все порядочные люди.

— Только не ты, треснувшая дудка, только не ты. К товарищам ты не относишься, а порядочность с тобой и рядом не сидела.

За столом, у которого стоял Коринта, и в разных местах зала послышался смех, но Коринта, не дав ему распространиться, еще усилил свой мощный бас.

— О чем же нельзя говорить? О том, куда делись из стада десятки и даже сотни отличных коров, кто вместо них подсунул дохлятину, не способную выдержать зиму в горах, и куда исчезло сено, которое накосили, высушили и собрали для кооператива добровольные бригады из таких вот дуралеев, как я и мои товарищи.

Багар постучал ножом о кружку.

— Не знаю, почему надо считать вас дуралеями, товарищ Коринта.

— Ему это лучше знать,— крикнул дискант.

За столами и у стены раздался смех, но его перекрыл бас Коринты.

— Может быть, мы и не дуралеи, но кое-кто пытался нас одурачить. Нас одурачить, а плоды нашего труда разворовать. Мы хотим знать, кто это был. Вот о чем должен был сказать Бузек в своем отчете. А он вместо того втирает нам очки своей цифирью, в которой мы не разбираемся. Вместо исчезнувших работников кооператива, которые могли бы быть кое для кого неудобны, здесь очутилась шайка, которой в Пограничье никто не знает. Зачем они здесь? Я вам скажу, товарищи. Чтобы сорвать собрание, если, несмотря на все предосторожности, оно все же выйдет кое для кого боком...

В двух или трех местах раздался пронзительный свист, но Коринта не смутился.

— А потому, чтобы не вышло, как они хотят, и потому, что говорить больше нечего после того, что сказал и Варга и другие, вношу такое предложение: прежде всего закрыть собрание. Мы думали, здесь выяснится, что творилось в нашем кооперативе. Для этого мы и собрались сюда. Но кое-кто позаботился, чтобы собрание не достигло цели. Поэтому мы просим представителя министерства сельского хозяйства и руководство района привлечь к судебной ответственности нашего управляющего и бухгалтера Карела Бузека. Может быть, следователю он скажет больше, чем

нам. Может быть, там он скорее объяснит, что кроется за графой «пало столько-то и столько-то голов скота», скажет, почему скот терял в весе и куда делось сено. Через Бузека можно добраться и до крупных воров. Спросите же у Карела Бузека, но спросите у него через следователя! .

Коринта волновался все больше, и последние фразы он произнес, словно герой пьесы со сцены. Но это волнение не было наигранным, его породило искреннее юношеское негодование и отвращение к темным делам в кооперативе. Компания за столом Коринты захлопала, к ним присоединились Винценц Постава, Пало Варга, Богоуш Клинек и многие другие. Одновременно с рукоплесканиями по залу прокатился пронзительный свист, трелью залилась железная свистулька с горошиной, взметнулся шум голосов. Заводилой был визгливый дискант.

— Вор кричит: держите вора!

— Пройдоха!

— Сволочь!

Дискант:

— Спросите-ка его, кому он продавал телятину!

Кто-то, подражая басу Коринты, пропел:

Все коровы и бычки
для него свои дружки...

Никто не засмеялся, гомон только усилился, и выкрики стали еще неразборчивее. Казалось, орали все, но ничего нельзя было понять.

Винценц Постава привлек к себе Клинека и Варгу и сказал:

— Быть драке! Вон те парни у стены явно готовятся.

— Верно,— отозвался Варга, и глаза у него блеснули.

— В случае чего станем вокруг Багара. Как бы кто-нибудь не попытался в суматохе напасть на него.

— Станете вы с Богоушем,— решил Варга.— Багар сам за себя сумеет постоять. А я должен помочь товарищам.

Багар непрерывно стучал ножом по толстой пивной кружке, казалось, он бил в набат, но никто не обращал на него внимания.

Зато другая такая же кружка послужила сигналом к стремительному развитию событий: она полетела из-за стола у стены, откуда слышался дискант, и разлетелась вдребезги, ударившись о стенку над столом Коринты и других пастухов кооператива. Группа человек в четырнадцать, сидевшая за длинным столом, ответила на этот акт агрессии грозным ревом разъяренного зверя. Коренастый, широко-

плечий венгр Тибор Сильваши, упругий, как хорошо надутый футбольный мяч, вскочил первым, но зашатался и упал в объятия вставшего вслед за ним болгарина Ганева: вторая кружка, вылетевшая с прежнего места, сильно ударила Сильваши в левое плечо, Ганев удержал его от падения, но Сильваши скорчился от боли. Стоящие вокруг стола кричали наперебой. Это была странная группа — парни в широкополых шляпах с позументами и бляшками, искаженные гневом лица, разинутые рты... Одни махали кулаками над головой, другие схватились за стулья, двое или трое швырнули кружки туда, откуда, как первые выстрелы боя, последовали первые удары. Тибор Сильваши, придя в себя, втянул голову в плечи, выгнул спину и кинулся вперед с видом человека, готового прошибить стену.

Ян Коринта оперся ладонями о стол и перемахнул через него. Он не хотел оставаться позади.

— Наступайте стеной, ребята, и берегитесь ножей!

Они двигались вперед тесной кучкой, прокладывая себе путь меж столов и прикрывая головы поднятыми стульями, потому что обстрел пивными кружками не прекращался. Задиры, начавшие драку, видимо, не ожидали такого решительного отпора, они перепугались и поддались панике. Очевидно, те, кто послал их сюда, уверили их, что стоит создать суматоху — и подавляющее большинство собрания пойдет за ними. Им внушили, что достаточно только начать, а остальное будет сплошным развлечением. Вопль визгливого дисканта, взметнувшийся подобно пронзительному паровому гудку, выразил удивление и переполох.

— Братцы! Помогите против чужаков!

На Винценца Поставу этот крик подействовал как жало осы. Рядом со своим зятем, Богоушем Клинеком, он стоял у председательского столика, готовый защищать Багара, и завистливым взглядом следил за Варгой, который пробивал себе дорогу к столу зачинщиков драки. Возглас дисканта оборвал тонкую ниточку чувства ответственности, которая еще удерживала Поставу на месте. Он выхватил трубку изо рта таким резким движением, что один из его передних слабых зубов зашатался.

— Я тебе покажу чужаков, паскуда! — закричал Постава, сунул трубку в нагрудный карман, засучил рукава и, подняв руки над головой, воскликнул с пафосом, какого никто не ожидал от бывшего батрака:

— Земляки, бей их! Покажем им, кто тут здешний!

— Утихомирьтесь папаша,— прогудел ему сзади на

ухо Богоуш и, ухватив тестя за пояс, пытался удержать его. Но Постава вырвался и, размахивая кулаками, устремился за Варгой.

Багар наклонился через стол к Клинеку и сказал:

— Иди за ним и гляди, чтобы с ним ничего не случилось.

Клинек поспешил вслед за Поставой, а Багар, сжав кулаки, лежавшие на столе, не без зависти глядел вслед уходящим. В нем тоже кипела горячая кровь моравского словака, кровь жителей края, где песня и удалая молодецкая драка живут рядом.

Слева от себя Багар почувствовал пустоту и оглянулся. Оба стула рядом с ним были свободны, а в конце помоста, у открытого окна, он увидел обоих своих заместителей. Любомир Мацак, опираясь о плечо Ваши Кроулика, лез в окно, а Кроулик, то и дело озираясь, бормотал:

— Ну, ну, пошевеливайся, дружище!

И едва Мацак выскочил во тьму под окном, как Ваша Кроулик легко прыгнул на подоконник и тоже исчез. Пустой прямоугольник открытого окна остался как рама, из которой выпал портрет.

Представитель министерства сельского хозяйства неподвижно сидел рядом с Багаром. Он только несколько раз поправил очки и передвинул их к переносице.

— А не лучше ли было попросить сотрудников КНБ навести порядок? — сказал он сухим и очень отчетливым, даже в этом шуме, голосом, уставясь в одну точку.

— Может быть, и лучше,— ответил Багар, не оглядываясь на него и внимательно наблюдая за тем, что делается в зале.— Но ближайшие пункты КНБ находятся в Клаштерце и Поточной.

Примеру Поставы последовало большинство переселенцев. Они встали, отодвигая столы, и устремились за Поставой и Клинеком.

— На такое собрание нужно было бы пригласить солидный полицейский патруль,— сказал сосед Багара и важным жестом поправил очки.

— Народная демократия и полицейский патруль? — отозвался Багар.— По-моему, одно с другим как-то не вяжется.

Его сосед откашлялся и сказал:

— Извините, действительно. Но недурно было бы арестовать этого Бузека. Это произвело бы хорошее впечатление.

«Хорошее впечатление как основание для ареста,—

подумал Багар.— И как только этот истукан попал в министерство, которое в наших руках, и зачем его посылают на места? Он, конечно, член партии. Явно какой-нибудь ловкач, вступивший в сорок пятом году. Против партии он ничего не имеет, потому что она ему выгодна. Может быть, я несправедлив, но он мне что-то совсем не по душе».

Крик и шум в зале усиливались. Однако крупное побоище, угрожающее жизни людей, удалось предотвратить. По-видимому, нарушители порядка потерпели решительное поражение: они были окружены несокрушимой стеной людских тел и уже не могли удрать.

Когда начали летать кружки, Карел Бузек сел и втянул голову в плечи. Не оттого, что он очень боялся трактирной драки, а потому, что ему хотелось стать как можно незаметнее и украдкой выбраться из трактира в потемки, в которые уже погрузилась равнина. Он даже подумывал: «А не стать ли на четвереньки и проползти под столами к двери?» Но, заметив, что на него никто не обращает внимания, Бузек избрал другую тактику. Он подтянул к себе соседний стул и пересел на него, через полминуты — на другой и так далее. При этом он все время украдкой озирался по сторонам, потому что у стены под окном осталось сидеть несколько осторожных людей, не желавших ни за что ни про что рисковать своей шкурой, а за председательским столом виднелась седая голова Багара и сверкали очки представителя министерства сельского хозяйства.

— Пан Бузек пытается удрать с помоста,— сказал Багару человек в очках.

Багар кивнул.

— Вижу.

— Если он уйдет, завтра вы его едва ли найдете по обычному адресу.

Багар слегка пожал плечами.

— Далеко не убежит. Мы знаем о нем больше, чем он думает.

Уже только три стула отделяли Бузека от длинного ряда сдвинутых столов, и он думал о своем мотоцикле, спрятанном в сарае за трактиром. Сейчас он выйдет в коридор, через заднюю дверь пройдет во двор — и прямехонько к сараю. Он выведет мотоцикл по дорожке к шоссе, там сядет и даст ходу... Еще стул, а потом лучше встать и двумя шагами выйти в коридор. В дверях, прислонясь к косяку, стояли двое мужчин без шляп, в подпоясанных дождевиках. Бузек не знал их и потому не придал значения их присутствию. Он обратил внимание только на бывшего

вахмистра Яноуха, ныне народного управляющего большим имением. Бузек встретился с ним глазами, сообщнически подмигнул ему и чуть заметным кивком указал на дверь. Но Яноух не ответил ни жестом, ни улыбкой и глядел неподвижно, как истукан. Бузек вздрогнул от неуверенности и страха. «Эти сволочи выкинут со мной что-нибудь в последний момент»,— подумал он, уверенный, однако, что ему удастся удрать, и, внимательно наблюдая все окружающее, отчетливо представлял себе мотоцикл в темном сарае. «Ищи потом ветра в поле!»

От стола зачинщиков драки, сейчас окруженного сплошной массой борющихся тел, взметнулся душераздирающий визг дисканта:

— Полиция, полиция, караул!

Багар поглядел на представителя министерства сельского хозяйства и усмехнулся. Так вот для кого был бы нужен полицейский наряд! Но лицо человека в очках оставалось непроницаемым.

Бузек встал. Пересаживаться со стула на стул больше нет нужды. До дверей остается три шага, а обстановка может каждую минуту так измениться, что о бегстве уже не придется и думать. Бузек шагнул вперед и попытался проскользнуть мимо мужчин, стоящих в дверях. Но они не шевельнулись, чтобы дать ему дорогу.

— Пардон,— сказал Бузек, но ему не ответили. Он вдруг почувствовал, что незнакомцы зажали его между собой, сильные пальцы ухватили его за руку и тащат совсем не туда, куда он собирался идти. Бузека молча поволокли по пустому, тускло освещенному коридору вон из трактира.

Если его похитители ожидали сопротивления и протеста, они ошиблись. Человек в их цепких руках обмяк, как тряпичная кукла. Они подумали, что, может быть, вопреки уговору, кто-нибудь посвятил его в игру. Но вскоре они убедились, что и это их предположение было ошибочным.

Карел Бузек просто смертельно перепугался. Он не ожидал, что его арестуют сразу, тут же на месте. Нигде не было видно ни единого полицейского, и вдруг, пожалуйста. Кто бы подумал, что с ним сыграют такую подлую шутку — напустят на него шпиков! Это потрясло его, тем более, что Бузек приписал эту меру Багару, он даже не предполагал, что она могла исходить от кого-нибудь другого. Багара он считал противником, но одновременно видел в нем образец порядочности и чести. Но, видимо, Росмус прав, говоря, что большевики могут только прикидываться порядочными, да и то ненадолго. Этот внезапный и неожиданный арест

подтверждал мнение Росмуса. «Неслыханная подлость!» — думал Бузек. Кроме страха, в нем нарастала неудержимая ярость против всех и вся — против агентов, которые волокли его, против Багара, который, по мнению Бузека, был причиной этого ареста, против Росмуса, который послал Бузека сюда, не позаботившись о его безопасности, против Яноуха, что сидел там у двери, видел сыщиков и не предупредил бухгалтера, хотя, как старый полицейский служака, наверняка знал их.

Что касается Яноуха, то Бузек был прав даже более, чем предполагал. Бывший вахмистр знал не только сыщиков, но и того, кто послал их. Оба агента служили при первой республике в полиции и специализировались на мерах против рабочих организаций и забастовочного движения. Во время оккупации оба усердно сотрудничали в гестапо. После мая 1945 года они довольно долго пробыли под следствием, просидели в предварительном заключении, но на скамью подсудимых не попали, а после выборов сорок шестого года снова вынырнули в роли чиновников министерства юстиции, пытавшегося создать тогда нечто вроде собственной полиции для таких дел, к которым было нежелательно допускать органы национальной безопасности.

Яноух встал и подошел к открытому окну. Когда возня в зале утихнет, Бузека и след простынет. Все идет как по маслу. Пусть они митингуют хоть до утра, все равно ничего серьезного на свет теперь не выплывет.

Багар заметил и сцену в дверях, и поведение Яноуха. В зале сейчас стало лучше видно: потасовка и возня многих тел привели в движение дым, который быстро улетучивался через двери и окна. Багар перестал стучать ножом о кружку, что, кстати говоря, уже давно было совершенно бесполезно. Он сошел с подмостков и мимо пустых столов и поваленных стульев пробрался к выходу.

В коридоре, выложенном гранитными плитами, было пусто. У входа в трактир горела гораздо более яркая лампочка, чем в зале, освещая значительное пространство перед трактиром. Багар остановился на широких каменных ступенях и огляделся. Между шоссе и домом стояло несколько грузовых и легковых автомобилей. К одному из них, черному шестицилиндровому «мерседесу», люди в дождевиках вели Карела Бузека. Кроме них, здесь, казалось, не было ни души.

Карел Бузек шел послушно. Не впервые в жизни он очутился в безжалостных, крепких, тренированных руках сотрудников полиции. У Бузека была волчья повадка, злоба

и страх делали его более находчивым, мобилизовали в нем все силы, нужные ему в такой момент. Ни оба агента, ни Багар, который в этот момент был в двух шагах от них, не могли бы сказать, как это произошло, но в тот момент, когда один из агентов открыл дверцу автомашины, Багар вдруг услышал возглас ярости и боли, и мимо него промчался Бузек. Бухгалтер бежал, втянув голову в плечи. Увидев перед собой Багара, он резко метнулся в сторону и еще прибавил ходу, как заяц, в которого стреляли, но промахнулись.

— Держи! — хрипло крикнул один из агентов, но Багар и не подумал задерживать Бузека.

Его больше интересовало другое: кто послал сюда этих людей, кто они такие и кто позаботился, чтобы Бузека арестовали раньше, чем об этом попросил РНК или министерство сельского хозяйства. Багар подошел к автомашине и увидел, что один из агентов тщетно пытается встать на ноги и пуститься в погоню за Бузеком: он получил сильный удар по лодыжке. Другой агент, опираясь о кузов машины, закрывал руками окровавленное лицо. Это было довольно пугающее зрелище, но оказалось, что дело не так уж страшно: Бузек ударил его головой в нос и губы, выбил один зуб и слегка оглушил.

Багар подошел к ним. Человек, державшийся за лодыжку, выпрямился, и Багар увидел на его лице тонкие усики, какие ввели в моду герои американских фильмов. Губы у него были искривлены, он кряхтел от боли, с трудом переводя дыхание. Весь его гнев обратился на Багара.

— Почему вы его не задержали? Не видели разве, что он напал на нас?

Багар подавил улыбку.

— А кто вы, собственно, такие?

Второй, у которого на разбитое лицо спадали длинные черные волосы, выпрямился, поспешно утер носовым платком окровавленный рот и, забыв о выбитом зубе, прошепелявил заикаясь:

— А вот вы увидите, кто мы такие.

— Несомненно,— сказал Багар.— Потому что или вы немедля предъявите мне свои документы, или останетесь здесь до прихода представителя КНБ.

В этот момент около автомашины появились исчезнувшие было заместители Багара, а из трактира, никем не замеченный, вышел бывший вахмистр Яноух и в потемках направился к своей машине, стоявшей за грузовиками. Из открытых окон трактира доносились оглушительный смех

и визг, по которым можно было судить, что драка там превратилась в веселую потасовку.

Оба заместителя Багара боязливо оглянулись на трактир, и Ваша Кроулик покачал головой. Потом он набрал в легкие воздух, приосанился и заговорил непринужденно, словно исправляя мелкое светское упущение.

— Я знаю их обоих, пан председатель. Они сотрудники министерства юстиции.

— Очень рад,— сказал Багар.— Но это никак не объясняет, почему они вытащили из трактира управляющего Бузека и пытались втолкнуть его в свою машину.

— Нам было поручено доставить эту личность к следователю,— объявил тип с усиками. Он произнес это с таким благородным и пренебрежительным видом, словно заговорила сама оскорбленная Фемида.

Багар кивнул.

— Ишь ты, кто бы подумал! Остается объяснить еще две вещи: во-первых, кто вам это поручил? И, во-вторых, с каких это пор сотрудники министерства юстиции выполняют функции органов национальной безопасности?

Ваша Кроулик откашлялся, прикрыв ладонью рот, и заговорил, словно с наслаждением посасывая сладкую сливу:

— Насколько мне известно, существует некое соглашение между министерством внутренних дел и министерством юстиции о таком сотрудничестве. Органы национальной безопасности не всегда справляются со своими задачами из-за нехватки кадров и по другим причинам. Чтобы не было затяжки дел, министерство юстиции действует в таких случаях своими силами.

— Поистине удивительно! — насмешливо сказал Багар и продолжал резко: — Никакого такого соглашения, конечно, не существует. Но я знаю, что министерство юстиции пытается создать собственную полицию и в некоторых случаях старается опередить органы национальной безопасности. Однако, разумеется, это вне пределов нашей компетенции.

— Пан председатель! — огорченно воскликнул Ваша Кроулик, а Любомир Мацак подхватил:

— Товарищ Багар, по-моему, вы переходите на зыбкую почву ничем не подкрепленных гипотез.

Багар, усмехнувшись, покачал головой и указал на унылые фигуры в дождевиках.

— Пригласите эту парочку выпить рюмку-другую, и через полчаса они вам выложат, кто из нас прав: я или

пан Кроулик. А вам,— продолжал он, обернувшись к агенту с разбитым лицом,— надо пойти умыться, положить холодный компресс на затылок и ненадолго прилечь, чтобы остановить кровотечение. Обойдите дом, там есть родник.

Где-то за домом послышался треск мотоциклетного мотора, а с правой стороны на шоссе выехала легковая машина, стоявшая за грузовиками, и, притушив фары, стала медленно удаляться.

Агент с разбитым лицом перестал опираться о машину и нетвердым шагом направился туда, куда его послал Багар. Ваша Кроулик подошел к нему и взял его под руку. Другой агент попытался было последовать за ними, но выругался, открыл дверцу автомобиля и сел боком на переднее сиденье, вытянув ноги на траве.

— Этот негодяй разбил мне лодыжку,— кряхтя произнес он.

Из дверей трактира с криком, гамом и хохотом вывалилась кучка людей, за ними выходили все новые и новые. Издалека в полумраке можно было только разглядеть, что в сутолоке кто-то кого-то со смехом тащит, кто-то упирается, пытается вырваться, нарочно валится на землю, не дает уволочь себя.

Визгливый дискант вознесся надо всем этим шумом:

— Помогите! Полиция! Убивают!

И тут же сочный, рассудительный, добродушный голос старого Поставы:

— Да ты не расстраивайся! От холодной воды еще никто не помирал. Больно у тебя горячая голова — мы ее остудим, душа у тебя черная — мы ее отмоем добела, нутро у тебя пересохло — освежишься малость.

Это напутствие было встречено общим смехом. Кто-то запел высоким голосом:

Холодна, как лед, водичка...

Продолжение было неподходящее, а сам поющий не смог придумать ничего путного и потому оборвал песню на полуслове.

Любомир Мацак, стоявший возле Багара, спросил с беспокойством:

— Что они хотят сделать с этими людьми?

— Кажется, собираются искупать их в корыте с водой и отпустить. Что еще они могли бы с ними сделать?

— Но это же безобразие! — сказал Мацак срывающимся голосом.— Надо принять меры.

— Почему бы и не принять? — отозвался Багар, и в голосе его была ирония.— Попробуйте поговорите с ними.

— Зачем же я? — недовольно сказал Мацак.— Там в большинстве ваши люди.

— Вы думаете, что большинство из них коммунисты? Сомневаюсь. Но если вы считаете, что большинство из них верит компартии, я согласен.— И Багар добавил решительно: — Никого я не стану отговаривать. Если несколько проходимцев, которые затевают в Пограничье драки и скандалы, уйдут отсюда мокрые и с насморком, нечего их жалеть. По крайней мере, не сунутся сюда в другой раз.

Направо от трактира, у дороги, которая вела во двор к хлевам, конюшням, амбару и сараям, из железной трубы, вделанной в землю, выбивалась студеная струя родниковой воды и текла в громадное корыто, выдолбленное в толстом дубовом бревне. Колода была метра два длиной и не меньше полуметра глубиной. За много лет, которые она служила поилкой для скота и коней, колода почернела и покрылась внутри слоем слизи.

Пей, сыночек, помаленьку.
Пей, сынок, тихонько...—

послышался звучный бас Яна Коринты. К нему присоединился хор возбужденных мужских голосов. Одни пели, другие орали и бранились. Но хор и его запевала не дали сбить себя и продолжали пение и дело возмездия. Первым окунули визгливого дисканта. Это был рыжеватый парень, злой, как хорек, весивший едва ли сорок кило, и такой увертливый, что четверо пастухов не без труда сунули его в желоб и подержали его голову под водой, пока он не стал пускать пузыри. По команде Коринты: «Хватит!» — «хорька» вынули и дали ему хорошего пинка. Он хотел было испугать их: шатнулся из стороны в сторону, повалился навзничь и сделал вид, что кончается.

— Спокойно, товарищи, я его сейчас воскрешу,— сказал Пало Варга и сделал шаг вперед.

Но «хорек» не захотел получить первой помощи от словака, похожего на молодцов легендарного Яношика, и, вскочив, весь съежился и стремглав кинулся в сторону к грузовикам.

Пятнадцать хулиганов получили холодную ванну, а когда выяснилось, что все они приехали на одном грузовике и среди «выкупанных» находится и шофер, военный совет победителей решил отправить их под почетным эскортом

пастухов прямехонько в каданьское отделение КНБ. Машину взялся вести Ян Коринта.

Перед отъездом Коринта и его товарищи похвастались Багару и обоим его заместителям (последние не проявили интереса и глядели с кислыми минами) трофеями, извлеченными из карманов выкупанных «визитеров». Коллекция этих трофеев наглядно свидетельствовала о том, что их владельцы были люди серьезные, к заданию своих хозяев отнеслись со всей ответственностью и намерены были выполнить его добросовестно. На куске брезента, вытащенном из грузовика, представители районных властей увидели нагайки и кнуты, кожаные мешочки с дробью, ножи, резиновые дубинки со стальным сердечником, стальные палицы и кастеты. Два кольта, полученные, видимо, из Пльзени или Хеба, дополняли эту коллекцию.

— Я так и знал, что из этого собрания ничего не выйдет,— удовлетворенно сказал Ваша Кроулик, усевшись в авто и заводя мотор.

— К коммунистам нельзя относиться всерьез,— подтвердил Любомир Мацак.— А к их затеям и подавно! Они все те же, что были до войны, ничему не научились. Только самомнение у них выросло вследствие некоторых прискорбных причин. Надо надеяться, что наш народ, воспитанный в духе масариковской демократии, скоро их раскусит.

Постава, Клинек и Варга подошли к Багару.

— Кончился балаган,— довольно хмуро сказал Постава.— Кроме этой потехи, от собрания никакого толку.

— Кто-то позаботился, чтобы собрание ни к чему не привело,— сказал Клинек.

— Кое-чего мы все-таки добились,— сказал Багар и в ответ на недоуменные взгляды продолжал:— Во-первых, мы выяснили, что в кооперативе были хорошо организованные хищения в широком масштабе. Во-вторых, убедились, что и у нас, в Национальном фронте, налицо враждебный нам блок с особыми методами борьбы.

— Вот только, кто дирижирует всем этим, мы так и не узнали и едва ли узнаем,— сказал Постава и махнул трубкой.

— У нас есть еще Карел Бузек. Насколько это важный свидетель, видно из того, что его пытались украсть у нас под самым носом. От них он удрал, но от нас не скроется. Садитесь, товарищи, я подвезу вас. Мне хочется сегодня же вечером заехать в Поточную.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На третий день после неудачного собрания работников животноводческого кооператива в хомутовской больнице умер, не приходя в сознание, Карел Бузек. Багар и ехавшие в его машине Постава, Клинек и Варга первыми обнаружили несчастный случай... если только это был несчастный случай. Уж очень на руку была смерть Бузека тем, кто хотел утаить свою причастность к краху кооператива. И вот теперь все следы, казалось, были заметены; участников темных махинаций скрыла тьма. Никаких свидетельских показаний, никаких прямых улик.

Гибель Бузека оставалась и, видимо, так и должна была остаться крайне загадочной. Он, наверное, умер бы еще в ту же ночь, когда случилась авария, если бы Багар не решил заехать в Поточную, рассчитывая застать у Деймека свою жену. Он поехал тем же путем, какой избрал Карел Бузек для своего отчаянного бегства от агентов министерства юстиции,— по тому самому шоссе, которое крутыми спиралями извивалось между Меденцем и Поточной. Не очень-то подходящая была дорога для ночных поездок: проехать этим путем решались лишь немногие — те, кто знал его как свои пять пальцев. Карел Бузек был как раз из таких, он ездил по этому шоссе чуть не каждый день, в любое время суток и в любую погоду, кроме гололедицы и метелей. Безусловно, можно было считать, что он освоил эту трассу едва ли не лучше всех.

На одном из крутых поворотов, где шоссе огибало обрывистый, метров в тридцать, откос, Багар и шофер заметили внизу под собой яркий белый луч, какой дает фара мощного мотоцикла. Луч был направлен вверх, словно искал что-то в небе.

— Едет нам навстречу,— сказал Багар.

Но у шофера был более наметанный глаз.

— Нет, не едет. И светит не на дороге. Похоже, что его вообще нет на шоссе.

Шофер был прав. Спустившись, они увидели, что мотоцикл лежит в ложбинке, ниже шоссе метров на пять. Мотор работал, фара светила, но человек под машиной был недвижим, хотя все еще напоминал бешено мчащегося мотоциклиста. Последующее расследование показало, что он съехал с откоса на том самом крутом повороте, откуда Багар и его шофер увидели свет. Съехал сам или с ним что-нибудь случилось?

На твердом грунте дороги, чисто вымытой весенними

дождями, не осталось никаких следов, и поручик Календа со своими людьми, а также оперативная группа карловарского уголовного розыска тщетно старались найти какой-нибудь признак, позволяющий поставить под сомнение случайную аварию, подтвердить небезосновательные подозрения и дать возможность сделать иное заключение по делу об этом несчастном случае.

Клинек немедленно отправился вместе с шофером в Поточную и примерно через час вернулся с поручиком Календой и двумя его сотрудниками, новичками в КНБ; они прямо-таки рвались пуститься по следам какого-нибудь преступника. Из другой приехавшей вместе с ними машины вышел доктор Марков, явно недовольный, что его вызвали по делу, которое входит в круг обязанностей районного врача.

У доктора Маркова были другие, более важные заботы, чем возня с каким-то разбившимся мотоциклистом. Он все еще не оставлял надежды, что высшие власти, несмотря на противодействие местного и районного национальных комитетов, удовлетворят наконец его ходатайство об открытии образцового частного санатория в бывшем особняке владельца шарикоподшипникового завода. Жители Поточной и соседних деревень часто не могли поймать врача, который должен был обслуживать их, потому что Маркова почти никогда нельзя было найти в городе: то он ездил хлопотать о санатории, то приобретал для него оборудование, а его пожилая экономка, немка, в прошлом перекупщица домотканых кружев (Марков медицинским свидетельством избавил ее от выселения), встречала взволнованных посетителей кривой усмешкой и с явным удовольствием отвечала на ломаном чешско-немецком языке:

— Я-а... Герр доктор есть... виссен зи, он поехаль... ви загт ман... как это називайт... принимать роды... дорт обен... там на горы, или Шмидеберг, или еще где... унд их вайс нихт, когда он обратно. Курц унд гут, я не зналь... Найн, подождать не годится, геен зи домой, дас ист филь бессер.

Попробуй-ка поищи доктора в горах, проверь, в самом ли деле Марков у какой-нибудь роженицы или сидит в Праге, в приемной министра или политического деятеля, чтобы заручиться поддержкой в борьбе против местных народных властей. Но полиции, или, как теперь ее называют, КНБ, не очень-то удобно отказывать. С полицией в любом государстве и при любом режиме лучше всего быть в ладах. Вот почему доктор Марков, ограничившись формальным про-

тестом и заявив, что он нестерпимо устал после долгого трудового дня, сел в машину. Встретив на месте аварии председателя РНК, который уже неоднократно — в последний раз вчера — под разными предлогами не допустил выдачи Маркову ключей от особняка-санатория, доктор, напрягая едва ли не все свои душевные и физические силы, поздоровался с Багаром и улыбнулся ему. С трудом, но это ему удалось. «Может быть, сегодняшнее усердие зачтется мне в актив?» — подумал он.

Если не считать незначительных ссадин, на лице Бузека не было следов головоломного падения. Не было и ни одной сколько-нибудь заметной кровоточащей открытой раны. Доктор Марков, не знавший, кто пострадал, увидев, что это Бузек, сосредоточил на осмотре бесчувственного тела весь свой скудный врачебный опыт. Он убедился, что Бузек жив, но находится в тяжелом бессознательном состоянии. Все признаки указывали на то, что он так и не придет в себя. Было совершенно непостижимо, почему на голове Бузека не оказалось серьезных повреждений, по крайней мере внешних. Зато не было целой косточки во всем теле. Судя по многим симптомам, позвоночник был переломлен в нескольких местах и большая часть внутренних органов серьезно повреждена.

— Moribundus[1],— сказал доктор Марков, закончив осмотр.

— Вы, значит, полагаете, что нет никакой надежды? — спросил Клинек, единственный из всех понявший этот медицинский термин.

Доктор Марков пожал плечами и придал своему лицу выражение провидца, от которого у природы нет тайн.

— Разбито и раздроблено все тело. Голова, правда, уцелела снаружи, но ручаюсь, что у него сотрясение мозга. Это для Росмусов большое несчастье. Им трудно будет найти ему замену.

Винценц Постава не мог спокойно слышать фамилию Росмус. Он недовольно засопел, взмахнул трубкой и сказал:

— И вправду, какие бедняжки... Ну, а он, Бузек? Какую замену получит он за свою загубленную жизнь?

Доктор Марков молча отвернулся от бывшего батрака, потому что на такие глупые замечания отвечать не приходится. Возвращаясь к машине, он еще слышал, как возмущался Постава:

---

[1] При смерти (*лат.*).

— Не нравится мне это, и баста, говорю вам. Чтобы Бузек сам свалился с этой дороги! Да ведь он знал ее наизусть, мог ездить по ней и ночью, и даже не зажигая фар. Ты, Календа, возьми глаза в руки, гляди как следует. И ежели ты даже ничего не найдешь, я все равно не поверю, что его не спихнули под откос.

«Вздор он болтает,— думал доктор Марков, включая мотор.— Бузек был вполне порядочный человек. Кто бы стал его спихивать и зачем?»

Марков медленно ехал под гору, чувствуя, что слова Поставы сначала неведомо почему обидели его, а сейчас начинают беспокоить. Сболтнет такой болван бог весть что на ветер и еще, чего доброго, накличет на кого-нибудь беду. Марков вспомнил, что в последнее время слышал разные толки насчет кооператива, но так как у него было своих хлопот по горло, то он не обращал на эту болтовню серьезного внимания. В конце концов, какое ему дело до кооператива? Правда, прошлой осенью он устроил своему шурину, жившему где-то у Кутной Горы, обмен шести старых коров на молодых, высокоудойных, но на этом его отношения с кооперативом и закончились... Э-э, нет, минуточку! Бузек-то больше не придет в сознание... Доктору Маркову вдруг неудержимо захотелось заглянуть к Росмусам и... и что, собственно говоря? Да в общем дать знать о несчастном случае с их экономом на пути из Меденца в Поточную, а дальше видно будет.

Он заехал домой, чтобы вызвать по телефону, как обещал, машину «скорой помощи», а потом продолжал свой путь в имение Врш, хотя был уже одиннадцатый час вечера. Насколько Марков знал привычки хозяев этого имения, там никогда не ложились спать раньше полуночи.

Проезжая по густой липовой аллее, в конце которой виднелись знакомые решетчатые ворота с двумя чеканными фонарями на каменных столбах, Марков заметил, что дом еще освещен, и вздохнул с облегчением: значит, в этот вечер ничто не нарушило привычек обитателей Врша.

У подножия полукруглой входной лестницы стоял незнакомый серый автомобиль марки «БМВ» с каданьским номерным знаком. Доктор Марков поставил свою машину рядом, по привычке заядлого автомобилиста с любопытством оглядел серую машину и заметил легкую вмятину на правом крыле; это часто случается с недостаточно опытными водителями, когда они заводят автомобиль в гараж.

В большой комнате, стены которой украшали потемневшие портреты прежних хозяев имения, в громадном,

отделанном красным мрамором камине пылали полуметровые буковые поленья. Высокие танцующие языки пламени давали сильный жар, и потому компания расположилась в почтительном отдалении от огня. На низких столиках стояли рюмки с коньяком, с виски и с содовой водой, а также чашечки черного кофе. Компания, которую с час назад пополнил бывший вахмистр Яноух, состояла из супругов Росмусовых, советника юстиции доктора Альберта Зимы, его дочери Алены и Виктора Пюхлера. С появлением Яноуха разговор вертелся вокруг сорванного собрания, неудачной попытки арестовать Бузека и вопроса о том, куда же мог скрыться этот молодчик. Если Росмусы даже и были встревожены неожиданным оборотом событий, они ничем не показывали этого. Яноух же старался убедить себя и других, что агенты министерства юстиции все же смогут опередить сотрудников КНБ.

Алена глядела на скачущее пламя и, казалось, не замечала ничего вокруг себя. Виктору Пюхлеру весь этот переполох с кооперативом казался смехотворным, и в душе он немного злорадствовал по адресу Росмусов. В разговоре он не принимал участия. На стройные ноги Алены, открытые до колен, падали отблески огня, похожие на чьи-то длинные нервные пальцы. Виктор был заворожен их игрой, и в его сознании то всплывали, то опять терялись какие-то фразы и слова, тоскливые и злые, насмешливые и нежные, но их трудно было сейчас связать в единое целое. Отдельные ритмы трепетали и опять рассеивались, не сливаясь в единый плавный ритмический поток, словно бы из глубин прошлого гремели тамтамы воспоминаний, но никак не могли найти гармонии с настоящим. Поэт Виктор Пюхлер грезил и вместе с тем внимательно ловил все, что долетало до его слуха.

— Если бы он хотел вернуться в Врш, он давно бы уже был здесь,— раздумчиво говорил Росмус.— Жаль, что вы не поехали вслед за ним, чтобы выяснить, что он намерен делать.

Бывший полицейский вахмистр держал в громадных ручищах между колен пузатую рюмку с коньяком и из-под насупленных бровей поглядывал на присутствующих. Все, кроме супруги Росмуса, занятой вязаньем, глядели на огонь.

— Я пытался,— заговорил Яноух скрипучим, хриплым голосом, при звуке которого присутствующим захотелось откашляться.— Но не догнал его. Может быть, он поехал в другую сторону.

— По-моему, совсем не трудно догадаться, что задумал Бузек,— заговорила Росмусова, не поднимая глаз от вязанья.— Он вернется к своей бывшей жене, а та отправит его к своему брату. Делать какие-нибудь иные предположения значило бы переоценивать умственные способности нашего бывшего эконома.

Советник юстиции Зима издал неопределенный звук, видимо означавший согласие, а Виктор Пюхлер заметил, что Алена передернула при этом плечами, вздрогнула и провела рукой по ногам, словно стирая с них что-то нестерпимо противное.

— А их адреса вы знаете? — осведомился советник юстиции.

— Знаем,— последовал ответ Росмусовой.— Такие люди всегда недальновидны.

Голос советника юстиции прозвучал холодно и отчетливо, без малейшего признака эмоций.

— Тогда достаточно будет позвонить в Прагу. Там, наверное, найдется парочка агентов потолковее, чем та, что дала Бузеку удрать.

— Мы слишком затрудняем вас,— сказала Росмусова и посмотрела на длинное худое лицо советника, замкнутое и суровое, отдельные части которого напоминали железные детали расставленного капкана.

— Я не вижу иного выхода,— ответил Зима.

В этот момент все собравшиеся услышали звук автомобильного мотора, подняли головы и переглянулись. Только вахмистр Яноух оцепенел и уставился на дверь.

— Я не удивлюсь, если этот кретин все-таки вернется к нам,— сказал Росмус, вставая.

— Нет,— возразила Мери,— это не мотоцикл, это автомашина.

Что-то слегка звякнуло, как бывает, когда от слишком горячего чая лопается стакан. Никто не обратил на это внимания. Только советник Зима взглянул в ту сторону, откуда раздался звук, и заметил, что с больших рук вахмистра, лежащих на коленях, капает коньяк, а на мягкий ковер неслышно посыпались осколки хрупкой рюмки. Яноух, казалось, даже не заметил этого. Он не сводил глаз с двери, и на его бледном квадратном лбу около седых, коротко остриженных волос выступили крупные капли пота.

В дверях появилась дочь садовника в черном платье, белом фартуке и наколке и сказала с безразличным выражением лица:

— Доктор Марков, сударыня.

Высокий светловолосый врач вошел тем временем в комнату.

Его встретили возгласами удивления и приветствия. Нет, никто не обратил внимания на маленькую беду, случившуюся с вахмистром. Только теперь Яноух ощутил боль и, взглянув на свои руки, заметил выступающие на них капли крови. В глазах вахмистра появилось дикое выражение, как у смертельно перепуганного человека, готового вот-вот пуститься в паническое бегство. Но никто не обращал на него внимания. Яноух поднял несколько более крупных осколков и беспомощно огляделся.

— Опомнитесь, приятель, вы же бывший полицейский,— произнес рядом холодный голос.

Яноух вздрогнул, посмотрел в неподвижное лицо советника Зимы и глупо улыбнулся. Он попытался что-то сказать, но язык у него словно одеревенел. Зима взял бывшего вахмистра за локоть, отодвинул за свою спину, потом подошел к Мери Росмусовой.

— Прошу меня извинить, дорогая хозяйка,— сказал он.— Я разбил рюмку. Считаю, что за это меня следует приговорить на весь вечер к полному воздержанию от алкоголя.

Росмусова неприятно улыбнулась, показав крупные желтые зубы, и ответила:

— А если наоборот: обязать вас выпить на две рюмки больше обычного?

— Тогда я скажу, что получил помилование.

Советник склонился и холодными сжатыми губами коснулся крупной, почти мужской смуглой руки, на которой алели, как раны, накрашенные ногти.

— Я слышу здесь разговор о наказаниях,— повысив голос, произнес доктор Марков.— Уважаемой компании будет, безусловно, интересно узнать, что Бузек, эконом имения Врш, уже недосягаем для того, что в наше время и в нашей стране лишь с натяжкой можно назвать десницей закона.

Если Марков ожидал, что его после этого засыплют взволнованными вопросами, то он был разочарован. Отозваться раньше всех должны были, казалось бы, Росмусы, но они не торопились. Мери подала доктору рюмку коньяку и сказала:

— Любопытно. Выпейте, пожалуйста, с нами по случаю вашего прибытия.

— Какой-нибудь особый тост? — осведомился Марков.

— За здоровье хозяев дома,— насмешливо и вместе с тем укоризненно произнес Зима.

Бокалы были осушены и поставлены, все уселись на свои места, и лишь после этого Росмусова сказала самым обычным разговорным тоном:

— Вы, доктор, можно сказать, являетесь, как «deus ex machina»[1]. Пан Яноух только сейчас рассказал нам, что коммунисты сорвали в Порубах собрание кооператива, которое сами же и созвали и куда вызвали, как на судилище, бухгалтера Бузека. В общей сумятице, которая там началась, трудно было разобраться и составить себе представление о том, что, собственно, произошло. Видимо, кто-то попытался арестовать или, по крайней мере, увезти Бузека, а он решил сбежать. Мы тут строили догадки, действительно ли он удрал и куда. И вот вы являетесь с вестью, что он там, где его уже никто не сможет настичь. Это весьма знаменательно, мой друг, но Бузек слишком любил жизнь, и я никак не могу себе представить, что же могло побудить его к такому крайнему решению.

— Но, сударыня, я и не говорю, что Бузек покушался на самоубийство,— триумфально объявил довольный доктор Марков.

— В самом деле, вы не говорили ничего подобного,— не без иронии подтвердил Росмус.— Рассказывайте же, пожалуйста. Вы же видите, как мы заинтересованы, хотя и пытаемся это скрыть.

После того как Марков закончил свой рассказ, снова первым заговорил Росмус:

— Вы утверждаете, что нет ни тени надежды? — сказал он с хорошо разыгранной серьезностью человека, тронутого трагической судьбой пострадавшего, но одновременно с плохо скрытым сомнением в диагнозе Маркова.

— Говорю вам: ни тени! — быстро ответил тот.— Если его доставят живым в больницу, это будет удивительно, а если он доживет до утра — то просто чудо.

— Прискорбно, в самом деле прискорбно,— повторил Росмус со вздохом, в котором чувствовалось больше всего желание, чтобы на сей раз диагноз Маркова не оказался ошибочным.— Это был в своем роде отличный, незаменимый человек.

— Странно и, я бы даже сказала, невероятно,— задумчиво произнесла Росмусова.— Все странно и невероятно в этом несчастном случае. Я бы не поверила, если бы

---

[1] бог из машины (*лат.*).

мне рассказал о нем кто-нибудь другой, пан доктор. Непостижимо, все непостижимо, начиная с горящей фары и работающего мотора до того, что Бузек свалился с дороги, которую так отлично знал.

— Вы не первая говорите это, сударыня. Этот тип из Долинки... Постава, или как там его зовут, утверждает, что Бузека, должно быть, столкнули под откос.

— Столкнули под откос? — переспросила Росмусова, словно изумляясь такой возможности и одновременно видя в ней единственное объяснение.— Ну, а кто мог бы это сделать и почему?

— В самом деле, кто и почему? — повторил ее муж и тут же задал себе вопрос: «А не глупо ли с нашей стороны об этом спрашивать? Пожалуй, найдется ответ, почему. Мери права: просто невероятно, как все это получилось с беднягой Бузеком. Но кто? Ответ гласит: несомненно, кто-то из нас, присутствующих, если бы только мы не сидели здесь все вместе и не обладали бы, таким образом, столь несомненным алиби, что против него бессильна полиция всего мира».

Бывший старший вахмистр Яноух сидел напротив Росмуса и закуривал сигарету, прикрыв спичку ладонями, словно от ветра.

«Почему у него так дрожат руки? — подумал Росмус.— Ведь он не старше меня... Ах, животное! Неужели?.. Нет, это просто немыслимо! И чтобы он после этого приехал прямо к нам и сидел как ни в чем не бывало?..»

Словно издалека, он услышал самодовольный смех и голос Маркова.

— Разумеется, я представления не имею, кто и почему мог расправиться с Бузеком, но считаю, что предположение этого мужика... Поставы... не лишено вероятности. А выходя из машины перед вашим домом, я даже счел его весьма обоснованным.

— А почему именно перед нашим домом? — спросила Росмусова тоном, напоминающим предостерегающее рычание овчарки. Но Марков был слишком уверен в себе, и это его не смутило.

Он засмеялся и сказал:

— Такая мне пришла в голову мысль. Я бы сказал, вспышка интуиции. Я сопоставил два, казалось бы, совершенно не связанных факта и все! Перед домом стоит серый «БМВ» со слегка помятым правым крылом. Я вспомнил слова этого мужика и сказал себе: гм, может быть, он и прав, в конце концов. Что, если Бузека сбил автомобиль?

У этой машины было бы помято правое крыло. Интересное соображение, не правда ли? Может быть, оно даст нам ключ к истине?

Воцарилась короткая пауза. Яноух взял из ящичка на столе новую сигарету и прикурил ее от своего еще тлеющего окурка. Потом заговорила хозяйка дома:

— В самом деле, весьма любопытная гипотеза. Только вы поместили ее в неприятной близости к нашему дому.

Розовые щеки доктора Маркова густо покраснели.

— О, сударыня! — поспешно воскликнул он.— Я не имел в виду ничего подобного. Это было, так сказать, теоретическое рассуждение.

— Боюсь,— быстро вставил Росмус,— что, несмотря на всю теоретичность, присутствующего здесь вахмистра Яноуха бросило в жар. Ведь вы упомянули о его машине. Более того: наш друг Яноух был на собрании в Порубах и приехал оттуда. Вот видите, уважаемый доктор, куда нас могут завести чисто теоретические рассуждения.

Взгляды всех присутствующих, кроме Алены, которая не сводила глаз с огня в камине, обратились на Яноуха. Но, прежде чем бывший вахмистр, которому в этот момент, казалось, не хватало воздуха, успел заговорить, прозвучал размеренный голос советника Зимы:

— Я полагаю, что доктор Марков уже убедился, насколько рискованны подобные гипотезы и как игра в сыщиков могла бы создать угрозу для многих совершенно неповинных людей, в том числе и для него самого.

— Позвольте, пан советник, ведь я...— начал Марков, но советник Зима поднял свою сухую, изборожденную сеткой глубоких морщин руку и сказал:

— Ах, пан доктор, достаточно вспомнить о кооперативе, о Бузеке и о вашем брате, и вы все сразу поймете, что я имею в виду. А сейчас, дабы положить конец необоснованным гипотезам, я сообщаю вам, что пан Яноух прибыл, правда, из Поруб, но, как мне известно, ехал не через Меденец, а через Кадань. А откуда на его машине вмятина, которая дала толчок фантазии доктора Маркова, он лучше всего объяснит сам.

Яноух хрипло засмеялся и сказал:

— Объяснить это очень просто, пан советник, и свидетели тоже есть: мне ее сделали своей машиной в Порубах господа из министерства юстиции.

— Вот как! — неожиданно веселым тоном произнес Зима.— Стало быть, есть даже официальные свидетели. Но,

разумеется, их показания нам не понадобятся. Пан доктор, конечно, понял нас.

Трудно было сказать, что именно понял доктор Марков, ясно было одно: ему давно пора вспомнить о своих пациентах и откланяться. Яноух еще медлил; неверной рукой налив себе полрюмки коньяку, он залпом выпил ее. Советник Зима сказал ему:

— После очень хлопотного дня лучше всего лечь спать. А у вас сегодня было много хлопот, не правда ли, Яноух?

Вахмистр встал и начал неловко прощаться, отводя взгляд.

— Мне весьма жаль,— сказал ему Росмус,— что вы будете так заняты и не скоро сможете побывать у нас. В случае чего-нибудь срочного я заеду к вашему сыну в Кадань.

Яноух удивленно замигал и буркнул:

— Само собой, пан Росмус. Так будет лучше всего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Усадьба Врш погрузилась во мрак тихой ночи, слегка посеребренной светом молодого месяца, плывущего среди облачков в западной части неба. Садовник Зуна запер решетчатые ворота, обе створки которых поворачивались легко и беззвучно на хорошо смазанных петлях. Потом Зуна уселся на скамейке перед сторожкой и стал глядеть, как первый этаж особняка погружается в темноту, а во втором зажигается свет в отдельных, далеко расположенных друг от друга окнах.

По овальному, низко подстриженному газону между двумя липами прошла темная женская фигура. Это была Роза, которая упорно отказывалась спать в доме, после работы возвращалась в сторожку и приносила отцу тщательно припрятанную свежую порцию господского ужина.

Зуна смотрел, как она приближается, и от нетерпения посвистывал через дырку в верхнем ряду зубов. Всякий раз ему казалось, что дочь нарочно идет нестерпимо медленно. Каждый вечер он ждал ее, иной раз и до полуночи — именно в это время она забегала к нему, если гости у Росмусов засиживались до утра.

Зуна вошел вслед за дочерью в кухню и стал глядеть на стол, который она накрывала. Глядел он с такой жадностью, словно за весь день у него не было маковой росинки

во рту. Но, дрожа от нетерпеливого желания сесть за стол, он в то же время ворчал и злился:

— Зачем ты все это сюда носишь? Кто тебя просит? Ты сама должна стряпать для меня. Отца обслуживай, а не господ.

Роза всякий раз отвечала ему одно и то же, словно это была заученная роль, которой полагалось строго придерживаться:

— А кому служите вы?

Зуна отталкивал ее, торопливо усаживаясь за стол, и, схватив вилку и нож, говорил уже с полным ртом, как будто удивляясь чему-то непостижимому:

— Ну не бесстыжая ли ты и не дерзкая ли девка? Я еще тебе покажу, что не нужны мне твои господа. Скажи сама, есть ли садовник лучше меня?

— Ну и что ж,— отвечала она.— Хоть вы в своем деле и мастер, а стать на собственные ноги боитесь.

Сегодня, однако, Зуна изменил тон. Едва он успел сесть за стол и проглотить первый кусок, как спросил:

— Ну, что там была сегодня за чертовщина? Рассказывай!

У Розы пробежали мурашки по коже, как всегда, когда отец проявлял свою способность угадывать происходящее вокруг или предсказывал перемену погоды.

— Бузек свалился с мотоциклом на шоссе между Меденцем и Поточной. Доктор Марков приехал с этой новостью. Говорит, что Бузек не выживет.

Зуна проглотил громадный кусок говядины с рисом и издал свистящий звук.

— Бузек свалился с мотоцикла! Рассказывай! Бузек свалился именно тогда, когда это им больше всего на руку. Попомни мои слова: такие, как Бузек, не сваливаются сами или случайно. Его давно уже могли проткнуть ножом за картами или пристукнуть из-за угла. Я сколько раз удивлялся, что он, с его рожей и повадками, еще ходит по белу свету. Но что он сам свалился, в этом меня никто не убедит!

— И как вы только говорите такие слова, папаша. Смотрите не скажите этого на людях. Еще, чего доброго, вас посадят.

Зуна покачал головой и с минуту в полном молчании набивал себе рот, сосредоточенно жевал и глотал такие куски, которыми подавился бы всякий другой. Роза налила ему тем временем пива. Зуна схватил кружку, едва она была наполнена, и осушил ее до половины. Потом вытер рот

и подбородок тыльной стороной ладони, взял в руки нож и вилку и, держа их торчком, уставился на дочь.

— Знаешь, что сказала бы моя мать? Вот что: господь бог отвратил очи свои от дома сего. Она всегда думала, что все зло в людях от бога и бог может отвратить от них зло или же наказать за него. А по-моему, это вздор. Все в природе существует само по себе, и во всех человеческих делах повинны лишь сами люди. Если кто-нибудь натворит гору злодеяний, она в один прекрасный день обрушится на него и похоронит его под собой. Вот так-то, Роза. А нам пришло время покинуть этот дом.

Напряжение оставило Розу, и ею овладела усталость после долгого рабочего дня. Она протяжно зевнула, взяла грязную тарелку и пошла с ней к раковине.

— Если бы к вашим умным речам да еще смелые поступки, мы бы давно жили куда лучше,— сказала она на ходу.— Не служили бы у господ, а были бы сами себе хозяева.

Зуна презрительно свистнул:

— Ты дерзкая болтушка и не знаешь, что говоришь. Умный человек всегда дождется своего часа, а дурак поспешит и сломит шею.

Роза закинула руки за спину и выгнулась так, что кости у нее хрустнули. Стало вдруг заметно, что она хороша собой, и было непонятно, почему эта женщина в одиночестве проводит жизнь со старым и чудаковатым отцом.

— А я бы хотела дурить,— сказала она.— Хотела бы сломать себе шею. Осточертела мне ваша мудрость, да и своя собственная.

Зуна присвистнул и сказал почти с ненавистью:

— Мужика тебе захотелось, вот что. Родного отца готова бросить.

Роза резко обернулась, но неожиданно устало махнула рукой и через кухню вышла на крылечко.

Ночь была теплая и благоухала свежей листвой и цветом яблонь, которые распустились на косогоре над хозяйственными пристройками. Горный ветерок то веял, то затихал, как дыхание спящего человека. Серп месяца затерялся за гребнями гор, но на темном, осыпанном звездами небосводе все еще был заметен его серебристый отблеск. Одинокое облачко, темное, длинное и узкое, плыло над Вршем. Летучая мышь неслышно пронеслась над головой Розы. Несколько окон второго этажа были еще освещены, и Розе показалось, что она слышит звонкий голос Алены Зимовой. Любопытство подстрекало ее выйти

на террасу и послушать, о чем говорят в комнатах для гостей, но усталость была сильнее, и Роза, усевшись перед сторожкой на скамейке, уперлась в нее ладонями, расправила грудь и глубоко вздохнула, стараясь избавиться от овладевшего ею гнетущего ощущения пустоты. Облако, похожее на рыбу, вынырнувшую из немыслимых глубин, плыло у нее над головой и пожирало звезды. Слабо и как бы из бесконечной дали доносились два голоса, мужской и женский; Розе казалось, что, услышь она этот разговор, разрешился бы и вопрос о том, как ей самой жить дальше. Но у нее не было сил подняться, подойти и послушать.

Роза не ошиблась. Это был голос Алены.

Переодевшись в пижаму, дочь советника Зимы вдруг захотела перед сном зайти к отцу и поговорить с ним. Она знала, что он никогда не запирается в спальне и ни при каких обстоятельствах, даже если ложится очень поздно, не уснет, не почитав хоть полчаса. Поэтому она накинула халат и отправилась к отцу в комнату.

Она нашла его, как и ожидала, в постели. При свете ночника Зима читал «Метаморфозы» Овидия в подлиннике. Он никогда не вел разговоров о литературе и во время таких разговоров в обществе откровенно давал понять, что эта тема для него совершенно не интересна. Похоже было даже, что и из родной литературы он читал не больше того, что требовала в свое время школьная программа. Но в его библиотеке, рядом со сводами законов и юридической литературой, почетное место занимали греческие и римские классики, Гейне и Гете — все в подлинниках, а в чемодане, с которым он путешествовал, всегда лежали Овидий, Гораций или излюбленный томик Платона.

Советник Зима принял дочь без удивления и не запротестовал, когда она вползла под одеяло у него в ногах. Он даже подал ей одну из своих подушек, безропотно отложил Овидия, взял предложенную ему сигарету и молча стал ждать, когда дочь скажет, чего она хочет.

— Что ты думаешь о сегодняшнем вечере, папа?

— Ты, видимо, ждешь от меня ответа на вопрос, сбил Яноух Бузека или нет. Не знаю, но считаю это весьма вероятным.

Алена коротко вздохнула и слегка вздрогнула.

— Значит, весьма возможно, что мы провели вечер в обществе убийцы? А ты заметил, папа, что Яноух — он сидел сзади меня — дышал так, словно несет тяжесть, и иногда тихо скрипел зубами? Что ты думаешь? Я даже рассказать тебе не могу, как все это было странно. От ками-

на — жара, а от Яноуха словно тянет холодом. Как из погреба... Потом он раздавил рюмку... Как раз в тот момент, когда на дворе послышался шум машины доктора Маркова. Этого никто не заметил, только ты и я да, быть может, Виктор Пюхлер. Но для него все это только сенсация. Как страшно, должно быть, убить человека... Потом, наверное, боишься каждого звука, каждого взгляда и слова, просто всего... Хотела бы я знать, почему ты выгородил Яноуха с этой разбитой рюмкой.

— И чего ты только не наболтаешь! — сказал советник.— С детства ты была болтушкой.

— Но тебе это никогда не мешало.

— Нет.

— Потому что ты никогда не слушал, что́ я говорю.

— Кто знает.

— Так скажи мне, почему ты выгородил Яноуха?

— Для того чтобы он мог прийти в себя и подготовиться к тому, что могло последовать.

— Ты уже подозревал его в чем-нибудь?

— Он слишком много распространялся о том, что поехал за Бузеком через Пршисечнице и Кадань, но не догнал его. Но не отложить ли нам этот разговор на завтра? — спросил он с легким упреком.

— Нет, папа, не нужно откладывать. А то я никак не усну. Скажи, ты собираешься покрывать Яноуха?

— Покрывать? — недовольно произнес советник.— Откуда ты взяла это ужасное слово?

— А что в нем ужасного?

— Ничего, кроме того, что оно формулирует наше истинное положение.

— Твое и мое?

— Наше общее. Всех тех, кого большевики называют буржуазией. Я имею в виду весь тот превосходный класс общества, который возник потому, что сильные получили неограниченную возможность применять свои способности.

— А что, мы и в самом деле такие хорошие?

— А ты подумай сама. Почти две тысячи лет до нас человечество топталось на месте. Мы овладели всем, что было совершенного в цивилизациях прошлого, мы дали дорогу мысли, за сотню лет мы создали такие творения, что при виде их люди прошлых веков замерли бы от изумления, а быть может, и от ужаса. Мы показали всему миру, что душа лавочника, чающая повышенной прибыли, может породить изумительнейшие идейные концепции, смелейшие технические идеи, что жажда прибыли провозгласила

свободу высшим законом, подгоняла науку, окрыляла искусство. Жажда прибыли придала нашему миру красоту и очарование, с помощью чудес цивилизации привела нас к совершеннейшим жизненным формам. Говорю тебе: нет в истории другого века, столь важного для развития человечества, как девятнадцатый. И только некоторые частности организации нашей совершенной жизни все еще не ладятся, и это время от времени толкает нас друг против друга. Бывают такие периоды, когда прибыль вдруг резко падает, и тогда необходимо удержать ее даже ценой многих человеческих жизней, ибо этим мы сохраняем цивилизацию. Мы все еще поднимающийся класс, хотя нас пытаются уверить, что после победы русской революции мы обречены. Нам только нужно исправить кое-какие серьезные промахи и понять, например, что прошлое никогда нельзя зачеркнуть сразу и целиком, какие-то пережитки всегда остаются. Возьми, например, случай с Яноухом. При феодальном строе все было бы очень просто, потому что убийца всегда мог откупиться. А вот присвоение самого пустякового имущества каралось смертью. Неприкосновенность собственности! Этот правильный принцип нам надо было сохранить полностью... И все же мы хорошие, и нас не так-то легко убрать с исторической сцены, потому что мы представляем собой единственно возможную форму жизни.

— Все это для меня слишком сложно, папа, но, по-моему, я тебя понимаю. Вот только подчас мне кажется, что мы совсем не такие, как ты сейчас говорил, что мы даже подлые.

— На вещи можно смотреть с разных сторон, и мы сами можем говорить о себе что угодно. Главное — не позволять этого тем, кто нам чужд. Я надеюсь, события последних лет умудрили нас настолько, чтобы знать, как вести себя, когда власть вернется в наши руки. Мы, например, не понимали, что свобода допустима только в пределах строя, созданного нашим классом. Иначе говоря, мы допускаем любую свободу, но не свободу уничтожать этот строй. Большинство наших нынешних затруднений возникло из-за того, что мы своевременно не сделали этот принцип законом. И вот мы подчас попадаем теперь в карикатурное положение: советник юстиции покрывает поступок человека, который в нормальной обстановке доселе оставался бы стражем общественного порядка и безопасности. Покрывает! Гм, гм... Признаюсь тебе, у меня мурашки пробежали по коже, когда ты произнесла это слово. Мне казалось, что скомпро-

метировано все мое прошлое поборника закона и прав. И одновременно я понял, что по самой сути нашей морали мы испытываем большее отвращение к словам, чем к поступкам, которые они означают. Правильно ли это? Да, правильно. Ибо недобрым делам можно поставить предел, а из необузданного пользования словами вырастают социальные бедствия и революции. Стало быть, я, очевидно, найду подходящие для меня в данных обстоятельствах слова, но ничего не изменю в своих поступках. Вот так-то, доченька. Слова надо взвешивать, а факты обдумывать. Я сделаю все, что в моих силах, и помогу своему классу снова прийти к власти и опять приобрести все права, создателем которых он был... А теперь, поскольку я много наговорил и уже поздно, дай мне еще одну английскую сигарету и оставь меня наедине с Овидием.

Алена накинула халат и поцеловала отца в лоб. Он сделал глубокую затяжку и протянул руку к книге. Алена остановилась в дверях.

— Хотела бы я уметь рассуждать, как ты.

Он поднял на нее глаза, уже бегающие по строчкам, и сказал:

— А разве это так трудно? Сейчас так много говорят о том, что женщины обладают не меньшими дарованиями, чем мужчины.

— Мне это трудно,— ответила Алена.— Я иногда думаю, что умей я рассуждать так логично, как ты, то пришла бы совсем к иным выводам. А пока что мне остается только жить, как я живу. А это мне иногда страшно не нравится. Иногда хочется чего-то, чего я не знала ни дома, ни где-нибудь еще за всю свою жизнь. Кажется, что вот-вот и я пойму, что это такое. Но я так и не знаю и, наверное, никогда не узнаю. Видимо, потому, что мне не хватает твоего ума. Покойной ночи, папа.

Советник задумчиво глядел на закрывшуюся дверь. Алена медленно шла по коридору, так медленно, словно ей не хотелось дойти до цели.

В ее комнате было светло, легкий сквозняк донес до нее запах сигареты. У открытого окна, в низком, обитом светлой тканью кресле, сидел Виктор Пюхлер в халате из тяжелого темно-зеленого шелка и курил.

— Алена,— сказал он.— Я уже боялся, что вы совсем пропали.

Она взглянула на него усталыми злыми глазами и сказала тихо:

— Насколько мне помнится, я не звала вас сюда.

— Аленка! — тихо воскликнул он, укоризненно и удивленно.

— Уйдите и запомните, что я не люблю подобных сюрпризов. Скорее, а то я хочу спать.

— Покойной ночи,— в бешенстве произнес он и, отвернувшись, прошел мимо.

Алена заперлась изнутри, подошла к открытому окну, поглядела на небо, полное мерцающих звезд, несколько раз жадно вдохнула запахи молодой листвы и яблоневого цвета, потом сбросила халат, легла в постель, уткнулась в подушку и заплакала.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Ну, и что решил районный судья Тайч? — спросил Гальчик.

Поручик КНБ Календа засмеялся.

— Комедия была — просто на редкость! — сказал он.— Сейчас мне смешно, но когда я все это видел, хотелось перестрелять их всех.

Гальчик, задав вопрос, сразу же словно забыл о нем и не слышал ни смеха Календы, ни его ответа. Взгляд Гальчика устремился куда-то поверх вершины цветущего зеленого холма и утонул в безбрежной синеве неба. После смерти Марты у него часто бывали минуты какой-то внутренней глухоты и отрешенности, которые приходилось преодолевать предельным напряжением воли, словно борясь за жизнь.

Они сидели в садике при доме, где поселился Гальчик после того, как привез в Кадань свою мать и обоих детей, одиннадцатилетнего Гонзика и девятилетнюю Каченку, в чьем лице с мелкими чертами и большими темными, будто удивленными глазами с каждым днем все больше проступало сходство с матерью. Домик стоял на той же застроенной только по одной стороне улице, где немного пониже жили Багары.

Друзья собрались на недолгий послеобеденный воскресный отдых и, пользуясь теплым летним днем, уселись в скудной тени черешни, явно более старой, чем весь сад и дом; черешня недавно отцвела, и увядшие пестики придавали всей кроне рыжеватый оттенок, несмотря на свежую молодую листву. Гальчик, Багар и Календа сидели по одну сторону круглого садового стола, мать Гальчика, невысокая сухая седая старушка, и Здена с Каченкой — по другую.

В траве, под цветущей яблоней, лежал Гонзик, втянув в плечи стриженую голову, до смешного похожую на голову отца, и читал «Таинственный остров» Жюля Верна, привезенный ему Багаром в одну из поездок в Прагу.

Здена упорно пыталась принять участие в починке рваных чулок, целая корзинка которых стояла рядом с Гальчиковой, но та так и не согласилась на это. Каченка ходила за Зденой по пятам, как зачарованная, не сводя с нее глаз, словно желала запомнить ее улыбку, манеру разговора, жесты — все, что было так привлекательно в этой молодой цветущей женщине. Всего этого Каченка невозвратно лишилась после смерти матери и не могла найти в бабушке. Здена иногда привлекала девочку к себе и, обняв за тоненькие плечи, целовала в лоб.

Когда взгляд Гальчика падал на лицо дочери, он испуганно отводил его, словно обжегшись. Багар, наоборот, глядя на девочку, думал о том, как воплощается в ней, казалось бы, безвозвратно утраченный образ, рядом со Зденой вызывавший в нем сложное и странное чувство: словно в его душе заживала годами зиявшая рана, как будто в нем пробуждалась и снова заявляла о жизни какая-то надолго замершая частица радости.

— Когда господин судья вступил у нас в должность, вид у него был довольно пришибленный,— продолжал Календа.— Заметно было, как он радуется, что на него никто не обращает внимания. Пусть не прогневается на меня тень Волькера, но совсем как в его стихах: «Хочу быть маленьким, ничтожнейшим на свете». А теперь вы этого судью не узнаете, такой он стал важный.

— Что ж,— сказал Багар с легким вздохом, совсем не относящимся к теме разговора.— Он просто-напросто восстанавливает судейскую практику домюнхенских времен. Но только тогда полиция работала с ним рука об руку, а нынче органы национальной безопасности запросят его, по каким законам он судит.

Гальчик перестал глядеть на синее небо над горами, сидя на стуле, подался вперед и сказал:

— Попробуй только запросить, увидишь, какой шум они поднимут. Начнут кричать о независимости суда и удивляться, почему они не могут судить по законам, которые отброшены революцией, но буквы которых законодатель не успел изменить. С господами судьями нам еще будет немало хлопот.

— Не могут же они выпустить на свободу хулиганов, затеявших драку! — возмутился Багар.

— Он счел их вину недоказанной,— ответил Календа.

— А разбитое плечо Сильваши и раненая рука Ганева? — багровея, крикнул Багар.

— Ирка! — укоризненно сказала Здена, а Календа улыбнулся.

— На меня сердиться нечего. Я злился так же, как ты сейчас. Судья Тайч пришел к заключению, что нет достоверных свидетельских показаний, что ранение нанесли пострадавшим именно обвиняемые, и даже намекнул этим стервецам, что они сами-де могут возбудить дело: во-первых, о неправильном обвинении и, во-вторых, о насилии над ними.

— Так! — только и сказал Багар, словно больше и говорить было не о чем.

— Насколько мне известно, к этому иску присоединятся и оба агента министерства юстиции,— прибавил Календа.

— Тебе многое известно,— сказал Гальчик с подобием улыбки.— А почему они присоединятся? Ведь синяки им достались не в этом сражении.

— Нет у тебя фантазии крючкотворов, товарищ Гальчик,— улыбнулся Календа.— Бузек мертв и показаний никогда теперь не даст. Почему же той парочке и не заявить, что их тоже побили пастухи из кооператива?

— Если фантазии нет у Гальчика, то зато у тебя ее явный избыток,— сказал Багар.— Ты совсем забыл, что я-то могу подтвердить, кто ударил этих двух типов.

— Нет, я не забыл и ручаюсь, что судья Тайч не забыл тоже.— Календа помолчал, качнул головой, словно удивляясь судье Тайчу, и продолжал: — Может быть, им как раз и нужно, чтобы ты появился перед судом и дал показания и чтобы постепенно выяснилось, что ты лжесвидетельствуешь. Представь себе, что разными проволочками и уловками они затянут разбор дела до предстоящих выборов. Думается, что можно не объяснять тебе, какие заголовки появятся в их газетах: «Материализм на практике.— Партийный работник, коммунист в роли лжесвидетеля».

— Ты совсем спятил! — воскликнул Багар.— Во-первых, я бы сказал суду чистую правду, а во-вторых, ты выдумываешь черт знает что!

— По-моему, Календа ничего не выдумывает,— серьезно сказал Гальчик.— Вот только говорит он загадочно, словно в обществе любителей головоломок.

— Конечно, я не выдумываю, не за то я получаю жалованье,— сказал Календа с видом обиженного мальчи-

ка.— Товарищ Багар очень ошибается, если думает, что они не добились бы своего. Они будут до тех пор противопоставлять твоим показаниям показания других свидетелей, пока кто-нибудь не предложит привлечь тебя за лжесвидетельство. Дело может быть возбуждено и потом прекращено, но для газетной сенсации этого достаточно.

У Здены мурашки пробежали по коже от отвращения. Прижавшаяся к ней Каченка заметила это.

— Здена, тебе холодно?

— Нет, Каченка, это просто так,— ответила Здена и повернулась к товарищам.— Это подло, Ирка, но я знаю, что они пойдут и на это. Вот только не уверена, что судья Тайч способен на такую хитроумную выдумку.

— Я и не говорю, что Тайч,—сказал Календа.— За его спиной стоит кое-кто поумнее.

— Росмус? — предположил Гальчик.

Календа пожал плечами.

— Не знаю.

— А откуда тебе все это известно? Служебная тайна? — неуверенно спросил Багар.

— Не совсем,— медленно сказал Календа, словно решая, рассказать или не рассказать.— Кто-то пишет нам письма. На немецкой машинке, добытой где-то здесь, в Пограничье; надстрочные знаки проставлены от руки.

— Анонимки? — с глубоким презрением отозвалась Здена.— И ты, товарищ Календа, принимаешь их всерьез?

— Погоди, погоди! — быстро запротестовал Календа.— Только, пожалуйста, не гляди на нас свысока. Нам приходится искать правду повсюду. Не только в чистой воде, но и в луже. Если бы ты читала эти письма, ты пожалела бы только о том, что они не подписаны. Не сумею тебе это объяснить. Похоже, что кто-то там, в их лагере, просит о помощи, но сам знает, что его уже ничто не спасет. И вот он хочет хотя бы помочь тому, к чему тянется, но не может найти дороги.

— Вы только поглядите на этого Календу! — сказал Гальчик с притворным удивлением.— Этакий бравый вояка, а в глубине души, оказывается, поэт.

— А может, это так и есть? — сказала Здена, не замечая, что изменила свою точку зрения.

— Может быть,— отозвался Багар.— Хотя мне кажется, что все это натяжка. Что же за письма получает товарищ Календа? Кто-то предает в них собственную партию и делает это как человек, который понял, что дальше так жить нельзя. Так?

— Так,— подтвердил Календа.

Багар покачал головой.

— Почему же в таком случае он не идет прямо к нам? Почему тайком выдает своих, а не вступает в открытую борьбу?

— Кто знает, что его связывает,— сказала Здена.

— Кто знает,— согласился Багар.— Но, по-моему, в наше время всякий, у кого есть добрая воля, может избавиться от пут.

— Мы говорим об авторе этих писем как о мужчине, но, судя по многим признакам, я думаю, что это женщина,— продолжал Календа.

— Смотрите-ка, женщина? — оживленно заговорила Здена.— Да еще, может быть, молодая и красивая. В один прекрасный день ты с ней познакомишься, влюбишься и сделаешь из нее человека, который пойдет с нами.

— О господи, Здена! — воскликнул Багар.— Вот никогда не сказал бы, что ты можешь выдумать такую романтическую историю. Но что верно, то верно: Календа слишком долго ходит холостяком, пора ему жениться и не смущать попусту девичьи сердца.

— Не всякому везет, как тебе,— сказал Календа.— А мне при моей работе приходится видеть много такого, после чего думаешь, что лучше не спешить с женитьбой.

Календа, кажется, хотел дальше развить мысль о том, почему лучше не жениться, но вдруг умолк, поняв, что разговоры о сватовстве, свадьбах и супружестве неуместны в присутствии Гальчика, перенесшего такую тяжелую утрату.

На счастье, мать Гальчика подхватила нить разговора.

— А может быть, и женщина,— неожиданно сказала она, и взгляды всех присутствующих, кроме Гальчика, взор которого снова блуждал где-то в синеве над зеленеющим холмом, с удивлением обратились на нее. А она, занятая починкой носка, натянутого на деревянный грибок, не отводя глаз от работы, предалась воспоминаниям, которые вызвал в ней этот разговор.

— Когда я была еще девчонкой, у нас дома, во Френштате, тоже кто-то писал анонимные письма. Вернее, не писал, а наклеивал на бумагу вырезанные печатные буквы. Но только тот человек не помогал и вообще не хотел никому добра. Наоборот, он вытаскивал на свет самые скверные вещи. Я была тогда школьницей, вот как наша Каченка, училась в третьем классе, но помню, как все у нас стали бояться, что получат такое ужасное письмо и узнают из

него что-то такое страшное, что погубит их счастье. Люди стали недоверчивы, подозревали друг друга. Я, мол, с тобой говорю, открыл тебе сердце, ты знаешь обо мне все, а может быть, ты и есть как раз тот человек, что посылает эти подлые письма, которые губят жизнь людям.

Сначала за день до свадьбы утопилась дочь бургомистра, торговца шляпами, у него был большой магазин на площади. Было ей лет двадцать, не больше, и, когда я ее вспоминаю, всегда она представляется мне такой цветущей, как та яблоня, под которой лежит Гонзик. У нее было розовое лицо, и всегда она смеялась и пела. Помню, все мы, девчонки, ходили за ней хвостом и мечтали стать такими же красивыми, как она. Так я никогда и не узнала, в чем ее обличил анонимный автор и кому он послал свое письмо.

Не прошло и полугода, как застрелился управляющий городской лесопилкой, а его жена через час после похорон бросилась под поезд. Потом настал черед молодой жены местного врача, человека уже сильно в летах. Она отравилась чем-то из его аптечки. И причиной всего были эти письма. Страх возрастал, но того, кто писал анонимки, так и не удалось найти. Пострадал, видимо, и директор гимназии, уважаемый всем городом человек, любимец учеников и большой знаток валашской этнографии,— тогда это было редкостью. Его перевели куда-то на западную окраину Чехии, и он уехал, даже ни с кем не попрощавшись. Страшные творились дела, а виновник всего этого был неуловим. Удалось только выяснить, что буквы для своих писем он вырезывает из журнала «Святой Антонин», который продавался в городских церквах. Его покупали почти все прихожане — попробуй-ка не возьми его у церковного старосты. Так что и эта примета ничего не дала.

Старушка замолчала и стала искать ножницы, чтобы обрезать нитку на заштопанном чулке. Все слушали рассказ очень внимательно, а теперь наступила напряженная тишина. Каченка прижалась к Здене и глядела на нее расширенными от испуга глазами. Гонзик перестал читать Жюля Верна и, так как бабушка долго искала ножницы, сказал нетерпеливо:

— Ну, бабушка, скажи же, кто это был, не мучай нас.

Старуха Гальчикова нашла ножницы, отрезала нитку, передвинула грибок под другую дырку в носке и сквозь очки поглядела на слушателей. Увидя широко раскрытые глаза Каченки, она покачала головой.

— Эх, глупая я старуха! Рассказываю и не гляжу, кто меня слушает. Иди-ка отсюда, девочка, конец этой истории

тебе знать ни к чему. Еще увидишь во сне что-нибудь страшное.

Но Каченка прижалась к Здене, обняла ее тоненькой рукой за талию и сказала просительно:

— Бабушка, пожалуйста, дай мне дослушать. Честное слово, я не буду бояться ни капельки, ни крошечки!

Гальчик остановил взгляд на лице своей дочки, и в этом взгляде были тоска и нежность.

— Теперь уж досказывайте при ней, мама,— сказал он.— Но не слишком часто угощайте ее такими страшными историями.

— Можно думать, что я только их и рассказываю,— обиженно сказала старушка.— Могу и совсем не кончать.

Багар рассмеялся.

— Нет, этого нельзя делать. Тогда мы на вас обиделись бы или подумали бы, что вы сами не знаете, чем кончилось дело.

— Я не знаю, чем оно кончилось? — недовольно возразила старушка.— Выходит, что я все выдумала? Нет, я никогда не выдумываю, я рассказываю все, как было в жизни. Ну, ладно, буду расхлебывать кашу, раз ее заварила. А ежели Каченка ночью будет бояться, то все равно не спать из-за этого придется мне. Так вот слушайте. Похоже уже было на то, что нашему городу не будет покоя, пока не разрушится последняя мирная семья, как вдруг — ты не бойся, Каченка,— однажды нашли тетю Ренату задушенной в ее уютном домике близ Остравского шоссе. Чтобы вы долго не удивлялись и не расспрашивали, скажу сразу, что тетя Рената была дочерью покойного городского пивовара. Был он очень богат, пожалуй, самый богатый человек в городе, а Рената была у него единственной дочерью. Дал он за ней такое приданое, что все другие невесты в городе готовы были лопнуть от зависти, но обставил это дело такими хитрыми и сложными условиями, что молодой супруг, который женился больше из-за денег, чем из-за девушки, увидев, что на приданое ему никак не удается наложить руку, удрал от жены раньше чем через год. Рената ожесточилась и больше не хотела слышать о замужестве. Она купила себе этот домик у шоссе еще при жизни отца и после его смерти жила там одна. Она очень любила цветы и канареек. Садик у нее всегда цвел — от снега до снега. Знакомство она водила со всеми, как говорится, лучшими домами в городе и почти во всех семьях была щедрой крестной матерью. Когда ее нашли мертвой, выяснилось, что из домика не унесено ничего ценного, а рядом с ней лежал

раскрытый журнал «Святой Антонин» с вырезанными буквами и баночка с клеем и кисточкой. Убийцу так и не нашли, но анонимные письма с тех пор прекратились.

— А зачем она их посылала? — с недоумением протянула Здена.— Вы же говорите, что жила она хорошо и со всеми была в добрых отношениях.

— Я думаю так,— сказала Гальчикова,— что она видела вокруг себя счастье, которого сама была лишена, и это стало у нее вроде как бы пунктом помешательства. Она начала мстить тем, у кого было все, чего недоставало ей. Я иногда думаю, что, может быть, она даже не хотела заходить так далеко, но, начав однажды, не могла остановиться. Потому-то и не нравится мне этот аноним товарища Календы — все равно, по каким бы он причинам ни писал.

Все молчали, а поручик Календа сказал, пожав плечами:

— Не буду защищать своего информатора, но решительно не желаю ему того конца, который постиг вашу несчастную Ренату. Настаиваю только на том, что его письма не вызывают во мне отвращения, с каким обычно читаешь анонимки. Главное же — его информация всегда оказывается правдивой.

Багар встал так быстро, что зяблик, который как раз завел свою осторожную песенку в ветвях, испуганно умолк, вспорхнул и скрылся, как в облаке, в цветах соседней яблони.

— Хорошо поговорить в кругу друзей,— сказал Багар,— но нам со Зденой сегодня надо еще съездить в Поточную.

Каченка схватила Здену за руку, притянула к себе и зашептала ей на ухо:

— Здена, возьмите меня с собой, я буду себя хорошо вести.

Здена передала ее просьбу старшим, бабушка запротестовала, но Гальчик, задумчиво посмотрев на девочку, решил:

— Пустите ее, мама. С ними ей будет веселей.

И, заметив пристальный взгляд сына, который поднял голову от «Таинственного острова», он прибавил:

— А мы с Гонзиком возьмем ружье и сходим на холм, поглядим, не встретится ли нам серна или лиса.

Мальчик тут же захлопнул книгу и вскочил на ноги.

На горных склонах по дороге к Клаштерцу всюду уже отцвели черешни и вишни. Раскидистые груши, роняя цвет, разом превращались из цветущих девушек в неопрят-

ных старух, отступали на задний план и терялись за округлыми молочно-розовыми яблонями, которые были еще в цвету. Огрже уже обленилась по-летнему. Она текла по мелкому руслу, где во многих местах из блестящей водной глади торчали серые гранитные валуны, похожие на спины отдыхающих, никому не ведомых речных зверей. Усеянные цветами ветви деревьев, низко склонившихся над пыльной проселочной дорогой, то и дело цеплялись за верх машины Багара. Иногда такая ветка мелькала перед самым смотровым стеклом, и Календа невольно делал движение, чтобы уклониться от нее.

— Эх ты, а еще солдат! — усмехнулся Багар.

— А зачем у тебя такое чистое стекло? Кажется, что его совсем нет,— стал оправдываться всерьез уязвленный поручик.

На заднем сиденье Каченка прижималась к Здене и говорила:

— Как ты думаешь, Здена, может быть, что мама превратится в такую цветущую яблоню?

У Здены комок подступил к горлу, но она овладела собой и ответила:

— Кто знает. Но твоя мама непременно живет в тебе. Она тебе оставила все самое лучшее, что было в ней, и ты должна стараться сохранить это. Твоя мама была не только красивая, но и честная, смелая женщина. Ты должна заменить ее отцу и Гонзику.

— Сказать-то легко, Здена,— со вздохом возразила девочка.— А Гонзик надо мной смеется, что я плакса и ничего не понимаю, а папа, как поглядит на меня, так у него делаются скучные глаза и он скорее смотрит в другое место. Я от этого иногда так расстраиваюсь!

Здена молчала, преодолевая волнение, а Каченка продолжала:

— Вот и ты не знаешь, что сказать. Бабушка говорит, чтобы я не огорчалась, что с мужчинами всегда беда и самые лучшие из них все равно немного с придурью. Но бабушка не права. Наш папа не такой, он умный, да-а! Пусть бы все были такие, как наш папа!

Пока Здена думала о том, что ответить, они въехали в Клаштерец и миновали фарфоровый завод, трубы которого дымили и в воскресенье. Машина замедлила ход на площади, которая поднималась круто в гору. Каченка переменила тему и спросила:

— А верно, Кадань красивей Клаштерца?

— Что это тебе вздумалось? — удивилась Здена.

— А знаешь, в наш класс поступила новенькая,— произнесла Каченка тоном совсем взрослой девочки,— раньше она жила в Клаштерце, она все спорит с нами, что Клаштерец лучше Кадани. Но ведь сразу видно, что это неправда.

Здена засмеялась и сказала:

— Да ведь и ты совсем недавно поселилась в Кадани, когда же ты успела так привязаться к ней?

— Привязаться? — вопросительно протянула девочка, словно обдумывая очень важный вопрос.— Может быть, и успела. Ведь там живет папа, и ты, и товарищ Багар. И факт, что Кадань красивый город, я за это готова с той девчонкой хоть подраться.

— Вот погоди, приедем в Поточную, там тебе, наверное, так понравится, что забудешь и Кадань и Клаштерец.

— А вот не забуду! — объявила Каченка.— Понравиться мне может где угодно, но Кадань — это Кадань, и все тут.

Здена размышляла над ее ответом и над тем, как быстро дети свыкаются с Пограничьем, в то время как многие взрослые все еще чувствуют себя словно в ссылке и не перестают мечтать о возвращении туда, откуда приехали.

Машина миновала железнодорожный переезд и въехала на окраину Клаштерца, застроенную одноэтажными домами с садиками, свернула вправо, на широкую боковую улицу, посередине которой тянулась заросшая травой трамвайная колея, и остановилась перед одним из домиков, как две капли воды похожих друг на друга; их отличали только дощатые заборы: один был выкрашен в ярко-зеленый цвет, другой — небесно-голубой, третий — канареечный.

Багар посигналил и обернулся к Здене.

— Здесь живет Ярда Гласек. Выйдем на минутку, узнаем у него, как теперь завод снабжают сырьем, помогло ли им наше вмешательство.

Недавно выкрашенный домик сверкал белизной в лучах послеполуденного солнца, оконные наличники были выкрашены такой же зеленой краской, как забор, а на коньке серой шиферной крыши мохнатый голубь кланялся голубке, раздувал зоб и усердно ворковал.

Ярда Гласек подошел к калитке в сопровождении невысокого коренастого человека лет тридцати, с энергичным, чисто выбритым лицом и глубоко посаженными темными глазами, смотрящими твердо и проницательно. Человека звали Войта Кмент. Прошлой осенью он вместе

с родителями переехал в Клаштерец и поселился в домике напротив Гласека. На заводе они работали бок о бок, оба были членами завкома, а недавно на отчетно-выборном партийном собрании их выбрали в партийный комитет. Друзья увлекались разведением голубей, так что и досуг они проводили вместе.

Багар твердо решил не задерживаться у Гласека и поговорить с ним, не заходя в дом. Но Каченка расстроила эти планы: она захотела посмотреть, как живут голуби, и погладить птенцов. Ведь она приехала в Кадань в первый раз, была дочерью Гальчика, осталась без матери, и ее участь трогала женские сердца; пришлось навестить жену Гласека, его четырнадцатилетнюю дочь Веру и старую мамашу Кментову, которая пришла к Гласекам «отдохнуть от мужниной трубки». Пока женщины умилялись, глядя на прелестную Каченку, на ее большие нежные глаза, и, показывая ей дом, исподволь отыскивали в ней черты сходства с матерью, Багар, сев с мужчинами во дворе на штабеле свеженапиленных досок, узнал, что его обращение в министерство промышленности, в краевой национальный комитет и в управление предприятием помогли делу: шарикоподшипниковый завод опять обеспечен сырьем.

— Вот оно что! — удовлетворенно сказал Багар.— Видно, если на них жать не переставая, они побаиваются.

— Не очень-то радуйся,— отозвался Ярда Гласек, сгибая клещами полосу толстой жести.— Мне начинает казаться, что они вроде девятиглавого дракона из сказки. Отрубишь ему одну голову — вырастают две... Вот мы заставили их давать нам сырье, а они теперь нарочно задерживают на складах готовую продукцию. Ну, мы, конечно, этого так не оставили, явились к ним. А они показывают нам переписку с центром, и в ней говорится, что «продукция будет выкуплена в надлежащее время». «За начальника главка» — подпись неразборчива. Вот и начинай сказку сначала.

Багар тер себе подбородок и размышлял. С минуту было слышно только торопливое воркование голубей, расположившихся на крыше, на водосточной трубе и на галерейке перед длинной голубятней, подвешенной под крышей дома.

— Ловки,— сказал наконец Багар,— ловки, как черти! Знают, чего им нужно. Впрочем, мы тоже знаем. Только они забывают: нельзя долго говорить одно, а делать другое. Народ не так глуп, чтобы не заметить этого, а наше дело — позаботиться, чтобы показать ему разрыв между словами

и делами. Иначе говоря, отрубать головы дракона быстрее, чем они успевают отрасти.

— Они выдают себя своей жадностью, и это нам на руку,— сказал Войтех Кмент, и голос его прозвучал неожиданно тихо для такой богатырской грудной клетки.— Прикидываются овечками, а волчьи зубы им не спрятать. Но мне иногда кажется, что нам их не устеречь.

— Почему ты такого мнения, товарищ? — спросил Багар.

— Не думай, что я растерялся,— быстро ответил Кмент.— Дело в том, что наши враги пытаются наступать со всех сторон, действуют то так, то этак, а многие наши товарищи их недооценивают, считают, что мы их целиком одолели. Мы отняли у них самое главное, а остальное, мол, наладится у нас само собой.

— Наши люди не так глупы! — возразил Ярда Гласек и поднял кусок жести, проверяя, правилен ли угол сгиба. Потом он продолжал, не прекращая работы и иногда покряхтывая от натуги: — Чушь ты несешь, Войта. Наши люди, например, спрашивают, кто прикончил Бузека и почему именно об этом ничего не известно. А ты, Календа, долго собираешься молчать? Когда-нибудь придет и твоя очередь говорить.

Поручик Календа вспыхнул от обиды, но овладел собой и ответил довольно спокойно:

— В конце концов ты скажешь, что я кого-нибудь покрываю или что я расследовал это дело чисто формально.

Ярда Гласек отложил жесть и клещи, снял кепку и вынул из нее тонкую сигарету.

— О том, чтобы ты кого-нибудь покрывал, не может быть и речи. А как ты работал, судить не могу. Факт, однако, остается фактом: убытки в животноводческом кооперативе будут возмещены за чей-то счет. И сколько ни ищи, за чей, ясно одно: за счет рабочих.

— Много говорили об этом Яноухе,— тихо продолжал Кмент.— Я тут человек новый и никогда его еще не видел. Но его сын, что служит в переселенческом бюро в Кадани, мне не нравится.

— Нам тоже,— поспешно сказал Багар, как бы отводя необоснованный упрек.— Его прислали на эту должность из Праги.

— Яноуха я допрашивал, аж пот его прошиб,— сказал Календа.

— Видно, он уже снова остыл,— вставил Ярда Гласек, а Календа вскипел:

— Ничего нельзя было доказать. Даже то, что он ехал из Поруб тем же путем, что Бузек. Как назло, состав грунта на всех спусках с плато одинаковый. А свидетелей, которые видели бы, что он проезжал из Меденца через Поточную, у нас не нашлось. Подозрительного много, а прочно ухватиться не за что. Яноух возвращался домой через Пршисечнице и по дороге вспомнил, что был приглашен на вечер к Росмусам, ну, и поехал туда через Кадань. Удивительное дело, кому только не захотелось в тот вечер навестить Росмуса и его жену! Доктор Марков, едва расстался с нами и вызвал машину «скорой помощи», тоже поспешил туда, Пюхлер-младший, тот самый, что старается заполучить текстильную фабрику в Поточной, живет у Росмусов постоянно. Наконец, в тот вечер у них был еще советник Зима из Праги, отец той девушки, что служит у вас в РНК. И она сама тоже была там; говорит, что заехала к отцу. Спрашивается, зачем они все там собрались? «Небольшое пиршество по случаю охоты на серн, поручик,— объяснил мне Росмус.— Охота разрешена неделю назад, и я в первый же день убил замечательный экземпляр, вот тут, в двух шагах от нас. Приходите, покажу рога». Я убедился, что он не врет. А он говорит да посмеивается: маленькое, мол, пиршество по случаю охоты. И еще добавил ядовито: «Устроить пиршество по поводу убоя свиней нынче было бы куда труднее, сами знаете».

— Живут по-прежнему, как жили,— недовольно сказал Ярда Гласек.— Как баре. Мы им даже ружья оставили, и на охоту они ходят, как будто никаких перемен не было.

Войтех Кмент наклонил голову вперед и произнес тихо, но с такой ненавистью, что его слова прозвучали как злобное шипенье:

— Не было бы большого греха, если бы ты сразу забрал их всех, да и посадил.

Поручик Календа аккуратно затоптал окурок и сразу же закурил новую сигарету. Белоснежный голубь сел на круглую головку насоса, торчащего посреди бетонированного дворика, и переминался на ножках, похожих на алые кораллы.

— Посадить нетрудно,— сказал Календа.— Но ты представь себе, какой шум поднимут остальные, если арестовать хотя бы одного из них без достаточных оснований. И без того хватает криков, когда мы сажаем явных преступников. А министр юстиции тем временем готовит кампанию за помилование осужденных предателей и коллаборационистов.

— Пусть только попробует! — воскликнул Ярда Гласек.— Увидит, чем это кончится для него и для его партии.

— Его партию ты не трогай,— возразил Кмент.— В ней тоже есть рабочие, и со временем мы им откроем глаза.

— Рабочие там только для того, чтобы за их спиной укрывались негодяи,— отрезал Ярда Гласек и повернулся к Календе.— Так ты говоришь, против Яноуха нет никаких улик?

— Никаких,— покачал головой поручик.— Он сам в ту ночь чуть не разбился. Говорит, что отказало рулевое управление, но я думаю, что он изрядно напился у Росмусов, потому что, возвращаясь от них, наехал на столб у забора Рейзека, сорвал все правое крыло и помял предохранительную скобу. Его машина и посейчас чинится у Антоша в Поточной.

Здена и Каченка вышли из дома вместе с другими женщинами. Голубок на насосе перестал вертеться на месте и испуганно взлетел на крышу. Багар встал, а Ярда Гласек сказал:

— Пошли и мы, Войта. Глупо мы себя ведем. Рассердим тут Календу, а он потом погоняет нас в строю.

— Как погоняет? — удивилась Здена.— Вы же не его подчиненные.

— А зачем, ты думаешь, Календа к нам приехал? Толковать о голубях? Он ведь обучает нашу заводскую милицию.

— А как относится к ней Росмус? — спросил Багар, с неохотой подчиняясь Здене, которая стряхивала с него опилки и щепочки.

— Милицией Росмус очень интересуется,— ухмыляясь отозвался Гласек.— Стоит только произнести это слово, и у него делается такое лицо, словно он проглотил рыбью кость. Удивляется, зачем, мол, рабочим оружие? Разве не достаточно того, что нас охраняет государственная власть? Эта игра в солдатики, по его мнению, и смешна, и небезопасна. И предостерегающе поднимает указательный палец, совсем как Масарик. «Скажите сами, Гласек,— спросил он меня однажды,— зачем это нужно?» — «А затем,— говорю я,— чтобы никому не пришли в голову недобрые затеи. Оружие в руках рабочих,— говорю я,— это, пан Росмус, гарантия того, что демократия будет в сохранности и нашим заводам не придется менять хозяев». Так я ему сказал, а у него была такая рожа, словно эта самая рыбья кость стала ему поперек горла.

— Они и в газетах начинают удивляться насчет милиции и пишут о ней статейки,— вставил Войта Кмент.— Власть, мол, навеки, в руках народа, против кого же вооружаются рабочие на заводах? Я такие статьи читаю с превеликим удовольствием. Впечатление такое, что автор ходит по проволоке и его бросает в жар от страха. И так он от этого сбивается с толку, что не понимает простейшей вещи: если власть в руках народа, значит, народ на все имеет право, хоть бы и вооружаться для верности, чтобы никто и никогда не посмел посягнуть на его народную власть. Как-то я читал такую статейку, и мне вспомнился рассказ отца о первой рабочей маевке в тысяча восемьсот девяностом году и о том, как в тот день было дело у нас, в Сланом.

Отец был тогда еще совсем малышом, так, лет восьми или девяти, но он помнил, как взрослые накануне первого мая говорили, что готовится что-то страшное, будет стрельба и кровопролитие; отцу казалось, что это похоже на войну, и он, как всякий мальчишка, и хотел и побаивался этого. И вот в воскресенье съел он на завтрак тарелку похлебки, выбрался из дому — и бегом на площадь, где у нас обычно происходили всякие сборища. В городе было тихо, только там и сям виднелись прихожане, спешившие в церковь к обедне. Отец долго околачивался на площади, видел, как пришел отряд городского ополчения. Вот, думает, теперь начнется. Но ополченцы ушли в ратушу, оставив у ворот двух караульных: члена городской управы Ракосника и сапожных дел мастера Тондла, которые стояли там, примкнув штыки к длинным ружьям, выпучив глаза и выпятив животы в тесных мундирах. Потом мой папаша увидел, как через площадь торопливо прошли «соколы» в черных плащах поверх парадной формы и скрылись в дверях гостиницы «Почта», где помещался городской клуб. Время шло, часы на башне били каждые пятнадцать минут, и никаких событий не происходило. Город был даже тише обычного, только иногда кто-нибудь перебегал просторную площадь да кое-где любопытные стояли у ворот перед своими домами.

Мой отец пробрался в гостиницу «Почта» и увидел, что «братья соколы» попивают там черный кофе с ромом и сотрясают своды патриотическими песнями. Иногда кто-нибудь из них невзначай заглядывал на кухню, чтобы убедиться, когда будет готов обед, и все они сохраняли очень решительный вид, то и дело подтягивая пояса, на которых висели черные кобуры с револьверами, какие до

тех пор мой отец видывал только у полицейских.

Когда так ничего и не случилось, а в гостинице стали разносить тарелки с горячим супом, моему папаше тоже захотелось есть и его потянуло домой, хоть и боязно было, что влетит за недозволенную отлучку. Но ему повезло: нагоняя не было, потому что он принес вести, которые все взрослые с интересом выслушали. А когда он рассказал о сборище «соколов» и о том, что висело на поясах этих патриотических молодчиков, его отец, а мой дедушка, бондарь городской пивоварни, молча поднял кулак и угрожающе помахал им в сторону площади.

— Отличная история,— сказал Багар.— И правильный ответ на вопрос, зачем вооружать заводскую милицию. Ты бы рассказывал ее иногда товарищам, а при случае и тем, кому оружие в рабочих руках не дает спать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Поточная издалека походила на огромное цветущее фруктовое дерево. Внизу, в долине, дома утопали в бело-розовой пене яблонь, а высоко на горных склонах дикие и садовые черешни белели среди темных хвойных рощ, как груды нерастаявшего снега.

Спускаясь к Поточной по Клаштерецкому шоссе, Багар затормозил на том самом месте, где два года назад остановилась машина Трнца, и опустил оконное стекло. В машину разом проникло благоухание мириад цветов, в котором преобладал аромат сирени, и заглушило запах горячего мотора.

— Как здесь красиво, Здена! — воскликнула Каченка.

— Красивее, чем в Кадани? — улыбнулась Здена.

— Ну, нет,— обиженно сказала Каченка.— Но красиво.

За гостиницей Рейзека на высоких мачтах виднелись два флага: красно-белый с синим уголком и красный с золотыми серпом и молотом. Ветер с горного перевала под Меденцем играл флагами, раздувал их и снова отпускал. Синее небо над конусами холмов и гребнями гор было высокое, прозрачное, без единого облачка. Но вот безмолвие, пронизанное лишь пением жаворонка, вдруг рассыпалось от взрыва буйных возгласов.

· Го-о-ол!

— Наши забили,— гордо объявила Здена, и Багар, оглянувшись на нее, засмеялся.

— Вот никогда не думал, что моя жена станет футбольным болельщиком!

Здена зарделась, но не успела она ответить, как Каченка объявила важно:

— Жалко, что с нами нет Гонзика, вот он поболел бы! А по-моему, это глупо.

— Ого! Того и гляди, они оба объявят меня дурочкой,— рассердилась Здена.— Ты, Ирка, притворяешься, как будто не понимаешь, что значит футбольная команда для Поточной. А кто ее создал? Члены Союза молодежи! Надо было с чего-то начинать, чтобы найти общий язык со всеми. Думаешь, легко это было?

Багар успокаивающе пожал руку Здены, лежащую на спинке сиденья, и по тому, как дрогнула эта рука, почувствовал и нежность и укоризну. Но пока он искал какое-нибудь простое и вместе с тем непонятное Каченке слово, которым можно было бы сказать Здене, что он просит прощения и одновременно напоминает, как он ее любит, из долины снова донесся рев толпы, и Багар нашел единственный выход из своего смущения в улыбке.

— Наши, видно, выигрывают,— сказал он.

Здена отозвалась веселым, звонким смехом.

— Вот видишь! — торжествующе сказала она.— Ты тоже говоришь «наши». Ну конечно, выигрывают. Команда Поточной — лучшая в районе.

— Надо мной смеялись, что я люблю Кадань, а сами болеете за Поточную,— с упреком сказала Каченка.

— Мы не смеялись над тобой,— серьезно возразила Здена.— Мы проверяли твою верность. Видишь ли, нам труднее, чем тебе. Для нас каждый уголок в районе должен быть своим. Но здесь еще недавно был наш дом, а это не пустяки.

— Понимаю,— сказала Каченка, и ее глаза расширились и стали еще круглее.— Я тоже буду вместе с вами болеть за Поточную.

Здена обняла ее узенькие плечи, привлекла к себе и поцеловала в смуглый лоб, обрамленный волнистыми темно-каштановыми волосами.

— Идет, Каченка! В общем, ты и мы заодно, а Гонзик, если захочет, может тоже примкнуть к нам. Когда мы будем создавать в нашем районе пионерскую организацию, ты будешь моей первой помощницей.

— Ты думаешь, что у нас и вправду когда-нибудь будут пионеры, как в Советском Союзе?

— Все будет так, как там,— восторженно, словно девочка, сказала Здена.— Не забудь, что нас освободила Красная Армия, что советский народ следит за каждым нашим шагом и все время нам помогает. Ты думаешь, что чехи не знают, кому они должны быть благодарны и с кого надо брать пример?

— Мы-то знаем,— гордо сказала Каченка.— А наш Гонзик вздул вчера мальчишку судьи Тайча. Тот сказал, что Красная Армия могла не приходить, нас и без нее освободили бы американцы.

— Не знаю, не перестарался ли Гонзик,— сказал Багар, подавляя улыбку.— Но Красную Армию у нас никто не смеет оскорблять или говорить о ней неправду.

— Наш Гонзик не боится драки! — Каченка вскинула голову, подчеркивая, что она на стороне брата и восхищается им.— Он чуть что — сразу на кулачки. И всякого мальчишку одолеет.

Багар отвернулся, чтобы не рассмеяться. Он отпустил тормоз и, как только машина тронулась, переключил скорость. У первого строения справа, у бывшей авторемонтной мастерской Гальске, теперь принадлежащей Антошу, он затормозил.

Громадная старая липа росла на самом краю участка Антоша — забор был в этом месте прибит прямо к ее корявому стволу — и своей раскидистой кроной, сейчас чуть покрытой мелкой, желтоватой, нежной, как гусиный пух, листвой, затеняла почти половину просторного двора. В дальнем конце его виднелись мастерская, пустая и тихая в воскресный день, и несколько машин, стоящих в ремонте. По серому кузову и заново выправленному правому крылу, покрытому красными пятнами грунтовки, Багар узнал машину отставного вахмистра Яноуха.

Анча Антошова с девочкой лет полутора, точной своей копией, катала большой пестрый мяч. Темные волосы Анчи, разделенные посередине пробором, были собраны сзади в небольшой узел. На лице ее играл румянец, и вся она была круглая и ладная, как красная девица из народной сказки.

Легкие, торчащие во все стороны волосики девочки еще не потемнели. Девчушка старалась ухватить мяч, который подкатывался к ее ногам, но не могла сохранить равновесие и садилась на землю, сама похожая на круглый разноцветный шар. Она весело смеялась, мать подбегала к ней,

хватала на руки, целовала, ставила на крепкие ножки, и игра продолжалась.

Под липой, в плетеном кресле, сидела розовощекая старушка в тщательно повязанном платочке и в очках в стальной оправе. Все лицо ее покрывали мелкие морщинки. Не обращая внимания на окружающее, она сосредоточенно вязала детское платьице из двух больших клубков шерсти — ярко-зеленого и бледно-желтого. Это была мать Анчи, тоже Анна, которая, овдовев, осенью переехала сюда. Девочку звали Андулкой, как мать и бабушку. Иначе Антош не согласился.

— У нас в доме от Андулок некуда деться,— с довольным смехом говаривал Антош.

Ох этот Антош! Видно, он родился в сорочке: ему так везет, что кое-кого это даже злит. Работы у него по горло, а могло бы быть и больше, согласись он нанять еще одного рабочего. Некоторым людям не нравилось, во-первых, что дела Антоша идут хорошо, а во-вторых, то, что он не слушается советов, как наладить их еще лучше. Но Антош, видимо, твердо и раз навсегда решил, что со всей работой справится с помощью одного близорукого Фрица Клаузе, австрияка, не пожелавшего вернуться в родную Вену, потому что у него там никого не было. Они делали, сколько успевали, и за лишним не гонялись. Странный подход, но всем было ясно, что дело здесь в партийности Антоша, а главное — в его жене, которая, вместо того чтобы вести себя, как подобает супруге зажиточного ремесленника, продолжала ходить на текстильную фабрику, словно ее муж не зарабатывал даже на похлебку. И настали такие шальные времена, что нельзя было даже сказать, что Анча отбивает работу у других,— рабочая сила была нужна повсюду, ее не хватало.

— Где же ему быть, как не на футбольном поле! — ответила Анча на вопрос о муже и добавила тоном превосходства: — Вся Поточная пошла смотреть на своих любимцев. Только меня вы туда не заманите.

Они уселись под липой, маленькая Андулка не отходила от Каченки, визжа от восторга; мать Анчи ушла в кухню, чтобы приготовить угощение, не слушая Здены, уверявшей, что они зашли на минутку и тотчас же уйдут — как раз на тот самый футбол, о котором Анча высказалась с таким пренебрежением.

— Вам нечего спешить, там уже все кончается,— объявила Анча, открыто радуясь тому, что Багары не попадут на футбол.

Оказалось, что она была права: матч кончился на час раньше, так как команда из Подборжан, игравшая в это воскресенье с футболистами Поточной, не смогла приехать на автобусе, а расписание поездов заставляло ее уехать несколько раньше.

Анча никак не могла примириться с возникновением футбольной команды в Поточной и не скрывала своего недовольства, для которого у нее были свои причины. Она и раньше редко видела мужа, а с тех пор как организовалась команда, не видит его, по ее словам, совсем. Ее не огорчало, что Антош иной раз ради тренировки футболистов пренебрегает работой в мастерской — на мастерскую у нее были свои взгляды, и Анча не связывала с ней счастье и благополучие своей семьи. Нет, ее беспокоило, что муж не только тренирует футбольную команду, но и берет на себя обязанности администратора: организует матчи с другими командами, разъезжая для этого по разным местам.

Рассказывая все это, Анча чуть не расплакалась, и было видно, что мысли о муже становятся навязчивыми, мучат ее и отравляют ей жизнь.

— Если он начнет бегать из дому, кто знает, чем все это кончится,— сказала она, подавляя рыдания.

Багары внимательно выслушали жалобы Анчи Антошовой, по виду которой никак не скажешь, что она из тех женщин, что могут беспокоиться за любовь и верность мужа. Они переглянулись, улыбаясь. Оба одновременно подумали: а сколько у них самих бывает за месяц вечеров, когда они свободны и могут вместе побыть дома хотя бы за ужином? Как часто один из них приходит домой с собрания, затянувшегося далеко за полночь, и старается не разбудить другого, и с какой иногда радостью обнаруживает, что другой еще не спит и они смогут вместе выпить по стакану чая? И в глазах Багара и Здены мелькнула радость при воспоминании о вечерах, проведенных вместе дома или на собраниях, где им удалось встретиться. Вот почему они украдкой улыбнулись друг другу, не желая обидеть Анчу, но отнеслись к ее жалобам вполне серьезно.

— Если хочешь, я поговорю с Антошем,— сказал Багар.

Анча густо покраснела.

— Нет! Не хочу! — взволнованно запротестовала она.— Он еще подумает, что я вам жаловалась. Я сама с ним все выясню, даже если мне придется уйти от него.

— Неужели может и до этого дойти? — мягко спросила Здена.

Анча ответила не сразу. Она молча смотрела на маленькую Андулку, которая безуспешно пыталась покатать большой пестрый мяч. С футбольного поля снова донесся рев зрителей: хозяева поля забили еще один гол. Анча невольно нахмурилась, а Здена тайком вздохнула: третий гол за такое короткое время, а она и Иржи не видели, как забили хотя бы один из них! «Наша команда, видно, играет замечательно! Молодцы!» — подумала Здена с гордостью за этих ребят, которых она лично знала и со всеми дружила.

Холмы, полукругом обступающие Поточную, с минуту разносили и отражали крики на футбольном поле, перебрасывая эхо друг другу, словно мяч в игре. Потом эхо затерялось где-то в узких долинах.

— Нет,— заговорила наконец Анча, все еще взвешивая правильность своих слов.— Думаю, нет. И не хочу, чтобы до этого дошло. Никогда я не ожидала, что для меня будет так важно, чтобы он почаще был рядом со мной. Видно, это потому, что я целыми днями на фабрике и все думаю о нем, жду не дождусь, когда увижу его за ужином. Понимаешь, как мне обидно — приду, а его дома нет?

Здена глубоко вздохнула. Каждое слово Анчи она близко приняла к сердцу, мысленно сравнивая ее день со своим, и вспомнила чувство разочарования, которое она тоже испытывала, когда возвращалась домой и заставала пустые комнаты.

— А что, если тебе бросить работу на фабрике? — спросила она таким тоном, словно высказала какое-то пустяковое и в общем не стоящее внимания предложение.— Он работает дома, и ты видела бы его целый день. Тогда, если его иной раз вечером нет, не беда.

— И это мне советуешь ты! — воскликнула Анча.— Советуешь мне сидеть дома и целый день кудахтать около него, как квочка? А вот эти две руки пусть бездельничают, да? Что же, я хуже его, или тебя, или твоей матери, которой уже под пятьдесят?

Здена взяла ее за плечи и сказала мягко:

— Ничего я тебе такого не советую, Анча. Я только попыталась найти выход, но вижу, неудачно.

— А может быть, тебе в те вечера, когда он идет на собрания, ходить вместе с ним? — предложил Багар.

— Чтобы футболисты смеялись над нами обоими? Я его не отпускаю ни на шаг от себя, а он, мол, тряпка.

— Получается так: кто не слушается советов, тому ничем не поможешь,— проронил Багар с напускной серьезностью.

— Не надо мне ни ваших советов, ни помощи. Справлюсь сама! — с горячностью сказала Анча.

Багар покраснел. Щеки Здены порозовели и снова побледнели.

— Извини,— пробормотал Багар.— Я не хотел тебя обидеть.

— Вот уж никогда не думала, что ты такой нетактичный, Ирка.— Здена старалась говорить шутливым тоном.— Ты же обидел Анчу.

— Да нет! — возразила Анча, умоляюще складывая руки.— Прошу вас обоих, пожалуйста, не сердитесь на меня. Я веду себя как дура.

Багар и Здена не успели ответить ей. Из дому вышла мать Анчи и подошла к столу под черешней. Она несла на большом подносе кофейник, чашки и тарелку сдобных булочек. В этот момент среди отдаленных голосов, сопровождавших напряженную игру на футбольном поле, раздался троекратный резкий свисток, возвестивший конец состязания.

Анча вместе с матерью расставила посуду и стала усердно угощать гостей, явно стараясь сгладить впечатление от своей резкой реплики. Мать хотя и не понимала, в чем причина преувеличенного гостеприимства дочери, изо всех сил помогала ей.

— Кушайте, кушайте, пока есть что,— твердила старушка, словно эта закуска должна была спасти гостей от голодной смерти.— Кто знает, как у нас будет с продуктами осенью...

Багар наклонился вперед и заглянул ей в лицо.

— Вы думаете, осенью будет хуже, чем сейчас?

— А как же иначе? — ответила она вопросом на вопрос, словно удивляясь его наивности.— Весна почти прошла, а дождей не было. Целые недели ни одной капельки. Вы только поглядите на поля. Хлеба низкие, редкие, как шерсть на паршивой собаке. Через неделю или две они все равно заколосятся, солнышко их заставит, попомните мое слово. А что это будет за урожай?

— Я уверен, что еще пройдут дожди,— твердо сказал Багар.— Природа наверстает упущенное.

Но мать Анчи недовольно покачала головой.

— Если дожди и будут, они мало помогут. Хорошему урожаю теперь не бывать.

— Не понимаю, мама,— раздраженно сказала Анча,— чего вы об этом беспокоитесь. Сельским хозяйством вы больше не занимаетесь, голодная сидеть у нас не будете.

— Ишь какая! — напустилась на нее старушка.— Вы только поглядите! А еще считает себя коммунисткой и иной раз поучает меня, старуху, словно я не ходила в школу и не могу, как и она, прочесть газеты и книжки! А я тебе вот что скажу: с сорок пятого года я трясусь за каждый колосок, хоть я ему и не хозяйка. Такие, как ваш Росмус, сумеют нажиться и на урожае и на неурожае, а для простого человека от урожая зависит его насущный хлеб.

Анча, наливавшая кофе в чашку, остановилась и поглядела на Багара и Здену, словно ища у них поддержки. Взгляд у нее был виноватый, просящий.

— Не знаю, что такое сегодня со мной творится,— призналась она.— Что ни скажу, все не так. Вы правы, мама, и, пожалуйста, не сердитесь на меня.

Улица, до этого тихая, по-праздничному безлюдная, озаренная заходящим солнцем, вдруг наполнилась людьми, послышались оживленные голоса, треск мотоциклетных и автомобильных моторов, гудки сирен и лай собак, пробужденных от сладкого сна на солнышке. Казалось, кто-то открыл шлюз и выпустил весь этот шум и гам.

Во двор, приплясывая, ворвался Антош, простоволосый, в расстегнутой рубашке.

— Пять — три! Пять — три! Мы им набили: пять — три! — напевал он.

— Вот он, глядите, этот оглашенный! — сказала Анча.— Сами теперь видите, до чего дошел человек.

— Багар! Ирка! — воскликнул Антош.— И Здена тоже тут! Минутку, я сейчас вернусь.

И, вместо того чтобы поспешить к ним и пожать протянутые руки, он повернулся, как на шарнирах,— только его и видели! На улице он тотчас затерялся в потоке людей, который разливался по обе стороны шоссе, а на распутье у гостиницы Рейзека образовал нечто вроде водоворота. Жители Поточной стояли там кучками, обсуждая сегодняшнее состязание и его результаты, и решали, где же спрыснуть славную победу своей футбольной команды — в заведении Рейзека или в распивочной Бледного Арношта, расположенной немного дальше по шоссе.

Антош окинул взглядом группы людей, стоящих около гостиницы, и поспешил вверх по дороге, в сторону почты. Его хлопали по плечу, окликали, подталкивали друг к другу, как большой мяч. Все жители Поточной чувствовали на себе отблеск славы своих футболистов и тем охотнее признавали вклад Антоша в эту славу. Молодчина наш автомеханик! Ничего не скажешь, у него и в работе и на футболь-

ном поле — подлинно чешская выучка! Ремеслу своему он выучился на «Праговке» и еще подростком играл в футбол в команде «Спарты», а потом в «Либени», пока немцы не взяли его по тотальной мобилизации. А здесь из этих парней, которые уже втянулись в трактирные потехи, он создал настоящую команду и возрождает с ними забытую славу «пасовки по низу» и «чешской улочки». Это его заслуга, и никто не станет ее оспаривать, по крайней мере сегодня. Сегодня более чем когда-либо Антош для всей Поточной «свой парень», и любой из зрителей готов пойти с ним к стойке и выпить по рюмочке.

Все приглашали Антоша.

— Пойдем к стойке, тренер! — кричали ему.

— За мой счет, разумеется, и увидишь, как я тебя угощу.

— Спасибо за приглашение,— отвечал Антош.— Куда мне за тобой! Все равно что новичок против сборной команды.

И спешил дальше.

Во двор своего дома он вернулся, сияя еще более торжествующе, как двойной победитель, ведя за собой всех тех, за кем бегал: родителей Здены, Ганса Пальме с дочерью Марихен, Вацлава Брендла и его жену Юлию, урожденную Росову. У забора неожиданно появился близорукий помощник Антоша Фриц Клаузе. Он стоял в сторонке, поблескивая толстыми стеклами очков, почесывал грудь, смущенно улыбался и хоть издали, но даже участвовал в общей радости встречи. Багар первым заметил его и шагнул к нему.

— Здравствуйте, Фриц. Почему вы не идете к нам?

Веснушчатое лицо Клаузе покраснело.

— Не хочу мешать, пан председатель,— прерывисто произнес он с почти неуловимым акцентом.

— Не хочет мешать! — сердито воскликнул Антош.— Вы только поглядите, какой он стеснительный! Из-за своей стыдливости этот парень никогда не женится!

В ответ на выходку Антоша смущенная улыбка на лице Фрица расплылась еще шире. Он отрицательно качнул головой, но слова ответа застряли у него на языке. Марихен Пальме в этот момент наклонилась к маленькой Андулке так порывисто, что одна из ее тяжелых русых кос перелетела через плечо. Марихен взяла на руки пухленькую девочку, высоко подняла ее, и, видимо, от этого усилия, кровь прилила к ее лицу.

Андулке сегодня решительно везло: то и дело появлялся

кто-нибудь новый и охотно начинал катать с ней большой мяч, поднимать ее на руки до самых веток черешни, а она нюхала цветы и пыталась сорвать их.

Пока Марихен возилась с Андулкой, Каченка, лишившись своей маленькой подружки, отошла в сторонку на несколько шагов, втайне сердясь и ревнуя. Это, впрочем, не помешало ей внимательно разглядеть дочку Пальме. Она не знала точно, кто эта девушка, но догадывалась, что именно о ней и о ее смелом и трудном бегстве из Германии рассказывала ей Здена. Сама того не сознавая, Каченка переживала внутренний разлад: ее тянуло к Марихен и вместе с тем ей казалось, что их что-то разделяет. Они во всем резко отличались друг от друга, как только могут отличаться блондинка и брюнетка. Но не в этом было дело, и не это создавало препятствие. Наоборот, Каченка завидовала синим глазам Марихен и ее белой, чуть розоватой коже, похожей на цвет яблони, который сейчас сияющим облаком висел над их головами. И все же, глядя на Марихен, Каченка чувствовала, что комок подступает у нее к горлу. Девочке вспоминалась мать, вспоминалось, как она выглядела после войны, как долго лежала в постели, а потом долго и неподвижно сидела в дедушкином кресле, как не велела детям ходить к ней в комнату и, улыбаясь, словно все это была шутка, над которой все они завтра будут смеяться, восклицала слабым голосом:

— Не ходите сюда, а то еще подхватите от меня грипп!

Они слышали, как она глухо покашливает за стеной. А потом однажды Каченка ездила к маме в горный санаторий, и мама была уже немного румяная, в ее глубоких темных глазах была ласка и радость; они с мамой говорили о том, что будут делать, когда мамочка — теперь уже совсем скоро — вернется в Прагу.

Каченка чувствовала, что она уже не в силах смотреть на эту светловолосую девушку с хрупкой шеей и тяжелым венком русых кос на голове, державшую на руках радостно смеющуюся Андулку. Хочется побежать к Здене, уткнуться головой в ее колени и заплакать не только от тоски, но и от чужой, нехорошей злости. Но ведь именно от этого старалась отучить ее мать.

— К чему плакать, Каченка, какой от этого толк? — говаривала Марта.— Лучше засмейся. А если не можешь смеяться, стисни зубы и подожди, пока обида пройдет. Видела ты, чтобы Гонзик плакал? Он скорее даст разорвать себя на куски, но не проронит ни слезинки. Почему же такая девочка, как ты, должна быть хуже этого упрямого

мальчишки? Запомни, что нам, женщинам, теперь нельзя быть плаксами.

И Каченка старалась стиснуть зубы, но это не всегда удавалось, а если и удавалось, то все-таки она иной раз выплакивала свое горе перед сном, в постели.

Андулка визжала и старалась ухватить одну из покрытых цветами упругих веток, к которым ее подбрасывала Марихен. «Мне ее не поднять,— подумала Каченка,— силы не хватит». Ею овладело странное чувство: хотелось уйти отсюда, а ноги не шли. И хотя она ничего не ела, в горле, казалось, застрял кусок и не шел ни туда ни сюда. Пришлось раз или два проглотить слюну, чтобы избавиться от этого ощущения. Наконец Каченке удалось заговорить, нельзя же стоять как столб!

— Тебя зовут Пальме? — спросила она тоненьким голоском, и было заметно, что у нее перехватило дыхание.

— Да,— ответила Марихен. Она перестала подбрасывать Андулку и поглядела в сосредоточенные темные глаза девочки. Но Андулка запротестовала. «Есё, есё!» — приставала она.

— А меня зовут Гальчикова,— продолжала Каченка разговор, которому так мало помогала Марихен. Свою фамилию она назвала не без гордости, хотя и невольной, как это бывает у скромных детей, которым известно, что их отца знают все

И, не дождавшись ответа, сказала:

— Я тебя знаю. Мне папа говорил про тебя. Мой папа...

Марихен явно не знала, как ответить на это. Она только улыбалась, уклоняясь от ручонок Андулки, которая упорно тянулась к ее лицу и наконец крепко вцепилась в густые волосы девушки.

— Папа мне рассказывал,— снова заговорила Каченка, так и не дождавшись от Марихен ничего, кроме улыбки,— что ты убежала от фашистов и вернулась к нам.

Каченке хотелось еще сказать, что фашисты держали в тюрьме ее маму до тех пор, пока мамочка не заболела, а потом от этого умерла. Слова уже просились на язык, и все же девочка не произнесла их, смутно почувствовав, что как-то обидит ими Марихен. Вместе с тем ей казалось, что, умолчав о маминых страданиях, она поступит нехорошо по отношению к маме. Девочка была озадачена и не знала, что делать.

Марихен кряхтела от боли, когда Андулка тянула ее за

волосы, но не мешала малышке. Глубоко вздохнув, она сказала:

— Да, я убежала.

Тон у нее был колеблющийся, неуверенный, отдельные слова она произносила очень медленно и старательно, словно до последнего момента проверяла, не говорит ли с ошибками.

— Фашисты злые,— сказала Каченка тоном глубокого убеждения.— Они хотели тебя обидеть, да?

Марихен вертела головой и так и сяк, чтобы ослабить боль от неотвязных ручонок Андулки, и вспоминала, почему она убежала от матери и вернулась к отцу. Ей было ясно, что этими горькими испытаниями нельзя поделиться с этой большеглазой девочкой, глядевшей на нее так участливо. Марихен вдруг почувствовала себя очень старой, и сердце у нее тоскливо сжалось.

— Да,— ответила она.— Я не могла там выдержать.

— Но ведь у тебя там была мама, разве она тебя не защищала? — воскликнула Каченка.— Моя мама ни за что не дала бы меня в обиду.

Ясные синие глаза Марихен вдруг потемнели и увлажнились, слезинки потекли по побледневшим щекам. Каченка испугалась и поняла, что поступила как очень плохая девочка. Она быстро подошла к Марихен, положила свою ручку на ее руку, покрытую золотистым пушком, и сказала:

— Я не хотела тебя обидеть, честное слово. Не сердись, пожалуйста.

Но Марихен поставила Андулку на землю и побежала мимо гостей Антоша, которые рассаживались широким кругом у стола под цветущей черешней. Она выскочила бы из калитки на шоссе и убежала бы бог весть куда, если бы слезы не застилали ей глаза настолько, что, не заметив своего отца, она влетела прямо в его объятия. Марихен прижалась заплаканным лицом к его грубой куртке военного образца, и Пальме крепко обнял ее за узкие плечи. Багар, видевший лицо девушки, когда она пробегала мимо, подошел к ним.

— Что с ней?

Пальме озабоченно покачал головой. Подбежала Каченка и схватила Багара за руку.

— Это я виновата! — запыхавшись, воскликнула она, и в голосе ее были слезы.— Я спросила ее о маме, а она заплакала. Я не знала, что нельзя спрашивать. Товарищ Багар, скажи ей, чтобы она на меня не обижалась.

Пальме и Багар беспомощно улыбнулись друг другу, не зная, что делать с этим детским и девическим огорчением.

— Здена! — позвал Багар.

И Здена увела Каченку и Марихен в кухню Антошей, чтобы на людях они не расстроились еще больше.

— Она прошла через тяжелые испытания,— сказал Пальме.— Учится жить заново.

Багар молчал. Он знал от Здены, почему Марихен убежала от матери. Пальме пришлось рассказать историю дочери и ее неожиданного возвращения, когда он обратился в местный национальный комитет за разрешением поселить ее у себя. Но с тех пор он ни словом не обмолвился о своей разбитой семье и неудачном браке, как никогда не вспоминал вслух и о сыне Христиане, сражавшемся в Интербригаде в Испании и павшем в бою.

— У нее после возвращения оттуда такая болезненная чувствительность, как у человека с содранной кожей,— заговорил Пальме.

Багар положил свою ладонь на жилистую руку Пальме и крепко пожал ее.

— Не надо ее оправдывать, товарищ,— глухо сказал Багар.— Ты на себе испытал, на что они способны.

— Она словно принесла с собой кусок моего прошлого,— тихо продолжал Пальме, глядя перед собой. Потом вдруг покачал головой.— Нет, она принесла мне новую жизнь. Мы оба учимся жить так, как будто прошлого не было. Мне кажется, что Христиан с нами. По крайней мере, со мной. Она похожа на него, как только сестра может быть похожа на брата.

— Я рад, что тебе досталось такое счастье,— негромко сказал Багар.

Вечер спускался на Поточную, еще несколько минут — и солнце скроется за гребнями гор, где-то далеко за Вейпртами. На крыше Антошева дома упоенно пел дрозд, а из открытых окон ресторана Рейзека доносилась синкопическая мелодия, которую исполняли саксофон, скрипка, ударные инструменты и бренчавший рояль. Из пристройки близ мастерской, где была комнатка Фрица Клаузе, вышел он сам с гармоникой через плечо, смущенно оглянулся на двери дома Антоша, и глаза его как-то виновато улыбались за толстыми стеклами очков. Он прошел мимо компании, собравшейся под старой черешней, и зашагал по шоссе к гостинице Рейзека.

Когда звезды поднимутся высоко над горными хребтами, когда будут накормлены и подоены все коровы на

хуторах и съедены все разогретые воскресные ужины, во время которых запах капусты распространится из окон и, подхваченный ветерком, заглушит даже аромат сирени, когда затихнут ласточки, а летучие мыши начнут каракулями своего полета писать таинственную сагу ночной охоты, жители Поточной соберутся потанцевать по случаю новой победы своих футболистов.

— Я туда не пойду, и все тут. Ясно? — объявил Деймек. Он потянул себя за висячие усы и оглядел присутствующих — кто, мол, осмелится ему возразить, но увидел только сдержанные и выжидательные, слегка улыбающиеся лица, и это рассердило его еще больше.

— Говорю вам, меня раздражает это мяуканье. И зачем только завели здесь такую музыку? Почему не создали настоящий духовой оркестр, какой был у нас в Ямницах? Лойзик Мареш, например, здорово играет на кларнете, свистит не хуже, чем вон тот дрозд. Нашлись бы и другие музыканты.

Мамаша Деймекова отозвалась первая.

— Слышали? — насмешливо сказала она.— Пану председателю не нравится; музыка, видите ли, ему не по вкусу, так он просто туда не пойдет. Вот как он себе представляет работу коммуниста в массах. А я пойду, и там, конечно, найдется кто-нибудь, кто со мной потанцует.

— Приглашаю вас на все польки, тетушка! — воскликнул Антош.— Мы им покажем, как надо плясать.

Деймек, казалось, готов был оторвать себе усы.

— А при чем тут партия? — заворчал он.— Уж если на то пошло, заруби себе на носу, что коммунисты здесь не затем, чтобы быть ширмой для всякой блажи, какая кому вздумается, а затем, чтобы объяснять людям, как себя правильно вести. А этот твой джаз для меня просто буржуйская выдумка, вот и все. Ясно?

В гостинице Рейзека к джазу присоединилась гармоника. Дрозду на крыше дома Антоша ответил другой дрозд... Ну что ж, разве не чудесное это воскресенье? Светлое, наполненное благоуханием цветов и песнями птиц и людей. Багар улыбался. Даже в тех спорах, которые он сегодня слышал, было что-то отрадное: люди настолько освоились здесь, что начинают спорить о том, как лучше украсить свою жизнь.

— А могли бы вы создать тут другой оркестр, не джаз? — все еще улыбаясь, спросил он.

Деймека передернуло от этого вопроса.

— Да разве я тут для того, чтобы создавать оркестры? — огрызнулся он.

— А почему бы и нет? — отозвался Багар.— В конечном счете, все мы тут для того, чтобы объединять людей. В этом большой смысл.

— И для этого требуется конкретно духовой оркестр? — улыбнулся Деймек.

— Для этого годится все, что объединяет людей. И прежде всего молодых. Организуй молодежь, укажи ей цель — и увидишь, какую силу ты заполучил. Если не организуем молодых людей мы, их организуют другие и по-своему.

— Спасибо за поучение,— хмуро сказал Деймек.— Думаешь, я сам не знаю?

— Как же тебе не знать,— насмешливо заметила его жена.— Ты ведь председатель местного национального комитета — значит, должен все знать. Вот никогда бы не подумала, что мой муж, рабочий человек, поглупеет, как сельский богатей или сапожных дел мастер, попавший в старосты!

Сидевшие за столом рассмеялись, а Деймек сказал угрожающе:

— Мама!

— Товарищ Мария Деймекова преувеличивает,— неторопливо и рассудительно сказал Вацлав Брендл и, почувствовав, что жена Юлия слегка сжала его локоть, покачал головой и продолжал: — Все порядочные люди в Поточной охотно подтвердят, что мы выбрали себе хорошего председателя. А что касается этого джаза, то я сказал бы так: на безрыбье и рак рыба. Ничего лучшего у нас пока нет. Меня этот джаз так же не привлекает, как и товарища Деймека. При мысли о танцах в ушах у меня звучит полька. Иной раз вальс, но чаще полька. Видимо, это связано с воспоминаниями молодости, когда мы не знали других танцев. Но и в более поздние времена, когда мне случалось, так сказать, порезвиться, я не слыхал в трактирах около Праги ничего, кроме народных оркестров, которые играли польки и плясовые. Кларнет, флейта, корнет-а-пистон, контрабас и скрипка — вот вам и оркестр. В Поточной мы тоже со временем заведем такой ансамбль, и с нашей помощью молодежь поймет, что такая музыка ближе ее сердцу, чем завывание саксофона.

Багар слушал, как Вацлав Брендл немного менторским тоном и все же так искренне, что казалось, он вкладывает всю душу, развивал свои мысли о музыке и молодежи. «Гляди на него, внимательно гляди,— думал Багар.— Вот

тебе пример. Человек любого возраста может жить так, словно вступил в жизнь только вчера. Брендлу пятьдесят лет, а воспоминаниям он предается не из грусти и сожаления о минувшем, а лишь для того, чтобы извлечь уроки из опыта прошлого».

Задумавшись, Багар невольно поддался старой, почти брошенной теперь привычке и машинально потянулся пальцами к пуговице своего пиджака. Но, едва коснувшись ее, он поднял взгляд, встретился со смеющимися глазами Здены и отпустил пуговицу так быстро, словно обжегся о горящий окурок. Покраснев, он с виноватым видом покачал головой и, так как Брендл умолк, несколько поспешно подхватил нить разговора.

— Товарищ Брендл прав. Что с нами происходит? Многие стараются убедить нас, что мы уже, собственно говоря, достигли всего, к чему стремились, за что боролись долгие годы. Мы национализировали тяжелую промышленность и банки, чего же еще нам надо? Такие люди мутят воду и уверяют народ, что у нас уже социализм. С крупными капиталистами мы покончили, а мелким надо, мол, дать возможность показать свои организаторские способности. Чтобы не было загнивания, говорят они, разрешите соревнование между частным и обобществленным секторами, посмотрим, какой из них жизнеспособнее. И при этом, разумеется, всячески пытаются помогать частному сектору и подорвать обобществленный. Таков-де наш особый путь к социализму, у нас, мол, другие условия, чем, например, в России. Для них важно запутать вопрос так, чтобы в нем никто не мог разобраться, и для этого они заявляют, что и Советский Союз от нас ничего другого не требует. Как будто все то, чего мы добились, сделано только потому, что этого хотел Советский Союз, а не потому, что таковы исконные чаяния нашего народа. И вот они, с одной стороны, подрывают национализацию, с другой — преувеличивают ее значение, чтобы народ не стремился к большему. Они делают ставку на усталость людей после долгой оккупации, на врожденную неохоту человека ко все новым и новым переменам. Они срывают двухлетку, проводят непродуманные организационные перестройки, тормозят поставку сырья и сбыт готовой продукции, и все это ради того, чтобы доказать несостоятельность планового хозяйства и преимущество свободной конкуренции. Народ учится управлять, а они пользуются каждой ничтожной ошибкой наших органов народной власти, чтобы высмеять их, и уверяют, что нет и не может быть лучше старой системы местных

управ с районными начальниками во главе. По-моему, каждый из нас постоянно чувствует это на себе. За все нам приходится с ними бороться, за каждый самый маленький шаг вперед: они цепляются за каждую пядь того, что еще осталось у них в руках,— им ведь нужен плацдарм для атак на нас. Чему же удивляться, если они бьются с нами и за молодое поколение, и прежде всего за него. Для них молодежь — это или преграда, которую можно воздвигнуть против нас,— ибо немногого стоит движение, которое не может опираться на молодых,— или волна, которая в конце концов сметет их самих с исторической сцены. Вот почему они хотят разложить единый Союз молодежи и организовать собственное молодежное движение, создать в нем ударные группы для того, чтобы срывать собрания и провоцировать стычки всюду, где можно. Мы это своими глазами видели на собрании кооператива в Порубах. Сегодня они еще собирают всякие темные элементы, завтра возьмутся за студентов, потом попытаются расколоть и рабочую молодежь.

Багар умолк, слегка запыхавшись, огляделся вокруг и улыбнулся смущенно и немного виновато: закатить в кругу друзей этакую длинную речь!

Пока он говорил, Деймек то и дело дергал себя за усы и все больше хмурился. Едва Багар умолк, он сразу выложил свое возражение; видно было, что он с величайшим трудом удерживал язык за зубами.

— Хотел бы я знать, при чем здесь, конкретно говоря, этот джаз с его завыванием?

— Этот дедка до смерти ничего не поймет! — вздохнула Мария Деймекова.

— Какой такой дедка? — ухмыльнулся ее муж.— Насколько мне известно, я еще не дед и, судя по всему, еще не скоро им буду.

Здена и Багар густо покраснели, а Мария Деймекова воскликнула возмущенно:

— Видели вы еще где-нибудь такого? Лишь бы что-нибудь сболтнуть, а что — ему безразлично!

В компании нередко потешаются над бездетными супругами. Но сидевшие за столом знали, как давно и тщетно Багары хотят ребенка, и потому все замолчали, думая, как бы перевести разговор на другую тему. Первой, как ни странно, сбивчиво заговорила Здена, вначале немного волнуясь.

— Да что ты, отец, вправду, что ли, не понимаешь, чего мы хотим? Разве у нас так легко организовать молодежь,

как где-нибудь в Праге? Прежде всего надо было чем-то привлечь ребят. Сегодня этот футбол и джаз, завтра будет народная музыка, хор и театр. При этом надо внушить им, что они — новое поколение, не прежняя молодежь, что на них лежит ответственность за то, какой завтра станет наша страна, что они по примеру советских комсомольцев должны всегда быть впереди, там, где надо решать самые трудные и ответственные задачи. Ирка уже сказал здесь, что молодежь хотят разделить и натравить друг на друга. Наша задача удержать ее вместе, если и не любой ценой, то хотя бы всеми честными средствами. И если молодежь будет едина, завтра она сама поймет, что именно надо отбросить, а что сохранить.

Деймек замигал из-под нависших бровей, как сова, разбуженная ярким светом.

— Выходит, стало быть, что я не вижу дальше своего носа. Ну что ж, конкретно говоря, по мне, пусть себе мяукают там, в джазе. Только хотел бы я знать, будут ли они так же единодушны, когда понадобится сделать что-нибудь для города.

Вацлав Брендл поднял свой кривоватый палец канцеляриста и объявил наставительным тоном:

— Это, я сказал бы, зависит и от нас. У молодых людей всегда благие устремления, такова молодежь по натуре. Наше дело — показать им правильный путь. Их привлекают приключения. Но что такое жизнь сегодня, как не сплошное приключение, приключение для смелых, приключение в борьбе за лучший мир. Надо научить их видеть жизнь так, как видим ее мы.

С холмов над Поточной послышалось протяжное мычание скота, возвращавшегося с пастбищ. Здена встала, расправила юбку и объявила:

— Молодежь уже собралась. Я хочу побеседовать с ребятами, пока не начались танцы. А то потом они ни о чем другом думать не станут.

Антош вскочил с обычной гибкостью и обнял Анчу за плечи.

— Мамочка, поди принарядись. Сегодня мы с тобой попляшем. Покажем им, что значит настоящая молодежь!

Анча встала, вывернулась из его объятия и сказала мирным тоном, в котором звучало прощение:

— Не знаю, пойду ли я еще с тобой танцевать!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Три стены танцевального зала гостиницы Рейзека занимал сплошной ряд окон, широкие двери в четвертой вели к буфету. Под потолком висели красно-сине-белые бумажные гирлянды, оставшиеся здесь от масленичных балов. Одно из широких окон было еще открыто, и сквозняк шевелил эти запыленные и уже обветшалые украшения. Когда умолкала музыка, гости слышали, как у них над головой шелестят эти гирлянды, подобно не опавшей еще сухой дубовой листве в ветреный весенний день.

Гостей было пока немного, они занимали примерно половину столиков, но все время подходили новые люди — в одиночку, парами и целыми семьями. Веселье начиналось медленно, с раскачкой, словно жители Поточной, израсходовав большую часть восторгов во время футбольного матча, теперь снова накапливали в себе охоту повеселиться. Даже музыка еще не играла как следует: слышалось одинокое завывание саксофона и ритмический стук ударных инструментов, потом его сменили синкопы старенького, астматически задыхающегося пианино. Три пары вертелись на паркете. Танцующие тупо глядели перед собой или на закопченный потолок, с таким видом, словно хотели сказать: мы никого не замечаем, и вы на нас не обращайте внимания.

За маленьким круглым столиком у дверей в буфет сидели трое молодых людей: двое коренастые, плечистые, черноволосые, третий долговязый, с длинной шеей, на которой то и дело шевелился сильно выступающий кадык. Увидев входивших в зал Багара и Здену, этот верзила встал и преградил им путь.

— Ты только погляди, кто перед нами, Здена! — удивленно сказал Багар.— А я думал, что вы провалились сквозь землю. Ты знаешь Коринту? А это товарищи Сильваши и Ганев. Что вы поделываете с тех пор, как кооператив приказал долго жить?

— Живем как господа,— ответил Коринта за себя и за друзей, которые, смущенно улыбаясь, обменивались рукопожатиями с Багаром и Зденой.— В районе нам уплатили трехмесячный заработок, который нам задолжал кооператив, вот мы и пробуем, как живется без работы на всем готовом.

— И долго вы собираетесь пробовать? — улыбнулся Багар.

В голубых глазах Коринты мелькнула веселая искорка,

но, прежде чем он успел ответить, в зал ворвался Антош с Анчей, а за ними появилась вся компания, что сидела днем у него во дворе, под черешней. Когда все поздоровались, перезнакомились и сели за несколькими сдвинутыми столиками, Багар снова повторил свой вопрос о намерениях Коринты и посоветовал этому недоучившемуся историку вернуться к занятиям в университете. Но Коринта, в котором сознание долга и стремление к труду боролись с молодецкой тягой к свободе, познанной в поездках по необозримым горным плато, не находил в себе ни на йоту желания снова сесть за книги и посвятить себя изучению прошлого. Ему больше нравилось находиться в водовороте сегодняшних событий.

Он рассказал Багару, как они пригнали в целости и сохранности остатки стада кооператива в Грюн, к Тимешу, и как управляющий госхозом и слышать не захотел о том, чтобы взять кого-нибудь из них для ухода за принятым скотом. Он, мол, не имеет права нанимать новых работников, а если бы и имел, то все равно не взял бы, потому что управится с новой работой силами жителей Грюна.

— Вы его не устраиваете, это ясно,— задумчиво сказал Багар и добавил более оживленно: — Но главное вот что: чем вы собираетесь заняться и почему не пришли ко мне?

— Еще не успели, товарищ Багар,— ответил Коринта.— Мы только первый день совсем свободны. А чем заняться? Признаюсь тебе, не знаю. Мне кажется, что я пропащий человек: обратно на учебу не хочется. Полюбилась мне другая жизнь.

Лицо Багара стало серьезным, с него исчез последний отблеск улыбки. Он усиленно мял пальцами подбородок.

— Это плохо, Еник, очень плохо,— сказал он наконец.— Вот не думал я, когда привез тебя сюда из Праги вместе с бригадой молодых добровольцев, что ты этим кончишь.

— Чем кончу? — засмеялся Коринта своим грудным басом, заглушив кудахтанье саксофона.— В том, что я бросил занятия, ты не виноват. Не будь тебя, я все равно сбежал бы с факультета под другим предлогом.

— А почему? — удивился Багар.— Чего бы я не дал в молодости за возможность учиться!

— Я же сказал тебе, что сделал неудачный выбор,— ответил Коринта, и на лице у него появилось упрямое выражение.— Нет ничего хуже на свете, чем заниматься нелюбимым делом. Сам себе опротивеешь.

Но Багар качал головой.

— Не понимаю я этого. Не нравится один факультет, перейди на другой. Неужели тебе как коммунисту непонятно, что нам нужна своя социалистическая интеллигенция?

— А может быть, он охотнее стал бы к станку, на завод? — чуть насмешливо вставил Деймек.

Голубые глаза Коринты оживились.

— А отчего же нет? Был я пастухом, почему не поработать на производстве?

— Хочешь к нам, на текстильную? — спросил Деймек.

Коринта нахмурился, уставился на свои крепкие, выпуклые ногти и, словно прочтя ответ на их блестящей поверхности, сказал:

— Металл мне как-то больше сродни. Видно, потому, что отец у меня металлист. Ты не обижайся, товарищ Деймек.

Деймек пренебрежительно фыркнул.

— А чего мне обижаться? Что бы ты делал без нас, текстильщиков? Не было бы на тебе ни этой фланелевой рубашки, ни этих штанов. Бегал бы ты голый, как дикарь. Но я не обижаюсь. Можем устроить тебя на шарикоподшипниковый. Пусть там будет одним нашим человеком больше. На зло Росмусу и тамошним социал-демократам.

— Ну вот и решено дело! — весело заключил Коринта.

— Может быть,— с сомнением сказал Багар.— Но чем больше ты здесь протянешь, тем труднее тебе будет снова начать учиться.

— Мы постараемся поскорее перевести его от станка в контору,— сказал Деймек.

— Чтобы стало одним чиновником больше? — заметил Багар.

— Ну нет, товарищ Багар,— запротестовал Коринта.— Вот увидите, что я найду там для себя правильный путь. Организую там вместе с Союзом молодежи драмкружок и хор.

— Ах, вот чего ты хочешь! — Багар наконец понял, к чему клонит Коринта.

— Вот именно,— подтвердил тот.— Отец не пускал меня в театр и в консерваторию, так я проберусь туда окольным путем.

Зал тем временем наполнился. Над бумажными гирляндами под закопченным потолком зажглись разноцветные лампочки. Появились Клинек и Мареш с женами, супруги

Поставовы с Кветой и редкие гости в Поточной — садовник Зуна с дочерью Розой.

Пока семьи Поставы и Клинека здоровались с присутствующими, Зуна и Роза, оба смуглые, замкнутые, стояли в дверях и внимательно рассматривали зал, как вражескую территорию. Болгарин Ганев, рука которого была еще на перевязи после ножевой раны в порубском трактире, встретился глазами с Розой. Это был молодой гигант, лет под тридцать, но в его волнистых черных волосах уже поблескивала седина. Ганев сидел неподвижно, не в силах отвести взгляд от темных глаз Розы, которые словно приказывали ему: встань и подойди!

— Росмусовский садовник с дочерью,— сказал Деймек.— Они в первый раз показались на людях.

— Позовите их к нам, им негде сесть,— предложил Багар.

Клинек подошел к Зуне, пригласил его, и садовник с дочерью серьезно и церемонно поздоровались и заняли места.

— Ну что, Зуна,— обратился к садовнику Винценц Постава,— как у вас идут дела без Бузека? Теперь ты стал экономом вместо него?

— С-с-с,— произнес старик.— Зачем мне быть экономом? Я садовник. Хозяйством у нас управляет сама барыня.

— И не надоело тебе служить господам? — покачал головой Постава.— А еще говорят, что ты великий мастер своего дела.

— Говорят! Мастер я или не мастер? — воскликнул Зуна и оглядел присутствующих, словно отыскивая тех, кто осмелится сомневаться в этом.— Приходи поглядеть, увидишь, что умеет Зуна.

— МНК в Кадани ищет городского садовника,— сказал Багар и с любопытством посмотрел на Зуну.

— А я могу быть сам себе хозяином,— объявил тот, будто отказываясь от чего-то унизительного.

— Конечно, может,— неожиданно заговорила его дочь, не обращаясь ни к кому из сидящих за столом.— Почему бы и нет? Сколько раз в жизни он мог стать сам себе хозяином, если бы только не боялся. А пока он раскачается, никаких хозяев не останется и в помине.

— Срамница,— отозвался Зуна, тоже как бы обращаясь к кому-то отсутствующему.— Господь меня наказал такой дочерью.

Сидящие за столом переглянулись, а Роза продолжала,

по-прежнему обращаясь неизвестно к кому:

— Пора нам покинуть дом сей, обреченный на погибель.— Она весело улыбнулась и добавила: — Еще бы! Вот только не годится сегодня забывать то, что сказано вчера.

— Я сам решаю, что сделать и когда,— отозвался Зуна.— Я, и никто другой.

Постава вынул изо рта трубочку, поглядел на отца с дочерью и вслух выразил общее удивление:

— Ссоритесь вы или что, черт вас дери?

— Родители не узнают себя в детях своих,— ответил Зуна, ни на кого не глядя.— Какое она имеет право срамить меня перед людьми?!

Винценц Постава попыхтел трубочкой и сказал раздумчиво:

— Не скажу, что мне понравилось все, что она говорит, но ежели она к тебе пристает, чтобы ты ушел от Росмусов, то хочет тебе только добра.

— Сегодня добро, завтра неизвестно,— пророческим тоном сказал Зуна.

Музыка заиграла новый танец. Роза повернулась к Ганеву и в упор поглядела на него. Молодой болгарин густо покраснел, встал, подошел к ней и пробормотал что-то невнятное. Роза, казалось, помолодела на десять лет, а когда положила руку ему на плечо, ее улыбка стала девически нежной и обольстительной. Ганев выпростал раненую руку из черной перевязи и крепко обнял Розу за талию. Зуна поглядел им вслед.

— Бесстыдница! Только и думает об удовольствиях.

Из-за стола поднялись и пошли танцевать супруги Клинековы, Коринта поклонился Квете. Багар вопросительно взглянул на Здену, но она слегка покачала головой. Тогда он обратился к Зуне:

— Можете вы мне ответить на вопрос?

И хотя Зуна так неопределенно качнул головой, что это могло означать и согласие и отказ, Багар продолжал:

— В тот вечер, когда погиб Бузек, приезжал к Росмусам бывший вахмистр Яноух?

Зуна искоса поглядел на Багара, молча пожевал губами и сказал:

— Разве вам мало того, что разузнал молодой полицейский?

— У нас сейчас нет полицейских, пан Зуна,— сказал Багар с легким упреком.— Меня интересует, почему вы считаете, что дом Росмусов обречен на погибель.

— Это дом без любви, дом жадности и распутства,—

ответил садовник, не сводя глаз с дочери и Ганева в толпе танцующих.

— Видите? — спросил он, словно забыв, о чем шла речь, и голос его прозвучал мрачно, как голос человека, заглянувшего в пучину стыда и унижения.— Она бесстыдна. Иногда я спрашиваю себя, моя ли это дочь.

Багар поглядел на Здену, поймал ее улыбку и сказал успокоительно:

— Это вы из-за того, что она танцует? А почему вы против такого невинного развлечения? Молодежь любит танцевать.

— С-с-с,— презрительно засвистел Зуна.— Ей уже тридцать пять лет.

— Тем более у нее есть право на личную жизнь.

— У нее есть право! А у меня? Любой парень с улицы ей дороже родного отца.

Танец кончился с последним всхлипом саксофона, танцующие, аплодируя, возвращались на свои места. Роза села рядом с Багаром. Она разрумянилась и помолодела, как бы опровергая слова отца о ее возрасте. Зуна молча с неприязнью глядел на нее, но она, не обращая на него внимания, чуть заметно улыбалась, словно эта улыбка была у нее не на лице, а таилась где-то в глубине. Она протянула руку к кружке с пивом, но лишь слегка пригубила его. Ганев напряженно глядел на Розу, но она, казалось, забыла о нем и думала о чем-то далеком, не имеющем отношения к окружающему. Багар подумал, что в ней, видимо, много скрытых, нерастраченных сил и чувств, которые, быть может, понапрасну подавлены, но они пробиваются снова и снова и тщетно ищут правильного применения. Наклонившись к Розе, он сказал:

— Вам, видно, редко приходится развлекаться.

— Я не ищу развлечений,— строго ответила она, словно и не танцевала только что в объятиях партнера. Ее ответ озадачил Багара, он подумал, что Розе не чужды странности отца, и в то же время ему показалось, что в ее словах есть намек на какую-то другую, высшую правду, о которой лучше не говорить. Это был как бы крик души одинокой женщины, чьи годы уходят без замужества, без материнства. Багару стало жаль Розу, и он несколько неуверенно попытался продолжить с ней разговор, начатый с ее чудаковатым отцом.

— Я расспрашивал вашего отца,— начал он медленно и как-то смущенно,— о том вечере, когда разбился Бузек.

Не поворачиваясь к Багару, Роза ответила вопросом на вопрос:

— Что же он вам сказал?

Не успел Багар ответить, как она добавила:

— Да и что он может сказать? Он ведь ничего не знает. Разве выдумает что-нибудь, чтобы его слушали.

— Дерзкая,— сказал садовник, ни к кому не обращаясь.— Дерзкая и злая.

А Роза наклонилась к Багару и шепнула ему:

— Только не здесь. Тут слишком много ушей. Выходите с женой в садик, я приду к вам.

Опять раздались вступительные такты танца, и Роза, отвернувшись от Багара, взглянула на Ганева. Молодой болгарин вскочил, как подброшенный пружиной, и подошел к Розе.

Пары быстро заполнили середину зала, стало тесно, танцующие топтались на месте, казалось, что двигаться можно, только подталкивая тех, кто был впереди. Багар заметил среди танцующих Яна Коринту с Кветой и обратил внимание на Винценца Поставу, который мрачно смотрел на них.

Потом старик неторопливо вытряхнул пепел из трубки, взял за локоть свою упирающуюся жену и повел ее в круг танцующих. От эстрады, где сидели музыканты, неуверенным шагом приплелся Фриц Клаузе и остановился перед Пальме. Марихен зарделась и опустила голову, но отец взял ее под руку и что-то прошептал на ухо, заставив принять приглашение.

Серп месяца висел над северо-западным гребнем гор, скосив далеко вокруг себя ромашки звезд. Синяя ночь была пропитана раствором лунного света. Легкие ветерки шептались и шелестели в цветах и распускающейся листве. Ночь то дышала теплом, то вдруг вздрагивала от холода, в ней бродили ароматы, пьянящие, хотя и едва уловимые, запахи яблонь и сирени, молодой травы, листьев и каких-то горных цветов.

Багар и Здена сели около одного из круглых садовых столиков, перевернутого и поставленного на два стула. Цветущие яблони высились над своими тенями, и каждая будто светилась собственным светом. Багар и Здена сидели, прижавшись друг к другу и взявшись за руки, как дети, возвращающиеся ночью домой. Так хорошо было опять оказаться в Поточной, где зародилась их любовь, и дышать бодрящим горным воздухом. Багару казалось, что время остановилось в своем беге и перекатывается в его сердце

неторопливыми, спокойными волнами. Эти волны как бы поднимались из прошлого, сверкая, вздымались на вершину настоящего и катились к далекому, но отчетливо различимому берегу, где, как видение, порожденное лунным светом и игрой теней, рисовалось все, о чем он мечтал.

— Здена, я все думаю об этом.

Она ответила ему пожатием руки.

— Жил я по-разному, сложно и всегда беспокойно, но мне было дано одно счастье: я рано понял, к чему стремлюсь. Большое ли это счастье? По-моему, да. Многие даже в минуту смерти не знают, чего они, собственно, хотели от жизни и что сами должны были дать людям. А я совсем молодым парнем выбрал себе дорогу и никогда об этом не жалел. Всегда я считал, что жизнь дает мне больше, чем приходится на одного человека. Если ты в партии, иначе и быть не может. Боялся я только двух вещей: не справиться с порученным мне делом... и момента, когда я не смогу идти вперед. Я знал, что я не одинок, что бок о бок со мной и вслед за мной идут другие. Но теперь... Не знаю, понимаешь ли ты меня? Мне кажется, что это страшно эгоистично, но, может быть, это просто по-человечески...

Он слышал, как Здена глубоко вздохнула у его плеча и тихо засмеялась. Багар ждал ее ответа, но она прислонилась к нему головой и молчала. Едва слышная музыка доносилась из открытого окна, словно очень издалека, и казалась просто частью этой ночи. Потом звуки оборвались, и вскоре в кругу света у бокового входа появилась женская фигура и медленно направилась к ним. Это была Роза Зунова в светлом летнем пальто, наброшенном на плечи.

— Сидите тут, как влюбленные,— сказала она, подходя.

— А разве муж и жена не могут быть влюбленными? — засмеялась Здена.

— Не знаю, у меня в этом нет опыта,— ответила Роза упавшим голосом.— Обычно бывает иначе.

— Садитесь, пожалуйста,— пригласил Багар.— И если вы не против, давайте еще поговорим о том вечере, когда эконом Бузек упал с мотоцикла.

Роза села, закуталась в пальто и взглянула на луну. Она выглядела молодо, казалось, веселый вихрь танцев смыл с ее лица следы одиноких безрадостных лет.

Багар дал ей время подумать. Они слышали, как она несколько раз глубоко вздохнула, словно не могла нады-

шаться свежим благоуханным воздухом. Наконец она заговорила, не сводя глаз с луны.

— А что вы хотите знать? Этот молодой поручик КНБ Календа долго меня допрашивал.

— И вы ему все сказали? — осторожно спросил Багар.

— Я ответила на все его вопросы.

— Но, может быть, он спросил вас не обо всем, о чем должен был спросить,— задумчиво сказал Багар.— Он, например, не знал, что показалось вам необычным в этот вечер, хотя ему это могло быть интересно.

— Не хочу я ни с чем связываться,— ответила Роза недовольно.— Адвокаты и судьи все еще на их стороне и бог весть куда могут упечь человека.

— А вам все-таки в тот вечер что-нибудь у них не понравилось? — Багар попытался начать с другой стороны.

— Они мне никогда не нравились, так что же мне могло понравиться тогда? — ответила Роза.— Раньше они все развлекались и чванились, я для них была пустым местом. А теперь они шушукаются, как заговорщики, а когда я вхожу, замолкают и переглядываются.

«Интересно,— подумал Багар.— Это, по крайней мере, показывает, как им сейчас живется». И тем не менее ему казалось, что Роза все время уклоняется от ответов и отводит его внимание от главного. Багара вдруг охватило отвращение к расспросам. «Зачем я, собственно, взялся не за свое дело, пусть этим занимается Календа, а я скорее напорчу, чем помогу ему».

— Я понимаю, вам нелегко там живется,— сказал он так холодно, что и Здена с удивлением подняла на него взгляд.— Но ведь никто не мешает вам уйти от них. А их адвокатов и судей не бойтесь, они в конце концов сами запутаются в своем крючкотворстве и запутают своих хозяев.

И Багар сделал движение, чтобы встать. Но Роза испуганно обернулась к нему.

— Вы еще не сказали, что хотели у меня узнать.

— Не обижайтесь,— ответил он, делая ставку на полную откровенность.— Но мне кажется, что у вас нет охоты говорить.

Неподвижность и замкнутость Розы сразу исчезли, она наклонилась к Багарам и взяла их обоих за руки.

— Пожалуйста, не надо... не уходите. Я не хотела вас обидеть. Но вы сами видели, какой у меня отец; рядом с ним и я начинаю чудить. Я вам все расскажу, вот только не

знаю, что вам нужно и смогу ли я сообщить вам что-нибудь действительно полезное.

Здена ободряюще погладила ее по обнаженной руке, выставленной из-под пальто.

— Мы не напрашиваемся на ваше доверие и не хотим, чтобы вы думали, будто мы занимаемся слежкой. Но произошло серьезное событие, многие считают, что смерть Бузека — это не просто несчастный случай. А ведь Бузек жил возле вас. Мы полагали, что, быть может, он иногда откровенничал с вами.

Роза покачала головой.

— Мы не любили его, а он нас. У него были какие-то темные дела, и он не хотел, чтобы о них знали другие. Мне даже не известно, что он делал для себя, а что для Росмусов.

— В ту ночь, когда свалился с мотоцикла Бузек, разбил свою машину и бывший вахмистр Яноух,— сказала Здена.— Это случилось по дороге от вас, недалеко отсюда.

— Может быть, он был пьян, а может быть, очень хитер,— нервно сказала Роза.— Не мое дело решать, я не хочу накликать на человека беду.

— А как себя вел Яноух вообще в тот вечер? — спросил Багар, чувствуя, что они наконец добираются до сути дела.

Роза начала рассказывать. Она говорила отрывисто, будто с трудом собирая воспоминания. Лицо ее было обращено к серпу месяца, низко висевшему над горами. Ее рассказ походил на рассыпавшуюся мозаику, она складывала картину того тревожного вечера; некоторые кусочки налезали друг на друга, другие никак не удавалось приладить на свои места, а иные, казалось, были совсем потеряны. Пробелы оставались там, где должны были вырисовываться отчетливые контуры и связующие линии. Но, несмотря на эту неполноту, Здена и ее муж ощутили настроение этого удивительного общества, собравшегося в тот вечер у Росмусов и столь чуждого Багарам, словно это были обитатели далекой планеты,— своеобразное настроение, исполненное напряженного выжидания, скрытых опасений, а быть может, и страха, замаскированного легкой салонной болтовней, которая обрывалась, как только входила Роза, но иной раз обрывалась не сразу и не совсем.

Из того, что рассказала Роза, стало ясно, что Росмусы не рассчитывали на возвращение Бузека,— Роза не понимала почему,— но приезд Яноуха их неприятно удивил и даже обеспокоил. Роза считала, что они относятся к Яноуху пренебрежительно и скорее терпят, чем ищут его обще-

ства. Для них он был немногим лучше Бузека, и если, несмотря на это, они с ним все же иногда общаются, то, видно, потому, что он им зачем-то нужен. От отца Роза узнала, что, подъехав к решетчатым воротам парка, в ту пору уже запертым, Яноух настойчиво и беспокойно сигналил, как будто его преследовали по пятам, и злобно накинулся на старого Зуну за то, что тот долго копается и не идет отворить. Несомненно, что садовник, который не давал себя в обиду, ответил ему в тон. И Роза, выйдя на террасу поглядеть, что это за поздний гость, увидела, как она сейчас рассказывала, Яноуха.

— Он был бледен как мел, и когда спросил меня, дома ли пан Росмус, то глядел куда-то мне под ноги и хрипел, словно ему не хватало воздуха.

Багар наклонился к ней и спросил взволнованно:

— Что он рассказывал о собрании в Порубах и о Бузеке?

Но Роза могла передать лишь беспорядочные обрывки разговоров у камина, которые она слышала, входя и выходя из комнаты. Едва она появлялась, чтобы принести или унести что-нибудь, все умолкали и ждали, пока она уйдет в буфетную или в кухню. А хозяйка прямо-таки гнала ее взглядом вон. Роза все-таки уловила, что Яноуха расспрашивали о Бузеке, но он уверял, что понятия не имеет о том, каким путем поехал домой росмусовский эконом... А потом Яноух раздавил рюмку с коньяком, пузатую,— их нарочно делают такими, чтобы они согревались, когда их держат в руках, потому что при этом напиток лучше обнаруживает свой скрытый букет.

— Раздавил рюмку? — удивился Багар.

— Раздавил,— повторила Роза.— И глядел в это время на дверь, словно ждал самого черта. Никто этого не заметил, все интересовались, кто же приехал. Думали, вероятно, что это Бузек, а это оказался доктор Марков. Разбитую рюмку заметила только я и советник Зима. За его дочкой бегают наш хозяин и молодой Пюхлер. Советник Зима поднял осколок и сказал хозяйке, что он уронил и разбил рюмку. Но у Яноуха рука была обмотана платком.

— Стало быть,— сказал Багар, обращаясь к самому себе,— Зима раскусил Яноуха и по каким-то причинам покрыл его.

Роза пожала плечами. Она только рассказывала о виденном и не хотела делать никаких выводов.

— Посмотрели бы вы,— продолжала она, глядя вверх, на луну,— как они умеют прикидываться и разыгрывать

комедию. Марков привез весть о том, что сталось с Бузеком, а они хоть бы что, только глаза у них стали такие настороженные. А сами делали вид, что им не интересно. «Выпейте, пожалуйста, за ваше здоровье. Вам, наверное, приятно будет выпить после такой неприятной работы». Ну, Марков выпил и начал болтать, пока его не остановил советник Зима. Марков сказал, что Бузек едва ли сам свалился под откос, больше похоже, что его кто-то сбил, хоть и нет никаких улик. Но если бы его даже сбила автомашина, то на ней осталась бы только еле заметная вмятина, как на той машине, что стоит сейчас перед домом. Тут-то советник и накинулся на него: из-за таких разговоров, мол, может попасть в беду ни в чем не повинный человек вроде вот пана Яноуха, который вообще-то приехал не через Меденец, а через Кадань и Клаштерец.

— Советник Зима приехал вместе с Яноухом? — быстро спросил Багар.

— Советник Зима с обеда носу не высунул из дому. Насчет Яноуха он выдумал тут же, не сходя с места.

— А чья же это была машина перед домом?

— Чья? Яноуха! Я пошла поглядеть и вижу, что на правом крыле и в самом деле такая вмятина, как бывает, когда машина наедет где-нибудь на забор.

«Наверное, он ударил этим крылом в багажник мотоцикла»,— подумал Багар, но оставил эту догадку про себя.

— Что вы об этом подумали? — спросил он.

Роза, которая до этой минуты говорила, словно исповедуясь месяцу на небе, вдруг вздрогнула, встала и сказала недовольно:

— Я вам рассказала, что видела и слышала. В награду за это меня, наверное, будут с утра до вечера таскать в полицию да по судам.

Багар даже не пошевелился, чтобы задержать ее, сказал только:

— Не будут, я приму меры, чтобы этого не случилось. Календа получает от вас ценные сведения, но пусть управляется с ними сам и ищет других путей.

— Знал бы отец, что я вам рассказала, он бы меня избил.

— А он бьет вас? — удивилась Здена.

Роза засмеялась, словно не желая выдавать маленькую семейную тайну, смешную и в общем пустяковую.

— Иногда пытается,— ответила она тоном взрослого человека, сознающего свое превосходство над неразумным стариком.— Думает, что мне все еще девять лет.

— Вам, видно, нелегко с ним,— сдержанно сказал Багар.

— Он считает меня школьницей. Но я ему объясню, что к чему. До свиданья!

— Еще минутку,— задержал ее Багар, хотя видел, как неодолимо манит Розу музыка, снова зазвучавшая из зала.— Вы упомянули о темных делах Бузека. Знаете вы, что имение Врш тайком выменивало коров в животноводческом кооперативе?

— Не знаю, ничего не знаю,— быстро ответила Роза.— Не понимаете вы разве, что я ем их хлеб? Я кажусь себе предательницей.

Багар глубоко вздохнул, удивленный этими словами.

— Не их хлеб, а свой. Вы его зарабатываете своим трудом, который продаете им. Попробуйте уйти от них — и увидите, как туго им придется без вас. Кстати говоря, почему вы до сих пор не ушли?

Роза вновь посмотрела на серп месяца, который уже сполз совсем низко и висел над самой горой, посеребренной только на макушке его светом. Глядя туда, Роза словно искала там подтверждения правоты Багара.

— Не могу я бросить отца,— ответила она наконец.— Каждый день он грозится уйти, но все это только слова. Такой уж он у меня. Всю жизнь мечтает стать на собственные ноги и никак не решается.

Роза вздрогнула и запахнула свое светлое пальто. Казалось, она сейчас уйдет, не сказав больше ни слова, и Багар знал, что не стоит ее задерживать. Здена тоже зябко поежилась под пальто: воздух быстро охлаждался, и трава у них под ногами покрылась росой.

— Росмусы постоянно меняют скот,— сказала Роза.— А откуда он берется и куда девается, я не знаю. Бузек спекулировал маслом, это мне известно наверное. Я не раз заставала его, когда он накладывал Смоле полную почтальонскую сумку четвертушками масла. Он даже пытался за мною ухаживать, видно, затем чтобы я молчала, этакий старый сморкач. А один раз хозяйка мне сказала: «Роза, ваше место в доме. Вы здесь ничего не видели». Поддакивать ей я не стала, повернулась и пошла прочь. Пусть, думаю, не знает, чего от меня можно ожидать. Это ей будет полезно. Ну, а теперь я пойду. Покойной ночи!

Она зашагала, не шевеля плечами, твердой, почти мужской походкой. Горный ветер с перевала развевал ее светлое пальто. Странная женщина. Были в ней горечь и жажда жизни, была сила, которую она не умела правиль-

но применить, были твердость и неудовлетворенная потребность в ласке.

Багары переглянулись и прочли в глазах друг у друга общие мысли. Оба были несколько смущены, а может быть, сочувствовали Розе.

— Она полна сил,— сказал Багар.— Но кому она отдает их! А нам так нужны люди!

— Не бойся за нее. Она ненавидит господ и служит им только потому, что не может совладать с отцом. Но это ненадолго.

— Мне вспомнились анонимные письма, о которых говорил Календа.

Здена отрицательно покачала головой.

— Это не Роза,— уверенно сказала она.— Ручаюсь, что у нее другой склад характера. Если нужно отогнать навязчивые мысли, она берется за работу, да так, чтобы кости трещали.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели на серп луны, который неотвратимо исчезал за горным хребтом, оставляя после себя лишь угасающий отблеск, а звезды, прежде померкшие в его свете, ярче засверкали на потемневшем небе.

Здесь, под этими горными склонами, в их тени, среди благоухающих сосен, Багар и Здена когда-то поняли, как они близки друг другу. И здесь они больше всего чувствуют себя дома. Сейчас им удалось, хоть недолго, но спокойно посидеть вместе. Они наслаждались этой минутой, им так не хотелось прерывать или сокращать ее, хотя холод теперь веял не только с лесистых горных склонов, но поднимался и к ногам от сырой травы. На короткую, мимолетную, бесконечно прекрасную минуту жизнь разрешала им остановиться и побыть только вдвоем. И все же и сейчас их мысли были заняты хлопотливыми трудовыми днями, людьми, чью новую судьбу определяла вчерашняя, уже завершившаяся, и завтрашняя, еще полная волнений, борьба. Как хорошо жить, когда любовь воедино слита с трудом, когда она дает тебе силы и бодрость, а не грызет как червь.

— Помнишь, как ты спал в ратуше, а я тебя за это отчитывала? — спросила Здена и, прижавшись головой к плечу Багара, заглянула ему в лицо, слабо освещенное отблеском света из окон гостиницы.

Багар едва заметно кивнул и улыбнулся, словно к нему кто-то подошел.

— Иногда мне кажется, что я могу вспомнить каждый отдельный день после твоего приезда.

— Из тебя вышел бы довольно дотошный свидетель,— засмеялась она, и в ее словах Багару послышался отголосок событий и разговоров минувшего дня. Здена продолжала: — Каково-то живется Брендлам в нашем домике? Знаешь, теперь я хотела бы вернуться туда. Как ты думаешь, у них тоже, может быть...

Она не договорила и вздрогнула. Но Багар понял, что она имеет в виду.

— Почему же нет? — сказал он, вставая и беря жену под руку.— Юлия еще молода, а Брендл, хоть он такой худой с виду, здоровый человек. А теперь пойдем поскорей отсюда, а то ты простудишься. Я виноват, что позволил тебе так долго сидеть здесь.

Воздух в зале был тяжелый, спертый, и в нем крутились пыль и дым от множества сигарет и темных прокуренных трубок. Здена побледнела, и мать бросила на нее тревожный взгляд.

— А где вы оставили Розу? — неприязненно спросил Зуна, словно Багары были ответственны за безупречное поведение его тридцатипятилетней дочери. Но они могли лишь сказать ему, что видели, как она возвращается в гостиницу; однако ни за столиками, ни среди танцующих ее не было. Ганева тоже нигде не было.

Беспокойство Зуны перерастало в ярость. Он поднимал свои мохнатые брови, шипел, как перегретый котел, из которого вырывается пар, и ругался.

— Бесстыдница, шлюха! Я ее проучу ремнем! — воскликнул он.

— Дал бы ему кто-нибудь по шее,— возмущенно сказала Мария.— Если бы не он, Роза давно была бы замужем.

Но сидевшие за столом только посмеивались и дразнили Зуну крепкими шуточками, пока он не расплатился и не выскочил из зала.

В зале вообще что-то изменилось: танцующих стало меньше, хотя было еще не поздно. Багару показалось, что, пока шла потеха над Зуной, откуда-то, сквозь остервенелое бренчанье рояля, лай саксофона, стук ударных инструментов и шарканье ног, доносится пение.

И вот едва замолкла музыка и публика расселась за столиками, из буфета послышался топот и в зал гуськом вошли десять парней во главе с Яном Коринтой. Они направились к эстраде и стали там полукругом. Последним шел, улыбаясь и смущенно глядя сквозь толстые стекла очков, Фриц Клаузе с гармоникой на груди. Все парни были без пиджаков, в рубашках с расстегнутым воротом.

Публика в зале смолкла и с любопытством ждала, что будет дальше. Ян Коринта подошел к музыкантам.

— Прошу туш.

Саксофон, рояль и ударные воспроизвели подобие торжественного марша. Когда замолк чуть опоздавший саксофон, Коринта обратился к собравшимся, которые мысленно задавались вопросом, что еще такое затеяли эти молодые разбойники. Кадык на его длинной смуглой шее несколько раз скакнул вверх и вниз — Коринта готовился говорить.

— Граждане, гражданки и товарищи,— начал он густым и, как ни странно, чуть дрожащим голосом.— Вы, может быть, и не понимаете, какой у нас сейчас особенный и торжественный момент. По крайней мере, для вот этих парней, что тут стоят, а со временем вы поймете, что и для всех вас, жителей Поточной и Долинки. Мы только что организовали при нашем Союзе молодежи молодежный хоровой коллектив «Искра». В коллектив вошли ребята с шарикоподшипникового завода, с текстильной фабрики и двое товарищей земледельцев из Долинки. Почему мы назвали себя «Искрой»? Потому что хотим, чтобы из этой искры разгорелось пламя энтузиазма у всей молодежи Поточной. Пламя энтузиазма и твердой решимости выполнить нашу общую задачу — создать новое Пограничье, новую, более прекрасную родину. Мы намерены показать, что хотим и можем не только научиться хорошо петь. А сейчас мы споем вам несколько песен, которые мы наспех разучили. Может быть, петь мы будем хуже, чем хотелось бы и вам и нам, но учтите, что мы только еще начинаем.

Из оркестра передали стул для Фрица. Он уселся, расставив ноги, то и дело поправляя гармонику на груди и мигая водянистыми голубыми глазами за толстыми стеклами очков. Парни вокруг Коринты стояли с таким видом, как будто все это к ним не относится: напряженно улыбались, уставившись куда-то в пространство, подмигивали знакомым у столиков — вот смотрите, какая потеха! — или пристально глядели в потолок. Во время речи Коринты за столиками слышались замечания по адресу дебютантов.

— Гляди-ка, мама, это наш Карел.

Или:

— Ого, Ферда Душек тоже там! И зачем он туда сунулся со своим козлетоном?

И даже:

— Запоют так, что затыкайте уши!

Когда Коринта кончил говорить, раздались аплодисмен-

ты, но жидкие и разрозненные, словно всплеск воды, вылитой на землю. Только за столом, где сидели Багар и Здена, хлопали энергичнее. Но в общем все это было не очень-то ободряюще. Здена наклонилась к Багару и сказала восхищенно:

— Молодчина Коринта, не теряет времени!

— Не слишком ли они поторопились? — озабоченным шепотом ответил Багар.— Если они сегодня провалятся, не скоро удастся наладить что-нибудь в этом роде.

— А почему они не пригласили девушек? — обиженно спросила Квета Поставова.— Смотри-ка, Иржина, Богоуш тоже с ними. А нам не сказал ни слова.

Иржина усмехнулась, словно знала, в чем дело, а старый Постава заметил рассудительно:

— Вы лучше не ввязывайтесь. Для начала их достаточно, а из-за вас они, чего доброго, перессорятся, не успев как следует начать дело.

Квета пренебрежительно сморщила нос, а ее мать высказала владевшее всеми опасение за успех этого первого молодежного начинания.

— Девочки, если у них ничего не выйдет, я убегу!

Но Ян Коринта повернулся к своему хору, поднял руки, повел плечами и запел уверенно и звучно:

Полюшко, поле...

Хор не сводил глаз со своего запевалы, и голоса ребят почти не дрожали: им помогала гармоника Фрица и звучный бас Коринты. Голоса разного тембра, оттенка и силы слились в один голос, сильный и темпераментный, как и сама песня; быстро нарастающее чувство общности слило и самих молодых певцов в единое целое. Люди в зале затихли, заслушавшись, в глазах у них появилась грусть воспоминаний, а в сердцах снова ожили те дни, когда, два года назад, через эти горы перевалили танки с русскими воинами. Горячая любовь к этим людям вновь проснулась и ярко вспыхнула в сердцах присутствующих. Мужчины уставились в одну точку, женщины покраснели, и по щекам у них покатились слезы. «Вот,— думали чехи,— друзья оставили нам песню, и она живет в устах наших парней. Что еще они нам всем оставили, что живо во всех нас?..» Люди задумались над прошлым и настоящим, песня словно вела их, указывала путь, освещала его повороты.

Такова была сила этой песни, что она выманила из буфета даже Рейзека, который давно уже утратил интерес ко всему, кроме своей торговли. За ним, подобно тени,

появилась старая Грета, худая как скелет, в черном платье и платке, с глубоко запавшими, горящими глазами.

Песня затихала, угасая, она словно уходила далеко-далеко, куда вернулись те, кто принес ее на победоносных танках. Она отзвучала, а слушатели все еще сидели молча, как будто слышали последние ноты. Потом разразилась буря восторга. Люди рукоплескали, топали ногами, кричали, в радости оборачивались друг к другу:

— Ну, что, разве мы не говорили? Не молодцы ли наши ребята? Повторить, повторить!

А ребята стояли сомкнутым полукругом, плечом к плечу, красные от волнения, переполненные радостью от песни и своего успеха. Они не кланялись, не кланялся и Ян Коринта, все они стояли навытяжку, как солдаты. Когда буря оваций немного утихла, Коринта повернулся к хору, поднял руки, выждал немного, повел плечами и опять запел:

Никто не знает Домажлице,
Никто не знает город Таус...

Когда хор начал «Шел в Путиме я в ворота...», Здена вдруг сильно побледнела и встала. Багар испуганно взглянул на нее и хотел тоже встать, но Юлия Брендлова, сидевшая рядом с ней, задержала его и сама поспешила вслед за Зденой.

Они стояли рядом, под высоким небом, осыпанным сверкающими звездами, которые искрились так, словно по ним били незримыми молотами. Майская ночь была полна ароматов.

— У тебя будет?..— мягко спросила Юлия.

— Да,— прошептала Здена.

— У нас тоже,— тихо сказала Юлия каким-то необычным для нее девическим голосом.

— Юлия! — воскликнула Здена и обняла подругу.— Я так и думала, только не хотела спрашивать.

В зале молодые звонкие голоса грянули «Партизанскую».

— Не кажется ли тебе, что этой песней они приветствуют наших будущих детей? — мечтательно спросила Юлия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Весна того года на равнинах быстро сгорела в жарких по-летнему днях, под неизменно голубым небом, из глубин которого лишь изредка появлялось круглое облачко и опять

исчезало как олицетворение призрачной надежды. Но здесь, в предгорьях и на склонах гор, весна держалась, как обычно. Ей помогали росистые ночи, ее освежали пролетавшие ветерки, поили живительные струи быстрых вод, скрытых в высоких травах и журчащих наперебой с пением жаворонков.

Теряя почву под ногами в долинах, весна закрепилась в горах и давала последний бой на таких высотах, где даже дикая черешня не в силах вырасти в дерево с блестящим смолистым стволом и превращается в раскидистый куст. И когда весна, казалось, потерпела уже окончательное поражение и пожелтевшие завязи плодов затерялись в потемневших листьях, отцветшие лепестки с фруктовых деревьев, развеянные по плато и нагорьям, как будто вдруг воскресли к новой жизни: горные луга зацвели, и их длинные полосы, то темно-зеленые, то серебристо-серые, запестрели всеми красками.

Это было прекрасно, как в сказке: сочные зеленые склоны и плоскогорья, травы, колеблемые ветерком, яркие цветы, покачивающие головками под ослепительно синим — что ни день — небом, без единого облачка, словно природа праздновала какой-то бесконечный праздник. Чудесная погода! И все же сердца людей при взгляде на эту картину наполнялись тревогой. Сегодня так же ясно, как вчера, и завтра будет то же, порукой тому чуть затуманенные вершины на том берегу реки и ночь, сверкающая звездами. В этой сплошной веренице погожих дней таится злая угроза. На дорогах металась пыль, ветер то затихал, то налетал короткими, стремительными порывами, резко меняя направление. А иногда наоборот: пыль, поднятая проехавшими возами, висела облаком над дорогой, не рассеиваясь и не оседая в неподвижном воздухе...

Нивы выглядели неплохо. «Урожай еще может поправиться,— говорили люди, и не только земледельцы, проходя полями.— Только бы дождичка». Посевы взошли, но быстро теряли свежесть и начали преждевременно колоситься. Стебли не росли, а все больше желтели снизу; в земле, иссушенной солнцем и ветром, не приносящим влаги, ширилась сеть мелких трещин, которые все углублялись. Пустые колосья, поникнув, свисали с хилых стеблей.

Но еще не все было потеряно, нет! Взоры людей с новой надеждой обращались к каждому облачку, как только оно появлялось над горным перевалом и начинало расти. Вот оно увеличивается, вот поднимается, одинокое и сиротливое, вместо того чтобы опуститься и набухнуть... И люди

уныло глядят ему вслед, видя, что облако уплывает куда-то вдаль, уменьшаясь и превращаясь в белого барашка, бредущего по необъятным выгонам неба и бесследно пропадающего в них. Иногда все-таки горная весна, выжав последние остатки влаги из лесов и лугов, сгущала туман, который вскоре поднимался, и легкий, моросящий дождик, сверкающий под солнцем, которого он почти не омрачал, проливался где-нибудь в Пограничье.

— Начинается,— говорили люди.— Одну бы дождливую неделю — и все спасено.

Какая там неделя! Дождик проходил через несколько минут. Только прибьет на час или на два дорожную пыль, только чуть блеснут капли на траве и листьях. Все равно что человеку в горячке, мучимому жаждой, провести влажной тряпочкой по губам.

Вопреки всему горные луга пышно расцвели и обещали богатый сенокос, хотя ручейки, которые их бороздили, больше не пели и не шумели, а лишь чуть слышно журчали. В эти дни, когда весна быстро переходила в лето и жара стирала рубеж между ними, новые заботы легли на плечи Багара. Свой трудовой день он начинал еще до шести утра, а заканчивал обычно за полночь. Утренние часы, когда за открытым окном наперебой пели птицы, а по домику тихо ходила Здена, смывали с Багара вчерашнюю усталость и придавали ему свежие силы. Он прочитывал и сортировал корреспонденцию и резолюции различных собраний, подготовляя себе все, на что уже не останется времени с той минуты, когда он войдет к себе в кабинет и на него обрушится поток посетителей.

Багару иногда казалось, что он не справляется со своей работой, что у него просто не хватает сил. Иной раз события и запутанные дела, как по уговору, сыпались на него со всех сторон, словно кто-то продуманно вел генеральное наступление и внезапными нападениями одновременно в нескольких местах прощупывал противника, разведывая его слабые места. По Пограничью ползли всякие слухи и кривотолки, сея среди поселенцев новые колебания и неуверенность. «Вам дали грамоты на владение участком и домиком? Все это только хитрая игра коммунистов, которым нужна ваша поддержка. Вот погодите, они придут к власти, посмотрим тогда, что они вам оставят. Все эти грамоты просто клочки бумаги, можете выкинуть их в уборную».

Чьи, например, старания привели к тому, что в Доуповском районе начинают пустеть с таким трудом заселенные

деревни, а переселенцы тянутся оттуда в Подборжанский район, на равнину, в места, где возделывают хмель и где нет никакой нужды в новоселах? Ведь им придется бедствовать на скудных, никому не приглянувшихся участках. Кто ходит по селениям и запугивает людей, уверяя, что бригады добровольцев, которые приедут из центральных районов помогать Пограничью на сенокосе, будут работать где-то у крестьян Полабского или Градецкого края, а здешние хозяева останутся ни с чем и еще наплачутся, когда зимой скот у них будет дохнуть с голоду? Травы столько, что, как ни вертись, нигде не найдешь людей, чтобы убрать ее всю, и все равно, может быть,— правда, не в таких размерах, как в прошлом году,— много лугов увянет, померзнет и пропадет зря. Тревожные мысли обо всем этом засели в головах людей. Куда ни приедешь, всюду сталкиваешься с такими настроениями. А с какой целью все это делается? Чтобы люди чувствовали себя на отшибе, чтобы постоянно были готовы собрать свои пожитки и вернуться на старые места, где они жили, нуждаясь, чтобы не верили, будто добровольные бригады действительно несут им помощь, принимали ее с недоверием и своим недружелюбием, насмешками, недоброжелательством отбивали охоту помогать переселенцам.

Повсюду чувствуется невидимая упорная подрывная работа, словно крот роется под землей. А цель ее одна — морально разложить граждан, внушить им единственную мысль: все эти новшества ни к чему, лучше вернуться к прежним порядкам. Прежде, быть может, не всякому жилось хорошо, но все-таки можно было жить. А до чего нас доведут коммунисты, еще не известно. Повсюду видишь, как стараются привить эту мысль людям, утвердить ее в их сознании. Кто, например, побудил переселенцев в Падове основать кооператив, несмотря на то что районный национальный комитет и районный секретариат коммунистической партии предостерегали их от этого? Дело началось с взаимопомощи в трудный момент, когда казалось, что в одиночку никто не справится со своим хозяйством. Но кто потом подбивал людей обобществлять все дальше и дальше, пока, наконец, дело не кончилось ссорами и развалом кооператива, так что больше половины переселенцев покинуло Падов, вернулось в глубь страны или рассеялось по другим районам Пограничья? А кто теперь ходит и нашептывает людям: «Вот до чего довели большевистские выдумки! Так будет со всяким, кто прельстится посулами коммунистов!»?

Все эти козни против народа и партии, которая его вела, Багар воспринимал как направленные лично против него. Он знал, что враг ведет широкое наступление, что он, Багар, на своем участке должен противостоять этому наступлению и бороться за собственную жизнь — победить или умереть. Партия воспитала его, и можно сказать, что благодаря ей он вырос и созрел. Партия вооружила его учением о величайшей человечности и любовью к людям, руководить которыми ему было доверено, сделала неумолимым в борьбе с жестокими эксплуататорами. О его работе партия будет судить по тому, скольким людям он откроет глаза на правду и вовлечет в общую борьбу.

Здена застала Багара у стола. Он стоял над сложенными бумагами и письмами, допивая чай, и читал какое-то послание, а потом замер на минуту, глядя с отсутствующим видом поверх письма в открытое окно, словно пытаясь увидеть то, о чем только что прочел.

— Что-нибудь важное, Ирка?

Она подошла убрать со стола после завтрака. Багар вышел из состояния задумчивости, поставил чашку на стол и сунул письмо в плотный синий конверт.

Краевой национальный комитет доводил до сведения Каданьского районного национального комитета, что, по согласованию с министерством здравоохранения, он удовлетворил ходатайство доктора Маркова и дает согласие на устройство частного санатория в особняке, принадлежавшем ранее шарикоподшипниковому заводу. Одновременно краевой комитет уведомляет об этом решении местный национальный комитет в Поточной и предлагает ему в общественных интересах оказать всяческое содействие организатору санатория. Решение окончательное. За председателя краевого комитета — подпись неразборчива. Итак, кампания, которую Марков ведет два года, несмотря на противодействие органов местного самоуправления, закончилась в его пользу.

Здена села за стол против Багара, словно это сообщение лишило ее сил.

— Но это немыслимо,— произнесла она с трудом.— Неужели коммунисты в краевом национальном комитете не могли помешать этому?

Багар торопливо обошел стол и наклонился к ней.

— Не надо так волноваться. Я, право, сглупил, что сразу выложил тебе все это. Но товарищей ты не обвиняй. Кто знает, какими путями это было сделано.

Здена закинула голову и взглянула на него.

— Что ты думаешь делать? Они пишут, что решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Багар засмеялся.

— Вот видишь, ты уже спасовала и поддалась на их уловку. Этого им и надо: запугать нас и создать впечатление, что они непобедимы. Что главное в этом споре? Правы мы были, считая этот особняк слишком крупным объектом, чтобы его можно было передать частному предпринимателю, и говорили, что он должен принадлежать какой-нибудь организации общегосударственного значения? Да, мы были правы. В этом смысле ничего не изменилось. И будь профсоюзы немного поповоротливее в этом деле, вопрос был бы давно решен.

— Это верно,— сказала Здена, но так неуверенно, что Багар с удивлением взглянул на нее. Теперь часто случалось, что реальный мир вдруг исчезал из ее поля зрения и вместо него перед ней возникали какие-то ведомые только ей видения.

— Это верно,— повторила она, словно убеждая сама себя.— Ну, а дальше что?

— Дальше возможно многое,— заговорил Багар, притрагиваясь руками к ее плечам.— Мы можем опротестовать решение краевого национального комитета и министерства здравоохранения в совете министров. Можем поднять на ноги профсоюзную общественность. А если будет нужно, так организуем и сбор подписей в Поточной и покажем, что подавляющее большинство населения против того, чтобы господа снова расположились там, где место трудящимся... Но прежде всего, еще до ухода, я позвоню твоему отцу. Было бы большим промахом, если бы он дал сбить себя с толку и выдал Маркову ключи от особняка.

— Этого отец никогда не сделает! — с глубокой уверенностью возразила Здена.— Он терпеть не может Маркова. Отец говорит, что Марков гонится только за деньгами, а трудовой человек для него хуже грязи.

До восьми было еще далеко, и потому Багара соединили с Деймеком немедленно.

— А-а, зятек,— пробурчал в трубку Деймек, и по его голосу было заметно, что он жует и старается поскорей проглотить кусок.— Ранний гость!

— Уж не завтракаешь ли ты? — со смехом осведомился Багар.

— Светлая голова, сразу угадал. У нас, братец, с тех пор как мать пошла работать на фабрику, завтрак готовится с вечера, перед сном. Утром я беру в портфель термос

и бутерброды и завтракаю здесь, когда мне вздумается. Что у тебя хорошего?

Багар рассказал о письме из краевого национального комитета.

— Вот и я его как раз разбираю по складам,— засмеялся Деймек.— Интересное чтеньице, только не для слабонервных. Будь у меня в руках этот тип с неразборчивой подписью, я бы его отделал. Ясно?

— Только смотри не наделай оплошностей, когда к тебе придет Марков.

У собеседника Багара, казалось, начался небезопасный приступ удушья: из трубки некоторое время слышалось только сипение и вздохи.

— Когда придет Марков! — задыхаясь, произнес наконец успокоившийся Деймек.— Научил! Видать, вы там, в районе, ездите на черепахах. Марков был у меня еще вчера вечером. Оплошности, говоришь... М-да, может быть, я и сделал их... Я его, конкретно говоря, выставил.

Багар мысленно выругал себя: письмо из краевого комитета пришло вчера с дневной почтой, но он, Багар, после обеда ездил по округу, в частности по пригорью и гористым участкам, выясняя виды на сенокос — где начать пораньше, где отложить,— беседовал с местными национальными комитетами, узнавал, везде ли хватит своих рабочих рук и какая помощь понадобится. Домой он воротился к полуночи и так устал, что заснул, читая корреспонденцию, раньше, чем добрался до этого письма.

На минуту у него закружилась голова и из глубин сознания всплыли все заботы, осаждавшие его в последнее время; снова возникло ощущение, что он не справляется с ними. Но голос Деймека оторвал его от размышлений.

— Ну так что, это было оплошностью?

— Нет.

— То-то! Слышал бы ты наш разговор. Он все о санатории да о том, что санаторий обогатит Поточную и всех ее жителей, потому что всякий как-нибудь да наживется, когда сюда станут приезжать лечиться богатые люди. Кстати, то же самое он будет внушать и здешним жителям, чтобы они его поддержали. Так вот, он о санатории, а я о том, как он выполняет свои докторские обязанности. Помнишь, у нас тут осенью, сразу же после выселения немцев, была эпидемия дифтерита? Мы раздобыли доктору сыворотку для прививок, раз уж он сам не позаботился о ней, чтобы эпидемия не повторилась. Это ведь и политически очень важно: умрет, скажем конкретно, несколько ребяти-

шек, и готово дело, люди начнут выезжать отсюда, и никакими силами их не удержишь. Так вот, сыворотку мы получили в декабре, и, представь себе, этот пройдоха до сих пор не начал прививок. Сперва говорил, что зимнее время для них неблагоприятно, а потом все пропадал в Праге, хлопотал о санатории. А сейчас, представляешь себе, такая погода, кругом пыль. Если у нас тут начнутся заболевания, я этому стервецу голову оторву.

Деймек, немного запыхавшись, кончил свою долгую речь, и было слышно, как он закуривает трубку.

— Что ты собираешься делать? — спросил Багар.— Не забудь о профсоюзах.

— Не бойся, не забуду,— с новой силой сказал голос в телефонной трубке.— И поговорю с ними по-свойски. Если бы не их вялость, давно дело было бы в порядке. Сегодня вечером Коринта, Мареш и еще несколько ребят пойдут по домам. Мы организуем сбор подписей и в случае чего обратимся прямо в правительство. Ты знаешь, что Коринта поступил на шарикоподшипниковый завод и теперь квартирует у нас? Отличный парень, нам с ним весело, и он у нас как родной. Ясно?

Багару действительно все было ясно, и, хотя в голове шумело, он почувствовал, что гора свалилась у него с плеч. Вот и говори, что люди из народа не умеют управлять. А действия Деймека? Справился со сложным вопросом так легко, словно всю жизнь только тем и занимался. Сегодня справился отлично, завтра, быть может, справится похуже, но все же он растет изо дня в день, и дело у него идет на лад.

На службе Багара ждали толпа людей и известие о том, что заведующий сельскохозяйственным отделом Ваша Кроулик, которого Багар вчера заставил вместе с собой проехаться по району,— а сегодня он должен был взяться за разработку плана набора людей для сенокоса — простудился во время этой утомительной поездки и слег с ангиной в тяжелой форме. По заключению врачей, он не сможет работать минимум две недели, а то и три. Врачебную справку принесла его супруга и заявила, что должна лично вручить ее Багару. Держалась она обиженно и недовольно, словно Багар был виноват в болезни ее мужа.

— Эта поездка была Ваше не по силам,— укоризненно пропела она.— Он у меня такой хрупкий. Да и кто знает, нужно ли это было вообще.

Кроуликова взбила свои рыжие волосы, все в мелких кудряшках, выкрашенные довольно неудачно и спаленные шестимесячной завивкой. Ее голубые навыкате глаза гля-

дели высокомерно. Багар игнорировал ее упреки и сказал, что он навестит больного. Кроуликова перепугалась и заговорила о том, что ангина очень заразительна. А если пан председатель вздумает зайти, пусть прежде позвонит по телефону. Когда он ушла, Багар открыл и второе окно, чтобы скорее выветрился запах крепких духов после Кроуликовой, и, вдохнув несколько раз свежего воздуха, закурил сигарету.

«Ну, так что? — спросил он себя.— Именно этого и следовало ожидать от заведующего сельскохозяйственным отделом, национального социалиста. Поездка по деревням вывела его из строя; должно быть, он испугался и обозлился: видит, что сторонников у его партии и там нет. Для кого же стараться? Вот и предпочел залезть на три недели в постель. Как раз когда надо бить тревогу, втолковывать всем и каждому, как необходима помощь, чтобы убрать сено. Но я все-таки его прижал: теперь он не посмеет носа высунуть из дому, а барынька то и дело будет выглядывать в окно, не иду ли я, чтобы застичь их врасплох».

Багар рассмеялся, понюхал воздух — не пахнет ли в комнате необычно,— выкинул в окно окурок и вернулся к письменному столу.

Там он заглянул в список намеченных на сегодня дел. Он очень не любил разговаривать с заведующим промышленным отделом национального комитета Мацаком, чей голос звучал приторно даже по телефону. Багар держал телефонную трубку в руке, словно желая отдалить момент, когда раздастся протяжное: «Алло, говорит Любомир Мацак. Привет, товарищ председатель, честь труду!»

«И как этот человек мог быть учителем? — с отвращением думал Багар.— Для двух профессий следовало бы отбирать людей с особой требовательностью: врачей и педагогов. И партийных работников,— пришло ему в голову.— Да, конечно, ведь они отвечают и будут отвечать за все».

Багар набрал номер, и Мацак тотчас же ответил именно приторным голосом. Разговаривая с ним, Багар брезгливо отодвинул трубку от уха.

— Вагоны для шарикоподшипникового завода? Да-авно, товарищ председатель! — сладко пропел он, но в его тоне слышался оттенок упрека и удивления неосведомленностью председателя.— Мы их получили минимум неделю назад. Они уже давно отправлены.

Речь шла о шарикоподшипниковом заводе, где все еще тянулась старая история: сперва не было сырья, потом,

неизвестно почему,— спроса на готовые изделия, и, наконец,— вагонов для их отправки.

Мацак знал обо всех трудностях и умел блестяще объяснить их. Восстановление хозяйства, подорванного оккупацией, не может, разумеется, обойтись без трудностей и перебоев. Вспомните, сколько железнодорожных составов угнали оккупанты, сколько наших вагонов пропало за границей... Медовый поток болтовни тек, а Багар выжидал момент, когда можно будет прервать его так, чтобы это не получилось слишком грубо.

— Одну минуту,— сказал он наконец.— Как вы полагаете, проходят через станцию Кадань хотя бы два грузовых состава в неделю?

В трубке послышался клокочущий смех, Мацак смеялся, словно услышал удачную шутку.

— Несомненно, товарищ председатель, несомненно. Я уверен, что даже гораздо больше.

— Как же тогда объяснить следующее,— сказал Багар, не давая Мацаку снова удариться в пустословие.— Передо мной сообщение товарищей из Клаштерца о том, что они сами, создав добровольную бригаду, нагрузили своей продукцией два вагона, но эти вагоны до сих пор стоят на запасном пути в Кадани.

Трубка несколько раз почмокала, казалось, Любомир Мацак старается проглотить застрявший кусок. Наконец он сказал взволнованно:

— Это исключено, товарищ председатель, полностью исключено. Уверяю вас, здесь какое-то недоразумение. Кто-то поспешил дать непроверенные сведения.

— Этот факт подтвердили каданьские железнодорожники, в том числе, между прочим, члены вашей партии. Какие нам из этого надо сделать выводы? Поскольку дело касается товаров, абсолютно необходимых для восстановления экономики и успешного завершения двухлетки, я настоятельно прошу вас лично заняться этим делом. Предупредите там, что дальнейшая задержка груза принесет крупные неприятности тому, кто лично в ней повинен, и что мы будем внимательно следить за движением этих вагонов до тех пор, пока они не прибудут на место назначения. На завтрашнем заседании президиума доложите нам, чего вы добились. Желаю успеха.

Багар хотел было повесить трубку, но Мацак откликнулся так поспешно, что председатель не успел отнять трубку от уха.

— Минуту, минуточку, товарищ председатель! Но мы

ведь не вправе вмешиваться в работу государственных железных дорог.

Багар закусил губу, чтобы удержаться от гневной реплики.

— Не понимаю, товарищ Мацак, о каких правах вы говорите,— произнес он медленно, подчеркивая каждое слово.— Согласно существующим законам (тут Багар невольно усмехнулся, вспомнив, кто ныне больше всех ссылается на «существующие законы»), государственные железные дороги, являясь транспортным предприятием, заключают договоры с клиентами, нуждающимися в перевозке грузов, и обязаны выполнять договоры, используя все свои возможности. Если же нам известно — это установлено точно,— что после погрузки этих двух вагонов через станцию Кадань прошло не два, а девять товарных составов и к каждому из них можно было прицепить не два, а от пяти до десяти вагонов, спрашивается, как же железная дорога выполняла свои договорные обязательства? Надеюсь, вам пригодится моя информация и вы ее используете. Кстати говоря, знаете ли вы, что наш начальник станции страстный охотник?

В трубке послышался такой звук, словно у Мацака перехватило дыхание.

— Охотник? Право, я не понимаю, товарищ председатель, какое это имеет отношение к застрявшим вагонам?

— Подумайте, может, и поймете. Он бывает среди тех гостей, которых Росмус приглашает к себе на охоту. Еще раз желаю успеха!

Багар повесил трубку и закурил сигарету, решив, что вполне заслужил ее. С минуту он сидел, улыбаясь и глядя перед собой. Мацак тоже бывал на охоте у Росмуса... Багар погасил недокуренную сигарету, положил ее на край пепельницы и позвонил секретарю в знак того, что может начать прием посетителей.

Первым на очереди в этот день оказался поручик КНБ Календа. У него было много новостей, и он жаждал поделиться ими с председателем.

— Начнем с Яноуха? — сказал он, усаживаясь напротив Багара.

— Закуривай и рассказывай,— отозвался тот и придвинул к молодому поручику раскрытую пачку тонких сигарет. Календа бросил на них быстрый, почти нервный взгляд, казалось, что он откажется, чтобы не задерживать рассказа, но курильщик взял в нем верх, и он потянулся за сигаретой.

— Ну, как, посадил ты господина старшего вахмистра? — спросил Багар, улыбаясь, словно заранее зная ответ Календы.

Календа нахмурился и ответил уныло:

— Нет, не посадил. Никак нельзя было. Этот тип — мерзавец, по роже видно, что руки у него в крови, но уличить его я не сумел. А теперь, когда я спугнул Яноуха, его и вовсе не поймаешь. Нет, не гожусь я для этого дела, зря только хвалился, что справлюсь. Пойду-ка я лучше опять на производство, в вальцовщики, и делу конец.

— Поплачь, сыночек, поплачь,— сказал Багар с легкой насмешкой.— Расскажи папочке, что у тебя болит, а потом опять возьмешься за игрушки.

Календа выпрямился и застыл.

— Товарищ председатель, я делал что мог. Но с работой не справился. Можешь меня упрекать, но не высмеивать за это. Насчет отставки я говорю вполне серьезно. Пойду и подам рапорт.

Багар наклонился к Календе, положил ему руку на колено, не давая встать, и сказал веско:

— Я хотел, чтобы ты одумался, парень.— И, откинувшись на стуле, продолжал: — Видно, я выбрал для этого плохой способ. Помнишь, когда мы были мальчишками, мы бегали домой, чтобы нам подули на ушибленную коленку. Случалось? Но ты не только хочешь утешения, ты убегаешь от работы, которую начал и даже запорол. Пусть, мол, расхлебывает другой, до свиданья!

Календа густо покраснел, было слышно, как он тяжело дышит. Багар повернулся к столу и стал перелистывать какие-то бумаги, хотя, по правде сказать, не различал в них ни одной буквы.

— Понятно, товарищ председатель,— хрипло произнес Календа.— Поделом мне. Видишь ли, с той информацией, какую я от тебя получил, мне казалось, что я действую наверняка. И все же дело сорвалось. Согласись, после случившегося мне придется призадуматься.

— Ну и призадумайся,— с преувеличенной сердечностью отозвался Багар, у которого сразу отлегло от сердца.— Тот, кто никогда не задумывается над своими поступками, все равно что путник, идущий в потемках по незнакомому месту. Вдруг свалится в канаву, сам не зная, как туда попал. Ну, а теперь не тяни, рассказывай.

И Календа подробно рассказал Багару о своей поездке к Яноуху и чем она кончилась. Перед тем как отправиться к нему, он заехал к Антошу, чтобы своими глазами взгля-

нуть на машину Яноуха. Попал он туда к вечеру, когда работа в мастерской уже кончилась.

— Не нравится мне там, у Антоша, товарищ Багар,— добавил Календа, отвлекаясь от основной темы.

Анчу и ее мать он застал на дворике. Они кормили девочку и укладывали ее спать. На скамеечке под черешней сидел Фриц Клаузе и разучивал на гармонике «Катюшу» — ему предстояло выступление с молодежным хором. В общем, картина была мирная и отрадная. Но Антоша не оказалось дома, он тренировал на поле за гостиницей местную футбольную команду. У его жены были заплаканные глаза, и она, едва ответив на приветствие Календы, ушла в дом и больше не появлялась. Старуха-мать все только вздыхала и глядела в небо, но потом разговорилась. Календа сам сходил за Антошем, и с помощью Фрица они отыскали крылья автомашины Яноуха.

— Правое крыло было так изуродовано, товарищ председатель, что, как мы ни старались, никакого следа старой вмятины найти не удалось.

Календа постарался выяснить у Антоша, почему машина Яноуха налетела на столб, по какой причине ее могло занести. Нет ли признаков, что занесло ее по вине водителя, так сказать, умышленно. Но Антош только засмеялся и повел Календу к повороту дороги, где произошла авария. Это было в двух шагах от мастерской. Клаштерецкое шоссе здесь спускалось с горы и на повороте к Поточной переходило на равнину. Все машины, проезжавшие это место, притормаживали или переключали скорость — в зависимости от того, в каком направлении ехали. Поверхность шоссе была здесь разъезжена до самого щебня, и в ней виднелись выбоины разного размера и глубины. Календа хорошо знал это место и сам уже несколько раз осматривал его, но ни сегодняшний, ни прошлые осмотры ничего не дали.

— Въехать вот в эту колдобину, притормозить, закрутить баранку налево, а потом отпустить ее, и готово — машину занесло. Хоть сто мудрецов ломай себе голову, никто не угадает, случайно это было или нарочно,— объяснил Антош.

Календа еще раз обошел поврежденный столб, поднял одну из валяющихся в траве щепочек и отбросил ее, вспомнив, что собрал их уже целую коробочку и она лежит у него в столе. С отвращением он подумал об истории с разбитой рюмкой. Так, не узнав ничего нового и заранее готовый к неудаче, он отправился к Яноуху.

Бывшего вахмистра, ныне народного управляющего

имением Винтиржов, он застал на скотном дворе. Несмотря на раннее время, от Яноуха пахло сливовицей, но его блекло-голубые глаза не были мутны, как у пьяницы, наоборот, они глядели сосредоточенно, холодно и настороженно. На Яноухе была клетчатая рубашка, расстегнутая у ворота и открывающая багровую загорелую шею и часть густо поросшей волосами груди. На первый взгляд он производил впечатление жестокого человека, который не остановится ни перед чем, и все же что-то в его лице — может быть, слегка приоткрытый рот и вялая нижняя губа — говорило о трусости.

Увидев Календу, который после смерти Бузека не раз уже навещал Яноуха, бывший вахмистр не стал изображать ни радости, ни вежливости. По длинному коридору он повел своего гостя в маленькую контору — пыльную комнатку со старинным письменным столом, покосившейся полкой, облупившимся рукомойником и двумя скрипучими стульями. Давно не мытое окно глядело в отцветший сад с рядами яблонь, груш, слив и черешен, на стволах которых еще виднелись следы осенней побелки. В глубине сада поблескивали на утреннем солнце стекла парников. В конторе был затхлый воздух, пахло сливовицей и табачным дымом.

Яноух закурил, но не предложил сигареты своему гостю. Когда Календа заговорил о рюмке, разбитой у камина Росмусов, в тот самый вечер, когда погиб Бузек, отвисшая нижняя губа Яноуха плотно сомкнулась с верхней, а глаза уставились в одну точку и стали круглыми, как у филина.

— Рюмка? — сказал он, выслушав Календу.— Вы, поручик, как я вижу, стараетесь сделать карьеру. Удивительное дело, до чего нынче легко молодые люди попадают на высокие посты! Но на мне вы ее, приятель, не сделаете, не-ет! Рюмку разбил советник юстиции Зима. Можете говорить с ним и выяснить, как было дело.

Календа все-таки потребовал, чтобы Яноух показал ему свои руки. Тот взглянул на поручика неподвижными, ледяными глазами, потом усмехнулся и выполнил требование. У него были пухлые, мягкие ладони человека, всю жизнь или, по крайней мере, в течение долгих лет не знающего, что такое физический труд,— ладони розовые и мягкие, как у патера, с немногочисленными и неглубокими линиями. На правой руке краснел длинный свежий шрам и несколько заживших царапин.

— Подходяще, а? — сказал Яноух, не скрывая на-

смешки.— Если хотите изрядно оскандалиться, извольте. Но прежде вспомните о моей автомобильной аварии.

Календа почувствовал себя мухой, упорно бьющейся в оконное стекло. Еще больше его обескуражило то, что он с самого начала говорил себе: «Так все это и кончится!» Ведь он имел дело со старым профессионалом, который на своем веку сам допрашивал сотни людей. Календа прекратил разговор о разбитой рюмке и перешел к поездке Яноуха из Поруб в Врш в ту роковую ночь. Он задавал все новые и новые вопросы, но бывший вахмистр отвечал, как хорошо подготовленный ученик. Календа попытался ошеломить его вопросом о вмятине на крыле автомашины. Нижняя губа Яноуха отвисла еще ниже, открыв желтые, почерневшие у корней зубы. Он взял новую сигарету и сказал:

— Немало вы набрали сведений. Жаль только, что вам от них не будет толку. Насчет вмятины можете спросить чиновников министерства юстиции, которые в тот вечер были в Порубах. Они сделали мне ее своей машиной.

Календа осведомился об именах и адресах этих чиновников,— хотя давно знал их,— лишь для того, чтобы нервировать Яноуха. Но старый полицейский служака слишком хорошо помнил трюки, которые применяются при допросах. Его беспокоило другое, и он не удержался: о разбитой рюмке и вмятине могла рассказать только Роза, и Яноух выложил свою догадку Календе, надеясь из удивления собеседника сделать свои выводы. Но поручик даже не поднял головы от блокнота, в котором усердно делал записи.

— Промахнулись, пан Яноух. Роза, по-моему, попросту третья глухонемая в именье. Если бы ей не надо было есть, у нее, наверное, язык прирос бы к гортани. Росмусы умеют выбрать подходящих людей.

Перестав писать, Календа пытливо взглянул на Яноуха.

— А может быть, доктор Марков? — предположил он.— Ведь это он придумал версию насчет вмятины и очень ей обрадовался. Видно, он развивал ее еще где-нибудь. Предупреждаю только, что сам я с ним не беседовал.

В этом месте рассказа Багар прервал Календу:

— А откуда ты знаешь насчет Маркова?

Календа пожал плечами и слегка усмехнулся.

— Информация, уважаемый товарищ, не что иное, как информация. Быть хорошо информированным мне полагается по службе.— Но тотчас же он нахмурился и перешел на серьезный тон.— Анонимка, что же еще? Да что мне от всего этого толку? Одни намеки и ни капли истины, за

которую можно крепко ухватиться. Все равно что ловить ветер руками. Вот и аноним пишет намеками, дает, так сказать, только контуры, а сказать больше боится.

Календа развел руками в знак своей полной беспомощности. Он сделал все, что в его силах. Побывал он и у Маркова и услышал множество гладких и преувеличенно учтивых фраз о том, что он, доктор Марков, допустил, собственно говоря, преступное легкомыслие, развивая необоснованные гипотезы на столь серьезную тему. Как и Яноух, Марков указал, что имеются, кстати говоря, вполне надежные свидетели того, как возникла вмятина на машине бывшего вахмистра. Наконец, Календа повидал чиновников министерства юстиции, которые, бог весть зачем, все еще торчали в Кадани. Он нашел их в гостинице на площади, где они после обеда попивали коньяк и кофе. Календа еще не обедал и почувствовал себя так, словно его вместо обеда угостили упитанной жабой. С первых же слов ему стало ясно: чиновники подготовились и отлично разыграли срепетированную сцену. Они изобразили радость по поводу того, что Яноух в ту же ночь сам разбил свой «БМВ» и им, стало быть, не придется докладывать по начальству, что они помяли чужую машину. Уходя, Календа заметил в мутном зеркале на стене, как чиновники ухмыляются ему вслед.

— Вот и все, что я сумел сделать, товарищ Багар,— закончил Календа.— Чувствую я себя так, словно мне дали мелкокалиберное ружье и послали против «тигра». Но при первой республике сажали и по меньшему подозрению. Хотел бы я знать, сколько народу посадил ни за что ни про что сам Яноух. Вот я и думаю, что, если подержать его под замком с недельку и каждый день, как полагается, допрашивать насчет рюмки и вмятин, он наконец выложит всю правду.

Багар покачал головой.

— Если хочешь знать, по моему мнению, этого не надо делать. Прошло достаточно времени, чтобы они успели замести все следы, которые ведут к Яноуху. Ведь для них дело не только в нем. Если ты распутаешь клубок с Яноухом, ты развяжешь и узел с животноводческим кооперативом. А для них это главное. Попробуй-ка действовать наоборот: сперва узел, потом клубок. Может быть, это скорее приведет к цели. А стоит тебе арестовать Яноуха без прямых улик, увидишь, какой крик они поднимут: и о партийной принадлежности, и о коммунистическом произволе, попранной законности и демократии и всякое такое. Пока

что они только попискивают о том, что армия и госбезопасность должны быть вне политики, а тогда заголосят вовсю. Первым делом в газетах, а потом побегут с жалобой и в правительство. И всей этой шумихой и бранью они загонят правду туда, где ее потом никто не отыщет. В конечном счете наши же товарищи коммунисты скажут, что мы необдуманными действиями поставили их в трудное положение. Вот мы говорим: «Яноух и животноводческий кооператив», но ручаюсь, что наши враги видят в обоих случаях мины, которые они подсунут нам под ноги. Нет, парень, с такими мелкими козырями ты в игру не вступай. Иди и пробуй еще, снова и снова. Но действуй так, чтобы они не знали об этом.

Когда за Календой закрылась дверь, Багар опять подошел к окну подышать свежим воздухом. В кабинете было душно, но косогор за зданием РНК тоже дышал летней жарой. Высокое безоблачное небо слепило яркой синевой, Багар озабоченно подумал о засухе, но тотчас мысленно вернулся к разговору с Календой. Вспоминая все по порядку, Багар смущенно улыбнулся, воспроизведя в памяти момент, когда Календа почти обиделся. «Надо быть более чутким в таких случаях,— подумал Багар.— Насмешка — опасная вещь и может больно ранить хорошего человека. Ну что ж,— решил он наконец.— Календа — солдат, и это образумило его. Какие же это времена настали, если арест убийцы становится политическим делом? Решающие времена, можешь не сомневаться в этом. Ведь не мы покрываем убийц. Если бы нам удалось уличить Яноуха и он рассказал бы о животноводческом кооперативе, у скольких людей открылись бы глаза!»

Календа некоторое время прохаживался по пустому прохладному коридору, чтобы освежиться. Не только от жары, но главным образом из-за разговора с Багаром он чувствовал себя, словно вышел из бани. «Сам ты себя представил в смешном виде и показал свою полную неспособность,— твердил себе поручик.— Кто доверил тебе охрану страны, олух? Трудовой народ. Хорошего охранителя он выбрал, нечего сказать. Будь в КНБ все такие, как ты, миллионы людей не могли бы спать спокойно». Но Календа недолго занимался самобичеванием. Прохлада длинного пустого коридора благотворно подействовала на него, она освежила его, успокоила нервы, вернула поручику внутреннее равновесие. «Этого типа и всю его шайку я все-таки

поймаю! — сказал себе Календа.— Багар, видимо, прав: я начал не с того конца. Но он сам сбил меня с толку всеми этими россказнями Розы... Нет, это неверно, я несправедлив к нему, сперва надо было действовать именно так, а если не вышло, попробуем иначе. Вот что имеет в виду Багар. Когда человек разобьет себе нос, он всегда злится, иначе и не бывает. А ведь надо еще поглядеть, почему он его разбил».

Размышляя так, Календа увидел, как в коридор вышел худощавый молодой человек с волнистой черной шевелюрой. На нем были светло-серые брюки и английский в крапинку пиджак. Календа узнал Виктора Пюхлера, а в полуоткрытую дверь заметил Зимову, которая посылала уходившему воздушный поцелуй. Поручику внезапно стало противно, он отвернулся и стал оправлять на себе френч.

Пюхлер шел по коридору в другой конец его, и Календа совсем не жаждал встретиться с ним. У поручика сохранилось неприятное воспоминание о разговоре с упорным претендентом на текстильную фабрику в Поточной. Календа помнил иронические ответы Пюхлера, которые, казалось, говорили: «Взялся ты не за свое дело, все равно не справишься», помнил презрительно-насмешливый взгляд Пюхлера и все поведение этого старшего лейтенанта британской королевской авиации, показывающее, что между ним и поручиком КНБ — неизмеримая разница, и, конечно, не в пользу Календы.

Но уклониться от встречи с Пюхлером Календе все-таки не удалось. За своей спиной он услышал иронический голос, отчетливо произносящий каждое слово. Календа медленно обернулся.

— Как дела, поручик? Охлаждаете разгоряченную голову?

Пюхлер протянул руку. Календа взглянул на нее, словно решая, принять ли, потом коротко пожал, заметив с досадой, насколько горяча его собственная рука по сравнению с холодной ладонью Пюхлера. За многими дверьми, выходившими в коридор, захлебываясь, без перерыва быстро стучали пишущие машинки. Глядя на нестерпимо синее горячее небо, непонятно было, откуда у людей берутся силы для такой усердной работы.

Календа не ответил на вопрос Пюхлера и лишь слегка пожал плечами.

— Как идет расследование?

Календа прищурился.

— Не думаете же вы, что я вам отвечу.

Пюхлер тихо засмеялся.

— Как видно, во время нашего последнего разговора я не приобрел ваших симпатий. Может быть, это можно исправить? Сигарету?

Он извлек из нагрудного кармана объемистый портсигар и открыл его. Внутри лежали длинные круглые английские сигареты с тонким медовым запахом. Можно было сослаться на служебные дела и уйти, но что-то побуждало Календу не обрывать этого разговора. Сигареты он все же не взял, а лишь покачал головой и поблагодарил. Затем он тут же вытащил свой резной деревянный портсигар и свернул себе самокрутку.

— Двое фронтовиков, как мы с вами, должны бы легче найти общий язык,— заговорил Виктор Пюхлер, и Календа подумал: «Откуда этот сердечный тон?»

— Если этого не получается,— продолжал Пюхлер,— вина, бесспорно, моя. Я слишком долго жил, так сказать, в иной идейной среде, где господствует иное понимание демократии и общественного устройства; поэтому многое, с чем я здесь сталкиваюсь, остается для меня непонятным.

— То, что при розысках преступника надо помогать властям, по-моему, понятно каждому,— сухо сказал Календа.

Пюхлер засмеялся и покачал головой. Его волнистые непокрытые волосы даже не шевельнулись от этого движения.

— Вы не хотите простить мне, что я тогда не мог ответить так, как вам было нужно. Но, во-первых, я совсем не уверен, как вы, что действительно совершено преступление, а во-вторых, я в тот вечер был так погружен в собственные мысли, что, наверное, многого не заметил. Говорил же я вам, например, что даже не обратил внимания на какую-то разбитую рюмку. У меня слишком много своих забот: дело с моим наследством совсем не подвигается. Я и так слишком злоупотребляю гостеприимством моих друзей, и мне пора уже позаботиться о своем будущем. Скажите сами, справедливо ли отказывать мне в том, что мне полагается по законам этой страны?

Календа покачал головой.

— Не берусь ответить на этот вопрос. Не я призван решать ваше дело. Но если хотите знать мое мнение, то я считаю, что этот спор переходит за рамки частного случая.

Пюхлер задумчиво поглядел на струйку табачного дыма.

— Несомненно, вы хотите сказать, что процесс отчуждения частной собственности далеко еще не закончился и что, больше того, налицо стремление продолжать этот процесс до самого конца. Мне иногда приходит такая мысль, и я боюсь, что это создает прямую угрозу существованию нашего государства.

— Есть и другое мнение — что мы его этим, наоборот, укрепим,— коротко ответил Календа и вдруг добавил: — Хотел бы я знать, какой напиток был в разбитой рюмке.

— Хотите поймать меня этим вопросом? — сказал Пюхлер с деланным упреком.— Но я в самом деле не знаю. В тот вечер на столе было слишком много рюмок, пили и коньяк и виски. Я же был слишком занят собой, чтобы замечать, кто чему отдает предпочтение. Впрочем, был момент, когда вдруг распространился сильный запах коньяка. Следовательно, возможно, что в разбитой рюмке был коньяк. Но кто ее разбил, сказать вам не могу. Почти одновременно настало оживление, вызванное приездом доктора Маркова.

— Извинялся советник Зима перед хозяйкой дома за разбитую рюмку?

Пюхлер улыбнулся с таким видом, словно хотел сказать: «Вы упорны, но я терпелив».

— Не заметил. Я встал последним, чтобы поздороваться с доктором Марковым. Вам я могу сказать: я его недолюбливаю.

— Стало быть, советник Зима извинялся перед хозяйкой как раз в тот момент, когда вошел Марков?

Пюхлер укоризненно покачал головой.

— Вы находчивы, поручик. Думаю, что вы далеко пойдете. Но зря вы мне ставите ловушки. Я просто не знаю.

— Что пьет советник Зима?

— Вы на меня рассердитесь,— Пюхлер улыбнулся, как бы извиняясь,— но должен снова вам повторить: не знаю. В тот вечер я видел советника всего второй раз в жизни, и его вкусы мне неизвестны.— И внезапно, словно этот разговор ему надоел, добавил: — Много еще у вас таких вопросов, поручик? Не сочтите за неучтивость, но мне пора. Если нам по дороге, я могу подвезти вас, поговорили бы еще в машине. Или я навещу вас, если хотите.

Календа поблагодарил и смотрел вслед Пюхлеру, пока тот не исчез за углом длинного коридора. Потом поручик подошел к двери комнаты Зимовой, постучал и дождался

ответа: «Войдите». Ему показалось, что за дверью раздался шум и стук, какой бывает, когда кто-то торопливо перебегает комнату. Календа открыл дверь и вошел. Алена сидела за столом в такой позе, будто замерла во время какого-то движения. На приветствие она ответила слегка запыхавшимся голосом, изобразив полнейшее удивление и восторг.

— Поручик Календа?! — воскликнула она.— Как вы поживаете и что привело вас в наше захолустье?

Эти слова прозвучали неестественно, как заученная фраза из плохой пьесы, и как-то резанули слух Календы. Но, когда Алена встала и плавным движением откинула назад волны своих золотистых тициановских волос, когда под ее тонким пестрым летним платьем обрисовалась крепкая грудь и на поручика пахнуло легким, ни с чем не сравнимым и волнующим запахом, когда девушка протянула ему прохладную руку и длинные тонкие пальцы нашли какие-то чувствительные нервы на его ладони, по телу Календы пробежала неуловимая дрожь и его снова бросило в жар.

Вместе с тем он обозлился, как будто кто-то вдруг уличил его в тщательно скрываемой слабости. Нахмурясь, он сел на стул у письменного стола Алены, и мысли его были и сбивчивы и сердиты. «Поддамся я тебе, как бы не так,— подумал он.— Этакой буржуйской кукле! Словно я не знаю, что ты за штучка».

В открытое окно он взглянул на отлогий косогор, где стал заметен недостаток влаги и неумолимый зной. Оттуда веяло душным запахом разогретой земли и увядающих трав. Но птичьи голоса все еще звучали с такой силой и упоением, как будто в природе все было в полном порядке.

Наконец Календа перевел взгляд на лицо Алены. Что, впрочем, остается делать человеку, если он хочет говорить с другим и не привык при этом отводить глаза? Губы Алены были ярко накрашены, изогнутые ресницы искусственно удлинены. Календа с облегчением или с каким-то другим чувством — ведь девушка была ему антипатична! — отметил, что высокие дуги бровей у Алены собственные, они не выбриты и не нарисованы, а лишь немного подкрашены и удлинены. В ее узком, чуть скуластом лице с тонким носом не было той холодной, хищной или бездушной красоты, что бывает даже неприятна. Это лицо привлекало гармоничностью всех своих частей, было мило и вместе неспокойно и изменчиво, было чувствительным зеркалом

всего, что творилось в девичьей душе, но иногда отражало искренние побуждения, а иной раз только игру.

— Почему вы так хмуритесь, пан поручик? — спросила Алена, перехватив руками колени и нагнувшись вперед.— Я вас чем-нибудь обидела?

— Разве я хмурюсь? — смущенно ответил Календа и невольно насупился еще больше, чувствуя, что позволяет вовлечь себя в игру, которая ему не нравится и ни к чему хорошему не приведет. Стараясь побороть смущение и направить разговор в другую сторону, он вытащил портсигар. Алена, словно ожидавшая этого, подсунула ему стеклянную вазочку, из которой торчало несколько таких же сигарет, какие Календа только что отказался взять у Пюхлера. Удивительное дело: эти сигареты тотчас напомнили поручику о воздушном поцелуе, который Алена послала уходившему Пюхлеру. Несмотря на это, Календа протянул руку и взял одну из них. Ему показалось, что в комнате стало еще жарче. Молча нагнувшись к маленькой серебряной зажигалке в руке Алены, он закурил первым, не обращая внимания на то, что девушка тоже взяла сигарету. Дым был едкий и сладкий. Недовольство Календы собой усилилось еще и потому, что он никак не мог собраться с духом, чтобы погасить и отложить сигарету. У стены напротив он заметил столик с пишущей машинкой, из которой торчал полуисписанный листок. Календа встал и подошел к столику, подгоняемый неотвязной мыслью. На клавиатуре, конечно, были и черточки и крючки. «Глупо! — подумал Календа.— В последние дни только и делаю глупости одну за другой. Да еще, наверное, я себя этим выдал... Ну и пусть!» Если анонимные письма отныне прекратятся, он потеряет информатора, чьи сообщения скорее дразнили, чем помогали, но зато у него будет ясное представление об одном человеке...

Календа повернулся к Алене и встретил ее взгляд, в котором выражались лишь удивление и любопытство.

— Интересуетесь служебными тайнами национального комитета, пан поручик, или вам не дает покоя мое мастерство машинистки? Говорят, что я отлично владею машинкой.

Календа покачал головой и, в упор глядя на нее, сказал:

— Нет, просто так, для порядка. Я ищу одну машинку.

— В моей комнате или во всем здании?

— Во всем районе,— строго ответил Календа, усаживаясь на стул.

— Вам придется порядочно и побегать и поездить.—

засмеялась Алена, и в ее смехе была непритворная веселость.— Никогда не думала, что служба безопасности связана с такими трудностями! Скажите мне, что это за машинка, и, может быть, счастливый случай поможет нам.

На Календу подействовала искренность, зазвучавшая в ее голосе, и он вдруг почувствовал острое желание рассказать Алене об анонимных письмах и сделать ее своей союзницей. Он взглянул на девушку, и слова уже готовы были сорваться с его языка. Заметив, что он колеблется и, видимо, склоняется на ее сторону, Алена подняла руку и поправила рассыпающиеся волосы жестом, действие которого было не раз испытано. На Календу он тоже подействовал, мурашки пробежали у поручика по спине, как будто на него брызнул ледяной душ. Но вопреки ожиданию желание заговорить, вместо того чтобы неудержимо усилиться, вдруг погасло, охлажденное этим холодным душем, разрядившим нервное напряжение. Лоб Календы покраснел и покрылся капельками пота. Прежнее недоверие, антипатия и осторожность вернулись к нему. Докуренная только до половины сигарета стала ему противна. Он так энергично смял ее в пепельнице, что она разорвалась по всей длине.

Алена, восприимчивая, как сейсмограф, тотчас уловила перемену в его настроении, но не переставала улыбаться мягко и одобрительно. Календа провел рукой по лбу и сказал:

— Рассказывать о машинке не имеет смысла. Надо было бы показать вам письмо, а его, к сожалению, у меня с собой нет. Да и зашел я сюда только на минуту, выяснить один-единственный вопрос.

Лицо Алены не изменилось, но в ее голосе под наигранной веселостью Календа уловил настороженность.

— Спрашивайте, сколько вам угодно, пан поручик. Мы с вами оба при исполнении служебных обязанностей. Я напишу у себя в отчете: разговор с представителем КНБ с такого-то до такого-то часа, и никто не посмеет упрекнуть меня, что я бездельничала. Спрашивайте же, что вам угодно.

— Вопрос очень простой. Что предпочитает ваш отец, коньяк или виски?

На какую-то долю секунды длинные ресницы Алены скрыли ее глаза. И она тут же рассмеялась.

— Держу пари, что угадала, чего вы доискиваетесь. Речь идет о разбитой у Росмусов рюмке. Бог знает кто рассказал вам о ней. Я начинаю проникаться уважением

к полиции... виновата, теперь ее называют иначе... к органам безопасности. Чего бы я только не дала за то, чтобы расследовать вместе с вами! Я всегда любила детективные романы.

— Вы не ответили на вопрос.

— Не будьте официальны и не хмурьтесь, вам это не идет. Я вам обязательно отвечу, но вы рассердитесь еще больше, потому что мой ответ вам мало поможет. У моего отца свои взгляды на выпивку, и он никогда не превышает нормы, которую раз навсегда для себя установил. Три рюмки за вечер — его предел, что бы он ни пил — вино или более крепкие напитки. Он говорит, что если выпить больше, то удовольствие пропадает, ибо притупляются вкус и обоняние. Но, по-моему, главное в том, что он боится потерять самоконтроль и стать смешным в глазах окружающих. Это очень в его стиле: всю жизнь он извлекал пользу из слабостей других людей и старался скрыть свои собственные.

Календу передернуло от того, что дочь описывала характер своего отца таким хладнокровным тоном, словно речь шла о каком-то интересном, но совершенно постороннем объекте наблюдения. Выражение лица Алены при этом совсем не изменилось. Полуосвещенное солнечным светом, оно сохраняло гармоничную прелесть, усиленную легкой улыбкой. Календа был озадачен, он не знал, глядит ли так пристально на это девичье лицо, чтобы не упустить на нем ни одного движения, которое могло бы показать, насколько девушка искренна, или просто не может отвести от нее глаз... Слова отталкивали, отчуждали его, но лицо... лицо завоевывало... А кстати, разве не может быть, что в образе мыслей Алены и ее манере излагать их отразилось инстинктивное тяготение к искренности и чистоте человеческих отношений, свойственное некоторым отпрыскам распадающихся буржуазных семей?

Он вытер платком шею и затылок.

— А зачем вообще ваш отец был в тот вечер у Росмусов?

— Разве вы не знаете, что он судья? — ответила Алена.— Старший советник юстиции доктор права Альберт Зима. Еще до войны он был юрисконсультом инженера Росмуса.

— Судья и одновремено юрисконсульт для людей, которые постоянно имели гражданские дела в суде?

Алена пожала плечами, не переставая улыбаться.

— Я в этом не разбираюсь. Но, по-моему, здесь нет ничего особенного. До войны, да, может, и во время войны,

это было самым обычным делом. Не забывайте, что судьи получали мизерное жалованье и большинство их не хотело мириться с этим.

Календе как-то полегчало при этих словах. Обаяние Алены ослабло. «Так, так, девочка,— подумал он,— теперь я, по крайней мере, вижу, с кем имею дело». Его голос перестал быть напряженным и зазвучал почти весело.

— Такова была система, вот и все,— сказал он.— На чьей стороне могли быть судьи? Разумеется, на той, откуда можно было ожидать пополнения своих доходов. Ну, а теперь скажите, что пил в тот вечер у Росмусов ваш отец?

Алена покачала головой и тотчас опять подняла руки, поправляя распущенные волосы.

— Охотно бы вам помогла, но, право, не знаю. Я сидела к нему спиной и глядела на огонь в камине. И даже мой ответ на вопрос, каким спиртным напиткам отец отдает предпочтение, не приблизит вас к цели. Дело в том, что его вкусы меняются, потому что у него и на этот счет есть своя теория. Когда он взволнован или хочет молчать, он предпочитает виски. Он считает, что этот напиток приятно оглушает. А коньяк развязывает язык и придает легкость и остроумие.

— А в тот вечер ваш отец был разговорчив или нет?

— Право, я начинаю бояться вас, поручик,— засмеялась Алена.— У вас опасная проницательность, но она ни к чему не приведет. В тот вечер говорили слишком многие, а в такой обстановке отец предпочитает молчать и слушать.

— Стало быть, он пил виски.

— Как будто логичное умозаключение,— сказала Алена, удивляясь выводу собеседника.— Но я, право, не знаю, так ли это. За моей спиной кто-то разбил рюмку, и распространился запах коньяка. Потом я слышала, как отец извинялся перед хозяйкой за разбитую рюмку и она налила ему коньяку в другую. Видите, как трудно иногда полагаться на логические умозаключения.

Выйдя в коридор, Календа глубоко вдохнул прохладный воздух, сделал несколько быстрых шагов и остановился у одного из немытых окон, выходящих на косогор за домом. В голове у него было совершенно пусто, и он смотрел перед собой невидящим взглядом. Календа прикрыл глаза, и тотчас его мысленному взору предстала Алена, словно она была нарисована у него на сетчатке. Он протер кулаками глаза, как когда-то в годы детства вытирал злые слезы. «Так не годится, приятель, не годится,— твердил он

себе.— Один раз ей удалось обдурить тебя, но только раз, и баста!»

Он не знал, что Алена долго сидела не двигаясь и глядя на дверь. «Вот, получай, дурная,— думала она.— Больше он на тебя и не взглянет. Никогда, понимаешь? Хотела бы я знать, почему я ему не сказала всего, что знаю? Что тебе помешало?»

И вдруг, словно увидев перед собой все, что в самом деле мешало ей поступить так, все, что лежало между ней и молодым поручиком КНБ, она скривила губы, насмешливо хмыкнула по собственному адресу и, вынув из ящика туалетные принадлежности, прислонила зеркальце к настольной лампе и долго разглядывала свое лицо. Потом слегка вздохнула и стала причесывать волосы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Пало Варга поселился в Долинке как раз вовремя, чтобы еще успеть распахать двенадцать закрепленных за ним гектаров, посеять хлеб, посадить картофель и кормовую свеклу. Время летело как на крыльях, но Пало не потерял из них ни единого перышка, не провел попусту ни минутки, если не считать короткого ночного сна. Он отрывал время у ночи и прибавлял его к дню, так что даже Винценц Постава, о котором никто не сказал бы, что он не охоч до работы, начал хмуриться и опять поговаривать, что «эти словаки» готовы работать от зари до зари. Старик никогда не примирился бы с тем, что кто-то берет над ним верх в работе; чем больше Пало улыбался, тем сильнее хмурился Постава, ворчал в свои висячие усы и старался не отставать от молодого соперника, хотя был старше на добрых двадцать лет. За работой они вели себя, как два петуха на одной куче, в остальном же давно прониклись взаимной симпатией, и их тянуло друг к другу, где бы они ни встретились. Пало, казалось, не мог обойтись без ворчливых и колючих реплик Поставы, а Постава — наглядеться на его ловкие, вечно занятые руки, словно он старался понять, в чем источник несокрушимого веселья и сноровки молодого словака. Пало покорил всю мужскую половину семьи Поставы, не исключая и Богоуша Клинека. Мальчишки ходили за ним по пятам и учились у него искусству вырезывать ножом всяческие штуки из дерева.

Как только Пало устроился в домике у еловой рощицы на бугре, к нему приехала из Словакии жена. Это была

крепкая румяная толстушка, головы на две ниже своего мужа, темноволосая, с широким белым лбом и веселыми синими глазами.

— Этакий колобок,— покровительственным тоном сказал о ней Винценц Постава; сравнение было меткое, потому что Кристина — так звали жену Пало — была вся круглая, но удивительно подвижная и не присаживалась ни на минутку, как заводная. То ли горячая кровь, то ли еще что-то постоянно погоняло ее, не давало ей остановиться. Трехлетний беловолосый малыш ковылял за ней по пятам, второй, толстый, напоминающий маленького Будду, сидел в глубокой плетеной коляске, поворачивая голову в ту сторону, куда шла мать, сосал свой палец и даже не пытался поднять на ноги свое упитанное тельце.

Третьего ребенка ожидали. У Кристины уже округлился живот, и женщины в Долинке пришли к выводу, что опять будет мальчишка. Определить это ничего не стоило, взглянув на лицо Кристины: в нем не убавилось ни румянца, ни привлекательности; дело ясное, всякий знает, что девочки высасывают материнскую красоту. Варга, слушая эти разговоры, называл их бабьей болтовней, но нетрудно было угадать, чего он хочет сам, а Винценц Постава подсмеивался над ним, говоря, что Пало умеет вырезать ножом из дерева любую фигурку, а вот насчет детей это не так-то просто.

Целыми днями Кристина пела, как птичка на дереве у своего гнезда. А так как Пало тоже то и дело запевал что-нибудь своим приятным голосом, Винценц Постава прозвал их «певунами», и это прозвище быстро привилось в Долинке и даже в Поточной.

Оба — Пало и Кристина — показывали хороший пример тем переселенцам, кто жил, но вроде и не жил в гористом Пограничье, кто чувствовал себя в изгнании, испытывал страх и неуверенность, вечно вздыхал, кто был одной ногой здесь, а другой там и уезжал отсюда, хотя бы на словах, чуть не семь раз в неделю, а в конце концов исчезал и по-настоящему, оставив дом, разгромленный точно после набега диких кочевников, и поле, заброшенное, заросшее сорняками и бурьяном, а зачастую березовым молодняком и даже дикой горной вишней. На Варгу и его жену не действовали разговоры о том, что переселенцам здесь, под горами, не улыбается счастливое будущее. Пало и Кристина, подобно двум деревьям, пересаженным с каменистой почвы в плодородный чернозем, глубоко и жадно запускали в него свои корни.

И тот, кто пытался завести с Пало «страшные разговоры» — быть может, лишь затем, чтобы самому избавиться от страхов,—чувствовал, что у него немеет язык и он чуть не давится своим враньем. Пало сверкал глазами и, хотя его не считали охотником до ссор или драк, выглядел в такой момент так, словно нож у него в кармане раскрывался сам собой. И болтун спешил переменить тему или поскорее убраться восвояси.

В кухне Пало повесил в резной, собственного изделия деревянной рамке грамоту на землю и дом; за едой он садился напротив и подолгу глядел на нее.

И во всем он вел себя как человек, занявший наконец место, которое издавна принадлежало ему по праву, и которое он не покинет до последнего своего дыхания. Никогда он не торопился, но никогда и не переставал работать. Если Пало не был в поле или в лесу, то он занимался своим домом, украшая его так, чтобы он радовал глаз и напоминал о родном крае. Он перекрыл крышу, разукрасив ее однообразную светло-серую поверхность узором из красной черепицы. Он подремонтировал грубую потемневшую штукатурку и выкрасил стены домика в густо-синий цвет с белыми обводами. Потом взялся за фронтон и вырезал на нем сердце и двух поющих соловьев.

Мальчуганы Поставы постоянно следили за ним. Едва они убеждались, что Пало у себя и мастерит что-то из дерева, их нельзя было удержать дома. Они часами просиживали у Пало, зачарованные его искусными руками, его песенками и рассказами. Запах дерева, возникающий под топором, пилой, рубанком или ножом, вызывал у Варги воспоминания о родных лесах, и он — человек не очень-то общительный со взрослыми — оттаивал в обществе мальчишек и начинал рассказывать, не отрывая глаз от куска дерева, которому придавал в это время нужную форму. Иной раз воспоминание рождало песню, иногда, наоборот, песня наводила на воспоминания. Так мальчики Поставы, питомцы батрацкой семьи, начинали понимать, какой мачехой была жизнь для бедняков в словацких горах. Они сами не сознавали, что после таких рассказов по-иному звучала разбойничья песня, как-то по-особому врезывалась им в память и в сердце. Лица горели, в глазах мелькали огоньки, подобные отблеску пастушьего костра, и маленькие руки, уже узнавшие труд, сжимались так, словно держали легендарный разбойничий топорик.

Героем их мальчишеских игр и беспокойных сновидений стал Яношик, а с ним и горные хлопцы, партизаны;

ненависть к врагу провела их от Банской Быстрицы до Клачанской долины и выше, над перевалами Чертовице и Трангошка, и в медвежьи леса Дюмбьера, и на Хабенец, и еще дальше, на голые вершины Татр, где вечно дуют ветры и над пастушьими хижинами и стадами высится лишь царство кондоров и горных орлов. Туда поднялся с самыми верными и выносливыми горными хлопцами Пало Варга, когда его воинская часть распалась в тяжелых арьергардных боях. И оттуда он со своими товарищами спускался вниз на шоссе и к железнодорожным путям, чтобы перерезать артерии, по которым текла на фронт вражеская сила. Рассказывая эту историю, Пало никогда не говорил мальчикам, кто был тот отважный партизан, что вдвоем с товарищем, вооруженный лишь легким пулеметом, прикрывал отход своего отряда, а потом, когда задание было выполнено, спас и раненого товарища и оружие, пройдя тяжелый путь, увязая зачастую по пояс в сыпучем снегу.

Пало знал много таких историй и случаев, и сыновья Поставы были готовы без конца слушать их. Вот, например, встретился партизан с медведем-двухлеткой. Это была очень смешная, вовсе не героическая история. Ну, скажите, что мог сделать самый смелый партизан, если перед ним на узкой тропке вдруг появился и встал на дыбки молодой медведь. А тропка была проложена так: в крутой глинистый откос вбиты еловые стволы и на них брошены хвойные ветки. Дорожка вся ходуном ходила. Что оставалось делать партизану, у которого за плечами был только мешок отрубей? Повернуться и дать тягу! К тому же партизану было ясно, что, во-первых, он заблудился, а во-вторых, что мамаша медвежонка бродит где-нибудь неподалеку. Тогда партизан и медвежонок повернули обратно и разошлись в разные стороны. Оба на своих на двоих. Партизан потому, что люди всегда так ходят, а медведь с перепугу позабыл опуститься на четвереньки и вдобавок оставил после себя кучку, от которой в тот морозный день валил пар.

Как не посмеяться такому рассказу? Старший сынишка Поставы расхрабрился и спросил:

— Скажи-ка, Пало, а партизан не оставил такой же кучки?

И удрал на другой конец двора.

Все, конечно, смеялись, хотя Пало не отрицал, что одним из двух героев этого рассказа был он сам.

Работы на своем поле Варге было мало. Он сговорился со старым Герлом и отправился с ним в лес, а потом убедил

Поставу с Клинеком, что и они нужны для расчистки леса от поваленных бурей деревьев.

Три или четыре хозяйства в Долинке пустовали, и Пало не мог спокойно глядеть на необработанные участки. Он поговорил с Поставой, и оказалось, что и тому вид зароставших бурьяном полей был как нож в сердце. Винценц Постава нахмурился, словно человек, которому кто-то высказал его собственную, давно взлелеянную, но до сих пор затаенную мысль.

— Ну, а чего бы ты хотел?

Варга предложил сообща обработать поля, убрать урожай и разделить его. Да и не только на этих полях они могли бы объединиться, но и во многих других случаях, когда возникают трудности, чтобы преодолеть их общими усилиями.

Но Постава завертел головой так решительно, что трубка закачалась у него в зубах.

— Я об этом и слушать не хочу. Если кто и станет работать, так разве что я, ты, наш Богоуш да, быть может, еще старый Герл. А другие? Раз придут, другой раз останутся дома, а делить доходы захотят поровну! Поверь мне, есть такие люди, что хуже скотины. Привыкли к кнуту и, ежели нет его над головой, не шевельнут пальцем.

— Люди таковы, какими их сделала нужда и барский кнут. Но они отвыкнут от этого. Кто-то должен показать им дорогу.

— Я не нянька и не учитель,— решительно объявил Винценц Постава.— Свою работу я делаю, а у кого есть охота поучиться у меня, пусть приходит и поглядит.

Но все-таки он призадумался, почесал мундштуком трубки ус и наконец сказал:

— А впрочем, коли ты считаешь, что из этого выйдет толк, можно подумать. С тобой и Богоушем за такое дело я бы взялся.

— Надо посоветоваться со всеми,— сказал Варга.— Представляете себе, какой поднимется крик, если мы начнем работать одни?

Через два дня после этого разговора крестьяне Долинки собрались в трактире Бледного Арношта. Они пришли с женами и недоверчиво выжидали, что будет. По деревне разнесся слух, что разговор пойдет насчет пустующих участков; большинство крестьян видело в этом ловушку и заранее решило ни на что не соглашаться. Мы, мол, не мыши и не пойдем в мышеловку, как бы ни вкусно пахло сало.

Рассказывали, что все это затеял словак Варга. Оставался бы он лучше там, откуда пришел, говорили некоторые. Большинство крестьян Долинки, в прошлом батраки, как и Винценц Постава, еще не забыли, как хозяева грозили, что уволят всех чехов и наберут словаков. Уму непостижимо, зачем Винценц Постава и его зять, человек будто бы образованный, связались с этим пришельцем. Правда, никто из сельчан не был в ссоре с Варгой и о нем не говорили ничего худого, соседи смеялись, когда он шутил, и охотно слушали его песни. И все же их как-то задевало, что Варга так неутомим и работящ, хотя они уверяли себя, что сами надрываются, как лошади. Им казалось, что присутствие Варги в Долинке таит в себе какую-то угрозу для них, хотя они не могли бы толком сказать — какую. Избавившись от ярма батрачества, они больше всего боялись снова попасть в какое-нибудь ярмо.

Крестьяне из Долинки приходили один за другим. Собрались они раньше назначенного часа. Большинство сидели молча, попивая поочередно то водку из рюмок, то пиво из кружек, курили дешевые вонючие сигареты и потирали небритые подбородки. Деймек созвал их на девять часов вечера, потому что должен был еще присутствовать на заседании местного национального комитета. Сейчас было без десяти девять.

— Слушай-ка, Винценц,— сказал один из братьев Карасовых.— Скажи нам, что тут будет. Говорят, это все ты затеял.

— Погоди, все в свое время,— солидно ответил Постава.— Зачем тебе слушать две обедни?

— Ну так пусть нам Пало пока расскажет, что у него вышло с Тимешевой зазнобой,— вставил второй брат Карас.

Женщины взвизгнули, все мужчины хрипло расхохотались. Пало густо покраснел и сжал под столом кулаки, довольный, что его жена осталась дома с детьми.

Карел, заговоривший первым, и Бедржих своим видом напоминали обросшие лишайником пни. Оба были приземистые, волосы с проседью ежиком покрывали их крепкие головы с выдающимися подбородками. На угловатом лице из-под редких бровей глядели колючие, бегающие глазки. Братья походили друг на друга, как близнецы, хотя Бедржих был на год старше Карела; их, пожалуй, трудно было бы отличить друг от друга, если бы лоб Бедржиха не пересекал глубокий темно-багровый шрам — память о трактирной драке. В Долинке братьев никто не любил и все

слегка побаивались, так же, как и их тощих сварливых жен, которых оба выбрали словно по одному образцу. Братья в отличие от большинства переселенцев Долинки не были прежде батраками или безземельными крестьянами. Где-то в окрестностях Подебрад у них было собственное хозяйство, не известно, насколько зажиточное; они уехали оттуда, опасаясь преследования за то, что помогали оккупантам и, используя связи с ними, терроризировали односельчан.

У Варги не было причин краснеть при вопросе о фрау Краус. Его обозлил ехидный тон, каким задал этот вопрос Карас-старший. Случай с фрау Краус, жившей до тех пор у Тимеша в Грюне, произошел накануне утром, и Бедржих Карас очень хорошо знал, как было дело, потому что, когда Пало возвращался в Долинку с возом кормовых трав, Бедржих как раз пахал по соседству поле под картофель.

Приближаясь к еловой рощице у самой проселочной дороги, Варга увидел на обочине одетую по-городскому женщину. Она сидела на старом пне, у ног ее лежал довольно большой черный чемодан, отделанный кожей. Женщина выглядела молодо, хотя в ее непокрытых темных волосах поблескивали серебряные нити. Она казалась совершенно необычной здесь, где можно было встретить только жителей Долинки, лесника или, в крайнем случае, почтальона Смолу, который предпочитал самые малолюдные и незаметные маршруты.

Пало не знал фрау Краус и никогда не встречал ее прежде. Лицо женщины обратило на себя его внимание не столько красотой, сколько выражением полного изнурения, отчаяния, а может быть, и страха. По ее глазам было видно, что она старается подавить в себе этот страх, и одновременно ее взгляд молил о помощи. Пало остановил коней и поздоровался. Женщина слегка кивнула и беззвучно пошевелила губами.

— Вы идете вниз? — спросил Пало.

Она опять молча кивнула.

— В Долинку?

Она покачала головой и наконец сказала:

— В Поточную.

— Положите чемодан на воз. Я могу поехать и через Поточную, крюк невелик.

Женщина встала, будто по привычке подчиняясь приказу, но слегка зашаталась. Пало нагнулся за ее чемоданом и бросил его на воз в траву. Выпрямившись, он заметил, что Бедржих Карас перестал пахать и глядит в их сторону.

«Следит,— подумал Варга,— а потом будет бегать из дома в дом со сплетней». Он повернулся к женщине, которая все еще не сделала ни шагу, еле стоя на ногах, словно старалась не упасть.

— Идите садитесь, я вас подвезу.

Женщина колебалась. Она растерянно провела рукой по лицу и опять опустила ее.

— Мне нечем вам заплатить,— сказала она.— У меня нет денег.

Пало нахмурился.

— Я не просил денег,— ответил он.

Ему пришлось помочь ей влезть на телегу, настолько женщина была слаба и неловка. Женщина при этом покраснела, и Пало заметил на ее левой щеке расплывшееся сине-желтое пятно, на самой скуле. «Ее били,— подумал Пало,— и она сбежала». Ему не раз в течение своей жизни приходилось видеть жен, избитых мужьями, и он никогда не мог примириться с такой жестокостью. Все это делает с людьми нужда. Нужда и водка. Но не похоже было, что такая женщина жила в бедности. В Пало вскипел гнев на того, кто ее ударил, и в то же время у него возникло нечто вроде уважения к ее беспомощности и слабости. Ему вспомнилась Кристина, работающая, как лошадь, горячая, как летний день, нежная, как тень яблони, вспомнились объятия, песенки и смех жены. Пусть у него руки отсохнут, если он вздумает когда-нибудь поднять их на Кристину!

— Вы к кому-нибудь в Поточную или на станцию? — спросил он и тут же прикусил язык. «На станцию! Ведь она сказала, что у нее нет денег!»

Женщина покраснела еще больше и ответила почти шепотом:

— В гостиницу Рейзека.

Пало сразу осенило: «Так вот это кто!» Он много раз слышал историю фрау Краус. Значит, она возвращается туда, откуда сбежала.

Он подошел и тронул лошадь. Теперь он сам не понимал, стоит ли жалеть эту женщину и сочувствовать ей.

Окольным путем он спустился к гостинице. Тем не менее едва он выехал на шоссе к дому Рейзека, как ему встретилось несколько человек, которые остановились и поглядывали издали, что будет дальше. После этого они моментально разнесли по всей Поточной весть, что словак из Долинки привез на возу с травой фрау Краус с чемоданом обратно к ее бывшему любовнику. Описывали драматическую сцену этого возвращения, причем всяк по-своему и

все с новыми волнующими, трогательными или смешными подробностями. Под конец все сошлись на том, что сцена была бурная, но живописали ее в двух версиях. Согласно одной, Рейзек отказался принять свою бывшую возлюбленную и сдался только тогда, когда она упала на бетонную мостовую двора и вся в слезах стала обнимать его ноги. Другая версия гласила, что старая немка Грета, служанка Рейзека, пыталась не впустить фрау Краус в дом, и Рейзек тут же на месте уволил Грету. Было и еще несколько вариантов, в которых видоизменялись или сочетались обе основные версии. Правда же, как всегда, была значительно проще.

Остановив лошадей у бокового входа в гостиницу, Пало помог фрау Краус слезть с воза. С недовольством заметив, что на них глядят, он взял чемодан, внес его в полуоткрытую калитку и поставил на дорожке. Фрау Краус, как и он, подгоняемая любопытными взглядами, быстро вошла следом за ним во двор и тотчас же остановилась, словно остолбенев. Она не ожидала, что сразу же во дворе встретит обоих: Рейзека и Грету. Рейзек в свитере и старых брюках поливал из шланга свой старый черный «мерседес», а Грета, невероятно худая и прямая, словно палка, как всегда, кормила в углу, около птичника, кур и голубей. Голуби то взлетали, то возвращались к враждующим между собой курам, которые торопливо клевали зерно.

Рейзек поднял взгляд и замер, не веря своим глазам. Потом он отбросил шланг и побежал навстречу фрау Краус.

— Ганс! — скрипучим голосом воскликнула Грета.— Что вы делаете, Ганс? Нельзя же так!

Рейзек обернулся к ней и крикнул:

— Заткнитесь!

И был уже рядом с фрау Краус. Схватив ее за руки, он впился в нее взглядом, словно все еще не верил, что это она, или не мог понять, в чем дело. Потом, заметив чемодан у ее ног, он взволнованно обнял фрау Краус. Пало услышал, как она коротко всхлипнула. Повернувшись на каблуках, молодой словак вышел из калитки и уже взялся за вожжи, когда Рейзек выбежал за ним вслед.

— Погодите, погодите, я же должен вам заплатить. Или хоть зайдите выпить чего-нибудь.

Но Пало только махнул рукой, причмокнул и стал поворачивать телегу, чтобы поскорей убраться подальше.

Такова была история встречи Варги с фрау Краус. Винценц Постава знал ее со слов Пало. И потому, когда Бедржих Карас сделал свое язвительное замечание и Пало

Варга насторожился, словно готовясь к прыжку. Постава под столом стиснул ему руку и поспешил сам ответить Карасу.

— Слушай, Карас,— сказал он, как всегда, неторопливо,— сам видишь, что у Пало дух перехватило от твоего нахальства. Пока он придет в себя, расскажи-ка ты нам лучше, как тебе жилось во время войны у вас, в Пискове Льготе. Если чего-нибудь не вспомнишь, братец тебе поможет.

Трактир грохнул дружным хохотом. Братья Карасовы переглянулись, безмолвно вопрошая друг друга, какие у них будут шансы, если они начнут драку. Жены рядом с ними шипели, как разозленные гусыни. Как же быть? Нелегкий вопрос! Скажем, посадят тебя за драку, а раз ты окажешься у них в руках, кто знает, о чем еще вздумают тебя допросить?.. И старые трактирные драчуны колебались и тщетно старались подбодрить друг друга. Даже яростный шепот жен не сдвинул их с места, и Карел в конце концов поднял руку и жестом показал своей половине, что он с ней сделает, если она не замолчит сию минуту.

Деймек и Брендл, пришедшие наконец с заседания МНК, нашли собрание взбудораженным и готовым к чему угодно, только не к серьезному обсуждению вопроса о пустующих участках в Долинке. Да Деймеку и Брендлу и самим не было ясно, что следует предложить и как правильно решить вопрос. Багар и Гальчик были в эти дни в Праге, и Деймеку с Брендлом приходилось действовать самостоятельно. Пустующие участки были во всех деревнях района, куда ни пойди, но никто не знал, что с ними делать.

Когда Деймек и Брендл вошли в прокуренное помещение, жители Долинки, возбужденные стычкой Варги и Поставы с братьями, встретили их насмешливыми возгласами:

— Господа не спешат!

— Будут создавать новый кооператив!

— Чтобы опять было где воровать!..

Призрак кооперативов взаимопомощи, преждевременно созданных в нескольких деревнях и вскоре развалившихся, продолжал еще пугать крестьян.

Деймек восстановил тишину и сказал:

— А почему вы нас так встречаете, граждане? Во-первых, мы созвали это собрание по вашему собственному почину, а во-вторых, мы заранее предупредили, что немного опоздаем.

— Чей почин? — отозвался Бедржих Карас.— Ишь что придумал! Ни о каком собрании мы не просили.

— Дай-ка мне слово, председатель,— попросил Винценц Постава.— Чтобы всякому было ясно, заявляю: к Деймеку обращались мы, то есть я, Варга и наш Богоуш — и сейчас скажу, насчет чего. Жалко, что у нас в Долинке пустует столько земли. Просто душа болит, когда видишь лопух, чертополох и всякую дрянь там, где можно было бы посадить хоть картошку. Срам глядеть на эти поля. Всякий, наверное, спрашивает себя: что же за хозяева в Долинке? Вот мы и попросили, чтобы товарищ Деймек собрал нас посоветоваться, как быть с этим делом.

— Выходи и паши их сам, ежели тебе приспичило,— хрипло произнес горбатый вдовец Бахтик, который хозяйствовал в Долинке вместе со своим придурковатым холостым сыном.— Нам и своего хватает.

— Хочет все хапать да хапать, ненасытный,— взвизгнула одна из «Карасих»,— а другие чтоб спину на него гнули!

— Тихо, прошу! — со вздохом и как-то устало сказал Деймек.— Слово имеет товарищ Брендл.

Брендл поднялся над столом, длинный и еще более тощий, чем прежде. Говорить сидя он не мог, считая это неуважением к собранию.

— Граждане и товарищи! — начал он, наклоняясь вперед и опершись костлявыми пальцами о стол, покрытый замызганной скатертью.

— Товарищей ты оставь при себе,— проворчал Бедржих Карас.

Но Брендла эта выходка не смутила. Он хотя и не избавился еще от застенчивости, но научился владеть собой. С того дня, как он вступил в партию, он участвовал во многих стычках на разных собраниях, и наряду с его врожденной стеснительностью выявились и другие, скрытые раньше, черты характера — непоколебимость и воинственность. Сознание того, что он говорит не только от своего имени, но от имени всех людей, объединенных хорошей, справедливой идеей, активизировало в нем эти черты.

Вот и сейчас, заметив, что рядом с ним встрепенулись Постава и Варга, Брендл легким движением протянутой ладони отклонил их помощь и сказал:

— Здесь присутствуют товарищи, и их немало. Я обращаюсь и к ним, и ко всем, кто понял свою задачу здесь, в горах Пограничья, и действует честно и добросовестно. Не буду спорить с членами других политических партий, мы

с ними не враждуем. Всех нас ведет правительство Национального фронта, и задачи у нас общие. Мы уверены, что труженики всегда найдут общий язык. Нам нужно восстановить хозяйство, подорванное оккупацией, нужно добиться, чтобы всем жилось хорошо и лучше, чем когда-либо раньше. Кто не желал бы этого от всего сердца? А возделать заброшенную, неиспользованную землю — как раз одна из таких задач, выполнение которых приближает нас к благосостоянию. Когда-то, во времена гуситов, было в чешском народе великое единство. Кто был прочной опорой этого единства? Трудовой народ. Вот и мы призываем к такому единству, близкому и понятному каждому чеху. Но единство можно выковать только в совместной борьбе, от одного боя к другому. И такой бой — обработка заброшенных полей во многих деревнях, в том числе и у нас, в Долинке. Здесь кто-то кричал о кооперативах. Но разве не известно, что правительство не призывало создавать такие кооперативы. Всюду, где граждане на свой страх и риск попытались организовать их, дело кончилось неудачей. Другой вопрос, почему вообще делались такие попытки.

Граждане и товарищи! Если исследовать причины, то мы увидим, что во всех подобных случаях крестьяне пытались сообща справиться с трудностями, потому что в одиночку это оказывалось им не под силу. Но они зашли слишком далеко: ведь кооперативы прежде всего должны опираться на механизацию, на машины, которых у нас маловато. Замысел, однако, сам по себе правильный, и, если его понять как следует, он может быть хорошим примером. В деле, которое не выполнить одному, нужна взаимопомощь, нужно объединение. Если бы мы правильно поняли этот принцип, мы сумели бы справиться и с такой задачей, как уборка сена своими силами и обработка пустующих участков. Такое предложение выдвигают товарищи Варга, Постава и Клинек. Я горячо поддерживаю их и призываю вас, чтобы вы с ясным сознанием гражданского долга, разумно и как верные сыны родины и жители Пограничья обсудили это предложение. Может быть, вы скажете: что значит для государства несколько полосок земли у нас, в Долинке? Но разве не можем мы показать пример, которому последуют все нерешительные и колеблющиеся? Не говоря даже о том, что совместный труд принесет и вам самим изрядный доход, местный национальный комитет в Поточной предлагает вам такое решение как самое правильное и призывает вас, уважаемые граждане и товарищи, со всей ответственностью обсудить предложение товари-

щей Варги, Поставы и Клинека и найти пути его осуществления.

Брендл замолк. Раздалось несколько хлопков, но большинство присутствующих не пошевелилось и глядело на председательский столик такими безразличными глазами, как будто там никого не было.

— Болтать — дело нехитрое,— громко произнес Бедржих Карас, сложив свои ручищи рупором.— А работать в поле не то что ставить штемпеля на почте.

Вацлав Брендл снова встал и сказал немного взволнованно:

— Я готов принять участие в полевых работах после своего служебного дня. Здесь достаточно товарищей, которые могут подтвердить, что я хозяин своему слову.

Но у братцев такие языки, что с ними лучше не связываться. Если у одного не находится ответа, в перепалку тотчас вмешивается другой. Так произошло и сейчас. Заговорил Карел.

— Ты лучше оставайся при своих штемпелях, а то, гляди, пупок еще надорвешь,— сказал он.

В зале засмеялись. Деймек сердито постучал по столу фарфоровой подставкой от пивной кружки. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы преодолеть вспышку гнева, потом заговорил:

— Граждане, мы собрались сюда не затем, чтобы оскорблять друг друга, а чтобы обсудить важное дело. Я уверен, что все вы понимаете это и как один выступите против тех, кто хочет превратить наше собрание в трактирную ссору или даже драку. Прошу конкретно высказываться по выдвинутому предложению.

Люди затихли и, перестав улыбаться, угрюмо уставились в одну точку, никто не хотел теперь взять слово. Только из угла, где сидели Карасы, слышался свистящий шепот их жен. Тщетно Деймек призывал откровенно высказаться по существу дела. Собравшиеся понимающе переглядывались, наклонялись друг к другу, шептались, но никто не собирался говорить.

Винценц Постава почесывал мундштуком трубки усы, оглядывал лица собравшихся и всюду видел знакомую ему апатичность, которую напускает на себя крестьянин, когда не хочет выразить свое мнение. Постава знал эту повадку, очень хорошо знал. Сколько раз он сам глядел так же тупо, как глядят другие, когда не хотят слушать никаких резонов. Но только сегодня он понял, как может взбесить такое поведение. В нем все кипело, ему хотелось закричать одно-

сельчанам: «Что ж вы смотрите, как баран на новые ворота?! Меня этим не проведешь, я так тоже умею!»

Хуже всего, однако, было то, что он не только понимал этих людей, но как-то вдруг почувствовал себя на их стороне. Неожиданно и против воли Поставы в голове у него все смешалось. Кто же я и чего хочу? Постава был родом из бедной крестьянской семьи, это верно, но потому-то, видимо, в нем и глубоко коренилась давняя мужицкая неприязнь ко всякому коллективному делу, которую не сгладили даже годы наемного труда. Объединение — выдумка городских. Крестьянин в душе Поставы жил и дышал другими интересами, хотя его жизненный путь вел из хаты с многодетной семьей в кулацкую конюшню и оттуда к уделу батрака-депутатника. То ли дело его отец. Тот был сам себе хозяин, работал на своем поле, хоть и владел всего двумя коровенками, из которых обычно одна (а иногда и обе) не давала молока. Правда, ему приходилось от нужды наниматься в лесорубы и на сезон к кулакам. Всю жизнь в голове Поставы, прикрытой потертой и засаленной кепкой, жила мечта о собственном хозяйстве. И никто не помог ему осуществить ее, кроме нынешней власти. Нынешняя власть? Погоди-ка, а чего ждет она от тебя? Поставе казалось, что он лезет на гору, вершина которой недосягаема, казалось, что он с завязанными глазами блуждает по лесу, нащупывая дорогу от дерева к дереву... Словак подбил его на эту затею, именно словак! А со словаком заодно его, Винценца, зять, который, хочешь не хочешь, собственно, не кто иной, как перебежчик из города. И все же надо что-то сделать, кто-то должен выступить и высказаться по существу, нельзя же всем сидеть тут до полуночи и глядеть друг на друга, как бараны.

Богоуш Клинек искоса поглядывал на своего тестя и видел, что тот сидит как на иголках. Богоуш наклонился к нему и сказал на ухо:

— Полегче, папаша, полегче!

Эти слова, как нарочно, шедшие полностью вразрез со всем, что под влиянием неизжитого прошлого поднялось в душе Винценца Поставы, свидетельствовали, что Богоуш не сомневается в верности тестя их соглашению, и потому вызвали темный румянец на смуглом лице Поставы, словно он был застигнут на месте преступления. Он глубоко вздохнул и поднял руку.

— Слово просит товарищ Постава,— сказал Деймек.

Тот положил перед собой трубку так бережно, словно она была стеклянная, и встал.

— Я... я только потому, что все мы тут молчим, как убитые,— прерывающимся голосом начал он.— Почему, думаю, никто не хочет высказаться? Видно, потому, что никому не нравится такое дело, чтоб сообща взяться за пустующие участки. Предлагал это я, вернее, Варга, я и наш Богоуш. Раз я предлагал, значит, мне и отстаивать. Ну, а что, ежели мне сейчас это дело тоже не нравится, как и вам? Вот вы боитесь подвоха или думаете, что хватает вам своих хлопот и своей работы. Я тоже так думаю. Глядя на вас, и я ломаю голову: что из всего этого выйдет? Один станет работать на совесть, другой лодырничать. А при дележке все потребуют поровну, да еще иной захочет получить больше других. Этого вы боитесь? Я тоже. Но вот товарищ Брендл нам очень хорошо растолковал, почему нам надо взяться за дело сообща. И я согласен с этим. Не потому, что это мое предложение, а потому, что так нужно, потому, что это наш долг перед новой властью.

«Хитро высказался этот Постава,— подумал Деймек.— Лучше, чем мы. У него есть к ним подход». И, попыхивая трубочкой, он задумчиво стал ждать, какие плоды принесет речь Поставы. Первым отозвался Бедржих Карас, явно задавая тон всем остальным.

— Всяк сам себе лучший хозяин,— сказал он.— Эту мудрость я понимаю, а ко всякой другой глух как пень. Этой самой совместностью нас не проведешь. Пусть лучше каждый скажет, сколько земли он хочет обработать вдобавок к тому, что имеет. Мы здесь все это распределим, запишем, и готово дело. А кто не хочет, не надо. Только никого не неволить. Как-никак у нас еще демократия.

— Вот и я так говорю,— согласился Бахтик.— Сперва тебе помажут по губам медом, а потом дадут по спине дубиной.

Напряжение в зале вдруг прорвалось беспорядочными возгласами. И мужчины и женщины кричали наперебой. Деймеку стоило немалого труда успокоить собрание и заставить людей просить слова. «Бараны,— думал он,— трудно будет строить с ними социализм». Он покусывал усы, подавляя в себе гнев. Как это сказано у Ленина? А у Готвальда? «Нерушимый союз пролетариата и крестьянства...» Поди-ка попробуй создай этот союз.

— Граждане и товарищи,— наконец начал он, когда собравшиеся стихли, и продолжал так громко, словно в зале все еще стоял шум и крик.— Образумьтесь. Так мы ни к чему не придем. Мы внесли предложение, а решать будете вы сами. Только соблюдайте порядок и говорите по очереди.

Собрание затянулось до часу ночи и все же ничего не решило. Никому не хотелось объединяться, только инициаторы предложения готовы были работать вместе. На них дружно ополчились все остальные и обвинили их чуть ли не в том, что они задумали разбогатеть на чужой счет. Ишь ловкачи, хотят собрать больше, чем другие! Это мы еще посмотрим!

Вести разумный разговор было невозможно. Братья Карасовы и Бахтик сумели сбить с толку даже рассудительных крестьян, готовых искать правильное решение. Они выдвинули предложение, чтобы каждый обособленно обработал столько земли на пустующих сопредельных участках, сколько сможет; это вызвало бесконечные пререкания и ссоры: каждому казалось, что другой получит лучшую землю, чем та, что достанется ему.

Деймек хмурился. Ему то удавалось вести собрание и держать в узде главных скандалистов, то вдруг в одно мгновение весь порядок нарушался и вспыхивала общая перебранка. Наклонившись к сидевшему за ним Богоушу, Деймек сказал в ярости:

— Ты только погляди на них, только погляди! Начисто забыли, кому они должны быть благодарны и кто их защищает. Эх, не представляй я здесь коммунистическую партию, я бы им выложил, что о них думаю.

— Спокойно, товарищ Деймек, спокойно,— стал успокаивать его Клинек.— Я тоже не раз думал, что хорошо бы плюнуть на все и удрать отсюда. Но мы должны научиться понимать их. Скажите себе, что они едва начали ходить в школу и еще только берутся за азы.

«А ведь этот парень прав,— подумал Деймек.— В его молодой голове больше разума, чем в моей старой. Но с этими крестьянами сам черт ногу сломит». И так как Деймек не был чертом, то не выдержал и, когда ссора из-за дележа участков вспыхнула с особой силой, обрушился на спорщиков.

— Слушать вас противно! — начал он, водворив тишину.— От совместной обработки вы отказались, а это был единственный разумный выход. Теперь вот грызетесь, как собаки за кость. Спрашивается: о чем разговор? О том, чтобы земля, которую можно обработать, если только проявить немного доброй воли, не лежала в запустении. Вы, может быть, скажете: а кому это нужно? Я вам отвечу: всем труженикам в городах. Именно тем, кто позаботился, чтобы вы получили землю, кто бережет ее для вас от всяких новых господских посягательств. А если вы только о том и думае-

те, как бы урвать кусок для себя, а на всех других вам плевать, говорю вам напрямик: нет, не выйдет! Правительство правильно определило размер наделов в Пограничье и установило, что их нельзя ни продавать, ни увеличивать. Пограничью нужны трудовые земледельцы, а не будущие кулаки, которые наживаются на работе и нужде других. Теперь, я думаю, это всем конкретно ясно.

Сидевший рядом с Деймеком Вацлав Брендл неодобрительно покачал головой и прошептал:

— Ошибка, товарищ председатель. Хотя по существу ты прав, но в данной ситуации напоминать об этом было ошибкой.

Брендл был прав, и это сразу же подтвердилось. Первым вскочил вопреки ожиданиям не Карас, а Бахтик. Размахивая непомерно длинными руками с ладонями величиной в тарелку, он вертел головой, глубоко ушедшей в плечи, и говорил торопливо, даже заикаясь. Его зычный голос не соответствовал быстрому темпу речи.

— Слышали? — Бахтик повернулся, оглядывая собравшихся.— Нам, мол, должно быть «конкретно ясно»! А что ясно? Что мы можем работать до упаду, как волы, и никогда не заработаем больше того, что у нас есть? Так зачем мы сюда ехали, я спрашиваю. Зачем?

У него был вид человека, которого только что обобрали до нитки и лишили всякой надежды на будущее. Переселяясь в Пограничье, Бахтик продал где-то за Пелгржимовом три гектара каменистой земли, которую пахал на своей единственной корове; сейчас он хозяйствовал на двенадцати гектарах и владел парой коней. У него и у его придурковатого сына все руки были в мозолях, а сила просто бычья, и все же они никак не могли управиться с работой. Беспорядок в их усадьбе был немыслимый. Три коровы, все облепленные навозом, походили на больших старых черепах; на дворе и в грязной избе не повернуться было из-за разбросанных вещей, которые никогда не лежали на своем месте; кони были такие тощие, что на их ребрах хотелось сыграть, как на клавишах, какую-нибудь печальную мелодию, подходящую к их унылому виду; а глядя на кое-как вспаханное поле, можно было подумать, что у этих двух хозяев не хватает сил поднажать на плуг — сорняки здесь росли обильнее, чем на любом другом поле в Долинке. И все же отцом и сыном владело одно чаяние: хозяйку бы в дом да побольше бы земли, еще, еще землицы! Но женщины за километр обходили Бахтиков, а земля давала им больше сорняков, чем урожая.

— Мало тебе того, что у тебя есть, завидущие твои глаза? — проворчал Винценц Постава в ответ на выкрик Бахтика и подумал, что отвечает самому себе.

— Всем доволен только блаженный, ему ничего не нужно,— крикнул Бедржих Карас.— Человеку нужна свобода, чтобы он мог показать, на что способен. Нечего отнимать у нас эту... как ее... инициативу. А ты, Бахтик, с ними не разговаривай! Сегодня так, завтра все может быть иначе.

Деймек хотел вскочить с вопросом, что это будет за «иначе», но Вацлав Брендл удержал его, крепко схватив за руку. В конце концов после долгих препирательств собрание пришло к единственному решению: всякий может сам по своей воле обработать пустующие участки около своего поля, причем хозяева из Долинки вправе по своему усмотрению объединяться в этом деле или действовать индивидуально. Каждый сообщит МНК в Поточной, какое поле он себе выбрал и как решил его использовать.

Постава, Клинек, Варга и старый Герл вышли из трактира Бледного Арношта вместе с Деймеком и Вацлавом Брендлом. Как по команде, все они глубоко с облегчением вздохнули, и кроме того, легкие у всех нуждались в свежем воздухе.

Они молча дошли до угла, где их пути расходились. Там они остановились и, так как никто не мог найти нужных слов, молча уставились в звездное небо и закурили сигареты и трубки.

Первым заговорил Деймек:

— Вот вам. Повезло, как мужикам из Хлумца,— сказал он.— Ясно?

Винценц Постава махнул трубкой, так что из нее посыпались искры, и добавил:

— Проведи вола хоть по всему свету, все равно останется волом.

Но Вацлав Брендл поднял свой кривой указательный палец, покачал головой в знак несогласия и сказал успокоительно:

— Я бы не стал осуждать жителей Долинки так строго, как товарищ Постава, и не опускал бы рук, как товарищ Деймек. Есть много препятствий к тому, чтобы люди поняли, как выгодно для них и для всех нас трудиться сообща. До сих пор они знали лишь тяжелый наемный труд. Среди них еще ходит немало шептунов, которые стараются убедить их, что мы, коммунисты, тоже готовим им кабалу. Я сказал бы, что мы мало посеяли, потому и жнем мало.

Мало мы им уделяли внимания, слишком много вели с ними, я бы сказал, общеполитических разговоров и мало говорили о том, что их больше всего волнует. И все же я уверен, что большинство из них на нашей стороне. Они доказали это на прошлых выборах и, если понадобится, докажут снова. Со временем мы убедимся, что они способны понять гораздо больше, чем мы сейчас думаем. Все зависит только от нашей работы.

Деймек, воспринимавший поучение Брендла, как адресованное прямо ему, беспокойно переминался на месте и то и дело передергивал плечами, как будто у него чесалось все тело.

— Может быть, товарищ Брендл и прав. Насколько, еще посмотрим. Хотел бы я поглядеть, как он будет убеждать братьев Карасовых.

— Братья сами покажут нам, чего они стоят,— ответил Брендл.

Больше никому говорить не хотелось, и после этих слов Брендла товарищи распрощались.

Братья были последней темой этого ночного обмена мнений, и они же, так сказать, открыли раннее утро в Долинке, выехав первыми с упряжками на заброшенные участки около своих полей, и начали пахоту. Бахтик и его молчаливый дурачок-сын последовали их примеру, но бросили работу, прежде чем высохла роса, и вернулись домой, оставив небольшую, кое-как распаханную полосу.

Богоуш Клинек зашел к своему тестю, чтобы сказать ему, что Карасы и Бахтик уже взялись за работу. Он застал Поставу на дворе. Тот запрягал в плуг своих буланок — Карела и Винцку. Богоуш понял, что Постава решил работать индивидуально, так же, как Карасы и Бахтик. Осторожно, чтобы не слишком сердить тестя, он осведомился об этом. Постава насупился и ответил, не глядя:

— А чего ты хочешь? Они врозь — и мы врозь.

— Мы могли бы работать вместе с Варгой и старым Герлом и показать пример остальным.

— Чтобы вся деревня была против нас, так? — отрезал Постава.— Не хочу я ничего такого и никому не собираюсь показывать пример. Я им не учитель. Хватит того, что мы с Герлом и Варгой работаем в лесу. Ты же слышал, сколько об этом болтают. Говорю тебе: не хочу! Или все вместе, или все врозь!

Богоуш понял, что тесть раздражен именно потому, что чувствует свою неправоту. Он промолчал, а Винценц По-

става, не говоря ни слова и не прощаясь, взял поводья, прикрикнул на лошадей и выехал со двора.

Доехав до полосы непаханых полей, граничащих с его собственными и с землями именья Врш, а местами и Грюна, он отвел лошадей к месту, откуда собирался провести первую борозду, перевернул лемех, наладил его для глубокой вспашки и зажег потухшую трубку. Над головой у него, высоко в небе, невидимые в бездонной синеве, пели жаворонки, а на косогоре куковала неугомонная кукушка, словно желая накуковать Поставе еще сто лет жизни.

Спокойно, мирно, безмятежно было все кругом, но только не на душе у Поставы. Долго стоял он над плугом, попыхивая трубкой, и все никак не мог найти в себе достаточно спокойствия, чтобы весело гаркнуть на лошадей, вонзить лемех в высохшую, ждущую плуга землю и провести прямую, глубокую борозду. Непаханое, заросшее сорняками поле неодолимо манило его. Так ночная гладь реки тянет отчаявшегося человека, который решил покончить счеты с жизнью. Так чувствует себя человек на перепутье, когда он, не внимая предостерегающим голосам, решает пуститься именно тем путем, на котором его все пугает...

«Бросил бы ты это дело, Винценц, вернулся бы домой,— твердил он себе.— Или объединился бы с Богоушем, Пало и старым Герлом. Нет, я решил, это не годится. Если бы все сельчане работали сообща, тогда другое дело. А почему я, собственно, колеблюсь? Воровать я, что ли, вышел? Ведь я поступаю по общему решению? Нет, не воровать, конечно, не воровать, Винценц. Работать ты будешь хорошо, иного от тебя и не ждут. Но только стоит тебе связаться с этим полем, и ты привыкнешь к нему как к собственному. Ты ведь себя знаешь. Да, да, не отпирайся, Винценц, привяжешься ты к нему, а когда придет время и тебе скажут: «Верни поле, оно не твое»,— каково тебе будет, а? Признайся, тебе вчера на минуту показалось, что эта гадюка Фрицек Карас высказал то, что и у тебя на душе. Вот какой ты, Винценц. Именно такой, и не уверяй себя, что это не так. Как сказал Деймек: «Двенадцать гектаров — и баста»? Стало быть, двенадцать... Мало тебе, что ли? Забыл ты время, когда у тебя не было и пяди? Нет, ты мне об этом не напоминай. Что было, то прошло. Надо же человеку иметь виды и на лучшее хозяйство. Какое такое лучшее? Хочешь напахать столько, чтобы одному не управиться? А потом что? Уж не собираешься ли ты стать кулаком и гонять людей, как прежде тебя гоняли? А, ч-черт, и чего ты так привязался

к порядочному человеку?! Вот здесь поверну, распашу, а может, и ту полоску рядом, посею корма и картошку, а там видно будет...»

Постава глубже надвинул кепку и прикрикнул на коней:

— Но-но, Карел, шевелись! Винцка, тяни, да оставь ты мух в покое, не сожрут они тебя!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Богоуш Клинек, Пало Варга и старый Герл сообща взялись за пахоту. Кроме них, братьев Карасовых и Бахтика с сыном, которые бросили начатую работу, все остальные жители Долинки махнули рукой на дополнительные участки. У них и без того хватало забот.

Винценц Постава видел, как Клинек, Варга и Герл начали пахать неподалеку от него. У Поставы даже пересохло во рту, и он почувствовал в нем горький привкус. Они окликнули его, приветствуя, а Герл даже сделал нерешительное движение, чтобы подойти к Поставе, но тот лишь проворчал что-то в ответ. Но хотел он этого или нет, а невольно то и дело поглядывал на них. Да и было на что посмотреть: три упряжки с плугами, рослые, упитанные, лоснящиеся кони, гнедые у Герла, в яблоках у Варги и черные, как уголь, валашские жеребцы у Богоуша; за ними трое пахарей крепко держат плуги и, чуть согнувшись и покачиваясь из стороны в сторону, прокладывают борозды. Лемех взрезает землю, отваливая длинные блестящие пласты, сероватая зелень сурепки, пырея и лопухов исчезает, уступая место бурой с оттенком железняка земле, которая раскидывается, как человек, проснувшийся после долгого сна, и дышит пряным запахом пробуждения. Пока Постава успевал провести одну борозду, они проводили три, а скоро, наверное, будут делать и больше, потому что кони, работая рядом, так расходились, что их и не удержать. Винценц Постава почувствовал себя угнетающе одиноким и виноватым. На лесные работы они хаживали вчетвером, и, хотя Герл был старше и опытнее, старши́м, по общему безмолвному согласию, стал Винценц.

Старшой! Винценц думал сейчас, что значит это слово. «Вот, например, экономов, приказчиков или десятников ставят господа, а старшого артель выбирает сама. Кому же быть старши́м? Тому, кого артель признала лучшим. Стар-

шой может объявить: мы, артель, считаем так и так. Старшой должен грудью стоять за артель. А где же, скажи, твоя артель и с кем ты, Винценц Постава?»

Когда пахари остановились в конце поля, вынули из карманов ломти хлеба и прилегли в тени дикой вишни, Постава довел борозду и зашагал к ним.

Подойдя, он пробормотал приветствие и получил невнятный ответ: у всех были набиты рты, и слова были неразборчивы. Герл уставился на пасущихся коней, Варга в упор глядел на Винценца, и в его синих разбойничьих глазах была насмешка. Богоуш спросил, не выдержав:

— Как дела, папаша?

Винценц метнул на него взгляд, чтобы убедиться, не насмехается ли над ним этот мальчишка, но прочел в глазах Богоуша скорее смущение и стыд. Молча подсев к остальным, Постава стал набивать трубку. Было слышно лишь, как жужжат насекомые, свистят в воздухе конские хвосты, отгоняющие мух, и работают три пары челюстей, пережевывая громадные куски. Постава закурил. Он дымил своей трубкой и тщетно пытался придумать, как начать разговор. Пахари молча доели хлеб и закурили. Никто не помогал Поставе. Раздражение из-за того, что они не идут ему навстречу, чередовалось в нем с сознанием, что это правильно и что он получает по заслугам. К Поставе снова вернулись все мысли, которые одолевали его, когда он один начал пахать заброшенное поле. У него опять пересохло во рту, он вынул трубку и перестал курить. И вдруг ему стало ясно, что без дружбы этих людей, отдыхающих сейчас здесь, рядом с ним, он не мог бы жить в Долинке, что он уехал бы отсюда. Без их дружбы, без их уважения, без всего, чем были для него все трое. Без кряжистого старика Герла, который в работе перегонял любого из них, без его стеснительной и как бы виноватой улыбки, без его ломаного чешского языка, без его неизменной готовности взять на себя самую тяжелую часть работы. Без Пало Варги, его песенок и смеха, без его неукротимой силы и отваги и почти детского простодушия, без его честности и закаленного войной чувства товарищества. О Богоуше, которого Постава любил чуть ли не больше родных детей, и говорить нечего...

Постава попытался снова запыхтеть трубкой, но она погасла. Сплюнув набежавшую слюну, он спросил:

— Артель мы или нет?

Старый Герл замигал веками без ресниц, молча пошевелил бескровными губами, вокруг которых сетью разбега-

лись мелкие морщинки, и снова перевел взгляд на коней. Богоуш глубоко вздохнул и сказал:

— Мы об этом не спрашиваем, папаша.

Снова воцарилось молчание, слышалось только жужжанье мух и шелест конских хвостов. Винценц Постава тяжело вздохнул. Пало вдруг быстро приподнялся, наклонился к нему и ударил себя кулаком в грудь.

— Артель у нас здесь! — воскликнул он.— Как мать, как жена, как дети. И больше нигде.

Постава сидел неподвижно. Его бросало в жар, на лбу и на висках выступил пот. Кого здесь учат уму-разуму? Винценца Поставу, старшого в артели! Немыслимо! Винценц сорвал с головы кепку, бросил ее наземь, утер рукой пот со лба.

— Вот чертовщина-то, ну и времечко! Оглянуться не успеешь, натворишь черт знает что!

Молчание. Надо же дать ему возможность отступить с честью. Постава снова надел кепку и сказал, ни на кого не глядя:

— Иду с вами, факт. И в поле так же, как в лесу.

Все приняли его слова, но с улыбкой.

— Кто разделит работу? — спросил Постава, и голос у него при этом немного дрогнул.

— Старшой,— ответил Варга.

Постава замигал, на глазах у него показались слезы, и он принялся поспешно зажигать трубку. Задымив, он сказал:

— Четыре упряжки на одно поле — это много. Пало перейдет ко мне, Богоуш останется с Герлом.

Так и было сделано, и никто больше ни словом, ни шуткой не напоминал о том, что произошло.

Артель решила сообща обработать шестнадцать гектаров непаханой земли — нелегкое задание, учитывая, что весна и здесь, в предгорьях, была на исходе и земля даже на горных склонах, где было много родников, пересыхала все больше. Постава и его друзья знали, что они позарились на большой кусок, но, на счастье, у всех была в характере общая черта — упорство.

И они стали чуть свет выезжать из дому, а возвращались к тому времени, когда на безоблачном горизонте оставался лишь золотистый или розовый отблеск зари.

Многие жители Долинки не возражали против того, что дополнительные участки получили Карасы; но тем же жителям казалось, что сообща работающая четверка Поставы посягает на что-то, принадлежащее им по праву. Друзей

часто провожали злобными и насмешливыми замечаниями, а в ответ на приглашение присоединиться к артели презрительно отмахивались. Пример Карасов не беспокоил крестьян, ведь каждый хозяин в Долинке может получить то же, только пожелай. Но артель — сомнительная и опасная затея. И все с нетерпением ждали, когда же ее участники пересорятся между собой.

Однажды ранним утром, когда Постава и его друзья успели несколько раз пройтись с плугами по полю, около них появился поручик Календа, который прибыл сюда, чтобы на горных тропках, ведущих к одиноким усадьбам, перехватить почтальона Смолу на пути из имения Росмусов.

Винценц Постава и Богоуш не смогли сообщить ему о почтальоне ничего существенного.

— Этот Смола, что серна, вечно меняет дорогу,— сказал Постава.— Никогда его не встретишь дважды на одной тропинке. Может, потому, что в горах осталось мало жителей и он всякий раз носит письма по разным адресам.

— А что ты против него имеешь, товарищ поручик? — спросил Клинек.— Хочешь поймать его на чем-нибудь? Я бы не поручился за него даже этим папашиным чубуком.

Постава насупился и поглядел на свою трубку, а Календа улыбнулся.

— Служебное любопытство,— сказал он.— Пока не больше. Никому этот тип не нравится, но никто не может сказать мне о нем ничего серьезного.

Герл помаргивал морщинистыми веками и беззвучно жевал бескровным ртом. Календа повернулся к нему.

— А как вы посоветуете? Что, если я буду ждать его на одной тропинке, а он пройдет по другой?

Герл качнул головой и показал кнутом на волнистый косогор, где на фоне ярко зеленеющих лугов темнели еловые рощицы.

— Вон там подходящее место,— сказал он.

— Он прав,— отозвался Пало и, взяв Календу за локоть, указал рукой.— Видишь лесок? Нет, вон тот, правей, три березки с краю. Видишь их? Сядешь под ними, и тебе будут видны все дорожки, что ведут к Меденцу от нас, из Врша и из Грюна.

— До этих березок не близко.

Пало пожал плечами.

— Лучшего места не найти. Если, по-твоему, далеко

и высоко, пошли кого-нибудь помоложе. Все равно это дело не для тебя. Ты начальник, тебе надо сидеть в кабинете и покрикивать на других.

Они засмеялись, закурили предложенные поручиком сигареты, сделали несколько затяжек, и Календа со вздохом тронулся в путь.

— Гляди там в оба,— крикнул ему вслед Винценц Постава.— Как раз у такого лесочка подстрелили нашего Богоуша, а он ведь тоже был не безоружный.

Календа только махнул рукой и продолжал путь.

Пало Варга был прав. Подойдя к еловой рощице с тремя большими старыми березами на опушке, Календа увидел под собой целую сеть тропинок, которые в разных направлениях бежали по горным склонам. Отсюда были видны верхушка башни дома Росмусов, церковка, несколько домов вокруг нее на вершине Грюна и домики внизу, в Долинке, похожие на стадо, которое разбрелось по пастбищу.

Календа взглянул на часы. Да, он пришел вовремя. Еще нет семи, а Смола, видимо, появится на одной из тропинок не раньше восьми. Поручик несколько раз прошелся по мягкой темно-зеленой шелковистой траве. На свисших ветвях берез зябко трепетала молодая листва, принявшая в лучах восходящего солнца нежно-желтоватый оттенок. Взглянув на вершины деревьев, Календа заметил над ними пару каких-то хищных птиц. Они кружили так высоко, что поручик, как ни старался, не мог определить по форме крыльев, какие это птицы. Зеленые луга на склонах гор, густо заросшие цветами и травой, такой сочной, словно не было засухи, волновались от легкого утреннего ветерка; по направлению этих волн было видно, что ветер дует с востока.

Календа прохаживался по узкой тропке на краю рощицы и, расстегнув френч и воротник рубашки, вытирал платком шею и грудь, но ему было не до отдыха; он то и дело переводил настороженный взгляд с одной тропинки на другую. Он узнал, что вчера в имении Врш сбивали масло, и решил не упускать возможности накрыть Смолу. Немного остыв, он аккуратно застегнулся и залег в тени, под березами, но через минуту встал, обеспокоенный: этак, лежа, он хуже видит дорожки и, чего доброго, разнежится и ослабит внимание. Календа стал за средней березой, опершись грудью о ее ствол.

Легкая дымка поднималась в воздухе, согретом солнцем. Становилось все теплее и теплее. Ах, что за край! Он завоевывал сердце Календы, привлекал взор и мысли,

пробуждал в нем удивительное волнение — смесь радости и грусти.

Поручиком вдруг овладело беспокойство: ему показалось, что он слишком задержался, разговаривая с Поставой и его друзьями, что сюда, к березам, он добирался много дольше, чем ему сказали,— эти деревенские «пять минут» всегда оказываются получасом,— и, быть может, пока он сюда шел, Смола заметил его и обошел по какой-нибудь незаметной тропке... Но, взглянув на часы и на солнце, все еще стоявшее над горой по ту сторону реки, Календа убедился, что он зря беспокоится.

Некоторые тропинки виднелись почти по всей их длине, другие местами были скрыты неровностями почвы или высокой травой и опять появлялись, как подземные потоки. Многие дорожки впадали в разъезженные проселочные дороги, пересекающие поля и угодья Долинки, извивались по лугам и терялись в рощах или за вершинами холмов. Календа пытливо разглядывал их, переводя взгляд с одной на другую, словно Смола, неожиданно появившись, мог столь же внезапно растаять в воздухе.

Было почти половина девятого, когда Календа теснее прижался к морщинистому березовому стволу и на мгновение затаил дыхание.

Смола появился на дорожке, которая на значительном расстоянии тянулась совершенно прямо, совпадая с линией громоотвода на луковицеподобной башне Врша. Письмоносец шел походкой привычного жителя гор, быстрыми, довольно короткими шагами, ступая больше на носки, чем на пятки. Тяжелая черная сумка, висевшая у него через плечо, была сдвинута на левый бок.

Беспокойство Календы, вызванное ожиданием и неуверенностью в успехе, разом прошло, и он стал спокойно решать, как действовать. Дорожка шла дальше большими зигзагами и, огибая рощицу справа, вела на вершину холма. Чтобы настичь почтальона, достаточно было пересечь рощицу, выйти на дорожку, когда Смола будет совсем близко, и идти прямо к нему с небрежным и равнодушным видом, как будто это случайная встреча.

Смола как раз снял фуражку и большим синим платком утирал круглую, наголо остриженную голову, шею и красные щеки. Вдруг он увидел, что навстречу ему идет Календа. Почтальон чуть вздрогнул и дернулся в сторону, словно желая повернуть и бежать, но все это заняло долю секунды, а в следующую он уже махал платком и фуражкой и восклицал:

— Доброе утро, пан поручик. Тоже по служебным делам?

Календа ответил на приветствие и сказал:

— А вы мастер ходить, пан Смола. Я наблюдал за вами. В ваши годы это не шутка.

На румяном лице почтальона расплылась довольная улыбка.

— Привычка, пан поручик, привычка, и только! — бодро заговорил он гортанным голосом.— Я по этим холмикам бегаю добрых два десятка лет. Почтальонам в горах нужно бы дать крылья, чтобы они возносились, как ангелы. А нам приходится шагать на своих на двоих там, где даже коза не проберется. Ну, я побежал, пан поручик. Сами знаете, почтальона ждут всюду. Если я опаздываю, люди ругаются.

Но поручик Календа не отходил в сторону и не пропускал почтальона. Вынув из кармана резной портсигар, он раскрыл его и протянул Смоле.

— Закуривайте, пан Смола. Затянемся разок-другой, а потом вы в одну минуту наверстаете опоздание. Садитесь!

На лице Смолы испуг молниеносно сменился угодливой улыбкой. Он оглянулся, бог знает зачем, то ли чтобы убедиться, что никто не видит, как он задержался во время разноски почты, то ли в поисках кого-то, кто мог бы избавить его от неприятного собеседника. Календа зорко следил за каждым движением почтальона и выражением его лица. Наконец Смола решил, что уступчивость в данном случае будет всего полезней. Он взял сигарету, нагнулся к зажигалке, протянутой поручиком, потом присел на поросший травой пригорок у дорожки.

— Мое положение нелегкое, пан поручик. Только недавно положительно решился вопрос о моем гражданстве. Если меня упрекнут за опоздание, вы уж, пожалуйста, подтвердите, как было дело.

Он говорил вздыхая, тоном обиженного человека, в чьей порядочности незаслуженно сомневаются многочисленные недоброжелатели.

Календа сел рядом с ним, провел ладонью по толстой сумке, распухшей, как брюхо сытой акулы, и сказал с хорошо разыгранным восхищением:

— Ого, как набита! Нелегко таскать такую тяжесть, а? Я бы сказал, что она весит не меньше, чем полная полевая выкладка.

В глазах почтальона мелькнуло опасение. Он обнял сумку обеими руками и торопливо забормотал:

— А я и не замечаю веса, пан поручик. Мы ведь доставляем не только письма, приходится носить и небольшие посылки. С вашего позволения, пан поручик, мне пора.

Но Календа, казалось, не слыхал этих слов. Он не только не убрал руки, но потянулся дальше, к запору на клапане сумки.

— Помню, меня еще мальчишкой интересовало, как выглядит внутри почтовая сумка,— сказал он.— И до сих пор мне не посчастливилось в нее заглянуть. Сжальтесь же над моим неумеренным любопытством, пан Смола, и покажите мне, что носит этакий горный почтальон, как вы.

— Никак не могу, пан поручик,— забормотал Смола, пытаясь встать. Но рука Календы крепко вцепилась в верхний край сумки и удерживала почтальона.

— Право, не могу, пан поручик,— повторял он.— Служебная тайна. Вы же сами изволите понимать...

— Какая там служебная тайна, Смола! — засмеялся Календа.— Глупости вы говорите. Я же не собираюсь читать письма или вскрывать посылки.

Быстрым движением пальца он повернул запор, и сумка сама распахнулась, как пасть. Внутри были письма, но совсем не так много, как можно было ожидать, судя по виду сумки: они были стиснуты в одном углу, как принудительный ассортимент. Над ними же теснились плоские черные клеенчатые пакеты, похожие на бандероли с книгами. Ни на одном из них не было никакого адреса. Рука Календы немедленно ухватила один пакет и попыталась его вытащить.

«А кто посылает вот это, Смола, и кому?» — хотел он сказать, но не успел, потому что в этот момент почтальон быстро согнулся и, прежде чем Календа сообразил, что тот хочет сделать, накинул на шею поручику широкий ремень сумки и затянул его, напрягая всю силу своего могучего тела. Ремень скользнул по воротничку и врезался в шею. Этот первый натиск чуть не сломал Календе шею. В глазах у него помутилось, он поднялся на колени, пытаясь правой рукой нащупать кобуру с револьвером. Но ее не было на обычном месте — видимо, усаживаясь, он сдвинул ее на спину.

В голове Календы шумело от прилива крови, перед глазами крутились огненные и желтые колеса, язык вдруг словно распух и не помещался во рту. Уже теряя сознание — еще секунда или две этой схватки погрузили бы поручика во мрак, из которого нет возврата,— Календа напряг дух и тело в последнем сопротивлении и вместо

того, чтобы вырваться или попытаться ухватить своего противника за руки, навалился на него всем телом, к счастью, как раз в тот момент, когда Смола хотел опуститься на колено, чтобы удобнее и легче придушить противника.

Календа опрокинул Смолу на спину и навалился на него. Петля, сдавливавшая шею поручика, чуть-чуть ослабла, но Смола тотчас же попытался затянуть ее потуже. Толстая сумка лежала между ними, мешая обоим. Ничтожный глоток воздуха, проникший в легкие Календы, все же умножил его силы. Он дотянулся до лица Смолы и прижал ему пальцами глаза. Почтальон хрипло взревел, отпустил ремень, схватил Календу за руки, задергался, извиваясь от нестерпимой боли.

Календа дышал прерывисто. При каждом вдохе у него болело горло, но все его члены постепенно обретали гибкость. Кровь отлила у него от головы, и одновременно им овладела безудержная ярость. В нем воскресло воспоминание о битве под Белой Церковью, когда рукопашный бой во вражеских окопах перешел в звериную схватку без оружия и люди, забыв о прикладах, сцепились, действуя руками и зубами. Поджав колени, поручик сел верхом на почтальона. С этим движением к Календе вернулось самообладание. Смола за его спиной от нестерпимой боли бил ногами по земле. Календа убрал руки с лица почтальона, покрытого холодным потом, освободил свои руки и, не дав Смоле опомниться, ударил его кулаком в подбородок. Смола вздрогнул, вытянулся и замер.

Все еще сидя верхом на поверженном противнике, Календа выхватил из кармана стальные наручники и защелкнул их на запястьях Смолы. Потом только он отвалился от бесчувственного почтальона, лег на бок рядом с ним и, опираясь на левый локоть, стал глубоко дышать, словно не в силах насытиться благоуханным горным воздухом.

Его все еще переполняло возбуждение смертельной борьбы и преодоленной опасности, пульс бился часто и сильно, как в лихорадке, стук сердца отдавался в голове. Раскрытая почтовая сумка лежала между ним и бесчувственным Смолой. Несколько писем вывалились из нее, но Календа их не видел. Он заметил только, что ремень сумки все еще обвивает его шею, и сбросил его быстрым, брезгливым движением, а потом опять замер, лежа на боку и опираясь на локоть.

Только бы лежать и дышать, больше ничего! Сколько

еще времени ему понадобится, чтобы совсем успокоиться и отдышаться? Белье на Календе прилипло к телу, ободранную ремнем шею больно щипал пот. Но у него не хватало ни сил, ни воли пошевелиться.

Чувства как-то притупились. Все окружающее он видел в каком-то розоватом тумане, который понемногу рассеивался. Наконец Календа снова услышал пение жаворонков, и лошадиное ржанье, и голоса людей где-то вдали. Эти звуки вызвали в нем первую отчетливую мысль: «Поразительное дело, люди совсем недалеко, и все же я мог бы тут погибнуть, а они и не услышали бы ничего».

Эта первая мысль была как первая ласточка, за ней потянулись другие. «Почему этот тип так накинулся на меня? Из-за нескольких кило контрабандного масла не убивают...» — думал Календа. Ему захотелось курить. Он осторожно сел, стараясь не двигать головой и шеей. Календе казалось, что у него поврежден какой-то позвонок и что он никогда больше не сможет свободно поворачивать голову. Первая затяжка не шла в горло, оно болело, в нем саднило, но Календа курил с жадностью человека, которому еще несколько минут назад угрожала перспектива никогда больше не вдыхать табачного дыма.

Рядом неподвижно лежал Смола. «Не убил ли я его?» — подумал Календа сперва равнодушно, потом с беспокойством; он наклонился над почтальоном, расстегнул его китель и сунул руку под рубашку. С минуту он напряженно ждал, потом с облегчением вздохнул, почувствовав под ладонью медленные, слабые удары сердца.

Календа снова сел. «Почему же этот тип хотел убить меня? Это неспроста. Тут дело не только в масле». Поручик увидел выпавшие письма, собрал их и притянул сумку к себе на колени. В клеенчатых пакетиках было масло по четверти кило, завернутое в пергаментную бумагу. Календа просмотрел их один за другим, чтобы убедиться, что в них действительно только масло. День был жаркий, масло уже начинало таять, и Календа почувствовал, что солнце немилосердно печет его непокрытую голову и разболевшуюся шею. Он надел упавшую фуражку и продолжал осмотр почтовой сумки. Сунув руку поглубже, он нащупал на дне что-то металлическое и холодное и понимающе присвистнул еще прежде, чем вытащил вещь на свет. На ладони у него лежал немецкий военный пистолет-парабеллум! Обойма полна, в стволе тоже сидит патрон. Зачем Смола носит с собой эту штуку? Разрешения у него нет, это совершенно точно, потому что Календа знал всех, кому они

были выданы в его районе. Поручику пришло в голову, что, опереди его Смола хоть на несколько мгновений, он, Календа, сейчас наверняка лежал бы навзничь, уставив в небо невидящие глаза и ничего не воспринимая в этом прекраснейшем из миров. «Какого же зверя я, собственно, поймал?» — размышлял он и не находил ответа. Он снова с интересом взглянул на Смолу и заметил, что тот пришел в себя и злобно смотрит налитыми кровью глазами. Календа засмеялся, увидев, как Смола быстро прикрыл веки и притворился, что все еще лежит без сознания.

— Не прикидывайтесь, Смола. Встаньте.

Он сложил письма и пакеты с маслом в сумку Смолы, а парабеллум сунул себе в карман. Потом с трудом встал, потому что истерзанная шея опухла и болела так, что ее нельзя было повернуть. Почтальон все еще лежал, не открывая глаз. Календу охватила злоба, ему захотелось пнуть этого типа, который чуть не спровадил его на тот свет. Но он тут же устыдился и сказал резко:

— Встаньте, не ждите, пока я вам помогу. Будет хуже.

Смола дернулся на месте, перевалился с боку на бок и приподнялся на колени.

— Голова кружится,— с трудом ворочая языком, пискливо сказал он.— Упаду.

— Постойте немного так, потом встаньте,— сказал Календа.

Смола недолго стоял на коленях, решив все же, что на ногах ему будет легче. Пошатываясь, он поднялся.

— Это скоро пройдет,— уверил его Календа. Он перекинул ремень от сумки через плечо почтальона, подвинул сумку, прикрыв ею скованные руки Смолы, и надел ему фуражку на голову.

— Пойдете впереди меня,— приказал он.— И не вздумайте выкидывать какие-нибудь глупости.

На счастье, в этом конце владений Долинки в полях не было никого, кроме Винценца Поставы и его товарищей. Богоуш Клинек первым увидел двух человек, спускающихся по склону Голубиной горы.

— Глядите-ка! — воскликнул он.— Календа ведет Смолу!

Они поспешили к проселочной дороге, по которой приближался поручик со своим пленником. Только старый Герл остался у коней. Календу засыпали вопросами. Смола в наручниках, его налитые кровью глаза, опухшая шея Календы и полоса на ней, играющая всеми цветами раду-

ги,— все это требовало объяснений. Но поручик был скуп на слова. Он едва держался на ногах и хотел только одного — поскорее доставить арестованного в безопасное место.

— Будет время, все вам расскажу, товарищи. А сейчас надо поместить Смолу куда-нибудь под крышу, чтобы он не торчал на глазах у людей, и вызвать оперативную машину.

Ближайшим домом на этой стороне Долинки, куда можно было незаметно пройти задами, был дом Клинека. Поэтому Постава решил, что Богоуш проводит поручика к себе, Варга сбегает в Поточную на почту и позвонит оттуда в каданьское отделение КНБ, а Постава и Герл будут пока продолжать работу одни.

На гумне у Клинеков, куда Богоуш привел Календу и Смолу, они застали Иржину, стройную, похожую на девушку, хотя она была уже матерью. Уверенными движениями человека, с детства привычного к этой работе, она накладывала в соломорезку траву и овсяную солому. Увидев входящих, она подняла руку ко рту, словно желая заглушить возглас удивления.

— Ничего, ничего, Иржинка,— быстро сказал Богоуш успокоительным тоном.— Товарищ поручик подождет у нас минутку, пока ему пришлют из Кадани машину.

— Все в порядочке, хозяйка.— Календа попытался извлечь смех из своего болевшего горла, которое стало опухать и внутри.— Мы не такие страшные, как кажемся с виду, и беспокоить вас будем недолго.

— Клинеки не из пугливых,— ответила Иржина с девической гордостью.— Богоуш, помочь тебе?

Клинек поднял голову от коляски, что стояла в тени под навесом. В ней, широко раскинув ножки и сжав кулачки над головой, спал его первенец Владимир. Богоуш отрицательно качнул головой.

— Делай свое дело,— полушепотом сказал он.— Я с ним займусь сам.

Еще в Германии, куда он попал по тотальной мобилизации, Богоуш научился приемам первой медицинской помощи. Из картонной коробки, служившей домашней аптечкой, он извлек вату, бинт, борный раствор и заживляющую мазь, известную в аптеках под названием «пражской». Через несколько минут Календа сидел в кухне у Клинеков, перевязанный так образцово, что, когда он позже зашел в больницу, врачи решили, что он уже обращался к медику.

— Чем это он тебя так? — спросил Богоуш, закончив перевязку и ставя перед гостем кружку подогретого черно-

го кофе, который он называл «половинчатым», потому что настоящий кофе там был исключительно для запаха.

— Ремнем от сумки,— объяснил Календа.

— Ах сволочь! — свистнул Клинек.— Кто бы ожидал от такого тихони!

Он подошел к скамейке у печки, где Календа посадил Смолу, взял почтальона за подбородок, поднял его лицо и осмотрел глаза. Смола опустил веки, слезы текли по его круглым щекам. Клинек смочил вату в борном растворе и приложил к глазам.

— Держите, я вас перевяжу.

Смола отрицательно покачал головой, так что вата чуть не выпала из руки Клинека.

— Держи, говорю тебе! — резко сказал Клинек.

Он плотно забинтовал голову Смолы и вернулся к Календе. Поручик задумчиво потягивал кофе из большой глиняной кружки.

— Ремнем от сумки,— повторил он, словно все еще не примирившись с мыслью, что позволил застать себя врасплох. В таком мальчишески примитивном способе покушения был какой-то неизгладимый позор для Календы. Он поставил кружку на стол, сунул руку в карман и извлек оттуда большой черный пистолет.

— Дай я ему время достать эту штуку, не знаю, удалось ли бы тебе меня вылечить.

— Парабеллум,— с уважением сказал Клинек.— Где он был?

— В сумке.

Клинек взял пистолет и повертел его в руках, размышляя о чем-то. Потом он повернулся к почтальону, который сидел в уголке, между печью и стеной; глаза Смолы были завязаны, скованные руки прикрыты сумкой.

— Парабеллум,— повторил Клинек.

Он положил пистолет и расстегнул рубашку на груди. На смуглой коже, под редкими светлыми волосками, посередине грудной клетки краснел довольно глубокий круглый шрам. Здесь вышла пуля, когда в сорок пятом году Клинек, конвоируя фашистку Эльзу Магер, был ранен выстрелом в спину.

— Погляди,— сказал он,— с парабеллумом я знаком. Тебя можно было бы вылечить так же, как вылечили меня. Смотря по тому, как бы он тебя ранил.

Календа встал, наклонился через стол и коснулся шрама пальцем, словно желая убедиться, что он настоящий. Потом он опять сел, обнял обеими руками кружку

кофе, кинув беглый взгляд на Смолу, который сидел неподвижно, как каменный.

— Так, значит, это тоже был парабеллум... Слышал я об этой истории много и даже читал старые протоколы в архиве. Насчет парабеллума там ничего не было сказано.

Клинек встал из-за стола.

— Погоди минутку,— сказал он.— Я сейчас.

И исчез в соседней комнате, оставив дверь открытой. Календа слушал, как он там возится, и задумчиво глядел на Смолу. Клинек вернулся, подошел к Смоле и ощупал повязку на его глазах. Потом шагнул к столу, протянул Календе руку и разжал кулак. На ладони лежала большая пистолетная пуля, слегка сплющенная. Календа потянулся к ней, взглянул на Клинека и раскрыл было рот для вопроса, но Клинек приложил палец к губам, кивнул и показал на грудь.

Это была пуля, которая когда-то пронзила его тело. Командир советских разведчиков Матвей Громов нашел ее в стволе сосны и принес в больницу Клинеку, когда тот уже поправлялся.

Календа показал на пулю и на себя и, когда Клинек кивнул, вырвал листок из блокнота, завернул ее и спрятал в нагрудный карман.

«Собственно говоря, ее тогда должны были отдать нам»,— подумал он, но тут же вспомнил, что пуля попала бы в руки Яноуха, а это для дальнейшего расследования дало бы не больше, чем если бы она осталась в сосновом стволе. Календе хотелось расспросить Клинека еще кое о чем, но при Смоле разговаривать было нельзя, а оставить арестованного одного поручик не решался. Поэтому они сидели молча и курили в ожидании машины.

— Я отрываю тебя от работы,— сказал Календа, но Клинек только махнул рукой.

— Наверстаю без труда,— ответил он и улыбнулся, словно вспомнив что-то очень приятное.— Знаешь, дело у нас идет как по маслу. Я лично всегда охотно работал бы артелью, но Винценцу это не по вкусу. Иногда мне кажется, что в нем говорит хозяйчик.

— Ну, а ты как? — спросил Календа, испытующе глядя на Клинека.— Ты ведь, как говорится, беглый студент. Не претит тебе иногда деревенская работа?

— То есть не скучаю ли я по белому воротничку и конторской пыли? Скажу прямо: не скучаю. Когда я вернулся из Германии, мне не захотелось опять браться за

ученье, и вообще неясно было, за что взяться и с чего начать. А разве сейчас у меня не чудесная жизнь? Мне предстояло стать чиновником и до смерти рыться в бумагах. А здесь я в самой гуще жизни. Мой покойный отец, наверное, сказал бы: «в гуще навоза», он не любил деревни и крестьян. А я говорю: «в жизни». Я все открываю для себя заново. Лошади, например, замечательные животные, даже совестно называть их скотиной. А коровы или свиньи?! Ты не представляешь себе, что это за хитрые и чуткие твари. Кур и гусей я не люблю, но признаю, что и это занятные птицы. А то, что ты узнаешь в лесу и в поле, не узнаешь нигде! Сперва мне казалось, что я получил самые лучшие игрушки в мире. Никак не мог ими натешиться. Наверное, и моя женитьба сыграла свою роль: все слилось воедино, и я словно плыл в облаках. Ну облачко-то было не самое мягкое! У меня кости от работы трещали, надо было доказать тестю, что я не какой-нибудь городской пижон. Иной раз мне хотелось залезть куда-нибудь в угол и выплакаться там от усталости, потому что работать было труднее, чем на самых тяжелых работах в Германии. Если бы не Иржина, я бы, наверное, сбежал. А ведь мне тут с каждым днем нравилось все больше, я начал думать, что не смогу жить иначе, без всего этого. Знаешь, Иржина просто замечательная женщина! Она ведь понимала, что со мною делается, но ни разу не показала этого даже взглядом. Брала на себя свою долю работы, да еще, ручаюсь, вначале большую, чем моя, и заботилась, чтобы у меня было все самое лучшее. А нынче? Я стал такой сильный, что, кажется, ударю с размаху по столу — и он развалится. Лучше и не пробовать. Раны в легких как не бывало, в гору бегу так, что лошадь за мной не угонится. Но не в этом дело. Я хочу как следует вникнуть в сельское хозяйство. Видел бы ты, сколько мы с Иржиной прочли книг на эту тему. И не только прочитали, а выписки делали и в памяти удержали. Я тебе скажу: нет конца всему, что можно еще сделать в сельском хозяйстве. Иной раз мне кажется, что люди так много знают о мире, что могли бы создать его заново. Ты говоришь, что я образованный человек, а я за все время, что учился, не прочитал столько книг, сколько за эти две зимы. Пробую, хотя бы в малом масштабе, совершенствовать, что можно. Но это кустарщина, говорю тебе. Пока мы не возьмем примера с советских людей, мы не сдвинемся с места.

— А мы возьмем пример! — ответил Календа, немного тронутый исповедью Клинека и глубоко уверенный в пра-

воте своих слов. Эта уверенность родилась в нем, когда он жил в Советском Союзе.

— Дайте мне попить,— хрипло произнес Смола.

Клинек встал, налил в кружку кофе из большого черного кофейника, который стоял на плите, подошел к почтальону и поднес ему кофе ко рту. Но Смола отодвинул сумку с колен, жадно ухватил кружку скованными руками и, захлебываясь, залпом осушил ее.

Во двор въехала машина и дала сигнал. Вместе с шофером прибыли еще два сотрудника КНБ. Когда Смолу выводили и сажали в машину, со стороны сарая раздался плач маленького Владимира, разбуженного автомобильным гудком.

В Поточной Календа решил воспользоваться случаем и устроить обыск в доме Смолы, прежде чем разнесется весть о его аресте. Из двух сотрудников КНБ он выбрал невысокого, плечистого Йозефа Пульду, о котором товарищи говорили, что у него нюх лучше, чем у полицейского пса, потом тщательно осмотрел наручники на Смоле и кратко объяснил двум другим сотрудникам, какого важного арестованного они везут.

Домик Смолы стоял на шоссе, ведущем в Меденец, по той же стороне, где были дома Лойзика Мареша и Вацлава Брендла. Во дворике на низкой скамеечке сидела, широко расставив ноги, толстая жена Смолы и чистила картошку. Она вынимала картофелины из ведра с водой, а очищенные бросала в большую кастрюлю. Рядом возились две гусыни и стайка уже подросших бело-серых гусят. Когда Календа и Пульда вошли в калитку, гусыни с шипением отступили, а хозяйка испуганно уставилась на пришельцев выпученными водянисто-голубыми глазами. Она подняла голову, и тогда стало видно, что у нее безобразно увеличена щитовидная железа.

Календа поздоровался и сказал:

— Оставьте это и пойдемте с нами в дом.

Жена Смолы уронила нож в кастрюлю, вода брызнула.

— Я говориль, я так всегда говориль!..

Слова клокотали у нее в горле, словно заблудившись там.

— Что вы всегда говорили? — резко спросил Календа.

— Я ничего не зналь,— захныкала она, и на ее выпуклых глазах показались слезы.— Он все делать посвоему.

— Еще будет видно, что вы знаете, а чего нет,— сказал Календа.— Поторопитесь, пойдем, пока не сбежались люди.

Они вошли следом за ней в просторную кухню, четверть которой занимала большая печь, выложенная старинными синими изразцами. Воздух был затхлый, пахло луком и пригорелым молоком.

Календа обратился к хозяйке:

— Мы должны сделать у вас обыск. Понятно? Официальный обыск. Есть у вашего мужа какое-нибудь оружие?

Жена Смолы заломила руки и покачала головой, но не сказала ни слова.

Календа и Пульда начали обыск. Обоими овладело неприятное ощущение, что они совершают нечто не подобающее порядочным людям. Они понимали, что обыск нужен, знали, что народ поручил им охранять национальную безопасность, но это сознание не облегчало их тягостного ощущения. И, может быть, именно для того, чтобы преодолеть его, они делали свое дело не только с профессиональным умением, но и с какой-то мрачной неумолимостью, словно от успеха или неудачи этого обыска зависела их собственная жизнь. Они не пропускали ни одного предмета мебели и, напрягая слух, пядь за пядью выстукивали стены, пол и потолок.

В кухне они обшарили кладовку, потом перешли в парадную комнату, которой хозяева, очевидно, не пользовались несколько лет. Там стояли две высоко взбитые постели, расписные шкаф, комод и старомодная мебель, видимо унаследованная от предков Смолы: деревенские стулья с сердцевидными вырезами в спинках и стол с ножками крест-накрест.

Среди этой тяжелой, приземистой дубовой мебели выделялась, как городской франт времен бидермейера среди лесорубов, стеклянная горка с зеркальной задней стенкой, наполненная позолоченными фарфоровыми чашечками и склянками.

Календа и Пульда с отвращением вдохнули затхлый, холодный воздух давно не проветриваемой и не топленной комнаты. Все-таки здесь было прохладнее, чем в кухне и в каморке. Они сняли мундиры и повесили их на спинки стульев.

— Не люблю я, черт подери, эту работу, товарищ поручик,— объявил Пульда, давая прикурить начальнику и закуривая сам.— Всякий раз, как приходится этим заниматься, я думаю, что это не для меня и что лучше было бы оставаться при своем ремесле.

— Не мудри и делай что положено,— ответил Календа сурово, в душе соглашаясь с Пульдой.— Не воображай, что

тебя послали в КНБ только затем, чтобы ты грелся на солнышке на площади в Кадани и показывал девчатам, как тебе идет форма.

— Товарищ поручик! — укоризненно сказал Пульда.

И все же именно ему было суждено совершить небольшое открытие в этом пока безрезультатном обыске. Он заметил, что палки в обоих деревенских шкафах, набитых старым, ношеным платьем, обмотаны материей, похожей на спорки старых юбок.

— Зачем у них тряпки на этих палках, как вы думаете, товарищ поручик?

— Ружья под этими тряпками не спрятаны, это ясно и по виду и на ощупь,— отозвался Календа, занятый главной целью обыска.— Наверное, чтобы укрепить эти палки. Видимо, они изъедены жучком.

Но Пульда не удовлетворился таким объяснением, вытащил карманный нож и стал распарывать обшивку палок. Календа тем временем продолжал обстукивать стены и ворчал что-то о «детских игрушках». Выяснилось, однако, что под черной тканью спрятана еще красная, и, когда Пульда распорол и развернул ее, она оказалась фашистским флагом со свастикой.

— Вот вам и детские игрушки, товарищ поручик! — торжествующе провозгласил Пульда и добавил с отвращением: — Вы только подумайте, каков сукин сын! Сколько раз я от него слышал, что он чех, пражанин, крестник Влтавы. Объясните мне, как человек может настолько исподличаться!

— Выл с волками до тех пор, пока сам не стал волком,— ответил Календа и машинально потрогал шею, которая болела под повязкой все сильнее и сильнее.

И в другом шкафу палка была обвита флагом со свастикой. Эта находка подбодрила Календу и Пульду, показав им, что они, видимо, на верном пути. Но потом удача отвернулась от них. В комнате со старомодной мебелью они больше ничего не нашли, ничего не было ни в мансарде, ни на чердаке, ни на сеновале. Календа и Пульда обливались потом, пыль лезла им в рот и нос, они кашляли и чихали, распаренное тело нестерпимо чесалось. Каморка под лестницей служила обитателям дома погребом, земляной пол там был плотно утрамбован, видно, его не трогали целыми десятилетиями. Календа все же перекопал его киркой. Безрезультатно. Потом они удивили своим вторжением двух мирно жующих коров и худого месячного теленка. Перевернув вверх ногами сарай с инструментами,

они не знали, что еще предпринять; осталось только перекопать лопатой весь двор и небольшой огородик. Но до сумерек на это сегодня не хватило бы времени.

Потные, пыльные, грязные стояли Календа и Пульда на дворе, долгими затяжками вдыхали табачный дым и старались не глядеть в глаза друг другу, понимая, что оба они не справились со своим делом. Обоими владело возбуждение неудачи, и они не переставали думать об обыске, мысленно снова осматривая каждый укромный уголок в доме, но не могли припомнить, что же такое упущено. Откуда-то появилась кошка и потерлась об их ноги. Календа и Пульда даже не заметили, как она вертится около них, выгнув спину и задрав хвост, и громко мурлычет. Заводские гудки заставили их очнуться. Сперва текстильная фабрика, а за ней шарикоподшипниковый завод протрубили конец рабочего дня. Календа и Пульда, словно проснувшись, взглянули друг на друга и, видимо, только сейчас заметили, какие они грязные.

— Достать бы кусок мыла,— сказал поручик.

— Есть достать кусок мыла! — встрепенулся Пульда и направился в дом.

Они сняли рубашки и, качая один для другого воду насосом, долго мылись, фыркая и кряхтя, а Календа еще и ругаясь, потому что мыло щипало ободранную кожу под бинтом на шее. Мокрые, словно из-под душа, они отряхивались и искали, чем вытереться. Пульда вспомнил, что видел в сенях какое-то полотенце. Это в самом деле было полотенце, широкое и длинное, из грубой небеленой ткани, такое ржавое и затертое, что Календе и Пульде не захотелось вытираться им.

На пороге кухни появилась хозяйка, помахивая широким махровым полотенцем и протягивая руку за грязным.

— Это нет, это нет,— гортанным голосом повторяла она.— Вот, пожалюйста, попользоваться.

Глаза у нее еще были красны от слез, и на толстых желтых щеках виднелись блестящие потеки, но испуганное, напряженное выражение лица исчезло. Она даже попыталась улыбаться. Пока Календа и Пульда вытирались и вытирали друг другу спины, а потом натягивали майки и рубашки, она говорила:

— У нас нишего, я знай. Люди дурные. Мой муж хороший шеловек. Что я ему сказать, когда он вернется?

Календа пытливо поглядел на нее, думая, сказать ли ей, что ее муж вернется не так-то скоро. Она, конечно, подни-

мет рев. И он решил сообщить ей об этом перед самым уходом.

— Увесистая штука! — сказал за его спиной Пульда.— Попробуйте, товарищ поручик.

Календа обернулся и взял из его рук суковатую палку с острым наконечником, перехваченную у рукоятки широким железным кольцом. Палка действительно была тяжелее, чем можно было ожидать от самого тяжелого дерева.

— Это есть палка мой муж,— быстро забормотала Смолова.— На зиму, когда много снег.

— Ясно, что для зимы,— насмешливо сказал Пульда.— Летом ему пришлось бы попотеть с ней.

Календа взял палку обеими руками и попробовал покрутить ее. Рукоятка подалась в том месте, где ее перехватывало железное кольцо, и оказалось, что ее можно отвинтить. Внутри палка была залита свинцом.

— Солидное орудие убийства,— оценил Календа.— А где она была, почему ты нашел ее только сейчас?

— Вот тут, на этой скобе.— Пульда показал на толстый столб у крутой деревянной лесенки в мансарду.— На ней висело это грязное полотенце, потому мы ее и не заметили.

— Здорово! — ухмыльнулся Календа.— Сыщики мы с тобой, каких поискать! Нас посылать разве что по грибы.

Он чувствовал себя виноватым: они плохо делали обыск, надо бы все повторить с самого начала. Пульда смущенно тер себе подбородок, потом вдруг оживился.

— Товарищ поручик,— сказал он, поворачиваясь к Календе.— Что вы скажете насчет этого столба?

Календа вопросительно взглянул на столб и ответил неуверенно:

— А что столб? Подпирает эту балку у лестницы, что еще?

— Этот столп тут быть всегда,— торопливо вставила Смолова срывающимся голосом.— Ешшо когда моя народился.

— Спасибо за объяснение, пани Смолова,— сказал Пульда.— А теперь идите-ка на кухню и не вмешивайтесь в наш служебный разговор, пока мы вас не позовем. Сыпьте!

— Слышали, товарищ поручик? — обратился он к Календе, когда Смолова, прижав руки к щекам, потащилась в кухню, а он закрыл за ней дверь.— Слышали, как она нас уговаривала, что этот столб был тут еще до ее рождения? М-да, какой-нибудь столбик тут, наверное, стоял, только не этот. Не кажется вам, что он слишком толст? И почему

внизу под ним планка и наверху между ним и балкой доска? И почему он покрашен, если балка не покрашена? Краске этой год или два, не больше, поверьте. И почему я не заметил всего этого раньше, ведь сколько раз я хватался рукой за этот самый столб, когда поднимался и спускался по лестнице. Не знаете почему? Видно, потому, что я безглазый олух. Дайте мне палку, товарищ поручик, и прислушайтесь.

Пульда взял из рук Календы суковатую палку и постучал по столбу. Столб был полый.

— Хорош столбик, а? Что скажете? Он сбит из досок. Минуточку, товарищ поручик, я принесу пилу.

Он выбежал и вернулся с большим топором.

— Это даже лучше,— весело объявил Пульда.— Пилой мы еще могли бы повредить что-нибудь. Замкните-ка кухонную дверь на ключ, товарищ поручик, чтобы эта баба сюда не влезла, и я вам покажу сейчас чистую работу.

Он поднялся на четвертую ступеньку лестницы и короткими сильными ударами стал подбивать верхнюю часть столба. Столб отвечал на каждый удар гулким звуком, словно кто-то приколачивал крышку к большому ящику.

— Подержите, товарищ поручик, чтобы он не завалился. Слышите, как она там взвыла? Видно, есть причина!

Из кухни раздался протяжный плач, похожий на вой бездомного щенка. Столб подрагивал в руках Календы, все больше кренился набок и вдруг повалился на пол. Календа с трудом удержал его. Доска, укрепленная между столбом и наклонной балкой лестницы, со стуком упала на ступеньки.

Пульда оказался прав: столб был полый, сбитый из четырех толстых досок. Пульда соскочил с лестницы. Календа и он были взволнованы. Они нетерпеливо присели на корточки у столба, готовясь выяснить, что же в нем спрятано. Календа сунул было руку, но вдруг отдернул ее и сказал:

— Ты посмотри первый. Это ты догадался.

— Товарищ поручик, вы старший.

— Повтори приказание!

Пульда, стоя на коленях, попытался вытянуться «смирно» и отрапортовал:

— Есть посмотреть первым!

Он сунул руку внутрь столба, и, пока там шарил, оба они возбужденно глядели в глаза друг другу. Потом Пульда просиял:

— Нашел!

Он вытащил длинный предмет, завернутый в черную клеенку.

— Развернуть?

— Не надо,— ответил Календа.— Продолжай.

Из невинной на вид подпорки появились на свет еще четыре винтовки, потом два автомата, пять пистолетов разных систем, обоймы для автоматов, боеприпасы для винтовок и пистолетов, пакет взрывчатки и несколько детонаторов. Убедившись, что столб пуст, Календа и Пульда уселись на нем рядышком, закурили и, блаженно вдыхая дым, поглядели на трофеи у своих ног.

— Подумать только, что все это было у нас под самым носом, а мы зря перерыли весь дом,— сказал Пульда.— Как тут не ругать самого себя!

— А ты думаешь, что, найди мы все это сразу, мы больше не стали бы искать? Нет, парень, ничего бы мы не выиграли. По-моему, лучше найти после долгих поисков, чем сразу, а потом зря продолжать искать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Бригады косцов атаковали горные луга над Поточной. Густая трава, свежая и высокая, несмотря на долгую засуху, широкими полосами ложилась под косами и под ножами косилок. С утра до вечера слышался звон молотков, которыми отбивают косы. За косарями шли девушки с граблями, почти все одетые в холщовые брюки и легкие блузки, с пестрыми платками на голове. Они ворошили широкие ряды скошенной травы, которая сразу же теряла свежесть и цвет, становилась блекло-зеленой и одуряюще пахла. Ты вдыхал этот запах, и кровь быстрее бежала у тебя в жилах, сердце билось чаще, но биение его было верным и сильным, и тебя охватывало желание жить беззаботно, как птицы, и даже дико и необузданно, как ветер.

Трудовые бригады добровольцев, состоящие по большей части из пражских студентов, разместились в пустующих домиках над Поточной. В теплые, благоухающие сеном ночи над городом пылали лагерные костры и звучали песни. Фабричная молодежь из Поточной присоединялась к ним после работы, тоже сидела у костров и пела, иной раз до той поры, когда темное, густо усеянное звездами небо начинало бледнеть.

Но случалось и так, что песня замирала и вместо нее вспыхивал спор, такой же жаркий, как пламя костров.

Далеко не все добровольцы в бригадах были убеждены, что их помощь действительно необходима здесь, в горах, и на других участках, где не хватало рабочих рук. Даже не вся местная молодежь понимала это. Национальный фронт четырех партий, принявших Кошицкую программу, раздирали внутренние противоречия; скрипучие отголоски этих раздоров долетали и сюда, на горные луга, благоуханные, как женщина в ночи любви. Раздоры возникали и среди молодежи, которую совместный дружный труд должен был научить единству, необходимому ей и для будущего.

«Следует ли отрывать студентов от занятий и посылать их на работу, к которой они непривычны, и потому от них будет больше убытков, чем пользы? Многие наши читатели обратились к нам с этим вопросом,— писал пражский еженедельник, особенно распространенный среди интеллигенции.— Мы полагаем, что это важный вопрос, и его стоит беспристрастно обсудить. А потому редакция охотно предоставляет страницы журнала для высказываний «за» и «против».

Это была лишь одна из трещин, которые со времени последних выборов все больше раскалывали единство Национального фронта, но было предупреждением, что там не все благополучно. Вместо того чтобы рассказывать молодежи правду о нехватке рабочей силы и вдохновлять молодых людей на трудовые подвиги, которые были бы лишь незначительной благодарностью за обретенную ими свободу, журнал, прикидывающийся «политически независимым», вносил смятение в молодые умы, умышленно начиная дискуссию о сомнительной пользе добровольных трудовых бригад, о том, что создание их, быть может, срывает учебные занятия студентов. Это создавало почву для углубления политического раскола в дальнейшем.

Вызванные этой дискуссией разногласия выливались в ожесточенные распри, по-юношески горячие и непримиримые. Не раз бывало, что завязавшие спор назавтра же собирали пожитки и уезжали, делая вид, что смертельно обижены. Подавляющее большинство, однако, оставалось. И если бы кто-нибудь проследил путь дезертиров, он понял бы, кто и зачем их посылал.

Даже среди молодежи Поточной не было единого мнения о бригадах. Здена, которая чувствовала себя ответственной за них, большую часть времени проводила в лугах, а иногда даже ночевала в городке у своих родителей.

Нелегко жилось Багару в те дни. Он боялся за Здену, в то же время понимая, что она должна находиться с

участниками бригад. Если трудовые бригады развалятся, не закончив своего дела, более того, если не удастся убедить местную молодежь работать бок о бок с приезжими, молодежное движение в районе будет надолго подорвано. Багар понимал это. Но хотя он и знал, что Здена выполняет свой долг, его тревога не становилась меньше. Вспоминая о жене, он представлял себе скользкие крутые косогоры над Поточной, со скошенной травой. Иногда эта картина возникала настолько отчетливо, что на лбу у Багара выступал холодный пот. Достаточно одного неосторожного шага, стоит один раз поскользнуться — а в таких местах это случается сплошь да рядом — и их надежда погибла! Багар попытался поговорить со Зденой о своих тревогах, но безуспешно.

— Ты ведь это не всерьез,— ответила она и поглядела на него так, словно открыла в его характере какую-то новую, еще незнакомую ей плохую черту.

Багар понял этот взгляд и поспешил уверить жену, что это не напрасная тревога и что беспокойство преследует его на каждом шагу. Резкий ответ вертелся на языке у Здены, но она сдержалась. В последнее время Здена заметила в себе повышенную раздражительность и, понимая ее причины, приучила себя не поддаваться ей. «Это не годится,— думала она,— рожу еще какого-нибудь бешеного». Так было и на этот раз: вспышка гнева погасла, и в Здене вдруг поднялась волна нежности и любви к Багару, какую она едва ли знала прежде.

Она подошла к мужу и прижала его голову между грудью и животом, округлившимся так незначительно, что вряд ли кто-нибудь догадался бы, что она беременна, и, конечно, не поверил бы в большой срок беременности.

— Не смей об этом думать! — мягко сказала она.— Я умею быть осторожной. Не первая же я беременная женщина, которая ходит по косогорам над Поточной.

Багар встал, обнял жену, слегка прижал к себе, вдыхая ее запах, который всегда почему-то напоминал ему детство, садик у них за домом и запах листка бальзамина, растертого пальцами.

— Конечно, не первая,— ответил он.— Но эти женщины родились и выросли в горах. До последнего дня они таскают на спине вязанки травы или сена, но ведь они ходят по этой земле с детских лет. Это прирожденные горянки.

— А Ямнице разве не в горах? — улыбнулась Здена.— Когда мы переехали в Поточную, мне казалось, что мы все

еще в родных местах и только перебрались из одной деревни в другую.

Бесполезно было отговаривать ее от того, что она считала своим долгом и что Багар должен был признать ее правом. Он понял, что лучше не возвращаться к этому вопросу; самое правильное будет подавить в себе тревогу, которую вызывали в нем поездки Здены в Поточную.

Втайне он сердился и на Гальчика. Как же Гальчик сам не понимает, что Здену в ее положении надо кем-нибудь заменить? Мысленно Багар обвинял друга в том, что после смерти Марты тот перестал замечать нужды и страдания окружающих, ушел в себя и судит обо всем с точки зрения дела, не считаясь с людьми. Но оснований для такого суждения о Гальчике у Багара не было никаких, кроме случая, касающегося Здены, да еще какого-то отсутствующего выражения при разговорах с людьми, которое в последнее время стало появляться у Гальчика.

Но когда Багар пришел и увидел Гальчика в темноватом кабинете, язык у него не повернулся высказать все это. Было бы бессердечно говорить о Здене человеку, недавно потерявшему жену. Большая лысая голова Гальчика, прежде как будто воплощавшая его здоровье и неукротимую силу, казалась неузнаваемой. Лицо его в последнее время похудело и побледнело, кожа приобрела землистый оттенок, глаза ввалились и словно с трудом смотрели на собеседника тяжелым взглядом, набухшие веки каждую минуту, казалось, готовы были сомкнуться. Гальчик страдал бессонницей. Секретарь районного комитета коммунистической партии читал ночи напролет, штудировал политическую литературу, заполняя свой мозг мыслями, стараясь создать непреодолимый заслон от воспоминаний, и лишь под утро засыпал тяжелым беспокойным сном на два-три часа.

Он никому не жаловался на свои страдания, не ходил к доктору и иногда лишь тянулся к левой стороне груди, но он опускал руку раньше, чем кто-нибудь успевал заметить этот жест. Иногда при выступлениях на митингах или во время долгих утомительных заседаний Гальчика прошибал холодный пот. Постоянно чувствуя теперь усталость и озноб, он целыми днями пил черный кофе, который давал ему обманчивое чувство свежести и силы и прояснял усталую голову. Его стремительная речь замедлилась, словно он с трудом находил слова и еле ворочал языком.

— Понимаю тебя, Ирка,— сказал он медленно, когда Багар выдавил из себя свою просьбу.— Значит, ты дума-

ешь, что я гоняю Здену на работу, которая не подходит для беременной женщины, и что, будь я более внимателен и чуток, легко мог бы устроить все иначе.

Багар кивнул. В нем нарастало чувство стыда, как у человека, пришедшего с необоснованной претензией.

— А ты сам говорил Здене, что ей надо беречься и временно перейти на другую работу?

— Она об этом и слышать не хочет. Боюсь, что я даже немного рассердил ее.

Гальчик улыбнулся какому-то давнему воспоминанию.

— Я думаю! Наверное, рассердил. Вот и я помню...

Он вдруг замолк. Багар сразу понял, о чем вспомнил Гальчик.

— Помню,— продолжал тот, переборов себя,— что и с Мартой в таких случаях сладу не было. Делала все, что задумала, до тех пор, пока не ложилась в родилку.

Оба замолчали и погрузились в воспоминания. В открытые окна доносился уличный шум: скрип возов, стук окованных железом колес на булыжной мостовой, шарканье ног, человеческий гомон, автомобильные гудки, шум моторов. На улице пекло солнце, разливая ослепительный свет и зной. Здесь, в кабинете, было как-то пасмурно, старые каменные стены дышали прохладой. В углу за книжными шкафами возилась мышь.

— Я не ждал, пока ты ко мне обратишься,— заговорил Гальчик, и в его усталом голосе не было и следа упрека.— Я сам говорил со Зденой и предлагал ей временно перейти на другую работу, но, как и ты, ничего не добился, хоть и ссылался на партийную дисциплину. Представляю, каково тебе. Но ничего не поделаешь. Здена никогда не признает наших доводов. В крайнем случае, если бы мы заставили ее послушаться нас, она считала бы себя оскорбленной, а нас — обывателями.

Багар покраснел. Его бросало и в жар и в холод. Он встал и протянул руку Гальчику. Тот остановил его вялым жестом.

— Оставь это и садись, пожалуйста,— недовольно сказал он.— Ты знаешь новость о Смоле?

Багар еще не успел прийти в себя от противоречивых чувств, только что испытанных им.

— Нет,— ответил он.

— Покончил с собой.

— Что за вздор! — вскричал Багар, разом забыв все, о чем они только что говорили.— Быть не может, я хочу сказать! Откуда у тебя такая новость?

— Календа был у меня сегодня ночью. Тебя он не нашел, ты был где-то за городом, а сегодня он, видно, в спешке еще не попал к тебе.

— Но как же он допустил это? — возмутился Багар.— Не знали они, что ли, какой человек у них в руках? Повесился он или что?

— Перерезал себе вены.

— Перерезал вены! — изумился Багар.— Но как, скажи, пожалуйста? Я же сидел в тюрьме и знаю, что там нелегко это сделать.

— У него отняли все, что отнимают у арестантов. Только не заметили металлических пуговиц на брюках. Он заточил одну из них и ночью, под одеялом, вскрыл себе вены. Когда караульному показалось, что он лежит как-то странно, Смола уже окоченел. Календа в отчаянии и говорит, что уйдет в отставку.

— Он только и знает, что уходит в отставку,— сердито сказал Багар.— Всякий раз, как провалит что-нибудь, собирается в отставку. Удалось ему хотя бы узнать от Смолы что-нибудь важное?

— Да что ты так взъелся на Календу? — удивился Гальчик.— Ведь он не сам сторожил Смолу. Такая неудача могла случиться и у человека поопытнее его.

Багар успокоился и сказал серьезно:

— Я на него не взъелся, а, наоборот, считаю его отличным парнем. Но я не люблю его разговоров об отставке. Думаю, что и тебе пора отчитать его за это.

— В каждом из нас что-нибудь не нравится другому,— неожиданно резко возразил Гальчик.— С таким подходом к людям далеко не уедешь.

Оба снова замолчали, и уличный шум заполнил комнату.

— Смола молчал,— через минуту заговорил Гальчик извиняющимся тоном.— В первый же день он начал голодовку, а на допросах был как немой. Только одно выяснилось с несомненностью: это он в сорок пятом году подстрелил Клинека. Нарезка на пуле точно соответствует нарезам в стволе пистолета, который у него нашел Календа. Вот и все.

— Обыска у Росмусов не будет?

— Для этого нет оснований. Официально мы не установили, откуда Смола нес масло. Но прочитай-ка это и представь себе, что будет, когда станет известно о самоубийстве Смолы.

Он подал Багару через стол свежую газету одной из

партий Национального фронта. На третьей странице синим карандашом была отчеркнута пространная заметка. Жирный заголовок гласил:

БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ПОДСЛЕДСТВЕННЫМИ!
КАКИЕ МЕТОДЫ ПРИМЕНЯЕТ КАДАНЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КНБ?

В заметке, с начала до конца проникнутой «возмущением и опасениями за судьбы демократии в нашей стране», сообщалось «общественности, которой еще дороги правопорядок, гражданские свободы и законность, что в редакцию газеты поступают письма из разных областей республики, в частности из нашего Пограничья, с жалобами на действия сотрудников КНБ, кои зачастую напоминают пресловутые недоброй памяти расправы гестапо. Бывают случаи, когда по ложным доносам арестуют и сажают в тюрьму ни в чем не повинных граждан, вынуждая их на допросах к «признанию» методами, которые без преувеличения можно назвать истязанием. В данной заметке мы хотим обратить внимание на действия органов национальной безопасности в Кадани. Об этих действиях, основанных преимущественно на придирках и преследовании порядочных людей, редакция имеет уже немало сведений, которые со временем направит на рассмотрение в соответствующие инстанции. У нас есть вполне надежное известие о том, что несколько дней назад каданьское отделение КНБ арестовало почтальона С. (очевидно, и на сей раз необоснованный арест!) и подвергло его таким садистским допросам, что несчастный едва не лишился зрения. Нам удалось с несомненностью установить, что главную роль в делах каданьского отделения КНБ и в случае с почтальоном С. играет поручик К., бывший военнослужащий восточной армии. Заверяем наших читателей, что не только наша газета, но и вся наша партия будет последовательно бороться за чистку органов безопасности. Наши депутаты готовят подкрепленный обильным материалом запрос в парламенте, а министры, члены нашей партии, незамедлительно примут меры к тому, чтобы оздоровить политическую жизнь в стране, дабы мирные граждане могли без страха ложиться спать и спокойно заниматься своими делами».

Дочитав, Багар положил газету на стол и встретил вопросительный взгляд Гальчика.

— Подлость,— сказал он.— Дело, конечно, не в Кадани и не в Календе, это лишь часть широкой кампании.

— Именно так,— согласился Гальчик.— Они собирают

силы для наступления. Пока что им удаются лишь бóльшие или мéньшие хулиганские выходки. Они подняли крик, чтобы скрыть, что сами учились у нацистов, а теперь пытаются свалить это на нас. Прежде чем уйти, скажи, как кончилось дело с начальником станции и с неотправленными вагонами.

— Вагоны уже на месте. Что же касается начальника станции, то министерство путей сообщения ответило завкому шарикоподшипникового завода, что не обнаружило в действиях этого типа ни ошибок, ни злостной халатности. Тон ответа, мягко выражаясь, высокомерный: чуть ли не удивляются, что кто-то осмелился потребовать порядка на транспорте.

У здания РНК Багар остановился в нерешительности. Ему очень хотелось съездить в Поточную, к Здене. В конце концов, бывать на сенокосе его обязанность — тем более что заведующий сельскохозяйственным отделом Ваша Кроулик все еще не оправился от своей ангины. Заменяющий его чиновник болтался, правда, целыми днями на мотоцикле по району, но сведения привозил такие туманные и путаные, что от них не было почти никакого толку. Колебание Багара было столь сильным, что он закурил и, стоя у главного входа, размышлял, вправе ли он уступить своему желанию. Наконец он решил, что больше всего его толкает к этой поездке стремление убедиться, насколько велика опасность, которая, как ему кажется, грозит Здене на горных сенокосах. Но он просто не имеет права ради этой цели бросать все другие дела; можно съездить туда и вечером, если, разумеется, вечер будет свободен. Багар отбросил недокуренную сигарету и устремился вверх по лестнице, шагая через две ступеньки, словно желал наверстать упущенное время.

Но, входя в тяжелую застекленную дверь, он столкнулся с шофером, который возил его по служебным делам.

— Звонили из Поточной, товарищ Багар. Ищут тебя. Я как раз собирался к тебе на квартиру.

Багар почувствовал, что сердце у него вдруг замерло, а потом заколотилось, как бешеное. Здена! Что же еще может быть?

— В чем дело, не сказали? — спросил он сдавленным голосом.— Кто звонил?

— Твой тесть, а потом, кажется, Трнец. Похоже, там что-то стряслось, и ты нужен, чтобы навести порядок.

«О моей жене ничего не говорили?» — хотел спросить Багар, но, поглядев на шофера, сказал:

— Ты говоришь, звонил и Трнец? С чего это он меня вспомнил?

— Ручаюсь, что ему пришлось туго, товарищ Багар. С какой бы стати он тебя так усиленно разыскивал? Поехали?

— Выводи машину, я поднимусь и скажу, что уезжаю.

Работать Здене в Поточной оказалось не так-то просто. Она неожиданно встретила сопротивление там, где меньше всего ожидала,— футболисты Антоша отказывались участвовать в работе добровольческих бригад, чтобы иметь возможность тренироваться по вечерам после работы. Их было человек двадцать — здоровых парней, составлявших цвет поточенской молодежи. Если они будут уклоняться от выполнения долга, не внимая призывам страны, это, несомненно, плохо повлияет на остальных и даже на добровольцев из Праги. В других местах бывали уже такие случаи. Когда местная молодежь не участвовала в трудовых бригадах и с насмешкой созерцала, как приезжие гнут спину, те, рассердившись, бросали работу и уезжали восвояси. Поточенские футболисты два вечера подряд не появлялись на сенокосе. На стадионе раздавались их крики, долетавшие до горных склонов, где работали косари, поднимаясь все выше. Здена отправилась к Антошу просить помощи. Когда она вошла, Антош разбирал коробку скоростей старого «ДКВ». Он отложил работу, вытер руки тряпкой со следами машинного масла и поздоровался со Зденой без обычных шуток и улыбки. Его круглое, измазанное пылью и копотью лицо было мрачно, взгляд беспокоен. Здена, ожидавшая острот и подтрунивания, была настолько удивлена, что не знала, как начать разговор.

— Может быть, я пришла некстати, товарищ Антош,— заговорила она с необычной для нее осторожностью.

— Кстати или некстати — не важно.

Из-за кузова машины вынырнул Фриц Клаузе, кивнул Здене, почесал разводным ключом свою рыжеватую шевелюру и за спиной Антоша показал жестом в сторону дома. Здена поняла его так, что у Антоша была новая ссора с женой, видимо более серьезная, чем обычно. В такой обстановке говорить с Антошем, конечно, будет еще труднее. Пока она думала, как же продолжать разговор, не вызывая препирательств, которые могут еще больше ожесточить Антоша, молодой хозяин авторемонтной мастерской оперся о кузов машины и стал курить, словно совсем забыв о при-

сутствии Здены. В Здене нарастало возмущение, но она вовремя спохватилась: нельзя взрываться!

— Я могу прийти и в другой раз,— медленно сказала она, не без труда овладевая собой.— Скажем, вечером, когда ты кончишь работу.

— Тебе бы в твоем положении лучше сидеть дома, а не бегать по косогорам,— неожиданно сказал Антош.— Удивляюсь, что Ирка это допускает.

Здена покраснела.

— Твоя жена тоже не бросала работы, когда была беременна,— глухо ответила она.

— Я ее на работу не посылал,— воскликнул Антош и отшвырнул недокуренную сигарету.— Тогда не посылал и теперь не посылаю.

Почему Антош подчеркивает, что он и сейчас не посылает жену на работу? Здена не поняла, хотя Фриц Клаузе за спиной хозяина разыгрывал новую пояснительную пантомиму.

— А почему теперь? Что-нибудь случилось с Андулкой?

Антош махнул рукой.

— Э-э, что об этом говорить! У тебя свои заботы, у меня свои. Я знаю, зачем ты сюда пришла: хочешь, чтобы ребята бросили футбол и пошли на сенокос. Пусть идут, если ты сумеешь их уговорить. А меня увольте раз и навсегда! Я все это брошу к чертям, уеду отсюда, поживу наконец спокойно.

Он отвернулся от Здены и заметил пантомиму Фрица: тот быстро покачивал головой, так что его мягкие рыжие волосы разлетались во все стороны, и, скрестив руки, делал вид, что держит в них ребенка.

— Что ты там дурачишься, Фрицек? — недовольно, но не грубо сказал Антош.

Бледное, веснушчатое лицо Фрица, измазанное, как и у Антоша, вспыхнуло. Он опустил руки, ссутулился и скрылся за кузовом машины, но тотчас опять высунулся и заговорил торопливо, даже заикаясь:

— Андулка заболела. Почему вы не скажете, что у вас дочка больна?

Здена сразу забыла обо всем остальном.

— Это правда, Антош?

— С девочкой теща,— строптиво сказал Антош, уклоняясь от прямого ответа.

Здена поспешила к дому. Там было тихо, только откуда-то, словно из-за нескольких дверей, в пустые сени доно-

сился хриплый детский плач. Здена миновала кухню, где лохань была полна немытой посуды, а на столе стояли грязные чашки, подошла к дверям спальни, слегка постучала и подождала ответа. Плач прекратился, старческий женский голос сказал:

— Войдите!

В комнате, у противоположной стены, рядом с супружескими постелями, стояла зеленая детская кроватка. Над ней склонилась мать Анчи. Когда вошла Здена, старушка выпрямилась, и на ее сухом морщинистом лице выразилось разочарование. Она, несомненно, ждала доктора. Здена тихо поздоровалась, старуха в ответ кивнула головой. На белой помятой подушке лежала голова девочки и все время металась из стороны в сторону, словно отмахивалась от чего-то. Лицо у Андулки было багровое, и Здене показалось, что девочка стала почти неузнаваема. Дыхание ее было прерывистым, ручки беспокойно шарили по одеялу.

— Где Анча? — спросила Здена, потому что и она в эту минуту считала совершенно невероятным, чтобы мать при таком состоянии девочки могла уйти куда-нибудь, даже и на работу.

— Пошла на фабрику,— ответила старушка, и по щекам ее покатились слезы.— С утра было ничего, после семи часов началось вот это.

— Почему же вы не послали за матерью?

— Он не хочет,— укоризненно вздохнула бабушка, указав морщинистой рукой на дверь, в которую только что вошел Антош с засаленной кепкой в руке.

Здена погрозила Антошу кулаком.

— Я тебе задам, упрямец!

Антош, расставив ноги, стоял в дверях и мял кепку, мрачно глядя в пол.

— Она добилась, чего хотела,— сказал он.— Я не посылал ее на фабрику. Да, не посылал! Пусть теперь посмотрит, к чему это ведет, когда ребенок не при матери. А ты мне, товарищ, не грози и не суйся в чужие дела.

Вспышка гнева охватила все существо Здены, глаза у нее сверкнули, горло сжало спазмой. Она постояла молча, не шевелясь и дыша почти так же тяжело, как больная девочка. Бабушка за ее спиной сказала слезливо:

— Пожалуйста, не обращайте на него внимания, не обижайтесь. С нами он теперь все время такой. Словно взбесился...

Здена повернулась к ней и, превозмогая волнение, спросила отрывисто:

— Вы послали за доктором?

— Где там! Ждали, пока нам какой-нибудь умник посоветует,— насмешливо ответил Антош, словно в нем все еще нарастала давно затаенная злоба.

— О господи! — всхлипнула бабушка.— Это же не человек, а заправский дьявол! Фриц ходил за доктором, но того нет дома, говорят, он в Праге и вернется только завтра к вечеру. Что делать до тех пор?

— Что делать? — отозвался Антош все тем же язвительным тоном.— У нашего ребенка пока у первого заболело горло. Кладите ей холодные компрессы и сидите рядом, чтобы она их не срывала. Когда вернется ваша доченька, она вас подменит.

У Здены так колотилось сердце, что его удары отдавались в голове. Она напрягала всю силу воли, стараясь сохранить самообладание. Что случилось с Антошем, с этим когда-то веселым товарищем, готовым не только всегда шутить, но и бежать на подмогу всюду, где нужно? Она обернулась к нему, но он отвел глаза, прошел мимо нее к кроватке, наклонился над дочкой, чье трудное дыхание становилось все более хриплым. На лице Антоша выразились растерянность и испуг. Он выпрямился и перевел взгляд с одной женщины на другую, потом накинулся на тещу.

— Что вы делали с ребенком? Почему не меняете ей компрессы? Не видите разве, что она задыхается?!

— Товарищ Антош,— тихо, но настойчиво сказала Здена.— У девочки не просто болит горло, у нее не ангина. Это дифтерит. Я хорошо знаю признаки. Два моих брата...

Она запнулась, чуть не сказав «умерли», но спохватилась, что в этой обстановке о таком несчастье нельзя вспоминать. И поспешно добавила:

— ...болели им.

Антош оцепенел, устремив на Здену глаза, полные страха, потом швырнул кепку на пол и вскричал:

— Вот еще глупости! Что ты тут каркаешь, как ворона?!

У Здены от испуга кольнуло в сердце. Со времени стачки в Ямницах, от которой у нее сохранилось очень смутное воспоминание — полицейские тогда грубо орали на толпу,— она не помнила таких окриков. Побледнев, она приложила руку к груди слева и повернулась к дверям.

Пройдя тихую кухню, где все ждало рук хозяйки, она вошла в прохладные сенцы и остановилась перевести дыха-

ние, прежде чем выйти под жаркое солнце. Здесь Антош догнал ее и преградил ей дорогу, расставив руки.

— Товарищ Зденочка, прошу тебя! Я вел себя как идиот. Прости меня, если можешь, и забудь об этом!

Что ему ответить? Здена пожала плечами. Прохлада в сенцах подействовала на нее успокоительно, и все же Здена почувствовала себя усталой, ей захотелось сесть, посидеть тихо и неподвижно и подождать, пока к ней вернутся силы и охота к труду. Ослепительный солнечный свет казался невыносимым, и Здена никак не могла собраться с духом, чтобы выйти туда, в этот зной.

— Когда-нибудь мы поговорим об этом, Антош,— вяло сказала она.— Сейчас надо позаботиться об Андулке. У тебя здесь есть телефон, звони в Кадань. И надо бы сообщить на фабрику Анче.

— Пока дозвонишься да пока приедут...— Растерянность и отчаяние сменилось в Антоше ожесточенной жаждой деятельности.— Я поеду сам! — Он высунулся в дверь и крикнул: — Фриц, бегом! Готовь машину! — Потом кинулся обратно в кухню и, понизив голос, но категорическим тоном приказал теще: — Закутайте Андулку в шерстяной платок. Поедете со мной в больницу.

Здена еще раз глубоко вздохнула и вышла из дома. На дороге, залитой солнцем, зной охватил Здену, как раскаленный панцирь. «Этого еще нам не хватало в Поточной! — подумалось ей.— Дифтерит! Может быть, дело ограничится одним случаем, но и это страшно. А Маркова нет в городе! Гоняется за санаторием, а противодифтерийных прививок не провел! Что, если в такую жару начнется эпидемия?» Здена свернула с шоссе и пошла по боковым уличкам мимо домиков с садами, где еще попадалась спасительная тень. Всюду было пусто и тихо, только несколько ребятишек дошкольного возраста играло в пыли, среди пучков травы, которой поросла мостовая и узкие тротуары. Вид этих детей снова взволновал Здену. «Какая пыль! — подумала она, невольно поднимая глаза к безоблачному, головокружительно голубому небу.— Если начнется эпидемия, мы будем совершенно беспомощны!»

Она направилась к текстильной фабрике, чтобы рассказать отцу о случившемся у Антоша. Быть может, еще удастся что-то предпринять, может быть, можно будет прислать в Поточную врача из Кадани, если на Маркова нельзя положиться. Эти мысли подгоняли Здену, но ноги подгибались и плохо слушались ее, все тело ослабло. Размолвка с Антошем, его окрик, болезнь Андулки — все это

взволновало Здену больше, чем она предполагала. Она вдруг почувствовала, что еще один шаг — и она упадет, потеряет сознание. Здена оглянулась, будто ища помощи, и села в тени яблони на каменную кладку забора. Сидеть было не слишком удобно, но Здене сразу полегчало. Ладонями она опиралась о шершавые белые кирпичи, а спиной прислонилась к зеленым доскам забора, слегка пахнущим краской; этот запах не смешивался с остальными, а вторгался в смесь аромата разогретых солнцем фиалок, которые цвели где-то тут рядом, запаха пыли и сладкого, проникающего всюду благоухания сена, доносившегося со склонов гор.

Маленькие пожелтевшие плоды, чуть побольше черешни, совсем сморщенные — это были яблоки, осыпавшиеся от недостатка влаги,— густо покрывали землю у ног Здены. На них было тягостно смотреть, но они притягивали взгляд, как всякое бедствие и неблагополучие. В запыленной траве они походили на лужу, в которую стекла плодоносная сила деревьев. На Здену вид падалицы подействовал угнетающе, она захотела встать и уйти, но усталость связывала ей ноги и ослабляла волю. Эту усталость Здена чувствовала и в плечах, словно на них легли две тяжелые руки и не давали ей встать.

Несколько лучей солнца, поднимающегося к зениту, прорвалось сквозь листву яблони. В них кружилась пыль, широкие полосы золотистого света потускнели от нее и выглядели зловеще, как клинки тяжелых мечей. «Пыль, какая пыль!» — твердила про себя Здена. И ее мысль в эту минуту замерла, как гладь озера, и отражала только это слово, которое не вызывало никаких реальных представлений и образов.

Ребятишки, играющие неподалеку, громко завизжали. Здена оглянулась на них. Они набирали пыль руками и лопатками и бросали ее вверх и друг в друга. «Какая пыль!» — повторила Здена, но ничто не побудило ее встать и прекратить опасное озорство.

В висках у нее стучало. «Хоть бы стакан воды!..» — подумала она. И вдруг случилось это: что-то шевельнулось у нее в животе. Это было едва уловимое содрогание, какое иногда испытывают утомленные мышцы. Здена замерла. Что это такое? Усталость исчезла, все чувства разом обострились. Здена напряженно ждала, как проснувшийся во тьме человек ждет повторения звука, который его разбудил. Ах, вот оно! Здена вздохнула, сердце у нее словно переполнилось чем-то. Она сидела не шевелясь, бессозна-

тельно вцепившись пальцами в шершавые кирпичи. Никогда она не испытывала такого блаженства. Здена улыбалась...

Она подождала еще минуту, но движение не повторилось. Здена встала, непостижимым образом освеженная, снова полная сил и решимости, и оглянулась, отыскивая взглядом детей. Но они куда-то исчезли, и их крики слышались теперь на соседней улице. В сердце Здены были счастье и забота. «Удивительно,— думала она,— как много может человек пережить за одну минуту, за один миг... Какая, однако, пыль! — вернулась она к своим мыслям.— Что мы можем против нее сделать, если нет дождя? Может быть, еще не поздно, поговорю с Иржи и с отцом. Если саботирует Марков, можно прислать сюда врача из Кадани. Но надо поторопиться».

У ворот текстильной фабрики стояли два автомобиля. Здена узнала один из них. Это была машина РНК, в которой Багар ездил по району. «Иржи здесь,— удивилась она.— Что случилось?»

За большим окном сторожки сидел старый Вилли Кроне. От своего трагически погибшего предшественника он унаследовал не только должность и квартиру, но и форменную одежду привратника. Ее не пришлось даже перешивать, оба они были одного роста и одинаково поджарые. Морщинистое лицо привратника прикрывал большой блестящий козырек фуражки, на широком околыше которой еще сохранился след от монограммы бывшего владельца фабрики.

Увидев перед собой жену председателя РНК, Кроне растерялся, не зная, как поступить. На ломаном чешском языке, слегка запинаясь, он объяснил ей, что рано утром приехал молодой пан Пюхлер, и с тех пор кабинет пана Трнца гудит как улей. Там заседает фабричный комитет, а недавно появился даже пан Багар. Лучше всего будет, предложил Кроне, позвонить в кабинет и попросить пана Багара. Ему, привратнику, не велено никого впускать без телефонного звонка.

Здене очень хотелось сказать Багару хоть несколько слов, но она не стала звонить по телефону, понимая, что она не имеет права отрывать мужа от совещания, важность которого ей была вполне очевидна. Потом Здена спросила Кроне об Антошовой и узнала, что Анче недавно звонил Фриц Клаузе; вскоре после этого Анча прибежала из цеха вся заплаканная, бросила привратнику свою карточку и убежала, даже не ответив на вопрос, что случилось.

Здена вдруг ощутила облегчение, и это показалось ей невероятным и стыдным. «Что с тобой, девушка? — подумала она.— Выходит, что ты радуешься, избежав необходимости поговорить с Анчей и попытаться помочь ей в ее горе. Нет, ты не смеешь уклоняться от этого! Не застала здесь, отправляйся к ней домой. Но с Иркой и с отцом тоже нужно поговорить. И с Коринтой. Пусть он поможет мне с футболистами. И почему только так много хлопот сразу?»

Она медленно и подробно объяснила Вилли Кроне, что нужно передать ее отцу и Багару. В этот момент у фабричных ворот скрипнули тормоза еще одного автомобиля. Здена повернулась и увидела в калитке Любомира Мацака. Он шел бодрой походкой, почти танцуя, но не какой-нибудь легкомысленный танец, а нечто вроде солидного гавота.

— Товарищ Багарова! — воскликнул он удивленно и не без язвительности.— Вот не ожидал! Честь труду! Мое почтение! Вы пришли принять участие в нашем заседании?

— Где мне! — сказала Здена с необычной для нее холодностью.— Я, во-первых, понятия не имею, что это за заседание, а во-вторых, вы, несомненно, будете обсуждать вопросы, в которых я не компетентна.

— О, что вы, что вы! — расшаркивался Мацак.— Супруга председателя РНК и сама видная политическая деятельница! Мы будем обсуждать серьезное дело, дорогой товарищ. Дело исключительной важности. Не знаю, в курсе ли вы, но от нашего сегодняшнего решения зависит вся дальнейшая политическая обстановка в районе, а быть может, как знать, и далеко за его пределами... Передать привет товарищу Багару?

— О, пожалуйста! — ответила Здена и с облегчением засмеялась, довольная, что избавилась от этого вкрадчивого болтуна.

Она вышла из фабричных ворот и остановилась на мостике через Поточную, в тени громадного клена. Слышался негромкий, но гулкий шум ткацких станков. Здена поглядела вдоль длинной улицы в сторону ратуши и почты. Городок был безлюден и тих, словно его покинуло все живое. Эта тишина наполнила Здену тревогой, она вдруг почувствовала себя заброшенной, как человек, который лишился крова и которому некуда идти. Здена очень хорошо знала Поточную в любое время года; утро, день, вечера и ночи в Поточной звучали для нее волнующей речью города, ставшего для нее родным. Поточная бывала оживленной, наполняясь разнообразнейшими звуками — то визгом циркулярных пил, то песнями, звучавшими в темноте

под звездами, то голосом одинокой грустной гармоники. Но никогда, даже в пору глубочайшей тишины, в то время, когда городок, спрятавшись под крышами, словно ничего не хотел знать о внешнем мире, не затихал один неумолчный голос — голос речки Поточной, говор ее беспокойных горных вод, неистовых в половодье и постоянно шумящих летом в шлюзе у фабрики. Сейчас Здене казалось, что на хорошо знакомой ей картине стерта привычная деталь, но какая — Здена не могла вспомнить. Она оперлась спиною о перила и вдруг поняла, чего не хватает: река Поточная молчит, и только у шлюза слышится слабое журчанье, словно кто-то тащит по мостовой тяжелую ткань.

Здена повернулась лицом к перилам и наклонилась над речкой. И только теперь ей бросилось в глаза и ярко запечатлелось в сознании происшедшее; подобную картину она уже встречала в верховьях реки и утешала себя, что внизу дело обстоит лучше. В русле реки под знойным солнцем лежали голые валуны, булыжники, голыши и сухой песок — удручающая коллекция накаленных камней разной формы. Среди них тремя-четырьмя струйками, которые сливались и опять растекались, как ленивая змейка, пробиралась когда-то веселая, голосистая и быстрая Поточная. Здена глядела, не веря своим глазам. «Так вот до чего дошло,— думала она.— Значит, и впрямь дело плохо!»

Любомир Мацак вступил в кабинет Трнца с таким видом, как будто, находясь еще за дверью, не слышал сердитого говора и шумных препирательств. Он широко улыбался, раскланивался во все стороны, излучая уверенность, что учтивостью и разумными переговорами можно уладить любой спор в мире.

— Мое почтение, господа! — возглашал он и добавлял немного потише, но с особенным подъемом: — Честь труду, товарищи!

— Садитесь, товарищ Мацак,— прервал Багар его ломанье.— Вы пришли очень вовремя. Друг Трнец рассчитывает прежде всего на вас.

Мацак уселся, извлек из кармана носовой платок, громко и с чувством высморкался, при этом незаметно, как ему казалось, оглядывая присутствующих, чтобы разобраться в расстановке сил. Трнец, необычно красный, с яростью в глазах, сидел за столом, в центре. Пепельница перед ним была полна окурков, и Трнец неверной рукой закуривал новую сигарету. Он выпустил дым и взглянул на

Мацака, как бы говоря: «Сядешь ты наконец, черт возьми, или нет?» На столе не было ни чашек с черным кофе, ни шкатулки с сигаретами. «Угощенья-то нет,— подумал Мацак.— Военные переговоры. Ничего похожего на примирение». Мацак поежился, хотя на улице была жара, и ему страшно захотелось черного кофе, который он пил чуть не по десять чашек ежедневно. «Попросить кофе будет явно неуместно»,— подумал он кисло.

Багар сидел рядом с Трнцом, спокойно и выжидательно глядя на Мацака. Любомир Мацак с трудом переносил этот взгляд председателя РНК. Рядом с Багаром сидел Виктор Пюхлер в легком шерстяном костюме, совершенный англичанин, если бы не смуглая кожа и черная как уголь шевелюра. Пюхлер гасил в пепельнице толстую сигарету и слегка улыбался, как человек, нашедший себе послеобеденное развлечение. Мацак попытался встретиться с ним взглядом, но это ему не удалось. «То ли этот Пюхлер гордец, то ли авантюрист, то ли то и другое вместе,— подумал Мацак.— Никогда не узнаешь, что он думает». Что-то холопское, собачье в натуре Мацака заставило его вздрогнуть от злости и завистливого восхищения.

По другую сторону стола сидели Деймек, Ганс Пальме, Лойзик Мареш и еще двое незнакомых Мацаку людей, один из них по внешности явно служащий. Присутствие Ганса Пальме не понравилось Мацаку. «Опять они взялись за свой интернационализм,— недовольно подумал он.— Сперва требовали выселить немцев, а теперь тащат немецких рабочих в фабкомы... Черт их разберет! Но Пальме-то их поля ягода, на этот счет они не ошибаются».

Всю дорогу из Кадани Любомир Мацак обдумывал, как вести себя на этом совещании, но пришел к единственному выводу, что вернее всего будет действовать по обстоятельствам. Сейчас, чтобы выиграть время и разобраться в расстановке сил, он решил прикинуться неосведомленным.

— Я получил ваш вызов, товарищ председатель,— начал он многозначительно грудным голосом,— и поспешил сюда с максимальной скоростью. Но должен признаться, что я представления не имею, в чем дело.

— Это называется ломать комедию! — злобно рявкнул Трнец, но Багар остановил его движением руки.

— Не срывайся с цепи, Тоник,— сказал он дружески.— Этак мы далеко не уедем.

Затем Багар, будто поверив Мацаку, в нескольких словах объяснил ему, что районный суд разрешил вопрос о фабрике в пользу пана Виктора Пюхлера, и тот явился

сегодня с исполнительным листом к народному управляющему фабрикой пану Трнцу, чтобы принять от него свое имущество. По мнению Багара, пан Пюхлер допустил ошибку, не обратившись предварительно в районный национальный комитет, от которого Трнец в свое время получил мандат на управление фабрикой, но, в конечном счете, это привело лишь к тому, что переговоры происходят сейчас не в национальном комитете, а прямо на месте.

— Мы, следовательно, вправе отложить переговоры до тех пор, пока пан Пюхлер исправит свою оплошность,— закончил Багар.— Но тем самым мы только оттянули бы решение вопроса, к которому можем прийти и сейчас. Товарищи из фабкома считают, что дело можно не откладывать, пан Пюхлер не возражает, против только Трнец.

Любомир Мацак сделал глубокомысленное лицо и начал так усиленно тереть подбородок, будто решение всего дела зависело только от него. Но Трнец не дал ему как следует разыграть эту пантомиму.

— Ну конечно, я против! — возмущенно закричал он.— Вы собираетесь обсудить две точки зрения — Пюхлера и фабкома. А моя точка зрения для вас ломаного гроша не стоит? Я за эту развалину чуть не отдал жизнь, это что, пустяки? Я тут два года работал как вол, этому грош цена? Фабком скажет: «Собирай свои манатки и катись». Пан Пюхлер, быть может, окажется повежливее, но результат будет один. А я говорю: вот вам!

Трнец показал кукиш, потом стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули пепельницы, а из переполненной, что стояла перед ним, выпало несколько окурков.

— Хватит подбородок тереть! — закричал он внезапно Мацаку.— Говори, что стало с моим проектом! Представил я его в район или нет? Что вы с ним, черт подери, сделали? Ведь его подал не я один, а целая группа! Что же вы молчите, словно ничего не знаете? Разве мы не показали вам путь к благосостоянию района? Верный путь к социализму! Предприятия нашего района не настолько велики, чтобы их национализировать, но ведь можно объединить их на кооперативных началах, сохранив независимость каждого предприятия. Вам такой проект не понравился? Что такое наш район? Нищий. А мог бы быть зажиточным хозяином. Вам на это наплевать? Черт подери, говори же, Мацак, ведь ты восторгался, когда мы пришли к тебе с нашим проектом.

Во время этих бешеных нападок Мацак краснел и бледнел. Он перестал тереть подбородок, но тем усиленнее теребил кончик носа. К концу речи Трнца он поднял руку

и стал помахивать ею над головой, как ученик, жаждущий блеснуть своими познаниями.

— Пан председатель! — закричал он, так брызнув слюной, что капельки ее полетели на стол. — Пан председатель, прошу слова!

Багар кивнул, изо всех сил стараясь подавить улыбку, а пан Пюхлер слегка отодвинул свой стул от стола, как будто ему было неприятно сидеть рядом с Мацаком. Он откинулся назад и уставился в потолок.

Мацак встал, оперся суставами пальцев о стол и набрал воздуха в легкие.

— Пан председатель, господа и товарищи, разрешите мне прежде всего выразить свое изумление, более того, свое неподдельное возмущение упорными нападками, которым я подвергся со стороны пана Трнца на этом совещании, где я являюсь официальным лицом. Я, товарищи и господа, честно служу нашему демократическому строю, служу, как мне велит совесть, не щадя сил. И я не заслужил, чтобы за эту нередко трудную и даже изнурительную работу меня шельмовали и оскорбляли. Бессмертный созидатель нашего государства и наш незабвенный учитель и наставник Масарик говорил, что демократия — это различие мнений. Его не менее великий ученик, наш президент Эдуард Бенеш, неустанно напоминает нам об этом основополагающем принципе нашего государственного строя. Полагаю поэтому, что и нам в настоящих весьма важных переговорах следует неуклонно придерживаться того же принципа, и я уверен, что большинство присутствующих вполне согласно с этим.

Трнец барабанил пальцами по столу, и вид у него был такой, словно он вот-вот швырнет чем-нибудь в оратора. В конце концов он не выдержал, вскочил и крикнул:

— Какого черта, Ирка, нам слушать эту болтовню? Речь идет о фабрике, а насчет демократии пусть треплется где-нибудь на митингах.

Багар постучал по столу прокуренным мундштуком из вишневого дерева и сказал, сделав серьезное лицо:

— Тоник, перестань! Так нельзя себя вести. Ты задал товарищу Мацаку несколько вопросов, разреши же ему ответить по-своему. Товарищ Мацак, пожалуйста, ближе к делу.

Мацак бросил на Трнца выразительный, как он считал, взгляд оскорбленной добродетели и слегка поклонился Багару.

— Благодарю вас, пан председатель. Я сейчас изложу

свое мнение по спорному вопросу, которое, я убежден, совпадает с мнением всякого честного и благоразумного человека. Прежде всего отвечу пану Трнцу на его вопрос о слиянии некоторых крупных промышленных предприятий нашего района в единое кооперативное предприятие. Мы считаем эту инициативу экономически чрезвычайно важной. Поскольку, однако, еще не было прецедентов, на которые можно было бы опереться, ибо правительство не издавало никаких постановлений, предусматривающих подобные мероприятия, а также поскольку в данном случае имеет место, так сказать, стихийное движение снизу, мой отдел со всей присущей ему ответственностью изучает условия, при которых можно было бы успешно осуществить этот важный проект. Но именно потому, что речь идет о слиянии предприятий с различной технологией производства, далее, потому, что, несмотря на напряженнейшие усилия, нам не удалось собрать достаточно материала, подкрепляющего данный проект, наконец, поскольку нам не удалось выяснить мнение высших инстанций, мы еще не выносили этого вопроса на президиум районного национального комитета.

— Скажи прямо,— вспыхнул Трнец,— что вы на наш проект попросту на...

— Тоник! — вмешался Багар.

— Все Тоник да Тоник! — обозлился Трнец.— Плевал я на твоего «Тоника». Так же, как на болтологию этого господина. Чего хочешь ты, мне совершенно ясно, но хотел бы я знать, куда гнет он?

— Товарищ председатель! — повышенным и слегка дрожащим голосом отозвался пан Мацак.— Я полагаю, что слово еще за мной и мне будет позволено защитить от беспочвенных инсинуаций не только себя, но и партию, которую я имею честь представлять. Я хотел бы обратить внимание собравшихся на то, что именно наша партия призывала к широчайшей национализации, а ныне опять же наша партия считает, что соревнование между обоими секторами народного хозяйства не только возможно, но и необходимо для скорейшего развития производства и, в частности, для того, чтобы наша страна вновь стала видной и конкурентоспособной участницей мирового рынка. Что касается спора о фабрике, которая прежде была собственностью покойного Пюхлера, дяди этого господина, то я полагаю, что если исходить из принципов, установленных декретами о национализации, то едва ли можно считать эту фабрику подлежащей дополнительной национализации.

Ни характер ее производства, ни численность персонала, ни, наконец, то, что она не была собственностью изменника или коллаборациониста, не отвечают смыслу закона о национализации. А поскольку у нас уже поговаривают о попрании законности, я считаю, что в первую очередь мы, представители народного самоуправления, должны своими действиями доказать, что правопорядок у нас быстро укрепляется и все гражданские и хозяйственные отношения вновь соответствуют нормам, достигнутым и признанным подавляющим большинством цивилизованного мира. Таково мое мнение об этом деле, уважаемые господа и товарищи, и вывод, мне думается, вполне ясен.

Надувшись, как голубь, Мацак вытер лицо платком, уселся и оглядел присутствующих, чтобы убедиться, какое впечатление произвела его речь.

— Ах ты, сволочь! — прошипел Трнец.— Интересно, сколько тебе за это дали?

— Пан председатель! — вскочил Мацак.

— К порядку, прошу вас! — воскликнул Багар и постучал мундштуком по столу.— Если вам, господа, нужно объясниться, сделайте это после собрания, с глазу на глаз. Нам ваши позиции ясны. Сейчас нужно, в частности для сведения товарища Мацака, чтобы кто-нибудь изложил мнение трудящихся фабрики о ее дальнейшей судьбе. Вот хотя бы товарищ Мареш, как председатель фабкома, или товарищ Деймек, председатель МНК.

— Пусть говорит папаша,— испуганно отозвался Лойзик Мареш.

Деймек передернул плечами, нервно расправил пальцем усы и укоризненно посмотрел на Багара и Мареша.

— Я... собственно, объясню, чтобы не думали, что тут какая-то семейственность,— начал он, запинаясь на каждом слове.— Но тут есть свидетели, они могут подтвердить: я скажу только о том, что единогласно решил весь наш коллектив. Если что не так, пусть меня поправят. Так вот, прежде всего, какова политическая обстановка у нас на фабрике? Я имею в виду партийный состав. Есть коммунисты, много беспартийных, которые состоят только в профсоюзе, есть несколько социал-демократов и два-три национальных социалиста, эти сидят в конторе. Общее собрание всего коллектива однажды уже обсуждало вопрос, что делать с фабрикой, и пришло к такому выводу: ее надо национализировать и присоединить к какому-нибудь крупному государственному текстильному объединению. Никто не голосовал против, никто не воздержался. Вот мнение

всех работников фабрики, ясно? Никто не согласился, чтобы под прикрытием кооператива фабрика вновь попала в руки частного хозяйчика. Кто был бы участником такого кооператива — трудящиеся или управляющие? Нет, на эту удочку мы не клюнем. Пан Трнец знает об этом не хуже нас, и если он задумал какой-то кооператив, то сделано это без нас и вопреки нашим желаниям. А без нас и вопреки нашей воле в нашем государстве нынче немногого достигнешь. Это я ему говорю напрямик. Верно, товарищи?

Он оглянулся на других членов фабкома. Ганс Пальме серьезно кивнул, а Мареш воскликнул восторженно:

— Факт, папаша, именно так мы и думаем!

Человек в пиджачке поднял слегка испуганный взгляд и усердно закивал, избегая смотреть на Трнца.

— Если кому-нибудь это не ясно,— спокойно сказал густым голосом пятый участник переговоров, человек в синей спецовке, с широким изъеденным оспой лицом,— можно еще раз собрать общее собрание, пусть каждый услышит своими ушами.

— Общее собрание нам все равно придется собрать, чтобы сообщить трудящимся о происшедшем,— сказал Багар.

— Представляю себе, что будет твориться на этом собрании,— возбужденно сказал Деймек.— Люди просто не впустят пана Пюхлера на фабрику. Ясно?

— Разрешите мне, пан председатель,— произнес напряженным голосом Пюхлер; его смуглое лицо потемнело от прилива крови.

— Пожалуйста,— сказал Багар, глядя на него с некоторым любопытством и не без удовлетворения, что этому высокомерному и самоуверенному молодому человеку пришлось туго и с него спадет личина равнодушия, которую он всегда выдерживал в переговорах о наследстве.

— Мне кажется, что я или плохо понимаю все, что происходит, или, наоборот, все остальные господа неверно оценивают положение,— заговорил Пюхлер, усиленно стараясь сохранить выдержку и бесстрастный тон парламентера.— Ответьте мне, пожалуйста, на вопрос, считаете ли вы судебное решение законным?

Багар улыбнулся.

— Ответ простой. Прежде всего, мы считаем, что вы совершаете ошибку, адресуя свои притязания на право наследования фабрики в суд. Что же касается суда,— Багар слегка пожал плечами,— то он допускает ту же ошибку, что и вы. Решение этого спора вне его компетенции.

— Итак, вы поддерживаете сопротивление работников фабрики законному судебному решению?

— Я поставлю этот вопрос на президиуме РНК, но полагаю, что он примет такое же решение, как и трудящиеся фабрики.

— А я подам кассацию против решения суда! — воскликнул Трнец.

— Да образумься же ты, Тоник! — сказал Багар.

Пюхлер встал. По его сжатым губам и резко обозначившимся скулам было видно, с каким трудом он сдерживается.

Придвинув стул к столу, он стал за ним и оглядел присутствующих. Презрительная усмешка вернулась на его лицо, он мог опять говорить спокойно.

— Я вижу, разговор окончен. Разрешите мне в заключение высказать свою точку зрения. И в нашей стране бывал порядок, когда решение суда было одновременно приказом всем органам государственной власти защитить мои права. Таким порядкам, видимо, пришел конец, по крайней мере на время. Не только я и мне подобные, но и многие из вас, кто сейчас, быть может, иного мнения, со временем пожалеют об этом.

— Ишь каков! — возмущенно воскликнул изумленный Деймек.— Ему бы хотелось послать против нас полицейских.

Но белая дверь кабинета Трнца уже закрылась за Виктором Пюхлером.

— Как по-твоему, что он теперь предпримет? — спросил Деймек.

— В покое нас не оставит, можешь быть уверен,— ответил Багар.— Мы скажем суду «нет», Трнец подаст кассацию, а Пюхлер обратится в высшие судебные инстанции.

— А мы что?

— Будем отстаивать свое «нет», как говорится, до последней капли крови. Только теперь нам не придется отдать за это свою последнюю каплю!

— Власть теперь наша, не так ли? — радостно воскликнул Мареш.— Нравится это кое-кому или нет, но без нас нынче ничего не делается.

— Если господа не возражают, я просил бы оставить помещение,— злобно сказал Трнец.— У меня тут еще много дел.

— Посмотрим, надолго ли,— отозвался Мареш и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Багар со Зденой и Коринта пришли на футбольное поле около отеля Рейзека вскоре после того, как фабричные гудки возвестили о конце рабочего дня. Фриц Клаузе с гармоникой на боку плелся следом. Он присоединился к ним, когда они зашли к Антошу, но не застали его дома. Антош и Анча еще не вернулись из Хомутова, где в инфекционном отделении больницы боролась со смертью их маленькая дочь. Фриц отвез туда Анчу на мотоцикле и вернулся с неутешительной вестью: врачи только качали головами и говорили, что девочка в очень тяжелом состоянии. Антош с женой решили остаться в Хомутове, пока ребенок не будет вне опасности. В опустевшем доме плакала старая мать Анчи, а на блекло-голубые глаза Фрица то и дело навертывались слезы; сквозь толстые стекла очков видно было, как у него напухли веки. Когда зашли Багары, он отправился вместе с ними. Гармонику Фриц взял по привычке, а может быть, затем, чтобы не вызывать удивления и расспросов любопытных, когда он явится к добровольцам на сенокос, как делал каждый вечер.

Футбольное поле за гостиницей Рейзека было совершенно ровное, точно установленных размеров. Благодаря речке, протекавшей неподалеку, где виднелась купальня, футбольное поле прежде покрывала травка; сейчас от нее остались лишь желтоватые, спаленные солнцем клочки, и бутсы нескольких парней, тренировавшихся у одних ворот, поднимали пыль. За пределами поля, на скамейках из грубо обтесанных досок, положенных на толстые колья, вбитые в землю, сидели еще пять или шесть футболистов, переодеваясь в майки и переобуваясь. Они хмуро поглядели на Багара и его спутников, и один из них даже свистнул, словно желая сказать: «А, привет! Тебя только тут не хватало». Игроки на поле не обратили внимания на пришедших.

Багар глядел на них, и сердце у него билось, а в ногах он ощущал зуд, как будто снова стал молодым. Он скинул пальто и подал его Коринте.

— Подержи минутку, товарищ, или положи на землю.

— Что ты хочешь делать, Ирка? — удивленно и озабоченно спросила Здена.

— Сейчас увидишь! — засмеялся Багар и по-юношески легко побежал к игрокам. По его повадке было сразу видно, что он не впервые в жизни на футбольном поле и что в молодости он немало побегал за мячом.

Не говоря ни слова, Багар присоединился к пятерке, атаковавшей ворота, устремился к одному из защитников, перехватил у него мяч, кинулся вперед, обошел другого защитника и длинным полувысоким пасом передал мяч на правый фланг.

— Давай обратно! — крикнул он крайнему нападающему, который, как и другие игроки, в первый момент не обратил внимания на такое подкрепление. Багар тем временем побежал к воротам.

— Председатель Багар! — воскликнул один из футболистов, переодевавшихся на скамейках. Остальные закричали хором:

— Наддай, Багар, наддай!

Игроки остановились, только сейчас сообразив, что произошло, но Багар крикнул им:

— Не отвлекайтесь, играйте! Давай понизу!

— Что это Ирке вздумалось? — озадаченно сказала Здена, вместе с другими в изумлении глядя, как ловко играет Багар, как он маневрирует, останавливает мяч ногами и грудью, легко обходит противников и наконец бьет по воротам под самым носом у растерявшегося вратаря.

— Гол! — закричали ребята, как будто это была настоящая игра, и окружили Багара, подняли его на плечи, стали качать и наконец поставили запыхавшегося председателя на землю.

— Вот он и завоевал их без всякой агитации,— сказал Коринта за спиной у Здены.

Футболисты тем временем забросали Багара вопросами, где он научился так хорошо играть и почему они не знали об этом раньше.

— Я играл в команде «Красная звезда» в Коширжах,— улыбаясь, объяснил Багар.— Тогда еще в Чехии был настоящий футбол: никаких фокусов, низкая подача — ее называли «чешской уличкой»,— бросок вперед и удар по воротам. Как-нибудь я приду вам показать игру стариков, перед которыми дрожал весь мир, словно перед гуситами.

— А мы об этом все спорим с Антошем,— сказал один из парней, веснушчатый, рыжеватый и страшно курносый.— Мы за полувысокую подачу, удары головой и систему «WM».

— Не спорьте, товарищи,— сказал Багар, оглядывая парней, обступивших его тесным кругом,— Антош вам правильно советует. Но сейчас у него горе — дочка заболела дифтеритом, наверное, вы слышали об этом. И у нас на

сенокосе беда. Добровольцы кивают на вас: вы, мол, тут играете, а они за вас работают. Если вы не присоединитесь к ним, они, пожалуй, разбегутся, и мы не уберем сено.

Кругом сразу загалдели:

— Так я и знал, что он начнет о сенокосе.

— Как будто мы лодырничали, а не пришли прямо с работы. Пускай вкалывают эти хлюсты из Праги!

— Уморимся на сенокосе и проиграем все матчи. Шиш нам тогда выйти в полуфинал!

— Без тренировки нельзя. Не понимаешь ты, что ли, товарищ Багар? Ведь мы не для забавы играем.

— Понимаю, товарищи, как не понять! — сказал Багар, дав ребятам выкричаться.— Должен понять как можно лучше. Народ меня поставил на такое место, где нужно понимать, что и когда всего важнее. Гляжу я сейчас на небо: который месяц синева, ни облачка. Гляжу и на вашу футбольную площадку: трава и та вся выжжена солнцем. Гляжу на поля и думаю: что же сейчас самое важное? Выигранный матч или сено? Лучшее место в полуфинале или спасение десятков голов скота? Вы можете спросить себя о том же. А начал я с вами играть и так увлекся, что готов остаться тут на весь вечер. Футбол! Немало в свое время доставалось мне за него дома!..

Рыжеватый веснушчатый парень вдруг протолкался в круг к Багару и закричал:

— Ну, чего молчите? Кому еще не ясно? Я вот понял. Если мы будем тренироваться и не пойдем на сенокос, то хоть и натренируемся, а как команда осрамимся. Я иду с товарищем Багаром, а кто хочет со мной, пусть станет рядом.

Он растолкал товарищей, выбежал на середину поля и стал там. Оказалось, что Багар не мог желать лучшей поддержки: рыжеватый был центром нападения и лучшим игроком команды Поточной. Ребята стояли в нерешительности. Потом верзила-вратарь замахал руками над головой, словно отгоняя осиный рой, и молча побежал за рыжеватым. Лед был сломан. Парни загалдели наперебой — слышались и возгласы и смех — и побежали к черте, разделяющей поле пополам.

— Вот мы все тут, товарищ Багар,— объявил рыжеватый.— Мы на сенокос, а ты к нам придешь на тренировку. Ребята, в три шеренги стройся и марш. Фриц, играй «Чапаева»!

— То-ва-рищ Ба-гар ве-дет, то-ва-рищ Ба-гар ве-дет! — хором прокричали футболисты, и Багар со смехом присо-

единился к ним. Фриц Клаузе заиграл первые такты боевой советской песни. Команда зашагала.

В тот вечер на горных склонах над Поточной до поздней ночи пылали лагерные костры добровольцев и эхо разносило по холмам хор молодых голосов. Звуки их разлетались по широким отрогам и возвращались глухим эхом. Молодежь Поточной радовалась сближению с пражскими добровольцами. Взаимное недоверие и отчужденность, возникшие при встрече, исчезли после нескольких часов общей работы, которая вылилась в ожесточенное, но дружеское соревнование. От конца дня, когда футболисты включились в работу, и до темноты, когда пришлось ее прекратить, трудовые бригады местами поднялись до самых вершин холмов и накосили столько, сколько раньше успевали убрать лишь за два полных рабочих дня.

Багар проводил поточенских футболистов до самых сенокосных участков и там вместе со Зденой около часа ворошил только что скошенную, быстро сохнущую траву. Потом ему пришлось распрощаться: на тот же вечер по его телефонному распоряжению был созван президиум РНК, чтобы обсудить определение суда о текстильной фабрике и решить, как действовать дальше. Багар попытался уговорить Здену вернуться с ним в Кадань, но она наотрез отказалась.

— Нельзя, Ирка, сам видишь. Сегодня ты их увлек за собой, а нужно еще убедить их прийти завтра и послезавтра. Словом, выдержать до конца. Нужно доказать им, что Союз молодежи значит больше, чем только футбольная команда и выигранные матчи, что перед молодежью стоит много других задач. Другому работнику, будь он на моем месте, ты так и сказал бы. Не беспокойся же зря и отправляйся по своим делам, а в свободную минутку позвони в Хомутов, узнай, как здоровье Андулки.

И все же, когда Здена поздно вечером сидела у костра в тесном кругу молодых людей, несмотря на долгий и утомительный рабочий день не ощущавших усталости, ею против воли овладели грусть и чувство одиночества. Здена пристально глядела на прыгающие языки пламени. Она уже почти не слышала пения вокруг. Ей страстно захотелось, чтобы Багар сидел здесь, рядом с ней, рука об руку. Хотелось положить голову ему на плечо и, радуясь его близости, мечтать, а не грустить, как сейчас.

«Так ли я хотела жить?» — спрашивала себя Здена и вспоминала свои девичьи мечты и то время, когда поняла, что любит Багара, и когда ей казалось, что она, наверное,

умрет, если ее любовь не встретит ответа. Да, тогда она говорила себе, что они всегда будут вместе и что каждая минута расставания будет подобна смерти, что разлука — это напрасно прожитое время. «А как сложилась у нас жизнь? — поставила она перед собой новый вопрос.— Сколько минут мы по-настоящему проводим вместе? Сколько у нас таких вечеров, как у моих родителей, спокойных, тихих, никем не потревоженных вечеров, когда мы радуемся, что мы вместе, хоть и не много говорим друг с другом?»

Рядом сменялись песни: за чешской следовала словацкая, за русской — чешская. Вот Коринта звучным басом затянул песню о Яношике, и хор подхватил быстрый ритмичный припев.

«Хочу ли я жить как они?» — спросила себя Здена, думая о родителях, и снова погрузилась в своим мысли; песни сейчас почти не проникали в ее сознание, как зыбь от ветра не проникает в пучину вод. Сосновое полено скатилось к краю костра, сноп веселых искр вылетел из него и устремился ввысь к звездам, словно желая остаться с ними... «Нет, не хотела бы! — воскликнул какой-то голос в душе Здены.— Тишина, в которой они жили, иногда была полна робости и страха. Мы хорошо живем, извини меня, Ирка! Извините меня все. Ведь мы постоянно вместе, Ирка! Мы заодно в наших стремлениях, в нашей работе, именно к этому мы и стремились с самого начала. Не только любовь, не только любовь соединяет нас, Ирка!»

Песни словно наконец перелетели через вершины холмов, приблизились к Здене, зазвучали полным голосом и дошли до ее сознания, вызывая в нем живой отклик радости. Здена почувствовала их удивительную власть. Каждый поющий вкладывал в песню какие-то свои переживания, о которых не расскажешь. В песне он выражал самого себя и вместе с тем был прочно спаян ею с товарищами. «Хорошо, что мы живем именно так,— думала Здена.— Мы знаем, чего и почему мы хотим».

И когда песни на минуту стихли, словно набирая силу для нового взлета, Здена начала рассказывать всем сидящим вокруг костра негромким, но хорошо слышным голосом о жизни советских комсомольцев, об их широком участии в гигантских стройках социализма в советской стране. Здена вспоминала то, что читала и что ей запало в память из рассказов старшего лейтенанта Матвея Громова, известного многим юношам и девушкам из Поточной.

Молодежь, сидящая вокруг нее, глядела в танцующее пламя костра и слушала мягкий, все еще девический голос Здены; и всем казалось, что она рассказывает историю своей собственной жизни, и всем вдруг захотелось жить точно так же.

Когда умолкла Здена, заговорил Ганс Пальме. Каждый вечер после работы он и его дочка с светло-русыми косами поднимались наверх, к добровольцам в луга. Пальме тяжело припадал на изувеченную ногу, плечо, раздробленное перед выселением последней группы немцев, было опущено. Но, когда он брался за косу, взмах его был широк и ритмичен, и Пальме двигался вперед так быстро, что никто не поспевал за ним. Позади оставалась чисто скошенная полоса. Присутствие Пальме пробуждало в добровольцах энтузиазм и желание не отстать от него хотя бы в темпе, если они не в силах еще косить без огрехов. «Вот так инвалид! — говорили о нем.— Косточки целой нет в теле, а какой спорый в работе!» По вечерам Пальме сидел с ребятами, пока не тушили костры, как будто ему не надо было вставать рано утром и напряженно работать целый день. Его Марихен, тихая, робкая и неразговорчивая, ворошила сено в группе поточенских девушек, а у костра садилась рядом с отцом. Она не пела и только иногда бросала взгляд в ту сторону, где Фриц Клаузе, сидя на толстом бревне и отбивая такт ногой, играл на гармонике. Но Марихен тотчас опускала глаза, и казалось, что алый отблеск костра ярче окрашивал в эту минуту ее щеки. Эта быстрая, почти неуловимая встреча двух взглядов действовала и на гармониста, и гармоника начинала звучать громче и мелодичнее.

Пальме рассказывал о возникновении коммунистических организаций в горах Пограничья. Глядя в огонь, он говорил как бы сам с собой. Может быть, в это время он представлял себе своего сына. Ведь Христиан был здесь вожаком комсомола, по его зову сюда приезжали чешские комсомольцы из центра. Тогда в горах тоже пылали костры и звенели революционные песни, а в селениях, внизу и на плато, жандармские участки обменивались тревожными сигналами и посылали патрули арестовывать или хотя бы разгонять молодых смельчаков. Буржуа тряслись от страха в своих особняках. Песня доносилась до них, как гром из отдаленной тучи, и сон обитателей этих особняков превращался в кошмар, предвещавший конец их господства. Напрасная ярость, напрасные усилия! Молодежь не теряла мужества. В годы локаутов их поддерживали товарищи из

«Красной помощи». Когда же начался фашистский мятеж в Испании, комсомольцы — чехи и немцы — отправились туда и плечом к плечу сражались в Интербригадах. Потом в Чехословакию ворвались нацисты, и комсомольцы снова встречались в тюрьмах и в концлагерях, а иной раз и на плахе. Они оставили нам безграничное, завоеванное кровью наследие — свой юный энтузиазм и свою отвагу, которые нельзя ни забыть, ни растратить. Пальме замолчал, воцарилась тишина, слышался только треск костра. И с новым подъемом к ночному небу взлетела революционная песня, наполненная новым содержанием и смыслом.

Отзвуки ее долетели даже до имения Врш, где на террасе восседало общество, созванное Росмусом. За бокалами вина и напитков со льда гости отдыхали в вечерней прохладе от утомительного знойного дня. В последнее время у Росмусов собиралась довольно разношерстная компания, хотя это и не особенно нравилось хозяевам. Мери решила, что в обстановке, сложившейся после ареста Смолы, было бы небесполезно пригласить и чиновников министерства юстиции, которые все еще околачивались в Карловарском крае. Судя по всему, Смола перед своим добровольным уходом в лучший мир не проболтался. Однако Росмусы, не будучи уверены, что вездесущий КНБ не проведал другими путями, где надо искать источники запасов продовольствия, которыми пользовался Смола, решили напомнить своим пособникам, о ком, впрочем, были не слишком высокого мнения, что они, Росмусы, сродни самому министру юстиции. Не мешало также поддержать этих типов кое-какими подарками: например маслом, из-за которого все равно шло расследование, копченым окороком после незаконного убоя и несколькими бутылками сливовицы. Пакеты с этими весьма ценными продуктами лежали наготове в просторном леднике, ожидая, когда хозяйка дома решит, что эти неприятные типы достаточно на взводе, и напомнит им, что время позднее.

Чтобы ночная мошкара, особенно комары, которых было, правда, немного, не досаждала собравшимся, в каменных чашах, установленных в вазах для цветов на перилах террасы, горела масляная смесь, дающая достаточно высокое и яркое пламя без дыма или сажи. Это было хорошее средство от мошкары, которая слеталась на яркий свет и гибла в огне. Кроме того, каждый бокал на столе был предусмотрительно прикрыт свернутой бумажной салфеткой, чтобы в него не падали случайные мошки. Гостепри-

имный дом Росмусов всегда славился предусмотрительной заботой о гостях.

Когда нужно было подать что-нибудь на стол, хозяин или хозяйка вставали и нажимали кнопку, искусно скрытую в резьбе, украшавшей вход на террасу. Вскоре после этого появлялась Роза в черном шелковом платье, белом фартучке и наколке; лицо у нее было замкнутое и неприступное, глаза глядели враждебно. Она молча выслушивала распоряжение и так же молча выполняла его. При этом Роза ходила и смотрела так, словно она находилась в пустой комнате. Присутствующим казалось, что они совершают что-то недозволенное, и они нетерпеливо ждали, когда снова уйдет эта странная служанка. Только старший советник юстиции доктор Альберт Зима следил за Розой, чуть улыбаясь тонкими губами. Свойственное Зиме чувство иронии помогло, очевидно, ему заметить, что присутствие Розы подчеркивает карикатурные черты всей компании, напускную серьезность этих людей.

Роза привезла черный кофе на передвижном столике с широкими резиновыми шинами. Затем она неслышно исчезла. Советник Зима выждал с минуту и сказал:

— Когда я был здесь в последний раз, мне казалось, что я больше не увижу Розы. И все же она осталась. Хотел бы я знать, что привязывает ее к вам?

— Несносная баба,— вставил Мацак, хотя Зима обращался к хозяйке дома.

Мери бросила на Мацака холодный взгляд и ответила:

— Что ее к нам привязывает? Засуха.

— Чего только не наделала нынешняя засуха! — сказал советник Зима.— Но все-таки объясните, пожалуйста, подробнее.

— Она сошлась с болгарином, одним из пастухов, что работали в кооперативе, и привела его в сторожку, к Зуне. Старик неистовствует, мы же получили отличного работника и, разумеется, смотрим снисходительно на ее любовные похождения. Этот болгарин столько знает о садоводстве, о скоте, о коровах и, по-видимому, об овцах, чего ни в каких книгах не найдешь. Признаюсь откровенно, я и сама многому у него учусь. Но все это, разумеется, сугубо временно. Не будь засухи, они ушли бы от нас завтра же и основали бы собственное хозяйство. Им мешает только катастрофический недостаток воды, который начинает ощущаться даже здесь, в Врше.

— «Любовь под стенами замка!» — засмеялся Пюхлер.— Она выгодна хозяевам? Тем лучше! Временная

польза — тоже польза. Мое положение далеко не столь отрадно. Наследник без наследства, домовладелец без крова, обременяющий своих друзей. Собираюсь поступить на службу. Министерство иностранных дел полагает, что я могу быть ему полезным. Я решил принять это предложение.

— Уверяю вас,— поспешно сказал Мацак,— что я сделал со своей стороны все, что было в моих силах, и не поколебался поставить на карту свою политическую репутацию. И хотя я подвергся омерзительным нападкам, я убежден, что моя партия одобрила бы мои действия. К сожалению, по этому вопросу в президиуме РНК возникли разногласия как среди членов нашей партии, так и среди национальных социалистов, а в результате подавляющим большинством голосов прошло предложение коммунистов.

— Я никогда не забуду вашей помощи и вашего доброжелательства,— сухим тоном без тени сердечности сказал Виктор Пюхлер.— К сожалению, не знаю, когда опять буду в состоянии отблагодарить вас бо́льшим, нежели простое рукопожатие.

— О, что вы, что вы! — запротестовал Мацак, словно он действительно по своей чрезмерной скромности сейчас отклонял ценный подарок.— Друзья не говорят о благодарности.

Пюхлер вздохнул, Мери поспешно закурила сигарету, ее муж слегка скривил рот. Алена нагнулась, делая вид, будто поднимает что-то с пола, чиновники министерства юстиции тупо глядели на рюмки с коньяком, в которых отражались отблески огня, а советник Зима сказал:

— Сегодня поражение, завтра победа. Районный суд и президиум РНК — это еще не последние инстанции.

— Насколько мне известно,— сказал Пюхлеру Росмус,— ты собирался принять место на дипломатической службе вне зависимости от результата переговоров о фабрике.— На лице Росмуса появилось напряженное выражение.— Несомненно, тебе предложили назначение в какое-нибудь посольство.

— Я еще не знаю точно,— необычно строго ответил Пюхлер,— но не намерен сидеть в аппарате министерства дольше, чем это абсолютно необходимо. У них не хватает персонала для работы за границей.

— Вам бы надо жениться перед тем, как снова отправиться в дальние страны, Вики,— сказала Мери, и эти слова прозвучали как скрытый, немного насмешливый вызов, адресованный не Пюхлеру, а кому-то другому.—

А то вы в конце концов попадетесь в сети какой-нибудь прелестной иностранки и совсем оторветесь от родины.

— Неплохой совет! — засмеялся Пюхлер.— Но, насколько мне известно, для женитьбы всегда нужны двое. А у меня, право, нет охоты связывать какую-нибудь женщину, в особенности любимую, с бедняком, живущим только на казенное жалованье.

Он бросил быстрый взгляд на Алену, которая сидела в обложенном подушками плетеном кресле и, закинув голову, глядела на звездное небо. Казалось, она не слушает, а быть может, и не хочет слушать, о чем говорят вокруг нее.

— По-моему,— чуть свысока сказала Мери,— вы слишком рано сдаетесь, Вики. Вы слыхали, что сказал советник Зима: «Проигранное сражение — это еще не проигранная война».

— А что, если я не сдаюсь, а просто мне надоела вся эта канитель? — деланно равнодушным тоном начал Пюхлер, но вдруг в его глазах появилось хищное выражение, и будущий дипломат продолжал необычайно горячо: — Нет, это не так, Мери, и не к чему притворяться! Я хочу получить свою собственность, хочу куда больше, чем хотел в то время, когда вернулся сюда и считал эту тяжбу прекрасным случаем позабавиться. Сегодня, разговаривая с этими людьми, я понял, что дело не только в фабричке с неполными тремя сотнями рабочих. Это гораздо глубже и серьезнее. Они хотят всех нас выгнать — вот в чем дело, они уверены, что пришло их время, а наше безвозвратно ушло. Для них мало проведенной уже национализации, они не остановятся, пока не получат всего и не пошлют нас к чертям. Теперь совершенно несомненно, что мы с самого начала избрали неправильную тактику. Мы молча наблюдали за национализацией крупных предприятий и даже делали вид, что согласны с ней. Нам казалось, что этим маслом мы успокаиваем взметнувшуюся волну революции и, когда она спадет, наведем снова свои порядки. А что происходит в действительности? За одной волной катится другая, и в конце концов нам не избежать того, с чего надо было начать, чтобы обойтись меньшими потерями: беспощадно залить революцию иной жидкостью, не жертвуя нашим с таким трудом нажитым имуществом.

Он умолк, взял рюмку с коньяком и осушил ее до дна, словно это был тост в честь будущего, о котором он говорил с таким пылом.

— Ого, взгляните-ка на нашего поэта! — произнес густым голосом Росмус -- Он только что пролетел по ог-

ненному пути — от гимна свободе к осознанной необходимости. Обращаю ваше внимание, господа, если вы не заметили этого, что последние мои слова являются парафразой марксистского определения свободы. Тот, кто желает успешно воевать с ними, должен иногда заглядывать в их катехизис, знать их кредо. То, о чем ты здесь так горячо говорил, Вики, они называют «утопить революцию в крови».

— Их терминология вообще действует на нервы порядочному человеку,— сказал Пюхлер.— «Осознанная необходимость», которую они выдают за единственный критерий свободы, есть гнуснейшее посягательство на все этические категории, сложившиеся за две тысячи лет развития человечества. Вместе с тем это самое пустое шарлатанство. Возьмите, например, мою тяжбу из-за фабрики. У меня есть возможность свободно решать: я могу отказаться от борьбы или продолжать ее. И если я решил продолжать, то к этому меня побуждает не только чувство собственности, этот единственно надежный элемент социальных связей, но и уверенность, что моя частная борьба есть вклад в общую, за которую я и несу ответственность. А это никак не «осознанная необходимость», а этический принцип, то есть категория, стоящая выше свободы воли.

Едва он умолк, Алена выпрямилась в кресле и разразилась неестественным, пронзительным, судорожным смехом. Все участники застольной беседы вздрогнули и с немым изумлением поглядели на обычно спокойную девушку, которая, как безумная, вздрагивала в приступе безудержного хохота.

— Алена,— резко сказал советник Зима,— сейчас же перестань!

Алена, как ребенок, получивший выговор, захлебнулась в последнем пароксизме смеха и посмотрела на всех с выражением стыда и изумления во взгляде, как внезапно разбуженный от сна человек.

— Извини, папа,— мягко сказала она. И губы Алены тотчас же своенравно сжались. Не скрывая вызывающей насмешки, она добавила: — Извини меня, но неужели ты действительно способен все это слушать?

— Алена! — грозно воскликнул советник и приподнялся на локтях, так что плетеное кресло под ним заскрипело.— Боюсь, что ты выпила больше, чем подобает девушке. Самое лучшее для тебя сейчас извиниться и идти спать.

Но все сидящие за столом, кроме подвыпивших чиновников министерства юстиции, знали, что за весь вечер,

с первого тоста, Алена не притронулась к рюмке. Смуглое лицо Виктора Пюхлера побледнело, и он так стиснул ручки кресла, что суставы на его руках побелели. Росмус, наклонившись вперед, напряженно глядел в лицо Алены, словно желая угадать причину этой неожиданной выходки. Мери тоже слегка наклонилась, готовая встать и в нужный момент произнести несколько тактичных слов, чтобы сгладить неприятное впечатление, оставленное выходкой Алены, и кстати предложить девушке проводить ее в комнату. Мери придала своему лицу приличествующее случаю выражение материнской заботливости, но в душе у нее боролись любопытство и злость.

— О милосердный алкоголь! — все так же насмешливо сказала Алена.— И все-таки в нем всего не утопишь! Извини меня, Мери, я не хотела испортить тебе вечер, но не сумела себя сдержать.

Она поклонилась, разведя руками, и продолжала с наигранной учтивостью:

— Извините меня, пожалуйста. Я послушная дочь. Прогуляюсь немного по саду и пойду спать.

И, прежде чем Мери успела подняться с места или кто-нибудь другой произнести хоть слово, Алена повернулась, сбежала по широким ступеням и исчезла в темноте. Пюхлер приподнялся было, чтобы последовать за ней, но, встретив взгляд Росмуса, остался на месте.

— Полагаю, что могу не говорить вам, сударыня, как я удивлен поведением Алены,— с ледяным достоинством сказал советник Зима.— Доселе я не замечал за ней ничего подобного.

Лицо Мери приобрело обычное выражение, придававшее ей вид длинного поношенного кисета из сыромятной кожи.

— Нынешнее лето особенно неблагоприятно действует на нервы,— ответила она с деланной приветливостью.— И к тому же у Алены нервная работа, которая не прибавляет ей спокойствия.

— Мне, как старому педагогу, известно,— заговорил Мацак проникновенным тоном, придав ему как можно больше серьезности,— что девушки поддаются иногда неожиданным причудам. Эти причуды указывают на незаметные для окружающих изменения в духовной или эмоциональной жизни девушки. Рекомендую пану советнику серьезно побеседовать с дочерью.

Советник юстиции Зима слегка поклонился Мацаку, а Росмус вздохнул.

— Я полагаю,— сказал он,— что сегодня беседа едва ли пойдет у нас на лад... Мери, не забудь, что у нас для гостей приготовлен маленький сюрприз. Распаковывать прошу только у себя дома.

Чиновники министерства юстиции встали, как по команде, чуть покачиваясь.

— Пана директора тоже прошу пройти со мной,— сказала Мери, чуть иронически поклонившись Мацаку, который последовал за ней, краснея и повторяя:

— О, пожалуйста, пожалуйста!

Он был и доволен и раздосадован. Доволен, что приедет домой не с пустыми руками, а раздосадован недостойным, как ему казалось, приобщением его к этим... холопам — как же их назвать иначе? Хозяйка могла бы выбрать более удобный момент, чтобы выразить свою благодарность. Тем не менее он пошел за Мери в дом вместе с тремя «холопами», на некотором расстоянии от них. Ведь от такого подарка нельзя отказаться, да еще в нынешние времена, не правда ли?

Просторный вестибюль был скупо освещен двумя бра в шелковых абажурах. За одной из выходящих сюда высоких и тяжелых дверей, видимо, в кабинете хозяина, послышался телефонный звонок. Мери остановилась, удивленная тем, что кто-то звонит в такое позднее время. Но, прежде чем она решила, подойти ли самой или позвать мужа, послышался голос Розы. Ладно, Роза сейчас доложит, и Мери узнает, насколько необходимо кому-нибудь из них подходить к телефону. Но Роза продолжала разговор и, видимо, не могла договориться. Мери в нетерпении направилась к дверям кабинета...

— Одну минуту, господа,— извинилась она перед своими спутниками.

Но, едва она открыла дверь, Роза повесила трубку.

Звонил поручик КНБ Календа, и Роза, услышав его голос, удивилась, насколько она вообще была способна удивляться.

— Это вы, Роза? Я решил попытать счастья и вижу, что оно от меня не отвернулось. Внимание, Роза! Эти господа из министерства юстиции еще у вас?

— У нас,— ответила Роза, как всегда неохотно, словно всякий разговор был для нее обременителен.— Как раз собираются уезжать.

Она слышала, как поручик тихо свистнул; затем он продолжал:

— Придется нам поспешить. А будут у них пакеты, Роза, или нет?

— Унесут отсюда пол-ледника. И можете порадоваться: с ними будет еще дополнение.

— Какое, Роза?

— Сами увидите. Если я вдруг повешу трубку, не удивляйтесь.

— А доктор Марков случайно не у вас?

— Сегодня нет.

— Сукин сын! Половина Поточной его ищет, а его нет как нет. Ну, мы ему зададим жару!

— Почему половина Поточной? Случилось что-нибудь?

— Страшное дело, Роза. Похоже на эпидемию дифтерита. Только за нынешний день заболело пятеро детей.

Слушая голос поручика, Роза не сводила глаз с двери. Сердце у нее билось быстрыми, сильными толчками. Ручка двери шевельнулась, и Роза, собиравшаяся спросить еще о здоровье девочки Антоша, тотчас положила трубку и, поправляя на себе белую наколку, пошла навстречу хозяйке. В рассеянном свете настольной лампы бледное лицо служанки казалось почти синим, сохраняя обычное замкнутое, упрямое выражение.

— Кто звонил, Роза? — спросила Росмусова раздраженным голосом, в котором звучала подозрительность.

— Кто-то из Поточной. Ищут доктора Маркова.

— Кто именно?

Роза пожала плечами.

— Не знаю, он не назвался.

— Вы что-то долго разговаривали.

— Он не верил, что доктора Маркова у нас нет.

— Какие бессовестные! Беспокоят чужих людей чуть ли не в полночь. «Скорая помощь» у нас, что ли?

Мери чувствовала, что ею овладевает гнев. Она не понимала, откуда он, но не могла его подавить. Роза ответила ей, стараясь не повышать голоса:

— Этот человек сказал, что заболело несколько детей сразу, а доктора Маркова никак не найдут.

— Какое нам до этого дело? Говорю вам, что это нахальство — беспокоить ночью посторонних людей. Так и надо было ответить.

Роза подняла руку и смяла на груди свой белый фартучек. Росмусова вдруг поняла, что может вспыхнуть ненужная ссора, и, быстро повернувшись, направилась к дверям. Ее остановил необычно высокий и взволнованный голос Розы:

— По-вашему, это нахальство, когда человек в беде просит о помощи? А от чего он вас оторвал, что вы так кричите? Работали вы или отдыхали после работы? Сидели в креслах, курили, бражничали и не давали спать людям, которые работают на вас целый день и будут на ногах завтра, когда вы еще будете валяться в постели! По-вашему, пусть перемрут хоть все дети в Поточной, ведь это дети бедняков, они для вас все равно что пустое место. Довольно, осточертели вы мне! Тошно!

Мери с минуту стояла неподвижно, у нее даже перехватило дыхание. Наконец она произнесла чужим, скрипучим голосом:

— Роза, что вы себе позволяете?

Дверь приоткрылась, и в нее скорее протиснулся, чем вошел, Росмус.

— Что за крик? Опомнитесь, вы обе. Забыли, что у нас гости?

— Что мне ваши гости? — как-то устало ответила Роза.— Все вы одного поля ягода... Сколько раз я хотела уйти отсюда! И почему только я давно этого не сделала? Почему я так долго терпела, глядя, как вы тут все шушукаетесь, замышляете, как бы снова ухватить кнут, который народ вышиб у вас из рук? Почему я должна была сносить все это, будто ничто на свете не изменилось? Не понимаю еще, но, верно, когда-нибудь пойму.

— Роза! — понизив голос произнес изумленный Росмус.— Вы, видно, с ума сошли. Мы вас никогда не обидели ни единым словом, относились к вам очень внимательно.

Роза тем временем сняла с головы наколку, положила ее на письменный стол и стала расстегивать и снимать фартучек.

— По-вашему, весь мир сошел с ума, потому что не признает господ и не хочет им служить. Спасибо вам за ваше внимание. Мне иной раз казалось, что от него и собака сдохнет! — Она положила фартучек рядом с наколкой и сказала: — А пока вы найдете себе другую дуру, барыня может поносить это сама.

И вышла в дверь, которая вела в коридор к буфетной и к кухне.

— Бесстыдная девка, шлюха этакая! — прошипела Мери, стараясь не кричать.— Мы ей даже позволили распутничать тут с мужиком — и вот вам благодарность за все!

Росмус поглядел на жену, в его глазах были презрение и ярость.

— Не понимаю одного, зачем тебе понадобилось так

необдуманно провоцировать ее. Интересно, как мы обойдемся без прислуги.

— Придется тебе самому заботиться о своих удобствах,— отрезала супруга и вышла из кабинета.

Росмус поглядел на захлопнувшуюся за ней дверь, потом молча со злобой сплюнул.

Советник Зима и Виктор Пюхлер остались одни на террасе и молча глядели, как ночная мошкара летит на пламя масляных светильников и гибнет в нем. Из окон кабинета Росмуса доносились возбужденные голоса, но слов нельзя было разобрать. Зимой и Пюхлером владело неприятное чувство, возникающее обычно у людей, невольно ставших свидетелями ссоры в чужом доме.

— Не лучше ли нам будет немного пройтись? — спросил наконец Пюхлер.

— Охотно принял бы ваше предложение,— ответил советник Зима сухим голосом, напоминающим шелест переворачиваемых страниц,— но у меня слабое зрение, и я избегаю гулять в темноте.

Они снова замолчали, и Виктор, чтобы преодолеть тягостную неловкость, долил в рюмки коньяку и закурил сигарету.

— В этом доме я бывал в счастливые времена первой республики,— заговорил советник, словно в воспоминаниях о минувшем он хотел отвести душу или искал в них какого-то объяснения.— Здесь человек находил не только редкое гостеприимство, но и спокойствие после утомительной работы. И хотя я отлично знаю, что это наивно и тщетно, все же иногда возвращаюсь мысленно к этим давним временам покоя и безопасности. Но похоже, что покой надолго ушел из нашей жизни, за безопасность же, как мы ее понимаем, нам остается только бороться.

— Извините, что я беру на себя смелость говорить об этом,— отозвался Пюхлер, высказывая наконец мысль, которая не покидала его все это время,— но я, право, никак не могу объяснить себе сегодняшнее поведение мадемуазель Алены. Мне показалось,— еще раз простите за смелость,— что не только все мы ее раздражаем, но и что... гм, гм... не знаю даже, как выразиться... что она разделяет позицию другого лагеря.

— Мы, несомненно, вступили в эпоху, когда семьи будут буквально рушиться из-за противоречий во взглядах, дети восстанут на родителей и брат пойдет на брата,— заговорил советник Зима после долгой паузы, вызвавшей у Пюхлера опасение, что собеседник всерьез обижен.— Это

происходит не впервые в истории человечества и, очевидно, не в последний раз. А относительно Алены я полагаю, что ваши опасения преувеличенны. Разумеется, и мне непонятно ее сегодняшнее поведение, оно было для меня так же неожиданно, как и для вас и для всех остальных. Но, с другой стороны, я слишком хорошо знаю свою дочь, чтобы прийти к такому выводу, как вы. Она, правда, решила жить самостоятельно и сама зарабатывать себе на хлеб, хотя никто не принуждал ее к этому. Я, однако же, знаю наверное и даже готов поручиться, что Алена давно поняла, как мало благ она может получить на избранном ею пути. Она слишком любит красивые вещи и хорошее общество, воспитанных людей, изящные платья и так далее — короче говоря, все, что делает жизнь приятной и что иногда не без преувеличения называют роскошью. Я уверен, что сейчас, став несколько опытнее, она жаждет всего этого сильнее, чем когда бы то ни было.

Виктор Пюхлер глубоко вздохнул и наклонился вперед. Его лицо ожило, натянутое выражение исчезло, углы рта приподнялись в улыбке, во взгляде появилась юношеская взволнованность. Советник Зима сделал вид, что не замечает этой перемены в собеседнике. Пюхлер снова откинулся на спинку кресла. «Не нужно так открыто демонстрировать свои чувства,— подумал он,— достаточно сообщить самый факт».

— Я не в силах описать вам,— нарочито медленно заговорил он,— как порадовали меня ваши слова. У меня с мадемуазель Аленой сложились отношения, на которые я, признаюсь, вначале смотрел несколько легкомысленно, как это свойственно людям, познавшим войну — это всеобщее уничтожение ценностей. По-моему, и мадемуазель Алена не придавала нашей дружбе большого значения. Но то, что мы оба считали приятной, но не серьезной игрой, у меня со временем превратилось в глубокое чувство. Я собирался поставить вас об этом в известность, когда мои перспективы прояснятся настолько, чтобы они не вызывали у вас сомнений. Но сегодняшний инцидент и ваши слова ускорили мое решение. Я был бы счастлив найти в вас понимание.

Советник Зима недвижно сидел, уставившись в темноту между обоими догоравшими светильниками. «Они вот-вот погаснут,— думал он,— и тогда вся мошкара соберется около лампы над входом и набросится на нас. Пора идти спать».

— Вы рассказали мне о своих отношениях с моей дочерью с такой откровенностью, какая в мое время считалась

бы ошеломляющей,— сказал он, не глядя на собеседника.— Поистине, век живи, век учись. Уже не раз я замечал, что мне время от времени приходится привыкать к таким вещам, которые прежде казались мне просто невозможными... Вероятно, я счел бы вашу откровенность единственно правильным ходом, если бы вообще собирался вмешиваться в это дело. Конечно, если вы полагаете, что мое слово поможет вам, то говорю: от души вас приветствую. Разумеется, при условии, что Алена остановит свой выбор на вас.

— Благодарю,— немного растерянно сказал Виктор,— разрешите мне из вашего, хотя бы и условного, согласия заключить, что вы не ставите креста на моем будущем.

— Если бы я поставил крест на вашем будущем,— ответил советник Зима,— я поставил бы крест на всех нас.

Пюхлер встал и подал советнику руку, которую тот вяло пожал.

— А сейчас, я думаю, будет лучше всего, если я выйду в парк к мадемуазель Алене. Для ночных прогулок сегодня слишком темная ночь.

И Виктор Пюхлер сбежал с лестницы и несколько неуверенно, на ощупь, привыкая к темноте, направился по дороге в парк, который за домом слегка подымался в гору. Дойдя до первых деревьев, он приложил руки ко рту и стал звать — сперва тихо, потом, не получая ответа, все громче:

— Алена, Аленка!

Но все было тщетно, потому что Алена, покинув компанию на террасе, побежала не вверх, а вниз, мимо овального газона и сторожки садовника, к выходу из имения. В темноте светился огонек сигареты, и Алена на мгновение смущенно остановилась: она не рассчитывала встретить здесь кого-нибудь. Огненная точка приподнялась и приблизилась к ней. Песок на дороге захрустел под тяжелыми шагами.

— Это вы, барышня? — раздался голос садовника Зуны.— Я так и подумал, что для Розы очень уж легкая походка.

— Я хотела пройтись по аллее,— запыхавшись, ответила Алена.— Вы не запрете ворот, пан Зуна?

Она смутно различала фигуру садовника, но в темноте не заметны были ни выражение его лица, ни обычно пристальный взгляд. Алена не могла, однако, избавиться от чувства, что острый слух Зуны уловил фальшь в ее голосе. Зуна издал свистящий звук и сказал:

— Не беспокойтесь, барышня. Я никогда не ложусь спать, пока не разъедутся гости.

Она заметила, как садовник кивнул головой в сторону дома, разъясняя, чьих гостей он имеет в виду.

— Если вы будете в аллее, когда они поедут,— сказал он скрипучим голосом,— глядите в оба, не попадите под машину. Ее поведут пьяные.

В аллее, под старыми липами, посаженными еще во время постройки дома, было заметно прохладнее, чем на открытых местах, где песок излучал тепло, накопленное за многие безжалостно знойные дни. Очутившись под деревьями, Алена замедлила шаг. Под сводом листвы, которая и днем скупо пропускала солнечный свет, тьма казалась совершенно непроглядной. Девушка сделала несколько шагов и остановилась перевести дыхание. Сердце у нее билось быстро и громко, словно она прибежала сюда со всех ног. Алена подняла голову, чтобы глубже вздохнуть, и увидела среди листьев узкую полоску неба, усеянного крупными дрожащими каплями звезд.

Липы одуряюще пахли. В неподвижном воздухе их медовое благоухание стекало к земле, наполняло аллею, вытесняя все другие запахи. Аромат был крепкий, пьянящий, хотелось надышаться им вволю, хотелось, чтобы остался только этот запах да спокойная тишина.

Алена, заложив руки за спину, оперлась ладонями о толстый корявый ствол одной из старых лип и закрыла глаза, вдыхая ночные запахи и погружаясь в полудремоту, в мечты. «Какая тишина,— думала она,— какая тишина и благоухание, какая чистота, тишина и аромат! И за чем ты гонялась, шальная, чего еще тебе было нужно, если именно вот это больше всего похоже на счастье? Почему это не длится вечно? Зачем вообще открывать глаза, что-то делать, что-то решать? Не хочу, не хочу, ничего не хочу! Ведь я даже не знаю, где мое место, с кем я...»

Почувствовав, что подступают слезы, она стиснула зубы, зажмурила глаза и впилась пальцами в шероховатую кору дерева. И все же слезы брызнули из глаз и потекли по щекам. Алена присела на корточки и закрыла лицо руками, тихо всхлипывая.

А кругом была тихая ночь, не шевелился ни один листок, лишь в заросших травой канавах вдоль дороги слышались таинственные шорохи. Где-то далеко, должно быть, за рекой, залаяли собаки, в парке вдруг жалобно закричал филин, встревоженный огнями на террасе и в окнах дома. Какая-то птица неслышно пронеслась над головой Алены, обдав ее легким ветерком от взмаха крыльев. Девушке стало страшно. Она встала и боязливо оглянулась

на узорную решетку ворот, контуры которой слабо вырисовывались на фоне отдаленных огней дома, постояла в нерешительности, затем повернула и направилась по аллее в сторону шоссе.

Йозеф Пульда первым услышал ее шаги. Он, поручик Календа и еще двое сотрудников КНБ находились около оперативной машины, поставленной в самом конце липовой аллеи, которая соединялась там с дорогой. Пульда наклонился к начальнику.

— Слышите, товарищ поручик? — прошептал он.— Кто-то идет. Похоже, что женщина. Может быть, они послали кого-нибудь проверить, в полной ли они безопасности?

Календа прислушался и кивнул.

— В самом деле, кто-то идет,— ответил он тоже шепотом.— Только ты слишком фантазируешь, Пепик. Верней всего, это Роза. Она, должно быть, идет сказать, что гости перепились и сегодня не поедут.

— Почему вы, а не я, всегда находите самое простое объяснение? Впрочем, еще неизвестно, правы ли вы.

Пульда начал шепотом честить чиновников министерства юстиции и гостеприимных Росмусов. Календа сжал ему руку и заставил замолчать. В темноте можно было теперь различить медленно приближающуюся женскую фигуру. Календа некоторое время пристально вглядывался, потом сказал:

— Может быть, ты все-таки прав, Пепик. Не шевелитесь!

Он отошел от дерева, под которым они скрывались, и стал на дороге. Алена слегка вскрикнула и остановилась как вкопанная.

— Не пугайтесь, бырышня,— быстро сказал Календа.— Вы собрались пешком в Кадань?

Алена засмеялась.

— Вы испугали меня, пан поручик. Я прогуливаюсь перед сном. Липы в полном цвету. А что вы здесь делаете в такой поздний час?

— Я тоже приехал подышать запахом лип,— ответил Календа.— Но, так сказать, в служебном порядке.

— Вы, вероятно, не один,— продолжала Алена, и в ее голосе послышалось некоторое разочарование.

Календа усмехнулся.

— Нет, не один. Я немного трусоват и на ночные прогулки хожу с провожатым.

Они стояли посреди аллеи, и Календе вдруг пришло

в голову, что с другого конца можно заметить их силуэты на фоне более светлого шоссе и полей. Он взял Алену за локоть полуобнаженной руки и отвел под одну из лип с краю.

— Здесь нам будет удобнее разговаривать.

Он почувствовал, как девушка вздрогнула от прикосновения его руки и нежная кожа покрылась мурашками, словно от порыва холодного ветра. «Или от отвращения,— подумал Календа.— Может быть, ей противно, что к ней притронулся человек не ее класса».

— Я вышла налегке, не думала, что под этими деревьями так холодно,— сказала Алена, словно отвечая на его мысли, и поручик, бог весть почему, внезапно почувствовал облегчение, почти радость.

— Я начинаю замерзать.

— У меня в машине шинель, я вам ее принесу.

Календа плохо видел лицо Алены, но ему показалось, что она улыбнулась.

— А не проще ли мне вернуться домой?

— Вы там чувствуете себя дома? — почти грубо спросил Календа.

— Ах, нет! — быстро возразила она, словно опровергая ошибочное предположение.— Ведь мы часто говорим «дома» о месте, где ночуем. Впрочем, под этой крышей есть частица моего дома — там сейчас мой отец.

Зачем она сказала последнюю фразу? Намекает, что, не будь у Росмусов ее отца, она там тоже не осталась бы? Да не все ли ему равно! Что касается его, Календы, то барышня Алена может ночевать где хочет... и с кем хочет!..

Календа споткнулся на этой грубой мысли, удивляясь, что он не в силах продумать ее до конца и что она его ужасает. Алена стояла совсем рядом с ним, касаясь плечом его груди. Липы благоухали, но к их тяжелому аромату примешивался другой, более сладкий и тонкий, запах, от которого у Календы захватывало дыхание,— запах девичьей кожи и волос. Он хотел отойти от Алены, но не отошел. Мысли его были в смятении. Он вспомнил Пюхлера в коридоре РНК, полуоткрытую дверь секретариата и незаконченный жест Алены, который, как ему тогда показалось, не мог быть чем-либо иным, как воздушным поцелуем.

— Я принесу вам шинель,— сказал он хриплым шепотом, но ноги у него отяжелели и не повиновались ему.

— А почему мы, собственно, шепчемся, пан поручик? — удивленно спросила Алена, заметившая только сейчас, что весь их разговор идет шепотом и что она тоже

вступила в эту игру.— И почему вы не позволяете мне вернуться?

Была ли в ее тоне насмешка? Календа колебался. Сегодня днем он получил короткое анонимное письмо, извещавшее о том, что вечером в гостях у Росмуса будут чиновники министерства юстиции. Календа позвонил Розе и проверил сообщение. Он еще не совсем пришел в себя от самоубийства Смолы. Почтальон сошел со сцены, оставив после себя лишь догадки. С несомненностью было установлено только одно: пуля, которая когда-то едва не убила Богоуша Клинека, вылетела из пистолета Смолы. По-видимому, не могло быть сомнений в том, что удар Гансу Пальме был нанесен палкой, которую Календа и Пульда нашли в доме почтальона. Но действовал ли ею сам Смола или только спрятал эту палку? Было ли оружие, найденное в полом столбе, только единичным случаем или есть и другие тайные арсеналы? Смола ничего не сказал и о том, где он получил обнаруженное у него масло, и Календа до сих пор упрекал себя за то, что подстерег Смолу слишком далеко от имения Врш и нельзя было доказать, что Смола вышел именно оттуда и, следовательно, масло могло быть только от Росмусов. Намереваясь исправить этот промах, Календа занял на этот раз позицию у самого выхода из аллеи, которая не соединялась ни с какой другой дорогой, кроме шоссе.

— Вы забыли обо мне, пан поручик? — тихо сказала Алена.— Мне в самом деле холодно.

Календа повернулся и шепотом приказал:

— Пепик, мою шинель!

Через несколько секунд Пульда появился около них и снова исчез. Календа набросил шинель на плечи девушки, и она зябко закуталась в нее.

— Это в самом деле ваша шинель, пан поручик?

— Моя.

Понимать это так, что шинель поручика она еще стерпит, а шинель рядового сотрудника КНБ — нет? Календа посмотрел на девушку и увидел, как она, скрестив руки, подтягивает шинель поближе к телу.

— В этой шинели мне будет тепло,— вздохнула она.

— Шинель как шинель,— пробурчал Календа, а Алена, будто не слыша этих слов, сказала:

— Теперь мне больше не важно, что вы меня не отпускаете. Если бы только еще сигарету...

Календа уже взялся за свой резной портсигар, но недоверие одержало в нем верх. Он не курил сам и запретил

курить своим людям. Что, если зажженная спичка или тлеющий конец сигареты будут условным сигналом? На этот раз он не хотел допустить никаких промахов.

— Очень жаль,— сказал он,— но курить нам нельзя.

Алена слегка вздохнула.

— Нет так нет. Я умею подчиняться. Из меня вообще вышел бы отличный солдат. Вы поджидаете чиновников министерства юстиции?

Календа не ответил, а она продолжала шепотом, словно рассуждая про себя:

— Хотите обыскать их? Масло, да? — И опять, не получив ответа, прошептала с упреком: — Почему вы не отвечаете, ведь я не могу предупредить их, раз я здесь, с вами? Ага, понимаю, вы имеете в виду следующий раз, если сегодня сорвется.

— Больше я не стал бы пытаться,— немного кисло ответил Календа и спросил: — Как вы думаете, долго они еще там будут торчать?

Алена засмеялась, уткнувшись лицом в поднятый воротник шинели: казалось, она вспомнила что-то веселое.

— Думаю, нет. Я им испортила настроение. Теперь у них пропала охота разговаривать.

— Вы им испортили настроение? Чем?

— Трудно объяснить. Я засмеялась невпопад, когда речь шла о праве собственности как о духовной ценности или о чем-то в этом роде.

Календе показалось, что этим разговором девушка увлекает его куда не следует. Внутренне весь ощетинившись недоверием, он все же сказал:

— Вы насмехались над правом собственности?

— Я и сама удивилась не меньше их. Не знаю, как это вышло. Когда-то я считала, что неимущих людей вообще не следует замечать. Понимаете, меня так воспитали.

— А теперь?

— Теперь не знаю. Я не разбираюсь в том, что творится вокруг, не разбираюсь в себе самой. То, что мне нравилось, становится противно, а ничего другого я не понимаю.

В конце аллеи сверкнули огни автомобиля, они приближались, огибая овальный газон.

— Едут! — воскликнула Алена.— Теперь начнется потеха. Но я не хочу, чтобы меня видели с вами.

— Отойдите за дерево,— приказал Календа.— И не двигайтесь.

Машина проехала через узорные ворота. Яркий свет фар залил всю аллею. Толстые стволы старых лип выступи-

ли из темноты. Освещенные нижние ветви смыкались над белесоватой дорогой, как морщинистый свод, и опять исчезали во тьме за проехавшей машиной. Автомобиль шел медленно, водитель осторожно объезжал выбоины на дороге, которую после выселения немцев никто не ремонтировал.

За спиной Алены пробежал по дну канавы один из сотрудников КНБ. Она увидела, как он, согнувшись и прячась в тень, перебегает от дерева к дереву, навстречу приближающемуся автомобилю.

Поручик Календа явно решил предусмотреть все случайности. Увидев на дороге сигнал «стоп», пассажиры могут выбросить в темноту свой груз, а там поди доказывай, что он был у них в машине. Два сотрудника КНБ, которые последуют за машиной, предотвратят такой нежелательный оборот дела.

И Пульда, стоявший на пересечении аллеи с дорогой, начал подавать электрическим фонариком сигнал «стоп!». Машина некоторое время шла по-прежнему, не сбавляя скорости, словно водитель собирался проскочить непредвиденную заставу, но в конце концов все же затормозила в двух шагах от Пульды. Двое сотрудников КНБ, которых Календа выслал навстречу машине, выбежали на дорогу и в темноте стали у задних дверей. Окна были открыты, и из них сразу высунулись головы пассажиров.

— Это что за фокусы? — грубо закричал водитель.— Что вы тут из себя строите?

— Проверка документов,— коротко сказал Календа.— И осмотр машины.

— Не прикидывайтесь чужим дядей,— тем же тоном ответил водитель.— Точно не знаете, кто мы. Это уж чересчур!

— Одну минуточку, господа, одну минуточку! Все выяснится, все уладится по-хорошему!

Правая задняя дверца распахнулась, Любомир Мацак не без труда вылез из машины, вступил в круг света и подошел к Календе.

— Кого я вижу? Поручик Календа! — воскликнул он тоном радостного удивления, точно ничего приятнее не могло для него быть.— Мы же с вами отлично знакомы, а остальных я могу вам представить.

Он протянул Календе обе руки и, когда тот неохотно подал свою, принялся преувеличенно любезно трясти ее. Поручик выждал, пока пыл зампредседателя РНК остынет, освободился от рукопожатия и сказал:

— Вас я, конечно, знаю, пан заместитель председателя. Но с вашими попутчиками я бы предпочел познакомиться по документам. До сих пор мне не представлялось такого случая. Прошу предъявить паспорт машины, водительские права и личные документы. Пепик, посвети.

Пассажиры, ворча, поочередно предъявляли ему свои бумаги. Календа и Пульда слышали брань по своему адресу, но поручик глазами дал знак своему помощнику не обращать на это внимания. Пока проверяли документы, водительские права, Мацак не переставал бубнить над ухом у Календы, выражая свое удивление и недовольство:

— Что-нибудь случилось, господа? Вы кого-нибудь ищете? Не понимаю, почему вы не положились на мое слово и не приняли моего поручительства! Господа из министерства юстиции — официальные лица, известные в нашем районе.

Возвратив последний документ его владельцу, Календа обратился к Мацаку:

— Я, пан заместитель председателя, торчу ночью на дороге по долгу службы, а не для собственного удовольствия. Вам бы следовало понимать наше положение. На черный рынок уплывают целые вагоны продуктов, вы знаете это не хуже меня. Мы обязаны бороться с расхищением запасов, предназначенных населению. Иначе трудящимся придется в конце концов жить впроголодь, а бездельники будут обжираться и богатеть за чужой счет. Надеюсь поэтому, что вы не сочтете личным оскорблением, если мы осмотрим машину.

— Пан поручик! — возопил Мацак, и его голос сразу утратил уравновешенные модуляции и превратился в визгливый крик.— Понимаете ли вы, насколько превышаете свои права? Вы обвиняете заместителя председателя районного национального комитета, высокого органа народной власти, в содействии спекулятивной торговле и участии в столь незаконном предприятии! В таком же правонарушении вы обвиняете чиновников центрального государственного органа, министерства юстиции, коему доверена охрана законности в нашей стране! Заявляю, что я этого так не оставлю... Я сделаю самые решительные выводы!

— Зарубите себе на носу, молодой человек, что это вам легко не пройдет,— вставил водитель.— Дайте-ка задний ход и освободите нам дорогу, иначе вы когда-нибудь страшно поплатитесь за это.

— Обыск вам неприятен, я понимаю,— сказал Календа.— Мне тоже. Но если вы пойдете мне навстречу, мы

быстро закончим дело, и тогда катите домой полным ходом и пишите жалобы. Откройте-ка, пожалуйста, чемодан! Если вы не подчинитесь, я велю пересадить вас в служебную машину, а вашу поведет один из моих сотрудников. Пан заместитель председателя может остаться в машине, в которой сидит.

— Заявляю, что такой наглости не было даже при оккупантах! — произнес Мацак тоном Пилата, умывающего руки.— Придется подчиниться насилию. Вижу, что декларированное единство действий нашего Национального фронта выливается в террористический произвол одной партии.

Человек, сидевший за рулем, подошел к Календе и взял его за отворот мундира.

— Когда я без козыря, то говорю «пас»,— сказал он на жаргоне завсегдатая пражских кабаков.— Только гляди, приятель, как бы и вы не разбазарили всех своих козырей. В конце концов у нас еще найдется кое-что в рукаве. Ладно, пускайте в ход свои лапы. Да когда будете жрать мое масло, попомните, что скоро сядете на сухой паек... А выпивка национализации не подлежит, на нее ваш ордер не распространяется.

Бутылки в соломенных чехлах, тщательно обложенные промасленными тряпками, были упакованы отдельно от пакетов в черной клеенке, сразу же напомнившей Календе находку в почтовой сумке Смолы. На каждом пакете под шпагат был засунут кусочек картона размером с визитную карточку; на этой этикетке было напечатано на пишущей машинке имя того, кому предназначается сверток.

На самом большом пакете стояло имя Любомира Мацака.

Календа подошел к нему.

— Полагаю, вы не станете отрицать, что это ваш пакет?

— Заявляю,— сердито закричал Мацак,— что это бесстыдная мистификация. Я никогда ни от кого не принимал подобного подарка.

Йозеф Пульда тем временем при свете фар распаковал один из пакетов, чтобы проверить его содержимое. Подняв голову, он бросил через плечо:

— Вот уж поистине, до чего скверные шутки выкидывают эти подлые хозяева: человек приезжает к ним поговорить по душам, а они на прощание подсовывают ему два кило масла и копченый окорок и даже не заикнутся об этом. Я бы в такой дом больше носа не показал!

— Отчего же? — спокойно сказал Календа, пожав пле-

чами.— Вполне возможно, что пакет с именем заместителя председателя попал в машину без его ведома. Получить его по приезде домой он мог бы, вероятно, только в зависимости от доброй воли своих попутчиков.

— Разумеется, я бы отказался от него! — воскликнул Мацак. Он вновь обрел самоуверенность, решив, что Календа хочет помочь ему выпутаться.— По правде говоря, когда вы открыли чемодан, я почувствовал себя как во сне. Пакеты я вижу впервые. Вот уж не думал, что такие солидные люди, как Росмусы, позволят себе такой необдуманный поступок.

— Видимо, пакеты в машину принесли эти господа,— сказал Календа.— Я очень рад, пан заместитель председателя, что в вашем лице мы находим еще одного свидетеля, который подтвердит, что эти пакеты мы обнаружили у них.

— До чего хитер, сукин сын! — сказал за спиной Календы один из чиновников, и в его голосе было неподдельное удивление.— В жизни таких не видывал!

Водитель машины бесцеремонно оттолкнул Мацака локтем, так что тот даже покачнулся.

— Нечего арапа заправлять, приятель,— сказал водитель, снова хватая Календу за мундир.— Мы тоже не лыком шиты. Вы и впрямь думаете посадить нас в лужу, а эту падаль выручить? Ну и сволочная же вы шайка! Ваши люди набрешут что угодно, лишь бы вам получить лишнюю звездочку на погонах.

Календа сбросил его руку с силой, которая явно удивила задиру.

— Оставьте мой мундир в покое,— сказал поручик.— И попытайтесь хоть несколько слов сказать без брани, она может потом выйти вам боком. Вы, очевидно, хотите сказать, что пан Мацак дал нам неверные сведения?

— Неверные сведения! — ухмыльнулся водитель.— Врет он, как сивый мерин! Он был с нами в леднике, взял свой пакет и собственноручно отнес его в машину. Слышали бы вы, как он кряхтел при этом, пакет-то у него вон какой увесистый! Попробуйте, поручик, поднимите!

— Я думаю, что лучше всего составить протокол сегодня же ночью,— решил Календа.— Поезжайте впереди нас и остановитесь в Кадани, у нашего отделения.

— «Ничего не попишешь, ваша взяла»,— сказал мяснику теленок,— резюмировал водитель.— Но этот тип нам в машине не нужен, возьмите его к себе вместе с пакетом.

Когда все расселись по местам и машина чиновников министерства тронулась, Календа быстро подошел к липе,

за толстым стволом которой скрывалась Алена, и сказал торопливо:

— Не двигайтесь, пока мы не отъедем. Не нужно, чтобы в последний момент Мацак заметил вас.

Алена сбросила с плеч шинель и протянула ее Календе. Шинель была внутри теплая и издавала едва уловимый аромат. Поручик почувствовал то и другое, вздрогнул и тут же обрадовался, что в темноте девушка не видит, как кровь кинулась ему в лицо.

— Спасибо, пан поручик,— услышал он ее шепот.— Никогда бы не подумала, что шинель так хорошо греет.

Календа молча повернулся и побежал к машине.

Почему он даже не подал ей руки? Теперь, когда возбуждение ослабло, когда Алена лишилась спасительного прикрытия шинели Календы — и, кто знает, может быть, единственно поэтому? — ей вдруг стало очень холодно. Зубы у нее застучали. Она съежилась, обняла себя полуголыми руками. Ногам было тоже холодно. Только сейчас Алена заметила, что ее легкие сандалеты промокли. Наперекор дневному зною, ночью выпала обильная роса, бог знает откуда взялась она в прозрачном воздухе без малейших признаков испарений.

Тем не менее Алена простояла на своем месте, пока красный стоп-сигнал машины Календы не скрылся за поворотом. Только после этого она вышла на дорогу и собралась бежать к воротам. Свистящий голос напугал ее и заставил остановиться.

— Стало быть, и вы тоже все время были тут, барышня?

Алена успокоилась — это был старый Зуна. Он подошел к ней шаркающей походкой, и Алене показалось, что он тихо посмеивается.

— Они всегда думали, что законы только для бедных,— сказал он.— Вы там расскажете, что видели?

— Смотря по тому, что собираетесь сказать им вы,— ответила Алена.

— Лили, лили, пока не перелили,— сказал Зуна.— Бутылка пуста, а из рюмки льется. Они еще узнают, что их ждет.

Он подал ей какой-то сверток, белеющий в темноте. Алена протянула руку и нащупала теплый предмет из шерсти.

— Это Розин платок,— усмехнулся садовник.— Я думал, что вы, наверное, замерзли, да никак нельзя было к вам пробраться.

— Пан Зуна! — воскликнула удивленная и благодарная Алена.

— «Пан Зуна»...— повторил он.— Это приятно слышать. От них я только и слышу: «Зуна, туда, Зуна, сюда». Роза отсюда сбежала, вы уже знаете? Уйдет теперь с этим своим башибузуком, или как там его, об отце и не вспомнит.

— Роза вас любит. Почему вы не идете с ней?

Они остановились в воротах, куда падал свет лампочки, висевшей над входом в сторожку.

Зуна выпрямился и расправил плечи, но тут же снова опустил их.

— Еще бы! — сказал он довольным тоном.— Пристали, как банный лист: хотят, чтобы отец шел за ними. Но сроки исполняются, и мое место здесь.

В своей комнате Алена нашла отца. Он сидел у окна в маленьком кресле, обтянутом пестрым кретоном, и, когда Алена вошла, устремил на нее непривычно серьезный взгляд.

— Где ты была так долго?

— С каких пор тебя интересует, где я бываю? — с горечью ответила девушка.

— Пюхлер искал и звал тебя в парке.

— Я слышала, но не отозвалась,— солгала она, взяла с ночного столика сигарету, закурила и села на постланную кровать. Сбросив промокшие туфли, она подтянула одеяло и завернулась в него.— Я устала и хочу спать. А еще хорошо бы принять душ.

Советник Зима поднялся с места и стал перед дочерью, заложив руки за спину.

— Мягко выражаясь, ты странно вела себя сегодня вечером. Не кажется тебе, что надо извиниться хотя бы перед хозяевами дома?

— Мне многое кажется,— ответила она с иронией.— Например, что хорошо бы быть сейчас где-нибудь в другом месте. И еще: мне не нравится, что и ты здесь. Но, возможно, все это к утру пройдет.

— С тобой что-то случилось, Алена. В чем дело?

— Не знаю, не знаю, не знаю!..

В ее голосе появились истерические нотки. Советник Зима поднял руку, как бы защищаясь, повернулся и вышел из комнаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Я старый, усталый человек,— думал Деймек, почесывая большим и указательным пальцами обвислый ус.— Старый, усталый человек... Зачем мне все это?»

Он уже в третий раз перечитывал сводки о ходе сенокоса: о скошенных гектарах, о численности бригад, приезжих и местных, о количестве отработанных часов, израсходованном продовольствии, наличных суммах, выданных из средств городской кассы, и ему казалось, что он никогда во всем этом не разберется. Его охватывал тот же испуг и растерянность, как в дни, когда он был председателем фабкома и ему приходилось разбираться в хозяйственных итогах предприятия. Деймек боялся, что в каждой цифре, которые ему тогда удавалось осмыслить лишь после долгих объяснений Здены, скрывается какой-то коварный умысел или даже жульничество. Председателем фабкома был теперь Лойзик Мареш. Деймеку наконец удалось убедить товарищей, что его, Деймека, совместительство ни к чему хорошему не приведет. Мареш, этот лохматый увалень со смущенной улыбкой, оказался толковейшим председателем фабкома.

Деймек сидел в просторном кабинете, который при оккупации занимал нацистский бургомистр, фабрикант Религ. За другим столом, сидя лицом к Деймеку, занимался какими-то сложными подсчетами Брендл. Видя, как ладится дело у Брендла, Деймек иногда с трудом подавлял досаду. «Ему-то что,— думал старый текстильщик,— он образованный». Но одновременно возникало чувство благодарности и дружеской симпатии: «Что бы я тут делал один, без него?» Им обоим нравилось работать в этой большой комнате, служившей также залом заседаний президиума МНК. И они работали вместе и вместе принимали посетителей. Деймек при этом полагался на грамотность и здравый смысл Брендла, а Брендл — на громадный жизненный опыт Деймека и на его знание людей. В кабинете, где прежде сиживал муниципальный секретарь Титце и, глядя на портрет любимого философа, предавался возвышенным, но бесплодным размышлениям о смысле жизни, теперь несколько раз в неделю работал, помогая Деймеку и Брендлу, молодой Коринта, тот самый задорный запевала, беглый студент и пастух, ныне работавший на шарикоподшипниковом заводе, председатель местного Союза молодежи, восторженный организатор всех его начинаний.

На улице было безветренно, дневная жара спáла, и в от-

крытые окна проникал легкий, как дыхание спящего, чуть похолодевший воздух с лесистых склонов. Он уже не доносил запахов сена, а лишь тонкий аромат смолы, едва ощутимый в запахе пересохшей земли. Трудовые бригады выполнили свою задачу, и участники их разъехались после прощальной вечеринки, на которой молодость взяла свое и в конце концов восторжествовало веселье, хотя обстановка оказалась совсем не подходящая: именно в эти дни в Поточной вспыхнула эпидемия дифтерита, и двенадцать детей лежали в хомутовской больнице.

«Сукин сын,— думал Деймек о докторе Маркове.— Назначили его к нам врачом, доверили ему здоровье людей, мерзавцу этакому!»

К Деймеку снова вернулась мысль, что он стар и устал, что ему не под силу быть председателем МНК. «Надо было его контролировать,— продолжал он думать о Маркове,— но кому пришло бы в голову, что он не станет делать прививок или сделает их только тем, кто заплатит ему за это?»

С прививками против дифтерита дело было так. Районный национальный комитет снабдил Маркова как участкового врача противодифтерийной сывороткой, а национальный комитет в Поточной расклеил объявления и сообщил по местной радиосети, что призывает родителей без промедлений приводить детей на прививки к доктору Маркову. Комиссия, срочно созданная для того, чтобы выявить, почему же все-таки в Поточной возникла эпидемия, установила, что большинство родителей откликнулось на призыв МНК, но Марков отказался делать прививки, ссылаясь на неподходящее время года — начало весны. Он заявил, что со временем оповестит по радио, когда можно будет начать прививки без риска. Так он, конечно, ничего и не объявил, и комиссия установила, что он взамен бесплатных прививок для всех делал их только тем, кто ему платил.

Двенадцать больных детей, а сколько боязни, сколько страхов для родителей, чьи дети не заразились! В день, когда был зарегистрирован двенадцатый случай дифтерии, а Маркова нигде не могли найти — он все еще торчал в Праге,— перед его домом в Поточной произошла демонстрация, в которой участвовали не только родители заболевших детей, но и другие жители Поточной, уже имевшие печальный опыт лечения у Маркова. Возмущенные люди едва не разгромили виллу, роскошно обставленную немецким предшественником Маркова и им самим (он каки-

ми-то сомнительными путями добывал мебель и прочее). На счастье, в доме была только смертельно перепугавшаяся немка-экономка, с которой сразу соскочило все ее высокомерие, и она по телефону умоляла Деймека как можно скорее прийти ей на помощь.

Деймеку и нескольким членам МНК, которых ему удалось срочно созвать, стоило немалых усилий утихомирить разъяренных граждан. Не помоги Деймеку рабочие с текстильной фабрики и с шарикоподшипникового завода, в том числе и родители некоторых заболевших детей, толпа ворвалась бы в виллу Маркова. Но дело ограничилось несколькими выбитыми стеклами, довольно большими, так как вилла строилась во времена господства конструктивизма в архитектуре и многие ее окна были не меньше магазинных витрин. Да и потом нелегко было успокоить общее возмущение. Деймек снова вздохнул, отложил бумаги с цифрами, от которых у него рябило в глазах, и взял в руки письмо из РНК, подписанное его зятем Иржи Багаром. В письме сообщалось, что в Поточную вместо Маркова назначен другой участковый врач. Задумавшись о своих заботах, Деймек невидящим взглядом смотрел на это письмо.

Двенадцать детских жизней под угрозой — это немало. И когда в больнице умер первый ребенок, двухлетний сынишка Бледного Арношта и его сожительницы, кельнерши, к вилле Маркова пришлось поставить караульных, которым было поручено охранять недобросовестного врача, когда он вернется домой, и незамедлительно доставить его в Каданьский РНК. На счастье, патруль КНБ перехватил Маркова, когда тот проезжал через Кадань, так что доктор даже не доехал до Поточной, а из разговора с Багаром убедился, что, если он еще когда-нибудь попадет в этот район, ему следует объезжать Поточную подальше. И все это случилось в тот самый момент, когда он был уверен, что наконец добился своего и теперь никто уже не помешает ему перебраться в заветный особняк и открыть там частный санаторий. У Маркова было на руках решение министерства здравоохранения в его пользу. Документ перекочевал в один из ящиков стола Багара, а Маркову пришлось расстаться с Поточной и со своей мечтой. На прощанье Багар заверил доктора, что против него еще будет возбуждено дело о халатном отношении к своим обязанностям и присвоении общественного имущества.

Деймек слегка усмехнулся, вспомнив рассказ Багара, как закончилась борьба Маркова с народным самоуправле-

нием. «Просчитался, сукин сын,— думал он.— Все они просчитаются в конце концов». Но это «в конце концов» было еще где-то очень далеко. Деймеку казалось, что у него не хватит сил дожить до этого времени, и он еще раз тяжело вздохнул.

— Вацлав,— сказал он, точно жалуясь на физическое недомогание,— я больше не могу, я просто-напросто стар, пора мне передать свои дела кому-нибудь помоложе. Жена и то надо мной смеется, говорит, что я никудышный председатель, и она права.

Вацлав Брендл медленно поднял голову, снял очки и, близоруко щурясь, посмотрел на Деймека.

— Как это понимать? — начал он назидательным тоном, от которого не мог избавиться.— Ты что, хочешь уйти с председательского поста? Не вижу причин для этого. Товарищ Деймекова просто подтрунивает над тобой — уж такой у нее характер.

— Причины, причины! — раздраженно, с насмешкой повторил Деймек.— Говорю, что стар и не справляюсь с делами.

Брендл медленно протер очки и покачал головой.

— Тебе пятьдесят шесть лет, а мне пятьдесят два. Велика ли разница? Попробуй тебя назвать стариком не жена, а кто-нибудь другой, интересно, как ты к этому отнесешься.

— Как отнесусь? — возмущенно воскликнул Деймек.— Скажу, что он насквозь меня видит. Что я старая ворона и не вижу дальше своего носа. За Марковым не сумел доглядеть, вон сколько детей заболело, а один умер. В лавке не купишь кусочка масла, а Росмус продает его из-под полы чуть ли не на наших глазах.

Он собирался продолжать перечень трудностей, но Вацлав Брендл вдруг остановил его быстрым движением руки.

— Не понимаю, что ты этим хочешь доказать, товарищ Деймек,— строго сказал он.— Дай-ка лучше я скажу. Помоему, эпидемия дифтерита была действительно серьезной бедой, и мы дорого поплатились, не проверив своевременно, делает ли Марков порученные ему прививки. Говорю «мы», потому что здесь не только твое упущение; если ты как председатель будешь за все отвечать один, дело на лад не пойдет. Эпидемия была серьезной бедой, но даже самые упрямые скептики убедились, что насчет Маркова мы правы. Теперь мы все-таки избавились от опасного негодяя. Росмусы казались безупречно честными людьми, к кото-

рым не придерешься, не было никаких доказательств, что они причастны к краху животноводческого кооператива. И тем не менее и у них оказалось рыльце в пушку, вернее — в маслице.

Брендл слегка усмехнулся своему каламбуру, аккуратно надел очки и продолжал:

— Обыск у них был, безусловно, противным делом. Меня до глубины души возмутило, когда я увидел, как могут вести себя люди с университетскими дипломами. Это мне окончательно открыло бы глаза, если я все еще был бы малосознательным. По-моему, она даже опаснее, чем сам Росмус. Но мы довели дело до конца и опечатали сепараторы и, кроме того, убедились, что один удой у них дает больше молока, чем они сдавали нам с трех. Товарищ Календа оказал нам неоценимую услугу, я предложил бы вынести ему благодарность.

— Теперь они на него ополчатся, ручаюсь тебе, Вацлав,— хмуро сказал Деймек.— Не думай, что мы выиграли последнюю битву.

— Они на него, а мы — на них,— ответил Брендл с необычной для него решительностью.— Не понимаю, товарищ Деймек, с чего ты взял, что кругом ничего нет, кроме промахов и трудностей. Росмусов прижали, и, по-моему, чем дальше, тем дела у них пойдут хуже. От них ушли Роза и этот молодой болгарин. Сегодня утром я выдал этой молодой паре ордер на усадьбу номер шестьдесят семь в Долинке. Надеюсь, президиум МНК не будет возражать, они, по-моему, вполне честные и трудолюбивые люди.

— Интересно, как они начнут хозяйствовать в такую засуху,— скептически заметил Деймек.

— Товарищ Деймек! — укоризненно сказал Брендл.— Тебе сегодня все не по вкусу. Ты, видно, заодно с Винценцем Поставой.

Деймек вопросительно поглядел на собеседника.

— Почему именно с Винценцем?

— Потому что он был против того, чтобы Розе Зуновой и Ганеву дали эту усадьбу,— в голосе Брендла прозвучало раздражение, вызванное недавним спором с Поставой.— Он мне сказал, к счастью наедине, что им в Долинке только и не хватает невенчанных. Это, конечно, вздор, потому что свадьба Розы и Ганева состоится в субботу. В конце концов выяснилось, почему товарищ Постава так разошелся: к отведенной усадьбе относится часть пустовавшей земли, которую он обработал вместе с Клинеком, Варгой и Герлом.

Варга и Клинек вступились за Ганева, и товарищ Постава уступил. Надо полагать, ему стало стыдно, но вначале он очень упирался.

— Винценц спятил! — вспыхнул Деймек.— Я вижу, что надо вызвать его в комитет и задать ему хорошую взбучку.

Но Вацлав Брендл отрицательно помахал указательным пальцем.

— Не согласен! — сказал он.— Это может ожесточить его. В жизни Поставы сейчас так много нового, он учится жить иначе, чем жил, он получил землю, которой у него прежде никогда не было. Подчас ему бывает трудно сразу переварить все это. Дружеской беседой с ним мы вернее достигнем цели.

На столе у Деймека пронзительно зазвонил телефон. Деймек снял трубку, пробурчал в нее что-то нечленораздельное и передал ее Брендлу.

— Это тебя. С почты.

Брендл приложил трубку к уху каким-то недоверчивым, осторожным жестом, словно делал это впервые в жизни.

— Брендл у аппарата,— солидно произнес он.

Деймек глядел на него с любопытством, как обычно глядят на человека, разговаривающего по телефону. Он увидел, что Брендл заморгал и лицо его побледнело, голос охрип.

— Да, я жду...

Деймеку передалось волнение собеседника, и ему вдруг стало трудно смотреть на бледное напряженное лицо Брендла. Вчера вечером Юлию увезли в больницу. «Моей дочке предстоит то же самое»,— подумал Деймек, и его охватила незнакомая ему прежде тревога. Он встал и подошел к открытому окну. Позади него было тихо, слышалось только тяжелое дыхание Брендла. Его долго не соединяли.

— Алло, алло,— слышал Деймек хриплый голос.— Да, пожалуйста, я жду.

Улица была безлюдна, только кое-где, в тени домов, сидели на лавочках старушки. Листва в садиках посерела от пыли, но нигде не слышно было плеска воды из брандспойтов, потому что МНК под угрозой штрафа запретил расходовать воду на поливку.

Ощущение усталости вновь охватило Деймека. «Спорим мы тут, спорим,— думал он,— а к чему? Эта засуха все равно нас нынче задушит. А такое бедствие враги используют против нас. Глядеть не хочется на все это. Сено мы

скосили, правда, и сено отличное, но зато опустошили городскую кассу. А теперь подсчитай-ка, сколько сена мы можем продать, чтобы вернуть потраченные на сенокос деньги, и сколько его надо оставить, чтобы зимой скот не сдох с голоду. Как я управлюсь со всем этим?.. Говорю ведь: я старый, усталый человек, отпустите меня домой!»

— Алло, алло! Да, я жду.

Голос Брендла становился все взволнованнее. «Человеку пятьдесят два года, а он будет отцом, ну, не безумие ли?» — подумал Деймек. На улице послышался цокот копыт. Деймек выглянул в окно и увидел всадника на невысокой пегой лошади, приближающегося со стороны фабрики. Всадник был без шапки, в черных бриджах, высоких запыленных сапогах и в белой расстегнутой рубашке. Тимеш! В Поточной он появляется верхом впервые, прежде, бывало, пролетал на мотоцикле, а потом в автомашине.

«Поменьше бы он показывался людям на глаза, не дразнил бы их своим щегольством,— продолжал размышлять Деймек.— Только поглядеть на эти желтые перчатки, на барскую манеру помахивать стеком. Говорят, фрау Краус не раз отведала этого стека... на своих боках».

«Вот еще одна темная личность — этот Тимеш,— думал Деймек, наблюдая, как конь, которого всадник заставлял идти мелкой рысью, мотает головой и косится.— Никто из нас не знает, как живет Тимеш на плато, что выделывает в Грюне. Ходят разные слухи, но кто знает, что в них правда, а что выдумка? Сперва он почти похитил фрау Краус, а потом она от него сбежала. Теперь у Тимеша домашнее хозяйство ведет его вдовая старшая сестра, муж которой якобы не вернулся из концлагеря и которую почти никто из жителей Поточной в глаза не видел». Деймек говорил с ней, когда она получала разрешение на постоянное жительство в Грюне, но почти ничего из нее не выудил. Хмурая, стеснительная, замкнутая женщина, видимо запуганная Тимешем, который наказал ей говорить как можно меньше. «Болтают, что, с тех пор как от Тимеша сбежала фрау Краус, он пристает к дочерям старожилов Грюна, выбирает себе на время то одну, то другую. Но как быть судьей в таких делах, если нет жалобщика? Грюнские немцы молчат как убитые, и там никто не расскажет правды. Будут молчать до тех пор, пока Тимеша не найдут где-нибудь в лесу или на меже с ножом в спине. Люди есть люди, и, если даже в разговорах о Тимеше только половина правды, не будет ничего удивительного, если у кого-нибудь лопнет терпение».

Всадник исчез из виду. «Езжай, езжай,— думал усталый председатель МНК.— Знаю, куда скачешь: покрасоваться перед гостиницей Рейзека. Для того ты и приехал верхом».

— Брендл у телефона! — громко, но хриплым голосом произнес за его спиной почтмейстер.— Да, хорошо слышу, говорите же, пожалуйста.

Деймек не оборачивался и невидящими глазами смотрел на пустую улицу. От волнения у него мурашки пробегали по спине.

— Да, да, да,— повторял Брендл, словно он забыл все другие слова.— Да, да, да. А как?.. Очень, очень вам благодарен. И пожалуйста... Алло, алло!

Рычаг старинного телефонного аппарата громко щелкнул — это Брендл быстро повесил трубку. Деймек резко обернулся. Брендл сидел, упершись вытянутыми руками в стол, словно желая оттолкнуться от него. Из-под толстых стекол его очков катились слезы и текли по худым пергаментным щекам. Он улыбался, как человек, от счастья потерявший дар речи.

— Ну что? — накинулся на него Деймек.— Говори же, что случилось?

— Юлинька...— сказал Брендл и всхлипнул.

Он покачал головой, снял очки, положил их перед собой на стол и стал шарить по карманам. Деймек удивленно глядел на него, сопоставляя эти проявления чувств: слезы, улыбку, всхлипывания, неспособность заговорить и единственный вырвавшийся у Брендла возглас: «Юлинька!» — и ожидал какого-то страшного известия. Наконец Брендл извлек большой синий платок, тщательно вытер глаза и нос, почти ощупью взял очки и снова надел их, встал и попытался заговорить с достоинством, но подбородок его неудержимо дрожал.

— У нас...— сказал он, запнулся и начал снова,— у нас родилась дочка.

— А Юлия? — встревоженно спросил Деймек.

— Юлия здорова.

— Вот видишь. А ты ведешь себя так, словно у тебя стряслась беда.

Он схватил обеими руками правую руку Брендла и ожесточенно затряс ее. Потом добавил, предполагая, что в радости Брендла есть доля разочарования и нужно утешить товарища (у самого Деймека, кроме дочери, были два сына, давно умершие): — Девочка тоже неплохо. Если будет такая, как у меня, то тебя ждет много радостей.

Брендл выпрямился, как обычно, когда готовился произнести речь в защиту правильного или для опровержения неправильного мнения, и даже поднял указательный палец, но Деймек продолжал, неожиданно приуныв:

— Вот видишь, ты теперь папаша, а я вот-вот буду дедом.

— Не я ли должен завидовать тебе, товарищ? — мягко сказал Брендл.— То, что я познал так поздно, к тебе пришло, когда ты был еще молодым человеком. Недаром народная мудрость гласит: «Старые родители — дети сироты». Есть ли у меня вообще надежда дождаться того, чему ты будешь радоваться так скоро?

И тут в Деймеке, который сегодня все это время казался себе старым, утомленным человеком, не справляющимся со своими обязанностями, вскипела неистребимая жизненная сила ткача горного края.

— Что ты, Вацлав? — возмутился он и хлопнул Брендла по плечу так, что у того очки подскочили на носу.— Ты еще будешь играть с внуками в кегли и футбол. Наше поколение — крепкая порода, это ты запомни. Мы своими руками и головой еще сделаем столько, что молодежь глаза вытаращит. За сто лет не ручаюсь, а до девяноста доживем, а?

Вацлав Брендл засмеялся, и пока они трясли друг другу руки, прослушали, что кто-то постучал, лохматая голова на длинной шее с подвижным кадыком просунулась в кабинет, и бас Коринты грянул за спиной Брендла так, что и он и Деймек вздрогнули от неожиданности.

— К вам пришли, товарищи!

Оказалось, что пришли Ганс Пальме и старый Герл из Долинки. После взаимных приветствий, когда Деймек немедленно выложил радостную новость, а растроганный Брендл принимал сердечные поздравления, все, в том числе и молодой Коринта, уселись выслушать важное известие Пальме и Герла.

— Ну-ка, Герл,— сказал Пальме после минутной паузы, последовавшей за длинными взаимными приветствиями.— Начинай, старина, и расскажи товарищам, почему ты пришел ко мне.

Но Герл явно не хотел говорить. Он обвел взглядом малознакомых слушателей, прочел на их лицах интерес, и это смутило его еще больше. Опустив голову, он стал растерянно ковырять черную мозоль на левой ладони. На лбу у него выступили капли пота, он боролся со смущением и с одолевавшей его мыслью, что он вообще зря связался

с этим делом. Холщовая рабочая одежда Герла пахла сеном, смолой и хлевом. Смуглое лицо, все в мелких морщинках, еще больше сморщилось, как будто старик испытывал физическую боль. Он хрипло дышал, продолжая молчать. Деймек и его друзья смотрели на Герла и заражались его смущением. Им было жалко старика, этого неутомимого труженика, сидящего перед ними с таким убитым видом. Деймек, которому следовало бы подбодрить Герла, наоборот, думал о том, что эти двое, видимо, принесли ему еще какую-то новую нелегкую заботу. И Деймек собирался с духом, чтобы не поддаться новому приливу вялости и найти силы противостоять беде, какова бы она ни была.

— Начните, пожалуй, вы, товарищ Пальме,— вздохнув, сказал Брендл; он с трудом удерживался, чтобы не побежать тотчас же к Антошу и не попросить отвезти его, Брендла, к Юлии.

— Начните, а господин Герл дополнит, если понадобится.

— И не совестно тебе, старина,— упрекнул Пальме Герла.— Молчишь, словно мать тебя говорить не научила.

Загорелая морщинистая шея Герла покраснела, но он, как своенравный ребенок, все-таки отрицательно покачал головой и ответил сипло:

— Рассказывай ты, Ганс. Ты всегда у нас был мастером говорить.

— Эх ты! — сказал Пальме, и в его тоне было скорее извинение перед товарищами, чем упрек Герлу.— Ему легче наколоть десять кубометров дров, чем вымолвить три слова. Ну так начну я, а ты слушай, все ли я скажу правильно. Пришел к нему, то есть к Герлу, Плешнер из Грюна. Не знаю, помните ли вы его, такой худой, высокий, кости да жилы. Недавно его дочь получила разрешение на переезд к своему дяде в Нейдек.

Пальме слегка приподнялся, чтобы переменить позу и найти более удобное положение для своей изувеченной ноги. При этом он взглянул на слушателей. Брендл и Деймек кивнули одновременно.

— Помним, как не помнить,— ответил Деймек.— Не такие мы забывчивые. Верно, Вацлав? Плешнер — это такой сухощавый детина, с виду мрачный, как разбойник, но ручаюсь, что он честный человек. Разрешение для его дочери подписал Багар.

— Плешнер и Герл немного сродни,— продолжал Пальме,— их матери — двоюродные сестры или что-то в этом роде. Так, Герл?

— Двоюродные сестры, верно, Ганс,— оживленно подтвердил старик, словно от его родственных связей с Плешнером зависела правдивость всего дальнейшего рассказа.

— Так,— кивнул Пальме.— И я думаю, не будь они родственниками, мы бы так ничего и не узнали еще долгое время. От грюнских ведь слова не добьешься, ни хорошего, ни худого не скажут. В городе болтают насчет того, что делается в Грюне, как ведет себя управляющий госхозом Тимеш с местными девушками. А стоит их спросить напрямик, заводят речь о засухе.

— И теперь Плешнер пришел рассказать об этом? — быстро спросил Брендл.

Пальме вопросительно посмотрел на Герла, но, едва их взгляды встретились, старик опустил глаза и уставился в пол.

— Говорил он тебе об этом, старина? — спросил Пальме.

— Нет,— сказал Герл, ни на кого не глядя.— С чего бы он стал об этом говорить! У него дочь в Нейдеке, ему-то какая забота?

Пальме глубоко вздохнул и стукнул по полу своей палкой с резиновым наконечником.

— Вот именно,— сказал он дрогнувшим голосом.— Всегда они были необщительны, а сейчас стали еще хуже. Замкнулись в себе, пусть, мол, каждый как знает сам справляется со своими заботами. Плешнер пришел к Герлу только посоветоваться, а Герл ко мне за тем же. Заварил хорошую кашу, а?

— Надо выяснить, нет ли тут подвоха,— сипло произнес Герл и раскашлялся от волнения.

Брендл положил ему руку на плечо, чтобы успокоить.

— Не волнуйтесь, господин Герл. Мы, правда, еще не знаем, в чем дело, но можете быть уверены, что вашему родичу не грозит никакой опасности. Никто из нас не злоупотребит вашим доверием.

— Слышал, старина? — сказал Пальме.— По крайней мере, ты убедишься, что на коммунистов можно положиться. В Грюне тоже кое-кто нашептывает жителям, что нынче так, а завтра будет совсем иначе. Люди боятся и не знают, кому верить. Вот почему Плешнер не пошел прямо к вам, а отправился потихоньку советоваться со своим родственником. Ведь если те, кто сейчас делает всякие подлости, завтра станут хозяевами положения, каково придется Плешнеру?

— Ну ладно, ладно, Ганс,— нетерпеливо сказал Деймек.— Говорите же наконец, что случилось.

— Извини, товарищ Деймек,— сказал Пальме.— Так вот, Плешнер пришел к Герлу с таким разговором. На сенокосе его косари работали на участках, которые граничат с росмусовскими. Прежние хозяева этих лугов выселены, а когда-то, еще при монархии, эти угодья относились к имению Врш, но находились в аренде у грюнских крестьян. Во время первой земельной реформы, когда в Врше оказалась излишняя земельная площадь, грюнские крестьяне выкупили эти луга. Даже нацисты не стали возвращать их Врщу, и они окончательно отошли жителям Грюна. Барон, прежний владелец имения, тоже не особенно гнался за этими участками, тем более что леса на них не было, а барон больше стремился увеличить свои владения на равнине. В прошлом году, во время неразберихи после выселения немцев, сено там косил Росмус за арендную плату. Но в этом году должен был, казалось бы, косить госхоз. И действительно, бригада Плешнера скосила сено, высушила, собрала в стога. Сам Тимеш послал туда бригаду. А потом у него словно память отшибло: свозить сено не посылает. Плешнер был там как-то в воскресенье и видит, что двое глухонемых из именья Росмуса увозят оттуда последний воз сена. Плешнер к Тимешу: вот, мол, что делается. Тимеш поглядел сквозь него, словно бы Плешнер был стеклянный. «О каких лугах вы говорите, Плешнер?» — «О таких-то, вы же сами посылали нас туда косить».— «Я вас посылал? — удивляется Тимеш.— Что за вздор, вы что-то напутали, Плешнер. Вот уж от вас не ожидал! Эти земли прежде принадлежали имению и с сорок пятого года принадлежат ему снова. Вспомните, кто их косил в прошлом году». Плешнер вернулся домой, ломая голову, кто же, собственно, прав — он или Тимеш. В прошлом году там косили Росмусы, это верно. Но в прошлом году выселяли немцев и было много путаницы. Все-таки луга прежде принадлежали Грюну. Плешнер не знал, что и думать. Наконец он отправился к Герлу, а тот привел его ко мне. Правильно я рассказываю, старина?

Герл закивал изо всех сил. Пока Пальме говорил, он не сводил с него глаз и беззвучно шевелил губами, словно повторяя за ним каждое слово или желая ему помочь. Да, наш Ганс Пальме говорить умеет, всякому известно. Были прежде и другие ораторы, такие, что заслушаешься, но они пускали язык в ход, чтобы уговорить людей сделать что-нибудь, чего по своей воле делать никому не хотелось.

Другое дело Ганс Пальме. Ганс не такой. Когда он говорит, кажется, что он высказывает твои собственные мысли, которые без толку путались у тебя в голове и которые ты не мог как следует выразить.

— Слово в слово так, Ганс,— восторженно подтвердил Герл,— точно так и говорил Плешнер. И еще он головой ручается, что эти луга всегда были за Грюном. Мол, даже долговязому барону Нагелю не приходило в голову возражать или требовать их обратно. Свидетели этому мы все, кто тут остался.

Герл умолк, растерянный и сам немного удивленный своей горячностью.

— Насчет свидетелей я бы не очень спешил,— с сомнением заметил Пальме.— Вспомни Плешнера — сколько раз нам пришлось повторить ему, что для него не будет никаких неприятностей.

Деймек вздохнул и беспомощно развел руками, словно желая сказать: еще одна напасть на мою голову.

— Понимаешь, в чем тут дело, Вацлав? Что все это значит? Продал Тимеш Росмусу только прошлогоднее и нынешнее сено или загнал ему и самые луга? И почему он сделал бы это? Я Тимешу никогда не доверял, но, насколько знаю, он и Росмус терпеть друг друга не могут.

Вацлав Брендл все еще протирал очки. Он занялся этим, еще когда заговорил Пальме. Мысли новоиспеченного отца то и дело возвращались к Юлии и к новорожденной дочке, к той новой и еще неведомой жизни, которая открывалась теперь перед ним. Только величайшим усилием воли он заставлял себя следить за рассказом Пальме, но подспудное чувство радости, смешанное с немного тревожным любопытством, и мысль о жене и о перенесенных ею страданиях не покидали Брендла ни на минуту.

Росмус и Тимеш... Да, Деймек прав. Они вовсе не симпатизируют друг другу. Тимеш не мог забыть, что он был первым народным управляющим имением Врш, и рассчитывал закрепиться там прочно. Росмус, в свою очередь, не простил ему кое-каких грешков, совершенных в это время. Поговаривали, что Тимеш продал Трнцу роскошную люстру из имения, но таких слухов в Пограничье было хоть пруд пруди. Может быть, по этой причине Тимешу пришлось против своего желания кое в чем пойти навстречу Росмусу? Допустим. Но, в крайнем случае, Тимеш уступил бы ему в прошлом году сено, не больше. Почему повторилось то же самое и в этом году? Брендл не мог понять, в чем дело.

— А вы уверены, что Плешнер не ошибается? — с сомнением спросил он.

— Говорит, что три ночи не спал, пока решился идти к Герлу,— ответил Пальме.— Во всяком случае, он уверен в двух вещах: первое, что луга всегда принадлежали Грюну, второе, что Росмус и в этом году увез оттуда сено. И, если хотите, в-третьих,— и это-то самое странное! — Тимеш делает вид, что луга всегда принадлежали имению Врш.

— Ну что ж, Вацлав,— озабоченно сказал Деймек.— Поедем к Тимешу, прижмем его к стенке, чтобы сознался. Верно?

— Этого-то нам, по-моему, как раз и не следует делать,— покачал головой Брендл.— Не можем же мы обмануть доверие Плешнера и навлечь на него месть Тимеша.

— Какая там месть! — возмутился Деймек.— Если Тимеш сжульничал с лугами, он в лучшем случае соберет свои пожитки и поскорей удерет. А вернее всего, мы его посадим за решетку.

— Присвоение земельных участков — не пустяк,— размышлял вслух Вацлав Брендл.— Предлагаю обратиться к товарищу Багару и просить проверки по земельным книгам и кадастровым картам.

— Вот сразу сейчас же и отправимся,— решил Деймек.— Я зайду к Ирке, а ты тем временем можешь забежать к Юлии. Если только сейчас мы застанем Антоша дома.

Коринта вытянул свою и без того длинную шею и ухмыльнулся.

— Наверняка застанете. С тех пор как его Андулка вернулась из больницы, он носа не высовывает из дому. Склеивает то, что расклеил. А тренировать ребят на футбольном поле приходится мне. Вы считаете, что бог весть как загружены, а поглядите-ка на меня: я председатель местного Союза молодежи, хормейстер, член завкома, тренер, глава и режиссер драмкружка.

— А главное — пустомеля, это ты упустил,— огрызнулся Деймек.

Все вместе они вышли из ратуши и прежде всего увидели Фрица Клаузе. Он медленно сворачивал на улицу, ведущую к фабрике. Его непокорные вихры явно только что подверглись нещадной обработке гребнем, водой и щеткой. Несмотря на это, одна прядь рыжеватых волос уже отделилась от других и свешивалась на лоб. Клетчатая рубашка Фрица прямо-таки кричала, что она пять минут назад

вынута из комода. Все пуговицы на ней, в том числе и верхняя, были тщательно застегнуты. Ганс Пальме слегка улыбнулся и приставил палку к груди Клаузе.

— Ты к Лойзику Марешу? Пойдем вместе, я тоже домой.

Фриц густо покраснел. С некоторых пор он завязал прочную дружбу с нынешним председателем фабкома текстильной фабрики, который по вечерам пас свою корову там же, где Марихен Пальме пасла свою.

— В восемь вечера репетиция. Не забудь! — крикнул ему Коринта.— Приведи с собой Марихен. Товарищ Пальме доверит ее тебе под мое поручительство.

Но Пальме не любил таких шуток. Он выпрямился, несмотря на покалеченное плечо, и сказал сухо:

— Марихен сама себе лучший поручитель. На репетицию она придет.

У дома Антоша стояла пегая кобыла Тимеша, привязанная за повод к забору. Несколько ребятишек с восхищением глядели на нее издалека, но не решались подойти, потому что кобыла злобно скалила зубы, фыркала и беспокойно перебирала ногами. Тимеш стоял по ту сторону забора, облокотившись на него, и время от времени успокаивал кобылу несколькими словами. Деймек и Брендл распрощались с Коринтой, спешившим на футбольное поле, откуда слышались возгласы игроков и крики мальчишек, и остановились на углу, у гостиницы Рейзека, расположенной как раз напротив авторемонтной мастерской Антоша. У бокового въезда в гараж гостиницы стоял «остин» цвета спелой сливы со спущенным верхом, так что видны были сиденья, обтянутые коричневой кожей. Для того, кто знал жизнь городка так же хорошо, как Деймек и Брендл, все эти красноречивые признаки говорили о многом. Тимеш не случайно торчал во дворе авторемонтной мастерской, видном почти из всех окон гостиницы. Значит, он еще не оставил надежды на возвращение фрау Краус.

Потому-то и торчал у забора этот черно-белый наездник: пусть фрау Краус вспомнит, какая разница между ним и смиренным Рейзеком, который вечно ходит по гостинице в мягких войлочных туфлях, так как, кроме плоскостопия, заполучил еще и профессиональную болезнь — ревматизм.

А автомашина английской марки перед воротами гостиницы подтверждала то, о чем Брендл и Деймек уже знали из прописного листка: Виктор Пюхлер переехал от Росму-

сов в гостиницу, чтобы не обременять хозяев имения, у которых после ухода Розы стало гораздо больше домашних забот. Присутствие автомобиля цвета спелой сливы свидетельствовало также и о том, что его владелец, хотя он и проводил теперь большую часть времени в Праге, не собирается порывать с Поточной, а, наоборот, намерен упорно бороться за свое наследство, даже если это кое-кому и не нравится.

— Тимеш у Антоша,— сказал Деймек.— Лучше всего будет сразу взять его за бока.

— Тогда мы не сдержим своего обещания,— укоризненно напомнил Вацлав Брендл.— Нам нужно не только выяснить, как обстоит дело с участками между Грюном и имением Росмуса, но и не выдать своего информатора, по крайней мере до тех пор, пока мы не сможем гарантировать ему, что он не станет жертвой мести.

— Не зли меня, Вацлав,— сердито воскликнул Деймек.— Тимеш поостережется кому-нибудь мстить, когда увидит, что мы взялись за него. Впрочем, он член партии. Я могу немедля собрать комитет, и мы его так прочистим с песочком, что ему останется только выложить всю правду.

— А я считаю, что надо поступать так, как мы решили,— с непоколебимой уверенностью произнес Брендл.— Случайная встреча с Тимешем не должна отразиться на наших планах. Товарищ Багар согласится со мной, я в этом уверен.

— Товарищ Багар! — проворчал Деймек.— А я что, мальчик? — И, словно испугавшись, что он слишком зазнается, поспешно добавил: — Мы-то что, глупее его?

— Не мое дело сравнивать способности товарища Багара с нашими,— возразил Брендл.— Но я настаиваю на точном соблюдении нашего уговора с Пальме и Герлом. В противном случае заявляю, что не поеду в Кадань и выйду из состава местного национального комитета.

— Вацлав! — взволнованно воскликнул Деймек.— Не будем же мы с тобой ссориться! Ясно, что ты прав, и все будет по-твоему. Вот тебе еще пример того, что в председатели МНК я попал просто по недоразумению. Кто конкретно должен подать в отставку? Я! Ясно?

Вацлав Брендл замигал за толстыми стеклами очков и вдруг сделал то, чего от него не ожидал бы никто из тех, кто его знал. Он обнял Деймека за широкие плечи, на мгновение прижал его к себе и сказал прочувствованно:

— Товарищ Деймек, мы ведем себя как мальчишки. Швыряемся отставками, будто хотим перещеголять друг

друга. Когда нам скажут: «Вы работаете плохо», тогда мы и подадим в отставку. А до тех пор наш долг — делать свое дело и стараться изо всех сил.

Он снял руки с плеч Деймека, смущенно поправил очки и размашисто зашагал. Деймек, свесив голову, как виноватый школьник, поспешил за ним.

Тимеш, увидя приближающихся Деймека и Брендла, попрощался с Антошем и его женой и вышел из ворот. Когда Деймек и Брендл подошли, он успокаивал свою лошадь, делая вид, что не замечает их. Вацлав Брендл был склонен ответить тем же и молча пройти мимо, но это было не в характере Деймека.

— Хороша кобылка, Тимеш! — сказал он за спиной управляющего госхозом.— Только не очень-то подходящий вид транспорта для таких далеких поездок, как из Грюна в Поточную. Ты, наверное, порядком протрясся.

Тимеш обернулся. Он даже не потрудился разыграть удивление. Холодный взгляд, поджатые губы, ни тени улыбки на лице.

— Дело привычки, товарищ Деймек,— сказал он.— Впрочем, у меня нет выбора. Моя машина в ремонте у Антоша.

Деймек хотел было продолжать разговор, но Тимеш отвернулся, занес ногу в стремя и легко вскочил в седло; в каждом его движении чувствовался ловкий наездник. Мальчишки восхищенно вскрикнули, всадник быстро поскакал по дороге и исчез за углом гостиницы Рейзека.

Деймек поглядел вслед Тимешу, злясь, что тот так бесцеремонно прервал его на полуслове. Брендл проводил всадника задумчивым взглядом, мысленно сопоставляя виденное с тем, что он слышал от Пальме.

— Ему не до разговоров! — вздохнул он.

Деймек резко обернулся.

— Не до разговоров! — воскликнул он раздраженно.— Ведет себя как грубиян. Говорю тебе, Вацлав, это неспроста. Когда человек отрывается от товарищей, когда ему и слово им сказать нет охоты, самое время приглядывать за таким человеком.

С футбольного поля, по соседству с отелем Рейзека, слышались возгласы игроков, но Антош, наполовину залезший под капот машины защитного цвета, напоминающего о годах войны, работал во дворе авторемонтной мастерской. Знал ли он, что Деймек и Брендл разговаривали с Тимешем у самого его забора? Трудно сказать. Он так погрузился в работу, что даже не заметил их или же не хотел заметить. Но у Брендла и Деймека возникло одинако-

вое впечатление: еще один человек, с которым им нужно поговорить, предпочитает отвернуться от них.

— Пора шабашить, Антош,— первым заговорил Деймек, принуждая себя пошутить, хотя ему было не до этого.—Фрицек уже побежал к девушке, а ты все вкалываешь, словно работаешь аккордно.

Антош медленно выпрямился и обернул к ним измазанное машинным маслом лицо. Он сильно осунулся, глаза ввалились, и под ними были темные круги, как у человека, который измучен и не спал много ночей. Он вяло улыбнулся и сказал:

— Ого, к нам гости! Дай мне сигарету, папаша, и зажги ее, а то у меня все руки в грязи.

Он показал локтем на карман, из которого торчала жестяная коробка с сигаретами. Деймек подошел, вынул одну сигарету, сунул ее в рот Антошу и поднес зажженную спичку.

— Американские! — заметил он, покачивая головой.— Уж не заделался ли ты барином?

Антош улыбнулся.

— Думаешь, я их покупаю? Ошибаешься! Это меня заказчики подмазывают, чтобы я скорей сделал работу.

— Плохо, что ты к такой подмазке привыкнешь и захочешь, чтобы она была всегда.

— Ты пришел читать мне нотации? У меня нет охоты слушать.

Деймек вздохнул.

— Что с тобой, парень? — спросил он.— Почему ты со мной как с чужим? Андулка твоя дома, беда миновала, работы у тебя по горло, чего ж тебе не хватает? Или скучаешь по футболу?

Антош ответил, не вынимая сигареты изо рта. Он, казалось, цедил слова горячими, неприятно свистящими каплями.

— Может, ты еще не заметил, но только иногда ты задаешь вопросы, за которые дают по шее.

Деймек побледнел, дернул себя за ус и сказал хрипло:

— Мне не надо повторять дважды. Пойдем, Вацлав. Найдем машину в другом месте.

— Никуда ты не пойдешь, товарищ Деймек! — вмешалась Анча, которая тем временем вышла из дому и незаметно подошла к ним.— Не забудьте, что вы и у меня в гостях, а я вас не гоню. Скажите мне, зачем вы пришли?

Вацлав Брендл торжественно поздоровался с женой Антоша, а Деймек сказал:

— Спасибо за приглашение, товарищ Анча, но мы спешим. Мы пришли попросить Антоша отвезти нас в Кадань, но, как видишь, из этого едва ли что выйдет.

— Кто сказал, что я не хочу вас отвезти? — отозвался Антош, все еще не выпуская сигареты изо рта.— Если бы ты не говорил лишнего, мы могли быть уже в пути.

Он выплюнул сигарету и зашагал к дому. На ходу он обернулся и сказал:

— Пойду умоюсь и приду. Можете пока подумать, кому передать после меня это гигантское предприятие.

Они молча смотрели ему вслед, пока он не исчез в доме, потом Деймек осведомился:

— Что такое он сказал о передаче? Как это понимать?

Анча сильно похудела и осунулась не меньше мужа. Румянец исчез с ее лица, глаза ввалились и были окружены темными кругами, как и у Антоша, около побледневшего рта легли легкие морщины, которых раньше у нее не было, и они наложили отпечаток горечи на ее выразительное и смелое лицо. Она серьезно взглянула на Деймека, и в глазах ее, казалось, залегла тьма бессонных ночей.

— Он хочет уехать отсюда.

— Но почему? — изумился Деймек.— Разве он найдет где-нибудь лучший дом и мастерскую, чем здесь?

— Он боится за Андулку,— чуть слышно ответила Анча. Из глаз ее брызнули слезы и потекли по похудевшим щекам.

— А ты? — спросил Деймек настойчиво.— Ты тоже стала бояться?

Анча вытерла краем фартука глаза и щеки.

— Не знаю,— сказала она.— Он меня сбил с толку, я и сама теперь не знаю. Товарищ Деймек, почему у нас теперь все не так, как прежде? Раньше я, бывало, думала, что умру, если с Антошем что-нибудь случится или если он меня бросит. Потом, когда он стал возражать против моей работы на фабрике, а сам связался с этими футболистами, мне казалось, что рядом со мной живет чужой человек, а не тот, кого я любила, и я сама хотела уйти от него. А сейчас не знаю. Сначала он меня упрекал, что Андулка заболела и чуть не умерла по моей вине. Когда она поправилась, мы помирились. И вот он задумал уехать отсюда, а мне кажется, что наш дом теперь здесь. Не знаю, что и делать...

— Но, товарищ Анча,— сказал Брендл удивленно и вместе с тем серьезно и настойчиво,— Андулка ведь заболела не потому, что ты ходила на фабрику. Посчитай, сколько детей в Поточной болело дифтеритом. Это была эпидемия.

Она вспыхнула в это же время и в ряде других мест, а не только у нас. Если бы не халатность доктора Маркова, дело ограничилось бы одним-двумя случаями. Так мне сказали врачи.

Антош незаметно вышел из дому. Он уже умылся и надел кожаную курточку.

— Если вы пытаетесь отговорить Анчу и снова настроить ее против меня, это нехорошо и не по-товарищески,— хрипло сказал он.

Вацлав Брендл выпрямился, как ужаленный, схватился за очки, но не снял их и ответил взволнованным, необычно высоким голосом:

— Об этом мы поговорим в другой раз, товарищ Антош. Сейчас я хочу сказать только одно. Мы не отговариваем твою жену, а лишь объясняем ей обстоятельства, при которых заболела не только ваша Андулка, но и другие дети в Поточной. Присутствие или отсутствие Анчи в доме не могло играть в этом никакой роли. Ее мать образцово ухаживала за вашей девочкой, это всем нам хорошо известно. Другие дети были на руках у матерей и все равно заболели. Причина здесь другая, о ней мы как раз и беседовали с твоей женой.

Пока Брендл говорил, Антош закуривал сигарету, и видно было, как дрожит в его руке спичка.

— Говорить-то легко! — сказал он, выслушав Брендла.— Легко говорить, когда самому бояться нечего.

— Болтаешь, сам не знаешь что! — возмутился Деймек, но Брендл жестом остановил его и по привычке, свойственной ему в минуту волнения, снял очки и аккуратно протер их. При этом он говорил хотя и возбужденно, но неторопливо и, как всегда, размеренным голосом:

— Не исключено, что будет день, когда и меня постигнет такое же несчастье, какое обрушилось было на вас. Сегодня у нас родилась дочь. Я пожилой человек, а о таких говорят, что они в заботах о своих поздних детях забывают все остальное. Но я заявляю уже сейчас — и уверен в поддержке Юлии,— что не покину этого края, который стал мне родным. А если меня назначат по службе в другое место, тогда я найду себе иное занятие и все-таки останусь в Поточной. Останусь, чтобы наша девочка, если даже ей не доведется всю жизнь прожить здесь, никогда не забывала, что она родилась в Пограничье.

Антошова приложила руку к губам, словно сдерживая возглас, и ее бледные щеки залились румянцем.

— Господи боже! — воскликнула она.— Юлия родила?

Сегодня днем? И все благополучно? Ну конечно! Дай бог, чтобы все были такие стойкие, как она. Когда она вернется, я принесу ей распашонку нашей Андулки. Пусть не зазнается. Так делают, это приносит счастье. Слышал ты или нет, оболтус? — Она повернулась к Антошу, ухватила его за плечи и принялась трясти.— У них девочка, как у нас. И они останутся здесь! А ведь сколько лет им и сколько нам! Можешь собираться и бежать, куда хочешь, а я и Андулка отсюда не тронемся.

Отпустив Антоша, она повернулась к Брендлу. Ее движения были молоды и быстры, словно к ней вернулась вся ее прежняя бодрость.

— Вы едете к Юлии, товарищи? Ну конечно, к ней. А цветы везете? Нет. Вам это и в голову не пришло! Что за народ эти мужчины!

Мужчины стояли и виновато улыбались.

— Мы едем в Кадань по служебному делу,— возразил Брендл.— Я, правда, хочу воспользоваться случаем и забежать к Юлии, но не знаю, пустят ли меня.

— Если и не пустят, цветы всегда можно передать. Сейчас я вам нарежу роз, спасу вашу репутацию.

И не успел никто произнести и слова, как она побежала к клумбам под окнами дома, где были посажены розы, фиалки, львиный зев, георгины и астры.

— У тебя замечательная жена, товарищ Антош, в самом деле замечательная! — сказал, тронутый, Брендл.— Твердый характер и, я бы сказал, честная, настоящая боевая натура. С такой женой можно не бояться ничего на свете.

— Что она боевая, это мы знаем по своему опыту,— ухмыльнулся Деймек.— А ты, Антош, по-моему, лежишь на обеих лопатках. Ясно?

— Как божий день, папаша,— сказал Антош, отбросив недокуренную и погасшую сигарету.— На мой взгляд, с бабами нынче слишком много церемонятся. Когда-нибудь это всем нам выйдет боком, помяните мое слово!

И он ушел в гараж. Оставшиеся посреди двора Деймек и Брендл слышали, как он заводит свой «мерседес», а Анча кричит матери в окно, чтобы та дала ей шелковистую бумагу — ту, что лежит в столе,— и коробку с лентами.

— Антош раньше был такой боевой и компанейский парень, всегда готовый помочь общему делу,— задумчиво сказал Брендл, так тихо, чтобы слышал только Деймек.— Что же его так изменило?

— По-моему, собственность,— тоже вполголоса отве-

тил Деймек.— Сам я этого никогда не испытал, но таких случаев видел кругом пропасть. Стоит обзавестись человеку хоть какой-нибудь собственностью, как ему хочется все больше и больше. Такова, видно, человеческая натура. А если у тебя есть дети, ты начинаешь уговаривать себя, что ты копишь не для себя, а для них, и забываешь, что есть и другие дети, которые из-за этого будут обделены. Стяжательство ударило Антошу в голову, он решил, что, скопив здесь кое-что, пора перебраться в другое место, где его добро будет сохраннее. Но Анча ему вправит мозги. А ваша дочка родилась, прямо сказать, вовремя, она принесла пользу уже самым фактом своего появления на свет.

Они выехали из ворот дома Антоша. В руках у Брендла красовался большой букет роз. В это же самое время Тимеш подъезжал на своей пегой кобыле к воротам имения Росмусов. Уже три дня подряд, после того как Плешнер побывал у него и задал встревоживший Тимеша вопрос о грюнских лугах, управляющий госхозом пытался повидать Росмуса, но всякий раз получал один и тот же ответ.

— Господа уехали в Прагу и не изволили сказать, когда вернутся,— свистящим голосом объявлял садовник Зуна, и было непонятно, ироническая или подлинная почтительность звучит в этой фразе.

Тимеш застал Зуну около клумбы. Тот пытался поливать газон и сальвию, поникшую от дневного зноя, но из металлического наконечника шланга текла лишь слабая струйка. Вода не била, а еле лилась маленькой дугой и с плеском падала на сухую, серую землю среди цветов. Тимеш поставил кобылу в тени каменной стены, отделяющей сад от скотного двора, и привязал ее к стволу тонкого клена.

— Есть сведения о хозяевах, Зуна? — спросил он, подходя к садовнику, который не прекратил работы и уделил посетителю лишь один косой взгляд.

Зуна поднял шланг, помахал им, разбрызгивая воду по газону, и сказал вместо ответа:

— Добираем последнее. Еще неделя или две — и цветочки увянут, иначе не хватит воды господам на обед, да и скот начнет дохнуть от жажды.

— Не представляйте все в мрачном виде,— недовольно сказал Тимеш, потому что Зуна всегда чем-то раздражал его.— В земле воды еще хватит.

— С-с-с!..— засвистел Зуна.— В недрах, может быть. Но не в тех источниках, что питают наш водопровод и колодец. Говорю вам, вода кончается.

— Вы говорите, словно рады этому.

— Я никогда не радуюсь беде,— ответил садовник, не сводя глаз со слабой струйки.— Довольно я на нее насмотрелся за свою жизнь и знаю, что радоваться нечему.

— Вы не сказали мне, когда вернутся ваши господа.

— Нашим господам,— фыркнул Зуна,— тоже приходит конец, как и нашей воде. Некому позаботиться об их удобствах. Какие это господа, ежели на них никто не работает, чтобы они не обросли грязью и не померли с голоду?

— Вы, видимо, скорее моралист, чем садовник,— сказал взбешенный Тимеш.— Во всяком случае, вам следовало хотя бы научиться отвечать на вопросы.

— Может быть, я все-таки лучший садовник, чем кое-кто управляющий госхозом,— ответил Зуна, снова помахивая шлангом, чтобы окропить несколько ближайших цветков.

— Если я вам дам сейчас по морде, не найдется ни одного свидетеля, который подтвердит это,— сдавленным голосом сказал Тимеш и поднял кулак.

— Подойдите, попробуйте! — засмеялся Зуна, оборачиваясь и направляя на Тимеша шланг.

И хотя вода лилась слабо, прерывающейся струей, Тимешу пришлось отскочить. Вода брызнула в песок ему под ноги, и несколько капель попало на черные сапоги, оставив потеки на пыльных голенищах.

— Подойдите же, подойдите, получите еще порцию,— воинственно закричал Зуна, размахивая шлангом и наступая на Тимеша. Тому пришлось спрятаться за свою пегую кобылу.

— Перестаньте вы, старый осел! — закричал он из-за своего укрытия.— Если вы меня действительно обольете, я плюну на все, и увидите, как вас отделаю!

Зуна вернулся к клумбе, глаза его весело смеялись; он стоял к ней боком, не спуская глаз с побежденного противника. Потряхивая шлангом, он сказал с расстановкой:

— Я осел... Вы правы... Зря трачу драгоценную воду. Такую черную душу, как у вас, не отчистишь даже наждачной бумагой.

Тимеш вытирал забрызганные сапоги тряпкой, вынутой из седельной сумки. Услышав отрывистые слова Зуны, он удивленно выпрямился и сказал:

— Что такое творится сегодня в вашей дурацкой башке, Зуна? Не слишком ли долго вы были на солнце? Откуда вы знаете, какая у меня душа — черная или белая? Ведь вы со мной совсем не знакомы. А если вы собираете всякие сплетни, то еще раз говорю вам: берегитесь! Иначе у вас в самом

деле будут причины считать мою душу самой черной на свете.

И тогда Зуна действительно громко рассмеялся скрипучим смехом, больше всего напоминавшим карканье ворона. Казалось, он торжествовал, что ему удалось выманить противника из безопасного убежища в открытое поле.

— Кто грозит, тот боится,— сипло произнес он.— Это старая истина. С незапамятных времен.

«Что может знать этот старый черт? — беспокойно думал Тимеш, убирая тряпку в седельную сумку.— Ни он, ни здешние глухонемые не общаются с жителями Грюна. Неужто история с лугами уже известна «по секрету всему свету»?» Тимешу хотелось вскочить на лошадь и умчаться отсюда, но ведь таким способом ничему не поможешь. Надо поскорее узнать, как отнесется ко всему этому Росмус. Он заварил кашу, пусть ее и расхлебывает. Тимеш оперся локтем о седло и стал смотреть, как капли воды разлетаются по огненно-красной сальвии, падая на ее удлиненные листья, и, блеснув подобно расплавленному металлу, скатываются и бесследно исчезают в потемневшей от поливки земле.

Повернувшись боком к Тимешу, Зуна двигался шаг за шагом и, казалось, не обращал внимания на противника.

«Все-таки надо было его вздуть»,— думал Тимеш, и его не оставляло беспокойное сознание какого-то упущения, сделанного им, но не в стычке с Зуной, а в чем-то другом, гораздо более важном. Может быть, зелень травы и форма листьев, на которые пристально глядел Тимеш, вызвали в нем это воспоминание? Может быть, они походили своей формой на листья кустов, за которыми он прятался, и мягкую траву, где он лежал, подстерегая Росмуса, сидевшего на охотничьей скамеечке в зарослях орешника, откуда была хорошо видна длинная неглубокая лощина, густо поросшая травой, где каждый день паслись две-три серны. Тимеш знал, что справа от Росмуса лесничий посадил каданьского начальника станции, а слева Любомира Мацака — никудышных охотников. И все же, когда в то раннее утро грянули три выстрела — разумеется, никого не убившие, потому что стреляли только гости Росмуса,— Тимеш не отважился присоединить к ним свой роковой — четвертый, хотя ждал этой минуты с двух часов ночи. Все это время он глядел на спину Росмуса, глядел так упорно, что у него слезились глаза и вспотели ладони, сжимавшие ружье.

«Надо было рискнуть,— твердил себе Тимеш,— пристально глядя на игру водяных брызг в лучах заходящего

солнца.— Надо было рискнуть, и все было бы кончено!» Тимеш все еще забавлялся мыслью об убийстве Росмуса, хотя хорошо понимал, что его затея была отчаянной романтической выдумкой, предпринятой с целью убедить самого себя, что он, Тимеш, способен и на такую крайность, если не останется другого выхода. Все время, пока он лежал в засаде и глядел в спину Росмусу, обтянутую коричневым сукном, он знал, что не выстрелит, потому что выстрел только приблизил бы его собственную катастрофу. Мысль о фотокопиях документов, которые Росмус показал ему при разговоре в библиотеке, защищала спину владельца имения от пули Тимеша надежнее, чем самый лучший панцирь.

«И все-таки нужно было выстрелить! — с мальчишеским упрямством думал Тимеш.— Выстрелить и той же ночью заглянуть в стол Росмуса. Никогда в жизни мне не приходилось идти на такое дело, но, если человека припереть к стене, он способен на все».

Где-то невдалеке пронзительно пропела автомобильная сирена, в аллее послышался шум подъезжающей машины. Зуна повернулся к Тимешу, издал свистящий звук и сказал с усмешкой:

— Вот они, господа. Только вопрос, захотят ли они с вами разговаривать после дороги.

Длинный черный лимузин, запыленный от долгого пути, медленно въехал в решетчатые ворота, повернул в сторону от Тимеша и Зуны, обогнул овальный газон и исчез за домом, где были гараж и черный ход.

— Что-то слишком много людей в машине,— в припадке неожиданной общительности произнес Зуна, обращаясь, по-видимому, к водяной струе, лениво текущей из шланга.— Это не гости, гостей он бы подвез к главному входу. Опять затевается какая-то чертовщина.

Тимеш тем временем шел уже к дому. Он тщательно вытер сапоги, и черные голенища снова блестели на дорожке, аккуратно посыпанной желтым песком. Остановившись в безопасном отдалении от садовника, он оглянулся на Зуну и сказал насмешливо:

— Здесь кругом сплошная чертовщина, не так ли, Зуна? Когда-нибудь один из чертей ухватит вас за любопытный нос и оторвет его.

Он быстро зашагал и слышал, как за его спиной вода с шипением упала на песок.

Поднявшись по широким ступеням террасы, откуда он когда-то командовал «парадом» работников имения во

главе с их бывшим хозяином бароном Нагелем, Тимеш остановился, созерцая пейзаж и глядя на затуманенные синие вершины на том берегу Огрже. Он задумчиво курил сигарету и похлопывал стеком по сапогу.

«Иногда человеку везет, а иногда нет,— думал Тимеш.— Не надо только терять терпение. Что не ладится сегодня, выйдет завтра». В открытую дверь вестибюля Тимеш услышал звуки разговора, и ему показалось, что, кроме Росмуса и его жены, там есть еще кто-то: доносились мужской и два женских голоса, один из них молодой, почти девический. Слова разобрать ему не удалось. Похоже, что Росмусы водят кого-то по дому, знакомя с его расположением и обстановкой. На мгновение в сердце Тимеша вспыхнула надежда: а что, если они собираются продать имение и привели покупателя? Росмус не мог бы передать покупателю соглашение о лугах: для него самого это было бы слишком небезопасно.

Тимеш уселся у стены дома в садовое кресло, выложенное мягкими подушками, и, напрягая слух, постарался услышать что-нибудь из разговора в доме и тем самым получить преимущество в предстоящем объяснении с Росмусом. Но ему пришлось разочароваться: голоса удалялись, хлопали закрываемые двери. За спиной Тимеша стало тихо.

Закинув ногу на ногу, Тимеш водил кончиком стека по носку блестящего сапога. «Когда-то я умел решать и действовать быстро,— думал он.— Что со мной стало? Войди я сразу в дом, мне, наверное, удалось бы услышать кое-что интересное». Он сжал стек и со свистом взмахнул им в воздухе. Ему вдруг вспомнилась фрау Краус, ее бегство и то, что она предпочла ему, Тимешу, этого тихоню Рейзека. «Вернется! — думал он.— Сама прибежит и тогда увидит... Все будет по-моему. Я сделал правильную ставку, только не надо нервничать, нельзя срываться». Придет время, Росмусов и след простынет, имение Врш будет присоединено к Грюну, и он, Тимеш, опять поселится здесь и будет командовать всем госхозом. «Глупая девка, знала бы она, что́ я готовлю не только для себя, но и для нее».

— Это вы, Тимеш? — сказал рядом с ним холодный голос.

Тимеш так погрузился в свои мысли, что не заметил, как подошел Росмус. Сперва Тимеш наклонился вперед, словно готовясь вскочить, потом зажал в руке стек и откинулся в кресле так, что оно заскрипело.

— Насколько я помню, мы условились, что вы будете являться ко мне только по вызову.

«Сволочь ты! — подумал Тимеш, глядя на Росмуса с нескрываемой ненавистью.— Ты жив только потому, что я самую малость, вот так, не пошевелил указательным пальцем».

— Вы оговорились,— сказал он глухим от злобы голосом.— Вы хотели сказать «пан Тимеш». Я пришел к вам только потому, что, пока вас не было, произошло нечто серьезное. Могу вас заверить, что я так же мало жажду вашего общества, как и вы моего.

Пока он говорил, Росмус глядел на него равнодушно и слегка насмешливо, и это приводило Тимеша в ярость.

— Если вы считаете, что это так важно, я переговорю с вами. Надеюсь, вы будете кратки. Пока что подождите, у меня есть другое дело.

Росмус подошел к перилам террасы, слегка наклонился над ними и крикнул:

— Зуна, бросьте поливку и пойдите сюда. Мне надо немедля поговорить с вами.

И, не обращая внимания на Тимеша, он прошел мимо него в дом. Тимеш сидел не шевелясь, стиснув в руке стек. «Зуна! Тимеш!..» Росмус позволяет себе обращаться с ним точно со своим слугой. Стеком бы, стеком бы его по морде, а потом пулю в спину — это был бы правильный ответ! В ту самую высокомерную, прямую спину, на которую Тимеш, сидя в засаде, глядел добрых три часа. Еще представится подходящий случай. Предстоит охота на оленей в дни туманных и поздних рассветов и ранних сумерек, когда трудно будет определить, кто из приглашенных олухов сделал роковой выстрел.

На террасу, тяжело шаркая, поднялся Зуна. Он что-то ворчал себе под нос, и подковки на его ботинках позвякивали о керамические плитки, устилающие пол. Тимеш сделал вид, что не замечает его.

Но едва Зуна исчез в вестибюле, Тимеш оживился. Он встал и огляделся. Итальянские окна кабинета Росмуса были, как всегда, открыты настежь. Достаточно пересесть в любое кресло, стоящее по ту сторону входа, и нетрудно будет подслушать, о чем говорят в кабинете. В его положении все нечаянно услышанное в этом доме пойдет ему на пользу. Расставив ноги, он постоял против дверей вестибюля и, убедившись, что там пусто и его никто не заметит, сделал несколько шагов и уселся в кресле, стоящем ближе других к окну кабинета Росмуса.

Все было хорошо слышно.

— Ваша дочь переехала в Долинку и получила там от национального комитета неплохое хозяйство, не так ли, Зуна?

— Бросила отца ради чужого мужика, вот что,— ответил Зуна.— И потому не будет ей счастья.

— Вы, стало быть, желаете, чтобы ваша дочь не была счастлива? — насмешливо осведомился Росмус.— Уверяю вас, что вы не порадовались бы этому.

— Мне и так нечему радоваться. Откуда быть радости, если меня бросила единственная дочь.

— Ненадолго, Зуна, уверяю вас, ненадолго,— продолжал Росмус, и Тимеш ясно уловил злорадство в его тоне.— Через двадцать четыре часа вы можете опять быть вместе, если только не предпочтете более короткий срок. Вы уволены. Вот ваше жалованье и выходное пособие, которое вам полагается по закону при немедленном увольнении. Сосчитайте деньги и примите к сведению, что вам надлежит освободить помещение, где вы живете, до пяти часов завтрашнего дня. Если вы не сможете вывезти вещи своими силами, я распоряжусь отвезти их для вас в Долинку. Если же вы не собираетесь переезжать к дочери, ваши вещи могут храниться у нас в течение трех месяцев, после чего вам придется вывозить их самому. Надеюсь, вы меня поняли. На этом мы закончим.

Росмус умолк, и в кабинете воцарилось молчание. Тимеш представил себе, как Зуна отнесся ко всему, что сейчас услышал. Сейчас Тимеш злорадствовал, хотя даже звук голоса Росмуса выводил его из себя: старик, с которым у него только что произошла такая неудачная стычка, очень быстро наказан, правда, не им, Тимешем. Управляющий госхозом навострил уши: сейчас Зуна осмыслит до конца, как бесцеремонно обошелся с ним Росмус, и устроит скандал.

— Вы, видно, хорошо знаете, что можете себе это позволить,— неожиданно тихо заговорил Зуна.— Можете в любое время выбросить человека с работы, хотя его не в чем упрекнуть.

Тимеш услышал смех Росмуса, сжал стек и так хлестнул им себя по голенищу, что почувствовал боль в ноге.

— Верно, Зуна, совершенно верно. И мне и вам закон дает равное право прекратить наши отношения без объяснения причин. Вам это даже легче. Ваша дочь, например, ушла от нас немедленно, и мы так и не поняли почему.

Ушла без всякого для себя убытка. Я же должен заплатить вам выходное пособие. Очень рад, что мы так легко договорились.

— Долинка отсюда недалеко,— сказал Зуна, и Тимешу показалось, что неожиданное увольнение отразилось на умственных способностях старого садовника.

— Не понимаю, что вы имеете в виду,— холодно ответил Росмус.

— То самое, что говорю. Если я пожелаю вам всего хорошего, я совру. Потому и говорю, что Долинка настолько близко, что я успею добежать до Врша, когда вас будут выставлять отсюда.

В кабинете за спиной Тимеша загремел резко отодвинутый стул. «Наверное, Росмус вскочил,— хихикнув, подумал Тимеш.— И зачем только я ссорился со старым Зуной!»

— Уходите, Зуна,— по голосу Росмуса было заметно, что он с трудом сдерживается.— Нам не о чем больше разговаривать. И поторопитесь с выездом.

— Из дома погибели дорога всегда узка,— в голосе Зуны зазвучали проповеднические нотки.— Кто покидает его, как бы ни спешил, всегда медлит!

— Проваливайте ко всем чертям! — взревел Росмус, и Тимеш снова, на этот раз вслух, рассмеялся и, зажав рот ладонью, перебежал на другую сторону веранды. «Все-таки старик вывел его из себя!» — подумал Тимеш.

Едва он сел в плетеное кресло, как на веранду вышел Зуна, сжимая в одной руке кредитки, в другой — свою плоскую кепку. Его лицо побагровело, на голове торчком стоял седой жесткий «ежик». Шаркая, старик спустился в сад по той лестнице, что была дальше от Тимеша.

С минуту стояла тишина, только песок на дорожке шуршал под ногами садовника. Дрозд, хозяйничавший на влажной клумбе, испуганно вспорхнул с недовольным криком. В вестибюле послышались женские голоса, один молодой, другой резкий, принадлежавший хозяйке дома. Потом скрипнули деревянные ступени, ведущие в верхний этаж. «Инструктирует новую служанку,— подумал Тимеш.— Водит ее по дому. А хозяин дома не идет, медлит. Видимо, успокаивается».

В этот момент через одно из итальянских окон своего кабинета на террасу вышел Росмус.

— Заходите,— неприветливо сказал он, повернулся и исчез в комнате.

Тимеш, последовав за ним, увидел, что Росмус наливает

себе рюмку виски. Рука у него дрожала, он хотел, видимо, выпить, чтобы успокоиться. Тимеш с нескрываемой завистью посмотрел, как Росмус залпом проглотил неразбавленный алкоголь. Ставя рюмку на место, Росмус заметил этот взгляд. Он налил себе еще, взял вторую рюмку, наполнил ее и поставил перед Тимешем.

— У меня, правда, нет повода угощать вас,— сказал он,— но, если хотите, пейте.

Тимеш сделал вид, что прослушал обидное замечание, взял рюмку и тоже осушил ее одним глотком.

— Может быть, в конечном счете, я все-таки окажусь желанным гостем,— сказал он, сделав один «пустой» глоток, так как от жгучего напитка у него свело горло. Он протянул руку к бутылке и налил себе еще рюмку. Росмус раскрыл было рот для протеста, но снова поджал губы в презрительной усмешке и стал набивать трубку.

— Начинайте и говорите быстро,— сказал он.— У меня много дел.

Вместо ответа Тимеш, упершись локтями в колени, с рюмкой в одной руке, стал водить концом стека по ковру против ворса. Алкоголь подействовал на него, подгоняя кровь, и в Тимеше вспыхнула обида на Росмуса за проявляемое пренебрежение. Все кипело у него внутри, но движения замедлились, по всему телу Тимеша разлилась приятная истома, он почувствовал, что каждый его мускул стал пружинистее, налился силой.

— Как вы думаете, Росмус,— медленно заговорил Тимеш, растягивая отдельные слоги и выделив фамилию собеседника,— сколько человек на свете хотели бы вас прикончить?

Росмус перестал раскуривать трубку, подождал, пока рассеется дым, чтобы получше видеть Тимеша, и выразительно сказал:

— Доктор инженер Росмус. Можете называть меня доктор Росмус, инженер Росмус, пан доктор или пан инженер, не иначе. Запомните это раз и навсегда, Тимеш.

Поддавшись подленькому опасению, что ему больше не предоставится возможности получить еще глоток виски, Тимеш поспешно выпил рюмку, поставил ее на стол, перевел дыхание и, стараясь говорить с достоинством, сказал:

— Пан Тимеш! Я тоже не потерплю, чтобы вы обращались ко мне, как к своему батраку.

Росмус выпустил клуб дыма, засмеялся и возразил:

— Придется вам оставить на мое усмотрение, кому подобает обращение «пан», а кому нет.

Тимеш побледнел и на мгновение замер. Потом он поднял стек, уперся им в колено, чтобы не было видно, как дрожит рука, и сказал, с усилием понизив голос:

— Немедленно извинитесь, сволочь, и назовите меня «пан Тимеш», иначе я излупцую вам морду вот этим стеком.

Но Росмус, как ни странно, даже не пошевелился. Он несколько раз затянулся дымом из трубки и произнес ровным, размеренным тоном:

— В течение всего нашего разговора я держу руку на кнопке звонка. Стоит мне нажать ее, и немедленно появятся люди, с помощью которых я легко разделаюсь с вами. А теперь извольте раз и навсегда уяснить себе свои отношения со мной. Прежде всего, помните, что в моих руках находятся кое-какие документы, значение которых для вашей безопасности вам ясно. Если вы еще раз повторите сегодняшнюю нелепую выходку, они будут направлены по соответствующим адресам. Уверяю вас, что вам до этих документов никогда не добраться и что они будут пущены в ход во всех случаях, о которых я сказал. Во-вторых, я получил бесспорные доказательства, что сенокосные угодья, о которых у нас с вами был в свое время разговор, никогда не переставали принадлежать имению Врш. Вы теперь сами видите, как мало вы мне нужны. Только чувство «fair play» [1] не позволяет мне предать гласности документы о вашей особе. Какой из всего этого для вас вывод? Вам остается принять те правила игры и наших отношений, какие устанавливаю я, и точно придерживаться их. А теперь говорите, с чем столь срочным вы явились ко мне, Тимеш?

«Это конец,— подумал Тимеш,— полный конец». Вторая рюмка виски подействовала на него, но не усилила ярости и воли к сопротивлению, а наполнила Тимеша какой-то странной вялостью. Мысли путались, каждое слово Росмуса вызывало в них еще больший разброд. Тимеш мысленно искал выхода, но не мог придумать никаких мер самозащиты, кроме отчаянного желания убить Росмуса и раз навсегда покончить с ним; ничего, кроме невыполнимого желания, ибо его осуществление не спасло бы Тимеша. И Тимеш глядел в открытое окно, на золотистое от заходящего солнца небо, словно спасительная мысль летала там, как птица в облаках, и ее можно было поймать и приманить к себе взглядом.

---

[1] честной игры *(англ.)*.

— У вас есть документы о том, что угодья между вами и Грюном всегда принадлежали имению? — спросил он.

— Зачем повторять дважды одно и то же?

— Конечно, фальшивые.

Росмус пожал плечами.

— Они соответствуют записям в поземельных книгах и документации переселенческого бюро.

— Но грюнские немцы, разумеется, знают, что это не так.

— Они должны молчать, вот одна из ваших задач. Это одно из важнейших условий, чтобы документы о вашей деятельности при оккупации не появились на свет.

— А если кто-нибудь из грюнских заговорит против моей воли? Что вы будете тогда делать?

Доктор инженер Росмус вынул трубку изо рта и повертел ее в руках, осматривая так, словно видел в первый раз.

— Произошло, может быть, что-нибудь такое?

— Один из них, некий Плешнер, приходил ко мне и расспрашивал, почему луга косили они, а сено увезли вы. Я объяснил ему, что там не надо было косить, что луга всегда принадлежали вам и косари ошиблись. Он кивнул головой и ушел.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Думаю, что вы зря беспокоитесь или просто пытаетесь запугать меня. Разумеется, вы пойдете к этому типу и внушите ему поэнергичнее, что он суется не в свое дело и что это может для него плохо кончиться.

— Он не один,— упавшим голосом возразил Тимеш.— Наверняка весь Грюн говорит об этом. Если слухи начались, как же мне помешать их распространению?

— Это относится к вашим обязательствам,— холодно ответил Росмус.— Я свои выполняю и не намерен искать способы выполнения ваших.— Он примял табак в трубке, усиленно запыхтел ею и произнес, окутавшись дымом: — Впрочем, я слышал, что с некоторых пор вы усиленно интересуетесь грюнскими девушками. Возможно, и это неплохой способ воздействовать на их семьи. Советую вам пошире использовать его.

— Вы забываетесь! — побледнев, сказал Тимеш и встал.

Пейзаж, на который он глядел, вдруг поплыл перед ним в высокой раме итальянского окна, словно на ярко освещенной сцене кто-то дернул задник с нарисованными

волнистыми синими холмами. Тимеш остался стоять, широко расставив ноги и ожидая, пока колыхающаяся картина снова станет неподвижной и к нему вернется равновесие и уверенность. В ушах у него зашумело, мурашки забегали по телу, в глазах зарябило, кровь, отхлынувшая от головы, лишь постепенно начала циркулировать нормально. Росмус сделал вид, что курит, не обращая внимания на собеседника, но не отнимал пальца от кнопки звонка, готовый в любой момент нажать ее и отскочить к двери в коридор.

Наконец Тимеш подтянул пояс и твердой походкой строевика пошел к выходу. Росмус внимательно следил за ним, не поворачивая головы. Телефон на приставном столике пронзительно зазвонил. Росмус протянул руку, Тимеш невольно помедлил в дверях. Росмус слушал с минуту, потом сказал:

— Извините, один момент,— прикрыл трубку ладонью и приказал Тимешу: — Постойте, не уходите... Продолжайте, пожалуйста,— сказал он в трубку.— Нет, не беспокойтесь, все в полном порядке. Во всяком случае, я вам очень признателен и не забуду этого. О, пожалуйста, пускай приходят или вызывают меня. Еще раз уверяю вас, что нет никаких оснований для беспокойства. Спасибо, и от меня тоже сердечный привет.

Он не спеша положил трубку, повернулся к Тимешу, который продолжал стоять там, где его застиг оклик Росмуса, и сказал медленно:

— Этот ваш Плешнер и в самом деле поторопился. Председатель Поточенского МНК обратился в Кадань с просьбой проверить границы земельных участков между Грюном и имением Врш. Показания местных граждан дают, мол, веские основания подозревать попытку присвоить государственные земли. Что вы об этом скажете?

Тимеш вернулся на свое место и сел напротив Росмуса.

— Кто вам звонил? Кроулик?

— Не важно,— ответил Росмус.— Подумайте лучше о другом, в первую очередь о собственном положении. Я склонен думать, что все это ваша затея.

— Зачем же я стал бы это делать? — возразил Тимеш.— К чему давать вам повод расправиться со мной?

Росмус взглянул на него испытующе. Тимеш сидел както вяло, опустив обычно приподнятые плечи, в глазах у него были неуверенность и страх. «Он трус,— подумал хозяин Врша.— Авантюрист и трус в одном лице. Странное сочетание. Для того чтобы такой человек не предал меня, если на него нажмут, он должен бояться меня больше

других. Всю жизнь он кого-нибудь предавал, строил на этом свою карьеру. Свою шкуру он спас за счет других. Подлое время, если люди моего круга вынуждены иметь дело с такими подонками. Но те, другие, со временем дорого заплатят нам за все это!»

— Если я обнаружу самые ничтожные признаки, что вы в этом деле пытаетесь вести собственную, не совсем ясную для меня игру,— медленно и выразительно сказал он,— я без колебаний выдам вас вашим друзьям. Могу вас заверить, что я довольно точно определил, какую кару вы получите за вашу деятельность во время протектората; это что-нибудь вроде пожизненного заключения... если не хуже. На всякий случай предостерегаю вас еще раз, Тимеш.

— Лишние разговоры,— отрезал вдруг Тимеш, стараясь вновь обрести уверенность и сохранить хотя бы внешне собственное достоинство, несмотря на полное поражение.— Я отлично знаю, что мне можно и чего нельзя делать. Думаете, вы сидели бы вот так передо мной, кичились, угрожали мне и оскорбляли бы меня, если бы я был уверен, что, убив вас, я помогу себе? Ручаюсь, что вы давно уже были бы трупом. Но сейчас вы можете унижать меня, а я должен молча повиноваться. Достаточно с вас? А теперь дайте мне выпить.

Росмус посмотрел на Тимеша и был очень удивлен и обрадован. Ему даже стало весело. «Ну и выродок! — думал он.— Сперва грозит убить меня, а потом спокойно просит водки!»

— Слушайте,— сказал он пытливо,— а с какой стати я буду угощать вас виски? Ведь вы только что сказали, что убили бы меня при первой возможности.

— Одно другого не касается,— ответил Тимеш.— Таковы у нас отношения, и не я их создал. А теперь мне обязательно надо выпить.

— Нет,— отказал Росмус.— Выпьете, будете болтать.

— Дайте мне выпить! — в ярости сказал Тимеш.— И запомните: я пью, только когда хочу или когда мне очень нужно. И никогда не напиваюсь, сколько бы ни выпил!

Росмус налил рюмку виски и, глядя, как Тимеш жадно осушил ее, подумал: «Он говорит правду. Судя по тому, как он бледен, у него, наверное, пониженное кровяное давление, так что алкоголь ему полезен».

— Слушайте, Тимеш,— сказал он.— Я задержал вас, чтобы сказать, что машина завертелась и ее, очевидно, не остановишь. И чтобы сказать вам: сохраняйте выдержку! У меня вполне достоверные документы, вы им, конечно,

поверили, вот и все. Такую версию вы должны поддерживать, об остальном позабочусь я. Сперва из всего этого будет юридическая канитель, потом политическое дело. Вот тогда-то в конце концов мы и одержим верх, можете не сомневаться. Говоря «мы», я, разумеется, не имею в виду вас.

— Возможно,— сказал Тимеш и встал.

Он чувствовал, что к нему снова вернулось самообладание, а с ним и ощущение ясной перспективы. Разумеется, он будет придерживаться версии Росмуса, но это не значит, что он не попытается — каким образом, сейчас еще неясно — как-нибудь подорвать ее. Это надо сделать тонко, заметая следы, как лисица, чтобы Росмус не уличил его.

«Он и я поставили на разные карты,— думал Тимеш, идя к дверям, в прямоугольнике которых пейзаж был уже неподвижен.— Его карта будет бита, и тогда ему придется всерьез подумать, как спасти от меня свою шкуру. Не спасет! Революция не закончилась, у нас тут еще никого не повесили, а вешать будут. Итак, до свиданья, пан доктор инженер Росмус».

И, чувствуя себя будущим хозяином этого особняка, Тимеш спустился по широким ступеням террасы. Пегая кобыла нетерпеливо заржала, увидев его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Весть, что с границами между Грюном и Вршем происходит что-то неладное, не осталась в стенах кабинета Багара. Ему не удалось скрыть ее. Когда ему доложили о приезде Деймека и Брендла по срочному, не терпящему отлагательств делу, Багар в это время как раз обсуждал с Вашей Кроуликом меры, необходимые для того, чтобы обеспечить уборку урожая, оказавшегося под угрозой небывалой засухи. Неожиданное прибытие представителей МНК Поточной Багар невольно связал с заботами об уборке. Поэтому он пригласил Деймека и Брендла прямо в кабинет, не подумав, что, может быть, они приехали по делу, которое лучше обсуждать без Кроулика. Когда разговор начался, отделаться от заведующего сельскохозяйственным отделом, разумеется, было уже невозможно. И таким образом Росмус узнал эту свежую новость, едва Кроулик успел удалиться из кабинета Багара.

Багар, конечно, не сомневался, что Кроулик именно так и поступит, и был несколько обескуражен и этим, и всей

неожиданно всплывшей аферой. Совершенно несомненный факт присвоения государственных земель, как и задача изобличения и наказания виновных отнюдь не казались Багару такими простыми, как Деймеку. Брендл относительно серьезности дела держался того же мнения. Деймек требовал немедленных мер против Росмуса, а возможно, и против Тимеша. Багар опасался, что поспешность приведет к «стрельбе из пушек по воробьям» и в конце концов принесет больше вреда, чем пользы.

Правду, конечно, надо было выяснить, угодья вернуть законному владельцу, виноватых уличить и наказать. Но Багар помнил о горьком опыте с животноводческим кооперативом, виновники развала которого исчезли из-под носа и так и не были найдены. Он боялся, что вторая такая же неудача бросит тень на органы местного самоуправления, вызовет у жителей, подстрекаемых вражеской пропагандой, впечатление, что власти не умеют уберечь общественную собственность от расхищения. Более того: поскольку один из виновников был коммунист, люди могли подумать, что РНК ему помогает или, по крайней мере, выгораживает его. То обстоятельство, что к попытке присвоения государственных земель были причастны члены и других партий, тоже требовало не только быстрых, но и, прежде всего, обдуманных действий.

Поэтому Багар сделал при Кроулике вид, что все это дело кажется ему высосанным из пальца, и даже вслух усомнился в том, что такой предусмотрительный человек, как Росмус, мог пуститься на столь рискованную затею. В конце разговора он сказал тестю, что хочет поговорить с ним по семейным делам. Кроулику пришлось откланяться, Брендл вышел вместе с ним. Через несколько минут Багар вызвал Брендла обратно и объяснил ему и Деймеку, как лучше всего действовать. Им самим не следует ничего предпринимать, а подождать, пока он вызовет их или приедет к ним сам. Потом он проводил их к машине и отправился к Гальчику.

Брендл и Деймек хотели было идти с ним, но Багар отговорил их. Гальчик заболел три недели назад, в самый разгар сенокоса. У него был сердечный припадок. Врачи хомутовской больницы строго предписали ему на несколько недель полный покой. Они даже хотели послать его лечиться в Франтишковы Лазне, но Гальчик воспротивился этому и договорился с ними, что пролежит неделю в постели, еще неделю пробудет дома, а потом в течение трех недель будет ходить в районный комитет партии

только на четыре часа в день. Если за это время он не почувствует себя хуже, то можно будет перейти на полную нагрузку.

Багар нашел Гальчика в саду. Тот спал в шезлонге, поставленном в тени, под большим раскидистым орехом. Одна рука Гальчика свесилась, в другой, лежащей на коленях, была книга. Старушка мать сидела напротив в садовом кресле, за толстым стволом дерева, и вязала шерстяной пестрый свитер из нескольких клубков шерсти. Со спортплощадки долетали детские голоса, но они не мешали спящему.

Багар кивком головы поздоровался со старушкой. Она ответила легким вздохом, сделала сокрушенное лицо и хотела было уступить место гостю, но Багар положил руки ей на плечи и заставил сесть. Хотя вся эта маленькая сценка разыгралась в полной тишине, Гальчик, словно почувствовав, что около него что-то происходит, открыл глаза. Под ними у него все еще были темные круги, но лицо, прежде бледное, даже землистое, стало немного смуглее и чуть порозовело. Он разом выпрямился, как человек, которому стыдно, что его застали спящим в дневное время.

— А, это ты, Ирка! — сказал он радостно своим глухим голосом.— Как дела с уборкой урожая? Садись сюда, ко мне. Мама, будьте добры, сварите нам немного кофе.

Старушка сложила вязанье в корзинку, встала и возразила с укором:

— Сегодня ты уже пил кофе. Знаешь ведь, что доктора не велят тебе пить больше одной чашки в день.

— Сделаем исключение для гостя. Если вы будете препираться со мной, мне это повредит больше, чем чашка кофе.

— Видали, каков? — укоризненно сказала старушка.— Всякий раз он так, когда ему хочется чего-нибудь недозволенного.

— Может быть, все-таки не надо кофе? — пришел ей на помощь Багар.— Я, например, не хочу.

Гальчик вспыхнул, и его большая лысая голова покраснела.

— Только, пожалуйста, не делайте из меня большего инвалида, чем я есть. Я и сам хорошо знаю, что мне можно и чего нельзя.

Старушка повернулась и засеменила к дому, а Багар придвинул плетеное кресло к шезлонгу Гальчика. Садясь, он сказал:

— Марта согласилась бы с нами.

Между бровями у Гальчика появилась глубокая складка.

— Марта согласилась бы со мной,— сказал он.— Она всегда считала, что надо сделать работу, даже если тебе кажется, что это свыше твоих сил, и нельзя поддаваться слабости. Марта была коммунисткой, ты это хорошо знаешь.

Теперь покраснел Багар, и от этого его седые волосы стали еще заметнее.

— Она была бы недовольна, если бы кто-нибудь из нас сознательно губил свое здоровье,— сказал он, стараясь говорить тихо.

Гальчик с минуту помолчал, морща лоб и словно размышляя о правоте Багара, потом покачал головой и сказал вполголоса:

— Нет, Ирка, ты ошибаешься, намеренно я не гублю своего здоровья. Нас было двое, и я теперь стараюсь работать за двоих. Но и этого мало. Вспомни, сколько людей мы потеряли. Я не виноват, что у меня иногда не хватает сил. Но ведь у человека есть воля, и он не должен забывать о тех, кто помогает ему сохранять ее: это и живые товарищи, и те, кто пал в бою. Стало быть, и Марта.

Они замолчали. В кустах у забора запела горихвостка, со спортплощадки слышались голоса детей, хором твердивших считалку: «Мы обед сварили, мы на стол накрыли...» Багару показалось, что он различает звучный альт Гонзика Гальчика.

— Я ее любил,— глухо сказал Багар,— еще до того, как появился ты. Но я никогда не говорил ей о своем чувстве. Ни слова.

Гальчик кивнул.

— Марта знала. От женщины этого не скроешь. Я тоже знал.

Снова настала тишина, нарушаемая лишь птичьими и детскими голосами. Потом Гальчик спросил мягко:

— Ты рассказал об этом Здене?

Багар снова покраснел и ответил, покачав головой:

— Много раз собирался, но так и не сумел. Всякий раз мне казалось, что это было так давно и с тех пор столько воды утекло, что этого как бы и не было. Но когда Марты совсем не стало, я понял, какое это было сильное чувство.

— Расскажи об этом Здене. Жена и муж должны все знать друг о друге.— И почти без перехода Гальчик добавил другим тоном: — А теперь скажи, каков у нас урожай.

Багар разложил перед ним карту района, которую

всегда носил в портфеле, и оба они на минуту забыли обо всем окружающем. Карта была вся испещрена пометками Багара и разрисована цветными карандашами; даже отдельные владения были разделены на несколько по-разному заштрихованных участков.

— Что значит вся эта пестрятина? — удивился Гальчик.

Багар смутился, как мальчуган, который долго трудился над картинкой, а старшие подняли его на смех. Он стал объяснять значение разноцветной штриховки, цифр и пометок на карте. Говорил он с необычайным увлечением, отстаивая пользу своей карты и объясняя ее содержание. Гальчик внимательно слушал, потом улыбнулся.

— Ты прав,— сказал он.— Это и не глупо и не бесцельно. Если знать, что означают все эти цвета, то понятно, что виды на урожай в нашем районе как на ладони. А к чему вот эта косая штриховка?

Багар объяснил с еще большим увлечением:

— Там, где она того же цвета, что основной, это значит, что урожай оправдал ожидания. Красная штриховка — там, где урожай выше, чем мы ждали. Но таких участков, как видишь, мало и, судя по последним сводкам, их уже почти не прибавится. Косая штриховка простым карандашом означает, что мы сильно недобрали, а эта, самая густая,— что положение прямо катастрофическое.

— А зачем вот тут восклицательные знаки в кружке?

— Они означают, что в этих местах нет возможности убрать урожай собственными силами и там придется помогать — послать трудовые бригады или, если удастся, машины. Есть и такие селенья, где крестьяне вообще не хотят выходить в поле и говорят, что лучше всего было бы поджечь нивы. Больше ничего, мол, не остается делать, потому что колосья все равно пустые, а солома такая скверная, что не годится даже на подстилку скоту.

— И это верно?

— Почти. И все-таки мы должны сохранить каждое зернышко, даже самое мелкое, каждую соломинку, пусть самую тощую. Так что придется нам попотеть. В некоторых деревнях вообще не приходится ожидать сдачи по госпоставкам; неизвестно даже, хватит ли на собственные потребности. А как помешать, чтобы зимой не прирезали скот из-за нехватки кормов? А где посевное зерно на осень и весну? Слышал бы ты, что нашептывает крестьянам реакция! Притянула к своей игре даже господа бога: мол, все это божья кара за то, что вы поверили большевикам

и сдружились с таким безбожным государством, как Советский Союз. Не будь большевиков и наших пактов с Советами, Запад бы нам помог так же, как через ЮНРРА. Давно бы, мол, нам дали заем, посодействовали укреплению промышленности, и мы могли бы покупать все, что нам нужно. Надо только вернуть заводы прежним владельцам, и все опять будет в полном порядке. И вот крестьяне ходят и думают, кому же верить? Коммунисты помогли им получить землю, бедняки, гнувшие спину на чужом поле, сделались самостоятельными хозяевами, переселились из лачуг в хорошие дома. Почему же получается так нескладно: прежде они жили хуже собак, а сейчас, когда они наконец могли бы жить в полном достатке, им грозит бедой неурожай?

— Помню, Здена сказала однажды о советских людях: «Прежде вы были нашей надеждой, теперь вы наша сила» — или что-то в этом роде. По-твоему, разве что-нибудь сейчас изменилось? Разве Советский Союз забудет нас, бросит на произвол судьбы, допустит, чтобы мы пали, сделав несколько первых шагов? Было для нас, коммунистов, что-нибудь более надежное, чем Советский Союз? Разве может измениться что-нибудь теперь, когда мы так близки с советским народом и хотим сблизиться еще больше?

На скулах и под глазами у Гальчика проступили резко очерченные алые пятна, он задыхался, голос у него осип. Багар с тревогой смотрел на дрожащую руку товарища, закуривающего сигарету.

— Лучше бы тебе не курить,— несмело сказал он, но Гальчик отрицательно дернул головой.

— Не обращай внимания,— недовольно ответил он.— Я уже по горло сыт врачебным надзором и добрыми советами. Мне надо поскорее снова начать жить так, как я привык. Иначе я ни к чему не буду годен... Поставьте сюда, мама, и не беспокойтесь о нас. Мы сами справимся. Большое вам спасибо,— обратился Гальчик к матери, подошедшей в это время с подносом, на котором стояли кофейник и две объемистые чашки.

Багар быстро встал, взял у нее поднос, неуверенно огляделся и поставил его в конце концов на траву около своего кресла.

— Присмотрите за ним,— попросила старая Гальчикова.— Пусть не пьет слишком много. Тут американская бурда, настоящего кофе у нас немного.

Гальчик вздохнул, мать его повернулась и отошла

быстрыми, мелкими шажками. Багар налил в чашки жидкий кофе. Гальчик тотчас схватил одну из них и жадно выпил до половины. На его щеках появился румянец, на высоком крутом лбу и лысой голове даже выступил пот. Глаза Гальчика молодо блеснули. Казалось, ему стало легче дышать.

— Вижу, что ты относишься к урожаю серьезно, Ирка. Это правильно. Езди по деревням, говори с людьми. Где с ними не будем говорить и помогать им мы, действовать будут другие.

Гальчик вторым глотком допил кофе, вздохнул, потянулся за кофейником и, не обращая внимания на укоризненный взгляд Багара, налил себе еще чашку.

— Жаль, что приходится держать слово и сидеть дома. Я чувствую себя так хорошо, что хоть сейчас готов бежать вместе с тобой на работу.

— Что ты, тебе еще нельзя! — испуганно сказал Багар.

— Да, ездить мне нельзя, да я и не в силах,— мрачно согласился Гальчик.— Еще с неделю. Но как это говорится о горе и Магомете? Если не гора к Магомету, так он к ней придет. Пришли ко мне председателей МНК — коммунистов, я с ними тут побеседую, в саду, на это у меня, вероятно, сил хватит.

Багар взглянул на своего друга и прочел на его лице такое страстное желание опять работать вместе со всеми, что не нашел в себе решимости отказать. Пообещав Гальчику устроить такую встречу, он быстро перевел разговор на новость, которую привезли Деймек и Брендл.

— Просто невероятно! — сказал Гальчик, когда Багар закончил свой рассказ.— Неужели мы никогда не поймаем этого типа? Кооператив развален, а Росмусу хоть бы что! Предприняли вы что-нибудь против него за то, что он не сдавал положенной нормы молока и при этом торговал маслом из-под полы?

— Мы запломбировали у него все три сепаратора и каждые две недели проверяем удой, но с тех пор его коровы дают молока все меньше.

— Еще бы! Он не кормит их, как раньше кормил,— сказал Гальчик.— Ну, а дальше что?

— Назначили мы штраф, изрядный, можешь не сомневаться. Но он опротестовал наше постановление в высших инстанциях и до сих пор не заплатил ни гроша. Зато мы получаем кучу доносов чуть ли не на каждого крестьянина, который продал из-под полы масло или тайком зарезал свинью. На спекуляции Росмуса пан Кроулик смотрел

сквозь пальцы, а теперь хочет доказать, что незаконным убоем скота чаще всего занимаются крестьяне — члены коммунистической партии. Мы просили министерство юстиции отозвать чиновников, уличенных в незаконных махинациях с продуктами, но эти чиновники до сих пор торчат тут в роли уполномоченных министерства при районном суде. Им поручено отыскивать людей, пострадавших от необоснованных репрессий по «малому закону», и помогать им реабилитироваться. Только социал-демократы, маскировки ради, отозвали Мацака из РНК и назначили его секретарем одной из своих партийных организаций.

— Народ должен знать обо всем этом,— сказал Гальчик.

— Мы не молчим, можешь быть уверен. Но нужны бесспорные улики, а мы пока что пытаемся поймать угря голыми руками, стараемся показать людям правду, а наши противники подсовывают им вместо нее собственные вымыслы и прикидываются единственными поборниками свободы.

— Прежде чем взяться за Росмуса, надо поговорить с Тимешем. Мне просто не верится, что он может быть сообщником Росмуса. Позвони ему и скажи, что я прошу его срочно приехать ко мне.

Был поздний вечер, и потому Багару удалось сразу же, из квартиры Гальчика, дозвониться в Грюн. Ворчливый женский голос ответил: «Брата нет дома, не знаю, когда будет. Да, передам, как только вернется».

Тимеш появился в Кадани на следующий день утром. Он приехал на мотоцикле, простоволосый, как всегда, в автомобильных очках. Под легкой замшевой курткой белела рубашка с отложным воротником. Он явился к Багару, и тот, отложив всю работу, немедля отправился с ним к Гальчику.

Они нашли секретаря районного комитета коммунистической партии в садике; Гальчик опять полулежал в шезлонге, а рядом на расстеленном одеяле Гонзик и Каченка читали книги. Гальчик позвал их и кивнул, показав головой на дверь дома. Дети сразу же встали, но Каченка подошла к Багару, взяла его за руку и отвела в сторону.

— В чем дело, Каченка? — с улыбкой спросил Багар.

Девочка приложила палец к губам и предостерегающе указала глазами на других.

— Ш-ш! — шепнула она.— Это секрет. Я хочу тебя спросить, только чтобы никто не знал.

Багар мгновенно включился в игру и с таинственным видом сказал ей тоже шепотом:

— Никому ни слова. Говори.

Каченка заставила его нагнуться и сказала на ухо:

— Дядя Иржи, это правда, что у вас будет маленький?

— Почему ты так думаешь?

— Бабушка недавно говорила: «Когда у Багаров будет маленький». Я ее спрашиваю, откуда она знает и когда это будет, а она говорит, что если буду много знать, то скоро состарюсь и что всякому овощу свое время. Вечно у нее всякие такие прибаутки, и они меня страшно раздражают.

Багар был тронут и вместе с тем готов смеяться. Сдержавшись, он серьезно сказал таинственным шепотом, глядя прямо в большие глаза взволнованной Каченки:

— Маленький будет у нас осенью. Он придет к нам лакомиться грушами. Об остальном спроси тетю Здену, и никому ни слова.

Каченка так энергично замотала головой, что тонкие волосики ее разлетелись во все стороны. Протянув Багару ручонку, она сказала нетерпеливо:

— Я буду ходить к вам нянчить маленького. Ладно?

Багар торжественно пообещал. В этот момент послышался голос Гальчика:

— Каченка, не задерживай! У нас дела.

Девочка побежала домой, приложив руку к губам, словно стараясь удержать доверенную ей великую тайну и не проболтаться.

Багар вернулся к товарищам. Тимеш сидел в шезлонге, скрестив ноги в высоких черных сапогах. В одной руке у него была сигарета, другой он вертел на шнурке защитные очки. Его тонкие губы были крепко сжаты, бледное лицо выражало напускное безразличие, а взгляд все время блуждал по сторонам — Тимеш глядел то на листву деревьев у себя над головой, то на забор, покрытый вьющимися розами.

Гальчик сидел напротив Тимеша в плетеном кресле, опершись локтями на ручки, чуть наклонившись вперед и прижав ладони к груди. Его большая, тяжелая лысая голова опять напоминала старинное деревянное пушечное ядро, остановившееся на лету. Он указал Багару на другое плетеное кресло, стоящее рядом. Багар сел и сразу обратил внимание, что такое размещение не только соединяет его с Гальчиком и противопоставляет Тимешу, но имеет пре-

имущество и в том, что они возвышаются над низко сидящим собеседником и, хотя все расположились в тени дерева, видят его лицо, ярко освещенное солнцем, к которому Багар и Гальчик сидят спиной. Багару невольно вспомнились полицейские допросы, каким он не раз подвергался еще при первой республике, и гестаповские следователи. Он вздрогнул, и ему захотелось сесть иначе. «Не с умыслом ли так рассадил нас Гальчик?» — подумал он и передвинул кресло на середину между Гальчиком и Тимешем. Гальчик удивленно взглянул на него, но Багар закуривал сигарету, стараясь не встретиться с ним взглядом.

— Ты наверняка немного удивлен, что мы так срочно вызвали тебя,— обратился к Тимешу Гальчик.— Но, во-первых, я болен и не мог сам приехать к тебе, и потому, хоть я и знаю, что в госхозе сейчас много работы, пришлось вызвать тебя сюда. Во-вторых, есть несколько дел, о которых нам надо срочно поговорить с тобой. Я был бы очень доволен, если бы ты прежде всего уяснил себе, что это будет товарищеский партийный разговор, который всех нас как коммунистов ко многому обязывает.

— Понимаю, что вы не стали бы по пустякам отрывать меня от работы,— холодно отозвался Тимеш.

— Начнем с урожая,— вздохнув, сказал Гальчик.— Как у тебя дела?

Тимеш приподнял плечи и наклонился вперед.

— У нас, на плато, засухи не было, снег стаял поздно, сходил медленно, и вся влага впиталась в землю. Урожай будет не хуже, чем всегда, и я берусь утверждать, что даже богаче, потому что уход за полями был лучше, чем могли обеспечить прежние хозяева. Если тебе к тому времени полегчает, приезжай взглянуть, как мы будем убирать и молотить пшеницу. Пшеница на высоте девятисот метров над уровнем моря, понятно? Приезжай поглядеть!

Гальчик серьезно кивнул.

— Это нас радует. Мы знаем, что ты хорошо ведешь госхоз. Ты ведь занимался сельским хозяйством еще во время войны, не так ли? Видно, ты многому научился. А как с остальным, с кормами и прочим? Все успели убрать?

Тимеш презрительно выпятил нижнюю губу и сказал:

— В прошлом году справились, почему же в этом нет? Одни, без бригад. У нас зимой не будет никаких нехваток, не бойся.

— Говорят, вы такие работяги, что даже успели порабо-

тать за других? — медленно сказал Гальчик и пристально поглядел на Тимеша.

Тот засмеялся, словно услышав шутку.

— Вижу, что горная почта работает быстро и надежно,— ответил он.— Да, была такая ошибка, и я заслуживаю за нее нагоняя. Группа косарей на участках между Грюном и Вршем перепутала и скосила участок Росмуса.

— Странно, что местные жители могли так ошибиться,— отозвался Багар.

Тимеш пожал плечами и продолжал, обращаясь к Гальчику и даже не взглянув на Багара:

— Не знаю, что имеет в виду товарищ Багар. Люди, которым принадлежали сопредельные участки, были все выселены. Не удивительно, что произошла ошибка.

Наступила пауза. Гальчик, видимо, раздумывал над ответом Тимеша или же над тем, как лучше продолжать разговор. Из травы взлетел зяблик и запел свою песенку, рассыпая трели и щебеча.

«Эта сволочь Плешнер все-таки натрепался,— подумал Тимеш.— Когда я был у него, он от всего отперся и клялся, что никому не сказал ни слова. Но откуда же мог узнать об этом Гальчик? Хотел бы я знать, что им известно. Если они уже говорили с Росмусом, зря я тут валяю дурака».

Гальчик наконец снова поднял голову и в упор поглядел на Тимеша.

— Хочу еще раз напомнить тебе, что это товарищеский разговор. Отвечай нам, помня, что у нас общая цель и один путь и что для нас выше всего интересы партии и рабочего класса. Нам стало известно, что возникла какая-то неясность в вопросе о границах угодий между Грюном и имением Врш. Ты можешь сам сказать, откуда все это пошло?

Тимеш плотно сжал губы, как человек, делающий глубокий вдох перед прыжком в воду.

— Видимо, из-за того, что установлением точных границ госхоза мы занялись всерьез только в этом году и столкнулись при этом с претензиями Росмуса. Вот почему мои люди и ошиблись на сенокосе.

Гальчик и Багар задумались над этим ответом. Со спортплощадки доносились крики детей, из дома через открытые окна слышался тонкий голосок Каченки, она пела колыбельную своей кукле. Песенка отвлекла Багара, и он невольно на мгновение вспомнил Здену. Каченка, видимо, готовилась быть хорошей нянькой их ребенку.

— На каком основании Росмус предъявил претензии на спорные угодья? — спросил Гальчик.

— Он представил мне кадастровую карту своих владений.

— Карту какого года?

Тимеш скривил стиснутые губы. Что это, если не допрос? Но он удержался от резкого ответа. Его положение было не таково, чтобы давать отпор или отвечать грубостью.

— Кажется, времен протектората... то есть оккупации, но подтвержденная каданьским переселенческим бюро.

— А как выглядит кадастровая карта Грюна? — вмешался Багар.

«Все-таки они глупее, чем я предполагал,— с облегчением подумал Тимеш.— У Росмуса есть чему поучиться. У него и всей его компании. Ничего не скажешь, все они прожженные дельцы».

— Карта Грюна соответствует той, которую мне предъявил Росмус. Я, конечно, прежде всего отправился в переселенческое бюро. Оказалось, что Росмус прав, ничего не поделаешь. Впрочем, могу показать вам эту карту. Она у меня в сумке, на мотоцикле.

Гальчик кивнул, и Тимеш встал с юношеской гибкостью. Калитка, где он оставил мотоцикл, была с другой стороны дома. Багар глядел вслед Тимешу, пока тот не исчез из виду, потом сказал вполголоса:

— Интересно, всегда он возит ее с собой или приготовился к встрече с нами?

Гальчик отрицательно покачал головой.

— Не делай преждевременных выводов, разговор еще не кончен.

— А как же моя кадастровая карта? — продолжал Багар.— Я получил ее в сорок шестом году сразу после выборов. Тогда в переселенческом бюро еще не было Яноуха-младшего.

— Яноуха-младшего? А ну-ка, вынь свою карту. Посмотрим.

Тимеш вернулся, разложил карту на траве, и все трое наклонились над ней. Тимеш провел пальцем по ломаной линии и сказал:

— Вот граница между Грюном и Вршем. Но не знаю, что это вам даст. Сравнить-то ведь не с чем.

— Найдется,— отозвался Багар и положил сверху свою карту, размеченную цветными карандашами.— Правда, это карта всего района, но и при разных масштабах мы увидим, одинаково ли выглядит граница. Вот Грюн, а вот Врш. Что ты скажешь?

С первого же взгляда было видно, что граница между

двумя этими владениями имеет другие очертания, чем на карте Тимеша.

— Не понимаю,— медленно произнес Тимеш, с трудом скрывая, насколько он ошеломлен этим неожиданным для него сопоставлением.— Откуда у тебя эта карта?

— Она, очевидно, изготовлена совместно землемерным и переселенческим бюро для нужд РНК,— ответил Багар.— Надо полагать, что в ней соблюдена максимальная точность. По крайней мере, до сих пор я не обнаруживал в ней никаких неправильностей.

Тимеш выпрямился и беспомощно развел руками.

— Что же это значит, товарищи? Объясните. Тут какой-то обман или что? Не может же переселенческое бюро провести одну и ту же границу то так, то этак.

Багар и Гальчик одновременно пожали плечами, показывая, что и они не понимают, в чем дело.

— А у тебя не возникли сомнения, когда Росмус предъявил тебе свои претензии? — спросил Гальчик, откидываясь в кресле так резко, что скрипнули прутья, и, прищурясь, пристально поглядел на Тимеша.

— Конечно, возникли,— ответил тот возмущенным тоном человека, обнаружившего, что его доверием злоупотребили и вели с ним нечестную игру.— Старая кадастровая карта пропала, и я не смог ее найти, но никаких расхождений или споров насчет границы не было ни с кем, кроме Росмуса. Разумеется, я поспешил заглянуть в земельные книги и в документацию переселенческого бюро. И вот видите, с каким результатом.

— Оставь-ка ты мне свою карту,— сказал Багар.— Она может нам пригодиться. Границы владений Грюна ты теперь, наверное, и так знаешь наизусть, а если тебе все-таки понадобится карта, я ее тотчас пришлю.

Тимеш поколебался всего какую-нибудь долю секунды, потом сказал с необычным для него дружелюбием:

— Конечно, возьми. Может быть, вы сумеете выяснить то, в чем не смог разобраться я.

— Еще минутку, товарищ Тимеш,— сказал Гальчик.— Ты сообщил в управление госхозов о претензии Росмуса?

— За кого ты меня принимаешь, товарищ Гальчик? — Тимеш самоуверенно выпрямился.— Это было первое, что я сделал. Я послал им копию этой карты, чтобы они знали, как выглядит сейчас граница Грюна. Ответа до сих пор нет.

Вдали давно замолк треск мотоцикла Тимеша, в садике опять взяли верх другие, более спокойные звуки, а Гальчик и Багар все еще сидели и молча размышляли.

— Ты уверен, что здесь подлог? — спросил наконец Багар.

— Да. Только роль Тимеша мне не ясна. Подробней надо было его допросить. Почему он не обратился к нам, когда Плешнер сказал ему об ошибке косарей, которую и сам Тимеш сейчас называет ошибкой, а тогда он, наоборот, доказывал Плешнеру, что все в порядке... Так ли подобает поступать честному коммунисту? Может быть, дело только в том, что бывший офицер и прислужник буржуазии до сих пор сильнее в нем, чем новый гражданин и коммунист. Не знаю. Не уверен. Не хочу его судить, но и не могу ему полностью верить. Сейчас я чувствую к нему даже больше недоверия, чем прежде. Знаю, что нельзя примешивать к оценке товарищей свои личные симпатии и антипатии, но здесь дело в фактах, которые начинают накапливаться, хотя мы еще не можем разобраться в них как следует. Может быть, Тимеш действовал по старинке: господа между собой сами разберутся, а посторонним соваться незачем. На чем, собственно, ты его поймал? У него карта, в которой все соответствует утверждениям Росмуса. Он доложил своему управлению, и точка. Вот и решай вопрос: действовал ли он как соучастник, как человек, который с самого начала знал, что требуется Росмусу, или только легкомысленно, без борьбы примирился с тем, чему должен был как коммунист и честный человек противиться всеми силами? Кто он — враг в наших рядах или человек, которому надо уделить больше товарищеского внимания? Как видишь, перед нами немало вопросов, но, возможно, все они выяснятся, если нам удастся уличить Росмуса.

— Расхождение в картах должно бы нам помочь,— задумчиво сказал Багар.— Не может же переселенческое бюро дать один раз одно и в другой раз иное размежевание участков. Тимеш и Росмус получили свои карты после того, как Яноух-младший стал работать в здешнем переселенческом бюро. Они изготовлены на год позже моей. Не попытаться ли выяснить дело, исходя из этого?

— Это можно сделать немедля,— согласился Гальчик.— Пойди позвони в переселенческое бюро. Если Яноух там, сразу же отправляйся к нему. Возьми с собой Календу. Только не говори Яноуху по телефону, в чем дело.

Но Яноуха-младшего на месте не оказалось, он уехал по служебным делам в Прагу, и его ожидали только в понедельник.

— Подождем,— решил Гальчик.— Нельзя делать

обыск в его отсутствие. Во-первых, мы можем не найти того, что ищем. Представляешь себе, какой тогда поднимется шум? Коммунисты, мол, не только попирают гражданские свободы, но и самоуправствуют в государственном аппарате, который создавали сообща с другими партиями. А главное, мы их спугнем и подскажем, на чем собираемся поймать. Я знаю, что у тебя руки чешутся, Ирка, тебе хотелось бы немедля взять их с поличным. Но выдержка всегда была сильнейшим нашим оружием, так это и останется. Сколько лет мы умели ждать, выждем еще несколько дней. Тем убедительнее будут результаты. Судя по тому, что они вытворяют, ясно, как мы их прижали. Крупных капиталов они лишились и пытаются теперь создать плацдарм для наступления на нас хотя бы с тем, что у них осталось. Это тоже немало. Если оставить их в покое, если бы на каждом участке, который они еще держат в своих руках, им не противостояло единство рабочего класса и решающее большинство трудового крестьянства не начало понимать правду, ты бы увидел, как они расправились бы с нами! Наша борьба против Росмуса, Пюхлера, Яноуха — это лишь участки общей битвы, которая идет по всей стране.

Сейчас, пока я не работаю, я часто задумываюсь над этим. Сижу тут, в садике, кругом тишина, только дети иногда закричат да птица запоет; воробьи чирикают, промчится с грохотом автомобиль, а в двух шагах от меня постукивают мамины спицы. Говорят, что тишина и спокойствие целительны, а меня гложет тоска, хочется вскочить и идти в одной шеренге со всеми вами, пробиваться вперед. Разве я вправе отдыхать здесь в бездействии, когда все снова поставлено на карту, когда решается будущее нашего народа? Так меня захватывают эти мысли, что даже читать не могу. Сижу, закрыв глаза, и вижу все перед собой, словно смотрю какой-то кинофильм.

Это бой, Ирка, говорю тебе, это бой, тот самый, о котором поется в «Интернационале». Разберись хорошенько, из какого оружия они в нас бьют, какого оно калибра, чтобы мы не только успевали отвечать им, но и подавили огонь и полностью разбили их. Они лгут, что мы уже достигли социализма и что в данных условиях будет опасно продвигаться дальше. Они утверждают, что мы нарушаем законы, когда на каком-нибудь еще не национализированном предприятии рабочие выступают против возврата его в частные руки и требуют национализации. Наши враги призывают к соревнованию между государственным и частнохозяй-

ственным секторами, цепляются за каждую не национализированную пока фабрику, ищут полноправных владельцев, обращаются в суд за помощью против рабочих. С этой же целью они отстаивают всякого из своих бывших чиновников, кто был их верным холопом, даже коллаборационистов, рассчитывая, что те, заняв посты в национализированной промышленности, помогут доказать, что национализация — это вздор, вредный для нашей экономики. Вот почему министерство юстиции под личным руководством министра начало кампанию за амнистию тех, кто сотрудничал с оккупантами: среди этих подонков они надеются найти наиболее преданных слуг. Вот почему, стремясь сбить народ с толку, они ведут клеветническую кампанию против переселенцев в Пограничье, стараются россказнями об украденных коврах, трюмо и пружинных матрацах прикрыть хищения на предприятиях и свои замыслы захвата заводов и имений. Они привлекают к суду всякого, кто присвоит перину, не зарегистрировав ее в Фонде национального восстановления, но изо всех сил помогают тому, кто готовится украсть фабрику. Вот каковы дела, Ирка, и нам нужно не только быть начеку, но и разоблачать их подлую игру, показывать народу правду. Только таким путем мы добьемся победы.

Гальчик говорил со все нарастающей силой и горячностью. Багар озабоченно глядел на него, хотел прервать, но не смог. Голова Гальчика покраснела так, словно в ней горел огонь, он живо жестикулировал, что раньше ему не было свойственно. Его речь прервалась кашлем, потрясшим все его мощное тело. На лбу у него выступили крупные капли пота и, быстро соединяясь в струйки, потекли по лицу. Багар встал и подошел к товарищу, но Гальчик замахал на него руками.

— Сигарету! — хрипло попросил он.

— Сейчас тебе не надо бы...— начал озабоченно Багар.

— Сигарету, скорее!

Гальчик с жадностью глубоко вдохнул табачный дым, который сразу успокоил его. Только руки Гальчика неудержимо дрожали. Охваченный жалостью и грустью, Багар глядел на товарища. «Надо будет поговорить с ним,— думал он.— Не теперь, сейчас неподходящий момент, но поговорить придется. Напомню ему о партийной дисциплине... да, так ему и скажу! Он не имеет права губить свое здоровье, он отвечает не только перед самим собой. У него дети, партия вправе требовать, чтобы он берег себя. Мы

просто не можем позволить, чтобы он лишил нас такого способного работника. И без него мы потеряли многих».

Гальчик чувствовал, что Багар не сводит с него глаз, и старался не встречаться с ним взглядом. Он упорно смотрел на струйку табачного дыма, которая медленно рассеивалась в неподвижном жарком воздухе, и говорил глуховатым голосом, словно обращаясь к ветвям дерева у себя над головой:

— Мне не дает покоя мысль о Тимеше. Надо выяснить, что он собой представляет. Съезди в Прагу, побывай в Секретариате партии у товарища, давшего ему рекомендацию, расскажи, что у нас произошло. Я не сомневаюсь, что Росмус хочет присвоить государственную землю, а Тимеш вел себя не так, как подобает настоящему партийцу.

Багар согласился и сказал, что не мешает зайти также в управление государственных хозяйств и узнать, как там отнеслись к сообщению Тимеша о том, что земельная площадь госхоза сократилась в пользу частного лица. Знают ли они вообще об этом и какие выводы сделает из него управление?

У Багара были еще дела в краевом национальном комитете, поэтому он выехал на следующий день из Кадани в девять утра, назначив на время своего отсутствия заместителя, так как предполагал задержаться в Праге, самое меньшее, до середины следующего дня.

Прага была раскалена, ее мостовые и стены, в течение нескольких месяцев нещадно палимые солнцем, дышали зноем. Горячий воздух дрожал над крышами домов и ленивой гладью Влтавы. Улицы казались пустыми, пешеходы плелись только по теневой стороне, редкая побуревшая листва лип на набережной походила на стаи усталых перелетных птиц. Жестокое лето опустошило кроны лип и на Вацлавской площади; они выглядели так, словно был конец октября. Прозрачное, нестерпимо синее небо без единого облачка раскинулось над городом. Время от времени ветер, возникавший от токов воздуха над различно нагретыми местами, вздымал пыль с тротуаров и мостовой и гнал ее по улице, но через минуту ослабевал, угасал на перекрестках и бесследно пропадал, оставив после себя душную тучу пыли. Город, образ которого Багар всегда с любовью носил в сердце, на этот раз произвел на него гнетущее впечатление. И ему вспомнилось Пограничье, где на плато никогда не унимается ветер, где растут тенистые темные хвойные рощи, а луга сохранили свою зелень, несмотря на небывало знойное лето.

На стоянке автомобилей около Прашной браны он вышел из машины. Жаркий сухой воздух повеял на него с такой силой, что он весь облился потом. В тени, на тротуаре, закурив сигарету, он стал обдумывать то, что скажет в ЦК товарищу, когда-то рекомендовавшему Тимеша в партию. Обведя взглядом вереницу автомобилей, стоящих у обочины, Багар вдруг заметил номерной знак Каданьского района и тотчас узнал машину Тимеша.

«Что ты на это скажешь? — спросил он себя и тотчас ответил: — Тимеш поспешил в Прагу, чтобы по-своему преподнести все дело в решающей инстанции». Багар усмехнулся. Он не сомневался, что Тимеша отчитают так, как его, наверное, еще в жизни не отчитывали. Но одновременно Багар почувствовал досаду: в нем заговорил старый партийный работник, привыкший к суровой партийной дисциплине, прошедший долгую борьбу за чистоту и боеспособность партии, за принципиальность и непреклонность коммуниста.

«Накипь! — подумал Багар.— Трудно будет извлечь из них доброе зерно... Э-э, нет, Ирка,— тут же сказал он себе,— не годится так рассуждать. Надо учить их, как наши предшественники учили нас. Учить думать не о себе, а прежде всего о других. Тимеш, видимо, обдумав всю эту историю, испугался и решил откровенно поговорить и посоветоваться с тем, кому он больше всего доверяет. Вот как обстоит дело». И все же Багару трудно было бы ответить на вопрос — он и не пытался его сформулировать,— почему же в таком случае он сам снова сел в машину и отвел ее на другую стоянку, двумя кварталами дальше, после чего направился к зданию ЦК.

Может быть, он встретит Тимеша у товарища, к которому идет? Это было бы лучше всего, потому что помогло бы быстро выяснить положение. Но какая же подспудная мысль побудила Багара решить, что, если они там не встретятся, лучше, чтобы Тимеш не видел его машины около ЦК? На этот вопрос Багар пока что не искал ответа. Тимеша он не встретил, а когда через два часа, полтора из которых ушло на ожидание, потому что руководящего товарища будто бы как раз вызвали на совещание, Багар вернулся на стоянку, машины Тимеша там уже не было.

Багар сел за руль, оставив дверцу машины открытой, закурил и стал размышлять о только что состоявшемся разговоре. Он был недоволен, но тщетно пытался понять причину. Нельзя сказать, чтобы товарищ, который его принял и выслушал — тот самый, что рекомендовал Тиме-

ша в партию,— был неприветлив с Багаром. Товарищ, правда, был несловоохотлив и хмур, но ведь всем известно, что он такой всегда. Он внимательно выслушал Багара, делая заметки в блокноте и лишь изредка прерывая вопросом. Когда Багар переставал говорить, руководящий товарищ молча ждал продолжения. Вопросы же, которые он задавал, как показалось Багару, больше относились к Росмусу, чем к Тимешу. Под конец разговора он все же высказался чуть подробнее, резюмируя все сказанное, и заключил рядом указаний. Говорил он приглушенным, слегка хрипловатым голосом, не поднимая глаз от блокнота.

— Особый случай, но что тут удивительного? Мы уже встречались с подобными историями. И все же я думаю, что вы пришли ко мне несколько преждевременно, не выяснив всего, что нужно. Ну, не беда. По крайней мере, я могу дать вам совет: действуйте как можно осторожнее. Этот Росмус, ты говоришь, родственник министра юстиции? Немаловажное обстоятельство. Для нас родство и личные отношения никогда не имели и не будут иметь значения, а вот они готовы всячески продвигать родственников, но наряду с этим могут перегрызть друг другу горло. Этих трех чиновников они послали к вам только затем, чтобы помочь прикрывать проделки Росмуса. Они действуют подобными способами не только у вас, но и в других местах. Словом, они пытаются создать собственную полицию и ограничить деятельность КНБ. Все это следует учитывать и помнить. Мы добиваемся, чтобы этих трех типов отозвали из Каданьского района, как уличенных в спекуляции продовольствием. Как видишь, мы ничего не упускаем из виду. Но пока мы добились лишь того, что они потребовали снять товарища Календу за систематическое превышение своих полномочий. Все не так просто, как кажется вам в отдаленном Пограничье. Мы хотим сохранить единство Национального фронта и требуем, чтобы все его участники выполняли совместные обязательства; они, наоборот, стараются выполнять свои обязательства как можно хуже. Мы должны разоблачать их, но лишь на подлинных убедительных фактах, и не имеем права делать промахи. Какой вывод следует сделать вам из того случая, с которым ты ко мне приехал? Максимальная осмотрительность и осторожность! Представляешь себе, как обрадуются наши враги, если притязания Росмуса окажутся законными? Могу тебя заверить, что по этому поводу немедля соберется кабинет министров и появится еще один пункт для разногласий, а нашим врагам это только на руку. Свое расследование вы

проведите как можно незаметнее, а что касается Тимеша, учтите, что имеете дело с человеком, не привыкшим пока мыслить, как старые партийцы. Мы все же не перестанем за ним присматривать, а если ты узнаешь о нем что-нибудь новое, немедленно сообщи мне. Гальчику передай привет и скажи, чтобы он хорошенько берег свое здоровье. Этого от него требует партия. Мы не можем позволить себе преждевременно терять таких людей, как он.

Багар все время вспоминал эти заключительные слова, которые тронули его, отвечая его собственным чувствам. Он напрасно пытался вместе с тем разобраться полностью в том, что услышал. Ему все казалось, что он — сельский учитель, удостоившийся аудиенции у высокопоставленного чиновника министерства просвещения и выслушавший от него поучение об истинном смысле призвания педагога, поучение, которое может произвести глубочайшее впечатление и которое с таким же успехом можно пропустить мимо ушей, потому что оно бесполезно в повседневной борьбе. «Хотел он меня поразить, что ли? — спрашивал себя Багар.— Разве я хуже его знаю, что замышляют против нас враги и что они сейчас вытворяют? Разве я не сталкиваюсь с их кознями каждый день?» Какую странную смесь противоречивых утверждений, указаний и приказов выслушал Багар, одновременно соглашаясь и не соглашаясь с ними. И он протестовал против них тут же, на месте!

«Поспорили мы или нет?» — размышлял Багар. Но его собеседник был так скуп на слова, что трудно было назвать это спором.

— Хорошенько обдумайте все это там, у себя, товарищи,— сказал он на прощанье.— Учтите, что неудача в таком серьезном деле была бы равносильна нарушению партийной дисциплины, она нанесла бы большой ущерб делу партии сейчас, в критические дни ее напряженнейшей борьбы с врагами.

«Запугивал он меня, что ли? — продолжал думать Багар.— Но зачем? Ведь и ему должно быть ясно, что, если мы уличим Росмуса в присвоении государственных земель, это будет выигранная стычка, немаловажная даже в общегосударственном масштабе».

Багар сидел размышляя, и ему становилось все яснее, как мало помог ему разговор в ЦК, и, наоборот, сбил его с толку, и вызвал чувство неуверенности. «А может быть, в самом деле у меня местнический подход, я смотрю на вещи со своей колокольни и из-за деревьев на лужайках

Грюна и Врша не вижу лес интересов всего трудового народа?»

«А ведь это все-таки явный оппортунизм! — думал он о некоторых фразах руководящего товарища.— А другие, наоборот, звучат, как слова ответственного партийного руководителя. Ну, за впечатления я не отвечаю,— решил наконец Багар.— Не знаю, удастся ли мне дословно передать Гальчику все, что я здесь услышал. Скорее всего я смогу только пересказать слышанное. Но главным остается указание, которое я получил. Мы должны им руководствоваться, а значит, надо действовать осторожно, чтобы не нанести ущерба интересам партии. Но разве мы когда-нибудь действовали иначе?»

Неудовлетворенный и даже расстроенный, Багар все-таки уезжал с уверенностью, что они с Гальчиком с самого начала правильно определили свою линию и что не только у них в Каданьском районе, но и по всей стране отношения в Национальном фронте обостряются и противники укрепляют свои исходные позиции, готовя наступление на национализацию и завоевания демократической революции.

Визит в управление госхозов тоже был не слишком утешителен. Чиновник, принявший Багара, сначала попытался разговаривать с ним свысока и притвориться, что он очень занят. «Черт знает откуда берутся такие люди именно на том участке, которым руководим мы! — подумал Багар.— Ручаюсь, что этот тип прежде был управляющим в имении какого-нибудь помещика или банковского воротилы». Манеры чиновника, вначале надменные, стали вкрадчивыми, когда он почувствовал, что из-за этого посетителя можно нажить себе неприятности. Багару пришлось заявить, что, в конце концов, он может обратиться лично к товарищу министру,— только тогда чиновник «вспомнил», что какое-то письмо относительно границы между землями Грюна и Врша было получено... Даже, собственно, два письма.

— Одно было от районного национального комитета,— сказал Багар.

— Да, да, товарищ,— живо согласился чиновник.— А другое нам прислал грюнский управляющий Тимеш. Могу заверить тебя, уважаемый товарищ, что все в полном порядке и мы немедля взялись за расследование этого дела.

От обращения «товарищ», да еще «уважаемый», Багар почувствовал себя так, словно ему провели железной скребницей по спине.

— Тимеш был здесь? — спросил он резко.

— Нет... то есть да,— неуверенно и потому особенно угодливо ответил чиновник.— Товарищ Тимеш — один из наших лучших управляющих госхозами. Было бы просто невероятно, чтобы он пренебрег таким важным делом.

«Стало быть, Тимеш побывал всюду, чтобы обезопасить себя,— подумал Багар.— А может быть, это действительно честное стремление привести в порядок дело, которому он вначале не уделил должного внимания?»

— Разумеется, мы всячески приветствуем вашу помощь там, на месте,— заверил Багара в заключение чиновник.— Но, по-моему, вы напрасно себя утруждаете. У нас таких случаев бывает немало, и мы совместно с переселенческим управлением решаем их, так сказать, в текущем порядке.

«Итак,— думал Багар,— в конечном счете оказывается, я зря ездил в Прагу: более авторитетные лица уже взяли дело в свои руки. Но, господа, мы не перестанем интересоваться тем, куда вы, собственно, гнете».

Пока Багар сидел за рулем машины и думал, как лучше использовать оставшееся время, в Поточной Вацлав Брендл и его жена Юлия готовились в первый раз купать дома новорожденную дочку. Брендл хотел было назвать девочку Юлией, но жена решительно воспротивилась, бессознательно уступив суеверию, что первого ребенка нельзя называть именами родителей. Тогда отец, такой любитель истории, предложил имя Дагмар, сам не сознавая, что осуществляет этим именем свою детскую мечту, и оно было принято.

Первое купание Дагмар в домике, которому предстояло стать домом ее детства, где как бы таились все ее грядущие радости и огорчения — первая улыбка, первые звуки, первое слово, первые шаги, игры и мечты,— готово было превратиться в небольшое семейное торжество, так как Юлию и ее дочь пришли навестить Здена с матерью, Анча и Марихен Пальме, которая, несмотря ни на какие уговоры, объявила, что будет после работы каждый вечер заходить на час или два к Брендлам и помогать Юлии по хозяйству.

Среди стольких женщин Вацлав Брендл чувствовал себя как потерянный: его помощь отвергли, а мамаша Деймекова и Антошова, кроме того, подпускали шпильки, которые он, правда, сносил со свойственным ему добродушием, но все же в конце концов предпочел уйти в садик перед домом. Как раз в это время проходили мимо Мареш и Пальме, гнавшие своих коров, чтобы попасти их вечером

на лужайке у реки, где когда-то была поймана и обезврежена нацистка Эльза Магер. Брендл, окликнув Мареша и Пальме, присоединился к ним.

Все трое уселись на траве, и Брендл быстро убедился, что, не умея парировать шпильки и шуточки, он попал из огня да в полымя. У него не было практики в том дружеском состязании, которое возникает всюду, где труд объединяет людей и они бодрящей шуткой стремятся оживить короткие передышки. Но хотя Брендл пасовал перед шуточками, он оценил их искреннее дружелюбие. Прежний отшельник не отличался угрюмостью. В молодости ему грезилась любовь и дружба, и теперь, когда его мечты сбылись с такой полнотой и стали неотделимой, повседневной частью его жизни, он не только радовался, но иногда даже опасался, что вдруг он проснется в другой обстановке, которая покажет ему, что столько счастья не суждено одному стареющему человеку.

— Ну, папаша,— приветствовал его Лойзик Мареш,— как идет у тебя стирка пеленок?

— Пока у меня не было возможности поупражняться в этом деле,— с непоколебимой серьезностью ответил Брендл.— Но я не намерен уклоняться от своих обязанностей.

— Слышишь, Ганс? — захохотал удовлетворенный Лойзик.— На него свалились отцовские обязанности! Погоди, погоняет тебя Юлинька то за кашкой, то за водичкой для доченьки, то за соской да за пеленками, то сполоснуть бутылку, то взвесить малышку после кормления. Тогда с тебя эта блажь соскочит и ты взбунтуешься, как всякий мужчина.

— Я не собираюсь бунтовать,— ответил Брендл, подняв указательный палец.— Юлинька — человек служащий, как и я. На мне лежит равная доля домашних хлопот в той мере, в какой я к ним способен.

— Глашатаи таких взглядов когда-нибудь погубят род мужской,— ехидно хихикнул Лойзик.— Представляю себе, как я дома штопаю чулки, сажаю детей на горшочек и стою у плиты, а тем временем моя половина бегает по собраниям.

— Ты предрекаешь возврат матриархата,— улыбнувшись, сказал Пальме, старательно выговаривая чешские слова.

— Именно так, если это означает бабью власть,— сказал Лойзик Мареш с унылой миной распорядителя на похоронах.— Ты только взгляни, что творится нынче во-

круг. Брендл, ты продал мужское первородство за прекрасные глаза Юлии!

Брендл смущенно замигал за толстыми стеклами очков и ответил мягко:

— Боюсь, что в моем лице многие находят объект для насмешек. Людей моего возраста называли в Праге «старым хреном». А здесь этот старый хрен женился да вдобавок стал отцом. Несомненно, многие смеются надо мной, но я заявляю, что мне это безразлично и что я счастлив.

— Вот в том-то и дело,— укоризненно сказал Мареш.— Когда ты заговорил, я беспокоился, какой ты сделаешь вывод. Мой папаша, например, в пятьдесят лет стал сразу и отцом и дедушкой, причем отцом — в пятый раз. Это как раз был я. После меня родился еще один братишка, ему сейчас за двадцать, а папаша с мамашей все еще живут на белом свете.

И Мареш постучал по палке, которую держал на коленях. Друзья смолкли. Они сидели, опершись о придорожную насыпь, и поглядывали на коров, которые ушли к реке и паслись там, где трава была посочнее.

Легкие девические шаги послышались над головами друзей. Они обернулись. Над ними стояла Марихен, разрумянившаяся, запыхавшаяся от бега. Ее ясные голубые глаза выражали не то изумление, не то испуг. Брендл по-юношески резво вскочил, но не успел еще спросить, в чем дело, как Марихен заговорила сама.

— Папа! — воскликнула она по-немецки.— Нет воды!

Мареш в мгновение ока был на ногах, Пальме с трудом встал.

— Что ты такое говоришь? — воскликнул Мареш.— Где нет воды?

— В водопроводе,— сказала Марихен, старательно выговаривая по слогам длинное слово.— Нет ни капли. Шипит, а не течет.

— Что бы это значило? — обратился Лойзик к Пальме.— Где-нибудь лопнула труба или вода иссякла из-за жары?

— Не представляю себе,— медленно ответил тот.— Наш водопровод старше меня, и за всю мою жизнь не случалось ничего подобного.

— Не в чем будет купать Дагмар! — произнес Брендл безутешным тоном.

— Товарищ Деймекова пошла за водой к своему колодцу,— сказала Марихен.— У нас в колодце тоже есть вода.

— Верно, девочка,— заметил Лойзик Мареш.— Вода в колодцах нас выручит. Но ее хватит только на варку и стирку, да и то неизвестно, надолго ли. А как быть с фабрикой?

— Товарищи Здена и Анча пошли узнать, есть ли вода у соседей,— сказала Марихен.

Здена и Анча как раз возвращались от соседей, мужчины встретились с ними у ворот домика Брендла. Лица у женщин были серьезные; Анча, казалось, готова была расплакаться. Она не совсем еще пришла в себя после болезни Андулки.

— Всюду одно и то же,— объявила Здена.— Водопровод не действует.

— Пойдем узнаем, как дела на фабрике,— предложил Мареш. Он и Пальме отправились туда, но Брендл колебался. Завидев Деймекову, которая шла с полными ведрами, он поспешил ей навстречу.

— Товарищ Мария,— попросил он,— ты поможешь Юлии? Мне нужно пойти посмотреть, что делается на фабрике.

— Иди, иди,— сказала Мария.— От мужчин в таких делах все равно никакого проку, только мешают. Деймек ждет вас перед нашим домом.

Антошова осталась с Марией у Юлии, а Здена присоединилась к мужчинам.

— Этого еще нам не хватало! — сказал ей Деймек.— Сперва люди хотели уезжать отсюда из-за плохого снабжения, потом из-за дифтерита, а теперь наверняка разбегутся, чтобы не умереть от жажды, а может быть, и от голода.

— Ты, папаша, пророчествуешь почище слепого юноши,— сказал Лойзик.

— Как-нибудь да сумеем мы обеспечить воду,— объявила Здена.

— Еще бы! — усмехнулся Деймек.— Вызовем пророка Моисея, пусть ударит о скалу своим посохом.

На фабрике они зашли в кабинет Трнца. Народный управляющий тоже успел убедиться, что водопровод не работает, и, не ожидая никого, послал Кроне за смотрителем местной водокачки, немцем по имени Бойтель, хилым семидесятилетним стариком с пожелтевшей бородой и больными глазами, не выселенным только потому, что он был единственным специалистом по водопроводу. Сейчас он, дрожа от страха, стоял перед Трнцом, восседавшим за громадным письменным столом.

— Вот он, олух, поглядите на него, уважаемые предста-

вители фабкома и МНК,— язвительно обратился Трнец к Деймеку и Брендлу.— Видел, что вода у него на исходе, и никому не сказал. Предупреди он нас заранее, мы могли бы ограничить потребление. А теперь мы совсем без воды. Ни капли! Говорю вам: это проклятый вредитель и его надо немедля посадить за решетку.

— Я бы не сажал так с маху,— рассудительно сказал Деймек.— Посадить всегда успеем.

Бойтель и его жена жили в домике при водокачке на косогоре над фабрикой. Жители Поточной иногда видели, как молчаливая старуха с замкнутым лицом идет за покупками, а о муже ее почти совсем забыли. Он вообще не покидал обнесенного забором участка водокачки; единственный, кто его иногда навещал, был престарелый привратник текстильной фабрики Вилли Кроне. Смотрителем водокачки Бойтель стал в тридцать пятом году, после того как получил увечье на лесопилке и оказался не способным к прежней работе.

Тяжело припадая на искалеченную ногу, Пальме подошел к Бойтелю, крепко обнял его за плечи и сказал ободряюще:

— Опомнитесь, старина. Ничего не бойтесь. Сядьте-ка вот тут и расскажите нам, что случилось с водой.

Трнец, следивший за Пальме злым взглядом, рявкнул:

— Ну и народ мы, черт дери! Похоже, что мы начисто успели забыть про оккупацию.

— Народ не забыл, пан Трнец, не беспокойтесь,— с суровым достоинством возразил Брендл.— Народ не забыл и извлек уроки из тяжелого опыта, что нельзя сказать об отдельных личностях...

Трнец вдруг вскочил и, махнув рукой в сторону Бойтеля, крикнул:

— Вы только поглядите на этого типа! Поглядите на него!

Все повернулись к Бойтелю и увидели, что старик чуть не сел мимо стула, который ему подали, и упал бы на пол, если бы Мареш и Пальме не подхватили его.

— Да ведь он совсем слепой! — закричал Трнец.

Мареш и Пальме усадили Бойтеля на стул, и тот заплакал, закрыв лицо руками. Пальме гладил его по плечу и шепотом утешал по-немецки.

Трнец, расставив ноги и засунув руки в карманы, стоял за письменным столом и насмехался:

— Что скажет об этом досточтимый МНК? Держите слепого смотрителем водокачки — и вот вам результат.

Весь город без воды, фабрика стоит, рабочие могут идти загорать, да еще, сверх того, сдыхать от жажды!

Пока озадаченные Деймек, Брендл и Мареш раздумывали в поисках не столько ответа Трнцу, сколько выхода из трудного положения, в котором очутилась Поточная и за которое они чувствовали себя ответственными перед всеми ее жителями, Трнец нашел нового козла отпущения и яростно напустился на него:

— А вы что, Кроне, молчите и стоите тут как столб? Не знали вы разве, что этот старик слепой? Вы ходите к нему каждый день!

— Он боялся, что, если об этом узнают, его уволят и выселят и он умрет с голоду,— робко сказал Кроне.— Он просил меня никому не говорить.

— И вы, конечно, молчали! — тихо начал Трнец и вдруг взорвался и стукнул кулаком по столу.— Я утверждаю, что это заговор! Вы умышленно сорвали работу фабрики, и я немедля делаю из этого выводы. Собирайте свои пожитки и убирайтесь! Я найду себе другого привратника.

Наступила пауза, все были ошеломлены. Лойзик Мареш, увидя, как Деймек краснеет и вот-вот сцепится с Трнцом, взял председателя МНК за локоть и отодвинул его в сторону, а сам подошел к столу Трнца.

— На вашем месте,— сказал он, делая над собой усилие, чтобы говорить тихо,— я так не швырялся бы увольнениями. На это нужно согласие фабкома, и вам придется его подождать.

Они вышли из кабинета Трнца, ведя под руки старого Бойтеля. Перед сторожкой Кроне они сели на лавочку, чтобы посоветоваться, что делать дальше. Брендл предложил пойти в МНК, куда наверняка начали собираться жители Поточной, но Деймеку не хотелось показываться им, прежде чем он найдет выход.

— Неужели здесь никогда не случалось ничего подобного? — обратился он к Кроне, Пальме и Бойтелю.

Но те, как ни старались, не могли ничего вспомнить. Правда, все знали рассказы стариков, что давным-давно, когда Пальме, как говорится, под стол пешком ходил, а Кроне и Бойтель вообще не жили в Поточной, выдался однажды такой засушливый год, что водопровод не работал и даже в колодцах иссякла вода. Но никто не знал, как в те времена люди справились с этим бедствием.

— Придумали же что-нибудь,— сказал Деймек в тихой ярости.— Ведь люди не перемерли тогда от жажды, иначе

об этом знали бы. Неужели никто не помнит, как было дело? Не возить же нам, в самом деле, воду из Огрже!

Но ни Кроне, ни Бойтель, ни Пальме не могли никого назвать.

— Должно же найтись какое-нибудь средство! — в отчаянии повторял Деймек.— А что Поточная? — вслух размышлял он.— Ваша крупнейшая водная артерия? Разве она не связана с водокачкой? Воды в ней немного, но все-таки она течет.

Кроне, Бойтель и Пальме с сомнением покачали головами, а Мареш улыбнулся.

— Не хочешь ли ты проложить трубы к той струйке, что еще течет по руслу, и направить ее в водокачку?

— Сейчас не до шуток! — огрызнулся Деймек и обратился к Кроне.— Товарищ Кроне,— сказал он мягко,— отведите господина Бойтеля домой и скажите ему, чтобы он ничего не боялся: мы о нем позаботимся.

Оба старика скрылись за углом.

— Дело не только в воде, поймите, товарищи! — выразительно заговорил он, упершись кулаками в колени.— Ручаюсь, что Трнец повис на телефоне и раззвонил повсюду, что из-за халатности коммунистов, членов МНК, Поточная осталась без воды. Он повернет дело, как ему выгоднее. Будет честить нас за то, что мы потакаем оставшимся немцам, что из них мы оставили только большевиков, или будет кричать, что если бы не выселение, то сейчас наверняка нашелся бы человек, знающий выход. Поэтому я говорю: мы должны найти выход! Это наш долг не только как членов местного самоуправления, ответственных за все хорошее и плохое, что делается в Поточной, но и как членов партии. Если мы окажемся беспомощными, ее авторитет будет подорван.

— Папаша! — удивленно воскликнул Лойзик Мареш.— Я не узнаю тебя.

— Так погляди на меня хорошенько еще раз,— проворчал Деймек.— Но главное, лучше как следует призадумайся над этим делом.

— Не порыться ли в архивах ратуши,— раздумчиво сказал Брендл.— Такие события, как засуха и нехватка воды, наверняка нашли свое отражение в протоколах заседаний тогдашнего муниципалитета.

— Это идея, Вацлав! — восхищенный Деймек стукнул кулаком по колену.— Так мы и сделаем, если даже придется рыться там всю ночь! Вот только с моим знанием немецкого языка это будет трудновато.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Выйдя из заводских ворот, они остановились на бетонированной дорожке, глядя на улицу, ведущую к центру города. Перед оградами садиков стояли группами люди, и, хотя слов не было слышно, по взволнованным жестам нетрудно было догадаться, о чем идет речь. Деймек, Брендл и Мареш стояли молча, никому из них не хотелось идти в ратушу. Путь в несколько сот шагов будет усыпан дерзкими вопросами, упреками, насмешками, а может быть, и бранью.

— Ничего не поделаешь, друзья,— вздохнул Деймек.— Надо идти. Товарищ Пальме, тебе лучше всего вернуться домой. Люди раздражены, начнут пороть всякую чушь, не нужно зря давать им лишние поводы.

Ганс Пальме оперся о палку с резиновым наконечником и хотел, кажется, что-то возразить, но не успел, потому что с дороги, что вела к домику Брендла и дальше, к Меденцу, свернула на бетонированную дорожку Марихен, а за ней Здена, обе раскрасневшиеся от бега.

— Товарищи, ни слова Здене о том, что мы собираемся делать,— успел вполголоса предупредить Деймек. Марихен и Здена уже стояли перед ними.

— Куда вы так спешите, девушки? — спросил Деймек.— Голову ты потеряла, Здена, что ли?

— Сейчас не до этого, папа,— взволнованно ответила Здена.— Марихен хочет сказать вам что-то важное.

Дочь Пальме, прижимаясь к отцу, стояла, опустив глаза. Здена погладила ее по густым волосам и сказала подбадривающе:

— Ну, говори же, говори, пожалуйста.

И, видя, что девушка все еще колеблется и, покраснев, с выражением просьбы смотрит на отца, Здена заговорила быстро, словно речь шла о деле, успех или провал которого решали секунды.

— Ну, так я начну за тебя, а ты потом скажешь все остальное. Товарищи, Марихен знает, как вернуть воду в водокачку и в водопровод!

Ганс Пальме взял дочь за подбородок и сказал изумленно:

— Марихен, ты знаешь?

Она кивнула и заговорила, сперва медленно, слово за словом, преодолевая смущение, потом все смелее и с нарастающим увлечением, о том, как однажды ее дедушка, отец Пальме, рассказывал ей о великой засухе. Водокачка

не работала, и вода стала иссякать даже в колодцах. Дедушка, тогда еще юноша, даже не служивший в армии, работал подмастерьем на текстильной фабрике, которую построили за два года до этого.

— Батюшки мои! — вскричал Деймек.— Говори же, девочка, что они сделали?

— Запрудили реку над городом и затопили луга. Оттуда вода просочилась обратно к водокачке и в колодцы.

— Запрудили реку и затопили луга! — восхищенно повторил Деймек.— Подумайте только, как просто! А додумались бы мы до этого?

И вдруг, словно увидев перед собой новые трудности, он насупился и сказал:

— Запрудить реку — не шутка. Надо знать, где. Ты знаешь?

Марихен кивнула с улыбкой.

— Знаю. Дедушка мне показал. Мы вместе пасли гусей, и я спросила, зачем на обоих берегах такие одинаковые пригорки, словно они насыпаны нарочно. Тогда дедушка и рассказал мне о засухе.

— Братцы, значит, самое страшное уже позади! — воскликнул Деймек, вздохнул и сел на бетонный барьер дорожки, словно это неожиданное облегчение лишило его последних сил. Но тотчас же вскочил: — Э-э, где там! Это я только уговариваю себя. Ведь надо еще убедить людей взять кирки и лопаты, а потом ждать, пока будут затоплены луга и в водопроводе появится вода. Но ничего другого не придумаешь. Надо браться за дело. Здена, как твоя молодежь? Нам до зарезу необходимо, чтобы она пришла вся как один и показала пример остальным. А ты, Вацлав, зайди хоть к нескольким коммунистам, чтобы нам было на кого опереться. Ворчунов будет немало.

Деймек не ошибся: ему предстояли горячие часы. Панические слухи в Поточной усиливались, их всячески разжигали те, кто хотел, чтобы кормило правления не только в Поточной, но и во всей стране перешло в другие руки.

Жители городка собрались перед бывшей ратушей и требовали объяснений. Непрерывный жестокий летний зной всем расшатал нервы. К тому же не совсем улеглись волнения и страх, вызванные недавней эпидемией дифтерита. Снова пошли разговоры, что, мол, лучше наплевать на Пограничье и вернуться на прежние насиженные места, где спокойно и безопасно, да и нет сейчас недостатка в работе.

Слухи ширились и перескакивали от человека к человеку, как огонек в сухой траве.

Больше всего подстрекали те, кто не пострадал от эпидемии и не имел прямых причин опасаться за урожай; это были люди, прибывшие в Пограничье с первой волной переселенцев и захватившие самые жирные куски; теперь, после выселения немцев, они плакались, что больше нельзя так обогащаться.

Но в Деймеке, оказавшемся перед угрозой поражения, которое имело бы худшие последствия, чем падение только его личного авторитета, проснулся старый боец времени ожесточенных стачечных боев. Он легко мог бы пройти в здание МНК задним ходом, но не сделал этого и протолкался прямо через толпу. «Разве нам нужно прятаться? — спрашивал он себя.— Нет! Люди всегда тебя поймут, если ты скажешь им правду».

Пока он пробирался в ратушу, его несколько раз сильно толкнули и кто-то даже попытался подставить ему ногу. Но Деймек не обращал на это внимания, а видя в толпе знакомое лицо товарища, ободряюще кивал, словно не ему, Деймеку, а другим нужна была поддержка.

Можно было войти в здание и обратиться к толпе с балкона той комнаты, где они обычно работали с Брендлом. Но Деймек удовольствовался тем, что поднялся на верхнюю из трех ступенек крылечка. Оглядев толпу, он с удовлетворением заметил, что знакомых лиц стало больше: собралось большинство рабочих с текстильной фабрики, были и товарищи с шарикоподшипникового завода. Они проталкивались поближе к Деймеку.

Деймека приветствовали насмешливыми возгласами:

— Пан председатель пропил водокачку, и мы будем жить всухомятку!

— Выпей еще одну, товарищ трезвенник!

— Не надо ли вам еще одного слепца в МНК, чтобы он не видел, как вы там хозяйничаете?

— Шутки в сторону, друзья и братья! — раздался резкий голос из задних рядов, и Деймек, взглянув в ту сторону, убедился, что Трнец перешел к открытой атаке.— Заводы без воды, это значит — безработица и неисчислимый хозяйственный ущерб. А кто нам поручится, что нескольких колодцев в Поточной, в которых еще есть вода, хватит для нужд всего населения? Что, если многие переселенцы предпочтут вернуться во внутренние районы, не останутся тут, опасаясь, что воды долго не будет? Что тогда? Весь наш цветущий город станет жертвой разрухи.

Трудно будет восстановить все утраченное! Почему же все это произошло, вот каким вопросом я задаюсь. Задайте его и вы, да во весь голос!

В толпе раздались беспорядочные озлобленные выкрики. Деймеку невольно вспомнились рабочие собрания, где ему приходилось сражаться с подобными демагогами, которые запугивали рабочих голодной смертью, если те пойдут за коммунистами и начнут стачку против хозяйской политики голодной заработной платы.

Деймек снял кепку, глубоко вздохнул и приготовился отвечать. Он заметил, что коммунисты сомкнулись вокруг него в несколько рядов, и его сердце забилось быстрее, слезы благодарности навернулись на глаза. Куда всем этим крикунам, трусам, рвачам и паникерам против людей, которые пришли сюда зарабатывать хлеб своими руками, исполненные решимости не уступать и не отступать во что бы то ни стало! Преодолев свое волнение, Деймек заговорил. Он не был присяжным оратором, не умел патетически возвышать голос и срывать аплодисменты при помощи испытанных митинговых приемов. Он просто сообщил, что произошло, и указал выход. Говорил он с твердой убежденностью честного, состарившегося в труде рабочего.

— В водопроводе ни капли воды, водокачка не работает — таковы неоспоримые факты, и никто не собирается отрицать их или выискивать пустые отговорки и оправдания. Мы просто не представляли себе, что может натворить нынешняя засуха. Никто из нас не помнит в прошлом ничего подобного. Среди всех вас, кто сейчас стоит тут, даже среди самых старых, нет очевидцев подобного бедствия. Никому не приходило в голову, что оно может постигнуть именно Поточную. На горных склонах над нашим городом воды было в изобилии; сена мы собрали не меньше, чем в прошлом году; несмотря на засуху, луга казались полными влаги. Короче говоря,— и это моя вина,— воду мы не берегли, вот и попали впросак. Как председатель местного национального комитета я должен был быть дальновиднее других, для этого вы меня и выбирали. Но я, как и все, верил, что ничего страшного нам не угрожает. Я приходил домой, открывал кран — и текла вода. На фабрике воды тоже было достаточно, но в конце концов дело кончилось плохо. Тут кто-то кричал, что смотритель водокачки, гражданин немецкой национальности Бойтель, умышленно совершил вредительство. Никакого вредительства нет, мы это тщательно проверили. Есть просто печальный случай: гражданин Бойтель ослеп и

скрывал это, боясь потерять работу. Только бессердечные и жестокие люди могут пытаться нажить на этом политический капитал. Если такие найдутся среди вас, присмотритесь к ним как следует. А теперь вопрос: что же нам делать, как справиться с бедой? Есть ли вообще такая возможность? Граждане, братья, друзья и товарищи, такая возможность есть. В водопроводе опять будет вода!

— Подождем дождика! — пронзительно крикнули в толпе, но, как ни странно, никто не засмеялся.

Деймек перевел дыхание и тыльной стороной руки вытер вспотевший лоб: на то место, где он стоял, еще падали жаркие солнечные лучи.

— Кто хочет, пусть подождет дождика да ума набирается,— ответил он,— а мы намерены немедля добыть воду.

— У них в ратуше спрятан пророк Моисей,— крикнул тот же голос, и смех прокатился в толпе, но Деймек продолжал:

— Я тоже так шутил, узнав о бедствии, но только теперь вижу, что отчаивался зря. Нельзя опускать руки. А если кто-нибудь здесь хочет, несмотря на все, что я сказал, во всем винить гражданина немецкой национальности и тем самым разжигать шовинизм, то скажу вам, что спасительный выход нам указала тоже немка. Она не хочет, чтобы называли ее имя, и я не стану рассказывать вам подробности, но главное в следующем: чтобы вернуть воду, нужно в определенном месте — и мы его знаем — запрудить речку Поточную. Тогда вода снова вернется в водопровод.

Деймек хотел продолжать свою речь и объяснить, как жители Поточной своими силами могут избавиться от бедствия, но в этот момент невдалеке послышалось громкое пение молодых голосов и звуки гармоники. В толпе началось движение, все поворачивались в ту сторону; те, кто стоял сзади, уже увидели флаги. Вечерний ветерок с горного перевала развевал их над головами марширующих юношей и девушек. У каждого на плече была кирка или лопата. Деймек, стоявший над толпой, увидел молодежь раньше всех и, заметив свою дочь с лопатой, перепугался. «Что это задумала наша девчонка? Уж не собирается ли и она в ее положении копать землю или грузить тачки? Всегда она была такая,— подумал он с горечью и опасением, но вместе с тем и гордо.— Если ей взбредет что в голову, сделает по-своему и никак ее не отговоришь».

По мере того как приближались ряды молодежи, толпа, собравшаяся у входа в ратушу, отчетливо услышала не

только мотив, но и слова песни, с которой юные энтузиасты шли на работу, как в решающую битву:

Вперед, друзья, шагаем твердо,
идем с завода на завод.
Ряды бойцов не разомкнутся
и стяг рабочих революций
мы гордо пронесем вперед!

— Слышишь, чему их учат? — прошипела на ухо Трнцу его супруга.— А еще уверяют, что этот их Союз молодежи — беспартийная организация и не занимается политикой. Ни за что не послала бы туда своего ребенка, чтобы его там учили носить «стяг революций»!

Трнец недовольно дернул плечом, чтобы отвязаться от нее, и подумал с горечью: «Ты-то уж могла бы не беспокоиться об этом. У тебя в жизни не было и не будет детей».

Песня стихла, отряд молодежи, человек в пятьдесят с лишним, остановился перед толпой и подравнял ряды, явно готовясь к чему-то. «И где только наша девчонка набрала их так много?» — подумал Деймек. Долговязый Коринта вышел перед строем, вытянул длинную шею, оглядел товарищей, стоявших навытяжку, поднял руки над головой, и, когда опустил их, отряд проскандировал хором:

Станем мы водой богаты,
забирайте-ка лопаты!
Ни к чему твердить вам дважды:
«В наступление на жажду!»

Еще и еще раз повторился стихотворный призыв. Три, четыре раза. И потом: «Ша-агом марш!»

Снова заиграла гармоника и взметнулась песня. Толпа глядела вслед удаляющемуся отряду. Лойзик Мареш вскочил на ступеньку рядом с Деймеком.

— Граждане! — воскликнул он.— Наша молодежь, ваши собственные дети подают вам пример. Неужели вы от них отстанете? Слышали призыв: «Станем мы водой богаты, забирайте-ка лопаты...», кто хочет пить — «в наступление на жажду»!

— Когда начнется наступление на вас и с вами разделаются окончательно, вот тогда будет конец всем хлопотам и заботам,— сказал Трнец так, чтобы слышала только его жена.

А в другом месте кто-то закричал:

— Сядете вы в калошу вместе с вашей молодежью. Вот-вот наступят потемки, и придется вам вместо работы играть в прятки.

Но Лойзик Мареш не спасовал.

— Не слушайте ворчунов, граждане! Будь на свете одни ворчуны, мы бы до сих пор жили на деревьях, как обезьяны. Чем больше людей возьмется за работу, тем скорее мы с ней справимся. Во всяком доме найдется лопата или мотыга. Кто идет с нами, приходите через четверть часа сюда, к зданию МНК.

Еще раздавались насмешливые возгласы и скептические замечания, но люди стали расходиться по домам. Сперва они шли не спеша — пусть, мол, никто не подумает, что они попались на удочку и будут участвовать в этой глупой затее, но постепенно стали прибавлять шагу и заторопились.

Первыми к ратуше вернулись рабочие с текстильной фабрики и с шарикоподшипникового завода со своими женами. Они составляли значительную часть населения Поточной и образовали солидную группу, при виде которой стали вылезать из домов и скептики, решившие выждать, чтобы их не осмеяли. Стали подходить кустари, ремесленники и торговцы, связанные с местным населением. Сначала они старались не привлекать к себе внимания, но их встретили дружеские возгласы и одобрительные шутки. Тогда они приосанились и приняли такой вид, словно возврат воды в поточенский водопровод зависел целиком от них.

— Здóрово, а, папаша? — радовался Лойзик Мареш, сжимая руку Деймека.— Погляди-ка, сколько собралось. Вся Поточная здесь, кроме нескольких заядлых упрямцев. Мы победили и победим еще не раз!

Но Деймека, после того как он с таким напряжением отбивался от нападок и убеждал жителей, что они в силах сами справиться с бедой, вновь охватили сомнения.

— Только бы дочка Пальме была права. Если нет, то лучше вы сразу заройте меня где-нибудь под запрудой, а сами уезжайте из Поточной!

— Голову выше, товарищ председатель! — серьезно сказал Вацлав Брендл, подняв указательный палец.— Я убежден, что Марихен права и завтра же в Поточной опять будет вода.

— Граждане, становись в ряды, запоем песню, покажем юнцам, что мы от них не отстанем!

Это сказал Деймек, поняв, что нельзя ослаблять свою веру в успех предприятия. Бледный Арношт, содержатель трактира «Под зеленым деревом», подошел к нему и протянул мотыгу.

— Возьмите, пан председатель, и подайте нам пример.

— Глядите-ка, этот пивохлеб тоже здесь! — послышались возгласы и смех.

— Еще бы! Без воды ему придется закрыть свою лавочку.

Но Деймек тем временем положил мотыгу на плечо и повернулся к Лойзику Марешу.

— Так что мы споем?

И Лойзик Мареш запел песню, для всех приемлемую и всем знакомую:

Эх, в городе да в Ко́лине...

Жители Поточной зашагали вслед за председателем своего МНК, чтобы начать борьбу, которая должна будет показать им, насколько они солидарны и насколько могут положиться друг на друга в минуты опасностей и невзгод.

Громадная одинокая ель отмечала то место, где много лет назад, во времена, о которых в Поточной никто не помнил, жители городка запрудили реку, чтобы вернуть пропавшую воду. Это место находилось примерно в километре от Поточной, на шоссе, ведущем в Меденец и Коваржскую, там, где крутой подъем неожиданно прерывается отлогой широкой ложбиной, будто нарочно созданной здесь, чтобы путники могли перевести дух, прежде чем начать крутой спиральный подъем на четыреста метров. От былой запруды сохранились только две низкие, густо заросшие травой насыпи по обоим берегам речки, на довольно значительном расстоянии друг от друга. Ложбина здесь сужалась и переходила в крутой спуск. Было сразу видно, что это самое удачное место для запруды. Но и здесь речка Поточная была сейчас едва заметна. Она извивалась меж громадных камней, и при взгляде на этот жалкий ручеек, в который превратился веселый шумливый поток, слабела надежда, что ожидания жителей городка оправдаются.

Когда основная масса жителей дошла до старой ели, молодежь опять встретила их скандированием стихотворного лозунга. Молодежная группа, работавшая под руководством Ганса Пальме и Пало Варги, сделала уже немало. Варгу они поймали по дороге. Он вез доски из какого-то заброшенного местечка между Пршисечнице и Коваржской, где заприметил их еще в то время, когда был пастухом. На участке тем временем появились тачки, так как оказалось, что бо́льшую часть грунта придется возить с ближних косогоров. Пригодились и доски с воза Варги: из

них были сделаны мостки в непроезжих местах русла, они же послужили и для укрепления запруды.

После того как подошли остальные жители Поточной, все разделились на бригады: одни копали грунт, другие возили его, третьи насыпали и утрамбовывали запруду. Вопреки ожиданиям, не было ни ссор, ни препирательств. Люди понимали, что надо закончить работу поскорей, и охотно становились там, куда их посылали Деймек, Варга и Пальме, разделившие между собой руководство отдельными участками. Молодежь смешалась со старшими. Фрица Клаузе с гармоникой посадили на камень под елью и велели играть песни и марши.

Хорохорился только Бледный Арношт. Он огляделся, поднял к небу свое худое бледное лицо и объявил:

— Кое-кто не видит дальше своего носа. Ведь через несколько минут совсем стемнеет, и мы будем стукаться лбами.

Многие добровольцы смущенно переглянулись. Казалось, Бледный Арношт прав. Солнце опустилось за горный хребет у Меденца, небосвод становился серовато-сизым, а на востоке темным, словно в него подливали чернила. Через полчаса сумерки сгустятся, а потом еще скорей наступит полная тьма.

— Не беспокойтесь, граждане! — густым басом сказал Коринта.— Поработаем до тех пор, пока будет хоть что-нибудь видно, а потом разожжем костры. Помните одно: чем скорее мы поставим плотину, тем скорее у нас будет вода.

— Если только весь наш труд не пойдет впустую! — крикнул кто-то из работавших у начатой плотины.

Беспокойство вновь овладело многими жителями Поточной: перспектива проработать всю ночь и остаться без воды никого не прельщала.

Деймек озабоченно поглядел на небо, проклиная в душе Бледного Арношта.

— Глядите, граждане! — воскликнул он и показал вверх, где на сером вечернем небе поднималась еще бледная полная луна.— Вот вам и фонарь. Когда он засветит вовсю, здесь будет посветлей, чем в трактире Бледного Арношта.

В ответ послышался смех. Минутное сомнение было преодолено, и люди опять взялись за лопаты. Работать при луне? Почему бы и нет? Если нет ничего иного, это такая потеха, о которой потом можно будет долго вспоминать. Мотыги и лопаты снова зазвенели о камни, заскрипели

колеса тачек, послышались возгласы и окрики, а под высокой елью, которая чернела на фоне золотисто-розового темнеющего неба за горным хребтом, заиграла гармоника.

В предвечерний час, когда дневной свет угасает, почти незаметно уступая место лунному, по шоссе от Меденца к тем крутым поворотам, где оно спиралью спускается к Поточной, летела открытая машина английской марки «остин». Виктор Пюхлер, приехавший днем из Праги, пригласил прокатиться Алену. Они направились в имение Врш, куда снова приехал судья Зима, отец Алены, чтобы помочь Росмусу своими советами после того, как выплыла наружу попытка незаконно присвоить грюнские сенокосные угодья и включить их в границы имения Врш.

Алена приняла приглашение Виктора скорее из-за того, что хотела повидаться с отцом, чем по каким-либо другим мотивам. Отношения между ней и Пюхлером были совсем не те, что весной и даже в начале лета. Виктор, чувство которого к Алене оказалось куда глубже, чем хотелось ему самому, надеялся добиться сейчас прежнего расположения девушки. Прежнее! Разве не пережили они поистине чудесные дни? Чудесные дни и страстные ночи, которые невозможно забыть! Поездки в Прагу, в Теплице, в Карловы Вары и Марианске Лазне и даже три упоительных дня в Шпиндлеровом Млыне!

Поступив на службу в министерство иностранных дел, Виктор проводил большую часть времени в Праге, где он получил вблизи своего министерства, на Лоретанской площади, превосходно обставленную квартиру, принадлежавшую прежде какому-то высокопоставленному гитлеровцу. Сейчас Виктор приехал, чтобы пригласить к себе Алену и показать ей, как они могут прекрасно устроиться, если она выйдет за него замуж. У него было много новостей о себе, которые, как он рассчитывал, помогут Алене оценить его в полной мере; он предстанет перед ней в столь благоприятном свете, что девушка не устоит.

Когда Виктор Пюхлер еще только начинал ухаживать за Аленой и даже когда пережил с ней первые ночи любви, он считал, что эта связь будет значить для него не больше других, столь отрадных для человека, который невредимым вернулся с войны, не стремится к мертвящему покою и надеется, что в жизни ему предстоит еще много волнующих перемен, новых лиц, новых женщин. Ему казалось, что разойтись с Аленой ему будет так же просто, как они со-

шлись, тем более что они не скрывали друг от друга своего прошлого, особенно Алена, подчас с цинической насмешкой живописавшая ему галерею своих любовников, в том числе и немцев из числа оккупантов, а позднее американских офицеров. Правда, Виктор буквально ненавидел ее в эти минуты, ему хотелось накинуться на нее, избить, даже задушить. Но он всегда умел взять себя в руки и глядеть на все это глазами поэта, разумеется, поэта нашего времени, глубоко изведавшего ничтожество и бренность мира. Он уверял себя, что его любовь к Алене вполне отвечает эмоциям людей двадцатого столетия, отмеченного двумя мировыми войнами, революциями и освобождением атомной энергии, и находил, что в этой любви есть что-то терпкое.

Но иногда им вдруг овладевали простые человеческие чувства и он ужасался, что живет в такой пустоте, где нет ни чистоты отношений, ни веры в жизнь и ее творческие силы. В такие минуты он уверял себя, что рассказы Алены о своем прошлом — лишь выдумки девушки, которая хочет казаться интересной. Ночью он кусал подушку и клялся себе, что при первом удобном случае упадет перед Аленой на колени и будет молить ее признаться, что все ее рассказы вымысел, вздор, что в ее жизни было только несколько сердечных заблуждений — плод неразумия и соблазна. Но разлад в его душе и предрассудки мира, откуда Виктор вернулся на родину, были так сильны, что он стыдился таких минут, подавляя в себе эти чувства и стараясь не поддаваться им, а бесследно изгнать их из своей памяти. Его все больше тянуло к Алене, и не было сил противиться. Прекращение связи привело к тому, что влечение к Алене завладело всем существом Виктора, и ему стало казаться, что он не может и не сумеет ничем заниматься, пока не выяснит окончательно, как она относится к нему. Ему захотелось, чтобы Алена стала его женой и жила с ним до тех пор, пока хоть в одном из них останутся крохи чувства к другому. Его сознание было отравлено представлением, что в жизни человека нет ничего прочного и устойчивого, и потому, несмотря на любовные терзания, которые он сейчас испытывал, ему не верилось, что два человека могут прожить вместе всю свою жизнь и даже с каждым днем становиться все необходимее друг другу.

Новости, которые Виктор собирался сообщить Алене, наполняли его гордостью. Ему удалось осуществить сразу два своих заветных желания, и он не сомневался, что после этого исполнится и третье: он получит руку Алены. А потом выигранная тяжба за текстильную фабрику увенчает

дело. На протяжении всей поездки Виктор болтал, острил и рассказывал всякие столичные сплетни и кулуарные политические слухи, оттягивая самое главное. Он искал для своих новостей подходящее место, где создалось бы подобающее настроение для того, что, по его мнению, должно было затем последовать. Всю свою жизнь Виктор придавал некоторую театральность своим отношениям с людьми и, разумеется, не мог отказаться от этого и в эти столь важные для него минуты.

Он остановил машину там, где шоссе, пролегающее по слегка волнистому плато, начинает за Меденцем головокружительной спиралью спускаться к Поточной. Внизу перед ними в бездонной глубине раскинулось необозримое пространство, скрытое в дымке заката, лишенное световых контрастов, мягкое и неощутимое, как картина, видимая сквозь легкую светло-серую пелену. Немного спустя, когда солнце скрылось за черными лесами, протянувшимися до самой границы, когда погасли последние отблески заката, стены домов потемнели и расплылись в сумерках, скрадывающих все контуры и расползающихся, как дым пожарища. Но и в эти минуты, отходя ко сну и как бы окутываясь мглой, гористый пейзаж не утратил своей монументальности; уже еле видный, он оставлял впечатление мощи и словно пел гимн своей силе и величию.

Алена молчала и, затаив дыхание, глядела вниз. Пюхлер, как и она, захваченный этим зрелищем, не решался заговорить. Успехи, которыми он собирался похвастаться, вдруг показались ему пустяковыми и мелкими. Одновременно в голову ему пришла мысль, что человеку надо все-таки где-нибудь чувствовать себя дома. А что, если обосноваться в этих местах, не будет ли это самым большим выигрышем в его жизни? Но тотчас же как бы на фоне этого пейзажа Виктору вспомнились путешествия по Индии и Ирану, великолепие виденных там городов. И Виктор отогнал мысль о доме, как слабость. К чему преждевременно связывать себе руки?

И, вопреки собственному впечатлению от пейзажа, который создавали не только силы природы, но и тысячелетия человеческого труда, Виктор заговорил о захватывающей красоте поднебесных вершин Гималаев, о радостях, которые сулит мир всякому, кто достаточно умен, чтобы не привязать себя преждевременно к одному месту. Так он перешел к своей первой новости: министр иностранных дел твердо обещал, что Виктор Пюхлер будет назначен первым советником посольства в тот самый город, который так мил

сердцу Виктора и издавна служил воротами в широкий мир, в город, где сходятся пути всего света,— в Лондон.

— Вы, конечно, очень рады,— сказала Алена, и Пюхлер почувствовал, что его радость не передалась ей и что девушка не связывает его новость ни с какими своими надеждами.

— Безусловно,— ответил он несколько сухо и разочарованно, но сейчас же сказал себе, что такой тон самый неподходящий для важного разговора, и продолжал: — Я был бы счастлив, если бы вы разделили со мной эту радость.

И сразу, будто испугавшись, что он слишком поторопился и не провел необходимой подготовки к решающей атаке, Пюхлер добавил поспешно:

— Сегодня у меня вообще ворох новостей, Аленка, и я привез вам кое-что более важное для меня, чем назначение советником посольства.

Он сунул руку в кожаный карман на дверце машины, извлек оттуда пакетик и подал его Алене. Девушка развязала серебряный шнурок и сняла шелковистую бумагу. В свертке оказалась тонкая книжка в темно-коричневом кожаном переплете с вытисненной золотом надписью:

ВИКТОР ПЮХЛЕР

МЕРТВЫЕ ЛИСТЬЯ

Подзаголовок гласил, что здесь собраны стихи 1939—1945 годов. Сборник был посвящен павшим товарищам. Эпиграфом стояло:

Нам сказали: «Сражайтесь!»
Мы спросили: «Зачем?»
Нам велели: «Умрите!»
Мы спросили: «Зачем?»
Нам могли сказать: «Живите!»
Мы бы растерянно смолкли: «Зачем?»

На титульном листе было написано крупным неровным почерком: «Алене — Виктор». Девушка раскрыла книжку и при свете угасающего дня попыталась прочитать первое стихотворение. Но Виктор положил ладонь на раскрытые страницы.

— Только не сейчас,— попросил он.— Я автор из числа стыдливых.

Алена хотела улыбнуться, но не смогла. Ей удалось прочитать первые строфы, она плохо поняла их, и у нее возникло лишь впечатление тьмы, которая грозит погло-

тить и ее, ночи без звезд, бурлящего омута, мертвой хватки отчаяния, знакомой ей и подчас такой мучительной, что Алене хотелось выть. Но она всегда старалась избавиться от этой хватки. И сейчас ей тоже захотелось открыть дверцу, выскочить из машины и бежать туда, где тепло светятся окна чужих домов, где живут люди, твердо знающие, зачем они живут, люди, знакомые с простыми, сильными, верными чувствами.

Алена закрыла книжку и произнесла вяло:

— Итак, вы вошли в литературу. Поздравляю.

Но Виктор, иногда обладавший исключительной интуицией, сейчас целиком был занят мыслями о себе и о том, чего он хотел добиться, и потому не заметил оттенка антипатии в ее голосе. Эта его книга стихов выйдет через несколько дней, объяснил он (Алена получила сигнальный экземпляр), а в другом издательстве, кроме того, принят и еще до рождества появится в свет сборник новелл «Сожженный мост» и в начале будущего года — книга очерков «Мир без перспектив».

— Почему у вас все мертвое, сожженное и без перспектив? — поежившись, спросила Алена.

— Почему? — отозвался Пюхлер, будто изумляясь ее непонятливости.— Очевидно, потому, что таков мир, в котором мы живем. Нельзя же приукрашивать его надеждами, для которых нет никаких реальных оснований. Но его можно принимать таким, каков он есть, и жить в нем до тех пор, пока он не погибнет окончательно. Творческая искренность художника не велит мне в чем-нибудь притворяться, и я показываю мир так, как его вижу. Но человек Виктор Пюхлер хочет жить, несмотря ни на что, и жить хорошо. В этом основной конфликт и проклятие мыслящей личности наших дней, отвергающей слепые иллюзии. Но все это не помешает нам, Аленка, взять от жизни все, что нам еще удастся. В последнее время мы реже встречались с вами, но, может быть, именно поэтому я понял, как много вы для меня значите. Я хотел просить вас стать моей женой.

Лунный свет стал ярче, внизу лежал побледневший, бесформенный, залитый призрачным сиянием пейзаж.

— Вы поняли, как много я для вас значу,— тихо повторила Алена и добавила неожиданно окрепшим голосом: — Придется вам дать и мне время подумать, что значите для меня вы. А сейчас давайте поедем.

Виктор с минуту оставался недвижим, судорожно вцепившись в руль руками в мягких замшевых перчатках. А он-то думал, что Алена с восторгом примет его предложе-

ние! Дочь судьи, который всю жизнь пополнял свои скудные доходы чем-то вроде браконьерства на границах законности, помогая своим неофициальным клиентам лавировать между статьями закона и вертеть ими по-своему. Девушка с прошлым, которое смутит даже мужчину, не раз убедившегося, что девушкам его класса далеко не так дорога девичья честь, как она была дорога их матерям и особенно бабушкам.

Однако чувство обиды постепенно ослабевало в Пюхлере. Он снял руки с руля и наклонился к Алене, пытаясь обнять ее. Но она крепко прижалась к спинке сиденья.

— Перестаньте и поезжайте,— сказала она холодно.

Виктору были давно знакомы скачки ее настроений, и он решил, что это очередная причуда. Ему просто не верилось, что он потерпел поражение и отвергнут.

— Вижу, что я выбрал неудачный момент,— сказал он, пытаясь выдержать небрежный тон.— Лучше я подожду.

— В самом деле, почему бы вам не подождать? — насмешливо согласилась она.— Каждый из нас чего-нибудь ждет.

— Не понимаю я вас, Алена. Что вам, собственно, нужно?

— Вы хотели сказать: чего еще может желать такая девушка, как я. Подумать только, что ей предложено! Стать женой дипломата, да еще, видимо, обеспеченного солидным доходом от текстильной фабрики, женой поэта, писателя, который со временем будет посланником или даже послом. Чего еще, собственно, может желать такая девушка?

— Вы издеваетесь надо мной, и это жестоко.

— Я издеваюсь над вами, и это даже жестоко? Замечательно! Хотела бы я знать, все ли поэты так чувствительны. Пожалуйста, включите мотор — и поедем!

Мотор взревел, и машина сорвалась с места. Мощные фары бросали на крутую дорогу яркие, хотя и ослабленные луной снопы света. Виктор гнал, не сбавляя скорости на крутых поворотах, так что они мчались по самой кромке шоссе.

— Если вы намерены покончить с собой, отложите это до того времени, когда останетесь в машине один,— насмешливо заметила Алена.

Пюхлер нагнулся над рулем, словно получив удар по затылку, но не сказал ни слова. Однако он повел машину демонстративно медленно, не прибавив скорости, даже когда они выехали на ровный участок шоссе. Так они добрались до места, где жители Поточной несколькими

метрами ниже шоссе строили запруду на речке. На шоссе как раз в это время разгружали воз Варги с досками, и Пюхлеру пришлось остановить машину. Алена, побуждаемая то ли надеждой на что-то, то ли просто желанием избавиться хоть на минутку от общества Пюхлера, открыла дверцу и выскочила из машины. Она подошла к двум парням, несшим доски, и спросила:

— Что тут делается?

Один из них был Коринта. Он часто бывал в районном национальном комитете и потому знал Алену.

— Вы Зимова из РНК, правда? — сказал он.— Мы строим тут запруду. Зачем? Об этом вы можете узнать во время работы, если присоединитесь к нам. Молодежь во главе, понятно? Каждая пара рук на счету. И председателю вы бы этим очень угодили. Его жена тоже здесь. Что вы скажете?

— Я не собираюсь никому угождать,— сухо ответила Алена.

— Ну, так вы могли бы поработать просто ради дела, как мы все,— насмешливо, но добродушно отозвался Коринта.— Это и для вас было бы лучше.

— Давай, давай, не задерживай! — сказал товарищ Коринты.— Зря агитируешь. Она больше интересуется перманентом, маникюром и кавалером с машиной.

— Не обращайте внимания, барышня,— сказал Коринта.— Он у нас такой, ко всем цепляется.

И они прошли мимо Алены, а она стояла и смотрела на человеческий муравейник, кишащий под лунным светом, смотрела на высокое пламя костров на другом берегу, там, где копали и откуда привозили землю к поднявшейся реке, которая уже разлилась необычно широко и, подобно черному, до блеска отполированному зеркалу, отражала пламя костров и месяц, поднимающийся к зениту.

Алена подошла к машине.

— Я останусь тут,— сказала она.— Спасибо вам за поездку, и извинитесь за меня перед отцом. Если он поедет в Кадань, пусть заглянет ко мне.

— Моему обществу вы предпочитаете трудовую бригаду? Не глупите, Аленка, вы не привыкли к таким вещам. Еще получите тут какое-нибудь увечье. Что, если я останусь с вами?

— Можете поступать, как вам угодно. Но у Росмусов нас ждут, и если вы не явитесь, это вызовет ненужный переполох.

Отвернувшись от него, Алена побежала к краю дороги,

отыскивая место, где можно спуститься к реке. И, уже спускаясь, она сквозь стук топоров и ручных трамбовок, скрип тачек и шум голосов услыхала, как Пюхлер включил мотор и уезжает. На душе у Алены вдруг стало так легко, словно она избавилась от всего, что ее угнетало и от чего она тщетно пыталась освободиться.

Но когда она наконец добралась до самой запруды и оказалась среди работающих, чьих лиц, одинаково бледных в лунном свете, она не узнавала, когда ей пришлось переходить по доскам, переброшенным через каменистое русло, и уступать дорогу людям, которые размахивали лопатами, мотыгами, топорами или тащили тачки или ведра с землей, ошеломленная Алена пожалела о своем поступке, показавшемся ей опрометчивым и смехотворно-безрассудным. Хотелось ли ей работать, как работают люди вокруг нее? Откровенно говоря, нет. Совсем другая смутная надежда привела ее сюда. Она тщетно оглядывалась, переходя от одной группы к другой, но не находила того, кого ей хотелось увидеть.

— А, вот вы где! — раздался за ее спиной веселый бас.— Все-таки, значит, соблазнились? За какую же работу вы хотите взяться?

Перепрыгивая с камня на камень, Коринта выскочил на берег и подал Алене руку, помогая взобраться. Слегка запыхавшись, Алена остановилась около него и снова огляделась.

— Вы кого-нибудь ищете? Багарову мы загнали вон туда, под ель, к Фрицеку. Я вас к ней провожу.

Алена совсем не стремилась к встрече с женой председателя РНК, но поняла, что это неизбежно. Она не удержалась от вопроса:

— А сотрудники КНБ тоже здесь?

— Зачем им тут быть? — удивился Коринта.— А вам они нужны? Не хотите ли вы, чтобы они забрали того пижона, с которым вы ехали? Или, может быть, думаете, что они насильно пригнали нас сюда на работу и теперь сторожат?

— Не говорите чепухи,— отрезала она, чувствуя, что вспыхнула от стыда и смущения.— Где же...— она на мгновение заколебалась, потом, преодолев в себе какое-то внутреннее сопротивление, сказала торопливо: — товарищ Здена Багарова?

Однако Здены не оказалось там, где она должна была быть,— под елью, рядом с Фрицеком, куда ее послал отец. Коринта вытянул длинную шею и загудел, как труба:

— Товарищ Зде-е-на! Где ты?

Здена откликнулась: она стояла у пылающего костра, где люди брали землю с крутого откоса. С лопатой в руке, она наполняла тачку одного из парней, который ей помогал.

— Здена! — укоризненно сказал Коринта.— Видел бы тебя твой батя!

— Не заводи лишних разговоров,— недовольно отозвалась она.— И отцу ни слова, иначе у нас с тобой дружба врозь.

— Я привел тебе помощницу,— продолжал Коринта и показал на Алену, которая пока стояла у него за спиной.— Давай договоримся: ты ей отдашь лопату, и я буду молчать. А ты можешь пока поддерживать огонь в костре, если ты такая беспокойная.

— Барышня Зимова! — удивленно, но без всякого восторга сказала Здена.— Как вы сюда попали?

— Она отказалась от поездки в роскошной машине и от видов на шикарный ужин, чтобы помочь родине и спасти Поточную от вымирания,— патетически продекламировал Коринта.

— Я не ожидала, что меня встретят здесь насмешкой,— ответила Алена.

Здена быстро подошла к ней и взяла ее за руку.

— Не обижайтесь, Алена,— сказала она мягко, и девушка вздрогнула: в ней вдруг вспыхнуло воспоминание о когда-то изведанных и давно забытых радостях, о простых словах, в которых нет скрытого смысла и которые выражают только то, что говорят: воспоминание обо всем, что промелькнуло в детстве Алены и вместе с нянькой навсегда ушло из ее жизни.

— Такой у Коринты характер,— продолжала Здена.— Мы вам сердечно рады. Вы здесь узнаете кое-что, неизвестное вам прежде, и вот посмотрите, как это вам понравится.

Коринта взял у Здены лопату и вручил ее Алене жестом актера из бродячего театра, исполняющего роль короля.

— Вот вам орудие труда,— пробасил он.— Беритесь за него с охотой — и полдела сделано. Вы уйдете от нас с пузырями на ладонях и с ломотой в спине, но с приятным сознанием, что помогли общему делу.

Он помахал рукой, уступил дорогу человеку, который вез тачку с пустыми ведрами, и побежал обратно к запруде.

— Что ж, попробуйте, Алена,— предложила Здена, кивнув на кучу земли рядом.— Да не набирайте полную лопату,— добавила она, увидев, сколько набрала Алена

и с каким трудом выпрямляется.— А то через несколько минут выбьетесь из сил.

Она обошла костер и скрылась за его пламенем, но сейчас же появилась опять с другой лопатой и тоже стала нагружать тачку, покрытую толстым слоем давно засохшей известки. Алена набирала землю лопатой и бросала в тачку, набирала и бросала, одна тачка сменялась другой почти без перерыва, и казалось, им не будет конца. Где-то за спиной у Алены гармоника играла марши и песни, иногда к ней присоединялся одинокий голос, он подхватывал песню и вскоре умолкал, слышались стук, скрип, глухие удары, возгласы, отрывки разговоров, смех, подчас брань — все сливалось в общем гуле, от которого шумело в голове и ушах.

Алене казалось, что она перенеслась в другой мир. Минутами ее охватывал странный восторг. Во время кратких передышек, когда тачки запаздывали, ей хотелось запеть вместе с гармоникой. Но она, конечно, не знала слов этих песен, да и не смогла бы петь, так у нее пересохло горло. Чаще всего Алена опиралась о лопату и, стоя лицом к лицу с улыбающейся Зденой, тоже пыталась улыбнуться. Но обветренные губы кривились, ей хотелось с возгласом отвращения отбросить противную лопату, выпрямить ноющую спину и бежать, бежать без оглядки. Предсказание Коринты отчасти уже сбылось: на ладонях Алены появились волдыри, спина нестерпимо болела. Но стоило ей взглянуть на Здену, на ее спокойное улыбающееся лицо и, смущенно опустив взгляд, увидеть ее округлившийся живот — игра света и теней еще подчеркивала эту округлость,— и Алена понимала, что, уйди она сейчас, она совершит самый скверный из всех поступков в ее далеко не безгрешной жизни.

За работой она узнала у Здены, зачем так срочно запруживают реку и какой от этого ожидается результат.

— А что, если дочь Пальме ошибается и все будет впустую? — спросила она.

— Это было бы очень плохо,— нахмурясь, ответила Здена.— Но все равно нам нельзя опускать руки, пришлось бы найти другой способ обеспечить город водой. А я верю все-таки, что запруда поможет.

— Откуда у вас такая уверенность? — упрямо повторила Алена.

— Потому что Марихен наверняка сказала правду: один раз это удалось.

Они стояли, устало опираясь о лопаты. Тачки застряли где-то, и эта минутная передышка была очень отрадна.

— А мне кажется, еще и по другой причине,— сказала Алена.

Здена вопросительно взглянула на нее и покачала головой.

— Право, не знаю, по какой. Я всегда верю в успех дела, за которое берусь.

— Знаете, я думаю, что девушка Пальме не случайно вернулась из Германии. В этом была рука судьбы,— заговорила Алена, понизив голос, словно боясь, чтобы ее не услышал еще кто-нибудь.— Возможно, она убежала оттуда, потому что ей там плохо жилось. Но, может быть, это не полная правда. Может быть, ей было суждено вернуться даже против собственной воли, чтобы через некоторое время спасти родной город?

Здена засмеялась.

— Так нельзя рассуждать, Аленка,— мягко сказала она.— Это сбивает человека с толку и показывает окружающий мир в искаженном виде. Тогда вы никак в нем не разберетесь, не сумеете быть хозяйкой своих мыслей и чувств, не сможете действовать по своей воле.

Тачки, задержанные тем, что в двух местах доски провалились в реку, вновь покатились вереницей. Кто-то из возчиков, видимо усталый после многих рейсов, слишком резко остановил свою тачку, и ведра с нее попадали на землю. Алена и Здена наполнили их глиной на земле, и, так как парень на минуту отлучился, чтобы сделать две-три затяжки из сигареты товарища, Алена попыталась сама поднять на тачку полное ведро. Но оно было очень тяжелое. Девушка поставила его на самый край тачки, и оно повалилось назад. Поддавшись внезапному побуждению — помочь соседу по работе, Здена бросила лопату, схватила ведро и с усилием задвинула его на середину тачки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Тяжелые минуты ждали Багара, когда он вернулся в Кадань. Он не знал о том, что случилось в Поточной, пока был в Праге. Телеграмма, посланная ему Деймеками, не застала его в гостинице. Багар уехал в краевой национальный комитет, чтобы переговорить о нуждах своего района. Там он задержался довольно долго после полудня. В третьеразрядном ресторане он проглотил что-то почти совсем

холодное, скользкое и политое кисловатым соусом, остро пахнущим полусырой мукой; кусок жесткого мяса именовался в меню «жарким из вырезки под белым соусом, с кнедликами». Знойным днем после полудня Багар отправился в обратный путь.

Когда он проезжал через Хомутов, его машину остановил дежурный КНБ, сделавший это по просьбе Гальчика, переданной из Кадани. Молодой приземистый дежурный, на котором обмундирование чуть не трещало по всем швам, разглядывал Багара, видимо удивленный его сединами, которые не подходили к моложавому лицу, и недоверчиво спросил:

— Вы товарищ Багар, председатель Каданьского РНК?

Багар весело кивнул.

— Вы угадали, товарищ. А в чем я провинился? Превысил скорость или вы подозреваете, что я незаконно торгую свининой?

Дежурный засмеялся, покачал круглой головой на короткой шее и ответил:

— Что ж, бывали и такие случаи. Мне велено передать вам, чтобы вы ехали прямо в нашу больницу.

Багар почувствовал, что бледнеет. Сердце у него замерло, потом бешено заколотилось. Здена!

— Может быть, вы знаете, зачем мне нужно ехать туда? — произнес он, стараясь сдержать дрожь подбородка.

Но дежурный вдруг отвел глаза, уклоняясь от взволнованного взгляда Багара, покраснел, как мальчик, уличенный во лжи, и сказал, глядя в зеркальце над головой Багара:

— Понятия не имею. Мне было только приказано остановить вас и передать поручение.

Багар не помнил, как он ехал по улицам к больнице. Через пять минут он стоял перед главным врачом, невысоким человеком в белом халате и теннисных туфлях, и тревожно глядел в его усталые от бессонницы глаза. Багар глядел упорно, тщательно изучая наружность врача. Почему у него такие редкие волосы и такие ввалившиеся щеки, почему тонкие прозрачные уши, почему, почему?..

Голос у врача был такой же усталый. Странный это был голос: сначала казалось, что он лишает человека последней надежды, потом вдруг внушал волю не уступать и сопротивляться чему угодно. «Ведро с глиной...» Какое ведро, с какой глиной? О чем он говорит, этот доктор? «Такие случаи бывают?..» Какие же случаи? Какое такое «рефлек-

торное движение, сделанное прежде, чем была осознана его опасность»? Почему врач не говорит быстрее, почему он не скажет всего сразу?

Потом вдруг все стало ясно, и Багар сидел в потертом кожаном кресле у стола врача, чувствовал во рту и в горле жгучий вкус спирта и курил американскую сигарету, которую машинально взял из докторского портсигара. Двукратное переливание крови... Да, два переливания... Большая потеря крови, это обычно бывает при выкидыше на пятом месяце. На счастье, переливание помогло... Нет, еще нельзя сказать, что все в полном порядке, но мы, безусловно, на пути к этому.

У окна на столике стояли цветы. Яркие солнечные лучи пронизывали их листья. Багар пристально глядел на них. Они казались ему слезами, громадными слезами, которые он не может выплакать. И зачем только Здену пустили туда?! Голос врача звучал издалека, усталый, монотонный: «Вы не должны упрекать свою жену за то, что это случилось...» Упрекать в чем-то Здену! Разве она не мечтала о ребенке, как и он? Кто же это был — мальчик или девочка, это дитя, которого они оба так страстно ждали и которого им не суждено было дождаться? Но в каком состоянии Здена? Прежде всего Здена! Да, она должна была быть той ночью в Поточной, но почему же никто не приглядывал за ней?

— Можно мне ее видеть?

Врач повертел в длинных, тонких, бледных пальцах блестящий молоточек. Он колебался. «Да говори же, доктор! Неужели нельзя нам повидаться?»

— Но не больше двух минут,— сказал наконец врач, вставая.— Уверяю вас, что все кончится благополучно, но предупреждаю, что вашу жену нельзя волновать. Даже то, что она вас увидит, будет для нее достаточным потрясением. Может быть, вы все-таки на сегодня откажетесь от свидания?

— Я могу отказаться,— медленно сказал Багар, с трудом ворочая словно распухшим языком.— Но как она?

— Ваша жена все время спрашивает о вас и плачет.

Багар закусил губу и спросил:

— Что же, по-вашему, будет для нее лучше?

Врач вздохнул.

— Пойдемте!

Через десять минут Багар покинул Хомутов. Когда он выехал за город, на Каданьское шоссе, по правой стороне которого за широкой равниной синели вершины Рудных

гор, солнце клонилось к закату. Багар остановил машину у обочины. Ему хотелось побыть одному. Никогда он еще не видел, чтобы Здена так плакала, как в тот момент, когда он вошел в крохотную палату хомутовской больницы, где его жена лежала одна. Лицо Здены было белее подушки, на которой разметались ее светло-каштановые волосы. «Прости меня, Ирка!» — сказала она и расплакалась. «Будь стойкой, Здена, и все поправится» — или что-то в таком духе ответил Багар, а врач взял уже его под руку и вывел в коридор.

Мимо Багара проехали телеги, груженные тощими снопами скудного урожая, который оставило крестьянам это знойное лето. Телеги покачивались, оси скрипели, сладковатый едкий запах лошадиного пота, воздух с примесью поднявшейся пыли, слабый запах перезрелого жита — вся эта смесь проникала в открытое окно машины Багара. Плато тянулось к подножию гор, пустынное и унылое, потемневшее и пожелтевшее; сжатые нивы чередовались со свекловичными полями, покрытыми поникшей ботвой, и с полями хилого клевера, от жары превратившимися почти в пустыри. Фруктовые деревья без плодов, с поредевшей листвой, в которой явственно виднелись ветви, похожие на проступающие жилы. И надо всем этим небо без единого облачка — синева, позолоченная лучами заходящего солнца.

Возы покачивались на проселочных дорогах, тучи пыли вздымались за ними и долго стояли в неподвижном воздухе. Так мало все это походило на уборку урожая и так напоминало картины безутешного похоронного шествия — одни похороны за другими... У Багара сжалось сердце от тревоги и страха. Ему хотелось поднять кулаки и погрозить... Кому? Чему? Этому страшному лету, отмеченному пустыми колосьями, выжженными солнцем лужайками, высохшими колодцами, преждевременно опавшими плодами? Преждевременно опавшими плодами?.. Вот именно! Это случилось и со Зденой. Кто же виноват, как не лето? Конец это или только начало новых бедствий?

Багар сжал кулаки на руле и глубоко вздохнул. «Хватит смятения духа, долой боязнь и слабость! Да, да! Но почему же я так вяло сижу здесь и никак не могу собраться с духом? «Прости меня, Ирка...» Точно я должен за что-то ее прощать! Ее, которая, как солдат, пошла именно на тот участок фронта, где грозил прорыв. Матвей, где ты и что сказал бы ты мне сейчас? Нет таких поражений, после которых мы, коммунисты, не могли бы оправиться и снова

перейти в наступление. Но это в мыслях и на словах, а где же их сила? Встряхните же меня, верните мне мужество, Матвей и Здена!»

Все в Багаре протестовало против поездки в Кадань, и все влекло его в хомутовскую больницу. Какая ночь ждет Здену? Критическая ночь, когда решается вопрос о жизни и смерти. Ты мог видеть это по глазам врача, по всему его поведению. Есть надежда, но есть и сомнения. Надо бы сидеть возле Здены, держать ее руку в своей — это придало бы ей сил. Но, если не рассказать сегодня же Гальчику о результатах поездки в Прагу, они, может быть, упустят время и Росмусу снова удастся вывернуться, а это нанесет ущерб государству и партии накануне жестоких боев. В том, что они будут, Багар не сомневался. «В конце концов, я могу заехать к Гальчику и вечером же вернуться в Хомутов,— решил он.— А если не будет возможности вернуться?»

Багар покачал головой и включил мотор.

Секретаря районного комитета он застал не дома, как ожидал, а в большом холодном и сумрачном кабинете.

Гальчик вышел ему навстречу и, взяв под руку, провел к своему столу и усадил в большое удобное кресло, которого раньше тут не было; видимо, товарищи поставили его к Гальчику, чтобы он мог делать передышки во время работы. Гальчик сам сразу же упомянул об этом.

— Садись сюда, Ирка. Эту штуку мне поставили, а я даже ни разу не испробовал. Дошло до тебя то, что я передавал?

Он говорил с Багаром мягко, как с больным. Багар кивнул.

— Как Здена? — продолжал Гальчик, стоя перед Багаром и пристально глядя на него. Багар покачал головой.

— Еще неизвестно. Я боюсь сегодняшней ночи, и доктор тоже, но скрывает это.

— Он хороший доктор, Ирка, я выяснял. Если бы ей грозила серьезная опасность, он бы тебе, конечно, сказал.

Но Багар снова покачал головой и возразил хрипло:

— Нет, не сказал бы.— Он опустил голову, закрыл лицо руками и продолжал глухо, подавляя рыдания: — Я этого боялся, все время боялся. Ты ведь знаешь.

— Знаю,— просто сказал Гальчик.— И ты помнишь, что я тебе ответил, когда ты пришел ко мне со своими опасениями. Так что ты вправе обвинять и меня.

Багар поднял голову, опустил руки и откинулся на

спинку кресла. Он был необычно бледен, складки около рта углубились, лоб бороздили морщины.

— Мне некого винить. Здена сказала мне: «Прости»! Словно у меня есть что прощать ей... Но как страшно... Ведь это был, можно сказать, живой человек. И, может быть, мы больше никогда...

Гальчик отвел взгляд к окну, и его правая рука невольно потянулась к левой стороне груди.

— Ты не имеешь права так думать,— задыхаясь сказал он.— А главное, никогда не говори этого Здене. Ей и без того нужны силы.

— Если бы все это пошло на пользу делу,— сказал Багар.

— Ты говоришь о запруде в Поточной? — спросил Гальчик, и на его похудевшем лице мелькнула улыбка.— Польза будет. Когда ты завтра поедешь к Здене, то можешь порадовать ее этим. Мне звонил товарищ Деймек: водоем начинает наполняться. Не позже чем послезавтра вечером оба насоса на водокачке будут пущены в ход. Мы нашли выход, Ирка, нашли его с помощью дочери Пальме, благодаря решимости твоего тестя и Здены, сумевшей воодушевить молодежь на первых шагах, которые решали все. Когда ты узнаешь подробности, то поймешь ясно, какое это было важное дело и насколько велика наша победа. Не только в Поточной, а во всем районе люди оценят деловитость и энергию коммунистов и скажут: «Если они провели нас через такие трудности, можно довериться им и в случае новых, еще более серьезных».

Гальчик закашлялся, нащупал чашку черного кофе и залпом выпил его, потом вынул платок, вытер слезящиеся глаза и вернулся на свое место за столом, избегая укоризненного взгляда Багара. Закурив сигарету, он поднял глаза на товарища.

— А теперь расскажи, что тебе удалось сделать в Праге.

Багар начал рассказывать. Он не без труда излагал результаты своей поездки. В целостной картине впечатлений, с которыми он уехал из Праги, образовались пробелы, словно в нее был брошен камень, пробивший как раз те места, где соединялись ее отдельные части. Мысли Багара все время возвращались к больничной койке, к лицу Здены белее подушки. Багар торопился, ему хотелось поскорей вернуться в Хомутов, но в то же время он сознавал, что не вправе упустить что-нибудь существенное в своем рассказе, не должен ничего исказить, ни по одному пункту не может

ограничиться лишь передачей общего впечатления, не подкрепив его точным изложением разговоров в ЦК и в управлении госхозов. Багар напрягал всю свою волю, стараясь быть точным. Но, наверное, со времени мучительных многочасовых допросов в гестапо его мысли не были так несвязны и наряду с этим так отчетливы в деталях, как сейчас, когда он, рассказывая о том, что видел и слышал и что об этом думает, ни на минуту не мог освободиться от неодолимой тревоги за Здену.

Гальчик не прерывал его и не помогал вопросами, когда Багар замолкал. Он курил, не произнося ни слова, и ждал.

— Вот, по-моему, и все, что я могу тебе рассказать,— заключил наконец Багар.

— Итак, похоже, что нам со всех сторон советуют махнуть рукой на это дело,— сказал Гальчик, наклонив голову и сунув правую руку за борт пиджака.— Что ж, можно и так сделать. Мы возлагаем ответственность на высшие инстанции, и они ее охотно принимают. Ну, а какова наша точка зрения? Удовлетворены мы тем, что нам предлагают?

— Не нравится мне все это,— устало ответил Багар.

— Тебе не нравится...— быстро начал Гальчик, но тотчас же понизил тон.— Знаю, что́ тебе не нравится, я сразу понял это по твоему рассказу. Но ведь невозможно, чтобы товарищ, которого мы все знаем столько лет, защищал Тимеша, не будучи в нем целиком уверен. Где еще люди лучше могли узнать друг друга, чем в жестоких условиях концентрационного лагеря? Если Тимеш проявил себя с хорошей стороны там, не может он быть очень плох. Я не хочу сказать, что нам не нужно приглядывать за ним и дальше. Но не только приглядывать, а и учить, и помогать. И если мы, несмотря на это, придем к другим выводам, чем пражский товарищ, они должны быть прочно обоснованы. Надо только хорошенько помнить, Ирка, что нет ничего более пагубного для нас, коммунистов, чем две крайности: обманутое доверие и необоснованное недоверие. А теперь о Росмусе. Я тоже не сомневаюсь, что наши враги попытаются нажить политический капитал, если мы не сумеем полностью изобличить Росмуса, так чтобы не было никаких сомнений. Другой вопрос, вправе ли мы опустить руки или надо с особой осторожностью продолжать поиски улик. Как ты думаешь?

— Возможности у нас небольшие,— сухо ответил Багар.— Остается только проверить документы в переселенческом бюро и записи в поземельных книгах.

В комнате быстро темнело, и Гальчик зажег настольную лампу. Рассеянный белый свет сильной лампочки подчеркивал бледность обоих собеседников. Гальчик слабо улыбнулся.

— Придется тебе подождать. Яноух-младший уже второй день в Праге и вернется только в понедельник. Двое его сотрудников в отпуску, так что бюро вообще не работает.

— Это не случайно,— быстро сказал Багар.— Почему они закрыли бюро как раз сейчас, когда нам нужно туда заглянуть?

Гальчик пожал плечами.

— Видимо, это просто совпадение. Затяжка им не нужна: если они хотели что-нибудь подделать, то давно уже выполнили свое намерение.

Сумерки прокрались на старинные улицы Кадани, площадь осветилась дуговыми фонарями, в домах зажигались огни.

— Что ты делаешь вечером, Ирка? — спросил Гальчик.— Приходи к нам ужинать. Я позвоню матери, что мы будем.

Но Багар отказался.

— Я зайду на минутку в РНК, взгляну, что там нового за эти два дня, а потом...— Он поколебался, словно стесняясь, и добавил тихо: — А потом вернусь в Хомутов.

— Какой смысл? — мягко сказал Гальчик.— Тебя не пустят к ней, да и нельзя пускать.

— Я не буду добиваться этого,— сказал Багар.— Пусть она знает, что я близко от нее. Я только этого хочу.

В нескольких окнах РНК еще горел свет. Багар с удовлетворением отметил, что освещены окна сельскохозяйственного отдела, кроме окон заведующего отделом Ваши Кроулика, несколько дней назад снова заболевшего ангиной, как его жена плаксивым тоном сообщила Багару.

В темный коридор, ведущий к кабинету Багара, падал свет из открытой двери одной из комнат. Багар остановился здесь и увидел за столом Алену, занятую подшивкой бумаг. Он вообще впервые увидел ее здесь в такой поздний час. Не только ее присутствие было необычно, но и сама Алена выглядела как-то странно. Однако Багар был так погружен в собственные заботы, что не стал разбираться в этих впечатлениях.

— Что вы тут делаете, барышня Зимова? — спросил он.

Алена удивленно подняла взгляд. Она работала автоматически, настолько занятая своими мыслями, что не слышала шагов Багара.

— Я ждала вас, пан председатель,— неуверенно ответила она.— Пан Деймек просил передать, чтобы вы позвонили ему сразу, как только приедете. Я приготовила свежую почту, она у вас на столе.

— Спасибо,— сказал Багар, снова погружаясь в свои мысли.

Деймек расскажет ему, как это случилось со Зденой. Но разве теперь это важно, если все равно ничего не исправишь. Лучше и не говорить с Деймеком! И как только старик вообще допустил, чтобы его дочь пошла на стройку плотины, да еще ночью!..

«Нет, я не прав,— сразу же устыдился Багар.— Место Здены было там, она вела молодежь, а молодежь своим примером увлекла других. Борьба за воду в Поточной — это часть борьбы, которая развертывается во всей стране, одна из стычек, в которых люди закаляются для решающей битвы. Здена это хорошо знала. Когда человек знает, к чему он стремится, он охотно идет на жертвы. Но кто бы сказал, что борьба потребует от них обоих т а к о й жертвы!»

Багар спохватился, что все еще молча стоит около Алены, и сказал смущенно:

— Спасибо за то, что вы так долго дожидались меня.

И он повернулся, но Алена остановила его вопросом:

— Пан председатель, как здоровье вашей жены? Не сердитесь, что я спрашиваю, вчера я работала рядом с ней.

— Вы работали рядом с ней? — изумился Багар.

— Да. Вам это, может быть, кажется невероятным? — Алена невольно повернула руки вверх ладонями — на них были лопнувшие волдыри. Девушка слабо улыбнулась.

— Простите,— сказал Багар, краснея в растерянности.— Я и представления не имел... Но если вы были вместе, то можете вы рассказать мне, как это случилось?

Алена покачала головой.

— Пани Багарова стояла рядом со мной. Я нагружала тачку глиной, потом выпрямилась, гляжу, а ее нет. Я подумала, что она перешла на другое место, и только позднее узнала, что ей стало дурно и что Деймек и Антош ее увезли.

— А вы не видели, поднимала она с земли какое-нибудь ведро?

— Ведро с земли? Нет! — ответила Алена, чувствуя, что у нее подкашиваются ноги.

Она слышала, что Багар сказал еще несколько слов и ушел. Алена осталась стоять, опершись руками о стол, не замечая, что у нее от этого еще сильнее болят ладони. Ведро с земли? Уж не то ли самое, что Здена подхватила, когда

оно скатывалось с тачки, куда его так неловко поставила Алена?

Алена закрыла глаза и постаралась представить себе этот короткий, занявший всего несколько секунд эпизод, на который она тогда не обратила внимания. Потом привычным движением сложила папки, поставила их на место в шкаф с опускающейся шторкой, убрала в стол незаконченную работу и вышла в коридор, слабо освещенный отдаленной лампочкой на лестнице.

Она остановилась только на улице, у входа в РНК. Мостовая еще дышала жаром знойного дня, от шоссе шел запах горячего, но уже остывающего асфальта, еле уловимо напоминая Алене о детстве. Тепло распространялось и от машины Багара, похожей на зверя, отдыхающего после долгого, утомительного пути; она пахла бензином, маслом и пылью.

— Председатель, я вижу, уже вернулся,— сказал за спиной Алены мужской голос, и она вздрогнула, услыхав его.— Он наверху?

Алена глубоко вздохнула и обернулась к поручику Календе. Только сейчас она заметила, что стоит, сжав кулаки с такой силой, что ногти больно впились ей в натруженные ладони. Она не видела Календы со дня встречи под липами в имении Росмуса. Алена посмотрела на него долгим, пристальным взглядом и наконец ответила:

— Пан председатель у себя в кабинете, но ему нужен покой. Если у вас нет совершенно срочного дела, не ходите к нему.

Календа подумал и сказал:

— Вы, видимо, правы. Не знаю, как чувствует себя человек, которого постигла такая беда, но ему, наверное, больше всего хочется побыть одному. Послушаюсь вашего совета и пойду восвояси.

Алена подошла вплотную к нему. Когда она заговорила и ее дыхание овеяло Календу, поручик почувствовал приятную дрожь.

— Вы сейчас заняты служебными делами, поручик?

— Нет,— ответил удивленный Календа.— А почему вы спрашиваете?

— Пойдемте пройдемся. Я не могу быть сегодня одна. Не отказывайтесь. Мне нужно кому-нибудь исповедаться.

— Но почему же именно мне? — сказал Календа.— Я думал...

— Не говорите, что́ вы думали,— прервала его Але-

на.— Не давайте мне повода считать вас бесчувственным человеком.

— А куда вы хотите пойти? — совсем растерянно спросил Календа.

— Разве около Кадани мало места? Или вы боитесь, что люди увидят, как вы гуляете со мной за городом? — И, так как Календа молчал, она добавила насмешливо: — Дайте людям один вечер поломать себе голову над этим фактом. На другой день они убедятся, что все это были пустяки. Или у вас, в КНБ, такие строгости, что даже нельзя вечером погулять с девушкой?

— Ну, пошли!

Календа размашисто зашагал. Алена догнала его и сказала:

— Только, пожалуйста, потише.

Они молча пошли рядом. Календа невольно выбрал дорогу,— может быть, потому, что она была короче,— по которой в Кадани с весны до осени ходят влюбленные парочки,— на круглый, напоминающий кудрявую голову холм, видный и из окон квартиры Багара. Зимой здесь можно было на свежевыпавшем снегу увидеть лисий след. Когда-то здесь был загородный парк — место прогулок каданьских жителей; за время войны парк пришел в запустение, дорожки заросли травой, или их преградил буйно разросшийся кустарник. Календа придерживал ветки, чтобы Алена могла пройти. Они никого пока не встретили. Те, кто сюда приходил, отыскивали себе укромные уголки в стороне от дорожек. Иногда Календа и Алена слышали голоса, торопливый шепот или визг и смех; звуки, казалось, доносились со всех сторон, но люди оставались невидимками.

Календа шел молча, не в силах избавиться от ощущения, что совершает что-то недозволенное и даже безрассудное, действует против своего убеждения и воли. Словно он нарушал присягу или выдавал служебную тайну, хотя он, разумеется, не делал и не собирался делать ничего подобного. Ему казалось, что он переступает какую-то границу в самом себе, чего человеку его склада нельзя делать, что он изменяет всему, ради чего до сих пор жил.

Перед ними открылась круглая лужайка, покрытая порыжелой травой. Алена и поручик остановились, запыхавшись. Обоих бросало в жар. Они не смотрели друг на друга, устремив взгляды на раскинувшийся внизу город, на его темную массу с неровными силуэтами крыш и светлыми прямоугольниками освещенных окон. Уличные фонари

отбрасывали длинные яркие полосы света, вычерчивая улицы, особенно те, что тянулись к окраинам и, потеряв свои огни, пропадали в темноте.

— Может быть, здесь? — хрипло сказал Календа. Мысль, что он поступает необдуманно и скверно, овладела им с новой силой.

— Сядем,— попросила Алена.— Я едва держусь на ногах.

— Как хотите.

Они сели на увядшую траву, которая пахла прелой соломой. Алена пошарила в сумочке и вынула пачку американских сигарет.

— Курите мои,— предложила она, но Календа раскрыл свой резной портсигар.

— В этом, я вижу, мы никогда не будем одной веры,— сказала Алена со вздохом, скорее наигранным, чем настоящим.

— А в чем мы можем быть вообще одной веры? — насмешливо ответил Календа и вдруг обрел утраченную уверенность в себе.

— Дайте мне вашу сигарету и огня,— сказала Алена.

Затянувшись сигаретой, взятой у Календы, она поперхнулась.

— Крепковата, а? — усмехнулся тот, уверенный теперь, что он устоит, что ему нечего бояться и даже не за что будет себя упрекать.

Алена не бросила сигареты, а продолжала молча курить, словно самым важным для нее сейчас было справиться с непривычным вкусом табака и с желанием раскашляться.

— Мы ведь пришли сюда не затем, чтобы только курить, верно? — сказал Календа, когда молчание затянулось. Алена затоптала окурок и ответила:

— Представляю себе, какого вы обо мне мнения.

Календа промолчал и вдруг, сам не понимая почему, почувствовал стыд, как человек, беспричинно обидевший кого-то.

— Вчера ночью я впервые в жизни работала лопатой,— начала Алена.— Не сумею объяснить, зачем я это сделала, но это правда.

Она запнулась, потому что хорошо знала причину своего поступка и ей не хотелось лгать. Календа молчал. Им снова овладело недоверие к девушке, которая влекла его и вместе с тем была чужда ему, судя по всему, что он о ней знал и о чем догадывался.

— Нет, неверно, будто я не знаю, зачем я туда пошла! — продолжала Алена.— Но это сейчас не важно. Вы всегда жили так, как вам хотелось. Погодите, это тоже неверно. Я хочу сказать, что вы никогда не поступали так, чтобы потом жалеть. Никогда не хотели изменить свою жизнь... знаете, так всю ее перевернуть, чтобы и следа не осталось от прошлого.

— Я вас не понимаю,— неуверенно пробурчал Календа, когда Алена замолкла и наклонилась к нему, чтобы лучше видеть его лицо в темноте, лишь слегка рассеянной отблеском городских огней.

Опять ее дыхание коснулось лица Календы, и снова его бросило в жар и холод, так что он даже стиснул кулаки.

Алена выпрямилась и заговорила, глядя перед собой:

— Мне нужно, чтобы вы меня поняли. На запруду же я попала... по другой причине, но в конце концов осталась там и работала лопатой. Как вы думаете, нравилось мне это? Не нравилось, не нравится и сейчас. Я натерла себе руки, у меня разболелась спина. Это слишком тяжелая работа, и она мне не по вкусу. И все-таки я осталась там. Значит, что-то мне там понравилось. Я спрашиваю себя, что? Может быть, я даже пошла бы туда еще раз. Возможно, лишь для того, чтобы наконец узнать, что же это было. Можете вы мне это сказать?

— Не знаю,— не без колебания сказал Календа.— Вы попали к людям, которые знали, для чего работают, и работали с охотой. Может быть, это вас и привлекло.

— Может быть.— Алена пожала плечами.— Помню, еще ребенком я играла с одним из своих двоюродных братьев. Он накрывал муху стаканом и держал ее там. Я терпеть не могла мух и теперь не терплю. Но помню, что я поссорилась и подралась с ним, требуя, чтобы он выпустил муху.

— А при чем тут вообще эта муха? — недоверчиво спросил Календа.

— Не понимаете? Иногда я ее вспоминаю, когда думаю о себе. Ужасная вещь произошла со мной, поручик, такая страшная, что я не в силах ничего понять сама. Мне надо было с кем-то поговорить об этом, потому я и позвала вас. Я вроде той мухи под стаканом: жужжу, летаю и не могу выбраться. Знать бы, как это сделать!

— Хоть убейте, не понимаю,— решительно сказал Календа.— Что-то вы мудрите. Скажите мне вкратце, что с вами случилось, тогда посмотрим.

— Дайте мне сигарету,— сказала Алена.— Мне хочется курить, и я буду курить ваши.

Она затянулась несколько раз, не кашляя больше, и стала рассказывать Календе о том, что, как ей казалось, произошло по ее вине. Где-то вдалеке, у Огрже, на повороте загудел паровоз. Запущенный парк вокруг был полон таинственных шумов, треска, приглушенных голосов и смеха. Из открытой двери окраинного трактира сюда долетала песня; ее пели грубые, пьяные голоса под заунывную мелодию гармоники. И голос Алены казался Календе неотделимым от этой ночи, чем-то далеким и призрачным, а вместе с тем манящим и зловещим, чего надо остерегаться.

— Скажите, поручик, возможно, что несчастье с пани Багаровой случилось потому, что она подхватила ведро, которое я так неудачно поставила?

«Зачем она вообще сунулась туда? — с досадой думал Календа.— Черт ее понес! Когда такие, как она, забираются к нам, не жди добра. И к чему она все это мне рассказывает? Поп я, что ли, чтобы мне исповедоваться? Не ждет ли она от меня утешения: она, мол, ни в чем не виновата, все — несчастная случайность? Я, стало быть, должен ее утешить, чтобы она не мучилась, что причинила страдания и непоправимый ущерб одному из лучших людей, каких я знаю? До чего Багары радовались ребенку, всякому прямо в глаза бросалось! И вот прибежала на запруду она — сама говорит, что не ради работы! — и принесла с собой беду».

— Багар вас спрашивал о случившемся. Что вы ему сказали?

В тоне Календы не было ни дружеского участия, ни даже простого сочувствия.

— Вы на меня сердитесь, да? — сказала Алена.— Вы меня сейчас ненавидите.

— Что за вздор! — смутился Календа.— Почему вы не скажете мне, что́ вы ответили Багару?

— Ничего,— был унылый ответ.— У меня не хватило духу сказать правду. Какой смысл говорить, что он не ошибается? Этим ничего не исправить, да я и не уверена, что с его женой случилось несчастье из-за того, что она помогла мне с ведром... Быть может, именно в эти минуты я стремилась к чему-то великому и прекрасному, быть может, я душой была даже близка к нему, хотя оно казалось совсем не таким, как я ожидала раньше. И в такой момент случилось то самое...

Календа молча пощипывал увядшую траву.

— А зачем вы вообще пошли туда?

Алена коротко и резко засмеялась. Она была на грани между слезами и истерическим припадком.

— Дайте мне еще одну сигарету,— попросила она.

— У меня больше нет. Придется вам курить свои.

На мгновение он увидел ее бледное лицо с ярко намазанными губами, освещенное огоньком зажигалки, и отметил про себя, что волосы Алены не распущены по плечам, а собраны сзади в тугой узел. Календа вырвал клок травы и бросил ее в темноту, которая стала еще чернее, после того как погас огонек зажигалки. Но перед его глазами почему-то все еще стоял желтый отблеск этого огонька.

— Вы не ответили на мой вопрос,— сказал он чуть хрипло.— Что вас вообще привело на стройку запруды в Поточной?

— Я думала, что встречу там вас,— ответила она тихо.

Горячая волна залила все тело, кинулась в голову Календы. Очевидно, по этой же причине алый отблеск зажигалки все еще стоял перед его глазами и даже увеличился, отдалился и сосредоточился на одном месте над крышами города. Алена сидела неподвижно, и только когда она поднимала руку с сигаретой и затягивалась, красный свет озарял ее лицо.

— Я не должна была этого говорить,— сказала она так же тихо.— Но это правда: я искала там вас.

Горячая волна вдруг опала, и как-то сразу, без перехода, Календой овладела холодная ярость. Но алый отблеск перед глазами не исчезал, а все еще виднелся над городом. «Это из-за ее сигареты,— подумал поручик.— Не надо на нее смотреть! Она искала там меня!.. А я сижу тут, дурак дураком, слушаю, что она мелет, и у меня чуть было не закружилась голова от ее глупостей. Чего доброго, я в конце концов возьму на себя вину за несчастье, которое постигло Ирку и Здену...»

— Поручик, неужели у вас не найдется для меня ни одного человеческого слова?

Голос Алены прозвучал глубоко и мягко, как флейта. Она сидела все так же неподвижно, только загасила сигарету. «Какое человеческое слово? — подумал Календа.— А может быть, и вправду ей нужно такое слово? Может быть, она несчастнее, чем я думаю. Но что я о ней знаю?»

Зарево разливалось над городом, ширилось, наливалось внизу желтизной. Календа взял Алену за руку и почувствовал, как она сразу прильнула к нему плечом, полная ожидания.

— Взгляните туда, вниз,— сказал он.— Вы тоже видите это?

Он услышал вздох разочарования. Девушка отодвинулась от него и через мгновение сказала:

— Это пожар. Горит где-то в городе.

В мгновение ока Календа был на ногах.

— Дайте мне руку и держитесь ближе ко мне. Я выведу вас отсюда.

Горел домик местного переселенческого бюро. Календа застал там не только пожарную команду, но и своих сотрудников, а также солдат гарнизона. Но сделать, по-видимому, уже ничего было нельзя, домик был обречен на гибель. Солдаты удерживали любопытных на безопасном расстоянии, чтобы никто не мешал пожарным. Обходя их, Календа встретил Багара, который стоял с Гальчиком и командиром воинской части. Чувствуя себя виноватым, Календа поспешно сказал, чтобы предотвратить неудобные вопросы:

— Надо же этому случиться именно в мой выходной день!

Гальчик все-таки успел шепнуть:

— А где ты был, товарищ Календа? Тебя не могли найти.

— За городом.— Календа поспешил отвернуться и уставился на языки пламени, выбивающиеся из окон верхнего этажа двухэтажного домика.— Увидя зарево над городом, я тут же помчался сюда. Как все началось? Был кто-нибудь в доме?

— Эти вопросы предстоит разрешить тебе, когда пожарные закончат свое дело и пожарище немного остынет,— отозвался Багар. В отблесках пламени его лицо казалось еще больше осунувшимся, складка у рта выражала страдание и нервное напряжение.— Переселенческое бюро не работало уже два дня. Сотрудники в отпуске, а Яноух-младший в Праге. В доме был только сторож, живущий в первом этаже. А пожар начался во втором, где находятся служебные помещения.

— Вы говорили со сторожем? — спросил Календа.

— Пульда его спрашивал,— ответил Багар.— Сторож считает, что произошло короткое замыкание. Сегодня вечером у него дважды перегорали пробки, и он менял их. А примерно через час после того, как он сменил их вторично, кто-то позвонил у дверей и крикнул ему: «Послушайте, у вас горит второй этаж!» Он побежал наверх, отпер двери в канцелярию, но всюду уже пылал огонь и было полно дыму, оставалось только вызвать пожарную команду.

Багар говорил устало, осипшим голосом. Гальчик поглядел на него сбоку и сказал:

— Можешь идти, Ирка, куда собирался. Я побуду здесь.

— Как же я уйду,— почти огрызнулся Багар,— оглянись и сообрази, что здесь может случиться.

Домик переселенческого бюро стоял отдельно, в небольшом садике. Сразу же за ним начиналась уличка старых, по большей части пустующих домов, крыши которых сильно обветшали от непогоды и времени. Сухие стропила горящего дома корчились в пламени и рушились; каждый раз, высоко взметнувшись, снопы искр, подхваченные порывами ночного ветерка, разлетались далеко кругом. По просьбе Багара командир воинской части вызвал еще один взвод и расставил солдат в уличке и на чердаках пустых домов. И все же не было исключено, что искра залетит на неохраняемое место и пожар перекинется туда, где его меньше всего ожидают.

Гальчик не ответил Багару, вместо него отозвался Календа:

— Следов, вероятно, останется немного. И все же я готов держать пари, что пожар вспыхнул словно по заказу.

— Можешь не держать пари,— ответил Гальчик.— Если бы Яноух-младший не приехал и завтра, мы все равно вскрыли бы помещение переселенческого бюро и устроили официальную проверку. А сейчас там превращаются в пепел единственные следы того, как Росмус захватил грюнские участки. А мы можем только беспомощно созерцать происходящее.

— Но ведь Яноуха здесь нет,— сказал Календа.

— Нет ни здесь, ни у его почтенного отца,— ответил Гальчик.— Это называется полное алиби.

— А что представляет собой сторож?

— Наш товарищ, коммунист. В партию вступил еще до войны. Он шахтер, работал на открытых разработках угля и приехал сюда из Моста. За домом, собственно, присматривала его жена, тоже член партии. Мы хорошо знаем обоих, и я уже беседовал с ними. Яноуха они терпеть не могут, но говорят, что не представляют себе, как он мог подстроить поджог, чтобы пожар начался через двое суток после его отъезда. Оба считают, что причина пожара — короткое замыкание, но как оно возникло и почему так быстро распространился огонь, объяснить не могут. Говорят только, что в бюро от бумаг повернуться было негде и они всегда

боялись, что в случае пожара его будет трудно погасить. На этот счет они не ошиблись.

Едва Гальчик договорил, стропила горящего здания рухнули со страшным треском. Искры и пылающие головешки, как от взрыва, взлетели вверх и посыпались во все стороны. Верхний этаж домика превратился в огромный костер, пышущий невыносимым жаром, в воздух взметнулись горящие бумаги. Это было необыкновенное зрелище: казалось, жар-птицы взлетают и кружатся, взвиваясь над объятым пламенем домом; ветер подхватывал и уносил их. Теперь вспыхнул и нижний этаж.

— Сам видишь, что у тебя почти нет надежды установить причину пожара,— сказал Календе Багар.— Но нам с тобой, Гальчик, не надо забывать, что существуют еще поземельные книги. Следует сейчас же, ночью, обеспечить их сохранность, чтобы до утра с ними ничего не случилось.

— Послать туда парочку твоих ребят, а, Календа? — согласился Гальчик.— Здание суда недалеко отсюда, и мы сможем мотивировать эту меру предосторожностью от пожара.

Календа подозвал двух сотрудников и послал их к судье Тайчу. Багар тем временем прошел в нижнюю уличку и увидел, что каданьская молодежь и подростки усердно помогают солдатам — парни залезают в старые заброшенные дома и мокрыми тряпками на длинных шестах тушат залетевшие туда искры и горящие головешки. Багар прошел по этим домам и убедился, что его опасения основательны. В некоторых местах занялись крыши и тлели уже так сильно, что вот-вот мог вспыхнуть новый пожар. Добровольные помощники передавали из рук в руки ведра с водой из уличных колонок; в конце цепи стоял солдат. В некоторых домах пришлось сорвать даже часть прогнившей крыши. Багар переходил в угрожаемых местах от дома к дому, поднимался по ветхим лестницам, заглядывал в пустые комнаты, призрачные и жуткие в свете отдаленного огня.

И все время, с того мгновенья, когда он услышал пожарный сигнал и из окна своего кабинета в РНК увидел зарево над городом, до той минуты, когда он вернулся на исходный пункт перед домом переселенческого бюро, его ни на минуту не покидала мысль о Здене. «Мне, конечно, нельзя уйти,— думал он, и эта мысль неотступно преследовала его.— Но хотя бы знать, как она себя чувствует!»

Выйдя из узкой улички на более широкую, где на другом конце пылал дом переселенческого бюро, Багар

увидел обособленную группу зрителей, показавшихся ему знакомыми. Он подошел и узнал советника юстиции доктора Альберта Зиму, его дочь Алену и судью Тайча. Багар поздоровался и спросил Тайча, передали ли ему просьбу Гальчика. Но судья ответил, что, к сожалению, его не было дома: с того момента, как он узнал о происшествии, он вместе со своим гостем и его дочерью наблюдает здесь за пожаром.

— Прискорбный случай, весьма прискорбный! — продолжал судья.— Не только значительный материальный ущерб, но в данном случае, полагаю, и невозместимая утрата ценной, в некоторых делах прямо-таки решающей документации. Я опасаюсь, что в огне погибли весьма важные документы из судебного архива.

— Я вас не понимаю,— сказал Багар и наклонился над коротышкой судьей, чтобы лучше видеть его лицо.— Какие документы, принадлежащие суду, могли находиться в переселенческом бюро?

— Чувство коллегиальной солидарности,— ответил судья Тайч, который в разговоре слегка брызгал слюной, но говорить любил и с упоением прислушивался к своим витиеватым фразам,— чувство коллегиальной солидарности побуждало нас всячески содействовать сотрудникам переселенческого бюро, выполняющим нелегкую и ответственную работу. Для установления точных границ новых земельных владений у них иногда случается надобность в наших поземельных книгах. Поскольку для работы над ними переселенческому бюро пришлось бы буквально переехать к нам, а у нас крайняя теснота, мы избрали обратный, более удобный способ и время от времени передавали необходимые книги туда. Разумеется, бюро, закончив работу, незамедлительно возвращало нам книги в полнейшем порядке.

— А допустима ли вообще такая практика? — спросил Багар, оправившись от изумления.

— Прежде она не была принята,— снисходительно улыбаясь, ответил Тайч.— Но прежде в ней и надобности не было. Однако заверяю вас, и пан старший советник юстиции безусловно подтвердит мои слова, что нынешнее время вносит много непривычного в судебную практику. В частности, например, вмешательство административных органов любого характера или масштаба, а также общественных организаций в решения суда и даже противодействие им.

Сказав это, судья Тайч сделал довольную мину челове-

ка, преподнесшего своему оппоненту хорошую пилюлю. Не парируя этого выпада, Багар спросил:

— Вы хотите сказать, что в переселенческом бюро сгорело вместе с другими документами и несколько поземельных книг?

— Должен с прискорбием признать, что именно этого я и опасаюсь.

Багар стоял неподвижно и размышлял, сдерживая гнев. Он нисколько не сомневался, какие именно книги сгорели.

— Вы превысили свои полномочия,— сказал он наконец.— Многие люди вашего типа сейчас охотно утверждают, что правопорядок подорван, гражданские свободы под угрозой, законы попраны. А я скажу вам вот что: хотя мы и переживаем небывалые революционные преобразования, это не значит, что судьи могут превращать доверенные им архивы документов во что-то вроде библиотеки с выдачей книг на дом.

— А не могли бы вы точнее пояснить, к какому именно типу людей вы меня относите? — брызгая слюной, закричал судья Тайч.

— Об этом вы подумайте сами,— ответил Багар и усмехнулся впервые за этот трудный и полный волнений день.— Возможно, нам удастся найти способ привлечь вас к ответственности, хоть мы и не рассчитываем в этом на содействие вашего министерства.

Судья Тайч дернулся и чуть не подскочил на месте, но, почувствовав, что его руку крепко сжали костлявые пальцы советника Зимы, шумно перевел дыхание и шутовски раскланялся.

— К вашим услугам, пан председатель. Позвольте только выразить сомнение, удастся ли вам это. Есть еще остатки демократии в нашей стране, еще не умерла она, еще жива, и есть люди, которые не перестали верить в ее славное возрождение. Откажи я переселенческому бюро в книгах, вы бы, несомненно, попытались привлечь меня к ответственности за саботаж освоения Пограничья. Посему имею честь довести до вашего сведения, что в дальнейшем ознакомление с поземельными книгами будет возможно только через посредство лиц, которых я на это уполномочу. Таково мое решение, и оно незыблемо до тех пор, пока я занимаю пост председателя суда в этом районе!

Он отвернулся от Багара и обратился к советнику Зиме:

— Уважаемый пан советник, разрешите мне удалиться. Я вполне насытился этим нероновским зрелищем. Вы

можете вернуться в любое время, постель для вас будет готова.

И он зашагал, пыжась и помахивая тросточкой.

— Но ведь это незаконное распоряжение, папа,— сказала Алена, когда он ушел.— К поземельным книгам всегда должен быть свободный доступ.

— Вот видите, пан председатель, что значит наследственность юридического мышления,— с улыбкой заметил Зима.— Что касается решения судьи Тайча, о котором он сейчас столь демонстративно заявил, то я полагаю, что оно принято в состоянии раздражения и лишь напрасно укрепило бы подозрения пана Багара. Если в конце концов обнаружится, что на пожаре сгорело несколько поземельных книг, положение судьи Тайча будет не из приятных. Может случиться, что именно те, кто, как он утверждает, нарушают законы, беспощадно применят против него букву закона.

— О каком подозрении вы говорите, пан советник? — резко спросил Багар.

— Право, не знаю,— небрежно ответил советник Зима, пожав плечами.— Но мне показалось, что в вашем разговоре с судьей Тайчем с обеих сторон осталось что-то недоговоренное и что вы имеете в виду какие-то вполне определенные поземельные книги. Если я ошибся, отнесите это, пожалуйста, за счет фантазии старого судейского крючкотвора и извините меня.

— И почему только люди с таким образованием и опытом, как у вас, не могут или не хотят понять, на чьей стороне сейчас правда? — сказал Багар.

— Несомненно, и мы думаем, что защищаем осознанную правду, как сказали бы наши предки,— ответил советник Зима.— Разница только в точке зрения.

Улица, озаренная больше мерцающим пламенем пожара, чем уличными фонарями, вдруг ярко осветилась: в горящем доме обрушилось междуэтажное перекрытие. Снопы алых искр и головешек опять взметнулись к небу, высоко разлетелись горящие бумаги. Багар поспешно извинился и побежал в уличку старых домов.

— Какую же правду ты защищаешь, папа? — спросила Алена.

— Ты, очевидно, не видишь ее,— ответил советник.— Я слышал, что ты участвовала ночью в какой-то трудовой бригаде в Поточной. Уверяю тебя, что это не наш путь.

— И тебе никогда не бывает стыдно перед этими людьми?

— Перед какими людьми?

— Ты хорошо знаешь, кого я имею в виду.

— А почему мне должно быть стыдно перед теми, кто хочет отнять у меня все, во что я верю и ради чего живу? Почему я должен стыдиться того, что я против них предприму, или методов, которые я по необходимости избираю? Я хотел бы, чтобы это было тебе ясно раз и навсегда.

Алена не отвечала, и советник, помолчав, продолжал:

— Пюхлер сказал мне, что сделал тебе предложение и ты ему отказала. Может быть, у тебя есть лучшие претенденты?

Алена громко засмеялась.

— Барчонок пожаловался папочке, чтобы тот вразумил меня.

— Я никогда не вмешивался и не буду вмешиваться в твои личные дела,— сказал советник Зима, и в его голосе прозвучала обида.— Но сейчас такое время, что я вынужден интересоваться, как ты намерена жить. Я вынужден спросить об этом, чтобы в конце концов не оказаться под угрозой со стороны собственной дочери.

— Какой же я могу быть для тебя угрозой, папа? — устало сказала Алена.— Ведь ты...

Она не докончила фразы и только покачала головой.

— Договаривай. Что ты имела в виду?

— Нет смысла говорить, папа. Я не по ту сторону баррикады, если ты имеешь что-то такое в виду. Я не там... если бы даже и хотела. Не знаю, что я там стала бы делать, да и никому я там не нужна. Пойду спать. У меня это вторая бессонная ночь, но не такая, к каким я привыкла, и потому я устала.

Советник Зима предложил проводить ее домой. Алена не посмела отказаться и тем самым погасила в себе последнюю слабую надежду, которую связывала с необходимостью пройти мимо толпы, окружившей пожар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Лето в этом году долго не хотело сдать осени свою жестокую власть. Но наконец на горных склонах и плато начались осенние резкие ветры и сырые туманы, холодная «крупа», моросящий дождь и ранние сумерки. Плоды давно опали еще незрелыми, оголенные деревья скрипели под незатихающим ветром, не кружились больше по земле преждевременно облетевшие листья, и только порывы вет-

ра еще доносили слабый запах их тления, пробуждая тоску. Пахло перепаханной землей, навозом, который возили в поле, дымом, ползущим по мокрым, блестящим крышам домов.

Жатва дала едва ли треть ожидаемого урожая. Зато амбары голов и сердец наполнились тревожными мыслями и гнетущими чувствами. Голод не пришел в страну, от него спасла Чехословакию братская щедрость советского народа: у станции Черная, близ Чопа, через границу между обоими государствами потоком лилась золотая колхозная пшеница. «Они не забыли о нас,— говорили друг другу чехи,— во второй раз они несут нам спасение». Но шептуны, обманувшиеся в расчетах, видя, что их главный козырь бит этим простым фактом, выразившим веру одного народа в жизненные силы и верность другого, старались внушить сомнения в бескорыстии этой помощи. «А чем же мы будем за нее платить?» — вопрошали они, уверяя, что советская пшеница гораздо дороже той, которую можно было бы купить на мировом рынке, если бы нам была дана свобода выбора, если бы мы вновь могли беспрепятственно торговать с теми, от кого искусственно оторваны.

Эта кампания вскоре потерпела крах: были опубликованы убедительные цифры. Да и вообще трудно было внушить подобное народу, который еще не забыл советских воинов. Тогда шептуны начали новый поход, показавший, к чему они готовятся и на что рассчитывают. Если удастся поколебать в народе чувство благодарности и любви к Советскому Союзу, постепенно они добьются и всего остального. Прикрываясь рассуждениями, что «народ Масарика примет правду, какой бы горькой она ни была»,— чехи, мол, умеют реалистически смотреть на вещи и принимать трезвые решения,— шептуны стали насмешливо спрашивать, как обстояло дело с освобождением Праги советскими войсками. Бывшие крупные собственники, ошеломленные первой волной национализации и судебными процессами против коллаборационистов, начинали приходить в себя и готовились перейти от мелких стычек и упорной подрывной работы к решающему наступлению по всему фронту. Неделями тянувшиеся язвительные газетные споры о том, кто был и кто мог бы быть освободителем Праги, наконец угасли; народ отнесся к ним с отвращением, у него были другие, более серьезные заботы. Деревня спрашивала, кто возместит ей ущерб от засухи и когда наконец будет проведена подлинная земельная реформа, чтобы покончить с остатками произвола помещиков, кулаков и промышлен-

ных и финансовых магнатов, нуворишей всех типов и масштабов, которые никогда не занимались сельским хозяйством, но через посредство экономов и арендаторов эксплуатировали трудовую деревню.

В стране было еще немало богачей с миллионными состояниями и стотысячными доходами разнообразного, но отнюдь не трудового происхождения. Обложив их налогами, можно было бы получить средства, необходимые для помощи сельскому хозяйству, пострадавшему от жестокой засухи. Но сопротивление этой мере, поднявшееся в печати и на сборищах, организованных реакционными партиями Национального фронта, показывало, что собственники не собираются отступать ни на шаг, что они готовят открытый раскол и столкновение в Национальном фронте.

В Каданьском районе, как и по всей стране, агитаторы национальной социалистической, социал-демократической и католической партий развили активнейшую деятельность. Гальчику, Багару и другим деятелям коммунистической партии приходилось посещать десятки собраний, где надо было опровергать вымыслы, распространяемые «друзьями народа». Потерпев поражение на митингах, где граждане задавали агитаторам реакции неприятные вопросы и в конце концов со смехом выпроваживали их за дверь, реакционеры переменили методы: они стали в одиночку обрабатывать слабохарактерных людей, не добившихся удовлетворения какого-нибудь своего ходатайства, прельщая их посулами, разжигали в них ненависть, сеяли сплетни, клевету, глухие угрозы, запугивали «силами из-за рубежа, которые непременно помогут восстановить правопорядок в стране, находящейся под угрозой коммунистической диктатуры». Даже демократические выборы, на которые они так рассчитывали, теперь казались им опасными. «Почему, собственно, коммунисты так хотят завоевать пятьдесят один процент голосов?» — спрашивали они. И отвечали: «Только затем, чтобы добиться неограниченной власти. Народ, объединившийся против коммунистов,— кричали они,— найдет возможность провести выборы в иных условиях, когда минует опасность решающей победы коммунистов».

Гальчик опять работал с полной нагрузкой, забыв о предостережении, полученном летом. Совещание за совещанием проходили в его просторном кабинете, где бывало так накурено, что с одного конца длинного стола трудно было различить лица сидящих на другом. Так проходили дни, а вечера Гальчик просиживал в прокуренных тракти-

рах в деревнях и городках района на бесконечных собраниях, где коммунистам приходилось в ожесточенных спорах разоблачать клеветников, уличать их во лжи и снова и снова терпеливо объяснять народу подлинные замыслы реакции. Домой Гальчик возвращался поздно ночью, а зачастую и под утро, и сразу засыпал тяжелым беспробудным сном, который редко продолжался больше четырех часов. Просыпался Гальчик от внезапного озноба или от удушливого кашля и потом долго сидел на кровати, весь в холодном поту, вцепившись пальцами в левую сторону груди над бешено бьющимся сердцем.

В эти тревожные осенние дни, когда в природе все готовилось ко сну, а среди людей, наоборот, усиливалось брожение и вражда и близилась великая очистительная буря, не легче жилось и Багару. А может быть, кто знает? — так было лучше для них, потому что в напряжении и спешке, возраставших с каждым днем, у Здены и Иржи не было времени задумываться о постигшей их тяжелой утрате. Мысль о ней таилась где-то в глубинах сознания, особенно у Здены, и лишь иногда давала себя знать приступом острой, почти физически ощутимой тоски. Неожиданно Здена поправилась очень быстро, уже через месяц после выхода из хомутовской больницы лицо ее снова стало румяным, но в серо-зеленых глазах, несмотря на их блеск, жила затаенная печаль, и они иногда слегка затуманивались. Багар, случалось, заставал ее заплаканной или просто тупо глядящей перед собой.

Наступало время великих переломных событий, и было необходимо, конечно, чтобы молодежь осознала, что решается ее будущее. Даже те, кто собирался остановить колесо истории и повернуть его вспять, не забывали о молодежи; из юношей, чьи школьные годы прошли в роковой период оккупации, когда делалось все возможное, чтобы извратить смысл уроков истории, реакционеры пытались создать «ударные отряды» будущих фашистов. У Здены не было ни дня покоя, она ездила с места на место, устраивала вечера культурного досуга, опираясь в своей работе прежде всего на крепкое ядро молодежи, созданное ею в Поточной. Эти ребята знали, чем она пожертвовала ради их городка, и, возглавляемые Коринтой, охотно следовали за Зденой всюду, где ей была нужна их помощь.

В общем, можно было сказать, что в жизни Багаров мало что изменилось, только работы у них прибавилось и видеться они стали еще реже. Опять начались поздние возвращения домой, и тот, кто приходил первым, терпеливо

дожидался другого, если только не засыпал от усталости; опять настали тихие утра, когда Багар просматривал за завтраком вчерашнюю корреспонденцию, которую не успел прочесть накануне, и прислушивался к тихим шагам Здены, торопливо хлопочущей по хозяйству. В доме было прохладно, а иной раз нестерпимо холодно, потому что на улице дул пронизывающий осенний ветер, а квартира Багара целыми днями стояла пустая и нередко оставалась нетопленой.

Ноябрь, подумать только, ноябрь! А на деревьях уже ни листочка, лишь голые ветки торчат в садике перед окнами и вон там, на холме, под серым, низко нависшим небом. Странное, хмурое время! Кажется, что пришел конец всем надеждам... Случайный взгляд на тучи, клубящиеся на небе, вызывает у Багара безотчетную тоску, которая еще обостряется от гнетущего воспоминания.

Багар проводит рукой по лицу. Нет времени на такие мысли, от них только слабость, только вялость. Багар снова берется за корреспонденцию и извлекает из нее толстый конверт. Вскрыв его, он пробегает глазами первую страницу и восклицает взволнованно:

— Здена!

Прибегает Здена. Она уже в сером пальто, завитки светло-каштановых волос выбиваются из-под синего берета.

— Вот погляди. Последний акт комедии, последний козырь, который они прятали в рукаве! Теперь они наверняка считают, что окончательно взяли над нами верх.

— Значит, Пюхлер все-таки выиграл дело,— вздыхает Здена, прочитав письмо.— Это невероятно. Наши суды ведут себя так, словно ничего не изменилось. Посмотри только на приведенные здесь статьи законов: они выносят решения, руководствуясь кодексами времен Франца Иосифа.

— Если им позволить, они найдут случай применить и патенты Марии Терезии,— улыбается Багар.

— Что ты думаешь делать, Ирка? Ведь это немыслимо! Если мы уступим, они повернут дело так, что стоимость всех национализированных предприятий будет взыскана с рабочих.

Багар собирает с обеденного стола бумаги и укладывает их в портфель. Он весело глядит на жену.

— Ты за то, чтобы не сдаваться? Я тоже. Но вот тебе, пожалуйста, постановление верховного суда. Ты сама можешь прочитать в примечании, что оно окончательное

и обжалованию не подлежит. Согласно этому постановлению я должен позаботиться, чтобы Пюхлер был введен в наследство, и в случае надобности послать Календу и его ребят помочь ему, если кто-нибудь воспрепятствует приходу пана фабриканта.

— Ирка, не остри,— взволнованно говорит Здена.— Шутки в сторону. Ведь они хотят, чтобы ты именно так и сделал.

Багар, уже с портфелем в одной руке, привлекает жену к себе.

— А как ты думаешь, я сделаю это? — говорит он.— Понимаешь ведь, что не сделаю, даже если на меня ополчится весь мир. В случае чего поеду к товарищу Готвальду, расскажу ему, как обнаглела у нас реакция. Но нам нужна поддержка здесь, на месте. А это решается не в РНК, а у рабочих на текстильной фабрике. И мне странно, что до сих пор не звонил твой отец или кто-нибудь еще.

Позднее выяснилось, что Деймек и Лойзик Мареш с утра попеременно пытались связаться по телефону не только с Багаром, но и с Гальчиком, звонили последнему и на квартиру, и в районный комитет, но ответ был один и тот же: каданьская почта не может соединить с этими номерами, где-то, по-видимому, серьезно повреждена линия. Позднее даже послали монтеров выяснить, где прервана связь. Оказалось, что в нескольких местах — и не только там, где это было необходимо для связи с Гальчиком и Багаром,— разбиты изоляторы. Петли проводов сползли на скобы, и таким образом возникла утечка тока. Похоже было, что компания мальчишек упражнялась в стрельбе из рогаток, выбрав себе целью телефонные изоляторы, а кое-где также и лампочки уличных фонарей. Возможно, что так и было, но могло быть и иначе; скорее всего связь повредили умышленно, а одновременно для отвода глаз разбили и другие изоляторы и лампочки. В Поточной кому-то важно было выиграть время для маневра, когда и полчаса, потерянные противником, могут иметь решающее значение.

Со временем, когда все эти волнующие события отошли в прошлое и стали предметом воспоминаний, многие факты, казавшиеся тогда незначительными, предстали в ином свете,— стоило только сопоставить одни с другими и представить себе, что могло произойти, если бы тем, кто коварно распространял определенные лозунги среди возбужденных работников текстильной фабрики и других жителей Поточной, удалось увлечь людей за собой.

Весть, что верховный суд вынес решение в пользу

Пюхлера, разнеслась по Поточной на добрых двенадцать, если не четырнадцать часов раньше, чем почта принесла ее народному управляющему Трнцу и председателю фабкома Лойзику Марешу. Когда ее получил Виктор Пюхлер, узнать так и не удалось. Народные управляющие различных мелких предприятий, услыхав эту новость, удовлетворенно ухмылялись. Интересно было то, что новость передавали из уст в уста по всему району, но тщательно обходили при этом коммунистов. О ней, видимо, знал и кое-кто из работающих на фабрике, особенно служащие, а из рабочих — члены социал-демократической партии. К ним новость дошла вместе с призывом, выдвинутым на следующий день.

Однако к Лойзику Марешу пришел член фабкома, тот самый служащий, что участвовал уже когда-то в переговорах с Виктором Пюхлером по поводу решения районного суда, член национальной социалистической партии, по имени Владивой Раб, человек несколько застенчивый и восторженный поклонник Советской Армии. В последнее время в душе у него шла жестокая борьба между тем, что говорила печать его партии, и его собственным чувством справедливости и патриотизма, воспитанным в традициях девятнадцатого столетия. В Поточной вряд ли был другой человек, в котором так сочетались бы жажда подвига со стеснительностью и робостью.

Владивой Раб рассказал Марешу, что вечером в Поточную приехали Ваша Кроулик и Любомир Мацак. В гостинице Рейзека они собрали закрытое собрание членов своих партий, объявили о решении верховного суда в пользу Виктора Пюхлера и пожелали узнать мнение собравшихся. К своему удивлению, они убедились, что члены их партий, работающие на текстильной фабрике, и слышать не хотят о частном предпринимателе, а единодушно высказываются за присоединение предприятия к какой-нибудь крупной национализированной фирме. Кроулик и Мацак сначала попытались припугнуть собрание, а потом применили другую тактику, по мнению Раба на сей раз небезуспешную. Они сыграли на национальных чувствах своих единомышленников, намекнув им, что решение верховного суда в пользу Пюхлера, видимо, инспирировано коммунистами, в партии которых, мол, больше всего евреев. После собрания Раб беседовал с сослуживцами, состоящими в социал-демократической партии, и те были полны решимости не пускать Пюхлера на фабрику, но одновременно расправиться и с коммунистами за их постоянную поддержку евреев, как они уверяли.

Мареш привел Раба к Деймеку. Председателя МНК они нашли в кухне, единственном отапливаемом помещении в доме. Пуская облака табачного дыма, он одолевал служебные бумаги. Напротив сидела его жена и, надев на нос старенькие очки в стальной оправе, читала «Руде право».

— Пусть только попробуют еще раз! — возмутилась она, выслушав рассказ Раба, и встала.— Увидят, как мы им дадим по рукам!

— Садись, мать, и не волнуйся! — веско сказал Деймек.— Письма на этот счет я не получал. Но Владивою Рабу я верю. Не могу только понять одного: как они могли узнать о решении суда, если о нем еще нет официального извещения.

— А про судью Зиму ты забыл? — заметил Мареш.

— Верно, так оно и есть,— согласился Деймек.— Других способов у них нет, так двинули на нас своих судей и параграфы. Одного судью мы отсюда поперли, так теперь другой выскочил, как черт из коробочки. Интересно, что они придумают, когда мы погоним и этого. Но одно ясно — они не утихомирятся, пока будут в силах хотя бы пальцем пошевелить.

Но советник Зима был теперь абсолютно уверен в победе верховного суда. Он с усмешкой слушал встревоженных Кроулика и Мацака, рассказывающих собравшимся у Росмусов гостям о закрытых собраниях в Поточной.

После загадочного пожара в переселенческом бюро судье Тайчу пришлось покинуть Кадань. Было трудно сохранить его на посту, когда выяснилось, что он незаконно выдавал поземельные книги и что среди сгоревших оказались как раз те, по которым можно было проверить принадлежность спорных участков.

Глядя на языки пламени, пляшущие над сосновыми поленьями в камине, советник Зима невольно вспоминал ночь, когда произошел пожар. Да, судью Тайча не удалось сохранить в Кадани, но министр юстиции не забыл услуги, оказанной Тайчем его родственникам, и перевел судью с повышением — теперь он стал первым помощником старшего судебного советника Зимы. Окончательное решение о праве собственности на текстильную фабрику было делом рук обоих этих юристов. Вопрос о размежевании земли между Грюном и Вршем они же, сославшись на недостаточность документального материала, превратили в бесконечную судебную тяжбу. Противной стороне остается сейчас лишь одно: ждать новой земельной реформы и доби-

ваться, чтобы частное землевладение было ограничено пятьюдесятью гектарами. «Поистине, это смехотворно!» — улыбаясь, думал советник Зима, уверенный, что близки победы куда более крупные, чем те, которых можно достичь в тяжбах о текстильной фабрике и о спорных земельных участках.

Советник Зима отпил коньяку из рюмки, оглядел присутствующих и подавил улыбку. «Тогда,— продолжал размышлять он,— среди гостей в имении Врш не будет больше таких типов, как Кроулик, Мацак и даже Яноух, чей сын, правда, очень помог так замечательно запутать дело. Молодой человек даже не служит больше в переселенческом бюро; его удалось ненадолго послать с важным поручением за границу, а затем вернуть на действительную военную службу, поскольку при первой республике он был в армии капитаном. Любопытно, что коммунисты изо всех сил стараются сохранить монопольное влияние в армии, но им это плохо удается. И слава богу, ибо, кто знает, все ли пройдет гладко, как склонны верить многие, и не будет ли зависеть именно от армии, на чьей стороне окажется перевес в дни исторического перелома.

Виктор Пюхлер рассеянно прислушивался к разговорам вокруг себя, словно они его почти не касались. Он сидел не шевелясь и изо всех сил старался не глядеть на Алену. После разрыва с ней Виктор написал новый цикл стихов, исполненных безнадежности и отчаяния. Тема разбитой любви переплеталась в них с идеей о безысходности жизни в современном мире. Этими стихами он, как алкоголем, заливал свою тоску и сам не переставал изумляться, что оказался способен на столь сильное чувство. «А не подействует ли на Алену выигранное дело о фабрике, не сделает ли оно ее благосклоннее?» — думал он сейчас.

А зачем здесь была Алена? Очевидно потому, что она вообще не знала, где ей быть. Отец заехал к ней по пути из Праги и позвал ее с собой. Алена согласилась без особого восторга, но и без отвращения. Календу она не видела со времени пожара. Она знала, что он в Кадани, но ей не удалось встретить его, хотя она провела немало времени, прохаживаясь по улице, где помещалось отделение КНБ, и по другой улице, где жил поручик. Только однажды она издали увидела, как он садился в служебную машину. Нужен еще он Алене или ей больше ничего не нужно? Стоит ей только улыбнуться, и Виктор Пюхлер побежит за ней как собачка. Стоит ей пошевелить пальцем, и самоуверенный, гордый доктор инженер Росмус немедля, завтра

же, возбудит дело о разводе со своей тощей, быстро стареющей женой...

А кроме того, сейчас здесь был тяжеловесно-элегантный и неуклюжий, но учтивый мистер Фрэнсис Зак, военный атташе посольства Соединенных Штатов. Он все-таки приехал в Врш на охоту. У него были светло-каштановые, тщательно зачесанные волосы и тонкие, как черточка, усики, странно контрастирующие с массивным боксерским подбородком и фигурой игрока в регби. Глядя на него, вы никогда не поверили бы, что его родители — чехи, уроженцы Вотице, откуда их много лет назад выгнала нужда. Зак весь вечер не сводил глаз с Алены, а она лишь изредка взглядывала в его сторону, и всегда как-то мимо него, так что он потом украдкой с беспокойством оглядывал себя — в порядке ли его костюм.

Алена уже несколько дней испытывала чувство, что завершается еще один этап ее жизни, этап странный, неудачный, как и все прошлые, что снова пришло время готовиться к отлету, неведомо куда и зачем. «Могут ли американские офицеры жениться на иностранках или это запрещено им уставом?» — думала она. В сорок пятом году она встречалась со многими американцами в Пльзени, но не задавалась тогда этим вопросом.

Что-то говорило Алене, что в битве, к которой готовятся росмусы и пюхлеры, зимы, заки и мацаки, победа будет не на их стороне. А к другим Алена не нашла дороги. Никто не знает, что будет, когда кончится этот бой, а потому не лучше ли заблаговременно обеспечить себе путь отступления и если уж взлетать, то лететь очень далеко?..

Алена встала и вышла в вестибюль. Причесываясь и подводя губы перед одним из больших зеркал, она почувствовала, что кто-то стоит неподалеку от нее, хотя отражения в зеркале не было видно. Алена обернулась. Фрэнсис Зак подошел к ней, широкоплечий, узкобедрый, покачиваясь при ходьбе, словно перед выходом на ринг.

— Извините,— вполголоса сказал он.— Но мне очень хотелось поговорить с вами наедине.

— О чем? — спросила Алена, глядя на него в упор, с любопытством и без кокетства, что смутило американца.

— Я представляю себе, как было бы замечательно, если бы вы стали членом нашей маленькой американской колонии при посольстве,— сказал Зак; от волнения у него вспотели ладони.— Близятся серьезные события, и посольству нужны чешские сотрудники. Мне сказали, что вы

отлично владеете английским. Об этом я и хотел с вами поговорить.

— А не кажется ли вам, что для такого предложения вы слишком мало меня знаете? — улыбнулась Алена, но, как ни странно, почувствовала, что ей передается волнение Зака.— Давайте зайдем поговорим вон туда.

Она указала на кабинет Росмуса. Фрэнсис Зак последовал за ней, чувствуя себя неуклюжим медведем рядом с этой хрупкой девушкой. Сумочка Алены осталась на столике у зеркала.

Тут ее обнаружил немного позже бывший вахмистр Яноух, задержавшийся у зеркала, чтобы взглянуть на себя. С тех пор как он стал считать себя помещиком, ему нравилось созерцать свое отражение в зеркале. Он узнал сумочку Алены и заметил, что она приоткрыта и из нее торчит уголок письма. Врожденная склонность к слежке заговорила в Яноухе. Он медленно прошелся по вестибюлю и, убедившись, что поблизости никого нет, вернулся к столику, вытащил оттуда письмо, сунул его в карман и защелкнул сумочку. Потом он снова занял свое место у камина в гостиной и сидел там до тех пор, пока не вернулась Алена в сопровождении Фрэнсиса Зака. Оба улыбались, сумочка была в руках у Алены, и казалось, что девушка ничем не обеспокоена.

— Небольшой сюрприз для присутствующих! — провозгласил Зак.— Прошу поднять бокалы в честь мисс Зимовой. Она поступает на должность секретарши в наше посольство. До дна, дамы и господа!

Росмус и Пюхлер в изумлении уставились на Алену. Подумать только, до чего ловок этот американец: перехватил у них из-под носа такой лакомый кусочек! Росмусова не смогла подавить злорадной усмешки, советник Зима принял новость с виду равнодушно, не показав, как он ею доволен. Яноух выпил вместе с остальными. «Секретарша. Знаем мы этих секретарш! — думал он.— При первой республике их звали «голубками», а можно было бы назвать и похлеще». Яноух выпил, сел на свое место, но ждал случая, когда можно будет незаметно улизнуть. Украденное письмо слишком сильно дразнило его любопытство.

Разговор перешел на напряженную внутриполитическую обстановку. Толковали о несговорчивости коммунистов относительно земельной реформы, о возмещении убытков от засухи, о том, следует ли включать в конституцию статью о национализации промышленности и банков, надо ли вообще продолжать национализацию. Яноух вы-

шел из столовой, укрылся в мужском туалете и, запершись, жадно поглядел на конверт. Адрес написан на машинке... адрес каданьского КНБ! Конверт запечатан, на него наклеена марка, почтового штемпеля еще нет. Яноух снова и снова перечитывал адрес, не веря своим глазам. Что эта девка пишет каэнбистам? Вскрыв конверт, он вынул пол-листа канцелярской бумаги. Письмо было без даты, без обращения, без подписи.

«Все еще не найден след убийцы Бузека? Огонек в переселенческом бюро осветил вам путь, а КНБ все еще бродит в потемках! В последний раз протягиваю руку помощи и на этом прощаюсь. Кто не хочет слушать совета, тому ничем не поможешь, гласит старая поговорка. Какой вопрос был самым жгучим для нашего КНБ? Такой: кто разбил у камина рюмку в ту памятную ночь, когда был смертельно ранен бухгалтер Бузек? Ответ гласит: бывший жандарм Яноух. Неужто он перехитрит наши новые органы общественной безопасности? Вопрос второй: обо что Яноух помял крыло своей машины? О мотоцикл Бузека. Чиновники министерства юстиции лгали. Допросите их снова да хорошенько припугните. Так же поступите с доктором Марковым. Почему возник пожар в переселенческом бюро? Ответ ясен: чтобы сгорели неподходящие документы. А кто же поджигатель, если Яноух-младший был так долго в Праге? Поищите следы в винтиржовском имении. Там у Яноухов оборудована отличная слесарно-механическая мастерская. Яноухи — это главный узел. Размотайте его, и нить вас поведет. Прощайте навсегда».

Яноух дочитал, и его охватила неудержимая дрожь, все тело покрылось холодной испариной. Он вышел в вестибюль и стал прохаживаться. Толстый персидский ковер заглушал его шаги. Вахмистр никак не мог собраться с духом и вернуться в салон, где в камине весело горел огонь и время от времени слышался шум голосов и взрывы смеха. Яноух сел в одно из кожаных кресел под лестницей, стараясь успокоиться. В нем кипела смертельная злоба на Алену, но он не знал, что делать. В таком состоянии его застал Росмус.

— А, вот и Яноух! — сказал он веселым тоном человека, в котором алкоголь ослабил социальные условности.— Что вы здесь делаете, друг мой? Вид у вас такой, словно вы встретились лицом к лицу со смертью.

— Кажется, так оно и есть,— хрипло сказал Яноух.

Росмус пристально поглядел на него и разом протрезвился.

— Пойдемте со мной,— сказал он и направился к своему кабинету.— А теперь выкладывайте, что с вами случилось,— продолжал он, когда они уселись около громадного письменного стола.

Яноух уставил на него тяжелый взгляд налитых кровью глаз и мысленно гадал, чего можно ожидать от этого барственного интеллигента, чьи умонастроения всегда были для него непостижимы. Правда, Росмус помог ему стать народным управляющим в Винтиржове, но за это заставил обделывать вместе с Бузеком всякие грязные дела, связанные с хищениями из кооперативного стада. Что верно, то верно: Яноух за спиной Росмуса наживался на этих делах, а в его лице нашел безмолвного союзника, который закрыл глаза на роль Яноуха в устранении Бузека. Но чего можно ожидать от Росмуса теперь, когда в дело замешана девушка, о которой говорили, что она была его любовницей? «Любовница или не любовница,— думал Яноух,— а своя рубашка ближе к телу. Росмус не хуже меня понимает, что ему грозит, если меня возьмут в оборот и выяснятся все делишки с кооперативом да с грюнскими участками, и почему исчез Бузек, и как сгорело переселенческое бюро в Кадани... Не-ет, он хорошо знает, что сам увяз по уши, иначе зачем бы ему так стараться, чтобы мой сын снова попал в армию?»

И, достав письмо из нагрудного кармана, Яноух молча подал Росмусу конверт, украденный у Алены. Росмус развернул письмо и стал читать. С первых же строчек глаза его сузились, и выражение лица не изменилось, пока он не дочитал до конца. Сложив письмо, он всунул его в конверт и вернул Яноуху.

— Отличный донос и притом явно не первый, как видно из текста. Но, по-моему, все это несколько наивно: много смелых утверждений, но нет фактов.

— Наивно! — сердито воскликнул Яноух.— Вам-то легко говорить. А что каэнбисты опять возьмут меня за глотку, вы не думаете?

Одновременно у Яноуха мелькнула мысль, что, может быть, Росмус знает, кто писал это письмо, и что все это подлая игра, цель которой — избавиться от него, Яноуха. Они-то останутся на свободе и смогут оправдываться во всем, что он на них покажет, а он будет сидеть за решеткой. А если их политические замыслы осуществятся, они в конце концов сами наденут ему петлю на шею, чтобы избавиться от неудобного свидетеля в таких делах, какие всегда приятнее забыть.

— Я не сказал бы, что этот донос не опасен,— продолжал Росмус, и по его тону было заметно, с каким трудом он сохраняет самообладание,— в особенности, если ему предшествовало еще несколько таких же, а это, я вижу, бесспорно. Где и как вы достали это письмо?

Яноух вытащил из кармана белый измятый носовой платок и вытер лицо. Потом наклонился вперед, как делал, когда допрашивал арестованного, выпучил глаза и сказал:

— Здесь, у вас. Я взял его из сумочки барышни Зимовой.

В этот момент в кабинет неслышно и незаметно для Яноуха вошла Мери и беззвучно закрыла за собой дверь. Росмус, который, конечно, увидел ее, вцепился под столом пальцами в свои колени, сделал глубокий вдох и медленно перевел дыхание.

— Что вы вынули из сумочки барышни Зимовой, пан Яноух? — осведомилась хозяйка дома. Яноух, вздрогнув, обернулся.— Должна вам сказать, что считаю это, мягко выражаясь, недопустимым.

Яноух наклонил голову, как бык, готовый бодаться, и сказал хрипло, подавая Мери письмо:

— А вот взгляните, и увидите, допустимо это или нет.

Едва она пробежала глазами первые строчки, ее правая щека задергалась, опустив руки, она обратилась к мужу:

— Я искала тебя, Эд. Нельзя же оставлять гостей одних. С паном Яноухом, если захочешь, ты поговоришь и потом.

Росмус встал и пошел к дверям.

— Я, разумеется, полагаю, что ты не скажешь барышне Зимовой о потере, которая ее постигла,— добавила Мери.

Росмус посмотрел на жену, потом молча вышел из кабинета. Мери заняла его место за письменным столом, дочитала письмо, окинула Яноуха испытывающим взглядом и заговорила, отрубая и необычайно отчетливо произнося каждое слово:

— Дело, разумеется, очень плохо, пан Яноух, и вопрос, имели ли вы право взять письмо из сумочки, целиком отпадает. Ну, а как вы намерены воспрепятствовать дальнейшим подобным попыткам?

Мери впилась взглядом в Яноуха, и ее пергаментная физиономия передернулась от тика.

— Не знаю,— отозвался бывший вахмистр.— Хуже всего, что это не в первый раз. А если не в первый, значит, и не в последний.

— Полагаю, что вы правы. Не представляю себе, поче-

му Алена пошла на это. Все мы так дружески относились к ней, а многие даже, можно сказать, любили ее... Но в наше время, по-видимому, очень трудно проникнуть в психику девушек. Война внесла в нее много ненормального, а современная обстановка еще больше усиливает душевное смятение. Я слышала, например, что Зимова участвовала в ночных работах на запруде в Поточной.

— Короче говоря, она перешла на их сторону! — воскликнул Яноух, а Мери предостерегающе подняла палец.

— Она перешла на их сторону,— понизив голос, повторил Яноух,— и стала предавать нас. Но, если кто-нибудь думает, что я один буду расхлебывать всю эту кашу...

Росмусова прервала его повелительным жестом протянутой руки.

— Мы не говорим пока, кто о чем должен думать. Что же касается Зимовой, то я полагаю, что это временное заблуждение. Мы бы могли, например, собрать семейный совет или суд — назовите как угодно — и воззвать к ее совести.

Яноух отрицательно покачал головой.

— Мы обратимся к ее совести, а она завтра пошлет еще один донос. Того, кто взялся за анонимки, не отвадишь. Такой человек хуже бешеной собаки. Я с ними несколько раз имел дело по службе.

— Боюсь, что вы правы, пан Яноух,— помолчав, сказала Мери.— Я думаю, что, быть может, ее отец мог бы внушить ей, в какую недостойную и опасную игру она пустилась.

— Ее отец! — пренебрежительно проворчал Яноух.— Она всегда делала, что ей вздумается, а он притворялся, что не замечает.

— К сожалению, и в этом вы правы,— сказала Росмусова, и ее правая щека снова задергалась.— Не забудьте, однако, что родителей лишь очень редко можно обвинять за проступки детей и что советник Зима — достойнейший человек, на чье содействие все мы полагаемся. Итак, остается только предоставить на ваше усмотрение, пан Яноух, как разрешить эту непредвиденную трудность.

Мери встала. Яноух тоже вскочил с кресла и, широко расставив ноги, преградил ей дорогу. Голова и затылок его побагровели, он таращил водянистые, налитые кровью глаза.

— Я, стало быть, ищи выход из положения,— прохри-

пел он,— а вы опять сделаете вид, что все это вас не касается!

Мери поглядела на него сверху вниз — она была выше ростом — и сказала холодно, как учитель докучливому ученику:

— Дорогой пан Яноух, разве вы не понимаете, что есть вещи, о которых излишне распространяться? Вы, конечно, найдете какой-то выход из положения, а мы, вероятно, узнаем о ваших успехах помимо вас, так что вам даже рассказывать не придется. Обе стороны будут удовлетворены, и мы наверняка найдем способ отблагодарить вас, как находили не раз. Не так ли? Ну, вот видите. А теперь я советую вам вернуться в гостиную как ни в чем не бывало.

И Яноух последовал этому совету. Впрочем, компания, многим участникам которой предстоял горячий день, вскоре разошлась. Яноухи уехали первыми, за руль сел Яноух-младший. Алену подвезли в своей машине Кроулик и Мацак и высадили ее в Кадани у дома, в котором она жила, что позднее подтверждали не только они, но и их шофер.

Они могли бы подтвердить и то, что в этот вечер, несмотря на поздний час, в Поточной, против обыкновения, было освещено очень много окон. Но их никто не расспрашивал, хотя они, проезжая через городок, обратили внимание на это обстоятельство и даже пошутили насчет того, что, в конце концов, именно они нагнали бессонницу на многих жителей Поточной.

Долго бодрствовала Поточная и рано утром была уже на ногах. Люди встали, а ноябрьское утро все еще просыпалось, лениво и неохотно. Низкие тучи ползли над горами, и дневной свет с трудом пробивался сквозь них. Упорно моросил дождик. От мелких капель дороги стали скользкими, как в гололедицу. Сырость покрывала стены домов, мостовую, садики, газоны липкой слизью. Влага настолько пропитала воздух, что было трудно дышать.

Но жители Поточной в этот день не обращали внимания на скверную погоду. В стены их городка, с которым, несмотря на все пережитые здесь невзгоды, они успели сродниться, вторглись отзвуки событий, потрясавших только что заложенный фундамент нового государства. Решение верховного суда о передаче текстильной фабрики частному предпринимателю Виктору Пюхлеру, наследнику ее бывшего владельца, взволновало не только трудящихся фабрики. Все жители Поточной, на чьей бы стороне они ни стояли, были захвачены предстоящей борьбой.

Итак, Гальчик, Багар и Здена, въехав в городок,

увидели, что, несмотря на ненастную погоду, на улицах стоят группы оживленно разговаривающих людей; и их становилось все больше по мере того, как машина Багара приближалась к текстильной фабрике. У ее ворот собралась небольшая толпа, главным образом жены рабочих и служащих.

Фабрика стояла. В цеху, среди безмолвных и неподвижных ткацких станков, с самого утра шло бурное общезаводское собрание. В коридоре, на ящике с прядильными отходами, сидела Антошова и плакала навзрыд. Гальчик, Багар и Здена вошли, никем не замеченные, и в изумлении остановились около нее. Сквозь стеклянную дверь цеха было слышно, как там надрывался какой-то оратор, но его то и дело прерывала буря выкриков.

— Что здесь творится, Анча? Почему ты плачешь? — спросила Здена.

Анча подняла лицо, залитое слезами, но, узнав Здену, сразу вскочила и торопливо заговорила, всхлипывая и проглатывая концы слов:

— Слышите? Не слышите разве? С ума они сошли или еще что с ними? Я не выдержала и убежала. Сижу здесь и реву, не знаю, что и делать. Почему же вы не приехали раньше?

— Мы получили извещение только с утренней почтой,— объяснил Багар и добавил: — Ну, успокойся и расскажи, что тут происходит.

Анча еще несколько раз громко всхлипнула, как ребенок, который старается подавить жалобный плач, потом сказала:

— Так вы узнали только сегодня утром? А здесь, у нас, знают уже со вчерашнего вечера, и с тех пор кто-то все время подстрекает людей.

— Почему же вы нам не позвонили? — удивился Багар, а Гальчик спросил:

— Кого тут подстрекают и против кого или на что?

Анча посмотрела на обоих, чуть усмехнулась и сказала:

— Погодите, я вам скажу все по порядку. Мы вам звоним сегодня с утра, но никак не можем дозвониться. Каданьская почта говорит, что где-то серьезное повреждение на линии и его надо искать. А здесь тем временем черт знает что делается... Кто-то еще вчера вечером привез весть о решении верховного суда, а по почте фабком получил его только сегодня утром, как и вы. А тем временем этот «кто-то» постарался перессорить людей.

— Как так перессорить? — вскричал Гальчик.— Не понимаю. Разве не все рабочие заодно?

— Заодно,— уныло ответила Анча, огорчаясь, что не может единым духом рассказать обо всем, что разыгралось на фабрике.— Все хотят бастовать. Но некоторые требуют демонстрации против евреев и говорят, что сразу ясно, почему Пюхлеру присудили фабрику и чьих это рук дело.

Гальчик сунул руку под пиджак и прижал ее к левой стороне груди.

— Быть не может! — сказала подавленная Здена.

— Кто начал эти разговоры? — спросил Багар.

— Не наши,— ответила Анча,— но кто, сказать трудно. Никто из подстрекателей не взял слова. Слышны только выкрики, а в этой тесноте среди машин трудно разобраться, кто же кричит: то слева, то справа, то у дверей. Поди узнай их. Началась общая перебранка, и теперь не поймешь, кто чего хочет.

— Пойдем туда,— решил Гальчик.— Посмотрим сами, что там происходит.

Они открыли дверь и попали в гущу людей, стоящих в проходе между машинами от входа в цех до его середины. В конце помещения виднелся помост, наскоро сооруженный из ящиков из-под стекла. На возвышении, за простым, ничем не покрытым столом сидели пятеро членов фабкома. Стоящий в центре Лойзик Мареш пытался перекричать общий галдеж. Дышать было почти нечем, хотя в цехе собралось лишь немного больше людей, чем в нем обычно работало. Пахло пóтом, машинным маслом и тряпьем.

— Позвольте пройти, товарищи,— повторял Гальчик, прокладывая дорогу себе и Багарам. Анча шла за ними последняя.

— Ага, товарищи пожаловали! — закричал какой-то насмешник, скрывающийся за громадными станками, на которых ткали узорчатые ткани и материалы на постельное белье. Собрание затихло, и все головы повернулись к проходу, по которому проталкивались Гальчик и его друзья.

— Сейчас они зададут жару! — крикнул знакомый, но в эту минуту еще не узнанный женский голос.

— Не дайте провести себя, приятели! — раздался густой, хриплый голос из-за машин с правой стороны.— Вспомните, чего только они нам ни наобещали, а что мы получили.

— Не называй приятелями, зови сестер и братьев, может, тут найдется еще парочка,— отозвался возмущенный голос в одном из проходов между станками.

— Не очень-то задавайтесь, вы, красные! — заорал хрипун.— Все равно кончилось ваше царство!

«Ишь как поторопились! — думал Багар, продираясь вслед за Гальчиком к президиуму.— Хорошую заваруху тут устроили. А нам теперь приходится с ходу лезть в нее с головой, даже не поговорив предварительно с товарищами».

Наконец они добрались до свободного места перед помостом, где они были видны отовсюду. Хрипун снова подал голос:

— Глядите-ка, привели с собой партийного начальника. А где же представители других партий, я спрашиваю? Есть ли у нас еще Национальный фронт?

— Иди на помост, Ирка, выступай как представитель района,— прошептал Гальчик.— Я останусь здесь, внизу.

Он сел на край низкого ящика, Здена и Анча — рядом с ним. Багар легко вскочил на помост и пожал руки членам фабкома.

— Лучше и не спрашивай, что тут творится,— пробурчал при этом Деймек.— То, что ты слышал, это еще пустяки.

— Товарищи, братья и сестры,— немедля начал Мареш, довольный тем, что ему наконец не мешают говорить.— Приветствую приехавшего к нам председателя районного национального комитета товарища Иржи Багара. Мы все его знаем, и знаем, сколько сил он положил для района и для нас, жителей Поточной. Знаем, чем буквально пожертвовали он и его жена. Товарищ Багар, конечно, сможет правильно посоветовать, как нам быть.

Рукоплескания разразились как ливень, но одновременно с нескольких сторон раздались пронзительные свистки и вой, подражающий сирене. Багар стоял неподвижно, опершись рукой о стол. У Здены сильно забилось сердце. Анча опять закрыла лицо, словно была не в силах глядеть на людей, толпящихся в проходе. Гальчик прижимал под пиджаком правую руку к груди, а Деймек дергал себя за ус, будто собирался его оторвать. В тот момент, когда рукоплескания прекратились и умолк запоздалый вой, Багар заговорил. Голос у него несколько осип от волнения, которое он старался преодолеть.

— Товарищи, братья и сестры! Хочу ответить на первый заданный мне вопрос. «Почему на собрание явился секретарь районного комитета коммунистической партии и почему здесь нет представителей остальных партий, объединенных в Национальном фронте? Есть у нас Национальный

нальный фронт или нет?» — спросили у меня. Отвечаю: да, есть. И одновременно позвольте мне выразить удивление по поводу того, что здесь нет представителей других партий.

— Они тут орудовали вчера вечером, а сегодня притаились,— воскликнула Анча.

— Это подлая клевета, и за нее можно получить по морде! — тотчас закричал хрипун.

— Испугалась я вас, как бы не так! — вскочила Анча.— Никакой клеветы! Я сама вчера видела, как вы со всех сторон втихомолку сходились к Рейзеку.

Лойзик Мареш постучал кулаком по столу.

— Тихо, тихо! Товарищ Антошова, я тебе удивляюсь! Каждый, кто хочет высказаться, просите слова. Иначе мы не сдвинемся с места. Слово имеет товарищ Багар.

— У меня нет оснований не верить товарищу Анче Антошовой,— продолжал Багар.— Мы все знаем ее как честную и правдивую женщину. Впрочем, ее волнение также свидетельствует о том, как серьезно она относится к происходящему.

— Истеричка! — заорал хрипун.

— Взаимными оскорблениями мы ничего не достигнем,— ответил Багар.— Если же представители других партий побывали в Поточной еще вчера вечером и беседовали со своими единомышленниками, они, очевидно, проинструктировали их, как действовать, и не сочли нужным принять участие в сегодняшнем собрании на фабрике. Я хотел бы задать вам только один вопрос: почему представители других политических партий еще вчера знали, что решил верховный суд по делу об этой фабрике, а фабком и РНК получили официальное сообщение об этом только сегодня утром?

Собрание ответило бурей возбужденных возгласов. Багар спокойно ждал, пока все стихнет, а Лойзик Мареш стучал по столу, призывая к порядку.

— По вашим возгласам я понял,— продолжал Багар, когда шум утих,— что подавляющее большинство из вас возмущено этим фактом, но есть и такие, кого он устраивает. Повторяю еще раз: ни фабком, ни РНК, ни руководство коммунистической организации до сегодняшнего утра не знали о том, как обошлись с вами, работниками этой фабрики, имеющими бесспорное право на свое веское слово в этом деле. Почему же здесь нет представителей других партий и почему к вам пришли представители коммунистов? Потому что коммунисты всегда там, где идет борьба за интересы рабочего класса. Если вам предстоит борьба, мы пришли

бороться вместе с вами в первых рядах. Так всегда поступала и поступает коммунистическая партия. В нашем государстве рабочий класс сейчас настолько силен, что никто не осмелится выступить против него открыто. Отсюда и эти тайные сборища, отсюда боязнь открытых переговоров. Но мы уверены, что в таком серьезном, имеющем такие огромные последствия деле, как возвращение промышленного предприятия частному владельцу, все, работающие на этой фабрике, будут едины в своем решительном «нет!».

Из-за ткацких станков, на которых даже в тусклом свете пасмурного ноябрьского дня, как серебряные, блестели нити основы и замерли челноки, ожидая минуты, когда они снова начнут свой шумный бег, раздался резкий женский голос, Багар узнал жену Трнца:

— Конечно, нет! Долой евреев и их покровителей!

— Будем бастовать! — внезапно поддержал ее невидимый хрипун.— Стачка и демонстрация против евреев!

Анча вскочила со своего места у подножия президиума и взмахнула руками.

— Слышите, товарищи? На что хотят нас подбить! Хотят нас превратить в антисемитов! С ума вы сошли, что ли?! Я этого не выдержу!

Она тяжело опустилась на помост и заплакала, громко всхлипывая.

— Сюда втерлись посторонние, им тут нечего делать! — закричали в толпе у дверей.— Они не работают на фабрике!

— Долой их! Гоните в шею!

В толпе началась возня. Люди, стоявшие среди машин, старались протолкаться в проход и увидеть, что делается у дверей. Слышались пререкания, проклятия, ругательства, визг; кряхтели люди, прижатые к машинам. Среди всего этого переполоха хрипун кричал:

— Все на улицу! На демонстрацию против евреев!

И надтреснутое пронзительное сопрано:

— Долой евреев!

Грудь Гальчика сжимала нестерпимая боль. Превозмогая ее, он вцепился пальцами в грубые, необструганные доски и заставил себя встать. Все его тело содрогалось от страшной внутренней борьбы и от страха перед своей физической слабостью. Но вдруг спазма ослабела, дышать стало легко, словно ничего и не было. Гальчик глубоко вздохнул, вскочил на помост и повернулся лицом к собранию. Его грубый баритон митингового оратора загремел, перекрывая шум:

— Товарищи коммунисты, члены профсоюза, братья и сестры, опомнитесь! Вы — рабочие, вы — трудящиеся, помните о своей пролетарской чести! Она превыше всего. Ваши руки создают все, что есть великого, прекрасного и полезного в мире. Только обыватели носятся с подлыми идеями, чуждыми рабочему классу, только обыватели провозглашают расовую ненависть, чтобы помешать трудящимся идти к лучшему будущему. Не давайте запачкать себя этой грязью, пусть сами обыватели тонут в ней. Спросите, чего они добиваются, чего хотят от вас, зачем затеяли эту гнусную провокацию. Им нужно опорочить вашу честную борьбу, вот что! Толкнуть вас на опрометчивый поступок, который никому из вас никогда не пришел бы в голову. А зачем? Чтобы спровоцировать скандальное происшествие, поднять против вас мерзкую газетную травлю, какую они уже поднимали десятки раз в последние недели, и под шумок достичь своей цели. Какая же это цель? Помешать дальнейшей национализации промышленности, преградить нашей стране путь к социализму, вернуть неограниченную власть ее бывшим хозяевам. Представляете ли вы себе, что потом последовало бы? Так заставьте же провокаторов замолчать. Гоните тех, кто не из вашего коллектива, остальных заставьте соблюдать порядок, брать слово. Товарищи, братья и сестры, вы пролетарии, а в нашей стране пролетариев никому никогда уже не удастся прижать к стене. Будет так, как решите вы!

Как только голос Гальчика зазвучал под стеклянной крышей цеха, возбужденное собрание затихло, и оратор говорил в полной тишине. Последние слова его речи, произнесенной с громадной силой и почти юношеским пылом, были покрыты рукоплесканиями и одобрительными возгласами. Диссонанс внес только хрипун.

— Не слушайте его, друзья,— заорал он.— Интернационализм — это еврейская выдумка.

Но он внезапно смолк, словно кто-то схватил его за горло. В задних рядах началось движение, и из президиума стало видно, как отворяется дверь и кого-то выводят из цеха. Позднее выяснилось, что хрипун — это бывший владелец мастерской, изготовлявшей формы для пряников. Гальчик видел все как в тумане. Боль в груди возобновилась с необычайной остротой. Он всем телом навалился на стол, стоящий позади него, так что своей тяжестью даже сдвинул его с места. Сидящие за столом с трудом удержали Гальчика. Анча, во время речи Гальчика глядевшая на него широко раскрытыми сияющими глазами, вскочила с возгласом:

— Здена, Ирка! Ему плохо!

Но к Гальчику уже подскочили Багар и Мареш и в последний момент подхватили его под руки, иначе он бы упал. Собрание замерло, люди, затаив дыхание, смотрели на то, что делается у стола президиума. И Гальчик словно обрел силы от этих участливых взглядов, спазма в груди ослабла, и ему стало немного лучше. Он выпрямился и сказал глухим, едва слышным голосом:

— Извините меня, товарищи. Продолжайте собрание.— И прошептал на ухо Багару: — Уведите меня поскорей. А ты останься здесь.

Деймек и Мареш со Зденой и Анчей вывели Гальчика в дверь за помостом, в помещение бракерной. Его уговаривали немедля вернуться в Кадань, но Гальчик настаивал на том, что дождется конца собрания. Опираясь ладонями о длинный стол, служивший для просмотра тканей, идущих с машин, он отверг предложения товарищей прилечь или хотя бы сесть и продолжал стоять.

— Мне лучше, когда я стою,— возражал он.— Идите в цех, особенно ты, Лойзик, ты председатель фабкома и должен быть в решающий момент на посту.

Товарищи послушались главным образом для того, чтобы не волновать Гальчика. Едва закрылась дверь, Гальчик сказал оставшемуся с ним Деймеку:

— Когда я кончил говорить, меня вдруг схватило так, что я подумал: это конец. Но человек не должен поддаваться слабости, не так ли, папаша? Я буду тут потихоньку прохаживаться, а ты меня не останавливай. Вот увидишь, я скоро приду в себя.

Когда Мареш вернулся в цех, Багар обратился к собравшимся, которые притихли и стали серьезнее.

— Что же нам делать дальше? — сказал он.— Вы предлагали стачку. Но ведь машины стоят, так что это собрание можно считать стачкой протеста.

Он не смог продолжать, потому что у дверей в дальнем конце цеха снова возникли шум и движение. Двое мужчин пробирались по проходу к столу президиума. Багар узнал Ярду Гласека и Войту Кмента с клаштерецкого шарикоподшипникового завода. Он поздоровался с ними и, услышав, с чем они пришли, дал слово Войте Кменту. Тот заговорил тихим, но удивительно отчетливым и далеко слышным голосом.

— Мы узнали,— сказал он, поздоровавшись с собранием,— какую свинью вам подложили господа в судейских мантиях и реакционеры, что прячутся за их спиной. Но мы

не испугаемся ни мантий, ни статей закона, а полицейских штыков у этих господ теперь нет. Они нас не одолели, даже когда стреляли в нас, с какой стати нам теперь уступать? Я пришел сказать вам, что мы, рабочие шарикоподшипниковых заводов в Клаштерце и в Поточной, солидарны с вами и будем солидарны до последнего дыхания. В знак этого мы сегодня прекратили работу на десять минут. А если потребуется, будем бастовать и дольше. Но мы уверены, что сейчас у нас есть и другие возможности, помимо стачки.

Цех отозвался на речь Кмента долгими аплодисментами, топотом, возгласами. Рабочие Поточной с новой силой осознали, что в своей борьбе они не одиноки и не останутся одни и в будущем.

— Прав товарищ Кмент,— снова заговорил Багар.— У нас есть и другие возможности. Против кого мы должны сейчас бастовать? Против правительства, во главе которого стоит вернейший боец за дело рабочего класса, плоть от нашей плоти, такой же пролетарий, как и мы, товарищ Клемент Готвальд? Кому мы нанесем ущерб, если забастуем? Только себе и восстановлению нашей родины, за которое взялся рабочий класс. Мы помешали бы выполнению двухлетнего плана, который поможет нам покончить с послевоенными нехватками.

По предложению Багара проголосовали, принять ли без возражений решение верховного суда. Все собрание единодушно высказалось против. Затем были приняты письма протеста, адресованные главе правительства Клементу Готвальду и председателю революционных профсоюзов Антонину Запотоцкому. Собрание избрало две делегации, по три человека в каждой, и поручило им в тот же день выехать в Прагу и передать письма по назначению. Делегацию к Готвальду возглавил Багар, к Запотоцкому — Лойзик Мареш. Среди делегатов были Анча и Владивой Раб. Далее было решено не допускать Пюхлера на фабрику и сразу же после собрания продолжать работу. Несогласные, совсем притихшие после выступления Войты Кмента, больше не отзывались. Однако Багар не собирался замалчивать поражение подстрекателей и простить малодушие некоторых рабочих, которые поддались их уговорам.

— Прежде чем закрыть это знаменательное собрание,— начал он после голосования,— скажу на прощание несколько слов. Представьте себе только, как бы мы опозорились, как повредили бы нашему движению к социализму, если бы послушались провокаторов и начали стачку под

лозунгом, который они тут выкрикивали. Я не верю, чтобы этот призыв мог исходить из рабочих уст. Пролетариату всегда были чужды такие идеи. Он всегда указывал на их вред и непримиримо боролся против них. Это идеи тех, кто хочет подорвать единство рабочего класса, остановить его победоносное движение вперед. Не из-за национальности человека, который претендует на фабрику, мы воспротивились решению верховного суда. Мы боремся против того, чтобы суды, пользуясь отжившими законами, укрепляли разбитый фронт капиталистических собственников и поддерживали их, возвращая им фабрики. Так думаете не только вы, в Поточной, так думают все рабочие в нашей стране. Нам все равно: Петр или Павел, Пюхлер или Трнец, мы будем бороться за то, чтобы фабрики принадлежали не отдельным лицам, а всему народу. А теперь давайте наконец поблагодарим товарищей и братьев с шарикоподшипниковых заводов. Они показали нам, что рабочая солидарность — это не сухое агитационное понятие, а воздух, которым мы дышим, живая сила, движущая нами!

С громадным подъемом собравшиеся спели песню труда. Каждый вкладывал в нее всю свою надежду и волю к победе. Потом словно по мановению волшебного жезла председательский столик и помост из ящиков исчезли, ткачи и ткачихи стали на свои места у станков, а делегаты поспешили домой — скорей собираться в дорогу. Багар, распрощавшись с ближайшими товарищами вокруг себя, собирался пройти в бракерную узнать, как чувствует себя Гальчик.

В этот момент к нему подошел Трнец, взял его за отворот пиджака и закричал под шум запускаемых машин:

— Так, значит, Петр или Павел, Пюхлер или Трнец — тебе все равно! А ведь мы с тобой плечом к плечу сражались на баррикадах! Так-то вы, коммунисты, представляете себе боевую дружбу. Ну, ладно, мы еще поглядим, чья возьмет!

— Я никогда не создавал для тебя иллюзий,— ответил Багар.— Ты сам это знаешь. Я с самого начала говорил правду и предостерегал тебя. Ты и сейчас можешь послушаться моего совета. Специалисты нам нужны.

— Покорнейше благодарю за такой совет! — вскричал Трнец.— Я еще в своем уме.

Через два дня обе делегации вернулись из Праги. Они привезли отрадные новости и рассказали о них рабочим фабрики на собрании, созванном после работы, когда над долиной спустились густые туманные сумерки.

Товарищ Запотоцкий пообещал делегации полную под-

держку единых профсоюзов, товарищ Готвальд одобрил действия поточенских текстильщиков и сказал, что поставит решение верховного суда, далеко не единственное в этом духе, на обсуждение правительства. Оба они передавали товарищеский привет рабочим поточенской текстильной фабрики и призывали быть готовыми, как готовы пролетарии всей страны, к решительной защите достижений демократической революции — национализации и народно-демократического строя. Товарищ Готвальд предложил впредь до рассмотрения правительством вопроса об окончательной национализации поточенской фабрики сменить народного управляющего и прикрепить фабрику к какой-нибудь национализированной текстильной фирме.

— Только через мой труп! — воскликнул в этот момент Трнец, который тоже пришел на собрание и с беспокойством слушал отчеты Мареша и Багара.

— Довольно упитанный был бы трупик! — крикнул кто-то, и все захохотали, потому что управляющий фабрикой в последнее время заметно потолстел и приобрел вид благоденствующего тунеядца. Трнец, сидевший в стороне от всех на стуле, у задней стены цеха, вскочил как ужаленный и выбежал, громко хлопнув дверью.

Багар возвращался домой. Ноябрьская метель бешено гнала снег с гор. В свете автомобильных фар крупные хлопья снега наискосок неслись в воздухе и падали, как развеваемая ветром завеса, закрывающая вид на шоссе. Но Багар, который вел машину сам, зная наизусть дорогу в Кадань, каждый ее поворот и каждую неровность почвы, почти не снижал скорости. Он спешил не только увидеться со Зденой, но и поскорее узнать о здоровье Гальчика. Два дня назад секретаря районного комитета компартии довезли только до Кадани, и из-за того, что по пути боли еще усилились, Гальчика оставили дома и созвали консилиум. Но когда врачи собрались, Багар был уже на пути в Прагу.

Поэтому сейчас, прежде чем направиться домой, он заехал навестить больного. Перед домом Гальчика стояла незнакомая Багару машина с пражским номером, а в передней Багар встретил высокого бледного человека в очках, с глубокими складками у рта. Тот уходил и надевал шубу, не позволяя матери Гальчика помочь ему, и улыбался Каченке, которая смотрела на него большими, широко раскрытыми глазами. Это был выдающийся пражский терапевт, которого товарищ Готвальд послал к Гальчику так срочно, что врач оказался в Кадани раньше Багара. Рядом стояла медицинская сестра с саквояжем. Врач подтвердил

диагноз каданьских и хомутовских врачей и одобрил назначенное ими лечение. Положение еще далеко не благополучное, сказал пражский терапевт, случай весьма серьезный, но если больному будет обеспечен полный покой и постельный режим, если его никто и ничто не будет тревожить, можно надеяться на благополучный исход. Но покой, покой и покой! Сердечная мышца серьезно затронута, электрокардиограмма дает грозные скачки. Разговор врача с Багаром шел вполголоса и иногда переходил в шепот.

— Я везу ему привет от товарища Готвальда,— сказал Багар.— Это, наверное, его подбодрит.

Но врач был неумолим.

— Он не удержится и станет расспрашивать вас о подробностях. Поручите его матери передать ему этот привет. Я буду приезжать каждую неделю и наблюдать за ходом болезни. Таково пожелание премьер-министра. Позднее я сообщу, когда можно будет навещать пана Гальчика и на сколько времени.

Багар вернулся домой, недовольный и хмурый. Там его ждала еще одна новость, которую он даже не знал, как оценить.

— У нас товарищ Календа,— сказала ему в передней Здена, как только они обнялись и поцеловались.— Алена Зимова второй день не является на службу.

Оказалось, что девушка бесследно исчезла. Календа рассказал, что три дня назад она вместе с отцом провела вечер у Росмусов, где ей будто бы была предложена блестящая должность. Какая именно, этого советник Зима не сказал. Календа первым делом обратился к нему. Советник был подавлен; казалось, он опасался самого худшего, но исчезновение дочери объяснить не мог. Календа осмотрел квартиру Алены. Выяснилось, что она не ночевала у себя, хотя, по свидетельству Ваши Кроулика, Любомира Мацака и их шофера, они довезли ее до самого дома. У Алены была комната с отдельным ходом, и квартирохозяйка не могла сказать, вернулась ли Алена домой в тот вечер. Но в комнате нашлась одна вещь, которая взволновала Календу. Она, видимо, свидетельствовала, что исчезновение Алены может означать нечто весьма серьезное. Это была пишущая машинка. Эксперты определили, что на этой самой машинке были написаны анонимные письма, полученные в последнее время Календой по поводу Бузека и Яноуха.

Календа уже допросил всех, кто был в тот вечер у Росмусов, «а среди них оказался — это тебя заинтересует, товарищ Багар,— и военный атташе американского посоль-

ства», но не обнаружил никаких следов, которые указали бы, как и почему исчезла Зимова. Никто не мог также сказать, что у нее были какие-нибудь причины к самоубийству или бегству. Она просто исчезла, как сквозь землю провалилась. Самый строгий допрос обоих Яноухов не дал не только никаких реальных улик, но даже веских оснований для подозрения. Календа разослал патрули, чтобы при содействии местных жителей поискать в лесах и других глухих углах, но пока что это не дало результатов.

— А теперь повалил снег,— уныло заключил поручик.— Если он не растает, конец нашим поискам.

Но снег падал и падал, становился все гуще. В ту зиму его много навалило в горах, и сойти он должен был только поздней весной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В середине декабря, после всяких проволочек и отсрочек, которые товарищу Готвальду во всех подобных случаях приходилось преодолевать в правительстве, он выполнил свое обещание: управление текстильной фабрикой в Поточной было передано национализированной фирме «Текстилана». По договоренности между новой дирекцией и коллективом фабрики представителем дирекции на поточенском предприятии и его управляющим был назначен товарищ Деймек. Трнец попытался сопротивляться и заперся в особняке при фабрике, отказываясь выехать оттуда. Возмущенные рабочие хотели выселить его сами, но Деймек удержал их.

— Оставьте его в покое, пусть еще немного попользуется. Когда съест и выпьет все свои запасы, вылезет сам.

— Мы там поселим тебя, папаша,— объявил Мареш.— Теперь директор — ты.

— Я Деймек, как и был. Текстильщик, как вы все. Посмотрим еще, справлюсь ли я с директорством. А в особняке мы устроим что-нибудь полезное для всех. Нам со старухой хватит того, что у нас есть.

Предсказание Деймека о Трнце сбылось прежде, чем можно было ожидать. Поточенцы даже заключили между собой пари, как долго Трнец высидит в своей золотой клетке. Одни говорили, что месяц, другие считали, что дольше. Решено было не трогать его, но ни днем, ни ночью не спускать с него глаз. Однако в первые же сутки Трнец

учинил такой дебош, что Деймеку пришлось вызвать на помощь сотрудников КНБ.

С досады бывший народный управляющий стал опустошать винный погреб, унаследованный от бывшего фабриканта Релига и основательно пополненный самим Трнцом. Он истреблял дорогие вина с таким усердием, что вскоре после полуночи Поточную разбудили выстрелы и панический женский визг. Трнцова выскочила полуодетая из виллы, где ее муж выстрелами из пистолета крушил оконные стекла, мебель и даже ту самую дорогую люстру, которую когда-то тайком купил у Тимеша, когда тот еще был управляющим имением Врш. Похоже было, что Трнец хочет на прощание повторить происшествия той дикой ночи, когда два с лишним года назад занял особняк Релига.

Неистовство Трнца прошло, прежде чем на место происшествия прибежали Деймек и рабочие из соседних домов, а за ними и дежурные сотрудники КНБ. Хозяина дома нашли сидящим в кресле в роскошной гостиной, среди осколков разбитой люстры. Лицо Трнца было смертельно бледно, голова свесилась набок. Около него на полу лежал большой черный пистолет. Жена с воплем бросилась к мужу. Все были уверены, что буянивший Трнец последним выстрелом покончил с собой. Оказалось, однако, что его свалил не выстрел, а алкоголь.

Предоставив Трнца заботам его супруги, Деймек с товарищами решили заодно определить убытки, причиненные буйством бывшего управляющего, и осмотреть дом. Во втором этаже они обнаружили две нежилые комнаты, до потолка набитые штуками полотна и разных других тканей. Трнец не только обеспечил себя «на черный день», но и систематически за время своего хозяйничанья на фабрике спекулировал ими. Ему помогали тот самый хрипун, что так нагло держал себя на собрании рабочих фабрики, контролер и конторщица склада готовых изделий. Только теперь стало ясно, почему фабрика, хорошо снабжаемая сырьем и работающая полным ходом, с трудом сводила концы с концами, а в последние недели, когда Трнец понял, что ему не удержаться на посту народного управляющего, даже накопила изрядную задолженность в банке.

Через день после бурной ночи, которой Трнец ознаменовал свое прощание с властью и крах надежд получить фабрику в собственность, он и его жена покинули Поточную. Они уехали в старенькой «Праге»; Трнец сберег ее еще со времен войны, и в память тех лет машина стояла в гараже. С Трнцом было несколько чемоданов, битком

набитых бельем и одеждой. За все остальное, что Трнец объявил своим имуществом, но что ему пришлось оставить на месте — мебель, ковры, серебряную посуду и еще две легковые машины,— он решил судиться с новой администрацией фабрики, которая одновременно возбудила против него дело о хищениях.

Усевшись в машину, Трнец высунулся и сказал Деймеку и Марешу, молча наблюдавшим за его отъездом:

— Я еще вернусь. Однако вы, большевики, к тому времени попадете куда следует.

— Негодяи, воры! — взвизгнула в машине жена Трнца, кутаясь в каракулевое манто.

— Заткнись! — прикрикнул на нее супруг, захлопнул дверцу и после некоторого промедления, не без усилий заведя закапризничавший мотор, выехал из распахнутых ворот, в которые с такими надеждами рвался два года назад. Деймек и Мареш не ответили на выпад Трнцов, а только глядели вслед машине и улыбались. Они довольно долго стояли посреди двора, словно никак не могли поверить, что Трнец больше не вернется. Колючая снежная крупа стегала их по лицу. Летел густой снег, мела поземка, и через минуту от машины Трнца не осталось и следа.

Но отъезд Трнца и приход нового народного управляющего далеко еще не означали полной победы. В усадьбе Врш часто до поздней ночи светились окна; ее хозяева, видимо, вели долгие разговоры и явно не собирались признавать свое поражение. Росмус не зря был родственником министра юстиции: из Праги он возвращался с ворохом новостей о переговорах в правительстве, об упорном стремлении коммунистических министров во главе с премьер-министром Готвальдом продолжать национализацию промышленности, по-настоящему национализовать банки, что пока было осуществлено только формально, передать оптовую торговлю в руки государства, обложить богачей высокими налогами и провести земельную реформу, установив предельный размер наделов в пятьдесят гектаров. Рассказывал Росмус и о том, как противятся этому курсу министры других политических партий.

У камина, в котором весело пылали сосновые поленья, собирались районные деятели реакционных партий и, попивая вино, получали инструкции, как проводить политику своих лидеров.

Росмус привозил обнадеживающие новости, но самому ему иногда казалось, что все предпринимаемое им и его друзьями делается зря и что у них нет сил. Разумеется, он

ни с кем не делился своими впечатлениями. Размышляя на эту тему, он уверял себя, что такие ощущения у него вызваны скорее личными причинами, чем политической обстановкой. После исчезновения Алены Росмусу иногда казалось, что ему, собственно, не за что больше бороться. Иной раз жена заставала его в тяжком раздумье. Обычно она, бросив на него злой взгляд, начинала разговор о каком-нибудь деле, но однажды не выдержала и сказала:

— Держи, наконец, себя в руках. А то и у меня может лопнуть терпение.

Росмус хорошо понял эту угрозу: большая часть их имущества была записана на жену. Все же и он не удержался, поднял к ней взгляд, полный ненависти, и ответил:

— Ты послала ее на смерть. Как я могу забыть это! Да еще приглашаешь к нам в дом этих палачей.

Мери застыла как изваяние, и только правая щека у нее задергалась.

— Интересно знать, что ты имеешь в виду. Видимо, исчезновение этой девчонки и тот факт, что я не перестала приглашать к нам Яноухов. Мы никогда не говорили на эту тему, Эд, и, как я надеялась, не будем говорить. Есть жены, которые умеют молчать, молчать хотя бы всю жизнь, когда их обманывают и унижают. И я не сказала бы ни слова и сумела бы молча забыть. Но есть две вещи, которые я с трудом переношу и с еще большим трудом забываю: это подлость и трусость. Если ты считаешь, что я послала эту девчонку, как ты говоришь, на смерть, почему ты не воспрепятствовал этому? Кто помешал тебе предупредить ее, что письмо перехвачено?

Росмус не отвечал, молча глядя на синий контур птички в узоре персидского ковра. Его жена продолжала тоном, каким неумолимые наставницы говорят со строптивыми воспитанниками:

— Я не привыкла, чтобы ты преувеличивал, Эд. Надеюсь, ты прекратишь это. Что мы знаем об исчезновении девушки? Ровным счетом ничего. Только то, что она как сквозь землю провалилась. А впрочем, чего еще можно ожидать от сумасбродки, которая то соблазняет женатых мужчин, то пишет анонимные письма, то участвует в большевистских трудовых бригадах? Вернее всего, она куда-нибудь сбежала, и до этого нам нет дела.

Росмус не шевелился и не смотрел на жену. Он молчал.

— По-моему, я права, что больше не приглашаю сюда ее отца. Нам он больше не нужен, а его присутствие вызвало бы здесь обоюдное чувство неловкости. Яноухи —

другое дело. Их, как говорится, нельзя высадить на предпоследней станции. Надеюсь, ты понимаешь это так же, как и я. Кстати говоря, Яноух-младший еще может быть нам полезен. Не забудь о каданьском гарнизоне, ведь мы о нем почти ничего не знаем.

Но сведения о каданьском гарнизоне, доставляемые Яноухом-младшим, когда он приезжал к отцу в Кадань и к Росмусам, были довольно неутешительны. Выяснилось, что подавляющее большинство солдат предано народно-демократическому строю, а среди офицеров не нашлось никого, кто хотел бы агитировать солдат против этого строя. Несколько офицеров-коммунистов имели большое влияние на умонастроения беспартийных офицеров.

Росмус хотел было высказаться о том, насколько полезны им Яноухи, но оставил свое мнение при себе.

— Прости, Мери,— ответил он.— Ты права. Последнее время я поддаюсь мыслям, которые больше подобают Виктору. Но мне только жаль старого Зиму. Он постарел на десять лет.

— Жалость — новый оттенок для меня в гамме твоих эмоций. По крайней мере, по отношению к себе я никогда ее не замечала.

Тон Росмусовой был так же холоден, как и в начале разговора. Она встала и вышла из кабинета мужа.

Росмус был прав. Советник Зима как-то сразу сдал и постарел после исчезновения дочери. Он сохранил еще свою механически размеренную походку, по-прежнему держался совершенно прямо, но щеки у него ввалились, глаза глубоко запали и смотрели устало и безнадежно. Волосы советника стали белы как снег. Он несколько раз приезжал в Кадань справиться о ходе следствия по делу об исчезновении Алены, но у Росмусов не показывался. Зима вдруг лишился друзей. Останавливался он в маленькой гостинице на боковой улице, ночевал на неудобной и узкой постели сомнительной чистоты. Внизу до поздней ночи горланили пьянчуги и ныла гармоника, терзая слух советника, привыкшего к камерной музыке.

Зима страдал бессонницей. Ни Гораций, ни Овидий, ни Сенека, ни Платон не могли вернуть ему душевное равновесие, к которому он привык. Старик все еще читал древних авторов, но делал это лишь в силу сорокалетней привычки. Слова их произведений, такие знакомые, что Зима мог бы цитировать на память целые абзацы, как-то утратили смысл, побледнели, лишились прежней прелести, потеряли свою мудрость, или она стала чуждой Зиме. Когда-то ему

казалось, что он не столько любит дочь по-отцовски, сколько очарован юностью и красотой Алены, прелестью ее расцвета, которые жизнь в юном существе безжалостно повторяет, как бы в насмешку над стариками. «Ибо что такое отцовская любовь по сравнению с материнской? Случайное, а подчас и смешное чувство, отношение, порожденное привычкой, а не инстинктом». Теперь он понял, что Алена была единственным человеком на свете, которого он любил.

Зима посетил Календу и, хотя был глубоко удручен, не мог не заметить проницательности поручика, его энергичного лица и открытого взгляда. С какой-то двойной грустью при мысли, что этот молодой человек, по существу, его враг и что Алена невозвратно исчезла, Зима сказал себе: вот такого человека я хотел бы видеть своим зятем. От Календы он узнал, что следствие пока не дало никаких результатов. Старик отвел предположение поручика, будто он, Зима, мог посоветовать Календе, как действовать дальше.

— Я слишком мало знал о жизни своей дочери,— со вздохом сказал он,— а в уголовных делах несведущ как любой гражданин. Вот они плоды специализации! Я всегда занимался только гражданскими исками.

Поддавшись беспричинной жалости к старику и воспоминаниям о его дочери, Календа подавил в себе желание сказать, что Зима имеет отношение и к кое-каким уголовным делам. Он показал советнику анонимные письма в каданьское отделение КНБ и машинку, на которой эти письма были написаны.

— Машинку мы нашли в комнате вашей дочери.

Лицо советника верховного суда стало серым.

— Вы хотите сказать, что моя дочь писала эти анонимные доносы? А зачем ей было это делать?

— А вы не поможете нам выяснить это? — вопросом на вопрос ответил Календа.— Возможно, что ваша дочь чем-нибудь возмущалась, но не нашла другого способа действовать.

Зиме вспомнилась ночь, когда Алена сидела в ногах постели и спрашивала его мнение о том, что произошло в тот вечер у Росмусов. Вспомнилось, что он тогда ей ответил...

Советник молчал и напрягал все свои силы, чтобы подавить внутреннюю дрожь.

— Мы обнаружили взаимосвязь некоторых фактов. Цепочка начинается смертью бухгалтера кооператива Бузека, который также служил у Росмуса. Заинтересовало

нас и помятое крыло машины Яноуха, и другие факты, выяснившиеся позднее. Мы провели тщательное расследование, о чем вы, наверное, слыхали, но убедились только в одном — что Росмусы незаконно резали скот и спекулировали мясом и маслом, остальные подозрения нельзя было ничем доказать. Однако же отдельные факты всякий раз оказывались связанными с одними и теми же именами. А теперь исчезла ваша дочь. Неужели вы не можете вспомнить что-нибудь, что наведет нас на ее след?

Календа говорил тихо, не сводя глаз с осунувшегося лица Зимы. После долгой паузы тот ответил:

— Вы хотите дать мне понять, что люди, с которыми общались я и моя дочь,— воры, спекулянты, а может быть, и убийцы и поджигатели? Что им нужно было устранить мою дочь? И, может быть, даже, что я их безмолвный пособник?

— Я не сказал ничего такого,— ответил Календа.— Я только привел несколько всем известных фактов и попросил вас о помощи. Вы можете сделать это по трем причинам: как гражданин, как ответственный судебный работник и как отец.

— Очень жаль,— сказал Зима.— Я охотно помог бы вам хотя бы в своих собственных интересах, но не могу вспомнить ничего, что вас интересует.

Он вышел из здания КНБ и долго стоял на площади, подняв лицо к небу с низко нависшими тучами. Шел легкий снежок, и Зима подставлял ему свои пылающие щеки. Потом он нанял одно из двух такси, стоявших вблизи «морового столба», и поехал в Винтиржов.

Бывшего вахмистра Яноуха он застал в комнатке, заменявшей контору. Яноух развалился в старом кожаном кресле, вытянув ноги к раскаленной железной печке. Около него на столике стояли наполовину опорожненная бутылка коньяку и стакан, засаленный жирными губами. Яноух, красный от жары и коньяка, вскочил с кресла, пробормотал невнятное приветствие и придвинул стул нежданному гостю. Советник снял шляпу, но даже не расстегнул шубы и, тщательно прикрыв дверь, остался стоять около нее.

— Моя дочь исчезла,— без предисловий и не здороваясь начал он.— В КНБ считают, что она убита.

Яноух отшатнулся, оперся о стол и выпучил на Зиму налитые кровью глаза.

— Каэнбисты просто одурели,— забормотал он.— Барышня куда-нибудь уехала. Вернется и будет потешаться над всеми нами.

— Они уверены, что моя дочь убита так же, как был убит Бузек. Они уверены, но у них нет улик. Но в один прекрасный день улики появятся!

Яноух нагнул голову, словно хотел наброситься на своего гостя, стукнул кулаком по столу и гаркнул:

— Что за чушь вы порете?

Зима продолжал невозмутимо:

— Всю жизнь я разбирал гражданские иски. Но придет время, и я попрошу министра юстиции в награду за мои заслуги перевести меня в уголовный суд. Тогда я сам вынесу приговор убийце моей дочери.

И советник Зима покинул Яноуха так же тихо, как вошел к нему, сел в машину, ожидавшую его у ворот, и с тех пор больше не появлялся ни в Кадани, ни в Каданьском районе.

Но если Зиму больше не видели, то вести о его деятельности все же доходили. Предсказанное им время пока не наступило, и советник продолжал помогать его приходу тем, что выносил судебные решения об исключении крупных промышленных предприятий из числа национализированных и о передаче их прежним собственникам.

Виктор Пюхлер перед отъездом за границу зашел на квартиру к Зиме попрощаться и внутренне содрогнулся, пожав костлявую руку советника,— так она была холодна. «Как камень»,— с завистью подумал певец безнадежности. Седовласый советник с темным, как пергамент, иссохшим лицом, костлявый, с утратившими гибкость размеренными движениями походил на памятник давно минувших лет — памятник, который переживет все смутные, грозные и переломные времена.

— Я пришел попрощаться,— сказал Пюхлер,— и попросить вас и в дальнейшем не забывать о моем деле... Если, конечно, оно того стоит.

— Зачем же сомневаться? — ответил советник Зима.— Решение верховного суда вступило в законную силу. Добиться его выполнения — это не дело суда и судей, а других сил. Я не сомневаюсь, что они будут достаточно велики, чтобы свершить то, чего ждет от них нация. Тем не менее нельзя не признать, что сейчас решается судьба нашей страны. Не жаль вам уезжать в эти дни, когда обстановка так напряжена и, несомненно, крайне интересна для литератора?

— Скажу вам откровенно,— не без колебания начал Пюхлер,— мне опротивела борьба. Я уже достаточно боролся, а за что, спрашивается? Защищать общественный

строй, в устойчивость которого я не верю? Или верить в него только потому, что людям нашего круга больше ничего не остается, и все-таки презирать его? Я не хочу выполнять то, что обязан. Подлинная свобода, по-видимому, превратилась в пустое слово, которое каждый толкует, как ему вздумается.

— Я читал вашу книгу. Вы воспеваете сумерки нашего мира. Но мир не перестанет существовать оттого, что мы, его властители, не верим в свою миссию.

— Есть и другие причины, по которым мне следует временно побыть за границей,— сказал Пюхлер, отводя взгляд.

— Жаль, что мне нельзя тоже уехать по этим причинам,— сказал советник Зима и, вставая, протянул гостю руку.

Пюхлер решил ехать к месту своей новой службы на том самом «остине» цвета спелой сливы, на котором когда-то вернулся на родину. Он рассчитывал, что в стране, откуда он вывез этот автомобиль, ему удастся обменять его на новый. Ожидая на границе у таможни, пока закончатся все формальности с паспортом, Виктор вспомнил стихи поэта, возненавидевшего взрастившее его общество. Эти стихи он вспоминал и в тот день, когда, меньше года назад, вступал в пределы родины.

С чужбины воротился я домой
и словно свет дневной сменил на тень...

«А что я? — тоскливо подумал Пюхлер, садясь за руль.— Возвращаюсь сейчас на свет?» Он выехал, и пограничный шлагбаум с сухим безразличным стуком опустился за этим человеком, чужим своей родине, не принадлежащим никому и ничему. С ветки большой ели сорвался с глухим шорохом комок сырого снега и шлепнулся на землю. Таможенник, глядя вслед отъехавшей машине, сказал пограничнику:

— Барчук! И таких мы посылаем за границу представлять нас! Откуда только они еще берутся в Праге?

В ту зиму не было спокойствия ни в людях, ни в природе. Оттепели и морозы стремительно чередовались в Пограничье. Свинцово-серые или бурые, как чернозем, тучи заволакивали горные хребты, снег падал и падал то большими хлопьями, то мелкой крутящейся крупой. Он

завалил все дороги, и их с трудом расчищали снежными плугами, деревья в лесах ломались под его тяжестью, он срывался с крыш и тяжело падал, так что в доме все вздрагивало. Когда прекращался снегопад, поднимался ветер и гнал перед собой снежную пыль, разглаживая бесконечную белую поверхность, как хорошая хозяйка оправляет постель. Легкий ночной мороз снова морщил этот покров и усеивал его крупными зернами, которые при восходе солнца вспыхивали ослепительными искрами. Нестерпимо белый снег розовел после полудня, а к вечеру синел, словно тлел и дымился в глубине.

В Долинке, засыпанной снегом по окна каменных домов, пахло дымом, молоком и хлебом. Но даже и здесь не было спокойствия. То в одном, то в другом доме вечерняя беседа затягивалась до полуночи. У Клинеков, у Поставы или у Варги собирались крестьяне и обсуждали требования, выдвинутые коммунистической партией в интересах мелких земледельцев, говорили о том, какая беда их ждет, если верх возьмут те, другие, и власть, а с нею и земля вернутся в руки помещиков.

— Партия говорит: «пятьдесят гектаров»,— объявил Винценц Постава, роняя пепел из трубки и не обращая внимания на грозные взгляды жены.— Пятьдесят так пятьдесят. А я так думаю, что с лихвой хватило бы и двадцати. Мы тут работаем на двенадцати и сколько приходится попотеть, все знаем!

— Помнится, летом ты рассуждал иначе, Винценц,— язвительно заметила его жена.— Тогда у тебя глаза были завидущие, тебе и двадцати казалось мало.

Постава поежился, словно его кольнули, сердито поглядел на жену и проворчал:

— Что было, то прошло. Конь о четырех ногах и то спотыкается. Ты бы лучше приглядывала за дочерью. Десятый час, а девчонки нет дома.

— Не ты один беспокоишься о нашем будущем,— ответила Мария.— У Кветы тоже есть свои дела.

— Гляди, как бы она не принесла тебе гостинец в подоле,— ухмыльнулся Постава, радуясь, что зацепил жену за живое.

Мария выпрямилась над квашней с тестом.

— Винценц! — угрожающе сказала она.— Подумай, что ты говоришь! Квета знает, что можно и чего нельзя.

— Квета, может, и знает, а вот знает ли этот долговязый? — не сдавался Постава.— Не по душе мне, что он увивается около нашего цыпленка.

— А ну вас, папаша,— вмешался Клинек.— Во-первых, Квета давно уже не цыпленок, во-вторых, Коринта — порядочный человек, хоть и недоучившийся интеллигент, вроде меня, а в-третьих, Квета состоит в заводской милиции, и, если у нее дежурство или строевые занятия, она должна повиноваться, как солдат.

Осенью прошлого года, когда закончились полевые работы, Квета стала станочницей на шарикоподшипниковом заводе и вступила в Союз молодежи.

— Заводская милиция! — повторил Постава за зятем.— Стало быть, Квете и ружье дадут в руки?

— Будет нужно — дадут и ружье,— вмешался Пало Варга.— А что в этом особенного? Уходила же моя Кристина со мной в горы и стреляла из автомата, как и все. Если надо, и баба сойдет за мужика.

— Вы, папаша, говорите, что пятидесяти гектаров много, хватит и двадцати,— быстро сказал Клинек, меняя тему, чтобы Постава продумал слова Варги попозже.— Я говорил об этом с Багаром. Партия предложила пятьдесят, чтобы тем, другим, нечем было крыть. Но за нами остается инициатива. Если мы будем упорно требовать двадцати, возможно, станет и по-нашему. Партия не диктует, сказал Багар, партия руководит и внимательно прислушивается к голосу народа.

Братья Карасовы, у которых в Долинке не было других приверженцев, кроме Бахтика с сыном, прислушивались, однако, к другому голосу. Один раз их навестил Кроулик, в другой раз Яноух. Жители Долинки, видя автомашины у ворот Караса-старшего, посмеивались, а иной раз озабоченно спрашивали друг друга, какие же козни готовят все эти партии, если даже два-три сторонника настолько нужны, что к ним приезжают в машинах.

— Мало у них народу,— объяснял в таких случаях Варга и слегка улыбался.— Приходится беречь людей, как скряге — каждый грош. А у нас сила! Ну просто вся страна!

Тимеш тоже, не боясь холодов, разъезжал в своей машине по району. Его можно было видеть на собраниях не только в Поточной, но и в Клаштерце, Кадани, Прунержове и во многих других местах. Он заезжал даже в Карловы Вары, словно какое-то беспокойство гнало его с места на место. Тимеш внимательно следил, как назревают решающие события. Он вынюхивал, стараясь угадать, чья возьмет. Несколько раз съездил он и в Прагу и возвращался оттуда, крепко поджав губы, так что его и без того тонкий

рот превращался в узкую щель на бледном лице. Он не находил себе покоя и готовился к обеим возможностям — и к победе, и к поражению коммунистов. Иногда затемно он тайком приезжал в имение Врш, где после ухода садовника Зуны не было свидетелей этих визитов. Тимеш давал информацию Росмусу, который мрачно слушал ее,— она была неутешительна. И трудно было сказать, то ли нечем Тимешу порадовать Росмуса, то ли он просто не хочет это сделать.

— От вас нет никакого толку, Тимеш. Ваши новости известны любому ребенку в округе. Я хочу знать, как далеко намерены зайти коммунисты. Что означает эта их заводская милиция, собираются ли они пустить ее в ход в серьезном случае?

— Откуда я знаю! — ответил Тимеш, втайне наслаждаясь беспокойством Росмуса.— Не думаете ли вы, что об этом говорят на открытых собраниях? Вы могли бы сами составить себе мнение. «Не пустим бывших хозяев на заводы!» — вот что они говорят. Для этого, вероятно, и создана заводская милиция. А вы сами понимаете, что защищаться они будут не алебардами.

— На нашей западной границе маневрируют американские войска,— высокомерно сказал Росмус.— Я думаю, что и у самых отъявленных авантюристов они отобьют охоту шутить с оружием.

— У нас есть еще восточная граница,— возразил Тимеш, с откровенной насмешкой.— На вашем месте я не был бы так уверен, что коммунисты испугаются каких-то маневров и что их можно заставить уйти со сцены разными замысловатыми трюками и бенгальским огнем за кулисами. Не думаете ли вы, что какая-нибудь страна готова тотчас же ринуться в новую мировую войну, хотя бы это ее вполне устраивало?

— Я вызвал вас не для того, чтобы слушать ваши рассуждения,— холодно сказал Росмус, хотя он с трудом преодолевал бешенство.— И почему только, сам не понимаю, я до сих пор не послал ваши бумаги куда следует?!

— Видимо, потому, что при нынешней ситуации вас самого очень мало устроит, если я уличу вас в присвоении государственной земли и, возможно, в соучастии в нескольких других преступлениях. Мы с вами все еще связаны малоприятными узами, но я чувствую, что они не душат меня, как прежде.

— Заблуждаетесь! — угрожающе сказал Росмус.— Если даже — что просто невероятно! — коммунисты придут

к власти, документы, касающиеся вас, не утратят своего значения. Я бы сказал, что они станут даже опаснее. Учтите это и действуйте соответственно.

Тимеш был неуравновешен, но далеко не глуп. В нем сочеталась отвага, иной раз безрассудная, с трусостью, жестокость — со склонностью к порядку и организации, страсть к одной женщине — с неодолимой тягой к другим.

Тимеш отправился к Багару и рассказал ему о росмусовских угрозах интервенцией, представив дело так, что слышал это от третьих лиц. Багар задумчиво слушал, с трудом преодолевая в себе антипатию к Тимешу.

— Не сомневаюсь, что они мечтают об этом,— сказал он, когда Тимеш умолк.— Но я хотел бы знать, откуда у тебя такие сведения?

— Даже стыдно признаться,— сказал Тимеш, изобразив смущение.— Из пьяных разговоров, которые ведутся у стойки в гостинице Рейзека. Но я решил, что, с одной стороны, нет дыма без огня, а с другой, пари держу, что знаю, откуда идут все эти разговорчики.

— От Росмуса? Да, это возможно,— согласился Багар, мысленно задаваясь вопросом, действительно ли Тимеш слышал все это только в гостинице Рейзека.

Но поймать Тимеша было трудно. В последнее время он действительно возобновил визиты в гостиницу Рейзека. Фрау Краус опять красовалась там, всегда элегантно, с иголочки одетая, обслуживая гостей за высокой стойкой, сверкающей полированным деревом и кованой медью. Но, как только там появлялся Тимеш, к стойке спешил Рейзек, выразительным взглядом удалял фрау Краус и обслуживал незваного гостя сам. Тимешу все-таки удалось однажды подсунуть своей бывшей сожительнице сложенную вчетверо записочку, и фрау Краус не отвергла ее, а взяла и сунула в карман.

«Всякий раз, когда я здесь,— говорилось в записке, написанной размашистым почерком Тимеша,— моя машина стоит у входа. Выйди, садись в нее, и мы уедем. Ты не любишь этого тюфяка и не забыла меня. *Т.*»

И однажды вечером, в начале февраля, когда Рейзек уехал по делам в Прагу, фрау Краус последовала этому приглашению. Она вышла с двумя тяжелыми чемоданами, не обращая внимания на проклятия, которыми осыпала ее старая Грета. Тимеш, услыхав карканье Греты, выбежал из ресторана, бросил оба чемодана в машину, захлопнул дверцу за фрау Краус и умчался раньше, чем успели опомниться другие посетители, которым оставалось только

жалеть, что они не успели сопроводить это происшествие громогласными комментариями и лишились замечательного развлечения.

На этот раз фрау Краус увезла с собой все, что Рейзек дарил ей в течение нескольких месяцев. Несмотря на предупреждение адвоката, Рейзек возбудил против нее дело о присвоении чужого имущества. Иск он проиграл, но зато вся Поточная и даже другие городки района долго тешились разговорами на эту тему; в напряженную атмосферу накануне бурных политических событий сенсация с похищением фрау Краус внесла отрадную перемену. Особую пикантность придало этой истории то обстоятельство, что фрау Краус то ли умышленно, то ли случайно забыла у Рейзека записку Тимеша и ресторатор, напившись с горя, показал ее своим гостям. С тех пор заведение Рейзека никто из местных жителей не называл иначе, как гостиница «У тюфяка».

В один из тех редких вечеров, когда Багарам удавалось вместе поужинать дома, Иржи вспомнил Тимеша и фрау Краус и заговорил о них со Зденой.

— Товарищам не нравится поведение Тимеша. Они приходили советоваться, не поставить ли вопрос о нем на партийном комитете. Но, в конце концов, какой же вопрос? Дело ведь чисто личное, хотя оно и произвело дурное впечатление в самое неподходящее время. А наши враги этим воспользовались. «Вот, мол, как живут коммунисты, полюбуйтесь на них». Врагам все годится, от адской машины, которую они посылают своему собственному министру, до такой ерунды, как отношения Тимеша и Краус, которая то убегает, то возвращается к нему.

— Может быть, Тимеш теперь поумнеет хотя бы настолько, что не будет ее бить,— сказала Здена.— И прекратятся слухи о нем и грюнских девушках.

— Враги делают все, что могут, чтобы посеять недоверие к компартии,— продолжал Багар, словно бы прослушав замечание Здены.— Признайся они сами себе, как плохо им это удается, им пришлось бы перейти к честной политике или просто бежать из страны. Как бы там ни было, а всякий из нас должен жить так, чтобы на нем не было ни пятнышка. С Тимешем я все же при случае поговорю...

Багар вдруг умолк, взгляд его стал неподвижен. Здена, восприимчивая к каждой перемене настроения мужа, спросила обеспокоенно:

— Что с тобой, Ирка? О чем ты задумался?

Он взглянул на нее и попытался улыбнуться.

— Говорю о людях без пятнышка, а забыл взглянуть на самого себя.

Здена побледнела.

— Я тебя не понимаю, Ирка,— сказала она упавшим голосом.

Багар наклонился над столом, приблизив свое лицо к лицу жены, и тихим голосом начал рассказывать о своей любви к Марте Гальчиковой. Он описывал обстановку партийных собраний тех давних лет, взволнованные споры о политике партии, драматические события, когда сверкали жандармские штыки и зияли открытые ворота тюрем. Он воскрешал образ восторженного юноши, очарованного женщиной, которая волновала всякого, кто с ней встречался. Багар поведал о крахе своих надежд и о чувстве, которое, преодолев горечь разочарования, превратилось в прочную дружбу.

Здена слушала, не сводя глаз со своих сложенных на столе рук.

— А почему ты никогда не говорил мне об этом? — тихо спросила она, когда Багар умолк.— Ты ведь не перестал любить ее.

Багар отрицательно покачал головой.

— Нет. С той минуты, когда я впервые увидел тебя в Поточной, для меня стала существовать лишь ты. Если бы ты знала, сколько раз я собирался рассказать тебе о Марте, чтобы ты знала обо мне все. Но, вспомнив, насколько я старше тебя, всякий раз боялся, что ты подумаешь: «У него было до меня много женщин». И таким образом я в конце концов умолчал и о своей единственной юношеской любви. Когда Марта умерла, я хотел обязательно рассказать тебе все. Но тут с тобой случилось несчастье, и у меня опять не хватило духу.

— И это все?

Багар кивнул.

— Мне бы следовало ревновать, а? — сказала Здена, слегка улыбнувшись.— Или хотя бы рассердиться за то, что ты не проявил ко мне достаточного доверия. Но я не могу. Я ревную к твоей молодости, потому что не знала тебя тогда, потому что не могла в то время быть рядом с тобой. Когда ты появился у нас в Ямницах, ты любил Марту?

— Она уже была женой Гальчика. А я был уверен, что больше никогда никого не полюблю.

— А я еще тогда влюбилась в тебя. Знаешь, что такое любовь девчонки? Прикажи ты мне броситься под поезд,

я бы бросилась. Потом ты уехал, а я все ждала, что ты вернешься, часто бегала на холм над Ямницами, поглядеть, не идешь ли ты со станции.

— Здена!

— Мать говаривала: «Милые бранятся — только тешатся». Но я не сумею сердиться на тебя. Как ты думаешь, люблю я тебя или нет? И все-таки у меня в душе остается маленькая ранка, просто царапинка, но чувствительная. Может быть, из-за нее ты мне еще роднее. Когда-нибудь она заживет, и я буду тщетно вспоминать, что это была за боль, и мне станет жаль, что она прошла.

— Не понимаю тебя, Здена,— растерянно сказал Багар, и в душе его шевельнулся страх перед чем-то ему неведомым.

Здена встала, обошла стол и прижала голову мужа к своей груди.

— А тебе и не надо понимать,— шепнула она.— Не надо!

Она села к нему на колени и поцеловала его в губы так горячо и жадно, словно это был первый поцелуй после долгой разлуки.

После короткой оттепели, когда снег обмяк и струйки воды зажурчали в разъезженных колеях, снова подморозило. Три дня с равнин дул теплый ветер, туманное солнце то появлялось, то исчезало за быстро бегущими дождевыми облаками, повеяло весной, в деревенских дворах курились навозные кучи, запахло хлевом и конюшней, а на дорогах — конским пометом, на деревьях уже благоухали нетерпеливые почки. Вода звенела в водосточных трубах, капель с крыш, как на ксилофоне, играла на плитках тротуара. Потом вдруг, за один час, ветер переменил направление и стал таким пронизывающим и колючим, словно клинок изо льда. Наутро багровое солнце взошло на безоблачном бесцветном небе, заиграло на снегу, покрытом крепкой коркой, и на длинных сосульках под крышами.

Февраль перевалил на вторую половину, но зима с новой силой восстанавливала свою жестокую власть. Звезды, отбрасывавшие длинные дрожащие лучи, казались такими близкими, что, будь соседний холм чуть повыше, их можно было бы достать рукой... Иногда небо на час или два затягивали низкие тучи, и из них сыпался мелкий, похожий на опилки снег. Но это были только краткие интермедии. Небосвод быстро прояснялся, звезды еще больше прибли-

жались к застывшей белой земле и, казалось, сами источали стужу.

У заводских ворот переминались с ноги на ногу часовые заводской милиции. Они кутались в ветхие зимние пальто или гордо сопротивлялись морозу под защитой свитеров, поверх которых были надеты синие спецовки. При свете фонарей, будто охранявших заводы вместе с часовыми, на левой руке рабочих-милиционеров можно было различить красную повязку. Революционные профсоюзы созвали съезд фабзавкомов для поддержки требований организованного пролетариата и членов правительства, выдвинувших эти требования и отстаивающих их. Эти требования отвечали духу Кошицкой программы, революционной хартии, которую ныне многим хотелось бы предать забвению.

Объединенные шарикоподшипниковые заводы в Клаштерце и Поточной делегировали на съезд Ярду Гласека. Фарфоровый завод в Клаштерце тоже послал своего представителя. Только Лойзик Мареш огорчался, что коллектив текстильной фабрики слишком мал, чтобы иметь право послать кого-нибудь на съезд. Ибо как трудящиеся, так и те, кто выступал против их законных требований, одинаково хорошо понимали историческое значение этого съезда и то, что его итоги будут решающими для дальнейших судеб страны, которая, приступив к национализации в 1945 году, сделала первые шаги к социализму.

Значение съезда надо было объяснять, потому что против него началась ожесточенная кампания. Багар и его жена опять изо дня в день были на ногах и до поздней ночи не покидали собраний, которые далеко не всегда проходили гладко. Они разъясняли справедливость требований коммунистов и опасность, которая угрожала бы трудящимся, если эти требования не будут выполнены, если частные собственники сохранят свои позиции и предпримут атаку на достижения народной и демократической революции.

Для обоих лагерей это были напряженные дни. Супруги Росмусовы поддались всеобщему беспокойству и отправились в Прагу, чтобы у своего высокопоставленного родственника получить из первых рук информацию о положении вещей, а главное — о перспективах для своей партии. Но в эти дни трудно было застать кого-нибудь на месте: министры и лидеры партий, входящих в Национальный фронт, не переставали совещаться и заседать. Министр юстиции смог уделить своему родственнику лишь несколько минут, которых в другое время хватило бы разве на то, чтобы выкурить сигарету. Но и этого оказалось достаточно:

Росмус вернулся к себе домой, на квартиру в нижнем конце Вацлавской площади, таким бодрым и оживленным, будто выпил несколько рюмок коньяку.

— Мы им подставим ножку, дорогая моя! — воскликнул он, сняв в передней тяжелую шубу, и вошел в комнату, где его невозмутимая супруга читала американский сельскохозяйственный журнал. Мери подняла голову — на ее длинном желтом лице все чаще подергивалась правая щека — и холодно-выжидательно взглянула на мужа. Росмус подошел к ней, клюнул ее в лоб торопливым поцелуем, с трудом преодолев кривую гримасу, и, расставив ноги, стал посреди комнаты с таким видом, словно ему самому предстояло командовать наступлением на свободы народа.

— Правительственный кризис, Мери! — продолжал он.— Это именно то, что нам нужно. Наши министры, а с ними и министры от всех других политических партий подают в отставку, и коммунисты останутся у разбитого корыта. Готвальду не останется ничего другого, как уйти, а затем будет сформировано правительство чиновников. Понимаешь, что это значит? Министерство внутренних дел, армия, весь государственный аппарат окажутся в наших руках, а остальное будет обычной конституционной комедией: выборы проводим мы, а коммунистов — за решетку. Конец национализации! Спустим ее на тормозах, и пускай подыхает! Конец глупостям с земельной реформой, с всеобщим страхованием, конец всем подобным очковтирательским затеям, которые только разоряли порядочных людей и отрывали нас от Запада и его рынков. Конец комедии с любовью к Советскому Союзу. Более того: мы сможем рассчитывать на американские капиталовложения в твердых долларах.

— Да, все это было бы хорошо,— невозмутимо согласилась Росмусова.— Меня можешь не уговаривать. Остается только один вопрос: а примут ли коммунисты такую пилюлю и что предпримет Готвальд?

— Уйдет в отставку, что же ему еще останется делать? — почти закричал Росмус.— Он премьер-министр парламентского правительства, и если большинство кабинета подает в отставку, он не вправе поступить иначе.

— Не знаю...— Мери пожала костлявыми плечами.— Я далеко не так уверена, как ты. Вот, например, единые профсоюзы... Их не удалось расколоть, а рабочих не так-то легко убедить, что заводы надо вернуть в частные руки. Потом КНБ. Нападки на отдельных начальников КНБ ни к чему не привели. А как насчет вооруженной милиции на

заводах? Для чего, ты думаешь, ее готовят? Да и за армию я не поручусь. Отставка, видимо, одна из наших последних возможностей, но, кто знает, не преждевременна ли она?

— Уж не будет ли она своевременнее после съезда фабзавкомов и этих крестьянских комиссий? — раздраженно воскликнул Росмус.

— Напрасно ты на меня кричишь, Эд,— ответила ему жена.— Я только задаю вопросы, которые должны были поставить себе наши политики, а также и ответить на них. Я не побоялась бы и гражданской войны, будь я уверена, что она принесет нужные нам результаты. Но хватит ли у нас для нее сил, спрашиваю я? Есть ли у нас вообще какие-нибудь силы? Шуму в газетах мы наделали много, а работу в массах провалили. Тут коммунисты обогнали нас на целые километры. Вот каково наше положение, и не следует закрывать на него глаза или уверять себя, что оно иное.

— Я не узнаю тебя, Мери,— мрачно сказал Росмус.— Что ж, отказаться нам от всякой надежды, что ли?

— Зачем? — ответила Мери, и ее правая щека быстро задергалась, словно в неудавшейся усмешке.— Придется нам уповать на будущее и возложить надежды на другие силы.

В морозный февральский день, когда из низких облаков сыпался мелкий снег, громкоговорители местного и заводского радио транслировали передававшееся всеми государственными радиостанциями выступление премьер-министра Клемента Готвальда. Слушали его и в Кадани, и в Клаштерце, и в Поточной. Люди стояли на улицах, на площадях и в цехах и взволнованно ловили каждое слово, которое глава правительства и компартии произносил перед стотысячным митингом на Староместской площади. Слышны были не только речь Готвальда, но и бурные отклики митинга, и на лице всех слушателей можно было прочесть, что значит для всякого из них эта речь.

Багар и Здена слушали Готвальда на каданьской площади, где собралось несколько тысяч человек. Потом Багар вернулся к себе в кабинет, и тотчас начались телефонные звонки.

— Что мы должны делать, товарищ Багар? — спрашивали председатели местных национальных комитетов, а иногда и партийных организаций со всех концов района.

— Товарищ Готвальд вам ясно сказал,— отвечал Ба-

гар,— поступайте именно так, а не иначе. Организуйте комитеты действия Национального фронта, объединяйте всех честных граждан из разных политических партий, из революционных профсоюзов, из Союза молодежи и Общества чехословацко-советской дружбы. Но проходимцев в своих рядах не терпите. Если вам понадобится помощь, я приеду.

Позвонил и тесть Багара. Его голос звучал по-юношески звонко.

— Ирка, теперь мы их прижмем! Сами начали, теперь увидят, почем фунт лиха.

— Прижимай, да смотри не пережми! — засмеялся Багар.— Действуй точно по указаниям товарища Готвальда. Организуй комитет действия Национального фронта и обеспечь порядок в своем городе. Заводская милиция пусть держит контакт с товарищами из КНБ. Охраняйте предприятия, почту, шоссе, телефонную связь, чтобы никто не выкинул у вас какого-нибудь фокуса.

— А как ты смотришь на кандидатуру нашего Раба? — осведомился Деймек.— Он национальный социалист, но показал себя честным человеком.

— Включи его,— был ответ.— Такие нам нужны.

Багар и Здена уселись за стол и, выполняя указания товарища Готвальда, стали вспоминать и записывать имена тех, кто был достоин пополнить руководство района и стать членами комитета действия. Багары перебирали в памяти лица рабочих из цехов, служащих из контор и обветренные лица сельских жителей. Потом они отправились к Гальчику. Он сидел у радиоприемника, глаза у него лихорадочно блестели.

— Еще не все выиграно, товарищи! — сказал он, просмотрев и дополнив список, принесенный Багаром.— Впереди — напряженные дни. Какова обстановка на предприятиях?

— Речь Готвальда всюду встречена с восторгом. Принимаются резолюции в поддержку предложенной им линии,— ответил Багар.— Комитеты действия завоевали доверие масс. Люди и без долгих объяснений поняли, что власть переходит в руки народа.

— А милиция?

— В боевой готовности, как и КНБ.

— Хорошо,— удовлетворенно сказал Гальчик, уверенный в благоприятном развитии событий.— Не сомневайтесь, что наши враги готовы были бы разжечь и гражданскую войну. Но оружие в руках рабочих останавливает

их. Они будут уговаривать Бенеша послать армию против народа. А он начнет долго раздумывать и взвешивать, имеет ли это шансы на успех. Несомненно, найдется немало высших офицеров, которые охотно пошли бы за ним, но большинство остальных, а с ними и солдаты и унтер-офицеры воспротивятся. И все же мысль использовать армию долго будет искушать Бенеша, пока он не поймет, что это — безнадежное дело, и не согласится на предложения Готвальда... И почему только я должен сидеть здесь и не могу вместе с вами идти к людям сейчас, когда это нужнее всего!

— Ты еще возьмешь свое,— мягко сказала Здена.— Мы ведь по-настоящему только начинаем.

— Ты права,— задумчиво ответил Гальчик.— Но до чего обидно сидеть здесь на положении инвалида, когда все остальные в строю.

Студеные пасмурные дни с поздним рассветом и ранними сумерками продолжали оставаться полными тревоги: люди почти не спали или спали одним глазом, как солдаты, ожидающие боевого сигнала. Съезд фабзавкомов сказал свое веское слово. Никто не сомневался больше в том, чего хочет и добивается рабочий класс. Часовая забастовка, прошедшая по всей стране, подтвердила, что съезд устами товарищей Готвальда и Запотоцкого выразил чувства и мысли всех трудящихся.

Пока продолжалась часовая забастовка, Ярда Гласек, делегат съезда от Объединенных шарикоподшипниковых заводов в Клаштерце и Поточной, выступил поочередно перед трудящимися этих предприятий и перед коллективом поточенской текстильной фабрики с рассказом о съезде в пражском Доме промышленности. Ярда, в порах лица которого все еще чернел графит, сиял радостью, и его прежде глуховатый голос — результат силикоза — буквально гремел под сводами цехов.

— Нас собралось там, в Доме промышленности, семь тысяч девятьсот человек, товарищи, братья и сестры! А сколько голосовало против резолюции? Десять! Десять, товарищи! Словно для того, чтобы нагляднее показать, какая мы сила и как мы едины. Скажите сами, кто из вас за то, чтобы вернулись прежние хозяева, за то, чтобы мы снова без устали работали на акционеров? Чтобы они опять накапливали капиталы за счет нашего труда? Чтобы у них денег куры не клевали, а нам они давали бы грошовые подачки? Хочет ли кто-нибудь из вас, чтобы у нас опять все было как прежде? Никто! Вот видите!

Работники Объединенных шарикоподшипниковых за-

водов предложили, чтобы комитет действия выдвинул кандидатуру Ярды Гласека на должность заведующего промышленным отделом районного национального комитета вместо Мацака, который не переставал надеяться, что займет не только свое прежнее положение, но и поднимется еще выше по общественной лестнице. Осмелев, он явился на первое же собрание, хотя его никто не звал, и попросил слова. Оно было ему дано. Мацак придал своему звучному баритону самый проникновенный тон.

— Разрешите мне, уважаемые участники собрания, заявить от имени моей партии, что я не могу согласиться с произвольным и недемократическим методом, которым создаются комитеты действия. Никому не известно, на кого они, собственно, опираются, никто не может сказать, по какому принципу подбирались их члены и какова вообще их функция. Боюсь, что она так же глубоко недемократична, как методы, которыми они созданы. Единственным правильным путем являются всеобщие выборы, а в промежутке между ними — решения конституционно избранных органов власти!

Собрание отозвалось совсем неожиданно — смехом!

— А как насчет масла и свинины из-под полы? — раздался возглас.— Это тоже конституционно?

Встал рабочий с широким, изрытым оспой лицом, член фабкома текстильной фабрики, по имени Томаш Кодим.

— Прошу товарища председателя положить конец этому никчемному выступлению,— сказал он.— Нам, старым социал-демократическим рабочим, ясно, что сейчас делать. И всем нам до черта надоели шуты, которых партийные верхи сажали во главе наших организаций.

Даже в этот морозный искрящийся февраль под низко нависающими тучами в головах в эти дни сиял свет. Глядите-ка, КНБ и в самом деле не выступает против нас, как полиция времен первой республики, а стоит плечом к плечу с нами!

Рабочие в синих спецовках с красными нарукавными повязками и ружьями за плечом выходили из заводских ворот и охраняли не только свои заводы, но и порядок на улицах.

— Теперь им будет ясно, зачем рабочим оружие,— посмеивался Войта Кмент, вспоминая вопросы встревоженных реакционных журналистов.

При виде ружей на плечах рабочих даже самым медлительным тугодумам и самым робким душам стало ясно, что бывшие властители страны окончательно лишены силы

и власти — и то и другое перешло теперь в руки трудящихся.

Росмус мрачно созерцал шпалеры людей в синих спецовках, растянувшиеся вдоль Вацлавской площади. Стотысячная толпа собралась там, заняв все пространство от улицы Мустек до перекрестка у Водичковой улицы, и в ожидании, когда приедет глава правительства Готвальд, слушала других ораторов. Росмус в тяжелой шубе с выдровым воротником стоял у открытого окна. У него был вид человека, собравшегося в путь. С улицы доносились обрывки речей, шум рукоплесканий, скандирование лозунгов. Росмус различил серебряную голову Зденека Неедлы и злобно подумал: «И зачем этот человек, с таким образованием и умом, пошел в услужение к сброду, с которым можно говорить только одним языком: полицейскими дубинками и карабинами, а если понадобится, то и армейскими пулеметами?» Росмус с утра несколько раз звонил своему родственнику, министру юстиции, но нигде не мог поймать его. Впрочем, всюду, куда он ни звонил, царили не уныние и испуг, а просто паника. «Никогда Бенеш не подпишет этих вздорных требований»,— думал Росмус и, волнуясь, ждал, когда же сверху, от памятника князю Вацлаву, послышится мерная поступь солдат, цокот подков кавалерии, и стук колес тяжелых пулеметов, быть может, и орудий, и резкие командные возгласы офицеров. За спиной Росмуса размеренной походкой ходила из комнаты в комнату Мери и упаковывала все новые чемоданы. Два самых больших были уже погружены в машину, ожидавшую Росмусов в переулке за площадью Юнгмана.

Шум голосов на улице вдруг взметнулся с такой силой, что Росмус чуть не отскочил от раскрытого окна. Приехал Готвальд! Долго продолжалась оглушительная овация. Наконец Готвальду удалось добиться тишины.

Владелец Врша слушал, затаив дыхание и волнуясь так, словно там, на трибуне, читали приговор ему самому — жить ему или умереть. Потом он со стуком захлопнул окно и, сунув руки в карманы, остановился, бледный, дрожащий. Он даже не заметил, что жена подошла к нему, пока она не заговорила:

— Конец?

Росмус взорвался. Но его злоба, как ни странно, была обращена не против людей на трибуне и толпы, которая ее окружала. Он вынул из карманов руки, сжатые в кулаки, и погрозил ими.

— Подписал! — крикнул он.— Этот трус, проклятый трус подписал! Расстрелять бы его за это!

У Мери задергалась щека.

— А чего еще ты от него ожидал? — сказала она наконец.— Нам нужен был другой глава государства. Настоящий человек. Мы переоценивали его. Он оказался нашим Керенским.

— Так что же делать? — уныло и растерянно спросил Росмус, как будто это не было уже решено.

— То, что мы собирались сделать в таком случае,— ответила его жена, бросив на него презрительный взгляд.— И поторопись. Нам надо быть за границей прежде, чем они опомнятся от своей победы.

Напрасно садовник Зуна прохаживался перед узорчатыми воротами имения Врш, чтобы полюбоваться на бегство Росмусов из их виллы. Хозяева усадьбы не вернулись в свои владения: одними из первых они в тот же день перебрались в Австрию, а оттуда в Швейцарию, куда уже давно переводили деньги.

Поручику Календе повезло не больше, чем Зуне. Едва закончилась радиопередача, сообщавшая о сформировании правительства обновленного Национального фронта, поручик вместе с Пульдой сел в машину и поехал к Яноуху. У Календы сжалось сердце при виде холма, где он и Алена сидели в тот вечер, когда сгорело переселенческое бюро. В Винтиржове Календа узнал, что Яноух несколько дней назад уехал в Прагу.

— Надо было задержать его сразу, как только начались события,— досадовал Пульда.

— Еще не все потеряно,— утешал Календа себя и его.— Позвоним в Прагу, пусть заглянут на квартиру его сыночка.

Ответ пришел той же ночью: Яноух-младший не явился в свою воинскую часть, а при осмотре его квартиры выяснилось, что он поспешно собрался и исчез. Через два дня Календе сообщили, что при попытке нелегально перейти границу у города Железна Руда был тяжело ранен пожилой человек, при котором обнаружены документы на имя Яноуха. Тамошний пункт КНБ просил кого-нибудь из каданьского КНБ приехать для установления личности, а если окажется возможным, то и для допроса раненого, состояние которого было очень тяжелым. Поручик Календа поехал сам, но нашел Яноуха уже в мертвецкой и мог только удостоверить его личность. Он также узнал об обстоятельствах, при которых был ранен Яноух. Бывший вахмистр

переходил границу вместе с другим, более молодым человеком, несомненно своим сыном, судя по описанию. В нескольких шагах от пограничной черты часовой приказал им остановиться. Нарушители не повиновались, и часовой выстрелил. Старший упал, зовя младшего на помощь, но тот бросился бежать без оглядки и скрылся в лесных зарослях.

— Так вот оно что! — сказал Багар, когда Календа рассказал ему всю историю.— Таков и весь класс, к которому они примкнули: всякий думает только о себе. Как волки. Если нет другой добычи, жрут друг друга... А вот погляди-ка, Тимеш не зевает!

Управление государственных хозяйств извещало РНК, что бывшее имение Врш включено в государственное хозяйство «Грюн» и что особняк Росмусов будет использован как административное здание госхоза и квартира управляющего.

Календа вздохнул.

— Вот еще один человек, о котором я хотел бы знать, что он действительно думает.

— Таких немало,— улыбнулся Багар.— Ну ладно, и он когда-нибудь предстанет перед нами без маски.

Веселая весна вторглась в страну. Таяли снега, и вешние воды потоками мчались с горных склонов. Расцветали деревья, расцветали надежды. В распахнутые окна вливался влажный воздух. Пахло пробуждающейся землей, молодой травой, смолистой хвоей, первыми цветами. Вдохнешь этот воздух — и кажется, что нынешняя весна куда краше, чем все прошлые.

На абрикосовой ветке, осыпанной розовым цветом, пел зяблик. Здена стояла у раскрытого окна. За спиной у нее слышался шелест бумаг: Багар за столом разбирал свежую корреспонденцию. У Здены слегка кружилась голова, она чувствовала слабость, но улыбалась. «Кажется, день в день, как в прошлом году,— думала она.— Сказать ему или нет? Подожду. Подожду еще несколько дней».

— Коринта получил работу в Праге,— сказал Багар.— Пишет, что у него будет достаточно времени и на то, чтобы учиться пению. Квету Поставову он берет с собой.

«Перед молодыми открывается мир,— подумала Здена.— Нам всем открылись двери в новый мир».

Кто нам открыл их?

ПРИМЕЧАНИЯ

Роман «Наступление» первоначально печатался в журнале «Кветы» в № 1—43 за 1951 год. В том же году он вышел в свет в издательстве «Чехословацкий писатель» и был отмечен Государственной премией, а в 1953 году экранизирован известным чешским кинорежиссером Отакаром Каврой. Роман «Битва» опубликован тем же издательством в 1954 году. Вацлаву Ржезачу за него была присуждена Государственная премия им. Клемента Готвальда. «Наступление» и «Битва» представляли собой первую и вторую части задуманной автором трилогии, широкого панорамного повествования об освоении чехами и словаками пограничных районов после освобождения страны. Однако в процессе работы писатель начал сомневаться в необходимости создания третьей части. «Я еще продолжаю раздумывать о том, нужен ли третий том,— рассказывал он в одном интервью.— Все зависит от образа Багара. Если мне удастся обрисовать его так, чтобы не нужно было ничего добавлять, то я закончу повествование вторым томом. Я живу жизнью героев романа «Наступление» уже несколько лет и с радостью снова взялся бы за другой материал. Ведь вокруг столько интересных сюжетов, которые буквально уходят из-под рук» [1]. И действительно, вместо задуманного третьего тома трилогии, который должен был завершить тему, как однажды определил ее сам писатель, «колонизации» чехами и словаками «собственных земель» [2], Вацлав Ржезач приступает к работе над романом «Песнь о верности и предательстве» (1956) — о моральной ответственности человека социалистического общества, но автор не успел его дописать.

29—30 сентября 1938 года в Мюнхене было подписано соглашение, по которому гитлеровская Германия отторгла от Чехословакии часть ее земель — важные в стратегическом и промышленном отношении пограничные районы страны (Судеты). Заселенные в значительной степени немцами, большинство которых сотрудничало с гитлеровцами, эти районы после окончания второй мировой войны оставались источником беспо-

[1] Host do domu, 1954, č. 1, s. 29.

[2] Práce, 4.VI.1945.

койства и опасности для нового чехословацкого народно-демократического государства. В 1946 году, согласно решению Потсдамской конференции глав трех великих держав об упорядочении перемещения германского населения из Польши, Чехословакии и Венгрии, из Чехословацкой республики было переселено на территорию нынешних ГДР и ФРГ около 2,2 миллионов немцев. Одновременно в стране шел интенсивный процесс обживания и освоения Пограничья чехами и словаками. Была проведена земельная реформа, предусматривавшая конфискацию немецких поместий, помещичьих хозяйств, владений пособников нацизма, коллаборационистов и предателей, что ускорило приток в пограничные районы страны крестьян, рабочих, ремесленников, представителей чешской и словацкой интеллигенции.

Эти действия чехословацкого государства встретили активное сопротивление со стороны буржуазии, особенно когда на повестку дня встал вопрос о национализации промышленности, проведении земельной реформы в масштабах всей Чехословакии. Враги рождающегося народно-демократического строя срывали поставки сырья, устраивали акты саботажа, выводили из строя промышленное оборудование, переправляли за границу зерно и скот, получая при этом поддержку со стороны иностранного капитала.

Твердые и уверенные действия рабочего класса, руководимого Коммунистической партией Чехословакии, его союз с трудовым крестьянством помогли сорвать готовившийся реакцией путч и после февральских событий 1948 года, ставших кульминационным моментом в развитии чехословацкого государства, направить его по пути социалистического развития.

С этими событиями читатель и знакомится в романах «Наступление» и «Битва», которые охватывают время с мая 1945 года до весны 1948 года.

Вацлав Ржезач побывал в Пограничье уже в мае 1945 года. «Когда мы приехали в Перштейн,— делился он впечатлениями об одной из первых своих поездок в пограничный край,— город выглядел словно вымерший, было даже как-то страшновато. И вдруг среди этой тишины мы услышали: «Франтише-е-ек! Иди обедать!» Между зарослями лопуха показался малыш, откликнувшийся на зов матери. Это были первые переселенцы, приехавшие обживать пограничный край. Такие минуты остаются в памяти на всю жизнь» [1].

Писатель возвращается в Пограничье снова и снова, посещает организованные на новых началах фабрики и заводы, земледельческие хозяйства, встречается и беседует с жителями края, переселенцами, изучает архивные материалы и документы. В результате возникла целая серия его статей и репортажей под общим названием «Земля возрождается». Они широко публикуются в периодической печати, главным образом

---

[1] Československý voják, 1955, č. 20, s. 12.

в газете «Праце», одним из редакторов которой был в то время писатель и по инициативе которой осуществлялись его поездки в городок Кадань и прилегающие к нему районы, место действия романов «Наступление» и «Битва».

Ржезач настолько хорошо изучил действительность пограничных районов, что министерство информации просило его даже составить справку о происходивших там переменах. Основные ее тезисы нашли свое отражение в статье «Наступление на Пограничье. Организационный вопрос» («Праце», 4. VII. 1945), в названии которой улавливается заглавие первого тома трилогии, а в ее содержании — и сама партитура романа «Наступление». В событиях, которые писатель наблюдал в Пограничье и которые протекали здесь в силу более сложных политических, экономических и национальных условий как бы в обостренной форме, он услышал голос самой революции, сумел распознать процесс формирования новых человеческих отношений, понял, что Пограничье становится «первым полем боя последней битвы», битвы за недалекое социалистическое завтра его народа. Об этом идет речь и в таких его статьях и репортажах, как «Город, куда никому не хочется ехать» («Праце», 23. VIII. 1946), «Счет, оплаченный спустя столетия» («Праце», 1. IX. 1946), «Правда не лежит на блюдечке» («Праце», 7. IX. 1946), «Покинутые стада» («Праце», 28. IX. 1946) и др. Все они сыграли свою роль в подготовке будущей трилогии. Во многом благодаря опоре на огромный конкретный материал романы «Наступление» и «Битва» вырастают в своего рода энциклопедию жизни Пограничья периода 1945—1948 годов.

В статьях, репортажах, рассказах, созданных Вацлавом Ржезачем в канун написания романов «Наступление» и «Битва», легко проследить и родословную некоторых героев, в частности рождение образа коммуниста Багара. Поначалу этот образ появляется в рассказе «Первый день» (1948), который без каких-либо существенных изменений влился затем в повествовательный поток первой книги трилогии. В этом же рассказе действует и Ян Теска, явившийся прообразом Винценца Поставы.

В одном из интервью, отвечая на вопрос о характере современной чешской литературы, Вацлав Ржезач сказал: «Я хотел бы пожелать любому из нас, чешских писателей, создать столь живые и сильные образы героев романа, чтобы молодые люди могли равняться на них, чтобы им захотелось подражать этим героям и, подражая, самим становиться лучше» [1]. В романах «Наступление» и «Битва» автору удалось создать именно такие, правдивые, полнокровные, впечатляющие образы героев, о чем свидетельствуют отзывы критиков и читателей, сразу же давших им самую высокую оценку. Обсуждения книг «Наступление» и «Битва» порой собирали сотни читателей, по преимуществу тех из них, кто на собственном опыте, на собственной судьбе уже успел ощутить, почувствовать созидательную силу происходивших в стране социальных преобразова-

[1] Host do domu, 1954, č. 1, s. 30.

ний. Высокая оценка романов Ржезача остается неизменной и в последующие годы.

«Прозой широкого общественного звучания» назвал романы «Наступление» и «Битва» один из ведущих чешских критиков Ян Петрмихл. К числу «самых значительных художественных явлений чешской прозы 50-х годов» относят эти романы такие взыскательные критики и литературоведы, как Фр. Бурианек, И. Гаек, Я. Мукаржовский, М. Носек, И. Опелик, писательница М. Пуйманова. Они не только подчеркивают большую, подвижническую работу Ржезача как талантливого писателя, самобытного художника, но и ставят его художественные достижения в связь с усилиями всей чешской социалистической литературы той поры, направленными на создание произведений глубоко реалистических, на создание образов строителей социалистического общества. «Наступление» и «Битва» — это наиболее выразительные произведения нашей новой литературы, в которых впервые создан яркий литературный тип коммуниста,— подчеркивал Иржи Гаек.— Так как в поступках и действиях главных героев Ржезача сходятся нити всей общественной жизни, автор имел возможность, наблюдая эволюцию этих героев, построить первые два тома своей трилогии как панораму развития общества на протяжении первых трех лет после войны. Роман «Наступление»... да и «Битва» уже не являются произведениями, в которых изображается определенная локальная трудовая среда. Автор словно бы единым взором окидывает в целом проблемы борьбы за национализацию промышленности, преобразований в деревне и перемен, происходящих в среде интеллигенции» [1].

Так, казалось бы, сугубо современный роман Ржезача превращается в роман исторический («Когда я начал работать, то понял, что пишу роман исторический, в котором, словно в зеркале, отражаются сложные политические события, происходящие на территории нашей родины»), в широкое эпическое полотно, повествующее о судьбе чешского и словацкого народов в первые годы после освобождения. Ржезач на практике реализовывал принципы социалистического искусства, которое, по его глубокому убеждению, должно отвечать чаяниям народа, вырастать непосредственно из жизни, быть чутким барометром своего времени и, постоянно обновляясь, черпать из источников народной мудрости и национальных традиций.

Сам Ржезач в процессе работы над романами «Наступление» и «Битва» обращается к традиции классика чешской литературы, большого писателя-реалиста, автора исторических романов, эпопей и драм Алоиса Ирасека, а также к наследию Ивана Ольбрахта, создателя первого чешского романа о рабочем движении — «Анна-пролетарка».

Характеризуя творчество Алоиса Ирасека, Ржезач писал в газете «Руде право» (23. VIII. 1951): «Полнейшая преданность делу народа,

---

[1] Hájek J. Literatura a život. Praha, 1955, s. 140.

животворная любовь и верность, несокрушимая уверенность в том, что в жизни нет ничего более великого и желанного, чем народ, что, служа народу, ты наилучшим образом служишь самому себе, что, будучи верным ему, ты остаешься навсегда верным и самому себе. Какое выражение веры в ту пору, когда культивировался индивидуализм как проявление чистейшего собственнического эгоизма! Из глубоко уходящих корней этой веры поднимается ввысь и широко разрастается творчество Ирасека». Роман Ольбрахта «Анна-пролетарка» Ржезач оценивает как произведение, «нацеленное в будущее», «сыгравшее в чешской литературе на четверть века позже ту же роль, какую сыграл в советской литературе роман Горького «Мать» («Лидове новины», 10. I. 1952).

Наследуя опыт отечественной литературы, автор «Наступления» и «Битвы» по-ирасековски тщательно изучает и выписывает современное ему историческое время, по-ольбрахтовски остро, с точки зрения классовой расстановки сил в стране воссоздает действия и поступки героев — представителей различных слоев и прослоек современного ему общества. Но при всем том художник выступает новатором. Романы «Наступление» и «Битва» проникнуты мыслью о гуманизме социалистической эпохи, о нравственном здоровье человека, которое измеряется мерой добра и труда на благо общества. «Наиболее бросающаяся в глаза новаторская черта романов «Наступление» и «Битва»,— отмечал Фр. Бурианек,— это усилия автора, направленные на создание типов людей, которые решили для себя главную дилемму своей эпохи и стали движущей силой социалистического строительства» [1].

В книге о путях развития чешской литературы за тридцать лет, с 1945 года по 1975, Франтишек Бурианек снова акцентирует: «Главные творческие поиски Ржезача в изображении революционного процесса и его героев были направлены на синтез индивидуального и общественного... Те, что вслед за ним вступили на путь изображения общественных перемен и раскрытия сознательной активности человека социалистических убеждений, уже могли, опираясь на его опыт, избежать элементов комментаторства, дробления, излишней разветвленности сюжета в связи с избыточным количеством действующих лиц, избежать наперед заданной тезисности произведения и больше полагаться на более глубокое и органичное изображение героев» [2].

Вскоре после выхода в свет романа «Наступление» Ржезач делился с читателями своими мыслями: «Ведь и само служение идее — дело не из легких, да и сама задача овладеть во всей глубине мировоззрением своего времени — вещь трудная, особенно тогда, когда на тебе еще лежит печать прошлого. Выполнение подобной задачи — построение социализма — требует от тебя преданности общему делу, требует энтузиазма и усердия, непримиримости к старому и любви к новому миру» [3]. Этот процесс при-

[1] Buriánek F. O české literatuře našeho věku. Praha, 1972, s. 150.
[2] Buriánek F. Ohlednutí. Praha, 1978, s. 51.
[3] Ржезач В. Избранное. М., 1973, с. 551—552.

общения к «общему делу», процесс возникновения новых человеческих отношений, высшим выражением которых является социалистический гуманизм и интернационализм, классовая солидарность, и составляет главное содержание романов «Наступление» и «Битва». Этим они особенно выделялись среди других произведений, посвященных проблемам пограничного края и созданных до или одновременно с романами Ржезача («Дом на зеленом косогоре» и «Перешагнув порог» А. Седлмайеровой, «Земля настежь» Б. Ржиги, «Рука в руке» Г. Дворжаковой и др.).

Конечно, не все в романах «Наступление» и «Битва» удалось художнику в полную меру. Чешская критика указывала на некоторую внутреннюю скованность образа Багара, изолированность немецкого коммуниста Пальме. Однако для чешской литературы в тот момент гораздо важнее было само появление этих образов, активное стремление писателя привести в полное соответствие изображение исторических событий и характеров, показать героев участниками и творцами истории и вместе с тем раскрыть в каждом из них то живое, своеобразное, что делает человека личностью.

Знаменательно в этом отношении название одного из выступлений Ржезача — «Человек — главный объект литературы» (1946). «В последнее время,— говорил писатель,— я все чаще слышу вопрос, будет ли теперь литература заниматься частной жизнью или превратится главным образом в литературу политическую. Задающие такой вопрос, вероятно, имеют в виду, что литература прежде всего будет рассматривать человека как общественного деятеля, то есть носителя определенных политических идей, и его борьбу за осуществление этих идей. Но истина заключена не в расчленении этих сфер, а, напротив, в их синтезе». И еще: «Политическая теория занимается реальными предпосылками человеческого счастья, писатель должен искать отражение этого процесса во внутреннем мире человека, измерять всю сложность и глубину перемен во взаимоотношениях человека и общества, так как в будущем речь пойдет о личности более сложной, чем был отдельный индивидуум, замкнутый в самом себе и пожираемый узколичными интересами. Писателю придется быть своего рода зеркалом, которое стремится поймать меняющийся облик личности и сквозь нынешнее ее изображение увидеть будущий облик» [1].

На этом пути к постижению гармонической, духовно богатой и разносторонней личности строителя социалистического общества Вацлаву Ржезачу, по его собственному признанию, во многом помогал опыт советской литературы, опыт Горького, Н. Островского, А. Фадеева, М. Шолохова.

«Краем Вацлава Ржезача» называет чешский народ места, где живут и действуют герои романов «Наступление» и «Битва». Имя писателя присвоено площадям в Карловых Варах, в Чешских Будейовицах и Праге,

---

[1] Ржезач В. Избранное, с. 553, 554. (Перевод уточнен.— *Р. Ф.*)

а также библиотеке в Кадани, в которой устраиваются встречи деятелей литературы и культуры с широкими кругами читателей. Об этих встречах с большой теплотой вспоминает редактор и переводчик романа «Битва» на русский язык Тамара Аксель. Вместе с женой писателя — Эмой Ржезачовой — ей довелось побывать в каданьской библиотеке, беседовать с читателями и почитателями таланта Вацлава Ржезача, ознакомиться с памятным залом в Доме культуры в Перштейне-Поточной, в котором хранятся все издания произведений писателя, его рукописное наследие [1].

В Советском Союзе в переводе на русский язык роман «Наступление» был издан впервые в 1953 году, «Битва» — в 1956 году. Кроме того, роман «Наступление» вошел в книгу «Избранное» Вацлава Ржезача, опубликованную в 1973 году в серии «Библиотека литературы ЧССР».

Переводы сверены и уточнены по изданиям: Nástup. Praha, 1962; Bitva. Praha, 1954.

НАСТУПЛЕНИЕ

Стр. 21. *Африканский корпус* — четыре немецкие гитлеровские дивизии под командованием фельдмаршала Э. Роммеля, действовавшие в Северной Африке.

Стр. 24. *...на баррикаде в одной из пражских улиц.*— В ночь с 5 на 6 мая 1945 г. жители Праги поднялись на восстание против фашистских оккупантов. Было построено около 2000 баррикад.

...после Мюнхена...— Имеется в виду мюнхенское соглашение, заключенное премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, фашистским диктатором Германии А. Гитлером и фашистским диктатором Италии Б. Муссолини 29—30 сентября 1938 года. Предусматривало отторжение от Чехословакии Судетской области. Мюнхенское соглашение предопределило захват Германией всей Чехословакии (1939) и способствовало развязыванию второй мировой войны.

Стр. 26. *Легионер* — то есть участник добровольческих воинских формирований из военнопленных чехов и словаков, солдат австро-венгерской армии,— чехословацких легионов, выступавших на стороне Антанты (создавались на территории России, Франции, Италии) во время первой мировой войны.

Стр. 27. *Браник* — предместье Праги.

Панкрац — здесь: пражская тюрьма, в которой во время второй

---

[1] Sovětská literatura, 1978, č. 4, s. 179—184. (Аксель Т. Край Вацлава Ржезача.)

мировой войны томились борцы Сопротивления, чехословацкие коммунисты.

Стр. 30. *Маутхаузен* — фашистский концлагерь близ австрийского города Маутхаузен (1938—1945).

Стр. 33. *Берген-Бельзен* — гитлеровский концлагерь.

Стр. 34. *Пятнадцатое марта.*— 15 марта 1939 г. гитлеровские оккупационные войска вступили в Чехословакию.

Стр. 41. *Пограничье.*— См. преамбулу, с. 816.

Стр. 43. *Генлейновская партия* — фашистская Судето-немецкая партия, основанная в 1933 г. Конрадом Генлейном. Партия требовала присоединения судетских земель к фашистской Германии. В сентябре 1938 г. генлейновцы подняли вооруженный мятеж, который был подавлен, а партия распущена. После оккупации Чехословакии гитлеровской Германией генлейновцы вошли в национал-социалистическую партию Германии.

«Домой, в Германию!» — лозунг генлейновцев.

Стр. 44. *Красно-белый с синим клином* — чехословацкий государственный флаг.

Стр. 46. *Праотец Чех* — Чех, легендарный родоначальник чехов, брат Леха и Руса.

Стр. 51. *«С львиной силой»* — известная чешская патриотическая песня, призывающая к борьбе.

Стр. 65. *Революционная гвардия* — была создана в первые дни после освобождения Чехословакии в 1945 г. Подчиненная революционным профсоюзам, она взяла на себя охрану революционного порядка на местах, вылавливала и обезоруживала гитлеровцев и т. д.

Стр. 68. *Вервольфы* — в конце второй мировой войны диверсионные группы нацистов, действовавшие на территории освобожденных государств.

Стр. 75. *Фукс-майор* — воспитатель студентов первых курсов в немецких студенческих корпорациях.

Стр. 95. *Князь Вацлав* (907—935) — чешский князь из рода Пршемысловичей, ставший жертвой междоусобных распрей. Причислен католической церковью к лику святых. Считается патроном чешской земли.

Стр. 105. *...при первой республике...— «Первой»* республикой после 1938 г. стали называть Чехословакию периода с 28 октября 1918 г., когда была провозглашена независимая Чехословацкая республика, и до 29—30 сентября 1938 г., когда было подписано позорное мюнхенское соглашение. (*«Вторая»* республика — период с сентября 1938 г до 15 марта 1939 г., то есть до оккупации Чехословакии гитлеровцами.)

Кошицкая программа.— 5 апреля 1945 г. в словацком городе Кошице была принята разработанная Коммунистической партией Чехословакии Кошицкая правительственная программа первого правительства На-

ционального фронта чехов и словаков, формулировала основные задачи строительства народно-демократического государства.

Стр. 112. *«Красная помощь»* — «Международная красная помощь» (так называлась она в капиталистических странах) или МОПР — Международная организация помощи борцам революции. Созданная в 1922 г., она была призвана оказывать помощь жертвам белого террора, борцам против фашизма. Существовала до второй мировой войны, в СССР — до 1947 г.

Стр. 119. *Протекторат.*— После оккупации гитлеровскими войсками западной территории Чехословакии в марте 1939 г. она была объявлена «протекторатом Чехия и Моравия» во главе с гитлеровским «протектором», наделенным самыми широкими полномочиями.

Стр. 120. *Неруда* Ян (1834—1891) — выдающийся чешский поэт, прозаик, журналист, один из основоположников чешского реализма.

Стр. 121. *Пршемысловичи* — первая чешская княжеская и королевская династия, ведущая свое начало от легендарной фигуры Пршемысла Пахаря, правила с IX в.

Стр. 125. *Вторая республика.*— См. примеч. к с. 105.

Мы не провалим дела, как наши отцы в восемнадцатом и двадцатом годах.— В силу слабой организованности чехословацкого пролетариата, отсутствия подлинно революционной марксистской партии во вновь образованной в 1918 г. Чехословацкой республике власть в свои руки захватила буржуазия.

Стр. 128. *КНБ* — Корпус национальной безопасности, включающий организации общественной и государственной безопасности.

Стр. 129. *...нет крючков и черточек.*— Имеются в виду надстрочные знаки над буквами чешского алфавита, которых нет у немецких пишущих машинок.

Стр. 135. *Клема* — так чешские рабочие называли Клемента Готвальда.

Стр. 141. *...народ Масарика...*— Масарик Томаш (1850—1937) — президент Чехословакии (1918—1935), лидер чешской народной, затем прогрессистской (реалистической) партии, вдохновитель мятежа Чехословацкого корпуса (1918) в России. Буржуазная пропаганда всячески превозносила его значение.

Стр. 149. *Общинные советы* — прежнее общинное самоуправление на местах.

Стр. 174. *«Хорст Вессель»* — популярная среди нацистов песня шовинистического содержания.

Стр. 180. *Генлейновский мятеж.*— См. примеч. к с. 43.

Стр. 191. *Прутья Сватоплука.*— По преданию, чешский князь Сватоплук (IX в.), умирая, завещал сыновьям держаться вместе. Связку прутьев сломать нельзя, поучал он сыновей, а каждый прут в отдельности ломается легко. (Сюжет, встречающийся в легендах и у других славянских народов.)

Стр. 199. *Будители* — деятели культуры времени экономического и духовного подъема Чехии, получившего название национального возрождения (конец XVIII — середина XIX в.).

Стр. 200. *Почитайте Гавличка, его «Крещение святого Владимира».* — Гавличек-Боровский Карел (1821—1856) — чешский поэт-сатирик, публицист. Его поэма «Крещение святого Владимира» отличается резкой антиабсолютистской и антиклерикальной направленностью.

Жижка Ян (ок. 1360—1424) — национальный герой чешского народа, полководец. Участник Грюнвальдской битвы 1410 г. В 1420—1422 гг. отразил три крестовых похода феодально-католических сил. В одном из сражений потерял глаз.

Мы кричали: «Дайте нам оружие...» — 21 сентября 1938 г. буржуазное правительство Чехословакии во главе с М. Годжей по предложению Франции и Великобритании согласилось на требование Гитлера о передаче Германии пограничных чешских земель. На другой день оно вынуждено было уйти в отставку, так как трудящиеся массы ответили на это заявление демонстрацией протеста и забастовкой, требуя вооружить народ, чтобы с оружием в руках защитить свою родину от агрессора.

Стр. 201. *Град* — пражский кремль, резиденция президента республики.

...вышел генерал с черной повязкой на глазу. — Имеется в виду Я. Сыровы (1888—1971), глава чехословацкого правительства, принявший в сентябре 1938 г. мюнхенское соглашение.

Стр. 212. *...как при первой республике... они на нас плюнут в самые трудные дни.* — Осенью 1938 г. южные районы Словакии были присоединены к хортистской Венгрии, в марте 1939 г. Словакия была объявлена «самостоятельным» государством под «охраной» фашистской Германии и фактически стала ее сателлитом.

Стр. 225. *...после первой земельной реформы...* — Имеется в виду земельная реформа, проведенная после 1919 г. буржуазным правительством Чехословакии, по которой отчуждались владения свыше 150—250 га.

...оказалось в первой зоне — то есть на территории, которая по мюнхенскому соглашению 1938 г. отошла к гитлеровской Германии в первую очередь.

...в последний момент улетевших в Англию... — В Англии находилось временное эмиграционное чехословацкое правительство, созданное силами буржуазии в 1940 г. во главе с бывшим президентом Чехословакии (1935—5. X. 1938) Э. Бенешем.

Стр. 264. *Подписали они Кошицкую программу? Подписали. Так пусть выполняют ее вместе с нами.* — Кошицкая программа (см. примеч. к с. 105) включала, в частности, положения (подтвержденные в июле — августе 1945 г. решениями Потсдамской конференции) о выселении

с территории Чехословакии лиц немецкой национальности, сотрудничавших с фашистами, и о конфискации их имущества.

Стр. 268. *Чехословацкий корпус* — 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Л. Свободы (первоначально 1-й чехословацкий отдельный батальон, сформированный в феврале 1942 г. в Бузулуке, затем — бригада), сражавшийся вместе с советскими войсками против гитлеровских войск. После освобождения Чехословакии стал основой для создания вооруженных сил новой Чехословакии.

Стр. 302. *...семнадцатое ноября тридцать девятого года, июнь сорок второго...* — 15 ноября 1939 г., в день похорон убитого оккупантами чешского студента Яна Оплетала, в Праге состоялась студенческая манифестация. В ответ гитлеровские власти 17 ноября арестовали более тысячи студентов, девять человек было расстреляно, многие отправлены в концлагеря. В тот же день был издан указ о закрытии всех чешских высших учебных заведений. В июне 1942 года, после убийства в Праге чешскими патриотами гитлеровского протектора Р. Гейдриха, фашисты сожгли чешскую деревню Лидице, все мужское население которой было расстреляно, а дети и женщины уничтожены в газовых камерах или увезены в Германию. Та же участь постигла деревню Лежаки. В стране начался террор — гейдрихиада,— во время которого погибли сотни людей.

Стр. 303. *Дворец Печека* — здание в центре Праги, где до войны помещался банк Печека, одного из крупнейших чешских капиталистов. Во время войны в нем было гестапо и печально известная «четырехсотка», отделение по борьбе с коммунистами, о котором писал в своем «Репортаже с петлей на шее» Юлиус Фучик.

Стр. 341. *...лейтенант наших войск, которые пришли с западными армиями.* — Имеются в виду добровольческие чехословацкие части, сформированные на территории союзников, в частности в Англии, сражавшиеся против гитлеровских войск.

БИТВА

Стр. 362. *...сражался в Праге на баррикадах...* — См. примеч. к с. 24.

...наше благоразумие в 1938 году... — Правительства Франции и Англии, буржуазная пропаганда призывали Чехословакию к «благоразумию», то есть «благоразумно» удовлетворить притязания гитлеровской Германии на северные области Чехословакии и не пытаться оказать вооруженное сопротивление.

Стр. 377. *«Влайкары»* — члены чешской профашистской органиа-

ции «Влайка» («Флаг»), возникшей в канун гитлеровской оккупации Чехословакии; издавали одноименный журнал.

Стр. 383. *Протектор.*— См. примеч. к с. 119.

Стр. 389. *«Революционные гвардейцы».*— См. примеч. к с. 65.

Стр. 390. *Нусле, Коширже* — районы в Праге.

Стр. 393. *Первая земельная реформа.*— Имеется в виду декрет от 21 июня 1945 г., по которому для каждого землевладельца устанавливался надел от 8 до 12 га, для многочисленных семей — до 13 га.

Стр. 394. *РНК* — районный национальный комитет, орган местного самоуправления в Чехословакии.

Стр. 395. *Выборы 1946 года.*— Речь идет о первых всеобщих послевоенных выборах в Национальное собрание, в результате которых, несмотря на изощренную буржуазную пропаганду, коммунистическая партия получила 114 мандатов из 300; Э. Бенеш был избран президентом, К. Готвальд — председателем правительства.

Стр. 396. *Двухлетка* — двухлетний план (1947—1948), первый план развития и восстановления хозяйства Чехословакии до довоенного уровня. Двухлетка создала предпосылки для перестройки экономики страны в первую пятилетку (1949—1953).

Народный дом — здание ЦК Чехословацкой социал-демократической партии и ее печатных органов; в декабре 1920 г. Народный дом был разгромлен полицией и незаконно передан отколовшимся от партии правым оппортунистам. В ответ на это в стране была объявлена всеобщая забастовка.

Святые на Карловом мосту.— Один из древнейших каменных мостов в Европе, Карлов мост в Праге (XIV в.) украшен статуями святых.

Стр. 399. *...случай в Варнсдорфе...*— Имеется в виду забастовка 10 тысяч рабочих текстильной фабрики в Варнсдорфе весной 1947 г., выступивших против возвращения конфискованной фабрики прежним владельцам. Требование рабочих было удовлетворено.

Стр. 405. *...во время восстания...*— Имеется в виду антифашистское освободительное Словацкое национальное восстание 29 августа — 27 октября 1944 г., охватившее северную и восточную Словакию; центром восстания был город Банска Быстрица.

Стр. 407. *Национальная социалистическая партия* — до 1948 г. мелкобуржуазная Чехословацкая национально-социалистическая партия; после 1948 г. реорганизована в Чехословацкую социалистическую партию, которая входит в Национальный фронт, объединяющий все политические и общественные организации Чехословакии.

Стр. 416. *МНК* — местный национальный комитет.

Стр. 418. *Моровой столб* — такие колонны возводились в память избавления от чумы.

Стр. 422. *Хьюлетт Джонсон* (1874—1966) — настоятель Кентерберийского собора в Великобритании, с 1948 г. возглавлял Общество англо-

советской дружбы, в 1950 г. избран членом Всемирного Совета Мира. Лауреат международной Ленинской премии (1951).

Т.-С. Элиот — Элиот Томас Стернз (1888—1965), англо-американский поэт, драматург, эссеист, мэтр «бунтующего» модернизма 20-х годов; в поэмах «Бесплодная земля» (1922) и «Полые люди» (1925) — мотивы исчерпанности созидательной энергии человечества. Лауреат Нобелевской премии (1948).

Стр. 431. *...участвовал в воздушных боях за Лондон...* — то есть в составе добровольческих чехословацких соединений, воевавших на стороне союзников.

Стр. 442. *...советские танки... через перевалы Рудных гор, идут освобождать восставшую Прагу...* — 5 мая 1945 г. повстанческое радио Праги обратилось с просьбой о помощи к союзным войскам. Танковые части Красной Армии под командованием маршала Конева, генералов армии Рыбалко и Лелюшенко с боями пробились к Праге, где повстанцы вели бои с частями эсэсовской армии Шернера, и 9 мая освободили ее.

Стр. 443. *Первая республика.*— См. примеч. к с. 105.

Стр. 448. *«Баухауз»* — высшая школа строительства и художественного конструирования, основанная в 1919 г. в Веймаре (Германия), затем (в 1925 г.) переведена в Дессау, в 1933 г. упразднена фашистами. Разрабатывала принципы современного формообразования в архитектуре и дизайне, формирования материально-бытовой среды средствами пластического искусства.

Стр. 473. *Яношик* Юрай (1688—1713) — словацкий легендарный герой, благородный разбойник, мститель за угнетенных крестьян. По приговору липтовского суда повешен за ребро. Герой словацкого и польского фольклора.

Стр. 474. *Пльзень, Хеб* — в этих чешских городах в 1945 г. некоторое время находились американские союзнические военные формирования.

Стр. 482. *Бог из машины* — в античном театре появление с помощью машины на сцене бога, который своим вмешательством приводит пьесу к развязке, здесь — чудесный неожиданный избавитель.

Стр. 493. *Волькер* Иржи (1900—1924) — чешский пролетарский поэт, один из зачинателей революционной социалистической литературы Чехословакии.

Стр. 495. *...надстрочные знаки проставлены от руки.*— То есть текст был напечатан на немецкой машинке, где этих знаков, свойственных чешскому алфавиту, не было.

Стр. 497. *Валашская.*— Имеется в виду «валашская» этническая группа — валахи,— сложившаяся на востоке Моравии (моравские валахи); название свое они получили от выходцев из Валахии — исторической области в Румынии.

Стр. 505. *Заводская милиция* — вооруженные рабочие и другие за-

водские работники; отряды рабочей народной милиции создавались в бурные февральские дни 1948 г., когда чехословацкая буржуазия пыталась осуществить контрреволюционный переворот. Народная милиция призвана была помогать Корпусу национальной безопасности охранять фабрики, заводы, учреждения и предотвращать акты саботажа.

Стр. 506. *«Соколы»* — члены массовой спортивной организации, созданной в Праге в 1862 г. по инициативе прогрессивного педагога и просветителя Мирослава Тырша. В годы чехословацкой буржуазной республики сокольское движение, финансируемое разного рода буржуазными партиями, вылилось в откровенного охранителя капиталистических порядков.

Стр. 578. *Гуситы* — участники революционного движения, борьбы чешского (и частично словацкого) народа первой половины XV в. против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья.

Стр. 580. *Батрак-депутатник* — наемный работник в буржуазной Чехословакии, получавший плату натурой.

Стр. 584. *Повезло, как мужикам из Хлумца...*— В 1775 г. под Хлумцем-над-Цидлиной были разбиты крестьянские повстанцы.

Стр. 595. *...о битве под Белой Церковью...*— В освободительных боях за Белую Церковь в конце декабря 1943 — январе 1944 г. участвовала 1-я Чехословацкая бригада под командованием генерала Людвика Свободы (1895—1979).

Стр. 603. *Бидермейер* — направление в немецком и австрийском искусстве начала и середины XIX в., отличавшееся вниманием к интимности интерьера, вычурным украшениям предметов быта, мебели. Было характерно для сентиментально-мещанского стиля жизни и духовной культуры Германии, Австрии и Чехии того времени.

Стр. 609. *Кошицкая программа.*— См. примеч. к с. 105.

Стр. 614. *...военнослужащий восточной армии* — то есть 1-го Чехословацкого корпуса (см. примеч. к с. 268).

Стр. 638. *«Красная помощь».*— См. примеч. к с. 112.

Стр. 700. *ЮНРРА* — «Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций» («United Nations Relief and Rehabilitation Administration»), международная организация, созданная в ходе второй мировой войны государствами — участниками антигитлеровской коалиции с целью оказания помощи населению стран, освобожденных от немецко-фашистской и японской оккупации. Договор о создании ЮНРРА был подписан в ноябре 1943 г. в Вашингтоне представителями 44 государств, в том числе Советским Союзом. Просуществовала до 1947 г.

Стр. 702. *«Малый закон».*— По-видимому, автор имеет в виду закон от 19 мая 1945 г., передававший в ведение государства имущество немцев, венгров, а также лиц чешской и словацкой национальности, сотрудничавших с оккупантами.

Стр. 716. *...отец... любитель истории, предложил имя Дагмар...*—

Дагмар (1186—1213) — дочь чешского короля Пршемысла Отакара I, ставшая датской королевой, супругой Вальдемара II Победоносного.

Стр. 719. *...пророчествуешь почище слепого юноши...* — Среди старинных чешских преданий есть предание о слепом юноше, якобы предсказавшем королю Карлу IV будущее Чешского королевства. В литературной обработке писателя Алоиса Ирасека предание вошло в его «Старинные чешские сказания».

Стр. 786. *Антонин Запотоцкий* (1884—1957) — деятель чехословацкого и международного коммунистического движения, в 1948—1953 гг. председатель правительства, а с 1953 г. президент Чехословакии.

Стр. 812. *Зденек Неедлы* (1878—1962) — чехословацкий ученый и общественный деятель, первый президент Чехословацкой АН (с 1952 г.).

Р. Филипчикова

СОДЕРЖАНИЕ

БИТВА

Роман

Перевод Т. Аксель

15

Ржезач В.

Р48 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Наступление; Битва: Романы: Пер. с чеш./Сост. И. Ивановой, В. Мартемьяновой; Предисл. И. Бернштейн; Примеч. Р. Филипчиковой.— М.: Худож. лит., 1987.— 831 с., портр.

В первый том Собрания сочинений чешского писателя Вацлава Ржезача (1901—1956), народного художника, лауреата Государственной премии ЧССР, вошли романы «Наступление» (1951) и «Битва» (1954), повествующие о напряженной обстановке в стране, которая сложилась в первые месяцы после освобождения, когда чехословацкий народ закладывал основы народно-демократического строя, и запечатлевшие драматические эпизоды общественной борьбы против активного наступления реакции в 1947 году.

Р $\frac{4703000000-205}{028(01)-87}$ подписное ББК 84.4Че

ВАЦЛАВ РЖЕЗАЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 3-х ТОМАХ

Том 1

Редактор *И. Иванова*

Художественный редактор *Т. Самигулин*

Технический редактор *Е. Ионова*

Корректоры *Н. Замятина и Т. Сидорова*

ИБ № 4784

Сдано в набор 23.07.86. Подписано в печать 10.02.87. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 43,68+1 вкл.=43,73. Усл. кр.-отт. 43,73. Уч.-изд. л. 48,77+1 вкл.=48,81. Тираж 100 000 экз. Изд. № V-2217. Заказ № 499. Цена 4р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15